ГРАФЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ

и

РАЗДѢЛЪ ТУРЦІИ

ИЗЪ ИСТОРІИ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА

ВОЙНА ПЯТИ ЛѢТЪ (1735—1739)

„Ему-же честь честь“

—

„Сія пустынная страна
Всегда священна“...

АЛ. КОЧУБИНСКАГО
заслуженнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета

ОДЕССА
Тип. Штаба Одесск. воен. Округа. Тираспольская ул., д. № 14
1899

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *Ѳ. Н. Шведовъ.*

(LXXIV т. «Зап. И. Н. Ун.»).

СОДЕРЖАНІЕ.

3. (24). Польское наслѣдство и Порта. Боневаль Угроза отъ Неплюева «марсовымъ жребіемъ». Помощникъ—А. А. Вѣшняковъ. Жалобы Порты, армянскіе добровольцы. Неудачи съ Персіей и сентябрьская революція, при наускиваньяхъ Вильнева. «Вопли» улицы и опасеніе «легкомысленной резолюціи» — войны съ Россіей. Ханъ. Саидъ въ Россію на вывѣдки. Совѣты Неплюева. Революція въ мартѣ 1731 г. и картинки общаго разслабленія Турціи, внутри и внѣ, въ согласномъ представленіи Неплюева и Вѣшнякова

4. (38). Напряженная дѣятельность Вильнева, «плетни, подощренія». Успѣхъ въ Персіи. Вильневъ, Боневаль и Ракоци: ихъ надежды, «воздушные кастели». Взглядъ Неплюева на «внушенія» Вильнева. Продолженіе плетней: мазепинцы, Орликъ-Гакъ, ковъ папежскій. Новые кастели. Посылка Саида въ Швецію и польскій вопросъ: польскія жалобы по Курляндіи, на русскіе захваты. Ораторъ Сѣраковскій въ концѣ 1732 г. на Босфорѣ.

5. (47). Открытіе польскаго наслѣдства Франція и сосѣди Польши: охрана вольностей. Трудная задача Неплюева, его совѣты. Убыль кредита «внушителей»: Вильнева и др. Смерть Августа II. Безпомощность Порты; еписк. Липскій въ Петербургѣ. Партіи Ляса и Саса. Неугомонность Вильнева: вопросъ о Кабардѣ. Угроза и прерваніе практики у Неплюева. Его опасенія. Вмѣшательство Порты въ польскій вопросъ. Тревога Остермана: «не налегать». Угроза «крѣпкихъ предложеній». Открытіе практики и «поношенія» въ виду «викторіи» у св. Креста. Успѣхъ въ Персіи, но «мирная» конференція 19 іюля о Польшѣ. Требованіе Неплюева мстить за «викторію», укротить. Новыя наущенія Вильнева. Дерзкое домогательство Порты о пропускѣ татаръ въ Шемаху. Усиленная агитація Вильнева на войну — «привести Россію въ состояніе прежде времени Петра», и совѣтъ-отвѣтъ Неплюева: «отмщенія искать». Неудачи въ Персіи и убыль мечтаній. Время расправы съ татарами.

6. (63). Избраніе Лещинскаго и бѣгство его въ Гданскъ Августъ III. Обращеніе Станислава къ Портѣ и новыя усилія Вильнева погнать ее на войну. Война «при дверехъ». Совѣты Неплюева—не ждать, а аттаковать Персія и смятеніе Порты. Открытіе дальнихъ плановъ Вильнева: раздѣлъ Россіи, революція внутри. Новыя стращанія Россіей, и отвѣтъ Неплюева на «мечтательныя идеи» — смирять турка.

7. (71). 1734 г. Совѣты Вильнева о Персіи. Орликъ и Запорожье. Планъ войны Боневаля. Старый совѣтъ

Неплюева — «въ резонъ привести». Швеція, Ракоци. Русскіе въ Подоліи и переполохъ Порты: ея условія отъ Россіи по польскому вопросу. Взглядъ Неплюева. О новой инструкціи, на «случай». Французскій «фуроръ». Опасеніе войны «безъ декляраціи». Взятіе Данцига Минихомъ. Впечатлѣніе на Босфорѣ — альянцъ съ Франціей Война впереди. Зачѣмъ ждать? Опять о медіаціи. Требованіе отъ Австріи «исправленія» или и безъ нея, но не упустить рѣдкаго момента.

8. (87). Вѣшняковъ замѣщаетъ больнаго Неплюева въ началѣ 1735 г., но оба въ одно: воевать, пока «въ напастяхъ по уши», и осуществить намѣреніе Петра Вел. Отвѣтъ Остермана — рано, не налегать — Польша еще, ждать разрыва отъ Порты. Шаги Франціи въ Петербургѣ и расчеты Остермана отъ вскрытія «обманныхъ поступковъ». Мѣры съ обѣихъ сторонъ къ войнѣ. Умиреніе «духовъ» въ Польшѣ: Минихъ давитъ станиславцевъ. Скромныя надежды Неплюева на войну къ концу 1734 г. «Отчаянное» положеніе Турціи; «бѣдные христіане»; метаніе Порты за союзами, безденежье, отсутствіе «марціальнаго духа», одинъ «дезордеръ». Моментъ — для «освобожденія христіанъ». Рѣзкое охлажденіе отъ Остермана — выговоръ Вѣшнякову за вмѣшательство въ дѣла.

9. (100). Новое вѣяніе съ Сѣвера. Трактатъ съ Персіей и расчеты Остермана — еще болѣе «увязить» Порту. Ракоци. Сманка Боневаля. Изумленіе Порты отъ трактата съ Персіей. «Тайныя сборища» и дерзкая резолюція: крымскій ханъ къ Каспію. Минута «крайнихъ ремедій». Живой обмѣнъ мыслей между Неплюевымъ и Остерманомъ: за Днѣстръ, въ Молдавію. Согласное мнѣніе Вѣшнякова. Протестъ 13 мая, съ «повышеннымъ тономъ». Отвѣтъ—напоминаніе о Прутѣ. Увѣренность въ войнѣ.

10. (110). Рѣшеніе въ Петербургѣ 16 іюня 1735 г.: пока война противъ хана, усыпленіе Порты, первыя мѣры. Наставленіе отъ Остермана. Европейскія отношенія противъ Порты (Франція, цесарь, Швеція). Приготовленіе нашихъ резидентовъ въ Едикулъ.

11. (114). Неудачи въ Персіи «Анархическое смятеніе» на Босфорѣ и повтореніе старыхъ призывовъ. Конецъ миссіи Неплюева и отъѣздъ въ Россію. Подъемъ духа у турокъ, озлобленіе. Опасенія Вѣшнякова о простой «негоціаціи» — подновленіи Прутскаго трактата.

12. (123). Неплюевъ въ Петербургѣ и осеннее движеніе на Кубань и въ Крымъ. Увѣренность наша въ успѣхѣ. Минихъ и Ласи. «Великая констернація» Порты и запросъ Вѣшнякову. Приготовленія Порты. Совѣтъ Вѣшнякова — быстро: гибель Крыма — гибель и Стамбула.

7. (249). Разрѣшеніе колебаній Карла VI: виды на докончаніе программы Евгенія Савойскаго и пропаганда. Начало XVIII в. въ Польшѣ и Австріи: Унія. Мѣры прозелитизма. Фанатизмъ Вѣны. Исканіе денегъ и тайкомъ австрійскій дѣлежъ Турціи. Предсказанія. Die neue Europ. Fama. Вербовка. Весна 1737 г. Медленность. Армія изъ сербскаго Бѣлграда прямо на Константинополь.

8. (259). Манифестъ Карла VI: объясненіе причинъ войны и обоснованіе участія.

9. (261). Три арміи. Видинъ и Нишъ. Паракинъ и отряды къ Карановцу, Ужицѣ. Сдача Ниша. Надежды. Поднятіе болгаръ, сербовъ патр. Черноевичя. Ликующая Вѣна. Слабые успѣхи въ другихъ мѣстахъ. Поворотъ отъ босфорской дороги на Видинъ. Дѣйствія ген. Валиса и манифестъ къ населенію Валахіи и Молдавіи о подданствѣ. Букарештъ и мелкія стычки. Полная неудача въ Босніи. Ужасъ въ Вѣнѣ. Притязательность союзника на конгресѣ и «разнствія» въ вопросѣ о Турціи.

10. (274). Немировъ и Пожаревацъ. Взаимное недовѣріе членовъ «Свящ. Союза» и раздраженіе. «Опыты о раздѣленіи» отъ турокъ. Улучшеніе положенія турокъ. Вильневъ и будущія надежды на «подходящій миръ».

11. (277). Церемоніи на конгресѣ. Высокомѣріе Остейна. Требованіе о прямой пересылкѣ. Намѣренная недостаточность полномочій у турокъ. Пріостановка конгреса.

12. (281). Противурѣчивыя извѣстія о Минихѣ. Хитрости его. Письмо къ госп. Гикѣ. Планы визиря. Спокойство Остермана: «сукцесы» Ласи. Тревога въ Немировѣ: отступленіе Ласи давно. Переполохъ австрійцевъ: иное мѣсто для конгреса.

13. (285). Рескриптъ о «сепаратномъ» мирѣ, 3 авг. Союзникъ битъ, конгресъ ни къ чему. Препорученіе тайнаго «канала».

14. (289). Угрозы отъ турокъ разрывомъ. Вынужденное открытіе конференцій. Трудность вопроса о Молдавіи и Валахіи. Предъявленіе 5 пунктовъ изъ умаленныхъ кондицій. Возраженія: съ кротостью нашимъ, съ шумомъ австрійцамъ. «Злючесть» австрійцевъ по вопросу о Молдавіи и Валахіи: протестъ. Тоже о Крымѣ. Австрійскія условія для насъ: Азовъ и Очаковъ. «Дружескій разговоръ» о Крымѣ.

15. (294). Остерманъ и конференціи: турки на миръ, тормазъ — союзникъ. Настоянія его на «частной практикѣ». Негодованіе на Остейна, съ объясненіемъ нашихъ видовъ о Молдавіи и Валахіи: «отъ турецкаго ига отрываемъ». Отложеніе вопроса о господарствахъ на время.

16. (297). Наши военныя дѣйствія и необходимость убавки кондицій. 3 пункта. Возраженіе на нихъ турокъ. Австрійскія требованія и отвѣтъ въ «сильныхъ экспресіяхъ». Отсрочка на 40 дней, посылка за новыми инструкціями, въ виду «новыхъ окрестностей». Частно о турец. условіяхъ: возвратъ Очакова, разореніе Азова и барьерой —пустыня.

17. (301). Въ Петербургѣ: все надежда, но не на конгресъ, а на частную практику. Рескриптъ 31 авг. — къ «послѣднимъ кондиціямъ», нѣтъ «дальнихъ намѣреній».

18. (305). «Свой миръ». Посылка переводчика и визитъ Волынскаго. Бесѣда въ саду: одинъ-де цесарь несносенъ, онъ лишній. Бесѣда съ Остейномъ о турецкихъ нареканіяхъ. Продолженіе частной практики и убѣжденіе въ ея безполезности.

19. (308) Напротивъ, Остерманъ за учащеніе практики, лишь бы «свой миръ», но безъ разрыва альянца. Рескриптъ 12 сент.: плохое «цесарское состояніе»; Россія — медіаторъ. Упрямые расчеты Остейна на Молдавію и Валахію въ послѣднюю минуту.

20. (314). Операціи австрійцевъ. Очищеніе Молдавіи и Валахіи. Въ Боснѣ отступленіе за Саву. «Устремленіе» къ Видину: болѣзни, безпорядки, отступленіе къ Оршовѣ. Наступленіе турокъ на ген. Секендорфа. Бѣгство сербовъ и осенняя картина. Ген. Доксатъ и Нишъ. Неудачи и конгресъ. Что впереди?

21. (321) Самодовольство турокъ: похвальба ссорою. «Практика» отъ турокъ, проэктъ ихъ условій. Злоба ихъ на Австрію. «Послѣднія повелѣнія» изъ Вѣны, скрытничаніе. Недоумѣніе отъ «ультимата» и опасенія. Просьба нашихъ придержать объявленіе. Суровый отвѣтъ Остейна. «Грубый» отвѣтъ турокъ австрійцамъ: ни пяди земли, не то что Валахію. Кара по заслугѣ. «Практика» ни къ чему.

22. (327) Остерманъ все при надеждѣ, раздраженіе на Австрію. Новый, номинальный союзникъ, Польша, и угроза разрывомъ альянца (срокъ). Изъятіе вопроса о Молдавіи и Валахіи, но продолжать конгресъ и безъ австрійцевъ.

23. (330). Детальная критика Остермана «малыхъ» кондицій союзника: неприличны. Возраженіе противъ Остейна о «намѣреніяхъ»: истинный «омбражъ» для Европы—у Ниша, но совѣтъ «ободрять» союзника: планъ кампаніи на 1738 г.

24. (335). Возвратъ драгомана Гики. Визирь и кондиціи: непріемлемы. Турецкія условія — все старыя. Вы-

цевъ, турки въ Венгріи и движеніе массы. Цесарь безъ арміи. Судъ надъ Секендорфомъ. Усиленіе чумы.

34. (369) Планъ операцій на 1738 г.: Минихъ за Днѣстръ, за «вершительной акціей», съ освобожденіемъ Молдавіи; австрійцы — къ Видину. Казнь ген. Доксата. Пришибленность Вѣны; безденежье. Иное на Босфорѣ.- Боневаль. Расчеты на Очаковъ и революцію въ Венгріи. Манифестъ Ракоци изъ Видина.

35. (374). Минихъ на югѣ въ февралѣ. Вѣсти изъ-за Днѣстра объ «обращеніяхъ», переписка съ Неплюевымъ. Роспускъ фальшивыхъ слуховъ чрезъ поляковъ. «Умножительная переписка» съ за-Днѣстромъ и съ «мултянскими господами» чрезъ Абазу, съ обѣщаніемъ «свобожденія», по Инструкціи 14 іюня. О складахъ по Днѣстру. Заподозрѣніе главнаго агента, Лупула въ Кишиневѣ. Генеральное рандеву и помѣха: опять бессарабская медіація Гики.

36. (379). Вопросъ о мирѣ въ Парижѣ. Недовольство вмѣшательствомъ Ягъи-паши. «Злостныя продѣлки» изъ Вѣны. Флери Вильневу въ апрѣлѣ: о необходимости мира для турокъ, вести переговоры и въ лагерѣ. Остерманъ о «продѣлкахъ», съ повтореніемъ мыслей меморіи 14 ноября и разъясненіемъ невиннаго вмѣшательства Ягъи. Отвѣтъ Флери, съ обѣленіемъ Вильнева.

37. (383). Поруч. Репнинскій на Босфорѣ съ письмами къ визирю и Вильневу. Повтореніе старыхъ увѣреній и немировскихъ «умѣренныхъ кондицій». Прелиминары для Вильнева: условный возвратъ Очакова; полномочія Миниху. Причина таинственности посылки. Задержка Репнинскаго въ Яссахъ. Поздняя доставка его депешъ. Визирь безъ отвѣта сопосредникамъ, неопредѣленный отвѣтъ Вильневу. Спѣсивость турокъ отъ союза съ Швеціей. Разочарованіе Остермана отъ посылки въ «критическое время». Планы турокъ. Правота Миниха.

38. (390). Задержанное движеніе арміи чрезъ Степь къ Днѣстру. Безпорядки на маршѣ. Битва за Кодымой. Ужасъ въ Бессарабіи: въ войскахъ, среди татаръ Буджака, Аккермана. Депутація изъ Валахіи на пути о русскомъ отрядѣ-кадрѣ. Сдержанный отвѣтъ ей Миниха.

39. (395). Увѣренность въ Петербургѣ. Минихъ и сманка Боневаля. Татаре впереди Днѣстра. Добрыя вѣсти отъ Ласи. Новое вмѣшательство Гики. Увѣренность Миниха въ разносѣ турокъ за Днѣстромъ. Недовольство боярами Молдавіи. Побѣги изъ арміи.

40. (400). Отвѣтъ изъ Вѣны на манифестъ Ракоци. Папская анаѳема. Надежды и разочарованіе. Паденіе Ужицы, Ягодины, Мехадіи, осада Оршовы, турки у Те-

мешвара и Бѣлграда. Поднятіе крестьянъ (сербовъ и румынъ) въ Банатѣ и Трансильваніи. Позднее движеніе ген. Кенигсека. Пораженіе турокъ у Корни — «немалая викторія». Ликованіе Вѣны и радость въ Петербургѣ.

41. (404). Движеніе Миниха отъ Саврани къ Днѣстру. Природа края. Неудача въ выборѣ мѣста для переправы черезъ Днѣстръ.

42. (406). Схватка съ татарами. Нежданное открытіе турецкаго лагеря. Реляція Миниха. Вопросъ о переправѣ. Надежды чеховъ: «Счастливая акція» 29 іюля и лагерь брошенъ. Тяжелое отступленіе къ Каменкѣ: зной, безводіе, бездорожіе. Уменьшеніе обоза и артиллеріи.

43. (411) Поворотъ отъ Каменки на старую дорогу къ Саврани, преслѣдованіе отъ татаръ. Невѣріе турокъ своимъ успѣхамъ. Остатки арміи Миниха въ Кіевѣ. Грустный финалъ. Осторожное отношеніе Флери, безъ обиняковъ Рондо. Злорадство Остейна. Прикрытіе неуспѣховъ у Остермана. Неуспѣхи и у Ласи и то же отношеніе.

44. (415). Паническое бѣгство австрійцевъ отъ Дуная. Турки и крестьяне вмѣстѣ въ Банатѣ, Трансильваніи за работой. Сербія. Паденіе Оршовы и бѣгство австрійцевъ къ Бѣлграду. Чума и турки. Спасеніе Бѣлграда — переговоры о мирѣ.

45. (4.7). Тупое оцѣпенѣніе въ Вѣнѣ. Негодованіе на вождей. Герцогъ Лотарингскій съ полномочіями въ Бѣлградъ и обратно ни съ чѣмъ. Особая ненависть къ нему столицы. Картины Вѣны. Смерть одного Ракоци и появленіе другаго. Безденежье, бѣдствія въ провинціи, движеніе крестьянъ въ Чехіи. Раздраженіе въ Петербургѣ на союзника. Сознаніе необходимости мира.

46. (422). Трудное положеніе Остермана выйти «Крайняя нужда»: бѣгство, ропотъ; опасное неудовольствіе въ Малороссіи (польскіе календари); безденежье; запущеніе хозяйствъ.

47. (425). Давно Порта въ принципѣ за миръ. Двойные переговоры: Вильневъ и госп. Гика. Пересылка Миниха съ визиремъ, въ отвѣтъ на майское обращеніе. Гонецъ Вильнева къ Миниху, упредить приближеніе къ Днѣстру. Радость Вильнева отъ неудачъ, отъ «сокращенія могущества москвитянъ».

48. (428). Возвратъ въ сентябрѣ Репнинскаго, съ отвѣтомъ: старая теорія барьеры. Рѣшительная мѣра съ Очаковомъ: взорвать. Впечатлѣніе отъ этой мѣры на визиря и Неплюева. Слабое успокоеніе Неплюева Минихомъ — запорожцы.

49. (432). Остерманъ съ достоинствомъ визирю и Вильневу 14 сентября: визирю—критика турецкой теоріи барьеры; Вильневу—повтореніе кондицій: одинъ Азовъ, съ своеобразнымъ изложеніемъ послѣднихъ событій. Вторичная отправка Репнинскаго.

50. (435). Репнинскій съ «важною экспедиціей» въ Яссахъ. Попытка къ задержанію. Протестъ и гонецъ далѣе.

51. (436). Остерманъ къ Флери 19/30 сент. — уломить и согласить Порту на кондиціи. Отвѣтъ Флери: поздновато, но съ просьбой—точно опредѣлить мѣру полномочій Вильневу.

52. (438). Вильневъ—единственный полномочный медіаторъ отъ цесаря. Оскорбленіе морскихъ державъ и пріостановка ихъ медіаціи. Франція у своей цѣли и тогда же подвигаетъ Швецію на Россію. Вскрытіе «важныхъ замысловъ» предъ Остерманомъ.

53. (439). Порта и переговоры помимо Вильнева. Посланецъ госп. Гики въ Кіевѣ. Письмо и словесное заявленіе. Отвѣтъ Миниха и письмо отъ Неплюева: кондиціи извѣстны. Изумленіе Вильнева въ виду этого шага Порты.

54. (444). Репнинскій въ Адріанополѣ и его смерть. «Важная экспедиція» у Вильнева. Раздраженіе турокъ изъ-за судьбы Очакова. Согласіе на конференціи. Надменность турокъ, ихъ условія. Отсрочка конференцій и посылка за новыми полномочіями. Одобреніе дѣйствій Вильнева отъ Остермана и жалоба къ Флери. Мирное теченіе на Босфорѣ: новый визирь. Недовольство русскимъ отвѣтомъ: Азовъ въ старой силѣ; еще бо́льшее—австрійскимъ. Новая посылка гонцевъ отъ Вильнева въ Вѣну и Кіевъ, въ началѣ кампаніи, объ уступкѣ. Ранніе слухи о движеніи русскихъ къ Днѣстру. Безпокойство отъ этого Флери, Остермана отъ переговоровъ Швеціи и Турціи Забота Флери.

55. (452). Приготовленія въ Австріи. Требованіе русскаго корпуса и отказъ. Раздраженіе въ Петербургѣ на союзника до нежеланія новой кампаніи. Съ трудомъ уступка и планъ дѣйствій: на Днѣстръ чрезъ Польшу. Спѣшность приготовленій. Майская конвенція.

56. (455). Увертюра кампаніи: зимнее нападеніе татаръ на Украину и усмиреніе возставшихъ крестьянъ австрійцами у себя.

57. (458). Надежды Вѣны на сочувствіе «христіанъ» и «добрыя вѣдомости».

58. (459). Ген. Валисъ и отстраненіе герцога Лотарингскаго. Быстро къ Виддину. Гроцка и открытіе турокъ. Страшная битва и австрійцы на-голову. Ликованіе турокъ. Отступленіе Валиса и оставленіе Бѣлграда. Осада крѣпости. Паническій страхъ и предложеніе Валиса — уступить Бѣлградъ.

59. (464). Общая растерянность въ Вѣнѣ. Полномочія Валису на миръ. Требованіе сдачи Бѣлграда и условія турокъ. Лишеніе Валиса полномочій и передача ихъ гр. Нейпергу. Съ тайнымъ наказомъ отъ Маріи-Терезіи, Нейпергъ прямо изъ Вѣны къ визирю. Вызовъ Вильнева и открытіе переговоровъ. Положеніе Бѣлграда, новый комендантъ и новыя мѣры. Вспышка рѣшимости у старика Валиса, но опоздавшая.

60. (468). Минихъ изъ Кіева на верхній Днѣстръ. Все въ тайнѣ. Шляхта. Предположенія о Минихѣ на Босфорѣ. Каннистъ въ Сорокахъ и Балинцахъ. Переполохъ у турокъ въ Хотинѣ и Бендерахъ. Сообщенія туда отъ Потоцкаго. Раздѣленіе арміи и Минихъ на-легкѣ чрезъ нын. Галицію къ Днѣстру. Свободная переправа у Синкова. Радость Миниха. Опустошеніе Буковины. Первая кровавая встрѣча съ турками. Томительное ожиданіе главныхъ силъ Румянцева. Ропотъ войска. Движеніе къ Хотину.

61. (473). Трудность марша. Присоединеніе молдав. войскъ, волоховъ. Жуланецъ и открытіе тур. лагеря. Битва у Ставчанъ. Бѣгство турокъ во всѣ стороны. Сдача Хотина и его разграбленіе. Въ Петербургѣ—внѣшніе знаки радости. Впечатлѣніе отъ Ставчанъ въ Прагѣ, среди подольской шляхты, у волоховъ и на Босфорѣ.

62. (480). Первые, скромные виды Миниха и отмѣна ихъ: въ виду — «свобожденіе» Молдавіи и Валахіи; въ итогѣ — тяжелый эпизодъ. Универсалъ Миниха къ населенію Молдавіи и маршъ къ Яссамъ. Переходъ Прута у Стефанештъ. Фортъ Св. Іоанна. Лагерь у Яссъ. Депутаты и бѣгство госп. Гики. Встрѣча отъ чиновъ предъ Яссами. Молебенъ и рѣчь митрополита. Тріумфальный въѣздъ въ Яссы. Договоръ 5 сент. объ условіяхъ подданства. Оккупація на-долго.

63. (486). Намѣреніе Миниха за Дунай. Движеніе сербовъ, болгаръ. Первыя мѣры русскаго управленія Укрѣпленіе Молдавіи и Яссъ. Разсылка гусаръ и козаковъ для очищенія страны. Лживыя обвиненія противъ Миниха. Движеніе Миниха въ Буджакъ и увѣщательные манифесты. Кайнары. Быстрое возвращеніе. Запорожцы

и гайдамаки въ Буджакѣ и очистка его. Универсалъ къ населенію Трансильваніи о переселеніи въ Молдавію.

64. (494). Фальшивыя свѣдѣнія о союзникѣ. Козаки на границѣ Валахіи и тревога въ Букарештѣ. Отозваніе козаковъ. Письмо отъ ген. Лобковица изъ Трансильваніи о заключеніи мира. Минихъ ошеломленъ постыднымъ миромъ и его отвѣтъ о недостойномъ поведеніи союзника: онъ и одинъ за Дунай.

65. (498). Спѣшные переговоры Нейперга въ лагерѣ подъ Бѣлградомъ. Условія мира. Строптивость визиря вначалѣ. 21 августа. Размѣнъ условій, занятіе воротъ крѣпости турками и самовольныя распоряженія Нейперга и Валиса.

66. (500). Ликованіе на Босфорѣ, ужасъ и негодованіе въ Вѣнѣ. Жалоба имп. Карла VI Лобковицу и признаніе безвыходности положенія, необходимости ратификаціи. Моленіе въ Петербургъ—простить и не разрывать альянца. Искренне? Декларація съ обвиненіемъ одного Нейперга. Подписаніе Нейпергомъ окончательнаго договора. Мелкая придирчивость позже. Вильневъ и Нейпергъ. Заключеніе въ крѣпости обоихъ генераловъ.

67. (505). Волненіе и негодованіе Остермана въ виду отдѣльнаго мира. Тяжелое положеніе Россіи, «французская кабала». Онъ равнодушенъ къ побѣдамъ и завоеваніямъ Миниха, который уже ужасъ для Австріи. «Радостная вѣсть» — свой миръ.

68. (509). Вильневъ и спѣшные переговоры о второмъ мирѣ. Невниманіе визиря и мысль объ отложеніи. Протестъ Нейперга (Каньони). Камень преткновенія: Азовъ и теорія барьеры. Уступка Азова, съ оговоркой: далѣе полномочій; но ни слова о Хотинѣ. Вопросъ о границѣ на югѣ обойденъ и возложенъ на «искусныхъ комисаровъ» Одновременный размѣнъ австрійскаго договора и русскихъ условій Отправка гонцевъ, Тотъ къ Миниху. Конвенція въ Нишѣ о границахъ. Флери — миротворецъ

69. (512). Пріемъ условій. Негодованіе Миниха (опускъ Хотина, завоеваній) и Записка его къ императрицѣ — не принимать «стыдныхъ» условій, Вильневъ — «обманщикъ». Недовольство на Босфорѣ и въ Версалѣ. Удовольствіе въ Петербургѣ: принятіе «безъ колебаній»— въ виду условій минуты. Благодарность Флери и Вильневу. Размѣнъ договора въ Константинополѣ чрезъ Вѣшнякова. Взглядъ Бестужева въ Стокгольмѣ на договоръ: необходимъ. Льстивый и запоздалый привѣтъ отъ Флери съ побѣдами.

ГРАФЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ

И

РАЗДѢЛЪ ТУРЦІИ

ИЗЪ ИСТОРІИ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА

ВОЙНА ПЯТИ ЛѢТЪ (1735—1739)

Восточный Вопросъ (терминъ, заимствованный нами позже съ Запада, а раньше свой: о Турецкомъ Государствѣ или объ Оттоманскомъ Имперіумѣ) потерялъ уже свою, еще недавнюю, остроту для насъ. Тотъ эмфазъ, съ которымъ еще на нашей личной памяти (предъ Крымскою войной) говорили о полумѣсяцѣ, объ игѣ, о св. Софіи, уже отошелъ въ исторію. Теперь уже едва ли кто будетъ повторять за великимъ Наполеономъ, что на Босфорѣ ключъ ко вселенной. Теперь можно говорить только вмѣстѣ съ имп. Александромъ I, что тамъ для насъ выходъ изъ собственнаго дома. Намъ необходимъ свободный проходъ чрезъ Проливы, какъ выходъ въ міръ, а для этого не безусловно необходима традиціонная комбинація, менѣе же всего—«градъ Константина—Константину», какъ полагали въ эпоху Державина. Только недавняя армянская революція на Босфорѣ, инсценированная со стороны, напомнила объ осторожности, что нельзя ручаться за спокойствіе завтрашняго дня, но что вѣковой Вопросъ съ румелійскаго берега перебирается на анатолійскій, изъ Европы въ Азію.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, сознательно, въ интересѣ своемъ и другихъ, мы укрощали «непріятеля роду христіанскаго», т. е., проще говоря, разрушали, нѣкогда грозную для Европы, для «всего Христіанства», какъ говорилось тогда, Оттоманскую имперію. Но, парал-

лельно съ этимъ, мы созидали — устраивали, за счетъ ея, себя и другихъ.

Военная исторія, съ ея историческими, т. е. при наличности народно-политической идеи, походами и битвами, есть также исторія строительства Государства, почему предметъ полнаго интереса. Къ ней равнодушны тѣ немногіе на свѣтѣ народы, которые давно затеряли свой родной очагъ. Наша же военная исторія XVIII вѣка особенно интересна: у днѣстровскихъ и дунайскихъ береговъ пустынной, по священной, по вѣрному слову великаго поэта, Страны Россія пріобрѣтала условія своего политическаго роста и мощи, и Ставчаны, Ларга, Кагулъ, Измаилъ не одинъ звукъ о славѣ. Работая здѣсь для себя, мы созидали и создали, наконецъ, серію тѣхъ національныхъ государствъ втораго разбора, межъ которыхъ, за выключеніемъ небольшой частицы владѣній стараго властелина, подѣленъ въ настоящую минуту историческій, съ его пестрымъ, путаннымъ населеніемъ, полуостровъ.

Политическій завѣтъ нашей старины выполненъ.

Пока Турція была сила, была въ роли строгаго полицейскаго наряда, для усмиренія враждовавшихъ между собою народовъ на мѣстѣ — «христіанъ», за все отвѣтственный турокъ, какъ въ фокусѣ, собиралъ въ себя отдѣльныя ненависти. Но теперь эти ненависти разошлись по домамъ, и дымные очаги зачадили воздухъ полуострова. Турокъ уже въ сторонѣ, развѣ, и то болѣе по преданію, раздастся еще временами одинокій выстрѣлъ по «гяуеинъ скотъ», поимай — по турка, изъ отчаяннаго балканскаго листка.

Злоупотребляя этнографіей и исторіей, у мирныхъ людей, призванныхъ для полезнаго труда и культурнаго соперничества, поразожгли народныя страсти.

Отношенія между главными молодыми хозяевами полуострова, сербами и болгарами, уже болѣе чѣмъ напряженныя. «Мы, сербы, писалъ какъ-то намъ одинъ изъ трезвыхъ дѣятелей Сербіи, не помѣшали бы болгарамъ открывать свои школы гдѣ это только имъ любо—пусть это будетъ самый Бѣлградъ; а они съ ножемъ и револьверомъ нападаютъ на тѣхъ сербовъ, которые желаютъ сербскихъ школъ для своихъ дѣтей въ Скоплѣ, Велесѣ, Прилепѣ (т. е. въ сѣв. Македоніи). Шовинизмъ развился у нашихъ недобрыхъ братьевъ-болгаръ».

Но, несовсѣмъ безъ вины и сербы Королевства. Вспомнимъ хоть старыя писанія сербскаго «архимандрита», Васы Пелагича, вспомнимъ сентябрь 1885 года.... А сколько написано у славянъ о славянской солидарности!... Грустно за талантливое племя.

Тотъ-же шовинизмъ, «внутренняя злоба и партіальство», какъ выразились бы у насъ въ старину, и на югъ и на сѣверъ отъ болгаръ, среди другихъ «христіанъ» — у грековъ и румынъ. Прибавимъ, что болгаре болѣе защищаются, чѣмъ нападаютъ, а стойкость, самоотверженность ихъ, отмѣчаемая иностранными путешественниками въ Македоніи, заслуживаетъ удивленія и признанія. Исторія же сербскаго элемента, наприм., въ Венгріи, на пространствѣ нашего столѣтія, о стойкости, увы! не скажетъ. Иное было тамъ въ началѣ, иное — на исходѣ столѣтія.

Что же ожидаетъ полуостровъ отъ общаго смятенія духа?...

Одного желали-бы мы: да не воскреснетъ положеніе XIV—XV вѣка, когда только появленіе турокъ водворило тишину, уняло дурныя народныя страсти на полуостровѣ. Конечно, болѣе турка не будетъ. Но, не у вратъ уже, а за вратами въ полуостровъ, на стражѣ давно ждутъ спи-

пала иные. Извѣстны сердечныя, наивныя мечты даже мадьяръ. Но не о мадьярахъ рѣчь, а о тѣхъ, кто такъ умильно, еще изъ-далека, взираетъ на Тріестъ, на Адріатику.

Тяжелыя картины; виды въ даль замрачены.

Не такихъ, менѣе всего христіанскихъ, всходовъ у традиціонныхъ «христіанъ» на нивѣ, орошенной дорогою кровью, можно бы было ожидать; не на такіе всходы могли расчитывать тѣ, которые открыли собою нашу боевую политику Восточнаго Вопроса: великій Царь и, спустя четверть вѣка, его вѣрный ученикъ и мститель, вицеканцлеръ императрицы Анны, графъ Андрей Остерманъ. Цѣль ихъ можетъ быть формулирована словами самого Остермана—«вовсе счастливыми учинить» тѣ христіанскіе народы полуострова.

Попытка второй половины 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія «вовсе счастливыми учинить» тѣ народы, но на первый разъ — «христіанъ» первой серіи, согласно новой программѣ, выработанной великимъ ученикомъ Петра, и составляетъ содержаніе настоящей книги.

Къ только-что указанной эпохѣ мы привыкли относиться съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Эпоха «слова и дѣла», бироновщины, господства-де нѣмцевъ—мы какъ бы спѣшимъ пройти эти годы и отсюда впадаемъ иногда въ недомолвки *).

---

*) «Попытка къ заключенію мира съ Портой на Немировскомъ конгресѣ, при посредничествѣ Англіи и Голландіи, окончилась неудачей». (Предисловіе къ 86-му тому «Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.», стр. XXI). Но Остерманъ именно не допустилъ на этотъ конгресъ Англію и Голландію. Ср. у насъ стр. 278.

V

А между тѣмъ эта эпоха заслуживаетъ болѣе справедливаго къ себѣ отношенія. Это — молодые годы въ нашей исторіи Восточнаго Вопроса, съ самыми живыми, кровно-русскими интересами. Тогда была выработана та политическая программа относительно «христіанъ», которая партіями осуществлялась въ будущемъ, на протяженіи многихъ лѣтъ, а это будущее само новаго, новой идеи, не дало для разрѣшенія того Вопроса, за исключеніемъ самой неудачной идеи — «Градъ Константина возвратить Константину», т. е. на мѣсто турокъ на Босфорѣ посадить грустныхъ обитателей Фанара, о которыхъ Остерманъ и его сотрудники на мѣстѣ имѣли весьма опредѣленное, довольно прозаическое, злое представленіе, почему и увлекаться въ ту сторону не могли и—не прегрѣшали.

«Прутская акція», походъ за Прутъ Петра Великаго былъ неудаченъ. Тяжкаго урока Царь до смерти не забывалъ; идея «отмездія» за Прутъ всецѣло наполняла его и, отрѣзанный отъ прямой, европейской дороги къ Босфору, онъ собирался было подойти къ нему со стороны азіатской. Въ этомъ смыслѣ былъ открытъ Петромъ вопросъ о Жоржіи, т. е. Грузіи, и Арменіи, т. е. вопросъ о Кавказѣ.

Таже идея «праведнаго отмщенія» продолжала столь-же живо жить и работать и при всѣхъ преемникахъ Петра. Политика шла выдержанно, послѣдовательно—неуклонно «тою-же дорогой», и по наблюденію современниковъ.

Уже на другой годъ послѣ смерти Петра, въ соображеніи вопроса о Турціи, былъ заключенъ «альянцъ» съ Австріей. Это было дѣло Остермана. Самый актъ альянца былъ заключенъ въ кабинетѣ Евгенія Савойскаго въ Вѣнѣ, предъ которымъ недавніе побѣдители Петра на Прутѣ трепетали теперь, послѣ 1718 года, послѣ славнаго для Австріи Пожаревацкаго мира.

Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, «Оттоманское Имперіумъ», т. е. Турція, изъ-за своей «неясыти», изъ-за своекорыстнаго вмѣшательства въ дѣла сосѣдственной Персіи, жадничая очутилась было, какъ казалось всѣмъ, на краю своей гибели.

Турція, доносили Остерману его агенты на Босфорѣ, наши первые послы въ Константинополѣ, Неплюевъ и Вѣшняковъ, изнѣженная, безъ людей, безъ средствъ, битая все въ Персіи, не только больной человѣкъ, но уже умирающій (moribonde), вотъ-вотъ кончается; одинъ внѣшній ударъ и — по Турціи. Но такъ представляли себѣ ее и на Западѣ. «Содержится отъ турокъ на свѣтѣ страхъ токмо преданіемъ», подчеркивали они. Но только бы не пропустить Россіи этого момента, «какого иногда въ много сотъ лѣтъ не будетъ», спѣшить съ войной, чтобы прикончить съ «безбожнымъ сонмищемъ» въ новомъ «Вавилонѣ», такое полное «отмщеніе» взять за Прутъ. Мѣстные же христіане — волохи (т. е. румыны), болгаре, сербы, часть грековъ, простыхъ,—ждутъ-не дождутся появленія русскихъ, своего чрезъ нихъ «свобожденія».

Страстно манили Остермана наши первые славянофилы — идти за Дунай, на Босфоръ.

И иныя условія, казалось, говорили за нихъ, были какъ нельзя болѣе благопріятны для Россіи. Въ свободномъ распоряженіи Россіи была могущественная, казалось, Австрія. «Цесарь, указывала въ 1737 г. императрица Анна своимъ представителямъ на Немировскомъ конгресѣ, по имѣющему между обоими Дворами союзу, безъ всякихъ другихъ кондицій намъ вспомогать обязанъ», т. е. безусловно. (На дѣлѣ вмѣшательство Австріи оказалось однимъ горемъ: сама-же она—политическою и боевою неединицею, и въ добавокъ — завистливою соперницею). Съ другой стороны, на польскомъ вопросѣ, о «наслѣд-

ствѣ», страстный нашъ врагъ, «горше турокъ», Франція, съ полною неудачей; не смотря на всѣ, самые коварные, пріемы — «ковы, плетни, мечташія»: и союзъ съ Швеціей, и поднятіе Украины, и своя революція въ Россіи — она не въ силахъ была погнать на Россію — на раздѣлъ Россіи — Порту, перевести Порту изъ Азіи въ Европу: та по горло завязла въ Персіи; держитъ ее тамъ ея «неясыть». Она могла только объявить войну Австріи.

Осторожный, холодный Остерманъ долго не поддавался дѣйствію страстныхъ призывовъ съ Юга — свести именно теперь счеты за Прутъ. Съ недовѣріемъ онъ относился къ смѣлымъ утвержденіямъ Вѣшнякова, что дунуть и — Турціи нѣтъ, что недавнее «страшилище» теперь — предметъ «всякаго презрѣнія», что при одномъ фальшивомъ слухѣ о движеніи русскихъ турки «громогласно кричатъ, что конецъ ихъ беззаконіямъ приходитъ». Но, наконецъ, и Остерманъ долженъ былъ уступить общему убѣжденію, и открылась наша война съ Турціей пяти лѣтъ, 1735—1739 годовъ.

Въ то время какъ боевой представитель Россіи, графъ Минихъ, сейчасъ же былъ готовъ съ смѣлыми надеждами — полнаго осуществленія идей Петра Великаго, «агарянъ» прогнать въ ихъ агарянскія степи, а въ св. Софіи вѣнчать самое императрицу Анну; расчетливый, неувлекающійся Остерманъ остановился на пріемѣ, болѣе скромномъ: онъ остановился не на изгнаніи турокъ, а на раздѣлѣ Турціи. Но на первый пріемъ въ раздѣлъ шли одни сѣверныя владѣнія ея, у полуострова, и на мѣстѣ ликвидируемой здѣсь Турціи создается первая серія христіанскихъ государствъ — «индепендентныя удѣльныя княженія» — Молдавія и Валахія, подъ покровительствомъ Россіи, но граница которой — устье Дуная.

Но и осторожная програма осторожнаго Остермана оказалась еще не по времени, не по силамъ Россіи: тяжелая, изнурительная война не привела къ намѣченной цѣли. Тотъ, кто проэктировалъ первый раздѣлъ Турціи, вынужденъ былъ самъ искать мира у нея и чрезъ посредство государства, которое одною рукою работало на миръ, другою — на революцію внутри Россіи, и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ, такъ что въ результатѣ ея послѣдовала гибель знаменитаго автора раздѣла Турціи. Это государство — Франція. Образовались тяжелыя страницы въ нашей исторіи, но — полныя самаго живаго и глубокаго интереса.

Время турецкой политики Остермана, эти молодые годы въ нашей исторіи Восточнаго Вопроса, интересно само по себѣ, какъ начало новаго дѣла. Интересны эти годы и своею идейной стороной.

Они дали цѣлую политическую програму для дѣйствій въ будущемъ и на-столько правильную, что это будущее новой раціональной идеи къ формулѣ разрѣшенія Восточнаго Вопроса Остермана, какъ замѣчено выше, отъ себя не прибавило: мы видимъ осуществленіе програмы Остермана или ея логическое развитіе далѣе.

Они указали нашу естественную границу на Югѣ не устье традиціоннаго Дона, а устье Дуная, «Доноу», какъ выражался Остерманъ. Но мертвая буква насъ не соблазняетъ.... Захолустный Азовъ—Асакъ сходилъ со сцены, и противъ Проливовъ намѣчался иной пунктъ, уже по сосѣдству Дуная, на «Бужинскомъ полѣ» Петра Великаго, т. е. ниже, западнѣе Буга.

Наконецъ, Остерманъ своею, хотя и неудавшеюся, политикой, поднялъ, за счетъ другаго, которому впереди предоставлялось уже только вздыхать по потерянномъ счастьи, обаяніе Россіи у «христіанъ» полуострова, под-

нялъ духъ ихъ, хотя и остались они все въ старомъ положеніи — нисколько не «осчастливленными», не только «вовсе».

Освѣжить неудавшуюся великую попытку, помянуть Остермана добрымъ словомъ—можно. Не безъ чести онъ «сидѣлъ на ступеняхъ престола», и первымъ.

Матеріалы для настоящаго очерка дали:

1) Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ;

2) Изданіе Королевской Румынской Академіи Наукъ въ Бухарестѣ, продолжающее и сейчасъ выходить, подъ общимъ заглавіемъ: «Documenti privitôre la Istoria Românilor, urmare la colectiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaky, publicate sub auspiciile Ministeriului cultelor și instructiunei publice și ale Academiei Române», отдѣльные томы;

3) Современная греческая Хроника или Дневникъ секретаря валашскаго господаря-фанаріота, Константина Маврокордата, въ Бухарестѣ, Константина Дапонтеса, изданная, съ французскимъ переводомъ, Леграндомъ (Paris, 1880—1888, 3 тома): «Ephémérides Daces»;

4) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, отдѣльные томы, и

5) Современныя, 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII стол., періодическія изданія: русскія, нѣмецкія и чешскія, календари, брошюры, листы.

Въ Гл. Моск. Архивѣ мы занимались въ 1885 и 86 годахъ. Принося душевную благодарность персоналу Архива того времени за всегда любезное отношеніе: проф. Вл. А. Уляницкому, Станкевичу, Токмакову и др., мы съ чувствомъ особенной признательности памятуемъ имя пок. Директора, д. т. с. барона Ѳ. А. Бюлера: его любезность простиралась до того, что, въ дни закрытія Архива, онъ отводилъ помѣщеніе для нашихъ занятій въ своей обители.

Изданіе юной Румынской Академіи вообще цѣнное по разнообразію старательно собраннаго отовсюду матеріала. Но оно требуетъ мѣстами осторожнаго къ себѣ отношенія: иногда документы неправильно датованы, поняты и размѣщены *).

За свободное пользованіе старыми періодическими изданіями, собраніями географическихъ картъ и вообще книгами вмѣняемъ себѣ пріятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность ак. А. Ѳ. Бычкову и А. М. Ламбину въ С.-Петербургѣ; персоналу Королевскаго Чешскаго Музея: А. О. Патерѣ, проф. Ч. Зибрту, Вегенеру и Лего, помощнику библіотекаря въ Университетѣ, д-ру Прусику, въ Прагѣ.

За любезное открытіе документовъ Земскаго Архива въ Прагѣ признательны директору, Ф. Дворскому, и помощнику его, д-ру В. І. Новачку; за любезное доставленіе свѣдѣній о Ставчанахъ — М. В. Пуришкевичу, въ Кишиневѣ.

Предполагавшійся было переводъ описанія Хотина, до его гибели въ 1739 г., современнаго турецкаго писателя (стр. 479, прим.) оказался излишнимъ: позже мы нашли переводъ всей статьи этого турка, изъ-подъ пера пок. Ф. К. Бруна, въ III т. Записокъ Бессар. Стат. Комитета, лишь съ пропускомъ наивно-грубыхъ, а потому и характерныхъ, выраженій по адресу Петра Великаго, послѣ разгрома нами турокъ въ Бессарабіи, въ 1739 году. Такъ помнился великій Царь!

А. К.

Одесса,
25-го декабря 1898 г.

---

*) Яркій примѣръ въ Suplem. I, volum. I, № 07. Редакція объясняетъ содержаніе: «итогъ переговоровъ по Бѣлградскому миру», и документъ помѣченъ: 27-го марта 1740 г. Но здѣсь идетъ рѣчь объ условіяхъ соглашенія Порты на участіе въ Немировскомъ конгресѣ, о переѣздѣ уже чрезъ Днѣстръ представителя Австріи, бар. Талмана, и пр. Слѣдов., этотъ документъ относится еще къ половинѣ 1737 года. Въ vol VI № 302 отнесенъ къ 1739 г., а изъ содержанія его видно, что онъ 1738 года и др.

I.

ПАМЯТЬ О ПРУТѢ.

ПОЛИТИКА «ОТМЕЗДІЯ». ВОЙНА ПЯТИ ЛѢТЪ

(1735—1739).

Въ знойный іюльскій день 1711 года (10), въ безводной пустынѣ за Прутомъ, гдѣ не разъ уже мѣрились счастьемъ воины Магомета и старые защитники Креста — поляки и запорожцы, храбрые, но довѣрчивые русичи Петра Великаго, съ нимъ во главѣ, встрѣтились впервые лицомъ къ лицу съ турками. «Мошковы», записалъ современникъ-еврей изъ Крыма, были окружены со всѣхъ сторонъ, «аккерманское же войско», т. е., татаре-ногаи нынѣшней южной Бессарабіи, подстерегало ихъ съ тылу *) Бились день, бились другой и — пали стяги великаго царя Петра. «Итакъ тотъ смертный пиръ окончился», писалъ, какъ будто и покойно, Петръ изъ-подъ Прута, уѣзжая къ своимъ польскимъ пріятелямъ въ Галиціи, въ сопровожденіи своего оригинальнаго союзника, мадьярскаго эмигранта-претендента, Франца Ракоци. Но этотъ «пиръ» остался до конца дней его въ памяти, какъ неотступное ѣдкое воспоминаніе, какъ остался онъ на-всегда въ памяти у другой стороны — у турокъ, и на-долго у третьихъ, у тѣхъ, изъ-за которыхъ Петръ и пошелъ на тотъ пиръ — у славянъ Юга. Старые сербы вели промежь себя счетъ отъ него. «Кад су турци на Бендеру москале разбили», говаривали они **).

Тяжелыя послѣдствія повелъ за собой смѣлый порывъ страстной души великаго русскаго политика начала XVIII вѣка — стать на самомъ Дунаѣ и за одинъ разъ покончить съ «агарянами».

---

*) Отчетъ Имп. Публ Библ. за 1882 г., Приложенія, стр. 22.

**) Въ актѣ 1733 г., Гласник Срп. Уч. Друштва, кн. 56, 139.

Петръ прорубилъ извѣстное окно на Западъ.

Такъ сказалъ поэтъ. Но — не забудемъ, уже раньше было прорублено царемъ другое окно — на Югѣ, давно намѣченное исторіей. То былъ Азовъ съ устьемъ Дона. Здѣсь были открыты первые порты — пути въ людскія воды: крѣпость св. Димитрія (Ростовъ), Таганрогъ. Здѣсь царь и флотъ завелъ Отсюда отошелъ первый русскій корабль съ посломъ Украинцевымъ въ Константинополь, чтобы привезти Петру дорогой договоръ 1700 года. Отсюда онъ разсчитывалъ завязать торговлю съ Франціей, а чтобы заохотить французовъ, сдѣлалъ даже оригинальное предложеніе имъ — основать свой, французскій городокъ выше Азова.

Четвертая статья договора 1700 г. гласила: «Азовъ городъ и нынѣ къ нему належащіе всѣ старые и новые городки, и межь тѣми городками лежащія, или земля или вода, понеже во владѣніи царскаго величества суть, паки тѣмъ же образомъ всемѣрно его жь царскаго в-ва въ державѣ да пребудутъ».

Съ своей стороны, нижнее теченіе Днѣпра Петръ уступалъ «паки во владѣніе оттоманское». Его ранняя мечта — у «поля Бужинскаго», ниже Буга, построить укрѣпленную морскую пристань, т. е. вблизи нын. Одессы, послѣ того какъ мы стали на Днѣпрѣ и царь писалъ въ Венецію, что «и врата, и свободный путь на Черное море» открылись для Россіи, а въ Москву, что «фортуна сквозь насъ бѣжитъ, никогда такъ къ намъ близко на Югѣ не бывала — блаженъ, иже имется за власы ея» — такъ и осталась мечтой. Но, покидая дорогіе для него берега Чернаго моря, онъ не забылъ выговорить, чтобы не быть здѣсь никакимъ укрѣпленіямъ, развѣ «село да построится и приличною ямою и окруженьмъ да обведено будетъ» (ст. III).

И вотъ, черезъ десятокъ лѣтъ—роковой ударъ на Прутѣ... Страшное разочарованіе. И то немногое, что̀ досталось такими усиліями, ушло изъ рукъ.

Турція понимала значеніе устья Дона. Когда Петръ, въ благородномъ увлеченіи «свобожденія христіанъ» и въ довѣріи къ нимъ, повторилъ, по его словамъ, ошибку Карла XII, безъ предосторожностей рванулся разомъ за Прутъ съ устья Дона, чтобы въ одинъ пріемъ сдѣлать то, что̀, да и то на половину, выполнить могла частями осторожная, настойчивая политика Россіи на протяженіи цѣлаго XVIII столѣтія, идя шагъ за шагомъ, то прямо, то путемъ окольнымъ: онъ долженъ былъ купить миръ пожертвованіемъ

дорогаго Азовскаго окна. «И миръ, и согласіе въ сей образъ учинился: городъ Азовъ отдать назадъ; Таганъ и Каменку и на Самарѣ новый городъ весьма разорить и отдать; и поляковъ, черкасъ и запорожцевъ никако не замать».

Конечно, насъ можетъ остановить связь Азовскаго «окна» съ вопросомъ о Польшѣ въ текстѣ Прутскаго договора; но мы увидимъ позже, что польскій вопросъ въ политикѣ Европы сталъ рано нераздѣльною частью Восточнаго, что родительское попеченіе и Турціи о защитѣ «вольной» Польши тоже пособило послѣдней пойти въ могилу.

Правда, Петръ разсчитывалъ было замять статью объ Азовѣ, объ оставленіи морскаго берега. «Пока шведъ у нихъ, исполненія не будетъ», писалъ онъ Шафирову, а Карлъ Бендеръ покидать не хотѣлъ. Но это сгоряча. Шереметевъ съ ужасомъ услышалъ отъ Апраксина изъ Петербурга объ этомъ — о разрывѣ мира. «Что же в. с—во, пишетъ онъ Апраксину 20 сент. 1711 г. у Полоннаго, упоминаете подъ сомнѣніемъ о состояніи мира, то я къ недодержанію онаго со стороны его ц. в—ва ничего не вижу и инако разсуждать не могу, токмо что его в—во устнѣ нашихъ пословъ (будущихъ въ турецкомъ обозѣ) при отправленіи въ томъ обнадеживалъ и нынѣ подтвержденную грамоту со всѣми договорными пункты къ нимъ послать соизволилъ», а въ концѣ письма приписываетъ: «зѣло я опасался, чтобы съ замедленіемъ отдачи крѣпостей миръ не нарушился, о чемъ, чаю, уже вы по письмамъ Шафирова извѣстны» *). Но остыло чувство, и разсудокъ указалъ примириться съ недоброй долей въ подтвердительномъ договорѣ 1712 года. Опасеніе, что «Турки паки озлобятся и трактаты разорвутъ», стало теперь на долго руководящимъ соображеніемъ въ политикѣ Петра.

Но, разставаясь съ берегомъ моря на Югѣ, Петръ мысленно никогда не покидалъ его: до самой своей смерти онъ все обдумывалъ средства новаго вторженія за Прутъ, усилилъ тайныя сношенія съ народами по сю и ту сторону Дуная. Его послѣдніе помыслы на землѣ были о христіанахъ Турціи, но уже и о жоржіанцахъ (грузинахъ) и армянахъ.

---

*) Ср письмо Шереметева Апраксину въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», т. 25, 92). Далѣе это цѣнное изданіе сокращенно: С. Имп. Р. И. О

Великій царь умеръ, и свою невыполненную мысль о берегѣ моря на Югѣ, о Прутѣ, какъ жизненную задачу формирующейся Россіи, онъ передалъ въ завѣтъ своимъ преемникамъ...

И политика Россіи XVIII столѣтія сосредоточивается, чтобы не сказать болѣе, на выполненія завѣщанной мысли — южной программы царя Петра *).

Могучій практическій умъ великаго политика Россіи начала XVIII столѣтія выходилъ изъ самыхъ трудныхъ положеній. Но умеръ тотъ, и, естественно, если грузкая государственная машина, державшаяся на плечахъ одного человѣка, нѣсколько зашаталась. Естественно, если въ первые годы мы видимъ какъ-бы недомоганье справиться съ завѣщаннымъ наслѣдіемъ—Россіей, а не Москвой царя-отца, царя Алексѣя. Нѣкоторое замѣшательство, разладъ — обыкновенные спутники переходнаго времени. Но и въ тяжелые годы выучки русскаго человѣка, освоенія его съ его новымъ — европейскимъ положеніемъ въ Европѣ, освоенія, которому сопутствовала извѣстная усталость его духа, «тестаментъ» царя Петра, воплощавшійся въ основныхъ побужденіяхъ, стремленіяхъ его многолѣтней дѣятельности — оставь Востокъ, носился надъ высшей политикой переходной Россіи, былъ небезразличенъ

*) Петръ Великій не вдохновлялъ русскаго народа: закрѣпощеніе отрѣзало его отъ государства, и у него вдохновитель — Стенька Разинъ. За то Петръ былъ не послѣднимъ предметомъ вдохновенія сербскаго гусляра: сколько изящныхъ историческихъ пѣсенъ у сербовъ связано съ именемъ Петра! — Мы только недавно стали, при помощи народныхъ изданій, знакомить народъ съ дѣятельностью Петра; а среди южныхъ славянъ, даже у католиковъ, жизнь Петра была давно любимымъ чтеніемъ. Уже въ XVIII столѣтіи католическій монахъ, Ал. Томиковичъ, напечаталъ «Жизнь Петра Великаго, Царя Россіи, написанную архимандр. Ант. Катифоромъ», переводъ: «Vita di Pietro il Grande, dall' ab. Ant. Catiforo», ed. 2, Venezia 1739, на сербскій языкъ (Осѣкъ, 1794). Предисловіе переводчикъ заключаетъ: «жизнь этого славнаго витязя я представлю тебѣ, читатель, на твоемъ славянскомъ языкѣ!» (2 изд. Пештъ 1876, съ портретомъ царя, что̀ въ оригиналѣ). Извѣстно, что и злополучный Прутскій походъ вдохновлялъ сербскихъ пѣвцовъ, но магометанъ, что и понятно: есть пѣсня о битвѣ «pokraj Prute, pokraj vode hladne» въ свѣжемъ собраніи К. Hörmann'а. А что у насъ о Прутѣ? Въ 1722 году судился одинъ бѣглый солдатъ, Коноваловъ, за слова про царя, что «онъ солнцу и огню не молится, а какъ ходилъ на турецкую акцію, въ то время самъ было пропалъ и войско потерялъ» (Рус. Старина, 1885, сент., 356). Какая скудость!... Впослѣдствіи мы собираемся поговорить обстоятельно о восточной политикѣ Петра и его первыхъ преемниковъ: здѣсь только намѣчаются отдѣльные моменты изъ этого времени.

для нея, напротивъ, чутко чувствовался ею. Государственная машина, гдѣ ржавѣла, гдѣ наростала, облегалась грязью, но, хотя подъ часъ туго, все двигалась впередъ и впередъ и двигалась упрямо по колеѣ, проложенной Петромъ. Враждебно настроенные умы на Западѣ съ ужасомъ видѣли это, это неуклонное движеніе Россіи и послѣ Петра въ направленіи Петра, и обновляли, придумывали мѣры, изощряли свой умъ во всяческихъ каверзахъ, въ изобрѣтеніи самыхъ дерзкихъ плановъ, за однимъ только — остановить движеніе Россіи и дать ему затѣмъ обратное направленіе.

Мы говоримъ о времени императрицы Анны Курляндской и первыхъ такъ называемыхъ нѣмцевъ у власти — «команду имѣвшихъ». Время не ничтожества, а великое.

Время какъ будто забвенія недавнихъ великихъ традицій, время какъ будто пригнетенія русскаго духа. Враги наши, съ Франціей во главѣ, спѣшатъ протолковать непонятое явленіе въ желанномъ для себя смыслѣ, что оно — дорогое для нихъ политическое условіе, и на немъ рѣшаютъ основать свои дерзкіе планы милостиваго освобожденія русскихъ отъ нѣмцевъ. Но — вся вторая половина 30-хъ годовъ прошла именно въ турецкомъ вопросѣ и предъ нами воскресеніе великой эпохи Петра, а первая — въ подготовленіи себя къ нему. Опять на сценѣ Азовъ, опять «Пруцкой трактатъ», какъ выражалась императрица, опять «намѣреніе» Петра. Мало того — и кое-что новое и очень крупное было сдѣлано: была сдѣлана попытка оформулировать самый Вопросъ, точно и ясно — что прямо для себя, что не для себя, а для тѣхъ, иже не отъ двора сего суть, и пустить эту формулу оффиціально въ международное обращеніе.

Французская политика, въ свою очередь, имѣла свою старую колею и двигалась по ней упрямо-неуклонно, дѣлая лишь изрѣдка интервалы въ иную сторону, напр. въ 1720—26 годахъ. Она направлялась, какъ къ своей конечной цѣли, чтобы отбросить назадъ Россію Петра, имперію, упорно не признаваемую въ Европѣ, обратить ее въ знакомую, безобидную Московію. Для этого она стремилась постоянно — умирить Швецію и Польшу и изъ обѣихъ державъ сдѣлать основу для французской политики на сѣверѣ *). Задача была нелегкая уже потому, что, какъ го-

*) Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France, Pologne I (1888), LXVI. Ср. изъ инструкціи послу въ Швецію, de Besen-

варивали тогда турки, хотя Швеція государство древнее и порядочное, но слабо и весьма убого, а Польша — «не мнится быть во всемъ свѣтѣ никому другому непорядочному государству и чего мочно добраго ожидать отъ такого несогласнаго и пьянаго народа» *). Но не забывалось и другое средство: на югѣ турки. Всѣ три государства: Швеція, Польша и Турція, это стѣна черезъ всю Европу съ сѣвера на югъ, естественный союзъ сосѣдей, объединенный однимъ общимъ интересомъ — удаленія Россіи отъ Европы, отвода ея назадъ, на востокъ! Въ этомъ тройственномъ союзѣ XVIII столѣтія Франція видѣла мудрость, гордость своей сѣверной политики, всячески холила и укрѣпляла его, стараясь тщательно, неуклонно, для поддержки той стѣны, ввести въ союзъ и четвертаго члена — Данію **).

Но особенно лихорадочна была дѣятельность послѣ 1726 года, когда Россія замѣсто союза съ нею, блестящей маркизою—Франціей, предпочла союзъ съ ея вѣковымъ врагомъ — Австріей и подъ руку съ надутымъ австрійскимъ цесаремъ вошла впервые въ концертъ Европы, хотя самъ великій царь, говорятъ, умиралъ съ хартіей французскаго «альянца» въ рукахъ...

«Французскій посолъ, доносилъ нашъ резидентъ у Порты, въ концѣ 1730 года, чрезъ хана склоняетъ Порту, дабы она нынѣ вступила въ польскія дѣла въ фаворъ Ст. Лещинскому, разсуждая ея пользу: когда онъ будетъ королемъ въ Польшѣ, тогда купно съ Франціей во всемъ будетъ ея сторону держать. Здѣшній дворъ вѣтромъ колеблемъ находится и все ихъ основаніе на пескѣ, того ради небезопасно отъ нихъ легкомысленной резолюціи». Черезъ годъ Порта посылаетъ особаго посла въ Швецію, чтобы развѣдать—«въ какой армоніи находится та съ Россіей, какова въ силѣ своей и можетъ ли Портѣ когда при случаѣ быть способна», при чемъ были взяты «рекомендація отъ французскаго посла для большаго въ томъ руководства».

---

val'ю, въ 1708 г.: «Ce prince (Лещинскій) attaché au Roi et voulant mériter l'estime de Sa M., n' a jamais osé faire la moindre proposition au roi de Suède sur les mesures qu' il y auroit á prendre avec elle pour les intérêts mutuels de la Suède et de la Pologne», ib. LXIII.

*) Изъ словъ турецкаго посла въ Швецію въ 1733 г. Саида эффенди, въ донесеніи русскаго посла у Порты, въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Тур. Дѣла, 1733, св. 31/d № 7.

**) Ср. Recueil des instructions...., XIII. Danemarck. Paris 1896.

Тѣмъ не менѣе, мы теперь спокойны. Императрица Анна устами виновника знаменитаго договора Россіи съ Австріей 1726 года, своего вице-канцлера, изъ простыхъ когда-то заѣзжихъ «шрейберовъ» при Петрѣ, А. Остермана, могла повелительно указывать своему представителю у Порты: «гдѣ бы турки къ противностямъ видъ показали, съ турскими министрами можешь поступать посмѣлѣе, ибо турки извѣстны, что мы съ цесарскимъ величествомъ находимся въ союзѣ и въ случаѣ войны отъ Порты другъ другу вспомогать обязаны, что чаятельно умѣреннѣе поступать съ нами будутъ, а съ цесарскимъ резидентомъ тебѣ всегда доброе согласіе содержать во всемъ томъ, что до общихъ интересовъ принадлежитъ» *).

Но вотъ насталъ 1733 годъ. Вопросъ польскій открылся. У насъ борьба, почти что прямая война, съ Франціей, изъ-за польскаго престола. Мы загнали старую креатуру еще Людовика XIV, Станислава Лещинскаго, въ Данцигъ и осадили городъ. Давно уже бѣдный Станиславъ своей благотворительницей почитался за ничто: «уваженіе къ нему отъ своихъ поляковъ посредственное, а по своимъ способностямъ онъ стоитъ далеко ниже того достоинства, на которое судьба его помѣстила», говорилъ самъ французскій министръ еще въ 1708 году. Но тѣмъ не менѣе и по смерти короля Августа II Саксонскаго та же кандидатура; поддерживается она кровью добровольцевъ-французовъ на Сѣверѣ, чтобы только парализовать политику Россіи. Естественно, та же лихорадочная дѣятельность французской политики и на Юго-востокѣ, въ Турціи.

У самодержавной французской дипломатіи въ Константинополѣ, подъ руководствомъ энергическаго маркиза Вильнева (съ 1728 г. здѣсь), давно руки полны горячей работы **). Въ сче-

*) Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Тур. дѣла, 1730, св. 31/ь № 8; 1732, 33/ь № 7; 1731, 32/а № 4. Андрей (Генрихъ) Ивановичъ Остерманъ род. въ 1686 г. въ Вестфаліи, сынъ пастора, съ 1701 г. въ Россіи, умеръ въ тяжкой ссылкѣ въ Березовѣ, въ 1747 г. Его краткій формуляръ—въ угрозѣ вел. княг. Елисаветы Петровны за нѣсколько недѣль до переворота, возведшаго ее на престолъ. «Скажите Остерману, говорила она въ октябрѣ 1741 г., въ рѣшительную для нея минуту, обращаясь къ гр. Миниху, что, если онъ забылъ, что мой отецъ и мать возвысили его изъ должности учителя и ничтожнаго секретаря, я съумѣю напомнить ему, что я дочь Петра Перваго» (Депеши Шетарди—С. И. Р. И. О., т. 96, 520).

**) О могуществѣ французской политики на Востокѣ съ половины XVII столѣтія см. богатое содержаніемъ и изящное изслѣдованіе молодаго

тахъ своихъ за первенство въ Средней Европѣ съ цесаремъ, т. е. Австріей, которая теперь, послѣ 1718 года (Пожарев. миръ), продвинулась къ самымъ Балканамъ, съ Бѣлградомъ въ рукахъ, а Бѣлградъ, по выраженію современнаго венеціанскаго дипломата,

французскаго историка, графа А. Vandal'я: «Une Ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du marq. de Villeneuve» Paris, 1887. «Великій муфтій въ Римѣ» т. е. папа, въ глазахъ Порты былъ менѣе, чѣмъ король Франціи. «Я, говорилъ визирь, всегда болѣе сдѣлаю тѣмъ, которые вѣруютъ какъ французы, но не тѣмъ, которые вѣруютъ какъ москвы» (ор. с. 14). Замѣтимъ, что дипломаты Людовика XIV прямо занимались въ Турціи изслѣдованіемъ вопросовъ изъ области великаго муфтія въ Римѣ, напр. Nointel. См. Revue de l'Orient chrétien, 1895, avril. Торговля Леванта была всецѣло въ рукахъ французовъ, велась систематически, правильно, и вызывала во Франціи, особенно на югѣ, новыя отрасли промышленности. Напрасно англичанинъ, поддѣлываясь подъ турка, заявлялъ, что онъ «покровитель религіи безъ иконъ», и тщился выставить себя выше Франціи, что онъ именно «владыка морей»: Франція разсматривала Средиземное море, какъ свое внутреннее море; даже «барбарески», т. е. пираты сѣверной Африки, были въ дружбѣ съ Франціей. Только послѣ Пожаревацкаго мира у Австріи съ Портою, 1718 года, появился австрійскій флотъ на водахъ Средиземнаго моря и открылъ нѣкоторое соперничество съ французскимъ. Торговая палата въ Марселѣ, подъ наблюденіемъ морскаго министра, вѣдала дѣла на Востокѣ, гдѣ было до 600 торговыхъ домовъ: въ Перѣ, Салоникамъ, Сирѣ, Смирнѣ. Самая частная жизнь членовъ тѣхъ торговыхъ домовъ была строго регламентирована, и каждый домъ былъ подобіемъ монастыря. Члены одной фирмы образовывали «nation», жили въ казармѣ-ханѣ; не имѣли права держать при себѣ женъ, дочерей; воспрещались карты, пирушки. При круговой поддержкѣ, каждый домъ-артель богатѣлъ, пріобрѣталъ громадное вліяніе и въ средѣ турокъ. Школы, больницы—все это служило къ упроченію престижа Франціи. Къ разсматриваемой эпохѣ, къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія, относится и появленіе среди французовъ смѣлой мысли — faire un bon canal de communication de la mer du Levant avec la mer Rouge», осуществленной уже въ наши дни Лесепсомъ.

Могущество Франціи въ Турціи было, естественно, гордостью современныхъ французскихъ публицистовъ; ослабленіе его вызывало горькіе упреки. «Французы — старѣйшіе союзники турокъ, указывалъ знаменитый аббатъ Мабли въ своемъ «Le droit public de l'Europe fondé sur les traitez conclus j. l'an 1740»; одно время послы ихъ приглашались въ Тайный Совѣтъ султана и допускались въ сераль. Но преемники Франциска I не съумѣли сохранить дружбы, которую онъ имъ приготовилъ; по какой-то дурно понимаемой политикѣ они часто вредили Портѣ. И вышло отсюда, что Франція потеряла много въ своемъ значеніи у Порты, и мало-по-малу преимущества, которыми пользовались единственно французы въ торговлѣ, были уступлены и другимъ народамъ». (Amsterdam, 1748, I, 228). Другой знаменитый аббатъ, Laugier, въ своей «Histoire des négociations pour la

былъ занозой, вогнаной въ сердце Турціи *), она заботливо толкуетъ своему, не особенно покладистому, ученику — Турціи, что вся опасность отъ Россіи Петра, и гонитъ ее противъ Россіи. Въ перспективѣ у Франціи возстаютъ радужныя надежды возвратить при помощи турокъ Польшѣ Смоленскъ и Кіевъ и даже убрать насъ, русскихъ, отъ такого безобиднаго моря, какъ Каспійское, словомъ, воротить Россію за 100 лѣтъ. Чтобы закрѣпить Азовъ навсегда за Турціей, нуженъ и Каспій, неглупо поясняли французы. Если Порта не объявитъ войны Россіи, толковалъ посолъ Вильневъ, то цесарь, Россія и креатура ихъ, Августъ, выгонятъ турокъ изъ всѣхъ европейскихъ провинцій, и тогда король французскій не вступится за Порту и о цѣлости заботиться не будетъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалъ.

Результаты французскихъ уроковъ были отчасти на лицо. «Турки, хвастается Вильневъ, научаются уже при рожденіи, что они должны ненавидѣть австрійцевъ и москвитянъ, и это то, къ чему сводятся всѣ ихъ свѣдѣнія». По словамъ его, уже движеніе янычаръ и кровавая революція 1730 года были вызваны требованіемъ вести ихъ на цесаря и Москву, и посолъ спѣшитъ указать, что если король рѣшилъ борьбу съ Австріей, то именно теперь, что легко вызвать диверсію со стороны турокъ, въ видѣ вторженія массъ. «Никогда, писалъ Вильневъ, обстоятельства не были такъ благопріятны для того, чтобы заставить исламизмъ послужить нашимъ намѣреніямъ и направить на обоихъ нашихъ

paix conclue à Belgrade» (Paris, 1768. 2 тома), вмѣняетъ именно въ заслугу Вильнева, что онъ возвратилъ Франціи ея старый престижъ: пріобрѣлъ общія симпатіи массъ на Востокѣ, снова поднялъ французскую торговлю въ Левантѣ. Окрашивая современную политику Россіи въ небывалый коммерческій цвѣтъ, Ложье привѣтствуетъ отрицательные для Россіи результаты Бѣлградскаго трактата 1739 года именно потому, что имъ-де парализована торговая политика Россіи, стремившаяся къ соперничеству съ Франціей на самомъ Средиземномъ морѣ (t. I, p. VI—VIII). Кое-кто изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ пытался поддержать поэтическую теорію стараго аббата.

*) «....Temisvar e Belgrado, barriere del cristianesimo e spine fitte nel cuore degl' Ottomani», Franc. Donado, въ 1725 г. (Fontes rerum Austriacarum, t. XXII, p. 51). Турки хорошо понимали значеніе обѣихъ крѣпостей. 8 дек. 1727 г. нашъ посолъ на Босфорѣ доносилъ: «ежели въ Европѣ генеральная война воспослѣдуетъ, здѣшній дворъ, усмотря конъюктуру, празденъ не будетъ и имѣетъ чувственную причину отъ цесаря въ отнятіи Бѣлграда и Темисвара» (М. Арх. М. Ин. Д., Тур. д., св. 28 № 6).

противниковъ этотъ вышедшій изъ береговъ потокъ (ce torrent soulevé)» *). Инстинктъ грубой фанатической массы и интересъ образованнаго француза объединялись.

Но еще сильнѣй стращалъ Россіей неоффиціальный французъ, знаменитый гр. Боневаль, королевской крови офицеръ, потомъ австрійскій генералъ, наконецъ, по принятіи ислама, турецкій паша. Преобразовывая турецкую артиллерію и формируя первые полки на европейскій ладъ, этотъ омусульманившійся другъ Фенелона и Вольтера повторялъ — снести Россію, «abattre la Russie»... «Московиты, писалъ онъ въ началѣ 1734 г. визирю и Вильневу, своимъ быстрымъ ростомъ измѣняютъ всю систему Европы. Ихъ положеніе и интересы дѣлаютъ ихъ неразлучными союзниками Австріи, слѣд. врагами Порты и Франціи. Поэтому крайне необходимо и для пользы Турціи, и для удержанія равновѣсія въ Европѣ — образовать союзъ изъ Турціи и Франціи, чтобы вернуть, если возможно, московитовъ въ ихъ старыя границы (réduire à leur anciennes bornes) и помѣшать имъ принимать участіе въ дѣлахъ Европы. Великая цѣль покойнаго царя заключалась въ стремленіи дать имъ, нѣкогда столь презиравшимся московитамъ, блескъ между христіанскими государями и вліяніе на всѣ дѣла Европы и Азіи. Правительство нынѣшней Россіи, которое, на мой взглядъ, весьма мудро и предусмотрительно (très sage et très prudent), слѣдуетъ тою же дорогой (la même route), и оно въ концѣ придетъ къ своей цѣли, если другіе будутъ дремать».

Только чувство приличія стараго маршала Ноайля удержало Людовика XV отъ исполненія проэкта Боневаля. Маршалъ представлялъ королю, что союзъ старшаго сына Церкви съ «врагомъ христіанскаго имени» возбудитъ общее негодованіе и отклонитъ отъ оружія Франціи Божіе благословеніе» **).

---

*) Vandal, Une Ambassade..., 159.

**) Vandal, Une Ambassade, 208—209, 213. Боневаль возражалъ на доводы приличія: самъ папа-де навѣрное благословитъ короля воспользоваться турками для великой цѣли—увеличенія его могущества противъ враговъ—«еретиковъ», которые одинаково прокляты (bien damnés), какъ и турки. Тамъ же, 296. Солдатъ возражалъ, но католическая сутана на его мѣстѣ, вѣроятно, говорила бы въ пользу Боневаля. У знаменитаго аббата Мабли, напр., мы встрѣчаемъ цѣлые рецепты для охраненія Турціи, самые нѣжные родительскіе совѣты «Турецкая имперія, окруженная врагами, должна полагаться лишь на самое себя, учитъ онъ въ своемъ Le droit public. Это

Но сама Порта грозила, но не двигалась войны не объявляла, наоборотъ, какъ увидимъ ниже, временами мечтала даже о дружбѣ съ Россіей. Для нея достаточнымъ источникомъ душевнаго удовлетворенія было припоминать себѣ Прутъ, и фантазія восточнаго человѣка тѣшилась представленіемъ себѣ Петра и его солдатъ въ положенія школьниковъ послѣ урока строгаго учителя—«въ слезахъ и мольбахъ», какъ иногда выражались предъ нами турецкіе сановники. Было даже время—первое время дѣятельности Вильнева, когда посолъ отчаявался одолѣть вліяніе представителей Россіи и Австріи, которые страхомъ налагали свои желанія на Порту, отчаявался выполнить свою миссію *). Но его вынесъ Боневаль.

положеніе пресквернoе, но она можетъ себѣ пособить, пользуясь раздорами въ христіанскомъ мірѣ. Еслибы Порта умѣла улавливать благопріятные моменты, то войны, которыя ведутъ между собою извѣстныя державы были бы столькими же диверсіями въ ея пользу» (I, 235. Ср. выше). Наконецъ, и аббатъ Ложье работалъ надъ своей знаменитой «Исторіей Бѣлградскаго міра», чтобы выступить защитникомъ турокъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. «Увидятъ, говоритъ аббатъ въ предисловіи, что эти турки, въ которыхъ предполагаютъ одно невѣжество, столь же освѣдомлены въ своихъ интересахъ, столь же ознакомлены съ видами и системой другихъ дворовъ, столь же искусны въ своихъ дѣйствіяхъ, столь же тонки въ своей политикѣ, какъ и народы, духъ коихъ просвѣщенъ высшей культурой. Увидятъ, что Россія, поднятая на высокую степень значенія Петромъ I, преслѣдуетъ смѣло предначертанія этого великаго человѣка... Поймутъ, чѣмъ эта держава можетъ стать впослѣдствіи, если Провидѣніе дастъ ей еще другихъ Петровъ Алексѣевичей (des Pierre Aléxeiowits)». (I, VI). Ср. о проэктѣ Боневаля ниже.

*) Въ громадной инструкціи Вильневу канцлеръ d' Aguesseau требовалъ отъ него — «maintenir notamment les prérogatives de la dignité et empêcher qu' elle ne soit a v i l i e par les entreprises des turcs». Vandal, Une Ambassade.... 75. Отказаться отъ всего своего прошлаго, проложить для себя новый путь въ политикѣ, и королевская, и императорская, и республиканская (Берлинскій трактатъ 1878 г., Обокъ) Франція не могла. Сомнительно, чтобы проэктъ союза съ Франціей, бывшій-де въ рукахъ умирающаго Петра, чтобы его Елисавета на французскомъ престолѣ—принесли благо Россіи. О желаніи Петра видѣть дочь Елизавету за Людовикомъ XV, о планахъ его, объ интригахъ противъ брака разныхъ любовницъ на мѣстѣ, въ Парижѣ, см. первый историческій трудъ Вандаля: «Louis XV et Élisabeth de Russie», Paris, 1882. Ср. слабую статью его-же въ «Revue hebdomadaire», oct. — «L'aurore d'une alliace» — франко-русскаго союза, также письмо Бонака 1720 г. изъ Константинополя, въ Приложеніяхъ къ наст. книгѣ. Дочери Петра пришлось бы перемѣнить религію, а тѣмъ и

Гдѣ же причина инерціи Порты? Дѣла въ Персіи. Съ тѣми дѣлами Портѣ «налилось до горла», доносили изъ Константинополя уже давно, а теперь той Персіи, которая «чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ нападенія турецкихъ войскъ затоптана и разорена была, отъ бунтовщиковъ претерпѣвала озлобленія», Россія возвратила завоеванія Петра (Баку, Дербентъ), ибо отъ нихъ одно великое «казнѣ жалованіе», а въ мартѣ 1735 г. Шафировъ подписываетъ «трактатъ вѣчнаго союза», по которому Персія обязывалась «крѣпко содержать россійскихъ пріятелей, а непріятелей за непріятелей имѣть», а «за злые и обманные поступки турокъ войну и внутрь продолжать». Союзъ съ Персіей произвелъ сильное впечатлѣніе въ Константинополѣ. Порта рѣшила послать хана въ Дагестанъ, чтобы укрѣпить тамъ, на Каспійскомъ морѣ, вліяніе Турціи. Произошли сильныя стычки у русскаго посла съ визиремъ. «Напрасно болѣе словъ умножить, говорилъ визирь, ханъ итти имѣетъ, безъ предосужденія россійской дружбы, а что резидентъ поминаетъ о сопротивленіи и движеніи генераловъ, развѣ съ обѣихъ сторонъ за честь похотятъ. Впрочемъ, видитъ онъ, визирь, что резидентъ вступаетъ въ ярость и высоко говорить начинаетъ: вѣдалъ бы, что и онъ высоко и твердо говорить умѣетъ, когда потребно; только что нынѣ до того не дошло». Посолъ замолчалъ, «видя ихъ всѣхъ въ огнѣ горящихъ, даже до самого визиря, краснѣвшагося, но умомъ преодолѣвающагося, которому послѣдуя прочіе кричать не посмѣли». Но въ концѣ визирь вынужденъ былъ писать Остерману объ этой «важной матеріи». Политика наша—«Порту увязить въ персидскія дѣла», для чего мы уже, между прочимъ, въ 1730 г. изъ армянскихъ добровольцевъ формировали полки—страшно парализовала французскую *). Еще въ 1730 г. нашъ резидентъ у Порты

разобщиться навсегда со своими. Вѣкъ Вольтера по одному ярлыку былъ вѣкомъ свободомыслія; самая жизнь Франціи была исполнена католическаго фанатизма, чему свидѣтелемъ пришлось быть и самому фарнейскому философу. И Бонсваль не суетно величалъ насъ еретиками. Онъ зналъ своихъ. Позже, но пришлось бы возвратиться къ союзу съ Австріей, къ политикѣ Остермана 1726 г. Только сегодня наши отношенія къ Франціи уравнялись и дозволительно вѣрить, что чѣмъ дольше тянулся періодъ вѣковаго искуса, тѣмъ прочнѣе установившійся ладъ....

*) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. № 6707. Ср. № 6648. Донесенія резидента Неплюева у Порты 31 авг. 1729 г., 4 сент. 1730, г. 15 мая 1735 г въ М. Гл. Ар. М. И. Д. Ср. Приложенія.

писалъ о Вильневѣ: «по состоянію посольскому и особляво по природному французовъ легкомыслію къ интригамъ всего рода, кромѣ пакости ожидать невозможно. Но не мню, чтобы преуспѣть въ чемъ могъ, покуда Порта своего интересу гдѣ не усмотритъ» *).

Здѣшнее государство въ сильномъ разслабленіи—постоянно повторялъ этотъ резидентъ, первый постоянный русскій посолъ у Порты, ставленникъ еще Петра, Неплюевъ, и совѣтуетъ, не теряя времени, самимъ воевать турокъ, хотя давно припасаемый Франціей «мазепинецъ» Орликъ былъ уже нареченъ гетманомъ и жилъ около Бендеръ, поджидая, чтобы вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ поднять Украину. Извѣстившись о взятіи при борьбѣ за польское наслѣдство русскими Данцига (Гданска), Неплюевъ прямо указывалъ, что если Россія успѣетъ польскія дѣла совершенно успокоить, то не лучше ли турокъ остановить, не дожидаясь, когда персіяне утомясь склонятся къ миру съ ними; а если начнется съ турками война, то персіяне могутъ ободриться.

Французскій посолъ требуетъ отъ Турціи войны съ Россіей, русскій — требуетъ отъ Россіи войны съ Турціей. Франція пугаетъ снова нашествіемъ русскихъ, а русскій посолъ пишетъ—итти, воевать, не пропускать удобныхъ обстоятельствъ «въ поправленіе столь предосудительнаго трактата и намѣреніе вѣчно-достохвальныя памяти Петра Великаго совершить».

Два врага, но сходятся въ средствѣ для своихъ противуположныхъ цѣлей, требуютъ для своихъ, взаимно исключающихъ видовъ, одного и того же — войны. Положеніе оригинальное и едва ли не единственное въ своемъ родѣ. Эта жаркая борьба русской и французской дипломатіи въ Турціи, въ первую половину 30-хъ годовъ XVIII столѣтія, приведшая, наконецъ, къ войнѣ 1735 года, настолько любопытна, что считаемъ удобнымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Эти страницы ближе познакомятъ насъ съ жизнью на Босфорѣ въ эпоху открывавшагося паденія Турціи, съ былою жизнью того историческаго «воспнаго гнѣзда», какъ мѣтко называлъ Константинополь нелюбившій его Неплюевъ, которое и сегодня почти столь же

---

*) Гл. М. Арх. М. И. Д. Тур. дѣла. 1730. Св. 31/ѣ № 8.

опасно и требуетъ къ себѣ самаго осторожнаго отношенія, да старыя осы не смѣнятся горшими. Наконецъ, мы познакомимся съ необыкновенною наблюдательностью, рабочимъ духомъ, мѣткостью сужденій и лапидарностью языка нашего перваго дипломата на Босфорѣ, учившагося и работавшаго на мѣдный грошъ.

Въ январѣ 1721 года былъ назначенъ «ко двору султана для пребыванія ради престереженія его царскаго в—ва интересовъ въ характерѣ резидента» морскаго флота отъ галеръ поручикъ Иванъ Неплюевъ, недавно еще воротившійся изъ Корфу и Кадикса, гдѣ учился *). Въ сентябрѣ онъ прибылъ въ Константинополь. Знаніе итальянскаго языка и также знаніе Востока указало Петру выборъ молодаго морскаго офицера на постъ нашего перваго посла у Блистательной Порты.

Поселившись въ грязномъ домишкѣ бѣднаго греченка въ Перѣ — неблистательное представительство при Блистательной Портѣ, Неплюевъ открылъ здѣсь свою убогую, со скудными средствами въ людяхъ и деньгахъ, но безъ устали работавшую, дипломатическую мастерскую—великій образецъ для другихъ **). Сейчасъ же онъ встрѣтилъ расположеніе со стороны представителя Франціи, де-Бонака, котораго тогда же канцлеръ Головкинъ горячо благодарилъ за «всю возможную ревность», оказанную имъ къ интересамъ Россіи раньше, и выразилъ надежду, что онъ и впредь «для дружбы, которая между ихъ в—вами, государями нашими, есть, въ томъ добромъ намѣреніи продолжать будетъ». Это былъ отвѣтъ на заявленіе Бонака служить «avec beaucoup

---

*) Родился 1691 г въ бѣдной дворянской семьѣ Новгородской губерніи, былъ посланъ царемъ учиться, имѣя уже двухъ сыновей. Послѣ личнаго экзамена царемъ, Петръ сказалъ: «въ этомъ маломъ путь будетъ», и не ошибся. Обстоятельная біографія этого субалтернаго птенца гнѣзда Петрова принадлежитъ казанскому молодому ученому, В. Н. Витевскому: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край», Казань 1888—1895. Всегда пріятно, когда мѣстныя силы не рвутся за облака: вездѣ у насъ слишкомъ много своей серьезной работы. Дѣятельность молодыхъ нашихъ архивныхъ коммисій достаточно поддерживаетъ меня. Это дорогіе наши культурные пункты.

**) «C'est là (Pera, Galata) où demeurent la plûpart des Ambassadeurs et des marchands étrangers», говоритъ Боневаль въ своихъ «Memoires», Londres 1738, p. 365.

d'empressements», чтобы только «répondre à la bonne intelligence qui est entre le roi mon maître et Sa Majesté Czarienne» (отъ 19 ноября, см. Приложенія, I).

Безпорядки въ Персіи и движеніе Петра за Кавказъ, къ Шемахѣ, вызвали тревогу на Босфорѣ. «По взятіи Шемахи послали своихъ людей къ Портѣ, требуя протекціи», доносилъ Неплюевъ. Ему отвѣчали—разсчитывать на французскаго посла, что онъ удержитъ турокъ отъ «вступленія въ персидскія дѣла», а Портѣ объявить, что Россія «намѣренія не имѣетъ, чтобы какія провинціи завладѣть изъ Персіи».

Но противъ поддержки французскаго посла былъ легіонъ навѣтовъ отъ другихъ, и Неплюевъ доноситъ въ апрѣлѣ (1722), что австрійцы, англичане, венеціанцы разглашаютъ, что «ваше в-во изволишь итти противъ ребелевъ персицкихъ, а овладѣешь Персіей, присовокупишь Арменію и Жоржію, и оттого будетъ Турціи разореніе», что «не вдолгѣ царь и турокъ аттакуетъ», но уже съ востока, отъ Малой Азіи.

Такъ «персидскія» дѣла незамѣтно стали своими для Турціи. Она объявила, что «жоржіанъ въ подданствѣ Россіи имѣть не позволитъ и будетъ резиковать войну, пусть его в-во соизволитъ изъ персихъ странъ ретироваться въ свое имперіумъ». Она постепенно втягивалась въ нихъ, желая чѣмъ либо изъ Персіи «покорыстоваться», пока не открылась у ней война съ Персіей, протянувшаяся, не безъ нашего тайнаго участія, десятки лѣтъ и едва не сгубившая самое Турцію, за ея жадность, за ея неясыть, какъ говорилъ Неплюевъ.

Такимъ образомъ, при началѣ персидской ребеліи русскій и французскій дипломаты были за одно, одна душа. «Бонакъ совѣтовалъ, пишетъ Неплюевъ въ январѣ 1723 г., вооружиться всѣми силами, а между тѣмъ мы будемъ здѣсь модерировать, елико будетъ возможно», такъ что Порта пригрозила Бонаку, что посолъ «слишкомъ на русской сторонѣ и она будетъ писать о томъ королю». Общими силами вынудили они у Порты «Инструментъ» 1724 г. о «порціяхъ» на Кавказѣ, русской и турецкой.

Но это отношеніе круто измѣнилось съ австрійскимъ союзомъ 6 августа (н. с.) 1726 года, хотя Неплюевъ все завѣрялъ своего недавняго друга, что по силѣ указовъ никакой отмѣны нѣтъ, но, «вяще признаваемъ, что между Россіей и Франціей добрая корреспонденція происходитъ, а въ аліанцъ не вступили». Но

курьеръ уже въ январѣ привезъ вѣсть отъ господаря Маврокордата изъ Яссъ, этой политической обсерваторіи Турціи на Сѣверѣ, что аліанцъ Россіи и Австріи уже при заключеніи — «дабы Порта заблаговременно свои мѣры воспріимала».

Первою мѣрою былъ, понятно, полный оборотъ къ Франціи, особенно, когда австрійскій резидентъ Дирлингъ прочелъ наивную лекцію визирю, что «россійскій аліанцъ можетъ быть и Портѣ со временемъ полезенъ по такому разсужденію: что еслибы у цесаря съ Портою какая студенность явилась, тогда Россія чрезъ свои дружескія старанія можетъ тое студенность безспорно прекратить, и наоборотъ, и тако всѣ три имперія могутъ быть всегда въ покоѣ и доброй дружбѣ». Какъ это ни наивно было, но Остерманъ похвалилъ и своею рукою написалъ на донесеніи Неплюева: «мнится, что, хотя-бъ съ обоихъ сторонъ до подлиннаго заключенія союзу, тако при Портѣ говорить продолжать повелѣть, дабы турковъ прежде времени зъ европейской стороны въ осторожность не привесть».

Уже 21 февраля доноситъ Неплюевъ, что французскимъ посломъ получены изъ Вѣны письма отъ Ришелье, и онъ «свѣдомъ заподлинно, что посолъ по тѣмъ письмамъ Портѣ предлагалъ, что который аліанцъ трактуется, не токмо Портѣ, но и французскимъ интересамъ въ противность, того ради требовалъ, дабы Порта наикрѣпчайшія мѣры приняла къ развращенію онаго союза». Наивны были пріемы Неплюева, что съ цесарскимъ резидентомъ «продолжаетъ конфиденцію, однакожъ, для подозрѣнія отъ другихъ, не весьма явно», но «что̀ надлежитъ, другъ другу обращательно сообщаемъ». «Я провѣдывалъ чрезъ разные способы, какое дѣйство союзъ имѣетъ, на что отъ многихъ увѣренъ, что хотя Портѣ внутренне чувственно, однако, она не показуетъ себя, что ей противно».

Дѣло было ясное и за немного дней до подписанія союза (6 авг. н. ст.) Неплюевъ долженъ былъ признаться: «нынѣ при здѣшнемъ дворѣ иныхъ друзей (т. е. кромѣ австрійскаго) не имѣемъ. Французы не только отступились, но и непріятелями обратились».

Турція была занята дѣлами въ Персіи. При посѣщеніи однажды визиря, Неплюевъ нашелъ его «полумертва, онъ безстыдно вздыхалъ якобы родильница», и все изъ-за Персіи. Естественно, если и Франція, и цесарь были пока въ сторонѣ, практика стра-

щаній была не ко времени. «Какъ бы ни было небезчувственно туркамъ согласіе в. в — ва съ цесаремъ, но молчаніемъ препровождаютъ и показуютъ, якобъ то до нихъ не касательно. Французскій посолъ по се число ничего знатнаго не производитъ, а подъ рукою сколько можетъ вредитъ, но мало весьма кредиту имѣетъ, яко признанъ за легкомысленнаго человѣка. Хотя было мнѣніе, будто онъ предлагалъ, чтобъ Порта скорѣе персидскія дѣла успокоила, чтобъ вмѣстѣ имъ цесаря атаковать, но сіе неправда». Но долго ли могъ утѣшать себя Неплюевъ легкомысленностью французскаго противника?

Прошло немного времени и въ январѣ 1727 г. иныя рѣчи. Тотъ же легкомысленный человѣкъ (Бонакъ уже не былъ въ живыхъ) «хотя не предложеніемъ, но иными всякими способы внушаетъ муфтію и другимъ—въ Персіи миръ учинить возможно скорѣе, а между тѣмъ могла бъ Порта, съ Франціей согласясь и съ прочими гановерскими алирты (т. е. съ Англіей, Пруссіей), Ст. Лещинскаго на польскій престолъ произвести и чрезъ то россійскаго имперія съ нѣмецкимъ комуникацію пресѣчь, дабы они другъ другу помогать не могли. А ежели имперія въ покоѣ останутся и Польшу себѣ въ союзъ обяжутъ, а венеціяне имъ же послѣдуютъ, въ такомъ случаѣ со временемъ и Портѣ немалый вредъ приключиться можетъ».

Такимъ образомъ, отъ разу указаны тѣ пункты, которые составили существо дальнѣйшей политики противъ Россіи: политику изъ Азіи перевести въ Европу, съ парализаціей свѣжаго союза, въ противномъ случаѣ—необходимый припѣвъ: бѣда Турціи. Все это было припасено давно; во время Бонака, нашихъ мечтаній объ альянцѣ съ Франціей, припрятано, но теперь вынуто изъ арсенала. Позже ни на йоту новаго. Очевидно, въ послѣдовательности политикѣ Франціи отказать нельзя. Если король Польши былъ еще съ здоровыми ногами, а Станиславъ уже на сценѣ: то ясно, что̀ будетъ съ Версалемъ, когда стараго Августа уложитъ въ гробъ подагра....

Дѣла въ Персіи затянулись. Но какъ съ честью выйти? «Дворъ персидскими дѣлами весьма отягченъ и почитай сами не знаютъ, что дѣлать. Не токмо султану и министерству, но и всему народу война омерзѣла и несносна». Порта готова требовать даже помощи отъ Россіи: «весьма крѣпко стоятъ въ томъ, чтобъ грузинскаго царя Вартанга изъ Персіи вывесть повелѣть

и за великое себѣ подозрѣніе то считаютъ», пишетъ Неплюевъ въ іюнѣ. Онъ понимаетъ всю пользу разлада въ Азіи, но онъ постоянно у опасенія, что «турки, наслѣдственные христіанамъ непріятели, вмѣсто того, чтобъ имъ обще примириться (съ персами), будутъ подъ рукою побуждать противъ Россія».

Убѣжденный, что турки «къ генеральной войнѣ съ Россіей апетитъ едва имѣютъ ли, такъ какъ съ европейской стороны никакихъ пріуготовленій нѣтъ, а скоро и тайно имъ приготовиться невозможно», Неплюевъ все тревоженъ за наше положеніе въ Персіи. «Сей дворъ, предостерегаетъ онъ въ іюнѣ 1728 г. командующаго тамъ генер. Левашева, какъ и всѣ варвары яростны и вспыльчивы, которыхъ задирать не надобно, яко осиное гнѣздо трогать, а и въ своемъ упущать невозможно, ибо они, взявъ кафтанъ, потребуютъ не только камзола, но и рубашки. Сколько я по здѣшнему признаваю, турки нынѣ не имѣютъ прямаго апетиту съ нами войну начать, но интригами и варварскими поступками насъ истѣснить въ Персіи. Надобно съ нашей стороны осторожность и сила—своего не упустить, и поводъ на себя не подать». Увѣренность въ отсутствіи аппетита Неплюевъ основывалъ на опытѣ, на наблюденіи. Въ виду притязаній Порты—требовать поселить запорожцевъ — «народъ бунтовливый, непостоянный, обыкшій похищеніемъ кормиться», въ глубь Украины, Неплюевъ не допускаетъ, чтобы изъ-за этого турки «легкомысленно провинціи Россіи дѣйствительно обезпокоить дерзнули», ибо «генеральной войны они удаляются по многимъ причинамъ: неискусство войскъ своихъ знаютъ, министерство покою ищетъ, въ случаѣ успѣховъ въ Персіи (отъ чего Россія малый вредъ почувствуетъ, какъ они сами вѣдаютъ) съ европейской стороны подъ часъ войны могутъ они потерку имѣть, гдѣ у нихъ никакихъ пріуготовленій; одинъ Азовъ не промѣняютъ на всѣ персидскія провинціи для всей опасности и дальнихъ изъ того отъ страны в. в — ва произвожденій». Конечно, онъ не ручается за случай, при перемѣнѣ министерства или при какомъ иномъ «акчидентѣ»: тогда бываютъ у нихъ «скоромышленныя слѣпыя мѣры».

Между тѣмъ положеніе наблюдательнаго Неплюева осложнялось дурнымъ отношеніемъ къ нему Порты. Его обвиняли въ упорствѣ и грозили въ Россію выслать, чтобъ иного прислали. Подошла и болѣзнь. «Яко воскъ таю, пишетъ онъ Остерману;

слабъ нахожусь въ истину, сердцемъ радъ, но сила немощна къ исправленію должности; прошу на мѣсто меня иного резидента прислать, ибо я не вижу пути къ преодолѣнію болѣзни моей». (Онъ позже утверждалъ отраву изъ своей поварни). Но какъ разъ наступило время, когда опытный дипломатъ и долженъ былъ оставаться на мѣстѣ и, хотя больной, усилить послѣднюю свою энергію въ престереженіе интересовъ Россіи. Остерманъ на просьбѣ отъ отзывѣ могъ написать: «по моему мнѣнію, надобно бы какого человѣка къ нему послать для вспоможенія и обученія, который на его мѣсто позже тамъ употребленъ быть могъ-бы». Выборъ былъ, какъ оказалось сейчасъ, крайне неудачный: былъ посланъ унтеръ-лейтенантъ Ушаковъ, правда, на время, «пока на мѣсто Неплюева другая пристойная особа приищется».

Неплюевъ былъ немощенъ, на подмогу высылается мало пристойная особа, и это тогда, когда «легкомысленный» посолъ умеръ и на его мѣсто выбранъ энергическій маркизъ Вильневъ, съ категорическимъ требованіемъ — поднять старый престижъ, поблёкшее обаяніе Франціи. 16 октября 1728 года Неплюевъ доносилъ: «французскаго посла г. Вильденова ожидаютъ сюда въ окончаніи сего мѣсяца». Съ прибытіемъ Вильнева начинается періодъ активной борьбы у Неплюева, приводившей его до изнеможенія. Точки французской программы остались знакомыя, тѣже пріемы, но тактика поведена съ ожесточеніемъ въ направленіи: страшать Россіей и въ тоже время толковать «химеры» о ея «уничтоженіи», т. е. несостоятельности, объ общемъ неудовольствіи, при наличности «чужестранныхъ у команды», откровенно заявлять «небезпродерзостныя мечтанія» о возможности внутреннихъ революцій и распаденія Россіи, чтобы только достигнуть послѣдней завѣтной цѣли — подвинуть Турцію на войну, съ полной вѣрою въ пораженіе Россіи, этого кошмара для французской политики.

Въ одномъ и томъ же ноябрѣ 1728 года на Босфорѣ появилось два новыхъ лица, неравнодушныхъ, но въ обратномъ отношеніи, для Неплюева: новые послы Франціи и Австріи, маркизъ Вильневъ и Талманъ. Уже первое вступленіе ихъ на территорію Босфора ясно показало зоркому русскому дипломату, какъ трудно будетъ ему престерегать порученные интересы при демонстративно заявляемыхъ отъ Порты своихъ противуположныхъ

чувствахъ: широкія объятія одному, врагу, оскорбительное невниманіе къ другому, союзнику — однополчанину; пышный въѣздъ въ столицу француза и вынужденно скромное появленіе австрійца.

«22 ноября, пишетъ Неплюевъ, прибылъ сюда на военномъ кораблѣ, имѣя при себѣ фрегатъ, г. Вильновъ съ женою и когда корабль поровнялся противъ дворца, тогда отдавалъ честь изъ 21 пушки, толикое число и изъ фрегата. Потомъ, вошедъ въ портъ, вторичное поздравленіе чинили. 23 посолъ съѣхалъ съ корабля при пушечной стрѣльбѣ и прибылъ въ свой посольскій дворъ».

Тремя недѣлями раньше пріѣхалъ Талманъ, сухимъ путемъ, въ Кучюкъ-Чекмедже, «разстояніемъ три часа отъ Константинополя и требовалъ у Порты, дабы ему встрѣчу учинили, въ чемъ ему отказали, показуя резонъ, что не токмо резидентамъ, но и посламъ резидующимъ встрѣчи не бываетъ».

Правда, Неплюевъ тогда же былъ не безъ утѣшенія: маркизъ былъ очень вѣжливъ. Сейчасъ же Вильневъ «послалъ ко всѣмъ здѣсь чужестраннымъ министрамъ съ нотификаціей о пріѣздѣ, въ томъ числѣ и ко мнѣ присылалъ одного своего секретаря», доносилъ Неплюевъ. Утѣшало его и другое обстоятельство, что маркизъ совсѣмъ новичекъ-дипломатъ: «скоро, продолжалъ онъ, посла узнать невозможно — какого состоянія; токмо нынѣ видно, что онъ ко всѣмъ политически благопріятно поступаетъ, а впрочемъ о немъ извѣстно, что посолъ изъ статскаго чина, а въ министерствѣ не бывалъ». Какъ же горько пришлось Неплюеву, когда этотъ новичекъ статскаго чина обнаружилъ всю свою энергію, умѣнье и знанія, потребовалъ и отъ него новыхъ и новыхъ усилій!

Прежде всего съ Востока послышался повышенный тонъ— прогнать насъ изъ Кавказа, и Неплюевъ «опасенъ начатія войны», развѣ поможетъ союзникъ. «Хотя турки и не объявятъ войны, но ежели къ войнѣ будутъ пріуготовленіе чинить, изъ того явно будетъ ихъ намѣреніе, чему заблаговременно ремедіе потребно». Но если, разсуждалъ Неплюевъ, вѣнскій дворъ повелитъ своему резиденту «сильно вступаться и показать себя участникомъ во всемъ, въ такомъ случаѣ турки отважить себя къ ссорамъ не дерзнутъ, и впредь не безъ труда имъ на то помыслить, особливо, покуда межъ христіанскихъ потентатовъ

покойно». Переводчикъ Гика въ конфиденціи сообщалъ, что всѣ пограничные паши пишутъ, что «ежели Порта не изженетъ Россію изъ Персіи, никогда своего владѣнія тамъ не утвердитъ, ибо россійскіе командиры народы ихъ противъ Порты возмущаютъ и протекцію имъ употребляютъ», но изгнать не трудно: войскъ мало.

Предъ Неплюевымъ вездѣ «коварные поступки», нужны деньги, а онъ безъ нихъ: «по малой мѣрѣ, пишетъ онъ въ февралѣ 1729 г., тысячъ 5 червоныхъ потребно, дабы дневной пищи не лишиться, къ тому-жъ тайную корреспонденцію имѣть нужно, а она недешева».

Но яснѣе картина готовящихся «замашекъ» въ письмѣ къ русскому послу въ Вѣнѣ, Ланчинскому, подписавшему договоръ 1726 года, плановъ подъ диктовку французовъ. «Изъ Анатоліи кавалерія на цесарскія границы — въ Нису, Видинъ, Хотинъ; изъ Валахіи и Молдавіи множество людей наряжено, чтобъ фортификаціи въ Видинѣ наискорѣе окончить, изъ Македоніи войско опредѣляется въ Босну, а прочее къ Азову. Пусть же прикажутъ Талману объявить, что ежели турки медіацію не примутъ и тѣмъ ихъ унять невозможно, то цесарь при разрывѣ съ Россіей возпріиметъ участіе, яко союзникъ». Онъ прибавляетъ далѣе, что «турки разсужденіями своими блазнятся, что цесарь за разрывъ участіе не приметъ, а п о с т о р о н н і е имъ толкуютъ, что конъюнктура имъ способна нынѣ Россію атаковать, дабы тѣмъ союзъ разрушить: цесарь, опасаясь европейскихъ державъ, Франціи и пр., за Россію не вступится, за что Россія, на его озлобясь, союзъ съ нимъ оставитъ, потомъ, учиня съ Россіей миръ, способно будетъ и цесаря атаковать». Онъ недоумѣваетъ — «понять не могу, заключаетъ письмо, отъ чего на нихъ в д р у г ъ альтерація пришла»; но поведеніе французскаго посла готовъ считать корректнымъ: «прямо никакихъ противностей не видно; однако натурально, что хотя французы и агличаня формально не предлагаютъ ничего намъ въ противность, но къ пользѣ нашей говорить не будутъ». Но тутъ-то Неплюевъ ошибался: п о с т о р о н н і е и были виновниками альтераціи. Неплюевъ самъ горько жалуется, что онъ прямо лишній на Босфорѣ: «моихъ предложеній не слушаютъ, о дѣлахъ не сообщаютъ и въ посылкѣ курьеровъ воспрещаютъ». Это воспрещеніе стояло въ связи съ посылкою на Сѣверъ отъ Порты

аги, который, по словамъ посла, умный, греческій языкъ довольно знаетъ, а, по слухамъ, отчасти и русскій. «Мнятъ, что его нарочно избрали, дабы онъ нынѣшнее Россійскаго имперія состояніе и правленіе могъ увѣдать и усмотрѣть». Эта тайная цѣль, очевидно, результатъ нашептываній отъ француза — о нѣмецкой «командѣ», объ общемъ якобы неудовольствіи въ Россіи.

Но немного времени и—тонъ мажорный. «Не поползнутся, пишетъ Неплюевъ, къ пакостямъ, хотя Портѣ и весьма непріятно, что въ Персіи у всѣхъ народовъ, даже у ихъ подданныхъ, Россія кредитъ нашла. Кредитъ этотъ въ тѣхъ странахъ отъ народовъ, какъ нынѣ, такъ впредь, при всякомъ случаѣ весьма способенъ». Онъ мечтаетъ о фланговой аттакѣ на Турцію. Дѣло въ томъ, что мелкія дѣла въ Триполи повели на время къ ссорѣ, и крупной, съ самимъ Вильневомъ, чѣмъ и объясняется «политичность» его къ Неплюеву.

«Вильновъ, пишетъ Неплюевъ въ Вѣну, въ мартѣ 1729 г., обходится со мною политически и никакого противнаго вида не показалъ; въ дѣлахъ своихъ о примиреніи съ триполитанцами ничего не успѣлъ, хотя на словахъ его Порта и манила», что она не дозволитъ Франціи атаковать Триполи. Тоже онъ повторяетъ и въ Петербургъ. «Вильновъ всѣми способы старался, чтобы Порта къ примиренію и сатисфакціи триполитанцовъ принудила, что, въ противномъ случаѣ, принуждены Триполи сильно бомбандировать и разорить; сверхъ того посолъ давалъ Портѣ знать, что несходственно Франціи съ триполитанцами въ войну обязать, понеже Франція Портѣ небезспособна была всегда, когда Порта съ христіанскими государи войну имѣла, что-жъ и впредь случиться можетъ». Въ послѣднихъ словахъ откровенно обозначена политика Франціи въ прошломъ и возможная въ будущемъ, тогда какъ Вѣна все лукавила и играла на-двое. Правда, Вѣна не отказалась отъ заявленія предъ Портой о близости и ей интересовъ Россіи, но не болѣе; Неплюевъ же не того ожидалъ. «Хотя, пишетъ онъ въ апрѣлѣ, бывшая турецкая алтерація по видимому не возрастаетъ, но, при запальчивыхъ предвоспріятіяхъ турокъ, цесарскому резиденту надо точный указъ имѣть — колико интересоваться о дѣлахъ в. в—ва при Портѣ, когда нужный случай позоветъ».

Размолвка съ Вильневомъ, появленіе, хотя и слабой, под-

могли изъ Вѣны заставили Порту ограничиваться одними упреками Россіи изъ-за Персіи, но «намѣренія къ войнѣ министры не имѣютъ». Упреки сводились къ одному—что Россія поддерживаетъ среди грузинъ, армянъ волненіе мечтами о свободѣ: «Вахтана-хана сынъ зимовалъ съ русскимъ войскомъ, побуждаетъ къ бунту противъ Порты, обнадеживая съ помощью Россіи возстановить вольное владѣніе въ Абазѣ, Мингреліи и Жоржіи». На поддержку того-же умягченнаго тона явились и другіе «акчиденты»: возвращеніе аги съ запасомъ охлаждающихъ извѣстій, болѣе сильный шагъ Вѣны и заявленіе самой Россіи. «Алтерація двора по видимому не распространяется и въ посылкѣ курьеровъ мнѣ не запрещаютъ», писалъ теперь Неплюевъ. Онъ возвратился къ старой «практикѣ», вошелъ опять въ значеніе. Это была его побѣда.

Ага изъ Россіи проѣхалъ въ Швецію — испытывать почву. Онъ привезъ письма отъ короля и гр. Горна, но «единно сильно, что ага Швецію объявилъ слабу и ко всякимъ дѣйствамъ безнадежну, а россійское имперіе въ добромъ состояніи показалъ». Спустя немного времени пришли добрыя вѣсти и изъ Вѣны, что цесарь «обязанъ кровностью и союзомъ», что хотя персидскія ссоры и пусты, но «ежели не будутъ пресѣчены, то до марсовыхъ дѣйствъ произойти могутъ легко; ежели Порта къ войнѣ себя декляруетъ, то онъ все то исполнитъ, елико по трактату обязанъ».

Съ полнымъ эффектомъ Неплюевъ провелъ конференцію съ визиремъ 1 мая, хотя и «умѣренно поступалъ». Онъ заявилъ о приказаніи—силу силою отвращать. Это «побудило туровъ безпродолжительно гордость свою въ миролюбіе обратить и распаленный свой пламень ярости угасшимъ показать». Своими «отвращеніями» и «представленіями», т. е. угрозами, о могущихъ произойти «безпокойныхъ консеквенціяхъ» для обѣихъ имперій Неплюевъ достигъ того, что они «одумались, что наговорили много и дѣла въ алтерацію великую привели, а сами не въ состояніи: хотя-бъ въ Персіи могли къ дѣйствамъ себя исправить, но съ европейской стороны открыты». Грозная суматоха по поводу «затѣвъ» Румянцева на Кавказѣ на время отложена, хотя «претензій своихъ ни въ чемъ не оставили—диссимуляцію чинятъ». Нужна была болѣе сильная иниціатива отъ «постороннихъ» и она явилась.

Уже въ привезенныхъ изъ Швеціи письмахъ говорилось, что французскій и англійскій послы указывали агѣ, что «Франціи и Англіи приличнѣе съ головы начать, т. е. здѣсь предлагать, нежели въ Швеціи говорить». Правда, Неплюевъ замѣчалъ, что «здѣсь по се число отъ нихъ того не видно», развѣ что на словахъ ага кое-что сообщалъ «къ поврежденію интереса» Россіи; но скоро и голову тронули вопросомъ старымъ, но который всегда былъ близокъ Франціи — вопросомъ о Польшѣ.

Въ іюнѣ 1729 г. Неплюевъ сообщалъ, что старый эмигрантъ Ракоци, согласно съ господарями Молдавіи и Валахіи, доносилъ, что въ Польшѣ имѣетъ быть діэта, т. е. общій сеймъ, для передачи короны отъ Августа сыну, что поляки этого не хотятъ, но король надѣется «въ дѣйство произвести вспоможеніемъ обоихъ имперій и прусскаго короля», но что лучше бы было — Портѣ Лещинскаго послѣ Августа возвести. Съ этою вѣчною кандидатурою скромнаго философа-патріота мы уже встрѣчались: но ее поднялъ теперь слабый голосъ безпріютнаго претендента на венгерскую корону, хотя, вѣроятно, послѣдній былъ тутъ каналомъ для Вильнева, съ тою-же старой аргументаціей. Но при дѣлахъ въ Персіи, отъ которыхъ, по словамъ теперь Неплюева, «напилось Портѣ до горла и приходитъ несносно», ей было не до европейской стороны, не до врага Ракоци, Австріи, и она рѣшила — въ польскія дѣла не вступать явно, иначе пограничныя державы на нее «въ войну подвигнутъ», но признать себѣ въ пользу — подъ рукою согласиться съ Франціей «къ произведенію Станислава на престолъ».

Но чрезъ немного времени послышался голосъ болѣе зычный, другаго политическаго эмигранта и изъ той же Австріи, тоже врага цесаря, но болѣе смѣлаго, а главное — съ выдающимися способностями, образованіемъ, характеромъ, со средствами, голосъ не побирающагося отъ подачекъ стараго нищаго, но страстнаго француза, поставившаго все на карту, чтобы только поднять политически Турцію и отмстить тѣмъ своему кровному врагу — Австріи. Это былъ графъ Боневаль. Онъ не попрошайка, онъ сразу сталъ въ ряды турокъ, принявъ исламъ; Турція для него стала вторымъ отечествомъ, а французская кровь сблизила, общіе

интересы объединили его съ представителемъ Франціи на Босфорѣ. Боневаль сейчасъ же сталъ незамѣнимымъ слугой и другомъ Вильнева, его правой рукою, адвокатомъ, агентомъ, совѣтникомъ, оффиціознымъ публицистомъ — словомъ, маркизъ могъ повторить: само Небо послало врага Франціи во благо Франціи.

31 августа Неплюевъ сообщалъ, со словъ своего австрійскаго однополчанина, двору. «и сего в. в — ву донести не могу преминуть, что изъ цесарской службы высланъ за продерзости артилерный генералъ Боневалъ, который чрезъ Венецію и Далмацію прибылъ въ Турцію, гдѣ отъ бошнискаго (т. е. Босны) паши принятъ съ честію; однакожъ нынѣ Порта въ Константинополь его не беретъ, а усматриваетъ, какого онъ состоянія и что предлагать будетъ, о чемъ резиденту Талману отъ цесарскаго двора указъ присланъ, дабы онъ на поступки онаго прилежно смотрѣлъ». Онъ предложилъ себя въ распоряженіе ислама и дѣло кончено. Впрочемъ, Боневаль былъ уже не одинъ тогда въ Турціи: были мослимы и изъ шведовъ Карла XII (Ибрагимъ переводчикъ), и изъ французовъ. Автобіографическія Записки новаго эмигранта подробно описываютъ и «продерзости» его, и путь отъ Венеціи въ Босну. «Сего августа 26-го, продолжаетъ Неплюевъ, французскій посолъ у визиря приватно аудіенцію имѣлъ для своихъ купеческихъ нуждъ; а какіе разговоры при томъ о системѣ европейской употреблялъ, о томъ скоро увѣдать невозможно». Такимъ образомъ, разомъ отмѣчены Боневаль и Вильневъ, чтобы затѣмъ этой двойнѣ уже не сходить съ реляцій больнаго Неплюева.

Порта все пѣла старую пѣсню, все жалобы на сманку уже татаръ на Кавказѣ, пріемъ ихъ въ службу, что это не дружба, тогда какъ ханъ крымскій въ Буджакѣ «диференцыи свои съ татарами въ добрый порядокъ привелъ». Но Неплюевъ уже повышенно возражалъ: не зачѣмъ Россіи тѣ татаре, войска довольно и противъ самой Порты къ генеральной войнѣ, а придирки Порты могутъ сдѣлать одно — «понудятъ къ дерзновенію со Всевышшаго волею марсову жребію блищцыю отдать, чего, можетъ быть, и Порта не желаетъ». Угроза отвѣчала положенію: Порта слишкомъ запуталась въ Азіи, на горе ея друзей-руководителей въ Европѣ.

1729 годъ завершался полной побѣдой больнаго Неплюева.

Онъ, согласно новымъ указаніямъ отъ Остермана, слышать болѣе не хотѣлъ о медіаціи Вѣны, что австрійскому его товарищу «сперва показалось странно». Но именно теперь уже открывалась совмѣстная энергическая дѣятельность Вильнева и Боневаля, эпоха ихъ внушеній, но, сначала, подъ рукой.

Портѣ не долго пришлось дуться на Францію. Что Триполи—передъ вопросами Европы, напр. такимъ острымъ, какъ польскій? «Отъ французскаго посла, пишетъ Неплюевъ 31 октября, по се число никакихъ противныхъ внушеній при Портѣ не является»; но знаменательно, хотя и съ недовѣріемъ, прибавляетъ: «токмо нѣкоторые мнятъ, будто визирь у него спрашивалъ, какъ его государь признаваетъ о трактатѣ, между Россіи и Порты подъ ихъ медіаціею (т. е. при пок. Бонакѣ, въ 1724 г.) заключенномъ, и онъ отвѣту отъ королевскаго двора ожидаетъ; а о генералѣ Боневалѣ я в. в—ву обстоятельно доносилъ и, елико возможно, опровергать его удобнымъ образомъ не оставлю».

Итакъ, Боневаль открылъ свои дѣйствія, и прямо, противъ Россіи: понадобились опроверженія. Противъ двухъ объединенныхъ французовъ идетъ одинъ больной Неплюевъ—Вѣна всегда оставалась не въ полномъ кредитѣ у Неплюева. Но вотъ впереди завиднѣлся и помощникъ—слѣдить за французами, за ихъ работами на «европейскую систему».

Мы видѣли, что, уже давно больной, Неплюевъ просилъ объ отозваніи. Но ему въ помощь былъ посланъ опять морякъ, Ушаковъ, правда, на время. Но искусъ былъ не въ пользу. Уже въ мартѣ Неплюевъ писалъ: «въ здоровьѣ слабъ; ежели сукцессоръ мнѣ не посланъ, потребна искусная персона, языку латинскому или италіянскому знающая, дабы въ случай слабости моей дѣла не остановились, а лейтенантъ Ушаковъ, котораго я возвратилъ, за незнаніемъ иностраннаго языка, къ правленію здѣшнихъ дѣлъ не доволенъ». Но въ виду усложнявшагося положенія дѣлъ на Босфорѣ, въ виду появленія «политичнаго» Вильнева, Неплюевъ уже болѣе домой не просился: «при нынѣшнихъ конъюнктурахъ отсюда выѣхать просить не дерзаю, но готовъ, покуда онѣ обойдутся, ежели мой бѣдный животъ продолжится, усердно служить, до чегобъ ни дошло, только требую персоны сюда, чтобъ дѣла не остановились». Персонѣ онъ обѣщаетъ довольную практику—пособлять ему, а со временемъ и совсѣмъ «премѣнить, когда

дѣла обойдутся, ежели до войны не дойдетъ». Требуя безусловно съ знаніемъ одного изъ языковъ—латинскаго или итальянскаго, не новаго Ушакова, Неплюевъ дѣлаетъ надбавку, чтобы той персонѣ не былъ чуждъ и французскій: на мѣстѣ-де и онъ съ значеніемъ. Это условіе понятно, послѣ появленія Вильнева и Боневаля.

Въ августѣ желаемую персону «для вспоможенія въ дѣлахъ Неплюеву» Остерманъ нашелъ въ лицѣ Алексѣя Андр. Вѣшнякова, «бывшаго въ Гишпаніи консулемъ» еще отъ времени Петра. 8 сентября 1729 коллегія иностран. дѣлъ рѣшила на пробу: «посылающагося въ Константинополь Вѣшнякова написать въ кредитивѣхъ къ султану и визирю резидентомъ и чинъ надворн. совѣтника, но кредитивовъ, прежде употребленія при Портѣ, не объявлять». Помнился Ушаковъ. Ѣхалъ и племянникъ Николай, для турецкаго языка. Но самъ старый консулъ французскій языкъ зналъ хорошо, даже слишкомъ, и умъ его не рѣдко одна французская реторика.

Такимъ образомъ, въ одно и тоже время на помощь Вильневу явился на Босфорѣ Боневаль, на помощь Неплюеву Вѣшняковъ—для опровержені́й. Онъ прибылъ подъ самое Рождество, взявъ было путь на Сороку (28 ноября), Магуру и Яссы. Но лукавый господарь не допустилъ его сюда: «отъ единаго нашего единовѣрія Порта можетъ принять недовѣрку великую и помнитъ о какомъ съ нимъ согласіи, тайной корреспонденціи». Вѣшняковъ, съ указанія Неплюева, направился чрезъ Рошканъ (Рашковъ?) на Бендеры, 22 декабря верхомъ въѣхалъ въ Константинополь и сразу вступилъ въ школу Неплюева.

«О всѣхъ дѣлахъ, пишетъ Вѣшняковъ, всякое откровеніе и наставленіе мнѣ чинить началъ резидентъ и чему, елико возмогутъ краткія силы понятія моего, прилежать, внимать и учиться не преминну и поступать во всемъ со всякою вѣрностью, воздержаніемъ и осторожностью. По такъ маломъ времени не могу примѣниться довольно, чтобъ мощи осмѣлиться дерзновеніе о чемъ доносить, но оставивъ до другаго, сколько слабость краткоумія моего меня допуститъ». Многословіе — спутникъ Вѣшнякова до конца. Если Неплюевъ слѣдилъ за духомъ, игрой актеровъ, то Вѣшняковъ избралъ для себя сцену, обстановку, прилежно, какъ увидимъ ниже, изучалъ ее, держалъ, понятно, вторую скрипку, и каждый шагъ его подъ провѣркой Неплюева. Такъ, въ одномъ изъ своихъ

первыхъ упражненій Вѣшняковъ доносилъ, что «слышали мы отъ одного посторонняго пріятеля, а не отъ внутреннихъ, что при Портѣ, будто турки желаютъ подъ видомъ татарскихъ продерзостей пожечь корабли и суда, которые на Воронежѣ имѣются, понеже-де они признаваютъ, что сіе при случаѣ можетъ служить в. в—ву въ ихъ вредъ». Объ этой «партикуляритѣ» Неплюевъ замѣчаетъ: «и я слышалъ, хотя видится дѣло невозможное, но предосторожности подлежитъ».

Сама Порта встрѣтила Вѣшнякова со вниманіемъ. Уже на первое его желаніе—«яко сообщнику въ дѣлахъ присутствовать при конференціяхъ», она отвѣчала согласіемъ, и въ первый день Рождества онъ былъ уже на конференціи. Напротивъ, рѣзкое невниманіе отъ французскаго посла. «Всѣ турецкіе министры, жалуется онъ, меня признавали, какъ назначеннаго быть въ резидентскомъ характерѣ, токмо г. маркизъ де Виль-Нейвъ, посланникъ французскій, учинилъ затрудненіе дать мнѣ у себя въ домѣ мѣсто на послѣдней визитѣ г. резидента, говоря, что я еще характера не объявилъ, что визирь и турецкіе министры ему не образецъ. Такой его отмѣнный поступокъ со мною всѣ здѣсь министры зѣло дезапробуютъ, а причины къ такой публичной сингуляритѣ онъ отъ насъ не имѣлъ ни малой. Ни резидентъ, ни я ему ни малаго публичнаго чувствованія о семъ не показали; съ нимъ обычайное пріятельское обхожденіе продолжаемъ, въ которомъ онъ весьма себя показуетъ учтивъ, можетъ быть, хотя загладить свою проступку».

Гдѣ же причина этой сингуляриты? Оскорбленный не понималъ. Она, скорѣе всего, въ знаніи Вѣшняковымъ роднаго языка маркиза: онъ могъ быть иногда неудобнымъ спутникомъ Неплюева, знавшаго лишь итальянскій языкъ.

Таково было водвореніе нашего втораго дипломата на Босфорѣ: его встрѣтила вражда не отъ турокъ, а отъ министра Франціи, который и съузилъ избранную имъ область наблюденій, не подпуская его близко къ себѣ.

Между тѣмъ жалобы Порты на русскихъ въ Персіи шли, какъ и прежде. Особенно не въ милости былъ Румянцевъ, за прогнаніе разныхъ шаевъ, за недопущеніе ихъ приблизиться къ Каспійскому морю: онъ-де «мышленно дѣлаетъ офронтъ Портѣ и хотя я, говорилъ визирь, авторъ вѣчной дружбы между имперіями и миролюбитель, но Порта не есть депендующая и выну-

дится на войну».[1] Неплюевъ отвѣчалъ тѣмъ же: Россія «такожде имперіе», какъ и Порта, подчеркивая, что отъ смерти имп. Петра II «силы всероссійскаго имперія никакого умаленія нѣтъ и находится въ добромъ порядкѣ», т. е. война не страшна и для новаго государя, имп. Анны Курляндской, о которой и Неплюеву оффиціально было оповѣщено (23 января), что она «по единогласному всѣхъ чиновъ совѣту и желанію на престолъ въ императрицы избрана», и только рескриптъ отъ 12 марта подчеркивалъ слова: воспріятіе самодержавства, самодержавная императрица. Неробко обращаясь съ Портой, Неплюевъ совѣтовалъ тотъ же пріемъ и своему двору, указывая, что она, при новомъ правленіи, «пробу учинить варварски вознамѣрилась» — провести.

«Турки, писалъ Неплюевъ, знаютъ свою вину, но по природной гордости поступаютъ жестоко и причитаютъ себѣ въ афронтъ прогнаніе шаекъ Сурхая изъ Куралинскихъ мѣстъ и требуютъ перемѣны Румянцева. Я имъ точно отказалъ и отъ обѣщаемаго ими отрекся — они сулятъ то, что не ихъ, но и то хитро; какъ в. в—ву лакомство варварское извѣстно, что ежели имъ единую пядь уступить, тѣмъ на себя поводъ подать, а несыти ихъ не исполнить и покусятся къ прочему—владѣніе в. в—ва въ персидскихъ земляхъ изтѣснить». Порукою же мира — и миролюбіе визиря, и нескончаемые счеты къ Персіи. «Отъ Порты никакой опасности, пишетъ онъ позже. Ей хотя и въ силу съ шахомъ война, но весьма ея удаляются—и великія иждивенія, и отчаятельное противленіе персовъ». Главное-же — общее миролюбіе: «варварство турокъ само отъ себя угасаетъ, яко дѣтское играніе», замѣчаетъ Неплюевъ, но въ тоже самое время уже заранѣе предрекаетъ гибель визирю-миролюбцу, если дойдетъ до войны съ Персіей.

Повидимому, мирная политика торжествовала, и съ Персіей открылись переговоры. Посолъ шаха требовалъ отдачи всего, согласно совѣту Неплюева: не бояться и не уступать много, но встрѣтилъ возраженіе, въ виду Россіи: «Жоржія (Грузія), Генжи и Шемахи уступить нельзя, по сосѣдству съ Россіей; Россія сильна и хитра, она можетъ тамошніе народы, какъ христіанскіе, къ себѣ склонить и чрезъ то владѣніе свое до самаго Чернаго моря распространить». Дѣйствительно, въ это самое время захвачены были турками армянскіе добровольцы съ поличнымъ:

русскія знамена, паспорты за подписью Головкина, обличающая переписка *). Пошли «выговоры чинить», высказано подозрѣніе въ соучастіи Россіи по упорству персіянъ, въ подстрекательствѣ. Неплюевъ въ затрудненіи: «по всѣмъ настоящимъ окрестностямъ не постигнетъ слабый мой смыслъ, ниже понять могу, что дѣлать»? По его мнѣнію одно: будетъ ли заключенъ миръ, или нѣтъ, «одна или другая сторона едвали безъ ссоры обойдется съ в. в — омъ, и точно по всѣмъ окрестностямъ опасность видимъ». Неплюевъ всячески отписывался по армянамъ и не безъ радости узналъ, что его отвѣтъ турки нашли разсудительнымъ, хотя сомнѣваются о истинѣ, и стараются способу сыскать, какъ бы «токмо султану донести, чтобъ ему противно не показалось». Очевидно, резидентъ теперь былъ силой.

Объ армянахъ визирь заминалъ, съ Персіей миръ, о немъ объявлено всѣмъ европейскимъ министрамъ, на условіяхъ Порты: Грузія, Арменія за ней. Но если шахъ не «апробуетъ»? Какъ отнесется улица на Босфорѣ, эта, какъ бы по преемству отъ Византіи, не разъ вершительница политики, послѣ того какъ столько воевали съ персами? По вкусу ли мирный визирь Франціи? Возможны перемѣны, возможна и война, думалось Неплюеву. «Нужно въ Персіи и въ Европѣ, заключалъ онъ въ іюлѣ, ко всему въ готовности быть, покуда турецкія движенія успокоятся, понеже извѣстно волненіе здѣшняго народа, а особливо, когда въ движеніи: тогда и султанъ и визирь власти своей вовсе употребить не могутъ. Иногда подчасъ нынѣшняго движенія не сдѣлалось бы у нихъ бунту или перемѣны визиря»? Слово было пророческое; «потокъ» Вильнева поднялся и все смылъ.

Вмѣсто апробаціи шахъ открылъ войну. Взятъ Лористанъ, Таврисъ. Объявленъ походъ. Но янычары возразили, что не готовы, развѣ безъ припасовъ итти. Самъ визирь медлилъ, но опасался, что духовные подвинутъ народъ къ бунту, а военные— «къ походу въ Персію охоты не имѣютъ». Но тогда-же пронесся въ народѣ слухъ, что одновременно съ походомъ въ Азію султанъ и визирь двинутся къ Адріанополю—символическій походъ для открытія знамени Магомета, знакъ общей опасности, слѣд., война въ Европѣ.

Неплюевъ выслѣживаетъ причину слуха и узнаетъ, что

---

*) См. въ Приложеніяхъ.

будто народъ въ Жоржіи, уступаемой Турціи, по проискамъ Россіи бунтуетъ, почему Порта рѣшила, что Россія хочетъ воевать, а ей хорошо извѣстно, что отъ шаха новый посолъ въ Петербургъ ѣдетъ и безпрестанная пересылка чрезъ курьеровъ происходитъ. Онъ спѣшитъ успокоить, что отъ Россіи ни побужденія, ни помощи противъ Порты, ни явно, ни тайно, не бывало и нѣтъ. Не менѣе визиря, и самому Неплюеву теперь не въ моготу отъ персидскихъ дѣлъ, и онъ горячо благодаритъ Остермана за надежду не быть здѣсь оставлену на прямую погибель: «во истину, бѣдный мой животъ слабъ, а дѣламъ здѣшнимъ конца не вижу — имперіи пограничны, никогда не прекратятся».

Самъ визирь съ янычарами шелъ на Эрзерумъ. Объ этомъ было объявлено оффиціально 4 сентября. Войска перевозились въ Скутари, но—далѣе не пошли: 17 сентября произошла «небезъудивительная трагедія здѣшняго двора походомъ въ шкутарскій лагерь», т. е. общая революція янычаръ и улицы, убійство визиря, муфтія, кехайи, капудана-паши. Явный мятежъ — протестъ противъ движенія все въ Персію и Персію. Но «потокъ» не унялся: «нынѣ еще страннѣе, пишетъ Неплюевъ Остерману 1 октября; бунтовщики самого султана съ престола свергнули». Старика Ахмета, побѣдителя царя Петра на Прутѣ, смѣнилъ Махмутъ.

Трагедія была рѣшительная, съ возможностью крупныхъ послѣдствій впереди: «нынѣ не въ басняхъ здѣсь стоитъ, но близь прямаго дѣла», предупреждалъ Неплюевъ нашего посла въ Вѣнѣ. Но кто поставилъ на сцену эту кровавую трагедію на Босфорѣ, вызвалъ страшные дни сентябрскихъ убійствъ, казней? Улица, духовные, т. е. софты, янычаре... Но позади этой кровожадной толпы долженъ былъ дѣйствовать настоящій актеръ, которому и мирный визирь съ кредитомъ къ Неплюеву, и вѣчно Персія да Персія были крайне не по сердцу. Этимъ актеромъ могъ быть одинъ французскій посолъ. Зачѣмъ тратить турецкія силы на Востокѣ, когда ихъ ожидаетъ Европа, когда онѣ такъ полезны могутъ быть для Версаля?..

Еще за много дней до революціи, 4 сентября, Неплюевъ доносилъ объ опасеніяхъ вѣнскаго двора. «По рабской моей должности скрыть не смѣю, всѣ виды его—увязить Порту въ персидскія дѣла, резиденту ѣхать не велѣно, чтобы тѣмъ отнять

омбражъ Портѣ, понеже предусмотряютъ, что Порта, будучи углублена въ тѣхъ дѣлахъ, съ ними на ссору не поступитъ. А ежели освободится и съ г. в—вомъ на мѣрѣ постановитъ тамошнія дѣла, безсумнительно, подъ часъ европейской войны противъ цесаря оружіе свое употребитъ». Вѣна боится и отводитъ отъ себя «потопъ».

По имя актера ясно названо криками побѣдившей улицы— вести ее противъ Австріи, Россія.

«По всему здѣшнему состоянію нынѣ безъ войны не обойдется, пишетъ Неплюевъ 23 сентября. Интересы новаго султана— все бунтовливое войско на войну изъ Царьграда удалить въ Персію; но въ бунтовливомъ народѣ противъ Персіи, вѣдая дальность, пустоту, тяжесть пути; того ради говорятъ бунтовщики: Персіи всѣмъ попуститься и на весну въ европейской сторонѣ войну начать—одни противъ цесаря, другіе противъ России, но на чемъ оснуются, предусмотрѣть невозможно». Черезъ недѣлю тоже. «Между турокъ разсуждали о причинахъ къ войнѣ въ Европѣ: если султанъ отъ бунтовщиковъ будетъ принужденъ поступить противъ цесаря, то причиною — обида послѣдней войны, отторженіе Темпзвара и Бѣлаграда; а другіе разсуждаютъ, дабы вопиское движеніе противъ Россіи учинить, принудить ее уступить Персіи все, понеже персидской войнѣ причиною Россія». Въ реляціи же 1 октября Неплюевъ прямо писалъ: «народъ во время своего замѣшанія вопили, чтобъ, оставя персидскія дѣла, войну начинать противъ Россіи или цесаря». Отвѣчая на крики улицы, султанъ прямо объявилъ всю войну съ Персію беззаконной, хотя «прилагаетъ все свое тщаніе бунтовщиковъ усмирить, лишнихъ изъ столицы отогнать и оставить прежній комплектъ янычаръ—40 т.». Но упоенные побѣдой все не унимались. «Порта упражняется, доноситъ посолъ 10 октября, во успокоеніи внутреннихъ дѣлъ, дабы искры бунтовливые угасить; хотя янычары убрались въ каморы *), однакожъ султанская власть еще надъ ними не утвердилась: многіе бунтовщики многія предложенія чинятъ, мѣшаются въ правленіе».

Естественно полагать, эти предложенія были тѣже: воевать Россію, цесаря. Припоминая традиціонныя домогательства Версаля

*) Извѣстныя казармы за Мейданомъ въ Стамбулѣ.

на Босфорѣ, мы видимъ, что «вопли» улицы только повторяли ихъ. Прибавимъ, что Вильневъ былъ первымъ, кого пригласило къ себѣ новое правительство. «Онъ, жалуется Вѣшняковъ, безъ согласія съ другими министрами, самъ собою и помпа учинилъ». Русскіе же были позваны послѣдними, и они, по уговору съ Талманомъ, демонстративно явились безъ «помпы»: «пошелъ Неплюевъ и я при немъ въ галѣ, какъ и весь его дворъ, и лакеи въ большой либереѣ, но также, какъ и Талманъ, безъ заводныхъ лошадей». Такимъ образомъ, и лошади имѣли свое амплуа въ старой дипломатіи. Въ виду кровавыхъ дней и изъ Петербурга заговорили о французской рукѣ.

Уже 5 ноября послѣдовалъ секретный рескриптъ Неплюеву. Въ концѣ его читаемъ: «тебѣжъ надлежитъ со всякимъ прилежаніемъ смотрѣть на поступки тамошнихъ чужестранныхъ пословъ, не будутъ ли отъ нихъ при нынѣшнихъ случаяхъ, особливо отъ французскаго и аглинскаго, какіе поступки и подвиги къ побужденію Порты къ начатію какой нибудь войны». Требовали отъ него почаще донесеній, не только чрезъ курьеровъ, но «стараться и о другихъ способахъ, хотя чрезъ Волоскую или Мултянскую землю», т. е. тайными путями, чрезъ конфидентовъ изъ молдаванъ.

Наконецъ, волненія еще не улеглись, а на мѣстѣ уже послышались французскіе подвиги давно знакомаго характера.

«Нѣмецкій переводчикъ, пишетъ Неплюевъ 13 ноября, передавалъ, что онъ слышалъ отъ одного своего пріятели, что французскій посолъ чрезъ хана склоняетъ Порту, дабы она нынѣ вступила въ польскія дѣла въ фаворъ Лещинскому: когда онъ будетъ королемъ, тогда купно съ Франціей во всемъ будетъ ея сторону держать. Итакъ, нынѣ утвердиться невозможно, здѣшній дворъ вѣтромъ колеблемъ; того ради небезопасно отъ него легкомысленной резолюціи, что̀ время покажетъ». Дѣйствительно, время показало, что Крымскій ханъ — орудіе Вильнева и, по признанію самого Неплюева, постоянно «на ссору съ Россіей Порту побуждаетъ», только «пакости» Вильнева «по природному французовъ легкомыслію» ни въ чемъ не могли преуспѣть, какъ и ожидалъ резидентъ. Дѣло Станислава еще впереди.

Въ концѣ общая радость—«по случаю убіенія бунтовщиковъ и больше надежды есть къ тишинѣ на нѣкоторое время, яко требуетъ времени власть утвердить и осмотрѣться». Если въ первые

дни на предложеніе Неплюева о «доброй армоніи» въ Персіи, новый визирь отвѣчалъ уклончиво — отложить, то по усмиреніи персидскія дѣла приняли оборотъ болѣе къ миру, «внѣшняя система двора въ откровеніе приходила».

Мы крайне не желали марсовыхъ дѣйствъ. Въ рескриптѣ 5 ноября, подъ натискомъ тяжелыхъ извѣстій о «вопляхъ», нашъ дворъ сообщалъ свои намѣренія, не ожидая «дальнихъ тамошняго замѣшательства слѣдствъ»: все уступить, и Жоржію, и Дагестанъ, но тоже должна и Порта, лишь бы только «отъ начатія противностей удержать». Султанъ, превративъ счеты въ Персіи, успокоитъ народъ свой, слѣдовательно, «къ злобѣ противъ насъ никакой причины не останется, отымутся всякія напрасныя жалузіи».

Апаренція къ войнѣ умалялась. Вопреки Вильневу и хану («извѣстна вкорененная ехидническая татарская къ россійскому роду вражда»), Порта рѣшила послать гонца въ Россію съ извѣстіемъ о новомъ султанѣ, но не объявленіе войны, хотя гонца въ «невеликомъ чинѣ». Гонецъ имѣлъ и спеціальныя порученія, въ виду которыхъ Неплюевъ и предупреждалъ, что турки «хотя мало что къ пользѣ своей усмотрятъ, сытости не знаютъ, но болѣе мнятъ о себѣ, будто въ состояніи все поглотить». Гонецъ Саидъ имѣлъ по всему пути вывѣдывать о войскахъ, о «командѣ», ея качествѣ, о правленіи провинцій, особливо казаковъ, ихъ подданствѣ и послушаніи; въ Москвѣ-же о дворѣ, министерствѣ, главное —сойтись съ послами, чрезъ нихъ провѣдывать о всемъ, а «наипаче отъ министерства французскаго, ежели тамъ есть, сондировать»—персидскій вопросъ, но не польскій.

Саидъ долженъ былъ работать по персидскому вопросу. Но на мѣстѣ послышалось опять требованіе бунтовщиковъ 17 сентября—бросить его совсѣмъ и вмѣсто того «противъ цесаря мѣры взять, что сходно ихъ интересу». Оно исходило отъ чужестранныхъ министровъ, съ Вильневомъ во главѣ. Обстоятельства могли только поддерживать это домогательство.

Уже въ половинѣ 1731 г. Порта потребовала объясненія по поводу прохода русскихъ войскъ чрезъ Польшу въ «Унгрію» на помощь Австріи, подчеркивая, что «въ трактатѣ Прутскомъ и вѣчномирномъ именно изображено—въ Польшу войскъ не вводить». На мѣстѣ допускали, что, освободясь отъ Персіи, Порта подумала бы, можетъ быть, и «иное что предвоспріять про-

тиву в. в — ва или цесаря, которому она нынѣ льститъ, а в. в — во дружбою увѣрнетъ», почему «о сихъ варварахъ и непостоянныхъ сосѣдяхъ сходство требуетъ осторожности, нежели надежды на ихъ обѣщанія». Но Порта «не хочетъ и не можетъ персидскія провинціи покинуть», утверждалъ Неплюевъ, а потому, хотя и лживо, но она съ Россіей все еще будетъ желать мира. Дѣйствительно, «у хана вашего много вѣтру въ головѣ», отвѣчалъ визирь на наускиванья татаръ о вооруженіяхъ Россіи. Исканіе мира стало еще яснѣе послѣ новой кровавой революціи, въ мартѣ 1731 года. Въ интересѣ мира теперь и Боневаль не припускался къ Портѣ. «Рагоцкому, пишетъ Неплюевъ въ апрѣлѣ, паки опредѣлено по 74 левки въ день. Прибавка—нечаятельно чтобъ была въ какой страшный видъ. Ренегату Боневалу не видно же чтобъ Порта чинила дистинкцію, ибо содержатъ его въ одной деревнѣ близь Солоники по 8 левковъ на день и, какъ слышно, онъ проискивалъ всячески быть взяту въ Константинополь; но Порта того не похотѣла дозволить и велѣла быть при Рагоцкомъ въ Родостѣ». Оба—враги Австріи. Эти мѣры были не противъ цесаря, не противъ Россіи. Порта искала — «быть безопасной съ европской стороны», отъ цесаря и отъ Россіи, не смотря даже на «подозрительный» проходъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу, хотя въ Петербургѣ допускали, что «небезопасно, чтобъ они по своимъ древнимъ обычаямъ не вчали противъ которой сосѣдней области войны», что цесарь слишкомъ опасенъ, но «паче чаять можно, что или на насъ, или на венетовъ подъимутся» (2 мая).

Итакъ, сентябрскіе ужасы, не менѣе кровавый бунтъ въ мартѣ, не принесли для энергической, ничѣмъ не брезгавшей политики Вильнева желанныхъ плодовъ: все по старому — все Персія и миръ, не Австрія, не Россія, не война. Наоборотъ, они привели Турцію къ анархіи, къ ослабленію власти, къ практикѣ не прекращающагося насилія то одной, то другой стороны: правительства и народа, который «великое участіе имѣетъ» въ дѣлахъ. Слѣдовательно, въ итогѣ еще большее ослабленіе того орудія, которое должно было сократить Австрію и помочь Франціи отбросить Россію назадъ отъ Европы. Вѣдь еще въ свѣжей памяти Прутъ даже у простого мусульманина Босны!

Наблюденія нашихъ дипломатовъ на Босфорѣ, подъ вліяніемъ недавнихъ ужасовъ, однѣ черныя картины: Константино-

поль, это одинъ Вавилонъ; но онъ скоро долженъ пасть исчезнуть, исповѣдывали они.

«Здѣшняя система, заключалъ Неплюевъ, понынѣ на воздухѣ, ибо каковы были начатки здѣшняго змія, таковы и исчадія его», отсюда безъ конца аресты, ссылки, перемѣны правящихъ лицъ. «Хотя весь свѣтъ коловратенъ и дѣла его суть вражны; но здѣшній Вавилонъ, замѣчаетъ тотъ же наблюдатель позже, подобенъ кораблю безъ кормила, волнами носиму, понеже была здѣсь внутренняя тишина и не имѣлось вида къ новостямъ; но слабость владѣтеля многимъ интригамъ причину дала». Самовластіе визиря, который «одинъ самъ собою государство править хочетъ», естественно, вело къ тому, что «всѣхъ ему противныхъ и умныхъ людей отдаляетъ и искореняетъ», почему правительство «не въ состояніи о внѣшнихъ дѣлахъ другихъ государствъ разсуждать». Жестокости внѣ мѣры. «Здѣшнему непостоянному народу жестокость вмѣсто лѣкарства, какъ съ начала ихъ имперія и до послѣдняго; бунты угасали не инымъ чѣмъ, но многочисленнымъ умерщвленіемъ людей, потому и прошлогодній бунтъ не могъ бы отрыгнуть, ежелибъ новый султанъ сначала съ такою жестокостью поступалъ, какъ нынѣшній визирь съ 14 марта началъ чинить».

Но въ августѣ попытка къ новой революціи противъ самовластнаго визиря, и опять новыя жестокости и ропотъ, особенно, «подлаго народа».

Какъ Персія у Турціи, такъ Вавилонъ на Босфорѣ засѣлъ въ горлѣ у Неплюева: горячо онъ опять благодаритъ, въ сентябрѣ, Остермана за отдаленную надежду—«свободу отсюда получить, которую, яко слѣпой свѣта, ожидаю» *).

Временная экономическая бѣда была устранима. «Въ хлѣбѣ,

*) Въ указѣ 19 іюня Неплюеву читаемъ: «по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и турецкимъ и персидскимъ обращеніямъ бытности твоей при турецкомъ дворѣ быть зaпотребно; а сколь скоро дѣла въ Персіи хоть мало освуются и надежда будетъ къ скорому окончанію»—тогда отзовется. Въ связи съ этимъ и Вѣшнякову предоставлялась уже нѣкоторая самостоятельность. Въ указѣ 26 мая сообщалось, что турецкій гонецъ Саидъ обѣщалъ служить Россіи, но «употребить бы къ тому токмо одного дворянина Вешнякова, съ которымъ онъ можетъ самъ по-французски говорить, и кромѣ его, Вешнякова, никто иной, ни ты, резидентъ нашъ, о сообщеніяхъ его не вѣдалъ».

жалуется Неплюевъ въ іюлѣ, не только дороговизна, но и скудность является, а причина сей скудности отъ того, что за бунтами изъ дальнихъ мѣстъ обыватели ѣхать сюда отказались, что изъ европейскихъ провинцій при Черномъ морѣ и при Дунаѣ много хлѣба вывезено въ Трапезонтъ для отсылки въ Генжу и Ириванъ». Но болѣе серьезна была внутренняя бѣда — перерожденіе-де былыхъ османлисовъ, все бо́льшее изнѣженіе, изводъ таланта. Для нашихъ патріотическихъ наблюдателей это явленіе уже казалось предтечею находившей послѣдней кары —близкаго исчезновенія самой Турціи. Желаемое имъ видѣлось осуществляемымъ, и они сдѣлали торопливый выводъ. Обширная реляція Вѣшнякова въ началѣ 1731 года посвящена этой темѣ— «видимому гибнущему нынѣшнему состоянію турокъ».

«Чрезъ толикія многія лѣта, пишетъ Вѣшняковъ, во время бывшаго впиря, имъ показанъ путь къ чувственному веселію житія. Будучи въ такомъ покоѣ, вкусили покойнаго и сладкаго житія и чрезъ то потеряли охоту воевать, никто на войну итить не хочетъ, больше же не хотя оставить своихъ великихъ домовъ и всякихъ веселій, устроенныхъ, можетъ быть, къ ихъ погибели. Чрезъ многія лѣта почти всякій восприялъ состояніе, имѣя свое рукодѣліе и живетъ въ покоѣ, не хочетъ искать всѣхъ тѣхъ бѣдъ и нуждъ, каковы суть плоды военные. Развѣ малое число изъ лѣнивцевъ, но отчаянныхъ, склонныхъ къ тому найдется, а наипаче въ персидскую войну, отъ чего простой народъ видитъ, что прибыли мало, а нужды много.

Къ тому же всѣ главные люди военные, умные и имѣющіе эксперіенцію въ военныхъ дѣйствахъ, или погублены послѣднимъ правленіемъ, или померли. Итакъ, почти всѣ извелись, а солдатства навоеваннаго также почти не имѣютъ. Для политическаго правленія хотя и есть нѣкоторые, токмо голосъ малъ имѣютъ, или не вступаютъ, чтобъ не быть употребленнымъ въ иное что, внѣ сферѣ его, понеже здѣсь не смотрятъ на эксперіенцію — довольно быть умному или нѣчто знающему, во все употребляютъ, и чрезъ тобъ не потерять покоя или не употреблены или отдалены, а главы первой не имѣютъ. Изъ чего всего можно заключать, что внутренно зѣло слабы».

Переходя къ современной внѣшней политикѣ, Вѣшняковъ видитъ туже слабость, дряблость. «Сколько можно видѣть и по всѣмъ апаренціямъ разсуждать, внутренно сами въ себѣ еще

меньше могли что умышлять нежель противу цесаря, ибо съ европской стороны нѣтъ резоновъ важныхъ нигдѣ почать, а персидской — персіяне бы не похотѣли видѣть ихъ ласково вооруженныхъ. Нечаятельно, чтобъ что могло воспослѣдовать по показаннымъ резонамъ внутренняго ихъ состоянія; не видя пользы, никто бы не сталъ на то совѣтовать, а подлые бъ не пошли или отъ обычайной ихъ барбарской брюталиты или неразумѣнія визирскаго; а съ другими потенціями, какъ Польша и Венеція, ссориться не мышливали, смышля то, что имѣютъ сіи великія двѣ опоры и протекціи—в. импер. в-во и его цесарское римское. Вѣдаютъ же они, какая тѣсная имѣется аліанція и какъ единъ другаго влечетъ имъ противиться. Таково, по видимому, ихъ *наружное* состояніе». Въ виду же хода персидскихъ дѣлъ авторъ мемуара допускаетъ возможность лукавства со стороны турокъ; но это не бѣда: «можетъ быть, заключаетъ онъ, Богъ паки еще и наибольшею бѣдою или и *погибелью ихъ накажетъ*» *).

Такимъ образомъ, если въ первый періодъ дѣятельности нашего перваго посла на Босфорѣ главная задача его наблюденій сводилась къ «престереженію непріятельскихъ предвоспріятій», опасности отъ войны съ турками, отъ нападенія ихъ на Россію; то во второй, съ сентябрской революціи, тонъ его мыслей, чувствъ мѣняется, голосъ повышается, на горизонтѣ предъ нимъ уже появляется картина гибели самой Турціи, и онъ, наконецъ, переходитъ къ естественному финалу — къ вызову самой Россіи — воевать, стать орудіемъ Божіей кары надъ Вавилономъ на Босфорѣ, иными словами, «совершить намѣреніе Петра» при обстоятельствахъ, которыя «не повторятся и чрезъ много сотенъ лѣтъ», какъ не разъ онъ съ удареніемъ говорилъ. Неплюевъ исповѣдывалъ, твердо вѣрилъ въ эту свою «максиму».

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ эта недавняя еще опасность отъ грозной Порты, если у нея одна мысль — выпутаться изъ дѣлъ въ Персіи, даже съ «медіаціей» Россіи? Султанъ требуетъ отъ хана въ Крыму, этого упорнаго глашатая идей Вильвева: «москов-

*) См. эту реляцію-мемуаръ въ *Приложеніяхъ*.

ское подозрѣніе во всемъ отнять и впредь никакимъ образомъ къ московской сторонѣ, въ противность общей дружбѣ и корреспонденціи, ничего не производить, чего для и татаръ, какъ надлежитъ, къ воздержанію ихъ стараніе употребить». Это было въ октябрѣ. Не менѣе мирнаго духа оказался тогда и капитанъ-паша, замѣщавшій визиря. «Онъ намъ чрезъ пересылки пріятенъ являлся, пишутъ оба 18 октября; въ Персіи бывалъ, слѣдств. о тѣхъ дѣлахъ небезгласенъ въ Совѣтѣ». Но еще любезнѣе онъ былъ во время визита: «насъ принялъ весьма ласково, ибо онъ природный булгаринъ и языкъ россійскій отчасти разумѣетъ, человѣкъ неглупый, болѣе острый, откровенный солдатъ». Его мнѣніе — для конца персидскаго вопроса необходима медіація Россіи.

Но вполнѣ естественно, что и противники престерегали свои интересы, и чѣмъ болѣе, казалось имъ, орудіе ихъ ускользало изъ ихъ рукъ, тѣмъ сильнѣе они должны были напрячь себя—не допустить до роковаго конца, не пренебрегать и мелкой войной, пока не окажутся условія для крупной.

Визирь не былъ похожъ на своего замѣстителя—болгарина, и около него сейчасъ же раскинулъ свои «плетни» Вильневъ. «День ото дня, пишетъ Вешняковъ въ концѣ 1731 г., болѣе показуется (т. е. визирь, съ дурной стороны), какъ словомъ, такъ и дѣйствомъ, сколько чужестраннымъ, а еще болѣе своимъ подданнымъ, чему пособили зломышленныя внушенія французскаго посла, который не упускаетъ случаевъ, гдѣ можетъ, турковъ подощрить противу цесаря или его интересовъ, хотя все въ малыхъ дѣлѣхъ, ибо до большихъ досадъ или до другихъ какихъ видовъ конъюнктуры настоящаго времени и ихъ (т. е. турокъ) состояніе не допускаютъ, хотябъ что визирь и хотѣлъ по своему кровеохотному обычаю подумать зачать».

Но скоро отъ малыхъ дѣлъ можно было какъ будто перейти и къ большимъ. Счастіе улыбнулось Турціи въ Персіи—«прогресы прибавилися, Шузистанъ, Ардевиль Портѣ поддалися», доносилъ Неплюевъ въ январѣ 1732 г., и счастіе улыбнулось потому и Вильневу—открыть большія досады. Знаменемъ поворота былъ вызовъ визиремъ, который, по словамъ резидента, варваръ грубый, не имѣющій тонкихъ о интересахъ государственныхъ разсужденій, изъ почетной ссылки Боневаля.

«Въ началѣ прошлой недѣли, пишетъ Вѣшняковъ 23 янв., прибылъ въ Константинополь ренегатъ Боневалъ; какъ доразумѣваютъ, сему споспѣшествовалъ французскій посолъ. Отъ однихъ слышимъ, что будто визирь привезъ для наученія сына его фортификаціи и вообще военному художеству, отъ другихъ— будто по прошенію его для многихъ предложеній Портѣ къ поправленію ихъ милиціи и будто вскорѣ учиненъ будетъ двухъ - кодньмъ *) пашею». Проэкты Боневаля о преобразованіи военныхъ силъ Турціи могли имѣть мѣсто: одинъ изъ нихъ онъ сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ» (р. 354, сл.); но мотивъ вызова имѣлъ политическую подкладку, какъ это и поясняетъ Неплюевъ. «Порта, пишетъ онъ въ февралѣ, обязана персидскою войною, а хотябъ и свободилась, за Кабарду студенности не покажетъ, ибо, сколько намъ отъ всѣхъ здѣсь свѣдомо, Порта не имѣетъ вида къ сторонѣ в. в-ва къ спорамъ, ниже интересу въ томъ видитъ, но паче дальній ихъ видъ — противъ цесаря, за отлученіе Бѣлграда и Темизвара, на что оии побуждаемы есть отъ Рагоцкаго и Боневала, по прибытіи котораго (онъ—французъ и выгнанный изъ цесарской службы, слѣдств., противникъ) визирь французскому послу многіе знаки ласканія кажетъ». Но для Неплюева все это — «кастели воздушные»: теперь война идетъ, потомъ пойдетъ годъ «исправленіе», гдѣ новой войнѣ? Но «кастели» не унимались—война шла на миръ.

«За дѣлами, пишетъ Вѣшняковъ 24 февр., турки не имѣли досуга слушать толкованій Вильнева, который нынѣ съ немалымъ удовольствіемъ слышитъ заключеніе мира съ Персіей, льстя себѣ, что, можетъ быть, преуспѣетъ въ зломышленныхъ своихъ мнѣніяхъ подъущеніемъ Порты на цесаря. Онъ надѣется на визирскій нравъ и на новаго муфтія: оба показуются быть склонны французовъ слушать. Къ тому-же и адвокатъ французскій у турокъ, ренегатъ Боневалъ, не мало способствуетъ; съ нимъ французскій посолъ имѣетъ полное позволеніе имѣть комуникацію чрезъ посылку своихъ переводчиковъ». Но онъ сомнѣвается, чтобы Вильневъ въ этомъ году «хотя мало могъ преуспѣть къ концу желанія своего, развѣ только раздражать и подощрять легкомысленныхъ къ предбудущему времени»: одно не-

*) Изъ франц. caudée хвостъ.

постоянство Порты «вскорѣ ихъ козни можетъ испровергнуть»; вообще, ниже мысли о войнѣ съ Австріей, «ежели да въ христіанствѣ покой продолжится». Дѣла эти—условія мира съ Персіей: шахъ уступалъ Жоржію, Шемаху, Ириванъ, Генжу, по Араксъ; но султанъ прикидывался недовольнымъ, хотя «генеральное желаніе о мирѣ превзошло мнимыя опасности, по словамъ Неплюева; все въ тишинѣ обстоитъ и народныя слова всѣ угасли».

Неплюевъ смѣялся надъ кастелями Вильнева. Но оказалось сейчасъ-же, что въ виду именно ихъ и поспѣшили съ миромъ, слѣд., побѣда Вильнева. «Порта уповала, писалъ самъ Неплюевъ 31 мая, по смѣнѣ стараго Османа новымъ визиремъ—«женерознымъ и тихимъ», что персіяне, съ нею помирясь, съ в. в-вомъ въ войну вступятъ, дабы тѣмъ в. в-ву руки занять, яко аліатору цесаря: Османъ совершенно намѣренъ былъ противъ цесаря войну зачать и всѣ къ тому мѣры съ французскимъ посломъ, Рагоцкимъ и Боневаломъ воспринималъ и едва прошелъ бы 1733 годъ безъ войны». Но смѣна лицъ разстроила планъ. «Все сіе премѣною Османа угасло, а новый визирь или несклоненъ къ ссорамъ или, упражняясь еще во своемъ утвержденіи, о новостяхъ не мыслитъ и означеннымъ интригантамъ склонности не показуетъ, что̀ на французскомъ послѣ весьма видно, и чаятельно, что покуда не случится визирь какъ Османъ, гордый невѣжа, легкомысленный, скоро Порта въ сію войну не обяжется, яко и оружія цесарскаго память еще свѣжа. Сколь менѣе къ сторонѣ в. в-ва мыслить могутъ, ибо они регулу и силу войска в. в-ва весьма равномѣрно съ цесарскою почитаютъ *). Токмо смотрѣть, дабы пограничные народы къ какой студенности не привели». Неплюевъ хорошо помнилъ недавнюю дерзость хана, его угрозу—наслать на Россію татаръ и запорожцевъ

---

*) И сынъ фельдмаршала Миниха въ своихъ изв. современныхъ Запискахъ говорилъ тоже: онъ ставитъ въ заслугу импер. Аннѣ, что она значительно увеличила армію и ввела въ нее лучшую дисциплину и порядокъ, чѣмъ какъ это было раньше. (Die Memoiren des Gr. Ernst von Münnich, h.gegeben von Jürgensohn, Stuttgart 1896, 170) Но, какъ увидимъ ниже, дѣйствительность, въ дни войны, не оправдываетъ вполнѣ этого взгляда: она дала возможность Орлику смѣяться надъ печальнымъ видомъ нашихъ солдатъ, не говоря уже о массѣ бѣглыхъ. Впрочемъ, знаменитая побѣда у Ставучанъ выиграна Минихомъ благодаря дисциплинѣ (id. 147).

и, «смѣху достойную глупость изблевавъ, говорилъ, жалуется тотъ, якобы въ состояніи Россію плетьми замѣтать»

Но побѣда Вильнева была отчасти воздушная. Уже къ лѣту пошли на Босфорѣ тревожные слухи, что шахъ подущеніемъ Россіи мира не додержитъ, а затѣмъ начались и вновь у Порты суеты съ персіянами. Конечно, о подущеніи говорилъ Вильневъ, но Неплюевъ его унялъ. «Порта, доносилъ онъ 22 іюля, никакой студености не показуетъ и случая къ тому не имѣетъ, ибо внущенія французскаго посла и его единомышленниковъ учиненными отъ насъ опроверженіи уничтожились». Онъ допускаетъ, что Порта понимаетъ желаніе Россіи «для своего покоя ея безпокойства отъ персовъ»; но это не поводъ къ злобѣ: «ибо каждое государство смотритъ своего интересу и за мнимыя подозрѣнія несходно злобу казать». О войнѣ на 1733 г. съ Австріей рѣчи не могло быть. Одинъ французскій каштель исчезъ, хотя, какъ мы увидимъ сейчасъ, Вильневъ все не сдавался. Но были и другіе—изъ той же французской мастерской.

«А на французовъ, продолжаетъ Неплюевъ свое разсужденіе, также неудивительно, что они стараются всякими способы плетни строить, въ которыхъ хотя не преуспѣваютъ, но по состоянію своихъ интересовъ для римскаго цесаря отъ того не престаютъ, которыхъ ради и противу в. в-ва яко союзницы внущаютъ». Вотъ одна изъ этихъ плетней, давно заготовленная спеціально для Россіи — права мазепинцевъ.

Мы видѣли, что гонецъ Саидъ имѣлъ порученіе выв'ѣдать о степени вѣрности казаковъ Россіи. На казачьей почвѣ Франція освѣжила планъ «высвобоженія» Украины для неисправимаго стараго Орлика, жившаго теперь, послѣ десятилѣтней побывки въ пріютѣ эмигрантовъ—въ Солоникахъ, въ Бессарабіи. Но былъ воспитанъ Франціей и молодой Орликъ—сынъ, и теперь, когда отецъ изъ Каушанъ открылъ преступныя пересылки съ невѣрными ему запорожцами, только что возвратившимися изъ Алешекъ въ свое старое русское гнѣздо, подъ власть Россіи, а съ крымскимъ ханомъ обновилъ старопольское «kumanie się z Perekopem», былъ выпущенъ на добычу сынъ—поклевать, гдѣ можно*).

*) Объ Орликѣ и его единомышленникахъ см. Костомарова «Мазепинцы», въ Рус. Мысли 1881 г., I — IV. Очеркъ—отрывочный. Замѣтимъ, что мѣст. Каушаны не лѣтняя резиденція Крымскаго хана, какъ называетъ Костомаровъ (IV, 4), а столица султана буджацкихъ или аккерманскихъ татаръ. «Kumanie»—упрекъ еще историка Старовольскаго своимъ, XVI в.

«Настоящее правленіе, заключаетъ посолъ, не какъ бывшій невѣжа Османъ, смотрятъ своего интереса, а не воздушныхъ французскихъ кастелей, изъ которыхъ нынѣ еще новыя открылись». Открылась ловкая интрига, которая захватила и самого Неплюева.

По словамъ Неплюева, еще въ 1730 г. прибылъ на Босфоръ молодой французскій офицеръ Гакъ, «ума не весьма остраго», но съ знаніемъ многихъ европейскихъ языковъ. Онъ прожилъ у Вильнева полтора года и «у насъ въ домѣ бывалъ». Затѣмъ онъ уѣхалъ во Францію, а въ 1732 появился въ Малой Азіи. «Отсюда, говоритъ Неплюевъ, мы получили извѣстіе, что онъ не такой природы и званія, какъ именовался, но есть сынъ измѣнника Орлика и отправленъ былъ отъ французскаго посла къ своему двору по производимымъ интригамъ во время Османа, а отъ французскаго двора возвратился въ Смирну, гдѣ ждалъ инструкцій отъ Вильнева ѣхать въ Персію». Отправка въ Персію обусловливалась попыткой Вильнева—убѣдить шаха въ содержаніи договора, склонить его напасть на Россію и тѣмъ ей руки занять въ моментъ нападенія турокъ на Австрію. Но Неплюевъ спокойно взглянулъ на миссію Орлика, проѣхавшаго до Тифлиса: «кромѣ шпіонства, замѣчаетъ онъ позже, иной пользы французскій дворъ не получитъ». Ему непріятно одно—проходъ крымскаго хана въ Кабарду, человѣка неспокойнаго, которому «хотя и потачки нѣтъ, но онъ во всѣ дѣла подложно вплетается»; дѣла же по Украинѣ—его спеціальность. Неплюевъ совѣтуетъ генер. Дугласу въ крѣпости Св. Креста сильною рукою татарамъ дать отпоръ, дать урокъ. Но Орликъ, доѣхавъ до Тифлиса, удралъ опять чрезъ Смирну въ Марсель.

Къ числу кастелей Вильнева можно отнести и виды его отъ вмѣшательства въ дѣла самой константинопольской церкви, заботы о сѣяньѣ раздора. Вѣшняковъ съ ужасомъ передаетъ о дѣлѣ патріарховъ Іереміи и Паисія—о «ковѣ папежскомъ на святую церковь», но извиняя орудія: турки-де всему виной.

Дѣло началось въ маѣ 1731 года. «Смятеніе и непорядки въ государственномъ управленіи имѣютъ великую инфлюенцію и на партикулярное житіе между ими, которому чрезъ обычай слѣдуя, аки властителемъ своимъ видится, равножъ живутъ здѣсь между собою и гречаня-христіяня, что̀ касается несогласія и губленія единъ другаго, какъ то случилось нынѣ между здѣш-

нимъ духовенствомъ. Только видимо, что не уже вовсе Всевышній оставилъ такому наказанію, но еще истину и православіе Своею властью защищаетъ и, кажется, что утишилось». Буря— сверженіе патріарха Іереміи и интрига его противъ преемника, Паисія. Но причемъ тутъ Вильневъ? Іеремія—другъ Вильнева и, спасаясь отъ послѣдствій своихъ интригъ, скрылся въ домъ французскаго посла. «О его возмутительномъ посольскомъ поступкѣ противъ Православной церкви мы не имѣли случая съ нимъ разговоръ имѣть, понеже его совѣсть уже убиваетъ о томъ съ нами говорить. Хотя и намъ въ греческія дѣла не сходно мѣшаться, но, видя ковъ папежскій на святую церковь, елико возможно подъ рукою опровергали. Мнится намъ, ежелибъ сіе дѣло болѣе возрасло, не несходнобъ было при случаѣ и Портѣ дать знать, чтобъ другихъ вѣръ министрамъ въ церковныя греческія дѣла не мѣшаться».

Но дѣло и болѣе возрасло и—въ пользу Вильнева. Хотя Вѣшняковъ и увѣрялъ раньше, что «уже сей посолъ кредитъ потерялъ», но чрезъ полтора года онъ долженъ былъ донести, что избранникъ посла, Іеремія, «съ великимъ скандалемъ паки возведенъ».

Съ другими кастелями - химерами, еще болѣе дерзкаго свойства, мы встрѣтимся дальше, когда и Вѣшняковъ, сводившій въ патріаршемъ дѣлѣ всю вину на безнравственность турецкаго правленія, придетъ къ сознанію, что сами гречане хуже турокъ.

Между тѣмъ положеніе вещей на Босфорѣ осталось прежнее: опять война съ Персіей, Вильневъ съ своимъ юнымъ Орликомъ не при чемъ, опять Азія, не Европа.

Опасности для Россіи никакой. «Надолго паки межъ турокъ и персіянъ не токмо ненависть, но и недовѣрка останутся и никогда тому быть не можетъ, чтобы они пришли въ доброе согласіе, а къ тому же персіяне чрезъ нынѣшніе трактаты отъ в. в-ва много милостію одолжены и впредь обнадежены», писалъ Неплюевъ въ августѣ. Онъ допускаетъ, что придирки всегда можно найти для войны: «каждый государь, когда захочетъ всчать войну, претексты найдетъ; но турки разсудительно по своимъ интересамъ никогда сходства не найдутъ съ в. в-вомъ въ ссору вступить, а паче въ такой отдаленной странѣ, гдѣ они

и свое съ трудомъ содержать, а внушителей ихъ, французовъ, кредитъ нынѣ умалился».

Такъ увѣрялъ, потому что такъ желалъ, Неплюевъ. Но пригашенная искра продолжала тлѣть. Вѣдь могла же и Порта повторять максиму Неплюева, что для ея покоя желательно безпокойство противника, а этотъ противникъ такъ явенъ былъ въ персидскомъ безпокойствѣ; бараній же вопросъ—о захватѣ нами на Кавказѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ турецкихъ барановъ, который тянулся много лѣтъ и, наконецъ, порѣшенъ теперь, къ удовольствію Неплюева, учрежденіемъ «коммисіи для полученія барановъ», одинъ пустякъ. Но внушители-французы не могли сидѣть сложа руки, въ виду успѣха русской политики, неуспѣха своихъ каштелей. Могли измѣнить пріемы, прибавить каштели.

Тотъ самый визирь, который умѣлъ съ Неплюевымъ «такъ тонко, порядочно и дружелюбно разговаривать о всемъ, якобы не варваръ», въ октябрѣ попросилъ пропуска «чрезъ имперіе» для своего посла въ Швецію, того самаго Саида эфенди, который недавно былъ въ Россіи. Это озадачило Неплюева: «въ консидераціи его персоны наносится сумнѣніе—не будетъ ли ему какой инструкціи о исканіи тѣсной дружбы съ Швеціей»? Съ неохотой, но согласіе далъ: «Саидъ болѣе года въ томъ пути пробавится». Но этимъ согласіемъ не воспользовались, и Саидъ поѣхалъ чрезъ Польшу. Слѣдовательно, Россія подмѣнена Польшей: но еще хуже, что посылка Саида именно вызвана исканіемъ шведской дружбы. Саидъ ѣхалъ, чтобы развѣдать, какъ доносилъ Вѣшняковъ въ ноябрѣ, «генерально о состояніи всѣхъ христіанскихъ государствъ, а паче о Швеціи самой, въ какой армоніи находится съ в. в-вомъ, какова въ силѣ своей и можетъ ли Портѣ когда при случаѣ быть полезна». Но любопытна прибавка: «взялъ рекомендаціи и отъ французскаго посла для большаго въ томъ руководства». Конечно, Вѣшняковъ увѣренъ, что Порта «инакъ не можетъ какъ искать всякими способы россійскую дружбу держать, а паче нынѣшніе конъюнктуры и настоящее ихъ состояніе, внѣшнее и внутреннее, ни по которому образу инакъ мыслить не позволяютъ». Вѣдь у Порты «отъ персидскихъ дѣлъ голова чаду полна»!

Итакъ, рука Вильнева ясна. Но чѣмъ вызвана подмѣна?...

Мы видѣли, что еще до Вильнева подымали вопросъ объ объединеніи интересовъ Польши и Турціи на Босфорѣ, «въ здѣш-

ней адской землѣ», по современному выраженію Неплюева. Но пассивная фигура Лещинскаго *) была слаба, чтобы увлечь въ интригу; тѣмъ не менѣе связь Польши съ Босфоромъ давно была установлена трактатами и практикой. Традиціонно по этому пути шли всякія пересылки изъ Польши; одна изъ нихъ поспѣла какъ-разъ ко времени экспедиціи Саида—съ жалобой на перекладку въ-тихомолку русской границы на Югѣ за Днѣпръ, къ Бугу, и на новые порядки въ Курляндіи.

Въ концѣ октября прибылъ полякъ Сѣраковскій и «объявилъ себя въ характерѣ оратора», 3 декабря былъ у визиря, а 4-го прислалъ къ Неплюеву іезуита изъ Галаты, поляка Садовскаго, съ извиненіемъ, что прямо жаловался визирю, что русскія войска за Днѣпръ въ польскую Украину вошли и между Днѣпромъ и Бугомъ нѣсколько мѣстъ и земель во владѣніе взяли, учиня новыя границы, съ постановкой знаковъ, каковой поступокъ противенъ трактатамъ, особливо Прутскому. Съ іезуитомъ Неплюевъ и Вѣшняковъ не разговаривали, но были приглашены къ рейсъ-эфендію. Конечно, они все отрицали. «Мы толковали эфендію о системѣ польской, сколь важно имперія всегда цѣлость королевства наблюдала и отъ другихъ охраняла. Ежелибъ посланникъ зналъ максимы своего королевства и сосѣднихъ державъ, то не производилъ-бы неосновательныхъ вѣдомостей». Въ эту минуту вошелъ самъ Сѣраковскій. Его встрѣтили упреками и заявленіемъ дружбы; произошла сцена. «Хороша вѣчная дружба, отвѣчалъ Сѣраковскій, да надо дружески и поступать, а Польша имѣетъ пробу курляндскимъ поступкомъ: Курляндія за Польшей, а Россія протекцію употребляетъ». Наши возразили, что именно это и есть «явная проба дружбы—охраняются древнія права». Бесѣда была прервана эфендіемъ. «Усмотрѣвъ безконечныя плетни и увидя посланника въ жаръ пришедша, смѣхотворно намъ сказалъ, что ежели что взято, то Портѣ небезпротивно: по силѣ трактатовъ того дѣлать не подлежитъ». Наши послы правильно замѣтили въ концѣ, что если и все правда, то тѣмъ не менѣе путь избранъ неправильный, надо было въ

*) Вандаль пишетъ Leczinski. Но можно специалисту писать правильно это имя. Правда, французскіе дипломаты XVIII в. писали такъ; но они же и фамилію нашего Ланчинскаго въ Вѣнѣ изображали: le baron Landzinski, такъ что и догадаться не легко

Варшаву: «намъ болѣе о семъ расчитаться не для чего, но возъимѣемъ честь сами у него, посланника, быть и за рюмкою вина болѣе поговоримъ, яко добрые друзья».

Мы заминали дѣло о земляхъ между Днѣпромъ и Бугомъ, но Порта потребовала отвѣта отъ насъ въ 3 мѣсяца чрезъ пашу въ Хотинѣ, обвиняя насъ и въ желаніи отдѣлить отъ Польши Курляндію, и въ двусмысленности дѣйствій въ Персіи *). Сѣраковскій жаловался и на разрушеніе королемъ Августомъ сейма. Ясна причина новаго маршрута Саида чрезъ Польшу. Внушеніе Вильнева могло только препоручать его. Дѣло было не до смѣха; оставалась одна утѣха — соображеніе общей слабости Порты. «Не чаяно, чтобъ Сѣраковскій могъ что хотя малое произвесть; визирь умный, въ курляндскія дѣла не вмѣшается, довольно чаду въ головѣ отъ Персіи, слаба въ постороннія дѣла мѣшаться, какъ напредь бывало, да и гишпанскія дѣла отягчаютъ, опасны за Алжиръ». «Объ этомъ, заключаетъ Неплюевъ, французскаго посла спрашивали». Ясно, что Вильневъ все тотъ-же оффиціальный внушитель, даже при визирѣ, который «яко бы неварваръ». Но его парализовали дѣла въ Азіи, гдѣ Тахмасъ-Кулы-хану удалось опять поправить пошатнувшееся положеніе Персіи, и этотъ неуспѣхъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что, наконецъ, открылось и самое польское наслѣдство— «произведеніе новаго короля», столь нетерпѣливо всѣми ожидавшееся давно.

Наступалъ 1733-й годъ — увертюра бурь въ едва умиренной на Суасонскомъ конгресѣ Европѣ.

Вопросъ о Польшѣ, т. е. вопросъ кто будетъ преемникомъ Августа II на избирательномъ престолѣ еще уцѣлѣвшаго стараго славянскаго королевства, былъ самымъ жгучимъ въ современной политикѣ Европы; но особенно онъ былъ жгучъ для Франціи, и по ея общимъ соображеніямъ о значеніи Польши, какъ больверка противъ Россіи и Австріи, и по частнымъ: ея король былъ теперь женатъ на дочери полу-короля, полу-простаго Пяста, Ст. Лещинскаго (1677—1766). Исподдоволь и давно она

*) Ср. донесенія Лефорта, посла Саксоніи у насъ, 6 дек. 1732 г. въ Сб. Р. И. О., V, 468.

внимательно обсуждала вопросъ о польскомъ наслѣдствѣ, задолго до момента его открытія. Мы слышали Ракоци: это—эхо ея.

«Главное дѣло, на которое вы имѣете обратить вниманіе, читаемъ мы въ инструкціи де-Бюсси, французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ отъ 17 мая 1728 года, это—проэктъ союза, который, повидимому, польскій король желалъ бы заключить съ императоромъ и прусскимъ королемъ. Есть большая вѣроятность, что польскій король имѣетъ намѣреніе передать корону Польши своему сыну, что по этому вопросу онъ заручился согласіемъ короля Пруссіи и что въ заключенномъ уже, какъ говорятъ, договорѣ между обоими королями Августъ отступился отъ своихъ притязаній на Бергъ и Юлихъ, а Фридрихъ Вильгельмъ далъ 2 милліона, чтобы пособить избранію королевскаго принца въ Польшѣ, каковому избранію онъ обязался пріити на помощь съ своей стороны» *). Французская дипломатія въ общемъ не ошиблась: обширные переговоры между сосѣдними кабинетами о польскомъ наслѣдствѣ шли исподдоволь, но горячо, и въ результатѣ былъ берлинскій договоръ 13 дек. 1732 между Пруссіей, Австріей и Россіей о «предыдущемъ согласіи между собою для элекціи предбудущаго короля въ Польшѣ». Рѣшено было, чтобы «такая особа предложена была, которая въ содержаніи вольности, нынѣшней конституціи Рѣчи и покоя съ сосѣдями способна была, понеже печальное искусство показало, что чрезъ бывшія въ Польшѣ и нынѣ еще пребывающія французскія факціи, чрезъ тайныя коварства Бурбонскаго дома и онаго въ Польшѣ партіи, отъ Порты хотя недѣйствительная война наведена, однакожъ столько исходатайствовано, что для отвращенія турецкихъ махинацій чрезвычайно тяжкія иждивенія учинить принуждены были». Для защиты польской вольности, чтобы право вольнаго избранія обижено не было съ чужестранной стороны, дворы согласились при границахъ держать армію, но отнюдь не для того, «чтобы силою оружія избраніе производить». Таже старина должна быть необижена и въ Курляндіи: не допустить дѣлить ее на воеводства **).

---

*) Recueil des instructions и пр. Autriche, Paris, 1884, 240.

**) П. Собр. законовъ Р. И., № 6280, Мартенсъ, Сборникъ трактатовъ, I, 311—324. «La corte di Vienna, доносилъ посолъ Венеціи въ Вѣнѣ, М. Фоскарини, aveva gia stabilita massima di non volere sul trono di Polonia un aderente alla Francia». Fontes rer. Austriacarum, t. XXII, 84).

Прошло немного мѣсяцевъ, и польское наслѣдство открылось: Августъ II умеръ отъ подагры.

Неплюевъ съ своимъ Вѣшняковымъ уже первые дни новаго года долженъ было открыть непріятнымъ вопросомъ о Польшѣ—«не о Кабардѣ, не о калмыкахъ, ниже о персидскихъ дѣлахъ», но о «новой матеріи». Эта матерія не жалоба Сѣраковскаго, хотя и та тяжела. «Не безъ затрудненія будетъ, пишутъ они, доказывать по Прутскому трактату, что земли за Днѣпромъ между р. Тясмы и Сѣчи *), возвращенныя ген. Штофилемъ, принадлежатъ владѣнію в. в—ва». Новая матерія—объявленіе, которое они должны были сдѣлать Портѣ, о готовности русскихъ войскъ вступить въ Польшу, въ виду «сильныхъ происковъ и предвосріятій — въ опровержение польской вольности и древнихъ правъ и конституцій, наслѣдство учинить».

«Не упустимъ бдѣнно развѣдывать», отвѣчали они, о впечатлѣніи на Порту отъ порученнаго заявленія, о возможномъ участіи ея — «сколь далеко можетъ вязаться», въ польскомъ вопросѣ.

Въ первомъ номерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1733 годъ, въ отдѣлѣ «Публичныя вѣдомости», явилась большая статья о дѣлахъ въ Персіи, объ уничтоженіи мирнаго договора съ Портою, что Кулы-ханъ идетъ на турокъ и «дабы къ тому всѣ персіяне вооружились», словомъ, объ успѣхахъ нашего агента въ Азіи противъ Порты. Для полнаго удостовѣренія было отмѣчено, что «оныя вѣдомости по доношеніямъ Неплюева подтверждены», правильнѣе, составлены.

Спокойный тонъ нашего Кабинета поддерживали вполнѣ и съ Босфора — не бояться турокъ. Отсюда писали, что успѣхи

*) Слѣд., это части нын. Александрійскаго уѣзда, отъ Крылова (Новогеоргіевска) на югъ, Херс. губ. и Верхнеднѣпровскаго Екатерин. губ. Это нашъ старѣйшій этапъ въ Степи—въ предѣлахъ нын. Херс. губ. Крыловъ уже былъ раньше. Чрезъ нѣсколько лѣтъ основана Цыбулевка, а въ 1743 — Архангельскъ на Синюхѣ, противъ польской Торговицы. Такъ мы обходили Степь, оттѣсняя Польшу. Ср. Запорожскіе матерьялы въ «Зап. Имп. Од. Общ. Исторіи», XIV, 291, 335 и др. Слѣд., нынѣшняя сѣверная граница Херс. губ. не произвольно намѣчена—она носитъ строго историческій характеръ.

Кулы-хана «въ немалую конфузію привели» Порту, что ясно — «не мало оплошились», потерявъ время. «Дабы не остаться въ послѣднемъ стыдѣ, несумнительно, писалъ Неплюевъ, употребятъ всѣ способы, чтобъ непріятеля изъ границъ своихъ изженуть и, при счастіи, рѣшено—пограничныя мѣста разорить, пустотою сдѣлать барьеръ». По расчету его, до дѣла дойдетъ не раньше осени. «Однакожъ, великая государыня, какъ ни произойдетъ, счастіе либъ получили надъ Кулы-ханомъ, или противное тому случилось, только по всему нынѣ турки отъ покою весьма отдалены на долгое время и по такой тягости на себѣ не могутъ ни о чемъ другомъ мыслить: въ счастіи — персіянъ наиболѣе озлобятъ, въ безчастіи и внутренно не безъ страху будутъ».

Естественно, если при такихъ условіяхъ внушители умолкли, къ нимъ визирь глухъ. «Всѣ визирю вѣрятъ; подлый народъ показуется быть довольны; никого нѣтъ, ктобъ ему могъ дать омбражу; единъ онъ все правитъ, а наружно, въ политическихъ дѣлахъ, постороннихъ внушеній не слушаетъ никакихъ; всѣ внушители кредиту у него ни малаго не имѣютъ, первые французы, а вторые—Рагоцкій и Боневалъ, и того менѣе». Не безъ удовольствія Неплюевъ отмѣчалъ, что знаменитый ренегатъ— «въ зѣло мизерномъ состояніи отъ раскаянія и отчаянія, много разъ хотѣлъ отравиться и нынѣ боленъ».

Почва очистилась для русской политики и, представивъ визирю списокъ прегрѣшеній Польши противъ Россіи (пограничныя ссоры, гнетъ православныхъ отъ уніатовъ) въ формальную поддержку порученнаго объявленія, Неплюевъ повторяетъ, что Порта, глубоко завязанная въ персидскія дѣла, не можетъ возражать Россіи въ Польшѣ; до чего бы тамъ дѣло ни дошло, она будетъ молчать, а потому и полагаетъ, что именно въ этомъ году «благополучнѣйшее время у Польши сатисфакціи искать».

Но польскій вопросъ двинулся скорѣе, чѣмъ ожидали.

Въ началѣ марта Неплюевъ доносилъ, что «ораторъ» Сѣраковскій, который «много жалобами своими ушей наполнилъ, но ничего не преуспѣлъ», уже при самомъ отъѣздѣ получилъ извѣстіе отъ земляка Понятовскаго изъ Хотина о смерти короля Августа и всѣмъ формально сообщилъ объ этомъ. Понятовскій — фигура давно извѣстная: это старый горячій сторонникъ

Станислава и неразлучный спутникъ еще Карла XII, пріятель Орлика. Уѣхавъ на дачу, ораторъ уединился отъ всѣхъ, «только уединенно во всемъ французскому послу присталъ, что̀ видимо стало чрезъ частыя между ними пересылки, а паче, что его секретарь Яблоновскій при Портѣ съ французскими переводчики соединенно себя держалъ и купно съ ними къ турецкимъ министрамъ многократно входили, изъ чего явно и ясно есть, что Сѣраковскій партизанъ Лещинскаго». Неплюевъ не сомнѣвается, что Порта будетъ за вѣчнаго кандидата Франціи, но—«всѣ ея желанія и рекомендація вотще—кромѣ словъ ничего употребить не можетъ, яко обязана выше мѣры персидскими дѣлами». Поэтому «мы, заключаетъ резидентъ, оставили ее въ покоѣ и въ волѣ воздушныя башни строить» на счетъ Лещинскаго или Ляса, какъ говорили тогда, играя словами: лещина-лясъ.

Одновременно съ таинственнымъ шепотомъ на Босфорѣ шла торжественная бесѣда о томъ же «наслѣдствѣ» въ Петербургѣ.

Въ началѣ февраля мы уже знали о «зѣло важномъ смертномъ случаѣ», по выраженію С.-Петерб. Вѣдомостей (№ 13), о полномъ-де спокойствіи въ Польшѣ, при массѣ кандидатовъ: «нѣкоторые говорятъ, что король Станиславъ, саксонскій курфирстъ, региментаржъ Понятовскій и кавалеръ Георгъ себя главнѣйшими компетентами сей короны объявили; однакожъ сказываютъ, что курфирстъ изъ всѣхъ сихъ наибольшую склонность въ Польшѣ имѣетъ» (№ 18). Съ вѣстью о смерти Августа въ Петербургѣ ждали особаго посла, Краковскаго епископа Липскаго. Онъ прибылъ и былъ принятъ уже 5 апрѣля. Произошелъ любопытный обмѣнъ рѣчей.

Липскій говорилъ «на польскомъ языкѣ изрядно сочиненную рѣчь», читаемъ мы въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ (№ 31). Онъ просилъ о благосклонности, «осиротѣвшую Рѣчь отъ постороннихъ противностей защитить». Отвѣчалъ Остерманъ, безъ переводчика, что «ея в-во отъ сердца желаетъ, чтобъ сей уронъ награжденъ былъ произведеніемъ чрезъ вольное избраніе такого новаго короля, который бы къ прямой пользѣ и благополучію Рѣчи, къ содержанію ея правъ и вольности и къ содержанію такъ потребнаго добраго согласія съ сосѣдями склоненъ и способенъ былъ».

Такъ сразу обозначились партіи Lasa и Sasa, т. е. Лещинскаго и Саксонца: Босфоръ и Нева.

Кандидатъ сосѣдей скромно намѣченъ былъ давно на страницахъ нашей оффиціальной газеты—кто «наибольшую склонность въ Польшѣ имѣетъ», а за успѣхъ его ручалась безпомощность Порты, безпомощнаго теперь орудія Франціи. Правда, мы успокаивали Порту, что въ охраненіе сосѣдскаго покоя желаемъ, чтобъ избранъ былъ «безпарціально» кандидатъ, что лишь въ противномъ случаѣ «вольныхъ дѣтей польскаго государства будемъ защищать и оружіемъ»; но въ то же время указано объявить, что Лещинскій исключенъ, «яко объявленный отъ всего королевства отечеству своему злодѣй, слѣдственно, и его партизаны въ томъ же званіи признаны быть могутъ». Понятно, что смѣлая попытка кардинала Флери добиться въ Петербургѣ согласія на кандидатуру «злодѣя» приманкой передачи Азова отъ Турціи, ссылкою на всемогущество Франціи на Босфорѣ, могла встрѣтить рѣзкій отпоръ отъ Остермана, но—сочувствіе нашла въ входившемъ тогда въ силу Минихѣ, свѣжемъ фельдмаршалѣ, хотя относительно недавно еще майорѣ наемныхъ нѣмецкихъ войскъ. Вѣроятно, отъ этого времени идетъ у Миниха практика получекъ, а необыкновенная его любовь къ деньгамъ можетъ быть утверждена самыми «Записками» его сына *).

Порта все понимала, но, безсильная, могла только нарекать Неплюеву, и то не прямо, а чрезъ переводчика, что русскій министръ въ Польшѣ высоко и со властью полякамъ говоритъ — о строеніи крѣпостей близъ турецкой границы. «Недосуги, поясняетъ Неплюевъ, не допущаютъ ее въ Лещинскаго дѣла мѣшаться, но еще блазнятъ себя надеждою, что поляки будутъ отъ французовъ подкуплены и въ Европѣ будетъ война». Но для него всѣ эти «замашки — воздушныя башни». «Порта желаетъ, чтобы французы возмогли Лещинскаго на престолъ возвести; но Вильневу объявила, чтобъ они дѣлали какъ хотѣли, а она кромѣ дружескихъ оффицій ни въ какія обязательства за него не вступитъ, и времени, охоты не имѣетъ. Ссоры съ Россіей не желаетъ и знаетъ, что французы по своимъ интересамъ

*) Die Memoiren, 92. Ср. при наймѣ въ Россію, при работахъ по Ладожскому каналу—69, 69, 85. Ср. 108, 186. Впрочемъ, получки были повальною болѣзнію эпохи, почему неподкупность Неплюева такъ высоко подымала его надъ современниками. Но Минихъ обвинялся въ подкупѣ и при осадѣ Данцига въ 1734 году—за выпускъ изъ города переодѣтаго мужикомъ короля Станислава (Die Memoiren, 108). Ср. Сб. Р. И. О., XX, 81, 87.

ей на ссору внушаютъ. Итакъ, заключаетъ Неплюевъ, нынѣшнее лѣто Порта в. в-ву въ польскихъ дѣлахъ мѣшать не въ состояніи, а впредь Богъ намъ помощникъ».

Неплюевъ благославлялъ. Но не дремалъ и Вильневъ и едва не взорвалъ всѣ надежды своего торжествующаго русскаго противника. Франція была слишкомъ задѣта: «есть слухъ въ Молдавіи отъ польскихъ границъ, сообщалъ Неплюевъ въ мартѣ, будто Лещинскій на французскихъ корабляхъ къ Данцигу отправляется». Вильневъ удачно провелъ вопросъ о Кабардѣ.

Вмѣстѣ съ увѣреніями о безсиліи Порты Неплюевъ не забываетъ уже въ апрѣлѣ извѣстить и о сообщеніяхъ «друзей», что у Порты одновременно съ польскимъ наслѣдствомъ возбужденъ Вильневомъ и ханомъ вопросъ о Кабардѣ, что посолъ «чрезъ консуля своего, нынѣ изъ Крыма прибывшаго и въ Кабардѣ будто напредь сего бываемаго, знаніе имѣть претендуетъ», и оба внушаютъ, будто Кабарда издревле ихъ, турецкая, и поступокъ Россіи во всѣхъ настоящихъ персидскихъ дѣлахъ противенъ трактату съ Портою; что 20 тыс. татаръ двинулись горами въ Жоржію, въ Тифлисъ, чтобъ овладѣть Кабардой.

Друзья говорили правду. Порта потребовала—отступиться отъ Кабарды, что она готова «все свое имперіе ризиковать, нежели такую обиду снести», съ угрозой высылки самого Неплюева, какъ заводчика ссоръ.

«Порта, доноситъ резидентъ, мнитъ, что в. в-во не въ состояніи къ войнѣ противу Порты, потому всяческихъ ссоръ удаляетесь». Но выплывшій вдругъ вопросъ привелъ его въ раздумье. «Какъ Порта ни поступитъ: меня ли будетъ высылать, или войну объявитъ, намъ не непонятно, что Кабарды не великой важности суть. Но опасно, что Порта такія же придѣлки будетъ чинить къ кумыцкимъ и дагистанскимъ народамъ и съ такою же горячностью, мня и въ томъ уступку, ибо если въ худомъ своемъ состояніи толь высоко забрались, чего уповать, если хотя мало освободятся»? На его взглядъ, одно средство безъ войны Кабарду удержать — медіація Австріи. Тогда онъ опять былъ бы въ состояніи «противу варварской гордости стоять, какъ до сего времени чинилъ, а паче какъ равномѣрныя суеты за куралинскія дѣла и Сурхаевыхъ барановъ износилъ».

Практика съ Портой прервана въ самую нужную минуту;

слабая надежда на слова «пріятелей», что «весь настоящій шумъ» произведенъ болѣе для успокоенія хана. Вильневъ былъ съ побѣдой. «Все, сѣтуютъ Неплюевъ и Вѣшняковъ въ маѣ, доносимъ гаданіемъ, по чужимъ словамъ, а перенять на себя ничего не можемъ и точно увѣрить, какъ турки далѣе поступятъ, ибо здѣшній народъ слѣпотѣ подлежитъ, а паче, что французскій посолъ по своимъ видамъ всячески ихъ ложно увѣрить тщится, будто имперіе в. в-ва не въ состояніи къ предвосріятіямъ и хотя мы бдѣнно простираемся такимъ внущеніямъ искоренить, но видимо французскія не безъ успѣху по невѣжеству турецкому, что трудно искоренить, дондеже они эксперіенцію узнаютъ».

О трудности своей положенія Неплюева писалъ и въ Вѣну Ланчинскому: «ежели сей необузданный дворъ при нынѣшнихъ конъюнктурахъ на себя допустить, то чего надѣяться впредь»! Писалъ на Кавказъ, въ Кіевъ ген. Вейсбаху: «кажется, туркамъ гордость казать не время, но такова зла баснословитъ, не взирая на то, что по уши въ грязи». А эти «зла» все отъ Вильнева: «французы не умолкаютъ разглашать надеждою о Лещинскомъ чрезъ помощь и силу ихъ короля». Наконецъ, въ іюнѣ послѣдовалъ отъ Порты рѣзкій запросъ и о самомъ польскомъ наслѣдствѣ, но съ требованіемъ отвѣта на письмѣ: «въ какой видъ войски при границахъ сбираются и въ Польшу вступить намѣрены? Въ своей ли силѣ Прутскій трактатъ пребудетъ или, не взирая на оный, то Россія въ дѣйство производить намѣрена»? Сдѣлано было предостереженіе; далѣе — война...

Естественно, если Остерманъ былъ встревоженъ разрывомъ сношеній Неплюева съ Портой, такъ какъ польскій вопросъ могъ выгорѣть теперь при одномъ условіи—при занятіи Турціи въ Азіи съ головой, и онъ потребовалъ отъ Неплюева—не слишкомъ. «На Порту, писалъ Остерманъ, не налегать, чтобъ не подать ей причины съ персіянами скораго мира искать, яко сходство интересовъ требуетъ, чтобъ Порта надолго была обязана персидскою войною». «Если предположить, доносилъ саксонскій посланникъ въ Петербургѣ своему двору въ іюлѣ, что Персія заключитъ миръ съ Портою и онѣ соединятся противъ Россіи, то это—обстоятельство, котораго здѣсь очень боятся» *).

*) Сб. Р. И. Общ., V, 473.

Конечно, и въ Вѣнѣ, крайне занятой Прагматическою санкціей, расчеты были на туже войну въ Персіи *): здѣсь залогъ успѣха.

Неплюевъ оправдывалъ себя: «къ наступленію на нихъ никогда виду не подалъ и не подаю, но паче простираюся увѣрять при всякомъ случаѣ, что в. в-во вѣчно мирную дружбу съ нею, Портою, ненарушимо содержать соизволяете», и въ тоже время успокаивалъ Остермана, не смотря на всѣ страхи и плетни Вильнева. «Вчера, пишетъ онъ 24 іюня, французскій посолъ былъ у визиря для польскихъ дѣлъ. Потомъ слышалъ я подъ рукою, что турки вскорѣ къ сторонѣ в. в-ва крѣпкія предложенія учинятъ, отдаляя в. в-во отъ тѣхъ дѣлъ, понеже турки, не смотря на свое худое состояніе, нынѣ сторону в. в-ва весьма легко поставляютъ и почти явно такъ поносятъ, на предложенія и смотрѣть не хотятъ». Но крѣпкія предложенія не страшны. «Какъ бы ни обошлись дѣла ихъ съ персіянами, разсуждалъ Неплюевъ, нынѣшней кампаніи въ польскихъ дѣлахъ Порта кромѣ словъ инымъ образомъ помѣшать не въ состояніи. Если король изберется въ Польшѣ иной, не Станиславъ, то и в. в-во и союзники отъ тѣхъ предвоспріятій и чаемой турками европейской войны свободны, и Порта умѣреннѣе будетъ поступать, хотябъ и къ миру съ персіянамя способъ ей подался».

Неплюевъ оказался правъ: далѣе прежнихъ предостереженій не пошло, не дошло до крѣпкихъ предложеній. Вмѣсто нихъ опять заискиваніе, съ возобновленіемъ сношеній, хотя какъ-разъ къ этому времени подошли событія, поднявшія было упавшій престижъ Порты: удачная схватка крымскаго хана съ русскими на Кавказѣ и побѣда турокъ надъ шахомъ.

По словамъ визиря къ австрійскому резиденту, татаре разбили русскихъ и силою прошли въ Ширванъ, отдаляя тѣмъ права Россіи на кумыковъ и Дагестанъ. Это было у Свят. Креста. Предостереженіе Неплюева на мѣстѣ—«не допущать татаръ»—было тщетно. Больно почувствовалъ себя Неплюевъ, а турки только счастливы: «намъ они ничего не говорятъ, но рейсъ-эфенди, когда увидитъ нашихъ переводчиковъ, усмѣхается; съ

*) «... Si adduceva le circonstanza della guerra Persiana, la quale distraendo le forze Ottomane, dava campo a Cesare d'impiegare (собрать) tutte le proprie nelle cose di Cristianità», писалъ венеціанецъ Фоскарини. (Fontes rer. Austriacarum, XXII, 86).

похвалой всему свѣту разглашаютъ и до послѣдняго подлаго человѣка съ поношеніемъ в. в-ва баснословятъ». Понималъ онъ и обращеніе къ австрійскому послу и негодовалъ: «натурально, чужая рана не такъ чувственна, какъ своя». Лукавство Вѣны— неизмѣнная максима Неплюева, а здѣсь — предательская ласка. «И къ намъ ласковы, пишетъ отъ 19 іюля, и цесарскій дворъ ублажаютъ, дабы тѣмъ нынѣшній часъ загладить, понеже они не мнятъ отъ в. в-ва за тотъ татарскій поступокъ войны, токмо въ Азовъ провіантъ, артилерія отправляется». Онъ прибавляетъ, что, помимо укрѣпленія Азова, принимаются мѣры и на границѣ съ Австріей, ибо «хотя министры хвалятся татарскою викторіею, но генерально всѣ небезопасны нынѣшняго лѣта отъ в. в-ва законнаго отмездія къ Азову и на Кубань, яко они въ европейской никакъ сего году къ отпору въ состояніи быть не могутъ». Фальшивая ласка Порты до того, что визирь жаловался предъ посломъ Австріи, что Россія промѣняла турецкую дружбу на персидскую, «непрестанную съ Кулы-ханомъ кореспонденцію имѣетъ, они не виновны въ баталіи татарской, но Россія — агресоромъ учинилася», по этому просилъ медіаціи Вѣны. «Порта, продолжалъ визирь, чинить войны не намѣрена, но когда принуждена будетъ, тому Богъ поможетъ, и не въ первый разъ ей имѣть войну съ двухъ сторонъ».

Неплюевъ за отмездіе; его расчеты на Азію. Если раньше онъ писалъ въ Вѣну, что о «тражедіи» тамъ онъ не знаетъ ничего, то въ концѣ іюля онъ былъ выведенъ изъ неизвѣстности и опять на горе — новою викторіей турокъ. 8 іюля Кулы-ханъ былъ разбитъ у Вавилона и опять злорадство: «здѣсь въ народѣ говорятъ, доносилъ Неплюевъ, будто въ войскѣ Кулы русскіе офицеры были и письма генераловъ переняты, которыми побуждали противъ турокъ крѣпко стоять, и в. в-во поносятъ». «Басни», которымъ онъ раньше не вѣрилъ: «министры изолгались такъ, что и подлый народъ не вѣритъ», оказались правдой, положеніе наше ухудшалось.

Въ виду обѣихъ викторій естественно было ожидать повышеннаго тона со стороны Порты, особенно, въ дѣлѣ Вильнева, въ дѣлѣ «произведенія короля»; но вмѣсто этого — умѣренность и все ласкательство.

19 іюля была конференція съ визиремъ и «мирная, въ генеральныхъ терминахъ». О польской элекціи визирь, какъ

тоже «наблюдатель польскихъ вольностей», пожалуй, и легитимный, прутско-трактатный, просилъ одного: «чтобъ не иноземецъ, но сущій полякъ былъ избранъ, безъ нарушенія вольности». Онъ подразумѣвалъ, но не называлъ Станислава, который какъ-разъ тогда выпустилъ изъ Франціи свою теорію «польскихъ вольностей», политическую программу, которая своими благородными мыслями дѣлала честь ея автору *). Но особенно характерна реляція 31 іюля, что отъ визиря одна лесть, съ настойчивой, горячой мольбою Неплюева — не вѣрить пролганной хитрости турокъ и мстить, пока еще время.

«Не видѣвъ совершенной викторіи надъ персіянами, мира не могутъ себя найти, ежели в. в-во нынѣшней кампаніи къ отмщенію поступить соизволите. Того ради льстятъ и цесарскій дворъ ублажаютъ. Проходомъ татарскимъ возъимѣли столько авантажу, сколько желать могли. Со временемъ в. в-во увидѣть изволите, сколь высоко здѣшній дворъ во всемъ держать себя будетъ, только хотя мало имъ усмотрѣть, что татарское дѣло безъ возмездія упущено было. Всемилостивая государыня, не можно описать, сколько мы слышимъ! Уже до того дошло, что разсуждаютъ и Астрахани быть наслѣдственной татарской. Понеже сей народъ невѣжествомъ одержимъ, кольми же паче слѣпъ, когда хотя малый авантажъ видитъ! Не разсуждаютъ того, что войскъ при крѣпости Св. Креста мало было, но токмо то баснословятъ, что русскіе не только противъ турокъ, но и противу татаръ стоять не могутъ».

Война и война, вотъ задача минуты, твердилъ Неплюевъ, не будучи въ состояніи примириться съ мыслью о безнаказанности оскорбленія достоинства Россіи со стороны какихъ-то татаръ и это въ моментъ, когда, какъ ему казалось, представлялась возможность свести послѣдніе счеты съ самою «гибнущею» Турціей.

«Хотя о сихъ дѣлахъ, многимъ напастемъ и неизвѣстному воинскому жребію подлежащихъ, съ немалою прискорбностію

---

*) «Głos wolny szlachcica wolność ubezpieczający», Nancy, 1733. Старѣющій Станиславъ полагалъ необходимымъ унять необузданность пановъ и шляхты мощью суда и заняться улучшеніемъ судьбы обездоленнаго хлопа. Но этотъ «Głos» стараго либерала, питомца философіи Вольтера, былъ голосомъ всуе, голосомъ слишкомъ несвоевременнымъ.

описуемъ, но по нашей рабской должности и ревности не могли безъ изъясненія истины оставить, дабы в. в-во, вѣдая обстоятельно, изволили заблаговременно повелѣть удобныя мѣры принять. Къ покою надежды не остается, развѣ польскія дѣла безъ войны въ Европѣ обойдутся и цесарь въ здѣшнихъ в. в-ва дѣлахъ надлежащее участіе приметъ. Въ такомъ случаѣ можно уповать, что до совершенной войны турки удержатся, хотя бы имъ за татарскій поступокъ и сугубое отмездіе учинено было, а паче бъ всего, еслибъ Кулы-ханъ предъ ними поправился». Неплюевъ готовъ даже вѣрить, что Порта и викторію надъ Кулы преувеличила «для покоя отъ народа и для польскихъ и татарскихъ дѣлъ», но—чтобы сейчасъ же самому разочароваться и вполнѣ утвердиться, что Порта только лукавитъ, притворствуетъ, хитритъ, ласкан и насъ, и Австрію, до поры: зачѣмъ же намъ медлить?...

Подробности о пораженіи шаха были до того ужасны, что Персіи оставалось одно—«у турокъ мира искать, во чтобъ онъ ни стоялъ», а этимъ и открывалась на-стежь та опасность, предъ которою такъ горячо предостерегалъ Остерманъ, требуя—не налегать. «Поэтому, заключаетъ Неплюевъ 5 августа, туркамъ подастся случай—другой свой замыслъ въ дѣйство производить — сторону в. в-ва обезпокоивать и тѣмъ или инымъ способомъ и въ польскихъ дѣлахъ участіе принимать, что вскорѣ время изъявитъ, яко уже начинаютъ высоко себя держать», т. е. впереди опять политика крѣпкихъ предложеній. Но Неплюевъ ласканьемъ проведенъ не былъ: положеніе отмѣчалъ онъ ясно и требовалъ острастки — проучить за татаръ, не смотря на новый, крайне дерзкій тонъ по отношенію къ Россіи. Старыя «внушенія» объявились снова.

Этотъ тонъ сказался прежде всего въ бесѣдѣ переводчика Порты съ посломъ Голландіи, въ указаніи, что Россія сама виновата въ викторіи татаръ, отказавши имъ въ свободномъ пропускѣ, но что, конечно, она «произшедшее приметъ за противно и за то что предвоспріять захочетъ». «Но, продолжалъ переводчикъ, надобно бы ей на свое состояніе оглянуться, что она не въ томъ состояніи, какъ была во время Петра Великаго, а при немъ подъ Прутомъ силъ отоманскаго оружія експеріенцію имѣла, якожъ и нынѣ татарскимъ проходомъ опытъ возъимѣла. Порта никогда правъ и чести своей Россіи не уступитъ, до че-

тобы ни дошло и во чтобы ни стало, яко она въ состояніи не только противъ одной Россіи, но хотябы противъ всѣхъ христіанскихъ державъ въ одно время войну вести».

Посолъ попытался умѣрить пылъ наемника-грека. Онъ увѣренъ въ великости и силахъ Турціи, но и въ Россіи военное дѣло, какъ и при Петрѣ; а окажется мало, то и всѣ поголовно пойдутъ на войну; прутское-же дѣло «всегда образцемъ быть не можетъ, понеже всякій своими погрѣшностями исправляется, что̀ и Петръ Великій не скрывалъ не только отъ постороннихъ, но и отъ своего народа, въ которомъ до малыхъ младенцевъ сіе дѣло въ свѣжей памяти. Примутся потому лучшія мѣры, а не прежнія, чтобъ въ чужія земли съ малымъ войскомъ и безъ провіанта не итти». Посолъ указывалъ далѣе на невыгодность войны съ Россіей: «будетъ къ Кіеву итти, то за дальностію и пустотою весьма трудно; въ другія мѣста, и того труднѣе». Но въ это-де время Россія можетъ справиться съ татарами, черкесами, взять Азовъ и овладѣть «всею палудою Меотидеческою», а назадъ ее трудно, не говоря уже о союзникѣ—Австріи.

Уроки Вильнева послышались въ возраженіяхъ собесѣдника, что Порта найдетъ больное мѣсто Россіи, гдѣ атаковать и чего искать, цесарь-же безсиленъ, занятый съ Франціей, «а Польшу уничтожить не надобно». Но гдѣ же то больное мѣсто? Оно въ «баснословіи» французскаго посла.

Неплюевъ доносилъ, что Вильневъ на недавней аудіенціи у визиря хвалился, что «никто не въ силѣ помѣшать Лещинскому въ Польшѣ», Россія слаба, а при скоромъ мирѣ съ Персіей, возвращающіяся войска выгонятъ русскихъ изъ мѣстъ при Каспійскомъ морѣ и «всѣ тѣ народы даже до Астрахани Порта присовокупитъ, къ чему тѣ народы сами будутъ способствовать, понеже Петра Великаго уже въ живыхъ нѣтъ».

Нельзя не видѣть, что баснословіе было далеко до баснословія, и самъ Неплюевъ приходитъ къ тому же заключенію, говоря, что турки съ Персіей «миръ учинить могутъ и сколько видима ихъ безопасность въ персидской войнѣ, столь же близко, можно сказать, необходимо къ сторонѣ в. в-ва отъ турокъ безпокойство».

На требованіе наше распустить татаръ визирь отвѣчалъ сухо отказомъ—«словъ не умножалъ». Неплюевъ уже пересталъ хвалить его — «не словами, но дѣломъ варварскихъ максимъ,

яко сродно ихъ злому сѣмени, держится». Обратился къ медіаціи союзнаго посла. Но Талманъ услышалъ отъ визиря одни обвиненія противъ своего русскаго коллеги, что визирь не знаетъ, какъ разсуждать — «собою ли Неплюевъ, человѣкъ умный, войны между ихъ имперій желаетъ, или русское министерство того ищетъ», и вспомнилъ времена Петра: «во время славнаго не словомъ, но дѣломъ ихъ монарха, Петра Великаго, никогда спору о Кабардѣ не бывало, а нынѣ войска туда введены, неправо себѣ присвояютъ, а отвѣта не даютъ». Визирь увѣрялъ австрійскаго резидента, что желаетъ дружбы: «развѣ Россія Порту принудитъ, — тогда ко всему готова».

На умиряющія слова Талмана, что правленіе въ Россіи такое же, какъ и раньше, дѣйствуетъ «со всякимъ добрымъ порядкомъ», а Портѣ постороннимъ внушеніямъ вѣры не давать, ниже обладательницу великой части Европы за малую консидеровать, визирь отвѣчалъ, что онъ за миръ, но ханъ злобно жалуется за Кабарду, Сурхай съ большимъ воплемъ кричитъ: «татаре на Кавказѣ гибнутъ», ссора не далеко, и потребовалъ у Неплюева пропуска татаръ изъ Дербента въ Шемаху, въ отвѣтъ на слова Талмана, что союзникъ Россіи, цесарь, далъ «свой честный пароль».

Это домогательство возмутило Неплюева: вмѣсто удовлетворенія—«съ принужденія пропускъ акордовать и тѣмъ поводъ подать съ такою же горячностью имъ поступать и въ польскихъ дѣлахъ», а въ Персіи озлобились бы. «Такого предосудительнаго поступка, объясняетъ Неплюевъ, учинить было намъ ни по единому образу невозможно, до чегобъ ни дошло». Дѣло о Кабардѣ — «проба» политики Порты—война или лукавство, но во всякомъ случаѣ на Югѣ необходимы мѣры. При доброй осторожности ханъ и Сурхай побоятся зачинать, иначе «поползнутся народы на Кавказѣ отвращать, города обезпокоивать, Кабарду разорять и в. в-во, прежде формальнаго объявленія, въ войну принудятъ».

Вильневъ весь теперь одна агитація. Онъ, по словамъ Неплюева, наговаривалъ, что Лещинскій королемъ будетъ, Франція ударитъ на Австрію, а Россія—въ весьма слабомъ состояніи, не только, чтобъ мѣшаться въ польскія дѣла, но и противъ татаръ обороняться: «одинъ ханъ къ усмиренію приведетъ и отъ Польши отвратитъ». Онъ указывалъ, что Портѣ «при ны-

нѣшнихъ конжонктурахъ» времени не терять и приготовиться или пойти на Австрію, или «Россію въ прежнее состояніе привести, какъ прежде времени Петра I находилась». Рисуя соблазнительныя картины несомнѣннаго «авантажа» Порты, Вильневъ препоручалъ «имѣть въ консидераціи Боневала, доказуя, будто въ послѣдней войнѣ (т. е. при Евгеніи Савойскомъ, 1716 г.) цесарскихъ всѣхъ авантажевъ одинъ онъ, Боневалъ, виновникомъ былъ».

Какъ увидимъ ниже, Боневаль, дѣйствительно, былъ руководителемъ въ наступившей войнѣ. Но пока Порта полувнимала Вильневу. Заключивъ при его посредствѣ договоръ съ Венеціей, «воодушевленной французскимъ духомъ», не смотря на протестъ Австріи, она приказала странствовавшему тогда по Европѣ своему Саиду изъ Венеціи отправиться въ Варшаву и употреблять тамъ «офиціи въ пользу Станислава»; но вмѣсто войны однѣ угрозы и «уничтоженія», т. е. оскорбленія Россіи. «Порта, пишетъ Неплюевъ 18 августа, по внушеніямъ французскимъ, имперію легко вмѣняетъ, почему во всемъ съ горячностью поступаетъ, грозя войною. Какъ мнѣ поступать»? На его взглядъ— отвѣчать тѣмъ же, но не останавливаться на однихъ словахъ. При малѣйшемъ послабленіи «вмѣсто пользы вящей гордости ихъ поводъ и французскимъ мечтаніямъ мѣсто подалось бы». Почему необходимо «отмщенія искать и дальнѣйшія мѣры принимать». Но онъ полагалъ, что все-же центръ вниманія — Персія, и «много мечтанія убудетъ, если польскія дѣла безъ войны окончатся».

Понятно, если зоркаго и непреклоннаго Неплюева Порта не могла выносить, что его «явно львовымъ образомъ показуютъ и всѣмъ съ угрозами поносятъ и бранятъ». Онъ боялся лишь одного—не ошибиться, его же личные интересы ничто: «дѣла здѣсь, писалъ онъ Головкину, часъ отъ часу страннѣе и больше возрастаютъ и чѣмъ кончатся, не знаю. При такихъ деликатныхъ конъюнктурахъ опасенъ весьма, дабы въ чемъ невѣдѣніемъ не погрѣшить». Опасеніе весьма естественное, но не для него: онъ вѣрно указалъ на убыль мечтаній, при малѣйшей перемѣнѣ на сценѣ. Вскорѣ наступившая убыль обусловилась тяжелымъ положеніемъ дѣлъ турокъ въ Персіи.

На повторительное требованіе Россіи унять татаръ, но уже чрезъ австрійскаго посла, визирь отвѣчалъ угрозою, что не вина

Порты, если татаре «покусятся и городы обезпокоивать, что Россія чувствовать станетъ», упреками, что Россія «претендуетъ народы на Кавказѣ подданные свои имѣть», а тѣ «по единовѣрію приложились къ татарамъ». Но уже чрезъ два дня (29 авг.) визирь былъ мирнѣе. «Хотя не очень высоко, доносили оба резидента, а кажется, что предложеніе наше учинено на такомъ основаніи, что Портѣ можетъ быть понятно в. в-ва чувствованіе и до чего дойти можетъ, ежели не поправятся дѣла», т. е., теперь мы пригрозили.

Болѣе мирный тонъ наши объясняли тяжелой для Порты перспективою войны въ Персіи, гдѣ голодъ, побѣги солдатъ, слѣдов., дѣла дурны. Чего же, спрашивали они, не воспользоваться намъ минутой? Тогда все пойдетъ иначе, и самой Турціи, не смотря на всяческую поддержку Франціи, будетъ бѣда. «Ежели в. в-во противъ нихъ оружіе употребите и слѣдств. съ персіянами соединиться изволите, въ такомъ случаѣ не только отъ мира они будутъ далеки, но и вящимъ бѣдствіямъ государство свое подвергнутъ со всѣхъ сторонъ, и хотя французы, по своимъ пристрастіямъ, ихъ высоко возносятъ, а Россію легко имъ показуютъ, но мы довольно объ истинномъ состояніи одной и другой стороны доказали». Въ подтвержденіе боязни Порты указываютъ и на намекъ визиря смѣнить крымскаго хана; тогда и кабардинское дѣло не «отрыгнетъ». Въ томъ же строгомъ духѣ и донесеніе 7 сентября, въ отвѣтъ на завѣренія опять визиря о дружбѣ: «татарскихъ дѣлъ ничѣмъ отвратить не можемъ и кромѣ оружія другихъ средствъ не видимъ; татаре могутъ персіянъ къ миру принудить, тогда съ в. в-вомъ турки легко въ войну вступятъ». Прося окончательной инструкціи о Кабардѣ, «если дѣло до войны не дойдетъ», резиденты объясняли, что, по общемъ совѣтѣ съ австрійскимъ посломъ, они «никакого вида къ отмщенію за татарскія продерзости не показывали», ибо на случай войны «и безъ нашихъ словъ дѣлать не мѣшаетъ, а сказавъ не учинить, тѣмъ вящее поношеніе себѣ наведемъ». Но съ мыслью о безнаказанности Неплюевъ все же примириться не могъ. «Найдя, пишетъ онъ 27 сент., в. в-во обязану польскими дѣлами, Порта хочетъ профитировать сей конъюнктуры, не собою, но якобы хана продерзостью, противъ воли ея, Кабарду и владѣнія в. в-ва отнять. Если удастся побить русскія силы, мнитъ, что в. в-во и то имъ упустить соизволите безъ отмездія. Буде не удастся и татаре будутъ побиты, за то Порта ссоры искать не будетъ».

Но на-сколько мы были «обязаны» тогда дѣлами въ Польшѣ?

Въ то время какъ С.-Петербургскія Вѣдомости извѣщали, что 11 августа прибылъ въ Варшаву Сапѣ и «конференціи съ нимъ очень прилежно продолжаются», что въ Парижѣ «все, что къ войнѣ потребно быть можетъ, готово и уже болѣе о томъ не сомнѣваются, что война тотчасъ начнется, какъ скоро о вступленіи чужаго войска въ Польшу извѣстіе получено будетъ», а Лещинскій тайкомъ чрезъ Германію пробирался въ туже Варшаву (№ 68, 69, 76),—на Босфорѣ Вильневъ употреблялъ новыя усилія двинуть Турцію на Россію. «Въ народѣ разгласили, пишетъ Неплюевъ 1 сентября, что всѣ единогласно Станислава королемъ желаютъ, но в. в-во и цесарь той ихъ общей волѣ противны, чего ради Порту на в. в-во побуждаютъ, показуя ей легко одолѣніе имѣть не только всѣми силами, но едиными татары, а силы цесаря Франція удержать обязуется». Но интриги безъ успѣха: «мы, прибавляетъ онъ позже, въ польскихъ дѣлахъ не безнадежны, яко туркамъ дѣло постороннее».

10 сентября Станиславъ прибылъ въ Варшаву, былъ избранъ, но сейчасъ же «царство его кончилось, какъ сообщали Неплюеву изъ Вѣны 22 сентября, съ своими же единомышленники ушелъ въ Гданскъ», а 5 октября «несогласные литовцы и поляки чрезъ познанскаго епископа подъ Гроховымъ королемъ объявили саксонскаго курфирста Августа», читаемъ мы въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ письмѣ изъ Маріенвердера. «Того ради, продолжаетъ письмо, въ Прагѣ, въ бернардинской церкви Тебе Бога хвалимъ пѣть велѣли. Россійская артиллерія тройнымъ воспаленіемъ, а все войско тройнымъ бѣглымъ огнемъ сіе дѣйствіе еще славнѣе учинили» (№ 83, ср. № 84). По сообщеніямъ изъ Яссъ, на Босфорѣ было извѣстно, что Станиславъ самъ шестъ въ чернеческомъ платьѣ былъ при избраніи, что противникъ Сапѣга спасся бѣгствомъ у русскаго посла, Левенвольда, что хотѣли сжечь домъ посла, но удержали русскія войска *).

---

*) О нападеніи на домъ русскаго и саксонскаго пословъ въ Варшавѣ отъ партіи «Ляса» при элекціи см. и Записки Миниха, 95. Объ элекціи Августа съ помощью «пишнего Москаля» ср. современную пѣснь, гдѣ Польша отказываетъ въ рукѣ французу — «bom nie całeczka», а изнасиловали Сапѣги, въ «Запискахъ наук. товариства им. Шевченка», 1897, I, 25.

Дѣло прошло по желанію Неплюева, который совѣтовалъ «сильную акцію» въ Польшѣ; тогда-де кредитъ Франціи у Порты падетъ, а Россіи возвысится.

Понятно положеніе Вильнева: онъ все мечтаетъ двинуть Порту, а та недвижима и даже поскромнѣла. «Здѣсь при Портѣ о польскихъ дѣлахъ говорятъ, какъ о постороннихъ, нижѐ на в. в-во нареканія чинятъ, хотя поляки и французы много имъ докучаютъ, и, кажется, Порта вступаться не будетъ, яко не можетъ». Объ этомъ оборотѣ дѣлъ поспѣшили оповѣстить и С.-Петерб. Вѣдомости, съ прибавкой, что о невмѣшательствѣ самъ визирь объявилъ министру Австріи (№ 88). Война съ одной Франціей.

Дѣйствительно, по донесенію изъ Босфора, визирь говорилъ Талману что Станиславъ выбранъ, но есть и противная партія; «потому надо оставить поляковъ самихъ собою упражняться, совѣтами или междуусобною бранью. собою себѣ короля выбрать», безъ постороннихъ. Но если русскія войска «въ фаворъ противной Станиславу партіи оружіемъ будутъ дѣйствовать, то тѣмъ учинятъ насильство и вольности польской нарушеніе и Порта принуждена будетъ другой партіи помощь подать». Неплюевъ объяснялъ визирю, что русскіе вошли «по прошенію вѣрныхъ дѣтей отечества польскаго», защищать противъ насилія французовъ; но двору своему онъ писалъ одно — поскорѣе кончать: тогда «замашки здѣшняго двора сами собой угаснутъ, а буде вдаль продолжится Станиславская партія, не безопасно и, можно сказать, неминовательно по тѣмъ дѣламъ ссоръ».

Между тѣмъ получено было Портою письмо отъ самого Станислава объ избраніи и отъ кіевскаго воеводы Потоцкаго, съ обязательной поминкой Прутскаго трактата. Неплюевъ—внимательно слѣдитъ со стороны, но уклоняясь отъ Порты, «чтобы ничѣмъ къ признанію Станислава не примараться». Польскія письма подогрѣли жаръ Вильнева. «Французскій посолъ, доноситъ Неплюевъ 11 окт., коварныя старанія употреблялъ, дабы Порта съ в. в-вомъ въ войну вступила или хотябъ движеніе съ протестаціями показала. Во весь народъ толковали пользу туровъ и честь, чтобъ въ Польшѣ свою креатуру королемъ имѣть, а курфирста не допущать». Но что-же Порта? «Въ турецкомъ умѣ, объясняетъ Неплюевъ, стояло на вѣсахъ: съ одну сторону правда и трактаты, а съ другую ихъ честь и интересъ. Въ таковыхъ дѣлахъ болѣе обычайно интересы важатъ. Визирь, видя себя

обязаннымъ безконечною и тягостною войною въ Персіи, разсудилъ за полезнѣе въ польскія дѣла не вмѣшаться. Но дабы не показать себя слабымъ французамъ и своему невѣгласному народу, для апараціи призывали насъ и цес. резидента, о тѣхъ дѣлахъ разговоръ произвели и французамъ сказали, что наикрѣпчайшія предложенія учинили и тѣмъ имъ ротъ затворили». Естественно было прійти къ заключенію, что осень и зима свободны для окончанія дѣлъ по наслѣдству: но «ежели, замѣчаетъ Неплюевъ, и въ будущее лѣто продолжится, ручаться невозможно, яко зависитъ отъ состоянія дѣлъ съ Персіей, какъ оні пойдутъ и какова партія Станислава будетъ, ибо, при всемъ нынѣшнемъ турецкомъ отягченіи и худомъ состояніи, ежелибъ Станиславъ къ ихъ границамъ побѣжалъ и въ Каменцъ засѣлъ, много бы здѣшній народъ поколебалъ; а при Гданскѣ всѣ воинскія дѣйства здѣсь мало чувственны будутъ». Когда же сверженъ былъ муфтій, почва совсѣмъ очистилась: «французы надежды своей лишились и, не имѣя иного прибѣжища, ищутъ нынѣ чрезъ Рагоцкаго и Боневала воздушными проэкты Портѣ голову наполнить», что Станиславъ съ помощью Швеціи и Пруссіи престолъ «постигнетъ». «Но, заключаетъ Неплюевъ, война Портѣ нынѣ не ко времени: она о Кулы-ханѣ думаетъ, а не о Станиславѣ». Кулы-ханъ разбилъ турокъ, почему опять тревога и — въ Азію. «Всевышній в. в-во истинно въ предвоспріятыхъ дѣлахъ споможествуетъ», могъ сказать Неплюевъ въ ноябрѣ.

Одинъ непреклонный Вильневъ не палъ духомъ и продолжалъ стращать, что Августъ избранъ немногими, всѣ въ Европѣ возмущены, Портѣ потому «сходно и нужно» объявить войну Россіи. «Но упуститъ она свою честь и не потщится реванжу искать за нарушеніе Прутскаго трактата, то ей впереди одна опасность, когда утвердится курфирстъ и соединится съ Россіей». Угрозы какъ будто повліяли и генеральный совѣтъ рѣшилъ: ни Станислава, ни Августа не признавать, потребовать удаленія русскихъ изъ Польши, иначе, война, даже и противъ Австріи.

«Изъ всего изволите усмотрѣть, пишетъ Неплюевъ 9-го ноября, что война в. в-ву съ турками настоитъ, въ которой Всевышній да благословитъ оружіе». Только желательны три вещи: недопущеніе мира съ Персіей, покореніе Данцига и объявленіе, въ моментъ разрыва у Порты съ Персіей, войны и со стороны Австріи: «силы ихъ раздѣлятся, союзъ навсегда нераз-

рушимъ найдется». «Но, предостерегаетъ посолъ, ни въ чемъ обнадежиться не можно, чтобъ турки при нынѣшней войнѣ въ Европѣ пользоваться не похотѣли. Основаніе ихъ — что они в. в-ву и цесарю вѣчные непріятели».

Въ отместку за первую неудачу по произведенію польскаго короля, уже осенью 1733 года Франція съ двухъ сторонъ напала на имперію: на югѣ она прогнала австрійцевъ изъ Ломбардіи, а на западѣ овладѣла Лотарингіей. О войнѣ этой давно толковалъ Вильневъ; новостью не была она и на Невѣ; но, оставленная морскими державами, одураченная крошкой Сардиніей, которая до послѣдней минуты прикидывалась вѣрнымъ другомъ, Австрія въ эту минуту менѣе всего могла удовлетворить требованіе Неплюева, помочь намъ оружіемъ; ей самой пришлось просить насъ о помощи и очень скоро.

Вильневъ уже «пресѣкъ практику» съ представителями Россіи, а визирь, обращаясь къ медіаціи Австріи, съ горячечностью объявилъ Талману, что времени терять не будетъ: «уже прошло время, чтобъ Россія завѣреями обманывать могла; турки въ великое ея не почитаютъ, а ссора съ персіянами не мѣшаетъ — противъ Россіи довольно однихъ татаръ». Неплюевъ обратился къ министрамъ Англіи, Голландіи, чтобы «Порту отвращать»; но Порта повторила угрозы и ему лично, съ обвиненіями за сношенія съ Персіей. Пошло на настоящую войну, а не для «апаренціи». На взглядъ Неплюева, все зависитъ отъ солидарности Австріи съ Россіей: «тѣмъ здѣшнему двору охота убавится». Но онъ спѣшитъ сообщить о планѣ Порты — въ Молдавіи учредить сильную армію и вступить въ Польшу, что хану велѣно уже итти въ Буджакъ, «въ мѣсто, именуемое Акъ-Кирманъ, лежащее при Черномъ морѣ, между Дуная и Днѣстра, и готовиться къ войнѣ».

Но Неплюевъ уже годы направлялъ Россію на желанную войну, только требовалъ аттаки, а не обороны. Въ его патріотическомъ умѣ давно уже былъ намѣченъ и вождь для лелѣемаго возмездія за Прутъ. Это былъ ген. Вейсбахъ въ Кіевѣ, ибо онъ — «самовидецъ на Прутѣ». Предупреждая его о необходимости мѣръ къ формальной войнѣ, при предстоящемъ пресѣченіи сношеній, Неплюевъ припоминаетъ былое, припоминаетъ Петра на Прутѣ: «но, продолжаетъ онъ, уповаю на Бога, что нынѣ иныя мѣры и иное число войскъ отъ нашей стороны будетъ, а

затѣмъ отъ Всевышшаго прошу, да благословитъ своею милостью ея в-ва оружіе къ безсмертной ея в-ва славѣ и всѣхъ въ томъ ея вѣрныхъ слугъ употребленныхъ быть имѣющихъ, въ которомъ числѣ ваше сіятельство единъ изъ вождей арміи».

Но тотъ же Прутъ и турку памятенъ: онъ гордъ имъ. Получивъ отъ визиря письмо для Остермана съ обвиненіями Россіи и прежде всего по Польшѣ, Неплюевъ писалъ 18 ноября: «итакъ, война ближается, въ которой все зависитъ, чтобъ въ первую кампанію туркамъ носъ сбить; народъ здѣсь гордъ при счастіи и труслпвъ при несчастіи; Вильневу дана копія съ письма къ канцлеру, потому вяще явны ихъ дальнѣйшія намѣренія». Сообщая убѣжденіе Порты, что Австрія кромѣ словъ, дѣломъ, т. е. войною, не вмѣшается, Неплюевъ пишетъ о бахвальствѣ Порты, что она Россію весьма легко поставляетъ, имѣя въ памяти Прутскія дѣла.

Но Неплюевъ, извѣщая о войнѣ, что она «настоитъ при дверехъ», самъ настойчиво требовалъ войны, во имя памяти Петра Великаго. Подошла минута, когда турки, вчера еще кричавшіе — «на Россію»! — сразу присмирѣли. Съ востока подоспѣли худыя вѣсти: Кулы-ханъ на голову разбилъ сераскира Османа.

«Здѣшній дворъ, пишетъ Неплюевъ 24 ноября, въ великомъ отчаяніи». Былъ опять генеральный совѣтъ, гдѣ послышались сильные голоса противъ Франціи. «Недавно многіе приговаривали—противъ Россіи войну объявить, слушая французовъ, по ихъ видамъ и обманамъ; но ежелибъ на то поступили, въ какомъ бы состояніи нынѣ нашлись, будучи отягчены своими бѣдствіями. Согласоваться принуждены съ сосѣдственными державами, отъ войны удаляться». Въ виду этого Неплюевъ и могъ привѣтствовать: «отъ сей страны в. в-во безопасны». Но эта минута и была той желанной для нашего стараго дипломата, когда и можно свести старые счеты съ турками «Нынѣ, заключаетъ онъ реляцію 24 ноября, есть время благопріятно в. в-ву туркамъ ротъ растворить или дальнія мѣры воспріять, и единожды магометанскую гордость смирить, въ поправленіе толь предосудительнаго трактата, какъ подъ именемъ вѣчно-мирнаго состоитъ, и намѣреніе вѣчно-достохвальныя памяти его в-ва Петра Великаго совершить, или лучше сказать, судьбами Вышняго до мудраго в. в-ва правленія оставленное испол-

нить, о чемъ всеусердно Всевышнему прошеніе приносимъ со всенижайшимъ подверженіемъ».

Вильневъ опять проигралъ ставку Неплюеву. Естественно его раздраженіе и желаніе удержать Порту для Европы, на пути, на который такъ нелегко было ее поставить. Отъ чиновника, племянника французскаго генерала Бона, служившаго для тайныхъ пересылокъ между Вильневомъ и Боневалемъ, Неплюевъ получилъ два письма, которыя раскрыли предъ нимъ грандіозную, хитро сотканную картину возмутительныхъ замысловъ французовъ противъ Россіи — расхвата ея по частямъ и средствами русскихъ же. Эти письма подтверждали тѣ страшныя клеветы, тѣ «небезпродерзостныя» мнѣнія, о которыхъ посолъ доносилъ, съ извиненіемъ, нѣсколько дней назадъ *). Раздѣлъ Россіи имѣлъ предупредить раздѣлъ Польши...

«Меньше, говорилось въ первомъ письмѣ, не ищутъ Вильневъ и Боневаль, какъ чтобъ шведовъ въ состояніе привесть отобрать тѣ земли, которыя Петръ Великій отъ нихъ завоевалъ. Претендуютъ еще возвратить полякамъ Смоленскъ и Кіевъ, изгнать отъ Каспійскаго моря, словомъ, хотятъ привести Россію въ прежде бывшее 100 лѣтъ назадъ состояніе и мнятъ, что къ произведенію въ дѣйство сего проэкта способнѣе нынѣшняго случая никогда бытъ не можетъ по многому числу непріятелей, которыхъ противу Россіи извнѣ возбудить надѣются, и по распрямъ, уповаемымъ возстать внутри между русскими и чужестранными, имѣющими участіе въ правленіи, ежели война единожды начнетъ распаляться».

Въ другомъ письмѣ сообщалось, что турки, не довольствуясь словесными обѣщаніями, требуютъ отъ французскаго посла «письменнаго союзнаго трактата, которымъ бы Франція обязалась безъ нихъ мира не заключать, съ обѣщаніемъ возвращенія всего того, что они могли бы потерять», что всѣ эти настоянія Порты подтвердилъ и «новый мусульманинъ», Боневаль, въ бесѣдѣ съ нимъ, Бономъ. Конечно, рѣчь здѣсь идетъ о знакомомъ намъ договорѣ, авторомъ котораго былъ самъ Боневаль.

---

*) Донесеніе это не было дешифрировано, для сохраненія тайны. Остерманъ отмѣтилъ: «держать въ величайшемъ секретѣ и о пенсіи за службу».

Дерзки были замыслы изъ мастерской Боневаля-Вильнева; но они не лично ихъ, а ихъ родной Франціи, какъ это ясно изъ инструкціи версальскаго кабинета еще въ 1727 г. де-Кастейѣ, новому послу въ Швецію, о чемъ ниже. Мы увидимъ еще позже повтореніе ихъ въ дѣйствіяхъ другаго маркиза, въ Петербугѣ, при чемъ въ эти замыслы, путемъ обмана и ласканій, вовлечена была сама довѣрчивая дочь Петра Великаго и цѣною ихъ осуществленія долженъ былъ быть купленъ ею самый престолъ Вѣрная себѣ политика Франціи не забывала ихъ и подъ Севастополемъ, и 1863 году, подвигая на насъ поляковъ *).

Неплюевъ и Вѣшняковъ были глубоко задѣты: Россія и ея раздѣлъ, и тѣмъ сильнѣе требуютъ—возстать, укротить, наконецъ, врага.

«Изъ письма соизволите в. в-во усмотрѣть, доносятъ они 30 ноября, какого непріятеля имѣете, который не только зла, но низпроверженія ищетъ всероссійскія имперіи. Только услышали, что союзникъ цесарь почувствовалъ на себѣ французскую войну, резолюцію приняли къ такимъ злымъ коварствамъ, еще и сами не бывши отъ персіянъ свободны. А ежелибъ они свободны были, чегобъ тогда ни учинили! Все сіе до разсмотрѣнія в. в-ва приносимъ — ожидать ли непріятеля, чтобъ онъ время возъимѣлъ злые свои замыслы въ дѣйство производить, или при нынѣшнихъ его персидскихъ обязательствахъ укротить и ослабить искать»? Но какъ бы то ни было, они увѣрены, что эти замыслы на ихъ же гибель. «Не диво, что въ черни разглашаютъ; но неслыханныя дѣла зломышленно затѣваютъ: хулу на высочайшее правленіе, на министровъ и прочихъ, команду имѣющихъ, яко имъ мнится, что всѣ таковы, какъ султанъ Махмутъ, и будто вездѣ такъ дѣлается, какъ въ Турціи и Франціи. Мы опровергаемъ ихъ всячески. Но ежели непріятели при таковыхъ своихъ мечтаніяхъ пребудутъ и въ дѣйство производить покусятся, то уповаемъ на Бога, что они мудрое в. в-ва правленіе, вѣрность министровъ и прочихъ, команду имѣющихъ, въ самомъ дѣлѣ познаютъ на свою гибель».

---

*) Ссылаемся на, нѣсколько запоздалую, покаянную исповѣдь польскаго революціонера: St. Koźmian, Rzecz o roku 1863 (Kraków 1894, 3 т.). Даже отнятіе у насъ Парижскимъ трактатомъ 1856 года усть-дунайской Бессарабіи, этой классической страны русской боевой славы, было символическимъ осуществленіемъ старыхъ босфорскихъ замысловъ.

Къ этой эпохѣ — концу 1733 г. — относится усиленная работа Боневаля по реорганизаціи турецкихъ войскъ, подача записки визирю (она въ его «Mémoires»), при преслѣдованіи имъ его жизненной задачи, «главнаго вида»—поднять Порту противъ Россіи и Австріи, какъ и отмѣтили оба резидента. Анализъ втораго письма наводитъ ихъ на мысль, что визирь съ умысломъ «французамъ тягчайшія пропозиціи задаетъ», т. е. невыполнимыя, чтобы удержать «готовый политься потокъ», будучи въ душѣ противъ войны, въ виду дѣлъ Персіи. Но мы видѣли, проэктъ союза ислама и Франціи противъ Россіи разбился объ упрямство стараго солдата, маршала Ноайля, друга и твердаго совѣтника слабохарактернаго Людовика XV.

Старое требованіе Неплюева—воевать—поддерживалъ и посолъ Голландіи. «Когда, говорилъ онъ, король Августъ приметъ правленіе, русскимъ нечего бояться турецкой войны. Еслибы турки умъ имѣли, сами бы должны удаляться: Россія по ситуаціи своихъ земель ничего потерять не можетъ; а когда Порта баталію проиграетъ, тогда потеряетъ Азовъ и естиму, которую имѣетъ къ ней Россія, принудитъ ее самое бояться и покой дать, вмѣсто того, что она. Порта, помня Прутскій акчидентъ, Россію уничтожаетъ и на томъ основаніи побѣдоносными мнѣніями насыщается».

Слѣды этого ранняго насыщенія стали скоро обнаруживаться. У Аккермана собраны татаре и готовятся къ набѣгу въ Россію и Польшу. Горячіе поляки не дождутся появленія этихъ своихъ спасителей. Свидзинскій, маршалокъ конфедераціи Брацлавскаго воеводства, жалуется въ Константинополь: «по прежнему удивляюсь, что Порта молчитъ по сіе время, не домогается какъ о нашей обидѣ, что насъ безвинно отгоняютъ, такъ и о нарушеніи Фельштинскаго трактата, подъ Прутомъ въ 1712 г, подъ гварантіею Порты учиненнаго». Сама Порта «упражнялася совѣтами съ богоотступникомъ Боневалемъ, котораго вымыслы и подущенія, доноситъ Неплюевъ 3 дек., описывать не для чего, яко его характеръ вся злая роду христіанскому въ немъ показуетъ, и, не вступая въ резолюцію, ожидаетъ отъ французскаго двора отвѣта—обяжется ли король не чинить мира съ цесаремъ, безъ согласія съ Портою». Но резидентъ не забываетъ повторить, что у Порты на шеѣ Персія, необходимо ожидать раздѣленія силъ, а это — «толь велико, что якобы одну руку отъ тѣла отнять».

Наконецъ, вызывающаго характера была и аудіенція французскаго посла 1 декабря. По словамъ нашихъ, Вильневъ «упалшалъ» Порту, что Россія и Австрія и ихъ креатура, Августъ польскій, соединясь «изженутъ ее изъ всѣхъ европейскихъ провинцій, а король тогда въ ея дѣла вступаться и о ея цѣлости рачить не будетъ, какъ то по се число чинилъ и чинитъ». Визирь отвѣчалъ одно· султанъ ждетъ альянца — съ французскимъ королемъ.

Стращаніямъ Вильнева вторили голоса изъ Польши. Регииментарій Потоцкій писалъ прямо: «если Порта никакой помощи не подастъ, оставитъ Польшу въ порабощеніи Августу, тогда и себѣ со временемъ отъ него и отъ Россіи не иного чего, но злыхъ слѣдствій ожидать имѣетъ».

Въ отвѣтъ на все это, Неплюевъ, обозрѣвая событія послѣдняго времени, въ заключительномъ словѣ объ истекавшемъ годѣ повторяетъ свое старое—копать Турцію. «Итакъ, здѣшнее слѣпотное правленіе въ водѣ стоитъ, а огонь горитъ и, можетъ быть, работаютъ на свою погибель: времени полезнѣе едва ли можно в. в-ву впредь ожидать, чтобъ гордость ихъ смирить и высочайшую в. в-ва честь персональную предъ ними и предъ всѣмъ свѣтомъ показать, когда они слѣпотою своею не познали, вмѣсто того чтобы ожидать ихъ свободы (т. е. отъ дѣлъ въ Персіи) и предвоспріятія по ихъ мечтательнымъ идеямъ. противу которыхъ в. в-ву Всевышній да поможетъ».

1733-й годъ кончился войною при дверяхъ. По—и новый годъ далѣе не повелъ: всѣ въ тѣхъ же роляхъ.

Сердечная мечта «богоотступника» Боневаля объ альянцѣ между халифомъ и христіанѣйшимъ королемъ, котораго такъ ожидали на Босфорѣ, мечтой и осталась. Изъ Парижа получился отказъ: «ежели-де Франція съ ними, яко съ иновѣрными, трактатомъ обяжется, многіе европейскіе дворы отъ ея союза отстанутъ, и которые неутральны, противно поступятъ». Такъ, по словамъ донесенія 11 янв., объяснялъ Вильневъ. Мы видимъ, что дѣло тайныхъ офицій было организовано не худо у нашего посла. Опять у маркиза одно старое оружіе — наущеніе, лжи въ разговорахъ, особенно среди владычествующей черни. Онъ прямо указывалъ, что вся бѣда отъ Персіи. Во чтобы то ни стало, но необходимъ

миръ съ нею, «хотябы съ отдачею всего», лишь бы перейти въ Европу: «вмѣсто тамошнихъ пустыхъ мѣстъ Порта можетъ получить отъ слабаго цесаря знатные авантажи въ Сербіи и Венгріи». На помощь Россіи Австрія разсчитывать не можетъ: противъ Россіи довольно татаръ. «Къ тому-же, прибавляетъ Неплюевъ, козаковъ возмутить надежду подавалъ и прочія уничтоженія о россійской имперіи и ея силахъ показывалъ, какъ то оня всегда лаютъ и турецкіе невѣжественные умы наполняютъ, содержа ихъ при тѣхъ безосновательныхъ мнѣніяхъ». Но Неплюевъ уже свидѣтельствуетъ и о первой попыткѣ маркиза отъ слова перейти къ дѣлу. Знакомый уже намъ полуфранцузъ-сынъ Орлика былъ тайно посланъ въ Запорожье или на Украину «козаковъ возмущать и съ татары соединять, чтобъ тѣмъ пріуготовить къ первому у турокъ свободному времени способы къ войнѣ, которую они всячески начать желаютъ, коль скоро безопасную поверхность надъ персіянами или миръ съ ними получатъ» *).

---

*) Неплюевъ такъ описываетъ Орлика въ 1731 г: «около 30 лѣтъ, высокъ, волосы бѣлые, смуглъ; говоритъ языкомъ русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, шведскимъ, польскимъ, козацкимъ, а, можетъ-быть, погречески и потурецки знаетъ—состоянія смирнаго и обхожденія честнаго, ума не весьма остраго, но не глупъ». По Неплюевъ слѣдилъ давно. По Костомарову, у Орлика было 3 сына (ук «Р. Мысль», III, 13). Въ виду данныхъ Неплюева, нашъ Орликъ долженъ быть среднимъ сыномъ: третій родился уже въ Бендерахъ, а старшій, Григорій, былъ взрослымъ при бѣгствѣ. Костомаровъ приводитъ извѣстіе отъ 1757 г., что послѣдніе мазепинцы, скитавшіеся тогда въ Крыму, Мировичъ и Нахимовскій, были въ сношеніи съ французскимъ бригадиромъ Орликомъ (т. же IV, 11). Конечно, этотъ бригадиръ былъ нашъ Орликъ, невольный знакомецъ Неплюева въ 1733 году, но никакъ не старый Орликъ, какъ и полагаетъ Костомаровъ.

Въ 1731-же г. Боневаль подалъ визирю любопытную записку, въ отвѣтъ на его запросы объ европейскихъ государствахъ. Объ Австріи: «земли цесаря большею частью обитаемы народами разныхъ языковъ и обычаемъ имѣющихъ природную ненависть противъ германцевъ. Цесарь не въ состояніи долго противъ Франціи и Гишпаніи войну продолжать. Крайне бѣденъ, а союзники его (т. е. Россія) еще убожѣе. Правда, русскіе имѣютъ 200 тыс. регул. войска; но до 50 тыс. въ Дагистанахъ, Дербентѣ, Баку, Теркахъ, въ крѣпости Св. Креста, 40 тыс. для гварнизоновъ въ городахъ Ливонскихъ, Естляндскихъ и Ингерманландскихъ—Кексгольмѣ, Выборгѣ, Финляндіи—всѣ сіи земли царемъ взятыя отъ короля шведскаго. Почему ежели бы Россія токмо съ Польшей и Швеціей въ войну вступила, была бы

Но визирь, въ виду отказа отъ союза, по обычаю хитрилъ и дѣйствовалъ на-двое. Онъ, по словамъ Неплюева, «у насъ пульсъ отвѣдалъ — къ войнѣ мы или къ миру склонны»? Онъ остался спокоенъ отъ своихъ наблюденій. «Мы, пишутъ наши, къ миру желаніе явили, требуя поправленія» (т. е. въ дѣлѣ татаръ). Но, «усмотря по нашимъ словамъ свою безопасность, визирь паки спокоенъ остался и въ татарскихъ дѣлахъ никакого поправленія не дѣлаетъ, разсуждая, что цесарскій дворъ, будучи обязанъ тяжкою войною, не допуститъ в. в-во на отмщеніе, столь вяще, на войну противъ нихъ, турокъ, проча силы в. в-ва себѣ на помощь». Вниманіе было обращено на Австрію — какъ пойдутъ дѣла ея съ Франціей, и планъ войны былъ выработанъ Боневалемъ. «Ежели французы поверхность возъимѣютъ, то турки противъ цесаря наступительно, а противу в. в-ва оборо-

---

привуждена арміи раздѣлить и во всякой болѣе 40 или 50 тысячъ никакъ имѣть не можетъ. Инфантерія русская весьма не худа, но кавалерія ни къ чему годная». Въ концѣ записки кратко о казакахъ, что они расчитывали на помощь Карла, но подъ Полтавою все погибло и «козацкое житіе стало горше прежняго; гетманъ Мазепа съ нѣкоторыми изъ своихъ, сколько возмогъ собрать, ушелъ въ Очаковъ, и оттуда въ Бендеръ съ королемъ. Слышу, что и понынѣ есть племянникъ его въ Солоникѣ. Франція и Англія весьма искали того, чтобъ козаковъ возвратить Польшѣ, а русскихъ въ древнія ихъ предѣлы обратитъ». (Моск. Гл. Ар. мин. ин. д., Тур. дѣла, 1734, 35/в. № 5). Въ своихъ «Mémoires» онъ совершенно иначе отзывается о нашихъ войскахъ, но это — въ 1735 году: онъ объяснялъ султану, что за исключеніемъ можетъ быть, китайцевъ, нѣтъ войскъ хуже русскихъ (411). Но предъ султаномъ въ тотъ моментъ ему было выгодно такъ говорить: ничего не было столь желанно для него, какъ война; онъ и Ракоци уже видѣли себя во главѣ османскихъ полчищъ, движущихся на Вѣну (р. 457) — предметъ ихъ спеціальной ненависти.

Орликъ—это одинъ пунктъ, малорусскій, изъ тѣхъ «мечтаній» Вильнева. Второй—великорусскій—движеніе противъ нѣмцевъ, и оно началось еще въ 1733 г., въ Смоленскѣ. Губернаторъ кн. Черкасскій обвинялся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Украиной, въ силу письма герцога Голштинскаго, что о нѣмцахъ въ Петербургѣ говорилъ: «овладѣли черти святымъ мѣстомъ, за то и хлѣбъ не родится», въ сношеніяхъ съ Ст. Лещинскимъ, вообще, въ «склонности къ возстановленію республики въ Польшѣ». (Черкасскій былъ женатъ на полькѣ Корсаковой). Доноситель, Красно-Милашевичъ, показывалъ, что шляхтичъ смоленскій, Потемкинъ, писалъ Ст. Лещинскому, что 2500 солдатъ всегда готовы къ его услугамъ, что староста Бѣльскій, Потоцкій, бывшій въ 1732 г. въ Петербургѣ и близко познакомившійся съ

нительно поступить, а ежели цесарь авантажъ надъ Французами возъимѣетъ, тогда противу в. в-ва наступительно, а противъ его оборонительно дѣйствовать». Но, по убѣжденію Неплюева, и рѣчи не можетъ быть о войнѣ у турокъ въ этомъ году: «какъ ни на есть, нынѣшній годъ турки ни по единому образу къ дѣйствамъ въ Европѣ въ состояніи быть не могутъ»; слѣдовадовательно, надо пользоваться минутой и мстить. «В. в-ву, заключаютъ наши, осталось консидеровать—дожидать ли ихъ свободы, или нынѣ на разслабленныя турецкія силы наступить и персіянъ подтвердить, ежели по польскимъ дѣламъ свободу возъимѣете». Въ душѣ они твердо стояли за войну, на словахъ — за миръ: «мы себя отъ войны отдаленными показуемъ». «Разслабленіе» Турціи для нихъ внѣ спора: «государство въ такомъ разслабленіи и совсѣмъ увязло въ Азію, отъ многихъ лѣтъ въ такомъ худомъ состояніи не бывало и долго впредь сего случая дожидаться, чтобъ ихъ въ резонъ привести и смирить ложныя ихъ мнѣнія объ имперіи в. в-ва отнять и единожды покой себѣ достать и пограничные свои народы отъ ига татарскаго свободить».

Между тѣмъ «упражненія» съ Боневалемъ у Порты шли по старому. Проэктъ союза Франціей былъ отвергнутъ; но авторъ его и Вильневъ дѣлаютъ новую попытку его спасти, подъ

в. кн. Елисаветой Петровной (портретъ ея на камзолѣ у него), сказывалъ, что Смоленскъ подъ польскимъ правленіемъ всеконечно будетъ вскорѣ и присылалъ объявленія якобы изъ Украины къ Лещинскому, что когда получится милостивый отвѣтъ отъ него, то можно и всѣхъ солдатъ осилить, такъ какъ они разставлены по дворамъ: «согласясь, всѣхъ передавимъ». «(Дѣло Черкасскаго въ «Сборникѣ истор. матеріаловъ» Михайлова, Спб. 1873, 212—298). Сакс. посланникъ Линаръ въ янв. 1734 г. доносилъ, что въ Смоленскѣ бунтъ по подстрекательствамъ изъ Польши, что ген. Ушаковъ уже многихъ тамъ арестовалъ и казнилъ, что среди арестованныхъ не мало священниковъ. Позже Линаръ писалъ Августу, что губ. Черкасскій за веденіе опасной переписки приведенъ въ цѣпяхъ, осужденъ на смерть, но помилованъ и сосланъ въ Камчатку. (Сб. Р. И. Общ. V, 479; XX, 92). 16 ноября 1734 г. манифестъ о ссылкѣ Черкасскаго за «зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные умыслы». (П. С. З. Рос. Имп., № 6617).17 янв. 1734 г. умеръ гетманъ Дан. Апостолъ, но избраніе новаго было отсрочено: «понеже въ избраніи гетмана надлежитъ намъ, говорила имп. Анна малоросс. народу, имѣть прилежное и крѣпкое разсужденіе, дабы добрый и вѣрный человѣкъ къ тому знатному уряду изобрѣтенъ былъ, отъ котораго-бъ къ намъ невѣрности показано не было». (П. С. З. Р. Имп. № 6539).

шумъ тревожныхъ вѣстей съ Сѣвера — о прибытіи русскихъ войскъ уже въ Нѣмировъ. Такъ сообщали согласно оба паши — изъ Бендеръ и Хотина. Это обстоятельство дало случай «французамъ многія коварныя внушенія толкованіями чинить».

«Нынѣ, пишетъ Неплюевъ 2 февр., изобрѣтаютъ новые проэкты, чтобы тотъ союзъ учинить единственно противъ в. в-ва, подъ именемъ содержанія польской вольности, и разсуждаютъ, что симъ образомъ Франція убѣжитъ тѣхъ нареканій, которыя-бъ папежскаго закона государи приписать могли, вмѣняя, что папа и другіе того закона государи почитаютъ Россію по закону непріятельницею ихъ церкви. А въ самомъ дѣлѣ тожде будетъ. Понеже за Польшу Россія и цесарь вмѣшаются, тогда подъ именемъ означеннаго союза желаемое себѣ получатъ. Но приметъ-ли Франція сей проэктъ, неизвѣстно. Посолъ здѣшній за невозможное сіе дѣло не почитаетъ и съ Боневаломъ единственно стараются о томъ; обѣщевается съ прибавкою, что въ помощь того союза можетъ Франція Швецію возбудить, помогши ей деньгами». Разсчетъ Вильнева и Боневаля — знаніе образа мыслей Людовика, его сердечной слабости къ Польшѣ, къ ея «вольностямъ». Какъ ни нерѣшителенъ, слабохарактеренъ онъ былъ, всегда Телемакъ, нуждавшійся въ менторѣ, но въ вопросѣ о «вольностяхъ» Польши король былъ неуклоненъ. «Я вамъ скажу, писалъ онъ своему главному интимному агенту въ 1756 году, что я никогда не измѣню ни своего образа мыслей, ни дѣйствій по вопросу о полной польской свободѣ (pour la liberté entière)». Но это признаніе вполнѣ примѣнима къ 30-мъ годамъ *). Вильневъ заранѣе удостовѣрялъ о готовности Швеціи итти противъ Россіи, ссылаясь на письмо гр. Горна, стараго врага Россіи, къ визирю — съ запросомъ о поведеніи Порты по польскому вопросу, такъ какъ «польское государство въ замѣшаніи, дабы по тому и Швеція могла сходственныя мѣры взять». Еще въ 1727 г. Версальскій кабинетъ, обвиняя министровъ Швеціи въ «постыдномъ рабствѣ предъ велѣніями Россіи», рѣзко выдѣлялъ одного Горна **).

Но и новый проэктъ Боневаля, собственно, защита перваго,

---

*) Boutaric E, Correspondance secrète inédite de Louis XV, Paris 1866, I, 74.

**) Recueil des instructions..., Suède, 1885, 325, изъ инструкціи де-Кастейѣ. Деньги Швеція получила лишь по субсидному договору 1735 г.

противъ насъ, какъ «bien damnés», не прошелъ. Главная надежда Порты и Вильнева съ Боневалемъ прежнія химеры — поднятіе Украины, бунтованіе окраинъ. «Они блазнятъ себѣ, пишетъ Неплюевъ, преуспѣть возмутить козаковъ, калмыковъ»; надѣются и на поднятіе Венгріи, Трансильваніи, хотя и произошла размолвка у нихъ съ Ракоци. Французы ставили ему въ вину, что онъ «государится», совѣтуетъ не торопиться, готовиться и выжидать появленія русскихъ на помощь Австріи; тогда только Россію атаковать, потому что «если удастся Россіи, тогда ей помѣшать будетъ некому».

Русскіе отряды Шаховскаго и Кейта, очищая Польшу отъ станиславцевъ, зашли въ Подолію. Порта въ тревогѣ; въ Бендерахъ «разглашали, что будто во многомъ числѣ и съ великою артиллеріею идутъ съ намѣреніемъ въ турецкія земли вступить». Напрасно Неплюевъ силился успокоить и просилъ—не выпускать хана изъ Каушанъ къ польскимъ границамъ, во избѣжаніе случайной гдѣ нибудь встрѣчи съ русскими; по настоянію Вильнева, ханъ и Орликъ отпущены были изъ Каушанъ въ Бендеры, последній объявленъ гетманомъ Запорожскихъ козаковъ, но съ условіемъ — «быть въ ханской диспозиціи», а на возможный запросъ Россіи отвѣчать, что татаре и козаки «по прошенію поляковъ, безъ ея вѣдома, въ Польшу вошли». «Чаятельно, замѣчаетъ по поводу этого Неплюевъ, что будутъ чрезъ Орлика въ Украину опыты дѣлать». Силы же татаръ не малы: «орды въ собраніи, разставлены по Буджаку, въ 100 тысячъ».

По видимому, война не только у дверей, но неизбѣжна. Но Неплюевъ иного мнѣнія: «безсумнительно, пишетъ онъ въ апрѣлѣ, въ нынѣшнемъ году къ войнѣ не въ состояніи и трепетать принуждены будутъ, ежели увидятъ пограничныхъ державъ предвосприятія».

Дѣло въ томъ, что Порта противъ войны: грозитъ и — боится. Характерна была аудіенція 1 марта. «Визирь, доносилъ Неплюевъ, какъ бѣсный, разговоръ свой мѣшалъ: т. е. и дружбою увѣрялъ, и войною претилъ и свой страхъ не скрывалъ, и мнѣ изъ-далека грозилъ и наконецъ учтивостью прикрывалъ». Все это—признакъ слабости, и наши министры приходятъ къ выводу, что «уже намъ болѣе дѣлать нечего: исканіемъ, подарками, доказательствомъ, твердыми предложеніями трудились мы Порту въ резонъ приводить, но преуспѣть не могли, яко самъ визирь и

другіе насъ обманываютъ, обнадеживая насъ». Иными словами, уже необходимъ иной языкъ, желанные звуки котораго такъ ждутъ и Вильневъ и Боневаль, но который такъ нежеланенъ Портѣ — языкъ оружія.

Татаре съ Орликомъ собирались «пробу чинить», какъ въ концѣ апрѣля получено было отъ хана изъ Каушанъ извѣстіе, что русскіе уже въ Каменцѣ, чтобы оттуда пройти въ Молдавію и «турецкіе городы атаковать». Въ Портѣ крайне озадачены, и визирь обращается къ медіаціи нейтральныхъ министровъ, Англіи и Голландіи. «Порта, говорилъ онъ имъ, находится ожидательницею окончанія польскихъ дѣлъ, по сіе число ничего не учинила, всегда объявляла, что посла короля Августа не приметъ, яко содержитъ неутралиту, дондеже которому изъ нихъ (Августу или Станиславу) или иному кому всѣ поляки согласятся, а русскіе Польшу разоряютъ, городы своимъ войскомъ засажаютъ, Гданскъ атаковали, и въ прочемъ самовластно якобы въ своемъ царствѣ располагаютъ, трактатъ (т. е. Прутскій) нарушенъ, вольность попрана и, наконецъ, уже въ Каменцѣ». Въ виду-де всего этого одна Россія причина всѣхъ ссоръ; но, прежде объявленія войны, онъ требуетъ «совершенной ассикураціи», что Россія не нападетъ на Турцію, а по успокоеніи Польши не присвоитъ отъ королевства «ни единой пяди земли» и сохранитъ ненарушимость всѣхъ конституцій.

Не довѣряя министру Англіи, за его якшанія съ Вильневомъ, Неплюевъ не отказалъ въ бесѣдѣ со вторымъ нейтральнымъ. Тотъ соглашался, что Турція слаба, «не въ состояніи какое зло въ нынѣшнюю кампанію сдѣлать», но опасался усложненія польскаго вопроса отъ ея движенія — «прибавить польскихъ замѣшаній», а это «подастъ причину Швеціи и Пруссіи болѣе волноваться»; онъ соглашался «склонять Порту инструментъ договорный учинить, чтобъ съ обѣихъ сторонъ подтвердить дружбы», а спорные пункты отложить до времени *). Но Неплюевъ яснѣе понималъ дѣло и видѣлъ въ обращеніи визиря одну хитрость. На словахъ онъ не отказалъ голландскому послу

---

*) «Волненія» Пруссіи были не малы. Она Августа III не признавала, а заявляла притязанія на Польшу, но встрѣчала рѣзкое несогласіе отъ Россіи. Ср. о прощальной аудіенціи Прусскаго посла Мердефельда въ январѣ 1734 — Сб. Р. И. О., V, 476—477. Ср. выше у насъ, 65.

въ принятіи совѣта, но писалъ въ Петербургъ: «визирь хитростью поступаетъ, съ умаленіемъ своей гордости, не для чего иного такъ миролюбительно себя показалъ, но токмо для обману». Онъ не готовъ, а надѣется, что съ Данцигомъ Россія не управится, «почему татарами игралъ высоко и надѣялся чрезъ Орлика Украину возмутить»; выиграть же время ему надо, чтобъ «персидскія дѣла успокоить и тогда мѣры принять».

Неплюевъ не ошибся. Лишь только прошла вѣсть, что Австрія склонна къ миру, какъ визирь забылъ о медіаціи—отъ пословъ Англіи и Голландіи «уклонился». «Онъ можетъ, пишетъ Неплюевъ, попрежнему татарами играть и станиславцевъ подъ рукою побуждать», ожидая, «какъ Гданскъ останется, какъ Швеція и Пруссія себя далѣе окажутъ»; но при малѣйшемъ авантажѣ турки «примѣшаются въ польскомъ дѣлѣ, слѣд. съ в. в-вомъ въ войну вступятъ», иначе, «похрабровавъ отъ войны формально удалятся и чрезъ медіаторовъ негоціацію начнутъ». Все старая тактика и, припоминая все прежнее, Неплюевъ повторяетъ, но въ самой энергической формѣ, старое требованіе—обуздать. «Но мы, восклицаетъ онъ, по паденіи Гданска дешево себя имъ не покажемъ, яко и нынѣшній нашъ отвѣтъ, данный посламъ, неробокъ. Ибо, всемилостивѣйшая государыня, сколь больше войскъ в. в-ва при границахъ ихъ будетъ, толь способнѣе здѣшнее разслабленное государство обуздать войною или негоціаціею». Онъ проситъ о «запасной» инструкціи на случай негоціаціи и намѣчаетъ для нея главные пункты: прежняя граница отъ Днѣпра до Дона, Кабарда—барьера, отъ Польши ни пяди; посредники — послы Англіи и Голландіи, но надо точно выяснить роль Австріи: посредникъ она или участникъ? Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію его, необходимо, чтобы представитель Австріи «тверже интересы Россіи поддерживалъ, не показуя робости отъ войны». «Но, заключаетъ осторожный сторонникъ прямаго обузданія Турціи, а не суетныхъ переговоровъ, сія негоціація дѣло великое; не можно ее привесть въ окончаніе безъ алтераціи и безъ подкрѣпленія довольныхъ силъ при границахъ: отважиться нужно на все, до чего бы ни дошло».

Но, какъ бы то ни было, медіація посла Голландіи открывала выходъ—острый вопросъ перевести въ новую фазу — дипломатическихъ переговоровъ, какъ вдругъ извѣстія въ маѣ о неудачахъ Австріи въ войнѣ съ Франціей, «несчастливыя вѣдо-

мости о имперіи нѣмецкой», опять замутили все, подняли «французскій фуроръ», и французы «паки подвинули всѣ свои обыкновенныя происки къ побужденію Порты». Визирь запросилъ о постройкѣ крѣпости Базавлука у Днѣпра для запорожцевъ и пошли слухи о приготовленіи войскъ въ турецкихъ областяхъ Европы. Неплюевъ неробко отвѣчалъ подъ рукою, чрезъ пріятелей, что ежели визирь, получа отъ нейтральныхъ пословъ «асикурацію о дружбѣ и не давъ отвѣта», какія движенія начнетъ чинить, то это будетъ знакомъ прямаго разрыва, войны «безъ деклараціи».

Мы видѣли, избранный король въ чернеческомъ платьѣ, Станиславъ сейчасъ же бѣжалъ въ Данцигъ, гдѣ нашелъ радушный пріемъ отъ его богатыхъ граждан — нѣмцевъ, полу-поляковъ: у порога Пруссіи, они болѣе всего боялись попасть къ ней и были поляками болѣе чѣмъ поляки. Не даромъ фигура польскаго короля — символъ ихъ величія и торговой самостоятельности—и сегодня украшаетъ чудную залу ихъ исторической биржи. Но по стопамъ Станислава двигался къ Данцигу и генер. Ласи, знаменитый старый сотрудникъ-сподвижникъ Петра Великаго, и также «самовидецъ» Прутской неудачи. Его содѣйствіемъ прошелъ Августъ III. Но съ слабыми силами справиться онъ не могъ съ Данцигомъ, и имъ были недовольны.

Уже въ началѣ 1734 г. Минихъ, вмѣсто того чтобы отъѣхать на югъ имперіи, гдѣ уже почти все было готово къ открытію осады Азова, отправился подъ Данцигъ, чтобы взять его до открытія плаванія и появленія французской флотиліи и добровольцевъ, а главное — захватить Станислава, не смотря на ходатайство Пруссіи—пощадить и городъ, и стараго короля, въ виду справедливыхъ-де притязаній послѣдняго. Саксонцы же слабаго Августа, занявъ Варшаву и Торунь, должны были облегчить задачу нашихъ войскъ по «утишенію безпокойныхъ духовъ» и въ осадѣ строптиваго города. Но взять оказалось не легко: французы подоспѣли. Открылась правильная осада; брать пришлось шагъ за шагомъ, съ страшными потерями отъ торопливыхъ дѣйствій новаго фельдмаршала, и городъ сдался только 26 іюня. Пѣня въ 1 милліонъ ефимковъ было наказаніемъ за пристанодержательство Станислава; но она прощалась, если-бы Станиславъ былъ розысканъ. Задержка у упрямаго города была тѣмъ непріятнѣе, что для нашего Кабинета открывалась необ-

ходимость, не доведя до конца дѣла въ Польшѣ, послать на выручку самого императора Карла, все битаго французами, корпусъ Ласи, не смотря на возраженія осторожнаго Остермана *).

Итакъ, лѣтомъ 1734 г. взята, наконецъ, послѣдняя твердыня Станислава, Гданскъ, открывалось исполненіе обѣщанія — «дешево себя не показать». По визирь, «яко умный человѣкъ», уже и раньше сталъ «ласкать», въ цѣляхъ «содержанія своего билянцу съ нами, чтобы ему путь былъ на десное и на шуе обратиться», готовъ и на медіацію, но не прежде, «донделе Гданскъ не будетъ покоренъ». Французская политика, по старому, парализовалась нерѣшительностью — Порты, которая все смотрѣла въ Азію и крѣпко обвиняла насъ. «Россія, жаловался визирь послу Голландіи, не только не допущаетъ учинить мира съ персіянами, но побуждаетъ ихъ къ продолженію войны, которая уже не съ Персіею, но власно яко съ Россіею, почему Порта и даетъ ордеръ татарамъ въ Польшу вступить».

Естественно, если французы пускали въ ходъ послѣдніе «происки», чтобы спасти погибавшее дѣло Станислава. Боневаль, повышенный теперь пашею 2 класса для провинціи Карманъ, остался въ столицѣ, продолжая завѣдывать артилеріей. Самъ Боневаль признается, что ничто не было столь желанно для него, какъ война съ Россіей: «друзья мои и я не сомнѣвались, что меня употребятъ въ дѣло» **).

«Всѣ близкіе люди, доноситъ Неплюевъ въ августѣ, насъ увѣряютъ, что Франція, видя плохое состояніе Станиславовыхъ дѣлъ, представляетъ Портѣ свой аліансъ, токмобъ она за Станислава вступилась». Внѣшніе признаки подозрительны.

---

*) Сб. Р. И. О., V, 479; XX, 79—86; XXXIII, 448—451; П. С. З. Рос. И., № 6596. Ср. «Записки» Миниха о великодушіи, оказанномъ плѣннымъ французамъ въ Петербургѣ. О подозрѣніи на счетъ Миниха — ср. выше. Станиславъ спасся въ сосѣднюю, ему сочувствовавшую, Пруссію. О дѣйствіяхъ скромнаго Ласи см. правдивыя, краткія его замѣтки въ его Дневникѣ — въ «Memoires sur la guerre des Turcs», Vienne 1796, 50—52. Въ нашей исторической литературѣ полный обзоръ дѣйствій по польскому вопросу 1733 г. въ сочиненіи В. Н. Герье: «Борьба за польскій престолъ», М. 1861.

**) Mémoires, 444. И Боневаль повторяетъ за визиремъ, что если Кулы-ханъ, самъ «небольшаго ума», и побѣждалъ, то по тому, что у него были русскіе офицеры (т. же, 432).

«Всему здѣшнему свѣту видно, что между посла и Порты нынѣ на письмѣ трактуется: переводчикъ Порты съ французскимъ переводчикомъ надъ переводами тѣхъ проэктовъ ежедневно сидитъ, сносясь безпрестанно съ французскимъ посломъ и Боневаломъ», а по слухамъ, что ночь, то совѣщаніе у Вильнева и съ Боневалемъ, и съ Ракоци. Хотя резидентъ утѣшалъ себя, что визирь «слѣпотно въ ту негоціацію не обляжется, но продолжитъ, дондеже усмотритъ, какъ далѣе дѣла цесаря при Ренѣ и въ Италіи съ французами пойдутъ»; но скорбитъ, что о кондиціяхъ того аліанца никакъ увѣдать нельзя, что лишь толкуютъ, что 20 тысячъ французовъ вторгаются изъ Италіи въ Хорватію въ то время, какъ турки бросятся на Венгрію и возстановятъ для Ракоци особое королевство, за что они получаютъ пограничные города въ Сербіи: Бѣлградъ, Шабацъ, въ слѣдующемъ-же году турки нападаютъ на Россію, а Франція подымаетъ на нее Швецію и снабжаетъ ее деньгами.

По наши въ старой позиціи, крѣпко при своей старой политикѣ: они равнодушны къ угрозамъ французовъ и сами требуютъ войны. «Сколько наша возможность допуститъ, писалъ Неплюевъ въ отвѣтъ на указъ изъ Кабинета — «вести себя со всякимъ осмотрѣніемъ, ни низко, ни высоко», не возносясь и не унижаясь поступать будемъ. Мы не боимся, какъ бы турки ни поступили. Но ежели в. в-во въ совершенное успокоеніе Польшу приведете и силы свои освободите, то турки сами бояться будутъ, ежели не ослѣпнутъ на свою имъ погибель». Донося о заявленіи, сдѣланномъ Портѣ, что «войскъ изъ Польши ретировать не возможно, не толико своею волею, но хотя бы кто и сильно покусился утѣснять»—до общаго замиренія, до «сейма пацификаційнаго», «пока всѣ безпокойные духи не утишатся», Неплюевъ отмѣчалъ: «токмо явно, что турки всю злобу за польскія дѣла на насъ показуютъ, что генерально въ народѣ говорятъ о войнѣ къ будущему году». Ханъ уже полгода сторожилъ Днѣстръ.

Но зачѣмъ ожидать ихъ къ себѣ? Вѣдь «Персія всю Азію завязила»! Всѣ условія за наступленіе, и Неплюевъ съ Вѣшняковымъ предлагаютъ въ этомъ духѣ свое «слабѣйшее мнѣніе».

«Не лучше-ли въ будущій годъ турокъ атаковать, хотябъ они и не дерзнули, вмѣсто того чтобъ дожидаться, какъ персіяне утомясь съ ними склонятся, ибо слабость тѣхъ видима? Подъ часъ в. в.-ва съ турками войны они могутъ ободриться и

и по возможности спомоществованы быть, ибо персидская война туркамъ тягостнѣе, нежели союзъ цесаря или его возможныя по настоящему его состоянію дѣйства. А ежели Турція при продолжающейся европейской войнѣ отъ персіянъ свободится, тогда всѣ ихъ силы противъ в. в.-ва употребятъ, яко считаемъ все за одно, хотябъ и противъ нѣмцевъ начали, то в. в-ву той войны тягость останется, понеже ихъ силы слабы», т. е. Австріи

Порта понимала Неплюева, твердость его взглядовъ и характеръ ихъ. Въ перспективѣ у нея—въ Азіи Персія, въ Европѣ Россія. Чтобы парализовать политику Неплюева, попытаться провести его, одно средство — посредничество нейтральныхъ, которые «балянцію Европы смотрятъ», опять переговоры по «содержанію покоя».

Прежде всего визирь обратился съ жалобой къ Кипулу, послу Англіи, болѣе близкому къ Портѣ, о которомъ уже Неплюевъ раньше доносилъ, что «едва ли не французскимъ духомъ вооруженъ, на всякій день камелеонту подобенъ, отъ насъ за убожествомъ и другими резонами удаляется, а съ дворяниномъ Стадницкимъ (т. е. полякомъ) ежедневно пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ, съ голландскимъ посломъ во всемъ холодность являетъ».

По словамъ визиря, уже взятіе Данцига «весьма есть поступокъ подлонародный», что Порта потому «вооружаться къ отысканію своей правды принуждена», но Россія со всѣхъ сторонъ обступаетъ Турцію, крѣпости на ея земляхъ строитъ, казаковъ подговариваетъ, «съ другую сторону Днѣпра земли себѣ присвояетъ», на Дону готовы суда и корпусъ войскъ для осады Азова, вездѣ воинскія пріуготовленія чинитъ, съ намѣреніемъ изъ Польши и другихъ мѣстъ внезапно атаковать Порту *). Пусть русскіе оставятъ Польшу, иначе, и Порта «съ согбенными руками пребывать не можетъ, ибо явный знакъ худаго намѣренія Россіи, яко изъ Польши войскъ не выводитъ, не имѣвъ причины ихъ тамъ держать». Посолъ совѣтовалъ не вѣрить внушеніямъ Франціи, которая, «не взирая на турецкіе интересы для однихъ своихъ Порту побуждаетъ и подвергаетъ ее невѣдомымъ слѣдствіямъ, не

*) 31 мая 1734 г. Неплюевъ доносилъ о переходѣ запорожцевъ въ Базавлукъ; по его мнѣнію, они полезнѣе калмыковъ — или направить ихъ на Польшу, или противъ татаръ держать. Объ Азовѣ см. выше. Ясно, что и Порта имѣла свои хорошіе «каналы». Центръ ихъ — Яссы и Букарештъ.

рача о томъ и не будетъ рачить, какой бы конецъ ни случился, какъ то исперва было видно, что Францiя начала войну подъ претекстомъ польскихъ дѣлъ, а въ существѣ имѣла иные виды», что отъ Россiи недодержки нѣтъ, а въ случаѣ войны и Англiя, и Статы будутъ за цесаря, что потому лучше туркамъ пребывать въ покоѣ, Польшу оставить.

Въ томъ же духѣ визирь жаловался и предъ посломъ Статовъ — Голландiи, но который сразу столь горячо сталъ защищать Россiю, что визирь назвалъ его даже непрiятелемъ Турцiи. «Если я непрiятель, возразилъ тотъ, то со мной нечего говорить», и всталъ со стула; но визирь его остановилъ и просилъ продолжать совѣщанiе о добрыхъ офицiяхъ и посредствѣ. Посолъ выразилъ готовность «по справедливости къ обѣимъ сторонамъ раченiе имѣть и старанiе прилагать къ благому согласiю», но потребовалъ формальныхъ конференцiй, назначенiя членовъ, тогда только можно говорить о «порукѣ за Россiю», а пока «нѣсть время говорить, понеже таковыя обязательства бываютъ по совершенiи трактата, а у Порты о распряхъ съ Россiей еще и говорить не начато». Визирь обѣщалъ предложить письменно всѣ жалобы обоимъ посредникамъ, чтобы они переговорили съ Неплюевымъ «къ изобрѣтенiю полезныхъ средствъ». Лично-же Неплюева визирь не могъ переносить и все обвинялъ предъ обоими посредниками, такъ какъ «никогда иного отъ него не слышитъ, кромѣ хитростнаго прикрытiя о поступкахъ государыни своей», почему «къ себѣ созвать склонности не имѣетъ», и назвалъ его вторымъ Толстымъ. «Напредь сего посолъ Толстой, и въ тюрьмѣ будучи, Порту обманывалъ, а когда наконецъ русскiе Ибраилъ (Браиловъ) осадили, тогда сказалъ, что все чинилъ для пользы отечества, для котораго пострадать готовъ; потому и нынѣшнiй резидентъ Неплюевъ и его товарищъ отважатъ себя на всякую сакрифицiю, токмобъ Порту обмануть».

Конечно, какого бы чувства лично Неплюевъ ни былъ, офицiи посредниковъ онъ принялъ. «Намъ, писалъ онъ, при нынѣшнемъ стропотномъ случаѣ не осталось иного средства, токмо на негоцiацiю отозваться, тѣмъ на отписку время получить и чрезъ то прямыя намѣренiя смотрѣть»; но предупреждаетъ — не вѣрить Портѣ. «Дѣла здѣсь въ великой кризѣ: народъ весьма французами побуждаемъ, о Станиславѣ прямо говорятъ, что онъ въ Польшѣ при Потоцкомъ, а наши прiѣзжiе изъ Крыму ска-

зываютъ, что въ Бендерѣ слышать, будто онъ при Хотинѣ, на польской сторонѣ Днѣстра, съ нѣкоторымъ собраніемъ и что татара уже начали къ нему приставать. Подъ рукою мы за подлинно свѣдомы, что Порта къ хану и пашамъ давно указы послала Станислава честно принять, ежели онъ принужденъ будетъ въ ихъ границы ретироваться. А Персія весьма въ разореніи и не будетъ въ состояніи войны своей съ турками продолжать, ежели в. в-во къ нимъ силъ своихъ не присовокупите».

Но Неплюевъ убѣжденъ, что пока мира съ Персіей еще у Порты не будетъ, Порта все будетъ хитрить, ибо боится. «Медіаторамъ мы, писалъ онъ секретнѣйше 16 сент., представимъ, что пока Порта резолюцію не возьметъ сама къ негоціаціи или къ войнѣ, потуда къ нимъ не изъяснится, сколькобъ они ни докучали, только ту докуку намъ въ слабость причтутъ. Изъ всего, государыня, видно, что Порта еще мѣсяца два, три не окажетъ своего намѣренія, дондеже по окончаніи кампаніи усмотритъ состояніе своихъ дѣлъ съ персіянами, нѣмецкихъ съ Франціей и какъ Франція на извѣстный проэктъ отвѣтствовать будетъ, ибо Порта знаетъ, что, начавъ негоціацію, или совершить дружески, или рисковать войною принуждена найдется, яко видитъ в. в-во вооружену, потому уступки надѣяться не можетъ». Одно Неплюеву тяжело: не хитрости визиря, а неискренность, фальшь самой Австріи.

Уже при первой рѣчи о медіаціи со стороны Порты, Неплюевъ настоятельно требовалъ отъ своего австрійскаго коллеги не лукавить, а держать себя сообразно съ требованіемъ, смысломъ союзнаго договора 1726 г. Онъ рѣзко указывалъ ему, «чтобъ онъ не о медіаціи помышлялъ, яко къ тому склонность свою показывалъ, но объ о б щ и х ъ мѣрахъ; въ польскихъ дѣлахъ мы неутральна его признавать не можемъ, но прямо почитаемъ участникомъ по обязательству его государя съ в. в-вомъ; ясно, для чего турки неутральнымъ его, Талмана, почитаютъ — дабы государь его отъ союза отсталъ».

Естественно, что съ осложненіемъ отношеній, обстоятельствъ двусмысленное поведеніе Австріи Неплюева раздражало еще сильнѣе. «Еще ожидаемъ, доносилъ онъ 16 сент., какъ вѣнскій дворъ на представленія наши и голландскаго посла себя изъяснитъ къ польскимъ дѣламъ подъ часъ разрыва или угрозъ турецкихъ, т. е. при мечтательности ли своей и обыкновен-

ной высокости, съ усмѣшкой говоритъ онъ, министры цесаря останутся медіаціею своею при Портѣ насъ охранять, въ которую здѣшній ихъ резидентъ устремился, не разсуждая, каковой той медіаціи быть надобно и можетъ, и что она отъ начатія далека, не толико отъ конца; или вѣнскій дворъ, обозрясь на Унгарію, по истиннымъ своимъ интересамъ съ в. в-вомъ противу Порты къ общимъ мѣрамъ себя объявить резиденту своему повелитъ, и, оставя о медіаціи мыслить, участникомъ показаться, хотябъ и до негоціаціи дошло»? Планъ Порты — развести союзниковъ и уже потомъ «надъ цесаремъ профитовать въ Унгаріи чрезъ Рагоцкаго, о чемъ и цесарскому резиденту всѣ министры, кромѣ французскаго, говорятъ». Даже посолъ Венеціи, союзникъ Франціи, проговорился, что турки «звѣрски рыкаютъ и ярятся» на Россію потому, что русскія войска изъ Польши спасаютъ для Вѣны Венгрію: «для того-де васъ изъ Польши всячески вытѣснить Порта старается, чтобъ вы отъ Унгаріи подалѣ были, но силы ваши голову ихъ колеблютъ и они не знаютъ, съ которой стороны и какъ за васъ приняться». Но «вмѣщается ли сіе, съ презрительной ироніей заключаетъ отчетъ Неплюевъ, въ голову здѣшнему цесарскому резиденту и его двору, или иныхъ обманныхъ словъ слушаютъ отъ подсылаемыхъ издалека отъ Бонавала разныхъ людей и распущенныхъ словъ для большаго имъ зла, что будто на нихъ никто помыслить не смѣетъ, того не знаемъ». Но смѣло онъ предрекаетъ Австріи, что ея двуличность принесетъ ей одинъ плодъ—«на себѣ испробуетъ, сколь великую напасть себѣ устроетъ, въ чемъ можемъ безъ обмашки угадать», разъ только «подъ какимъ-бы видомъ дѣло дойдетъ у Порты съ Россіей до войны, и нѣмцы общихъ мѣръ не примутъ».

«Ежели вѣнскій дворъ общія мѣры съ в. в-вомъ приметъ и здѣсь таковымъ себя покажетъ, границы свои въ Унгаріи въ лучшее состояніе приведетъ, въ такомъ случаѣ можно надежно положиться, что Порта, при всей своей злобѣ, охотѣ и пріуготовленіяхъ, не отважится на войну въ Европѣ, ибо и нынѣ ее не оффиціи и не медіаціи удерживаютъ, но тѣ резоны, которыми послы (т. е. посредники) доказуютъ — при персидской войнѣ и союзѣ пограничныхъ государствъ невозможность ея на то поступить». Но, по замѣчанію Неплюева, дѣла въ Персіи всегда «скоропостижнымъ перемѣнамъ» подлежали, слѣдов., возможенъ

и миръ, а тогда «всѣ офиціи, медіаціи и визирскія хитрости тщетны будутъ». Слѣдов., медлить нельзя и даже безъ Австріи, которая теперь послала въ Петербургъ гр. Остейна — «для обстоятельныхъ представленій»; но это обстоятельство только еще болѣе раздосадовало Неплюева, замѣтившаго Талману: «турки поступаютъ, не ожидая вашихъ резолюцій». Надо дѣйствовать — «и безъ вѣнскаго двора хуже не будетъ», тѣмъ болѣе, что теперь «съ Персіей дѣла гласятъ быть въ худомъ состояніи».

Въ виду дѣлъ въ Персіи, а Австріи съ Франціей, «можно, пишетъ Неплюевъ 12 окт., уповать, что, ежели бунту здѣсь не учинится, и въ будущемъ 1735 году Порта отъ разрыва удержится, развѣ татарскихъ продерзостей; токмо по всему видно, что съ персіянами дѣла ея много продолжиться не могутъ. По тѣмъ резонамъ, какъ мы напредь сего доносили, при тѣхъже слабѣйшихъ вашихъ мнѣніяхъ остаемся: не допущая турокъ съ Персіей до мира, при благополучномъ нынѣшнемъ времени, какого иногда во много сотъ лѣтъ не будетъ, съ помощью Божьей въ резонъ ихъ приводить» *).

Сказано было сильно. Но если посолъ Голландіи говорилъ тоже: «когда вы польскія дѣла окончите, пристойно вамъ турокъ оружіемъ въ резонъ привести, дабы они о россійскомъ имперіи такъ легкомысленно себя не блазнили, какъ при всякомъ случаѣ показуютъ уничтоженіе, а цесаря они и англичаня не оставятъ»; если сама Вѣна объявила уже себя «союзникомъ при войнѣ», — то все за войну, и Неплюевъ могъ бы теперь съ удовольствіемъ повторить свои старыя слова: «нынѣ не въ басняхъ стоить, но близь прямаго дѣла». Все, думалось Неплюеву, ясно указываетъ, что прямая пора перейти къ Югу и здѣсь приготовить ударъ всѣмъ врагамъ Россіи, положить конецъ ихъ мечтаніямъ, «французскимъ воздушнымъ кастелямъ», унять ихъ оскорбительный побѣдный до побѣды кликъ: «Петра Великаго

*) Если Лйнаръ изъ Петербурга сообщаетъ въ ноябрѣ 1734 г., что Стамбулъ объятъ ужасомъ, что не ко времени ему думать объ Европѣ (Сб. Р. И. О., XX, 90); если тоже повторяетъ Биронъ послу гр. Кейзерлингу, въ Варшаву (т. же, XXXIII, 453), — то это только отголоски реляцій Неплюева, какъ это и указываетъ самъ Биронъ. Слѣд., особой исторической цѣнности такая корреспонденція не имѣетъ. Время издать сокровища Главнаго Московскаго Архива М. Ин. Дѣлъ; но самъ Архивъ безъ средствъ.

уже въ живыхъ нѣтъ»! Радуйся, Израиль... «Кулы-ханъ, доносилъ Неплюевъ 28 ноября, за живое турокъ язвилъ путешествіемъ своимъ въ Ширвань», а на попрекъ Порты, что Россія въ пересылкѣ съ нимъ и все болѣе и болѣе его подущаетъ, резидентъ рѣзко отвѣчалъ указаніемъ отношеній Порты къ Франціи: «хотя Франція, писалъ онъ 20 дек., находится съ в. в-вомъ и съ аліаторомъ, римскимъ цесаремъ, въ открытой войнѣ, однакожъ того ни в. в-во, ни цесарь за противное принять не можете и не пріемлете».

На самомъ исходѣ 1734 года старый слуга тяжко занемогъ въ «адской землѣ», какъ онъ величалъ свой Босфоръ, и вдругъ онъ услышалъ о набѣгѣ калмыковъ за нападеніе запорожцевъ на Дубосары у Днѣстра. Больной вспыхнулъ отъ этого унизительнаго оскорбленія Россіи. «Послѣдній мой духъ, писалъ онъ, подвигнулся отъ стыда и горести, услыша, что мы отъ собакъ татаръ и калмыкъ толикія бѣды претерпѣваемъ, когда Порта сама въ напастяхъ по уши. Нынѣ лестію насъ тяготятъ, а когда хотя мало освободятся, тогда, подобно прошлогоднему, браня и уничтожая, разорять будутъ». Очевидно, одинъ отвѣтъ на это—«съ лихвою повелѣть отмстить». «А намъ, прибавляетъ замѣститель больнаго, Вѣшняковъ, турецкіе поступки не понятны, яко видимъ такое ихъ гиблющее состояніе: углублены въ персидскія дѣла, отъ которыхъ однихъ сжечасно все правленіе страхомъ обдержимо, безъ казны, безъ войска, безъ главъ, опричь визиря, въ правленіи, безъ знающихъ хотябъ мало военное дѣло. Наконецъ, никогда здѣшнее государство въ такомъ слабомъ состояніи не бывало, но со всѣмъ тѣмъ толикія бѣдства чинятъ. Иного не разумѣю, развѣ что Всевышній ихъ ослѣпляетъ для достойнаго законнаго наказанія». Но тутъ-же дополняетъ о французахъ: «не чаятельно, чтобъ могли быть выше ихъ враги христіанству, горше турокъ».

Съ сердечнымъ пожеланіемъ скорѣйшей гибели Вавилону встрѣтили Новый годъ старый Неплюевъ, больной—на самомъ канунѣ его «внѣ состоянія и силъ болѣе ни о чемъ думать», и его молодой товарищъ, годъ, наконецъ, послѣ долгихъ и долгихъ ожиданій, войны, но странной, безъ объявленія. Въ своихъ поэтическо-политическихъ мысляхъ они унеслись далеко: имъ

давно видѣлось уже и возмездіе за Прутъ, и великое историческое «намѣреніе» ихъ общаго великаго учителя у своего конца. Но — послѣднее слово принадлежало Петербургу, а тамъ — осторожный Остерманъ, съ своею прозой. Онъ все шелъ медленно, какъ-бы нерѣшительно и горячую политику нашихъ дипломатовъ на Босфорѣ, требовавшихъ немедленной войны, охлаждалъ рѣзкими замѣчаніями даже за немного недѣль до открытія самыхъ дѣйствій. Въ концѣ онъ уступилъ и — проигралъ.

Въ Петербургѣ прежде всего въ виду польскихъ дѣлъ противъ войны—рано. «Когда, читаемъ мы въ рескриптѣ 27 марта 1734 г., Порта нынѣ о негоціаціи о польскихъ дѣлахъ вамъ не упоминаетъ, то надобно такъ оставить»; въ противномъ-же случаѣ — «вамъ не отдаляться и искать вдаль ее протянуть подъ всякими приличными претексты, не показывая противности, чтобъ время получить къ окончанію польскихъ дѣлъ». Изъ Петербурга указывали, что негоціація дѣло великой важности: «вступая въ оную, уже на все отважиться потребно», но все-же до войны не доводить дѣла. «Такъ наз. Вѣчный миръ, указывалъ Кабинетъ въ іюнѣ, во многихъ и особливо въ артикулѣ о Польшѣ намъ и интересамъ нашимъ весьма предосудителенъ, а пока оный артикулъ въ той же силѣ останется, всегда между обоими имперіями къ распрямъ случаи останутся; можетъ быть, при нынѣшнихъ случаяхъ Порта въ польскихъ дѣлахъ еще толь наипаче похочетъ руки у насъ вязать»; но тѣмъ не менѣе — «только-бъ между нами и Портою до войны не дошло». Еще сильнѣе слышался мирный тонъ позже, не смотря на признанныя зацѣпки отъ Порты.

«Мы, говорилось въ рескриптѣ 29 ноября, не можемъ отъ Порты утаить, что во всѣхъ мѣстахъ по границамъ всякое пріуготовленіе воинское въ опасность нашихъ земель чинится», — но это въ виду того, что «со стороны Порты въ пограничныя мѣста артилерія и воинскіе припасы отъ времени до времени пересылаются», что «татара по часту въ наши земли непріятельски впаденія и похищенія люда чинятъ», въ виду бахвальствъ крымскаго хана, который «прямо разглашенія чинитъ о начатіи противъ насъ войны», наконецъ, въ виду того, что французы «вездѣ объявляютъ съ увѣреніемъ, что Порта уже въ ихъ депенденціи или въ рукахъ находится: Франція токмо похочетъ, Порта противъ насъ тотчасъ войну начнетъ. Но Порта можетъ

быть обнадежена, что мы съ нашей стороны къ начатію противъ ся войны намѣренія весьма не имѣемъ и начинать не будемъ, ежели съ ся стороны разрыва не учинится». Противъ обвиненія въ подмогѣ персіянамъ рескриптъ указываетъ, согласно съ Неплюевымъ, на дѣйствія «измѣнника нашего малороссіянина» Орлика: «не токмо скрытно интриги свои и злостныя внушенія къ нашей имперіи чинить непрестанно продолжаетъ, но сего года явственно къ крымскому хану препровожденъ и тамо по близости къ границамъ нашимъ чрезъ письма свои великія чинить между нашими подданными малороссіяны возмущенія и побужденія къ противнымъ поступкамъ къ намъ, особливо-же къ ссорѣ и несогласію между Портою и нами». Мы видѣли, о козняхъ Орлика предварялъ съ мѣста Неплюевъ.

Но были и другія соображенія у Остермана противъ спѣха: нельзя ли раньше извести вліяніе самой Франціи на Босфорѣ? Возможность этого, казалось ему, на лицо.

Мы видѣли, какъ на мѣстѣ, на Босфорѣ, Франція, ея политика по отношенію къ Россіи рисуется самыми черными красками, и это идетъ съ года въ годъ. Не разъ перо Неплюева затруднялось въ передачѣ замысловъ Франціи, во всей ихъ дерзкой наготѣ — по подготовкѣ, напримѣръ, революцій внутри Имперіи. Но въ Петербургѣ какъ будто готовы были заподозрѣть искренность самыхъ симпатій Франціи къ Турціи.

Интрига Франціи пыталась найти почву и въ Петербургѣ. «Мы, говорилось въ указѣ 28 сентября, вамъ уже напредь сего дали знать, какія Франція для привлеченія насъ въ свои интересы предложенія намъ учинила и особливо, къ какому дѣйствительному вспоможенію противъ самой Порты себя представляла въ самое то время, какъ французы такъ горячо турковъ на насъ подымаютъ, вновь и нашу дружбу и союзъ со всякою горячестью ищутъ; только бы мы похотѣли къ ихъ намѣреніямъ склониться, обѣщаютъ не токмо 30 тыс. войска противъ турокъ вспомогать, но и нѣсколько милліоновъ субсидій дать». Изъ этихъ коварныхъ происковъ на Сѣверѣ Остерманъ надѣется извлечь выгоду, узнай только о нихъ Порта. «Ежелибъ, продолжаетъ рескриптъ, о сихъ обманныхъ поступкахъ французовъ при Портѣ прямо извѣстно было, то не невозможно, чтобъ Порта ихъ внушеній болѣе слышать, толь менѣе еще къ ихъ намѣре-

ніямъ склониться похотѣла, и могла-бъ сія корона тѣмъ вовсе свой кредитъ у Порты потерять».

Паки и паки можно сказать: дерзость «сей короны» неисповѣдима!

Итакъ, причина разлада во взглядахъ на Босфорѣ и Невѣ, что польскія дѣла не у конца, нельзя двоиться, что политика отместки за Прутъ только въ будущемъ, не сейчасъ.

Такъ непріятно звучалъ мѣрный голосъ холоднаго Остермана, въ отвѣтъ на страстные призывы Неплюева — конать. Отсюда вѣчное напоминаніе отъ Остермана: держать себя посредственно, ни высоко, ни низко, т. е. наружною безучастностью усыплять Порту до поры. На дѣлѣ-же и мы готовились давно, но исподоволь, къ войнѣ. Объ этомъ доносили представители иностранныхъ дворовъ въ Петербургѣ; этого не скрывалъ и самъ Кабинетъ — «въ опасность нашихъ земель» на Югѣ. Цѣлый рядъ мѣръ въ этомъ направленіи — «для исправленія къ воинскому случаю войскъ», какъ говорилось въ именномъ указѣ 1 сент. 1733 г., о вызовѣ сербовъ въ гусарскій, изъ однихъ сербовъ, полкъ, для пополненія старыхъ «сербскихъ ротъ», свидѣтельствовалъ о томъ-же *). Еще въ мартѣ 1734 г. саксонскій

*) П. С. З. Росс. Имп. № 6472. — Изв. намъ ген. Вейсбахъ въ 1733 г. сносился съ майоромъ Стояновымъ по вызову сербовъ и тотъ объяснилъ, что сербы пойдутъ охотно изъ Австріи, съумѣютъ пробраться тайкомъ до границъ, и надѣется чрезъ полгода нѣсколько сотъ добрыхъ и военныхъ гусаровъ собрать, только бы въ сербскія страны письма и парочные были посланы; мало того, по мнѣнію Стоянова, «понеже у цесаря разныхъ народовъ люди принимаются въ гусары — венгры, волохи, трансильваны и молдавы, весьма къ службѣ гусарской храбры и способны», не слѣдуетъ ограничиваться одними сербами. Высочайше былъ одобренъ вызовъ, но «чтобъ всегда тамъ гусарскій полкъ состоялъ изъ прямыхъ національныхъ сербовъ». Но полкъ — изъ 197 рядовыхъ. (Тамъ-же, № 6473) Не забудемъ, еще съ 20-хъ годовъ русскіе учителя изъ Кіевской Дух. Академіи благотворно дѣйствовали на дѣло духовнаго объединенія сербовъ и Россіи и въ Карловцахъ, гдѣ сидѣлъ сербскій патріархъ, и въ недавно присоединенномъ Бѣлградѣ. Славянское движеніе начиналось въ строгомъ русскомъ направленіи. См. рецензію книги проф. Кулаковскаго о Караджичѣ пок. П. А. Попова въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1882 года. 24-го сентября наборъ, 9 окт. сборъ безденежно драгунскихъ коней, 9 ноября — сборъ провіанта для украинскихъ магазиновъ не позже начала 1734 г. (П. С. З. Р. И., №№ 6490, 6497, 6507). 29 ноября 1733 одобренъ докладъ Миниха: «понеже все надлежитъ нынѣ заблаговременно пріуготовить, дабы при начинаніи пред-

посланникъ доносилъ о предположенной войнѣ съ турками, а въ ноябрѣ, что приготовленія ведутся самымъ энергическимъ образомъ, чтобы сразу быть готовыми встрѣтить турокъ, на случай вступленія ихъ въ Польшу: вся помѣха въ умиротвореніи «духовъ» въ Польшѣ *).

Мы заботились всячески объ этомъ умиротвореніи: и убѣжденіемъ, и силою.

Уже 16 ноября 1734 изданъ былъ манифестъ къ польской шляхтѣ съ изъясненіемъ причинъ русскаго вмѣшательства — «дабы Рѣчь при дражайшей своей вольности въ совершенной цѣлости содержана была», съ объявленіемъ, согласно съ мыслями

будущей кампаніи все было изготовлено», поэтому масса судовъ, пушекъ. шанцеваго матеріала для Дона имѣло быть собрано до 15 марта 1731 г.—въ Павловскѣ, Изюмѣ, въ крѣпости Св. Анны и по берегу Дона и Донца (т. же, № 6512). Но отъ набора люди изъ селъ и городовъ бѣжали въ порубежныя страны, особенно, въ Литву, Польшу и Бессарабію; милостивые вызовы бѣглецовъ ни къ чему не приводили (т. же. № 6534, 6586); поэтому рѣшено: «въ бытность войска въ Польшѣ и Литвѣ силою выводить» (№ 6609). Весной 1734 Вейсбахъ разбиралъ годныхъ въ службу волоховъ, для образованія воложской хорунги, но для боевой единицы оказалось ихъ мало (т. же, № 6578, 6729). Возвращавшихся изъ-за рубежа раскольщиковъ селили на югѣ у форпостовъ (№ 6555), но затѣмъ перевели на сѣверъ (Чтенія Моск. О. Ист., 1884, 2, стр. 5). Не лишена вниманія славянскаго этнографа одна черта: гдѣ гусаръ, тамъ прежде всего сербъ, мадьяръ, волохъ; всѣ они готовы сейчасъ на гусарскую службу, а служба эта — въ первое время разбой, ибо въ старомъ сербскомъ языкѣ — хусарь или гусарь разбойникъ (Даничић Рјечник, s. v.), вѣроятно, изъ ср. латинскаго cursarius, корсаръ, пиратъ. Но трудолюбивые работники, болгаре не поставляли изъ среды своей гусаровъ: ремесло это не было въ ихъ натурѣ. Но указаніе противнаго мы имѣемъ у нашего Неплюева. 18 февр. 1734 г. онъ пишетъ Левенвольду: «Порта позволила французамъ — грековъ и болгаръ въ свою службу набирать, которыхъ уже до 300 отправили и еще набираютъ, дабы тѣми людьми учинить во Франціи полкъ гусарскій молодому Рагоцкому, находящемуся во французской службѣ». Но, не будучи войнолюбивы, болгаре вмѣстѣ съ греками были искусны въ торговлѣ, напр. русскими, какъ рабами. Неплюевъ 2 февраля 1734 г. жалуется императрицѣ, что «греки и болгары козаковъ съ собою въ турецкое государство вывозятъ и оставляютъ, отъ чего многіе плѣнниками застаютъ, въ чемъ съ одну сторону обманъ отъ грековъ и болгаръ, а съ другую — сами тѣ козаки невѣжествомъ своимъ въ сѣть идутъ и на заставахъ называются волохами и сербами». Судьба плѣнниковъ—галеры, рабство. Такъ помогали тѣ Кафѣ.

*) Сб. Р. И. О., XX, 84, 89.

Неплюева при предполагавшейся медіаціи Англіи и Статовъ, полнаго безпристрастія Россіи. «За толь знатное и сильное, съ великими иждивеніями вспоможеніе мы, говорилъ манифестъ, отъ Рѣчи ни малѣйшаго себѣ награжденія не требуемъ». Обѣщали вывести войска по общемъ умиреніи, но просили не вѣрить «ложнозлобнымъ и противнымъ внушеніямъ», т. е. Франціи. Былъ естественный расчетъ и на помощь самого короля Августа, и на конференціи у Остермана 17 дек. съ австрійскимъ посломъ Остейномъ и саксонскимъ Липаромъ рѣшено было: просить его объ усиленіи саксонской арміи для помощи Карлу VI, въ его войнѣ съ Людовикомъ XV, а самому Августу заняться умиреніемъ «духовъ» въ Польшѣ — магнатовъ, шляхты, обратившись къ деньгамъ, раздачѣ мѣстъ и всякимъ посуламъ. Но Остерманъ понималъ, что надежда на Августа плоха, а надо дѣла не затягивать, и уже въ началѣ 1735 г. былъ снова отправленъ Минихъ въ Польшу — давить станиславцевъ сборомъ фуража, провіанта, контрибуцій, но отнюдь генералу политикой не заниматься: политика возлагалась на одного гр. Кейзерлинга *).

Скромная надежда на перемѣну какъ-бы тона у мѣрнаго Остермана, съ его «ни низко, ни высоко», объявилась предъ Неплюевымъ лишь въ послѣдній день 1734 года.

Въ двухъ рескриптахъ отъ 31 декабря, но «для партикулярнаго свѣдѣнія» Неплюеву, сообщалось: въ одномъ о переходѣ нашихъ войскъ изъ Люблина въ Галицію, ко Львову, гдѣ «на время расположено быть имѣетъ, какъ для скорѣйшаго искорененія достальныхъ противниковъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ болѣе шатаются, такъ и для того, чтобъ въ близости были смотря по поступкамъ турецкимъ и ихъ движеніямъ», но только между прочимъ, ибо, если все тихо, то они пойдутъ туда, «гдѣ конъюнктура и общая наша и союзниковъ нашихъ польза того востребуетъ»; въ другомъ — о переговорахъ съ Персіей, что за воз-

---

*) П. С. З. Росс. И., № 6648; Сб. Р. И. О., XX, 93—102; П. С. З. Росс. И., № 6639; Сб. Р. И. О., XX, 103. Въ тѣхъ же цѣляхъ приготовленія себя къ открытію новой политики — на югѣ, 2 дек. 1734 былъ заключенъ торговый договоръ съ Англіей, по поводу коего современный издатель его, Rousset, въ знаменатомъ «Recueil historique d'actes etc.», t. XI (1737 г.) говоритъ, что имп. Анна «marche si fidelement sur les traces de Pierre le Grand» (p. 375).

вращеніе Дербента, Баку, Сальяна Кулы-ханъ обѣщаетъ «съ нами нѣкоторое обязательство и трактатъ учинить», что рѣшено — «нынѣшними въ Персіи случаями пользоваться и отъ понесенныхъ донынѣ тамъ великихъ тягостей отдачею персидскихъ провинцій Персіи освободиться».

Но бѣда, что на Босфорѣ если и думали теперь о «движеніяхъ», то только въ Азіи: «персидскимъ ихъ хлопотамъ конца не видно», доноситъ Вѣшняковъ 16 января 1735 г., со стороны же Европы только одна боязнь. «Визирь, писалъ онъ тогда, во всѣхъ своихъ разговорахъ со всякою тишиною и учтивостью изобразился, также и когда требовалъ, дабы персіянамъ помощи не давать. Изъ всѣхъ его поступокъ, по нынѣшнему молчанію, по чрезвычайнымъ учтивостямъ и комплиментамъ, мнѣ строенымъ, признается его хитрая лесть, двухъ ради причинъ: 1) дабы не соизволили имъ препятствовать въ окончаніи ихъ персидскихъ дѣлъ; 2) дабы, видя нынѣшнее внѣшнее и внутреннее ихъ весьма плохое состояніе, не соизволили позволить подданнымъ в. в-ва отмщеніе всѣхъ учиненныхъ обидъ отъ ихъ стороны, яко знаютъ, елико толь неразсудительно нагрезили». Для иллюстраціи онъ указываетъ, что Тифлисъ, Генжа осаждены персами, но солдаты туда не идутъ, а объ янычарахъ и думать боятся.

Внѣшнюю слабость Турціи Вѣшняковъ иллюстрируетъ далѣе въ мартѣ не только отчаяннымъ положеніемъ дѣлъ въ Персіи, но бунтами въ Аравіи, Боснѣ, среди курдовъ, наконецъ, общею увѣренностью «до подлости самой», что послѣ Польши непремѣнная очередь за Турціей, что Россія «будетъ свободно противъ турокъ съ неизреченнымъ поспѣшеніемъ дѣйствовать», что «многихъ провинцій, беззаконно пристяженныхъ, ихъ лишитъ и тѣмъ толикихъ бѣдныхъ христіанъ отъ безчеловѣчнаго варварскаго ига освободитъ, какъ уже и говорятъ, а паче мысленные, что всѣ ихъ границы и самое государство отъ единыя дискреціи в. в-ва зависятъ, и тѣмъ министрамъ упрекаютъ, дабы отъ зла воздержались, показуя, коль разны отъ нихъ христіанскія правленія, что, видя ихъ въ такомъ гиблющемъ состояніи, въ покоѣ оставляютъ». (Реляція 7 марта — см. ниже). Но объ этомъ говорило и лихорадочное метанье Порты за союзами въ Европѣ.

Еще въ августѣ 1734 года Неплюевъ сообщалъ наказъ

агентамъ Швеціи у Порты: о необходимости сохраненія древней дружбы и конфиденціи, вольности Польши и открытія общей негоціаціи. Это совокупленіе Сѣвера и Юга было плодомъ долгихъ усилій Франціи, ея «небезпродерзостной» общей политики: испроверженія имперіи, т. е. умнаго и дѣятельнаго управленія Остермана или «нѣмецкой команды», отброшенья только что появившейся въ Европѣ Россіи назадъ, домой, «привести ее въ прежде бывшее сто лѣтъ назадъ состояніе». Оно было началомъ поворота дѣлъ въ Швеціи, подъ диктовку ея злаго духа — Версаля.

Уже въ наказѣ 1727 г. французскому послу въ Швецію подчеркивается необходимость привести ее къ рѣшеніямъ, «которыя могли бы сдержать московитовъ, планы которыхъ такъ опасны», погнать ихъ согласно общему желанію — de resserer dans les anciennes limites une puissance, qui deviendroit seule maîtresse de la mer Baltique», возвратить все, что Швеція потеряла у Выборга и въ Ливоніи, но удерживая ее отъ преждевременной вспышки, «выждать время, когда образуются разныя факціи и можно будетъ поднять революціи внутри самой Московіи, которыми и воспользуемся удобно» *).

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ современный наблюдатель на мѣстѣ, Кеппенъ, агентъ небольшаго нѣмецкаго двора въ Стокгольмѣ, послѣ продолжительнаго спокойствія въ счастливой Швеціи, вдругъ, при слухѣ объ обновленіи договора съ Россіей (въ 1734 г.), поднялся крикъ раздора и смятенія. «Духъ умопомраченія овладѣлъ молодежью и стали кричать: на войну!» Это и было дѣломъ Франціи, требовавшей «воскресить славную память Карла XII и, при открывающихся благопріятныхъ обстоятельствахъ, отмстить Россіи, отобравъ потерянныя провинціи». Для этихъ интересовъ Швеція и направлялась на Босфоръ, откуда уже раньше заѣзжалъ Сандъ, чтобы открыть «общую негоціацію» противъ Россіи, стремившейся «повелѣвать Сѣверомъ, предписывать ему законы», какъ обвиняли насъ тогда, по словамъ Кеппена **).

Но одной Швеціи мало; обратились довѣрчиво и къ Англіи.

---

*) Recueil des instructions... Suède. (Paris 1885), 326—332.

**) Büsching, Magazin für die neue Historie und Geographie, XV Th. (Halle 1781), 7—10.

Уже осенью 1734 года визирь отправилъ «секретнѣйшее» письмо въ Лондонъ къ королю съ жалобами на Россію и съ просьбой «привести ее въ резонъ», а Австрію на случай ссоры съ первой удержать нейтральной. Для безопасности доставки письмо было послано въ Валахію, и уже оттуда отъ имени господаря, Гики, долженъ былъ проѣхать съ нимъ въ Лондонъ чрезъ Чехію, но безъ заѣзда въ Вѣну, подъ именемъ купца, англійскій переводчикъ Яковъ Ризо, позже изв. политиканъ Букарешта.

Теперь, весной 1735 года, исканіе Англіи стало явнымъ: она должна была бы занять какъ разъ опорожнившееся мѣсто Франціи, противъ которой открылъ аттаку теперь самъ Боневаль. Боневаль былъ оскорбленъ за отказъ въ принятіи его проэктовъ союза. Но могло влiять и сообщеніе предложеній «короны» въ Петербургѣ. «Французскія интриги, доноситъ Вѣшняковъ 7 марта, подали случай визирю адресоваться къ Боневалю и его знаніемъ пользоваться. Сей открылъ визирю всѣ французскія лукавства и опасность, чтобъ обѣщаній ихъ ни мало не слушали и безъ формальной полномочи за королевскою рукою ни въ какія негоціаціи не вступали (чего никогда обдержать не могли), что одна французская аліанція никогда Портѣ полезна не будетъ, но некалибъ учинить съ морскими державами». Боневаль сталъ ходатаемъ Англіи. Подъ вліяніемъ этого совѣта визирь, по соглашеніи-де съ англійскимъ посломъ, рѣшился обратиться къ королю съ предложеніемъ союза, на условіяхъ: вступленіе въ будущій союзъ и цесаря, очищеніе Польши отъ русскихъ, Станиславъ королемъ; за то Порта обѣщаетъ «великіе авантажи въ купечествѣ, алжирцовъ и прочихъ воздержать, а противъ Франціи побуждать». Такая же аліанція предложена была и послу «Статовъ»; но голландскій посолъ отказался отъ такого «глупаго и невозможнаго дѣла», по словамъ Вѣшникова. Статы позже одобрили отказъ, а изъ Англіи ждутъ еще отвѣта — отказа.

Плохое внутреннее состояніе выражалось полнымъ истощеніемъ казны отъ войны съ Персіей, такъ что оставалось одно средство — «нападеніе на партикулярныя сокровища — генеральною таксою всѣхъ главныхъ, а нѣкоторыхъ и совершеннымъ лишеніемъ». Въ виду этого, «яко чувственные скоты, говоритъ Вѣшняковъ, едино токмо видомъ утѣшаются, не будучи никто достовѣренъ, отъ султана до послѣдняго хамала, не толико свое сокровище, но и животъ свой на утрее охранить. Какъ можно

отъ такого ехиднаго порожденія нужнаго соединенія ожидать? При первомъ случаѣ всѣ сами себя изрубятъ. Всѣ инаковы, нежели прежде турки бывали, и не содержится отъ нихъ въ свѣтѣ страхъ, токмо преданіемъ прежняго зла и елико прежде были страшилищемъ, толь нынѣ достойны всякаго презрѣнія». Одинъ слухъ о движеніи русскихъ войскъ къ границамъ наводитъ общій страхъ, «громогласно кричатъ, что конецъ ихъ беззаконія приходитъ и в. в-во имѣете ихъ искоренить». «Да сподобитъ Всевышній, прибавляетъ отъ себя Вѣшняковъ, свою благодать излiять и сіе въ дѣйство произвести в. в-ва правленіемъ». Турки уже не прежняго «марціальнаго духа», безъ прежнихъ «максимъ», которыми «учинились столь сильны, но живутъ яко тварь внѣ элемента своего, единымъ дезордеромъ и тѣмъ, что ихъ всѣ въ покоѣ оставили». Но отъ безнаказанности «умы ихъ гордостью наполняются и мнятъ, что всѣ имъ отъ страху упущаются».

За вѣрность этой картины общаго разслабленія Турціи говоритъ признаніе тогда же, въ 1735 году, самого султана предъ Боневалемъ, что война съ Персіей истощила всѣ силы, всѣ финансовыя средства Турціи *).

---

*) Mémoires, 452. И авторъ современной фанаріотской хроники, описанія войны τῶν Τουρκονεμτζ στρατιῶν, 1736—1739, Конст. Дапонтесъ, начинаетъ изложенія своихъ ΔΑΚΙΚΑΙ ΕΦΗΜΕΡΙΔΕΣ именно съ указанія фатальнаго значенія для Турціи ожесточенной, годы тянущейся войны съ Персіей. См. «Ephémérides Daces ou chronique de la guerre de 4 ans par C. Dapontes», publiée, traduite et annotée par E. Legrand, t. II. (Paris 1881) p. 3. Самой Хроникѣ предпослана льстивая біографія валашскаго господаря Константина Маврокордата (род. 1711), сына Николая, которая, по убѣжденію г. Легранда, принадлежитъ перу тогоже Дапонтеса. (Маврокордаты, Петрококины съ острова Хіоса, огречившіеся простые франки). Хотя и очень юный (род. 1714, слѣдов., моложе своего господина на 3 года) и полуобразованный, но ловкій, куртизанъ, авторъ Хроники-Дневника уже въ 1733 поступаетъ секретаремъ къ К. Маврокордату, съ нимъ сейчасъ-же перебирается въ Яссы, гдѣ до 1735 г., когда обратно въ Букарештъ, и здѣсь, по заказу господаря, начинаетъ вести дневникъ открывавшейся войны Турціи съ Россіей и Австріей. Льстецъ, придворный стихоплетъ, взяточникъ и грязный развратникъ, Дапонтесъ, благодаря близости своей съ К. Маврокордату, былъ свѣдущъ въ дѣлахъ Турціи; отсюда его труды имѣютъ безспорный историческій интересъ; но пользоваться необходимо съ провѣркою, ибо закащикъ и авторъ агенты Фанара, этого вѣковаго на Босфорѣ гнѣзда злаго византинизма, отъ клобука до писца, гдѣ даже мостовая пестритъ византійскими орлами (въ патріархіи). Сами фанаріоты Сѣвера,

«Всѣ тѣ резоны, заключаетъ свою Записку новый нашъ резидентъ, а эта Записка какъ бы его политическое исповѣданіе — визирь довольно знаетъ. Генерально между всѣми въ разговорѣхъ есть, что Портѣ несходно съ христіанскими державами, а паче съ в. в-вомъ войну зачинать, и хотя-бъ мало къ тому поползнулись, безсумнительно, визирь и все правленіе погибнетъ, что вѣдая, и французы иной путь приняли — только единымъ стращеніемъ силъ в. в-ва и что вскорѣ, по окончаніи польскихъ дѣлъ, изволите на нихъ напасть, починаютъ совѣтовать, чтобъ токмо, хотя для безопасности своей, границы въ доброе состояніе къ оборонѣ привели. Порта въ великомъ затрудненіи, не знаетъ, какія мѣры принять; приготовляться — опасается тѣмъ дать в. в-ву и цесарю подозрѣніе, не приготовляться — суще-

---

захватившіе послѣ Прутскаго похода 1711 г. Валахію и Молдавію, помимо жирной наживы, здѣсь хитро устрояютъ греческое политическое гнѣздо: здѣсь греческія школы, языкъ, книги, типографіи; сюда стекались отовсюду греки, какъ бы въ полусвободную Элладу; отсюда имѣла взойти звѣзда того Πανελληνισμός'а, который, какъ гидра, долженъ былъ охватить весь балканскій полуостровъ. Но, проводя турокъ, они были ихъ предавнѣйшими агентами и лицами въ курсѣ дѣлъ: они постоянно и добросовѣстно отправляли съ Сѣвера на Босфоръ собственноручныя донесенія, извѣщенія. Объ этой политической сторожевой службѣ фанаріотовъ на Дунаѣ мы имѣемъ любопытный документъ у Дапонтеса—наказъ или завѣщаніе господаря Николая Маврокордата сыну Константину, господину автора нашего Дневника, изъ времени, когда тотъ, ставъ совершеннолѣтнимъ, только еще готовился на миссію—замѣнить отца на господарствѣ. На вопросъ — что требуется прежде всего отъ господаря, фанаріотъ отецъ указываетъ сыну слѣдующія обязанности: повиновеніе Портѣ, обязанности относительно крымскаго хана, сношенія съ сосѣдними пашами, сношенія съ Польшею, сношенія съ Австріей (t. II, p. XXIV—V).—Послѣ войны авторъ Дневника не поладилъ съ своимъ Маврокордатомъ, перешелъ въ Яссы къ другому Маврокордату; обвиненный во взяткахъ, спасается въ 1746 г. въ Бахчи-Сарай къ хану, въ Константинополѣ попадаетъ въ тюрьму, женится, вдовѣетъ сейчасъ и свою поганную жизнь заключаетъ постриженіемъ на Аѳонѣ. Но и въ монашеской кукѣ остается тщеславнымъ, пустозвоннымъ грекомъ, скитается долго еще разъ по Молдавіи и Валахіи, обирая простодушный народъ, умираетъ на Аѳонѣ 1784 г. Роскошное изданіе г. Легранда не лишено крупныхъ промаховъ: византинистъ, подымающій слишкомъ высоко своего героя, самъ съ путанными свѣдѣніями въ мѣстной географіи и исторіи. Такъ, истор. притокъ Днѣпра Самару онъ принялъ за городъ Самару на Волгѣ и—цѣлая выписка изъ географіи Реклю, t. II, 106. Ср. II, 145, II, 361 и др.

ствительно опасается нападенія, яко вѣдаетъ сама внутренно, коль безчисленно в. в-ву досадъ надѣлала и генерально къ обѣимъ высокимъ странамъ злость свою показала и что едино ея токмо безсиліе отъ произведенія оныя въ дѣйство удержало. Того ради, по зрѣлымъ консидераціямъ, вмзпрь приняла резолюцію: границы въ лучшее состояніе привесть, а подъ рукою разсѣеваетъ, что Порта никакого злаго намѣренія противъ в. в-въ не имѣетъ, напротивъ, дружбы желаетъ, еже и неневѣроятно есть всѣхъ выше показанныхъ ради резоновъ» *). Дѣйствительно, вѣрный рабъ Порты, ея «une plante aromatique» — юный Константинъ Маврокордато, тогда господарь Молдавіи, помѣнявшись незадолго предъ тѣмъ, для пользы службы (ладъ съ татарами), Валахіей съ двоюроднымъ братомъ Гикою, лукавымъ знакомцемъ Вѣшнякова еще на пути его въ Турцію, получилъ приказаніе усилить укрѣпленія Хотина, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Очакова, посылкой туда пушекъ, припасовъ, рабочихъ и матеріаловъ, что стоило огромныхъ суммъ, но конечно, съ лихвою возвратимыхъ отъ несчастной страны **).

Вѣшняковъ, вѣрный политикѣ своего руководителя, Неплюева, въ своей Запискѣ убѣдительно доказывалъ еще разъ, что для Россіи подошла именно минута рѣшительныхъ дѣйствій— «освобожденія бѣдныхъ христіанъ отъ безчеловѣчнаго варварскаго ига». Но, бѣдный, онъ не предчувствовалъ, что въ Петербургѣ какъ разъ тогда, когда онъ такъ горячо и соблазнительно приглашалъ начинать, были крайне недовольны имъ уже изъ-за одного того, что онъ дозволилъ себѣ смѣнить почти умиравшаго старшаго товарища, а не то что еще разсуждать. Ясно, какъ высоко цѣнилъ Остерманъ Неплюева, какъ мало еще полагался на Вѣшнякова, опасаясь его увлеченій войной, его освободительныхъ симпатій къ «бѣднымъ христіанамъ», осчастливляемыхъ теперь въ Молдавіи и Валахіи дѣтьми Фанара, если говорить языкомъ Фанара, но «неблагодарныхъ» за всѣ ихъ благодѣянія, если вѣрить современному французскому путешественнику ***).

Инструкція 25 авг. 1729 г. указывала Вѣшнякову, что характеръ свой онъ объявляетъ только тогда, когда бы Неплюеву

---

*) См. Приложенія.

**) Ephém. Daces, II, p. XLVII. — Нѣжный титулъ — т. же.

***) J. Flachat, въ его «Observations sur le commerce», Lyon 1766, въ «Ephémér. Daces», II, p. LXIII. Ср. t. III, p. XXIII.

«случилась зѣло тяжкая болѣзнь, въ которой онъ уже не возможетъ дѣлъ самъ отправлять» *). Мы видѣли, Неплюевъ и былъ опасенъ. Далѣе, мы узнаемъ, что Вѣшняковъ рѣшилъ объявить себя министромъ-резидентомъ съ общаго соглашенія не только Неплюева, но и всегда пріязненнаго Россіи посла Голландіи. «Единъ Богъ вѣсть, пояснялъ онъ тогдаже, въ донесеніи 31 дек., съ какимъ трепетомъ и опасеніемъ принужденъ нашелся быть на то поступить». Но уже въ половинѣ января 1735 г. Неплюеву стало легче. «Память моя, пишетъ онъ Остерману, въ первое мое состояніе обратилась»; но онъ съ отчаяніемъ молитъ разрѣшить «въ отечество выѣхать: въ какомъ состояніи ни найдуся, велю себя везти, что со мною Богъ ни учинитъ и хотябъ въ дорогѣ что учинилось». Но Остерманъ все-же не убѣдился въ опасности: и Неплюевъ остается въ Вавилонѣ, и Вѣшнякову рѣзкій выговоръ за самоволіе. «Съ крайнимъ удивленіемъ усмотрѣли мы, говорилось въ рескриптѣ 14 марта Вѣшнякову, коимъ образомъ ты вмѣсто его при Портѣ характеръ резидентскій о себѣ такъ скоропостижно, не описався къ намъ, объявилъ и принялъ, въ чему, по силѣ данной инструкціи и по состоянію тамошнему, ни крайней нужды, ни важныхъ въ интересахъ нашихъ при турскомъ дворѣ дѣлъ не было». Въ виду «деликатныхъ и недовѣдомыхъ конъюнктуръ» Неплюевъ остается на мѣстѣ, «пока намѣреніямъ Порты о поступкахъ ея приходящаго лѣта подлинно откроется, такожде и дѣла польскія къ какому основательному окончанію придутъ, яко же мы и надѣемся». Въ заключеніе предлагалось Вѣшнякову: «всегда во всякихъ дѣлахъ по совѣту и наставленію Неплюева, и безъ него нимало ничего собою не производить».

Выговоръ былъ незаслуженный. Но можно полагать, что и заключавшійся договоръ съ Персіей потребовалъ у Остермана особенной осторожности и онъ оказался излишне жесткимъ.

Этотъ рѣзкій выговоръ не дошелъ еще до Босфора, но и Неплюеву казалось, что вотъ-вотъ война, и онъ принималъ мѣры. На Англію онъ смотрѣлъ по старому. «Положиться на англійскаго посла, доносилъ онъ 22 марта, тобъ было равно какъ на самихъ турокъ или на французовъ, еще-жъ и того горше; отказаться отъ него безъ указа в. в-ва невозможно», и потому реко-

*) Моск. Гл. Арх. М. И. Д., 1729, св. 30/с № 13, при отправкѣ въ Константинополь.

мендуетъ «на время войны для корреспонденціи и асистенціи» посла Голландіи. «Хотябъ, прибавляетъ какъ-бы съ легкимъ упрекомъ Неплюевъ, и такъ положить, что по состоянію в. в-ва отъ Бога дарованныхъ силъ не было нужды ни во время мира турокъ болѣе ласкать, ни въ случаѣ войны асистенціи и корреспонденціи дружескихъ державъ министровъ желать, но сіе послѣднее трудно уничтожить». По полученіи же выговора Вѣшняковымъ, Неплюевъ поспѣшилъ смѣло заявить полную свою солидарность съ нимъ: «всѣ его реляціи, отвѣчалъ онъ, о всѣхъ матеріяхъ съ согласія моего онъ писалъ».

Между тѣмъ слабо, но повѣяло и отъ Сѣвера желанной войной.

---

10 марта 1735 г. былъ заключенъ давно обѣщанный трактатъ съ Персіей, подъ именемъ «трактата вѣчнаго союза», и именно съ «Иранскимъ государствомъ» *). Мы освобождались отъ «тягостей» владѣнія югомъ каспійскаго побережья, хотя то было и наслѣдіемъ Петра. Но главное — внесено было въ текстъ «нѣкоторое обязательство», обязательство Персіи дѣйствовать противъ турокъ, непріятеля за непріятеля имѣть и наоборотъ. Почему въ Петербургѣ главный расчетъ: Порта прочно занята на Востокѣ, слѣдовательно, беззащитна въ Европѣ. Сообщая 22 мая о передачѣ Баку Кулы-хану, о маршѣ нашихъ войскъ изъ Персіи на Донъ, Остерманъ предлагалъ Неплюеву приличнымъ образомъ объявить обо всемъ Портѣ и смотрѣть — «не поддастся ли случай, чтобъ Порта толь наипаче въ персидскую войну себя углубила и обязала»?

Но желанное вѣяніе не скоро могло достигнуть до береговъ Босфора, а между тѣмъ Порта все болѣе должна была чувствовать себя обездоленной.

Умеръ внезапно старый Ракоци, этотъ нѣкогда другъ царя Петра, а теперь дорогой таранъ у Порты противъ Австріи, которую, впрочемъ, и Петръ не выносилъ. «Съ четверга на пятницу, доносилъ Вѣшняковъ 1 апрѣля, кн. Рагоцкій кончилъ свою несчастливую и беззаконную жизнь, по краткихъ дняхъ болѣзни, возвышеніемъ желчи и имѣетъ быть здѣсь у пастырей своихъ,

*) П. С. З. Росс. И., № 6707. Ср. № 6648.

езуитовъ, погребенъ. Турки о немъ не мало сожалѣютъ, блазня себя его ковнями при случаѣ впредь мощи пользоваться» *).

Это неожиданное паденіе одного изъ устоевъ политики Порты въ Европѣ навело Вѣшнякова, съ одобренія Неплюева, на оригинальную мысль — почетно устранить и другой, болѣе значащій, устой, а для политики Россіи — помѣху.

Въ реляціи 30 апрѣля Вѣшняковъ доноситъ объ успѣшномъ началѣ «Боневалова христіанскаго войска». «Не можно, замѣчаетъ онъ, взирать безъ ужасныхъ того слѣдствій всему христіанству, а паче пограничнымъ державамъ», слѣд., и Россіи. Оба обсуждали, «какъ бы сему предусудительному прогрессу воспрепятствовать», и рѣшили не только попытаться удалить съ Босфора Боневаля, а съ нимъ еще двухъ французскихъ графовъ — ренегатовъ: Рамза и Морни: «бы то начало съ основанія само собою рушилось и ренегаты бы здѣсь въ недовѣрку и ненависть пришли, а янычарамъ внушеніе — сіе (т. е. войско на европейскій ладъ) на ихъ погибель заводится», но изъ Боневаля-Савла сдѣлать Павла. По мнѣнію Вѣшнякова, было бы хорошо Боневалю и тѣмъ двумъ графамъ дать «милостивое убѣжище» въ Россіи: «не соизволите ли свой покровъ и убѣжище для спасенія общаго блага повелѣть онымъ предложить, съ чиномъ полнаго генерала»? На отказъ онъ не расчитывалъ, такъ какъ Боневаль, по его словамъ, «зѣло кается, что безчастіе и французскій посолъ довели его до такой напасти и гораздо скучаетъ, будучи человѣкъ такъ великихъ качествъ и достоинствъ, находиться между такими барбарами и совершенно невѣдущими скотами» **). Въ Петербургѣ встрѣтили сочувственно предложеніе, но Боневаль и

---

*) Умеръ въ Родосто, 21 марта, «vieux et plein de jours». (Ephém. Daces, II, 66). Онъ у Дапонтеса «le roi de Hongrie». Во Франціи старикъ оставилъ 2 сыновей: Іосифа и Ивана, спасшихся бѣгствомъ изъ Австріи отъ милостиваго оскопленія (ib. 64). Ср. выше, стр. 91, прим.

**) О попыткѣ нашихъ босфорскихъ дипломатовъ переманить обоихъ помощниковъ Боневаля есть свѣдѣнія въ старомъ, прошлаго столѣтія, но серьезномъ историческомъ трудѣ, точнѣе, сборникѣ матеріаловъ: «Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode K. Peters des Grossen, 2 Th., Riga, 1777, 1784, именно, въ 2 ч., стр. 128—130. Авторъ этого богатаго содержаніемъ, и самымъ разнообразнымъ, труда—Christoph Schmidt, genannt Phiseldek. Свѣдѣнія статистическія весьма точныя, есть свѣдѣнія единичныя...

дальше остался Бонevалемъ, хотя въ промежуточные 3—4 мѣсяца былъ тайно за насъ.

Затѣмъ, гроза на Востокѣ предчувствовалась Портою сильнѣе и сильнѣе. Съ заботами о Польшѣ она покончила: она теперь только пронизировала. На одной изъ аудіенцій Вѣшнякова, 1 апрѣля, визирь «усмѣхнувся» спрашивалъ его: «какая-же сія польская воля и гдѣ есть та, которая имѣетъ быть столь сохранна и ненарушима, когда поляки такою силою принуждаются къ тому, къ чему знатно склонности не имѣютъ»? Всѣ помыслы у Порты устремлены въ Азію.

Правда, Кулы-ханъ готовъ былъ пойти на миръ, заключить договоръ и съ Портою, но съ непріемлемымъ для нея условіемъ — гарантіи третьей державы, т. е. Россіи. Но тогда же, 1-го апрѣля, доносилъ Вѣшняковъ, что Кулы-ханъ взялъ Тифлисъ и, вѣроятно, пойдетъ въ Месопотамію, Вавилонъ сдастся, а «ежели сіе да будетъ, тогда вся Азія возволнуетъ», и прибавляетъ: «весьма полезно, чтобъ Кулы-ханъ такое полезное дѣло начать наразумился — великую себѣ пользу отъ того получилъ бы безвредно».

Но предчувствуемая гроза смѣнилась ударомъ, который привелъ въ волненіе самого Неплюева отъ мысли—не погибнетъ ли вся его «стратежема» противъ Порты, столь долго имъ холенная, при политикѣ мѣрнаго, осторожнаго Остермана?

Уже въ 20-хъ числахъ апрѣля на Босфорѣ своими путями, но уже знали о трактатѣ 10-го марта и ужаснулись отъ добровольнаго возврата Россіей всѣхъ завоеваній Петра на Кавказѣ. Съ 25 апрѣля начались «тайныя соборища» у визиря, въ результатѣ коихъ была внезапная и дерзкая резолюція — послать задору, крымскаго хана, на Кавказъ для занятія уступленнаго Персіи Каспійскаго прибережья, заставившая самого Неплюева поставить вопросъ прямо: спѣшить въ Молдавію, въ Буджакъ, во что бы то ни было, ибо «въ крайней болѣзни крайніи ремедіи употребляются».

Этотъ нежданный моментъ вызвалъ самый живой обмѣнъ мыслей между Неплюевымъ и Остерманомъ.

«Не только в. с-ву, пишетъ посолъ Остерману 15-го мая, странна покажется, но и здѣшнему самому невѣжественному народу непонятна здѣшняго правленія незапная резолюція, яко осязательно имъ не во времени съ голыми руками за то браться.

На что иного не могу в. с-ву донести — когда сіе въ дѣйство производить будутъ, то — судьбамъ Вышняго отдать, который ожесточилъ сердце Фараоново и прославился о немъ и о всѣхъ вояхъ его, на Него же уповаемъ»

Неплюевъ обѣщаетъ всячески стараться отвратить Порту отъ резолюціи и что сдѣлали уже все, «что слабымъ нашимъ смысломъ къ лучшему понять могли». Но будетъ мало, тогда на подмогу долженъ выступить тотъ, кого Неплюевъ давно уже избралъ, какъ вершителя судебъ Турціи — «прутскаго самовидца». «Ежели нашихъ средствъ будетъ недовольно, то уповаемъ, что гр. Вейсбахъ тѣ недостатки навершитъ безъ дальностей однимъ движеніемъ и показаніемъ своей готовности, яко хану и Портѣ нужнѣе будетъ дому своего стеречь, нежели Дагистановъ (которыя своими называютъ, въ протекціи объявляютъ и того для хану съ 80 тыс. татаръ туда итти велятъ) искать, и, соединясь съ ними, Персію разорять, мѣстами, которыя отъ ея в-ва оставлены, владѣть, слѣд., на Каспійскомъ морѣ себя утвердить и Кулы-хана на желаемыхъ кондиціяхъ къ скорому миру принудить или, единовѣрные народы соединя, съ персіянами войну продолжать, а прочіи свои силы противъ ея в-ва и ея союзниковъ употребить». По мнѣнію посла, моментъ рѣшительный, особенно при надеждѣ еще турокъ «калмыковъ нашихъ къ себѣ привлечь». «Ежели они не будутъ оружіемъ отъ начатаго предвоспріятія удержаны, то, по человѣческимъ мѣрамъ, всего того достигнуть возмогутъ легко. Ежели ея в-во то имъ снесетъ, то сей осени еще въ польскія дѣла вмѣшаются и въ новый годъ (т. е. 1736) необходимая война».

Неплюевъ надѣется, что Вейсбахъ удержитъ турокъ, помимо ихъ расчетовъ на недосугъ Россіи за отсылкой войскъ на Рейнъ: всѣ ихъ европейскія границы обнажены. Но они свободны тѣмъ не менѣе свои войска заслать въ Азію, «а буде и Вейсбахъ не удержитъ, то ничто иное какъ судьбы Вышняго ихъ ослѣпляютъ». Но это движеніе, «хотябъ турки какъ сердились, нынѣшнее лѣто не могутъ, и нечѣмъ имъ ничего сдѣлать, потому намъ безъ рпзику то учинить можно». «Буде не удержимъ, въ волѣ ея в-ва останется, какъ съ ними, неготовыми и разслабленными, далѣе поступать» На поддержку себя Неплюевъ ссылается на одинаковый взглядъ голландскаго посла и на мнѣніе всѣхъ чужестранныхъ министровъ, кромѣ «непріятеля фран-

цузскаго и предателя аглинскаго посла», что они «настоящее турецкое намъ и другимъ министрамъ торжественное объявленіе за манифестъ, а ханскій походъ за разрывъ мира почитаютъ».

«Итакъ, милостивый государь мой, заключаетъ Неплюевъ свой марціальный призывъ, въ полной увѣренности на взаимное, наконецъ, сочувствіе Остермана, по всему видно, что хотябъ мы и изнесли нынѣ персіянъ, потерявъ что, въ будущій годъ война намъ съ турками необходима. Того ради не соизволитъ ли ея имп. в-во нынѣ какого корпуса въ Молдавію или въ Буджакъ ввести, а на Кубань послать козаковъ, чѣмъ персіянъ спасемъ, хана удержимъ или изъ похода возвратимъ» Но онъ не забываетъ и тенденцію на Невѣ къ миру и допускаетъ, что открытіе такихъ дѣйствій именно отвѣчаетъ этой тенденціи: «Порта, консидеровавъ тягостную войну съ Персіей, негоціаціею, не продолжая съ ея в-вомъ войны, всѣ дѣла окончить пожелаетъ, понеже и весь подлый народъ визиря винитъ и намъ правду отдаетъ».

«Хотя все сіе крайне ненадежно, однако въ крайней болѣзни крайніи ремедіи употребляются», напоминаніемъ этимъ завершаетъ свои мысли Неплюевъ.

Неплюевъ все первый резидентъ; но онъ все полубольной и на полу у дѣлъ. Дѣла вершилъ Вѣшняковъ подъ контролемъ его. Послушаемъ же отчетъ Вѣшнякова‑о его шагахъ по «резолюціи», его оффиціальное донесеніе, а не письмо, отъ того же 15 мая. Окажется, что въ послѣдніе дни мира самъ Боневаль на службѣ Россіи.

Вѣшняковъ указываетъ, что онъ сомнѣвался въ возможности той «резолюціи», такъ онъ былъ пораженъ. «Явно видно ихъ гиблющее состояніе, внутреннее и внѣшнее, какъ я имѣлъ честь 7 марта пространно описать, и какъ оно есть истинно таковое: безденежны, безлюдны, границы обнажены, а магазины готовые—провіанту, амуниціи и артиллеріи—почти безъ всякой сторожи; напротивъ, в. в-во во всякой готовности и въ близости съ такъ великими войсками и при самомъ окончаніи польскихъ дѣлъ. Сіи суть довольныя консидераціи къ страху — всю Молдавію и далѣе потерять, со всѣми магазинами». По словамъ его, «весь народъ видитъ, даже до послѣдняго мѣхоноши, громогласно кричатъ, что конецъ будетъ ихъ беззаконія, ежели таковое (т. е. движеніе хана) предвоспріимутъ», и самъ визирь, въ виду

тайныхъ «измѣнническихъ» сообщеній переводчика Порты «ищетъ способовъ противности отвращать и отъ другихъ также слышали, что онъ тому противенъ», т. е. противъ войны. «Итакъ, мнимъ быть какимъ визирскимъ кабаламъ, что онъ согласился на глупость муфтієву и прочихъ лежистовъ, а подъ рукою дѣйствуетъ, обманывая французовъ. Съ другой стороны консидеровали мы и то—не преуспѣли ли такъ далеко французы, что визирь, будучи въ отчаяніи спасенія, все про все ризикуетъ и предвосприиметъ подобное на погибель ихъ?»

Резидентъ склоненъ ко второму—къ риску, такъ какъ Порта могла соображать, что «другіе есть резоны, которые в. в-ву не дозволяютъ съ ними войну зачинать», именно — «колико для помощи римскому в-ву, толико будто и отъ боязни шведовъ, прусскаго короля и прочихъ химеръ неисчислимыхъ, какъ ихъ французы обуеваютъ, и для того такъ ымовѣрно увѣрились обнадеживаніямъ в. в-ва о истинномъ желаніи въ продолженіи съ ними дружбы и на томъ основаніи сію резолюцію приняли, во упованіи, что соизволите и сію продерзость имъ пропустить и безъ возмездія оставить».

Итакъ, финалъ тотъ-же, что у Неплюева: необходимо возмездіе, необходима война.

Изъ словъ Вѣшнякова мы видимъ, что на апрѣльскихъ «соборищахъ» первое слово принадлежало муфтію и лежистамъ, т. е. законникамъ духовнаго званія; все-же дѣлалось подъ управленіемъ Вильнева. Но изъ дальнѣйшаго замѣчанія: «яко слышимъ отъ голландскаго посла и Боневаля», ясно, что тайны о мѣрахъ Порты шли къ Неплюеву и Вѣшнякову не только «измѣнническимъ» путемъ, чрезъ переводчиковъ Порты, но и этимъ страннымъ каналомъ *).

Послѣ торжественнаго всѣмъ объявленія «резолюціи», Вѣшняковъ 13 мая потребовалъ аудіенціи у визиря для протеста по дѣлу, «отъ котораго покой обоихъ имперій зависитъ». Посолъ

*) По показанію Даноптеса, инціаторомъ резолюціи былъ самъ ханъ крымскій; поводъ къ ней, что и у Неплюева: просьбы изъ Дагистана о защитѣ по единовѣрію его независимости, а цѣль — сокрушить въ конецъ Персію — Ephémér. Daces, II, p. 5. Роль хана, въ виду всего его прошлаго, вполнѣ естественна и понятна — ср. наши обвиненія его еще въ ноябрѣ 1734 г., у насъ выше, стр. 88.

въ своемъ возраженіи указывалъ, что царь Петръ вступилъ въ Персію «сверхъ партикулярныхъ своихъ резоновъ, болѣе того ради, чтобъ Порта на берега Каспійскаго моря ноги не поставила, чего важные государственные имперіи интересы отнюдь не дозволяютъ, равномѣрно какъ Портѣ не безъ чювствія, ежелибъ какая другая изъ пограничныхъ державъ на Черномъ морѣ мѣста изъ Порты возъимѣла». Онъ объявилъ, что «до чегобъ ни дошло, а до того Порту не допустятъ, понеже высочайшіе интересы и нынѣ неотмѣнно настоятъ и ея в-во при тѣхъ же резонахъ и намѣреніяхъ твердо содержаться изволитъ и будетъ»; объявленіе о договорѣ 10 марта съ Персіей было сдѣлано не по должности, а по добротѣ — «угодность Портѣ показать для отнятія напрасныхъ подозрѣній», иначе, Россія все отберетъ назадъ. Ссылка турокъ на единовѣріе, на просьбы о султанской протекціи дагестанцевъ значенія не имѣетъ: «единовѣріе ни мало не есть право къ присвоенію не принадлежащихъ народовъ», и сильный доводъ на лицо: «многократно, говорилъ посолъ, жоржіанцы и армяна всенижайше просили ея и. в-во по единовѣрію ихъ оборонить и отъ Порты свободить, но ея в-во ни мало въ то не мѣшалась; только-же найудивительнѣе, что оную протекцію Порта хочетъ акордовать древнимъ россійской имперіи народамъ — Шахмалу и Усмѣю». «И по всѣмъ симъ резонамъ Порта нималаго права къ таковымъ претензіямъ чужимъ народамъ протекцію давать не имѣетъ»; иначе, Порта презираетъ дружбу, трактаты, и, подчеркнувъ, что ея в-во прохода татаръ чрезъ свои земли «ни по которому образу дозволить не возможетъ», Вѣшняковъ заключилъ свою рѣчь угрозой: «все то — неслыханное дѣло и онъ съ прискорбіемъ слышитъ такъ твердую его салтанова в-ва резолюцію; слѣдствія ему, визирю, самовидны». Но бесѣда продолжалась.

Визирь возразилъ, что султанъ апелируетъ ко всѣмъ дворамъ Европы, что онъ лично никогда «двояко не говоритъ, но какъ есть существо дѣла, и всему вышереченному быть непремѣнно». Тогда уже и резидентъ повысилъ тонъ. «Когда уже такъ, то и онъ пріемлетъ смѣлость объявить, яко министръ, именемъ ея в-ва, что ея в-во по высокой своей чести никогда того не снесетъ, чтобъ кто посторонній могъ силою къ землямъ ея войска приводить, а еще меньше — чрезъ нихъ силою проходить позволить, тогожъ еще наипаче, чтобъ кто въ ея под-

данныхъ вмѣшаться похотѣлъ протекціею или инаковымъ какимъ подобіемъ, ихъ и земель отлученіемъ, по соизволитъ принять всѣ мѣры, способы и данныя отъ Бога силы употребить — силу силою отвращать и всѣхъ своихъ вѣрныхъ, гдѣ бы какого народа, закона и качества ни были, оборонить и въ высокой своей власти содержать, отъ чего ея в-во никто воспретить не есть въ состояніи. Генералы при границахъ вездѣ безъ движенія не останутся, когда хана въ собраніи къ походу готова увидятъ, яко знаемаго непріятеля». Мы видѣли, «знаемый непріятель» и заварилъ все.

Бесѣда была у конца. «Напрасно болѣе словъ умножать, отвѣчалъ, сдерживая себя, но все гордо визирь; резолюція и указъ не отмѣненъ, диспозиціи приняты и ханъ итти имѣетъ. А что резидентъ упоминаетъ о сопротивленіи и движеніи генераловъ, развѣ съ обѣихъ сторонъ за честь похотятъ. Впрочемъ резидентъ вступаетъ въ ярость и высоко говорить почиваетъ; вѣдалъ бы, что и онъ высоко и твердо говорить умѣетъ, когда потребно; только что нынѣ до того не дошло».

Тутъ вмѣшался кехайя, заикнулся о польскихъ дѣлахъ, о татарской кротости, о русской жестокости. Но резидентъ молчалъ. «Видя ихъ всѣхъ въ огнѣ горящихъ, даже до самого визиря, краснѣвшагося, но умомъ преодолѣвающагося, которому послѣдуя противу обычайныхъ прочіе кричать не посмѣли».

Выходя Вѣшняковъ замѣтилъ визирю, что онъ не желаетъ быть «вмѣсто министромъ — мира повредителемъ, а матерія сей конференціи столь важна и трудна, что онъ не вѣдаетъ, какъ о ней перо въ руки взять».

Но уже на другой день визирь далъ знать, что онъ пишетъ самъ Остерману. Тогда же обо всемъ было Вѣшняковымъ сообщено Вейсбаху въ Кіевъ и Левашеву въ Персію.

Но какіе плоды принесла историческая конференція 13 мая, съ ея угрозами, раздраженіемъ? Одна трата словъ, по признанію обоихъ министровъ: визирь остался при «неотмѣнномъ намѣреніи въ резолюціи», слѣд., готовъ къ «дальнѣйшимъ претензіямъ».

«Нынѣ молчимъ, доносятъ они уже 19 мая, продолжая рѣчь о непреклонности Порты. Ежелибъ сіе вѣдали, тобъ и съ началу меньше говорили, яко по всему видно, что угрозами ихъ уже не отвратить». Они вынуждены были снова писать «самовидцу», Вейсбаху, прося «нужныя диспозиціи» на Украинѣ дѣлать, но

въ Польшѣ казаковъ къ границамъ Турціи не допускать и не стращать, «развѣ самыхъ легкихъ словъ о движеніи ханскомъ». Нужны не слова, а самое дѣло, и Вѣшняковъ, ссылаясь на сочувственное мнѣніе голландскаго посла, тогда какъ англійскій — «нашъ главный непріятель» — «во всемъ немалое участіе имѣетъ», заключаетъ донесеніе требованіемъ войны: это одно поддержитъ теперь и ихъ значеніе.

«Ежели в. в-во соизволите, полагалъ голландскій посолъ, дѣйствительную диверсію хану учинить вступленіемъ въ турецкія земли (по резолюціи визирь грозъ не послушаетъ) и тѣмъ свои права на Дагистанъ защитить и персіянъ спасти, тогда не безъ надежды будетъ не толико война съ авантажемъ продолжать, но и ожидать, что турки сами у в. в-ва о мирѣ просить будутъ. Въ противномъ случаѣ и намъ, и имъ болѣе турки вѣрить не будутъ въ нашихъ словахъ и протестаціяхъ, возгордятся, день отъ дня будутъ нападать, отнимать и, наконецъ, въ новый годъ всѣми силами дѣйствовать». На Австрію-де надежда плоха: «по истинѣ мало помощи ожидать можно, а еще потеряніемъ персіянъ в. в-ву тягостная война и цесарю бѣдственныя слѣдствія приключатся, яко вся Европа иную систему возъимѣть можетъ».

Какъ примѣръ грубаго высокомѣрія Порты уже теперь, Вѣшняковъ приводитъ сообщеніе австрійскаго резидента изъ словъ къ нему визиря и кехайи. Визирь-де «объявилъ съ большими расположеніями ихъ мечтаній и злости къ высокой сторонѣ в. в-ва, а наипаче кехайя, со многимъ злословіемъ и великимъ поношеніемъ имперіи и силъ, явно говоря точно сіи слова: Россія становится нынѣ быть зѣло несносна въ надеждѣ на аліанцію цесаря, безъ чегобъ толико никогда дерзать не посмѣла. Что-де она когда знатное сдѣлала? Припомнила-бы прежнія свои безсчастія, а паче Прутское дѣло имѣетъ имъ быть безпрестанно предъ глазами, а не возноситься. Къ тому же и начала своего не помнитъ, будто-бы древнее государство: а онъ знаетъ, что 60 лѣтъ назадъ была Россія токмо малое княженіе, а нынѣ цѣлыя царства присвоить хочетъ» *). Намекъ на Польшу.

*) Въ приложенномъ итальянскомъ протоколѣ конференціи цесар. посла у визиря слова стараго кехайи Османа изложены «въ генеральныхъ терминахъ», говоритъ Вѣшняковъ 22 мая, именно: «Il Kehaja del Vesiro con parlar altiero e risentito si espresse due à tre volte cont' i Russi, biosimando (!) il loro procedere co' Persiani ed anche in Polonia, acciò il Residente Cesareo non tralasciò di dare le adequate risposte». Османъ — кехайя уже въ 1710 г.

«Всѣ наши движенія и нашихъ пріятелей министровъ, тайныя и публичныя, къ препятствію—были, суть и будутъ бездѣйствительны, заключаетъ резидентъ свой отчетъ. Остается токмо единому в. в-ва произволенію и в. в-ва предовольнымъ силамъ всѣ ихъ предвосиріятія и мечтанія испровергнуть, яко всякіе другіе человѣческіе способы уже къ тому негодны — и тѣмъ въ ихъ дерзновеніи въ раскаяніе привесть, съ чаятельными въ надеждѣ на Всевышняго помощь великими надъ ними авантажами, чему они отъ европской стороны въ совершенномъ несостояніи нынѣ препятствовать, котораго мнѣнія и голландскій посолъ и цесарскій резидентъ». Онъ прибавляетъ, что англійскій посолъ «во всемъ не малое участіе имѣетъ», но шведскіе агенты (Гопкинъ и Карлсонъ) «живутъ тихо, не присмотряется отъ нихъ большихъ интригъ и почти никуда не ходятъ, опричь посла французскаго и Боневаля».

Уже 23 мая заявленное письмо визиря къ Остерману было на лицо и отправлено по назначенію. Но Неплюевъ не забылъ дать освѣщеніе ему, замѣтивъ отъ себя, что это не письмо, а «лучше сказать, манифестъ, гдѣ одни турецкіе обманы, коварство и жестокія угрозы».

На мѣстѣ, на Босфорѣ, оба наши резидента уже почти не сомнѣваются въ благополучномъ теперь исходѣ ихъ давняго ходатайства — силою укротить Порту и, готовясь къ неизбѣжнымъ личнымъ случайностямъ — «сакрификовать себя», заранѣе принимаютъ соотвѣтственныя мѣры.

Повторяя 24 мая о полномъ обнаженіи «европской» границы, Вѣшняковъ подчеркиваетъ, что турки всѣ въ ужасѣ и страхѣ, въ предвидѣніи своей гибели, что въ «такой ситуаціи сіе беззаконное правленіе никогда не бывало и вѣкъ не будетъ, ежели да какимъ счастіемъ они достойнаго имъ Божія гнѣва нынѣ еще убѣгнутъ». «Ежели, продолжаетъ онъ, да соизволите за сходное признать в. в-ва интересамъ давно заслуженное симъ варварамъ наказаніе ихъ безчисленныхъ продерзостей сего лѣта учинить — вступленіемъ въ Молдавію, взятіемъ безоборонныхъ магазиновъ (на Дунаѣ), тогда безсумнительно насъ въ заточеніе засадятъ или съ собою, по малой мѣрѣ, меня повезутъ, и тронутся къ Адріанополю. Въ такомъ случаѣ мы всячески будемъ искать способовъ къ доношеніямъ чрезъ шпіоновъ посылкою, или прямо, или къ нашимъ пріятелямъ—ежели,

паче чаянія, цесарскій резидентъ свободенъ останется, къ нему, или къ голландскому послу».

На этотъ разъ министры не ошиблись въ расчетѣ на Петербургъ; тамъ, наконецъ, нѣсколько болѣе вняли ихъ мольбамъ — требованіямъ.

Майскія донесенія были получены чрезъ Кіевъ въ Петербургѣ 14 іюня, и уже 16 было засѣданіе Кабинета.

Разсмотрѣвъ письма и реляціи Неплюева и Вѣшнякова, Кабинетъ разсуждалъ и прежде всего постановилъ относительно Персіи:

«И когда уже и безъ того съ турками война неминуема приходитъ, хану воспрепятствовать нельзя, русскія войска вышли изъ Персіи, того ради надлежитъ Тахтасъ-Кулы-хана отъ Россіи нынѣ диверзіею турковъ и татаръ съ другой стороны наикрѣпчайше обнадежить и утвердить, чтобъ онъ, надѣясь на то, дѣйства свои не ослабѣвая сильно продолжалъ».

По отношенію же къ Портѣ Кабинетъ, косвенно порицая вызывательный тонъ аудіенціи 13 мая, предположилъ политику «усыпленія»:

«Такія же обнадеживанія о содержаніи мира учинить, каковы отъ ней Россіи чинятся, въ умѣренныхъ краткихъ терминахъ объявить, что ежелибъ отъ татаръ какіе вѣчному миру противные поступки учинены были, то ея в-во надлежащія мѣры взять принуждена будетъ». Резидентъ можетъ ссылаться, но также кратко, на прежній трактатъ Порты съ Персіей, гдѣ рѣчь о дагистанскихъ народахъ, но «болѣе того о томъ себя не изъяснять, ниже какія сильныя декларацiи употреблять, дабы она чрезъ то къ наискорѣйшему противу Россіи вооруженію не побуждена, но паче въ нѣкоторомъ усыпленіи содержана была».

Что же касается самыхъ операцій, то для настоящаго года, по мнѣнію Кабинета, онѣ могли бы быть слѣдующія: Кулы-хана обнадежить поддержкой; по выступленіи хана въ Персію, учинить незапное нападеніе на Крымъ и Перекопъ и, ежели возможно, овладѣть полуостровомъ, а дѣло это поручить запорожцамъ и украинскимъ козакамъ, съ нѣсколькими полевыми и ландмилицкими полками, подъ общимъ наблюденіемъ гр. Вейсбаха,

т. е., избранника Неплюева. Между тѣмъ потребныя къ прямой войнѣ всѣ надлежащія предуготовленія учинить. Самъ Вейсбахъ, «собравъ сколько возможно регулярныя и нерегулярныя войска», имѣлъ изъ линіи *) выступить и на границахъ «во всякой готовности стоять». Если это не удержитъ татаръ, то, пропустивъ ихъ подальше внутрь Имперіи отойти, «экспедицію въ Крымъ дѣйствительно воспріять». Наконецъ, снарядивъ башкиръ, вмѣстѣ съ калмыками на Кубань ихъ послать для опустошеній и смотрѣть, нельзя ли будетъ еще осеннимъ временемъ Азовъ «формально осадить или чрезъ зиму окружить и въ блокадѣ содержать»; онъ безъ сикурсу, слѣд., можетъ легко сдаться.

«Симъ образомъ, разсуждалъ Кабинетъ, можно уповать, что Кулы-ханъ въ сильномъ продолженіи войны противъ турокъ утвердиться и, можетъ быть, отъ того сами принуждены будутъ на резонабельныхъ кондиціяхъ съ Россіею примиренія искать. Но понеже на то все положиться невозможно, того ради потребно, чтобъ къ сей турецкой войнѣ и къ сильнымъ дѣйствамъ себя какъ наискорѣе въ состояніе привесть, съ цесаремъ и королемъ польскимъ обо всемъ томъ благовременное сношеніе имѣть и формальный концертъ постановить».

Во взглядѣ на Австрію и Кабинетъ раздѣлялъ мнѣніе нашихъ резидентовъ на Босфорѣ — проку отъ нея мало, почему въ концѣ и сдѣлалъ оговорку: «отъ нихъ (т. е. Австріи и Польши) великаго вспоможенія ожидать не можно», но извиняя цесаря его войной съ Франціей, «ежели Англія и Голландія за него не вступятся». Тѣмъ не менѣе Кабинетъ полагалъ, «что потребно обо всѣхъ случаяхъ съ цесаремъ опредѣленіе учинить, какъ съ его стороны поступлено будетъ, какія мѣры

*) Это Украинская военная линія, устроенная Минихомъ въ 1733 г. Она шла по степямъ нашей южной границы, на В. отъ Днѣпра къ Дону, и состояла изъ ряда соединяющихся укрѣпленныхъ пунктовъ. Ср. выше о поселеніи здѣсь раскольщиковъ; но послѣдніе, при открытіи войны, сюда уже не были допускаемы. «Украинская линія, говоритъ Сенатъ 4 сент. 1735 г., сдѣлана и ландмилицкіе полки (въ родѣ австрійскихъ граничаръ) селятся на оной для обороны государственной отъ непріятеля, а отъ нихъ раскольниковъ не токмо обороны, но паче всякой противности опасаться надлежитъ». (П. С. З. Росс. И., № 6802). Ихъ много было за Днѣстромъ, въ Турціи; къ нимъ симпатіи Дона, что и было особенно опасно.

и диспозиціи въ Венгріи и во всемъ прочемъ отъ него предвосиріяты и учинены быть имѣютъ, якоже сіе нынѣшнее турецкое предвосиріятіе не меньше до его цесаря, какъ до российской опасности касается».

Мнѣніе это подписали Остерманъ, Павелъ Ягужинскій, Черкаскій, Ушаковъ, Головинъ, Петръ Шафировъ. Императрица утвердила: «быть по сему». Минихъ умирялъ тогда въ Польшѣ.

Для выигрыша времени, отвѣчающаго политикѣ «усыпленія», Остерманъ не спѣшилъ съ извѣщеніемъ Неплюева и Вѣшнякова о высочайше одобренномъ мнѣніи Кабинета. Рескриптъ состоялся только 8 іюля, т. е., черезъ три недѣли, и начался съ недоумѣнія и неодобренія, какъ и естественно было ожидать, нѣкоторыхъ воинственныхъ дѣйствій Неплюева и Вѣшнякова.

«Сія вѣдомость (т. е. майская резолюція о ханѣ) намъ весьма незапно пришла, понеже мы по толь многимъ вашимъ реляціямъ не надѣялись, чтобы Порта еще въ нынѣшнемъ году, при продолженіи у ней съ Персіей войны, на такіе явные къ нарушенію съ нами мира поступки поступить похотѣла, а съ другой стороны весьма желалибъ, чтобъ прежде совершеннаго окончанія польскихъ дѣлъ отъ полнаго разрыва съ турками по всякой возможности убѣгать». Въ виду же ускореннаго разрыва рескриптъ выражалъ неодобреніе резидентамъ за письмо къ Вейсбаху съ приглашеніемъ быть у турецкихъ границъ, такъ какъ этимъ можно лишь повредить умиротворенію Польши. «Для интересовъ нашихъ весьма потребно, чтобъ польскія дѣла прежде окончать, чтобъ мы все свое войско къ предбудущему году противъ турокъ употреблять могли», хотя Кабинетъ признавалъ «резольвованное опасное турецкое предвосиріятіе».

Передавъ содержаніе утвержденнаго мнѣнія Кабинета отъ 16 іюня, рескриптъ указывалъ, что министры могутъ усмотрѣть, «что мы Вейсбаху только противъ однихъ татаръ предвосиріятія учинить повелѣли, въ разсужденіи, понеже турки татарами сей свой разрывъ съ нами начинаютъ, то мы надъ татарами намѣрены сперва свое отмщеніе искать, не вступая еще съ турками самими въ явный разрывъ; либо турки, усмотря сіе, сами опамятуются и, не получа еще съ персидской стороны свободныя руки, за такое надъ татары отмщеніе въ войну не вступятъ. Однакожъ, понеже на все то положиться не возможно, того ради

чинятся еще и другіе сильные предуготовленія, не токмо къ собственной оборонѣ, но и къ другимъ наступательнымъ дѣйствамъ, ежелибъ конъюнктуры и случаи оныхъ необходимо требовали».

Такимъ образомъ, наступленіе на Бессарабію, Молдавію обѣщается только въ-передн и то весьма условно, вопреки давнему настоянію обоихъ резидентовъ.

Вопреки желанію съ Босфора, Остерманъ отвѣчалъ мирно, въ той же политикѣ усыпленія, и на воинственное майское письмо, а по терминологіи Неплюева, на манифестъ визиря. «А угрозительныхъ декларацій, продолжаетъ рескриптъ 8 іюля, въ томъ листѣ для того не употребляли, дабы Порта отъ того прежде времени не отревожена и къ какому скорѣйшему вооруженію противъ насъ побуждена не была, якоже наиглавнѣйшій интересъ нашъ въ томъ состоитъ, что ежели еще нынѣшнему году до какихъ дѣйствъ притти имѣетъ, тобъ турки въ оплошности остались и мыбъ потому на неготовыхъ наступить могли».

Въ томъ же духѣ, прибавимъ напередъ, были и всѣ послѣдующіе указы въ Константинополь—заботливо поддерживать у Порты обманъ, что о войнѣ у насъ нижѐ въ мысляхъ.

Итакъ, главный планъ — застать турокъ въ расплохъ, неготовыми. Логическое слѣдствіе отсюда — война должна была открыться безъ объявленія ея: война не война, а упроченіе - де вящей дружбы. Но и наши резиденты, вопреки ихъ ожиданію, не попали въ историческое заключеніе пословъ—семибашенный замокъ у Мраморнаго моря (Эдикулъ), въ его гнусное каменное подземелье — дыру во внутреннемъ дворѣ, оставались на свободѣ и продолжали свои обычныя негоціаціи, мирно и притворно толкуя о мирѣ и тогда, когда и дѣйствія начались, такъ что Неплюевъ могъ оставить свой Вавилонъ, уже осенью, при самой торжественной обстановкѣ. Но, очевидно, и Порта была притворно-мирно настроена, смотрѣла сквозь пальцы и показывала видъ проводимой. Шла такимъ образомъ долго и долго игра въ нехитрый взаимный обманъ.

Между тѣмъ политическія обстоятельства въ Европѣ сложились теперь прямо противъ Порты. Франція любовно помирилась съ Австріей и польскій вопросъ сошелъ со сцены. Кардиналъ Флери и правая рука императора Карла, Бартенштейнъ, мирно покончили дѣло Лещинскаго: членъ имперіи, герцогъ

Карлъ Лотарингскій за руку прекрасной старшей дочери Карла VI, Маріи Терезіи, уступалъ свою наслѣдственную землю, пока бездомному королю Станиславу, чтобы позже—Франціи *). 1 мая Станиславъ издалъ свой разрѣшающій отъ присяги манифестъ и чрезъ Берлинъ уѣхалъ въ свои новыя владѣнія. Не та была и Швеція: какъ ни стращала ее Франція Россіей—«nos ennemis communs», предстоящей гибелью Польши, но въ августѣ 1735 г. былъ обновленъ договоръ съ Россіей еще на 12 лѣтъ **). Но и дѣла въ Азіи, помимо политическаго обнаженія Турціи съ «европейской стороны», указывали ей туже политику дѣйствій—войны-невойны, политику «кротости», какъ называлъ ее позже Вѣшняковъ.

Еще рескриптъ 8 іюля, этотъ «партикулярный» манифестъ о войнѣ, не достигъ Босфора, но наши резиденты, сами отъ себя, дѣйствовали въ его притворно-мирномъ духѣ, безъ недавняго еще воинствованія.

Въ іюнѣ изъ своей лѣтней резиденціи въ Буюкъ-Дере Неплюевъ доносилъ, что на настойчивые запросы Порты, какъ поступитъ Россія, онъ лукаво отвѣчалъ одно: не знаю. «Все сіе въ томъ видѣ чинимъ, чтобъ ихъ разслабленныхъ и безоборонныхъ содержать, чтобъ способнѣе было ихъ укротить». Свои же мѣры они принимали, въ виду ихъ дѣйствительно сомнительнаго, «недовѣдомаго» положенія. «Мы намѣрены были, пишетъ Вѣшняковъ 14 іюня, по недовѣдомому нашему здѣсь состоянію письма наши изъ дому убрать и къ голландскому послу, яко къ единому вѣрному другу и въ безопасное мѣсто сослать. Того ради я за перепискою всѣхъ нашихъ архивъ сидѣлъ и, всѣ нужныя убравъ, къ нему зѣло тайнымъ образомъ все сослали, чѣмъ многаго непокойства отъ турецкаго варварства спаслись».

Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ основывали свои виды на успѣхахъ Кулы-хана противъ Турціи, на не ослабѣвающихъ его дѣйствахъ, на мѣстѣ, въ Персіи, блестящіе успѣхи шли въ

*) Извѣстно выраженіе Бартенштейна герцогу, когда тотъ колебался въ отреченіи: «Monseigneur, point de cession, point d'archiduchesse». Формально за обмѣнъ, столь выгодный для Франціи, герцогъ получилъ Тоскану въ Италіи.

**) Ср. Rousset, Recueil historique, XI, 392, 415; Büsching, Magazin, X, 51. Ср. Münnich, Memoiren, p. 110.

слѣдъ за нимъ, и наши резиденты, естественно, усиленно просятъ — не медлить на Югѣ, хотя и опасаться француза.

Въ концѣ іюня Неплюевъ доносилъ о побѣдѣ Кулы близь Ерiвани, почему-де и заторопили хана въ Крыму, «считая то за единое себѣ спасеніе, чтобы тѣмъ Кулы-хану диверсію учинить— не допустить разорить Туркоманій и Месопотамій». «При такомъ, всемилостивѣйшая государыня, благополучномъ случаѣ, взываетъ Неплюевъ 27 іюня, въ в. в-ва соизволеніи состоитъ надъ турками профитовать или, по малой мѣрѣ, гордость ихъ смирить, яко они при вступленіи в. в-ва войскъ хотя малаго корпуса въ ихъ землю принуждены будутъ у в. в-ва мира просить и авантажные кондиціи съ премѣною трактата (т. е. Прутскаго) аккордовать, ежели на конечную свою гибель не ослѣпнутъ. Государыня! Непріятель день и нощь умышляетъ на зло противу в. в-ва, ибо предъ полученіемъ упомянутой вѣдомости сочиняли проектъ для посылки въ Швецію о союзѣ противъ в. в-ва. Ежели такого непріятеля при полезномъ случаѣ не укротить и дать ему время къ поправленію, тогда не иного чего, развѣ вящихъ бѣдствъ отъ него ожидать надобно. Они неоднократно показали, что при всякомъ имъ хотя маломъ полезномъ случаѣ змѣиный свой ядъ изблевать готовы. Ежели в. в-ва соизволеніе будетъ, въ такомъ случаѣ, хотя-бъ паче чаянія и татаре за чѣмъ не пошли, можно законныя причины къ тому найти къ нимъ приплестися, ибо чаятельно есть, что Кулы-ханъ съ ними скоро мира не учинитъ, хотя бы они всѣ завоеванныя отъ Персіи мѣста возвратить предложили. Кольми-же паче онъ пожелаетъ углубить руки свои въ нихъ, ежели услышитъ, что в. в-ва оружіе употребится».

Новое пораженіе въ Персіи не могло не отозваться больно на самодержавной улицѣ на Босфорѣ, не могло не укрѣпить еще сильнѣе нашихъ резидентовъ въ убѣжденіи, что необходимо слѣдовать именно ихъ совѣтамъ, начать укрощеніе.

«Сего утра, доноситъ Неплюевъ Остерману 1 іюля, визирь сверженъ, назначенъ Мехметъ-паша, а болѣе распространять времени не имѣю и нужды нѣтъ, понеже разслабленное состояніе здѣшняго государства само собою видимо. Сія премѣна воспослѣдовала въ страхѣ отъ бунту и какъ чаятельно, что симъ могутъ спастись». Но не такъ лаконичень словоохотливый Вѣшняковъ въ своемъ оффиціальномъ донесеніи о первыхъ дняхъ

послѣ сверженія визиря: онъ пользуется минутой, чтобы опять напомнить — воевать и спѣшить съ этимъ.

«Всѣ, доноситъ онъ 11 іюля, упражняются болѣе о своемъ спасеніи и взгубленіи всякъ своихъ непріятелей мыслитъ, нежели объ общемъ благѣ. Таково есть, Государыня, настоящее здѣсь сущее анархическое смятеніе, которому зѣло малая надобна внѣшняя помощь, дабы всѣ сами себя и все ихъ беззаконіе за единъ разъ совершенно изпровергли и погубили. И кажется, что Всевышній къ тому все предустроилъ, лиша ихъ послѣднія надежды спасенію — сверженнаго визиря Али-паши, яко недостойнымъ такого великаго и давнаго ума и единаго токмо изъ всѣхъ истинное раченіе объ общемъ благѣ имѣвшаго, и в. в-ву въ волю отдалъ совершеннымъ ихъ всѣхъ ослѣпленіемъ». Жертва, думалось Вѣшнякову, сама идетъ на ножъ.

Но по обычаю Вѣшняковъ ссылается на тоже сужденіе и другихъ. «Такого мнѣнія суть всѣ безъ изъятія разсудительные люди, пріятели и непріятели наши, турки и христіяне». Онъ прибавляетъ, что если «в. в-ву толь злѣ и нетерпѣливо догрубляютъ», то вина Франціи съ Англіей, которыя разглашаютъ, что Россія безсильна предпринять что-либо противъ Порты, «показуя, что при войнѣ весь народъ противу в. в-ва возстанетъ и никогда до того не допуститъ, чтобы в. в-во привели Порту въ несостояніе в. в-ву противиться, яко единая токмо есть надежда къ обузданію россійскихъ силъ», т. е. она, Порта.

Въ августѣ «партикулярный» манифестъ былъ уже на Босфорѣ. Резиденты могли вздохнуть свободнѣе. Особенно пріятны должны были имъ дальнѣйшія извѣщенія, уже не объ одномъ только Вейсбахѣ, но о массѣ генераловъ, слѣд., прямая война. Уже 2-го августа Вѣшняковъ доносилъ объ устройствѣ тайной «безпрерывной» пересылкѣ съ Минихомъ и другими генералами «о здѣшнихъ подвигахъ и обращеніяхъ», и на первое время благодаря деньгамъ австрійскаго резидента. По согласно политикѣ усыпленія, что «миръ неразрывный до пацификаційнаго сейма», т. е. въ Польшѣ, онъ продолжаетъ предъ Портою твердить о мирѣ, что часть русскихъ войскъ изъ Польши отошла къ Рейну, другая домой. Не безъ душевнаго удовольствія онъ извѣщаетъ 20 августа, что турки все жалуются на него, что «я турокъ много раздражаю и всегда на упоръ во всемъ дѣла до крайности довожу, но лучше-бъ иногда какое и потѣшеніе ихъ

гордости показывать, ибо и то мнѣ разсуждать должно, что турки великіе имѣютъ силы, дабы ихъ отъ сна не взбудить».... Но Порта притворно сдерживала себя: ей уже въ половинѣ августа были небезъизвѣстны подозрительныя движенія на Сѣверѣ: «о твердости в. в-ва резолюціи, пишетъ Вѣшняковъ 20 августа, при Портѣ становится быть вѣроятно, яко уже о движеніи войскъ в. в-ва здѣсь вѣдомости имѣются».

Скрывать движенія болѣе нельзя, и резиденты старательно разглашаютъ о немъ даже среди улицы, но въ узкихъ предѣлахъ частныхъ отношеній Вейсбаха и крымскаго хана. Измучившійся дипломатъ, старый Неплюевъ, съ паспортомъ давно въ карманѣ, въ своей лебединой реляціи 3 сентября, наканунѣ вѣчной разлуки съ своимъ «воспинымъ гнѣздомъ», сообщаетъ: «здѣшнія гаданія всѣ вотще; генералы в. в-ва самымъ дѣломъ то увидятъ и дѣлу дѣломъ-же соотвѣтствовать будутъ, какъ отъ насъ всѣмъ министрамъ удобно знать дано и въ народъ сколько возможно внушено, что при движеніи хана въ Дагистанъ ген. Вейсбахъ имѣетъ въ области хана крымскаго вступить и для укрощенія и искорененія татарскихъ продерзостей непріятельски дѣйствовать».

Неплюевъ остался вѣренъ до конца своей убѣжденной ненависти къ «непріятелю роду христіанскаго». Онъ свое дѣло сдѣлалъ: Вавилонъ имѣетъ рухнуть, и онъ можетъ, наконецъ, спокойно его оставить, съ его «гиблющимъ состояніемъ». Не безъ удовольствія для него было и то, что Боневаль, эта крупная опора Порты и демоническій врагъ Россіи, потеряется, надѣялся онъ, скоро для Турціи. Уже въ августѣ полученъ былъ имъ указъ о «щедрой милости къ Боневалю, Рамзѣ и Морни», а голландскій посолъ будетъ-де ихъ склонять пойти въ Россію. Впрочемъ, по донесенію 3 сентября, «Боневаль при смерти и не чаютъ спасенія»; но сообщеніе было совсѣмъ невѣрное.

Мы видѣли, какъ недовольны были въ Петербургѣ, что ученикъ, не снесшись, замѣстилъ учителя, что «вмѣсто Неплюева при Портѣ въ дѣла вступилъ и оные отправляетъ». Но необходимости пришлось подчиниться и помириться на Вѣшняковѣ. Правда, все лѣто Неплюевъ помогалъ Вѣшнякову, хотя все полуздоровый; но къ концу лѣта онъ рѣшилъ проститься съ своимъ ненавистнымъ Босфоромъ. Уже 17 августа Неплюевъ имѣлъ отпускную аудіенцію у каймакана (замѣстителя визиря),

принялъ султанскую грамоту, письма къ Остерману, и тогда же, по просьбѣ его, были отпущены къ нему съ каторги двое плѣнныхъ невольника, «взятыхъ на Прутѣ»: Переяславля Рязанскаго помѣщикъ Логинъ Ларгинъ и дворцовый служитель Даніилъ Барышевъ. «Не видя здѣсь, писалъ онъ въ своей послѣдней реляціи, никакихъ движеній къ разрыву, уже получа отпускъ, пребывать мнѣ здѣсь невозможно; бытность мою безъ резона истолковали-бы, будто в. в-во отъ своей стороны дружбу съ ними нарушить намѣрены», т. е. планъ обнаружился бы. До того имя всегда энергическаго Неплюева стало символомъ вражды.

8 сентября Неплюевъ оставлялъ Босфоръ, т. е., въ томъ самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ, 14 лѣтъ назадъ, онъ прибылъ въ свой Вавилонъ на тяжелую работу для государства, на тяжелыя личныя испытанія. Кому озеро Лаче, но Неплюеву былъ не рѣдко плачъ... Въ день отъѣзда всѣ чужестранные министры обѣдали у Вѣшнякова, кромѣ одного — французскаго. Всѣ министры и провожали отъѣзжавшаго старшаго товарища до самыхъ адріанопольскихъ воротъ *). Изъ Измаила до Бендеръ черезъ Буд-

*) Неплюевъ отъѣзжалъ одинъ: жена и двое младшихъ дѣтей возвратились въ Россію еще въ 1733 г. вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ посломъ, кн. Щербатовымъ. Онъ оставилъ у Вѣшнякова старшаго сына Адріана, что въ 1745—1750 г. также резидентъ въ Константинополѣ, счетомъ третій. Въ одной изъ бумагъ Неплюева отъ 1731 года читаемъ: сынъ Андреянъ 19 лѣтъ; девять лѣтъ учился въ Голландіи, въ 1731 же году въ Парижѣ — да «постигнетъ свободныхъ училищъ, обычаевъ страны и людскости». (Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Тур. Дѣла, св. 32/в № 6). Мы видѣли, что Неплюевъ не разъ жаловался на скудость жалованья, что жилъ на мѣдный грошъ. Дѣйствительно, получалъ не много. Въ реестрѣ за 1734 г., т. е. за послѣдній годъ службы Неплюева, находимъ: «выдано ея и. в-ва жалованья на вторую треть сего 1734 г. резиденту Ив. Неплюеву, по примѣру и счету прежнихъ дачъ, за 1000 рублевъ 1626 левковъ; Вѣшнякову за 400 рублевъ — 650 левковъ», на весь же персоналъ — 3659 левковъ, т. е. въ треть около $2^1/_2$ тыс. рублей. Мы видѣли также, что Неплюевъ жаловался, что дорого стоитъ вывѣдочная и пріятельская служба; но дачи эти, въ отдѣльности, были не велики. Такъ, въ реестрѣ за 1735 годъ, подъ 30 іюня: «видѣлися резидующіе министры, г. контръ-адмиралъ Неплюевъ и надворный совѣтникъ Вѣшняковъ, съ извѣстнымъ пріятелемъ (очевидно, переводчикомъ Порты), при которомъ случаѣ подарено служителемъ 10 левковъ 20 паръ .... За сокровеніе тайны трудившимся 5 человѣкамъ въ отпискѣ секретныхъ писемъ—82 левка 20 паръ». (Тамъ же, св. 25/а № 3). Изъ тѣхъ же дачъ Неплюевъ покупалъ иногда диковинки для Двора,

жакъ — знаменитыя Аккерманскія степи — Неплюевъ ѣхалъ три

напр., каракатицъ, посылая ихъ при случаѣ съ курьерами. Не мало стоили посольскіе фестивалы; шли на нихъ особыя суммы, но, понятно, приходилось докладывать и хозяину. Вотъ описаніе одного фестивала у Неплюева: «Апрѣля 25 1728 г. отправилъ резидентъ Неплюевъ по указу его и. в-ва отъ 26 февраля публично банкетъ — обѣдъ и ужинъ, на коронацію его в-ва, на которомъ были чужестранные министры, а именно: венецкій Долфинъ, галанскій посолъ Калкунъ, цесарскій резидентъ Дирлингъ, французскій консоль Фонтонъ, который правитъ за министра. Всѣ оные были съ ихъ офицеры и переводчики и купцами и дамами — всѣхъ было за 4 столами 120 персонъ; при нихъ же служителей многое число. При томъ же случаѣ иллуминація была учинена, а именно — въ домѣ восковыми свѣчами, а на улицѣ, во дворѣ лампадами съ деревяннымъ масломъ. И яко таковая луминація не могла быть безъ позволенія отъ Порты, того ради отъ оной присланъ былъ 1 визирскій ага, которому данъ былъ мѣхъ горностаевой. Подряженъ 1 мастеръ дѣлать конфекты на 4 стола за обѣдомъ цѣлая перемѣна, а объ ужинѣ вмѣстѣ съѣстное состояли. Первой столъ, гдѣ министры и дамы сидѣли, въ 50 персонахъ.... Дано оному мастеру 600 левковъ. А были конфекты: по срединѣ перваго стола грота сахарная на 4 столпахъ витыхъ, своды сахарные; по угламъ на сводахъ четыре ангела; въ одной рукѣ каждый держалъ на полуаркѣ надписаніе по латински большими словами золотыми по сахару: вива Петръ Вторый императоръ всероссійскій. а на верху на сводахъ гроты учреждена была корона императорская з глобусомъ и со крестомъ по обычаю, а внизу между столбовъ въ гротѣ фортуна держала на одномъ скудѣ (!) вирши на латинскомъ языкѣ: Distichon. «Russia squalorem abijce, Petrus namque revixit. Et junior spondet secula beata Tibi. Aliud. Hic Petri soboles, nactus cum sanguine sertum. Este Heroe nepos semideus par Avo». — Музыкантомъ французскимъ пяти человѣкомъ, въ томъ числѣ два валторниста. которые и за обѣдомъ играли, 60 левковъ. Музыкантомъ и комедіантомъ турецкимъ, которые съ позволенія визирскаго взяты яко публичные — 47 левковъ 32 пары. Вина: токайское, шампанское, бургонское, мушкатъ кипрскій, флорентійское красное, дерено, эдемозель, олонское (эль? изъ ц. слав олъ). Табаку 3 ока курительнаго — 1 левкъ 35 паръ. — До луминаціи, на улицѣ, противъ воротъ. Убрано было до другой стороны лавромъ и дафніями, и шумихой, и на верху сдѣланы были хоры, гдѣ включенъ былъ фонарь большой съ свѣчами, на фонарѣ вдоль улицы на обѣ стороны были написаны гербы императорскіе и обвѣшаны были тѣ хоры лампадами зажженными съ масломъ. А отъ воротъ уличныхъ переулкомъ до воротъ дворныхъ была сдѣлана алея, по сторонамъ убрана была дафніями, а вверху обручи дугами, обвитые хлопчатою бумагою и роспестрены крашеною бумагою; подъ ними висѣли зажженныя лампады и шумиха....». (Тамъ же, Реестръ за 1728 годъ). — Наконецъ, прибавимъ, что въ 1733 году изъ Кіева былъ присланъ первый іеромонахъ для посольской церкви, Константинъ Політанскій, на мѣсто священника Златковича, вѣроятно, турецкаго серба.

дня. По письму его изъ Браславля (теперь Брацлавъ подольской губерніи), въ Буджакѣ «денегъ не давали, но по ордеру командующаго тутъ салтана трактовали харчемъ довольно и препровождали татаре честно, лучше турокъ», т е., чѣмъ какъ это было на пути до Измаила. Любопытны замѣтки Неплюева о Каушанахъ, теперь жалкомъ мѣстечкѣ, тогда столицѣ Буджака и татаръ. «Въ деревнѣ Каушанахъ, пишетъ онъ изъ польскаго Ягорлыка (на границѣ нын. подольской и херсонск. губ., у Днѣстра) 7 октября, въ 4 часахъ за Бендеромъ, находится Орликъ, гдѣ онъ со всею своею разбойническою станицею квартеру имѣетъ, состоящею во 100 или 150 человѣкахъ, а сказываютъ, что сего лѣта было при немъ тѣхъ бездѣльниковъ до 700 собрано, но разбѣжались, въ томъ числѣ и извѣстный козакъ Савва Чалый отъ него отложился и паки въ Польшу ретировался». Отъ Бендеръ до польской границы Неплюевъ ѣхалъ два дня, черезъ многія деревни, но называетъ онъ одни Дубосары *).

---

*) Путь шелъ на сѣверъ, по бессарабскому берегу Днѣстра, до Ягорлыка на другой сторонѣ, гдѣ начиналась Польша. Неназванныя деревни, вѣроятно, были: Варница, Чапраджи, Ботканы, Крыуляны и др. Раньше уже отмѣчена нами стародавность населенныхъ мѣстъ средней и сѣверной Бессарабіи, какъ отличительная черта этого высоко-историческаго нашего края: сегодняшнія села уже въ мѣстныхъ грамотахъ XV вѣка. Ср. нашу рецензію книги г. Житецкаго: «Очеркъ лит. исторіи малорус. нарѣчія», въ «Запискахъ Имп. Академіи Наукъ» 1892 г., отд. отт., стр. 27. Было бы весьма къ-стати составить по старымъ грамотамъ ономастиконъ селъ Бессарабіи и вообще топографическую номенклатуру края, хотя бы для исторіи южной части русскихъ славянъ. Здѣсь и Хотинъ—Хотѣнъ, Пересѣчено, Бѣлгородъ-Аккерманъ, Томарово-Рени, не говоря о Варницѣ, Единцахъ, Жабкѣ, Городищѣ, Ясскѣ и др. мѣстахъ. Отмѣтимъ и лѣвые притоки Прута къ Сѣверу: Раковецъ, Ракитна (граница наша съ Буковиною). Русская Буковина съ своею Сучавою была прямымъ продолженіемъ нашей Бессарабіи: сейчасъ тотъ же двойной характеръ этнографическій (малороссы и румыны) въ обоихъ краяхъ, и таже однообразная природа— лѣсистые отроги Карпатъ заполняютъ и Бессарабію и придаютъ ей особенную поэтическую прелесть синевой своихъ вершинъ — ландшафтъ, незнакомый остальной Россіи. Понятно, когда Бессарабія, чрезъ три съ небольшимъ десятка лѣтъ, сдѣлалась впервые для насъ театромъ военныхъ дѣйствій (при Петрѣ Великомъ мы быстро ее прошли, въ войну Неплюева при имп. Аннѣ только доходили до нея и лишь подъ конецъ едва коснулись ея сѣвернаго конца), гористый характеръ края представлялъ массу затрудненій при передвиженіи.

31 октября Неплюевъ былъ уже въ Васильковѣ, первомъ пунктѣ Россіи, и писалъ губернатору Шереметеву въ Кіевъ: «по полученнымъ мною вчерашняго числа письмамъ отъ фельдмаршала Миниха ясно и явно усмотрѣлъ, что между ея в. в-ва и Порты вѣчная дружба продолжается ненарушимо; того ради здѣшнимъ обывателямъ опасенія имѣть не для чего». Но политика вѣчной дружбы продолжалась и на Босфорѣ: турки кротки и безъ «укрощенія», хотя уже въ сентябрѣ заключили оборонительный союзъ съ Швеціей, и все битые въ Азіи отъ Тахмаса-Кулы; къ нему и пошелъ тогда-же крымскій ханъ—«какъ можно миръ заключить» (С.П. Вѣд. 1735 г., № 17).

«Внѣшнее ихъ состояніе, доносилъ Вѣшняковъ 27 сентября, съ извѣщеніемъ о новомъ уже визирѣ, Измаилѣ — посредственнаго-де ума, безъ знанія государственныхъ максимъ, по персидскимъ дѣламъ день отъ дня въ горьшее приходитъ и до крайняго отчаянія доводитъ, а помощи трудно. Могли-бы всѣми силами въ тѣ края двинуться, самъ султанъ и визирь, и тѣмъ безсумнѣнно Тахмасъ-хана къ миру принудить. Но учинить сего весьма опасаются, яко вѣдаютъ, колико в. в-ву нагрубили, дабы въ такомъ случаѣ на нихъ напасть не изволили».

Но по неволѣ кроткіе вотъ-вотъ готовы перемѣнить тонъ. Начинаетъ слышаться опять старое французское требованіе—помириться съ Персіей, «хотябъ съ уступкою своего», иначе — революція улицы, волненіе народа. Для избѣжанія послѣдняго «за необходимо нужно признается, продолжаетъ Вѣшняковъ, дабы султанъ и весь дворъ двинулись въ Адріанополь и, ежели не возможно будетъ обойтись, объявить и зачать войну съ в. в-вомъ, къ чему-де въ самое короткое время многія тысячи войска поголовно соберутъ, а причинъ будто къ зачатію много имѣютъ по нестерпѣливымъ Портѣ безчестіямъ, отъ страны россійской учиненнымъ, которая-де война долговременна быть не можетъ, но скоро миръ будетъ. Или Россія того попроситъ, или Порта, хотя съ нѣкоторою уступкою, но наконецъ миръ и покой съ обѣихъ сторонъ получится, который изъ худшихъ всегда есть лучше настоящаго безпокойства и близкой опасности къ крайнему разоренію или и погибели всей имперіи».

Такъ охотно разбирались турки—въ будущемъ. Но бѣда ихъ — непреклонность Кулы-хана на миръ, и они «приходятъ въ

отчаяніе и конецъ ихъ беззаконія предъусмотряютъ, яко выше помянутыя есть послѣднія мѣры къ ихъ спасенію». Но Вѣшняковъ, чтобы точнѣе быть освѣдомлену о послѣднихъ минутахъ конца Турціи, въ лицѣ новыхъ переводчиковъ стараго своего недоброжелателя, англійскаго посла, который вскорѣ имѣлъ смѣниться новымъ, «изъ торговыхъ людей», въ лицѣ Еракія и Антонія Пизанія, припасъ покладистыхъ для себя шпіоновъ, на случай войны, и смѣло и спокойно ожидалъ своей судьбы — при «коварномъ наружномъ молчаніи» злобствующаго врага, отъ сознанія-де своего безсилія, какъ онъ себѣ толковалъ.

«Не можно изрещи, пишетъ онъ 26 октября, коль велику варварскую злобу къ сторонѣ в. в-ва генерально правительство имѣетъ, которая, со всѣмъ ихъ коварнымъ молчаніемъ наружно, изъ очей ихъ видна; но гиблющее ихъ состояніе оную въ дѣйство произвести не допускаетъ и токмо перваго способнаго къ тому случая ожидаютъ — заключенія мира съ Тахмасъ-ханомъ. Единое токмо неимѣніе онаго ихъ въ сей кротости содержитъ, какъ здѣсь генерально весь свѣтъ говоритъ».

По поводу жалобъ переводчика Порты, что Россія «зѣло высоко себя содержитъ и ни мало не падаетъ случая чтобъ какъ къ ней пристать съ честью Порты дѣло зачать», Вѣшняковъ не безъ волненія, съ испугомъ замѣчаетъ, что «не льститъ ли себѣ Порта какимъ ожиданіемъ предложеній отъ стороны в. в-ва вступить въ какія негоціаціи о подновленіи трактата», т. е. Прутскаго, и перечисляетъ съ презрѣніемъ тѣ мелкія условія, которыми они «мнятъ в. в-во удовольствовать и всѣ ихъ неизреченныя продерзости, обиды и поношенія загладить». Эти условія были: согласіе («аккордованіе») на императорскій титулъ, оставленіе польскихъ дѣлъ, смѣна хана въ Крыму, уступка Кабарды, Кубань — граница, возвращеніе плѣнныхъ и «прочія нѣкоторыя малыя дѣла». «И сіе, восклицаетъ негодующій Вѣшняковъ, въ самой какой бѣдственной нуждѣ, — а отъ в. в-ва требовать примиренія (ихъ, турокъ) съ персіянами, ежели того сами не достигнутъ»! По его словамъ, турки объ этомъ примиреніи съ Кулыханомъ «всевозможное стараніе принимаютъ» и что послана командующему Ахмету-пашѣ полная мочь искать мира, на какихъ-бы кондиціяхъ ни было, не много сносныхъ, лишь-бъ съ исключеніемъ в. в-ва, что Порта «себѣ льститъ, что миръ возъимѣетъ,

токмо разсудительные люди всѣ тому не вѣрятъ» и что Эривань уже сдана даже Кулы-хану *).

При такомъ лицемѣрно кроткомъ, поддатливомъ поведеніи Порты прошло на Босфорѣ лѣто 1735 года.

Позднею осенью 1735 года Неплюевъ прибылъ, наконецъ, въ Петербургъ, а въ Константинополь тогда-же курьеры изъ Очакова и Крыма привезли вѣсти, что русскія войска перешли Донъ, идутъ на Кубань, а 80 тысячъ ихъ отъ Перекопа уже въ 19 часахъ.

Настоятельные совѣты Неплюева, дѣтища революціонной политики Петра, повторявшіеся изъ года въ годъ на пространствѣ многихъ лѣтъ, восторжествовали надъ временнымъ какъ будто охлажденіемъ къ недавнимъ преданіямъ и жгучимъ воспоминаніямъ. На дѣлѣ никакого охлажденія и въ Петербургѣ къ идеямъ Петра не было. Замѣтна была только крайняя осторожность, пока, наконецъ, и тамъ не приняли заключенія Неплюева—что, послѣ побѣды надъ Франціей въ Польшѣ, подошло время, «какого иногда во много сотъ лѣтъ не будетъ». Не только совѣты посла были приняты, но и рѣшили дѣйствовать быстро, хотя негласно, скрытно, разомъ въ двухъ точкахъ — у памятнаго Азова и въ Крыму. Добыча казалась легка: Неплюевъ, очевидецъ, постоянно твердилъ — Турція въ сильномъ, послѣднемъ разстройствѣ — издыхаетъ. «La Turquie moribonde», больная Турція на смертномъ одрѣ, это летучее слово стало слышаться тогда-же и у людей Запада. Но на подмогу Неплюева вышли и «нѣмцы». «Взбужденія отъ сна» турокъ никто не допускалъ...

Два видныхъ нѣмца (избранникъ Неплюева, «самовидецъ» нашего прутскаго несчастія, гр. Вейсбахъ, умеръ) должны были

*) Изложеніе событій съ 1721 по 1735 годъ, октябрь, сдѣлано по подлиннымъ документамъ, хранящимся въ Главн. Моск. Архивѣ Мин. Иностран. Дѣлъ, въ отдѣленіи «Турецкія дѣла», связки: 1721, 22/a № 7, 22/b № 12; 1722 23/c № 16; 1723 24/a № 5; 1726 27/b № 6; 1727 28/b № 6; 1728 29/a № 4, 29/c № 9; 1729 30/a № 6, 30/в № 7, 30/c № 13; 1730, 31/a № 3, № 4, 31/b № 6, № 7, № 8, 31/c № 3, № 13; 1731 32/a № 3, № 4, 32/b № 6, № 7, 32/c № 8; 1732 33/b № 7, № 8, № 9; 1733 34/b № 5, 34/c № 6, 34/d № 7; 1734 35/a № 3, 35/b № 5, 35/c № 6; 1735 25/a № 3, 36/a № 3, 36/b № 5, 36/d № 7, 36/e № 15.

теперь возмѣстить 1711 годъ — взять отместку за Прутъ и загнать турокъ въ степи «агарянскія», какъ выражался Петръ. И эти люди, не смотря на свое происхожденіе, близко понимали завѣтныя мысли Петра, духъ его политики и съ этой стороны, формально, были вполнѣ достойны своего назначенія и миссіи, которую они теперь принимали на себя. Иной вопросъ — отвѣчали ли они оба одинаково своими боевыми способностями?... Но это насъ не касается. И Минихъ, и Ласій (Lacy) были людьми той-же школы, того же духа, какъ и чисто русскіе — Неплюевъ, Вѣшняковъ, птенцы Петра.

Въ іюлѣ 1735 г., слѣд., сейчасъ послѣ рескрипта 8-го іюля, Минихъ получилъ приказаніе оставить Польшу, гдѣ мы, чтобы оборвать возвратъ вліянія Франціи, укрѣпляли на престолѣ свою саксонскую креатуру, т. е и здѣсь шли по стопамъ Петра, который, какъ доносилъ французскій агентъ, Кампедонъ, однажды такъ сказалъ ему: «мнѣ желательна Польша, какъ мостки, чтобы идти по нимъ на враговъ (je veux la Pologne comme une planche pour aller à mes ennemis)», имѣть въ своемъ распоряженіи. Согласно плану операцій, Минихъ имѣлъ теперь идти къ Азову, осадить и взять его. Уже въ первомъ пріемѣ Миниха просвѣчивалось воспоминаніе о намѣченныхъ Петромъ задачахъ. Минихъ отвѣчалъ, какъ могъ отвѣчать настоящій ученикъ изъ школы Петра: «повелѣніе объ Азовской осадѣ принимаю съ тѣмъ большею радостью, что уже давно, какъ вашему величеству извѣстно, я усердно желалъ покоренія этой крѣпости».

Но каково было впечатлѣніе въ Константинополѣ отъ недвусмысленныхъ извѣстій, привезенныхъ сѣверными курьерами — изъ Очакова и Крыма?

Остермана расчетъ—поразить турокъ неожиданностью удара, застать ихъ «неготовыми» — оправдался на-столько, что первое впечатлѣніе отъ тѣхъ извѣстій было ошеломляющимъ на Босфорѣ: тамъ наступила «великая алярма».

«29 октября, доносилъ Вѣшняковъ 1 ноября, между министрами Порты явилась великая констернація. Визирь у султана и потомъ съ прочими заперлись, экспедицію готовили, а въ одинъ часъ ночи голландскій посолъ присылалъ мнѣ билетъ, чтобы наутро рано я къ нему былъ, яко имѣетъ со мной говорить о самыхъ важныхъ дѣлахъ, меня касающихся». Вѣшняковъ посѣтилъ посла и прикинулся незнайкой.

«28-го въ вечеру, говорилъ посолъ, прибылъ къ Портѣ курьеръ въ 5 дней отъ Бендерскаго паши съ письмами отъ Очаковскаго отъ 21 октября, якобы по письмамъ изъ Крыму войски в. в-ва, съ одной стороны, перешедъ Донъ, въ Кубань вступили, съ другой иныя, въ числѣ 80 тыс., близъ Перекопа явились, отъ чего Порта въ великой опасности и для чего сіе — не понимаетъ». Посолъ просилъ дружески и откровенно ему объяснить дѣло.

Вѣшняковъ лукаво отвѣчалъ: «я никакого вѣдѣнія не имѣю, а ежели правда, то ино быть не можетъ, что мнѣ неудивительно, яко в. в-во, не могши продерзостей хана и татаръ болѣе изнести, не видя отъ Порты сатисфакціи, наконецъ изволили воспріять намѣреніе татарамъ отмездіе учинить, противу ихъ токмо свое оружіе обратить, а къ сторонѣ турецкой, уповаю и суще могу увѣрить, ничего предвоспріято не будетъ». Конечно, собесѣдникъ не удовольствовался и настаивалъ на сообщеніи «истиннаго намѣренія» императрицы относительно движенія войскъ, «дабы онъ могъ предупредить всякія крайности въ поступкахъ Порты и тогда себя къ вѣрно монаршескому служенію, въ пользу в. в-ва интересовъ, всячески представлять обѣщался, дая мнѣ совѣтъ, дабы я весьма опасно поступалъ и съ великою умѣренностью».

Но Вѣшняковъ остался при своемъ отвѣтѣ, а послѣ посѣтилъ и резидента Австріи, сообщилъ ему объ утренней бесѣдѣ.

«Около полудни, продолжаетъ Вѣшняковъ, отъ многихъ пріятелей извѣстились мы, что 29 прибылъ изъ Крыму отъ калги, по 11 дняхъ, мурза съ вѣдомостью, что войски явились въ 19 часахъ отъ Перекопа, а не-подалеку отъ него запорожскіе козаки разорили одну деревню, захватили женъ и дѣтей, и нѣсколько часовъ потомъ съ тою-же вѣдомостью прибылъ курьеръ отъ молдавскаго князя *). Все сіе подало причину великимъ суетамъ при Портѣ и держанію военнаго совѣта, гдѣ всѣхъ великій ужасъ объялъ».

Затѣмъ, явился къ Вѣшнякову переводчикъ Порты, съ за-

---

*) Калга-султанъ, замѣститель хана. Въ Яссахъ доживалъ уже послѣдніе дни князь Конст. Маврокордато: 5/16 ноября онъ и господарь Валахіи, Гр. Гика, помѣнялись княжествами, т. е. были возвращены на свои старыя мѣста. Гика былъ старѣе, опытнѣе, какъ князь въ Молдавіи уже раньше, слѣдов., нужнѣе теперь въ Яссахъ.

просомъ: «что сіе есть и въ какой видъ войска пришли»? Онъ прибавилъ, что это «знакъ, что Россія вознамѣрилась съ Портою въ войну вступить: къ той и она готова».

Вѣшняковъ повторилъ сцену, что у голландскаго посла. Онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, думаетъ, что для наказанія татаръ, но Порта «можетъ быть удостовѣрена, что противу ея ничего учинено не было и, безсумнительно, в. в-во на возобновленіе на резонабельныхъ кондиціяхъ съ Портою мира и лучшаго установленія дружбы охотно приступить изволите». Но переводчикъ возразилъ конфиденціально, что «при единомъ отмездіи дѣла не огорчатся; но когда в. в-во соизволите восхотѣть всю Крымію завоевать и удержать, то войнѣ быть необходимо и никто удержать не можетъ».

«Уповаю, заключалъ резидентъ отчетъ о первомъ историческомъ днѣ, всемилостивѣйшаго отпущенія, что я Портѣ невѣдѣніемъ отговаривался и несовершенно намѣреніе в. в-ва противъ татаръ дѣйствовать объявилъ, но токмо якобы мнѣніемъ моимъ, дабы въ началѣ мнѣ какого насилія не учинили и дабы ихъ не принудить на генеральное движеніе. Но и изъ того могутъ уразумѣть, что я не собою говорилъ».

Дѣйствительно, генеральнаго движенія не воспослѣдовало никакого: «нынѣ намѣреніе токмо оборонительно стоять», помимо отсылокъ въ Азовъ и Очаковъ. Въ концѣ же донесенія Вѣшняковъ возвращается къ своей излюбленной темѣ — о гибнущемъ состояніи Турціи. «Не могу изрещи, коль великая здѣсь между министрами констернація. Будучи обнажены, не знаютъ, за что взяться и что дѣлать? Всѣ мнятъ, что когда услышатъ дальнее, будутъ не безъ великихъ перемѣнъ. Визирь на бывшаго визиря уваляетъ. Уповательно, ежели не учинится народное замѣшательство, то поступятъ съ умѣренностію и на негоціацію придутъ, на что буду склонять, яко иного нечего дѣлать безъ совершенной погибели, которую предусмотряютъ, слѣдственно и со мною поступятъ. И примѣчается, что правленіе въ великой опасности отъ народа, что начали вѣдомости таить и утишать, якобы на татаръ вину возлагать, дабы имѣть случай послѣ — негоціаціи уповать. Господа послы обо мнѣ всячески добрыя оффиціи представляютъ, а что какъ будетъ, время покажетъ».

А время показало, что, вопреки чаяніямъ резидента, надъ нимъ никакого насилія не учинили, тѣмъ менѣе совершенной ги-

белью грозили, ни сейчасъ, ни позже: турки упорно все играли въ кротость. Игралъ въ кротость и недавно свирѣпый Боневаль, но увы! для Вѣшнякова уже недоступный. «Боневаль содержится тихо, жалуется резидентъ въ ноябрѣ; видя сіи времена, больнымъ дѣлается и свиданію быть нельзя», а оно было теперь такъ необходимо для сообщенія графу царской милости и подговора уйти въ Россію.

Но кроткіе, турки молча приготовлялись, и Вѣшняковъ, нѣсколько недоумѣвая предъ видимой тишиной, видитъ тѣмъ не менѣе залогъ успѣха въ одномъ — въ быстротѣ удара.

«Къ нашей сторонѣ и ко мнѣ особливо, доносилъ онъ 17 ноября, никакой злости не примѣчалось, по паче тишина была; одиакожъ пріуготовленіями спѣшили. Противу всякаго чаянія, по такой великой алярмѣ вдругъ все такъ утишилось и весь свѣтъ приводитъ въ недоумѣніе — что то было и что сіе есть, яко по толь великимъ движеніямъ, народнымъ шумамъ и осязательно ужасному безпокойству и страху всего правленія, нынѣ здѣсь все тихо. Министерство по малой мѣрѣ показуетъ себя покойна и никакихъ дальнихъ предвоспріятій, ни пріуготовленій не видно». Но резидентъ отмѣчаетъ. что въ народѣ твердая надежда на единодушный отпоръ всѣхъ татаръ: ногайскихъ, буджацкихъ, хотя тотъ же народъ-де не противъ смѣны хана въ Крыму, столь непріязненнаго Россіи, не противъ негоціаціи о спорныхъ дѣлахъ съ Россіей, а «въ самомъ крайнемъ случаѣ и за Азовъ не постоятъ». «Но все сіе, оговаривается Вѣшняковъ, токмо въ томъ положеніи, что в. в-во до самыхъ дальностей — взятіемъ Крыма — поступить не соизволите, и въ тотъ видъ народъ къ нашей сторонѣ не огорчаютъ, но болѣе татаръ винятъ» Но далѣе онъ сообщалъ о мѣрахъ: объ отсылкѣ 3 тыс. янычаръ въ Очаковъ, 2 тыс. пушкарей съ 8 барками пушекъ и муниціи, все это для Крыма и Азова, о сборахъ зимой въ провинціяхъ Европы. Еще раньше приняты мѣры на Западѣ — въ Боснѣ, гдѣ строились магазины, по указанію Боневаля.

Какой же выводъ изъ этой картины — съ одной стороны, странной тишины, даже какъ-будто готовности на миръ, сейчасъ-же послѣ «великаго алярма» и «народныхъ шумовъ», и, съ другой стороны, не кричащихъ, но постоянныхъ втихомолку военныхъ приготовленій, и даже въ отдаленной Боснѣ?

Не было вопроса, что Порта чувствовала себя застигнутою

въ расплохъ: слѣдов., намъ дѣйствовать надо сейчасъ, быстро, хотя и быть готовыми на все. На подмогу есть и Австрія.

«Но наконецъ, заключаетъ Вѣшняковъ, паки доношу, что здѣшнее спасеніе зависитъ отъ дѣйствъ в. в-ва: ежели начнутся, тогда все правленіе испровергнется; можетъ быть, что султана безъ бунту свергнутъ. Но ежели Крымъ потеряютъ и мира съ персіянами не получатъ, тогда безъ того (т. е. безъ бунта) не будетъ. Сіи суть главные пункты здѣшней опасности и чего всячески стараются избѣгнуть». Но главный пунктъ — потеря Крыма. «Въ семъ же случаѣ не могутъ инако сдѣлать, чтобъ все про все не ризиковать, т. е. формальную войну противъ в. в-ва зачать, яко всѣ до подлости (т. е. черни, улицы) разумѣютъ, что и Константинополь тогда не далекъ отъ погибели будетъ»

Наоборотъ, Порта, сознавая свое опасное положеніе, все тянула мирную ноту, для выигрыша времени. Уже на другой день послѣ донесенія, 18 ноября, визирь мирно-лукаво спрашивалъ резидента: «что это за набѣгъ запорожскихъ козаковъ на Крымъ, для чего приготовленія на Дону — не для войны-ли»? Визирь увѣрялъ, что «Порта твердо желаетъ содержать миръ».

Но обратимся къ «дѣйствамъ» на Сѣверѣ, въ Степи, теперь вершителѣ судебъ: да или нѣтъ?... Съ одинаково лихорадочнымъ, но противуположнымъ, чувствомъ внимали имъ, слѣдили за ними на берегу изумруднаго Босфора и нетерпѣливый русскій резидентъ, и хитрая Порта. Что будетъ съ Крыміей, съ владѣніями исконнаго злаго задиры, крымскаго хана, собственнаго виновника открывавшихся военныхъ дѣйствій? Безъ Крыма, по словамъ Вѣшнякова, дѣло еще могло бы быть легко улажено, мирно. А Крымъ, это — послѣдняя станція къ самому Константинополю: изъ-за него турки пойдутъ на все, не остановятся предъ послѣдними мѣрами *).

Война, счетомъ третья турецкая, открывалась втихомолку, безъ объявленія. Помимо желанія застать турокъ «въ оплошности», увѣренность въ полной побѣдѣ, подъ топъ напѣ-

*) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д.—Тур. дѣла, 1735 г., Реляціи Вѣшнякова, св. 36/d № 7. Для библіографіи крымской политики отмѣтимъ, что папскій агентъ въ Московіи, извѣстный Юрій Крижаничъ, рекомый «панславистъ», уже составлялъ планъ завоеванія полуострова («Извѣстія Инст. кн. Безбородки», XVI, ст. проф. Бережкова).

вовъ Неплюева и Вѣшнякова, сказывалась уже въ этомъ. Но эта увѣренность, во всей своей ширатѣ, обнаруживается въ грандіозномъ планѣ, составленномъ Минихомъ: турокъ болѣе нѣтъ въ Европѣ и русская императрица вѣнчается въ Константинополѣ.

Самъ Минихъ, горячій, самонадѣянный, прямой антиподъ своему боевому товарищу, скромному, дѣловитому Ласи, вполнѣ вѣрилъ въ осуществимость своего плана; но смѣлый планъ его однако гармонировалъ и съ убѣжденіями такого опытнаго и осторожнаго дипломата, какъ Неплюевъ, не говоря уже о Вѣшняковѣ. Не напрасно же Неплюевъ, сообщенія котораго отрывками помѣщались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1734 и 1735 г., былъ принятъ при Дворѣ съ особеннымъ почетомъ. 11 дек. 1735 г. газета извѣщала, что прибылъ Неплюевъ, «который для чрезвычайнаго своего искусства въ статскихъ дѣлахъ находился въ великомъ почтеніи», «что на сихъ дняхъ былъ онъ впервые по своемъ возвращеніи при Дворѣ и подалъ ея в-ву данную ему отъ Порты грамоту, при чемъ ея в-во изволила его милостиво принять и допустить къ рукѣ» *). По точному, нѣмецкому, расчету Миниха, для достиженія тѣхъ послѣднихъ цѣлей потребуется ровно четыре года войны — не раньше, но не позже того мы въ столицѣ Турціи, а турки по ту сторону Босфора, и отъ недавняго Вавилона одна память. Конечно, при такихъ вѣщаніяхъ обыкновенно забывается, что легко только сказка сказывается...

Армія готовилась къ походу на Крымъ, чтобы открыть тамъ «огненное крещеніе», какъ называли этотъ походъ позже турки, когда весной 1736 года Минихъ изъ Царицынки отправляетъ своему пріятелю, могущественному любимцу императрицы, Бирону, въ Петербургъ любопытный военно-политическій эскизъ.

«Пусть императрица, писалъ самоувѣренно Минихъ Бирону,

---

*) Ср. 1731, № 102: «Изъ Константинополя, 3 іюня. Здѣсь запрещено подъ страхомъ наказанія, чтобъ о войнѣ съ Персіею ничего не говорить. Такожде и иностранные министры о подлинномъ состояніи тамошнихъ дѣлъ увѣдомиться не могутъ».—1735, № 5: «Война между Портою и Персіею чѣмъ далѣе, тѣмъ кровопролитнѣе становится; грузинскіе князья соединились съ Кулы-ханомъ и совершенно намѣрены либо турокъ къ новой баталіи принудить, либо далѣе въ турецкія земли итти и тамошнія важнѣйшія крѣпости отчасти осадить, отчасти блокадою обложить, а отчасти до основанія разорить».

не безпокоится объ арміи, ввѣренной мнѣ. Я поведу ее осмотрительно и храбро, къ удачѣ и славѣ. Но если императрица желаетъ знать общій планъ войны, то вотъ онъ.

На 1736 годъ: Азовъ будетъ нашъ; мы станемъ господами Дона, Донца, Перекопа, владѣній Ногайскихъ между Дономъ и Днѣпромъ по Черному морю, а, можетъ быть, и самый Крымъ будетъ намъ принадлежать.

На 1737 годъ: подчиняется весь Крымъ, Кубань, пріобрѣтается Кабарда *), императрица — владычица на Азовскомъ морѣ и гирлъ между Крымомъ и Кубанью.

На 1738 годъ: подчиняются безъ малѣйшаго риска Бѣлгородская и Буджацкая орды по ту сторону Днѣстра **), Молдавія и Валахія, которыя стонутъ подъ игомъ («gemut sub jugo», изъ словаря Петра взято) турокъ; спасаются и греки подъ крылья русскаго орла.

---

*) Петръ Великій, умирая, требовалъ отъ посылаемаго въ Турцію Румянцева свѣдѣній: армяне далеко ли отъ Грузіи? Далеко ли живутъ христіане отъ Кубани? Вообще о состояніи и силѣ грузинъ и армянъ.

**) «Au dela du Dnepr» въ подлинникѣ. Но не только въ 30-хъ годахъ, но и въ 70-хъ, напр., въ протоколахъ Государственнаго Совѣта имп. Екатерины II, нерѣдко смѣшиваются названія Днѣпръ и Днѣстръ. Вообще географія была еще слаба въ XVIII стол. не только у поляковъ (въ чемъ упрекаютъ ихъ современные польскіе историки), но и у насъ. Аккерманъ въ эпоху Неплюева, слѣдов., не только въ XVII, но и въ XVIII в., правильно назывался своимъ старымъ, славянскимъ именемъ — Бѣлгородъ: турки лишь перевели это имя, какъ греки — Λευκόπολις, румыны — Четате Алба. Ногаи еще въ началѣ XIX ст. составляли главное поселеніе Буджака, т. е. южной, степной части Бессарабіи, отсюда у турокъ они — Буджакли, т. е. люди изъ Буджака. Румынскій элементъ проникалъ лишь въ среднюю Бессарабію; сѣверная часть, какъ и сегодня, чисто русская. Эти русскіе—автохтоны Бессарабіи и были въ своемъ управленіи внѣ связи съ Молдавіей, образуя область вѣдѣнія паши въ Хотинѣ или райю, отсюда и прозвище ихъ райляне, райцы. Въ сосѣдней австрійской Буковинѣ, какъ замѣчено выше, тѣже русскіе и таже историческая судьба — формировали изъ себя румынъ, о каковомъ перерожденіи усиленно заботится теперь австрійское правительство, при помощи современныхъ средствъ: церкви, школы, управленія. Не хотя, и мы дѣйствовали въ томъ же австрійскомъ направленіи: мы, напримѣръ, всѣ мѣстныя названія на — овцы легализовали на — оуцы (Микоуцы, Широуцы); но для Буковины еще сохранили названіе Черновцы, а не Черноуцы. Издѣвочное прозвище для тѣхъ малорусовъ сѣв. Бессарабіи чесноковцы (массою разводятъ и осенью развозятъ для продажи чеснокъ); но въ нашемъ просторѣчіи также — чеснокоуцы.

На 1739 годъ: знамена и штандарты ея в-ва водружаются... гдѣ?—въ Константинополѣ. Въ первой, старѣйшей греко-христіанской церкви, въ знаменитой св. Софіи, ея в-во вѣнчается, какъ греческая императрица, и даетъ миръ... кому? — міру безъ предѣловъ, нѣтъ — народамъ безъ числа. Какая слава, какая повелительница! Кто спроситъ тогда—кому подобаетъ императорскій титулъ? Тому-ли, кто вѣнчанъ и мпропомазанъ во Франкфуртѣ, или той, кто въ Стамбулѣ»?*).

Объ этихъ смѣлыхъ политическихъ планахъ — грезахъ нельзя не сказать, что въ нихъ ярко просвѣчиваются воспоминанія объ идеяхъ молодаго царя Петра. Стоитъ только припомнить привѣтъ, при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, старца-епископа Льва Юрлова. Полонъ радости, у гроба, старикъ перебираетъ юныя воспоминанія изъ своей придворной жизни и говоритъ: «чаемъ, въ грядущемъ яко преславится мысль великаго Петра, въ юныхъ еще годахъ моихъ, въ бытность мою пажомъ царицы Мареы, возвѣщавшаяся овогда, паче же въ веселомъ видѣ, яко подобаетъ православные христіаны отъ плѣненія поганскаго освободить и Станбулъ покорити подъ нозѣ и православные народы соединити во едино стадо» **). Но не непонимали этихъ грезъ Миниха и на Босфорѣ: Вѣшняковъ осенью 1735 г. писалъ ясно, что на взглядъ всѣхъ турокъ, до послѣдняго гамала, противъ Россіи надо ставить на карту все, иначе «и Константинополь не далекъ отъ погибели». Но Минихъ былъ мнѣнія, что ему не только было по силамъ

*) Архивъ кн. Воронцова, II, 509—510. Дорогое изданіе — одинъ изъ важныхъ источниковъ для исторіи XVIII вѣка: для сокращенія его будемъ обозначать: Арх. Вор. Во Франкфуртѣ вѣнчались Габсбурги цесарской короной Германіи или такъ наз. Священной Римской имперіи. — Мысль Миниха о міродержавной судьбѣ Россіи нашла поэтическое выраженіе у Лермонтова, въ величественной строфѣ:

«Смирись, черкесъ! И Западъ и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной»!
(Измаилъ-бей).

Изъ новѣйшихъ писателей Запада отчасти тѣже мысли у Токвиля Ср. B. von Kállay, Die Orientpolitik Russlands, Budapest, 1878, 113, пр. 1. Иначе старые французы, см. Zinkeisen въ «Histor. Taschenbuch» Раумера, III.

**) Рус. Архивъ, 1868, 1063—64

ихъ осуществить, но уже и осуществлялъ ихъ, да помѣшали непредвидѣнныя, посторонія обстоятельства — цесарь съ своей Австріей, а то все шло какъ по писанному, точно, по его эскизу.

Минихъ, любопытный типъ честолюбиваго солдата еще изъ бурнаго XVII вѣка, подавая въ глубокой старости, уже импер. Екатеринѣ II, прошеніе объ отставкѣ (въ 1767 году), не забываетъ въ немъ и своихъ прерванныхъ стамбульскихъ подвиговъ. «Сія съ турками и татарами война, пишетъ онъ, продолжалась до 739 г. съ такимъ же счастливымъ успѣхомъ и такъ, что взялъ я славный городъ и крѣпость Очаковъ, потомъ взялъ городъ Хотинъ, побилъ турецкихъ и татарскихъ войскъ близъ Ставучанъ великое число и, перешедъ черезъ рѣку Прутъ, вступилъ въ гор. Яссы, въ столицу Молдавскаго господаря и привелъ всю Молдавію въ подданство Россійской имперіи. Бендеры не взяты только по причинѣ заключеннаго съ турками у Римскаго цесаря несчастливаго мирнаго трактата... Итакъ, я въ силу присланнаго ко мнѣ имяннаго указа принужденъ былъ съ арміей возвратиться въ Россію, бывъ въ немалой печали, что при толь щастливыхъ нашей сторонѣ успѣхахъ, по причинѣ упомянутаго мирнаго трактата, не можно было турокъ изъ ихъ столичнаго города Константинополя выгнать вонъ, на что требовалось время немногое, потому что крымскіе татары о вступленіи въ подданство публикованные отъ меня въ ихъ земли манифесты охотно приняли и намѣрены были для капитуляціи прислать отъ себя коммиссаровъ» *).

Наивность Миниха въ объясненіи обстоятельствъ, помѣшавшихъ вѣнчанію императрицы Анны въ «столичномъ городѣ», извиняется и состояніемъ картографіи въ Европѣ того времени. На картахъ XVIII вѣка (напр., карта походовъ Миниха, изданная Петерб. Акад. Наукъ въ 1737 г.: «Theatrum belli ad Borysthenem, Tyram et Danubium fluv...») Крымскій полуостровъ вытянутъ въ трубку, опускающуюся далеко ниже половины Чернаго моря; южная конечность его на одной высотѣ съ устьемъ Дуная, а отъ этого пункта до Константинополя на югъ ближе, чѣмъ до Аккермана на сѣверъ **). Но обращаемся къ дѣлу.

---

*) Арх. Вор., II, 518—519.

**) Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и карта миниховыхъ походовъ, приложенная къ «Запискамъ» Манштейна (Ліонъ, 1772),

Честь изгнанія турокъ ровно въ четыре пріема или «градуса», какъ говорилось тогда, Минихъ долженъ былъ подѣлить съ другимъ «нѣмцемъ», Ласи, своимъ всегда соперникомъ.

Таковы были первыя поэтическія предположенія, надежды. А суровая дѣйствительность?...

Минихъ едва началъ осаду Азова, какъ былъ отозванъ къ днѣпровской арміи, назначенной для Крыма. Въ Азовъ отправленъ Ласи. Онъ находился тогда въ Вѣнѣ на побывкѣ и оттуда позднею зимой, въ февралѣ 1736 г., прямо проѣхалъ къ Азову, оставивъ въ Чехіи свой корпусъ, возвращавшійся на родину

и карта Турціи у аббата Laugier въ его «Histoire des negociations pour la paix conclue à Belgrade», Paris, 1768, въ началѣ перваго тома, не лучше. Конечно, еще смѣшнѣе карты знаменитаго Homann'а изъ 2-ой $1/2$ XVII вѣка, напр., «Danubii cum adiacentibus terris.. novissima tabula», Norimbergae: тамъ изъ Валахіи рукой подать въ Константинополь, а Днѣстръ, Бугъ текутъ горизонтально и совсѣмъ одинъ подлѣ другаго. Но изъ мѣстныхъ городовъ и селъ карта отмѣчаетъ правильно: Kilia Stary, Kilia Novi, Akierman-Biollogrod, Palankow, Teckina-Bender, Koczubi y Kuialich'a (Одесса), даже Oczacow. Очаковъ у турокъ Озу, вѣроятно, въ связи съ именемъ половцевъ.— Узъ. Но откуда русское имя? Г. Леграндъ указываетъ древне-греческое Ἀξιάκη («Ephém. Daces», II, 28). Возможная и — любопытная связь. Крайне примитивныя свѣдѣнія изъ картографіи Юга обнаружили художники, рѣзавшіе, по порученію импер. Екатерины II, изящныя медали въ память о присоединеніи Крыма и хозяйственной дѣятельности Потемкина на Югѣ. Въ первой медали: «слѣдствіе мира», фигура Крымскаго полуострова невозможна. Но еще неправильнѣе карта Юга на второй медали: «степи населилъ. устроилъ». Здѣсь Азовское море не соединяется съ Чернымъ. Одесская бухта въ видѣ большаго залива; теченіе Днѣстра коротко, и у Бендеръ рѣка дѣлаетъ небывалый уголъ; Аккерманъ въ сторонѣ отъ Лимана. Довольно точные снимки отдѣльныхъ мѣстностей нашего Юга принадлежатъ уже последнимъ десятилѣтіямъ XVIII в., нашихъ и французскихъ инженеровъ, и хранятся въ Архивѣ нашего Глав. Штаба. (См. докладъ А. Л. Бертье-Делагарда въ Од. Общ. ист. и древн., Записки Общества, т. XIX). Первая обстоятельная карта всего черноморскаго побережья, отъ Крыма до устья Днѣстра, сдѣлана въ 1791 году Деволантомъ. (См. В. Григоровичъ: «Записка о пособіяхъ къ изученію южнорусской земли», Одесса, 1876 г.). Есть свѣдѣнія, что старый Кантемиръ, Дмитрій, въ бытность господаремъ, составилъ обстоятельную карту Молдавіи. Въ виду ея полноты, изв. французскій историкъ — этнографъ XVIII стол., акад. d'Anville, найдя ее у Антіоха Кантемира въ Парижѣ, получилъ дозволеніе скопировать. См. статью того академика: «Sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace de Trajan» въ «Mémoires de l'Académie des inscriptions», t. XXX, Paris, 1764.

изъ южной Германіи, въ виду заключенія мира у Австріи съ Франціей осенью 1735 г. *) Надежды на легкіе лавры оказались тотчасъ же ошибочными; но это не помѣшало самоувѣренному Миниху, не видя еще Крыма, поспѣшить съ запросомъ въ Петербургъ: «если крымская экспедиція окончится благополучно, то плѣнныхъ христіанъ, которыхъ тамъ считаютъ до 20 тысячъ, куда прикажете отвозить для поселенія»?... Мы въ Крыму— не только не были, мы его и не увидѣли.

Еще Минихъ только что прибылъ въ Полтаву, какъ ген. Леонтьевъ, согласно общему плану 16 іюня и мыслямъ «прутскаго самовидца», только что скончавшагося гр. Вейсбаха, съ арміей въ 28 тыс. человѣкъ, въ началѣ октября 1735 г. спѣшилъ въ Крымъ, чтобы, воспользовавшись отсутствіемъ хана и его ордъ, ушедшихъ въ Дагистанъ, сразу же покончить съ этимъ надоѣвшимъ гнѣздомъ — надъ татарами сперва свое отмщеніе искать, говоря словами Остермана.

Въ началѣ дѣйствія были удачны: кочевья ногаевъ были уничтожены безъ пощады, а въ добычу досталась масса скота, особенно овецъ. Но торопливый походъ въ такое необычное время, какъ осень, въ страну, которая была совершенно неизвѣстна (отъ чумаковъ узнавали, что впереди нѣтъ ни лѣсу, ни воды), скоро далъ себя тяжело чувствовать. Холодныя ночи, недостатокъ подножнаго корма произвели страшную смертность въ арміи, такъ что, по словамъ Манштейна, не проходило, наконецъ, дня безъ страшной убыли въ людяхъ и лошадяхъ. Съ массой больныхъ Леонтьевъ едва дошелъ до Каменнаго Затона (лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Сѣчи) и воротился назадъ. «Эта экспедиція, говоритъ Манштейнъ, стоила болѣе 9 тыс. человѣкъ и не принесла ни малѣйшей пользы». Треть арміи погибла.

Увертюра «отмщенія» окончилась печально. Въ Петербургѣ были озадачены, такъ какъ планъ осенняго, слѣд. неожиданнаго, удара на безоборонный Крымъ считали неуязвимымъ (immanquable). Еще 25 сентября С.-Петерб. Вѣдомости помѣстили извѣстіе съ Дуная отъ 4 сентября, что «пошелъ Крымскій ханъ съ великою партіей татаръ къ границамъ Георгіи (Грузіи). Онъ получилъ отъ Порты указъ, чтобъ съ Кулы-ханомъ какъ можно миръ заключить. Но Кулы-ханъ пребываетъ въ своемъ

*) См. Дневникъ Ласи въ указ. «Mémoires sur la guerre des Turcs», 58.

намѣреніи непремѣнно — внутрь турецкой монархіи пройти и прежде мира не заключить, пока она всѣхъ отъ Персидскаго государства отнятыхъ провинцій не возвратитъ». Слѣд.—свобода.

У союзника Кулы — полный успѣхъ, грузинскіе князья съ нимъ соединились, а мы — съ одной потерею. Теперь вся надежда была на Миниха, обширный планъ котораго былъ расчитанъ на такія грандіозныя послѣдствія, и также несомнѣнныя, какъ и крымскій планъ Вейсбаха и Леонтьева, надежда вообще на 1736 годъ, при горячемъ участіи побѣдоноснаго Кулы, посольство отъ котораго ожидалось въ началѣ будущаго года, и при подмогѣ, въ силу союза, и Австріи, цесаря Карла VI. Но не менѣе озадаченъ былъ на Босфорѣ тотъ, кто такъ подвигалъ насъ на войну, кто такъ упорно, настойчиво соблазнялъ насъ несомнѣннымъ и легкимъ успѣхомъ, впрочемъ, озадаченъ на первое время...

Тяжело было въ Петербургѣ отъ первыхъ «дѣйствъ», съ столь печальнымъ, плачевнымъ исходомъ: вмѣсто отмщенія, гибели Крыма — гибель своего войска. Но тяжело было отъ фатальной увертюры и Вѣшнякову, съ его горячей, убѣжденной вѣрой въ несомнѣнные лавры Россіи и сейчасъ-же гибель Турціи, который только и ожидалъ — что вотъ, вотъ появится «свѣтозарная» заря новой жизни для Востока Европы.

Изъ Полтавы въ октябрѣ 1735 г. Минихъ извѣщалъ Вѣшнякова о движеніи Леонтьева на Крымъ. Тотъ въ восторгѣ. Повторивъ свое старое, что у турокъ все скверно, какъ никогда, онъ, въ отвѣтѣ генералу отъ 6 ноября, писалъ: «уповательно, хотя малое какое придетъ знатно безчастіе, весьма вся имперія оттоманская при крайней гибели; да благословитъ Всевышній оружіе и сохранитъ в. с-во отъ варварства умышленій на вашу персону, по ехидному зломыслію и наущенію французскому, какъ слышу, въ отмездіе Данцика наставляютъ *). О себѣ же что будетъ, не вѣдаю. Соизволите приказать зѣло опаснымъ быть при границахъ, яко молдавскій князь — наигоршій нашъ злодѣй, посылаетъ и посылать имѣетъ многихъ шпіоновъ **).

*) Рѣчь о какомъ-то покушеніи на Миниха.

**) Дѣлая эту аттестацію господарю Молдавіи, которая захватывала тогда середину нашей Бессарабіи, слѣд., касалась и Днѣстра, Вѣшняковъ имѣлъ въ виду не стараго своего знакомца, Гику, а Конст.

Слышу, что Порта хочетъ ко Двору посылать министра, чему буду стараться препятствовать, сколько возмогу; но когда не превозмогу, предварю желаніе ихъ, дабы время продолжить и ихъ отъ генеральныхъ движеній удержать».

Вѣшняковъ, для успѣха дѣла, готовъ всячески парализовать Порту. Упоенный своей страстной мечтой, онъ не хочетъ вѣрить тяжелой дѣйствительности, но свѣдѣнія о которой у него лишь по слухамъ, и онъ истолковываетъ ее въ свою пользу. Онъ сообщаетъ Миниху, что въ народѣ идутъ слухи о возвращеніи русскихъ войскъ изъ Крыма: устрашились-де татаръ и снѣговъ. Такъ и было на дѣлѣ: мы видѣли, ранніе холода и сдѣлали много бѣды. Но Вѣшняковъ всему этому не вѣритъ: «спокойность ихъ знаменуетъ, что они объ истинѣ всего достовѣрно извѣстны, которая къ безмѣрной славѣ ея в-ва имени, на пораженіе здѣшней варварской гордости, свѣтозарно видна будетъ». Едва ли онъ здѣсь хитрилъ, а истина эта заключалась, по его разумѣнію, въ томъ, что, какъ пишетъ онъ далѣе Миниху, «в. с-во къ Перекопу итти приказали и въ границы турецкія вступили едино въ томъ видѣ, дабы хана изъ похода возвратить (т. е. изъ Кавказа) и собранія татарскія разсыпать, а затѣмъ вспять въ границы возвратиться».

Но истина безъ прикрасы скоро выяснилась и предъ Вѣшняковымъ, и ему оставалось одно — скорбь о жестокомъ разочарованіи: первое дѣйство и—такое дурное предзнаменованіе...

«Внутренняя вражда турокъ къ в. в-ву неизречена, пишетъ онъ ко Двору 15-го декабря съ извѣстіемъ о паденіи визиря Измаила, а паче — досада и пораженіе ихъ гордости возвращеніемъ хана имъ толь чувственно быть имѣетъ». Этимъ предположеніемъ въ началѣ онъ искуственно и неловко прикрываетъ нашъ первый «чувственный» неуспѣхъ; но далѣе, хотя и въ сдержанной и неуклюжей формѣ, идетъ уже скорбное признаніе неудачи.

«Всѣ умные люди здѣсь и рачительные славы в. в-ва,

Маврокордата, героя указ. Хроники Дапонтеса (у насъ стр. 96), ибо только 5/16 ноября 1735 г. оба брата, Гика и Маврокордато, были, какъ замѣчено уже выше, смѣщены и возвращены каждый во-свояси: Гика въ Яссы, Маврокордато въ Букарештъ («Ephémér. Daces», II, p. XLVIII). Впрочемъ, одинъ грекъ стоилъ другаго. Ср. у насъ Приложенія, V, о Гикѣ.

между которыми и я, сожалѣемъ, что нынѣ ехидное татарское сѣмя совсѣмъ искоренить, по настоящимъ конъюнктурамъ, в. в-ва прозорливость не допустила, яко бы тѣмъ путемъ все здѣшнее беззаконное сонмище поколебалось и при самой бы крайности отчаянія или къ совершенной погибели половинными къ тому силами былобъ приведено — по возможности тогда поразить все здѣшнее гнѣздо, о чемъ здѣсь много опасались, и невѣдущіе другихъ обстоятельствъ турокъ приписуютъ къ безсилію, а разумные — къ какимъ другимъ мѣрамъ въ предоставленное признаютъ дѣло, еже Всевышній да совершитъ».

Естественно, оставалась, какъ и въ Петербургѣ, надежда на будущее, на недовѣдомые планы — «другія мѣры». Она и свѣтится въ заключительныхъ сообщеніяхъ той-же реляціи 15-го декабря. Недавнее испытаніе скоро у Вѣшнякова забылось.

«На прошедшей недѣлѣ, продолжаетъ Вѣшняковъ, прибыло сюда трекратно нѣсколько татаръ, слышно, яко-бъ съ прошеніемъ — отъ Порты помощи и охраненія отъ силъ в. в-ва къ будущей веснѣ, опасаясь своего разоренія, которое будто нынѣ токмо едиными холодомъ и снѣгами препятствовалось — невозможностью къ походу арміи, и якобы Порта имъ обѣщала будущей кампаніи во всемъ довольство показать». Въ самомъ дѣлѣ, какъ не надѣяться на «совершеніе», когда передъ нимъ, очевидцемъ, одна все картина на Босфорѣ — картина общаго и несомнѣннаго «гиблющаго состоянія» гнѣзда, когда все уже здѣсь «въ послѣднемъ отчаяніи»?...

«Боязнь и самый ужасъ, доноситъ резидентъ черезъ двѣ недѣли, 30 декабря, заканчивая свой первый министерскій годъ, день отъ дня прирастаетъ — по получаемымъ извѣстіямъ отъ границъ нашихъ и персидскихъ». Такъ, воротившіеся изъ Крыма посланцы подтвердили о «великомъ множествѣ приготовленій къ формальной войнѣ — въ будущую весну Порту атаковать или, по малой мѣрѣ, Крымъ завоевать и прочихъ всѣхъ татаръ разорить», что сами татаре «въ неизреченномъ ужасѣ и помощи требуютъ, безъ чего стращаютъ, что всѣ отъ Порты отложатся и другія протекціи искать будутъ лучше, нежели погибнуть», т. е. протекціи Россіи.

Но особенно этотъ страхъ предъ наступающими послѣдними днями «гнѣзда» виденъ, думалось Вѣшнякову, въ принимаемыхъ мѣрахъ обороны: къ оборонѣ уже призываются всѣ, во имя Маго

мета. По его словамъ, изготовлены указы ко всѣмъ пашамъ, въ Европѣ и Азіи, «дабы всякій, елико возможетъ, къ началу будущей весны былъ готовъ поголовно», что «не имѣютъ сему всѣ отрекаться еще и по магометанству, но долженствуютъ ревнительно для сохраненія вѣры и отечества всякъ быть въ готовности, понеже яко-бъ сей случай не меньшій есть, что токмо спасенія или погибели всея Оттоманской имперіи касается». Изъ одного только снисхожденія резидентъ говорилъ какъ-то переводчику Порты: «ежели Порта пожелаетъ всѣ происшедшія разнствія разсмотрѣть и, оконча оныя, дружбу возобновить на лучшихъ и взаимнополезныхъ основаніяхъ, в. в-во не соизволите отринуть никакихъ добрыхъ и справедливыхъ къ тому мѣръ, на что имѣю в. в-ва повелѣніе — отъ Порты выслушать и на доношеніе принять».

Но какъ ни великъ здѣсь страхъ, какъ ни соблазнительна мысль видѣть всѣхъ татаръ подъ «другой протекціей», но не безъ страха и поголовное поднятіе всѣхъ турокъ во имя вѣры, а первая проба приблизиться къ «гнѣзду» была такъ печальна, и—самъ Вѣшняковъ готовъ оставить «дальности», готовъ опуститься на почву выяснившихся отношеній, т. е. удовольствоваться хотя немногимъ, напримѣръ, Азовомъ, безъ «погибели всея Оттоманской имперіи». «Мое слабѣйшее мнѣніе пріемлю дерзновеніе представить», говоритъ онъ въ заключеніе реляціи 30 декабря,и именно: «ежели суще соизволите въ наказаніе ихъ продерзостей что противу ихъ предвоспріять — дабы прежде собранія ихъ совершиться могло, яко тогда (т. е. раньше поголовнаго подъема) можно съ ними ути посидетись (кто чѣмъ владѣетъ) хлопотать; ежели да объ Азовѣ, мнятъ, что здѣсь до дальностей не дойдетъ».

Совѣтъ былъ вполнѣ практическій. Но вмѣстѣ съ этимъ Вѣшняковъ спѣшитъ все же успокоить предъ перспективой священной войны, такъ какъ она — оружіе обоюдуострое, и скорѣе всего турки будутъ желать все покончить спѣшными переговорами, слѣдов., предъ небольшою уступкою не остановятся. «А хотя-бъ, продолжаетъ онъ свое мнѣніе, и поползнулись, то не суть таковой опасности, ибо отъ страха одного необходимо тогда нужнымъ быть волненіямъ, премѣнамъ желавца не найдется, и всѣ сами себѣ погибелію больше служить будутъ. Ибо, еще ничего не видя, нынѣ у всѣхъ голова въ кругъ идетъ. А преж-

де нежели до чего дойдетъ, чаятельно, ухватятся за негоціацію безсумнительно, ибо, какъ я призналъ изъ рѣчей переводчика Порты, ему весьма пріятно было мое о томъ предложеніе, потому, можетъ быть, визирь меня и призоветъ», т. е., чтобы начать негоціацію, переговоры объ условіяхъ мира.

Визирь, между тѣмъ, былъ уже новый (Сеидинъ-Магометъ), неизвѣстный: «будемъ ожидать, пишетъ резидентъ, что отъ него родится». Но предъ настроеннымъ на извѣстный ладъ старымъ наблюдателемъ открывалась одна лишь старая картина — страхъ, послѣднее отчаяніе, слѣдовательно, возможность выполненія дорогихъ надеждъ, развѣ одно новое, это — что возобновилась теперь у Порты «учащательная практика» съ Боневалемъ, что графъ — сила, орудующая всѣмъ. Такъ неудачно кончилась у Вѣшнякова попытка переманить къ себѣ врага. Резидентъ вѣрно отмѣтилъ факты, но не подозрѣвалъ, что именно Боневаль въ эту критическую минуту застигнутыхъ въ расплохъ турокъ и былъ спасителемъ Турціи, настоявъ на оборонительномъ планѣ дѣйствій противъ Россіи, не разбрасываться и выжидать, приберегая силы для Запада, такъ какъ за спиною Россіи есть еще «римское величество», союзница-Австрія, которая, какъ прибалканская сосѣдка, и опаснѣе, и интереснѣе. Что она скажетъ въ виду открывшейся войны? Порта своевременно про себя отвѣтила на этотъ вопросъ, въ смыслѣ участія и цесаря. Обстоятельства минуты не ускользнули отъ вниманія Вѣшнякова, но и не были имъ правильно поняты, надлежаще, неторопливо оцѣнены. Отсюда-то одна картина Турціи — «гибель», она «на краю бездны», тогда какъ дѣйствительность показала иное — нашу неподготовленность не только для такого грандіознаго дѣла, какъ полное снесеніе Турціи, о чемъ говорили, во что вѣровали всѣ, кромѣ Остермана, но и для дѣла болѣе скромнаго — для сокращенія Турціи въ Европѣ, для созданія новыхъ политическихъ отношеній на Югѣ, у моря, и на ея собственной территоріи, какъ тоже дѣло общаго снесенія Турціи представлялъ себѣ холодный, прозаическій Остерманъ, не думавшій ни о Стамбулѣ, ни о вѣнчаніи въ св. Софіи, а о послѣдовательныхъ, неторопливыхъ, со ступеньки на ступеньку шагахъ политики Россіи по Восточному вопросу, какъ это мы увидимъ ниже. Живучесть Турецкаго міра провела всѣхъ, и Турція вышла изъ критическаго положенія, послѣ тяжкаго недуга, освѣженной, усиленной.

«Порта въ недовѣркѣ противу насъ, пишетъ Вѣшняковъ Миниху 17 января 1736 года; но правительство въ опасности— большая опасность уже не объ Азовѣ, который почти отчаяваютъ, но разоренія всего Крыма и татаръ опасаются». Считая все Турцію на краю несомнѣнной гибели, резидентъ съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ и точно имъ обозначаемую принятую систему дѣйствій, что наступленія опасаться нечего, что рѣшено ограничиться одною оборонительной войной: крупныя силы идутъ къ Очакову, чтобы защитить Крымъ, и только небольшіе отряды прикроютъ Молдавію, отъ Бендеръ до Хотина. Очевидно, намъ надо наступать — «прежде собранія», до поднятія всѣхъ турокъ во имя вѣры. На его оптимистическій взглядъ -пока положеніе Турціи отчаянное: ни генераловъ, ни солдатъ, ни денегъ — одни воры. «Все, доносилъ Вѣшняковъ 17-же января ко Двору, въ крайней конфузіи находится и по мнѣйшемъ какомъ либо чювственномъ упадкѣ все само собою сіе беззаконіе найдется при краѣ бездны и, воистинно, толико единымъ преданіемъ прежнихъ ихъ злоключеній страхъ отъ нихъ въ умѣ ихъ состоитъ, яко турки нынѣ всѣ иной натуры: колико прежде были воодушевлены духомъ славы и свирѣпости, толико нынѣ малодушія и страха сами наполнены. Потому генерально всѣ якобы предчувствуютъ и предусмотряютъ конецъ ихъ беззаконнаго собранія. Да сподобитъ Всевышній ваше в-во въ безсмертную славу оное искоренить, вслѣдствіе чего ихъ намѣренія, предуготовленія мѣсяца за два предварить какимъ знатнымъ дѣломъ. Тогда-бъ на нихъ толь великій пришелъ оторопъ, что-бъ бунтъ за бунтомъ воспослѣдовалъ, и отъ страха не узнали что дѣлать, и спасенія себѣ въ высокой в. в-ва милости развѣ искать стали».

Для придачи бо́льшей рѣшимости спѣшить съ наступленіемъ, и именно по направленію за Дунай, Вѣшняковъ указываетъ новыя соблазнительныя перспективы, которыя теперь яснѣе и яснѣе открывались предъ нимъ на Босфорѣ, о которыхъ онъ если уже и раньше сообщалъ, то лишь въ общихъ очертаніяхъ.

Въ донесеніи отъ 25 января онъ подтверждаетъ, что въ самомъ Крыму есть люди, которые желаютъ отложенія и присоединенія прямо къ Россіи, и что одна надежда у турокъ — Франція, что при посредствѣ ея «въ генеральную европскую негоціацію турки включены быть имѣютъ» — т. е., будутъ введены подъ защиту международнаго права Европы. Но Крымъ

не все: главное — насъ, нашего наступленія, ждутъ-не дождутся на Дунаѣ и за — молдаване, валахи и другіе христіане.

«О валахахъ и молдаванахъ, пишетъ резидентъ 13 февраля, Порта вѣдаетъ, что при появленіи малыхъ войскъ обѣ сіи націи немедленно поднимутся, будучи въ крайнемъ разореніи отъ турокъ, а паче отъ князя *). Они сего нестерпѣливо ожидаютъ, какъ я здѣсь отъ разныхъ слышу и письма вижу, и молю, да благословитъ Всевышній всемудрѣйшіе в. в-ва виды и даруетъ надъ супостаты счастливую побѣду».

Еще настойчивѣе на туже тему—о живыхъ симпатіяхъ къ намъ христіанъ, за исключеніемъ вражьяго греческаго гнѣзда на Золотомъ Рогѣ, Фанара, рѣчь ведетъ Вѣшняковъ 14 февраля. «Разсуждаютъ (т. е. турки) и о подданныхъ своихъ христіанахъ, о которыхъ знаютъ, что генерально слабость ихъ признавать и отъ варварства ихъ скучать почипаютъ. И сего ради, ежели-бъ, паче ихъ чаянія, в. в-во съ силами своими изволили двинуться и хотя мало къ границамъ ихъ приблизиться, опасаются, чтобъ всѣ не повставали, яко между греками, выключая князей волоскаго и молдавскаго и множества здѣсь фанарскихъ, т. е. константинопольскихъ жителей, духовныхъ и мірскихъ партій, оныхъ слѣдующихъ, отъ большей части бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣютъ, едино токмо ихъ злому интересу слѣдующіе и паши ненавистники, злѣе самихъ турокъ **). Другіе-же, хотя малая часть (т. е., внѣ Фанара), а въ провинціяхъ греки, а паче булгары, волохи и молдаване и прочіе всѣ толь пекутся о спасеніи ихъ отъ сего тиранства, и столь великой склонности къ единому россійскому имени, что въ первомъ случаѣ животовъ своихъ ризиковать не пожалѣютъ для в. в-ва, яко уповаемую ихъ избавительницу — еже всѣ турки знаютъ и для того стараются народъ вѣрить заставить о великихъ своихъ силахъ и что заставятъ русскихъ, подобно Прутскому, у нихъ мира просить. Но всякъ сіе уничтожаетъ даже до подлыхъ

---

*) Т. е. каждая отъ своихъ господарей: Гики и К. Маврокордата.

**) Ср. у насъ выше, стр. 44, о «гречанахъ». Изложеніе спутано, но мысль ясна. Классическая характеристика членовъ Фанара: «наши ненавистники, злѣе самихъ турокъ»! Едва-ли эти слова слѣдуетъ намъ забывать!

турокъ и гибель свою пророчествуютъ, ежель в. в-во войну противъ ихъ всчать изволите». Но увы! столь невѣроятное въ началѣ оказалось въ финалѣ войны дѣйствительнымъ: турки насъ заставили испросить у нихъ второй Прутскій договоръ... Могъ-ли что-нибудь подобное ожидать отъ весьма близкаго будущаго бѣдный нашъ Катонъ на берегу Босфора!.. Мы присутствуемъ все при одномъ явленіи: горячее чувство застилало пути холодному разсудку.

«Въ прибавокъ, продолжаетъ Вѣшняковъ свою обработку картины близкой гибели Турціи, по европскому миру турки зѣло сумнѣваются, что тогда и римское в-во съ Польшей на нихъ-же нападутъ, сверхъ Тахмаса-хана. Сіи и многія другія важныя причины къ такому самому нужному вооруженію влекутъ и для чего не могутъ дерзнуть помыслить противъ в. в-ва наступательно дѣйствовать, а не отъ хотѣнія ихъ, которое и злость ихъ столь велики, что-бъ давно учинили, ежели-бъ могли. Но нынѣ развѣ единое токмо совершенное отчаяніе на то побудитъ. Но и сіе не толь слѣпо, чтобъ бо́льшей погибели искать». Только при мирѣ съ Персіей, «безсумнительно, хотя и не хотя, злость ихъ въ дѣйство произвели-бъ и войну зачали».

Турки все къ намъ кротки. Въ томъ же февралѣ, у Вѣшнякова была даже конференція съ визиремъ, и тоже кроткая, по старымъ вопросамъ — о захватѣ прошлою осенью въ плѣнъ татаръ запорожцами, какъ будто было совсѣмъ ординарное теченіе дѣлъ, съ вѣчными непріятностями въ Степи, въ разгульномъ царствѣ охлократическаго Коша, съ нескончаемыми «студенностями» у пограничныхъ обывателей.

Но наступила и весна 1736 года и дни «гиблющаго царства», по расчету Вѣшнякова, изочтены. Онъ уже раньше просилъ — не пропустить срока — на весну, чтобы «предварить собраніе какимъ знатнымъ дѣломъ»; но теперь онъ напоминаетъ, молитъ, заклинаетъ, въ виду несомнѣнно «гиблющаго состоянія» Турціи.

«Единое есть толико сіе найполезнѣйшее время, писалъ Вѣшняковъ 30 марта, не токмо къ сломленію звѣрской гордости, но и къ конечному испроверженію всего сего беззаконнаго сонмища», т. е. наступающая весна. Теперь, полагалъ онъ, все зависитъ отъ воли одной императрицы, такъ какъ ничто «тому препятствовать не можетъ», а между тѣмъ все говоритъ въ пользу скорѣйшей войны, и Вѣшняковъ «дерзновенно пріемлетъ

смѣлость представить» — спѣшить покончить съ «сонмищемъ». «Хотя малая и недостойная есмь жертва, заявляетъ резидентъ, но готовымъ для в. в-ва славы и покоя отечества здѣсь всего сего истину (т. е. несомнѣннаго успѣха) кровію моею запечатлѣть представляюсь, лише-бы Всевышній сподобилъ начальное исполнить, понеже, всемилостивѣйшая Государыня, ничто не препятствуетъ—ни правителей, ни силъ готовыхъ, но всѣ страхомъ поражены. Ваше-же императорское величество сердцемъ всѣхъ добрыхъ христіанъ что подъ игомъ сего издыхающаго варварства законнѣ владычествовать изволите, и суть толь наивящи в. в-ва силы, а, свыше сего, Всевышній помощь, и по всему видима пришедшая Его воля. Слѣпота сихъ (т. е. турокъ) есть непостижима».

Горячее русское чувство птенца Петрова водило здѣсь перомъ резидента. Онъ говорилъ не праздныя слова и теперь, и нѣсколько дней позже, въ апрѣлѣ, когда всѣ послы, не исключая австрійскаго — предметъ особенныхъ ласканій Порты, совѣтовали ему скрыться и «тайно въ христіанство уѣхать», что «даже самъ Боневаль тоже совѣтуетъ», иначе, «въ случаѣ народнаго бунта, чтобъ какого либо зла не учинили, чтобъ не быть безвременно умерщвлену». Вѣшняковъ отвѣчалъ всѣмъ на это предостереженіе — одно: «не могу ѣхать безъ указу». Онъ приготовился повторить собою старый примѣръ Толстаго, но былъ душевно доволенъ положеніемъ дѣлъ *)...

Между тѣмъ работали и въ Петербургѣ, чтобы теперь, послѣ осенней первой пробы, уже иначе обставить дѣло, но не на одну весну. Одно Вѣшняковъ, другое расчетливый птенецъ—Остерманъ.

---

24 января 1736 года Остерманъ, сгущая краски въ картинѣ положенія дѣлъ на Востокѣ, указалъ австрійскому послу, гр. Остейну, что война у Порты съ Персіей вотъ-вотъ у конца, а потому она туркамъ «въ произведеніи миронарушительныхъ намѣреній болѣе никакого препятствія чинить не можетъ и яко Россія терпящая сторона и сія опасность на имперію и ея земли главнѣйше находитъ, то ея в-во не хотѣла умедлить, чтобъ его

---

*) Глав. Моск. Арх. М. Ин. Д. — Тур. Дѣла. 1735 г., св. 36/d № 7; 1736 г., св. 37/a № 5.

цесарскому в-ву о всемъ томъ въ точнѣйшей откровенности не объявить и къ тому союзническаго его приступленія толь паче надѣется, что французская война окончилась и точію въ разсужденіи оной многократно отъ Порты и еще продолжающіяся миронарушительныя предпріятія по сіе время терпѣны». Иными словами, строго говоря, моментъ вступленія въ дѣйствіе договора 1726 г. насталъ уже давно, а если мы молчали и ждали, то только снисходя къ римскому величеству, въ виду его войны съ Франціей: но теперь уже пора ему и дѣйствовать, открыто объявить себя противъ Порты.

Остерманъ могъ предвидѣть, что цесарское величество могло выслушать это его напоминаніе о моментѣ не особенно радостно: война за войной, и онъ, оставляя строгій тонъ сообязанной договорной стороны, переходитъ далѣе къ указанію соблазнительныхъ для Австріи картинъ впереди: что̀ ее несомнѣнно ожидаетъ?

«Цесарь, продолжалъ Остерманъ, случай получитъ наслѣднаго непріятеля изъ Босніи весьма выгнать и тѣмъ Кроацію и другія земли въ безопасность привесть, ибо Порта, безъ сумнѣнія, вящую свою силу противъ Россіи обратитъ, слѣдственно, тамошнимъ цесарскимъ операціямъ надлежащаго супротивленія чинить не въ состояніи будетъ». Мы видѣли, на дѣлѣ предположено было какъ-разъ противное.

Но соблазны Балкана, Босны не оказали ожидаемаго дѣйствія

Неискренность въ поведеніи союзника давно подчеркивалъ Неплюевъ, хотя причина этого явленія и не выяснялась имъ. Всякое, нѣсколько замѣтное, участіе Австріи къ интересамъ Россіи требовало отъ него хлопотъ, настояній, угрозы. Тоже недовѣріе къ союзнику раздѣлялъ и Вѣшняковъ.

Но теперь, обезсиленный французской войной, съ еще неустановившимся положеніемъ дѣлъ въ Венгріи *), съ непокон-

*) Въ № 82 С.-Петерб. Вѣдомостей (отъ 25 сент. 1735 г.) помѣщено извѣстіе изъ Офена о варварской казни 111 человѣкъ изъ захваченныхъ приверженцевъ + Ракоци: «110 отсѣчены головы, а ихъ начальника 4 лошадьми разодрали, на которую экзекуцію употреблено 7 палачей». Противники Ракоци, сербы, обманываемые Вѣною, производили съ своей стороны бунты. Въ № 43 той же газеты напечатано письмо изъ Вѣны отъ 14 мая о возстаніи «райцовъ», т. е. православныхъ сербовъ, что разорили 2 города и «учинили великія продерзости», но смятеніе «изрядными учрежденіями» усмирено: сербы побиты или разогнаны.—Да, народы Венгріи много имѣютъ что сказать о своей западной половинѣ, ея навыкахъ!

ченной Прагматической санкціей правъ въ пользу дочери, Маріи Терезіи, помимо соображеній общихъ, обнищалый, весь въ долгахъ, цесарь менѣе всего могъ съ сочувствіемъ встрѣтить требованіе Россіи. Между тѣмъ война у Россіи съ Портою на лицо, а договоръ 1726 г. обязывалъ его на такой случай прямою помощью, вмѣшательствомъ. Естественный, ибо наиболѣе дешевый, путь для выхода изъ затрудненія былъ одинъ, это — предложеніе Россіи своихъ дешевыхъ услугъ къ посредничеству. Оно и послѣдовало.

Черезъ два мѣсяца, 27 марта, Остейнъ былъ готовъ съ отвѣтомъ Остерману, предлагая медіацію. «Путь сей, указывалъ Остейнъ, безопаснѣйшій и натуральнѣйшій, дабы чрезъ цесаря Портѣ о тѣхъ основательныхъ жалобахъ и справедливомъ требованіи объявить, и Россіи она-бъ сатисфакцію показала. Когда-же дружеское покушеніе безплодно обратится, то союзническимъ вспоможеніемъ намѣреніе къ сокращенію гордости непріятеля толь надежнѣйшее и достаточнѣйшее будетъ, не опасаясь отъ свѣта нареканій». Но уже вмѣстѣ съ этимъ Остейнъ счелъ почему-то умѣстнымъ предостеречь насъ отъ «легкихъ конкетъ» — отъ завоеванія Азова и Крыма (источника «жалобъ»), въ виду того, что расходы-де на удержаніе конкетъ и мѣстнаго населенія превозойдутъ «уповаемую пользу», а между тѣмъ зависть и недоброжелательство сосѣдей, «свѣта», усилятся въ виду «имѣнія такого камня претыканія», т. е., Крыма, въ рукахъ Россіи. Не хотя, но сразу, союзникъ выдавалъ себя, свои корыстныя опасенія.

Уже чрезъ три дня Остерманъ отвѣчалъ, что Кабинетъ не противъ оффицій, но что простое представленіе оффицій, «безъ именной деклараціи» отъ цесаря, пользы не принесетъ, но «къ здѣшнему предосужденію будетъ», т. е. прямо вредно. «Цесарскій дворъ, извѣщалъ тогда же Биронъ посла Кейзерлинга въ Варшавѣ, всячески желаетъ быть посредникомъ; въ нынѣшнемъ году мы допускаемъ это, потому что онъ ничего не можетъ сдѣлать. Военныя дѣйствія мы должны продолжать», т. е. одни *).

Какъ ни дешевъ и мало желаненъ былъ пріемъ, усвоенный союзникомъ, но и на него рѣшиться ему стоило не мало труда. «По разсмотрѣніи тяжелаго вопроса (gravissima materia) въ различныхъ засѣданіяхъ Совѣта, чтобы изслѣдовать — пред-

*) Сб. Р. И. Общ., XXXIII, 464.

ставился ли действительно casus foederis, было, доносилъ позже венеціанскій посланникъ въ Вѣнѣ, рѣшено утвердительно, разсматривая, какъ истинное нарушеніе мира со стороны турокъ, не только постоянные набѣги татаръ, но и вступленіе цѣлой арміи, которая прошла чрезъ русское государство, вопреки желанію послѣдняго (т. е. движеніе крымскаго хана въ Дагистанъ). Такимъ образомъ, рѣшеніе Совѣта было: прежде всего выступить съ услугами (avanzar prima ufficij) и сдѣлать все возможное для полученія соглашенія (il componimento), а потомъ, когда посредничество (interpozitione) окажется напраснымъ, принять тѣ крайнія мѣры, которыя требовались существомъ обязательствъ», т. е. договоромъ 1726 года *).

Итакъ, Австрія, хотя и туго, нехотя, но втягивалась въ нашу войну. Прежде всего бѣдному Вѣшнякову стало свободнѣе на душѣ.

Уже 18 апрѣля цесарскій резидентъ Талманъ заявилъ у Порты о своемъ полномочіи быть къ добрымъ услугамъ. На аудіенціи у визиря онъ указывалъ, что «съ великимъ сожалѣніемъ видитъ, что дѣла дошли до того, еже не безъ чювствія будетъ и цесарскому двору, который для предупрежденія всякихъ несогласій всегда себя готовымъ явитъ къ употребленію добраго своего посредства, чего для, предъ нѣкоторымъ временемъ, дважды его полною мочью снабдить разсудилъ — стараться вмѣстѣ съ министрами обѣихъ морскихъ державъ сіи несогласія прекратить». Такъ доносилъ Вѣшняковъ въ апрѣлѣ.

Порта приняла оффиціи, и Вѣшняковъ уже готовъ видѣть капитуляцію врага: «чтобы не погубить всей имперіи, на уступку Крыма подадутся», писалъ онъ тогда-же. Но это его увѣреніе ушло слишкомъ далеко: уже 8 мая онъ могъ лишь сдержанно написать, что Порта «съ наивящею радостью за миръ взялась бы и возмется, когда что достойное будетъ; но, сего ли еще толь осязательно не видитъ, или ожидаетъ какихъ дальнихъ вѣстей, или какъ обнадежена (т. е. Франціей), или какія мечтанія свои имѣетъ, только доднесь гордость свою содержитъ. Конечно уповаю, что придетъ, наконецъ, она къ прошенію мира, когда что увидитъ въ дѣйствѣ».

Осторожно, но все старый финалъ — начинать же «дѣйства»:

*) N. Erizzo, въ «Fontes rerum Austriacarum», XXII, 175.

весна уже проходитъ. Конечно, все зависѣло отъ нихъ, а пока — свободно могли лелѣять свои мечтанія обѣ стороны. Но дѣйства все впереди; пока — мѣры, одна словесная война. До самыхъ дѣйствъ такъ и не пришлось дожить нетерпѣливому Вѣшнякову на Босфорѣ *).

Но, послѣ весеннихъ переговоровъ съ полуглухимъ союзникомъ, и Остерманъ могъ почувствовать себя сильнѣе и начать дѣйствовать свободнѣе, хотя онъ все-же не добился своего — согласія на общія сразу дѣйствія.

Въ виду соглашенія объ услугахъ, вицеканцлеръ 12 апрѣля отправилъ письмо къ визирю съ обстоятельнымъ изложеніемъ причинъ войны, о всѣхъ миронарушительныхъ предпріятіяхъ Порты, но съ выраженіемъ готовности открыть и переговоры по улаженію «разнствій». Всѣ указанныя обстоятельства, заключалъ Остерманъ письмо, вынудили неизбѣжно двинуть войска съ однимъ намѣреніемъ — найти удовлетвореніе соотвѣтственно такимъ оскорбленіямъ и уронамъ и возстановить миръ на усло-

*) Проще и вѣрнѣе понималъ дѣло, послѣ вмѣшательства Австріи, упом. венеціанскій дипломатъ. «Безъ проволочки времени, писалъ Erizzo, было приказано Талману оправдать всецѣло поведеніе Россіи и показать необходимость признать удовлетвореніе, чтобы отнять у цесаря поводъ къ разрыву. Этимъ надѣялись и царицѣ угодить, и турокъ ввести на миръ. Талманъ исполнилъ свои порученія, но въ началѣ съ большею спѣшностью, чѣмъ какъ это было желательно: не только онъ поддерживалъ энергически справедливость русскаго оружія, но среди жалобъ преувеличивалъ (ingrpellò) мотивы неудовольствія своего двора послѣ пожаревацкаго договора, поведеніе, которое не понравилось и ему предписано было выставлять на видъ отношенія русскихъ и обязательства союза, но воздерживаться отъ всего, что могло бы возбудить негодованіе турокъ, стараясь расположить ихъ къ полному миру. Турки употребили ловкую хитрость (un estremo artificio): съ цесарскимъ министромъ они говорили съ необыкновенною сладкостью, выставляя свои заботы о наилучшемъ улаженьѣ дѣла и, желая-де страстно достичь этого, они съ удовольствіемъ избираютъ цесаря и обѣ морскія державы посредниками. Проявленіе столь сильнаго желанія мира заставило цесарцевъ и русскихъ предположить, что Оттоманская имперія, послѣ тяжкихъ потерь, понесенныхъ въ войнѣ съ Персіей, не въ состояніи вынести новой войны, и они согласились на предложеніе получить требуемое удовлетвореніе». (Тамъ-же, p. 178—179). Но Остерманъ понималъ турокъ и потому потребовалъ отъ союзника сразу дѣла, а не словъ. О «необыкновенной сладкости» къ Талману доносилъ въ свое время и Вѣшняковъ (ср. у насъ стр. 143).

віяхъ, могущихъ гарантировать болѣе прочнымъ образомъ безопасность государства и подданныхъ; но что если и Порта желаетъ мира, Россія готова подать руку и отослать своихъ полномочныхъ на границу. Это письмо и было нашимъ, наконецъ, объявленіемъ войны Турціи. Въ виду его общегосударственнаго значенія, оно было отдѣльно отпечатано въ Академіи Наукъ и пущено въ народное обращеніе по 20 коп. изъ академической лавки. Не забыта письмомъ была и Польша, гдѣ духи еще не вполнѣ умирились и могли, въ виду тѣсныхъ политическихъ отношеній Польши и Турціи, снова подъ шумокъ забурлить. Правда, были многочисленные свои, но были и многочисленные противники, не стѣснявшіеся подъчасъ откровенно вытыкать недовольнымъ: «вы въ нашемъ польскомъ государствѣ живете, а какъ шпіоны, что услышите у насъ, сейчасъ-же за границу доносите — своей государынѣ императрицѣ и жалуетесь своимъ московскимъ министрамъ; но мы — Рѣчь Посполитая, не подъ указомъ московскимъ находимся, чтобы должны слушаться вашихъ московскихъ министровъ» *). Предъ поляками письмо Остермана было для насъ оправдательнымъ документомъ **).

Отвѣтъ визиря былъ довольно скромный, но съ обвиненіемъ насъ, что мы «незапно» къ Азову отправили войска и осадили. «Что же въ вашемъ письмѣ написано, ежели Порта къ миру склонна, тобъ на границу уполномоченныхъ прислала, куда и россійскіе уполномоченные пришлются, а когда къ миру несклонна, тобъ резидента съ его людьми отпустить и до границы

---

*) Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго Учебнаго Округа, т. XI. (Вильна, 1890, 123). Взято изъ времени нѣсколько болѣе поздняго. Остерманъ съ Польшею вообще обходился осторожно, предупредительно. Ср. письмо его къ Сапѣгѣ въ 1733 г., тамъ-же, т. III, 323, особенно-же меморіалъ позже посла гр. Кейзерлинга къ Радзивилу о необходимости для обоихъ государствъ дозволенія прохода русскихъ войскъ чрезъ Польшу въ 1739 г., о которомъ рѣчь ниже—тамъ-же, т. VII, 187. — Изданіе Виленскаго попечителя — памятникъ ревниваго отношенія къ интересамъ русской науки и можно только желать столь-же успѣшнаго продолженія его въ будущемъ.

**) Тогда-же письмо Остермана было издано на польскомъ и французскомъ языкахъ. См. L. Finkel, Bibliografia historyi polskiej (Kraków 1891—96), № 4636. Это новое ученое изданіе Краковской Академіи наукъ заслуживаетъ вообще признательности русскаго историка: оно обнимаетъ

препроводить, то резидентъ вашъ во всякомъ охраненіи и въ цѣлости при побѣдоносномъ войскѣ нашемъ съ нами вмѣстѣ, не подъ арестомъ, но, какъ отъ военныхъ людей въ маршѣ, такъ и для охраненія здоровья его, опредѣлено къ нему нѣсколько человѣкъ, и прямо къ тамошнимъ границамъ слѣдуемъ». Но у границъ «мы отъ миру не отречемся». Отвѣтъ былъ совсѣмъ турецкій: и да, и нѣтъ.

Дѣйствительно, Вѣшнякова хотя и не отпустили, но отнеслись сейчасъ-же любезно, каковое обстоятельство дало поводъ ему еще болѣе утвердиться въ своемъ предразсудкѣ: они-де боятся, видятъ гибель, а потому и ласковы.

Въ маѣ (21), т. е. одновременно съ отвѣтомъ визиря, Вѣшнякову было объявлено, что если не послѣдуетъ миръ, то Совѣтъ рѣшилъ: «ваше благородіе съ людьми отослать на границы въ безопасности, поneже в. бл-іе не есть виною настоящихъ холодностей», но что визирь постановилъ — «взять васъ съ собою безъ всякаго аресту». Сообщая объ этомъ, нашъ резидентъ замѣчаетъ (2 іюня): «гордость ихъ упадать начинаетъ и пошлютъ полномочныхъ мира просить, ежели прежде не погибнутъ».

6 іюня Вѣшняковъ оставилъ Перу «съ довольствомъ и со всякими знаками пріятства», а 15-го былъ въ Адріанополѣ, слѣ-

---

массу русскихъ источниковъ и пособій, и потому книга полезная. Какъ каждый библіографическій, слѣд. механическій, трудъ, трудъ г. Финкеля достигъ бы вполнѣ своей цѣли, если бы удовлетворялъ: удобству расположенія, разсудительной полнотѣ и точности. Но этого нельзя сказать. Излишествъ до невѣроятія. Если еще поученіе Владиміра Мономаха такъ-сякъ, то какой это польской исторіи источникъ Изборникъ Святославовъ 1073 года (№ 1674)? Почему псковская судная грамота? Но какъ попалъ компилятивный трудъ современнаго чешскаго публициста, + К. Сабины — «Исторія чешской литературы»? Но — отъ недоумѣній не оберешься. Русскія названія передаются латинскими буквами; это не бѣда. Но надо умѣть читать, а этого нѣтъ, а вездѣ еще стремленіе учить, выправлять наше правописаніе. Ср. русское — «подъ Азовомъ» передается — «pod Asoѣem» (№ 4612); за то вездѣ окончаніе род. п. м. ед. ч. — аго передается awo (!). Подъ разные номера авторъ разноситъ послѣдовательныя изданія одного и того-же труда, не подозрѣвая объ ихъ тождествѣ, напр., этногр. карту слав. народностей Петербургск. Слав. Общества (№ 12106 и 12108). Одно и тоже сочиненіе фигурируетъ подъ многими номерами: ср. № 10077 = 10253 = 10140. Очевидно, сборный пріемъ не всегда удобенъ.

дуя всегда «съ особливою отмѣною» за арміей *). Вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ и секретарь, Адріанъ Неплюевъ. Обстоятельства дня даютъ резиденту возможность сдѣлать одно заключеніе — какъ былъ онъ всегда правъ въ своемъ, столько разъ высказанномъ, взглядѣ на Турцію, что она — одна «общая конфузія», разслабленіе, гибель.

«Порта, пишетъ резидентъ изъ Адріанополя, всѣ свои прежніе варварскіе обыкности отмѣнила и старается, дабы ни малые не подать причины къ огорченію дѣлъ, изъ чего явно и ясно видимо ея слабое состояніе, многократно мною описанное, и, колікій страхъ имѣетъ, во всемъ народѣ видимъ; ибо по истинѣ — ужасомъ россійское имя поминать начинаютъ, и доднесь не только я, ниже послѣдній доместикъ (т. е. слуга) никакого браннаго слова не слыхали». Этотъ яркій страхъ теперь предъ Россіей измѣнилъ-де сразу самые пріемы управленія, турецкія «обыкности».

«Того ради, продолжаетъ увлекающійся резидентъ, нынѣ и подданныхъ своихъ христіанъ зѣло отмѣнно трактуютъ. Потому генерально всѣ добрые христіане Всевышняго просятъ и радуются о счастливомъ преуспѣяніи в. и. в-ва оружія, какъ я то ежечасно въ пути слышу отъ встрѣчающихся христіанъ: съ неописаннымъ веселіемъ подходя, насъ поздравляютъ и в. в-ва имя благословя прославляютъ».

23-го іюня резидентъ былъ въ Бабадѣ (Бабадагѣ, въ Добруджѣ, предъ дельтою Дуная) и всѣмъ былъ доволенъ: «наружно во всякой свободѣ нахожусь», писалъ онъ черезъ недѣлю, уже вблизи намѣченнаго имъ театра войны.

Но Порта — все вела игру, хитрила, проводила.

Мы видѣли, майскій отвѣтъ въ Петербургъ визиря былъ вообще скромный. Но уже иного тона было обращеніе визиря тогда же въ Вѣну, еще болѣе — къ обѣимъ нейтральнымъ морскимъ державамъ, хотя все съ тою-же лукавою готовностью яко-бы на миръ, при посредничествѣ.

Творецъ блестящаго положенія Австріи на Востокѣ, Евгеній Савойскій, какъ-разъ въ эту минуту осложнявшихся отношеній умеръ (9/20 апрѣля, въ Вѣнѣ). Его смѣнилъ по долж-

*) С.-Петерб. Вѣдом., 1736, № 75.

ности президента Военнаго Совѣта престарѣлый графъ Кенигсекъ, и къ нему обратился съ письмомъ визирь.

Выразивъ твердую увѣренность, что императоръ «союзъ мира прежде постановленнаго термина ни какимъ образомъ не нарушитъ» и позже обновитъ его, визирь обращается съ жаркимъ и наивнымъ обличеніемъ задирающей-де политики Россіи, начиная отъ Петра — въ Польшѣ, Швеціи и др. мѣстахъ. Въ неуклюжей фразистой формѣ турокъ повторяетъ старую догму французской политики объ опасности современной, расходившейся-де Россіи для Европы, а недавно еще «токмо малое княженіе», о злыхъ нѣмцахъ и пр. Въ конспектѣ визирскаго отвѣта, вѣроятно, были не безъ участія и Вильневъ, и Боневаль.

«Весьма потребно, писалъ визирь, чтобы они, русскіе, государственные права и законы исполняли, въ содержаніи постановленныхъ съ пограничными государствами договоровъ найвящее попеченіе прилагали. Токмо помянутая имперія наущеніемъ обрѣтающихся въ томъ государствѣ, никого другаго незнающихъ, но въ себя самихъ влюбившихся знатныхъ господъ той имперіи, противныя справедливости и разуму мерзкія дѣла предвоспріемлетъ, и токмо по единой сему народу отъ натуры природной скупости, сребролюбію и безстыдному злому желанію иногда на людей, которые свои единодушныя вольности имѣютъ, насильственно нападаетъ, иногда же тѣхъ, которые въ ея сосѣдствѣ, обезпокоиваетъ и отягощаетъ. Хотя сколь часто ей притомъ неудачи ни случались, нѣкоторые изъ ея мудрецовъ являлись и скоропостижности и заблужденія избѣгать прилежно старались и паки въ свою древнюю область возвращаться обыкли; однакоже сіи мудрецы побѣждены были и другая сторона преодолѣла». Затѣмъ иллюстрируется это положеніе — неудачи «мудрецовъ».

«Имперія уже давно короны шведскую и польскую атаковала и какъ увѣдомленось, что она и на турецкія границы предосудительныя предложенія въ намѣреніи имѣетъ, то она со стороны Оттоманской Порты нѣкоторымъ обнадеживаніемъ, что такія непристойныя дѣла имъ не удадутся, часто отъ сна возбуждаема была. А понеже она, не взирая на то, довольно отъ сна не проснулась и дѣла въ разсужденіе не приняла, того ради напослѣди ея главный начальникъ при рѣкѣ Прутѣ сѣтью правовѣрныхъ пойманъ и въ слезахъ и плачѣ содержанъ

былъ». Далѣе шелъ рядъ обвиненій изъ послѣдняго времени: указывались отношенія къ Персіи, внезапная осада Азова, а въ заключеніи визирь объявлялъ, что «война противъ Россіи постановлена съ общаго согласія всѣхъ мусульманъ», т. е. пойдетъ война во имя вѣры, какъ объ этомъ доносилъ уже Вѣшняковъ, и повторялъ надежды на сохраненіе «дружебнаго мира» со стороны Австріи. Священная война, это — угроза, предостереженіе для Австріи, не втягиваться ей въ дѣла Россіи.

Кратче, но рѣзче были формулированы тѣже обвиненія Россіи въ деклараціи, адресованной къ англійскому королю — о готовой войнѣ.

«По внушенію нѣкоторыхъ министровъ своей державы, писалъ визирь Георгу, Анна не токмо дерзнула въ дѣйство произвести такія непотребныя дѣла, которыя противны закону и справедливости, а Богу и людямъ мерзостны, но употребила способы, которые являютъ намѣреніе ея къ нарушенію съ Портою трактата». Эти способы — осада Азова, разореніе Крыма. Жалуясь на письмо Остермана отъ 12 апрѣля, визирь повторяетъ, что война рѣшена, но Порта готова и на миръ. «Понеже изъ давнихъ временъ англійскій и голландскій дворы въ дружбѣ съ Портою пребываютъ и медіацію свою употребили, то послы ихъ свою медіацію предложили»; Порта не противъ, и потому пусть король «употребитъ способы древней своей дружбы и доброй корреспонденціи, которая понынѣ продолжалась».

Обращеніе къ Голландіи, тогда-же въ маѣ, было сдержаннѣе, но съ тѣмъ же свободнымъ содержаніемъ.

Въ Петербургѣ, прежде чѣмъ получили тамъ майскій отвѣтъ визиря и прежде чѣмъ могли узнать объ обращеніи Порты къ разнымъ кабинетамъ Европы и о впечатлѣніи отъ него, главный интересъ минуты сосредоточивался на Вѣнѣ, на римскомъ величествѣ: останется ли Карлъ VI вѣренъ договору, или союзныя отношенія, разъ вступивъ въ фазисъ добрыхъ услугъ, далѣе не пойдутъ? Отъ этого вопроса зависѣли дальнѣйшіе пріемы.

Мы видѣли, что Остерманъ упрекалъ союзника, что просто офицій болѣе, чѣмъ мало, что нужно энергическое заявленіе — объ общности интересовъ, а не лекція объ опасности отъ завла-

дѣнія Крымомъ и о трудностяхъ управляться съ нимъ. Но прошло немного времени, и изъ Вѣны поспѣшили успокоить Остермана, но своеобразно: и да, и нѣтъ — въ отвѣтѣ.

Уже 4 іюня Остейнъ сообщалъ Остерману, что не можетъ быть никакого основанія для заподозрѣнія цесаря въ недодержкѣ союзнаго обязательства, «якобы съ здѣшней стороны въ разсужденіи Порты всего того совершенно исполнить не намѣрены, чего съ Россіей благополучно поставленный союзный трактатъ токмо востребовать можетъ». Но весь вопросъ — «какимъ образомъ поступить»? Вотъ почему-де вѣнскій кабинетъ и предлагаетъ уже воюющему союзнику «нѣкоторыя разсужденія», но которыя клонились все же къ одному — избѣжать войны, при помощи тѣхъ же офицій, переговоровъ.

По донесенію Талмана съ Босфора, указывалъ Остейнъ, Порта въ опасеніи и потому «болѣе уже удаляться не будетъ жалобы прекратить, особливо же хана отставить», слѣдов., будетъ податлива. Съ другой стороны, Австрія еще не оправилась отъ недавней войны съ Франціей, цесарь не окончилъ съ нею счеты, почему ему и опасно «преждевременно себя объявлять», помимо дѣлъ въ Испаніи, Италіи. И союзникъ спѣшитъ ухватиться за уступчивое, невзыскательное отношеніе Россіи. «Понеже ея в-во весьма согласно, что добрыя офиціи прежде дѣйствительнаго вспоможенія имѣютъ быть приложены, слѣдств., никакого сомнѣнія не остается, что, не смотря на состояніе, въ которомъ Порта нынѣ обрѣтается, токмо отъ нея единой, а не отъ цес. в-ва зависитъ, дабы какъ здѣшнія, такъ и россійскія жалобы, безъ дальнѣйшаго распространенія пламени, вершить». Сводя свои «разсужденія» къ одному, Остейнъ указывалъ на двѣ цѣли офиціи цесаря: «къ исходатайствованію сатисфакціи въ прошедшемъ и о безопасности въ предбудущія времена», т. е., римское величество желало буквально понимать наши формальные поводы къ войнѣ: обиды отъ Крыма и «россійскія жалобы», и обязывалось помочь ихъ устранить.

Указывая эти цѣли, Вѣна, очевидно, лукавила. Что цесарь былъ слабъ, это несомнѣнно: будущее, и близкое, ужасно посвидѣтельствовало объ этомъ. Но что онъ былъ въ числѣ, если не въ головѣ, тѣхъ завистниковъ, о которыхъ Остейнъ предупреждалъ при началѣ переговоровъ, это почти несомнѣнно изъ тогда же обмолвки посла о Крымѣ. Не по сердцу Австріи было расши-

реніе Россіи на Югъ, ея приближеніе къ Черному морю, о каковой цѣли въ политикѣ Остермана она могла догадываться хоть изъ припоминаній объ еще свѣжей эпохѣ Петра Великаго.

Въ самомъ дѣлѣ, Пожаревацкій миръ 1718 г. уже предопредѣлялъ судьбы турокъ въ Европѣ. Имъ завершился второй актъ раздробленія Турціи, но не въ скромныхъ размѣрахъ перваго, на Карловацкомъ конгресѣ 1699 г., и Турціи, такъ сказать, старой, коренной.

Австрія послѣ 1718 года переступила далеко за свои историческія границы: на Востокъ по р. Олту, откуда она дѣлается господиномъ равнины Валахіи, на Югъ — за Дунай и Саву, до Тимока, Парачина и Уны въ Боснѣ, остановившись у подножья Балканъ. Она у предверья Босфора, съ Бѣлградомъ, ключемъ Дуная, въ центрѣ. Одной рукою она у Константинополя, другою у Солоникъ. Босна, край и сейчасъ фанатически привязанныхъ къ Турціи сербовъ-мусульманъ, охватывалась теперь Австріей, какъ кольцомъ. По второй статьѣ знаменитаго договора 1718 г. Дунай объявлялся свободнымъ для торговли, и по теченію и въ устьѣ; таже статья уничтожала неприкосновенность самаго Чернаго моря: австрійскій флагъ свободно развивался по нему и во всѣхъ его портахъ.

Такимъ образомъ, Австрія готова была замѣстить собою Турцію въ Европѣ и въ ту минуту, когда Россія была отброшена далеко отъ береговъ Чернаго моря, въ степи Днѣпра и Дона. Вотъ, вотъ минута, когда, казалось, вѣковой Восточный вопросъ у конца, но разрѣшался въ смыслѣ тѣхъ, кто окрестилъ его этимъ именемъ — народовъ З а п а д а, съ значеніемъ воскресенія отношеній на Юговостокѣ до 1453 года или хозяйничанья ф р а н к о в ъ, иристуканныхъ тогда турками на Босфорѣ *).

---

*) Ср. наши мысли объ и с т о р и ч е с к о м ъ значеніи появленія и утвержденія турокъ на ЮВ. Европы въ статьѣ: «Лапидарныя надписи XV ст. изъ Бѣлгорода что нынѣ Аккерманъ», въ «Запискахъ И. Од. Общ. ист. и др.», XV т. Безъ турокъ мы, русскіе, не были бы сегодня на берегу Чернаго моря, не были-бъ господами у себя дома и южные славяне, за Дунаемъ: и здѣсь и тамъ твердою ногою стоялъ бы франкъ или подревнерусски в а р я г ъ (ср. ф р я ж с к о е вино, фамилію Ф р а н г о п у л о, изъ грецированнаго Βάραγγος — т. е. всяческій человѣкъ изъ Запада). Его пронырливость его завела далеко на Востокъ въ свое время. Великую службу намъ сослужили турки, эти «наслѣдные непріятели христіанства»... Со-

Пожаревацкій трактатъ Евгенія Савойскаго былъ для Россіи Петра Великаго какъ бы вторымъ Прутскимъ, убійственнымъ дополненіемъ его. Могли-ли не понимать въ Вѣнѣ, куда душей стремился Остерманъ? Но доминирующее положеніе Австріи на Дунаѣ послѣ 1718 года и заставило Остермана искать союза именно съ нею, чтобы при помощи ея уничтожить Прутскій трактатъ, который и на взглядъ со стороны, современнаго венеціанскаго дипломата, былъ «tanto onorifico per li Turchi, quanto vergognoso (срамнымъ) per li Russi» *).

Какъ бы то ни было, положеніе цесаря было не изъ легкихъ, и хитрить приходилось ему, какъ и Портѣ: договоръ 1726 г. обязывалъ «дѣйствительнымъ вспоможеніемъ», а исполнить это было трудно, да и въ интересахъ ли своей имперіи? Нельзя ли какъ прилично увернуться отъ непріятнаго обязательства, сыграть на-двое, не дать Россіи разыграться?

Союзникъ все добивался мирныхъ переговоровъ: надо Остерману на-пробу уступить, чтобы затѣмъ обезоружить его.

12 іюня Остерманъ отвѣчалъ Остейну, что петербургскій Кабинетъ согласенъ на трактацію съ Портою, но подъ условіемъ — открыть сейчасъ переговоры, безъ затяжки: что послы Порты должны быть на границѣ, именно въ Очаковѣ, въ теченіе 14 дней, а вся трактація имѣетъ продолжиться не болѣе 4 недѣль, иначе и цесарь обязанъ учинить декларацію о войнѣ; что русскій Кабинетъ не противъ, чтобъ и «цесарскій министръ сему конгресу присутствовалъ и возстановленію мира въ предписанный срокъ способствовалъ, чего отъ толь тѣсно обязаннаго союзническаго министра ожидать надлежитъ».

Означенные короткіе сроки: 14 дней, 4 недѣли, указывали, что Остерманъ едва-ли вѣрилъ серьезно въ успѣхъ посредничества и очаковскаго конгреса, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны

временные румынскіе историки-политики, какъ Ксенополъ въ Яссахъ, упрекаютъ Австрію, что она, наперекоръ своимъ кровнымъ интересамъ, все помогала Россіи противъ Турціи въ XVIII стол. («Etudes historiques sur le peuple roumain», par A. Xenopol, Jassy, 1887, p. 97). А что было бы съ румынами, если бы Австрія отъ Олты продвинулась къ устью Дуная?! Она къ этому и стремилась, и напрасны ей румынскіе упреки — уроки въ непониманіи своихъ выгодъ. Благо, есть еще мадьяры — узда на Ксенополовъ.

*) N. Erizzo, изъ Вѣны въ венец. Сенатъ, въ 1738 г. («Fontes rer. Austr.» XXII, 175).

розно понимали цѣли войны: идиллическія тамъ, въ Вѣнѣ, весьма реальныя здѣсь. Но, чтобы добиться своего у видимо колеблющагося союзника, Остерманъ тогда же обнадеживалъ его, что на случай, «когда непріятель всею своею силою обратится токмо противъ единаго цесаря, то Россія готова знатною арміею на него съ тылу ити, ежели надобно — чрезъ Молдавію внутрь его земель пробраться, своей арміи съ арміей цесаря совокупиться повелитъ и единымъ словомъ — все то учинить хочетъ, что̀ отъ вѣрнаго и постояннаго союзника востребуется».

Итакъ, условленъ былъ конгрессъ, на границахъ, хотя и кратковременный, чтобы только потомъ подвинуть медлящаго и робѣющаго союзника на общее дѣйствіе. Въ этотъ самый моментъ и получено было въ Петербургѣ (25 іюня) майское письмо визиря, въ отвѣтъ на письмо вицеканцлера отъ 12 апрѣля. Мы видимъ, что только что проэктированный конгрессъ въ Очаковѣ шелъ на встрѣчу и выраженному желанію Порты: «у границъ мы отъ миру не отречемся», заключалъ визирь.

Черезъ мѣсяцъ Остерманъ отвѣтилъ визирю. Онъ защищалъ корректность Россіи, ея права на войну, ея долголѣтнюю терпѣливость, но что долѣе императрица «ожидать причины не имѣла и могла бы все россійское войско въ турецкія границы, безъ всякаго объявленія войны, повелѣть вступить»; но этого она не сдѣлала, а объявила войну письмомъ его, Остермана, отъ 12 апрѣля.

Когда вопросъ о посредничествѣ былъ совершенно исчерпанъ въ переговорахъ между Остерманомъ и Остейномъ, посыпались въ Петербургъ предложенія тѣхъ же услугъ для «дружебнаго мира» и отъ нейтральныхъ морскихъ державъ — отъ ихъ представителей на Босфорѣ... Легко предвидѣть отвѣтъ Остермана на надоѣдливый вопросъ отъ людей, не посвященныхъ въ реальные виды современной политики Россіи относительно Турціи, понимавшихъ шаблонно одни трактаты, жалкія жалобы да «безпохлѣбственныя разсужденія».

Голландскій посолъ у Порты уже въ іюнѣ доносилъ, что визирь положилъ «причины жалобъ и недовольства обѣихъ сторонъ предать безпохлѣбственному разсужденію» Англіи и Статовъ, что Порта «паки проситъ о посредствѣ и медіаціи ихъ». Статы отвѣчали полнымъ согласіемъ—«елико то въ ихъ силѣ, способствовать будутъ, чтобъ война на справедливыхъ конди-

ціяхъ пожеланнымъ миромъ къ удовольствованію обѣихъ сторонъ окончилась», и что въ виду этого они вступятъ въ совѣщанія съ русскимъ посломъ въ Гаагѣ, гр. Головкинымъ.

Между тѣмъ, раньше этого совѣщанія, представители Англіи и Статовъ на Босфорѣ, новый, «шеваліе» Факнеръ (съ декабря 1735 г.) и старый, Калкунъ, 12-го іюня обратились къ Остерману съ своими услугами. Они предваряли (конечно, со словъ визиря), что Порта «никакой худобы отъ цесаря не опасается», а они лично, въ виду прежнихъ прецедентовъ, «ласкаютъ себя, что отъ нихъ то противно принято не будетъ, когда они крайнѣйшія свои старанія къ поспѣшествованію похвальнаго намѣренія ихъ государей паки прилагать будутъ». «Мы, продолжали они, просимъ, нѣкоторое генеральное извѣстіе, о намѣреніи ея в-ва до требованія отъ Порты сатисфакціи касающееся, подать соизволите; тогда мы надѣемся, что такое изъясненіе за основаніе служить можетъ къ предбудущей негоціаціи и положитъ основаніе къ честному и безопасному миру».

Но обоимъ добровольнымъ посредникамъ Остерманъ, очевидно, могъ отвѣчать однимъ любезнымъ отклоненіемъ — ужь черезъ-чуръ посредничества: ея в-во благодаритъ за доброжелательныя намѣренія, что Россія много терпѣла прежде, чѣмъ рѣшила войну, а обращеніе Порты о медіаціи — одна уловка: она «коварство употребляетъ, чтобы получить время къ окончанію персидской войны, а затѣмъ наброситься на Россію всѣми силами».

Что Остерманъ вѣрно понималъ постановку вопроса, назвавъ ее коварною уловкою, долженъ былъ, спустя немного времени, признать и самъ голландскій посолъ-медіаторъ. «Смотря на сумнительное состояніе дѣла, я, писалъ онъ своему товарищу на Невѣ, Шварцу, отъ всего удаляюсь; намъ для всякаго случая въ то дѣло вступаться не надлежитъ: здѣсь дѣла въ великой конфузіи находятся и есть опасеніе, что конфузія еще бòльшая будетъ, такъ какъ шведскіе господа скрытно побуждаютъ Порту къ продолженію войны, турки любезно обращаются съ французскимъ и англійскимъ послами, а со мною, яко партизаномъ россійскимъ, какъ они меня всегда почитали, всякое сообщеніе пресѣкли».

Такимъ образомъ, въ ничемъ прошелъ іюнь, проходило лѣто, и Остерманъ имѣлъ теперь полное право сказать, что во-

просъ о посредничествѣ союзника свелся къ нулю, получился тотъ вредный результатъ, который онъ предрекъ ему уже въ самомъ началѣ переговоровъ — умаленіе престижа союза.

«Уже отъ приложенія добрыхъ оффицій, писалъ съ достоинствомъ вице-канцлеръ Остейну 8-го августа, никакой пользы болѣе ожидать не можно и ея в-во въ твердой надеждѣ, что его римское в-во по своему праводушію самъ признаетъ, что при дальнѣйшемъ продолженіи такихъ добрыхъ оффицій оная рефлекція, которую инако Порта о пребывающемъ между обоими дворами союзѣ чинить имѣлабъ, натуральнымъ образомъ пресѣчется, и предложенныя со всѣхъ сторонъ Портѣ медіаціи — миръ и справедливѣйше ея в-ву чинимую сатисфакцію къ великому предосужденію больше удалить, нежели поспѣшествовать имѣютъ». Время и время отъ словъ перейти къ дѣлу и союзнику по договору 1726 года, твердилъ Остерманъ.

Но изъ Вѣны не безъ лукавства указали теперь на прежнюю нашу готовность — итти прямо внутрь Турціи, если объявитъ себя за войну и цесарь; пусть же и начнемъ мы свою партію первыми, двинемся на нижній Дунай, на встрѣчу визирю, т. е. изъ Вѣны опять заявили свою неохоту воевать. Это домогательство справедливо было отклонено Остерманомъ. «Октябрь насталъ, отвѣчалъ не безъ раздраженія вицеканцлеръ Остейну, кампанія окончилась и армію по славной, однакожъ трудной, кампаніи въ такъ позднемъ годовомъ времени вновь чрезъ Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ противъ визиря отправлять — самая невозможность есть, толь менѣе требовано быть можетъ. Она, не какъ римско-цесарская, въ жилыя и всѣмъ снабдѣнныя турецкія земли, но въ весьма нежилыя степи итти и къ содержанію своему все съ собою вести имѣетъ». Впрочемъ, еще 13 сентября между обоими союзными Кабинетами была подписана декларація объ общности дѣйствій при переговорахъ и на театрѣ войны—т. е. повторено старое, но облеченное въ новую бумажную форму.

Итакъ, и черезъ годъ мы почти все въ старой обстановкѣ, хотя по словамъ Талмана, интересы Россіи и Австріи такъ близки, такъ родственны — «такъ тѣсно совокупны и общекуплены» — на словахъ...

Но, теперь мы должны оставить этотъ, слишкомъ затянувшійся, въ теченіе почти цѣлаго года пересылокъ и переговоровъ ни къ чему существенному не приведшій торгъ обоихъ союзни-

ковъ, одного — серьезно рѣшившаго серьезно воевать, другаго — серьезно рѣшившаго до послѣдней возможности отлынивать отъ войны, и должны познакомиться съ самымъ дѣломъ истекавшаго года, съ «дѣйствами» его, отъ которыхъ, по равнему, еще босфорскому, замѣчанію Вѣшнякова, въ существѣ все и зависѣло.

Произвели-ли мы одни, своими силами, что знатнаго? *).

Уже по вскользь пронесеннымъ словамъ осторожнаго Остермана: кампанія славная, но трудная, можно догадываться, что на театрѣ войны истекавшаго 1736 года было далеко до выполненія нами партіи, назначенной въ увлекательной программѣ Миниха.

Осенью 1735 г. Минихъ прибылъ въ Малороссію. Осмотрѣвъ старую воронежскую верфь, онъ основалъ новую въ Брянскѣ для легкихъ судовъ по Днѣпру и уже на нихъ въ Черное море и въ Стамбулъ. Поновилъ онъ и укрѣпилъ старую украинскую линію между Днѣпромъ и Дономъ, стянулъ массу зерна съ сѣверныхъ губерній и, устроивъ въ тылу, въ Малороссіи, обильные запасные магазины, въ половинѣ апрѣля 1736 г. прибылъ въ Царицынку, гдѣ собиралась дѣйствующая армія, свыше 50 тысячъ.

Армія двинулась на-легкѣ, запасшись провіантомъ (толчеными сухарями) на шесть недѣль. И офицеры, и солдаты получили приказаніе озаботиться не обременять арміи обозомъ. Впрочемъ на каждый полкъ взято было по нѣскольку бочекъ пива — для ободренія, при случаѣ, утомленныхъ солдатъ

До Черной Долины армія шла безпрепятственно, строя по пути шанцы и редуты. Но теперь начались испытанія. Пройдя 12 верстъ, авангардъ былъ атакованъ 60 тысячами татаръ. Завязалась отчаянная битва. Едва къ вечеру подоспѣла подмога и спасла остатки

Армія пошла каре, а татаре, носясь вокругъ арміи, крайне ее безпокоили. «Маршировали мы, говоритъ очевидецъ, весьма медленно: иногда въ обозѣ что нибудь изломается, или въ упряжкѣ малое что повредится, то вся армія должна была оста-

---

*) Гл. М. Арх. М. Ин. Д., Тур. дѣла, 1736 г., св. 38/b, № 9, св. 37/b № 6, св. 37/b № 7, passim. Ср. Hammer, Gesch. d. Osm. Reiches, IV, 320, сл.

новиться; слѣдовательно, не можно было и 500 шаговъ перейти, чтобы паки не стоять полчаса и болѣе. Такимъ образомъ и при самыхъ малыхъ маршахъ невозможно было прежде 4 или 5 часовъ вечера въ лагерь прибыть; солдатъ между тѣмъ солнечнымъ зноемъ и худою пищею весьма изнуряемъ былъ, а скотъ, будучи во весь день въ упряжкѣ, не меньше страдалъ и истощевалъ...» *).

Предъ нами картинка нѣмецкаго парада въ глухой татарской степи. И простому офицеру, оставившему свои интересныя воспоминанія о походахъ Миниха, нѣмецкое каре, съ массою миниховскихъ рогатинъ и пикъ, представлялось несообразностью. Съ этимъ согласенъ отчасти даже Манштейнъ. Изнуренная, измученная болѣзнями и нѣмецкими боевыми пріемами армія въ концѣ мая дотянулась до Перекопскаго вала: далѣе самый Крымъ у ногъ Миниха. Сахара пройдена — впереди уже мѣста злачны, но о которыхъ, даже по свидѣтельству Манштейна, Минихъ не имѣлъ никакого понятія, а на представленіи объ этой злачности расчитанъ былъ весь планъ похода на-легкѣ.

Предъ вратами въ Крымъ были изданы Минихомъ «манифесты», приглашавшіе хана съ татарами покориться и признать зависимость отъ Россіи, принявъ навсегда русскій гарнизонъ въ Перекопъ. Естественно полагать, что Вѣшняковъ не преминулъ сообщить въ свое время и Миниху своихъ наблюденій о крымскихъ людяхъ, желавшихъ-де отложенія. Общеніе у обоихъ было живое. Ханъ отвѣчалъ лукаво, но отрицательно. Этимъ заключились дипломатическіе переговоры Миниха, о которыхъ онъ самъ разсказывалъ намъ выше, какъ о такомъ подвигѣ, который уже открывалъ предъ нимъ ворота Константинополя, да — австрійскій цесарь помѣшалъ.

---

*) «Записка о томъ, сколько я памятую о крымскихъ и турецкихъ походахъ», издана С. С. въ «Одес. Вѣстникѣ» 1836 г. Пользуемся отд. оттискомъ въ 33 стр. Рукопись—въ быв. библіотекѣ кн. Воронцова въ Одессѣ. Неизвѣстный авторъ былъ адъютантомъ генер. Густ. Бирона. Разсказъ его вообще согласенъ съ показаніями Манштейна, также адъютанта, но другаго нѣм. генерала. Несходство въ числовыхъ данныхъ. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что свои мемуары Манштейнъ писалъ уже въ Подсдамѣ послѣ 1748 года, и даже о крымско-турецкихъ походахъ, и пользовался реляціями Миниха, которыя были напечатаны въ «Neue Europäische Fama», 1736 — 39 г., слѣд. не все, какъ очевидецъ. («Russ. Revue» 1886, II, 438 — 491).

Черезъ перекопъ солдатики пролѣзли по плечамъ своихъ товарищей, а къ вечеру сдался и самый Перекопъ *).

Это былъ нашъ первый успѣхъ, и довольно скромный. Но въ Петербургѣ полная радость, благодаря эффектному донесенію Миниха. «2 іюня прибылъ Фермеръ съ всерадостнымъ извѣстіемъ, что Минихъ въ Крыму, гдѣ при Перекопи хана съ 100 тыс. храбро атаковалъ, всю ево армѣю разбилъ и перекопью совершенно овладѣлъ — ханъ бѣгствомъ едва животъ свой спасти могъ» **). Пальба, въ крѣпости молебенъ, чрезъ нѣсколько дней при дворѣ куртагъ, гдѣ посолъ нашего азіатскаго аліатора, Кулы-хана, «автократора Иранскаго», гостившій у насъ уже съ весны, «изрядную поздравительную рѣчь говорилъ» о побѣдѣ Миниха ***).

---

*) Перекопъ—русское осмысленіе тур. Ор-капу, Орскія ворота. По обѣимъ сторонамъ шелъ сухой ровъ въ 7 верстъ, до морскаго берега, глубиной въ 7, шириной въ 12 сажень, съ переброшенными мостами. См. Münnich, Memoiren, 113 — 114. И для автора этихъ «Записокъ» Перекопъ, это — перекопанный перешеекъ. Ср. 113.

**) С.-Петерб. Вѣдомости, 1736 г., № 45.

***) Тамъ-же, № 48. Ср. письмо Бирона къ Кейзерлингу въ Варшаву, тогда-же, со всѣми мелочами. «Такъ какъ, пишетъ Биронъ, теперь добрыя извѣстія могутъ быть не безъ пользы въ Польшѣ въ виду сейма (замирительнаго), то нашли нужнымъ послать съ ними къ королю офицера Таубе». (Сб. Р. И. Общ., XXXIII, 471). Таубе посланъ въ тотъ-же день — 2 іюня, когда получена реляція. Можетъ быть, на мѣстѣ и воспользовались тѣмъ капиталомъ: уже 10 іюля Августъ III увѣдомлялъ чрезъ нарочнаго, гр. Понинскаго, «о щастливо воспослѣдовавшемъ заключеніи сейма, коимъ утверждена всеобщая въ королевствѣ тишина», и просилъ «раздѣлить съ нимъ сіе его порадованіе». (Н. Н. Бантышъ—Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, III (М. 1897), 239). Это былъ короткій, но «единственный сеймъ за 30 лѣтъ правленія Августа, съ результатомъ», замѣтилъ близкій современникъ. (Komarzewski, Sur les causes réelles de la décadence de la Pologne», Paris, 1807, 104). Все вѣря другу Миниху, Биронъ гордо заключалъ то свое письмо въ Варшаву: «прусскій министръ (Мардефельдтъ) почти не въ состояніи скрыть своего неудовольствія, ибо онъ и другъ его Потоцкій питали большія надежды, что наши предпріятія окончатся скверно, особенно въ Крыму, что мы вернемся такъ, какъ пок. импер. Петръ съ Прута, и сами будемъ просить заключить новый договоръ». (Сб. Р. И. О., XXXIII, 472). Полякъ Потоцкій — интимный другъ прусака, богатый панъ изъ Подоліи, въ Кенигсбергѣ печаталъ тогда «гнусные пасквили» на импер. управленіе, а его родные на югѣ, по словамъ Бирона, распространяли ихъ среди нашихъ плѣнныхъ — для раздачи ихъ потомъ среди простаго народа (Тамъ-же). Это—запоздавшіе отголоски французскихъ «химеръ», какъ раньше въ Украинѣ, въ Смоленскѣ.

Мы пошли на Козловъ (Евпаторію), но при ассистенціи тѣхъ же татаръ, рыскавшихъ вокругъ арміи, не допускавшихъ къ фуражировкѣ. Лѣтній зной въ крымской степи, именно, той части ея, которая состоитъ изъ громадной каменной глыбы, едва-едва, на какой-нибудь дюймъ, жидко прикрыта слоемъ земли, безводіе, голодъ, болѣзни. Кое-гдѣ въ придорожныхъ селахъ находили въ ямахъ зерно. «Оный хлѣбъ, говоритъ тотъ-же очевидецъ, въ ручныхъ мельницахъ ночью мололи; но къ печенію не доставало ни дровъ, ни печи, ниже времени, почему должны они были муку варить на подобіе киселя. Многіе и немолотый хлѣбъ жарили и такъ его ѣли, а иные ѣли и совсѣмъ сырой...»

Козловъ былъ пустъ: все убѣжало въ горы, турки на суда. Новая побѣда для Миниха и новая у насъ радость. «Козловъ, читаемъ мы въ академической газетѣ, гавань, которая для отправленія торговъ за наилучшее мѣсто въ Крыму почитается. Въ городѣ и слободахъ многое строеніе и жилища, немалое число каменныхъ мечетей или темпловъ, а въ одной слободѣ и греческая каменная церковь». Тогда-же ген. Леонтьевъ взялъ Кинбурнъ, противъ Очакова, и газета съ силою подчеркиваетъ, что «Черное море стало уже въ виду арміи» *). Давъ роздыхъ, 21 іюня Минихъ, но держась берега моря, пошелъ на Бахчисарай. Теперь всего было въ изобиліи: татаре не успѣли выжечь деревни, угнать скотъ. Столица слабо защищалась, населеніе бѣжало. «Бахчисарай, говоритъ Манштейнъ, имѣлъ до 2 тысячъ домовъ, треть которыхъ принадлежала грекамъ, имѣвшимъ церковь. Была также и миссія іезуитовъ; но они послѣдовали за ханомъ, а ихъ дома и библіотека были также мало пощажены, какъ и все другое. Дворецъ и весь городъ были обращены въ пепелъ» **).

Но, что же далѣе? Была уничтожена и вторая столица, Акмечеть (Симферополь), непріятель все отступалъ—къ морю. Предъ Минихомъ носилась Кафа (Ѳеодосія) — тамъ сосредоточилъ свои

---

*) С.-Петерб. Вѣдом., № 52. Въ приложеніи сталъ печататься «Журналъ о воинскихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ и татаръ».

**) Mémoires, I, 196. Въ Гл. Моск. Арх. М. И. Д. есть особая записка Манштейна о Бахчисараѣ. О ней говорилъ пок. Бюлеръ (Ж. М. Нар. Пр., 1881, іюнь, 96). По сообщенію Вѣшнякова въ началѣ 1736 г., на основаніи записки о Крымѣ мѣстнаго французскаго консула, Крымъ раздѣлялся тогда на 40 уѣздовъ, въ каждомъ отъ 30 до 40 селъ: всѣхъ крымскихъ и перекопскихъ татаръ, способныхъ носить оружіе, было 150 тысячъ. (М. Гл. Арх. М. И. Д., Тур. дѣла, 1736 г., св. 37/b № 6).

силы врагъ. Последняя победа и прочное утвержденіе тамъ манили честолюбиваго вождя; но — армія таяла на глазахъ; здоровые солдаты уже едва передвигали ноги. Не въ Кафу, а назадъ, въ Перекопъ, побрела армія и победитель. Мы поспешили въ Крымъ и поспешили оттуда. 24 декабря Минихъ былъ уже въ столице.

«Какъ сей, такъ и следующіе въ другіе годы походы, говоритъ русскій офицеръ, кончились темъ, что мы принуждены были взятыя места паки оставить и на границы почти съ разоренною арміею возвратиться», и, въ отличіе отъ увлекающагося фельдмаршала, бравшаго на бумаге такъ легко самый Стамбулъ, заключаетъ свой разсказъ простымъ замечаніемъ: «взять Крымъ и оный за собою удержать, кажется мне, до техъ поръ невозможнымъ, пока не будетъ въ Азовскомъ море флота, который туркамъ показаться и съ ними сразиться можетъ». Исторія его оправдала. Кампанія въ Крымъ окончилась — «sans être ni glorieuse, ni utile», по справедливому замечанію стараго историка*), а предсказанія, недавнія и, казалось, невероятныя, враговъ (Пруссіи) обнаружили, къ сожаленію, лишь ихъ дальновидность.

Не такого безцельнаго исхода ждали въ Петербурге: императрица, крайне возбужденная, требовала даже мира, но сколько-нибудь почетнаго. Она написала вице-канцлеру Остерману след. замечательныя слова: «П р у ц к о й   т р а к т а т ъ былъ великой вредъ и безчестье нашему государству, который въ ту пору отъ нужды былъ деланъ, и ежели такой способъ найдется, чтобы этотъ трактатъ уничтоженъ былъ, такъ же стараться наши границы присовокупить, не лучше ли войну прекратить»?

Правда, Петербургскія Ведомости не признавали неудачи и ободряли своихъ читателей, что «всякъ, кто о непрерывныхъ успехахъ въ Крыму победоносныя ея в-ва арміи ни слышитъ, принужденъ со страхомъ удивляться, а понеже и самъ салтанъ въ великомъ ныне отъ сего безпокойстве находится, то намеренъ онъ нарочнаго туда послать для полученія подлинной ведомости, что въ Крыму делается».

---

*) de-K e r a l i o, Histoire de la guerre des Russes et des Impériaux contre les Turcs en 1736 — 1739, Paris, 1780, 2 т., I, 60. Трудъ этотъ — обстоятельный разсказъ о военныхъ действіяхъ, успехахъ и ошибкахъ. По русская часть по «Запискамъ» Манштейна Важна австрійская часть, самостоятельная и безпохлебственная.

Правда, Петербугскія Вѣдомости, сообщая о маршѣ назадъ, указывали, что разорены Перекопъ, Кинбурнъ, утѣшали, что все это — «щастливые сукцесы», такъ какъ послѣ этого «русскому войску всегда проходъ въ Крымъ открытъ и безспорно имѣться будетъ» (№ 75). Но, все это плохое утѣшеніе, утѣшеніе по заказу. А главное — эти «сукцесы» стоили страшной убыли въ арміи, какъ и въ прошломъ году. «Армія, доноситъ саксонскій посланникъ 29 сент., остановилась у Царицынки, чтобы отдохнуть отъ трудовъ тяжелаго крымскаго похода. Какъ старательно ни скрываютъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ, но положительно удостовѣряютъ, что и въ послѣднее время происходили нѣсколько кровавыхъ дѣлъ съ татарами; но не столько отъ этого, сколько отъ болѣзней погибло въ арміи много людей. Что потеря была не мала, видно изъ объявленнаго новаго набора въ 60 тыс. на зиму» *).

Немного утѣхи было лишь на Востокѣ: здѣсь уже въ маѣ скромный и храбрый Ласи взялъ Азовъ (который и остался за нами). Общее и вполнѣ законное ликованіе въ Петербургѣ. 2 іюля въ петропавловскомъ соборѣ было читано «объявленіе» о взятіи исторической крѣпости. «Итако, объяснялось въ немъ русскому народу, Всемогущаго Бога помощею сей непріятельскій городъ, изъ котораго всероссійскимъ границамъ и подданнымъ толь великіе обиды и чювственные разоренія приключены и который отъ вѣроломныхъ турокъ въ 1711 г. по тогдашнимъ обстоятельствамъ отъ россійскаго государства оторванъ былъ, къ вѣчной безопасности тамошнихъ границъ и подданныхъ славнымъ ея в-ва оружіемъ по прежнему къ имперіи присовокупленъ» **), а еще въ маѣ калмыцкій ханъ Дондукъ-Омбы объявилъ о подчиненіи кубанскихъ татаръ, за что получилъ соболью шубу.

*) Сб. Р. И. О., XX, 105. Ср. именной указъ 15 сент., чтобъ «при нынѣшнихъ военныхъ трудахъ были добрые доктора и лѣкаря». (П. С. З. Р. И., № 7056).

**) Приложеніе къ С.-Петерб. Вѣдомостямъ, № отъ 2 іюля 1736 г. Радость на Невѣ, но грустно на Босфорѣ отъ «присовокупленія оторваннаго». Отъ появленія перваго петровскаго корабля изъ Азова, съ посломъ Украинцевымъ, въ 1700 году, на Босфорѣ турки стали особенно цѣнить Азовъ: «этотъ корабль, свидѣтельствуетъ очевидецъ, французскій министръ, открылъ имъ глаза на послѣдствія потери Азова, заставилъ ихъ опасаться визита менѣе любезнаго со стороны царя». (Zinkeisen, Der Westen und der Norden,

Всѣ эти «дѣйства» были у насъ съ татарами. Турокъ, мимо Азова, мы не видѣли: они-де насъ боятся, толковали мы себѣ. «Сказываютъ, что визирь съ арміею Дуная переходить не будетъ, для того и мостъ чрезъ рѣку (т. е. Дунай) не сдѣланъ. Другіе заподлинно разглашаютъ, что онъ всю будто зиму въ Сакеѣ (т. е. Исакчѣ) пробудетъ и намѣренъ такъ и поступить, чтобъ его къ баталіи не принудили, въ которую ему безъ великаго и очевидно страху вступить невозможно, потому что чрезъ худой ея конецъ все государство въ крайнюю бѣду и опасность приведено быть можетъ» *). Разъ только турки вышли изъ Очакова и пожгли разныя деревни до устья Буга и все изъ-за страха — «опасаяся, что нашимъ войскамъ тамъ посты захвачены будутъ» **).

въ «Histor. Taschenbuch» Раумера, III, 526). Взятіе теперь Азова крайне взволновало турокъ. «Это событіе, свидѣтельствуетъ современный исторіографъ князя Маврокордата въ Бухарештѣ, произвело огромное смятеніе въ Портѣ; совѣщанія шли безъ перерыва; приготовленія пошли и на сушѣ, и на морѣ». (Ephémérides Daces, II, 7). Въ результатѣ всего было и движеніе, наконецъ, визиря къ Дунаю, въ Бабадагъ, вмѣстѣ съ нашимъ Вешняковымъ (ib.).

*) С.-Петерб. Вѣдомости, 1736, № 75.

**) Тамъ-же. Объ учрежденіи почтовыхъ первыхъ становъ на Югѣ, о мѣрахъ по оборонѣ, комплектованіи арміи, тягостномъ продовольствіи, всяческихъ тягостныхъ наборахъ со всѣхъ, не исключая архіерейскихъ дворянъ, поповичей, церковниковъ (на кроющихся отъ службы недорослей свободно каждому было доносить, съ наградой за то полученія ихъ пожитковъ и деревень), о запретѣ винокуренія и пр., въ первый періодъ войны—см. П. С. З. Рос. Имп., №№ 6798, 6814, 6839, 6888, 6925, 6948, 6973, 6985, 7029, 7031, 7039, 7046, 7048, 7070, 7100, 7138, 7140, 7142. Иноземные помѣщики въ Украинѣ (Божичь, Вейсбахъ) не исключались (№ 7125); льгота—однимъ мѣщанамъ Кіева, ибо они «для необходимыхъ нуждъ подъ проѣзжающихъ пословъ, посланниковъ и иныхъ даютъ отъ себя до перваго турецкаго города Бендера подводы, нанимая не малою цѣною» (№ 7079). Такимъ образомъ, война отъ разу въ экономическомъ отношеніи стала страшнымъ бѣдствіемъ для всего населенія. Къ тому же масса чиновничьихъ злоупотребленій, не смотря на угрозу смертной казни. Хозяйственный итогъ политики подвелъ саксонскій министръ въ Петербургѣ въ депешѣ отъ 1 января 1737 г.: «война начинаетъ падать тяжелымъ бременемъ на государство. Жалобы на недостатокъ денегъ, поставку рекрутъ, лошадей, провіанта увеличиваются. Запасы хлѣба и корма сильно уменьшились: по границѣ, отъ вторженія татаръ, не могутъ болѣе сѣять». (Сб. Р. И. Общ., XX, 106—107. Ср. тамъ-же, 105). Но — ничего великаго въ жизни безъ испытанія; дѣло шло о крупной, годами подготовлявшейся, политической за-

Соблазнительно-долго манилъ Вѣшняковъ. Онъ русскій посолъ, а повторялъ то, что раньше Петру твердили изъ Валахіи Бранкованъ и другіе «христіане»: Прутъ, Дунай и—Константинополь. Что-же намъ дѣлать—въ виду побѣдоноснаго пораженія Миниха и все же заманчивой перспективы? Азовъ уже былъ въ нашихъ рукахъ. Императрица требовала сначала мира, лишь бы загладить горькую память Прутскаго договора. Но—всѣ средства еще не были исчерпаны по союзу съ Австріей. Можетъ быть, новыя обстоятельства разрѣшатъ дѣйствовать и въ двѣ руки: искать успѣшнаго и съ торжествомъ мира, а параллельно воевать, сообразуясь, напримѣръ, точно съ совѣтами Вѣшнякова — сухимъ путемъ итти за Прутъ, за Дунай... Мы должны были, прежде всего, приняться болѣе энергически за своего союзника, чтобы потомъ взяться и за такъ долго нежеланную Остерманомъ «дружебную негоціацію».

—

Итакъ, первый годъ настоящихъ «дѣйствъ» былъ столь-же малорезультатенъ, какъ и почти годъ нашихъ переговоровъ съ союзникомъ.

Правда, 1 января 1737 г. была «преизрядная иллюминація» въ столицѣ. На Невѣ огни и вензель съ надписью: «отъ Бога новые годы и новыя побѣды».

Но, старыя побѣды далеко не отвѣчали партіи въ пышной программѣ Миниха, гдѣ стоялъ и захватъ берега до устья Днѣпра, а, при случаѣ, и овладѣніе всѣмъ полуостровомъ. Мало того, новый годъ открылся дерзкимъ вторженіемъ крымскихъ татаръ въ Украину, близъ р. Калиберды, въ числѣ 100 тыс. Правда, Минихъ, бывшій уже при сборахъ опять на Югѣ, доносилъ, что татаре разорили лишь нѣсколько хуторовъ по Днѣпру *); но вторженіе показало, что татаринъ по старому полный еще хозяинъ на Югѣ.

Но не безъ надеждъ впереди, но надеждъ отъ усиленныхъ, уже двустороннихъ, съ нашей стороны и отъ союзника, «дѣйствъ».

дачѣ Россіи на Югѣ — о попыткѣ нормально, наконецъ, устроиться тамъ, создать тамъ для себя, и на вѣки, естественную базу формировавшейся Имперіи, среди условій, которыя, казалось, наиболѣе были благопріятны— которыя «не повторятся и чрезъ сотни лѣтъ». — Письмо императрицы Остерману — Соловьевъ, Исторія Россіи, XX, 104 — 105.

*) С.-Петерб. Вѣдомости, 1737, №№ 1 и 18.

Необходимо лишь довести старые переговоры къ желанному концу, принудить цесаря на «декларацію»; при этомъ условіи могла улыбнуться возможность и вполнѣ успѣшныхъ переговоровъ съ турками гдѣ-нибудь на новомъ конгресѣ: конгресъ въ Очаковѣ Остермана остался на бумагѣ.

Визирь все стоялъ у дельты Дуная. Мы объясняли это, удобно для себя, его боязнью предъ батальей, при встрѣчѣ съ нами.

Но его неподвижность имѣла совсѣмъ иныя причины, была тонкимъ лукавствомъ, о которомъ, вѣроятно, и догадывались въ Вѣнѣ; отсюда и ея утомлявшая Остермана двойственность, нерѣшительность—«сумнительства», по его словамъ.

Мы видѣли, Вѣшняковъ уже давно, еще въ ноябрѣ 1735 г., доносилъ, что противъ насъ рѣшено на мѣстѣ дѣйствовать только оборонительно — «намѣреніе токмо оборонительно стоять». Противъ Россіи пока достаточно и однихъ татаръ—аккерманскихъ, очаковскихъ, крымскихъ, кубанскихъ: былъ страшнѣе несомнѣнный второй противникъ, который, какъ вѣрно понимала Порта, объявится не сегодня-завтра—Австрія, съ свѣжими боевыми лаврами, съ своими границами у подножья Балканъ. Ее-то надо было подстеречь и ее подсчитать. Это и былъ планъ Боневаля, который еще въ концѣ 1734 года приготовлялъ въ Босніи запасы. Наступленіе предрѣшено было для одного цесаря.

Такимъ образомъ, личные вкусы Боневаля, стараго пріятеля самого Миниха—«въ цесарской службѣ, припоминалъ онъ однажды Неплюеву, вмѣстѣ многія лѣта служили»—совпадали съ общими политическими интересами Турціи, въ Пожаревацкомъ договорѣ 1718 г. имѣвшей свой Прутъ.

Но опасенъ былъ цесарь и своими привычными ходами среди христіанъ Турціи, ходами не сентиментальными.

Уже осенью 1736 г. было сообщеніе у насъ изъ Вѣны, что тамъ «недавно вѣдомость получена, что и иллирическій народъ (т. е. сербы, злополучные рацы, недавно безъ милости мучимые у себя) при первой съ турками оказующейся войнѣ возмущеніе учинить намѣренъ», почему генералу Пальфи приказано «на безпокойныхъ рацовъ, также на помянутую иллирическую націю вездѣ и всегда прилежно смотрѣть». Еще любопытнѣе было, нѣсколько позже, другое извѣстіе изъ Вѣны, что греки

-рудокопы подъ Адріанополемъ «нынѣ чрезвычайно турокъ не любятъ и приближеніе цесарскаго войска въ тамошнія мѣста съ великою нетерпѣливостью ожидаютъ, дабы имъ чрезъ сей случай толь легче и скорѣе подъ протекцію цес. в-ва прити»*).

Изъ старой даже памяти не могла не знать, не предвидѣть этихъ цесарскихъ ходовъ Турція; почему ея главное вниманіе отъ-разу здѣсь, на Западѣ; нельзя потому вэпрю строить моста черезъ Дунай, войти въ Бессарабію. Свой Сѣверъ необходимо было предоставить его судьбѣ—считаться съ нами своими средствами. Естественно, если одновременно изъ сербскаго Бѣлграда сообщали намъ о поспѣшныхъ приготовленіяхъ турокъ противъ цесарцевъ, о защитѣ дороги на Константинополь**).

Вмѣстѣ съ недвигавшимся вэпремъ, въ виду устья Дуная, неподвижно сидѣлъ и нашъ Вѣшняковъ. Но если раньше онъ былъ доволенъ турецкимъ обхожденіемъ, то теперь, послѣ нашего вторженія въ Крымъ и его опустошенія, онъ чувствовалъ себя въ крайне тягостномъ положеніи.

«Я, пишетъ полуплѣнный резидентъ изъ своей Бабады 13 августа 1736 г., нынѣ прихожу самъ въ отчаяніе спасенія моего изъ варварскихъ рукъ—силою невозможно выдраться. Бывъ принужденъ у нихъ быть, стараюсь всячески себя вести,

---

*) Тамъ-же, 1736 г. № 82, 1737, № 54. Извѣстіе это о грекахъ странное. Были на Балканѣ въ гор. Новомъ Бырдѣ, Кипровцѣ издавна рудокопы саксонцы, всегда сторонники Австріи, какъ заготовляемые нынѣ колонисты въ Босніи изъ Тироля и др. мѣстъ. Многіе изъ Кипровца выселились послѣ войны 1739 г. въ Венгрію... Ср. Jireček, Dějiny národa Bulharského, 356, 416; одесскій переводъ, 612.

**) «Всѣ большія дороги и другія въ Болгаріи къ Волоской землѣ, а оттуда въ Константинополь ведущій путь множествомъ деревъ заваляли, также нѣсколько горъ, которыя знатнѣйшія нисгія мѣста въ Сербской землѣ отъ Болгаріи покрываютъ, со всѣхъ сторонъ многими редутами и батареями укрѣпили». (Петерб. Вѣд., 1737 г. № 33). Путь этотъ—вѣковой: Бѣлградъ, Пиротъ (тутъ кончалась тогда Австрія), Софія, Адріанополь и Кучюкъ-Чекмедже на Мраморномъ морѣ или Ponte Piccolo. Онъ памятенъ былъ особенно для Австріи, для ея дипломатовъ: съ XVI в. открылись только что не ежегодныя, вынужденныя пилигримства ея пословъ для ублаженія Порты — «ferendi annua ad Ottomanam munera Portam», для врученія ежегодной дани въ Константинополѣ. То же было тогда же у Москвы съ Крымомъ. Слѣд., разницы нѣтъ. Ср. изслѣд. хорватскаго академика П. Матковича: «Putovanja XVI v.», въ журн. Загр. Ак. Наукъ «Rad», кн. 139.

чтобъ не подать имъ случая къ какъ худымъ со мною поступкамъ». Одно его нравственно крѣпило, это—страхъ, который, по его словамъ, испытывали турки при каждомъ слухѣ о движеніи русскихъ къ Дунаю, о приближеніи ихъ къ «бѣднымъ христіанамъ» тамъ, въ заповѣдныхъ мѣстахъ. Онъ извѣщаетъ 6 октября, что пошелъ слухъ, что козаки будто уже у нижняго Днѣстра, жгутъ деревни и плѣнятъ людей: «невозможно описать, коль велико было смятеніе и страхъ чрезъ (въ теченіе) 2 дни; спрашивали—не будутъ-ли русскіе за Дунай слѣдовать»?

Но Вѣшняковъ напрасно нарекалъ на варварскія руки. Уже 4 октября визирь изъ Исакчи (слѣд., на самомъ Дунаѣ) извѣщалъ Остермана, что Вѣшняковъ будетъ отпущенъ — «ежели съ побѣдоносною арміею къ границамъ прибудемъ», а между тѣмъ на дѣлѣ, и не дожидаясь этого срока, визирь уже 22 октября не только возвратилъ представителю Россіи полную свободу на отъѣздъ, и съ письмомъ къ Остерману, но, окружая его знаками вниманія, негласно, но ясно, обнаруживалъ свою готовность — остановиться предъ всякими дѣйствіями, итти на миръ.

25 октября изъ бессарабской деревни Гречины *) Вѣшняковъ сообщалъ о своемъ отпускѣ, что именно молдавскій князь Гика объявилъ ему именемъ визиря свободный отъѣздъ въ Россію, но что переводчикъ Порты, другой Гика, заговорилъ съ нимъ тутъ же и о мирѣ, но какъ бы самъ отъ себя.

Переводчикъ спрашивалъ о мнѣніи Вѣшнякова: — «какъ дѣла кончиться могутъ, кто изъ чужестранныхъ министровъ способнѣе служить можетъ — цесарскій посолъ, или англійскій и голландскій»? Онъ добавилъ, что Порта, по старому, «дружбы желаетъ съ Россіею, но донынѣ не имѣетъ и не знаетъ кому говорить».

«Я, доносилъ Вѣшняковъ, отвѣчалъ: вижу, что посолъ цесарскаго в-ва, яко друга и аліатора, какъ и Портѣ друга, въ сихъ дѣлахъ имѣетъ нѣкоторыя отъ двора его коммисіи, слѣдственно, онъ полезенъ быть можетъ. Вѣрю, что Порта дружбы желаетъ, но посылкою министровъ на границы время упустила», т. е., какъ это давно предлагалъ Остерманъ, въ Очаковъ.

---

*) Теперь Гречены, вблизи нижняго Прута, между Болградомъ и Кагуломъ, у почтовой станціи Гаваносы.

Подобная же бесѣда и тогда же была у Вѣшнякова и съ молдавскимъ княземъ Гикою. Въ виду этой настойчивости, резидентъ справедливо предположилъ, что Гикѣ, опытному слугѣ Порты, «едва-ли не будетъ коммисія — изъ Молдавіи съ нимъ переписываться», по подготовкѣ дѣла мира, но частнымъ образомъ

Возвратъ Вѣшнякова въ Россію былъ спокойный, удобный: ничто не напоминало ему о его первомъ знакомствѣ съ Бессарабіей и съ этимъ самымъ Гикою, въ 1729 г. Путь его лежалъ на Кіевъ чрезъ Хотинъ, Жванецъ, Каменецъ и далѣе чрезъ мѣста Подоліи, которыя еще недавно (съ 1734 г.) были поприщемъ отчаянной борьбы русскаго народа съ польскими помѣщиками и евреями, подъ командою волошанина Вырлана, и которыя не были еще и тогда свободны отъ партизанскихъ дѣйствій возставшихъ знаменитыхъ гайдамакъ, все продолжавшихъ «infestować kraj», какъ жаловались поляки *). Какъ истинно рус-

*) Гайдамаки (тоже и общаго происхожденія съ гайдуками у южныхъ славянъ—мстители народа за народъ, слово, внѣ связи съ турецкимъ неопред. наклоненіемъ гайдемак, а отъ частицы гайда впередъ, маршъ) Вырлана, поднявшіеся въ 1734 г. въ Подоліи—крупное и важное явленіе въ политической исторіи Юга въ XVIII стол. Напрасно въ экономическомъ и политическомъ движеніи гайдамакъ бессарабца Вырлана видятъ отсутствіе программы, точной цѣли. Она ясна: ея императорское величество, лозунгъ — Москва: «вся Русь по Збручь и Случь (нынѣ межа съ Австріей) ея царскому величеству принадлежитъ», говорили гайдамаки, что сами-де аккерманскіе татаре получили приказъ отъ царицы не трогать возставшихъ. Только предъ поляками была видна одна сторона, что хлопы «śmieli nieprzyjacielsku armis na panów swoich saevire w kraju takim, gdzie buntów scrpit origo malorum», повторяя ихъ, ихъ шляхетскимъ языкомъ. И при Вырланѣ, какъ 30 лѣтъ позже — «якъ ножи святили», тотъ же царскій указъ, но широко-поэтически понятый (знакъ давняго нетерпѣнія), подняла народъ, и тоже приближеніе русскихъ войскъ было сигналомъ возстанія (въ 1734 году войска наши, подъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, вступили въ Подолію для чистки ея отъ сторонниковъ Ляса). Сами поляки показываютъ тогда, что предварительно крестьяне только постоянно пили, банкетовали, около усадьбъ шумѣли и все поджидали—«póki Moskwa nie nastąpią». Жалобы пановъ, что крестьяне помогали во всемъ русскимъ не все: главное—крестьянская армія Вырлана, сначала изъ волоховъ Бессарабіи и сербовъ, потомъ изъ русскихъ, очищая Подолію, главную квартиру сторонниковъ Станислава Лещинскаго, отъ этихъ послѣднихъ, въ своихъ дѣйствіяхъ на южной половинѣ—на линіи: Умань, Немировъ, Копіевка, Попелюхи, Рашковъ на

свій, Вѣшняковъ, проѣзжая чрезъ молдавскія и русскія деревни Бессарабіи, неупустительно въ мѣстныя церкви дѣлалъ денежныя пожертвованія левками. Къ Рождеству онъ былъ въ Кіевѣ Отсюда 29 декабря онъ письмомъ благодарилъ Гику за высказанное участіе при освобожденіи и «за склонные поступки и учтивости» при проѣздѣ чрезъ его владѣнія. Но въ заключеніи письма резидентъ переходилъ къ затронутой темѣ при отъѣздѣ, что «кончить дѣло можно миромъ на съѣздѣ, а о времени и мѣстѣ того съѣзду чрезъ ваше сіятельство соглашенось быть можетъ».

Такъ мирно на Югѣ заключался годъ крымскаго «крещенія».

Въ принципѣ Порта была согласна на конгресъ, предложенный промежъ дѣла еще въ началѣ іюня Остерманомъ, но внѣ его сроковъ. Ближайшее будущее имѣло рѣшить побочные вопросы—о времени и мѣстѣ. Но на Сѣверѣ главный вопросъ все былъ объ аліаторѣ, о Вѣнѣ, чтобы имѣть возможность продиктовать свои условія Портѣ на конгресѣ, но при прямомъ участіи и военнаго счастія отъ арміи своей и чужой, союзника.

Днѣстрѣ, сообразовывалась съ дѣйствіями русскихъ войскъ принца на Сѣверѣ, въ Галиціи: обѣ арміи имѣли въ виду крайнюю общую точку—Каменецъ-Подольскъ. Рѣчь позже, въ судахъ надъ гайдамаками, о платѣ; такъ, одни показывали: «платы никакой не имѣемъ; дозволенъ грабежъ жидовъ и ляховъ»; или другіе: «якъ королевичъ (т. е. Августъ III) укоронуется и будетъ королемъ, то будете мати пожалованіе»; слѣд.. гайдамаки смотрѣли на себя, какъ на составную часть русской дѣйствующей арміи, какъ на опредѣленную политическую фракцію. Наконецъ, нельзя отказать гайдамакамъ Вырлана въ ихъ участіи по дѣлу конечнаго замиренія Польши въ іюнѣ 1736 года и «коронованія» Августа: помимо контрибуцій на шляхту, главнымъ образомъ гайдамаки заставили, напримѣръ, шляхту Брацлавскаго воеводства въ мартѣ 1735 г. признать Августа III, признать передъ русскими военными властями, что мы (—шляхта) Августа «za prawdziwie obranego Pana mamy». Помимо того, что межъ гайдамакъ были и просто разбойники, отребье и сами шляхтичи (въ Коліевкѣ, Ладыжинѣ), политическая необходимость вынуждала русскія власти отрекаться отъ связи съ возстаніемъ 1731 г. Какъ жалка среди этихъ поднявшихся русскихъ хлоповъ фигура панскаго лакея, Саввы Чалаго, убитаго, уже позже, запорожцами!—Всѣ эти свѣдѣнія о гайдамакахъ Вырлана—изъ богатаго, тщательно собраннаго проф. В Антоновичемъ матеріала—«Архивъ Юго-Западной Россіи», ч. III, томъ 3 (Кіевъ, 1876), passim.

Отъ этой комбинаціи энергическаго слова и дѣла Остерманъ ожидалъ торжества для своей восточной политики *).

Мы оставили дѣло съ аліаторомъ въ стадіи взаимнаго раздраженія.

Между Петербургомъ и Вѣною все жалобы, пререканія. Остерманъ указывалъ—зачѣмъ не «декларована» война во время, нарекалъ на «торопость» Талмана на Босфорѣ, что, вѣроятно, всему дѣлу былъ бы давно конецъ, еслибы не Талманъ, еслибы имъ, «вмѣсто прилежнаго предложенія офицій, какія либо сильныя деклараціи учинены были», что, наконецъ, «отъ ея в-ва въ нынѣшнемъ случаѣ союзнической рим. в-ва помощи требуется, аліанція же (т. е. договоръ 1726 г.) показуетъ, въ чемъ сіе вспоможеніе состоять имѣетъ», т. е., на крайній случай—въ присылкѣ вспомогательнаго австрійскаго корпуса. Но Вѣна твердила одно—опасно и все практиковала, не смотря на время, политику офицій на Босфорѣ. Въ отвѣтѣ-же, все одинъ Талманъ.

«Сей Талмана весьма предосудительный поступокъ, вычитывалъ Остерманъ послу Австріи въ Петербургѣ, еще и 20 октября неотмѣнно продолжался, и не имѣется-ли причины къ произнесенію о томъ великихъ жалобъ, оное собственному его рим.-цес. в-ва праведному разсмотрѣнію охотно предается». Ссылаясь на прежнія свои объясненія, Остерманъ старается устранить подозрѣніе, что Россія можетъ оставить союзника на произволъ судьбы. «Коль мало, продолжалъ вице-канцлеръ, здѣшнее намѣреніе когда либо было—его цес. в-ву всю тягость турецкой войны одному наваливать, о томъ отъ времени до времени деклараціями довольно показано. Изволенію его в-ва весьма предано и еще нынѣ предается—изволитъ-ли онъ вспоможеніе присылкою помощнаго корпуса или диверсію учинить? Въ первомъ случаѣ всѣ пространно предъявленныя опасности и сумнительства сами собою опровергаются, а хотя путь диверсіи по собственному изволенію и благоизобрѣтенію изберется, однакожъ отъ извѣстнаго ея в-ва праводушія зѣло удалено будетъ, чтобъ оную не инако,

---

*) Гл. М. Арх. М. Ин. Д., Тур. дѣла, 1736 г., св. 37/Ь № 7, св. 38/Ь № 9.

какъ подъ такими кондиціями учинить, которыя въ разсужденіи положенія обоихъ сторонъ земель нынѣ сами собою несостоятельны и, слѣдственно, какъ съ содержаніемъ аліанцъ-трактата, такъ и съ существительнымъ вспоможеніемъ сходственны быть не могутъ. Операціи надлежитъ съ обоихъ сторонъ съ крайнею силою производить».

Но, припоминая все прошлое, Остерманъ только и могъ снова подчеркнуть: «время въ безплодной перепискѣ безъ вины ея в-ва утрачено», что совсѣмъ иначе Россія выполняла свои обязательства по тому же трактату, посылая Ласи на Рейнъ, вчера еще. Рѣзкое припоминаніе не могло остаться безъ дѣйствія.

Въ виду, прежде всего, энергической настойчивости Остермана римское величество вынуждено было, наконецъ, уступить и, хотя съ полною неохотою, объявить себя уже за войну прямо, т. е. «изволило» за второй путь, за диверсію.

19 ноября Остейнъ сообщилъ Остерману о полученіи имъ указа отъ 31 октября, что въ Вѣнѣ ждутъ русскаго генерала для выработки общаго плана военныхъ дѣйствій, но что вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ полагаютъ, что переговоровъ о мирѣ съ Портою не оставлять, ибо «содоговаривающаяся сторона можетъ мирные переговоры 80 тысячами споспѣшествовать». Указъ 31 октября категорически говорилъ, что «обязательнѣйше представляется отнынѣ—прямо объявить Портѣ, что въ войнѣ участіе (т. е. Австріи) принято будетъ, ежели сей зимы общая безопасность чрезъ заключеніе общей мирной негоціаціи утверждена не будетъ». Въ виду тяжелаго противъ союзника настроенія въ Петербургѣ, цесарь теперь рѣшительно отрекался отъ своей недавней политики, давалъ зарокъ и удостовѣрялъ, что болѣе «ни о какомъ посредствѣ, ниже о приложеніи добрыхъ оффицій слова не будетъ, и Портѣ не скрыто будетъ, чего она въ противномъ случаѣ ожидать имѣетъ». По видимому, все ясно, наконецъ...

Но, понятно, одной настойчивости русскаго вице-канцлера, его тяжелыхъ припоминаній о нравственномъ долгѣ было мало: должны были принять участіе въ состоявшемся, наконецъ, рѣшеніи воевать и побужденія pro domo sua. Этими побужденіями были: религіозный моментъ и объявившійся наконецъ аппетитъ на Боснію, которою раньше тщетно соблазнялъ Остерманъ цесаря, крайне оскудѣвшаго послѣ войны съ Франціей изъ-за Лещинскаго.

Первый голосъ имѣли всемогущіе при дворѣ іезуиты. «Со всѣхъ сторонъ, свидѣтельствуетъ ближайшій къ эпохѣ историкъ, стали говорить, что наступилъ роковой часъ для оттомановъ, что они не въ силахъ сопротивляться соединеннымъ силамъ имперіи и Россіи; ввели въ дѣло одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ—интересъ вѣры, нашли средства убѣдить императора, что долгъ католическаго государя — истребить турокъ, какъ враговъ христіанства» *). Земная же награда ревнителю христіанской вѣры—остермановская Боснія (у Неплюева—Боссина, съ итальянскаго), какъ необходимое дополненіе «поспѣшнаго»-де Пожаревацкаго мира. Именно, указывали, что Боснія и въ виду итальянскихъ дѣлъ важна: она предлагаетъ рѣдкія удобства для передвиженія войскъ изъ Венгріи на австрійское побережье Адріатики, составляетъ звено для соединенія съ Италіей, что будь она сегодня австрійской, иное было бы въ послѣдней, только что законченной, войнѣ. Такъ доносилъ осенью 1736 г. Фоскарини, венеціанскій министръ въ Вѣнѣ, своему сенату **).

Остерманъ могъ теперь спокойнѣе глядѣть въ будущее: въ виду конгрессъ, но энергически «споспѣшествуемый» силою оружія сговорившихся, наконецъ, союзниковъ, силою оружія съ двухъ сторонъ.

Чтобы разсѣять окончательно недавнюю холодность, Остейнъ уже 2 декабря предложилъ Остерману содержаніе отвѣта гр. Кенигсека къ визирю, что «цесарь уже не медіаторъ, но союзникъ Россіи и содоговаривающаяся сторона, себя представляетъ для заключенія мирнаго договора сею зимою», и, сверхъ

---

*) Keralio, de, Histoire de la guerre des Russes et des Impériaux и пр. I, 87. По обстоятельности, какъ замѣчено выше, лучшая исторія войны. «Публика, особенно военные, говоритъ авторъ въ предисловіи, прочтутъ съ интересомъ исторію этой войны, одинаково удивительной и своими успѣхами, и ошибками, и славной лишь для одной Франціи» (I,VI).

**) «...la Bossina (съ сербскаго Босна) sarebbegli stata di comodo maraviglioso ad transferire delle truppe di Ungheria sul Littorale Austriaco e a tesserne la comunicazione coll' Italia. Per il qual conto ho uditi molti uomini savj querelarlarsi dell' ultima frettolosa pace di Passarovitz, come di quella, che avesse intercetto un così bell' acquisto, sostenendo che, se Sua Maestà avesse posseduta in oggi la Bossina, gli Alleati non avrebbero avuto così buon gioco nella guerra spirata pur' ora» (Fontes rerum Austriacarum, XXII, 124).

того, отрывки изъ новой инструкціи Талману въ томъ же духѣ. «Ни о какой медіаціи, говорилось въ ней, ниже̂ о приложеніи добрыхъ офицій впредь болѣе ничего не говорить, насупротивъ же того, къ толь сильнѣйшему склоненію Порты въ принятіи справедливыхъ мирныхъ кондицій, его цес. в-во, яко союзную съ Россіею державу, купно съ ея в-вомъ договаривающеюся стороною представлять, къ чему, но не инако, онъ, баронъ, имѣющую въ рукахъ полную мочь употребить имѣетъ».

Наконецъ, тогда же въ декабрѣ (17) было сообщено Остерману и о принятіи Австріей нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, при порѣшенной общей войнѣ съ Турціею, относительно кабинетовъ Европы, что цесарь принялъ «тройныя разсужденіи о чужестра̂нныхъ дворахъ», и прежде всего относительно Франціи и Швеціи. Цѣль этихъ дипломатическихъ шаговъ, объяснялъ Остейнъ — «дабы ихъ удержать, чтобъ онѣ въ пользу Порты противъ Россіи и общаго интереса ничего не предпринимали и таковы вмѣсто одного непріятеля больше на себя не навести». Иными словами, имп. Карлъ счелъ необходимымъ извинить свое новое поведеніе—предстоящее участіе и Австріи въ русско-турецкой войнѣ, уничтожить ревнивое подозрѣніе недавняго врага, Франціи, завѣреніями, что его цѣль одна—возобновленіе Пожаревацкаго договора, а не «конкеты».

Конечно, Франція не могла быть настолько проста, чтобы этому такъ и повѣрить, безкорыстію Карла, и не догадаться о настоящей цѣли, даже если бы австрійскій посолъ въ Парижѣ, Шмерлингъ, строго выполнилъ преподанный ему наказъ: «не упоминать съ нашей стороны о нѣкоторомъ расширеніи границъ», о чемъ оповѣстилъ также Остейнъ Остермана. Мы видѣли, агенты Австріи уже спозаранку открыли свою недобрую дѣятельность среди всегда мало разсудительныхъ славянъ, именно, въ видахъ намѣченнаго Вѣною «нѣкотораго расширенія».

Такъ немирно, прямою и усложненною войною заключался тотъ же 1736 годъ на Сѣверѣ, на Невѣ, когда Вѣшняковъ, съ оливковою вѣткою въ рукахъ, входилъ въ предѣлы Россіи съ Юга, изъ своего дунайскаго заточенія, отъ береговъ Овидія.

9 января (нов. стиля) 1737 года была подписана въ Вѣнѣ конвенція объ общихъ военныхъ дѣйствіяхъ на наступавшій годъ. Конвенція указывала, что цесарь всегда миролюбивъ, далекъ «чтобъ невѣрно исполнять трактаты, хотя и противу не-

вѣрныхъ», что онъ остерегалъ Порту и добрыя услуги употреблялъ, но она глуха, и потому въ виду договора 1726 г. нужно было согласиться «о общемъ планѣ предпріятій — что противъ общаго непріятеля и на общій конецъ съ обѣихъ сторонъ учинено быть имѣетъ». Австрія употребитъ свою армію въ Венгріи «къ полученію общаго, безопаснаго и славнаго мира», «никогда отъ Россіи отдѣлить себя не дастъ», послѣдній срокъ для негоціаціи — конецъ зимы. Въ самомъ планѣ подчеркивалось (конечно, по требованію изъ Вѣны), что онъ долженъ быть составленъ такъ, чтобъ ни одинъ, ни другой изъ союзниковъ «всей силѣ непріятельской подверженъ не былъ, но взаимно другъ другу подавали помощь», что при движеніи турокъ въ Венгрію, русскіе заходятъ съ тылу и, «ежели возможно будетъ, вторгаются чрезъ Молдавію во внутреннія земли Порты». Мира одинъ безъ другаго не заключаетъ *). Здѣсь суммированъ былъ итогъ всѣхъ долгихъ переговоровъ.

Естественно, что и на Босфорѣ повѣялъ теперь иной — суровый вѣтеръ.

Неповинный Талманъ, пунктъ особенныхъ упрековъ Остермана, согласно измѣнившимся условіямъ, сейчасъ-же измѣнилъ свою роль и открылъ жестокія нападенія противъ турокъ, прежде всего, за непринятіе въ свое время остермановскаго предложенія о конгресѣ въ Очаковѣ, т. е. повторилъ Вѣшнякова.

«По начатію войны, выговаривалъ баронъ переводчику Порты въ декабрѣ, вручая отвѣтное письмо графа Кенигсека къ визирю, съ неусыпнымъ прилежаніемъ старался я о прекращеніи дальнѣйшаго огненнаго распространенія, и для того россійскій дворъ намѣреніе воспріялъ полномочныхъ къ границамъ отправить, а цесарскій, для произведенія сего знатнѣйшаго дѣла, ни малое отлагательство не показалъ — назначить его посломъ и ему сію негоціацію вручить. Но Порта упущеніемъ времени и пренебреженіемъ старанія толь постоянно дружебнаго двора къ тому сіе дѣло привела, что кромѣ того единаго способу, о которомъ онъ письмомъ своимъ къ визирю предложилъ, иного не остается». Талманъ упрекалъ далѣе, что визирь и сейчасъ не отвѣчаетъ о дѣлѣ, а хитритъ, и онъ требуетъ отъ него рѣшительнаго отвѣ-

---

*) П. С. З. Р. И. № 7153; Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, I, № 9.

та—миръ или война, что причина отлагательства очевидна—«воспользоваться временемъ для приготовленія къ продолжительной и жестокой войнѣ». Но разъ получится положительный отвѣтъ, онъ, Талманъ, готовъ тотчасъ же ѣхать въ дунайскій лагерь къ визирю—для заключенія мира.

Прошло не болѣе часу, какъ тотъ же переводчикъ уже возвратился изъ Порты, съ запросомъ о количествѣ возовъ и лошадей, нужныхъ для поѣздки барона въ визирскій лагерь. Но тутъ же онъ передалъ отъ рейсъ-ефендія лукавый упрекъ, что, на его взглядъ, цесарь уже «чрезвычайный парціалитетъ являетъ къ Россіи», что онъ наступательно требуетъ отъ Порты сатисфакцію дать, тогда какъ въ огненномъ распространеніи вина одной Россіи *).

Талманъ могъ считать себя и цесарскій кабинетъ побѣдителями: они устрашились Австріи и сдались... Онъ забылъ только, что дѣло шло въ Турціи, съ турками. Кто кого обойдетъ?

Между тѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ бѣднаго Талмана тоже обвиняли, что, какъ говорилъ теперь самъ императоръ Карлъ, «сначала ошибкою Талманъ слова посредства вмѣсто приложенія добрыхъ официй употребилъ», рѣшившись, послѣ долгихъ увертокъ, соединить свои судьбы съ восточной политикой Остермана, не могли не заинтересоваться первымъ вопросомъ: да какія же точно цѣли преслѣдуетъ Остерманъ, его восточная политика? Надо попробовать вывѣдать, авось, можно провести Остермана. Что, если эта политика станетъ поперекъ пути, поперекъ побѣдоноснаго движенія Австріи къ Босфору? Мы указывали, подозрѣнія въ этомъ духѣ не могли не быть давно: вѣдь Петръ Великій еще недавній современникъ..

Уже въ половинѣ января 1737 года нашъ посланникъ въ Вѣнѣ получилъ въ томъ смыслѣ отъ вѣнскаго кабинета порученіе — вывѣдать, но подъ предлогомъ легальнымъ.

«По мнѣнію цесарскаго двора, писалъ добродушно Ланчинскій, итако ничто болѣе не остается, какъ въ конфиденціи извѣстіе имѣть, къ чему россійское требованіе клонится, по тому легко способъ сыщется, что гордость

*) Гл. Моск. Ар. М. Ин. Д., Турецкія дѣла, 1736 г., св. 38/Ь № 9

Порты не меньше какъ тѣмъ утверждается; ибо оное требованіе или отъ обоихъ морскихъ державъ, яко медіаторовъ, предложено, или вышепоказанное опасеніе здѣшними сильными декларадіями предупреждено быть можетъ. При каждой мирной негоціаціи полагается сначала нѣкоторое основаніе; ежели во Франціи, Англіи и Голландіи о именномъ намѣреніи россійскаго двора прямо разсуждаютъ, то мирный трактатъ отъ 1700 г. съ тѣмъ, чѣмъ кто нынѣ владѣетъ, за основаніе положенъ, Прутскій трактатъ уничтоженъ, и напередъ постановлено будетъ, что по вышеписанному основанію отъ стороны Порты спорныя границы положены быть имѣютъ. И какъ особливо его цес. в-во себя, яко содоговаривающуюся сторону, представляетъ и объявляетъ, что отъ того оной негоціаціи никакое затрудненіе произойти не можетъ, такъ и нераздѣлимость обоихъ дворовъ къ предбудущей безопасности тѣмъ сильнѣйше утверждается. Ежели въ дѣло вышепоказаннымъ образомъ вступлено будетъ, то Порта или на такое предложеніе поступитъ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, кажется, Россія свое намѣреніе съ великою славою и похвалою получитъ; во второмъ — вина на Порту совершенно положится, иныя державы отъ противныхъ происковъ и намѣренія удержаны будутъ».

Почти одновременно (20 января) съ тѣмъ же запросомъ о конфиденціи обратился въ Петербургѣ Остейнъ къ Остерману, объ условіяхъ Россіи, что ему приказано «с у г у б о ю ревностью у здѣшняго двора о томъ домогаться» и тотчасъ же отправить съ ними курьера — до того была нетерпѣлива Вѣна. Для снисканія большей довѣренности къ себѣ отъ своего союзника, австрійскій посолъ сообщалъ тутъ же вицеканцлеру, что уже полковникъ Беренклау ѣдетъ изъ Вѣны въ Россію съ замѣчаніями своего двора на планъ общихъ военныхъ дѣйствій въ наступившемъ году.

Уже 26 января Остерманъ отвѣчалъ Остейну—отказомъ въ сообщеніи условій На взглядъ его, это—шагъ преждевременный — «неиріятелю, который, на всѣ учиненные ему авансы не смотря, по сіе время наимнѣйшей склонности къ дружеской негоціаціи не оказалъ, мирныя кондиціи предлагать, наименьше того еще безъ крайнѣшей нужды, въ которой, слава Богу, не находимся, свой ультиматумъ предъявлять, еже и безъ того расположить не можно, но, какъ недавно заключенная конвенція гласитъ, не ина-

ко, какъ по времени и какъ конъюнктуры къ тому способы подадутъ, размѣрена (т. е., негоціація) быть можетъ. Многое же и лишнее требовать, въ чемъ еще сами утвердится не намѣрены, точію напрасную жалюзію причинить и къ здѣшней обидѣ и предосужденію касаться могло-бъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Остерманъ удостовѣрялъ, что «ея в-во всегда готова къ миру, и какъ только Порта отправитъ пословъ на границы, то и здѣшніе безъ всякаго умедленія туда же и къ тому всегда готовы быть имѣютъ». Но чтобы успокоить цесаря, его «жалюзію» (ее онъ, въ свою очередь, необходимо подозрѣвалъ), Остерманъ не отказался въ самыхъ общихъ словахъ предварительно познакомить Остейна съ своими кондиціями, основывающимися на «миролюбивыхъ сентиментахъ».

«Требованія ея в-ва, писалъ Остерманъ, такъ резонабельны будутъ, что весь свѣтъ о великодушіи, умѣренности и праводушіи ея в-ва и коль мало она продолженіе войны скорому произведенію надежнаго мира предпочесть намѣрена, вновь совершенно удостовѣренъ будетъ. Сіе на конгресѣ при негоціаціи самой явно окажется».

Остерманъ могъ видѣть, что отказъ, хотя достаточно и прилично мотивированный, въ разъясненіи вопроса, который такъ живо интересовалъ союзника (о немъ одновременно и изъ Вѣны, и въ Петербургѣ), долженъ произвести нѣсколько непріятное впечатлѣніе на мѣстѣ, и онъ еще разъ возвращается къ вѣнскому домогательству: оно—одно излишество и даже возможный тормазъ для негоціаціи. Что, если Вѣна опять заупрямится и отлынетъ отъ войны?

«Извѣщеніе кондицій, объясняетъ Остерманъ, рукоятно, ни къ чему иному, какъ къ пробавленію времени полученія и, можетъ быть, къ дальнѣйшему ожидаемой отъ его в-ва союзнической помощи отлагательству клониться можетъ. Однимъ словомъ, посылка министровъ на конгресъ о склонности Порты къ миру свидѣтельствовать имѣетъ; ничто на свѣтѣ ея, ежели она точію къ миру склонна, отъ того удержать не можетъ. Кабинетъ же уповаетъ, что цесарь сильныхъ декларацій наикрѣпчайше домогаться и категорическаго изъясненія требовать станетъ, хочетъ-ли Порта, къ засвидѣтельствованію своей къ миру склонности, наискорѣйше и безъ всякаго умедленія на границы министровъ своихъ отправить, или же нѣтъ; что во второмъ случаѣ цесарь

не умедлитъ союзническимъ вспоможеніемъ, дабы дальнѣйшимъ отлагательствомъ его туркамъ къ вящему усиленію и, слѣдственно, къ труднѣйшему войны и мира учиненію случая подавано не будетъ».

Такимъ образомъ, не смотря на затруднительность минуты, далеко не похожей на еще недавнее настроеніе умовъ въ нашемъ Кабинетѣ, когда тамъ могущественный другъ Миниха, въ упоеніи отъ его побѣдныхъ лавровъ, относился съ пренебреженіемъ къ вопросу объ австрійской помощи: «мы-де и одни всегда справимся», хвалился онъ; не смотря на то, что всѣ виды на лучшее будущее комбинировались уже исключительно на совмѣстности военныхъ дѣйствій Россіи и Австріи — Остерманъ оставался твердъ *). И онъ цѣнилъ «союзническое вспоможеніе», настоялъ на немъ, будучи, по словамъ Бирона, уже очень и очень давно недоволенъ дурнымъ ходомъ войны **); но тайны своей политики, своихъ послѣднихъ намѣреній онъ не вскрылъ и въ рѣшительную минуту: на конгрессѣ требованія Россіи станутъ извѣстны, указывалъ онъ. Остерманъ еще умѣлъ заставлять другихъ служить Россіи, но не наоборотъ.

Размолвка прошла безъ видимыхъ послѣдствій. Но чтò было на душѣ у цесаря, иной вопросъ. Мы увидимъ, что Остерманъ до самаго открытія австрійцами военныхъ дѣйствій, былъ все въ «сумнительствѣ»—будутъ-ли они воевать? Да и Вѣна теперь была, помимо буквы договора, слишкомъ ангажирована Босніей, которую долженъ былъ ей обречь давно, съ мѣста, какъ необходимую жертву для выигрыша дѣла, самъ Остерманъ Если въ этомъ обреченіи, въ этомъ отреченіи отъ сербской Босніи, и было формальное противурѣчіе восточной политикѣ Остермана,

---

*) «Вѣнскій посолъ, пишетъ Биронъ Кейзерлингу въ Варшаву лѣтомъ 1736 г., началъ также хвастать на вѣнскій манеръ Я далъ ему понять, что силы Россіи такъ велики, какъ едва ли воображаетъ себѣ цесарь, и въ нашей войнѣ мы его просить не будемъ... Мы и одни всегда справимся». (Сб Р. И. Общ., XXXIII, 473). Ср. тамъ же письмо отъ 31 августа, что война идетъ прекрасно. Безспорно, вина самомнѣнія — Минихъ, его эффектныя реляціи. Самъ Биронъ не былъ человѣкомъ пустымъ: «съ хорошимъ умомъ и съ дальновидностью», говоритъ о немъ Минихъ-сынъ въ «Memoiren», 83. То-же поддерживается и иностранными сообщеніями, наприм., англійскаго министра. (Сб. И. Р. И. О., LXXX)

**) Биронъ Кейзерлингу, въ мартѣ 1736 г., въ Сб. Р. И. Общ., XXXIII, 466.

пока еще не вскрытой, но скоро имѣвшей обнаружиться во всей своей грандіозности и практичности, то для того времени оно вполнѣ извинительное: славянская этнографія была и недостаточна, и неточна, да и сегодня она, какъ и вообще этнографія Балканскаго полуострова, не вполнѣ усвоена тѣми, кто по должности занимается судьбами этого великаго — пандорина угла Европы *). Наконецъ, чтобы выиграть побѣду, приходится пожертвовать и полкомъ.

Въ началѣ февраля (12) Остейнъ сообщилъ Остерману новѣйшую инструкцію изъ Вѣны для Талмана. Ею баронъ обязывался объявить Портѣ, что цесарь за одно съ Россіей, а, при дальнѣйшемъ упорствѣ Порты, указать ей, что въ Европѣ тишина, слѣдовательно, она «никакой диверсіи уповать не можетъ». Если-же она по старому все будетъ жаловаться на взятіе Азова и требовать возврата его, то объяснить ей, что «нынѣ уже не такое время, ниже такія обстоятельства, чтобъ пере-

---

*) Только ровно чрезъ полтораста лѣтъ Австрія дождалась своего— получила остермановскую Боснію и также по предложенію нашему и также въ войну нашу съ Турціей, при незначительныхъ варіаціяхъ. Даже серьезные люди въ Вѣнѣ утверждаютъ, что для Босніи, наконецъ, открылась славянская эра, и что первымъ подаркомъ ей, отъ ея новаго, вѣнскаго, правительства было поднятіе ея, дѣйствительнаго изящнаго и нѣжнаго, языка, лучшаго изъ сербскихъ нарѣчій, до значенія органа публичной жизни. («Die Aufgaben der Erforschung der Südslavischen Dialekte» von V. Jagić, въ «Anzeiger der phil.-hist. Classe der k. Wiener Akademie», 1897, № XI) Но—турецкое правительство никогда не преслѣдовало ни вѣры, ни языка, а въ Босніи всегда было полное царство народнаго языка, отъ помѣщиковъ-магометанъ и до простаго серба: доказательство — масса грандіозныхъ эпическихъ пѣсенъ, записанныхъ теперь изъ устъ магометанскихъ. И намъ лично не разъ приходилось встрѣчаться въ Константинополѣ съ магометанами изъ Босніи (напр. служители при купальняхъ въ Золотомъ Рогѣ): ихъ сербская рѣчь была безукоризнена. Что касается извѣстности этнографіи Турціи, то, кажется, лишь нынѣшняя война Греціи съ Турціей открыла уже всѣмъ глаза, что Македонія не греческій (какъ объ этомъ надоѣдливо трубили всюду греки), а славянскій край что цѣлыхъ 100 тысячъ цинцаръ или куцовлаховъ, т. е южныхъ румынъ, исконныхъ обитателей горнаго кряжа Пиндъ, дипломаты въ 1881 году передали, подъ титуломъ грековъ, Греціи, и эти воліютъ теперь о справедливости къ себѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что главное населеніе Өессаліи, а въ значительной части и остальной, сухой, Греціи — арнауты или албанцы; все это пошло подъ этнографическимъ ярлыкомъ: грекъ.

пискою вѣдаться», а Россія охотно идетъ на миръ и «ни о какихъ сумнительныхъ конкетахъ не помышляетъ, но токмо справедливой сатисфакціи ищетъ».

Кампанія 1737 г должна была открыться въ двѣ руки, и уже съ «крайнею силою», какъ указывалъ Остерманъ, требуя «всеконечной деклараціи» отъ Австріи *). Судя по всему, теперь успѣхъ не только можетъ, но долженъ былъ, наконецъ, улыбнуться Остерману, его политикѣ по отношенію къ «гиблющему государству», его воззрѣніямъ на вопросъ о Турціи въ Европѣ...

Въ отвѣтъ на сообщеніе Остейна о выѣздѣ изъ Вѣны военнаго уполномоченнаго, полковника Беренклау, Остерманъ писалъ, что въ виду этого Минихъ, которому ввѣрена команда и дирекція войны, остается въ Петербургѣ, но просилъ спѣшить, «ибо пріуготовленія къ операціямъ никакого дальнѣйшаго умедленія не терпятъ и здѣшняя (т. е. русская) армія еще въ мартѣ въ совершенномъ движеніи быть имѣетъ». Торопиться настоятельно совѣтовали и наши пріятели-развѣдчики изъ Бессарабіи, что «турецкое войско слабо и ежели россійское войско на сей веснѣ маршемъ не умедлитъ, то конечно надъ туркомъ одержитъ викторію». Въ томъ же духѣ, но въ восточномъ, бессарабскомъ, вкусѣ, писалъ и важный сановникъ молдавскій, постельникъ Андронакій изъ Сорокъ—торопиться, «покамѣстъ воздухъ еще зимній, ибо когда зимній воздухъ и сила змѣина слаба, а чимъ паче воздухъ теплый воспослѣдуетъ, тимъ наипаче сила змѣина сильнѣе будетъ» **).

Планъ дѣйствій былъ выработанъ въ Петербургѣ. Изъ Вѣны уполномоченный привезъ «замѣчанія цесаря» на него, т е. замѣчанія австрійскаго военнаго совѣта.

---

*) Гл. Моск. Ар. М. Ин. Д., Тур. дѣла, 1737, св. 38/Ь № 9.

**) Лупулъ, Степановъ и др. конфиденты. См. у насъ Приложенія, V, январь 1737 г. Упом. Вырланъ, вождь гайдамакъ въ 1734 году, былъ пріятелемъ другаго сановника—перколаба (изъ нѣм. burggraf) въ Сорокахъ; за Днѣстръ онъ и бѣжалъ съ своими, послѣ возстанія въ 1735 г. (Архивъ Югоз Россіи, III, 3, 85). Въ Сорокахъ гайдамаки продавали панское добро (т.-же, № XCVI), а родные ихъ живали и въ приднѣстровскихъ селахъ, напр. въ Роскойцахъ, теперь Рыскайцы, аккерм. уѣзда (т.-же, № LIX).

Цѣль войны, по плану, раздѣлить силы непріятеля атакой въ разныхъ мѣстахъ, но при коммуникаціи обѣихъ армій, руской и австрійской, и тѣмъ «въ сей кампаніи пристойный и надежный миръ истязать», т. е., уже въ наступившемъ 1737 г.

Въ виду этого мы отправляемъ двѣ экспедиціи:

1) Лессій (т. е. Ласи) изъ Азова идетъ въ Крымъ: 500 боевыхъ лодокъ подкрѣпляютъ его на Черномъ морѣ. Мы вправѣ были разсчитывать, что этою «сильною диверсіею непріятель зѣло уязвленъ будетъ».

2) Минихъ съ главною арміею идетъ чрезъ Днѣпръ къ Бугу и далѣе —«прямо въ непріятельскія земли».

Помимо общихъ соображеній, старыхъ совѣтовъ Вѣшнякова, на двойной пріемъ указывали, вѣроятно и агенты наши изъ Бессарабіи. По крайней мѣрѣ, сердарь Лупулъ изъ Кишинева (въ то же время интендантъ турецкихъ боснійскихъ отрядовъ, расположенныхъ вблизи этого города по деревнямъ) въ мартѣ чрезъ довѣреннаго своего, Абазу, писалъ въ Кіевъ, что визирь не перейдетъ по сю сторону Дуная, что надо спѣшить въ Крымъ и къ Очакову, что при успѣхѣ здѣсь все будетъ «по желанію ея в-ва и цѣлаго христіанства», и Порта вынуждена будетъ «при трактатѣ» уступить Россіи все и всѣ земли — «хотя и до самаго Дуная, понеже, какъ ихъ видимъ, въ великомъ страхѣ находятся и не вѣдаютъ, въ безпамятствѣ будучи, до чего хвататься: съ одной стороны войска собираютъ, съ двухъ сторонъ уходятъ» *).

Но являлись нѣкоторые частные вопросы по выполненію плана, въ партіи Миниха. Для Миниха, соображалъ планъ, есть два пути: чрезъ Польшу и чрезъ Степь. Первый путь гораздо менѣе затруднителенъ; но указывалось, что «республика на злобу приведена будетъ и недовольные могутъ соединиться съ турками». Мы упоминали о враждебномъ Потоцкомъ, фабрикантѣ пасквилей въ Пруссіи: вѣтви этой семьи какъ разъ раскинулись густою сѣтью по Волыни и особенно по Подоліи, а гетманъ коронный, Іосифъ Потоцкій, былъ владѣтелемъ Немирова, Тульчина, Копіевки — глава бывшей здѣсь партіи Лещинскаго. Недавнее (1734 г.) возстаніе крестьянъ въ Подоліи, подъ на-

*) См. Приложенія, V. Но строили уже мостъ на Дунаѣ и готовили лѣсъ для моста у Бендеръ, на байдакахъ.

чальствомъ бессарабца Вырлана противъ пановъ, было вызвано надеждою на неоставленіе ихъ Россіей, когда наши войска, очищая Польшу отъ приверженцевъ Лещинскаго, явились и на ея южномъ рубежѣ; но намъ же пришлось, въ вынужденную угоду Польшѣ, усмирять этихъ гайдамакъ, т. е. нелегальныхъ конфедератовъ, выдать ихъ тѣмъ-же Потоцкимъ, коменданту Каменца В. Ржевускому и др. на жестокую расправу. Слѣдовательно, трогать Подолію снова—опасно, да и бурленіе народа все продолжалось Сами поляки зорко наблюдали за малѣйшими движеніями русскихъ войскъ на Югѣ, сообщая обо всемъ въ Варшаву, въ свой «Kurjer Polski» *) Остановиться потому пришлось на Степи, итти Степью прежде всего къ Очакову и осадить, а Дунай оставленъ на позже, но сейчасъ.

«Еще, указывалъ планъ, въ концѣ марта, по первой травѣ, въ походъ выступить, дабы прежде окончанія апрѣля подъ Очаковомъ быть». Для болѣе прочнаго успѣха и «дабы непріятелю въ равное время на Днѣстрѣ и на Дунаѣ самую сильную диверсію учинить можно», флотилія изъ 500 судовъ и дубельшлюпокъ, при самомъ вскрытіи Днѣпра, идетъ къ концу же апрѣля подъ Очаковъ. «Съ такою экспедиціею скоро управиться можно, и, слѣдственно, тотчасъ потомъ съ главною арміею сухимъ путемъ, съ флотиліею водою—къ Днѣстру приблизиться и по обстоятельствамъ—направиться къ Бендеру или къ Дунаю. Если неприятель (т. е. визирь) выйдетъ на встрѣчу, то, призвавъ Бога въ помощь, съ нимъ перевѣдаться и баталію дать».

Такъ быстро надѣялись мы справиться съ Очаковомъ, чтобы потомъ, овладѣвъ южною Бессарабіей, очутиться въ тылу собирающагося мирнаго конгреса, или попытать счастья въ генеральномъ бою съ самимъ визиремъ!... Но намъ постоянно доносили — раньше Вѣшняковъ, теперь наши пріятели изъ Бессарабіи, что войскъ въ Очаковѣ мало, взять легко, а христіане ждутъ...

Указавъ, что съ Минихомъ будетъ 87 тыс., 3 гвард. полка, гусары (изъ сербовъ), козаки и много тысячъ нерегулярной конницы, а при Ласи 40 тысячъ, планъ заключалъ, что «сила, съ которой на неприятеля итти намѣренось, довольно показуетъ, что здѣсь къ скорѣйшему у неприятеля истязанію мира себя крайнѣйше нудятъ. Неприятельская сила не токмо раздѣлена, но

*) Ср. отрывки изъ нѣкоторыхъ корреспонденцій въ эту газету, извлеченные пр. В. Антоновичемъ для указан. тома «Архива Юго-Зап. Россіи».

онъ въ разныхъ мѣстахъ такъ уязвленъ будетъ, что ему къ собственному своему защищенію вся его сила потребна быть имѣетъ», слѣдов., лично у цесаря—совсѣмъ свободныя руки. Наконецъ, какъ крайній пунктъ театра войны, планъ отмѣчалъ Дунай, гдѣ долженъ быть и миръ заключенъ, при условіи, что въ мартѣ двинетъ свои войска и цесарь, а когда турки выйдутъ противъ русскихъ, то цесарцы зайдутъ въ тылъ.

Степь—«прямѣйшій и лучшій путь», повторялъ планъ, въ предвидѣніи упрековъ боязливаго союзника:—какъ оставлять его одного, не лучше-ли путь чрезъ Польшу? Дѣйствительно, этотъ именно пунктъ и вызвалъ главное замѣчаніе импер. Карла, что лучше дѣйствовать всей силой, а не порознь, что, по его мнѣнію, желательно, чтобы Россія «наивящую силу къ Днѣстру обратила», брала бы Хотинъ или шла въ Мултянскую землю—въ Валахію, а для одного Очакова достаточна и небольшая армія, напротивъ—совокупно аттаковать-бы визиря «Съ турками, поучаетъ Карлъ, на отвагу вдаваться не можно», и указываетъ для соединенія обѣихъ армій область верхняго Днѣстра: «у Быстрицы можно соединиться съ цесарскими изъ Трансильваніи», т. е. въ нынѣшней Буковинѣ.

Но мы твердо стояли на своемъ, на раздѣльности дѣйствій, на Степи, и въ мартѣ, хотя и съ трудомъ, принялъ нашъ планъ и императоръ, лишь съ оговоркою, чтобы «хотя нерегулярный корпусъ близъ Хотина построился», какъ доносилъ нашъ вѣнскій посланникъ, Ланчинскій. Раздѣльность согласовалась съ первою приманкою у Остермана, сдѣланною въ началѣ переговоровъ: Боснія для Австріи и сейчасъ, и въ будущемъ, тогда какъ Австрія, будучи одной ногой уже въ западной Валахіи, могла необходимо желать стремиться пройти и далѣе здѣсь, на всемъ Востокѣ быть у себя, желать и потому соединенія съ нами—для контроля надъ нами.

Цесарь оказался формально правъ: раздѣльность и погубила австрійцевъ, всѣ политическіе планы и ихъ, и, главное, наши. Держась, согласно указаніямъ Боневаля, оборонительно противъ насъ, Турція наступила всѣми своими силами на одну Австрію и прикончила съ нею какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда мы, но уже на третьемъ году, въ первый разъ появились «съ наивящею силою», наконецъ, на верхнемъ Днѣстрѣ, у Хотина. Степь все время насъ заняла, т. е., вопреки общимъ ожиданіямъ,

она не оказалась для нас «прямѣйшимъ и лучшимъ путемъ» на Дунай, чтобы тамъ, въ виду памятнаго Прута, продиктовать врагу свои условія мира. Самый конгресъ планъ обходилъ.

13 марта произошелъ обмѣнъ декларацій объ общихъ военныхъ операціяхъ по силѣ указанной конвенціи 9 января. Еще разъ цесарь объявлялъ, что, при первомъ извѣстіи о приходѣ арміи подъ Очаковъ, онъ «безъ замедленія въ непріятельскую землю вступить и военныя операціи противъ общаго непріятеля начать имѣетъ». Но Минихъ былъ уже давно на Югѣ. Предупрежденіе Остермана было не празднымъ словомъ. Надо спѣшить. Но неумолчно требовали того-же и наши конфиденты изъ Бессарабіи.

Уже 9 февраля Минихъ изъ Глухова писалъ другу Бирону, довольный зимними работами по флоту: онъ хвалитъ шлюпки, что строились въ Брянскѣ, что онѣ лучше для сохраненія провіанта, чѣмъ лодки, что дѣлали на Дону, и что ихъ работаютъ съ величайшею поспѣшностью. Изъ Молдавіи прибылъ къ Миниху принцъ Кантемиръ съ волохами, которыхъ фельдмаршалъ очень цѣнилъ, какъ испытанныхъ «ревностныхъ» къ службѣ людей *), и «наша работа всюду идетъ хорошо и всѣ посты болѣе и болѣе усиливаются».

14 февраля Минихъ извѣщалъ изъ Нѣжина о предстоящемъ отъѣздѣ къ цесарской арміи чрезъ Польшу полковника Даревскаго, для установленія сношеній между арміями союзниковъ, о своихъ совѣщаніяхъ съ Ласи. «Украинскіе козаки имѣютъ провіантъ съ собою до 1 августа, другія же войска получаютъ изъ магазиновъ». Особенную надежду Минихъ справедливо возлагалъ теперь на азовскую флотилію, что она окажетъ «importante diversion» въ Крыму. Уже въ январѣ, по совѣту Миниха, закрыты были старыя верфи въ Воронежѣ, Тавровѣ и Павловскѣ, за неудобствомъ и нездоровьемъ, и указано было адмиралу Сенявину воскресить петровскій Таганрогъ **). Но Минихъ не скры-

---

*) Въ янв. 1737 г. Минихъ указывалъ, что волохи изъ Польши опредѣлены имъ въ гусары; но «уповательно, что по выступленіи арміи на Днѣстръ ихъ наиболѣе въ службѣ являться могутъ», а ихъ «небезполезно бы было знатное число имѣть — въ минувшую кампанію волохи службу ревностно исправляли». Ему было разрѣшено — «принять добрыхъ, сколько достать возможно». (П. С. З. Р. И., № 7163) Мы помнимъ, кадры гайдамакъ Вырлана въ 1731 г. составляли тѣ-же волохи, изъ Бессарабіи

**) П. С. З. Р. И., № 7154.

валъ, что люди сильно болѣютъ въ арміи и что буджацкій султанъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи Фил. Орлика съ козаками и нѣсколько старовѣрцевъ для своей развѣдочной службы *).

Въ мартѣ Минихъ въ Кіевѣ Отсюда онъ писалъ, что главная армія раздѣлена на 3 отряда, чтобы каждый отрядъ былъ въ состояніи быстро двигаться (prompte zu gehen), что на 3 апрѣля назначенъ сборъ всѣмъ частямъ: у Орели, Переволочны и у Мишурина Рога, что съ первой травой опредѣленъ маршъ чрезъ Днѣпръ къ Бугу, а для Степи заказаны верблюды Но не мало уже слышится и жалобъ на замѣченные недостатки: на неполноту полковъ въ людяхъ и коняхъ; недостачу муниціи, палатокъ, которыя еще поджидаются изъ Москвы; на неуплату людямъ еще съ сентября. Минихъ сожалѣетъ, что зимой нельзя было хорошо обучить, а теперь ранній маршъ—солдаты стрѣляютъ слишкомъ высоко, безъ команды, да и не хотятъ слушать офицеровъ; указываетъ на смертность въ арміи—въ февралѣ, въ одномъ кіевскомъ гарнизонѣ, умерло 400 чел.; на трудность вести съ собою провіантъ, «а отъ провіанта весь успѣхъ зависитъ». Минихъ не скрывалъ и другихъ затрудненій: маршемъ чрезъ Степь нужно строить шанцы, редуты, а между тѣмъ кругомъ рыскаютъ ногайскіе, бѣлгородскіе татаре; «пока мы не завладѣемъ водою вокругъ Очакова, а гарнизонъ не будетъ отрѣзанъ отъ всякаго общенія, успѣхъ осады неизвѣстенъ».

Уже въ виду этихъ, выяснившихся на мѣстѣ, условій Степи Минихъ не могъ думать о Днѣстрѣ о какомъ-либо движеніи туда, вопреки совѣтамъ пріятелей изъ-за Днѣстра и цесарскаго союзника.

«Къ Хотину, продолжалъ Минихъ, я не пойду, такъ какъ это движеніе не можетъ остаться тайною для турокъ, когда въ Сороку ѣдутъ ихъ министры, т. е., они тамъ раньше, чѣмъ прибыли бы мы. Я не довѣряю этимъ гостямъ; ибо, такъ какъ турецкое министерство не можетъ надѣяться на миръ, которымъ могла бы быть удовольствована улица (чернь), то они не пойдутъ ни

*) Въ началѣ 1737 г. было наказано кіевскому губернатору накрѣпко смотрѣть за шпіонами, за перепискою, «въ турецкую область великороссійскихъ и малороссійскихъ людей не пропускать» и обратно. (Тамъ-же, № 7162). Мы видѣли выше, что старовѣрцевъ (и некрасовцевъ на Дунаѣ) всегда опасалось правительство и—всегда съ основаніемъ.

на какія невыгодныя для себя условія, прежде чѣмъ мы снова ихъ не укротимъ; почему намъ нельзя себя убаюкивать, но смѣло идти впередъ къ своей цѣли. Вполнѣ вѣрно, что у нихъ масса провіанта; но солдатскій сухарь изъ 1711 г. долженъ бы непремѣнно превратиться въ пыль и прахъ; напротивъ, нельзя сомнѣваться, что непріятель въ эту кампанію напряжетъ всѣ свои силы и пойдетъ къ Днѣстру и на насъ»*). Ясно, что Минихъ, ожидая къ себѣ визиря съ Дуная на Днѣстръ, не понималъ тайныхъ намѣреній турокъ.

По плану, въ концѣ апрѣля мы должны были быть у Очакова. Но 20 апрѣля осадныя орудія прибыли изъ Изюма только въ Переволочну; въ Брянскѣ флотилія еще не готова, надо было довольствоваться байдаками, запорожскими дубами; ежедневно прибывали рекруты и лошади, а учить некогда. Вообще мы опоздали и сильно. Только 21 мая армія двинулась изъ Омельника и «съ Божьей помощью спѣшитъ къ Очакову», 3 іюня дошла до Ингула—все время «не знойно, дрова и вода въ изобиліи въ стоянкахъ», 15-го она въ Камышеловкѣ. «Непріятель, пишетъ Минихъ, мало безпокоитъ, а 20 іюня вся армія будетъ между Бугомъ и Днѣстромъ, въ Татарской Валахіи, гдѣ еще никогда не было русскаго солдата», т. е., иначе, въ Ханской Украинѣ, какъ называлась въ то время, и позже, Очаковская Степь у сосѣдей—молдаванъ и русскихъ за Днѣстромъ, или нынѣшній одесскій и тираспольскій уѣзды. Вмѣсто апрѣля—только іюнь.

Помимо предстоящаго овладѣнія ключемъ Днѣпра, Очаковомъ, Минихъ нѣсколько успокаивалъ своего друга на Невѣ сообщеніемъ, что, по извѣстіямъ отъ одного аббата изъ Каменца-Подольскаго, Порта будетъ равнодушна и къ Крыму, и къ Очакову, охотно снесетъ и гибель всѣхъ татаръ *), если только Россія не пойдетъ слишкомъ—оставитъ за Турціей Молдавію и Валахію, съ Бендерами и Хотиномъ и заключитъ миръ. Въ этомъ же духѣ были тогда же и сообщенія отъ своихъ — пріятелей изъ Бесса-

*) «...So werden sie auch keinen desavantageusen Conditiones eingehen, biss man sie aufsneue gedehmütigen haben wirdt und muss man also... sich nicht einschäflein lassen, sondern frisch drauss losgehen... Der Zwieback von 1711 Jahre müsste ja zur Staub und Erden geworden sein...»

*) «...nicht missgönnen und den Untergang aller Tartaren gerne sehen würden...» (отъ 27 апрѣля).

рабіи, что, «турки разсуждаютъ, что лучше бы имѣть миръ— россійской сторонѣ контентоваться тѣмъ, что̀ нынѣ отъ ихъ стороны получили, не простираясь въ другіе ихъ предѣлы» *).

Да, на Югѣ, у Дуная, съ весны въ воздухѣ носилось мирное теченіе, въ противность рѣзко-марціальному на Сѣверѣ; но вопросъ — настоящее-ли?.. **).

Мы видѣли, въ переговорахъ съ Вѣною было условлено, что военныя дѣйствія должны лишь помочь заключенію мира— «тысячами споспѣшествовать». Вопросъ не о войнѣ, а о мирѣ былъ перваго значенія: «пристойный и надежный миръ истязать».

Но за миръ, не за войну, былъ и визирь уже давно, еще отпуская Вѣшнякова изъ его лагернаго заключенія на Дунаѣ; вопросъ только—за какой миръ?

Вѣрно понималъ и указывалъ Минихъ, что положеніе визиря трудное: ему всегда надо считаться съ стамбульскою улицею, ее удовольствовать; давно еще отмѣтилъ Неплюевъ, что она «великое участіе имѣетъ». Проще всего, мирное настроеніе у турокъ было только продолженіемъ прежней вынужденной политики кротости, т е., продолженіемъ пріемовъ желаннаго проведенія противника—до поры. Продолжительный припадокъ кротости смѣнялся такимъ же припадкомъ конгреса: кстати, конгресный пріемъ, въ роли уврачевателя политическихъ недуговъ, вышелъ впервые, какъ мы видѣли, отъ Остермана. На конгресы же была тогда мода: свѣжій — Суасонскій, 1728 г. Какъ бы дѣло дѣлалось, а время проводилось отмѣнно пріятно. Припомнимъ сладостныя воспоминанія о Суасонскомъ конгресѣ, куда мы, люди не ихъ общества, были впервые полуприпущены, юнаго Миниха-сына, въ его «Запискахъ»: все въ Парижѣ, одинъ фестивалъ. «До днесь еще, сообщали намъ тайно изъ визирскаго лагеря въ февралѣ, турки въ нѣкоторыхъ мечтательныхъ надеждахъ пребываютъ — о неутралитѣ курфирстовъ имперіи и на нѣкоторыя французскія движенія полагаются» ***). Слѣдовательно, все лукавство.

*) Приложенія, V.

**) Гл. М Арх. М. Ин. Д., Тур. дѣла, 1737 г., св. 38/Ь № 9; 38/а № 6 (собраніе писемъ Миниха къ Бирону, заслуживающее изданія).

***) Приложенія, V, изъ Бабадага, 24 февраля.

Вѣшняковъ въѣзжалъ въ Россію съ убѣжденіемъ, что на князя Гику въ Яссахъ возложена трактація о мирѣ на конгресѣ, о чемъ онъ и напомнилъ ему сейчасъ же изъ Кіева, заговоривъ о мѣстѣ конгреса.

25 января Гика отвѣчалъ изъ Яссъ, что такъ какъ Россія по сю сторону Днѣстра не граничитъ съ Портою, то съѣзду надлежитъ быть въ его сторонахъ, въ Бессарабіи, а «я не преминулъ бы показать, коль сердечно желаю служить къ соединенію обѣихъ сторонъ». Но лукавое орудіе Порты, Гика проситъ ознакомить его пораньше съ тѣмъ, чего тщетно и одновременно добивалась сама Вѣна—съ мирными условіями Россіи: «дабы изыскать нужное лѣкарство къ начатію толь важнѣйшаго предвосприятія и въ дѣйство произвести, зѣло нужно постановить и основать прелиминарные артикулы и съѣзду быть на сихъ основаніяхъ».

Вѣшняковъ въ своемъ отвѣтѣ повторилъ Остермана, объяснивъ, что объ условіяхъ можно трактовать на формальномъ съѣздѣ, а царица вполнѣ за миръ, мало того, отправляетъ уже и самыхъ полномочныхъ на конгресъ *). Попрекнувъ Гику, что онъ его частному письму придалъ офиціальное значеніе, Вѣшняковъ, тѣмъ не менѣе, свое новое письмо заключаетъ категорическимъ признаніемъ: «къ особливому моему удовольствію служитъ, что я вашему сіятельству о толь важномъ и пріятномъ дѣлѣ прямо чрезъ сіе сообщить въ состояніи нахожуся. Все нынѣ зависитъ отъ съѣзда, и всѣ другія дороги только къ напрасному терянію времени служить имѣли бы».

Итакъ, вопросъ о конгресѣ между Гикою и Вѣшняковымъ прошелъ быстро впередъ, но въ предѣлахъ полуофиціальныхъ сношеній. На дѣлѣ же вопросъ шелъ туго, при путанности отношеній, при различныхъ взглядахъ на конгресъ у обѣихъ сторонъ.

Уже въ январѣ наши пріятели изъ Бессарабіи, Лупулъ Анастасіевъ и Андронакій изъ Сорокъ, полагали, что при быстромъ нашемъ движеніи на Дунай турки вынуждены будутъ «очистить поля» и запереться въ крѣпостяхъ, «ибо изъ Венеціи получены авизіи, якобы и они съ турками начинаютъ войну, также и отъ цесаря имѣютъ опасность».

---

*) Въ № 22, 17 марта 1737 г., С.-Петерб. Вѣдомости сообщали о назначеніи пословъ на конгресъ Слѣд., Вѣшняковъ говорилъ правду.

Но была и другая причина для медлительности въ турецкой политикѣ конгреса — т. е., провода насъ. Это — грозившая опасность для визиря отъ босфорской улицы, какъ вѣрно указывалъ Минихъ: визирю надо выпутываться, готовиться къ отчету и еще—при «мечтательныхъ надеждахъ» изъ-внѣ—движеніи со стороны Франціи.

«О мирѣ, писали намъ изъ лагеря у Бабадага 24 февраля, самъ ефендій и визирь мнятъ, что съ трудомъ быть можетъ, по великой опасности, въ которой кизляръ-ага и визирь кехая отъ того быть могутъ, ежелибъ учинили (миръ) прежде, нежели покажутъ невозможность противиться, и прежде возвращенія Азова, и для того не спѣшатъ, яко болѣе о ихъ собственной, нежели о государственной безопасности, пекутся».

Чрезъ двѣ недѣли пишетъ тоже нашъ другой пріятель, сердарь Лупулъ въ Кишиневѣ. «Нынѣшніе министры конечно желаютъ мира по оставленіи отъ французовъ, но не отваживаются учинить прелиминарныхъ пунктовъ на конгресъ». «При самой крайней нуждѣ» они пойдутъ—«чтобъ осталося все такъ, какъ нынѣ кто что̀ имѣетъ». Забота ихъ—«по малой мѣрѣ спасти животъ паче, нежели чинъ, котораго потерку за великую себѣ считали бы милость». Лупулъ въ отчаяніи, ничего добраго для насъ не предвидитъ, не видитъ просто выхода изъ запутавшихся отношеній: «призываніе медіаторовъ (изъ Константинополя) по движеніи уже войскъ съ обѣихъ сторонъ и исканіе конгреса, не сочиня прежде никакихъ прелиминарныхъ пунктовъ — суть дѣла столь безпорядочныя, что и понять не возможно, пока въ исполненіе не приведутъ».

Но, наконецъ, турки рѣшились и приводить въ исполненіе, хотя и кое-какъ. 19 марта тотъ же Лупулъ, но уже открыто, чрезъ своего человѣка, Конст. Абазу, писалъ въ Кіевъ, что, въ виду грозы войны съ Австріей, консиліумъ визиря рѣшилъ— «какъ бы возможно съ Россіей миръ заключить, хотя-бъ что уступить, и тотчасъ послѣ отъ своей стороны опредѣлили (т. е пословъ), а именно: рейзъ-ефендія и башрусъ намешія, съ показаніемъ мѣста, гдѣ трактаты заключаться имѣютъ, а именно— въ Сорокѣ, 10 апрѣля», но нѣтъ резолюціи отъ султана, пріятны ли ему тѣ совѣты?

Такимъ образомъ, визирь одобрилъ мнѣніе Гики—съѣзду быть въ его сторонѣ, въ Бессарабіи, и при томъ, съ его прямымъ уча-

стіемъ. «Князь молдавскій, господинъ мой, Григ. Гика, продолжаетъ кишиневскій сердарь, кланяется в. в.-пр-ву, (вѣроятно, Миниху), который въ прошедшихъ числахъ писалъ до васъ и до г. Вѣшнякова о основаніи мира, яко медіаторъ къ заключенію мира, который былъ-бы съ пользою государства Россійскаго, и нынѣ дожидается его свѣтлость отъ в. в.-пр-ва на то отвѣту чрезъ своего посланнаго». Дѣйствительно, 29 марта отозвался офиціально и самъ бессарабскій медіаторъ изъ своей изнемогавшей отъ «несноснаго разоренія» земли.

Чрезъ своего дворянина, Димитрія Гилбіяца, Гика извѣщалъ Миниха изъ Яссъ о своей готовности къ «посредствію ради прекращенія войны» и о томъ, будто уже 1 апрѣля отправляются турецкіе полномочные въ Сороку вмѣстѣ съ вызванными Талманомъ и послами Англіи и Статовъ, и надѣется, что и русскіе послы вскорѣ прибудутъ въ Сороку.

Того-же числа Минихъ отвѣчалъ Гикѣ, что объ всемъ донесетъ ко Двору. Но въ своемъ донесеніи Минихъ. ссылаясь на устное сообщеніе того-же ясскаго дворянина, прибавлялъ, что «турецкіе министры не въ Сороку, но въ Очаковъ и ближе къ Днѣстру для конгреса отъѣхать имѣютъ». Ясно, что и одобренное визиремъ мнѣніе частнаго «медіатора», князя Гики, не имѣло еще для Порты обязательнаго значенія. Но отъ колебанія у турокъ о мѣстѣ для порѣшеннаго конгреса самъ Минихъ очень доволенъ: «по моему мнѣнію, писалъ онъ далѣе 29 марта, ежели бы министры (т. е., полномочные Порты) апрѣля въ послѣднихъ числахъ къ Кодаку на берегу Днѣпра, противъ Самары, прибыли, то-бъ сіе важное дѣло скорѣйше благополучное окончаніе, будучи въ лагерѣ подъ палаткою, получить могло, нежели въ Сорокѣ или въ Очаковѣ, которые отъ обѣихъ границъ весьма отдалены».

Но о быстромъ «благополучномъ окончаніи» доносили теперь и наши пріятели изъ Бессарабіи, лишь бы только дѣло дошло до конгреса, и «не быть бы обманутымъ, какъ прошлаго лѣта», т. е., съ конгресомъ Остермана въ Очаковѣ.

По словамъ кишиневца Лупула, войскъ въ самомъ Очаковѣ у Яхя-баши мало (5 тыс.), вездѣ безлюдіе, недостача провіанта, «всякія разглашенія» о противномъ — только «эхо для устрашенія россійской стороны», на дѣлѣ-же турки «въ худомъ состояніи, и вѣдая, что татара учинили вступленіе въ границы,

опасаются новаго вступленія войскъ россійскихъ въ Крымъ и потери худо вооруженныхъ крѣпостей Тамана и Ениколя»; они «въ безмѣрной обрѣтаются робости и страхѣ, покоя весьма искательны, хотя бъ съ какимъ ихъ великимъ убыткомъ; что̀ отъ стороны ея в-ва ни востребовано будетъ, все уступятъ, и при томъ крѣпко стоять надобно» (19 и 13 марта).

На своихъ Сорокахъ стоялъ, естественно, князь Гика; Порта сама безразлично—и да, и нѣтъ. Но противъ Сорокъ были на Невѣ, такъ какъ Порта раньше отвергла наше предложеніе—собраться на русской территоріи, по принятому шаблону — собираться у стороны доминирующей.

Еще въ январѣ, въ виду раннихъ заявленій Остермана, послѣ того какъ его краткосрочный конгресъ въ Очаковѣ не вышелъ, австрійскій посолъ въ Петербургѣ, гр. Остейнъ, сообщилъ вицеканцлеру, что Талманъ указалъ Портѣ, что Россія «Кіевъ городомъ мирнаго конгреса предлагаетъ», но предоставляя на волю ей избрать любой городъ въ Украинѣ. Понимала и Порта предрѣшающее значеніе мѣста для конгреса и отказала, сославшись на дальность. Вѣдь на Босфорѣ бодрствовали и Вильневъ, и Боневаль и направляли.

Талманъ остановился было на Хотинѣ и Каменцѣ Подольскомъ, но встрѣтилъ возраженіе у Остермана, хотя уже при существенной отъ насъ уступкѣ—при согласіи собраться въ нейтральномъ мѣстѣ.

9 марта Остерманъ указывалъ Остейну, что «предложенное Талманомъ средство видится многимъ сумнительствамъ подвержено за трудностью коммуникаціи, къ чему въ Польшѣ Бѣлая Церковь или, когда оное не примется, Немировъ предлагается; въ крайнѣйшемъ же случаѣ, чтобъ въ чужую область не инако, какъ къ одному произведенію конференцій вступить, а, затѣмъ, ежели бъ въ успѣхъ конгреса стало, то дабы Оттоманской Порты министры въ Сорокѣ, но здѣшніе министры по сю сторону Днѣстра, въ Польшѣ, пребывать и конференціи въ Польшѣ, яко неутральной области, держаны быть могли». Остерманъ оговариваясь прибавлялъ, что «Россіи никто зазрить не можетъ, что съ непріятелемъ своимъ прямо и непосредственно о кондиціяхъ своихъ на конгресѣ объяснить себя предоставить хочетъ, ибо изъ учиненнаго Талманомъ покушенія о срытіи Азова явственно

видно, съ какою предосторожностью съ онымъ фальшивымъ непріятелемъ поступать надлежитъ».

«Обѣ стороны, указывали въ мартѣ изъ Вѣны Талману, не согласны: Порта предлагаетъ въ турецкой Молдавіи мѣсто Сороку, а Россія въ томъ стоитъ, чтобъ миръ въ ея области заключенъ былъ, въ крайнемъ случаѣ, въ польской области».

Но на нейтральное, польское мѣсто Порта согласилась: «къ польской области Порта склонна», писали позже изъ Вѣны.

Мы видѣли, Остерманъ былъ недоволенъ «покушеніемъ» Талмана — обозначить сколько-нибудь условія мирныхъ переговоровъ на конгресѣ, въ очевидномъ интересѣ на пользу Порты. «Покушенія» не одобряютъ и въ Вѣнѣ; по крайней мѣрѣ, оттуда послѣдовало многословное наставленіе барону—быть осторожнымъ.

«На заявленное условіе Порты—крѣпость Азовъ разорить, Портѣ, указывали Талману изъ Вѣны, ни малѣйшей надежды не подавать, а особливо, что на опасеніе комерціи толь наименьше съ основаніемъ показать можно, понеже городъ Азовъ, какъ извѣстно, чрезъ толико лѣтъ въ рукахъ россійскихъ былъ и тѣмъ комерція ни малѣйшаго поврежденія не имѣла, что Россія потому при всѣхъ мирныхъ негоціаціяхъ съ Портою право имѣетъ—въ содержаніи Азова стоять, и его цесарское в-во удостовѣренъ, что отъ иныхъ державъ ничего опасаться не имѣетъ, когда онъ сіе справедливое россійское требованіе, яко вѣрный и постоянный союзникъ, по крайней силѣ подкрѣплять будетъ, и потому предложеніе о разореніи Азова весьма отвергать». Во избѣжаніе пріемовъ обычнаго торгашества при трактаціяхъ, Вѣна полагала, что необходимо, «чтобы Порта не по градусамъ поступала, но вдругъ бы себя изъяснила, дабы твердое основаніе къ общей тишинѣ еще до мая положено было». Но главное —спѣшить: «всякое замедленіе толь способно пресѣчено будетъ, когда бы турецкіе полномочные немедленно къ границамъ поѣхали и чтобы россійскіе также вскорѣ туда пріѣхали и въ томъ цесарскій дворъ стараніе свое приложитъ». На нейтральную полосу у границъ согласны обѣ стороны.

Въ виду этихъ новыхъ и вообще довольно ясныхъ указаній, Талманъ, «нашъ другъ», какъ называла его теперь Порта, 4 апрѣля поспѣшилъ имѣть конференцію съ кехайею, замѣстителемъ визиря, и имѣлъ — «лестный разговоръ».

«Цесарь, говорилъ Талманъ, яко общій пріятель обоихъ имперій и вѣрный союзникъ россійскій, вступилъ, яко содоговаривающій, желая ихъ помирить и возобновить, продолженіемъ термина, собственный миръ съ Портою, а склонность на то Порты ему зѣло пріятна».

Кехайя отвѣчалъ, что и Порта желаетъ какъ можно скорѣе приступить къ конгресу, «пока войска въ кампанію не выступятъ». Въ доказательство чувствъ Порты лично къ «другу», кехайя прибавилъ, что и онъ допускаетъ мысль о миролюбивомъ настроеніи Россіи: князь Гика въ Яссахъ уже получилъ письмо изъ Кіева отъ Вѣшнякова о склонности Россіи къ миру и о готовности ея отправить полномочныхъ къ границамъ. «Но я, добавилъ дружески турокъ, приказалъ переводчику Порты, Гикѣ, написать брату-князю, что Порта уже никакимъ словамъ того прежде бывшаго резидента не вѣритъ, какъ и прочихъ россійскаго двора министровъ, но всецѣло предаетъ себя цесарю».

Не трудно видѣть, что Порта ласкала себя надеждой, что лестью она успѣетъ нѣсколько развести обоихъ союзниковъ; не безъ надежды она была и на то, что «въ христіанствѣ тишина совершенно еще не поставлена», какъ объ этомъ писали намъ давно и наши пріятели изъ Бессарабіи, говоря о «мечтательныхъ надеждахъ». Впрочемъ, изъ Вѣны накрѣпко было приказано Талману—«себя ни въ какой обманъ отъ Порты не давать». Но также ясно, что домашній медіаторъ въ Яссахъ, кн. Гика, слишкомъ поторопился, прибавилъ въ своемъ сообщеніи Миниху отъ 29 марта, что 1 апрѣля турецкіе полномочные уже на пути въ Сорову.

Итакъ, дѣло было теперь въ рукахъ Талмана, т. е. цесаря — остановиться на мѣстѣ для конгреса, послѣ принципіознаго соглашенія съ обѣихъ сторонъ.

Непріятнымъ это вниманіе заискивающей Порты не могло быть цесарю уже по одному тому, что онъ, какъ мы видѣли при переговорахъ, все-же съ крайнею неохотою ввязывался въ войну, а конгресъ мира — тѣмъ желаннѣйшая для него цѣль. Всѣ мѣры къ его осуществленію цесарю особенно дороги

Мы видѣли, Остерманъ не выдалъ своихъ мирныхъ требованій предъ цесаремъ, ограничиваясь общимъ увѣреніемъ въ ихъ умѣренности. Тоже повторялъ и позже. Отъ Вѣшнякова

тоже ничего. Но нельзя-ли примѣрно угадать ихъ, въ интересѣ скорѣйшаго мира? Ясно было, однако, что не объ одномъ Азовѣ думаютъ въ Петербургѣ: «покушеніе» Талмана нашло тамъ дурной пріемъ.

Изъ Вѣны еще въ мартѣ сообщены были Талману «пункты, которые по мнѣнію другихъ державъ за основаніе мирнаго трактата не въ указъ положены быть могутъ». Они любопытны, какъ взглядъ со стороны и наиболѣе заинтересованной — Австріи, что дозволительно искать Россіи отъ Турціи, послѣ того какъ настоятельныя попытки Вѣны добиться отъ Остермана — раскрыть предъ нею настежь его политику по отношенію къ Востоку, не могли заставить словоохотливаго Остермана обмолвиться, такъ какъ это «точію напрасную жалюзію причинитъ». Впрочемъ, строго говоря, въ этихъ «пунктахъ» что касается Россіи — только болѣе детальная формулировка тѣхъ мирныхъ требованій, которыя уже въ январѣ были выработаны на Западѣ для Россіи, курсировали въ Вѣнѣ и о которыхъ тогда же писалъ Остерману нашъ вѣнскій посолъ, ища узнать отъ него для Вѣны, но, въ конфиденціи, «къ чему россійское требованіе клонится» (см. стр. 178). Вотъ пункты:

«Миръ 1700 г. паки возобновленъ.

«Всѣ послѣ того учиненные трактаты, особенно же такъ наз. Прутскій трактатъ, весьма пресѣчены и отставлены быть имѣютъ, по силѣ чего Азовъ и его округъ за Россіей постоянно да пребудетъ.

«Покорившіеся татаре и козаки подъ державою Россіи остаются.

«Удерживать татаръ отъ набѣговъ и хищеній, въ случаѣ же хищеній разбирать жалобы въ теченіе опредѣленнаго срока».

Что касается Австріи, то для цесаря—«обновленіе Пожаревацкаго мира на 25 лѣтъ, а цесарь никакого распространенія границъ не желаетъ». Мы видѣли, на дѣлѣ было и «желаніе».

Мы увидимъ, насколько эти мирные австрійскіе артикулы, артикулы «не въ указъ», мало отвѣчали настоящимъ, но пока притаиваемымъ, желаніямъ Остермана. Обѣ «содоговаривающіяся» стороны, мы и они, были мало искренни другъ къ другу также и теперь, какъ и раньше. Если вѣрить нашему пріятелю Лупулу изъ-за Днѣстра, то Талманъ простеръ свою ревность, какъ другъ Порты, до того, что «хотя онъ благоволеніе являетъ,

слышу однакожъ, что Порту къ неуступленію Азова возбуждаетъ». Но какъ бы то ни было, очевидно, не много намъ Австрія съ своей стороны предопредѣляла. Уже въ виду «пунктовъ», съ ихъ чисто домашнимъ характеромъ, нельзя не видѣть напередъ, что поведеніе Австріи, союзника, на котораго Остерману пришлось возложить всѣ надежды, чтобы спасти дѣло, послѣ неудачной увертюры и перваго года войны, на предстоявшемъ конгресѣ будетъ далекимъ отъ желаннаго идеала.

Между тѣмъ самое мѣсто предстоявшаго конгреса все было еще нѣкоторое время подъ сомнѣніемъ, хотя и полномочные визиря, въ числѣ 4-хъ лицъ, были уже на лицо, какъ сообщалъ Гика въ концѣ марта, и со стороны визиря принимались свои мѣры въ необходимыхъ его счетахъ съ стамбульскою улицею. Мы уже не говоримъ о нашихъ представителяхъ, за которыхъ уже въ январѣ Остерманъ обязался предъ союзникомъ, что они всегда готовы будутъ отправиться, «безъ всякаго умедленія». Дѣйствительно, 14 апрѣля была подписана для нашихъ министровъ «полная мочь», а 5 мая Шафирову и Неплюеву было указано: «чтобы вы путь свой съ возможнымъ поспѣшеніемъ продолжали», т. е. на Югъ вообще, Волынскому же рѣзкій выговоръ за промѣшканье въ Москвѣ.

«Съ трудомъ, писалъ Лупулъ изъ Кишинева 5 мая, назначено конгресу быть въ Кудакѣ, а визирскій кехайя сталъ уже миръ публиковать; въ томъ онъ съ великою политеею поступаетъ. Однакожъ, усмотря страхъ, съ великимъ неудовольствіемъ возвращеніе Азова въ народѣ разглашаетъ. Имѣю честь сообщить Талману». Страхъ изъ-за Азова понятенъ: его оцѣнка сдѣлана у турокъ давно (ср. выше, стр. 18).

О Кудакѣ мечталъ было Минихъ. Мысль Миниха о Кудакѣ не прошла, очевидно, даромъ. Но если визирь толковалъ и о немъ, то, скорѣй всего, только для оттяжки времени. Но въ Петербургѣ теперь противъ Кудака. «На Кудакъ, сообщалъ Остерманъ чрезъ Остейна Талману, отнюдь соизволять не можемъ; но на Бѣлую Церковь, чтобъ конгресъ тамъ держанъ былъ, стоять причину имѣемъ». Между тѣмъ въ самомъ началѣ мая турецкіе полномочные уже были въ Сорокахъ, куда они прибыли 2 мая и гдѣ засталъ ихъ посланный изъ Кіева нашъ развѣдчикъ. Обрыскавши всю южную Бессарабію отъ Бендеръ до Картала на устьѣ Дуная, этотъ развѣдчикъ сообщалъ,

что «отъ Дуная поѣхалъ онъ въ Сороку, гдѣ переволабъ Петракъ и Андронаки дали ему письмо до Миниха», что «Петракъ объявилъ, что турки не вѣрятъ столько Талману, какъ прежъ сего», что турецкіе министры «живутъ въ Сорокѣ и дожидаются конвою польскаго». Конвой былъ крайне необходимъ, въ виду знакомаго намъ все бурнаго положенія дѣлъ въ Подоліи отъ гайдамакъ, въ виду приближенія лѣта, сезона гайдамакъ *). О причинѣ недовѣрки къ Талману мы узнаемъ сейчасъ ниже. Но все еще вопросъ — куда же польскій конвой, который ожидался отъ В. Ржевускаго, коменданта Каменца, недавняго укротителя хлоповъ Вырлана, имѣлъ провести турецкихъ полномочныхъ для встрѣчи съ нами и въ безопасности отъ народныхъ конфедератовъ—гайдамакъ?

Недалѣе, какъ въ концѣ мая нашъ пріятель Лупулъ изъ Кишинева сообщалъ, что по пути изъ Сорокъ въ Кишиневъ онъ встрѣтилъ посланца отъ Миниха къ Талману, въ Сороки, что будто «полномочные готовы ѣхать въ Бѣлую Церковь и потому надлежитъ арміи ея в-ва поспѣшать, дабы нападеніе учинить, понеже несумнительная есть надежда, что все будетъ по ея в-ва желаніямъ», ибо, какъ выразился онъ въ другомъ письмѣ, «турки миръ сдѣлать пота-мѣстъ не захотятъ, покуда у нихъ носа не разобьютъ; хотя изъ турокъ бóльшіе мира желаютъ, но янычаре не хотятъ» **).

Но это частное сообщеніе о мѣстѣ было невѣрно. Еще 11 мая (нов. стиля) Талманъ изъ Каушанъ писалъ Остейну въ Петербургъ, что «на Бѣлую Церковь турки вовсе отказали, съ готов-

---

*) Такъ, въ варшавскій «Kurjer Polski» 10 іюня изъ самаго Немирова сообщали, что гайдамаки изъ лѣса у села Дашова напали на польскихъ драгуновъ и перехватали всѣхъ коней. (Архивъ Юго-Зап. Россіи, 3, т. III, № CXXII). При растянутости южной границы Польши, отъ Днѣпра у Крылова до впаденія Ягорлыка въ Днѣстръ (это сѣверная граница нын. херсонской губерніи), при ничтожности польскихъ войскъ, тому же Миниху, собиравшемуся итти на турка подъ Очаковъ, нужно было заблаговременно, въ виду съѣзжавшагося въ Подоліи конгреса, столь страстно ожидавшагося Остерманомъ, принимать особенныя мѣры для охраны Польши съ юга отъ вторженія гайдамакъ, которые спасались въ великой Степи и пополнялись добровольцами изъ Запорожья. Караулы, форпосты имѣли разобщить Запорожье и Подолье.

) **Приложенія, V.

ностью, чтобъ конгресу быть въ польскомъ мѣстѣ Немировѣ, куда они путь продолжили и 18 мая (нов. ст.) къ Сорокѣ прибыть надѣются». На дѣлѣ—они прибыли немного раньше.

Бѣлая Церковь была слишкомъ на Сѣверѣ, почти у русской границы. Остановились на Немировѣ, какъ-разъ на полупути между Сороками и Бѣлою Церковью. Немировъ предлагалъ самъ Остерманъ. Слѣдовательно, понятно, что въ Петербургѣ не возражали, напротивъ, Остерманъ полонъ радости. 24 мая послѣдовало повелѣніе Шафирову и Неплюеву: «туда (т. е. въ Немировъ) съѣзжаться имѣете», вмѣстѣ съ напоминаніемъ—спѣшить, «дабы долгимъ непріѣздомъ нашихъ министровъ всѣ къ конгресу имѣющіяся добрыя диспозиціи втунѣ не обратились». Немировъ былъ городокъ довольно знакомый туркамъ, такъ какъ не прошло еще сорока лѣтъ со времени, какъ они были полными хозяевами Подолья, а въ Немировѣ бражничалъ ихъ дикій вассалъ, монашескій разстрига-князь, Юрій Хмельницкій.

Въ Немировъ двинулись турецкіе полномочные и Талманъ, проведши въ сорокскомъ заключеніи 40 дней, уже въ іюнѣ, т. е., когда и знакомый нашъ старый резидентъ Неплюевъ съ сыномъ Адріаномъ, секретаремъ константинопольскаго посольства, Шафировъ и Волынскій, наши полномочные на конгресѣ, поджидали ихъ уже въ Кіевѣ, гдѣ они съ начала іюня. Изъ Кіева же въ Немировъ напередъ былъ посланъ Неплюевымъ переводчикъ Бакунинъ, на встрѣчу босфорскимъ гостямъ, изъ опасенія, что турки, не зная ничего о русскихъ, пожалуй, и свернутъ назадъ—«чтобъ пріѣздъ нашъ туда, какъ доносилъ Неплюевъ, вѣроятенъ былъ», а, сверхъ того, для развѣдокъ о цѣляхъ турокъ. «А болѣе того, пишетъ Неплюевъ 24 іюня, мы туркамъ авансовать за полезно не признали, сколь менѣе письмомъ отзываться, дабы вмѣсто пользы на гордость ихъ не подвигнуть».

Но, помимо этикета, авансованія, вопросъ о цѣляхъ турецкихъ былъ слишкомъ важенъ для нашихъ членовъ предстоявшаго конгреса, знать о нихъ уже при въѣздѣ въ Немировъ, знать, чего ожидать, какъ себя держать? Въ этомъ смыслѣ постоянно дѣлалъ указанія, и давно, Остерманъ. Только едва ли могъ что точное вывѣдать нашъ переводчикъ Бакунинъ, будучи на мѣстѣ человѣкомъ новымъ, чужимъ. Но нѣкоторыя свѣдѣнія были получены, только не чрезъ Бакунина, а старымъ бессарабскимъ путемъ, отъ Лупула изъ Кишинева—«о турецкихъ инструкціяхъ

для конгреса» — сообщеніе не малой важности. Мы знаемъ, Лупулъ былъ интендантомъ передовыхъ бошняцкихъ полковъ въ арміи визиря, слѣд., вывѣдать могъ.

«Пока, писалъ сердарь 13 іюля, войска россійскіе въ Крымъ не вступили, то поручено было востребовать отдачи Азова и Кубани, а за понесенные Россіей убытки деньгами, чтобъ ни востребовано, всячески довольствовать и въ деньгахъ не прекословить, только-бъ какъ возможно покой стараться составить. Что нынѣ послѣдовать можетъ, не знаю; только чаю, что по рѣку Дунай безъ всякихъ отлагательствъ уступить принуждены будутъ; явная есть ихъ цѣлому свѣту слабость, понеже уже обѣщаютъ уступить цесарскому в-ву Босну и Мултянскую землю» (Валахію) *). Но все послѣднее—одно чаяніе и слухи, совсѣмъ невѣроятные. Австрія искала, да; но не Порта уступала.

Въ дѣйствительности, отъ Россіи желали откупиться деньгами, и эти смѣлыя надежды Порта лелѣяла тогда, когда, еще до отъѣзда въ Сороки, Талманъ въ Бабадагѣ сообщилъ визирю послѣднее мирное требованіе Австріи — до 1-го мая кончать «разнствія» съ Россіей, когда, спустя полтора мѣсяца, въ началѣ іюня, слѣдов., наканунѣ движенія въ Немировъ, онъ передалъ уже прямой австрійскій ультиматумъ: снести укрѣпленія Виддина, уплатить за военныя приготовленія, иначе—война **). Очевидно, цесарскія угрозы были уже не страшны для успѣвшихъ собраться съ силами визиря въ Бабадагѣ-Исакчѣ и его турокъ, и наступало время выполненія плана Боневаля — противъ одного цесаря. Они вѣровали въ надежду управиться съ обезсиленнымъ, въ долгахъ по уши, цесаремъ, и, сообразно съ ближайшимъ будущимъ тамъ, за Дунаемъ, повести себя и съ Россіей, врагомъ-де второй руки... Кто кого обошелъ?

Если таковы были планы-надежды (а едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ наличности) у турецкихъ полномочныхъ, при въѣздѣ ихъ первыми гостьми въ Немировъ, въ самомъ концѣ іюня, то—почти излишне говорить, что они—плохое тоже предзнаменованіе для успѣшной, столь желанной Остерманомъ, дѣятельности конгреса, числомъ втораго въ нашей политической прак-

---

*) Приложенія, V.
*) Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches, IV, 328.

тикѣ. Турки шли на одно—оттянуть, выиграть время, провести. А между тѣмъ съ внѣшней стороны условія для дѣйствій турокъ на конгресѣ были совсѣмъ убійственны: конгресъ открывается при войнѣ съ Россіей на Сѣверѣ, при со дня на день ожидавшейся войнѣ съ Австріей на Западѣ. Значитъ, они должны пойти на всѣ заготовляемыя Остерманомъ мирныя требованія, уступить... Ужели имъ, иначе, сдобровать?... Сами уже татаре Буджака «совѣтовали въ Бѣлгородѣ» (Аккерманѣ) и рѣшили — «непремѣнно подъ державу ея в-ва поддаться», при первомъ нашемъ появленіи, какъ доносили пріятели изъ-за Днѣстра.

Вторыми гостьми прибыли въ Немировъ наши, Неплюевъ съ товарищи.

«Сейчасъ, доносятъ они 2 іюля, изъ Василькова выѣзжаемъ (т. е., предъ самымъ оставленіемъ предѣловъ Россіи), а гр. Остейнъ 3 іюля слѣдовать будетъ за нами», въ отвѣтъ на строгое приказаніе крайне теперь опасающагося малѣйшей проволочки Остермана отъ 25 іюня — «быть готовыми къ отъѣзду въ Немировъ, куда и турки ѣдутъ, и опредѣлить намѣреніе турокъ наискорѣе».

Путь нашихъ министровъ шелъ чрезъ отвергнутую Бѣлую Церковь. Путь былъ медленный, вѣроятно, намѣренно, такъ что только 11-го іюля они прибыли въ Немировъ.

Талманъ въѣхалъ туда вмѣстѣ съ турками, гр. Остейнъ въ-слѣдъ за нашими.

Знойное, іюльское время. Городокъ ничтожный, грязный, еврейскій, и всѣ послы размѣстились по необходимости за чертою нечистоплотной осѣдлости, въ палаткахъ. Но при каждой изъ трехъ группъ уполномоченныхъ: турецкой, русской и австрійской, было большое число служащихъ, слугъ, вообще масса челяди всякаго наименованія, какъ того требовалъ дипломатическій этикетъ того времени, для пущей пышности, внѣшняго блеска. Особенно много людей было при туркахъ. Образовался новый, подвижной городокъ, широко, по-барски раскинувшійся среди дивнаго дубоваго лѣса, какой нѣкогда бывалъ въ нынѣшней подольской губерніи. «Видъ немировскаго лагеря, читаемъ мы въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, имѣетъ преизрядный проспектъ, ибо всѣ послы за городомъ, въ палаткахъ стоятъ, а особливо тѣ шатры, въ которыхъ они сами живутъ, весьма богаты» (№ 76). Совсѣмъ таборъ, но только не пушкин-

скій: «полы краснаго сукна повѣшены были вмѣсто дверей въ шатрахъ», записано въ «Журналѣ» конгреса *).

Это мирно-покойное размѣщеніе въ импровизированныхъ жилищахъ членовъ мирнаго конгреса продолжалось все первое время — іюль, августъ. Только къ концу лѣта пришлось подтянуться, по неволѣ, подъ защиту отверженнаго мѣстечка, и первые примѣръ подали турки: идилію нарушили гайдамаки. «Лагерь турецкихъ людей, состоящихъ при министрахъ этой націи, сообщали изъ Немирова въ Варшаву, придвинулся подъ самый здѣшній городъ, къ рѣчкѣ (небольшой притокъ Буга), опасаясь гайдамакъ, которые въ числѣ 500 человѣкъ должны находиться въ лѣсахъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, и вотъ почему нѣсколько ночей по сту драгунъ выѣзжало въ поле на стражу, и сами турки, всю ночь ходя съ оружіемъ въ рукахъ, сторожили себя, а равно и караулъ ежедневно ходилъ на пикетъ, для бóльшей безопасности» **).

На Невѣ глубокая вѣра въ успѣхъ дѣла. «Турки великое къ миру желаніе оказываютъ», говоритъ наша официозная газета, сообщая о прибытіи уполномоченныхъ въ Немировъ, конечно, не отъ себя, а съ вѣдома и указанія Остермана ***). Свѣжія сообщенія нашихъ пріятелей изъ Бессарабіи слышались въ этихъ словахъ органа вицеканцлера, помимо его личныхъ соображеній благопріятныхъ обстоятельствъ минуты, «добрыхъ диспозицій». Остерманъ позабылъ только про старое предостереженіе Неплюева, что все зависитъ, чтобъ «въ первую кампанію туркамъ носъ сбить». А тутъ и третья кампанія, все безъ желаннаго признака.

Но не вѣрилъ «турецкимъ гостямъ» Минихъ, и давно: «нельзя себя убаюкивать»; не вполнѣ временами вѣрилъ и Лупулъ изъ Кишинева: «пока носа имъ не разобьютъ»...

---

*) Гл. М. Арх. М. Ин. Д., Тур дѣла, 1737 г., св. 38/b № 9; св. 38/a № 13; св. 38/f № 16.

**) «Kurjer Polski», отъ 22 сентября, Архивъ Юго-Зап. Россіи, 3, т. III, № CXXXII. О томъ же въ С.-Пет. Вѣдом., № 86.

***) С.-Петерб. Вѣдомости, № 56, Прибавленія.

II.

НЕМИРОВСКІЙ КОНГРЕСЪ.

ОСТЕРМАНЪ И ЕГО ФОРМУЛА РѢШЕНІЯ ВОПРОСА О ТУРЦІИ

(Инструкція 14 іюня 1737 г.).

ИСХОДЪ «ОТМЕЗДІЯ».

Немировъ — грязное мѣстечко подольской губерніи, но оно имѣетъ право занять почетное мѣсто въ исторіи развитія южной политики Россіи, въ длинной цѣпи попытокъ разрѣшенія великаго вопроса, извѣстнаго подъ названіемъ Восточнаго.

Здѣсь, послѣ долгихъ, какъ мы видѣли, переговоровъ лѣтомъ 1737 года собрался конгресъ полномочныхъ Россіи и Порты для положенія мирныхъ условій. Второе мѣсто заняли представители Австріи, какъ фактическаго посредника и союзника въ силу трактата 1726 года, не легкомысленнаго, а важнаго трактата: его продиктовалъ Прутъ, неудавшаяся «акція» Петра Великаго. Это ясно изъ содержанія трактата, изъ первыхъ руководящихъ указаній виновника трактата, Остермана, своему сотруднику на Босфорѣ (см. выше, 7) Не иначе понимали и современники на сторонѣ *).

---

*) «Per ottenere quella (т. е. Прагматическую Санкцію) della Moscovia si è fatto il trattato di 1726; но въ замѣнъ этой уступки — in vigore del quale è derivato l' obligo d' entrare nella presente, tanto fastidiosa, guerra contro Turchi», доноситъ венеціанскій посланникъ въ Вѣнѣ, N. Erizzo, въ 1738 г., въ разгаръ неудачной помощи намъ отъ Австріи. (Fontes rer. Austriacarum, XXII, p. 150).

Порта не желала воевать — была «въ великой конфузіи», не смотря на всѣ происки Франціи и Швеціи, но и на переговоры пошла двусмысленно, лукаво, на видъ — крѣпко раздраженная именно противъ насъ, хотя вся настоящая «злость» припасена была для Австріи.

Въ началѣ 1737 года великій визирь, уступая только настояніямъ «дружественной» Австріи, которая къ намъ, по словамъ Порты, «чрезвычайный парціалитетъ являетъ» и требуетъ наступателю «сатисфакцію дать» — открыть мирную негоціацію на конгресѣ, такъ обвинялъ Россію за прошлое и настоящее, въ письмѣ къ гр. Кенигсеку въ Вѣну:

«Россія, говорилъ визирь, достоинства алмазной дружбы не знала, что̀ уже оказалось явленными ею отъ 40 до 50 лѣтъ поступками и дѣлами пробовано;

«За предпринятыя отъ россіянъ весьма нечаянно непристойные поступки Оттоманской Портѣ надлежало бы съ ними чрезъ нѣсколько лѣтъ безпрерывно войну производить, пока они достоинство алмазной дружбы познать обучены были бы; но въ разсужденіи его цес. в ва резолюція и намѣреніе о войнѣ отложено» *).

Надо имѣть въ виду, что дѣйствительно уже болѣе 10 лѣтъ назадъ Порта заявляла объ этой «алмазной дружбѣ». Еще въ 1722 г. нашъ первый посолъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, доносилъ, что у него 27 сентября былъ такой «дишкурсъ» съ визиремъ: «желаемъ мы, говорилъ визирь, съ монархомъ твоимъ аліанцъ заключить дефензивный и офензивный генерально противъ всѣхъ; правда, мы разной вѣры, но на семъ свѣтѣ аліанцы состоятъ не для вѣры, но для прибыли государственнаго интересу» **).

И вотъ въ Немировѣ былъ данъ нами отвѣтъ на упреки и нареканія объ отверженной «алмазной дружбѣ», были показаны дѣйствительно «предосудительныя намѣренія». Отвѣтъ формулировалъ «нѣмецъ», гр. А. Остерманъ.

При оригинальной обстановкѣ, подъ прикрытіемъ грязнаго еврейскаго мѣстечка, была въ первый разъ со стороны Россіи оффиціально и прямо заявлена наша будущая политическая

---

*) Отъ 4 февраля. Дѣла турецкія въ Главн. Моск. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ, 1736 г., св. ³⁴/b № 9.

**) Тамъ же, реляціи Неплюева за 1722 годъ.

программа относительно Юга, ближайшаго и болѣе отдаленнаго, программа широкая, но серьезная, намѣчавшая первыя реальныя цѣли, а не поэтическая, какъ у Миниха или Вѣшнякова, съ «столичнымъ городомъ» въ финалѣ или съ сокрушеніемъ Вавилона на Босфорѣ. Въ Немировѣ мы, говоря языкомъ того же Остермана, не по градусамъ поступали, т. е. не хитрили, но вдругъ себя изъяснили, какъ думаемъ мы уже о положеніи самихъ обладателей «алмазной дружбы» въ Европѣ: пережитые десятки лѣтъ послѣ Прута прошли для насъ не даромъ. Мы увидимъ, на с е г о д н я, т. е. для времени самого Остермана, автора программы, для цѣлей этихъ мы оказались все еще недостаточно сильными; но онѣ были завѣщаны, какъ з л о б а дня, въ наслѣдіе завтрашнему дню, который, скажемъ напередъ, и выпалъ на долю царствованія имп. Екатерины II, но лишь первою партіей, послѣ того, какъ наступленіе этого дня приготовила, вызвала, сначала мирная, потомъ кровавая, политика императрицы Елисаветы. Заслуга Остермана — въ простой, практической формулировкѣ программы его учителя, царя Петра, продѣланной черезъ тяжелый опытъ жизни—«понеже всякій своими погрѣшностями исправляется», какъ выражался одинъ современникъ, разбирая кампанію Петра за Прутъ, программы «нашей собственной конвеніенціи», что «къ пользѣ и безопасности государства принадлежитъ», безъ увлеченій, безъ «греческихъ прожектовъ», и въ неробкомъ предъявленіи ея, при сознаніи, что это, имъ формулированное, требованіе Россія — «какъ чаять возможно, цесарскимъ министрамъ не вовсе пріятно будетъ» — повторяя его же слова, т. е., тому государству, въ соображеніи услугъ котораго Остерманъ и расчитывалъ осуществить свои смѣлыя, но серьезныя мысли.

Въ Немировъ были посланы Остерманомъ Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ, все дѣятели изъ школы Петра и свѣдущіе въ дѣлахъ Востока. Остерманъ питалъ вѣру въ успѣхъ заготовленнаго имъ крупнаго дѣла. Мы видѣли, послы нѣсколько медлили, и 24 мая послѣдовалъ имъ указъ—спѣшить, «дабы долгимъ непріѣздомъ всѣ къ конгресу имѣющіяся д о б р ы я д и с п о з и ц і и втунѣ не обратились». Камень вѣры его—союзная, всемогущая, казалось, Австрія, а въ этомъ расчетѣ на

«князи міра» и была сдѣлана имъ ошибка, но. по неволѣ: надо было попытать спасти погибавшее дѣло.

Мы видѣли, что уже 14 апрѣля, когда турецкіе послы только думали трогаться въ путь, въ Сороку, была подписана въ Петербургѣ «полная мочь» нашимъ членамъ еще не установившагося конгреса. Этою «мочью» они снабжались — чтобы, «общимъ соединеніемъ съ присутствующими отъ цесаря послами, съ турецкими послами о постановленіи мирнаго трактата въ конференціи и негоціаціи вступить, а что̀ договоренось будетъ постановить, заключить, подписать и припечатать». На другой день, 15 апрѣля, былъ подписанъ императрицей первый, формальный, наказъ полномочнымъ, о предстоящемъ поведеніи ихъ на конгресѣ.

Въ инструкціи указывалось «наиглавнѣйше» то, что Австрія не медіаторъ, а «союзная и договаривающаяся сторона». Въ виду этого основнаго положенія, Остерманъ высказывалъ, далѣе, увѣренность, что австрійскіе товарищи на конгресѣ удержатся «отъ всякихъ такихъ поступковъ, которые къ медіаціи касаться или какого къ малѣйшемъ чемъ виду къ тому подать могли-бъ», во всемъ будутъ стоять за-одно, «яко неразрывный между нами союзъ и такое близкое и натуральное нашихъ интересовъ, въ разсужденіи о турецкомъ государствѣ, соединеніе того необходимо требуетъ, и по такъ многократнымъ отъ его цес. в-ва формальнымъ обнадеживаніямъ того весьма ожидать можно».

По пріѣздѣ въ Кіевъ, къ туркамъ первымъ не отзываться, но предоставить это графу Остейну, «яко же по прилежному отъ его двора требованію, представленію и о турецкой склонности къ конгресу обнадеживанію мы на отправленіе своихъ министровъ соизволили». Но тутъ же высказывалось сомнѣніе въ «близкомъ соединеніи»: требовалось зорко наблюдать за взаимною пересылкою съ турками Остейна и Талмана, «подъ рукою присматривать» и, посылая каждый разъ при такой пересылкѣ своего человѣка, «вывѣдывать всячески о турецкихъ намѣреніяхъ».

Изъ сообщеній ясскаго медіатора, кн. Гики, и пріятеля изъ Кишинева, Лупула, мы видѣли, что на конгресѣ ожидались и представители обѣихъ морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, такъ какъ и они «балянцію Европы смотрятъ»: они якобы выписывались внаремъ. Вотъ почему инструкція не забываетъ и этого

условія. «Въ разсужденіи своей комерціи и съ Турціей имѣющихъ конвенцій, Порту Оттоманскую всегда нѣкоторымъ образомъ менажировать причину имѣютъ (обѣ тѣ державы), и для того съ здѣшней стороны отъ принятія оной медіаціи и о вступленіи о томъ въ дальнія экспликаціи убѣгали и всегда искали прямую и непосредственную къ кореспонденціи съ турками дорогу и негоціацію отворенную себѣ оставлять». Но «ежелибъ англійскій и голландскій послы, какъ то, по учиненному имъ отъ турецкаго визиря призыванію, случиться моглобъ, на конгресѣ присутствовали, то имъ съ ними всякое дружеское обхожденіе имѣть, доброжелательнымъ намѣреніемъ и доброю ревностью пользоваться надлежитъ, а отъ принятія ихъ медіаціи весьма учтивымъ и неозлобительнымъ образомъ отходить».

Наконецъ, требовалось постоянно сноситься съ Минихомъ, какъ главнымъ руководителемъ военныхъ дѣйствій, и домогаться отдачи Хотина Польшѣ или разоренія его. Послѣднее условіе, уже по существу, было совершенно случайнымъ привѣскомъ.

Въ виду высокой важности поручаемаго дѣла — мира, но на серьезныхъ практическихъ условіяхъ — «основательныхъ мѣрахъ», а не «алмазной дружбы» ради, посламъ «особливо» вмѣнялось: «отъ самаго начала прилежнѣйше свое стараніе чрезъ всякіе къ тому удобные и потребные способы о томъ прилагать, чтобъ намѣреніе турецкихъ министровъ — къ чему оно клонится и на какихъ кондиціяхъ они миръ заключить настановленіе имѣютъ, искуснымъ образомъ вывѣдывать и о томъ намъ заблаговременно и не пропуская удобное еще къ операціямъ время, съ приложеніемъ обстоятельнаго своего мнѣнія, доносить, ибо отъ того все зависитъ и, какъ сами разсудите, по тому — или къ продолженію войны, или къ прекращенію основательныя мѣры предвосприняты быть имѣютъ *).

Между тѣмъ какъ ангелы мира заботливо Остерманомъ снаряжались на Югъ, параллельно этому, для того же Юга, шли иныя снаряженія: подымались стратиги на операціи—Минихъ и Ласси.

*) Тамъ же, Турецкія дѣла, 1737 г., св. ²²/d № 13.

Въ соображеніе «канала» т. е., Босфора, необходимо было остановиться на Очаковѣ, у устья Днѣпра, и мы видѣли, что планъ ставилъ Очаковъ первою метою для Миниха и требовалъ спѣшить. Въ далекомъ Брянскѣ шла горячая работа надъ «флотомъ» для Чернаго моря, а еще зимой, какъ мы видѣли, Минихъ снялся изъ Петербурга. Весной графъ былъ у арміи въ Мишуриномъ-Рогѣ на Днѣпрѣ (близъ впаденія Ворсклы), но операціи открыли татаре: «за Говтою село Шиловку совсѣмъ разорили и сожгли, людей порубили и плѣнили; почему велѣно всѣмъ полковникамъ съ козаками выходить въ походъ подъ смертною казнью» *).

Во второй половинѣ мая Минихъ двинулся къ Бугу по степямъ бывш. бобринецкаго уѣзда. Мы видѣли изъ писемъ самого Миниха, что до Ингула было хорошо: вода, пастбища; лошади поправились, армія шла бодро. Иная картина далѣе, когда войска перешли Бугъ у притока Сухаго, вступили въ Татарскую Валахію или Ханскую Украину. «Мы, говоритъ очевидецъ, принуждены были по выжженнымъ степямъ маршъ продолжать». Іюньскій зной, безводіе, а легкомысленный младшій Минихъ (сынъ) острить: «прокормить армію въ пустынѣ показалось бы нетруднымъ лишь израильскому полководцу Моисею» **). «Маршъ былъ зѣло трудный, замѣчаетъ тотъ же очевидецъ, шли безводными степями, жженною степью; отъ великихъ жаровъ чрезвычайно армія въ трудахъ находилась и скотъ въ слабости былъ» ***), т. е., естественно, повторились старыя, знакомыя походныя картины. Причина—мы сильно опоздали. Мы видѣли, иначе вести дѣло предполагалъ планъ, въ соображеніи и условій Степи.

30-го только іюня Минихъ подошелъ къ Очакову, сдѣлавъ страшный переходъ, а немного дней позже тронулись, какъ мы видѣли, изъ Кіева на конгресъ немировскіе делегаты, напутствуемые отъ Остермана свѣтлыми надеждами. «Уповаю, писалъ онъ имъ на отъѣздъ въ Немировъ, что между тѣмъ счастливое произведеніе арміи нашей дѣйствъ предлагаемымъ

*) Дневникъ Марковича, подъ 19 февраля, II, 17, изд. 1859 г.
**) Memoiren, 121.
***) Бартеневъ, 18-й вѣкъ, II, 259

турецкимъ министрамъ на конгресѣ къ заключенію мира кондиціямъ лучшую силу и успѣхъ придастъ, якоже, по послѣднимъ Миниха, отъ 9 іюня, письмамъ, онъ, по переходѣ черезъ великій Ингулецъ и прочія тамо имѣющіяся рѣчки, къ Мертвымъ Водамъ доходилъ и оттуда уже къ Бугу маршировать весьма малая дистанція осталась, такъ что ежедневно о прибытіи его къ Бугу и о переправленіи вѣдомость ожидать имѣемъ. А г. Лессій съ своею къ Крыму марширующею арміею по вѣдомостямъ отъ 7 іюня уже къ Молочнымъ Водамъ дошелъ и до Перекопу немного маршировать осталось» *).

Военные успѣхи обусловливали успѣхъ конгреса, характеръ самыхъ кондицій, должны были ошеломить владѣтелей «алмазной дружбы», поднять наши требованія, въ противномъ случаѣ — ослабить.

Но что̀ это были за «къ заключенію мира кондиціи», вылившіяся изъ-подъ пера Остермана, въ отвѣтъ на алмазную дружбу?

Онѣ мало были похожи на извѣстныя намъ условія «не въ указъ», что̀ сформулированы Вѣной. Но и Остерманъ не говорилъ неправды, когда отказывалъ раньше Вѣнѣ въ сообщеніи условій Россіи — что оня еще не готовы, что напередъ «расположить не можно, но по времени и какъ конъюнктуры къ тому способы подадутъ». Только въ половинѣ іюня, когда наши полномочные были уже въ Кіевѣ, турецкіе на пути въ Немировъ, а Минихъ и Ласси на пути въ Очаковъ и Крымъ, наши мирныя требованія были, наконецъ, оформлены Остерманомъ, требованія «резонабельныя», свидѣтельствовавшія, по словамъ ихъ виновника, о нашемъ «великодушіи и умѣренности».

Наши требованія изложены въ «Инструкціи полномочнымъ министрамъ», писанной собственноручно гр. Остерманомъ и помѣченной: «іюня 14 дня». Это мостъ, переброшенный отъ идей Петра въ восточной политикѣ Екатерины II, катихизисъ нашей южной политики XVIII столѣтія: XIX-е привело его къ настоящему осуществленію и затѣмъ повело дѣло логически дальше.

Пересылая эту главную матерію для конгреса, этотъ стро-

---

*) Турецкія дѣла въ Моск. Гл Арх. М. Ин Д., 1737 г., св. */b № 9.

го обдуманный планъ разрѣшенія вопроса «о турецкомъ государствѣ», свою формулу разрѣшенія Восточнаго вопроса, русскимъ членамъ конгреса — для реализаціи, Остерманъ препоручалъ имъ: «съ довольно зрѣлымъ и прилежнымъ примѣчаніемъ и внятіемъ прочесть» и держать въ полномъ секретѣ— до поры. Прочтемъ же и мы со внятіемъ этотъ великій памятникъ нашей дипломатической старины, черезъ полтора вѣка по его появленіи.

Отправная по буквѣ Инструкціи 14 іюня точка для Остермана, это—что «наиглавнѣйшее намѣреніе при учиненіи мира съ Портою въ томъ состоитъ, чтобы имперіи *) и подданнымъ достаточную безопасность получить». Поэтому наше первое требованіе — «съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой—рѣка Днѣстръ **) обоимъ имперіямъ за постоянныя и непереходимыя границы опредѣлены будутъ».

Въ виду этого соображенія, сейчасъ же турецкимъ министрамъ наши имѣли объявить, что источникъ всѣхъ ссоръ— кубанскіе и крымскіе татаре, ихъ набѣги: «постояннаго и твердаго согласія и мира между обоими имперіями невозможно, пока сіи неспокойные, грабительскіе народы между обоими государствами въ срединѣ будутъ». Поэтому Остерманъ требовалъ, «чтобы Кубань и островъ Крымъ, со всѣми народы и жителями, были въ вѣчномъ подданствѣ всероссійской имперіи». Требованіе огромное, впрочемъ, еще отъ эпохи Петра ***); но какъ же заговорить и согласить на него турокъ? Уже Вѣшняковъ ясно говорилъ, что Крымъ для нихъ—ключъ къ самому Стамбулу...

---

*) Отъ бумагъ Остермана слово «имперія» стало употребляться и въ женскомъ родѣ въ ед. числѣ, отъ него же идетъ и нами употребляемый почеркъ—буквы округленныя, или прямыя, черты точныя, изящныя, канцелярскій почеркъ. Первый разъ слово имперія намъ встрѣтилось въ рескриптѣ резиденту Неплюеву въ Константинополь отъ 12 янв 1730 года: «сей случай (вступленіе имп. Анны) въ имѣющей между Россійскою Имперіею и Блистательною Портою дружбѣ и добромъ согласіи никакой отмѣны не учинитъ». (Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Турецкія дѣла, 1730, св. 31/а № 3)

**) «Днѣстръ» написано ясно. Ср. ниже противупоставленіе его Днѣпру.

***) «Въ это время (послѣ 1703 г.), говоритъ упоминавшійся уже крымскій еврей-лѣтописецъ, царь мошкова обдумывалъ планы и способы къ исполненію своего желанія — подчинить себѣ весь Крымъ и присоеди-

«Для лучшаго турецкихъ министровъ къ тому склоненія мочно имъ пристойно разсуждать, что туркамъ самимъ отъ сихъ народовъ не токмо никакой прибыли, но паче еще великіе убытки, безпокойства и тягости происходятъ, умалчивая объ извѣстной хановъ крымскихъ къ престолу Оттоманскому претензіи». Но уступкой этой, передачею всѣхъ татаръ — «отъ всего Порта вдругъ освободится и турецкіе министры сами легко признаютъ, что сіе съ нашей стороны также ни для какой прибыли, но токмо для предбудущей отъ нихъ безопасности и вѣчнаго имъ отнятія всякаго случая къ возмущенію между обоими имперіями требуется».

Для бóльшаго успѣха Остерманъ разрѣшалъ, «ежели съ турецкой стороны о томъ отзовутся и возтребовано будетъ—въ угодность имъ обѣщать, что татаре при своихъ правахъ и обычаяхъ ненарушимо содержаны будутъ», что по желанію могутъ выселиться въ Турцію, но чтобы «прочіе крымскіе жители, христіанскаго и немагометанскаго *) закона, въ Крымѣ остались». «Въ самомъ крайнемъ случаѣ обѣщать крымскимъ татарамъ за ихъ недвижимое однажды навсегда заплатить до 100 и до 150 тыс. руб., смотря по негоціаціи, понеже сей переводъ за таковой важный и полезный почитается, что не токмо означенная сумма, но и весьма больше того въ разсужденіи той пользы жалѣть видѣться не надобно». Чтобы успокоить отъ спуска границы Россіи до моря, Остерманъ добровольно шелъ на ограниченіе правъ владѣнія: «дабы туркамъ всякую опасность отнять, которую бъ они по причинѣ всероссійскаго утвержденія въ Крымѣ возъимѣть могли, то мочно постановить, что въ Крымѣ корабельнаго военнаго флота со стороны всероссійской имперіи содержано не будетъ, что туркамъ въ Крымѣ свободно купечество свое отправлять позволяется». Наконецъ, «ежелибъ турки еще что иное по причинѣ уступленія Крыма возтребовать стали, еже по ихъ, полномочныхъ министровъ, разсужденію государственнымъ интересамъ не противно, а паче онаго къ опасности не касается, то и на оное позволить мочно».

нить его къ своимъ владѣніямъ». (Отчетъ И. Публ. Б. за 1882, Прилож., 22). Чтобы сузить Керченскій проливъ для стѣсненія движенія русскихъ судовъ въ Черное море турки наполнили лодки и ящики большими камнями и потопили ихъ (тамъ-же). Это до 1711 г.

*) Вѣроятно, караимы.

Остерманъ требовалъ татарскимъ вопросомъ, «претензіей», самую «негоціацію на конгресѣ начинать» и «пристойно стоять» на присоединеніи Крыма, но оговариваясь — стоять въ началѣ переговоровъ. Онъ выставлялъ его, какъ постулатъ современной политики, но самъ допускалъ, что мало надежды на успѣхъ. Уже въ слѣдующей (2) статьѣ Инструкціи онъ отступался, правда, условно, отъ Крыма. Въ ослабленіе впечатлѣнія отъ этого какъ бы противорѣчія себѣ — въ особомъ приложеніи, предназначенномъ для императрицы, Остерманъ развивалъ свои мысли, почему «отъ претензіи не безъ важныхъ причинъ отстать мочно». Здѣсь предложены экономическія и обще-политическія соображенія. Онъ указываетъ на нежелательность изъ-за Крыма тянуть войну: «война продолжена быть имѣетъ, которой счастливый сукцесъ и происхожденіе въ рукахъ Бога состоитъ». Далѣе, «островъ и всѣ на ономъ лежащія крѣпости силою оружія взяты быть имѣютъ, еже безъ великихъ иждивеній и газарда произойти не можетъ. Завоевавъ и содержаніе онаго не безъ такихъ же иждивеній и тягости быть можетъ, ибо не менѣе какъ отъ 30 до 25 тысячъ регулярнаго войска для такого содержанія тамо всегда потребно будетъ и въ нужнѣйшихъ мѣстахъ новыя крѣпости и фортификаціи, для надлежащаго утвержденія таможъ, построены быть имѣютъ. Удержаніе онаго къ всегдашней новой войнѣ поводъ подастъ, понеже турки, усмотря удобный себѣ случай, оный при всероссійской имперіи оставить не похотятъ и еще отъ другихъ къ тому побуждены будутъ, понеже извѣстно, что многимъ державамъ такое завоеваніе иногда для своей комерціи, а иногда, особливо Франціи, чтобъ турковъ не вовсе въ безсиліе привесть, весьма противно». Такимъ образомъ, по экономическимъ и политическимъ «резонамъ» для Крыма настоящая очередь только впереди. Но обезопасить себя отъ Крыма можно и безъ Крыма, и даже сдѣлать больше, полагалъ Остерманъ, и этой мысли посвящена вторая статья Инструкціи: какъ провести турокъ, «ежелибъ по симъ резонамъ отъ оной претензіи отстать всемилостивѣйше за благо разсуждено будетъ».

«Если турки, начинаетъ Остерманъ 2 статью, на сіе уступленіе никакими мѣрами не склонятся, то объявить, что ея величество, для показанія своего великодушія и что она никакихъ пространныхъ конкетовъ не желаетъ, и на то поступитъ, чтобъ Крымъ за турками остался, однакожъ подъ сею именною кондиціею, чтобъ

татаре оттуда въ другія области турецкія, отъ границъ довольно отдаленныя, переведены были, но чтобъ на мѣсто тѣхъ татаръ також де не природные турки, но другаго закону подданные турецкіе, тамо поселены быть могли, въ чемъ стоять и ожидать, какіе отъ турецкихъ министровъ для удержанія татаръ впредь отъ всякихъ своевольныхъ предвоспріятій способы предложены будутъ. И ежели иныхъ, кромѣ жестокихъ запретительныхъ указовъ, представить не могутъ, то объявить имъ, что время и искусство показали, что такіе указы недостаточны».

Заявленная Остерманомъ «именная кондиція» при отказѣ отъ Крыма была, конечно, замаскированіемъ пріобрѣтенія «острова». Но его планъ усиленія христіанскаго населенія въ Крыму, прямо противоположный позднѣйшему пріему имп. Екатерины II—ослабленія этого элемента, не могъ не быть понятъ турками, не могъ не встрѣтить отказа съ ихъ стороны; почему, какъ «самую послѣднюю мѣру», Остерманъ предположилъ, «чтобы Керчь или Яникулу въ посессію россійскую отдано, чтобы таким образомъ хотя малая на сей своевольный народъ узда осталась».

Но, отказываясь пока отъ Крыма, Остерманъ требовалъ возсоединенія всей Степи, отъ Дона до устья Днѣстра, т. е. сѣвернаго побережья Азовскаго и Чернаго морей, хотя и подъ условіемъ. Предъ нами — опять требованіе огромной важности, но не фантастическое — только приведенное къ концу, спустя лишь полъ вѣка, и то «по градусамъ», слѣдовательно, опять очевидный политическій постулатъ въ программѣ Юга, изъ ранней программы Петра.

Отказъ въ Крымѣ со стороны турокъ не обусловливалъ разрыва переговоровъ на конгрессѣ: «для полученія мира разсуждается, что изъ-за татаръ войну не продолжать». Но за-то въ вопросѣ о границахъ стоять, указывалъ Остерманъ, на слѣдующемъ: 1) «съ азовской стороны граница Кубань, купно съ Таманомъ Россіи; 2) съ другой стороны Азова, берега Азовскаго моря и всѣ земли, по сей сторонѣ лежащія, яко древніе россійскіе, и острова Бердинскіе (!) останутся Россіи»; для выгона скота татарамъ остаются пастбища за Перекопомъ, граница же проводится по трактату 1700 года, но не до Міюса, а до Берды а «въ прочемъ быть оному дистрикту пустому и въ общемъ владѣніи»; 3) «перекопскую линію разорить и фортеціи и

впредь тамо никакой фортеціи не построить; 4) по другую сторону Днѣпра быть границамъ по Днѣстру, т. е., всѣ мѣста по сей сторонѣ Днѣстра, которыя во владѣніи турецкой имперіи будутъ, безъ всякаго изъятія, какого имени и званія ни былибъ, крѣпости и другія, поселенныя или пустыя, въ вѣчное владѣніе россійской имперіи останутся (разумѣется Ханская Украина или Валашская Татарія); 5) дабы туркамъ, такожде и прочимъ ненавидующимъ державамъ, всякое опасеніе о какихъ иногда намъ приписуемыхъ дальновидныхъ намѣреніяхъ отнято было, когда сіе необходимо за потребно разсудится, мочно поставить, какъ выше о Крымѣ: что морскихъ военныхъ кораблей тамо содержано не будетъ».

Въ заключеніе третьей статьи Инструкціи — наивное успокоеніе турокъ, повтореніе стараго: «россійскіе министры могутъ при семъ артикулѣ явно туркамъ показать, что сія границы требуются не для какого распространенія государственнаго владѣнія, нижѐ для какой прибыли и доходовъ, якоже отъ пустыхъ земель доходовъ ожидать не возможно, но только для безопасности границъ, безъ полученія которой и мира учинить напрасно».

Послѣдующіе три «главнѣйшіе артикула» (4—6) имѣютъ второе значеніе: «небезполезно постановить» о вооруженномъ отраженіи наѣздовъ татарскихъ, безъ права вмѣшательства по этому дѣлу Порты или принятія того за знакъ нарушенія мира, о свободной постройкѣ каждой сторонѣ крѣпостей на границѣ, «какія для безопасности заблагоразсудится» и о платѣ за убытки отъ татарскихъ разореній — до 6 мильоновъ ефимковъ. При этомъ относительно «награжденія» замѣчено: «можно убавить, смотря какъ въ другихъ кондиціяхъ себя склонными покажутъ», и даже вовсе отстать, «дабы за тѣмъ заключеніе мира не остановить».

Вторая часть Инструкціи 14-го іюня посвящена добавочнымъ статьямъ. Здѣсь формулируются эвентуальныя требованія, въ зависимости отъ успѣховъ на театрѣ войны: но эти требованія рѣзко выступаютъ изъ формально первой задачи—о безопасности границъ (мы увидимъ, что она сейчасъ же была лишена своего первенства) и формируютъ ту грандіозную политическую программу, которая корнями своими опирается на традиціяхъ отъ Петра Великаго, но осуществленіе которой перешло вѣкъ Екатерины—

выпало на долю уже XIX вѣка. Это—установка нашей государственной границы на нижнемъ Дунаѣ и забота о полной политической независимости Молдавіи и Валахіи, т. е., первое заявленіе нашего вѣковаго покровительства, въ силу единства вѣры, надъ христіанами Турціи, и опять требованіе трезвое — по «градусамъ», начинать отъ ближайшаго, а не огульное — надъ всѣми христіанами, итп со ступеньки на ступеньку.

Такимъ образомъ, по буквѣ первыхъ артикуловъ главное вниманіе Остермана какъ будто одна безопасность границъ на Югѣ. Онъ самъ въ заключеніе 6-ой статьи замѣчаетъ: «сіе о главнѣйшихъ артикулахъ». Но въ дѣйствительности предъ нимъ развертывалась уже ясно блестящая картина политической миссіи Россіи впереди — у него въ виду тѣ «дальновидныя намѣренія», отъ которыхъ онъ какъ будто открещивается, но о которыхъ и говоритъ: возсоединеніе, море, флотъ, частичное, медленное, но вѣрное, разобраніе Турціи. Методическій государственный умъ великаго «нѣмца» и здѣсь ярко отмѣченъ. Въ рекомендаціи постепенности, въ выясненіи первыхъ, практическихъ, относительно легче реализируемыхъ задачъ въ политикѣ Юга — глубокій исторический интересъ второй, какъ будто дополнительной, части исторической Инструкціи 1737 г.

«Но понеже, начинаетъ Остерманъ вторую часть, при сей негоціаціи всѣ кондиціи сего мира почитай едино отъ предуспѣванія военныхъ операцій зависятъ, того ради уполномоченные министры, со всякимъ искусствомъ и умѣньемъ своихъ поступковъ, въ прибавкѣ и въ уступкѣ противу того учредить имѣютъ. Напримѣръ, ежели бы какая баталія случилась и турки побѣждены были или операціи въ Крымѣ и въ другихъ мѣстахъ знатнѣйшимъ образомъ преуспѣли, то надлежитъ и кондиціи свои прибавить, и, примѣняясь къ тому, мочно сперва требовать распространенія нашихъ границъ до самой рѣки Дуная*), съ требованіемъ о Волохскомъ и Мултянскомъ княженіяхъ, чтобы оные впредь остались удѣльными, особливыми княжествами, въ совершенной отъ Порты

*) Въ подлинникѣ—«Доноу», съ нѣмец. Donau, потомъ исправлено Здѣсь нельзя не вспомнить словъ кишиневца Зупула въ письмѣ отъ 19 марта: «уступить принуждена (Порта) будетъ, хотя и до самого Дуная». Ср. о той же уступкѣ по Дунай того же — позже, 13 іюля, въ Немировѣ.

индепенденціи, и яко единовѣрцы наши подъ единою протекціею ея имп. величества» *).

Авторъ этого требованія ясно понималъ, что тутъ задача усложняется, что этотъ деликатный и крупный вопросъ объ «индепенденціи» не одной Порты коснется, а и самъ нашъ союзникъ австрійскій вскрыется; какъ же тогда быть? Остерманъ указываетъ старый пріемъ—заговариванье, затѣмъ повести рѣчь о политической пользѣ «Ежелибъ, какъ чаять возможно, сіе требованіе цесарскимъ министрамъ не вовсе пріятно было и оные тому вспомогать, можетъ быть, не стали, то въ такомъ случаѣ мочно имъ толковать, что мы оныя княженія къ себѣ присовокупить не требуемъ, но желаемъ только, чтобъ оныхъ отъ турковъ оторвать и оставить ихъ удѣльными княжествами, напр хотя на такомъ основаніи, какъ Курляндія, а быть онымъ только подъ нашею протекціею, яко единовѣрцамъ, отчего цесарю не токмо никакое предосужденіе не будетъ, но еще сія знатная польза происходитъ, что по сей сторонѣ р. Дону турками никакое владѣніе не останется, слѣдственно, цесарь и вся Транзильванія и прочія по сей сторонѣ лежащія земли его отъ сего турецкаго сосѣдства и потому отъ онаго, натурально, всегда имѣвшаго опасенія освободятся, и, слѣдов., силы его, при случаѣ войны съ турками, раздѣлены больше не будутъ Для такой знатной авантажи надлежитъ и вирямь тому требованію вспомогать и такожде съ своей стороны наисильнѣйше содержать и подкрѣпить».

Остерманъ уже изъ откровенныхъ сношеній Петра Великаго съ мадьярскимъ бунтовщикомъ противъ цесаря, Фр. Ракочи, не могъ не знать, что и Австрія на турецкій югъ тянетъ; но теперь, послѣ побѣдъ принца Савойскаго, когда ее Пожаревацкій миръ (1718) перевелъ за Дунай, уже на самые Балканы, не «знатную авантажь», а шахъ своей политикѣ должна была увидѣть она, разъ на востокѣ Турціи, подъ ея бокомъ, на Дунаѣ, взамѣнъ Турціи, появляется Россія съ своими «индепендентными» спутниками, на первый разъ, съ свободными Молдавіей и Валахіей, вторгается въ ея сферу вліянія. Но Австрія — союзникъ, войну обязалась объявить Турціи; Турція едва-ли выдер-

*) Тотъ же Лупулъ 24 февраля писалъ: «жители (Молдавіи) съ совершеннымъ довольствомъ свободы своея ожидаютъ».

жить общій натискъ, думалъ Остерманъ, придется дѣлить ея земли; поэтому онъ требовалъ—на границѣ у нижняго Дуная и великой мысли объ «индепенденціи» дунайскихъ господарствъ крѣпко стоять, только «недреманнымъ окомъ» смотрѣть на ненадежнаго по послѣднему пункту союзника.

«Еще, продолжаетъ Остерманъ, поступки въ кондиціяхъ много отъ того зависятъ, какую надежду на цесарскую предбудущую помощь, ежелибъ войну продолжать принуждены были, имѣть возможно». Въ виду этого русскіе уполномоченные, должны каждую минуту «со всякимъ прилежаніемъ и недреманнымъ окомъ на всѣ поступки цесарскихъ министровъ (т. е. въ Немировѣ) и ихъ изъясненіи смотрѣть и оные зрѣло уважать».

Такимъ образомъ, возсоединеніе Степи—старой русской земли, обезвреженье Крыма, если не присоединеніе, южная граница—нижній Дунай и политическая независимость первыхъ нашихъ сосѣдей изъ христіанъ Турціи—вотъ основные пункты программы Остермана. Здѣсь все духомъ Петра Великаго дышало; но слишкомъ широкая программа его была введена въ границы. Остерманъ не недопускалъ, что и его формулировка программы Петра еще, быть можетъ, останется въ области идеала: остальныя условія, называетъ онъ самъ, «не толикимъ трудностямъ подлежащія»; эти же нелегки По онъ выставлялъ свои главныя «кондиціи» серьезно, съ убѣжденіемъ, какова бы судьба ихъ пока ни была: не сегодня, такъ завтра, но отнюдь не для одного торгашества. Возможность уступокъ въ нихъ, въ естественной зависимости отъ пестрыхъ обстоятельствъ минуты, онъ самъ въ принципѣ признавалъ, но требовалъ и отъ своихъ немировскихъ помощниковъ такой же разсудительности и серьезности въ проведеніи его идей въ дѣло, съ какою онъ формулировалъ ихъ въ кабинетѣ, подъ диктовку своего патріотическаго чувства и нравственнаго долга. Скажутъ намъ: какъ, нѣмецъ? въ эпоху «нѣмцевъ»?... Да, были люди...

«Но еще наиглавнѣйше», это — съ самаго начала конгреса, чрезъ всякіе «способы, пути и каналы», не жалѣя денегъ, эти помощники должны были о подлинномъ турецкомъ намѣреніи, о «кондиціяхъ» Порты провѣдать — «какъ далеко они поступать намѣрены, къ чему они, безъ продолженія войны, видѣны быть могутъ, и не токмо по тому свои поступки учредить, но и того часу сообщить обстоятельно свои мнѣнія, намъ о томъ заранѣе донести, дабы, не до-

пуская конгреса до крайности и не пропуская времени, къ операціямъ еще удобнаго, указами снабдены быть могли. Ибо, ежели конгресъ до осени протянутъ, когда болѣе дѣйствовать невозможно, то турки, получа время къ отдыху чрезъ зиму, всемѣрно съ вящею упрямостью поступать будутъ, въ надеждѣ на либо какихъ перемѣненій въ конъюнктурахъ посредствомъ другихъ какихъ державъ и собственнаго поправленія, и слѣд. до другой кампаніи дѣла протянуты быть могутъ. По послѣдней мѣрѣ, всѣ предъуготовленія учинены быть имѣютъ, еже какъ для обыкновенныхъ военныхъ тягостей, для невѣдомыхъ военныхъ и другихъ случаевъ и конъюнктуръ, и для надежды, которую на сильную цесарскую помочь на предъбудущій годъ имѣть возможно — въ довольно зрѣлое разсужденіе всегда взято быть имѣетъ».

«И для того, заключаетъ Остерманъ этотъ главный отдѣлъ своей Инструкціи, предъ переходомъ къ „прочимъ кондиціямъ, не толикимъ трудностямъ подлежащимъ"—на сей пунктъ россійскимъ министрамъ на конгресѣ наикрѣпчайше рекомендуется, яко дѣло важнѣйшее государственное, отъ нихъ однихъ и одного ихъ радѣнія и искуснаго прилежанія зависящее; дабы съ обстоятельнымъ своимъ мнѣніемъ заблаговременно о томъ доносили и они еще заранѣе и до окончанія кампаніи на то потребныя наставленія получить могли, въ чемъ на ихъ вѣрность и прилежную должность и въ дѣлахъ искусство положиться должно, понеже все то на конгресѣ присмотрѣно и проникнуто быть имѣетъ»

Въ числѣ «прочихъ кондицій», т. е. съ побочнымъ значеніемъ, Остерманъ указывалъ: объ измѣнникахъ написать генерально, чтобъ впредь не принимать (въ виду — «мазепинцы», знакомые намъ остатки казаковъ, что шатались по Турціи съ Орликомъ во главѣ *); требовалъ точной, съ помѣщеніемъ въ текстъ трактата, инструкціи для будущей разграничительной комисіи, домогаться выдачи многихъ раскольниковъ, «въ Волохіи, Молдавіи и другихъ Блистательной Порты областяхъ поселившихся», установить взаимную «свободную торговлю и комерцію во всемъ турецкомъ государствѣ» на основаніи, общемъ съ другими государствами —

---

*) Напр., въ февралѣ 1737 г. пріятель Лупулъ писалъ изъ Бабадага, что «Иванъ Мировичъ, оставя крымскаго хана, со мною въ Молдавію возвратился». (См. Приложенія, V).

«какъ другихъ коронованныхъ главъ подданнымъ позволено и съ платежемъ такихъ пошлинъ, какія они платитъ, взаимно турецкимъ подданнымъ обѣщать мочно», найтрализація, по меньшей мѣрѣ, Кабарды, императорскаго титула, уступки титулярному союзнику — Польшѣ — Хотина, а потому и включенія ея въ новый трактатъ, но съ сохраненіемъ и прежнихъ нашихъ съ Портою договоровъ, кромѣ Прутскаго. Послѣдній трактатъ—наше больное мѣсто того времени; поэтому Остерманъ останавливается на немъ съ нѣкоторою обстоятельностью. «Хотя симъ мирнымъ трактатомъ, поясняетъ Остерманъ, Прутскій и послѣ подтвержденные трактаты собою уничтожаются, для того объ нихъ и упоминать не потребно бъ было; однако жъ, для избѣжанія отъ всякихъ впредь противныхъ толкованій, надлежитъ постановить, что Прутскій и послѣ учиненные подтвердительные трактаты во всѣхъ своихъ содержаніяхъ и артикулахъ уничтоживаются, или какимъ инымъ образомъ, какъ по общему полномочныхъ министровъ разсужденію къ интересамъ и высочайшей славѣ ея в-ва за наилучшее разсуждено будетъ». Наконецъ, Остерманъ счелъ удобнымъ постановить, что русскіе министры на резиденціи при Портѣ «впредь во всемъ противу цесарскихъ содержимы будутъ и быть имѣютъ».

«Сіи суть, скромно заключаетъ Остерманъ, наиглавнѣйшіе артикулы, которые при учиненіи мира съ Портою въ разсужденіе притти могутъ, а прочіе, въ трактатахъ обыкновенные, напр., о разобраніи ссоръ, на разсужденіе министровъ оставлены быть могутъ. Ежели все вышеписанное отъ ея в-ва апробуется, то оное довольно видится не токмо къ начатію, но и къ основательному продолженію предстоящаго конгреса и негоціаціи, пока отъ министровъ о подлинномъ той негоціаціи состояніи и турецкихъ подлинныхъ намѣреніяхъ подробное и обстоятельное доношеніе получено будетъ»! *)

Императрица эти глубокія мысли своего многоопытнаго государственнаго совѣтника, истинно стараго слуги государства, плодъ его глубокаго ума и горячаго русскаго чувства, могла заключить съ своей стороны однимъ — написать:

«Опробуетца и учинить по сему. Анна».

---

*) Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Тур. дѣла, 1737, св. **/d, № 13.

Программа расчитана въ соображеніе разгрома и, затѣмъ, умѣреннаго раздѣла Турціи, при дружномъ союзѣ Россіи, уже воюющей, и Австріи, имѣющей воевать, Австріи, въ упоеніи недавнихъ побѣдъ, гордой миромъ 1718 года, одной ногой на Балканскихъ горахъ. «Наиглавнѣйшее», что̀ наши послы должны помнить, указывалъ Остерманъ имъ еще раньше, это-то, что цесарь не медіаторъ, а «союзникъ и содоговаривающаяся сторона». Что́ Порта теперь?! По всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ она будетъ въ концѣ концовъ безъ «упрямости», пораженная. Слѣдовательно, какъ разъ время перваго, умѣреннаго раздѣла Турціи; о Прутскомъ же договорѣ и упоминать даже не желалось.... О томъ, что выйдетъ какъ разъ на-оборотъ, кто могъ тогда подумать?....

Между тѣмъ ближайшая дѣйствительность все не въ ладу съ ожиданіями, надеждами, продиктовавшими историческую Инструкцію 14 іюня: ея исканія сразу стали уходить въ далекую перспективу, такъ какъ отъ союзника все ничего, нижѐ признака, «апаренціи», дѣйствъ. Естественно, если виновникъ знаменитаго памятника почти теряетъ равновѣсіе духа и полонъ зловѣщей тревоги за судьбу своихъ смѣлыхъ мыслей уже тогда, когда его посланцы, вершители заготовленныхъ имъ судебъ Турціи, еще только были на пути изъ Кіева въ Немировъ. Въ догонку имъ онъ спѣшно, въ собственноручномъ письмѣ, проситъ—развернуть предъ союзникомъ всю неприглядную картину положенія данной минуты и поторопить его въ «дѣйствахъ», иначе, пожалуй, и все потерянно.

Мы видѣли, что Минихъ въ іюнѣ былъ уже далеко въ Степи, на Бугѣ, а въ соображеніи его степнаго перехода былъ установленъ срокъ для открытія операцій со стороны союзника. «Сообщить, пишетъ Остерманъ въ Немировъ 6 іюля, о переходѣ нашей арміи чрезъ Бугъ графу Остейну, которому отъ себя и то сообщить, что по послѣднимъ, отъ цесарской арміи здѣсь полученнымъ, вѣдомостямъ — отъ 9/20 іюня, не токмо еще никакія дѣйства не начаты, но еще и такой апаренція не было, чтобы оные скоро и немедленно начаты быть могли. Ежелибъ начатіемъ тѣхъ дѣйствъ (какъ будто къ тому нѣкоторый видъ былъ прибытіемъ полковника Беренклоу къ нашей арміи и полученіемъ отъ него рапортовъ) еще обождать похотѣли, то такимъ образомъ и самое лучшее къ операціямъ время пройти

можетъ, ежебъ толь наипаче для общихъ интересовъ сожалѣтельно было, понеже довольно извѣстно, что безъ такихъ общихъ сильныхъ и туркамъ чувствительныхъ дѣйствъ полезнаго обоимъ сторонамъ мира и ожидать не возможно, какъ въ томъ съ нашей стороны съ крайнею силою поступается, и одна армія дѣйствительно подъ Очаковымъ, а другая въ Крымѣ уповательно нынѣ уже обрѣтается, и что весьма небезполезно быть могло-бъ, ежели-бъ и онъ, гр. Остейнъ, о поспѣшеніи цесарскихъ операцій ко двору своему писать и оное наиприлежнѣйше рекомендовать изволилъ».

Не много прошло времени, а рѣзкая перемѣна положенія.

Въ высочайшемъ рескриптѣ отъ того же числа предложены точныя извѣстія объ операціяхъ «съ нашей стороны»—для болѣе полной иллюстраціи «сожалѣтельной» картины, съ другой стороны.

«По вѣдомостямъ отъ 18 іюня отъ Миниха, указывалось въ рескриптѣ, онъ уже перешелъ черезъ Бугъ, откуда немедленно маршъ свой далѣе продолжать хотѣлъ. Отъ непріятеля до того числа никакого препятствія не имѣлъ, хотя по сказкѣ высланныхъ легкихъ козацкихъ партій въ разныхъ мѣстахъ татарскіе лагери видѣли, а татаре сами удалились; ген. Лессій, по переправѣ чрезъ Молочныя Воды, уже къ Крыму приблизился и къ дѣйствительному вступленію всякія диспозиціи учинилъ, между того что флотилія, которая съ частью инфантеріи уже напереди была, способнаго для десанты берега искала, такъ что мы съ первыми курьерами какъ о дѣйствительномъ Лессія вступленіи въ Крымъ, такъ и о прибытіи Миниха подъ Очаковъ вѣдомости ожидать имѣемъ».

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней спѣшитъ новый рескриптъ, въ подтвержденіе высказанныхъ надеждъ, съ новыми и тѣми же, все добрыми, вѣстями о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ по 26 іюня. «Лессій, говоритъ рескриптъ 12 іюля, дошелъ до заливу Гнилаго моря, Адзису, мостъ построилъ и благополучно, безъ всякаго препятствія, въ Крымъ вступилъ и къ Арбату маршъ свой продолжалъ (которое мѣсто близь Керчи), а вице-адмиралъ Бредаль съ флотиліею въ другомъ мѣстѣ, для диверсіи непріятелю, десанту учинитъ, и тако оный съ разныхъ сторонъ атакованъ и утѣсненъ будетъ. Высланныя легкія козацкія и калмыцкія партіи разныхъ плѣнниковъ къ арміи при-

везли. Атаманъ Ефремовъ къ Сангуру *) перебрался и при самой переправѣ на одного салтана, который въ 400 человѣкахъ стоялъ, наѣхалъ, совсѣмъ разбилъ и которые не убиты въ полонъ взялъ, и потомъ лежащихъ отъ Сангуру далѣе въ Крымѣ болѣе 20 деревень разорилъ и выжегъ, и тутъ же не малое число людей еще убилъ, въ полонъ взялъ, много скота, лошадей и верблюдовъ отогналъ. По объявленію Ефремова тамошній народъ въ немаломъ страхѣ и конфузіи находится».

«И по такимъ вѣдомостямъ, съ справедливою радостью заключаетъ рескриптъ, крымская экспедиція, слава Богу, счастливое начало возъимѣла, и мы продолжительныя благополучныя извѣстія о дальнѣйшихъ происшествіяхъ ожидаемъ».

Начало выполненія первой половины плана было удачно. Какъ ожидали, первый курьеръ привезъ извѣстіе о занятіи восточной части полуострова. Понятно, изъ Петербурга неравнодушно приказываютъ въ Немировъ поспѣшить извѣстить о нашихъ успѣхахъ цесарскихъ полномочныхъ—для побужденія, для пристыженія. Но за первымъ успѣхомъ послѣдовалъ второй, чрезъ четыре дня новый рескриптъ — съ «радостною вѣдомостью» о взятіи Минихомъ Очакова, съ отрывкомъ изъ самой реляціи графа, «дабы вы (т. е. полномочные) симъ важнымъ происхожденіемъ при начатіи негоціаціи вашей надлежащимъ образомъ пользоваться могли».

Паденіе Очакова подоспѣло ко времени—до открытія переговоровъ въ Немировѣ. «Происхожденіе» не могло пройти безъ вліянія, справедливо соображалъ Остерманъ. Но еслибы только союзникъ!..

Въ послѣдній день іюня Минихъ подошелъ къ Очакову. Кругомъ далеко одна пустыня, безъ дерева, безъ ручья, за исключеніемъ ближайшихъ мѣстъ къ городу, гдѣ были богатые виноградные сады, съ узкими дорожками и насыпями, фонтаны, по доброму турецкому обычаю, съ большимъ водоемомъ Бейкушемъ. «Едва ли кто, замѣчаетъ очевидецъ, уповалъ сіе мѣсто занять, ибо мѣстоположеніе и нужда въ кормахъ болѣе 8-ми дней тамъ пробыть не дозволяли». Минихъ 1-го іюля повелъ солдатъ съ похода прямо на штурмъ и со стороны,

*) Салгиръ?

наиболѣе укрѣпленной. Трупами наполнились рвы у палисадовъ; штурмъ перваго дня былъ отбитъ. Только на другой день удалось взорвать пороховые погреба въ крѣпости и произвести смятеніе среди гарнизона, между тѣмъ какъ козаки тогда же успѣли проскочить въ городъ со стороны Лимана и зажечь дома. Яйя-паша, съ гарнизономъ въ 3 тыс. человѣкъ, сейчасъ же сдался на капитуляцію. Но намъ эта побѣда стоила болѣе 4 тысячъ *).

По своему обычаю, Минихъ въ реляціи горячо превозносилъ побѣду, и мы видѣли, изъ Петербурга поспѣшили сообщить «радостную вѣдомость» въ Немировъ, вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ самой реляціи, для дипломатическаго употребленія. Изданъ былъ и манифестъ объ общенародныхъ молебнахъ, «съ прошеніемъ о вящемъ благословеніи нашего праведнаго оружія», и сообщенъ сейчасъ-же въ Немировъ **).

Но одновременно изъ Немирова, на встрѣчу радостному сообщенію, пошли въ Петербургъ сообщенія иного рода, «неполезныя вѣдомости». Это была тяжелая критика «славной побѣды», да и вообще всѣхъ дѣйствій Миниха, изъ устъ очевидца, но сторонняго, хотя и заинтересованнаго.

«Партикулярно, доносили наши полномочные 27 іюля, къ гр. Остейну полковникъ Беревклау пишетъ, что Очаковъ съ такимъ великимъ потеряніемъ войскъ в. в-ва отъ непріятеля взятъ, что уже по взятіи армія не въ состояніи осталась дѣйства свои далѣе производить въ нынѣшней кампаніи, и для того гр. Минихъ принужденъ послать нѣкоторую знатную партію легкихъ войскъ по тракту къ Бендеру и обжечь тамъ траву, дабы непріятель не могъ къ нему движенія учинить, а самъ съ арміею ретировался за Бугъ, увидя себя, что и

---

*) Планъ крѣпости и осады Очакова у А. Чичерина: Исторія л. гвардіи Преображенскаго полка, т. II (Спб. 1883). Точнѣе о самой осадѣ у П. Дирина: Исторія л. гв. Семеновскаго полка, т. I, 219 (Спб. 1883). Разсказъ иностранца-очевидца, Беренклау, ниже. Ср. донесеніе Вильнева въ Парижъ отъ 2 августа, въ собраніи матеріаловъ пок. Е. Hurmuzaki (съ продолженіями), издаваемомъ Корол. Акад. Наукъ въ Бухарештѣ: «Documente privitóre la Istoria Rumânilor», Suplementul I, volumul I (Bucur., 1886) № 739.

**) П. С. З. Р. И. № 7338. «И какъ, читаемъ въ рескриптѣ 31 іюля, о сей дарованной отъ Бога надъ непріятели славной побѣдѣ выданъ здѣсь нашъ манифестъ о благодарственномъ въ церквахъ моленіи, съ того копія».

къ оборонѣ остался не въ состояніи и что, еще слѣдуя къ Очакову, въ арміи лошадей и работныхъ воловъ около 14 тыс. отъ великаго разоренія, безкормицы и за неимѣніемъ воды померло». Возвращаясь опять къ осадѣ, военный агентъ нашего союзника указывалъ, что городъ «атакованъ былъ безъ всякаго порядка, не дождався осадной артиллеріи, кромѣ 6 пушекъ и 4 мортировъ; не сдѣлавъ надлежащаго закрытія людямъ, штурмъ учиненъ, и столько множество потеряно людей, что въ арміи едва-ли нынѣ 40 тыс. осталось. Которая кавалерія нынѣ и есть, то изъ того числа многіе безконными стали и тѣ весьма въ слабость приведены».

«Все сіе, продолжали послы, гр. Остейнъ сообщилъ намъ съ великимъ сожалѣніемъ и оговорками, чтобы мы не приняли сего за противно, что онъ сіи неполезныя вѣдомости объявилъ, и не вмѣнили-бъ того въ какое поношеніе. Яко министръ союзнаго государя, принужденъ онъ сіе открыть, хотя того сначала и не хотѣлъ, и чтобъ мы его и полковника съ фельдмаршаломъ Минихомъ не ссорили, и что турки о томъ уже совершенно извѣстны, какъ самъ онъ отъ переводчика Порты слышалъ», т. е. турецкіе полномочные въ Немировѣ *).

Конечно, откровенность была не лишняя, вѣдомости менѣе всего были неполезны, и наши полномочные не могли не спросить: на сколько-же въ австрійскомъ сообщеніи правды, хотя сами склонялись болѣе къ положительному отвѣту, указывая, что отъ Миниха «по сіе число ни одной строки не имѣемъ, а мы ему

---

*) Изъ перевода самаго письма полк. Беренклау: «А коли пришли къ самой эксплападѣ, нашли ровъ столь широкъ, глубокъ и крутъ, что перескочить никакимъ образомъ невозможно было, и которые въ него бросились, другіе имъ вспомогать не могли. Не стало пороха, гранатъ и подъ убійственнымъ огнемъ укрытаго непріятеля ждали подвоза пороха изъ лагеря. Между тѣмъ у непріятеля такой ужасный страхъ вселился, что многія тысячи къ морю ретировались. Турки просили перемирія на 24 часа, но имъ отказали и потребовали открытія воротъ; въ самое жъ то время репортовано, что наши гусары и козаки отъ воды уже въ крѣпость ворвались чрезъ то самое мѣсто, чрезъ которое непріятель — сераскеръ и паша — для спасенія своего на галеры въ крайней ужести выбѣжали». Въ заключеніе похвала: «такого взятья и такой крѣпкой крѣпости арміей осажденной не бывало. И тотъ же вечеръ у непріятеля ружье отобрано и оный изъ города выведенъ, и побѣдительному россійскому оружію Порты столь нужная крѣпость и морской портъ очищенъ нашелся».

уже пять разъ писали». Естественно было опасеніе ихъ теперь и за судьбу «крымской экспедиціи», съ ея «счастливымъ началомъ». «Ежели, заключаютъ они, то правда, то можетъ ли воспослѣдовать и въ Крыму совершенный успѣхъ? Ибо турки, будучи съ здѣшней стороны безопасны, могутъ туда сильный сикурсъ послать, обнадѣясь на то, что къ Бендеру армія в. в-ва движенія учинить не можетъ».

Дѣйствительно, если движеніе и было, то не намѣченное— къ Днѣстру, въ Бессарабію, а спѣшное отступленіе домой. Ядро арміи отошло сейчасъ же назадъ, за Бугъ, и далѣе въ Малороссію; въ Очаковѣ оставленъ одинъ гарнизонъ, слѣд. для нынѣшняго года армія Миниха не существовала, всѣ политическіе виды уходили въ даль, и опасенія какъ австрійскаго агента, такъ и нашихъ полномочныхъ, были не безъ основанія. Но въ Петербургѣ все еще дни одной радости, хотя непріглядной для насъ дѣйствительности не вполнѣ скрывалъ самъ Минихъ, въ довѣренныхъ письмахъ къ другу Бирону.

Изъ Чикчаклеи, уже далеко отъ Очакова, Минихъ 27 іюля писалъ Бирону, что хотя армія не нуждается ни въ чемъ, но климатъ убійственный (giftig): помимо 2 тыс. раненыхъ, больныхъ 8 тысячъ; они «умираютъ какъ мухи, и все отъ климата, который что въ Венгріи — знойные дни и холодныя ночи», что войска отведены были вверхъ по Лиману, чтобы укрыться отъ страшной пыли. Но у Лимана изнуренная армія была не долго. Въ послѣдующемъ письмѣ Минихъ сообщалъ, что Очаковъ надо было покинуть, но въ немъ и Кинбурнѣ оставлены, подъ командой бригадира Беклемишева, 4 пѣхотныхъ и 3 драгунскихъ полка. «Жара, продолжаетъ онъ, спала, но засуха такая, что вода въ Бугѣ и Лиманѣ позеленѣла, стала почти горячею — въ теченіе двухъ мѣсяцевъ едва три дождя выпало».

Больные умирали какъ мухи, по неудобному выраженію генерала; но и живые—были ходячая смерть, по свидѣтельству уже сторонняго, но зоркаго наблюдателя, «знаменитаго» Филиппа Орлика, какъ величали его тогда въ Австріи, не говоря о томъ, что конные дѣйствительно стали пѣшими, какъ писалъ и Беренклау.

«Войска, пишетъ Орликъ изъ Каушанъ, 12 августа въ Кишиневъ, своему и нашему пріятелю, Лупулу, барзо въ мизерномъ состояніи; многіи и праве непочисленіи въ томъ войскѣ хорыи.

Драгонія мало не вся пѣша зостала. Возы з провіантомъ, не маючи чимъ провадити, попалено; хорыхъ также, не могучи чимъ везти, по дорозѣ кидаютъ, которыхъ татаре забыраютъ; артилерію всю и военіе припасы въ Очаковъ зложено для запровоженія въ суднахъ Днѣпромъ ку Украинѣ. Третій тому, чули (или) четвертый день, якъ мимо Каушани проводили татаре больш отъ тысячи драгуновъ з коньми и з оружемъ, которыхъ на кошенѣ травы по тамъ той сторонѣ Богу зобрали, а власне, якъ быдло (скотъ) загорнувши, передъ собою погнали. Якъ много тутъ черезъ Каушани проважено и пзо-девно провадятъ неволника (плѣннаго) московского; жадного (ни одного) з-межи нихъ не видѣлисмо слушного якого и годного называтися жолнѣремъ (солдатомъ) человѣка, лечъ всѣ праве хлопцы и такъ мизерніи, же кости тилько та шкура на нихъ зостаетъ»*).

Въ сентябрѣ разстроенная армія была въ Переволочнѣ и Минихъ признавался Бирону, что она, правда, перешла Днѣпръ, но все обратное движеніе ея до Днѣпра было ужасно—отъ грязи и дождей: «въ августѣ и сентябрѣ мы, писалъ Минихъ, желали уже не дождя, а прежней пыли». Для жителя юга и сейчасъ все родныя картины...

Естественно, если въ первые дни послѣ «радости» Минихъ, по обычаю своему, далеко занесся въ своихъ планахъ-мечтахъ и впереди всего объ открытомъ-де теперь настежь столичномъ городѣ — иди и бери: но вскорѣ онъ по неволѣ, въ виду дѣйствительности, отрезвился и сталъ даже въ противурѣчіе съ Петербургомъ, но который былъ возбужденъ имъ-же.

«Со взятіемъ Очакова, спѣшилъ написать въ іюлѣ Минихъ другу Бирону, открытъ путь во всѣ провинціи Оттоманской имперіи, вплоть до Сераля; изъ Очакова два дня до Дуная, а въ три-четыре дня, при попутномъ вѣтрѣ, и въ Константинополѣ—не то, что изъ Азова. Слава ея в-ва и интересы требуютъ не терять времени и постройкою казармъ, церкви, госпиталей закрѣпить Очаковъ на-всегда за собою». Минихъ свидѣтельствуется самимъ взятымъ въ плѣнъ очаковскимъ сераскиромъ, что, по его словамъ, «всѣ зажиточные турки въ Константинополѣ уже отправляютъ свои лучшія вещи въ Азію и считаютъ гибель

---

*) Приложенія, VI.

своего государства неминуемою» (den Untergang der Monarchie unvermeinlich halten).

Но прошелъ мѣсяцъ, и у Миниха иныя рѣчи, уже не о столичномъ городѣ, а о довольно близкомъ Аккерманѣ, и какъ-разъ тогда, когда въ самомъ Петербургѣ именно подумывали о морской диверсіи на югъ, къ Днѣстру.

«У Очакова, пишетъ Минихъ тому же Бирону 10 августа, на Бугѣ всего 66 шлюпокъ и 5 каюбашей. Уже идетъ на осень, море бурно, а къ Днѣстру идти опасно, въ виду массы камней и подводныхъ скалъ (Klippen). Запорожскіе-же дубы годятся лишь для перевозки арбузовъ и дынь, а не для такихъ военныхъ операцій, какъ движеніе въ устье Днѣстра» *).

---

*) Конечно, такихъ камней и опасныхъ скалъ въ томъ направленіи не было — для каботажа, слѣд. и для шлюпочной флотиліи Миниха. Иное дѣло входъ въ самое горло Днѣстра, въ Лиманъ: тамъ и сегодня одна, среди морскихъ отмелей, узкая тропинка, дѣйствительно, опасная. а самое дно Лимана затянуто густымъ, отъ вѣка не тронутымъ иломъ. Но вѣрно. что осенью Черное море не для шлюпокъ. Дубами, чайками Минихъ пренебрегаетъ. Но такъ говорить могъ только иностранецъ, незнакомый съ ролью чаекъ въ исторіи Чернаго моря въ XVII столѣтіи: онѣ — гроза Турціи и осенью; имъ свѣдомы всѣ закоулки береговъ его, особенно, на сѣверо-западѣ. и та днѣстровская тропинка была имъ хорошо извѣстна давно. Въ маѣ 1602 г. нѣсколько чаекъ, подойдя къ устью Днѣстра, держатъ въ смертномъ страхѣ турокъ и татаръ въ Аккерманѣ, по словамъ очевидца. польскаго посла въ Крымъ; только когда онѣ ушли, могли подойти къ Аккерману и военныя галеры изъ Константинополя, предназначенныя для Очакова. «Боятся, доносилъ посолъ, козаковъ какъ изъ Днѣпра, такъ и Босаго изъ Буга. Коней, возы, слугъ я долженъ былъ здѣсь оставить: трудно было двинуться изъ Бѣлгорода въ море, въ виду опасности отъ казаковъ». Въ сентябрѣ 1603 г. чайки прошли Дунаемъ до Измаила (Smieła), все грабя и сжигая. При знаменитомъ генеральномъ походѣ султанѣ Османа на Польшу въ сентябрѣ 1621 года, часть войска была оставлена на Дунаѣ, «u mosta dla kozaków». По пораженіи Османа, сами поляки признавались, что «bez kozaków barzo by nam było duszno»; въ маѣ поляки указывали, что надо «żeby (козаки) szli na morze infestować Turka». Въ 1622 г., при переговорахъ о мирѣ, опасались — будетъ-ли онъ заключенъ, именно изъ-за чаекъ: «w Natoliey, жалуется въ іюнѣ королю ме. іаторъ, господарь Молдавіи, kilka miast spustoszyli i szkody nie małe poczynili». Въ концѣ 20-хъ годовъ XVII ст., турки, чтобы покончить съ чайками, думали было построить на самомъ Днѣпрѣ особенную крѣпость (Dogan-Gieri, «po naszemu», т. е. по-молдавски, Astan-grad, у поляковъ Hastan-grod, иначе Sokoli Brod). Въ Киліи сидѣлъ особый адмиралъ, съ

Минихъ здѣсь защищается предъ Петербургомъ, гдѣ о Босфорѣ не думали, но противъ скромнаго Аккермана ничего не имѣли, чтобы оттуда, уже сухимъ путемъ, подняться въ центръ Бессарабіи. О Днѣстрѣ мечталъ все время раньше Минихъ; но теперь, послѣ Очакова, на Аккерманъ напирали и изъ Бессарабіи.

19 августа изъ своихъ Каушанъ Орликъ сообщалъ Лупулу о захватѣ татарами у Ингула одного курьера изъ Петербурга къ Миниху, что у него былъ найденъ высочайшій указъ —«абы всадивши въ суды водніи пѣхоту, оные въ устье Днѣстровое подъ Акерманъ, а самъ землею з обозомъ тудажъ посиѣшилъ и, взявши Акерманъ, шелъ просто по-надъ Днѣстромъ подъ Бендеръ, котораго добывши старался Днѣстръ опановати»*). Если одинъ курьеръ погибъ, другой могъ сообщить о высочайшей волѣ. Письмо къ Бирону прямо возражаетъ противъ перехваченнаго указа объ Аккерманѣ **).

турецкими чайками, чтобы слѣдить за опаснымъ побережьемъ Чернаго моря. Медіаторъ, господарь Миронъ, самъ «antea dux latronum», едва только условился въ Очаковѣ съ турками, отъ имени Польши, о сдержкѣ козаковъ, какъ въ октябрѣ 1627 жалуется, что сейчасъ вышло въ море 86 чаекъ. Наконецъ, самъ султанъ оффиціально жалуется предъ Сигизмундомъ, что покоя нѣтъ жителямъ на берегу отъ чаекъ, ни замкамъ, ни поселеньямъ; однѣ чайки уничтожатъ, во другія разбѣгутся по укромнымъ мѣстамъ (Hurmuzaki, Documente, Supl. II, vol. II, №№: 80, 152, 233, 232, 231, 251, 218, 255, 260, 261 — богатое изданіе, но безъ необходимыхъ пояснительныхъ замѣчаній). Такова была сила на Черномъ морѣ тѣхъ, кого король Владиславъ называлъ предъ турками сволочью — «colluvies ex omnibus fere gentibus collecta». Чайки могли сдѣлать лишними и нѣмецкія допельшлюпки, и всякія заботы о верфи въ Брянскѣ. Позже, при Суворовѣ, чайки не послѣдними были при штурмѣ Измаила, стараго ихъ знакомца. Минихъ все искалъ рукавицъ, подъ Бѣлгородъ-Аккерманъ двинуться не рѣшился.— Въ первый разъ тур. переводъ: Аккерманъ, славяно-русскаго Бѣлгородъ встрѣтился въ жалобѣ султана Солимана отъ 1576 года предъ польскимъ королемъ на—«continue incursiones (изъ Подоліи) in Acchirmen, Bender» (тамъ же, Supl. II, vol. I, № 147). Любопытно, что на мѣстѣ у народа удержалось и сейчасъ произношеніе Кирменъ.

*) Приложенія, VI.

**) «Въ лагерѣ, пишетъ Вильневъ въ Парижъ 2 авг., распространился слухъ, что русскіе намѣрены осадить Аккерманъ и кампанію окончить осадою Бендеръ» (Hurmuzaki, Documente, Supl. I, v. I, № 739). Въ движеніи на Аккерманъ главное значеніе имѣли военные и политическіе виды. Но городъ издавна былъ крупнымъ торговымъ мѣстомъ: чрезъ

По корреспондентъ Орлика въ Кишиневѣ, уже раньше, въ

него шли именно греческіе товары на всю Молдавію и Галицію, называвшіеся въ половинѣ XV в., «татарскими товарами или заморскими» (шелкъ, камка, тебенка, теміянъ, грецкій квасъ, имбирь), какъ это видно изъ жалованныхъ грамотъ «бургарамъ» гор. Львова 1456 и 1460 г. отъ молдавскихъ господарей Петра и Стефана. Обѣ грамоты помѣщаютъ уже въ «Биломъ-Городѣ» «татарскаго царевича»; но еще въ молд. грамотѣ 1468 года первымъ членомъ «наивысшей рады» стоитъ Станчюлъ пръкалабъ Бѣлградскій (иначе — Белогородскій). Пръколалъ, у поляковъ burkołab, изъ нѣм. Burggraf. Его позднѣйшее значеніе ясно изъ польскаго договора 1612 г.: «podstarościowe coroni i burkolabowie wołoscy ziechać się na granicę maią». (Hurmuzaki, Documente, Supl. II, vol. II, № 190, ср. № 40). Городъ для Молдавіи потерялся уже въ 70 годахъ XV ст., сталъ столицею татаръ бѣлогородскихъ и ногайскихъ, или собственной Бессарабіи, Буджака. (Ср. Hurmuzaki, Documente, vol. II, part. 2, p. 678, 686, 679, 687, 705). Что заморская торговля Бѣлгорода съ Анатоліей продолжалась и при татарахъ, видно уже изъ житія мѣстно чтимаго, замученнаго въ Бѣлгородѣ, Іоанна Сочавскаго. Далѣе, шла она съ Кафой, Крымомъ. «30 чаекъ, доносилъ въ маѣ 1602 г. изъ Бѣлгорода, по пути къ хану, польскій посолъ Пясечинскій къ Сигизмунду, близъ Киліи имѣли схватку съ туркомъ; онъ ушелъ, но галеры его взяты. 13 мая запорожцы приплыли подъ Бѣлгородъ, къ Бугазу, т. е. въ устье Днѣстра, гдѣ онъ съ Овидовымъ озеромъ впадаетъ въ море. Тутъ стоялъ плывшій сюда изъ Кафы одинъ корабль съ товарами; они имъ завладѣли и ограбили; бывшіе на немъ турки бѣжали; грековъ-же обобравши пустили нагишемъ. Въ виду противнаго вѣтра, чайки должны были простоять у Бугаза нѣсколько дней, при крайнемъ страхѣ турокъ въ Бѣлгородѣ которые каждую ночь уходили въ крѣпость, оставляя городъ пустымъ. Я одинъ съ слугами на ночь оставался въ городѣ, не смѣя выходить изъ гостинницы. И днемъ, и ночью полонъ я тревогъ и страха и отъ турокъ, и отъ козаковъ. 16 мая, при попутномъ вѣтрѣ, козаки спокойно убрались къ Днѣпру». (Тамъ-же, Supl. II v. II, № 89). Въ Бѣлгородѣ, затѣмъ, продавались взятые въ Подоліи люди (тамъ же, Supl. II, v. I, № 32, 1533 года, № 67, 1539 года) и привозились рабы изъ Очакова (тамъ-же, № 85, 1543 года). О центральномъ, высокомъ торговомъ значеніи Аккермана въ XVII стол. говоритъ проэктъ мирнаго договора Польши съ Турціей 1617 года. Поляки указывали, что для умиренья дикихъ степей одинъ путь — торговля, «если-бы польскимъ купцамъ было свободно пріѣзжать въ аккерманскій портъ для купли, торговли» (тамъ-же, № 215). Главные торговые агенты, мѣнялы — армяне, церковная община которыхъ съ XIII в.; ихъ прямые родичи въ Галиціи, Каменцѣ. Во внутренней торговли Молдавіи Бѣлгородъ былъ пограничною таможней для товаровъ, шедшихъ въ Очаковъ, къ татарамъ: «кто идеть до татарской стороны, отъ 12 кантари у Яскомь торгу 30 гроши, у Лапушномь 30 гроши, у Биломгородѣ полъ рубля серебра; а кто не идеть на Билгородѣ (т. е. верхней дорогою, чрезъ Чобручи или Талмазы, см. слѣд. прим.), а онъ абы далъ у Лапушномь Билогородское мыто,

полномъ согласіи съ свидѣтельствомъ плѣннаго паши, сообщая о

колко имал дати у Бѣломгородѣ». (Грамота 1456 г., тамъ-же, II, part. 2, p. 678). Самый уѣздъ славился скотомъ, богатъ былъ коньми, что и подчеркивали въ своихъ приглашеніяхъ насъ за Днѣпръ наши пріятели, при Минихѣ. Понятно, если онъ — постоянно жертва для алчныхъ поляковъ изъ Подоліи. Въ 1563 г. султ. Солиманъ вытыкаетъ грабежи овецъ, скота изъ Буджака. Въ договорѣ 1565 г. постановлено: «pastores gregum, qui czabani vocantur, greges et armenta ultra Niestr pascere non debent». Особенно много стадъ ютилось вблизи Бѣлгорода (тамъ-же, Supl. II vol. II, №№ 115, 130, 75). Но въ 1576 г. опять тѣ же жалобы на набѣги. Особенно отличались чиновники и жители Рашкова—они свободно охотились на всѣхъ, даже выше Буджака. Въ 1627 г. извѣстный намъ медіаторъ, господарь Миронъ, рѣзко укорялъ, что миръ заключить Польшѣ съ Турціей нельзя будетъ, помимо запорожскихъ чаекъ, еще и потому, что «господа арендаторы и пограничные чиновники изъ Подоліи и Украины непрерывно шлютъ и шлютъ шайки въ Буджакъ подъ предлогомъ достать языка, а собственно для своего обогащенія: овецъ, стада отбираютъ у турокъ и татаръ» (тамъ-же, Supl. II, vol. II, № 256). Въ Бендерахъ и Оргѣевѣ Миронъ предлагалъ устроить для разбора такихъ дѣлъ особыхъ судей. Но какое право могло существовать для бѣдныхъ бѣлгородскихъ и ногайскихъ татаръ, кромѣ своего кулака, когда, напр., самъ панъ приглашаетъ на свою скотскую ярмарку въ Яловецъ турецкихъ и волошскихъ купцовъ и затѣмъ, въ концѣ ярмарки, самъ ихъ до нитки грабитъ (тамъ-же, № 258)? Они сами чрезъ Рашковъ вторгались въ Подолію, «въ побережчину», одни или съ валахами (тамъ-же, №№ 215, 211). Изъ многочисленныхъ иностранныхъ картъ Буджака или собственно Бессарабіи, XVII и XVIII ст., видно, что онъ былъ покрытъ густою сѣтью татарскихъ хуторовъ и кочевьевъ. Нѣкоторыя изъ именъ этихъ поселеній татарскихъ сохранились и сейчасъ, какъ: Акмангитъ, Анчакракъ, Алкалія, Карагасанъ, Карамехметъ, Манаши, Сеймены, Шаганы, Ханкишло и др. Обычное представленіе о пустынѣ невѣрно: пустыня позже. Самъ Неплюевъ, какъ мы видѣли, былъ вполнѣ доволенъ своимъ переѣздомъ промежъ татаръ: его трактовали хорошо въ Буджакѣ. — Въ виду тщательно обдуманнаго плана военныхъ дѣйствій на 1737 годъ, прежде чѣмъ онъ былъ утвержденъ обѣими сторонами, теряетъ всякое значеніе утвержденіе, будто хитрый господарь Молдавіи, Гика, успѣлъ своими ловкими соображеніями отклонить Миниха отъ рѣшенной будто бы раньше осады Бендеръ и убѣдить его начать дѣло съ осады Очакова. Но эту легенду продолжаетъ повторять современный румынскій историкъ; какъ патріотъ, онъ признателенъ Гикѣ за это умное сохраненіе заднѣстровскаго края отъ бѣдствій войны, отъ реквизиціи турецкихъ войскъ (E. Hurmuzaki, Fragmente zur Geschichte der Rumänen, V. B., Bucuresci, 1886, 79). Но изъ сообщеній Лупула, турецкаго интенданта, мы видѣли, что уже зимой 1736—1737 г. опасные босняки были расположены какъ-разъ внутри Бессарабіи. Бендеры были на третьей очереди. Политика Остермана — постепенно.

потрясающемъ-де дѣйствіи на турокъ отъ взятія Очакова, совѣтовалъ пользоваться минутой и спѣшить съ выполненіемъ старыхъ указаній изъ Бессарабіи — итти за Днѣстръ, на Дунай: турки въ неописанномъ «мизерномъ состояніи».

27 іюля Лупулъ писалъ, что визирь оставилъ свою Исакчу и перешелъ Дунай, опасаясь волненія массы, которая-де роптала, что «министры по своему произволенію отдали Крымъ и Очаковъ». «Всѣ, продолжаетъ Лупулъ, единогласно говорятъ, что отъ дѣйствъ нынѣшняго лѣта разоряются, по тому, что толь безъ пріуготовленій и обмануты надеждою о мирѣ, или по тому, что уже пришелъ туркамъ конецъ и по пророчеству своихъ пророковъ потеряли бодрость и умъ. Трудно описать мизерное состояніе сего государства. Не знаютъ, что дѣлать и за что приняться, и нѣкоторые, обмираюіціе отъ страха, которые токмо издалека видѣли огнь отъ оружія ея в-ва, приходя въ лагерь, приводятъ всѣхъ въ ужасъ своимъ разсказываніемъ. У христіанъ отобрано оружіе, всѣ бѣгутъ на ту сторону Дуная».

Планъ очередныхъ дѣйствій ясенъ — впередъ, на Дунай. Но объ этомъ говорилъ Лупулъ и прежде, въ письмѣ 13 іюля. «Хотя не моя должность, писалъ онъ тогда, о такихъ важностяхъ разсуждать и въ то мѣшаться, однакожъ мнѣніе мое, что лучшебъ было просто на Бѣлгородъ (Аккерманъ) слѣдовать, а отъ Бѣлгорода на Килію и Измаиловъ, гдѣ татаре тотчасъ поклонятся; послѣ же вступить въ Мултянскую землю (Валахію)»; но, послѣ занятія нами обоихъ господарствъ, «по сю сторону Дуная войски, при Бендерѣ и Хотинѣ, принуждены будутъ, спасая свое житіе, безъ всякаго прекословія поддаться» *).

---

*) Приложенія, V. О готовности татаръ Буджака подчиниться Россіи сообщаетъ, нѣсколько дней позже, 30 іюля, и старый Орликъ своему сыну въ Парижѣ. «Les Tartares et les principaux mirzas, пишетъ онъ по-французски, ont déclaré ouvertement que, puisque les Turcs ne songent ni à leur défense ni à leur sûreté, ils voulaient se soumettre aux Moscovites aussitôt qu'ils auraient mis le pied dans le Budziak, et c'est de dépit contre les Turcs disant qu'il y a tant de nations tartares sous la domination russe qui s'y trouvent bien et qu'ils espèrent de jouir des mêmes privilèges». (Hurmuzaki, Documente, Supl. I, v. I, № 737). По почему издатели сдѣлали стараго Орлика генераломъ?! — Путь на Дунай чрезъ Аккерманъ, Килію, Измаилъ — старая столбовая дорога купцовъ, особенно турокъ, татаръ 18 дек. 1590 г. молдавскій господарь, Іеремія Могила, сообщаетъ

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ думали о среднихъ дальностяхъ, о легкомъ захватѣ Аккермана, богатой и людной Бессарабіи, между тѣмъ какъ самъ Минихъ, хотя и неоффиціально, но призналъ полную справедливость ранней рѣзкой критики австрійскаго полковника, что послѣ очаковской побѣды его армія совсѣмъ негодна ни къ чему, для кампаніи текущаго года *). Но въ одномъ пунктѣ было согласіе между Минихомъ и Остерманомъ—въ оцѣнкѣ важнаго значенія Очакова, въ необходимости скорѣйшаго закрѣпленія города за Россіей, закрѣпленія этого, давно, еще отъ Петра Великаго, лелѣемаго, свободнаго выхода въ море. Правильно замѣтилъ Беренклау, что теперь «столь нужная крѣпость и морской портъ очищенъ нашелся»

«Во время штурма, писали изъ Петербурга въ Немировъ 31 іюля, чрезъ наши бомбы кромѣ фортецій (т. е. цитадели) все разорено и выгорѣло, такъ что гарнизону жить не въ чемъ», поэтому требовали у полномочныхъ поскорѣй пріискать и купить строевой лѣсъ въ Польшѣ, на верховьѣ Буга, и спустить его рѣкой въ Очаковъ.

Когда Минихъ, въ заботѣ о новомъ устройствѣ Очакова, отнесся въ Кіевъ къ митрополиту Рафаилу (Заборовскому), обновителю стараго разсадника образованія, что въ Очаковѣ оста-

---

польскому канцлеру Замойскому: «han pewnie dziś abo jutro przeprawiać ma u Szmilia przez Dunaj ku Białogrodu i tam w Białogrodzie zmieszkać niećo ma» (тамъ-же, № 362). Дорога изстари продолжалась на «Маякъ» (тамъ-же, Supl II, vol. II, №№: 34, 90, 100) или на Талмазы, Чобручи (тамъ-же, №: 38, 124, гдѣ Чобручи въ 7 миляхъ отъ Бѣлгорода)—въ Очаковъ. Понятно, что на пути между Бѣлгородомъ и Измаиломъ старѣйшія поселенія: Китай, Шаганы, Перумай, Золокары, отмѣчаемыя уже на картахъ (с. предш. примѣчаніе). Тутъ были и купцы изъ Рагузы, по словамъ M. Gondolo въ «Relazione dello stato religione» въ Турціи XVII в. (Banduri. Imperium Orientale, II, 99).

*) Хотя гр. Остейнъ и просилъ нашихъ — не поссорить его и полковника съ Минихомъ изъ-за письма, но, конечно, это были одни слова, и самому графу скорѣй всего была пріятна самая передача сообщенія Беренклау: не одна удача у союзника. Зависть, ревность дѣлали свое. Но передача вызвала цѣлую бурю. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, Ланчинскій, жаловался на оскорбительное-де поведеніе полковника, именемъ императрицы требовалъ отозванія его. Вѣна уступила. О быстромъ отступленіи Миниха за Днѣпръ доносилъ уже 9/20 сентября Вильневъ въ Парижъ, по свѣдѣніямъ отъ Гики изъ Яссъ: Минихъ «devait déja avoire repassé ce fleuve» (Hurmuzaki, Documente. Supl. I. vol. I, № 742).

вленъ немалый гарнизонъ, нужна церковь и легче всего передѣлать въ нее каменную мечеть, что при туркахъ «для купечества довольное число греческаго, мултянскаго и волохскаго народа бывало, которыхъ впредь и наиболѣе быть уповается», то Сенатъ опредѣлилъ: назначить въ Очаковъ «доброжителыныхъ и ученыхъ людей — протопопа, 2 священниковъ и діакона», конечно, по избранію митрополита Гафаила, изъ Кіева *).

——

Итакъ, оцѣнивая вполнѣ значеніе крупнаго, хотя и тяжелаго, нашего пріобрѣтенія на берегу Чернаго моря, Остерманъ, тѣмъ не менѣе, со взятіемъ Очакова не связывалъ соблазнительной перспективы недалекаго, по расчету Миниха, Босфора, Сераля, снимавшагося было уже, вмѣстѣ съ богатыми турками, и въ Анатолію, на тотъ берегъ... Предъ Остерманомъ пронесся съ-мѣста иной рой мыслей, болѣе скромныхъ — объ Аккерманѣ, Бендерахъ, Днѣстрѣ и, наконецъ, мысль менѣе скромная—о судьбахъ Молдавіи и Валахіи. Его практическій умъ требовалъ постепенности.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ Очакова, Остерманъ полагалъ возможнымъ теперь измѣнить не характеръ нашихъ кондицій при немировскихъ переговорахъ, какъ онѣ изложены въ Инструкціи 14 іюня, а сдѣлать только перестановку ихъ порядка и этимъ—«кондиціямъ лучшую силу придать». Но съ предположенною перестановкою измѣнялся существенно тонъ нашего отношенія къ Турціи, въ виду чего трудно не признать, что вопросъ о безопасности нашихъ границъ на Югѣ не исчерпывалъ содержанія турецкой политики имнер. Анны: вопросъ о политическомъ освобожденіи христіанъ Турціи, но «градусами», составлялъ ея лучшую, интимную часть. Иное дѣло—дѣйствительно-ли уже наступилъ удобный моментъ для этого? Палъ Очаковъ и—Турція въ рукахъ?... Не было ли рано «повышать», не разобравшись въ мелочахъ, напр., въ «неполезныхъ вѣдомостяхъ» гр. Остейна изъ Немирова? Мы познакомились съ настоящею дѣйствительностью, послѣ перваго упоенія побѣдою, дѣйствительностью, которая раньше всего стала извѣстною въ Немировѣ,

*) П. С. З. Р. И., № 7436. Гл. Моск. Ар. М. И. Д., Тур. Дѣла, 1737, св. 33/а № 6. О торговлѣ изъ Молдавіи сюда, въ Очаковъ, въ прошлое время см. примѣч. на стр. 233, конецъ.

сначала турецкимъ полномочнымъ, затѣмъ австрійскимъ и нашимъ, и послѣднимъ помимо или вопреки Миниху.

Естественно, если извѣстное время соображенія Петербурга и Немирова въ согласіе попасть не могли.

Въ догонку перваго указанія—не упустить «надлежащимъ образомъ воспользоваться» очаковскимъ успѣхомъ—послѣдовало, черезъ десять дней, изъ Петербурга обстоятельное наставленіе, что̀ понимать подъ выраженіемъ «надлежащимъ образомъ». Это наставленіе—въ «секретнѣйшемъ» рескриптѣ отъ 26 іюля.

Въ этомъ рескриптѣ припоминались прежде всего извѣстные совѣты первой инструкціи, что «кондиціи наши отъ военныхъ операцій почитай единственно зависятъ», что «поступки» полномочныхъ на конгресѣ «противъ того учреждены быть имѣютъ». Теперь палъ Очаковъ, слѣдовательно, это крупное событіе, полагалъ Остерманъ, и опредѣлить должно дипломатическіе поступки нашихъ полномочныхъ.

«Примѣняясь къ сему, говорилъ рескриптъ отъ 26 іюля, мочно сперва требовать распространенія границъ нашихъ по Дунай рѣку, а Волошское и Молдавское княжества будутъ удѣльными, особыми княженіями въ протекціи нашей».

Такимъ образомъ, теперь, чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, эвентуальныя требованія выдвинуты были смѣло на первое мѣсто — отъ нихъ должна начинаться наша мирная съ турками негоціація, — а далѣе въ рескриптѣ это измѣненіе мотивируется.

«О преуспѣваніи нашихъ военныхъ дѣйствъ и новыхъ, отъ Бога оружію нашему дарованныхъ, щастливыхъ сукцесахъ вамъ извѣстно; о взятіи Очакова и о всеконечномъ разореніи тамъ знатнаго корпуса, о счастливыхъ съ другой стороны въ Крымѣ происходящихъ операціяхъ (Ласи обошелъ восточную часть Крыма, но вышелъ скоро) нарочными курьерами отсюда вамъ обстоятельно сообщено. Потому мы немогуще, по послѣдней мѣрѣ, важной причины не видимъ, для чего бъ сіе сперва выше писанное требованіе учинить и тѣмъ негоціацію свою начать невозможно. Ибо, 1) оное требованіе не предписано яко кондиція sine qua non, и скорѣе отъ своихъ кондицій что̀ убавить, нежели впредь что прибавить возможно. 2) Оныя княженія до сего времени еще цесаремъ не взяты и въ обладаніи его не находятся и потому имѣющее и представленное отъ сихъ сумнѣніе само собою уничтоживаетъ и упадаетъ, и такое наше

о тѣхъ княженіяхъ требованіе толь меньше какое основательное подозрѣніе подать можетъ, понеже мы оные къ себѣ не требуемъ, но только желаемъ ихъ отъ турецкаго ига освободить и оставить ихъ особенными княженіями, еже и цесарскимъ интересамъ не противно, но паче весьма полезно быть имѣетъ. А что мы при томъ о своей протекціи упоминать велѣли, и то чинится не для какой нашей партикулярной прибыли, но токмо по единовѣрію, желая, чтобъ обыватели тѣхъ княженій при своемъ законѣ и совершенной свободѣ совѣсти ненарушимо навсегда оставлены были. 3) До сего времени съ цесарской стороны ни малѣйше къ тому не отзывалось, чтобъ ихъ намѣреніе къ овладѣнію тѣхъ княженій касалось, которое-бъ овладѣніе, натурально, могло другимъ державамъ, а особливо Польшѣ, больше подозрѣнія подать, нежели наше желаніе къ учиненію ихъ особенными княженіями» Наконецъ, 4) съ достоинствомъ устранялась назойливая притязательность Австріи, а о ней давали рано понять наши пріятели изъ Бессарабіи. «Хотя между нами и цесарскимъ в-вомъ никакого предваряющаго уговора о конкетахъ не учинено; однако же съ цесарской стороны, въ прошедшихъ съ онымъ дворомъ дѣлахъ, о томъ, что онъ чрезъ сію войну себѣ пріобрѣсти пожелаетъ, въ сообщенныхъ намъ проэктахъ довольно явственно себя изъяснилъ, какъ о семъ изъ сообщенныхъ и при отъѣздѣ вамъ изо всѣхъ тѣхъ дѣлъ отданныхъ копій, безъ сумнѣнія, усмотрѣно, яко тѣ дѣла именно и для того, и для учрежденія вашихъ поступковъ потому вамъ сообщены, и при всякихъ такихъ дѣлахъ и случаяхъ вамъ въ наставленіе служить имѣютъ». Иными словами, о Валахіи и Молдавіи не было раньше, не можетъ быть и теперь рѣчи. Мы видѣли, для Австріи была отмежевана Остерманомъ Боснія: она была изъята изъ сферы нашихъ интересовъ, хотя еще въ нашихъ политическихъ виршахъ XVII стол. и далекая Боснія не выключалась изъ общей картины злоключеній турецкой райи *).

«Сверхъ того, съ достоинствомъ заключалъ рескриптъ, надлежитъ разсудить, что, какъ бы все то ни было и сколь великихъ

*) Напр.: «Увы, вопіятъ сербы и болгары въ неволѣ, Босна и далматы, яко жиди въ Вавилонѣ». (Добрянскій Ф., Описаніе рукописей Виленской Пуб. Библіотеки, Вильна 1882, 472).

авантажей и приращеній мы его цесарскому в-ву отъ всего нашего сердца ни желаемъ, однако же наши кондиціи не могутъ учреждены быть едино потому, какъ цесарская конвеніенція то требуетъ и съ чѣмъ въ томъ сходно, но какъ то по нашей собственной конвеніенціи къ пользѣ и безопасности государства принадлежитъ — что̀ единое и наиблаженнѣйшее желаніе быть имѣетъ, по которому вамъ всѣ свои поступки учредить надлежитъ. Сіе есть, что мы во всемилостивѣйшую резолюцію на секретнѣйшую вашу реляцію вамъ объявить повелѣли, для вящаго и вѣрнаго изъясненія и толкованія того, что̀ о семъ дѣлѣ въ часто упомянутой нашей Инструкціи находится».

Итакъ, уже до начала самыхъ переговоровъ открывалась противуположность видовъ Россіи и Австріи по вопросу объ обмежеваніи сферы вліянія на нижнемъ Дунаѣ. Правда, предположенъ былъ дѣлежъ добычи (которая далеко еще не была въ рукахъ), — но не въ опредѣленной, нѣсколько воздушной формѣ. Для себя Австрія изготовила, какъ увидимъ, опредѣленную карту ожидавшихся территоріальныхъ прибылей, упраздняя совсѣмъ виды Остермана, всѣ наши «собственныя конвеніенціи», но скрытно отъ союзника. Остерманъ мечталъ объ умѣренномъ дѣлежѣ Турціи; но союзникъ о полномъ, а главное — львиная доля себѣ. Тутъ-то и можно было припомнить слова Ракоци царю Петру въ 1710 году: «австрійскій домъ не дозволитъ сдѣлать никакихъ пріобрѣтеній въ этихъ странахъ», т. е. за Дунаемъ *). Австрія въ предвѣдѣніи встрѣчи интересовъ на Дунаѣ еще до конгреса все желала знать наши кондиціи, но получила отказъ. Но Остерманъ успокаивалъ ее и писалъ, что требованія наши такъ «резонабельны будутъ, что весь свѣтъ о великодушіи, умѣренности и праводушіи ея в—ва вновь совершенно удостовѣренъ будетъ», замѣчая впрочемъ, что сообщеніе могло сдѣлать одно — склонить Австрію «къ дальнѣйшему ожидаемой отъ нея союзнической помощи отлагательству».

Мы остановились нѣсколько долго на Инструкціи 14 іюня 1737 года для Немирова и на пояснительныхъ къ ней документахъ, сработанныхъ гр. Остерманомъ, но не могли этого не сдѣлать.

---

*) Ср. нашу книгу: «Мы и Они», Одесса, 1878, 103.

Предъ нами рѣдкій историческій памятникъ, который въ виду его яркаго содержанія и по силѣ его русскаго чувства долженъ считаться однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ области государственной мысли въ XVIII вѣкѣ и который протягиваетъ руку отъ времени Петра къ эпохѣ Екатерины II, ихъ дружески соединяетъ. Гр. Остерманъ формулировалъ старую програму и тѣмъ далъ готовую формулу для нашей политики въ будущемъ. Политика по Югу имп. Екатерины II — не болѣе, какъ точное выполненіе «артикуловъ» Инструкціи гр. Остермана, но оставивъ часть ихъ и для будущаго. Новаго, развѣ кромѣ опаснаго «греческаго прожекта», ничего. Остермановскія «удѣльныя княженія» были осуществлены, безъ мала черезъ сто лѣтъ, Аккерманской конвенціей 1826 г. и Адріанопольскимъ договоромъ 1829 года.

Обращаемся къ прерванному—о потребованной перестановкѣ нашихъ мирныхъ кондицій.

Почти въ самый день отпуска «секретнѣйшаго» рескрипта отъ 27 іюля, изъ Немирова въ Петербургъ пошло донесеніе съ оборотною стороною «важнаго происшествія»—съ извѣстною уже намъ австрійскою критикою взятія Очакова и съ опасеніями полковника Беренклау о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ для войны этого года. Мы видѣли, опасенія вполнѣ оправдались.

Въ Петербургѣ одна радость; въ Немировѣ иное чувство, иной взглядъ на «успѣхи». Естественно, если въ Немировѣ наши полномочные въ недоумѣніи уже при первомъ извѣстіи о «происшествіи» отъ гр. Остейна, когда они, въ виду непригляднаго состоянія арміи Миниха, сообщали опасенія австрійскаго графа, что «турки могутъ силы свои обратить противъ цесарской арміи, которой единой вся тягость останется», что слѣдовательно, «настоящей (т. е. въ Немировѣ) нашей съ турками общей негоціаціи чаемаго преуспѣянія ожидать—едва возможно-ль, ибо де турки, то все зная, будутъ держать себя высоко, какъ то и нынѣ изъ поступковъ ихъ уже оказывается». Вполнѣ понятно заключительное признаніе полномочныхъ: «итакъ, по симъ окрестностямъ мы въ недоумѣніи находимся — въ которую мѣру предложенія наши о кондиціяхъ производить, ибо намъ высочайше повелѣно, чтобъ по преуспѣянію оружія в. в-ва поступки свои учреждать».

Но говорить-ли теперь, на-сколько это раннее недоумѣніе

полномочныхъ, какъ, въ которую мѣру повести себя при переговорахъ, должно было усилиться, когда они получили наставленіе отъ 26 іюля, какъ имъ «надлежащимъ образомъ» воспользоваться побѣдою Миниха?.... Холодность союзника на конгресѣ напередъ было видѣть; а тутъ самое «преуспѣяніе оружія» понималось столь различно здѣсь и тамъ

Но преуспѣяніе все-же было за нами. Что же опаслевый союзникъ, не въ Немировѣ, а у себя? *)

«Цесарскій манифестъ изъ Вѣны прямо **) полученъ и чрезъ резидента Гохгольцера здѣсь сообщенъ, а потому о цесарскомъ разрывѣ сумнѣніе болѣе не остается», писалъ, не безъ облегченнаго чувства, Остерманъ въ Немировъ 27 іюля, т. е., на другой день послѣ извѣстнаго наставленія о перестановкѣ кондицій.

Ясно, до послѣдней минуты Остерманъ сомнѣвался въ своемъ союзникѣ. Правда, о желанномъ разрывѣ онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ Немирова раньше; но, какъ частными, онъ не удовлетворялся, да и они сейчасъ-же оказались преувеличенными.

Уже въ письмѣ отъ 13 іюля сердарь Лупулъ изъ Кишинева, настаивая на необходимости скорѣйшаго занятія, послѣ взятія Очакова, обоихъ дунайскихъ господарствъ, писалъ, что только этимъ «обѣ тѣ земли, Волошская и Мултянская, горькаго случая имѣютъ лишиться, ибо цесарскія войска уже въ уѣздѣ Сочавскомъ въ Волоской землѣ и въ Мултянской дѣйствительно обрѣтаются», т. е., не только въ Валахіи, но и въ нынѣшней Буковинѣ, только въ 1775 г. ограбленной у Молдавіи Австріей.

Въ томъ же духѣ были и сообщенія въ Немировѣ отъ полномочныхъ Австріи, пересланныя также въ Петербургъ. Но Остерманъ, сообщая въ Немировъ о вѣнскомъ манифестѣ, подвергъ ихъ своей критикѣ и отстранилъ, на основаніи именно манифеста. «Что надлежитъ, читаемъ мы далѣе въ рескриптѣ 27 іюля, до сообщенныхъ вамъ отъ цесарскихъ министровъ вѣдомостей о

---

*) Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., Турец. Дѣла, 1737 г., св. 38/d № 13.
**) Т. е., только-что, сейчасъ. Вѣроятно, переводъ нѣм.: soeben.

сильномъ ихъ войска вступленіи въ Валахію и Молдавію, то оные отчасти тѣмъ весьма сумнительны, что графъ Секендорфъ съ большею арміею къ Нисѣ пошелъ, а ген. Валлисъ хотя изъ Трансильваніи имѣетъ вступить въ Валахію, однакожъ войско при немъ не толь сильное, чтобъ онъ такъ распространиться могъ». Мы увидимъ, что графъ Валлисъ успѣлъ только попробовать Валахіи и Молдавіи, хотя и распространился, напустивши на нихъ своихъ гусаръ, хотя затѣи у него были весьма серьезныя.

Но, какъ бы то ни было, недовѣріе Остермана къ Австріи на этотъ разъ было чрезмѣрно. Впрочемъ, удивляться нельзя: онъ былъ истомленъ долгимъ ожиданіемъ «апаренціи дѣйствъ». Мы помнимъ, что, по утвержденному еще въ январѣ Плану, кампанія 1737 г. должна была открыться одновременно обоими союзниками и съ «крайнею силою».

Самъ цесарь Карлъ VI былъ противъ войны, стараясь подмѣнить ее медіаціей. Онъ понималъ, что земли его обнищали, устали отъ его постоянныхъ войнъ и еще недавней, тяжелой войны съ Франціей, что онѣ требуютъ покоя.

Дѣйствительно, одновременно и отъ мѣстныхъ властей, и отъ земскихъ чиновъ главныхъ земель короны слышалась одна и та же нота: жалобы на оскудѣніе, безденежье, на обремененіе налогами, не въ-моготу повинностями, потому — желаніе покоя для поправки, хозяйственнаго улучшенія.

«Торговля, писали въ январѣ 1737 года изъ Силезіи, изъ высшихъ административныхъ сферъ, вся въ рукахъ евреевъ, мошенниковъ, которые, пользуясь близостью польской границы, дѣлаютъ, что хотятъ. Наворованное добро свободно евреи дѣлятъ между собою, и не бываетъ ни одной воровской или разбойничьей шайки, гдѣ бы не было еврея». Въ концѣ—общій крайній недостатокъ денегъ въ краю. «Причину этой скудости въ деньгахъ легко понять, если принять во вниманіе засоренные евреями источники былой на мѣстѣ торговли, а за тѣмъ и то, что послѣднія силы въ странѣ исчерпаны многими милліонами на займы, на духовные и мірскіе поборы, на налоги съ имуществъ, платежъ процентовъ и пр.». Авторъ Записки указываетъ, далѣе, на постоянныя страшныя наводненія, которыя «производятъ каждый разъ опустошенія на цѣлые милліоны и мѣстнаго обывателя приводятъ въ такое состояніе, что онъ жертвуетъ послѣднимъ

грошемъ, чтобы только спасти себя и своихъ отъ неминуемой гибели». Наоборотъ, при нищетѣ массъ новая бѣда съ единицами—ихъ барская роскошь, безумныя траты на пустяки: «нѣсколько бочекъ золота вывозится ежегодно изъ края въ Лейпцигъ, Италію за модные мѣха, шелковыя платья и пр.». «Все это, заключаетъ авторъ, заслуживало бы надлежащаго вниманія правительства» *).

Не менѣе плачевную картину экономической нужды и общаго тяжелаго положенія предлагаетъ одновременная Записка отъ чешскихъ чиновъ, отъ земли, которая въ Австріи имѣла особенное значеніе—главнаго поставщика солдатъ. Записка называлась: «Тяготы Чешскаго королевства, безъ своевременнаго устраненія которыхъ оно должно вскорѣ совсѣмъ погибнуть».

Чины (т. е. дворянство духовные и города) жалуются на общіе казенные налоги—на мясо, табакъ, особенно-же на под-

---

*) «Deduction über diejenigen Landesanliegen und Calamitäten, woraus der Verfall des Erzhez Schlesien herrühret», въ богатомъ, но не для описуемой эпохи, «Zemský Archiv Království Českého», въ Прагѣ. «... Die Judenschaft alles gestohlene Gut verpartiret, an sich bringet und das gestohlene sowohl als den Thäter zu verhölen bemühet ist, zumahlen keine Rauber-und Diebsbande hier anzutreffen, unter welcher sich nicht Juden befunden»... «...Die Ursache dieses Geldmangels ist leicht zu ergründen, wann man einentheils die verstopfte Quellen des vorhero nacher Schlesien gegangenen Commercii betrachtet, anderntheils hingegen erwaget, wie viele Millionen an Anticipationen, Darlehen, Geist-und weltlichen Collecten an dem subsidio praesentaneo, an der Vermögensteuer, an Interessezahlungen und andren dergleichen praestationibus nur durch etliche Jahr here baar als die leztere kraften des Landes erleget und auf der Achse hinaus geführet worden. Hierzu seind noch die ganz ungemeinen Wassergiessungen kommen, welche solche Verwüstung nach sich gezogen, dass deren Schaden den Wert etlicher Millionen ersteiget und den Landtmann dahin gebracht hat, seinen lezten Heller anzugreifen, umb noch sich und die seinigen aus dem Nothstande des ohnfelbaren Untergangs zu retten». Извѣстно, что самъ Карлъ VI, какъ настоящій баринъ, былъ весь въ долгахъ, составляя прямую противуположность королю Пруссіи, богатому скупцу, которому онъ, при посредствѣ одного еврея, и заложилъ небольшую часть Силезіи. Сынъ кредитора, Фридрихъ II, сейчасъ же ухватился за это обязательство и, какъ уплату, отнялъ въ 1741 г. всю Силезію. Уже иное правительство и заботилось... — Пользуемся случаемъ засвидѣтельствовать здѣсь особенную признательность директору Земскаго Архива въ Прагѣ, д-ру Ф. Дворскому, и его помощнику, д-ру В. Новачку, за ихъ обязательный, радушный пріемъ.

возимую изъ-за границы соль, «между тѣмъ какъ страна главнымъ образомъ живетъ отъ земледѣлія», и на повинности частныя — по постройкѣ крѣпостей, по содержанію инвалидовъ, особенно же на военныя тяготы (Militär onera). «Правда, говорили чины, военныя тяготы неизбѣжны, но онѣ выше мѣры обезсиливаютъ край. Расходы по расквартировкѣ, передвиженію войскъ, набору и ремонту доходятъ ежегодно, все равно—въ мирное время или въ войну, до $4^1/_2$ милліоновъ гульденовъ, и деньги эти выколачиваются въ высшей степени плачевно». По поводу инвалидовъ Записка лукаво замѣчаетъ: «съ одной стороны, отъ набора земля съ года на годъ все болѣе и болѣе скудѣетъ въ здоровыхъ людяхъ, съ другой, она заполняется множествомъ возвращающихся съ императорской военной службы инвалидовъ, содержаніе которыхъ на земскій счетъ обходится дорого, и, такимъ образомъ, то особенное государственное преимущество Чешскаго королевства предъ другими землями, что оно обильно снабжено здоровыми, годными къ военной службѣ и охотно идущими въ нее людьми, нисколько не служитъ ему въ выгоду, напротивъ, скорѣй составляетъ одно, и весьма чувствительное, бремя *).

Что высокіе земскіе налоги выколачивались съ большимъ трудомъ, видно изъ вѣчныхъ недоимокъ по земельнымъ сборамъ, и въ этихъ недоимкахъ участвовали всѣ—начиная отъ евреевъ, платившихъ особенную военную подать—«besonderen Beytrag»—

---

*) «Gravamina des Königreichs Böheimb, ohne deren zeitlichen Abhelfung dasselbe in balden gänzlich zerfallen muss», въ томъ же Земскомъ Архивѣ Чешскаго королевства. «.... Diese sind zwar nicht zu evitirende, jedoch das Land sehr und übermässig mitnehmende Beschwerde. Der Aufwand auf Militärbequartirung, Durchmarchen, Recrouten und Remontagestellungen belauffet sich meistentheils järhrlich sowohl in Kriegs-als Friedenszeiten auf 4 bis m/500 fl., welche höchst kümmerlich zusammengetragen werden müssen».... «....Dergestalt man wird das Land nicht allein einerseits von Jahr zu Jahr immer mehrers depopulirt (отъ забора въ солдаты), sonders auch anderseits bei Niederentlassung aus kais. Kriegsdiensten mit der Menge Invaliden angefüllt, welche sodann nach denen ergangenen Generalien auf eigene Landesunkosten kostbar unterhalten werden müssen; mithin fallet der zum allerhöchsten Herrendienst so ausnehmende Vortheil, dass das Königreich vor andern Ländern mit guter und zu Kriegsdiensten tauglicher und williger Mannschaft versehen ist, demselben keinerdingen zu einigem commodo, sondern vielmehr zu einer blossen und empfindlichen Last».

и кончая громадными духовными помѣстьями и даже лично императорскими имѣніями» *).

Къ этому именно времени относятся усиленныя заботы отдѣльныхъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ поднять падающее земледѣліе въ краѣ. Такова была, напримѣръ, дѣятельность гр. Шпорка (Schpork 1757), который предложилъ въ печати свой проэктъ: «Какъ можно бы помочь любезному отечеству въ его критическомъ положеніи» **).

Денегъ не было въ государствѣ; но онѣ въ обиліи были у однихъ людей—у евреевъ, благодаря постоянному, до мелочей, преслѣдованію ихъ, а ихъ было очень много. Въ 1703 г., при полицейской регистраціи, въ одномъ старомъ городѣ Праги евреевъ оказалось немногимъ менѣе христіанъ ***). Живя, по закону, особнякомъ въ Прагѣ, евреи во время войны съ Пруссіей въ 1741 г., при осадѣ города, деньгами охранили свою четверть отъ выстрѣловъ прусскихъ баттарей. Въ наказаніе за это, евреямъ приказано было оставить Прагу въ 24 часа, а предѣлы королевства въ три дня. Но эта гроза—осталась на бумагѣ, была отведена, вѣроятно, не безъ участія тѣхъ же денегъ.

Какъ, далѣе, ни слабо проявлялось общественное мнѣніе въ убогой печати того времени, но и оно, въ своей наивной формѣ выраженія, высказывало одну тенденцію — несимпатіи къ войнѣ.

Австрійскіе календари половины 30-хъ годовъ прошлаго

---

*) Укажемъ на составленный къ 1 ноября 1739 г. оффиціальный отчетъ по недоимкамъ въ Краловеградецкомъ (Königgrätz) округѣ вост. Чехіи: «Consignation, wie viel in obbemelten Creÿss liegende Herrschaften, Gütter und Stände in Militari ordinario pro anno 1739 zu contribuiren haben», въ томъ же Земскомъ Архивѣ. Итого, недоимокъ 228,435 гульденовъ. Самая мéньшая недоимка въ 5 гульд. 53 кр. графа Чернина von und zu Chudenitz; самая бóльшая «gantzjärige Schuldigkeit» прелата бенедиктинскаго монастыря въ Брумовѣ (Braunau) — 12,487 гул. 58 кр. Judenschaft этого округа было должно въ Mil. ordinario 300 гульд.; императорское владѣніе Smrkovice — 398 гульд. (Въ томъ-же Архивѣ).

**) «In dem sehr verfallenden Stand». См. содержательную монографію д-ра F. Menčik'a въ Вѣнѣ: «Hrabě Swéerts-Špork a jeho hospodářské zásady», Praha 1897 (оттискъ).

***) На 101 человѣкъ. См. Beckovský F., Poselkyně starých příběhův českých, въ изданіи проф. Резка, Praha 1886, II, 563. Ненависть ихъ къ христіанамъ была несказанна (тамъ-же).

столѣтія, почти единственные представители тогда популярной политической печати, мнѣнія которой слышались и въ убогой хижинѣ забитаго крестьянина, говорили, хотя и на разныхъ языкахъ, одно—противъ войны.

Одно изъ такихъ изданій на наступавшій 1737 г., въ любимой у народа рубрикѣ—о предсказаніяхъ, съ тяжелымъ чувствомъ указывало: «нынѣшнее состояніе и новыя приготовленія каждому могутъ дать плохую надежду на миръ; мало того, каждый, самый простой человѣкъ, обозрѣвая условія нашего времени, въ состояніи дать болѣе точныя предсказанія о войнѣ, чѣмъ самые мудрые звѣздочеты по своимъ неизвѣстнымъ правиламъ». Иными словами, мы наканунѣ несомнѣнной войны, наканунѣ дѣла «нашего христіанскаго нечестія». «Разумные христіане, заключалъ довольно смѣло редакторъ календаря, понимаютъ хорошо, гдѣ кроется источникъ войны—въ ихъ многихъ и тяжкихъ грѣхахъ, которые именно въ наше время повсюду идутъ такъ въ гору» *). Но кто эти «разумные христіане»? Это тѣ, которымъ, по старому, мѣста не было въ современной Австріи, такъ называемые еретеки, т. е. прежде всего эпигоны Общины чешскихъ братьевъ, оружія не пріемлющихъ. Кровавыя расправы съ ними продолжались по прежнему, даже все шли въ гору, и лучшія силы страны: ремесленники, земледѣльцы, все спасалось въ Пруссію, подготовляя тамъ возмездіе за себя. Уцѣлѣвшіе отъ преслѣдованій клерикальнаго правительства объяты были темнымъ мистицизмомъ, и они выработали и исповѣдывали среди себя мистическую вѣру въ короля Пруссіи, какъ грядущаго ихъ избавителя **).

---

*) Hauss-und wirtschaffts—Calender....» Prag, 1736. Замѣтимъ, что и этотъ, и другіе чешскіе календари, подчиняясь господствующему духу клерикализма, отмѣчали всегда два лѣтосчисленія: отъ Рождества Христова и отъ битвы («victoria») на Бѣлой Горѣ, подъ Прагой, въ 1620 г., гдѣ католическій Фердинандъ II покончилъ съ Чехіей—съ Общиною чешскихъ братьевъ и лютеранами.

**) Современные офиціозные историки Чехіи, какъ недавно † А. Гинделя и др., пытаются снять съ правительства имп. Карла VI обвиненіе въ жестокой расправѣ съ иновѣрующими, что уже съ начала 20-хъ годовъ замѣчается мягкое, либеральное отношеніе къ дѣламъ совѣсти. Такова мысль въ его монографіи о процессахъ въ началѣ XVIII в. съ еретеками, въ «Abhandlungen d. K. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften» за 1888 г. Но приведемъ «мягкій» патентъ для Чехіи 1726 года, изданный въ виду того, что

Другой календарь, изъ Моравіи, съ горечью признавался, что по всему видно, что въ 1737 году дѣла пойдутъ скорѣй на войну, чѣмъ на миръ *).

Наконецъ, третій, дѣлая обычное обстоятельное обозрѣніе политическихъ событій за минувшій 1736 годъ, статью свою о нашей войнѣ съ турками начинаетъ сожалѣніемъ: «едва только солнце мира показало свои лучи, едва порадовало оно своимъ присутствіемъ христіанскую Европу, какъ вдругъ черныя тучи войны обратились къ сѣверу». Далѣе онъ подробно указываетъ поводы къ русско-турецкой войнѣ, на основаніи русскихъ сообщеній, мѣстами нѣсколько свободно излагая картину военныхъ событій **).

«еретическія заблужденія начинаютъ сильно итти въ гору не только въ землѣ, между простаго и необразованнаго сельскаго населенія, но и въ городахъ, даже въ самой Прагѣ»: до 3 разъ тюрьма (šaltava), затѣмъ изгнаніе, а воротится—смертная казнь («na hrdle mečem trestán») Патентъ 1726 г. требовалъ особаго надзора за фурманами, посѣщающими Лейпцигъ и ярмарки Германіи и прятавшими книги среди товара. Всеобщая грубость массы, частыя суммарныя казни. казни за ничтожные проступки (еврей укрылъ сворованное), съ соблюденіемъ варварскихъ ритуаловъ, напр., волоченіе приговореннаго къ смерти на окровавленной шкурѣ только-что убитаго вола, все это едва ли ставило христіанское правительство цесаря Карла VI выше порядковъ у его нехристіанскаго современника — султана. (Патентъ 1726 г. въ пражской газетѣ «Czeský Postylion» — о ней см. прим. ниже, за этотъ годъ, № 25; въ ней, passim, и часто, картинки смертныхъ казней въ Прагѣ). Безнравственность—роковая участь. какая-то традиція Австріи... Вѣра въ Пруссію создала цѣлый циклъ мистическихъ пѣсенъ для употребленія вѣрующими, обезумѣвшими отъ преслѣдованій духовенства; она говорила чехамъ о близкомъ спасеніи при помощи «Мороканскаго царя» и его «рыцарей», т. е. короля Пруссіи. Вотъ одна изъ тѣхъ мистическихъ чешскихъ пѣсенъ, въ близкомъ переводѣ — Къ Іисусу:

«Изъ-за тебя, сладчайшій,
Я покидая все,
Друзей, родную землю,
И поле, и свой домъ.
Бреду я въ твоей волѣ,
Куда глаза глядятъ.

Пусть Богъ, земля родная,
Благословитъ тебя,
А съ ней друзей моихъ.
Но только бъ послѣ горя
Да послѣ боя рыцарей
Мы зажили покойно»!...

(«Časopis Historický», изд. чешскими протестантами, Пардубицы, I (1880), 152.

*) «Neuer Brünner Titular-Kalender», Brünn, 1736, von P. Krzikawsky.

**) «Nowý hospodářský a kancellářský Kalendář», Fr. Rosenmüllera въ Прагѣ. Въ изложеніи автора русская армія была уже на Прутѣ. Буквально переводя русскія реляціи, онъ, напр., выражается: «n a s s e armáda ale před obličegem Prekopa se položila».

Такимъ образомъ, и духовная атмосфера современной Австріи на войну настроена не была, была не та, какою она была полъ-вѣка назадъ, предъ началомъ Священной Лиги, когда турокъ былъ у порога Вѣны и чешскихъ земель—на линіи Буда-Ягеръ-Токай, когда постановленія чешскихъ сеймовъ, летучіе листки, въ прозѣ и стихахъ, требовали одного—или крестовымъ походомъ на опаснаго врага*); не та даже, какою она была, въ предѣлахъ чешской земли, какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, въ дни заключенія русско-австрійскаго «альянца» 1726 года**).

---

*) Напр., Моравскія воззванія историка Пѣшины изъ Чехородъ.

**) Съ 1719 по 1728 г., выходила въ Прагѣ первая чешская газета, подъ редакціей отца издателя упомян. «Новаго Календаря» «Czeský Postylion neboližto Nowiny Czeské od К. Т. Rosenmüllera» (иначе—Pražské poštowské Nowiny»). Здѣсь нельзя не отмѣтить живаго отношенія къ интересамъ Россіи. Съ какимъ напр. вниманіемъ старшій Розенмюллеръ въ своей газетѣ слѣдилъ за ходомъ движенія знаменитаго «альянца» 1726 года Австріи и Россія! Этотъ альянцъ — главный интересъ его «Чешскаго Почтальона», особенно въ 1726 году. Въ письмѣ изъ Петербурга 2 дек. 1725 г. (№ 2) читаемъ о пріѣздѣ курьера изъ Вѣны: «что онъ съ собою привезъ, держится въ тайнѣ; но полагаютъ, что должно касаться альянца между цес. и царскимъ дворами»; въ письмѣ 21 января 1726 г. (№ 8): «въ кабинетѣ была тайная конференція; здѣсь открыто говорятъ, что альянцъ заключаетъ въ себѣ нѣчто особенное». Въ письмѣ изъ Парижа (№ 10) сообщается, что «здѣсь вполнѣ удостовѣряютъ, что альянцъ почти что заключенъ, почему такія частыя конференціи». Въ письмѣ изъ Петербурга 19 февраля: «гр. Рабутина ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ онъ наложилъ послѣднюю руку къ договору, который имѣетъ быть заключенъ между обоими дворами и который, вѣроятно, весьма будетъ полезенъ для сохраненія мира въ христіанствѣ» (№ 21); 16 апрѣля — о пріѣздѣ Рабутина, тотчасъ же онъ у императрицы, у Остермана, что «съ той минуты, какъ здѣсь цесарскій посолъ, посланники французскій, прусскій и другіе чаще вмѣстѣ бываютъ» (№ 36); 22 апрѣля: «Рабутинъ имѣетъ усердныя совѣщанія, почти ежедневно, но все держится въ самой глубокой тайнѣ и никто ничего; подъ страхомъ смертной казни или, по меньшей мѣрѣ, вѣчной ссылки въ Сибирь воспрещено что-либо объявлять или говорить о тѣхъ дѣлахъ» (№ 38, 39, 41). Черезъ номеръ читаемъ, изъ Петербурга: «здѣсь разнесся слухъ, что альянцъ не только между двумя величествами заключенъ, но Польша и Швеція вступили въ него» (№ 43). Наконецъ, въ августѣ пражскій патріотъ дождался конца. «Въ минувшій вторникъ, объявляетъ онъ въ письмѣ изъ Вѣны 7 августа, въ квартирѣ его свѣтлости принца Евгенія Савойскаго трактатъ, заключенный между его цес. Римскимъ цесаремъ и ея царскою милостью, царицею всея Россіи, съ обычными церемоніями заключенъ, подписанъ и запечатанъ чрезъ уполномо-

Если войнолюбивый духъ и поднялся, то въ немногихъ политическихъ кружкахъ, на верху; къ массѣ онъ былъ прививаемъ искусственно, но въ столицѣ, въ Вѣнѣ, такъ искусно, что здѣсь духовенство успѣло дѣйствительно мобилизировать самую улицу.

Тяжелое внутреннее состояніе дѣлъ въ Австріи не могло быть незнакомо Остерману, и отсюда, помимо формальнаго основанія, должно было идти его «сумнительство». Но достаточно было немногихъ дней послѣ разрѣшенія его недовѣрія, чтобы вызвать въ немъ тягостное признаніе, что запоздалая помощь союзника

ченныхъ отъ обѣихъ сторонъ пословъ» (№ 65). Съ тѣмъ же вниманіемъ чешская газета въ петербургскихъ письмахъ сообщаетъ о послѣднихъ фазисахъ трактата: о врученіи гр. Рабутиномъ богатыхъ подарковъ царицѣ, а вел. князю Петру Алексѣевичу съ бриліантами шпаги (при этомъ князь сказалъ: «я хорошо понимаю, зачѣмъ императоръ, мой дядя, прислалъ эту шпагу — чтобы храбро вести русскую армію, а при случаѣ помочь и его вел—ву»); что все при Дворѣ въ тайнѣ, но нѣкоторые все-же полагаютъ, что различныя тайныя статьи уже приведены къ концу; что въ исходѣ сентября гр Рабутинъ «былъ допущенъ къ Великому Совѣту, гдѣ была произведена ратификація приступленія ея в—ва къ Вѣнскому трактату» (№ 83, 85, 89). Газета не оставляетъ сообщить слухъ въ Петербургѣ о близкой смерти царицы (астма), что Дворъ воспретилъ дерзкое сочиненіе о будущемъ наслѣдникѣ и тому, кто бы открылъ автора этого сочиненія, обѣщано 1000 золотыхъ» (№ 93). Вѣроятно, печатное. Есть ли оно у насъ? Помѣстивъ въ первыхъ номерахъ 1727 г. текстъ трактата, газета въ петербург. письмѣ 25 февр. сообщаетъ, что, при несовершеннолѣтіи наслѣдника, «извѣстный великій монархъ, въ силу особеннаго трактата, имѣетъ быть приглашенъ въ качествѣ верховнаго опекуна (poručnjka) молодаго царевича и защитника (ochrance) Русскаго государства» (1727 г., № 25). Конечно, рѣчь о цесарѣ. Предъ виновникомъ Союза чешскій публицистъ съ особеннымъ уваженіемъ. «Нынѣ, объявляетъ газета изъ Петербурга въ октябрѣ, Остерманъ вершитъ (jedná) самыя первыя дѣла монархіи». По поводу паденія Меншикова она замѣчаетъ: «при всѣхъ этихъ перемѣнахъ очень похвальна мудрая осторожность (opatrnost) и заботливое попеченіе барона Остермана» (№№ 95, 81). Въ 1728 году газета отмѣчаетъ неудачу старорусскаго заговора въ Москвѣ, цѣль котораго была — «разомъ уничтожить всѣхъ сидящихъ у правленія нѣмецкихъ господъ» (№ 37) — Какъ правильно, какъ умно чешскій публицистъ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія называлъ нашъ южный и югозападный край Польскою Россіей — «Polská Russie» или «Polské Rusko»! И за жизнью этой Россіи онъ слѣдилъ и по сосѣдству онъ слѣдилъ. Въ іюнѣ 1726 г. онъ сообщаетъ, что 4 тысячи кубанскихъ татаръ селятся вблизи польскихъ границъ, въ долинахъ Тилигула, Капазака, Казабы и Липецка, но что жители Очакова, Бендера и Бѣлгорода не съ

не въ помощь. «Весьма поздно, справедливо говорилъ рескриптъ въ Немировъ отъ 3 августа, при грустномъ взглядѣ на будущее; намъ отъ тѣхъ дѣйствъ никакого облегченія не было», а между тѣмъ всѣ наши военныя дѣйствія 1737 г. были расчитаны именно въ соображеніи «услугъ» союзника, такъ настойчиво потому требовалась отъ союзника его помощь.

Но, каковы бы ни были колебанія Карла VI, ихъ осилили политическія увлеченія и соблазнъ прозелитизма. Вынужденное исполненіе обязательства заново открыло передъ имперіею давно лелѣемые ею широкіе горизонты и рѣшенная война принимала характеръ крестоваго похода на непріятелей Креста—событія провиденціальнаго.

Мы видѣли, покойнаго Евгенія Савойскаго сейчасъ-же среди двора стали упрекать въ поспѣшности при заключеніи Пожаревацкаго мира, славнаго, даже по призванію самого Боневаля. Дѣло въ томъ, что побѣдитель не разрѣшилъ всей задачи, не получилъ того, что намѣчено было Вѣною для себя по православному Юговостоку Европы—ранѣе 1718 года.

Евгенія упрекали изъ-за Босніи: она предложена теперь Остерманомъ. Но Боснія не все: отъ Евгенія ждали и кое-чего другаго.

Въ Вѣнѣ давно лакомились на то, что̀ Остерманъ предложить, на что согласиться никоимъ образомъ не могъ. Неясно, но намекнули ему о томъ изъ Вѣны давно, въ лаконическомъ, загадочномъ выраженіи: «нѣкоторое расширеніе границъ» (ср.

любовью встрѣчаютъ эти новыя колоніи, такъ какъ отъ этого они теряютъ самые плодородные участки земли (№ 61); въ августѣ 1727 г. письмо изъ Каменца, что «отъ турецкихъ границъ слышно, что три самыхъ плодородныхъ края по Днѣстру, именно: хотинскій, сорокскій и черновицкій уѣзды въ Молдавіи, имѣютъ быть заняты турками и липканскими татарами» (№ 74); въ февралѣ 1727 г., что татаре непоправимый вредъ причинили въ Молдавіи, что, мимо нѣсколькихъ богатыхъ мѣстечекъ, они въ пепелъ обратили болѣе 40 селъ (№ 16) и пр. (Собраніе тѣхъ рѣдкихъ календарей и годы газеты Розенмюллера — въ Библіотекѣ Чешскаго Музея. За любезное предоставленіе пользоваться этими рѣдкими изданіями, какъ и вообще книгами Библіотеки, приносимъ усердную благодарность библіотекарю Музея, А. О. Патерѣ, и его помощнику, проф. Ч. Зибрту.

стр. 175). Валахія и Молдавія, вотъ что особенно всегда манило Вѣну, но чего Евгеній не далъ; сюда и имѣло пройти «нѣкоторое расширеніе». Въ этомъ пунктѣ опасались встрѣтить возраженіе Остермана. До конгреса своихъ условій онъ не вскрылъ предъ Вѣною.

Въ октябрѣ 1717 года, по взятіи сербскаго Бѣлграда, Евгеній Савойскій былъ принятъ въ Вѣнѣ съ знаками самаго лестнаго вниманія, и тотчасъ-же онъ получилъ отъ разбитаго имъ визиря предложеніе—открыть мирные переговоры.

15 февраля 1718 года Евгеній изъ Вѣны отвѣчалъ визирю письмомъ, съ условіями мира: 1) основа переговоровъ—uti possidetis и 2) уступка Австріи всей равнины нижняго Дуная, т. е. Валахіи и Молдавіи (но безъ «Бессарабіи» или Буджака). «Чтобы, писалъ визирю Евгеній, вполнѣ обезопасить границы христіанства, должны быть уступлены имперіи: по правую сторону Дуная — вся Боснія и Сербія, по лѣвую — Валахія, отъ рѣчки Молдавы до рѣки Днѣстра». Условія показались «непомѣрными» (exorbitans) для пришедшаго отъ нихъ въ ярость султана, но, поторговавшись въ Пожаревцѣ, сошлись: по правую сторону Дуная Турція уступила нын Сербію, но безъ Босніи; по лѣвую—часть Валахіи, прилегающую къ Трансильваніи, по рѣку Олту, Малую Валахію или, позже, австрійскую *). Замѣтимъ, что добровольный, оригинальный агентъ

---

*) «...2) Pour garantir les frontières de la Chrétienté on lui (имперіи) abandonnât toute la Bosnie et la Servie sur la droite du Danube, la Valachie sur la gauche, depuis la rivière de Moldawa ju-qu' au fleuve de Niester». (См. «Histoire de la guerre de Hongrie pendant les campagnes de 1716—1718. Avec un précis historique...», Vienne, 1758, 215). Молдава—правый притокъ Серета, притока Дуная, въ верхней Молдавіи. Подъ словомъ «Бессарабія» въ тѣ времена разумѣлся Буджакъ или югъ нынѣшней нашей Бессарабіи. Здѣсь, какъ мы видѣли, жили татаре. Слѣд., татарскихъ земель съ Аккерманомъ, Бендерами, Австрія пока не искала. Исторія этихъ вожделѣній нижнедунайской равнины, нѣкогда чистыхъ селбищъ Славянъ, у Австріи начинается довольно давно. Укрѣпивши къ концу XVI стол. васальныя отношенія къ себѣ Молдавіи, Польша стремилась подчинить себѣ и Валахію. Но уже на сеймѣ 1598 г. поляки громко жаловались, что «домъ австрійскій отнялъ у нихъ Валахію» (Hurmuzaki, Docum., Supl. II, v. I, № 266), тогда какъ валашскіе бояре желали быть подъ Польшею, бояре, которымъ объявилась тогда тройная гроза: турки, ихъ воевода,

Петра Великаго на Босфорѣ, папскій нунцій епископъ Кириллъ Галани, в-время открываетъ отдаленные планы Австріи по Юго-Востоку и еще въ 1717 г. извѣщалъ царя, что имп Карлъ, по отнятіи у турокъ въ южней Венгріи Темешвара, стремится

знаменитый Михаилъ Храбрый, и «нѣмецъ». Михаилъ былъ имъ непріятелъ своею демократическою политикой. Въ 1599 г. воевода вторгся въ Трансильванію и, какъ жалуется господарь Молдавіи, Могила, «sila złego poczynił panom i szlachcie, dawszy wolność chłopstwu—żeby imali panów i mordowali ich, i żony i dzieci, i dobra (имѣнія) między imi rozdzielić»; тоже грозилъ сдѣлать и въ Молдавіи (ib., № 295 ср. № 297). «Для насъ, говорили бояре, воевода то же, что турки». Но болѣе всего они страшились Австріи —лишь бы не подпасть подъ нѣмца. Прося охраны Польши, бояре писали въ 1598 году: «ни у кого ни малѣйшей мысли поддаться нѣмцу или цесарю; этого не можетъ быть, этого земля не дозволитъ; такъ говорятъ промежъ себя всѣ; лучше, пусть турки возмутъ насъ какъ рабовъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, только не подъ нѣмцемъ быть, а быть въ единствѣ съ молдавскою землею, ибо всѣ мы одного языка и одной вѣры» (ib. № 265 Ср. № 291 о томъ же 1599 г.). Михаилъ, удаленный изъ Валахіи, гдѣ засѣлъ ставленникъ Польши, Симеонъ Могила, сталъ теперь рудимъ Австріи, съ титуломъ императорскаго совѣтника и правителя Трансильваніи, съ полномочіемъ дѣйствовать въ Валахіи (Docum. Supl. II v. II, № 23). Въ іюлѣ 1601 г. Симеонъ былъ выгнанъ изъ Валахіи, и импер. Рудольфъ могъ отвѣчать Сигизмунду польскому: «Valachia provincia **nostra** est» (ib. № 108). Одновременно съ стремленіемъ на нижній Дунай Австрія тяготѣла и къ славянамъ Юга и — къ Босфору (см. прим. ниже; путь ей туда былъ давно хорошо знакомъ, но — для препровожденія туда своихъ поминокъ, т. е. турецкой дани (см. прим. стр. 168). Фиктивное основаніе у Австріи на Балканъ—историческія права венгерской короны св. Стефана. Мадьяры и сейчасъ вѣруютъ, пожалуй, не безъ основанія, въ свою историческую миссію за Дунаемъ, а славяне тамъ все не могутъ освоиться съ требованіями государственной жизни, порядка, и тѣмъ какъ бы оправдываютъ ихъ, хотя въ основѣ государственнаго строя самой Венгріи лежатъ старославянскіе порядки жупы). Къ слову о мадьярахъ. Нельзя не отмѣтить одного симпатическаго явленія въ современной жизни мадьяръ: они по вѣрѣ преимущественно кальвинисты, но **свято** берегутъ въ своемъ языкѣ славянскую стихію, окрашенную, главнымъ образомъ, церковнославянскимъ языкомъ свв. Кирилла и Меѳодія; мадьярскій языкъ передъ нами, какъ-бы живой передатчикъ языка славянскихъ Первоучителей. А румыны, православные, что сдѣлали они съ славянскою частью своего языка! Исковеркали свой древній языкъ, хотя они имѣютъ право утверждать прямое, активное участіе свое въ развитіи письменности и въ исторіи языка свв. Кирилла и Меѳодія, слѣдовательно, могли бы гордиться именно своею **славянскою** стихіей, а не выбрасывать ея за бортъ.

открыть себѣ «способную дорогу къ Мултянской и Волоской провинція», т. е. въ Валахію и Молдавію *).

Слѣдовательно, при новой успѣшной войнѣ, съ помощью Россіи, виднѣлись впереди: тамъ—Боснія, авансомъ уступленная Остерманомъ; здѣсь—остальная, турецкая Валахія, какъ-де естественное продолженіе отрѣзанной отъ нея въ 1718 году крошки, но которая, какъ могли ласкать себя въ Вѣнѣ, давно уже чувствовала себя блаженною подъ своимъ новымъ, благословеннымъ управленіемъ **)! Въ заключеніе и Молдавія.

*) Ср. нашу статью: «На Босфорѣ въ 1735 году» — Вѣстн. Европы 1897, окт., 519.

**) Отъ 14 декабря 1726 г. въ извѣстной намъ газетѣ «Pražské posstowské Nowiny» К. Розенмюллера помѣщена была слѣд. официозная корреспонденція изъ «Австрійской Валахіи», изъ ея главнаго гор. Окны (№ 4): «Комендантъ генер. Шрамъ каждый годъ день тезоименитства императора празднуетъ съ большимъ торжествомъ; но особенно это было въ наст. году. Te Deum пѣли при сослуженіи 4 францисканowъ изъ монастыря въ Крайовѣ; на двухъ столахъ генералъ угощалъ бана, совѣтниковъ валашской администраціи, всѣхъ офицеровъ, камеральныхъ и комисаріатскихъ чиновниковъ и многихъ валашскихъ бояръ. Блюда на столахъ были полны фазановъ, почему и разговоръ начался съ нихъ — что когда страна была подъ владычествомъ турокъ, то рѣдко можно было увидѣть даже одного фазана; но съ того времени, какъ побѣдоносное императорское воинство овладѣло этою землею, и эти вкусныя птицы потянулись сюда также. Для простаго народа былъ приготовленъ громадный столъ съ индѣйками, каплунами; жареный быкъ, наполненный мелкою птицею, былъ розданъ народу. Изъ 2 бочекъ, каждая болѣе 80 ведеръ, лилось бѣлое и красное вино. На это зрѣлище со всѣхъ сторонъ стеклась масса народа: ничего подобнаго въ минувшія времена здѣсь не видано. Кромѣ того, хлѣбъ, мясо, деньги были раздаваемы бѣднымъ людямъ. Вечеромъ у генерала балъ, затянувшійся до поздней ночи, завершилъ это празднество».—Въ видахъ безопасности, старому славному городу Малой Валахіи, Крайову (отсюда—крайовскій банатъ, изъ Кралево) былъ предпочтенъ горнозаводскій городъ Окна (Saltzburg), гдѣ была и каѳедра епископа рыбникскаго (у румынъ переиначено — рымникскаго), на сѣверѣ, вблизи границы Трансильваніи. Вся область состояла изъ 5 округовъ (цынутовъ), каждый съ ворникомъ и исправникомъ (ispravnici) въ главѣ, какъ было и раньше. Эти округа: Вулча, Тыргосыль, Нижній Сылъ (съ Крайовомъ), Романацъ и Меадія. Высшая администрація—банъ и совѣтники, все изъ мѣстныхъ, съ прибавкою двухъ изъ католиковъ. Подробности — у Hurmazaki, Documente. vol. IX, № 751, vol. VI, №№ 244 (организація управленія), 259, 270 (положеніе края въ 1731 г.), 281 и 290 (о налогахъ въ 1735 году). Особенное вниманіе Австріи было обращено на проведеніе военныхъ дорогъ, которыя и соединили тѣсно новую область съ Трансиль-

Все это надо взять, пока оба господарства не въ рукахъ Россіи. Это опасеніе очень волновало Вѣну и имѣло, вѣроятно, рѣшающій голосъ при рѣшеніи. Отъ времени нѣсколько позже, со стороны, мы имѣемъ даже прямое подтвержденіе этого предположенія. «Когда, пишетъ въ свой Сенатъ венеціанскій баилъ Сим. Контарини изъ Константинополя 29 октября 1737 г., вѣнское министерство рѣшило открыть непріязненныя дѣйствія, то (какъ сообщаютъ подъ секретомъ изъ Франціи) настоящій мотивъ, который принудилъ его на такое рѣшеніе, былъ — принять мѣры и не допустить, чтобы русскіе завладѣли (s'impadronissero) Молдавіей и Валахіей: оно получило свѣдѣнія, что тѣ жаждутъ этого пріобрѣтенія. Обѣ земли министерство разсматривало, какъ принадлежащими Австріи въ силу сосѣдства, и полагало, что предупредить русскихъ въ такомъ предпріятіи и уничтожить всякую возможность привести его въ исполненіе, этого требуетъ и интересъ Австріи, и общій» *), т. е. Европы.

Но, какъ замѣтили уже ближайшіе современники, не менѣе сильно дѣйствовало и чувство католическаго прозелитизма. Не забудемъ, что еще въ свѣжей памяти были успѣхи пропаганды у себя и у польскаго сосѣда.

Начало XVIII вѣка — эпоха подъема католическаго прозелитизма. Въ лицѣ Уніи онъ праздновалъ побѣду, и одновременно, въ Польшѣ и въ Австріи: тамъ — въ Галиціи и Подоліи, здѣсь—среди русскихъ Венгріи и румынъ Трансильваніи. Пріемъ одинъ: преклоненіе къ себѣ честолюбцевъ среди православныхъ іерархов и заманка мірскими благами низшаго духовенства. Уже въ 1701 году импер. Леопольдъ имѣлъ возможность одарить своею милостивой грамотою «язвою схизмы»—schismatis labe—

ваніей, открывъ и для торговли пункты, дотолѣ отъ вѣка разобщенные. Знаменита была дорога Карла VI, отъ прохода у Червонной Башни вдоль Олты, тщательно отмѣчаемая современными картами. По прокладкѣ этой дороги была издана небольшая карта: «Situations-Plan von dem Rothenthurmer Pasz oder sogenannten Carolinischen Weege durch welchen man aus Siebenbürgen in die österreichische und türkische Walachey mit Wagen fahren kann». Конечно, по всему теченію рѣки Олты край былъ беззащитенъ, почему австрійскій офицеръ-современникъ, въ своей Запискѣ, настаивалъ, чтобы при новой войнѣ прежде всего потребовать возвращенія земли и по ту сторону рѣки (Hurmuzaki, Documente, vol. IX, part. I, p. 627).

*) Hurmuzaki, Documente, vol. IX, part. I, № 774.

мѣченныхъ валаховъ Трансильваніи. Правда, Унія въ массу румынъ шла туго. Сами соблазненные епископы были проведены, подпавъ подъ опеку и надзоръ особаго іезуита-инспектора; но шагъ сдѣланъ, дѣло начато *).

Что же касается новоприсоединенной Валахіи, то здѣсь еще заигрывали съ массою фіэланами, а православную старину оставляли нетронутою, дѣйствовали пока осторожно. Правда, здѣсь еще отъ XVII ст. дѣйствовали францисканцы; въ Крайовѣ у нихъ былъ монастырь; были церкви въ Рыбникѣ и Брадичанахъ, — но это, говорили, не для мѣстныхъ людей, а для заѣзжихъ торговцевъ, болгаръ, и, по признанію самихъ монаховъ, они пока своихъ разсѣянныхъ овечекъ (oviculas) съ большимъ трудомъ розыскивали. Но уже въ 1731 году имп. Карлъ указалъ: «для приданія большей важности» католической церкви начать спѣшно постройку новаго костёла для монаховъ, въ Крайовѣ учредить семинарію «для бо́льшаго насажденія католической вѣры», а чтобы страна «не была вовсе лишена епископскаго попеченія о душахъ», онъ подчинилъ ее епископу въ Никополѣ. Но главное, что schismatici (acatholici), т. е. православные валахи, вмѣстѣ съ ихъ пастырями, были недостаточно просвѣщены, слѣдов., въ будущемъ обѣщали добрую жатву. «Священники, пишетъ, впрочемъ, вѣроятно, не безъ преувеличенія, современникъ, хотя и знатокъ края, отличались отъ міранъ лишь синею шапкою да длинными волосами. Вся ихъ ученость заключалась въ умѣньѣ немного читать и писать валашскими букьвами по-славянски, причемъ они нерѣдко и словъ не понимали. Если же монахъ нѣсколько ломалъ по-латыни, то онъ почитался чудомъ учености» **). Тоже было и въ другой,

*) См. обстоятельное изложеніе начала Уніи въ Трансильваніи у Hurmuzaki, Fragmente zur Geschichte der Rumänen, B. II, 33 — 53. Ср. его же, Documente, vol. VI, № 249, о протестѣ народа въ 1731 г.

**) Hurmuzaki, Documente, vol. IX, part. I, № 750, 759 и 751. Послѣдній № — подробныя замѣтки инженернаго офицера, долго работавшаго на мѣстѣ въ 20 годахъ. Ср. ib. vol. VI, №№ 213, 215, 246 и др. Офиціальное имя для православныхъ было, конечно, schismatici. Ср. донесеніе гр. Валлиса 1731 г., ib. № 246. Объ осторожной заботѣ правительства о католической церкви — см. распоряженіе 31 марта 1731 года, ib. № 248, по поводу представленія епископа никопольскаго, Станиславича, «zu mehreren einpflanzung des Catholischen glaubens höchst furträglich - schullen von Teütscher und lateinischer Sprache nebst einem kleinem Seminario zu errichten» и пр. Правительство находило «полезнымъ и необходимымъ для

турецкой Валахіи, хотя тамъ заводилась тогда даже такая роскошь, какъ турецкія школы и арабскія церковныя изданія*).

Естественно же было ожидать Вѣнѣ впереди — богатыхъ плодовъ для дѣла вѣры — по низверженіи Турціи... Какая нива и жатва виднѣлась тамъ, тогда! Теперь же пропаганда францисканцевъ шла украдкою и туго, хотя бы въ ближайшей Босніи.

Въ столицѣ, не только на верху, но и на улицѣ, благодаря умѣлой іезуитской рукѣ, мобилизировалось религіозное чувство, и отъ улицы, съ ея процессіями и моленіями, а позже съ яркими взрывами слѣпаго фанатизма, повѣяло духомъ Крестовыхъ походовъ.

«Порта, говорилъ императоръ Карлъ въ началѣ своего іюньскаго манифеста о войнѣ, полна одной ненависти къ имени Христову; отсюда — непрестанный ея гнетъ надъ ея христіанскими подданными».

Какъ ни понимать это сочувствіе Австріи къ «христіанамъ» Турціи, но въ формулировкѣ его отразился характеръ самыхъ подготовительныхъ дѣйствій къ войнѣ, къ войнѣ за Крестъ. Ярче тотъ же мотивъ выразился немного позже, сейчасъ при переходѣ крестовыми войсками турецкой границы.

Совершивши, для утвержденія покоя внутри, изувѣрскія массовыя казни въ Будѣ (Офенъ) надъ захваченными сторонни-

---

насажденія католической вѣры построить соотвѣтственное число церквей, нѣмецко-латинскихъ школъ»; но отъ отдѣльной епископской каѳедры еще воздержалось. О недостаточномъ знаніи церковно-славянскаго языка и письма «валашскаго» ср. подписи 1731 года епископа, протопоповъ и поповъ, ib. подъ №№ 251. 252. 262, 283; бояръ №№ 253, 281. Но нельзя не замѣтить, что это, даже недостаточное, знаніе славянскаго языка и письма, эти славянскія молитвы, «Господи, помилуй» и др., въ устахъ монаховъ и монахинь непрестанно слышавшіяся, какъ это отмѣчаетъ тотъ же австрійскій инженерный офицеръ, все же объединяло когда то всѣхъ на Юговостокѣ въ одну великую историческую семью и румынъ, и славянъ, и русскихъ. Школа могла поднять. Объ имущественномъ положеніи православной церкви въ австр. Валахіи тогда (имѣнья, доходы) см. обстоятельный экстрактъ 1731 года, ib. № 258. Высшая епархіальная власть — у митрополита Карловацкаго: «Austriaca Valachia nostra Cisalutana», ib. № 267. Нынѣшніе румыны изобрѣли новый терминъ для австрійской Валахіи — Oltenia.

*) Ср. Паподополъ, Изъ исторіи типографій въ Румыніи, въ «Analele Academiei Române». s. II. t. XVII. Memoriile sectiunii istorice. Bucur. 1896. p. 143, 146 и др. Это было время фанаріотовъ, Константина Маврокордата и др. Авторъ въ восхищеніи отъ своего открытія — употребленія арабскихъ шрифтовъ въ Румыніи половины XVIII в.

ками покойнаго «князя Рагоцкаго», т. е. Ракоци (а они, къ-стати — калвинисты), но не найдя сочувствія и денегъ на войну у членовъ Нѣмецкой имперіи, гдѣ интриговала Франція, Карлъ обратился къ папѣ за поддержкою, и тотъ разрѣшилъ особою буллою десятину отъ церковныхъ доходовъ «на войну съ невѣрными», а самъ прислалъ и свою священную ленту въ 150 тыс. скуди. Карлъ отнесся, затѣмъ, къ Венеціи, припоминая ей славные дни недавняго прошлаго, дни Священной Лиги конца XVII в., когда она вмѣстѣ воевала за Крестъ. Но осторожная республика отклонила прямое участіе. Но главное—во всѣхъ церквяхъ Вѣны и всѣхъ наслѣдственныхъ земель, т. е. Чехіи, Венгріи и др., установлены были торжественныя общенародныя моленія, съ поднятіемъ Св. Даровъ, о ниспосланіи благословенія самого Неба на оружіе, подъятое противъ «надменнаго врага христіанства». Устами самого императора еще въ 1701 г., по случаю введенія Уніи среди румынъ, торжественно было объявлено, что всѣ успѣхи въ войнахъ съ турками, это—только плоды «молитвъ благочестиваго духовенства, умѣющаго утишать божескій гнѣвъ». Но въ то же самое время увѣренность напередъ въ полной побѣдѣ надъ этимъ старымъ врагомъ стала какимъ-то общимъ мѣстомъ *).

Съ венеціанскимъ посломъ въ Вѣнѣ шли бесѣды о предстоящихъ побѣдахъ, набросанъ былъ тайкомъ и самый дѣлежъ Турціи, ея владѣній на Балканскомъ полуостровѣ **) Венеція была бли-

---

*) Histoire de l'emper. Charles VI, par le sieur La-Lande, La Haye, t. IV, 545. Это не исторія, но лѣтопись — многотомный сборникъ матеріаловъ и наблюденій современника-очевидца, жившаго въ Вѣнѣ. Матеріалы документальные, въ переводѣ. Здѣсь, напр., въ крупныхъ извлеченіяхъ переписка визиря съ Вѣною, и знаменитое письмо его, съ обвиненіями Россіи, съ припоминаніемъ Прута и царя Петра (у насъ стр. 151), правильно названо «lettre très curieuse» (IV, 530). О казняхъ въ Будѣ—ib. 537. — Слова имп. Леопольда — Hurmuzaki, Fragmente..., V. II, 53: «.. den göttlichen Unwillen zu besänftigen wusste», изъ диплома 1701 г., въ его переводѣ.

**) Въ это самое время, въ 1737 году, вышелъ проэктъ раздѣла Турціи извѣстнаго испанскаго экс-министра, кардинала Алберони. Алберони предназначалъ для Австріи: Боснію, всѣ сербскія земли и Валахію. Слѣдовательно, кардиналъ ничего новаго не давалъ, изъ своей головы не фантазировалъ, а точно выдавалъ давнія, теперь поновленныя, вожделѣнія Австріи.

жайшею сосѣдкою «гиблющей» Турціи, слѣдов , стороною весьма заинтересованною. Послѣдніе шаги политики Порты разсматривались не иначе, какъ несомнѣнное ручательство успѣха. Великій визирь, давая въ письмѣ изъ Исакчи согласіе на конгресъ, заключалъ его словами: «счастливое заключеніе счастливаго дѣла зависитъ послѣ Бога едино отъ справедливаго поведенія цесаря». Эти любезныя слова, по замѣчанію очевидца, истолковывались въ Вѣнѣ въ томъ смыслѣ, что турки всячески избѣгаютъ войны и потому усердно льстятъ, и говорили про себя: «турки чувствуютъ свою слабость, предвидятъ, что будутъ биты» *). Но этого мало.

Какъ не разъ бывало позже и у насъ, каждый разъ, когда открывались кровавые счеты съ Турціей, мистическая атмосфера объяла теперь вѣнское общество. Пошли въ дѣло таинственность, предсказанія; дѣлались точныя выкладки въ опредѣленіи момента грядущаго исчезновенія Вавилона на Босфорѣ. Нѣкоторая часть современной, весьма жидкой, публицистики Германіи поддерживала съ своей стороны объявившуюся мистическую вѣру.

«Серьезныя перемѣны, которыхъ мы, говоритъ одинъ изъ органовъ тогдашней печати — Die neue Europäische Fama, открывая у себя, на своихъ страницахъ, новую, турецкую рубрику, въ-правѣ ожидать въ настоящемъ 1737 г. на Востокѣ и начало которыхъ уже на лице, стоятъ того, чтобы мы на будущее время во всѣхъ частяхъ нашего изданія ввели особый отдѣлъ. Надежду, что Всевышній и на-далѣе благословитъ справедливое императорское оружіе, мы соединяемъ съ искреннимъ пожеланіемъ—да исполнится замѣчаніе, которое сдѣлалъ недавно одинъ писатель, да ярко озарится Константинополь въ прежнемъ блескѣ христіанства». Этотъ писатель (Scribent), поясняетъ редакція, монахъ Миллеръ, издавшій въ 1735 году въ Вѣнѣ свое «Путешествіе въ Іерусалимъ». Онъ приводитъ въ книгѣ предсказаніе одного греческаго монаха изъ XVI вѣка, что паденіе Турціи и возстаніе христіанскаго Константинополя имѣютъ совершиться именно въ 1738 году **). Конечно, эту миссію выпол-

*) La-Lande, IV, 553.

**) 25 Theil, p. 78—79. Этотъ политическій журналъ, съ обозрѣніемъ современнаго состоянія главныхъ дворовъ Европы, съ библіографіей, выходилъ книжками 10 разъ въ годъ и былъ продолженіемъ стараго журнала: «Die Europ. Fama», издававшагося съ 1700 по 1730 г.

нитъ императоръ Карлъ, недавній зиждитель церкви Карла въ Вѣнѣ, съ ея величественными турецкими колоннами, въ память Пожаревацкаго мира...

Впрочемъ, крестоносная миссія цесаря, съ ея предреченіями, нѣсколько дурно гармонировала съ нѣкоторыми особенными пріемами приглашенія и набора людей на турка.

«Спеціальные паяцы и особенныя женки, свидѣтельствуетъ очевидецъ, въ предмѣстьяхъ Вѣны, на площадяхъ, особенно передъ Червонною Башней *), усердно плясали и пили за успѣхъ войны, напаивали, затѣмъ, зѣвакъ и такимъ путемъ вербовали на войну. Массы такихъ новобранцевъ въ лодкахъ направлялись по Дунаю въ Венгрію» **).

Наступила весна 1737 года и Вѣна приняла особенный видъ: на каждомъ шагу картины военной жизни.

«Дунай, говоритъ тотъ же очевидецъ, покрылся судами, барками съ посаженными на нихъ войсками, съ орудіями, муниціей и экипажами. Въ самой столицѣ только и видно было что солдатъ и офицеровъ всевозможныхъ народностей; все это направлялось въ Венгрію, между тѣмъ какъ министры занимались однимъ—отысканіемъ денегъ», «великою причиною», какъ выражался немного позже Остерманъ. Наконецъ, особая дунайская флотилія (10 фрегатовъ, 5 галеръ и масса шаекъ) при $2^1/_2$ тысячахъ матросовъ, подъ командою Палавичини, снаряжалась въ Вѣнѣ, для дѣйствій внизу, при торжественномъ освященіи самыхъ судовъ этой священной флотиліи. Самъ старый кардиналъ Колоничъ, при сослуженіи столичнаго духовенства, въ присутствіи императорской фамиліи, высшихъ чиновъ и массы народа, совершалъ въ Пратерѣ это освященіе: пѣніе молитвъ, чтеніе подобранныхъ къ данному случаю евангельскихъ отрывковъ продолжалось два часа ***).

Такъ Вѣна готовилась на турка, на Босфоръ—все на подмогу намъ.

Но самые сборы полковъ, за скудостью средствъ, подвигались не быстро: только къ половинѣ лѣта все было, наконецъ,

---

*) Она и теперь существуетъ, при началѣ Ринга, у Леопольдштадта.
**) La-Lande, IV, 554.
***) Die neue Europ. Fama, 25. Theil, p. 124, сл.

налажено и 29 іюня солдаты открыли, но по колѣни въ водѣ, торжественный, полный упованій, походъ, изъ сербскаго Бѣлграда на Нишъ — по столбовой, константинопольской дорогѣ. Впереди—Босфоръ...

Это были колонны «бóльшей арміи» протестанта гр. Секендорфа, подъ номинальнымъ начальствомъ молодаго цесарскаго зятя, Карла Лотарингскаго (род. 1708).

Но на увертюрѣ выполненія свѣже-обрѣтеннаго благочестивымъ вѣнскимъ паломникомъ греко-монашескаго предсказанія намъ необходимо на минуту остановиться.

Въ іюнѣ Карлъ VI издалъ въ Вѣнѣ, на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, манифестъ о войнѣ: «Причины предстоящей войны съ турками», а гр. Кенигсекъ сейчасъ же разослалъ его иностраннымъ министрамъ въ Вѣнѣ *).

Манифестъ начинался ссылкою на изв. письмо Остермана отъ 12 апрѣля, что у Россія есть «довольно праведныхъ причинъ» для войны. «Одно содержаніе этого письма, объяснялъ Карлъ, могло бы быть достаточнымъ для того, чтобы ея царское в-во, какъ оскорбленная сторона, была властна и уполномочена требовать удовлетворенія отъ Порты за прошлое и своей безопасности на будущее время. Но послѣ того, какъ его цесарское в-во многіе годы подъ-рядъ тщетно употреблялъ всѣ мыслимыя средства для предупрежденія разрыва мира и въ теченіе болѣе года не менѣе ревностно старался объ удержаніи его, онъ, цесарь, не можетъ долѣе колебаться предложить наискорѣе своей вѣрной союзницѣ столь настойчиво желаемую ею свою помощь. Такъ какъ теперь эта истина уже на лице у всѣхъ, то ничего не остается, какъ представить публикѣ краткій очеркъ тѣхъ событій и обстоятельствъ, которыя могутъ служить для объясненія содержанія обоюдной по данному вопросу переписки».

Императоръ свидѣтельствовалъ, далѣе, что между обоими участниками альянца 1726 г. «нѣтъ мѣста для ревности или подо-

---

*) «Ursachen des bevorstehenden Türcken-Krieges», in 4°. Cp. «Histoire de la guerre de Hongrie...», p. 261—262; Die neue Europ. Fama, 25 Th., 78—92; 26 Th., 115—119.

зрѣнія», что цѣль этого «Священнаго Союза» одна—«поставить преграду бушующему потоку обширной и грозной Оттоманской имперіи, а Россія — самая надежная плотина и самый мощный брустверъ противъ злостныхъ замысловъ турокъ». «Пока союзъ, говорилъ Карлъ, дотолѣ и миръ; только война съ Персіей и этотъ альянцъ единая причина, почему такъ долго держится Пожаревацкій договоръ».

Возвращаясь къ анализу письма Остермана, Карлъ пояснялъ, что русскій министръ, указываетъ каждый разъ, «самый годъ каждаго вторженія турокъ и татаръ», что его в-во два раза принимался за медіацію, два раза его министръ на Босфорѣ получалъ полномочія—согласить разнствія; но въ результатѣ одно: «злоба становилась все сильнѣе (immer ärger), а умѣренность русскаго Двора дѣлала турокъ и татаръ все дерзче». Остался одинъ путь —оружіе. Наконецъ указывалось, что объединеніе обоихъ магометанскихъ государствъ, Турціи и Персіи, «послѣдователей Омара и Али», гроза всему сосѣднему христіанству, а —«на сколько увеличится утѣсненіе тѣхъ, которые уже стонутъ подъ игомъ»?— отечески спрашивалъ Карлъ. Но послѣдняя фразеологія взята имъ у насъ.

Переходя къ обстоятельствамъ послѣднихъ дней, императоръ подчеркивалъ лукавство Порты, ея стремленіе разссорить союзниковъ, что въ то время, какъ Россія спѣшила на встрѣчу конгресу, Порта дѣлала всяческія затрудненія въ вопросѣ о мѣстѣ его. «Все это—новое доказательство, что ни цесарь, ни его союзница не оставили безъ вниманія ничего, что только могло ускорить заключеніе мира», что послѣ письма Вѣшнякова къ князю Молдавіи, Гикѣ, невѣдѣніемъ Порта отговариваться не можетъ, что, очевидно, она ищетъ одного — выиграть время: наступилъ срокъ—1 мая, а отъ нея все ничего.

«Такимъ образомъ, заключалъ манифестъ, цесарь вынужденъ на войну; но онъ готовъ положить ей конецъ, лишь только Порта подпишетъ настоящія, справедливыя условія. Намѣренія его не простираются далеко (!): онъ не жаждетъ ниспровергнуть Оттоманскую Порту въ конецъ. Поэтому единно зависитъ отъ Порты воспользоваться столь благосклоннымъ къ ней расположеніемъ его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ любезнѣе. Промедленіе раньше было вредно; въ будущемъ оно будетъ не менѣе вредно, и Порта

тѣмъ менѣе будетъ въ состояніи оправдываться, что образъ мыслей императора ей не безъизвѣстенъ» *).

Съ особеннымъ посольствомъ былъ отправленъ манифестъ въ имперскій сеймъ, вмѣстѣ съ просьбой о вспоможеніи—«во имя славы Божіей и любви къ христіанству».

Манифестъ Карла VI устанавливалъ полную гармонію, въ вопросѣ о Турціи, интересовъ обоихъ участниковъ союза 1726 г., «Священнаго Союза», какъ онъ теперь былъ названъ. Повторяя за Остерманомъ письмо его отъ 12 апрѣля 1736 г., манифестъ оправдывалъ его образъ дѣйствій.

Но Остерманъ искалъ отъ Вѣны не оправдательныхъ для себя словъ, а дѣла, дѣйствій. Но были-ли дѣйствія императора въ согласіи съ тономъ его манифеста, то снисходящаго къ Портѣ, то предупреждающаго, то грозящаго?

Мы видѣли, Остерманъ лестнымъ для него манифестомъ былъ доволенъ немного дней и то, не содержаніемъ его, а просто какъ свидѣтельствомъ несомнѣннаго, наконецъ, рѣшенія союзника воевать сообща, но союзника все же вынужденнаго имъ на войну, открывшаго ее уже передъ самымъ началомъ мирныхъ переговоровъ въ Немировѣ, вопреки предшествовавшимъ соглашеніямъ.

Согласно выработанному въ военномъ Совѣтѣ плану, три арміи въ трехъ пунктахъ входили въ предѣлы Турціи—на громадномъ протяженіи ея сѣверной границы, отъ нижняго Дуная и до Адріатики.

Главная, «бóльшая» армія гр. Секендорфа шла изъ Сербіи, изъ Бѣлграда. Вторая, гр. Валлиса, стараго правителя австрійской Валахіи, изъ Трансильваніи вторгалась въ турецкую Валахію. Наконецъ, третья, принца Гилдбурггаусена, любимца Карла VI, входила съ-права, изъ Хорватіи, изъ-за Савы, въ Боснію.

Двинуто было болѣе 120 тысячъ, не считая легкихъ войскъ, добровольцевъ-сербовъ, артиллеріи и флотиліи; по видимому, си-

---

*) Въ приложеніи къ манифесту—11 оправдательныхъ документовъ; между ними — письма визиря, гр. Кенигсека, Вѣшнякова. Отрывокъ изъ послѣдняго письма у Hurmuzaki, Documente, vol. VI, № 291.

ла грозная. Но масса была слабо подготовлена: только въ іюнѣ учили Боевая единица состояла изъ 600—700 человѣкъ; но на дѣлѣ почти половина батальона шла на обозъ, прислугу у генераловъ, у офицеровъ. Особеннымъ бременемъ были наѣхавшіе за славою разные принцы, съ ихъ комфортными экипажами изъ Вѣны—кое у кого подарокъ самой цесарицы.

По настоянію Секендорфа и лучшихъ генераловъ изъ школы Евгенія (Шметау и др.), Совѣтъ постановилъ: главная армія открываетъ дѣйствія осадою Видина. При успѣхѣ здѣсь, австрійцы—полные хозяева всей Валахіи, природнаго богатаго депо запасовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сближаются, отъ праваго берега Дуная, съ дѣйствующею русскою арміей. Въ соображеніи этихъ обстоятельствъ, имѣла мѣсто и забота о сильной флотиліи на Дунаѣ: изъ Бѣлграда она дѣйствуетъ къ Видину, при случаѣ и далѣе внизъ, для разобщенія турецкихъ силъ на сѣверъ и югъ отъ рѣки.

Объявленіе войны открылось нетруднымъ захватомъ турецкихъ купцовъ, съ ихъ богатыми складами, въ Бѣлградѣ и Темешварѣ, а 29 іюня двинулся и Секендорфъ изъ Бѣлграда, но не къ Видину, а на цареградскую дорогу, къ Нишу, согласно новому, именному повелѣнію

Итакъ, новый планъ, и при самомъ открытіи дѣйствій, планъ, противъ котораго такъ горячо боролся Секендорфъ еще въ Вѣнѣ. Но неожиданность слѣдовала за неожиданностью. Какъ ни строга была цензура для правдивыхъ свѣдѣній съ мѣста, но первыя извѣстія, прокравшіяся въ сочувственную для Австріи печать, были крайне некрасивы.

«Солдаты, говоритъ Die neue Europ. Fama, по колѣни въ водѣ открыли походъ на Нишъ». Но ливни чередовались съ іюльскими зноями *). При каждомъ переходѣ, по свидѣтельству очевидца, массы солдатъ отставали и въ полномъ изнеможеніи ложились на землю; унтеры и офицеры вводили въ дѣло палки, кнутъ, для возвращенія бодрости, въ присутствіи самого Карла Лотарингскаго; но и эти возбуждающія средства не пособляли.

---

*) 26. Theil, 136.

Люди прямо падали мертвыми отъ солнечныхъ ударовъ. Батальонъ обращался въ роту *).

По мѣрѣ труднаго движенія къ Нишу—отъ разводнившихся рѣкъ и рѣчекъ въ гористой вообще Сербіи, особенно на юго-востокѣ, въ «прекрасныхъ, но грозныхъ предѣлахъ» **), армія все болѣе удалялась отъ запасныхъ складовъ, которые, согласно первому плану, были расположены вдоль Дуная, къ Видину; старому Секендорфу все болѣе и болѣе заботъ, а главнокомандующій, цесарскій зять, тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, цѣлые дни проводилъ на охотѣ въ новой для него странѣ. Ему вторили разные принцы.

Была увѣренность въ нетрудномъ осуществленіи предреченія византійскаго монаха о возстаніи Креста на Босфорѣ....

Только 3/14 іюля, слѣдов., уже послѣ взятія нами Очакова, армія Секендорфа перешла у Парачина границу. Легкіе отряды сербскихъ добровольцевъ безъ труда заняли мелкіе турецкіе посты: Алексинацъ, Баню, пробрались въ Болгарію—къ Сливницѣ (Алкалія по-тур.) и даже къ Софіи. Летучій отрядъ былъ направленъ въ красивый Крушевацъ, старую столицу князя Лазаря, у подошвы Ястребца, чтобы въ этомъ богатомъ краѣ «попытать поднять его населеніе въ пользу императора»; другой—еще далѣе на западъ, къ малодоступной, въ горахъ, Ужицѣ, уже къ границамъ Босніи. Попутныя паланки: Трестеникъ съ старой Любостынью, Карановацъ съ живописной Жичею, были сейчасъ же покинуты турками. Въ это какъ разъ время получено было извѣстіе отъ Миниха о приближеніи къ Очакову, о его надеждѣ помѣриться съ врагомъ.

Между тѣмъ, сейчасъ по переходѣ границы на Моравѣ, былъ высланъ офицеръ въ Нишъ съ объявленіемъ о войнѣ и требованіемъ сдачи. Паша, съ своимъ небольшимъ гарнизономъ, выразилъ посланцу одно удивленіе: какая тамъ война, когда въ Не-

---

*) Mémoires secrets de la guerre de Hongrie pendant la campagne de 1737—39. Avec des réflexions critiques par M. le c. de Schmettau, Francfort, 1772, Journal de la campagne de 1737, 10; de-Keralio, Histoire de la guerre des Russes..., I, 165.

**) Выраженіе недавняго путешественника тамъ, извѣстнаго этнографа сербскаго, М. Миличевича, въ его «Помени о Даничићу» (Београд, 1883, 64), отнесено къ плато Пиротъ-Сливница; но оно еще точнѣе характеризуетъ мѣстность сѣвернѣе — отъ Столаца въ Нишу.

мировѣ ведутъ дѣло о мирѣ съ Россіей? Но онъ заявилъ готовность сдаться, при подходѣ всей арміи. Дѣйствительно, 17/28 іюля, слабый Нишъ сдался, при чемъ нашлись тамъ и русскіе плѣнные; но герцогъ Лотарингскій уже заранѣе сообщилъ въ Вѣну эту «пріятную новость». Не безъ эффекта онъ указывалъ далѣе, что, послѣ паденія Ниша, «народы Сербіи и Болгаріи спѣшатъ принять милостивое и могущественное покровительство его в-ва» *). Дѣйствительно, уже въ августѣ извѣстный намъ сердарь Лупулъ доносилъ изъ Кишинева въ Немировъ, что «сербскій архіерей собственнымъ своимъ коштомъ поднялъ сербовъ 25 тысячъ и шелъ къ Нису, на совокупленіе съ цесарцами и турокъ побѣждалъ; сербская область вся поклонилась цесарю; слышно, что архіерей угрицкій (?) собралъ нѣсколько войска христіанъ—арбанашевъ и куцовлаховъ, и турки весьма испужались и не знаютъ, на которую сторону напередъ отвѣтствовать, ибо военные люди бѣгутъ во всѣ стороны»**). Этотъ сербскій архіерей былъ Печскій патріархъ Арсеній IV Чарноевичъ, увлекшій на сторону Австріи многочисленное и зажиточное населеніе безлѣсной, но богатой равнины по ту сторону Ястребца, между Капаоникомъ и верхнимъ теченіемъ Болгарской Моравы.

---

*) Mémoires secrets. 17—32; de-Keralio, op. c., I, 178—181. Почему-то, по автору, въ Нишѣ было 3—4 тыс., большею частью гайдамакъ (haidamaques). La-Lande, IV, 536. Венеціанскій баилъ въ Константинополѣ, пріязненный Австріи, Контарини, такъ доносилъ Сенату, о впечатлѣніи на мѣстѣ отъ первыхъ успѣховъ австрійцевъ за Дунаемъ: «$\frac{\text{23 іюля}}{\text{8 августа}}$, весьма умѣренно говорятъ турки о нѣмцахъ, стараясь заставить вѣрить, что успѣхи ихъ не болѣе какъ набѣги на двѣ ихъ провинціи—Валахію и Молдавію. О нѣмцахъ мнѣ сообщаютъ, отъ послѣдняго числа минувшаго мѣсяца, что они заняты осадою Ниша, но гдѣ не болѣе 2 тыс. гарнизона, и потому онъ въ состояніи продержаться немного дней, что, при появленіи цесарцевъ, всѣ греки въ деревняхъ отъ Ниша и до Софіи возстали противъ турокъ и взялись за оружіе на помощь нѣмцамъ (tutti le Greci delli villaggi da Nissa sino a Sofia rivoltati si fossero contro Turchi e prendessero le armi a favore de Tedeschi»). (Hurmuzaki, Documente, vol. IX, part. I, № 772).

*) Приложенія, V. Арбанаши—албанцы; куцовлахи—южные румыны, въ Македоніи, около горы Пинда, остатки дославянскаго насеселенія Балканскаго полуострова. Ср. о нихъ выше. У всѣхъ куцовлаховъ, для отличія отъ нехристіанъ, на лбу вырѣзанъ крестъ

Путь къ Босфору очищался быстро. «Цесарю, спокойно объяснялъ Остерманъ, съ овладѣніемъ (ожидавшимся) Видина и Нисы до Адріанополя и самаго Царьграда путь открытый и свободный остается». Нельзя еще разъ не видѣть, что отъ мысли о Босфорѣ Остерманъ на то время былъ далекъ.

Столица цесаря зато—одинъ неописанный восторгъ. «Я, говоритъ очевидецъ, никогда не видѣлъ столь великой радости въ Вѣнѣ: ликованіе, въ самыхъ живыхъ и блестящихъ краскахъ, изображалось на лицѣ каждаго» *). Учащенныя моленія Вѣны все время раньше утверждали теперь еще разъ признаніе стараго императора

*) La-Lande, IV, 536. Чѣмъ кончилось это движеніе сербовъ и болгаръ, увидимъ ниже: за легкое довѣріе заплатили поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Австрію. По любопытна иная картинка изъ половины XVI вѣка: простой сербъ и отсутствіе вѣры въ могущество Австріи. Одинъ молдованинъ въ 1565 году упрекалъ какъ-то простаго серба, чего сербы не поддадутся Австріи? Но тотъ отвѣчалъ (словами документа): «цесарь не можетъ себе и свои земли оборонити; ни яко же насъ да оборонить, понеже суть май (т. е. болѣе, изъ румынскаго) ближе турци до Беча (Вѣны), нижли до насъ, да если не може тоти люди и тоти замки оборонити, а насъ како можеть»? (Hurmuzaki, Docum., Supl. II, vol. I, № 128). По, мы видѣли, слабый цесарь никогда не забывалъ политики соблазненія «малыхъ сихъ» — румынъ и славянъ за Дунаемъ, а впереди этого всегда — «благочестивые слуги Божьи», говоря языкомъ указ. диплома 1701 г. Къ половинѣ XVII в. усиленно соблазнялъ болгаръ епископъ Петръ Парчевичъ, цесарскій посолъ у Богдана Хмѣльницкаго. См. «P. v. Parchevich, Erzbischof von Martianopel», von J. Pejacsevich, Wien, 1880, 156. Кстати, были въ обиліи свои славяне, всегда, за исключеніемъ многострадальныхъ чеховъ, охочіе пособники всякаго соблазненія своихъ православныхъ братьевъ, на учетъ Австріи. Жалкая роль, а они еще готовы гордиться ею! — Наоборотъ, сосѣдка Польша, ища протянуть свой протекторатъ съ Молдавіи и на Валахію, къ Босфору не стремилась; а если иногда турка пугали и ею, то это были мы. Бѣдная Москва, выйдя изъ польскаго лихолѣтья, необходимо искала чѣмъ бы отплатить врагу, а не только по старой, политической максимѣ польской, что «Moskwa—ta wszystek świat radaby na nas obaliła» (изъ Инструкціи 1633, Hurmuzaki, Docum. Supl. II, v. II, p. 604). Лѣтомъ 1614 года пріѣхалъ въ Сороки одинъ важный грекъ изъ Константинополя съ грозными новостями: «война у Польши па порогѣ; въ Бабѣ 20 тыс., другой паша съ 30 тыс. грековъ (болгаръ?); валахамъ и молдованамъ приказано готовиться; янычаре идутъ изъ Бѣлгорода, Киліи, а причина этой войны Москва». Съ массою подарковъ московскій посолъ изъ Кафы на кораблѣ прибылъ на Босфоръ, а великолѣпіе встрѣчи его было неслыханное. Два часа посолъ провелъ въ тайной бесѣдѣ съ султаномъ и такъ говорилъ ему: «Государь, ты молодъ, спишь среди своихъ дѣлъ и не знаешь, что̀ тебѣ приготовляютъ; у поля-

Уже въ день перехода границы, въ Вѣнѣ съ 7 часовъ утра соборный колоколъ св. Стефана приглашалъ населеніе столицы пасть на колѣни и молиться, а къ полудню торжественная процессія отъ цесарской усыпальницы въ монастырѣ августиновъ къ собору наполнила улицы Въ этомъ движеніи участвовало все духовенство, дворъ, чины, цехи, школы, массы народа. На площади св. Стефана придворный іезуитъ Пейкартъ въ горячей рѣчи воспламенялъ религіозное чувство противъ невѣрныхъ... Послѣ этого дня въ столицѣ и провинціи по всѣмъ церквямъ не прекращались молебствія *). Понятно, со взятіемъ Ниша, съ открытіемъ, какъ надѣялись всѣ, прямаго пути къ Св. Софіи, молитвенное усердіе усугубилось въ первомъ же военномъ дѣлѣ послышался сочувственный откликъ. Наконецъ, на память о Нишѣ появилась торжественная латинская ода, какъ нѣкогда, въ оные славные дни Евгенія—Гинтера **).

ковъ намѣреніе - взявши твою землю (мы уже безсильны противъ нихъ), выгнать тебя изъ Царьграда, а потому прими мѣры во время. Татаре въ Польшу, а мы тебѣ поможемъ: казанскія, астраханскія орды—твои» (тамъ же, № 197).

*) La-Lande, IV, 564. Наружное благочестіе заботливо воспитывалось іезуитами въ улицѣ. Какою некатолическою страною, еще недавно, были земли Чешской короны, но въ нашу эпоху обѣдни за годъ въ большихъ церквяхъ считались десятками тысячъ, исповѣдники миліонами. Прага въ тѣ времена былъ городъ съ незначительнымъ населеніемъ. Но въ 1727 г. при одномъ соборномъ храмѣ св. Вита было читанныхъ обѣденъ 51,352, а причастниковъ—2,556,015 душъ («Posstowské Nowiny» за 1728 г. № 2), т. е. больше, чѣмъ сколько было всего населенія Чешскаго королевства. Но сколько церквей было тогда въ Прагѣ, щедро закрытыхъ при импер. Іосифѣ II! Конечно, не старцы и старицы составляли тѣ миліоны одного прихода, отмѣченные въ вѣдомостяхъ,—шла вся улица и не одинъ разъ въ году, но не всегда искренне. Одинъ примѣръ. Въ 1733 году крестьянинъ Гаекъ, 36 лѣтъ, былъ уличенъ, по доносу, какъ обыкновенно, въ имѣніи еретическихъ книгъ. Съ 30 односельчанами онъ брошенъ въ тюрьму, а книги сожжены. На первомъ допросѣ солдаты бьютъ, на второмъ—еще усерднѣе, ибо «обнаружилось, говоритъ протоколъ, что Гаекъ давалъ деньги на изданіе Вратиславскаго канціонала». Подъ розгами онъ далъ запись, что возвращается въ лоно католической церкви и втеченіе полугода ежемѣсячно исповѣдывается. Позже, зная, что послѣ записи объ исповѣди за отступничество ждетъ рука палача, онъ бѣжалъ въ Пруссію. (Земскій Архивъ въ Прагѣ, «Haereticalia»).

**) «Sinnreiche», по замѣчанію «Die n. Europ. Fama», 26 Th., p. 143. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ пустыхъ стиховъ:

Но какъ разъ въ эти минуты Остерманъ у себя на Сѣверѣ и нарекалъ на союзника: «намъ отъ тѣхъ дѣйствъ никакого облегченія не было»...

Тогда же, въ разгаръ ликованій, «въ Вѣнѣ, свидѣтельствуетъ очевидецъ, увѣряли также о великихъ успѣхахъ надъ невѣрными и въ Молдавіи, Валахіи и Босніи»*). Но, увы! тамъ было далеко до простыхъ успѣховъ, не то, что до «великихъ»! Правильно говоря, не велики были успѣхи и главной арміи, помимо того, что никто не могъ ручаться, что̀ принесетъ завтра.

Партизанскіе отряды спустились до Прокопля и Печи (Ипекъ), гдѣ сербскій патріархъ, какъ мы видѣли, по легкомыслію, поспѣшилъ примкнуть къ имперцамъ, увлекши за собою и своихъ въ Старой Сербіи. Сербскіе добровольцы успѣли захватить и Пиротъ, на югъ отъ Ниша, были близь Софіи. Но тутъ и все.

Армія Секендорфа разсыпалась въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Сербіи, легко сбивая турецкіе караулы по самый Новый Базаръ, но ничего крупнаго произвести не могла, не встрѣчая нигдѣ турокъ, какъ арміи. Далеко генералъ не ушелъ. Нѣкоторый моральный успѣхъ — въ поднятіи мѣстами сербовъ и отчасти болгаръ. Между тѣмъ турки, все отступая на лѣвомъ флангѣ, стягивались къ Видину, куда самъ визирь изъ Картала приказывалъ — держаться, пока онъ не подойдетъ. Въ то же время туркамъ изъ Видина улыбалась возможность уничтожить береговые магазины на Дунаѣ. Чтобы предупредить грозящую здѣсь опасность, уже въ іюлѣ былъ отряженъ туда Кевенгюлеръ, съ приказаніемъ—начать осаду крѣпости. Къ Видину потянулась и бездѣйствовавшая у Бѣлграда вѣнская флотилія Палавичини.

Такимъ образомъ, «бо́льшая» армія расползлась, и по неволѣ пришлось возвратиться, только поздно, къ отставленному

Austriacis aquilis conspectis Turcica Luna
Palluit et Nissam sponte valere jubet....
Laetis auspiciis en! Seckendorfius heros
Austriaci Soli fulgida signa gerit»... (т. же).

Т. е., при видѣ австрійскихъ орловъ поблѣднѣла турецкая луна и приказываетъ Нишу проститься добровольно... Вотъ, герой Секендорфъ, при отрадномъ починѣ, несетъ сверкающія знамена впереди австрійскаго солнца.

*) La Lande, IV, 563.

плану, заняться Видиномъ. Столбовую дорогу на Босфоръ надо было бросить; только въ Нишѣ оставленъ небольшой гарнизонъ, съ генераломъ Доксатомъ во главѣ. Луна поблѣднѣла, да несовсѣмъ: тучка надошла...

Но много хуже были дѣла въ лѣвой, небольшой арміи гр. Валиса, «несильной», какъ вѣрно замѣтилъ, еще при самомъ открытіи австрійскихъ военныхъ дѣйствій, Остерманъ, поправляя своихъ сотрудниковъ въ Немировѣ—не во всемъ вѣрить австрійцамъ. Она предназначалась для крупной операціи — для занятія Валахіи и сѣверной Молдавіи, въ надеждѣ, впрочемъ, на народное возстаніе, при первомъ появленіи освободителей изъ-за Карпатъ.

Въ Валахіи поджидалъ австрійцевъ знакомый намъ Конст. Маврокордато, не безъ волненія, но прекрасно освѣдомленный о всѣхъ ихъ планахъ, благодаря отлично организованному шпіонству, если вѣрить словамъ его лейбъ-хрониста, секретаря. Въ Яссахъ—князь Гика, частный «медіаторъ» по Немирову, совсѣмъ не ожидалъ—будучи занятъ тоже конгресомъ.

По вѣрному замѣчанію Дапонтеса, австрійцы «поступили безъ разсужденія, разбивъ свои силы на множество отрядовъ, не ожидая оборота ближайшихъ событій». Ошибочность этой системы испыталъ на себѣ и Валисъ, между тѣмъ какъ задачи у него были серьезныя и требовали сосредоточенныхъ силъ.

Мы видѣли, уже 13 іюля Лупулъ изъ Кишинева съ горечью извѣщалъ въ Немировъ, что австрійцы заняли Валахію и Сочавскій уѣздъ Молдавіи, и тогда же, но нѣсколько преувеличивая успѣхъ, сообщали о томъ же и австрійскіе полномочные (стр. 240).

Дѣйствительно, въ ночь съ 1-го на 2-ое іюля (по ст. ст., день осады Очакова) передовой отрядъ арміи гр. Валиса, подъ начальствомъ генер. Гилани (нѣмцы и мадьярская милиція), чрезъ малодоступный Теплугскій проходъ вторгся изъ Трансильваніи въ турецкую Валахію и, послѣ кровавой схватки, занялъ Кымпо-Лунго, затѣмъ Тырговиште, Питешты, направляясь къ столицѣ, Букарешту.

Визирь, прикованный къ нижнему Дунаю, не смотря на предувѣдомленія князя, не вѣрилъ въ возможность вторженія, да

и былъ слабъ. Валахія была безъ войскъ*). Іюль, бояре были заняты жатвою по своимъ вотчинамъ. Князь съ семьею удалился въ Вакарешты, откуда въ Олтеницу на Дунаѣ; его свита разсѣялась, куда глаза глядѣли.

Визирь на Дунаѣ въ Карталѣ, министры на самомъ Босфорѣ были озадачены, растерялись.

«Въ то время, доносилъ Вильневъ 18/29 іюля, какъ визирь ожидалъ получить извѣстіе объ открытіи конгреса, онъ узнаетъ, что императорскія войска вошли въ Валахію и рѣшили наложить контрибуцію на Молдавію: ген. Валисъ письмомъ къ князю Гикѣ потребовалъ 50 кошельковъ въ три мѣсяца. Министры Порты, не будучи въ состояніи болѣе сомнѣваться въ намѣреніяхъ императора, постановили: послать отъ меня г. Тота и вручить ему письмо съ просьбой о медіаціи Франціи».

Но подробнѣе о первомъ впечатлѣніи тогда же въ письмѣ къ министру.

«При первыхъ слухахъ, появившихся въ лагерѣ, что императорскія войска только что вошли въ Валахію, кехайя, пишетъ Вильневъ, приказалъ пригласить г. де-Ларіа и сообщилъ ему набросокъ письма, которое визирь имѣлъ послать кард. Флери, прося о медіаціи его в-ва. Его оставили тамъ, такъ какъ еще сомнѣвались въ справедливости извѣстій о движеніи тѣхъ войскъ. Но когда слухи о разрывѣ съ Портою подтвердились, когда ген. Валисъ, войдя въ Валахію, потребовалъ и отъ князя Молдавіи взнести въ три недѣли 150 кошельковъ, министры Порты не колебались долѣе пустить въ дѣло письмо, слѣдуемое у сего. Я адресую его вмѣстѣ съ переводомъ кардиналу Флери, а самъ Тотъ будетъ его вручителемъ. Онъ прибылъ сюда

---

*) Il Signore Iddio, продолжаетъ баилъ Контарини 27/7 августа, говоря о вторженіи въ Валахію Валиса, che vuole castigare la superbia di questa gente (турокъ) le diede un sovrano debole con ministri senza condotta e senza valore. Reca stupore (удивляетъ) l'intendere che in Cartal appresso il Primo Vizir, non vi essistessero ne passati giorni che soli 15 mila huomini, avendo sparsa la propria militia in varri distaccamenti...» (Hurmuzaki, Docum., v. IX, p. I, № 772), что только позже визирь выдѣлилъ 2 тысячи для Валахіи. 20 пушекъ отправлено раньше изъ Константинополя, по словамъ того же, въ донесеніи отъ 25/5 августа (тамъ же № 771).

16/27 этого мѣсяца, и я тотчасъ же приказалъ приготовить королевскую яхту, которая немедленно подыметъ паруса» *).

Графъ Валисъ поспѣшилъ пригласить населеніе поддаться императору.

Въ княжествѣ, по словамъ Дапонтеса, близилась анархія; всякія сообщенія были пресѣчены, «почти революція». Правда, болѣе видные изъ бояръ объявили себя за Австрію и тотчасъ же отправили пословъ къ Гилани, въ Котрочены, съ «заявленіемъ подданства», но только: всѣ остальные страшились отместки турокъ и не двигались. Попытка повсюду рыскавшихъ гусаръ захватить Маврокордата не удалась: онъ въ глухую ночь, съ небольшимъ числомъ своихъ грековъ, переправился въ Туртукай, на болгарскій берегъ Дуная.

Но прошло первое впечатлѣніе, зашевелился и неподвижный визирь, чтобы очистить оба господарства.

«Нѣмцы, доносилъ де-Ларіа Вильневу 20/31 іюля изъ Картала, совсѣмъ далеки отъ намѣренія выйти изъ Молдавіи и Валахіи, какъ пронесся было слухъ; напротивъ, послали туда новыя войска, и по всѣмъ ихъ движеніямъ и письмамъ видно, что они разсматриваютъ уже обѣ эти провинціи, какъ бы онѣ имъ принадлежали. Гр. Валисъ арестовалъ курьера къ нему отъ князя Маврокордата и объявилъ, что онъ не выпуститъ его раньше, чѣмъ не узнаетъ, что всѣ бояре, которые при князѣ, уже возвратились домой, чтобы жить подъ защитою австрійскаго дома, въ качествѣ его вѣрноподданныхъ. Но князю послали пашу съ нѣкоторымъ количествомъ войскъ при 4 орудіяхъ, и съ этою подмогою онъ надѣется держаться не дурно. Кажется, князь Валахіи особенно не въ милости. Съ княземъ Молдавіи поступили милостивѣе, назначивъ контрибуцію. И послѣдній потребовалъ войскъ, которыя ему и посланы, а самъ онъ на свои средства снарядилъ 1000 человѣкъ. Вчера двинуто отсюда къ Бендерамъ 6 тысячъ янычаръ» **).

Правда, 24 іюля легкій австрійскій отрядъ занялъ самый Бухарештъ; но въ ту же ночь онъ поспѣшилъ назадъ, а, въ слѣдъ за нимъ, въ свою столицу явился и бѣглецъ Маврокордато, теперь уже съ турецкою подмогою — съ боснявами.

---

*) Hurmuzaki, Documente, Supl. I, v. I, № 739, 736.

**) Тамъ-же, № 738.

«Такимъ образомъ, говоритъ современный публицистъ, валашскіе бояре отнюдь не питали такой склонности къ императорскимъ интересамъ, какъ это морочили они раньше, и ген. Гилани долженъ былъ оттянуться къ Тырговишту»*), т. е. поближе къ Трансильваніи.

Теперь, на пространствѣ между Букарештомъ и Тырговиштемъ, открылись мелкія, но кровавыя схватки босняковъ съ гусарами, и отсѣченныя «нѣмецкія головы», при щедромъ награжденіи за храбрость отъ самого Маврокордата, почти что ежедневно отсылались въ мѣшкахъ къ великому визирю за Дунай. Правда, при извѣстіи о вторженіи австрійцевъ въ Боснію, бóльшая часть босняковъ оставила Маврокордата и ушла домой; но подоспѣли новые турки, «и у князя уже поднялся вопросъ о полномъ очищеніи Валахіи отъ австрійцевъ». Самъ гр. Валисъ отошелъ въ австрійскую Валахію, къ Ватовсилу, что́ противъ Видина **).

Въ такомъ положеніи засталъ дѣла въ Валахіи августъ мѣсяцъ. Но это было время, когда на далекомъ Сѣверѣ Остерманъ составлялъ «секретнѣйшій рескриптъ» отъ 26 іюля для нашихъ немировскихъ полномочныхъ, приглашая ихъ сдѣлать смѣлый шагъ—поднять раньше всего на конгресѣ вопросъ объ «индепенденціи» Молдавіи и Валахіи. Ему пришлось придумывать и казуистическія основанія для такого шага, почему союзнику этотъ пріемъ не можетъ быть «противенъ»: что княжества «до сего времени еще цесаремъ не взяты, въ обладаніи его не находятся», что «до сего времени ни малѣйше не отзываюсь, чтобъ его намѣреніе къ овладѣнію тѣхъ княженій касалось». Но оказалось, кабинетныя соображенія Остермана дѣйствительности не противурѣчили. При иныхъ обстоятельствахъ, можно бы было увидѣть въ словахъ Остермана злую иронію надъ судьбою союзника тамъ, гдѣ тотъ мечталъ дать матъ его румынской и, вообще, турецкой политикѣ: «надежная плотина», т. е. Россія, для него болѣе нужна не будетъ.

Но хуже всего было съ арміей принца Гилдбурггаузена,

---

*) «Die n. Europ. Fama», 26. Th. 152—«als sie wohl vorgeben».

**) Событія въ Валахіи — Dapontes, Ephémérides Daces, II, 9—32. Показанія придворнаго хрониста и донесенія посла Венеціи въ Константинополѣ согласны между собою.

который вошелъ въ западную Боснію чрезъ Саву, у Градишки. Здѣсь первая встрѣча и—неудача. Открылась осада небольшой крѣпостцы—Баньи-Луки и—пораженіе: пришлось отступить. Оказались, по словамъ «Die neue Europ. Fama», «опасныя обстоятельства»: императоръ расчитывалъ на сочувствіе простаго народа, но нашелъ дурное расположеніе его къ себѣ («die üble Neigung der Einwohner»). Надо думать, со стороны громаднаго большинства, т. е. православныхъ, такъ какъ духовныя дѣти францисканцевъ, подготовлявшихъ почву исподдоволь для Австріи, не могли быть противъ оккупаціи. Монахи этого ордена, и обыкновенно изъ хорватовъ, всегда были авангардомъ Австріи: и въ Босніи, и въ Валахіи, и въ Болгаріи *).

По свидѣтельству очевидца, извѣстіе о неудачѣ подъ Баньей-Лукой, но нѣсколько преувеличенное, объяло ужасомъ Вѣну. «Это извѣстіе, продолжаетъ онъ, было какъ бы печальнымъ предзнаменованіемъ тѣхъ потерь, которыя послѣдовали позже, тѣхъ бѣдствій, которымъ подверглись позже императорскія войска **).

Наконецъ, во всѣхъ арміяхъ солдаты охотно дезертирова-

---

*) Новѣйшее изслѣдованіе хорватскаго академика, о. E. Fermendžina: «Martirija naših Franjevaca u XVI u XVII vieku», которое имѣетъ появиться въ изданіи Загребской Академіи «Starine» (1897), судя по заглавію, вѣроятно, нѣсколько одностороние. Прибавимъ, что знаменитый воспроизводитель сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ въ прошломъ столѣтіи, Качичь-Міошичь, былъ также францисканскій монахъ и современникъ австро-турецкой войны 1737—39 года. «Избранный, говоритъ извѣстный хорватскій историкъ, недавно умершій аббатъ Симо Любичь, въ Римѣ апостольскимъ легатомъ для Далмаціи, Босніи и Герцеговины, Качичь выполнилъ внимательно и точно свои обязанности, съ большимъ успѣхомъ для христіанскихъ дѣлъ» («Ogledalo književne poviesti Jugoslavjanske», II, 419). По Шафарику («Geschichte der südslaw. Literatur». II, 139), цѣль знаменитаго «Razgovor ugodni» Качичя—пробудить народное чувство у сербовъ, т. е., тоже, что и у извѣстнаго монаха Паисія, современника Качичя, относительно своихъ, болгаръ. (Ср. совмѣстное изданіе наше и А. В. Лонгинова: «Історія славено-болгарская и о царѣхъ...», въ Зап. Импер. Общ. Ист. и Др. въ Одессѣ, т. XVI). Не вполнѣ установленъ годъ перваго изданія «Razgovor»'а (1752?). По интереснѣе—опредѣлить время созданія самыхъ пѣсенъ. Не падаетъ ли оно, хотя началомъ, въ первую половину 30-хъ годовъ XVIII ст.? Поэтъ же родился въ 1690 г. Не забудемъ, что съ 1718 года Австрія твердою ногою стала за Дунаемъ, хотя и въ ограниченной межѣ, отказавшись по неволѣ, пока, отъ бóльшаго.

**) La-Lande, IV, 569.

ли. Мы видѣли на Вѣнѣ, какими особыми способами вербовались люди и какой элементъ потому попадалъ въ ряды. Открылись и болѣзни—вездѣ всегдашній спутникъ походовъ на нижній Дунай и на Балканы въ знойные, лѣтніе мѣсяцы: лихорадка, поносъ; но онѣ подготовляли почву для болѣе страшной, уже приближавшейся гостьи—чумы. Въ началѣ октября чума объявилась въ Букарештѣ, и первый случай ея—во дворцѣ самого Маврокордата, а чрезъ немного недѣль она была занесена евреями-бѣглецами изъ Плоештъ уже въ Трансильванію, въ Германштадтъ и его околицу *).

Такимъ образомъ, съ весьма небольшимъ запасомъ успѣховъ на мѣстѣ дѣйствій (Нишъ, приподнявшіеся сербы и болгаре), съ некрупнымъ безкровнымъ «преуспѣяніемъ», появились австрійцы въ Немировъ, на конгресъ мира, не говоря о томъ, что ихъ неудачи въ Валахіи и Босніи могли вполнѣ уничтожать значеніе и тѣхъ успѣховъ. Они явились формально, чтобы помочь намъ уладить наши «разнствія» съ Турціей, осуществить мысли Инструкціи 14-го іюня, какъ это было расчитывалъ Остерманъ, которому видѣлись въ началѣ однѣ «добрыя диспозиціи»; на дѣлѣ же, чтобы попытать довершить Пожаревацкій договоръ, достичь своихъ завѣтныхъ цѣлей на Юго-Востокѣ, но который именно теперь былъ такъ близокъ сердцу Остермана, выработавшаго для него, для его постепеннаго освобожденія изъ-подъ власти турокъ, свою великую формулу—объ «индепенденціи».

Ясно, разные взгляды «въ разсужденіи о Турецкомъ государствѣ» существовали у обоихъ виновниковъ «альянца» 1726 года, у Остермана и у цесаря Карла: тутъ освобожденіе, тамъ новое порабощеніе. Живой примѣръ на Сербіи, послѣ 1718 г.: негодующій вопль заключилъ владычество Карла **).

---

*) Ephém. Daces, II, 38. Hurmuzaki, Documente, vol. IX, p. I, № 776, донесеніе венеціанскаго посла изъ Вѣны 10/21 декабря: «Я долженъ съ прискорбіемъ извѣстить о постоянно дурныхъ свѣдѣніяхъ относительно заразительной болѣзни, открывшейся въ Трансильваніи, гдѣ она все болѣе развивается. Занесена изъ турецкой Валахіи, сначала въ 2 деревни; теперь въ пяти ..». Ср его же, № 777, отъ 28 дек., опасеніе разнесенія чумы черезъ ярмарку въ Лейпцигѣ: «сюда бываютъ и валахи изъ Трансильваніи».

**) Намѣренно въ невѣжествѣ держались попы; ихъ службою «не толико славить се, елико хулить се Богъ», говоритъ современный актъ. Но зато въ 22 года болѣе половины этихъ невѣждъ перешло въ Унію. (Гласник Срп. У. Др., 56, 120). Рѣзкая жалоба имп. Аннѣ сербовъ ib. 73, 328.

Что́ станетъ съ конгресомъ мира въ Немировѣ, каковъ будетъ его финалъ—не трудно предугадать.

Въ ликующемъ упоеніи отъ первыхъ скромныхъ успѣховъ за Дунаемъ Вѣна ласкала себя мыслію, что въ Немировѣ она найдетъ второй Пожаревацъ: новый договоръ будетъ развитіемъ, дополненіемъ стараго, недостаточнаго. Не могли еще долго отрезвить ее неудачи и въ Босніи, и въ Валахіи, хотя въ первое время чувствовались онѣ и больно.

Внѣшняя обстановка какъ бы нарочно поддерживала пріятную мечту.

Тотъ же захолустный городокъ и теперь, какъ въ 1718 г

Та же идиллія: тѣ-же роскошные шатры лѣтнею порою, подъ открытымъ небомъ; можно все дѣлать, не спѣша и съ удобствомъ. Гостепріимные хозяева, поляки, не позабыли даже выписать массу прекраснаго вина изъ Варшавы *).

На́конецъ, тотъ же испытанный дипломатъ, бар. Талманъ, работавшій надъ Пожаревацкимъ договоромъ, хотя и во второй роли, имѣлъ фигурировать и въ Немировѣ. Понятно, почему Вѣна такъ упорно отстаивала своего избранника противъ Остермана, требовавшаго — не являться Талману въ Немировъ. За Талманомъ многолѣтній опытъ, знаніе турокъ, полное пониманіе политики Австріи по Юго-Востоку, ея вожделѣній. Какъ ни скрытничала Вѣна, но на сторонѣ дознали, что главный мотивъ, разрѣшившій колебанія Карла VI—не допустить союзника до Дуная, самому овладѣть, наконецъ, Валахіей и Молдавіей, восполнить пробѣлъ Евгенія Савойскаго.

Но была и разница со временемъ 20 лѣтъ назадъ.

Пожаревацкому договору предшествовало разбитіе визиря, взятіе огромной крѣпости — Бѣлграда. А теперь? Капитуляція крѣпостцы, самихъ же турокъ еще не видѣли; пока были одни босняки, хотя и опасные.

Правда, одинъ крупный шансъ былъ въ рукахъ: совмѣстная дѣятельность съ Россіей, союзникомъ, который былъ не безъ видныхъ успѣховъ: Азовъ, Очаковъ и страхъ, нагнанный на Крымъ.

---

*) Die neue Europ. Fama, 29 Theil, p. 442.

Какъ ни зампналъ Остерманъ политическое значеніе Очакова, но оно было ясно для всѣхъ. «Итакъ, говорилъ кардиналъ Флери, Очаковъ въ рукахъ москвитянъ; стало быть, входъ въ Крымъ открытъ» *), т. е. опасность и Босфору.

Но. союзъ, даже Священный, теперь только на словахъ, хотя объявленный торжественно и открыто; на дѣлѣ — взаимное опасеніе, недовѣріе; у Австріи одно желаніе—воспользоваться Россіей. Немного времени на конгресѣ, и обнаружился сейчасъ же конфликтъ воззрѣній, а не единеніе, «въ разсужденіи о Турецкомъ государствѣ». Виды прежде всего скрещивались на нижнемъ Дунаѣ, враждебно встрѣчались въ вопросѣ о судьбахъ Молдавіи и Валахіи. Подозрѣніе у Остермана было давно: но «горькій случай», по выраженію кишиневца Лупула, вскрылъ намѣреніе; послѣдовало, наконецъ, и прямое притязаніе: «все тамъ мое».

Но поведеніе Австріи еще до начала конгреса, ея фальшь и эгоизмъ, нѣсколько удивляло самихъ руководителей турокъ. «14 іюля всѣ полномочные должны были собраться, писалъ французскій агентъ при визирѣ въ Карталѣ, де-Ларіа, Вильневу 20 іюля. Не знаютъ, какъ распутаются всѣ эти дѣла. Австрійцы захватываютъ Молдавію и Валахію, хотятъ осадить Нишъ, входятъ въ Боснію, а въ то же время ихъ министры объявляютъ, что у нихъ одно стремленіе — получить прочный и надежный миръ, если союзникъ удовольствуется Азовомъ» **).

Раздраженіемъ начался конгресъ.

Умному, лукавому противнику обоихъ членовъ-союзниковъ конгреса естественно было, сближаясь наружно то съ однимъ, то съ другимъ, «о раздѣленіи союза равномѣрные опыты чинить», какъ мѣтко выразился Остерманъ, пытаться одного парализовать другимъ, протянуть дѣло и—провести. Этимъ онъ пріобрѣталъ возможность вопросъ объ удовлетвореніи главной стороны, Россіи, обставить болѣе выгодными для себя условіями, перевести его на иное время и миръ «подешевле купить», по мѣткому выраженію того же Остермана. А къ этой единой цѣли и стремился руководитель турокъ, Вильневъ.

Въ первые же дни турки имѣли крупный шансъ въ свою пользу. Но положеніе ихъ особенно улучшилось по открытіи

*) Hurmuzaki, Documente, vol. IX, p. I, № 745.
**) Тамъ же, № 738.

конгреса (5-го августа), когда вблизи, на Дунаѣ, всѣмъ стало извѣстно и отступленіе Миниха, и очистка австрійцами Валахіи, а сейчасъ позже и Молдавіи. Напрасно мы такъ обвиняли тогда полк. Беренклау «за ложныя разглашенія о арміи русской», т. е. Миниха, какъ выражался въ Вѣнѣ посолъ Ланчинскій. «Турція спасена», могъ вскорѣ объявить горячій печальникъ о ней, Вильневъ.

«Де-Ларіа, пишетъ Вильневъ въ Парижъ, меня увѣдомляетъ изъ Картала отъ 4 сентября (по ст. ст. 24 августа), что въ лагерь прибыли два курьера отъ князя Молдавіи съ извѣстіемъ, что нѣмцы очистили эту провинцію и отступили въ Трансильванію. Де-Ларіа присовокупляетъ, что двое московскихъ плѣнныхъ, приведенные въ лагерь, того же дня показали, что гр. Минихъ получилъ указъ — отвести армію въ Украину, что вслѣдствіе этого онъ снялся съ окрестностей Буга и большими переходами идетъ къ Днѣпру и уже долженъ былъ перейти эту рѣку». Мы видѣли, что дѣйствительно въ началѣ октября Минихъ былъ за Днѣпромъ, а объ его отступленіи, со словъ также плѣнныхъ, писалъ много раньше Орликъ.

«Если, заключаетъ какъ бы еще недовѣрявшій своему счастію Вильневъ, эти извѣстія справедливы, то есть мѣсто для надежды, что въ будущемъ году явится возможность доставить туркамъ подходящій миръ (procurer une paix convenable), такъ какъ на будущую весну они были бы въ состояніи стать лицемъ къ лицу съ ихъ непріятелями» *).

Но, естественно, теперь, при оставленіи нами Степи, у самихъ турокъ могло явиться желаніе—и не дожидаясь весны, во время самаго конгреса, какъ поступали ихъ противники, «стать лицемъ къ лицу» съ послѣдними.

Правда, эта «отважная» мысль, всполошивъ конгресъ, не пошла далѣе предположенія. Но позже, послѣ необходимаго разрыва конгреса, турки не остановились предъ отчаяннымъ, въ глухую осень, походомъ на Очаковъ, чтобы осадить и взять его, и такимъ образомъ, вырвавъ его изъ рукъ нашихъ, свести къ нулю тяжелые успѣхи наши въ кампанію 1737 года. Это имъ не удалось; зато съ австрійцами имъ повезло и зимою: былъ отомщенъ «горькій случай»—опустошеніе обоихъ дунайскихъ княжествъ.

---

*) Hurmuzaki, Documente, v. IX, p I, № 742.

Слишкомъ рано занялась Австрія, и украдкой отъ насъ, дѣлежемъ Турціи: горько пришлось заплатить ей за свой ошибочный расчетъ. Остерманъ также рано понялъ настоящее положеніе дѣлъ въ Немировѣ, рано остановился на рѣзкой мѣрѣ — на отдѣльномъ, «своемъ» мирѣ съ Портою. Но хитраго турка провести нельзя было: было поздно, карты вскрыты.

«Какія церемоніи, какая комедія была», писалъ какъ-то польскій посолъ къ Портѣ еще въ 1602 году, по поводу турецкаго этикета *). Церемоніями преисполнилось и все первое время конгреса, періодъ «свѣтскихъ учтивыхъ разговоровъ», говоря языкомъ нашихъ полномочныхъ. Тратилось время, но для турка не безцѣльно.

Церемоніи открылись пышной комедіей самаго въѣзда. Турецкому вкусу вторили вкусы мѣстной шляхты брацлавскаго воеводства, только что оставившей свою революцію. Эту комедію обстоятельно описываетъ современный нѣмецкій журналъ, съ явною усмѣшкой.

Въѣздъ турокъ въ Немировъ, говоритъ онъ, былъ очень пышенъ.

Процесію открывала вся шляхта воеводства, въ богатомъ нарядѣ, на богатыхъ коняхъ. За нею 120 драгунъ, турецкій толмачъ и пажи. Затѣмъ—третій полномочный, Мустафа, 12 бѣлыхъ пажей и 10 коней; далѣе—второй полномочный, Метиней и, наконецъ, самъ рейсъ-ефенди, при 30-ти коняхъ и конюхахъ. Въ хвостѣ 400 туровъ изъ прислуги **).

Послѣдовалъ періодъ самыхъ церемоній.

«Съ 14/25 іюля и по 3 августа, продолжаетъ тотъ же журналъ, одни только учтивости, посѣщенія; но чрезъ своего секретаря турки любезно объявили уполномоченнымъ, что они готовы открыть конференціи, съ просьбой—предложить имъ условія мира, а старый другъ ихъ, Талманъ—полное ручательство искренняго желанія мира съ ихъ стороны» ***).

---

*) Тамъ же, Supl. II, v. II, № 81.

**) Die neue Europ. Fama, 29 Theil, p. 440, сл.

***) Тамъ же, 442.

Для самыхъ конференцій была приготовлена огромная палатка, гдѣ свободно могли помѣститься 60 человѣкъ. У входа стоялъ польскій караулъ въ 50 драгунъ. Въ срединѣ палатки былъ, по требованію нашихъ полномочныхъ, поставленъ равносторонній столъ: «а о квадратномъ столѣ въ конференціяхъ, писали имъ позже изъ Петербурга, ваше представленіе апробуемъ». Наконецъ, для выѣздовъ на конференціи у нашихъ были назначены «богатые наряды», а «люди въ лучшей ливреѣ».

Но до періода конференцій было еще далеко, а между тѣмъ до нихъ открылись недоразумѣнія между союзниками.

Еще въ свѣжей памяти былъ конгресъ въ Суасонѣ. Его открывалъ представитель Карла VI, гр. Синцендорфъ. И по этому, и по тому, что самъ Остерманъ признавалъ австрійцевъ заводчиками конгреса въ Немировѣ, было естественно, если австріецъ, гр. Остейнъ, пожелалъ первенствовать, руководить; но первое слово нашихъ—жалобы на графа, на его пріемы.

Уже 21 іюля они жалуются на «высокомѣрные поступки гр. Остейна», именно—«въ понужденіи насъ объявить посольскій характеръ, не справяся съ турками, и къ учиненію къ нимъ визиты». Но этого мало: «отъ частыхъ его сношеній съ турками были мы небезподозрительны и принуждены нашлись съ нимъ изъясниться». Въ дѣйствіяхъ графа они увидѣли прежде всего пріемы медіатора, а между тѣмъ отъ Остермана всегда одно требованіе—блюсти согласіе, но чтобы не было ни слѣда медіаціи, ни откуда.

«Весьма потребно, указывалось заново въ рескриптѣ отъ 27 іюля, для важности дѣлъ и для общихъ интересовъ со всевозможною осторожностію отдаляться отъ всякихъ случаевъ, которые бы къ какой студености, а паче къ несогласію поводъ подать могли». Но въ виду того, что въ Карталѣ все сидѣли у визиря приглашенные имъ медіаторы, послы Англіи и Голландіи, рескриптъ продолжаетъ: «о дѣлѣ голландской медіаціи вы о нашемъ соизволеніи уже извѣстны; оная медіація толь наипаче нынѣ несходственна будетъ, понеже изъ писемъ посла Калкуна немалая внутренняя злоба и парціальство къ туркамъ присматривается».

Изъясненіе о высокомѣрныхъ поступкахъ гр. Остейна нашло полное одобреніе.

«Выговоры цесарскимъ министрамъ за пересылки ихъ съ турецкими, безъ вѣдома и сношенія со вами, одобряемъ», гово-

рилъ рескриптъ 3 августа, но съ выговоромъ и нашимъ: «надлежало бы вамъ съ самаго начала искать ихъ прекратить, представляя, что мы — обиженная отъ турокъ и главная воюющая сторона, а цесарь на конгресѣ—только содоговаривающаяся; потому прилично негоціацію чрезъ васъ произвесть, нежели чрезъ нихъ, а въ послѣдней мѣрѣ не иначе, какъ со всемѣрнаго, полнаго общаго свѣдома и согласія».

Но, какъ бы то ни было, если «содоговаривающаяся» сторона уже открыла частную практику, то отчего бы не послѣдовать за нею и намъ? И рескриптъ 3 августа требовалъ все ввести въ дѣло, чтобы только узнать о настоящихъ цѣляхъ турокъ—насколько они склонны къ миру и не проводятъ-ли. «Ежели цесарскіе министры безъ вашего сообщенія не вовсе деликатно поступили, то для чего вамъ съ своей стороны съ турками прямо не пересылаться, никакой причины не видно», но, понятно, пересылаться искусно, осторожно, «чтобы отъ того основательнаго подозрѣнія, а паче несогласія произойти не могло».

Остерманъ опасается несогласія по тому, что опасается разрыва конгреса, съ такимъ трудомъ налаженнаго, а между тѣмъ несогласіе на лице, только что не студенность, на лице и новыя открытія—«важныя затрудненія».

Если «поступки» гр. Остейна были названы Остерманомъ «не вовсе деликатными», то вновь вскрывшіяся дѣйствія его товарища, бар. Талмана, но изъ времени сейчасъ до Немирова, были въ его глазахъ прямо интригою, игрою въ руку туркамъ, противъ насъ. Оказалось, по предъявленіи турецкими министрами ихъ полномочій, что они и недостаточны, и формально неточны, именно по отношенію къ Австріи.

«Предъявленная турецкими министрами полная мочь, указывалъ рескриптъ 3 августа, не довольна для формальнаго трактата; въ ней говорится, что мы—зачинщики ссоры и чтобы сей миръ по старымъ границамъ заключенъ былъ». Въ виду этого наши имѣли требовать отъ турокъ «новую мочь, съ состояніемъ дѣла сходную, и цесарь въ ней, какъ содоговаривающаяся сторона, а не медіаторомъ обозначенъ быть долженъ». Не важно было обвиненіе насъ; это старый конёкъ турокъ, что «въ огненномъ распространеніи вина одной Россіи» (ср. выше, стр. 177); но важенъ терминъ—«старыя границы». Въ Петербургѣ справедливо

недоумѣваютъ: «для чего и по какимъ видамъ то учинено—весьма непонятно, развѣ тѣмъ мирную негоціацію затруднить и войну вдоль протянуть», какъ полагали и наши полномочные, почему вполнѣ одобряютъ ихъ мысль—все это въ лицѣ, безъ обиняковъ объяснить туркамъ. «Чтобы сіе, продолжалъ рескриптъ, турецкимъ министрамъ прямо выговорено было—не инако, какъ весьма полезно быть можетъ, дабы тѣмъ турокъ за цесарскими министрами ходить отвратить и видимую Талманову конфиденцію пресѣчь».

Въ послѣднихъ словахъ ясно отмѣченъ весь вредъ на мѣстѣ отъ втораго министра Австріи. Но Остерманъ идетъ далѣе своихъ немировскихъ сотрудниковъ и ту же руку Талмана, его злой умыселъ, видитъ и въ самомъ фактѣ недостаточности турецкихъ полномочій.

Нелишне предварительно вспомнить, что въ проектѣ мирныхъ условій для насъ, выработанныхъ Вѣною въ январѣ—«не въ указъ», намъ отводились именно старыя границы — по договору 1700 года (ср. выше, стр. 196). «Дѣла, продолжалъ рескриптъ, отстраняя снова назойливый вопросъ о медіаціи со стороны, только въ скорѣйшемъ заключеніи мира состоитъ, и ежели Порта къ тому прямое намѣреніе имѣетъ, то онъ безъ всякаго напраснаго времени продолженія учиненъ и заключенъ быть можетъ. Впрочемъ сіи въ турецкой полномочи важныя затрудненія не иному, какъ бар. Талману приписаны быть могутъ, и намъ въ томъ турецкіе поступки не такъ удивительны, какъ его, Талмана, потому что не можетъ быть, чтобъ турки не показали ему (т. е. въ періодъ послѣднихъ переговоровъ о конгресѣ) полномочи своихъ министровъ». Въ виду этого предположенія рескриптъ, припоминая старое, препоручалъ: «вы гр. Остейну о семъ прямо сообщить можете, съ прибавленіемъ, что полному оправданію всѣхъ нашихъ принесенныхъ на Толмана жалобъ и требованій—о неприсутствованіи его на конгресѣ, сей его поступокъ доволенъ, и сожалѣтельно есть, что безпрестанно такія, безъ всякой нашей вины, затрудненія и остановки происходятъ».

Итакъ, первый шагъ конгреса и—остановка. Но время дорого, и Остерманъ требуетъ воспользоваться и нежданною остановкою для дѣла: въ ожиданіи новыхъ полномочій послы должны «стараться съ турками въ какое сношеніе и знакомство, хотя

партикулярными свиданіями или пересылками, вступить», чтобъ только вывѣдать ихъ настоящія намѣренія, условія *).

Но и раньше этихъ намѣченныхъ пересылокъ вскрылись намѣренія турокъ — совсѣмъ ничего не дать Россіи, не только «подешевле».

Мы видѣли, Минихъ, взявъ Очаковъ, не долго могъ пробыть у давно желаннаго берега Чернаго моря.

Уже въ концѣ іюля «больная» его армія была за Бугомъ. Но еще 22 іюля, съ Буга, въ 100 верстахъ отъ Очакова, Минихъ писалъ въ Немировъ—не безпокоиться, что онъ «будетъ малыми маршами путь продолжать, пока, какъ онъ надѣется, турецкая армія его не встрѣтитъ, съ которой онъ, призвавъ Бога въ помощь, оружіемъ раздѣлиться намѣренъ». Въ послѣдующемъ письмѣ, отъ начала августа, онъ писалъ еще страннѣе, что, нѣсколько поправившись, онъ поворотитъ назадъ: что онъ у Буга, «провіанта травы, воды много, оттуда идетъ къ Лиману для отправленія флотиліи въ поискъ надъ непріятелемъ по берегамъ Чернаго моря».

Наши полномочные въ недоумѣніи; но, пересылая эти сообщенія Миниха, прибавляли отъ себя: «а по австрійскимъ извѣстіямъ Минихъ идетъ въ Украину». Это и было на дѣлѣ. По польскіе вѣстовщики вторили Миниху, и ихъ извѣстія были ужъ совсѣмъ невѣроятныя. «По польскимъ письмамъ, доносили наши 5 августа, Минихъ уже на полупути отъ Очакова къ Бендеру; кругомъ арміи татарѣ травы всѣ обожгли; однакожь въ здѣшнемъ климатѣ въ сентябрѣ можетъ новая трава быть еще лучше».

Скорѣе всего всѣ эти слухи были со стороны Миниха военною хитростью — закрыть предъ турками отступленіе. Еще любопытнѣе въ тѣхъ же цѣляхъ—держать турокъ въ страхѣ и въ то же время воздѣйствовать на нихъ и въ Немировѣ, было письмо его къ князю Гикѣ, старому медіатору, еще изъ Очакова. Но о письмѣ мы имѣемъ извѣстіе со стороны, со словъ баила Контарини въ донесеніи изъ Буюкдере отъ 18 іюля.

«Минихъ, писалъ баилъ, удостовѣряетъ Гику, что онъ воздержится отъ всякаго враждебнаго дѣйствія, пока не обнаружит-

---

*) Гл. М. Арх. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/е № 14 (реляціи), 38/d № 13 (рескрипты).

ся результатъ дѣлъ на конгресѣ, а между тѣмъ онъ отступитъ и укроется съ арміей въ удобномъ мѣстѣ, чтобы можно было дѣйствовать быстро, если переговоры останутся безъ результатовъ. Желаніе Миниха, продолжаетъ баилъ, одно—чтобы турецкіе министры, снабженные полномочью, способны были заключить миръ поскорѣе (al più presto), ибо пора года не позволяетъ длинныхъ засѣданій, но приглашаетъ къ дѣйствію оружіемъ».

«Меня, заключаетъ осторожный баилъ, увѣрялъ французскій посолъ, что имѣлъ въ рукахъ копію съ письма Миниха; но о его истинности я не могъ бы удостовѣрить Сенатъ» *).

Естественно, если нехитрый расчетъ Миниха не удался —скрыть свое отступленіе, съ арміей-побѣдительницей. Мы видѣли изъ сообщеній Орлика въ Каушанахъ, что уже въ началѣ августа «щоденно приводили» изъ-за Днѣстра русскихъ плѣнныхъ, даже въ большихъ толпахъ, перехваченныхъ уже за Бугомъ. Позже объ отступленіи писалъ изъ Картала французскій агентъ Вильневу. Тогда же узнали тамъ и объ отступленіи австрійцевъ изъ верхней Молдавіи, изъ Сочавы.

Все громадное пространство отъ верхняго Прута и до нижняго Днѣпра было теперь свободно отъ непріятеля, и Вильневъ могъ вздохнуть свободнѣе: Турція спасена, все будетъ отложено до будущаго года, до лучшихъ условій.

Но если Минихъ, при наличности больной арміи, не могъ утилизировать очаковскаго успѣха, не могъ, какъ ожидали было и наши пріятели въ Бессарабіи, и сами бѣлогородскіе татаре, двинуться за Днѣстръ, къ Бендерамъ и къ Дунаю; если тогда же полный неуспѣхъ заключилъ и вторженіе австрійцевъ въ Валахію,—то почему теперь самому визирю изъ Картала не двинуться противъ русскихъ, искать Миниха? Мирный конгресъ препятствовать не могъ.

Мы видѣли, на визиря войска въ Карталѣ негодовали за его бездѣйствіе. Но именно теперь, въ іюлѣ, появился новый визирь, энергическій паша изъ Бендеръ: мысль о движеніи за Днѣстръ, естественно, могла ему особенно улыбаться.

Уже 30 іюля наши полномочные доносили о сообщеніи переводчика Порты, что турки съ новымъ визиремъ «желалибъ

*) Hurmuzaki, Documente, v. IX, p. I, № 663. О движеніи на Бендеры самъ Минихъ писалъ и Секендорфу — см. ниже.

генеральной акціи, дабы знать, на чьей сторонѣ авантажъ во всемъ быть имѣетъ и будто визирь тронулся отъ Дуная и нынѣ въ Табарокъ *) идетъ, съ намѣреніемъ противъ войскъ в. в-ва дать баталію».

Минуту они не вѣрятъ этому. Но уже на другой день они сами признаютъ, что новый визирь, раньше паша въ Бендерѣ, человѣкъ «отважный», способенъ на все—и двинуться на Миниха. Мало того. 31 іюля они пишутъ о визитѣ турецкихъ пословъ, которые объявили, что не только уже новый визирь, но что и кехайя казненъ, что имъ повелѣно—«назадъ ѣхать, ежели до полученія указа ничего у нихъ съ нами не сдѣлано».

«О нашихъ кондиціяхъ, правильно писалъ 2 августа отъ себя Неплюевъ Остерману, сообщать безвременно—не только не полезно, но и вредно быть можетъ, ибо самимъ походомъ визирскимъ очевидно, что они прежде хотятъ искусить свое счастіе оружіемъ, нежели о мирѣ въ конференціи вступить».

Остерманъ, съ своей стороны, считалъ попытку возможной, но онъ болѣе чѣмъ спокоенъ. «Что до вѣсти о походѣ новаго визиря изъ Бендера противъ Миниха, то онъ, читаемъ мы въ одномъ изъ рескриптовъ, болѣе желателенъ, нежели нежелателенъ видится, и, можетъ быть, что Богъ тѣмъ случаемъ и совершеннымъ разореніемъ всей турецкой арміи сколь скорѣе къ полезному миру вспоможетъ» (рескриптъ 12 августа).

Въ Петербургѣ какъ будто новый подъемъ духа. Дѣйствительно, онъ было поднялся, но напрасно, въ виду извѣстій отъ Ласи, изъ Крыма, которыми Остерманъ и спѣшитъ подѣлиться съ своими встревоженными сотрудниками въ Немировѣ, извѣстій о «счастливыхъ сукцесахъ и акціяхъ Лессія» въ Крыму.

---

*) Мѣстное имя южной Бессарабіи, намъ неизвѣстное. На картѣ 1687 года Николая Фишера (N. Visscher): «Totius regni Hungariae Tabula» (Belgii Foederati), на Днѣстрѣ, гдѣ начинается-де Lacus Vidona (!), т. е. L. Vidova другихъ картъ или нын. Днѣстровскій Лиманъ, показано T u b a r c z a. Это дурная передача имени Ч о б у р ч и села, гдѣ былъ стародавній переѣздъ съ грузами черезъ Днѣстръ, въ Ханскую Украину. Такъ въ 1603 г. дань или «upominki» отъ Польши Крымскому хану везена была на нѣсколькихъ подводахъ изъ Яссъ чрезъ Чобручи. (Hurmuzaki, Documente, Supl. II, vol. II, № 124. Ср. у насъ прим., стр. 234). Возможно, что Табарокъ Неплюева и есть Чобурчи, нын. Чобручи.

«О всегдашнемъ побѣжденіи, говорилъ рескриптъ 12 августа, и прогнаніи хана съ великимъ урономъ, о взятіи и всеконечномъ разореніи знатнаго крымскаго города Базару, въ которомъ, кромѣ церквей и мечетей, болѣе 10 тысячъ каменныхъ и другихъ дворовъ было, и болѣе 1000 знатныхъ деревень, и о прочихъ понесенныхъ татарами великихъ разореніяхъ и убыткахъ мы не хотѣли оставить тотчасъ о сей важной вѣдомости вамъ сообщить, для учиненія о томъ на конгресѣ надлежащаго употребленія».

Но эти свѣдѣнія были для Немирова совсѣмъ запоздалыми. Тамъ раньше имѣлись свои, которыя уничтожали всякое значеніе первыхъ: и у Ласи не «счастливые сукцесы», а тоже отступленіе. Еще 26 іюля Ласи далъ знать въ Немировъ, что за безкормицею онъ принужденъ былъ оставить Крымъ и отступить къ Молочнымъ Водамъ, у нынѣшняго Мелитополя.

Естественно, если въ Немировѣ мимолетнаго спокойствія Остермана не могло быть: тревожны были наши полномочные, но особенно австрійцы.

Въ виду отважнаго похода къ намъ за Днѣстръ наши просятъ гр. Остейна, не зная положенія дѣлъ въ Валахіи, о диверсіи австрійцевъ въ тылъ визирю къ нижнему Дунаю, чтобы сжечь у Картала черезъ рѣку мостъ, когда тотъ направится на Миниха. «Гр. Остейнъ, доносили не безъ радости они 2 августа, обѣщалъ писать о томъ въ Вѣну. Тогда, при какомъ авантажномъ случаѣ арміи в. в-ва, туркамъ не останется мѣста, гдѣ по сю сторону Дуная ногу поставить».

Но австрійцы, обѣщая помочь, были сами въ гораздо большемъ волненіи отъ «отважнаго» похода. «Они, доносили наши чрезъ нѣсколько дней, усиленно просили писать Миниху и Лессію, дабы они сколь возможно надъ непріятелемъ поискъ чинили и утѣсняли и тѣмъ къ миру принуждали (объ этомъ писалъ самъ Минихъ къ Гикѣ къ іюлѣ), ибо все преуспѣяніе здѣшней негоціаціи отъ того зависитъ», по послѣдней мѣрѣ—«хотя бы Минихъ отъ Буга до октября не отдалялся, а Лессій отъ Крыма».

Но тревога австрійскихъ товарищей прошла далѣе. Уже съ первыми извѣстіями объ отступленіи Миниха за Бугъ они остановились на мысли о необходимости перемѣны мѣста конгреса, поближе къ границамъ Австріи: недостаточно основа-

тельный предлогъ — неудобство размѣщенія, опасеніе отъ гайдамакъ.

«Цесарскіе министры, писали наши, разсуждали и ко двору своему писать хотѣли, что ежели турецкіе послы, не разорвавъ конгреса, здѣсь бытность свою продолжатъ, а между тѣмъ осень наступитъ, то въ палаткахъ стоять будетъ невозможно, а въ городѣ быть негдѣ, ибо здѣшнее мѣстечко самое убогое строеніемъ: въ немъ не токмо турецкимъ министрамъ, при которыхъ при свитѣ всякаго званія людей около 1500 человѣкъ, но и римско-цесарскимъ, кромѣ турокъ, съ нами убраться квартирами не возможно Къ тому-жъ они, министры, и то разсуждали, показывая нынѣ опасность свою отъ здѣшнихъ разбойниковъ, зовомыхъ здѣсь гайдамаками, въ немаломъ числѣ собирающихся, какъ и нынѣ нѣкоторыя деревни въ близости отсюда разоряютъ». Въ виду этого австрійцы просили писать ко двору о перемѣнѣ мѣста и предложили Львовъ. Наши высказались противъ. «Львовъ, продолжали они, далекъ отъ русскихъ границъ, да и отъ турокъ имѣемъ ожидать, дабы тѣмъ причину къ разрыву не подать. Удобнѣе признаваемъ быть Полонному», т. е. поближе къ русской границѣ—въ нынѣшней Волынской губерніи, недалеко отъ Бердичева.

Естественно, что при извѣстіи о движеніи визиря за Днѣстръ перемѣна мѣста была имъ тѣмъ желательнѣе, милѣе.

Но отважный визирь не пошелъ въ Степь искать Миниха или отбирать Очаковъ: армія Секендорфа, хотя и разсѣянная по Сербіи, грозила съ тыла, собиралась на Видинъ.

Въ неспокойномъ Немировѣ, однако, все время не прекращались «свѣтскіе учтивые разговоры», но свѣжій матеріалъ для которыхъ все подбирался у озабоченнаго и неутомимаго Остермана *).

Союзникъ въ Немировѣ повелъ себя высокомѣрно. Онъ явно желаетъ всѣмъ руководить, тогда какъ онъ — не «главная воюющая сторона»; онъ начинаетъ «неделикатно», самолично — негоціацію, тогда какъ не онъ—«обиженная отъ турокъ сторона», и турки явно «ходятъ за цесарскими министрами». Но ина-

*) Гл. М. Арх. М. И. Д., Тур. Д., 1737, тѣ-же связки.

го и ждать было трудно, когда вторымъ членомъ—«другъ» турокъ, Талманъ, котораго въ Петербургѣ прямо обвинили въ желаніи «мирную негоціацію затруднить и войну вдоль протянуть»... Сами турки грозятся уйти, не начавъ конгреса.

Открыто требуя — слѣдовать примѣру союзника и открыть пересылку самимъ, но только «съ искусствомъ», чтобы не стало явнаго раздора, а сохранилась бы наружная общность дѣйствій, Остерманъ, въ отвѣтъ на первыя жалобы нашихъ, этимъ не ограничился: онъ остановился на мысли о сепаратномъ мирѣ съ Турціей, на пріемѣ, который нельзя не назвать смѣлымъ. Ординарный рескриптъ отъ 3 августа сопровождался «секретнѣйшимъ». Онъ былъ писанъ собственноручно Остерманомъ—признакъ его важности.

Это была, въ извѣстной степени, уже третья инструкція, не смотря на то, что всего прошла недѣля послѣ второй, отъ 27 іюля, о перестановкѣ условій, когда полномочные еще не успѣли получить отъ Двора разрѣшенія своихъ недоразумѣній—въ «которую мѣру» ввести въ дѣло и первую, при неодинаковомъ пониманіи здѣсь и тамъ очаковскаго успѣха. Быстрота мѣны программы говорила не объ неустойчивости воззрѣній Остермана, а о все болѣе и болѣе непріязненныхъ условіяхъ, «диспозиціяхъ» минуты.

Остерманъ остановился предъ свѣжими сообщеніями изъ арміи Секендорфа, полученными отъ нашихъ военныхъ агентовъ при ней, Даревскаго и Тауба, и предъ донесеніями изъ Вѣны Ланчинскаго. Въ соображеніи ихъ предъ Остерманомъ развернулась тяжелая картина: будущее мало улыбается, почему, если на что и можно полагаться, то только на одинъ авторитетъ — Россіи. Всѣ эти тяжелыя мысли и вылились въ «секретнѣйшемъ» рескриптѣ и привели къ рѣшительному шагу.

«Къ нашему сожалѣнію, говорилъ рескриптъ, усмотрѣть принуждены, что не токмо цесарскія операціи за многими отговорками, и недостойными, весьма слабо происходятъ, но, что еще больше того—никоимъ образомъ въ предбудущемъ году никакихъ сильныхъ съ цесарской стороны операцій ожидать, слѣдственно, на сильное вспоможеніе съ той стороны въ праведной нашей войнѣ весьма надѣяться, намъ невозможно». Въ виду этого Остерманъ предлагаетъ новое «наставленіе» для «поступковъ»

полномочнымъ при мирной негоціаціи, по обычаю, обстоятельно мотивируя его.

Время дорого, а его еще немного для «нынѣшнихъ дѣйствъ», слѣдов., не для чего тратить въ «излишнемъ трактованіи». Но «натурально есть, что турки во время продолжающихся съ нашей стороны еще сильныхъ дѣйствъ (Ласи) скорѣе къ полезнымъ намъ намъ кондиціямъ склонятся, нежели по окончаніи кампаніи»; съ другой стороны, и въ виду безденежнаго положенія Австріи — этой «важной причины», намъ необходимо, «сколько пристойно, сходно и возможно заключеніе мира поспѣшить». Поэтому рескриптъ указывалъ, при упорствѣ турокъ, долго не стоять на первыхъ кондиціяхъ о границахъ по Инструкціи 14 іюня и прямо потребовать: удержаніе Очакова, Кинбурна, Азова—съ уѣздами и, при согласіи на это, «миръ безъ отлагательствъ заключить».

Сразу приносилась великая жертва; Остерманъ понялъ, что уже нечего ожидать, а взять что̀ еще можно. Самый конгресъ уже казался ему почти что ни къ чему, хотя еще такъ недавно онъ соединялъ съ нимъ столько свѣтлыхъ надеждъ....

Что касается союзника, то не останавливаться, на случай, если турки не пойдутъ на его кондиціи. Въ оправданіе этого пріема полномочные имѣютъ представить, что «мы—главнѣйшая воюющая партія, что мы чрезъ два года всю великую тягость войны одни нести принуждены были», что отъ запоздалыхъ дѣйствъ союзника «намъ никакого облегченія не было, всю опасность мы одни неотмѣнно несли, но что горчае того—при продолженіи войны въ будущемъ году ихъ операціи не съ вящею силою, но болѣе еще съ вящею слабостью происходить станутъ»—какъ это можно предвидѣть изъ «безпрестанныхъ представленій» отъ цесаря. Цесарь же «за противно принять не можетъ, что мы по натуральной должности о собственной своей безопасности мыслить и потому и поступать должны», что, «имѣя случай къ заключенію честнаго мира, оный изъ рукъ не упускать за потребно находимъ», что «отъ насъ требовано быть не можетъ», чтобы, ради удовлетворенія кондицій цесаря, обязаннаго въ силу союза «безъ всякихъ кондицій намъ вспомогать», «мы въ такой тяжкой войнѣ остались».

Рѣчь важная, оборотъ рѣшительный, но вынужденный обстоятельствами — разочарованіемъ въ могуществѣ обладателя

Пожаревацкаго договора, при его личномъ признаніи своего недомоганія: безденежье—безспорно, «важная причина».

Но, естестественно, новый серьезный шагъ требовалъ до времени крайней осторожности, почему рескриптъ напоминалъ, что «сей артикулъ весьма важный и деликатный, и къ великому нашему предосужденію служить могло-бъ, если-бъ цесарскіе министры о такомъ, вамъ данномъ, указѣ малѣйшее что увѣдали; того ради, по присяжной вашей должности, вамъ повелѣвается— указъ въ наивящемъ секретѣ содержать, и чтобъ кромѣ васъ трехъ никто объ немъ не вѣдалъ и никакимъ образомъ объ немъ не пронеслось, яко вы въ томъ отвѣтствовать должны будете».

Но осторожность требовалась уже теперь вообще по отношенію къ союзнику: конгресъ еще не начался, а для Остермана австрійскіе представители его чуть не враждебнѣе турка. Секретнѣйшій рескриптъ, припоминая объ первыя инструкціи, ихъ наставленіе—«отъ тѣхъ цесарскихъ министровъ во всякой искусной предосторожности быть», теперь представлялъ ихъ, особенно «друга» турокъ, бар. Талмана—«яко къ нему конфиденцію имѣть невозможно»—прямо какъ опаснѣйшаго врага: «вамъ надлежитъ, говорилъ онъ, толь наипаче быть отъ него въ осторожности, ему никакую конфиденцію учинить, изъ которой бы онъ ко вреду и предосужденію интересовъ нашихъ какое употребленіе учинить въ состояніи былъ».

«Какой-либо тайный, но способный каналъ получить»—вотъ первая забота полномочныхъ, указывалъ рескриптъ въ заключеніе, чтобы только чрезъ него «о подлинномъ турецкомъ намѣреніи провѣдать» *).

Отношенія, очевидно, крайне запутывались.... Шансы на «честный миръ» у насъ сильно заколебались, а былъ только августъ въ началѣ.

Такъ тяжело были настроены въ Петербургѣ, когда въ Немировѣ, наскучивъ отъ турецкой «комедіи»—визитовъ и «разговоровъ», а главное въ виду возможности новой политики у новаго визиря, рѣшились, наконецъ, начать и дѣло, не смотря на недавнее признаніе Неплюева о вредѣ объявленія нашихъ

---

*) Приложенія, IV.

требованій, не смотря на угрозы турецкаго движенія въ Степь, среди опасеній изъ-за него и среди тревогъ отъ гайдамакъ.

Въ іюлѣ старый визирь палъ, и при свиданіи турецкіе послы сейчасъ же заявили, какъ это мы видѣли, о приказаніи разорвать конгресъ, если еще ничего не сдѣлано. Но этого исхода болѣе всего всегда и опасались какъ наши, такъ и австрійскіе полномочные. «Хотя, доносили наши еще 27 іюля, мы обще съ цесарскими министрами всѣ удобовозможные способы употреблять не премпнемъ, чтобъ до разрыву конгреса турецкихъ министровъ не допустить: но ежели за всѣмъ тѣмъ никакіе способы наши не преуспѣютъ и разрывъ по какой причинѣ отъ турецкихъ министровъ учинится, то просимъ указу про запасъ».

Но ничего не было сдѣлано; слѣдовательно, опасность на лице, и ранѣе указа про запасъ. Естественно, если положеніе было затруднительное. «Въ великомъ мы недоумѣніи, что̀ дѣлать»?— писали наши чрезъ нѣсколько дней, повторяя все старый вопросъ, но при новой обстановкѣ.

По общемъ совѣщаніи, полномочные обоихъ дворовъ положили: «на конференціи вступить; но какъ въ первой конференціи ничего о дѣлахъ говорено не будетъ, то между тѣмъ усматривать, какъ турки будутъ поступать». Но напередъ они уже слишкомъ сомнѣвались, чтобы турки серьезно думали о мирѣ, особенно при совершившейся перемѣнѣ въ личномъ составѣ министерства: пожалуй, конгреса въ началѣ не разорвутъ, вступятъ въ совѣщанія, но исключительно за тѣмъ, чтобы узнать условія противника и тотчасъ протрубить на всю Европу о притѣсненіи.

«Турецкіе министры, писали послы 31 іюля, нынѣ конгреса не разорвутъ, дабы наши мнѣнія о кондиціяхъ вывѣдать, а сколь скоро увѣдаютъ, то разорвутъ и всему свѣту жалобы приносить будутъ, что кондиціи неумѣренны, ибо, по выше означенной перемѣнѣ, покуда отъ союзнаго войска знатно не будутъ побѣждены, потуда о мирѣ мыслить не станутъ. Хотя и у прежнихъ министровъ посылка сюда пословъ не прямымъ намѣреніемъ учинена, однакожь болѣе надежды было, что не разорвутъ».

Дѣйствительно, 5 августа была первая конференція. Пері-

одъ учтивостей окончился. Но это было время, когда наши полномочные не могли еще получить, не только второй инструкціи, но и разъясненія своихъ первыхъ недоумѣній, «въ которую мѣру» предъявлять требованія, тогда какъ было несомнѣнно, что турки сейчасъ-же потребуютъ предъявленія мирныхъ условій. Вѣдь этого они добивались отъ начала. Ихъ нетерпѣливо ждали и отстраненные Остерманомъ медіаторы въ Карталѣ, еще болѣе— Вильневъ на Босфорѣ. «Я, жаловался черезъ два мѣсяца кавалеръ Фоукнеръ (Fawkner), уже изъ Бабадага, никогда не зналъ положительно, какія собственно требованія заявлены союзниками» *).

Но первая конференція прошла въ формальностяхъ. Вторая была назначена черезъ день.

На совѣщаніи 7-го августа турки тотчасъ же потребовали, «чтобы мы, пишутъ наши полномочные 11 августа, яко воюющая сторона, о кондиціяхъ объявили; но мы имъ далѣе не открывались, какъ только—что пока татарскіе народы между обоихъ имперій такъ пребудутъ, какъ были, постояннаго покоя быть не можетъ». Но вмѣшались австрійцы и совѣтовали открыться и далѣе, въ виду-де того, что Крымъ, по общему признанію, уже потерянъ для Турціи. Конечно, у тѣхъ былъ свой умыселъ. Немного позже они совсѣмъ иначе толковали о Крымѣ.

«Мы, продолжаютъ полномочные, положили обще-согласно, чтобъ бóльшею мѣрою кондицій негоціацію начать», но, имѣя въ виду уже вторую Инструкцію, съ ея требованіемъ перестановки кондицій, такъ, чтобы вопросъ о Валахіи и Молдавіи выдвинуть впередъ, хотя какъ-нибудь. «Только въ предосторожность того, что иногда турецкіе послы, выслушавъ кондиціи, не вступая далѣе, разорвутъ и по онымъ въ свѣтѣ жалобы приносить будутъ, положили — вмѣстить бы между претензій нашихъ, что Валахіи и Молдавіи быть подъ особливыми индепендующими князьями въ протекціи в. в—ва и за барьеру между сосѣднихъ государствъ; тутъ же подать поводъ, подъ тѣмъ же именемъ барьеры, и о буджацкихъ земляхъ за Днѣстромъ

*) Hurmuzaki, Documente, vol. IX, p. I, № 744, отъ 2/13 октября. 1 октября оба медіатора (Англіи и Статовъ) отъѣхали изъ Картала въ Константинополь и въ тотъ-же день были въ Бабадагѣ. (Ср. Dapontès, II, 37, прим.).

—что в. в-во себѣ присвоить не желаете. Сіе, оправдываются они, и для того вмѣстить за полезно признали, дабы на свѣтѣ претензіи в. в-ва къ дальнимъ видамъ причтены не были, а ежели турки въ негоціацію вступятъ, чтобъ наша уступка тѣхъ мѣстъ не такъ н а г а была, и не возъимѣли-бъ поводу мнить, что мы и всего равномѣрно отступимся. Итакъ, 8 сего августа мы о кондиціяхъ турецкимъ министрамъ представили въ 5 пунктахъ», т. е. объ Азовѣ, Крымѣ, Валахіи, Молдавіи и Буджакѣ.

Возраженіемъ съ двухъ сторонъ встрѣчены были наши кондиціи: спокойнымъ, но съ обязательнымъ язвительнымъ припоминаніемъ Прута, отъ турокъ, то шумнымъ, рѣзкимъ, то притворно-мирнымъ — отъ союзника.

«Хотя, пишутъ наши о первомъ впечатлѣніи отъ кондицій, турецкіе послы съ к р о т о с т і ю ихъ выслушали, но за невозможныя объявили и, съ великимъ чувствованіемъ принявъ, то къ склявству приписывали». «Еще, возразили турки, нѣтъ никакого знатнаго успѣха, чтобъ все сіе претендовать, что они еще не въ такомъ состояніи, чтобъ всѣ ихъ могли толико отягощать. Потребно и то припомнить, что Порта во время Прутскаго полезнаго случая хотя и инако, по тогдашнему состоянію, могла бы поступить, но однимъ Азовомъ удовольствовалась, что они пріѣхали за резонабельными кондиціями, а не такими, какія имъ объявлены» *).

Для турокъ наши кондиціи были нерезонабельны, т. е., не отвѣчали успѣхамъ войны; но у союзника, вмѣсто поддержки, онѣ вызвали рѣзкое нареканіе, а затѣмъ и горячій протестъ. Какъ и естественно было ожидать, этотъ протестъ былъ вызванъ вопросомъ о Валахіи и Молдавіи, но протестъ до угрозы разрыва во взаимныхъ сношеніяхъ. Болѣе мягко, но съ скрытою завистью, «злочестью», какъ позже выразился Остерманъ, былъ встрѣченъ и совсѣмъ, по видимому, нейтральный для союзника артикулъ — о Крымѣ.

«Того-же дня (т. е. 8 августа), продолжаютъ наши, цесарскіе послы намъ говорили, что напрасно мы о Валахіи и Молдавіи упоминаемъ и тѣмъ государю ихъ къ п о л у ч е н і ю тѣхъ

*) «Протоколы» конференцій.

провинцій путь мѣшаемъ: первая у него вся во владѣніи, а другой часть немалая, которыя провинціи государь ихъ, въ прикрытіе своихъ границъ, присовокупить вовсе пожелаетъ, и столько давали знать, что прямо желаютъ, а особливо — Валахіи».

Черезъ день устное неудовольствіе вылилось уже въ письменный протестъ.

При самомъ изготовленіи реляціи 10 августа явился въ палатку къ нашимъ полномочнымъ гр. Остейнъ и «съ великимъ сердцемъ» выговаривалъ имъ изъ-за Валахіи и Молдавіи. Онъ объявилъ, что «двору его то есть и будетъ весьма противно» и вручилъ затѣмъ формальную протестацію, пригрозивъ, что «ежели мы ея не примемъ, развѣ съ нимъ всякое сношеніе разорвать хотимъ».

Наши уступили и приняли, но къ свѣдѣнію, и безъ подписи графа. «Дабы намъ съ ними (австрійцами) до ссоры не дойти и настоящей негоціаціи вяще не повредить», оправдывались они.

Но чрезъ немного дней наши полномочные могли душевно успокоиться, когда получили указъ о сепаратномъ мирѣ, гдѣ одинъ изъ ихъ австрійскихъ сотоварищей прямо былъ объявленъ опаснѣйшимъ недоброжелателемъ Россіи, ея интересовъ.

Артикулъ о Крымѣ такой же горячности и протеста не вызвалъ; но то-же недоброжелательное отношеніе къ намъ австрійцевъ и онъ обнаружилъ. Они возражали обиняками, подъ личиною дружескаго участія. Мы увидимъ, что послѣ нѣкотораго раздумья, въ виду условій дѣйствительности, наши должны были поступиться Крымомъ. Союзникъ-противникъ выигралъ.

«Графъ Остейнъ, писали наши 10-го же августа, говорилъ, что слышалъ разсужденія турокъ объ авантажахъ въ Крыму до конференціи, что Порта Цареградъ рисиковать будетъ, нежели Крымъ уступитъ, яко онымъ содержится; при томъ посолъ оговорился, что онъ въ наши кондиціи не мѣшается, только—принужденъ объявить, что если в. в-во соизволите крѣпко о Крымѣ держаться, чтобъ за собою оставить, то не толико настоящую негоціацію разорвемъ, но и въ десять лѣтъ мира не получимъ, которая война небезтягостна обоимъ импер. в-вамъ быть можетъ, а къ томужъ и другіе государи до завладѣнія Крыма не допу-

стять, какъ о томъ послы ихъ въ Константинополѣ явно говорили, приводя бар. Талмана свидѣтелемъ».

Послѣ этихъ, якобы дружескихъ, доводовъ, графъ, по словамъ нашихъ полномочныхъ, тутъ же «разговоромъ спрашивалъ: будемъ ли мы за Крымъ стоять или только претензія»? Но въ то же самое время лукавый собесѣдникъ выставлялъ крайнее безкорыстіе своего цесаря: «о своихъ кондиціяхъ болѣе къ тому клонилъ, что они довольны будутъ uti possidetis», т. е. этимъ самымъ онъ препоручалъ ту-же мѣру скромныхъ мирныхъ требованій и для насъ, и это послѣ протеста о Валахіи и Молдавіи.

На всѣ эти доводы наши отвѣчали графу общимъ возраженіемъ, что «видно, что турецкіе послы къ трактованію инструкціи не имѣютъ, а буде словъ ихъ о неуступкѣ смотрѣть, то они и объ Азовѣ тожъ говорить станутъ». Но графъ, забывъ обѣщаніе, тутъ-же формулировалъ, «въ указъ» для насъ, мирныя условія, удобныя для Австріи. «Азовъ, заключилъ онъ бесѣду, Очаковъ, Кильбурнъ, Ногайскія и Кубанскія земли къ воздержанію татаръ довольны быть могутъ (т. е. безъ опасной «днѣстровской барьеры»), въ томужъ добрыя кондиціи къ обузданію крымскихъ». Здѣсь мы были въ положеніи болѣе или менѣе uti possidetis.

«Съ тѣмъ, заключаютъ полномочные, графъ отъ насъ поѣхалъ. Однакожъ, весь разговоръ былъ дружескій, безъ малѣйшихъ запальчивостей». Но справедливо они тогда же сообразили, что слова графа о Крымѣ «можно и за то причесть, что они (цесарцы) ищутъ насъ къ умаленію кондицій привесть, дабы тѣмъ меритъ предъ турками въ одержаніе своихъ привесть», т. е. выслужиться предъ турками и тѣмъ выиграть за счетъ насъ въ своихъ домогательствахъ. Расчетъ, конечно, мелкій, но вполнѣ согласный со всѣмъ характеромъ австрійскихъ поступковъ *).

«Дружескій» разговоръ о Крымѣ, «дружескія» разсужденія о пользѣ умаленія нашихъ кондицій, какъ ни были они явно своекорыстны, не могли не усилить трудности положенія нашихъ полномочныхъ и не вызвать ихъ на размышленія о необходимости и уступки.

Но какъ былъ принятъ Остерманомъ отчетъ о первомъ серьезномъ совѣщаніи, о предъявленіи нашихъ кондицій?

---

*) Гл. М. А. М. Ин. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/е, № 14.

Общее впечатлѣніе у Остермана было одно: какъ ни скрытничаютъ, ни лукавятъ турки, но на миръ они пойдутъ; только «злючесть» друзей-австрійцевъ показываетъ, что они для дѣла, пожалуй, горше турокъ, что они тормазъ вездѣ, не говоря уже о кардинальномъ вопросѣ — объ «освобожденія отъ ига» обоихъ дунайскихъ государствъ.

«Что до самой негоціаціи и объявленія отъ васъ кондицій, отвѣчали нашимъ полномочнымъ изъ Петербурга, то изъ протоколовъ видно, что турецкіе министры весьма твердо себя содерживаютъ и, не изъясняя себя ни въ чемъ, только наши кондиціи выпрашиваютъ. А при всемъ томъ видно, что они къ примиренію склонность имѣютъ». Но, повторялъ Остерманъ, чтобы воспользоваться этою склонностью, необходима именно частная практика: согласиться съ турками по-за спиной своенравнаго союзника, съ глазу на глазъ.

«Рѣдко, пояснялъ рескриптъ, какой миръ безъ предыдущихъ дружескихъ съ обѣихъ сторонъ изъясненій заключенъ бываетъ; такія изъясненія въ публичныхъ конференціяхъ не такъ свободно, какъ въ партикулярныхъ разговорахъ учинены быть могутъ, почему искать всевозможныхъ способовъ и путей или прямо, безпосредственно, или чрезъ партикулярную практику въ сношеніе вступить. По твердымъ поступкамъ турокъ довольно видно, что они въ публичныхъ конференціяхъ, въ присутствіи цесарскихъ министровъ, себя прямо изъяснять не будутъ и что тѣмъ путемъ хотя о прямыхъ турецкихъ къ миру намѣреніяхъ безъизвѣстны остаться не можемъ», т. е. путемъ частныхъ сношеній.

«Вамъ надлежитъ турецкимъ министрамъ прямо объявить, такожде и чрезъ другіе способы, пути и каналы имъ внушить велѣть, что ежели они миру желаютъ, то нужно, чтобъ они и съ своей стороны, не теряя времени, себя изъяснили, что̀ они учинить хотятъ, и въ подробное изъясненіе о кондиціяхъ съ вами вступили, ибо пока они то не учинятъ, то ясно, что къ заключенію мира склонности не имѣютъ, и что, для лучшаго поспѣшествованія сего дѣла, вы и безъ формальной конференціи въ партикулярныя изъясненія съ ними вступить или чрезъ какихъ надежныхъ людей сношеніе имѣть готовы».

Замѣчанія Остейна о Крымѣ только сильнѣе утвердили Остермана въ справедливости давно рекомендуемаго имъ пріема — партикулярныхъ сношеній. «Изъ гр. Остейна разговоровъ и что

онъ о турецкихъ изъясненіяхъ, до Крыму касающихся, вамъ объявилъ, не безъ основанія, указывалъ рескриптъ, присматривается, что цесарскіе министры съ турецкими партикулярную практику имѣютъ. Подлинно, сами турецкіе министры вамъ о Крымѣ больше и съ вящею злючестію отвѣтствовать не могли, какъ гр. Остейнъ собою себя о томъ изъяснилъ».

Злючесть въ нейтральномъ для Австріи вопросѣ о полуостровѣ, «горячіе поступки» въ самомъ дорогомъ вопросѣ, увидѣлъ Остерманъ изъ отчета о первой конференціи. Такъ еще недавно онъ смѣло выдвигалъ вопросъ о Молдавіи и Валахіи на первое мѣсто, а теперь — готовъ и замолчать его, въ виду необыкновенныхъ, горячихъ поступковъ союзника, его «досадительныхъ нареканій». Лишь бы не было еще прямо вреда отъ союзника, опасался теперь Остерманъ.

«Изъ вашихъ протоколовъ, продолжалъ рескриптъ, также не видно, чтобъ цесарскіе министры предложенныя отъ васъ на конференціи кондиціи какимъ образомъ союзнически подкрѣпляли и подтвердили. Того ради чрезъ сіе вновь все подтверждается, чтó, для потребной осторожности съ цесарскими министрами, для крѣпчайшаго смотрѣнія на ихъ поступки и для исканія партикулярной съ турецкими министрами практики въ прежнихъ рескриптахъ вамъ обстоятельно и ясно повелѣно, дабы, ежели въ негоціаціи вашей отъ нихъ вспоможенія и пользы не будетъ, то-бъ, по послѣдней мѣрѣ, вреда и помѣшательства не было, а довольными о всемъ томъ наставленіями вы снабдены. По рескрипту отъ 3 августа о нашемъ соизволеніи извѣстны, что турецкіе министры сами отозвались, что напередъ о нашихъ, яко главнѣйшей воюющей стороны, кондиціяхъ согласиться надлежитъ; и то весьма изрядно, и вамъ надлежитъ всемѣрно стараться, дабы при томъ порядкѣ ихъ содержать, чтò вамъ къ тому свободнѣе учинить возможно, что цесарскіе министры сами на то согласились.

«Хотя, такимъ образомъ, о цесарскихъ кондиціяхъ въ послѣдніе и, по соглашеніи о нашихъ, трактовано и довѣренось быть имѣетъ; однако для многихъ важнѣйшихъ резоновъ небезполезно было бы, ежелибъ они нынѣ о своихъ кондиціяхъ турецкимъ министрамъ себя изъяснить принуждены были, соглашеніе о которыхъ потомъ отложено быть можетъ. Ибо, по объявленіи тѣхъ кондицій, они, съ одной стороны, болѣе связаны останутся, а съ другой, съ пользою о своей негоціаціи употре-

бить въ состоянiи, смотря по случаямъ и потребностямъ, къ нашимъ интересамъ и намѣренiямъ».

Явилась необходимость принимать особыя мѣры противъ союзника, чтобы вреда и помѣшательства не было. Но, взволнованный его поведенiемъ по главнымъ артикуламъ, Остерманъ не могъ скрыть своего неудовольствiя и на своихъ сотрудниковъ въ Немировѣ, за ихъ непониманiе мелочей, но которыя въ ту минуту были для него съ значенiемъ.

«Что надлежитъ до учиненныхъ вамъ съ толь великимъ сердцемъ и нареканiями отъ гр. Остейна выговоровъ и поданной протестацiи по причинѣ вашего въ кондицiяхъ упоминанiя о Мултянской и Волошской земляхъ, то надлежало вамъ всѣмъ тѣмъ его выговору, нареканiю и словамъ обстоятельное описанiе и протоколъ предложить къ вашимъ учиненнымъ ему отвѣтамъ. Дѣло къ экспликацiямъ между обоими дворами поводъ подать можетъ, къ чему всѣ тѣ слова и экспресiи вѣдать было потребно».

Но, по словамъ рескрипта, предварительные шаги уже сдѣланы, жалоба уже занесена.

«Гр. Остейна горячiе поступки толь наипаче намъ удивительны, понеже 1) цесарь объ удержанiи себѣ тѣхъ земель никогда намъ никакое сообщенiе не учинилъ; 2) мы тѣ земли не себѣ требовали, но только отъ турецкаго ига оторвать искали, слѣдовательно, цесарю, въ его требованiи, ежели онъ сiи провинцiи себѣ присвоить намѣренiе имѣетъ, никакого повреждения не учинено, и 3) цес. в-во и безъ того довольно по нашимъ поступкамъ обнадеженъ быть имѣетъ, что мы ему всѣ авантажи, которые онъ только надъ турками получить можетъ, отъ всего сердца желаемъ.

«Мы о горячихъ поступкахъ гр. Остейна резиденту Гохголцеру наше мнѣнiе обстоятельно объявить указали, который о томъ Остейну сообщить не оставитъ и то учинить на себя перенялъ, а вы можете ему только кратко объявить, что его поступки не инако, какъ весьма удивительны быть могли: они не къ вящему укрѣпленiю дружбы, потребнаго согласiя и откровенности, но паче къ побужденiю холодности касаются. Того ради тѣ поступки въ совершенное его цес. в-ва разсужденiе оставляемъ, и ежели ваше упоминанiе о Волошской и Мултянской земляхъ ему, Остейну, какое сомнѣнiе подало, то могъ бы онъ безъ всякаго сердца и безъ такъ досадительныхъ нареканiй и выговоровъ

о томъ съ вами въ откровенности дружески изъясниться, и ежели-бъ ваше на то дружеское изъясненіе и отвѣтъ недовольны показались, то о томъ резиденту Гохголцеру для представленія двору нашему могъ бы писать, яко такіе его поступки и поводы къ причиненію холодности и не иному, кромѣ непріятеля, въ пользу быть могутъ, отъ чего мы вамъ со всякимъ прилежаніемъ убѣгать наикрѣпчайше повелѣли. Въ какой силѣ о томъ посланнику нашему Ланчинскому писано, можете усмотрѣть изъ приложенной копіи».

Естественно, какъ ни справедливы были наши нареканія на жесткій эгоизмъ, злючесть союзника, но главный политическій вопросъ приходилось отложить: «а что до вашего предложенія собственно принадлежитъ (т. е. о Молдавіи и Валахіи), то, когда-бы уже къ другимъ кондиціямъ перешли, оно собою уже миновалось и до времени въ молчаніи оставлено быть имѣетъ, пока усмотрѣно будетъ, какимъ образомъ цесарскіе интересы предуспѣваютъ и какъ въ чемъ ихъ требованія и кондиціи будутъ» *).

Мы видѣли, наши полномочные съ момента прибытія въ Немировъ были одно сомнѣніе, недоумѣніе — какъ дѣйствовать, въ «которую мѣру»? Теперь союзникъ, хотя и обиняками, но высказался недвусмысленно противъ уступки Россіи Крыма. Какъ же быть съ артикуломъ о Крымѣ? Но между тѣмъ не одинъ австріецъ, а самая дѣйствительность требовала умаленія кондицій—за Крымъ крѣпко не держаться, принять австрійскую формулировку гр. Остейна.

Мы видѣли, параллельно ретирадѣ Миниха пошла ретирада и Ласси изъ Крыма. Уже 26 іюля Ласси далъ знать въ Немировъ, что за безкормицею онъ принужденъ покинуть Крымъ. Это сообщеніе было событіемъ самаго серьезнаго значенія для Немирова. «Хотя мы, писали полномочные 10 августа, сію вѣдомость скрываемъ, однакожь не въ-долгѣ и сами турки прямо вѣдать могутъ, и тогда, невозможность нашу къ овладѣнію онаго признавъ, вознамѣрятся не толико о томъ, но и въ прочихъ

---

*) Гл. М. А. М. Ин. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/d, № 13.

кондиціяхъ». Необходимо, чтобы до времени удержать хоть какую-нибудь связь съ полуостровомъ. «Ежелибъ, продолжали они, хотя два города въ Крымѣ чрезъ зиму въ рукахъ остались, то по всему чаятельно, что турки, кромѣ Крыма, Буджака и Молдавіи, въ кондиціяхъ наконецъ бы склонились. А нынѣ, не имѣя ничего въ Крымѣ, не вѣдомо, какъ они поступятъ, когда увѣдаютъ о выходѣ войскъ в. в-ва оттуда».

Въ виду этой тяжелой дѣйствительности полномочные и порѣшили предложить на ближайшей же конференціи «убавку», въ согласіе съ мнѣніемъ Остейна, но съ сохраненіемъ, для желаемаго сосѣдства съ Бессарабіей и Молдавіей, Днѣстра, какъ границы, хотя и сами напередъ признавали, что «при всемъ нашемъ умаленіи мало надежды къ миру имѣемъ, что лучше впредь время покажетъ».

Свою убавку они формулировали такъ:

2) «Что касается по сю сторону Днѣстра, тѣ земли хотя и пустыя, кромѣ города Очакова, который взятъ толикимъ кровопролитіемъ, но какъ могутъ турки думать, чтобъ отъ в. в-ва оставленъ быть могъ? Того ради за постоянную границу между обоихъ государствъ да будетъ рѣка Днѣстръ». Конечно, здѣсь Днѣстръ понимался не по всему его теченію, а по нижнему, отъ впаденія Ягорлыка до Маяка и Отарика или до Овидова озера, что теперь Днѣстровскій лиманъ, т. е. наши требовали Ханской Украины.

2) «Чтожъ надлежитъ до города Азова и до Ногайскихъ степей по берегу Азовскаго моря и до Днѣпра съ Кинбурномъ, оные издревле бывали россійскіе, то и нынѣ в в-во законно, также за нужно къ своей безопасности, держать изволите, хотя оные и пусты. Также и Кубань и островъ Тамань в. в-ву потребны».

3) «Крымъ уступается; но Порта обязуется дать такіе способы для безопасности и содержанія покоя, которые былибъ вполнѣ достаточны».

Такимъ образомъ, Буджакъ, Молдавія, Валахія, граница у нижняго Дуная, Крымъ изымались изъ вопросовъ конгреса. Предназначенное было грандіозное расширеніе государственной территоріи съужено до «како владѣете»: Очаковъ повелѣвалъ Степью до Днѣстра; Степь «издревле россійская», вдоль Азовскаго моря, тяготѣла къ Азову.

На слѣдующій день, т. е. 11 августа, эти умаленныя кондиціи и были предъявлены на конференціи.

Шагъ этотъ нашихъ полномочныхъ не могъ встрѣтить осужденія у Остермана: графъ уже свыкся съ неблагопріятными кругомъ условіями для начертаннаго было имъ въ крупныхъ размѣрахъ дѣла мира; самъ былъ за необходимую «убавку», лишь бы получился какой результатъ, былъ даже за прямой обходъ союзника. Это ясно изъ указа 3 августа. Тоже позже.

Въ рескриптѣ 12-го августа, въ томъ самомъ, гдѣ рѣчь о крымскихъ «счастливыхъ сукцесахъ» Ласси, но для Неплюева—запоздалыхъ, мы, послѣ сообщенія о нихъ «для учиненія на конгресѣ употребленія», читаемъ: «что до предложенія о нашихъ кондиціяхъ, то мы не видимъ, чтобы вы отъ того въ нѣкоторомъ безпокойствѣ и сумнѣніи быть—причину имѣли. Мы уже вамъ въ прежнихъ секретнѣйшихъ указахъ повелѣли — смотря по тамошнимъ состояніямъ дѣлъ и турецкихъ министровъ поступкамъ, къ другимъ кондиціямъ переходить. Въ оныхъ кондиціяхъ ничего не находится, чѣмъ бы уже дѣйствительно не владѣли. Понеже всѣ трактаты съ турками обыкновенно чинятся на основаніи uti possidetis; того ради оные кондиціи туркамъ не могутъ странными и чрезмѣрно высокими показаться, толь меньше еще турки отъ того поводъ взять могутъ конгресъ разорвать, какъ по вашимъ реляціямъ видно, что вы опасаетеся—развѣ они къ миру никакой склонности не имѣютъ. Въ такомъ случаѣ надлежитъ на волю божескую положиться, въ надеждѣ, что Онъ, при продолженіи войны, наше праведное оружіе благословить не оставитъ».

Но пока послы пошли на собственный страхъ съ своею крупною «убавкой»: вполнѣ разрѣшающаго ихъ опасенія рескрипта 12 августа надо было имъ еще долго ждать.

Конференція 11 августа имѣла прежде всего одинъ эффектъ: она дала туркамъ формальный, законный поводъ къ пріостановкѣ переговоровъ, а затѣмъ дала возможность узнать, наконецъ, и настоящія австрійскія домогательства.

Но и на предложенныя вторыя, или умаленныя, кондиціи турки отвѣчали тѣмъ же отказомъ, сильно, и все съ тою же лукавою кротостью.

«Все то, возразили они, требуется, какъ побѣдители на войнѣ Таманомъ и Темрюкомъ турки и донынѣ владѣютъ, гдѣ

русская нога не бывала. Изъ того видно, что Россія, отступаясь отъ Крыма, одного свободнаго прохода ищетъ въ Черное море и Крымъ отворенъ имѣть ко всегдашней своей волѣ». Относительно татаръ, источника обоюдныхъ жалобъ, они спросили о «способахъ къ усмиренію ихъ впредь». Наши полномочные указали, что если нельзя отдать Перекопской линіи, то разорить ее, а Россія вблизи построитъ новую крѣпость.

Но общее мнѣніе турокъ сводилось къ тому, что «по отъѣздѣ ихъ, дѣлъ окрестности отмѣнились и о нѣкоторыхъ пунктахъ должно отписаться къ Портѣ», т. е. опять воротиться въ старому бездѣйствію.

Послѣ нашихъ предложены были австрійскія кондиціи. Но предварительно гр. Остейнъ познакомилъ съ ними своихъ русскихъ товарищей, во всей ихъ полной скромности.

Австрійцы требовали уступки Ниша съ округомъ, Видина, Босніи; кромѣ того, «желаютъ Валахіи и Молдавіи, только оставили — до отвѣта отъ своего двора». «Уповаютъ, замѣчаютъ наши въ реляціи 15 августа, что въ тѣхъ предѣлахъ Франція желузіи не возъимѣетъ». На самой же конференціи цесарское требованіе о границахъ намѣренно предложено было въ «генеральныхъ терминахъ»; но турокъ тѣмъ не провели: они потребовали сейчасъ-же точныхъ обозначеній. «Русскіе, поясняли турки, хотя просятъ много земель и провинцій, однако точное свое намѣреніе объявили». Самое же объявленіе австрійскихъ кондицій было встрѣчено рѣзкими «нареканіями и выговорами» отъ турокъ. Въ сильныхъ «экспрессіяхъ» они выговаривали, особенно барону Талману, за самый фактъ начатія австрійцами войны, за неожиданное «примѣшаніе со стороны», тогда какъ Талманъ все время, съ начала 1737 года, такъ горячо игралъ роль посредника-мирителя — обстоятельство, которое возбудило сейчасъ позже въ Остерманѣ самый живой интересъ.

Въ виду возраженія о новыхъ «окрестностяхъ», рѣшено было, что турки пошлютъ къ Портѣ своего переводчика за новой инструкціей. На вопросъ о срокѣ отвѣта отъ Порты турки двусмысленно отвѣчали, что «меньше 40 дней не обязуются: такого знатнаго дѣла, какъ уступленіе многихъ провинцій не только визирь, но и самъ султанъ безъ Совѣта рѣшить не можетъ». Во времени они выигрывали почти полтора мѣсяца.

Лукавымъ отвѣтомъ турки давали какъ бы надежду на уступку и тѣмъ могли утвердить своихъ противниковъ въ заблужденіи. Но, отъѣзжая къ Портѣ, турецкій переводчикъ зашелъ къ нашимъ въ палатку, долго бесѣдовалъ съ ними и какъ бы ненарокомъ проронилъ слово о настоящихъ турецкихъ условіяхъ, о мѣрѣ ихъ уступокъ, проще — Порта ничего не даетъ.

«Портѣ, говорилъ переводчикъ, и въ виду умаленныхъ кондицій мало остается для прикрытія своей чести, если толь пространныя, хотя пустыя, земли уступить». Гика спросилъ какъ-бы мелькомъ: «не возможно-ль (говоря яко-бы собою) тѣхъ пустыхъ земель барьерою сдѣлать, Азовъ разорить, а Очаковъ отдать»? На это смѣлое предложеніе наши полномочные рѣзко возразили: «а что до Азова и Очакова, о томъ Портѣ излишне-бъ и мыслить, чтобы в. в—во уступили или разорить допустили».

Такъ доносили они, въ заключеніе реляціи 15 августа, о неожиданной частной бесѣдѣ, которая и открыла всего турка *).

Отчетъ о дѣловой конференціи 11-го августа произвелъ въ Петербургѣ далеко не безотрадное впечатлѣніе; Остерманъ не раздѣлилъ мнѣнія полномочныхъ, что нижѣ надежды на миръ, развѣ что мы «всего равномѣрно отступимся».

Отчетъ показалъ Остерману, что условія дурны: союзникъ недругъ, турки болѣе чѣмъ «твердо себя держатъ»; но личная находчивость полномочныхъ при частной практикѣ съ турками— еще неиспробованный якорь надежды. Въ виду этого Остерманъ и далекъ отъ мысли, что немировскіе разговоры ничего намъ не дадутъ. Надо только съумѣть обойтись съ турками, думалъ онъ: гдѣ ввести въ дѣло убѣжденіе, гдѣ уступить, гдѣ и пригрозить. Сами турки, заславъ Гику, ищутъ такой практики.

Остерманъ въ крайнемъ волненіи, что практика все не открыта, и старому вопросу о практикѣ посвященъ новый «секретнѣйшій» рескриптъ (31-го августа), весь рукою Остермана. Но графъ останавливается прежде всего на объявленіи и австрійцами ихъ кондицій, на рѣзкомъ пріемѣ ихъ отъ турокъ и повторяетъ старый упрекъ полномочнымъ о невниманіи.

---

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/е, № 14.

«Въ реляціи вашей, говорилъ рескриптъ, упомянуто, какимъ образомъ отъ турокъ цесарскимъ министрамъ, при объявленіи ихъ кондицій, а особливо бар. Талману, всякія нареканія и выговоры были. Хотя упомянуто, что турки о начатіи войны министрамъ выговаривали; но въ чемъ тѣ, бар. Талману особливо учиненныя, нареканія состояли, какими словами и экспресіями учинены, не изображено, а все то именно и подробно толь наипаче потребно было, что, безъ сумнѣнія, по онымъ того бар. Талмана прежніе, по указамъ или собою, при Портѣ учиненные предосудительные поступки, о которыхъ толь многія жалобы отъ насъ принесены, явственно показались».

За этимъ новымъ, и съ основаніемъ, упрекомъ—пропускъ очень важныхъ мелочей, которыя моглибы пролить полный свѣтъ на политику союзника до конгреса, слѣдовалъ другой, за отсутствіе «приличнаго старанія» открыть частную практику, а время тянется и все можетъ окончиться, дѣйствительно, ничѣмъ.

«Съ немалымъ удивленіемъ усмотрѣли, что вы еще донынѣ съ турками ни въ какую партикулярную практику не вступили, но дѣла едино только въ публичныхъ конференціяхъ трактуются.

Вамъ самимъ довольно извѣстно, что пока только тѣмъ порядкомъ дѣла у васъ происходить станутъ, то подлинно не токмо прямыя турецкія намѣренія еще вывѣдать невозможно, но и Богу извѣстно, до какихъ мѣстъ негоціація протянута быть можетъ.

Мы, вѣдая то и въ зрѣломъ о семъ уваженіи, съ самаго начала наиприлежнѣйше вамъ рекомендовали—чрезъ всякіе способы и пути стараться съ турецкими министрами, безпосредственно или посредственно какого канала, въ партикулярное сношеніе вступить и тѣмъ образомъ дѣла въ лучшее теченіе и вящее откровеніе привесть, ибо такимъ только путемъ можно узнать, на чтò турки поступить могутъ и чтò учинить не хотятъ».

На взглядъ Остермана это тѣмъ легче, что изъ поступковъ самихъ турокъ видно, что они отъ партикулярной практики «не были-бъ отдалены, но паче сами, можетъ быть, желали-бъ, ежели-бъ съ вашей стороны о томъ какое приличное стараніе было»; надо потому спѣшить и идти на послѣднія уступки.

Ссылаясь на рескриптъ 3 августа, что тамъ «довольно резоны показаны, для которыхъ, не упуская нынѣшняго времени, въ негоціацію вамъ со всякимъ пристойнымъ поспѣше-

ніемъ поступить надлежитъ», новый рескриптъ «весьма» повелѣвалъ: «ежели усмотрите, что по тамошнему состоянію первыхъ кондицій получить невозможно, тогда, не теряя времени, къ послѣднимъ переходить». Но и здѣсь успѣхъ зависитъ едино «отъ фамильярнаго сношенія». Отсутствіемъ полномочій у турокъ стѣсняться болѣе не слѣдуетъ: «и сіе безпрекословно, что ихъ доношенія наивящую силу подать могутъ при резолюціи Порты». Но есть еще одна помѣха, и ее надо устранить.

Остерманъ не могъ не понимать, и давно, что турки страшатся, подозрѣваютъ Россію въ далекихъ планахъ, «дальнихъ видахъ», какъ говорили немировцы; но это-то опасеніе и было необходимо, и давно, устранить въ нихъ, убѣдить ихъ въ несостоятельности его, успокоить ихъ отъ мнимой грозы приближенія къ нимъ Россіи, ея непосредственнаго сосѣдства съ Турціей.

«По всѣмъ отъ васъ донесеніямъ и турецкихъ министровъ изъясненіямъ, продолжалъ рескриптъ, видно, что то, еже Портѣ къ поступленію на наши кондиціи препятствовать можетъ, наиглавнѣйше состоитъ въ имѣющейся у нихъ опасности о предбудущихъ какихъ дальнихъ нашихъ намѣреніяхъ. Хотя оная опасность весьма неосновательна, однако-жъ по ситуаціи земель натурально, что она у турокъ въ разсужденіе взята быть можетъ.

«Мы въ предусмотрѣніи того еще въ Инструкціи вашей, для отнятія такой опасности, именно и подробно васъ наставляли и понеже, по словамъ турецкихъ министровъ, о нашихъ кондиціяхъ при Портѣ генеральный Совѣтъ отправленъ быть имѣетъ и, безъ сумнѣнія, въ немъ и о той опасности довольно толковано будетъ, особливо у прочихъ, въ дѣлахъ довольно неискусныхъ и недальновидныхъ турковъ немалымъ къ поступленію на наши кондиціи препятствіемъ быть можетъ; того ради всемѣрно надлежало оную опасность прежде отправленія переводчика у турецкихъ министровъ основательно отнять и имъ всякую резонабельную безопасность обѣщать». Но удобный случай пропущенъ; надо хоть сколько-нибудь поправить дѣло теперь—представить имъ «ясно и внятно» все безкорыстіе нашихъ дѣйствій, нашей политики «въ разсужденіи Турецкаго государства», хотя не забыть промежъ убѣжденія и пригрозить, но осторожно, намекомъ, о напримѣръ, возможномъ осложненіи положенія въ ближайшемъ будущемъ.

«Вамъ, указывалъ рескриптъ, надлежитъ не токмо въ публичныхъ конференціяхъ, но особливо въ партикулярныхъ случаяхъ ясно и внятно, безъ всякаго огорченія, показать, что 1) мы чрезъ миръ ничего окромѣ надлежащей и совершенной безопасности себѣ и государству своему не желаемъ; что 2) сія безопасность ни въ чемъ иномъ, какъ въ предложенныхъ отъ насъ кондиціяхъ, состоять не можетъ; что 3) отъ сихъ кондицій никакой другой прибыли не будетъ; что 4) самому Турецкому государству отъ потерянія тѣхъ мѣстъ никакого убытку и предосужденія быть не можетъ, но паче, какъ для удержанія татаръ и лучшаго удержанія отъ продерзостей, такъ и для другихъ разныхъ важныхъ разсужденій, еще небезполезно иногда будетъ, что тѣ мѣста въ нашемъ владѣніи остаются; потому 5) обѣщать имъ всякую безопасность; что 6) мы, не получа сію безопасность, ни на какой миръ поступить не можемъ, ибо лучше въ войнѣ остаться, нежели непостоянный и такой миръ учинить, чрезъ который безопасности имперіи нашей совершенно предусмотрѣно не будетъ». «Правда, въ ихъ волѣ состоитъ кондиціи принять или не принять; но ежели мира желаютъ, то надобно, чтобъ нынѣ и безъ потерянія времени тѣ приняли, ибо сами легко могутъ разсудить, что при продолженіи войны мы впредь тѣми кондиціями болѣе обязанными быть не можемъ». Наконецъ, рескриптъ разрѣшалъ и слегка пригрозить: «вы можете имъ искренно и сіе намекнуть, что къ будущей кампаніи, можетъ быть, еще и другіе, новые непріятели появятся, и слѣдственно сія война въ такое пламя взойдетъ, что его уже такъ легко утушить не возможно будетъ». Здѣсь подразумѣвалась Польша, которая въ непродолжительномъ времени имѣла послать своего представителя въ Немировъ.

Остерманъ расчитывалъ, что этотъ рядъ «резоновъ, какъ на правдѣ основанныхъ, безъ дѣйства быть не можетъ». Турки сильно были противъ Темрюка, и Остерманъ опять уступалъ—граница по Кубань, безъ Тамани: «удержаніе ея къ подозрѣнію и къ лишнему толкованію о какихъ-либо нашихъ дальнихъ намѣреніяхъ поводъ даетъ». Зато «въ прочихъ кондиціяхъ неотмѣнно стоять», требовалъ рескриптъ.

«Что надлежитъ, заключалъ рескриптъ, до цесарскихъ кондицій, то вы о нашемъ соизволеніи въ томъ дѣлѣ извѣстны; по нему вамъ и поступать надлежитъ, но съ такою крайнею осторожностью, чтобъ цесарскіе министры о томъ прежде времени

провѣдать не могли, яко вы сами разсудите, какой важности и какого деликатства сей пунктъ есть, особливо, ежелибъ турки въ нашихъ кондиціяхъ не поступили».

Здѣсь имѣется въ виду главнымъ образомъ рескриптъ 3-го августа, съ его разрѣшеніемъ сепаратнаго мира.

Но между тѣмъ попытка получить «свой миръ» была уже сдѣлана, вмѣстѣ съ открытіемъ частной практики, «фамильярнаго сношенія» *) Заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Волынскому.

Въ ожиданіи возвращенія отъ Порты переводчика Гики открылся 40-дневный невольный роздыхъ, вторая остановка въ небольшой періодъ начавшихся переговоровъ. Естественно, наступила удобная минута попытать ввести въ дѣло секретнѣйшій рескриптъ 3 августа о сепаратномъ мирѣ, помимо австрійцевъ, давно открывшихъ изъ-подтишка свою частную практику. Этому намѣренію шло на встрѣчу и давнее желаніе турокъ развести подальше своихъ обоихъ противниковъ, которые собственно давно уже были взаимно-противниками, но желаніе, которое, очевидно, не къ миру направлялось, а стремилось перенести его на будущее.

Для первой развѣдки былъ посланъ къ туркамъ, съ визитомъ, нашъ переводчикъ Тевкелевъ. Такъ поступили первые турки, заславъ къ нашимъ своего Гику. Переводчикъ привезъ, казалось, какъ будто и добрыя вѣсти, что дѣло можетъ наладиться, хотя собственно новаго ничего не было.

Тевкелевъ посѣтилъ рейсъ-ефенди и другихъ турокъ, и тѣ согласно объяснили, что отношенія Порты къ Россіи, «до Россійскаго имперія — «особливое дѣло; токмо цесарскія претензіи имъ несносны».

Волынскій, по болѣзни не участвовавшій на конференціи 11 августа, посѣтилъ турокъ на другой день послѣ отправки отчета 15 августа, чтобы открыть тоже «особливое дѣло».

Полномочные Порты твердили все одно: «они весьма желаютъ мира съ Россіей, но сами не вѣдаютъ, чтó дѣлать? Другіе со

---

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/d № 13.

стороны въ войну примѣшались и корыстоваться хотятъ, и для того не знаютъ, кого изъ двухъ удовольствовать».

«На то, доноситъ Волынскій, я сказалъ, что они легко могутъ разсудить, кого прежде удовольствовать надобно и кто главная воюющая сторона».

«И нынѣ, отвѣчали турки, мы сыскалибъ средства удовольствовать Россію, но цесарь намъ несносенъ: присталъ со стороны, безъ причины; кромѣ одного затрудненія отъ нихъ (т. е. австрійскихъ полномочныхъ) другаго не видимъ и для того принуждены послать переводчика Порты къ визирю и султану, а сами остались жить праздно, безъ всякаго инструмента къ трактованію съ ними».

Волынскій поспѣшилъ воспользоваться лукавою откровенностью собесѣдниковъ и, помня инструкцію о сепаратномъ мирѣ, замѣтилъ имъ, что «ежели они истинное намѣреніе къ заключенію мира съ нами имѣютъ и прямо хотятъ изъясниться намъ», то отсутствіе отъѣхавшаго переводчика помѣхой служить не можетъ для переговоровъ: есть русскій переводчикъ, Муртаза Тевкелевъ. Онъ—хорошій «каналъ», посредствомъ котораго «удобно и вѣрно» можно сноситься обѣимъ сторонамъ и уговориться, помимо «другихъ, приставшихъ со стороны».

Турки одобрили предложеніе о каналѣ, чтобы вести далѣе игру.

Бесѣда 16 августа была очень продолжительна, подъ открытымъ небомъ, въ саду.

Уже на слѣдующій день отправился къ туркамъ Тевкелевъ.

Турки усилили свое лукавство. Они повторили нашему переводчику, что съ одной Россіей они могли бы и миръ заключить, безъ отписки съ Портою, да остановлены заявленіемъ русскихъ и цесарскихъ полномочныхъ на конференціи, что «одинъ безъ другаго удовольствованъ быть не можетъ». Они признавались далѣе, что «понять не въ силахъ, какія могутъ быть найдены средства послѣ къ удовольствованію цесаря, который со стороны присталъ и хочетъ ихъ провинціями завладѣть». На ихъ взглядъ, для выхода изъ настоящаго затрудненія есть одно средство, но нелегкое: «или чтобъ Россія обязалась послѣ удовольствованія отъ Порты по своему желанію, отстат отъ союза съ римскимъ цесаремъ, или бы мы (пишутъ пол мочные) объявили, какимъ образомъ думаемъ обязательство его союза съ цесарцами уничтожить».

Домогательство турокъ было ясно: разссорить.

Получивъ отчетъ о миссіи Тевкелева, наши полномочные рѣшили сейчасъ же переговорить и съ гр. Остейномъ объ отношеніи турокъ къ дѣлу конгреса и отправились въ его палатку.

Графъ со смѣхомъ встрѣтилъ русскихъ гостей и, обращаясь къ Волынскому, замѣтилъ: «вы долгое время были у турокъ, и я думалъ, что совсѣмъ и миръ въ то время заключили».

«Цесарскіе послы, отвѣчалъ спокойно Волынскій, не далеко были, гуляли по другой сторонѣ пруда. Еслибы я былъ столь счастливъ и въ первый мой пріѣздъ къ туркамъ миръ заключилъ, то не оставилъ бы и ихъ, по близости, къ тому заключенію попросить, чтобы они соучастниками были, будучи въ такой близости отъ турецкаго лагеря».

Послѣ этого наши полномочные перешли къ дѣлу, но, конечно, скрывая главное—свою практику чрезъ «каналъ». Главное слово принадлежало Волынскому, какъ первому дѣятелю послѣднихъ дней.

Волынскій передалъ разныя нареканія турокъ на австрійцевъ: на ихъ нежеланіе точно обозначить свои требованія о «провинціяхъ», на затяжку потому въ переговорахъ, на ихъ старое предложеніе переѣхать во Львовъ. Объ интимной части нареканій, о корыстованіи, было умолчено.

Гр. Остейнъ на все это отвѣчалъ однимъ — старою просьбою: «спѣшить воинскими дѣйствами принудить турокъ къ миру». «Иначе, говорилъ онъ, если сей годъ будетъ пропущенъ, то и въ будущемъ году его не получить, да и другія державы, какъ намъ, такъ и имъ, за Дунай конкетъ не допустятъ распространяться». На томъ совѣщаніе окончилось. «Видно было, пишутъ полномочные, что гр. Остейнъ не въ малой суспиціи о пересылкахъ нашихъ съ турками находится», т. е. уже подозрѣваетъ.

На слѣдующій день «каналъ» пошелъ опять въ дѣло. Отвѣчая чрезъ Тевкелева на переданныя имъ соображенія турокъ, наши спрашивали: «тотъ вчерашній разговоръ былъ ли опытъ о твердости союза, или вправду они желаютъ Россію удовольствовать? Если второе, то пусть примутъ предъявленныя условія; тогда и они, полномочные, изъяснятся, какъ съ цесаремъ поступить». Конечно, здѣсь разумѣлись «умаленныя кондиціи».

«Хотя, отвѣчали турки русскому переводчику, и не во всѣхъ требованіяхъ они могутъ Россіи удовольствіе показать

(они возражали, по старому, противъ уступки Темрюка, Тамани, Азова Очакова, разоренія перекопской линіи), но по совѣсти и справедливости къ удовольству Россіи средство найти могутъ; только къ удовольству цесарцевъ ниже̂ думаютъ. Пока всѣ турки не пропадутъ и Порта не исчезнетъ, они ни четверти аршина земли имъ уступить не хотятъ, понеже снабдены султанскимъ указомъ—съ цесарскими послы о продолженіи мира (т. е. Пожаревацкаго) возобновленіе учинить, не болѣе».

Опять тѣ же неопредѣленные посулы, тотъ же напередъ отказъ на главныя статьи и въ умаленныхъ кондиціяхъ, то же домогательство. Въ виду всего этого наши полномочные рѣшили, въ несогласіе съ настойчивыми требованіями Остермана, на время отстать отъ частной практики, какъ безполезнаго пріема, прекратить пользоваться «каналомъ».

«Изъ всѣхъ поступковъ турокъ, писали они въ обоснованіе своего рѣшенія, въ оправданіе себя, ничего другаго признать не можемъ, какъ что они у насъ вывѣдать хотятъ, чтобы мы имъ нагло открылись, а потомъ бы ваше в-во съ римскимъ цесаремъ поссорить, ибо сначала и имъ (австрійцамъ) тѣ же попытки чинили чрезъ молдавскаго князя Гику. Турки всячески простираются между нами холодность положить, въ чемъ ихъ весь авантажъ состоитъ. Потому, не видя прямаго намѣренія (т. е. къ миру) и во избѣжаніе напраснаго подозрѣнія цесарскихъ пословъ, мы отъ частныхъ сношеній съ турками поудержимся. Ежелибъ турки стали засылать къ намъ и хотябъ и обѣщали что̀, тѣмъ не менѣе на словахъ ихъ трудно утвердиться. Того ради, елико касается до союза, со всякою осторожностью поступать будемъ».

Таковъ былъ первый опытъ примѣненія остермановскаго пріема. На мѣстѣ имъ недовольны, его безуспѣшностью и возможностью осложненій при продолженіи.

Попытка Волынскаго нашла горячее одобреніе на верху; но послѣдующее затѣмъ рѣшеніе полномочныхъ «по тамошнимъ обстоятельствамъ» встрѣтило укоризну. Остерманъ не убѣдился доводами о безполезности «фамильярнаго сношенія»; напротивъ, онъ потребовалъ не оставлять, а участить частную практику.

Съ видимымъ удовольствіемъ рескриптъ 12-го сентября

«апробовалъ» партикулярныя сношенія чрезъ Тевкелева; но онъ еще болѣе рекомендовалъ личныя сношенія полномочныхъ съ турками.

«Случай, говорилъ рескриптъ, къ такимъ фамильярнымъ обхожденіямъ сыскать можно взаимными обѣдами, подчиваніями и другими партикулярными посѣщеніями, подъ образомъ гулянія или подъ инымъ какимъ приличнымъ претекстомъ чинимыми: они во всѣхъ конгресахъ звычайны и обыкновенны и основательнаго подозрѣнія цесарскимъ министрамъ подать не могутъ».

Сепаратный миръ по прежнему еще непотерянный идеалъ для Остермана. Но этотъ миръ, какъ и самое домогательство къ полученію его, отнюдь еще не синонимъ разрыва самаго союза Россіи и Австріи, къ чему такъ устремлены, надъ чѣмъ такъ трудятся турки, повторялъ Остерманъ. Самыя политическія обстоятельства только усиленно препоручаютъ этотъ пріемъ и оправдываютъ его.

«Мы, продолжалъ рескриптъ, по сообщеннымъ вамъ въ прежнихъ рескриптахъ важнѣйшимъ резонамъ, за какими-либо цесарскими высокими претензіями, свой миръ, ежели на полезныхъ намъ кондиціяхъ можемъ получить, остановить не намѣрены. По получаемымъ ежедневно извѣстіямъ о цесарскомъ состояніи и происхожденіи ихъ операцій имѣемъ причину въ томъ намѣреніи еще вяще утвердиться. Однако, иное дѣло—союзъ вовсе разорвать, какъ турки о томъ внушаютъ, а иное дѣло — заключеніемъ своего мира привесть союзника къ умѣреннымъ кондиціямъ. До сего времени по всѣмъ изъясненіямъ рейсъ-ефендія инако признать невозможно, окромѣ, что тѣ внушенія о цесарскомъ союзѣ не инако, какъ за коварныя искушенія приняты и вмѣнены быть имѣютъ, дабы, ежелибъ какимъ образомъ на оныя попустились, они имѣли случай тѣмъ къ невозвратимому предосужденію обѣихъ сторонъ пользоваться и, получа сіе свое коварное намѣреніе, потомъ и въ нашемъ удовольствіи себя тверже и безсклоннѣе содержать».

Но искушеніе все же оставалось. Что, если сомнѣніе въ искренности турокъ напрасно, и вся вина въ безуспѣшности переговоровъ до сихъ поръ — въ «высокихъ претензіяхъ» одного союзника, который все не желаетъ сообразоваться съ положеніемъ своихъ дѣлъ и все стоитъ на несоотвѣтствующихъ кондиціяхъ?

«При всемъ томъ, говорилъ далѣе рескриптъ, можетъ быть,

что они подлинно желаютъ съ нами мира и только опасаются цесарскихъ тяжелыхъ кондицій и ищутъ освободиться отъ нихъ. Ежели турецкое намѣреніе къ тому клонится, то способъ къ достиженію его — предыдущее удовольствованіе насъ въ нашихъ кондиціяхъ». Отвѣтъ, данный Волынскимъ въ саду, нашелъ одобреніе.

Вотъ почему рескриптъ, въ виду представляющагося затруднительнаго положенія — и «склонности къ миру не пустить, и безъ прямаго дѣла не лишиться цесарскаго вспоможенія при продолженіи войны», считалъ возможнымъ одно—объяснить полномочнымъ Порты, что «ежели мы, яко главнѣйшая воюющая сторона, въ нашихъ кондиціяхъ, до единой предбудущей безопасности нашей касающихся, надлежаще удовольствованы будемъ, то мы всемѣрно союзника нашего къ такъ умѣреннымъ кондиціямъ склонить не оставимъ, на которыхъ туркамъ весьма резонабельно возможно будетъ миръ свой заключить».

Опять рескриптъ повторялъ пожеланіе «всякихъ авантажей» союзнику, хотя тутъ же сообщалъ, по донесеніямъ изъ Вѣны, о его столь «слабомъ и худомъ состояніи». что «намъ на твердость его, на какое-либо будущее вспоможеніе, никакой надежды имѣть невозможно». Онъ опять повторялъ въ оправданіе «своей» политики, что «мы за цесарскими кондиціями продолжать войну весьма не намѣрены, ежели въ своихъ кондиціяхъ удовольство получить можемъ, яко и несправедливо было бы, получа свою безопасность, для одного цесаря войну продолжать», и это тѣмъ несправедливѣе, что уже «явно по слабымъ поступкамъ и операціямъ цесарскаго двора», что «вся тягость войны, какъ до сего времени, такъ и впредь, на насъ лежать будетъ».

Но это самое обстоятельство—слабость союзника—еще болѣе усиливаетъ затрудненія на конгресѣ. Естественно было остановиться предъ вопросомъ: «не покусились бы цесарскіе министры съ турками свой миръ заключить», т. е. насъ предупредить въ нашемъ пріемѣ?

Рекомендуя потому, «ихъ, цесарскихъ министровъ, поступки съ прилежаніемъ смотрѣть», рескриптъ, съ ссылкой на инструкцію 3 августа, заключалъ повтореніемъ, что единый якорь надежды—партикулярныя совѣщанія съ турками, вообще «ничего не упустить, что только можетъ служить къ поспѣше-

ствованію нашего мира, къ полученію его на желаемыхъ кондиціяхъ».

На-сколько уже желателенъ былъ миръ для Остермана, извѣрившагося въ союзника, въ его значеніе, позабывшаго «сукцесы» Миниха и Ласси, видно изъ послѣднихъ, сердечныхъ словъ рескрипта. «Наши кондиціи, говорилъ рескриптъ, отъ всего свѣта за совершенно умѣренныя почитаются, и сама Франція себя изъяснила, что ежели мы довольствоваться будемъ распространеніемъ нашихъ границъ до рѣки Дуная, то ни она и никто намъ въ томъ завидовать причину не имѣетъ, о чемъ вамъ, при первомъ къ тому пристойномъ случаѣ, и туркамъ внушить возможно. Того ради натурально причину имѣемъ уповать, что турки на сіи кондиціи поступятъ и миръ съ нами заключатъ, о чемъ, дай Боже, чтобъ мы скорую отъ васъ пріятную вѣдомость получить могли». Но также ясно, что и среди наступившихъ крайне тяжелыхъ условій минуты Остерманъ все не можетъ разстаться съ мыслью о новой границѣ на Югѣ—на нижнемъ Дунаѣ, т. е. о присоединеніи Бессарабіи, все мечтаетъ объ осуществленіи одной изъ крупныхъ точекъ своей Инструкціи 14 іюня, не смотря на то, что въ убавленныхъ кондиціяхъ граница была перенесена за Днѣстръ, что еще въ третьей Инструкціи (рескриптъ 3 августа) отъ Буджака онъ самъ отказался, что въ самой Инструкціи 14 іюня «прибавка» въ требованіяхъ—граница на Дунаѣ—прямо обусловлена военными успѣхами. А основаніе мечты? Одно—что Франція обѣщала не возражать. Такъ крѣпко держался виновникъ исторической Инструкціи за предположенную имъ новую границу Россіи у самаго порога Порты, такъ дорога она была ему, такъ нужна была, въ его глазахъ, для Россіи.

Рекомендація учащенной частной практики, фамильярнаго обращенія, помимо пересылокъ, при помощи обѣдовъ, общихъ гуляній, чтобы только поскорѣе «пріятную вѣдомость получить», была мѣрой запоздалой.

Если въ Немировѣ австрійскіе полномочные все еще думали о конкетахъ за Дунаемъ, хотя въ Петербургѣ давно знали о плохомъ состояніи дѣлъ союзника; то послѣ 20 августа они должны были стать нѣсколько болѣе скромными: открылась и передъ ними, хотя все еще не вполнѣ, неприглядная дѣйствительность тамъ, за Дунаемъ. Но, новинка для австрійцевъ, едва-ли была она новин-

кой для турокъ. Они давно намекнули объ этомъ—еще на конференціи 11 августа, что одни политическія обстоятельства, «дѣлъ окрестности», были раньше, при отправкѣ ихъ въ Немировъ, другія теперь, къ половинѣ августа.

20 августа получено было изъ Вѣны именное повелѣніе—«чтобы сей годъ миръ заключить», съ откровеннымъ признаніемъ, что «лучшіе доходы въ закладѣ, а въ Босніи, у Баньи-Луки, пораженіе», т. е. безденежье и неуспѣхъ въ операціяхъ на Югѣ. Кратко и ясно указана причина необходимости торопиться съ миромъ, помимо «другихъ державъ», которыми, еще немного дней назадъ, стращалъ гр. Остейнъ нашихъ полномочныхъ, на случай затяжки войны.

«Гр. Остейнъ, поспѣшили донести наши полномочные, весьма сожалѣлъ о томъ и о выходѣ войскъ изъ Крыму, что отъ того непріятель не мало возгордится и немалое помѣшательство настоящей негоціаціи учинитъ», нарекалъ на «наше бездѣйство». Естественно, при такихъ условіяхъ являлась трудная задача—добиться у турокъ мира, и еще скораго, какъ этого требовала Вѣна. Но, по словамъ нашихъ полномочныхъ, Остейнъ не унывалъ и находилъ утѣшеніе для себя въ предположеніи, что хотя цесарь и оставитъ Боснію, зато «устремится къ Видину, а Валахію и Молдавію за овладѣнныхъ почитать будутъ», т. е. и Видинъ будетъ австрійскій, и равнина нижняго Дуная, сначала столь настойчиво оспаривавшаяся было у цесаря Россіей, а позже «въ молчаніи оставленная» ею, но формально, «до времени».

Но на-сколько за это предположеніе, особенно по отношенію къ обоимъ господарствамъ, могла говорить дѣйствительность? Изъ знакомыхъ уже намъ военныхъ дѣйствій въ Валахіи къ началу августа ясно, что едва-ли что серьезно говорило за него. Оно покоилось или на недоразумѣніи, недостаточной освѣдомленности о томъ, что́ происходило на ближайшемъ театрѣ войны, или на одной надеждѣ на доброе будущее, какъ это нерѣдко бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, надеждѣ—авось. Правда, Остейна могло поддерживать одно формальное соображеніе—вынужденная у представительнѣйшихъ чиновъ Валахіи присяга при первомъ-же вторженіи австрійцевъ и домашнее объявленіе тогда же со стороны гр. Валлиса всѣхъ валаховъ вѣрноподданными цесаря. Но эти торопливыя дѣйствія самъ Остейнъ дол-

женъ былъ понимать не иначе, какъ въ значеніи пустой мѣры, вызванной однимъ—предупредить соперника, Россію *).

---

*) Ср. выше, стр. 270. Прибавимъ, что объ этихъ обстоятельствахъ мы имѣемъ сообщенія и свои, по болѣе позднія, съ прибавленіями и отъ лица, которое осторожный Неплюевъ считалъ обманщикомъ. 14 декабря 1737 года, когда наши полномочные были уже въ Кіевѣ, прибылъ туда изъ Букарешта волошанинъ Дмитрій Скутори. «Онъ былъ, доноситъ Неплюевъ, посланъ-де отъ митрополита и другихъ знатныхъ людей съ письмомъ къ в. в-ву. Сколько я примѣтить могъ изъ его состоянія, болѣе на обманщика походитъ, ибо съ лица печальнаго вида не кажетъ, а еще и о томъ сумнѣваюсь, не подосланъ-ли онъ подлогомъ отъ союзной стороны: по-нѣмецки говоритъ, по-турецки нѣтъ. На допросѣ онъ показалъ, что, при овладѣніи Букарештомъ отъ цесарцевъ, генер. Гелани, призвавъ митрополита и знатнѣйшихъ, сталъ приводить въ подданство цесарю и требовалъ отъ нихъ въ вѣрной службѣ учиненія присяги и подписаться подъ пунктами, сочиненными отъ генерала. Но они, посовѣтовавъ между собою и не хотя себя Россійской имперіи показать непостоянными, генералу объявили, что о войнѣ извѣстны и для того еще прежде подъ россійскую протекцію склонились, гдѣ и резидента (!) своего имѣютъ. Позже, по приказамъ генер. Валлиса митрополитъ Стефанъ да канцлеръ Константинъ Дудескулъ и генеральный судья Юрій Крецулескулъ были арестованы. Тогда, по согласію съ другими знатнѣйшими людьми, написали тайно письмо къ ея в-ву о склонности ихъ и всей земли Мултянской подъ высокую державу Россійской имперіи, но для обмана цесарцевъ то письмо помѣчено еще 20 апрѣля и оно съ нимъ, Скутори». (Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/f, № 15).—Объ участіи митрополита Стефана ни слова у Дапонтеса. Голое упоминаніе имени его у Голубинскаго подъ 1736 г. (Кр. Очеркъ исторіи Прав. церквей, 361). C. Dudescu, великій логоѳетъ, отъ брата Стефана получилъ первое извѣстіе о вторженіи и занятіи австрійцами монастыря Котроченн, гдѣ и принесена была присяга—Дапонтесъ, Ephémér. Daces, II, 20. Georges Cretulescu, великій ворникъ—тамъ же, II. 25. Гусары отвели его въ Тырговиште, затѣмъ въ Кронштадтъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Дудескуломъ сидѣлъ въ тюрьмѣ до апрѣля 1738 г., когда, хорошо заплативъ, онъ былъ отпущенъ на свободу. Общая радость Маврокордата, «всей земли» и турокъ по случаю освобожденія—тамъ же, II, 88—89. Что это за резидентъ валашскій въ Россіи, названный у Скутори? Если это не выдумка, то, можетъ быть, здѣсь разумѣлись Кантакузины: отецъ или сынъ, Константинъ. Сынъ въ 1715 г. былъ захваченъ австрійскими властями у себя судимъ и приговоренъ въ 1746 г. къ казни. Въ рѣшеніи суда указывалось, что онъ и братъ Рудольфъ «уже много лѣтъ назадъ, какъ ненавидятъ Австрію, напротивъ, преданы Портѣ и ждали только удобнаго случая привести, при помощи Порты или какого иного европейскаго двора, въ исполненіе свое опасное намѣреніе противъ австрійскаго дома», что, по его собственному признанію, Константинъ «еще въ Петербургѣ увѣ-

Намъ необходимо оставить на минуту хитрящихъ турокъ въ Немировѣ и обратиться къ немирнымъ туркамъ на Дунаѣ, «устремиться» къ Видину *). Какъ пошли дѣла австрійцевъ тамъ къ октябрю?

Въ Петербургѣ уже въ началѣ августа сомнѣвались въ успѣхѣ военныхъ дѣйствій союзника. Прошелъ мѣсяцъ, и «ежедневно получаемыя, по словамъ сентябрьскаго рескрипта, извѣстія о цесарскомъ состояніи и происхожденіи операцій» окончательно убѣдили Остермана въ «слабомъ и худомъ состояніи» его. Но иначе въ Немировѣ: тамъ австрійскіе полномочные все высокаго мнѣнія о себѣ. Сначала они твердятъ о конкетахъ за Дунаемъ; потомъ, и въ критическую минуту, при оффиціальномъ извѣстіи о неудачахъ, они не перестаютъ вѣрить, что Молдавія и Валахія несомнѣнное достояніе цесаря, если не сегодня, такъ завтра.

рялъ Ягъю-Пашу (взятаго въ плѣнъ въ Очаковѣ Минихомъ), что онъ, и с к а к ъ е г о о т е ц ъ, всегда пребудетъ вѣренъ Портѣ, почему не безъ основанія можно предположить, что именно для исполненія своихъ опасныхъ замысловъ онъ оставилъ русскую службу и направился въ Вѣну», что «сейчасъ же по прибытіи его изъ Москвы въ 1744 году братъ Рудольфъ открылъ ему свое злое и измѣнническое предпріятіе противъ Австріи среди тогдашнихъ опасныхъ обстоятельствъ (война съ Пруссіей), брату онъ далъ субсидію и предпринялъ путешествіе въ Бѣлградъ, гдѣ велъ переговоры съ Ягъею-пашею о полученіи Валахіи», и пр. (См. «Gutachten über den Procesz wider den F. C. Kantakuzeno», 1746 г., въ «Гласник С. Уч. Др.», кн. 73, 331—334). Среди бумагъ этого процеса и сохранилась рѣзкая жалоба сербовъ австрійской Сербіи, отъ имени митрополита Бѣлградскаго Викентія, на ужасы отъ австрійцевъ во время войны съ Турціей императрицѣ Аннѣ, о которой было упомянуто выше (стр. 273). Константинъ поднималъ и сербовъ. Дата въ Гласникѣ: 1736 годъ вѣроятно, ошибочна. Самъ князь Валахіи, Конст. Маврокордато, какъ фанаріотъ и преданный слуга Порты, съ Россіей сношеній имѣть не могъ. Извѣстно, что много позже, изъ-за громко заявленной ненависти къ Россіи, князь и погибъ отъ руки русскаго офицера (Dapontès, Ephém. Daces, II, LXXXIV). Преданность Россіи—родовая черта въ семьѣ Кантакузиновъ XVIII ст. Послѣ Прута Михаилъ и Ѳома Кантакузины состояли въ сношеніяхъ съ Петромъ (Соловьевъ, Исторія, XVII, прил.); предъ войной съ Турціей 1769 г. Кантакузинъ помогаетъ агенту Каразину (ib. т XXXII). Не отецъ-ли Mikel-Voda Раковица, о коемъ Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 819, 820? Иной К-нъ, австрійскій, обнищалый отъ войны 1737 г., id. v. IX, p. I, № 794.

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/e № 14; св. 38/d № 13.

Но уже изъ письма де-Ларіа Вильневу мы видѣли, что во второй половинѣ августа сѣверозападная Молдавія была очищена. Австрійцы генер. Гвадани прохозяйничали здѣсь около полутора мѣсяца, сами вознаграждая себя за недоставленные отъ князя Гики кошельки, и ушли опять чрезъ проходъ Ойтошъ. Конечно, неудачи въ Валахіи и Босніи вызвали очистку Сучавскаго округа и другихъ.

Въ Валахіи австрійцы еще цѣпко держались по границѣ съ Трансильваніей и на западѣ, у Олты. Августъ прошелъ въ кровавыхъ схваткахъ съ турками изъ Букарешта; гусары, по словамъ самого Вильнева, еще, по прежнему, безпокоили край *). Но все это—слабые признаки «овладѣнія» Валахіей, а въ началѣ сентября пошла и самая очистка страны отъ австрійцевъ. Турки прогнали генер. Гилани изъ Тырговишта, богатый городъ разграбили въ конецъ, бросивши изъ него цѣлые возы съ золотомъ на свои базары, и сожгли. Черезъ нѣсколько дней та же участь постигла и другой крупный городъ — Кымпо-Лунго **). Все, что̀ еще къ октябрю оставалось въ рукахъ австрійцевъ отъ «овладѣнія», это — узкая полоска на западъ отъ Питештъ, въ Олтѣ, нѣсколько валашскихъ сановниковъ, брошенныхъ, до выкупа, въ кронштадтскую тюрьму, да плоды контрибуцій, усердно налагавшихся на населеніе ***). Но и отъ той полоски вскорѣ пришлось отказаться: гр. Валисъ съ своими остатками подтянулся къ Крайову, покинувъ безъ защиты опасную границу императорской Валахіи вдоль Олты.

О худомъ состояніи дѣлъ въ Босніи (что̀ для Вѣны новостью давно не было) сообщалъ къ 20 августа въ Немировъ самъ цесарь; одновременно не позабылъ о нихъ дать знать и Вильневъ въ Парижъ. «Босняки, писалъ онъ 18 августа, подъ начальствомъ Али-паши, принудили принца Гилдбурггаузена отступить въ безпорядкѣ и перейти обратно черезъ Саву» ****).

*) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 741. Объ Ойтошѣ—ib. v. IX, I, № 794. Oituzu въ окр. Бакау, на юго-западѣ нын. Молдавіи; чрезъ него въ Кронштадтъ. (Frundzescu D., Dictionaru topograficu, 1872).

**) Dapontès, Ephém. Daces, II, 34.

***) По признанію современнаго австрійскаго публициста, генералы при занятіи городовъ думали прежде всего объ одномъ— «die Contributionen so weit möglich wäre ausschreiben». («Historischer Auszug aus denen gantz—jährigen Zeitungen» въ «Neues Wirthsch.—und Cantzley—Calender» Розенмюллера, Prag 1738). Ср. Hurmuzaki, Documente, v. IX, I, p. 691.

****) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 741.

Главный интересъ сосредоточивался на «бо́льшей» арміи Секендорфа, на рѣшенной имъ, по взятіи Ниша и по оставленіи пока дороги на Босфоръ, осадѣ Видина. Къ Видину, со стороны императорской Валахіи, послѣ перваго же разочарованія въ преданности новыхъ «вѣрноподданныхъ» Австріи—бояръ Букарешта, направился, какъ мы видѣли, Валисъ. Сюда, по словамъ Остейна, имѣлъ устремиться и самъ цесарь, не лично, но его главныя силы.

Перемѣнѣ въ планѣ дѣйствій Секендорфа, давно желанному имъ повороту съ юга на сѣверъ, отъ искусительной цареградской дороги къ Дунаю, шло на встрѣчу, не безразличное для генерала, общее убѣжденіе, что Видинъ, съ его небольшимъ гарнизономъ должна постигнуть участь Ниша, что не сегодня-завтра онъ въ рукахъ австрійцевъ (мы видѣли, главныя силы турокъ были стянуты у далекаго Картала). Такъ думали даже на Босфорѣ. «На дняхъ, доносилъ 18 августа самъ Вильневъ въ Парижъ, ждутъ полученія извѣстія о взятіи Видина: слухи объ этомъ уже начинаютъ распространяться» *). Угрожаемое положеніе слабо защищенной придунайской крѣпости, но важной, какъ сторожившей входъ въ нижній Дунай, и удержало, какъ было указано выше, отважнаго новаго визиря отъ мысли—вторгнуться въ Степь, нагнать и помѣриться съ самимъ Минихомъ въ «генеральной акціи».

Но общее убѣжденіе вскорѣ оказалось совсѣмъ ошибочнымъ. Намѣреніе Секендорфа —устремиться на Видинъ — не пошло далѣе полумѣры; гроза оказалась пустымъ фантомомъ турокъ, и то только на первое время, и у порога Видина австрійцы нашли одно безславіе. Печально заключилось «устремленіе».

Мы видѣли, уже въ началѣ августа Секендорфъ отрядилъ Кевенгилера къ Видину, чтобъ пріудержать турокъ отъ нижняго Дуная и осадить самую крѣпость. Но, при разбросанности бездѣйствующей арміи Секендорфа, видинскій отрядъ оказался сейчасъ же слабымъ, недостаточнымъ, для задержки турокъ и для осады крѣпости, хотя и старой, но свободно раскинувшейся на низкой придунайской равнинѣ. Всѣ первыя дѣйствія ограничились вялыми и безцѣльными стычками, а между тѣмъ посте-

*) Тамъ же.

пенно подходили турецкія подкрѣпленія съ-низу, поджидая вслѣдъ за собою и самого визиря съ Боневалемъ изъ Картала.

Правда, въ половинѣ августа получено было въ арміи Секендорфа извѣстіе отъ Миниха о взятіи Очакова, что самъ онъ якобы быстро направляется къ Бендерамъ. Слѣдовательно, визирь едва-ли могъ покинуть свою позицію на бессарабскомъ берегу Дуная и итти къ Видину; тѣмъ удобнѣе было заняться осадою*). Но, помимо малости силъ, почувствовался, отъ безпорядочности военнаго хозяйства, недостатокъ въ хлѣбѣ. Масса обездоленныхъ въ императорской Сербіи жителей едва ли встрѣтила сочувственно цесарскихъ освободителей. По словамъ жалобы сербовъ къ импер. Аннѣ, австрійцы злобно обвиняли ихъ повсюду, что они «цесарскую, посланную-де на спасеніе ихъ же, армію заставляли умирать съ голода» **). Усилились, съ приближеніемъ осени, болѣзни, и къ началу сентября Кевенгилеръ долженъ былъ отказаться отъ мысли брать Видинъ. Гарнизонъ Видина, усиленный новыми подкрѣпленіями, перешелъ къ наступленію, разбилъ въ концѣ сентября самого Кевенгилера, и тотъ поспѣшно, бросая лагерь и больныхъ на жертву турецкаго фанатизма, отступилъ къ Оршовѣ. Задача разбитаго дунайскаго отряда арміи Секендор-

*) Какъ ни далекъ былъ Минихъ отъ мысли о движеніи на Бендеры, но онъ самъ ее распространялъ, и она одно время была столь же ходячимъ мнѣніемъ, какъ и убѣжденіе о неизбѣжномъ паденіи Видина. Остейнъ упрекалъ насъ въ бездѣйствѣ и Остерманъ, въ рескриптѣ 31-го августа, возражалъ: «Минихъ къ Бендеру итти не могъ, ибо трава была выжжена, да и цесарцевъ въ близи не было. А что войско наше въ Крыму не осталось и то учинилось для того, понеже мы для убѣжанія той великой омбражи, которую, по его гр. Остейна объясненію, другія державы отъ того принять могли бы (см. стр. 292), въ Крыму утвердиться не похотѣли, и, довольствуясь, разореньемъ острова, за неимѣніемъ травы и воды все войско наше изъ онаго выступило». Далѣе, въ защиту нашу указывалось, что Минихъ, «съ частію, съ неописаннымъ трудомъ чрезъ Днѣперскіе пороги сухимъ путемъ перетасканной, флотиліи пошелъ къ Очакову», и что вообще «отъ обоихъ маршаловъ будутъ дѣйства, которыя только человѣчески возможны».

**) «... hungers sterben lassen». (Гласник, кн. 73, 329). По оффиціальному сербскому свидѣтельству — визитація церквей въ 1733 г. — вездѣ царила крайняя нищета и народъ охотно бѣжалъ къ туркамъ. Если у турокъ онъ былъ райей, то послѣ 1718 г. онъ сталъ австрійскимъ рабомъ —«јобађа». (Тамъ же, кн. 56, 128). Удобно чувствовалъ себя небольшой классъ—«воинставни чин», т. е. военные, граничары (тамъ же).

фа свелась теперь къ посильному прикрытію Сербіи и Темешварскаго Баната отъ вторженія турокъ, между тѣмъ какъ лучшіе его полки, саксонскіе Рутовскаго, поспѣшили домой, въ Саксонію.

Въ это самое время самъ Секендорфъ занимался однимъ— стягивалъ свою армію. Отсюда, по замѣчанію современника, повторялась у него одна и та же картина — camper и décamper, становиться и сниматься лагеремъ. Сначала онъ сталъ у Джюниса, затѣмъ продвинулся на западъ, къ Крушевцу, чтобы быть поближе къ боснійскому корпусу, который изъ-за Савы направлялся къ Шабцу, въ сѣверо-западный уголъ Сербіи. Правда, въ началѣ октября неприступная Ужица была взята; но угрожало вторженіе со стороны Босніи. Принцъ Карлъ Лотарингскій, послѣ жалкой пробы военнаго счастья, подъ предлогомъ болѣзни, оставилъ, наконецъ, армію и уѣхалъ въ Вѣну.

По мѣрѣ движенія арміи Секендорфа на западъ, въ Сербіи, шли въ томъ же направленіи и турки, надвигаясь къ Нишу. Они завладѣли Пиротомъ; отряды сербскихъ добровольцевъ были безъ труда уничтожаемы, а мѣстное населеніе, поднявшееся за императора, было безжалостно умерщвляемо. Повсюду ужасъ, а о степени его можно судить по наивному признанію очевидца, одного изъ несчастныхъ спутниковъ патріарха Арсенія, бѣглецовъ изъ Печи. Отъ Печи до Ниша, чрезъ Студеницу и Крушевацъ, «бѣгу яхомся, вспоминаетъ онъ, кто веще можаше: насъ турскій страхъ говяше». Но только что въ Нишѣ «начахомъ, продолжаетъ онъ, гоститися и проходитися окрестъ града, и се паки внезапу приспѣ гласъ, яко турци приходятъ, и насъ паки устраши, яко бѣгати намъ всю нощь и тако до Бѣлграда» *). Въ началѣ октября уже 20 тысячъ турокъ стояло предъ обездоленнымъ Нишемъ, который былъ безъ запасовъ, безъ людей **).

Если еще недавно кардиналъ Флери писалъ: «императоръ, который еще отнюдь (!) не объявилъ себя, впутанъ въ войну; почти вся Валахія и Молдавія ему отданы, а со взятіемъ Ниша

---

*) Гласник С. Уч. Др., кн. 6, 252, статья о. Руварца: «Бегство патр. Арсенія изъ Пеħи», въ концѣ іюля 1737 г. Ср. замѣтку ближайшаго современника, изв. историка Раича, что Арсеній спасся въ Бѣлградъ съ одними родственниками и «малымъ числомъ одъ народа». (Тамъ же, кн. 72, 167).

**) О военныхъ дѣйствіяхъ—Dapontès, Ephém. Daces, II, 53—44; Schmettau, Mémoires secrets..., 64—147, passim. Ср. Keralio, I, 170 сл.

онъ сталъ господиномъ цѣлой Сербіи»; то къ осени сцена рѣзко измѣнилась.

«Приближается зима; цесарцы оставили Молдавію и Валахію, доносили наши полномочные изъ Немирова 3 сентября. Итакъ, у нихъ осталось дѣло объ одной Нисѣ (Нишъ) и части Валахіи».

Но болѣе полная картина положенія, хотя и въ формѣ слуховъ—въ словахъ англійскаго медіатора при визирѣ, когда онъ, въ виду очевидно рѣшеннаго у Порты разрыва конгреса, слѣдовательно, за отсутствіемъ далѣе интереса, оставилъ Карталъ и направился къ себѣ назадъ, на Босфоръ.

«Слухи, писалъ Фоукнеръ 2/13 октября изъ Бабадага, распространенные здѣсь объ успѣхахъ турокъ въ Босніи, указываютъ, что они весьма значительны. Говорятъ о пяти дѣлахъ, изъ коихъ два весьма важны. Говорятъ и объ успѣхахъ въ Валахіи и около Видина надъ отрядами цесарскихъ войскъ; говорятъ, что турецкая армія около Софіи отобрала нѣсколько пунктовъ, которые раньше были заняты цесарцами» *).

Однимъ словомъ, недавнее наступленіе черезъ два мѣсяца смѣнилось по всей линіи дѣйствій отступленіемъ, и вообще спѣшнымъ, чтобы только укрыться отъ турка, въ императорской Сербіи и Валахіи. Одинъ Нишъ съ слабымъ гарнизономъ ген. Доксата еще напоминалъ свѣтлые дни половины іюля. Но дни Ниша уже были изочтены: все отступало; Доксатъ въ сторонѣ, одинъ, внѣ связи. Паденіе Ниша, хозяина дороги на Босфоръ. было неизбѣжно. Справедливо соображали наши полномочные еще въ началѣ сентября, что цесарь могъ бы Нишъ просто возвратить. «Ежели, писали они, цесарскіе послы о Нисѣ какіе снисходительные указы имѣютъ, то часть Валахіи туркамъ не тягостна», при заключеніи мира. Но для гордаго цесаря такіе указы были невозможны: за не заставившую себя ждать потерю Ниша несчастный Доксатъ заплатилъ головой.

Итакъ, мало основательнымъ оказалось благодушное убѣжденіе гр. Остейна о ближайшихъ судьбахъ Молдавіи и Валахіи, высказанное имъ въ тяжелую минуту полученія оффиціальнаго извѣщенія изъ Вѣны о неуспѣхѣ въ Босніи и худомъ состояніи

---

*) Hurmuzaki, Documente, Supl. I, v. I, № 745 (съ неправильной датой—18 октября, письмо кард. Флери), № 744. Ср. ibd. № 842.

вообще. Только въ своемъ упованіи на скорый переходъ Видина къ австрійцамъ Остейнъ раздѣлялъ заблужденіе, общее у него даже съ Вильневомъ, общее у Немирова съ Босфоромъ.

Нетрудно видѣть, что общее отступленіе, съ успѣхами у насъ (Азовъ, Очаковъ «всеконечное разореніе бо́льшей и лучшей части того острова», т. е. Крыма, по словамъ рескрипта 31 августа), съ неудачами у союзника, рѣзкая смѣна недавнихъ тягостныхъ условій для Турціи, могли лишь крайне невыгодно для обоихъ членовъ Союза отразиться на дѣятельности конгреса, въ дальнѣйшій періодъ его жизни, послѣ 20 августа и до грубаго, насильственнаго, обрыва его турками въ самомъ началѣ октября. Турки должны были начать «высость», «возгордить,» хотя и продолжали свою игру въ миръ.

Приближался моментъ полной побѣды Вильнева, торжества политики Франціи надъ дипломатическими дѣйствіями обоихъ членовъ знаменитаго «альянца»: изъ роковаго для себя 1737 г. Турція, хотя и застигнутая, согласно предположеніямъ Остермана, въ «оплошности», «неготовою», успѣетъ выйти въ сохранности, съ своимъ Дунаемъ, Бессарабіей, Крымомъ, татарой. Вопреки еще недавнимъ предсказаніямъ Вѣшнякова, еще болѣе свѣжимъ предписаніямъ его друга, Миниха, «беззаконное сонмище» не «поколебалось»; новый Вавилонъ остался на Босфорѣ. Напротивъ, беззаконное сонмище вынесло огненное испытаніе для торжества въ будущемъ надъ обоими своими противниками, которые, но каждый подъ диктовку своего чувства, т. е. различной цѣны, безъ предварительнаго точнаго разсчета своихъ силъ, уже заранѣе приготовили для этого сонмища и самый планъ его снесенія, каждый своеобразно

Сносимое «Турецкое государство» осталось на мѣстѣ. Освобожденіе отъ «ига» его христіанскаго населенія, по неодинаково понимаемое Остерманомъ и его невольнымъ сотрудникомъ, цесаремъ Карломъ, не состоялось.

Таковъ былъ исходъ «отмездія» за Петра, за Прутъ.

Но обращаемся далеко назадъ, къ искусительному еще для насъ Немирову, грязному еврейскому мѣстечку, но которое для Остермана еще не потеряло своей прелести. Авось и «пріятная вѣдомость» получится оттуда.

Турки были довольны Немировомъ—своимъ дипломатическимъ искусствомъ, успѣхами.

Такъ признавались они своимъ на сторонѣ, хвалились.

Въ началѣ сентября прибылъ въ Немировъ довѣренный отъ князя Гики, Петръ Дука, изъ Яссъ. Находившемуся при отцѣ Адріану Неплюеву, «посольства секретарю», Дука, обѣщая продолжать тайныя сношенія, открылся, что «турки похваляются, якобы несогласіе между нами (пишутъ наши полномочные) и цесарскими послами своими х и т р о с т я м и положили такъ, что уже будто цесарцы раскаяваются, что государь ихъ въ войну вступилъ, что турки болѣе Азова не дадутъ».

Конечно, эта похвальба—невинный самообманъ, но вполнѣ допустима, и тайный агентъ ясскаго медіатора, вѣроятно, подосланный же турками, чтобы забросить слово объ Азовѣ, не лгалъ предъ своими новыми господами *).

Турецкіе полномочные пріемъ Волынскаго для своихъ хитростей нашли пріятнымъ. Но мы пресѣкли сообщеніе чрезъ каналъ,—надо открыть его теперь имъ самимъ. Впрочемъ, этого шага отчасти ждали наши.

Прошло немного дней послѣ послѣдняго визита Тевкелева и турки заслали къ нашимъ, съ проэктомъ своихъ условій мира, но съ одной Россіей.

«Рейсъ-ефендій, писали полномочные 25 августа, согласенъ на слѣд. наши пропозиціи: признаніе императорскаго титула, свободное купечество, какъ у другихъ, содержаніе дружбы съ Польшею». Но все это входило въ число тѣхъ «прочихъ кондицій» Инструкціи 14 іюня, т. е. съ побочнымъ значеніемъ, которыя самъ Остерманъ тамъ же обозначилъ, какъ «трудностямъ не подлежащія» (стр. 220). Въ главныхъ же точкахъ убавленныхъ кондицій, но которыя разрѣшались тою же Инструкціей 14 іюня, турки по старому хитрили: любезно сулили намъ нѣчто

---

*) Гики, Маврокордаты и прочіе фанаріоты служили всѣмъ. Презиралъ ихъ Вѣшняковъ. Но также относился и самъ Вильневъ. По словамъ депеши Кастелана, преемника Вильнева, у этого была «хорошая» метода: поддерживать всѣхъ фанаріотовъ и никого въ особенности, такъ какъ нельзя надѣяться ни на признательность, ни на вѣру «подобныхъ грековъ»: завтра же продастъ и измѣнитъ своему благодѣтелю каждый. (Hurmuzaki, Documente, Supl. I, v. I, № 825).

неопредѣленное, но тутъ же громили Австрію, какъ «нарушителя мира», грозили ей войной съ Франціей. Эта угроза была уже новинкой.

«Чтобъ Тамань, Темрюкъ и Очаковъ остались въ россійской сторонѣ, хотя этого, повторялъ старое рейсъ-эфенди, только уже безъ упоминанія болѣе объ Азовѣ, учинить и невозможно: однако сыскались бы способы, чѣмъ бы удовольствовать Россію. Съ нею не столь трудно миръ заключить, какъ съ цесаремъ. Съ нарушителями мира они будутъ войну продолжать не только два или три года, но и болѣе. Можетъ быть, Порта имѣетъ такихъ друзей, отъ которыхъ цесарцы и назадъ изъ ихъ земель ретироваться принуждены будутъ».

Въ заявленіи своего раздраженія противъ Австріи турки, надо думать, были искренни (общая ретирада цесарскихъ войскъ отъ Видина и изъ Валахіи еще не послѣдовала), хотя въ рѣзкомъ противуположеніи одного противника другому было, конечно, все старое лукавство. Между тѣмъ подошли обстоятельства, которыя злобному у турокъ чувству противъ цесаря дали возможность вылиться въ весьма крупную форму и открыто, а не только въ фамильярномъ обращеніи съ нашими.

Изъ Вѣны прибылъ новый курьеръ, съ «послѣдними повелѣніями» отъ цесаря Карла, какъ это объявили австрійцы своимъ русскимъ товарищамъ, зайдя сейчасъ же къ нимъ, съ просьбой пріуготовить турокъ. Итакъ, «ультиматъ». Естественно, все вниманіе нашихъ къ нему, тѣмъ болѣе, что тѣ выразили полную увѣренность въ принятіи его турками, слѣдовательно, конецъ войнѣ сейчасъ, а не чрезъ два, три года, какъ пророчески грозили турки.

«Мы, хвалился Талманъ, нынѣ въ состояніи хотя сегодня миръ заключить; кондиціи наши такъ умѣренны, что весь свѣтъ и сами турки, ежели совѣстно разсудятъ, принуждены будутъ признать ихъ таковыми». Но подозрительный товарищъ ограничился этимъ общимъ замѣчаніемъ объ ультиматѣ, прибавивъ, что «въ трудныхъ пунктахъ до 3 и 4 градусовъ снисхожденіе предписано». «А въ чемъ, жалуются наши, та умѣренность состоитъ, о томъ Талманъ не объявилъ, хотя мы многими разговорами къ тому приводили, о Валахіи и Молдавіи именно спрашивали». Всѣ усилія вызвать на откровенность были напрасны: баронъ, по словамъ донесенія, упорно уклонялся отъ прямаго

отвѣта Добавочно наши лишь узнали, что указано стоять на «како владѣете» и безъ Россіи-де мира не заключать.

Ясно, союзникъ уступалъ и сильно. Но естественно было нашимъ спросить себя: «а отъ чего толь великая и нечаянная перемѣна въ поступкахъ цесарскаго двора нынѣ явилась»?

«Понять мы не можемъ, отвѣчаютъ полномочные, развѣ— что они безнадежны въ преуспѣяніяхъ своего оружія или имѣютъ опасность отъ какой другой державы». Въ послѣднихъ словахъ — отголосокъ недавнихъ сообщеній рейсъ-эфенди. Но таинственность, скрытничаніе австрійцевъ рождала прежде всего мысль о сепаратномъ мирѣ, котораго такъ опасался самъ Остерманъ, требовавшій смотрѣть, чтобы цесарцы «не покусились бы свой миръ заключить», затѣмъ, опасность вообще осложненій. «Но, продолжали наши, отъ чего бы то ни было, однакожъ мы не малую опасность имѣемъ, ежели они туркамъ свои малыя кондиціи объявятъ, чтобъ турки къ нимъ такъ не пристали, какъ нынѣ къ намъ опыты чинятъ, чтобъ они тою своею низостью на насъ турокъ не возмѣрили». Утаивая свои опасенія, наши дружески совѣтовали, «чтобъ цесарцы вдругъ низости не показывали, тѣмъ бы на себя не возгордили».

Нѣкоторое успокоеніе для себя полномочные нашли въ признаніи скрытнаго Талмана, что сдѣлана оговорка—«о толь безпримѣрно легкихъ кондиціяхъ объявить съ изъясненіемъ, что ежели на нихъ прежде 15 октября мира не заключатъ, то цесарь при нихъ не останется». Въ виду точнаго срока, хотя и крупнаго—$1^1/_2$ мѣсяца—опасность сепаратнаго мира ослаблялась.

Въ заключеніе непріятной бесѣды Талманъ просилъ сообщить обо всемъ въ Петербургъ.

Баронъ не поддался и не выдалъ «малыхъ кондицій»; иначе, вѣроятно, наши были бы совсѣмъ покойны. Но чрезъ нѣсколько дней утайка была болѣе невозможна, когда гр. Остейнъ рѣшилъ сдѣлать «декларацію» туркамъ: съ условіями надо было познакомить и союзника.

Въ «малыхъ» условіяхъ Австрія требовала разоренія Видина и уступокъ: Ниша, «съ остаточною сербскою землею», (т. е. увеличеніе императорской Сербіи на юговостокѣ, гдѣ подняты были славяне и сербы Арсенія, съ границею вблизи Софія); Валахіи до «Домбовицы» и 2 кастеловъ въ Босніи—Новаго и Бихача. Такимъ образомъ, требовалось, въ «награжденіе», земель-

ныхъ приращеній на всѣхъ трехъ театрахъ войны, и, помимо Босніи, крупныхъ.

Взглянувъ на карту, легко видѣть, что «малыя» условія были совсѣмъ немалыми. Изъ одной Валахіи Австрія требовала доли, равной императорской Валахіи, по самый Букарештъ, при чемъ милостиво указывалось, что «остальная часть Валахіи оставляется Турціи», равно какъ, что возвращается (restituatur) и Молдавія.

Напередъ можно видѣть, что турки не примутъ этихъ милостивыхъ кондицій. Они давно объявили: ни аршина цесарю; одно возобновленіе стараго трактата, а больше—«ниже думаютъ»; недавно—что готовы воевать года. Правда, допускалась уступка отъ 3 до 4 градусовъ. Вотъ почему, какъ ни мало вѣроятно было принятіе условій, но наши и въ послѣднюю минуту попытались удержать товарищей отъ рѣшеннаго ими шага, отъ декларацін. Ихъ особенно взволновалъ пунктъ о господарствахъ: возвращеніе обоихъ, при одномъ личномъ корыстованіи. Вѣдь самое «владѣніе» этими землями было весьма сомнительно....

«Ежели, возражали наши, цесарцы о Валахіи и Молдавіи уступку Портѣ объявятъ, то это будетъ противно нашему предложенію (т. е. объ «индепенденціи»), чѣмъ вмѣсто твердости союза покажутъ между нами несогласіе». Они убѣдительно просили обождать, до полученія отвѣта изъ Петербурга. Но Остейнъ рѣзко стоялъ на своемъ, что дѣлаетъ декларацію не медля.

«Видя, доносили наши 31 августа, несклонные и суровые отвѣты Остейна, за лучшее признали при декларацін не присутствовать и вставъ пошли, сказавъ ему, что когда онъ совѣтовъ не принимаетъ, то и въ прочее намъ мѣшаться неприлично, но производилъ бы, какъ онъ самъ похочетъ и что тѣмъ они, цесарцы, начало сепаратной негоціаціи учинятъ».

Угроза осталась безъ дѣйствія. Наши полномочные отступили; но для нихъ все неясно—гдѣ же причина перемѣны тона у Вѣны. Они догадывались, что плохія дѣла на Дунаѣ; но это было не все. Главная причина—они сами, ихъ умаленныя кондиціи, составленныя съ участіемъ самого Остейна. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, Ланчинскій, доносилъ Остерману, что «цесарцы, услыша о нашихъ кондиціяхъ, опасаются, чтобы на нихъ миръ съ нами не воспослѣдовалъ, и въ своихъ убавку учинить за благо разсудили». Но самая декларація, не пышно,

а скромно сдѣланная—кондиціи были сообщены туркамъ чрезъ секретаря Момарса — произвела дѣйствіе, котораго никакъ не ожидали цесарцы. Она вызвала раньше кроткихъ турокъ на некроткій отвѣтъ, принесла одно «персональное огорченіе».

«Турки, сообщали наши полномочные, отвѣтили грубо, что цесарцы хотятъ имъ законы предписывать, якобы такимъ, которые въ крайней погибели находились бы; въ то вступаютъ, гдѣ и ноги ихъ не было: ни пяди земли имъ не уступятъ».

Сильно уже отразилось эхо отъ Дуная.

Но Вѣна, надо думать, менѣе всего считалась съ этимъ условіемъ, и радостное настроеніе Талмана при полученіи «послѣднихъ повелѣній» могло быть искренне. По крайней мѣрѣ, въ кругахъ, расположенныхъ къ Австріи на самомъ Босфорѣ, считали, что турки въ Немировѣ должны были пойти на болѣе значительныя земельныя уступки, чѣмъ какія заявлены въ ультиматѣ, лишь бы только выпутаться изъ затрудненій. «Мнѣ, писалъ венеціанскій баилъ изъ Перы, сообщили со словъ самого рейсъ-эфенди, но подъ полнымъ секретомъ, что Порта, чтобы освободиться отъ настоящихъ дѣлъ, готова отказаться отъ потребованнаго у Россіи возвращенія обоихъ городовъ — Азова и Очакова, и дозволить русскимъ свободу торговли и мореплаванія по Черному морю. Съ другой стороны, она готова уступить императору Карлу Валахію, а, можетъ быть, и Молдавію, въ обмѣнъ за Нишъ и другія мѣста, занятыя въ этой кампаніи цесарцами» *).

Не менѣе турокъ рѣзко встрѣтилъ тотъ же вѣнскій ультиматъ самъ Остерманъ, подвергнувъ его самой обстоятельной критикѣ, какъ это увидимъ сейчасъ ниже.

Но, пока, въ «грубомъ» отвѣтѣ турокъ наши полномочные нашли нравственное для себя удовлетвореніе и своимъ скорбнымъ, озадаченнымъ товарищамъ могли припомнить старое, повторить имъ не безъ ироніи, что они «едва ли не рано о такой точной резолюціи государя своего турецкимъ посламъ изъяснились и тѣмъ рейсъ-ефендія на такіе суровые отвѣты подвинули», т. е. кару

---

*) Hurmuzaki, Documente, v. IX, p. I, № 773. Конечно, только первая половина секретнаго сообщенія отъ турокъ — объ уступкахъ Россіи, была нѣсколько справедлива. Ср. у насъ выше стр. 321. Баилъ видимо былъ ослѣпленъ своими симпатіями къ блекнувшей имперіи послѣдняго габсбурга.

понесли по заслугѣ. Они преподали, затѣмъ, имъ въ поученіе, что «всякія деклараціи нынѣ пользы не приносятъ, развѣ персональное огорченіе», что надо терпѣніе—ждать отвѣта отъ Порты съ возвращеніемъ драгомана Гики: только тогда «что̀ лучшее въ откровеніе придетъ».

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что у нашихъ все нѣсколько теплилась вѣра. Впрочемъ, въ то же время они не заблуждались относительно своихъ турецкихъ товарищей, что тѣ прежде всего играютъ, хитрятъ. Но положеніе нашихъ затруднялось связанностью ихъ дѣйствій, тогда какъ на сторонѣ турокъ была выдержанная послѣдовательность. Отсюда у нашихъ невольная двойственность.

«Къ партикулярной негоціаціи всевозможные способы употребляемъ», писали наши въ успокоеніе Остермана, помня его наказъ. Но будетъ-ли прокъ? А между тѣмъ на лице еще австрійцы; слѣдовательно, необходимо дѣйствовать «со всякою осторожностью», чтобы не попасть въ просакъ. «Не видѣвъ, поясняютъ они свой образъ дѣйствій, съ турецкой стороны прямаго намѣренія, кромѣ домогательствъ о томъ—отстанемъ-ли мы отъ союза, не объявляя съ своей стороны ничего точно, что̀ хотятъ уступить, открыть себя прежде времени—весьма опасно». Турки насмѣются, а союзникъ совсѣмъ оскорбится.

Такъ думали они 25 августа.

Но прошло нѣсколько дней послѣ крупной сцены съ деклараціей «низкихъ кондицій», и наши нѣсколько милостивѣе къ туркамъ, надежда ихъ не покидаетъ.

Правда, соображая въ донесеніи 3-го сентября возможность уступки Австріей самаго Ниша, наши прежде всего опасаются, что туркамъ тогда въ Немировѣ еще свободнѣе хитрить, что въ такомъ случаѣ они могутъ и «къ цесарскимъ посламъ о раздѣленіи союза равномѣрные опыты чинить, какъ и намъ нынѣ производятъ». Но тѣмъ не менѣе они не безъ удовольствія подчеркиваютъ, что турки «при всякихъ случаяхъ къ н и м ъ являются злобнѣе, а къ н а м ъ показываются пріятнѣе, противъ чего и мы взаимно показываемъ къ нимъ всякую ласковость и пріязнь, дабы болѣе къ себѣ въ откровенность привесть».

На вопросъ: дождутся-ли они когда этой откровенности, т. е. прямаго отвѣта—что̀ уступаютъ?

Прошло еще немного дней, и только что подчеркнутая зло-

ба на нихъ не помѣшала туркамъ начать заискивать ихъ и для того смѣло лгать на насъ. «Турки, доносятъ наши 9 сентября, ищутъ партикулярное свиданіе съ цесарскими послами, объявляя, что съ нами дѣло почти уже сдѣлано». Естественно, что турки слишкомъ далеки отъ «прямаго намѣренія» и занимаются все однимъ—«на обѣ стороны только опыты чинятъ о разлученіи союза».

Но эта политика «опытовъ» была тѣмъ бо́льшимъ соблазномъ, что турки не могли не знать объ отсутствіи «откровенности», искренности въ средѣ своихъ противниковъ, отъ первыхъ шаговъ конгреса.

Мы не разъ присутствовали при открытомъ заявленіи недовѣрія, холодности, почти непріязненности, со стороны цесарцевъ. Еще недавно наши выслушали «суровые отвѣты» и въ минуту серьезную. Только теперь, т. е. довольно поздно, взаимныя отношенія, волею неволею, должны были нѣсколько улучшиться, но съ прямой угрозы. Изъ Петербурга посланникъ Гохгольцеръ писалъ въ Немировъ своимъ, что у него былъ Остерманъ и объявилъ, что «ежели гр. Остейнъ будетъ продолжать злобствовать противъ него, то онъ, Остерманъ, падетъ ницъ предъ императрицей и будетъ просить объ освобожденіи его отъ дѣлъ съ цесарскимъ дворомъ» Впрочемъ, и свѣжій «грубый» отвѣтъ турокъ долженъ былъ нѣсколько умѣрить господствующій тонъ у австрійцевъ.

Такимъ образомъ, въ безплодныхъ, тревожныхъ попыткахъ достичь своихъ личныхъ интересовъ со стороны каждаго изъ трехъ членовъ конгреса прошла вторая половина августа и первая сентября, вторая остановка. Самая негоціація, «свой миръ», не вышли ни у кого *).

Оставалось ждать лучшихъ условій — отвѣта съ Босфора, дополненнаго «инструмента для трактованія». Между тѣмъ приближался и невольный конецъ подольской идилліи—время, когда безцѣльная жизнь подъ палатками станетъ совсѣмъ неудобной: наступала осень.

Въ несходство съ порывистыми, неровными дѣйствіями въ Немировѣ, на сѣверѣ, въ Петербургѣ, Остерманъ, какъ ни же

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/е № 14.

лалъ скораго и достойнаго мира, но былъ сравнительно спокоенъ: въ ближайшей перспективѣ кое-что новое, доброе. Но одно его раздражало, и онъ терялъ какъ будто и самообладаніе. Это— цесарскій союзникъ, его своекорыстіе, больше, чѣмъ невниманіе къ Россіи, потому ошибочность его несоображенныхъ, торопливыхъ дѣйствій. Предъ Остерманомъ носилась даже порою возможность «безвременнаго разорванія» самаго союза обѣихъ имперій, мысль — остаться въ переговорахъ одному съ Портою, помимо немировскихъ «опытовъ». Напрасны были всѣ эти «хитрости», заботы турокъ—«между нами холодность положить»: она была на лицѣ.

12 сентября Остерманъ послалъ въ Немировъ копію съ инструкціи, данной отъ сената Рѣчи Посполитой польскому министру, отправляющемуся на конгресъ, въ помощь нашимъ.

«Особливо, указывалъ по этому случаю рескриптъ, того со всякимъ искусствомъ смотрѣть имѣете, дабы его и Рѣчь далѣе въ сіи дѣла и въ общія наши намѣренія ввести и тѣмъ къ скорѣйшему поспѣшествованію у турокъ нашего мира помочь. Ежели полученіе его быть не можетъ, то — къ присовокупленію Рѣчи Посполитой къ намъ въ общую войну наилучше пользоваться надлежитъ, въ который видъ сіе польскаго министра отправленіе не инако, какъ интересамъ нашимъ полезно быть можетъ. Наиглавнѣйше потребно будетъ его пристойно къ тому привести, чтобъ онъ о своихъ претензіяхъ турецкимъ министрамъ съ нѣкоторою твердостію предлагалъ, въ чемъ и вы ему всякое вспоможеніе обѣщать можете, дабы турки изъ того въ мнѣніе приведены быть могли, что Рѣчь Посполитая не токмо къ миру, для подтвержденія и возстановленія своихъ трактатовъ, участникомъ быть желаетъ; но въ случаѣ, ежелибъ миръ въ нынѣшнемъ году не воспослѣдовалъ, то она къ общей аліанціи и къ общимъ интересамъ участіе взять не неготова находится».

Такимъ образомъ, въ лицѣ Польши явился новый союзникъ. Положимъ, что этотъ союзникъ былъ безъ войскъ, безобидное, особое существо на землѣ *), слѣдовательно, прежде

---

*) Младшій современникъ эпохи, знаменитый историкъ и поэтъ, епископъ Нарушевичъ, сказалъ о тогдашней Польшѣ:

«...w Polszce złota wolność pewnych reguł strzeże:
Chłopa na pal, panu nic, szlachcica na wieżę».

всего номинальный, и скорѣе спутникъ, чѣмъ союзникъ. Но и онъ могъ парадировать въ строю, для счета, а, затѣмъ, могъ имѣть серьезное пассивное значеніе въ будущемъ, напримѣръ, въ разрѣшеніи свободнаго пропуска русскихъ войскъ чрезъ свою територію (мы видѣли, на-сколько при выработкѣ плана войны вопросъ этотъ былъ помѣхой для наилучшей его постановки); а теперь онъ тѣмъ желаннѣе, чѣмъ раздражительнѣе оказывались дѣйствія, неприличнѣе поступки стараго союзника, Австріи —разслабленной, но своекорыстной, робѣвшей и потому совсѣмъ неудобной.

Суровымъ назвали наши полномочные отрицательный отвѣтъ Остейна, на ихъ просьбу повременить съ послѣдними кондиціями, и упрекали въ открытіи сепаратной негоціаціи. Остерманъ вполнѣ одобрилъ ихъ точку зрѣнія. Но онъ идетъ дальше: онъ не допускаетъ самой возможности установленія срока — 15 октября, безъ предварительнаго общаго уговора и считаетъ этотъ пунктъ лично изобрѣтеніемъ своего недоброжелателя, Остейна.

«Намъ, говорилъ рескриптъ 14 сентября, такіе гр. Остейна поступки весьма удивительны быть имѣютъ, и мы понять не можемъ, чтобъ онъ къ тому и особливо къ предписанію срока, безъ общаго съ нами согласія, отъ государя своего такой точный указъ имѣлъ, понеже такими, сепаратно учиненными, декларацiями не токмо туркамъ весьма предосудительное и вредительное мнѣніе о добромъ согласіи, союзѣ и соединеніи обоихъ дворовъ имѣть поводъ подается, но и къ безвременному разорванію союза легко причина подана моглабъ, что съ прежнимъ и нынѣ еще неотмѣнно отъ цесарскаго двора показываемыми желаніями къ миру, также и съ имѣющими въ ихъ военныхъ операціяхъ происхожденіями и слабымъ состояніемъ, весьма не сходствуетъ».

Но, въ несогласіе съ мнѣніемъ полномочныхъ, рескриптъ 14 сентября «особливо» останавливался — «что до пункта о Валахіи и Молдавіи касается», въ тѣхъ же послѣднихъ кондиціяхъ Австріи. Главная цѣль теперь—всякій сносный миръ. Если потому нѣсколько раньше Остерманъ дорогой для него вопросъ о возвращеніи политической независимости обѣихъ этихъ земель указывалъ только отложить въ сторону, до времени выясненія

обстоятельствъ, то теперь, когда все стало ясно, онъ вынужденъ былъ совсѣмъ проститься съ нимъ, завѣщать потомству.

Рескриптъ теперь признавалъ, что вопросъ о дунайскихъ господарствахъ уже «ни малѣйше» не можетъ «останавливать» полномочныхъ, если только съ нимъ связанъ вопросъ о разрывѣ самаго конгреса; имъ надо жертвовать, особенно, теперь, «послѣ такихъ новыхъ и нечаянныхъ поступковъ» цесарскихъ министровъ. Вотъ почему рескриптъ «наиприлежнѣйше» подтверждалъ—«по крайней возможности конгреса до разорванія не допустить, и какъ турецкихъ, такъ и цесарскихъ министровъ всякимъ пристойнымъ образомъ отъ того удерживать». Но не удастся это, и австрійцы уѣдутъ или «инымъ образомъ» конгресъ пресѣкутъ,—«вы, указывалъ рескриптъ, примѣру ихъ послѣдовать не должны; хотя и одни, безъ нихъ, конгресъ съ турками продолжать имѣете, а между тѣмъ сей гр. Остейна, безъ вашего согласія учиненный, поступокъ можетъ при какихъ либо случаяхъ въ пользу нашу употребленъ быть». Талманъ былъ давно внѣ счета у Остермана.

Мы видѣли, вопросъ о срокѣ, самовольно поставленный Вѣною, крайне взволновалъ Остермана, а не вопросъ о господарствахъ.

Но, помимо односторонности поступка, была и другая причина для огорченія.

«Отъ предписанія сроковъ, пояснялъ Остерманъ позже, когда сомнѣнія о виновникѣ срока уже не было, толь наипаче удержаться надлежитъ, дабы, при являемой турками и безъ того невеликой склонности къ миру, оные (т. е. сроки) къ разорванію конгреса поводъ не взяли, и, слѣдственно, ежелибъ разорваніе конгреса, паче чаянія, учинилось, предъ честнымъ свѣтомъ не намъ, но туркамъ приписано быть бы могло».

Слабая, но все же вѣра въ успѣхъ конгреса заставила Остермана нѣсколько притаить свое чувство къ Остейну. Сообщая о сдѣланныхъ запросахъ въ Вѣну по поводу поведенія Остейна, Остерманъ тѣмъ не менѣе извиняется предъ полномочными, что надо было «горячіе и неприличные съ вами поступки гр. Остейна не такъ высоко поднять, какъ бы къ прямому надлежало». Причина одна—въ конецъ не разойтись съ союзникомъ, до времени, «дабы при нынѣшнихъ деликатныхъ случаяхъ и

пока мы еще о полученіи удовольствительнаго мира не обнадежены, къ распространенію холодностей вящій случай не подать» (рескриптъ 3 октября).

Остерманъ видитъ ясно, что турки все хитрятъ, «стараются не безъ искусства, по своимъ интересамъ получить миръ подешевле»; но все же, на его взглядъ, «къ миру желаніе имѣютъ». Главная бѣда для дѣла въ союзникѣ: въ неприличіи его тягостныхъ «послѣднихъ кондицій», въ неприличіи поведенія его представителей на конгресѣ — въ противуположеніи, напримѣръ, своихъ, якобы низкихъ, кондицій условіямъ русскимъ, въ неправильной критикѣ послѣднихъ. Мало того, они повторяютъ съ голоса недоброжелателей Россіи на Западѣ о дальнихъ намѣреніяхъ ея относительно Турціи, повторяютъ за ними и преувеличиваютъ отъ себя «химерическія опасности».

Пространному обсужденію этихъ вопросовъ посвящена бо́льшая часть рескрипта 3 октября, одного изъ послѣднихъ въ Немировъ.

«Цесарскій ультиматъ, указывалъ рескриптъ, весьма не такъ легокъ, какъ цесарскіе министры недавно о своихъ кондиціяхъ себя вамъ изъяснили. Онѣ туркамъ, безъ сумнѣнія, весьма тягостнѣе становиться имѣютъ, нежели все то, что́ вы до сего времени отъ нихъ требовали, и цесарю въ-десятеро прибыльнѣе, нежели наши кондиціи, быть могутъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы чрезъ наши кондиціи никакихъ доходныхъ и жилыхъ провинцій и однимъ словомъ, кромѣ намъ надобной безопасности, ничего не получаемъ, а цесарю, съ овладѣніемъ Видина и Нисы, до Адріанополя и самаго Царьграда путь открытый и свободный остается, что̀, безъ сумнѣнія, въ послѣдней мѣрѣ съ вящимъ основаніемъ другимъ державамъ причину къ омбражу подать можетъ, нежели отъ насъ претендуемыя кондиціи и удержаніе Очакова.

Но, какъ бы то ни было, мы цес. в-ву въ семъ авантажѣ отъ всего нашего сердца желаемъ, ежели его кондиціи безъ остановленія полученія нашего мира быть могутъ».

Но возможно ли послѣднее условіе?

«Легко, продолжалъ рескриптъ, разсуждать можно, что цесарскія кондиціи, какъ вы доносите, отъ турецкихъ министровъ

съ удивленіемъ приняты, особливо уступленіе Валахіи, Молдавіи и другихъ земель, которыя извѣстнымъ образомъ никогда еще въ рукахъ не имѣли, тѣмъ болѣе же, чтобъ оныя содержать (=удержать) въ состояніи были. Само собою показывается малое всего того основаніе, что гр. Остейнъ вамъ о томъ съ такою высостью объявилъ, съ приведеніемъ въ примѣръ Очакова, который такъ мало къ сему случаю приличествуетъ». Остерманъ задѣтъ былъ за живое и смѣло, съ достоинствомъ, отбрасываетъ прочь неприличный примѣръ при сравненіи кондицій.

«Очаковъ кровію добытъ и дѣйствительно въ нашихъ рукахъ находится, изъ которыхъ, при божескомъ вспоможеніи, вдругъ никто не выручитъ, а, насупротивъ того, они въ то вступаютъ, гдѣ, по объявленію турецкихъ министровъ, и нога ихъ не была и чѣмъ они до сего времени овладѣть не могли, толь меньше, чтобъ оные содержать въ состояніи были.

Но Остейнъ не ограничился тѣмъ «примѣромъ». Онъ указывалъ, но съ своими распространительными толкованіями, на Западъ, что тамъ волнуются отъ русскихъ условій: Очаковъ—Крымъ—Босфоръ—Константинополь.

«Что до учиненнаго вамъ, продолжалъ рескриптъ, отъ самого гр. Остейна сообщенія о письмѣ кардинала Флери, то въ томъ письмѣ такое объ Очаковѣ и объ удержаніи его толкованіе, какое Остейнъ учинилъ, не находится и сіе причиною, для чего онъ вамъ сіе письмо сообщить не хотѣлъ». Письмо уже намъ знакомо: Флери выражалъ весьма осторожно свое опасеніе о Босфорѣ (стр. 275).

«Ежелибъ у насъ такія дальновидныя намѣренія были, какія гр. Остейнъ, по причинѣ требуемаго обнадеживанія Очакова (т. е. гарантіи для Порты), представилъ, то мы бы весьма всякому резону противно поступили, что мы Крымъ въ турецкихъ рукахъ оставляемъ. Всякій легко разсудитъ, что ходить на Черное море и къ самому Царюграду и—Крымъ въ непріятельскихъ рукахъ оставить—было бы дѣло, просто сказать, безумное, умалчивая, что къ тому потребенъ флотъ, а именно такой, который бы не только противъ турецкаго флота стоять, но и верхъ надъ нимъ имѣть могъ. Такой флотъ не вдругъ построится, и къ строенію его ни мѣста, ни лѣсовъ, ни матеріаловъ тамъ, во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, не имѣется, и рѣки тамошнія такія, что не

только большимъ какимъ судамъ, но и маленькимъ съ трудностью ходить возможно».

Въ предвидѣніи возраженія о политическомъ значеніи Чернаго моря, уже Инструкція 14 іюня разрѣшала дать всяческія гарантіи для успокоенія Босфора предъ появленіемъ русскаго флага на водахъ Юга. Но въ только что приведенныхъ замѣчаніяхъ противъ гарантіи, «обнадеживанья», что Босфору нечего бояться Очакова, если онъ будетъ въ русскихъ рукахъ, противорѣчія, конечно, нѣтъ: Остерманъ, естественно, бьется получить съ меньшею потерею, что о какомъ либо русскомъ флотѣ и говорить излишне. Да и самый вопросъ о Босфорѣ былъ для Остермана еще не по времени.

Подводя итогъ возраженіямъ противъ злобныхъ выходокъ гр. Остейна—«однимъ словомъ сказать», рескриптъ признавалъ, что «толкованія его такъ мало основательны, какъ мало мы таковыя дальновидныя намѣренія имѣемъ, какъ мало они хотя съ какъ мнѣйшею апаренціей намъ приписаны быть могутъ, и чаятельно, что они не въ какой иной видъ съ такимъ пространствомъ толкованы, какъ чтобъ, показаніемъ такихъ дальнихъ страховъ и опасностей другихъ государей, насъ къ уступленію Очакова привесть...». Напротивъ того, если кого Турціи и надо бояться, то это именно Австріи, указывалъ прямо раздраженный Остерманъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ откровенно рескриптъ, претендованная отъ цесарскихъ министровъ граница между Софіею и Нисою едва-ли не скорѣе, нежели удержаніе Очакова, другимъ державамъ омбражъ подать можетъ, а что до турецкой съ Крымомъ комуникаціи, то турки съ онымъ островомъ ея не чрезъ одинъ Очаковъ до сего времени имѣли, но чрезъ многія другія мѣста, которыя по прежнему въ ихъ рукахъ имъ свободно останутся.

Мы за потребно разсудили сіе пространно вамъ изобразить, дабы въ потребныхъ случаяхъ, какъ цесарскимъ, такъ и самимъ турецкимъ министрамъ, такъ неосновательныя предъявленія и химерическія опасности основательно отнять въ состояніи были».

Не предвидѣлъ Остерманъ, что потребнаго случая уже не представится: 5-го октября турки прервали совѣщанія и уѣхали, оставивъ всѣхъ съ пустыми руками. Но для Остермана такой

исходъ былъ «паче чаянія». Конгресъ можетъ привести къ доброму концу· только нужна предусмотрительность, а отъ союзника—осторожность, стойкость, присутствіе духа, а не перемѣнные указы.

«Цесарскимъ министрамъ, съ укоромъ указывалъ тотъ же рескриптъ 3 октября, такъ часто присылаемые перемѣнные указы и непрестанныя отмѣны въ ихъ кондиціяхъ не могутъ у турокъ полезное дѣйствіе имѣть и значатъ чрезмѣрное желаніе того двора къ миру. Вамъ надлежитъ для того накрѣпко на ихъ поступки смотрѣть и всякимъ образомъ стараться ободрить, понеже весьма подлинно есть, что чѣмъ вяще они въ своихъ кондиціяхъ мягкими себя показываютъ, тѣмъ болѣе турки возмѣрятся и къ поступленію на желаемыя нами справедливыя кондиціи несклоннѣе становиться будутъ».

Какъ одно изъ ободряющихъ средствъ, Остерманъ разрѣшалъ открыть предъ лично несимпатичными ему представителями своего оробѣвшаго союзника, что «уже дѣйствительно о планѣ предбудущей кампаніи между обоими дворами сношеніе имѣется, дабы съ первою весною паки въ поле выступить». Слѣдовательно, отчаянію мѣста нѣтъ. «Ибо, продолжалъ рескриптъ, ежели нынѣ миръ не воспослѣдуетъ, то сей единый способъ остается къ полученію его, но такого, чрезъ который о безопасности государствамъ и границамъ обоихъ сторонъ совершенно усмотрѣно быть можетъ: лучше въ войнѣ оставаться, нежели такой миръ учинить, который отъ непріятеля на всякій часъ нарушенъ быть можетъ» *).

Такимъ образомъ, храня еще вѣру въ Немировъ при всѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ послѣдняго времени, т. е. въ теченіе недѣли, другой предъ заключеніемъ 40-дневной остановки, осторожный Остерманъ принималъ уже первыя мѣры для будущаго, на случай отрицательнаго исхода. Но для Остермана склонность самой Порты къ миру съ Россіей казалась все еще на лицо: отягощалъ ее одинъ союзникъ, и она потому молчала относительно своихъ уступокъ Россіи. Онъ долженъ былъ хорошо запомнить категорическое, въ минуту откровенности, признаніе турокъ въ Немировѣ: «пока всѣ турки не пропадутъ и Порта не исчезнетъ, це-

---

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/d № 13.

сарю ни пяди земли...», и причину понималъ. Если на Западѣ уже сплели готовую картину «химерическихъ опасностей» для существованія Турціи отъ приближенія Россіи къ Черному морю; то, для другихъ державъ «омбражъ», а для Порты прямая опасность—отъ «претендованной границы» Австріей, т. е. новой, проводимой между Нишемъ и Софіей. Пожаревацъ, съ своею картою Балканскаго полуострова, уже давно устарѣлъ для нея.

Но на самомъ Югѣ, на Босфорѣ, дѣйствительно-ли были еще на-столько къ миру настроены съ Россіей, какъ это допускали на Сѣверѣ? Одно худое состояніе дѣлъ у неудачливаго и «несноснаго» союзника, о чемъ Остерманъ получалъ съ мѣста почти что ежедневныя сообщенія, могло скорѣе удерживать отъ всякихъ, сколько-нибудь радужныхъ настроеній.

Рѣшеніе тяжелаго вопроса — что̀ лучшее или что̀ худшее впереди — принесетъ за собою возвратъ драгомана Гики отъ Порты и визиря, послѣ побывки его на Босфорѣ и Дунаѣ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда драгомана Гики къ Портѣ До срока оставалась еще болѣе недѣли, но Гика былъ уже на мѣстѣ, въ Немировѣ.

Самая эта скорость возврата была подозрительна.

Но какой же новый «инструментъ для трактаціи» везъ такъ спѣшно драгоманъ?

«Министры обѣихъ союзныхъ державъ, доносилъ Вильневъ 9/20 сентября, объявили точно, что они не могутъ начать переговоровъ, прежде чѣмъ напередъ не согласятся въ предварительныхъ условіяхъ и не утвердятъ како владѣете, какъ первое основаніе мира, такъ что въ конференціяхъ не должно быть ни малѣйшаго упоминанія о возвращеніи (restitution) Молдавіи, Валахіи, Ниша, Азова, Очакова, ибо эти земли уже во власти или цесаря или царицы» *).

Вильневъ находилъ эти условія тяжелыми. Но сами турки?

Впечатлѣніе на визиря одно—принять нельзя.

«Я, писалъ медіаторъ Фоукнеръ 2 октября изъ Бабадага, оставивъ наканунѣ визиря, знаю одно, что турки находятъ ихъ

*) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 742.

очень неосновательными (très déraisonables). Если все, что я могу собрать изъ различныхъ сообщеній, которыя мнѣ сдѣланы, есть истина, то я не вѣрю, чтобы Порта на нихъ согласилась, развѣ что военныя дѣйствія принудятъ ее на то. Мнѣ говорятъ, что цесарь требуетъ Боснію, Нишъ и Виднъ, съ ихъ областями, Валахію и Молдавію, помимо военныхъ издержекъ, которыя учтены до 20 миліоновъ»*).

Въ виду этого уже можно догадываться о характерѣ привезенныхъ Гикою новыхъ указаній или полномочій, какъ мало они могли отвѣчать нетерпѣливому ожиданію полномочныхъ Россіи, ихъ вѣрѣ, что они «что лучшее» дадутъ и разрѣшатъ, наконецъ, тяжелый вопросъ о мирѣ еще въ истекавшемъ году.

Драгоманъ Порты сейчасъ же былъ, но частнымъ образомъ, у полномочныхъ. «На вопросъ нашъ, пишутъ они 18 сентября, какъ нашъ ультиматъ принятъ визиремъ, тотъ отвѣчалъ, что визирь ожидалъ, что кондиціи вашего величества будутъ умѣреннѣе, нежели предложены».

При дальнѣйшей бесѣдѣ Гика пояснилъ, якобы отъ себя, упрекъ въ неумѣренности, что «в. в-во ищете всѣми вратами ихъ провинцій овладѣть, чтобъ тѣмъ поводъ подать къ продерзостямъ и набѣгамъ казацкимъ въ турецкія земли», слѣдовательно, упрекалъ въ солидарности съ Запорожьемъ, тогда какъ, на взглядъ визиря, татарамъ отмщеніе учинено достаточною побывкою русскихъ, и дважды, въ Крыму. Далѣе, въ согласіе съ Остейномъ, въ вопросѣ объ оставленіи Очакова за Россіей Гика указалъ на «жалузію» морскихъ державъ, Англіи и Голландіи.

Но, наконецъ, приготовивши почву, переводчикъ перешелъ къ главной цѣли своего визита: онъ предложилъ отъ имени турецкихъ пословъ «средства для предбудущей безопасности». Турки хитро воспользовались фразеологіей нашихъ заявленій, что, по мнѣнію ихъ, «та совершенная безопасность инымъ образомъ установлена быть можетъ, нежели какъ отъ насъ (доносили полномочные) требуется, а именно, барьерою пустыхъ земель между обоихъ имперій, ибо отъ насъ сколько разъ объявлено

---

*) Тамъ же, № 744. Неточности, напримѣръ, требованіе всей Босніи, понятны: со словъ другихъ. Но вообще согласно съ «низкими» условіями конца августа. Ср. выше.

было, что в. в-во искать прибыли не изволите, кромѣ чести и безопасности». Слѣдовательно, миръ сейчасъ, продолжалъ Гика, только—«когдабъ уступленъ былъ Очаковъ, Кинбурнъ, а Азовъ разоренъ».

Полномочные выразили полное удивленіе этимъ условіямъ, что они противны чести Россіи, столькимъ, положеннымъ отъ нея, усиліямъ; но переводчикъ повторялъ одно: безъ принятія этихъ условій мира не будетъ. Полномочные, вѣроятно, еще не знали о свѣжемъ вторженіи татаръ изъ-за Кубани, проникшихъ далеко на Сѣверъ—въ Тамбовскій край, какъ мало могла потому стоить предлагаемая турками барьера пустыхъ земель безъ Азова *).

Бесѣда, послѣ этого, была прервана заявленіемъ нашихъ пословъ, что «то—предъ всѣмъ свѣтомъ было бы зазорно, и для того лучше войну продолжать, нежели такой миръ учинить, отъ котораго бы была болѣе прежняго опасность». Они здѣсь говорили словами своего наставника, Остермана.

Изъ тона этого предварительнаго разговора съ Гикою полномочные справедливо замѣтили, что, по возвращеніи переводчика отъ Порты, появилась небывалая раньше у турецкихъ пословъ «высость».

Отъѣзжая Гика прибавилъ еще, что самъ онъ отвѣта отъ султана на предъявленныя Россіей кондиціи не привезъ, что отвѣтъ будетъ только позже и, конечно, говорилъ неправду.

Едва ли «что́ лучшее въ откровеніе пришло» послѣ этого разговора. Рѣзкая перемѣна тона, съ ласкающаго на категорическій, предвѣщала скорый разрывъ переговоровъ. Наши полномочные обратились къ своимъ товарищамъ по бѣдѣ; но тамъ встрѣтили опять новую неожиданность: тамъ было спокойно, и австрійцы довѣрчиво утѣшали себя, на случай неудачи съ миромъ, картинами будущаго, уже готовыми-де планами на наступавшій годъ, и не понимали своихъ русскихъ товарищей.

«Цесарскіе послы, писали наши 25 сентября, получили новый указъ—спѣшить съ миромъ. Они указуютъ такія снисхожденія къ установленію мира, что когда, по ихъ словамъ, и мы ихъ предложенія услышимъ, сами тому подивимся — не токмо

*) Объ этомъ наѣздѣ на козацкіе городки см. Извѣстія Тамб. Архив. Комисіи, 1897, р. 113, сл.

чтобъ искать и требовать отъ Порты награжденія». Какъ причину новаго пониженія условій цесаря, наши полномочные предполагали опасеніе у нихъ отъ Испаніи, и что хотя Флери и поручилъ Вильневу всячески склонять турокъ къ миру, но на все это полагаться нельзя.

Но какъ въ своемъ послѣднемъ недовѣріи наши были правы! Насколько Вильневъ могъ склонять къ миру, ясно изъ приводившихся нами раньше его сообщеній въ Парижъ. Его цѣль была прямо обратная — отсрочить расчетъ до лучшихъ для Порты условій. Но именно теперь онъ повелъ дѣло энергичнѣе, ибо самое время года было безопаснѣе, чтобы покончить съ Немировомъ, дѣло свое отслужившимъ.

Требованія Россіи въ глазахъ и Вильнева, и Флери были, по словамъ Ложье, непомѣрны (énormes), ихъ надо было всячески отстранить (échouer), и Вильневъ получилъ приказаніе изъ Версаля употребить всѣ мѣры, чтобы не допустить Порту до мира на условіяхъ, «постыдныхъ для нея и предосудительныхъ для торговли Франціи».

«Согласно этому, Вильневъ, говоритъ Ложье, указалъ агенту де-Ларія передать визирю, что Франція совѣтовала въ-началѣ миръ, въ предположеніи, что русскіе ограничатся удержаніемъ Азова; но послѣ того, какъ ихъ самолюбіе было вскрыто, когда стало ясно ихъ стремленіе завладѣть торговлею на Черномъ морѣ и этимъ приготовить путь къ завоеванію Константинополя, Франція полагаетъ, что Порта должна попытать счастія оружіемъ, а не подчиняться тяжелымъ законамъ, налагаемымъ на нее врагами. Наиболѣе подходящій планъ—по отведеніи войскъ на зимнія квартиры, приказать полномочнымъ возвратиться изъ конгреса, подъ предлогомъ нужды въ новыхъ инструкціяхъ и съ обѣщаніемъ возвратиться весной въ Немировъ».

Планъ былъ одобренъ. «Султанъ, продолжаетъ Ложье, отдалъ приказъ—отозвать полномочныхъ изъ конгреса»*). Въ этомъ же смыслѣ тогда же, 20 сентября, сообщали и въ Петербургъ изъ Константинополя, что здѣсь «надѣются, что конгресъ разорвется, а война продолжится, ежели нынѣшнюю зиму какого дру-

*) Histoire des négotiations pour la paix à Belgrade, I, p. 81—87. Ложье пользовался записками самого Вильнева.

гаго средства къ новымъ мирнымъ прожектамъ представлено не будетъ», но, конечно, сообщали съ опозданіемъ *).

Ясно, что съ Немировомъ на Босфорѣ были уже готовы какъ разъ въ то время, когда тамъ все не безъ надежды, и все трудятся надъ миромъ, волнуются.

Но возвращаемся къ бесѣдѣ встревоженныхъ русскихъ и спокойныхъ австрійскихъ полномочныхъ.

Австрійцы, все скрывая свои новыя условія, допытывали —нѣтъ-ли новаго умаленія и въ русскихъ кондиціяхъ, и получили положительный отвѣтъ. Но наши, не останавливаясь долѣе на содержаніи «новаго указа», не входя въ детали, повторили лишь ту же просьбу, что̀ и предъ первой несчастной декларацiей — пріобождать съ заявленіемъ своихъ уступокъ, «такихъ снисхожденій».

Въ отвѣтъ на это австрійцы успокоивали нашихъ ожидающимся оборотомъ дѣлъ въ будущемъ и несомнѣннымъ миромъ, по ихъ волѣ: они принудятъ Порту къ нему, какъ тогда же Порта думала то же объ австрійцахъ, что она ихъ принудитъ къ своему миру **).

«Цесарь, говорилъ Остейнъ, при союзѣ остается, и скоро рѣчь будетъ въ Петербургѣ о планѣ войны на будущій годъ». Но планъ этотъ оказался ему вполнѣ знакомымъ, что впредь уже не будутъ дѣйствовать раздѣльно, а «совокупно», и «другъ другу въ нужныхъ случаяхъ руку помощи подавать», что русскіе уже не будутъ итти «пустыми степями», а пойдутъ чрезъ Польшу, въ Молдавію, не-подалеку будутъ и австрійцы, такъ что союзники соединенными силами «въ состояніи будутъ чувствительный вредъ учинить и тѣмъ непріятеля къ миру принудить». Очевидно, забота Остермана, какъ «ободрить» союзника, была излишня.

Но, какъ замѣчено выше, австрійцы, суля въ будущемъ, теперь не познакомили своихъ товарищей даже съ главными условіями своего «удивительнаго» ультимата. Дѣйствительно, въ немъ было удивительно то, что Карлъ, хотя и съ битыми или съ отступающими войсками, но, по старому, требовалъ отъ Турціи земельной уступки, только въ очень малой мѣрѣ, но все за

*) С.-Петерб. Вѣдомости, 1737, № 87, отъ 31 октября.
**) Laugier, Histoire des négotiations... I, 83.

Дунаемъ, и все утверждалъ свои права на Валахію и Молдавію; впрочемъ, отъ контрибуціи уже отказывался

Карлъ опять милостиво отступалъ отъ якобы занятыхъ частей въ турецкой Валахіи, Молдавіи и по ту сторону Тимока, ниже Видина, но за то Турція имѣла ему уступить Нишъ съ округомъ, такъ что граница — между Нишемъ и Софіей, и тутъ «воздвигается столбъ»*). На одинъ шагъ ближе къ Босфору. Все еще слышался недавній молебенъ ликующей Вѣны по случаю взятія Ниша **).

Участь и этой «finalis et ultimata conditionum declaratio», съ крайнимъ срокомъ на послѣднее число октября, можно было видѣть напередъ. Наши полномочные, и не вѣдая самыхъ условій, все усердно просили повременить съ объявленіемъ, хотя это могло быть напраснымъ: они знали давно, когда еще дѣйствовалъ «каналъ», о твердомъ взглядѣ Порты на мѣсто Австріи въ Немировѣ; сами они давно считали, въ соображеніи положенія дѣлъ, возможнымъ даже уступку самаго Ниша со стороны Австріи. А теперь былъ не августъ, а сентябрь къ исходу***).

Между тѣмъ наступалъ конецъ условленнаго 40-дневнаго срока—20 сентября.

Наши поспѣшили запросить турокъ о султанской резолюціи, которая, по словамъ Гики, шла въ-слѣдъ за нимъ. Но тѣ отвѣчали—обождите, и въ то же время дали понять, что готовятся къ отъѣзду. Ясно, что Гика привезъ резолюцію отъ султана, но ту, что̀ продиктована Вильневомъ.

Точно 20 сентября переводчикъ Порты посѣтилъ оффиціально Волынскаго. Обращаясь къ нему, какъ къ наиболѣе дѣятельному русскому члену конгреса, онъ сейчасъ же сталъ жаловаться на время года, на невозможныя условія жизни.

«Наступаетъ, говорилъ онъ, глубокая осень, а турецкіе послы по се время стоятъ въ полѣ: въ показанныя квартиры перебираться не могутъ для того, что умѣститься не можно».

*) Hurmuzaki, Documente, Supl. I, v. I, № 746. Условія сообщены Вильневомъ въ Парижъ при письмѣ отъ 26 октября.

**) Ср. С.-Петерб. Вѣдомости, 1737, № 68.

***) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/f № 15.

Онъ требовалъ новаго помѣщенія; но если «квартиры не очистятъ, то турецкіе послы отъѣдутъ къ своимъ границамъ», пояснилъ Гика.

Снявъ напередъ съ своихъ турокъ возможность упрековъ за будущее, Гика по своему обычаю, какъ бы не въ-значай, припомнилъ Волынскому свою первую, по возвращеніи, бесѣду съ русскими о турецкихъ условіяхъ мира съ Россіей: разореніе Азова, съ одной стороны, отдача Очакова, съ другой. Затѣмъ онъ началъ обосновывать необходимость принятія этихъ «разумныхъ» условій.

«Россійское требованіе отъ Порты, толковалъ Гика, состоитъ въ трехъ пунктахъ: покой, безопасность и честь. Но то отъ ихъ стороны все дается, ежели только отъ стороны Россіи нѣтъ особливаго притомъ намѣренія и желанія о распространеніи многихъ земель и о присовокупленіи себѣ турецкихъ провинцій».

Вопросъ былъ поставленъ хитро и ясно: разъ эти условія не принимаются, слѣдовательно, дальнія намѣренія, «химерическія опасности», на лице, какъ и толковалъ Вильневъ.

«Подъ видомъ воздержанія татаръ, продолжалъ свое обвиненіе Гика, уже всѣ двери у Порты хотятъ запереть и всю комуникацію отъ нихъ къ татарамъ пресѣчь и отъ туровъ раздѣлить».

Уступка Азова была теперь безусловна. «О разореніи Азова говорить оставляю, замѣтилъ драгоманъ; а что касается до Очакова, то отъ него одна опасность туркамъ и уступить его никакъ невозможно; иначе, имъ самимъ входъ въ Крымъ запертъ будетъ».

Волынскій, помня наказъ Остермана, отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и пригрозилъ. «Ежели турки недовольны нашими умѣренными требованіями, то мы будемъ далѣе войну продолжать. Но ежели пламень расширятъ, то, можетъ быть, какъ онъ уповаетъ на Бога, въ будущую кампанію и сверхъ Очакова что турки потеряютъ; тогда имъ труднѣе и договоры быть могутъ».

На этомъ совѣщаніе окончилось. Но чрезъ нѣсколько дней турки повторили попытку склонить русскихъ на свои условія, предложивъ подробный планъ своей теоріи о безопасности, планъ о барьерѣ. Это было 29 сентября.

Турки, по старому, предлагали разореніе Азова и возвратъ Очакова съ Кинбурномъ; но для безопасности на южной границѣ

они полагали удобнымъ между Бугомъ и нижнимъ Днѣстромъ образовать барьеру—превративъ эту мѣстность, занятую теперь запорожцами и татарами, въ безусловную пустыню.

Турки требовали отъ насъ—«на востокъ и сѣверъ отъ Буга у польской границы и до устья пребывающихъ козаковъ вывесть вонъ и въ дальнія мѣста въ Россіи переселить». Это старое домогательство: его турки предъявляли еще Неплюеву, въ бытность его на Босфорѣ. Но за то съ своей стороны они обязывались «по той же рѣкѣ на югъ и западъ живущихъ татаръ перевести за р. Днѣстръ и поселить въ буджацкихъ степяхъ. Такимъ образомъ, отъ козаковъ и татаръ оставленныя въ-пустѣ мѣста для барьеры весьма къ довольной безопасности служить будутъ. Пограничными городами у той барьеры будутъ: Кіевъ и Васильковъ, съ русской стороны, Бендеръ и Очаковъ, съ турецкой» *).

---

*) Мы видѣли изъ сообщенія современной пражской газеты (см. выше, стр. 248, прим.), что для колонизаціи татарами земель между Днѣстромъ и нижнемъ Бугомъ (нынѣ Тираспольскій и Одесскій уѣзды), даже изъ-за Кубани, приманкой было здѣсь плодородіе почвы и сравнительно съ Буджакомъ относительная жидкость поселеній. Но тѣмъ не менѣе поселенія были, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ иностранныя карты XVIII стол. Правда, на парижской картѣ 1716 года: «Le Theatre de la guerre sur les limites de deux empires, par N. de Fer» по сю сторону Днѣстра одни только общія обозначенія: Campagne (!) Deserts, Campagnes Deserts, Plaine d'Oczanow (!), вдоль моря—Tartares d'Oczakow; немногія топографическія названія: Niconie, Tour de Neoptolomy, K o c z u b y, Jeziero (у Тилигула). Не много именъ и на картѣ 1744 года: «Hungariae... Tabula, a I. M. Hasio», но спеціальная ея задача—Венгрія, въ «Tataria Oczakoviensis»: два озера—Kujalik и Teligol, съ многими рѣчками на верху; въ Тилигулъ впадаетъ Mohila f.; отдѣльно притокъ Днѣстра Kurczahan (нын. Кучурганъ); населенныя и археологическія мѣста: P i s k a на Kurczahan'ѣ, C z a r n a, Niconium (противъ Tyras'a); берегомъ моря отъ Lac. Vidovo: C o c z u b e y C o y a b e y, Isiacorum portus (у Тилигула), Scopuli urbs, portus Istrianorum, B e r e s a n portus (на Beresan f.), Ordessus, O c z a k o w (Usu). Безъ поселеній, кромѣ Очакова, петербургскій академическій Atlas Russicus, 1745 г., но съ 3 Кагальниками: Сухой, Кудый, Мечетный, съ Березанью и Солоницей. (Въ трудѣ А. А. Бертье-Делагарда «Каталогъ картъ, плановъ въ Музеѣ Имп. Одес. Общ. И. и Др.», 1888, № 34 тоже что № 33, только съ нѣмецкимъ текстомъ). Но уже иначе представлена Ханская Украина на «Carte des environs de la Mer-Noire, par Rob. de Vaugondy, Paris, 1757 (?) г. Поселенія здѣсь: Andriew (запорожское нѣкогда ?), Czy...ski (неразобрано, отъ ветхости экз. карты), ...tzetka, Kodeni,

Планъ о барьерѣ былъ не безъ хитрости составленъ и не только не служилъ для безопасности южной границы Россіи, но, напротивъ, усугублялъ опасность. Что значитъ татарину проскакать «барьеру» между Днѣстромъ и Бугомъ, кто остановилъ бы его, при отводѣ козаковъ? Да и не эти татаре безпокоили границу. Запорожье было еще необходимо, какъ стражъ и въ то же время совладѣтель Степи: зимовники запорожцевъ шли по низовьямъ Буга, какъ показываютъ современныя карты, и не могли не захватывать временами и по ту сторону рѣки, на западъ отъ Буго-Гардской паланки: отъ нихъ идутъ имена рѣчекъ въ Очаковской Татаріи—Солоница, Сухый, Куцый Кагальникъ.

Наши полномочные, въ виду угрозы разрыва, объявили уже свое согласіе отступиться отъ Тамани и Темрюка; всѣ же остальныя условія турокъ признали несходственными, отвергли и

Bursak (=Бирзула), Kossow, Ibraim-kiuy, Knaja-Murza, Tartar-Kazan (все это вдоль рѣки Барабоя), Odzider, Giribirzina (теперь Бузеноватое?), Koczubi, Hassan Pacha Kalasi, Oczakow. Наконецъ, совсѣмъ иной характеръ западной половины Херсонской губерніи на картѣ 1788 г.: «Geogr. General Karte der Gränzen zwischen denen dreyen Kaiserthümern.», von F. I. M. 1788, Wien. Главная часть, къ сѣверу—Betak lu Bejaban; ниже ея—Kara Urman, вправо Tatares d'Otschakow. Мѣста по Днѣстру и Лиману (Liman): Kaynar, Dubosar, Komorul, Ass-Beg, Olmasu, Jegni Piska, Eski Piska (т. е. старая), Muradkuy, Tartar Kasan, Odzider (Аджидеръ теперь), Giribizzina; между Бугомъ и Ягорлыкомъ Oldeva, Jasienovy, Balta, Bursa (Бирзула), Kosow; по Бугу: Migaja (Мигея теперь), Bogaz, Zikzakli, Kazagan, Andrew, Rus Eski Meterisi (шанцы?), Dgevenizkevi, Solonitza (Солониха?), Uzum, Karanga Kir, Adsak, Otschakow; вдоль моря: Janiduni, Vozia, Hassan Pascha Kal (при заливѣ Beresan); внутри: à) мѣста: Tatar Kaban (колонисты 1726 г. ? ср. выше), Tshismakey, Ak Koju, Kessek, Ibraim Kiui, Knaja Murza, Asyak (гдѣ нынѣ Севериновка), Esk Dgiamij; б) палатки, т. е. центры кочевьевъ: Munozak, Keliczi, On Tshadir, Zapelzako, Krotojaki, Kabiler Nugai Jedsani, Bahadinu. Почти та же номенклатура населенныхъ мѣстъ и на картѣ 1777 г., что въ Венеціи издалъ P Santini. Едва-ли эти поселенія и кочевья татаръ были все новыя. 17 декабря 1737 г. извѣстный Лупулъ изъ села Орхея совѣтуетъ Неплюеву пустить козаковъ на Ханскую Украину—«гдѣ деревни татарскія около оной имѣются». (Приложенія, V). Прибавимъ, что на нѣкоторыхъ картахъ (напр. Osman. Reich in Europa, Reilly, Вѣна, 1796 г.) и разсматриваемая мѣстность только часть Бессарабіи или Буджака: Бессарабія охватываетъ Едисанъ до самаго Буга.—Что до формы Koczubey, Koczubi, то она преобладаетъ на старыхъ картахъ, хотя при ней иногда синонимъ: Coyabey, что надо читать Кожабей, Гаджибей, по осмысленію изъ Кочубей.

теорію барьеры. Они отослали свой отвѣтъ съ «опроверженіемъ», но «со всякою умѣренностію», какъ доносили они 3-го октября.

Но турки не замедлили своимъ словеснымъ отвѣтомъ на опроверженіе, черезъ Гику. Они прямо объявили, что отъ визиря имѣютъ указъ, что «ежели тотъ планъ не принятъ, то имъ отъѣхать въ свои границы».

Естественно, наши полномочные были въ прежней тревогѣ. Они просили не разрывать конгреса, но взаимно отписаться къ своимъ дворамъ, какъ это они уже сдѣлали относительно послѣднихъ условій, сообщенныхъ на дняхъ чрезъ него же, драгомана. Но Гика сухо отвѣчалъ, что онъ «не мнитъ, чтобы турецкимъ посламъ на отписку можно было поступить, имѣя точный указъ отъѣхать».

Драгоманъ уѣхалъ. Правда, въ слѣдъ за нимъ былъ посланъ нашъ переводчикъ, Тевкелевъ, продолжать «всячески увѣщевать конгреса не разорвать». Но, конечно, попытка была тщетна. Разрывъ, какъ мы видѣли, былъ предрѣшенъ, развѣ что мы пойдемъ на всѣ уступки, откажемся отъ всего своего.

Тогда же сдѣлали декларацію своего ультимата и австрійцы. Но тѣмъ турецкіе послы кратко и рѣзко отвѣтили повтореніемъ того, что̀ они довѣренно, чрезъ каналъ, открыли предъ русскими полномочными давно, что для нихъ они имѣютъ одинъ указъ отъ Порты—трактовать съ ними лишь по обновленію Пожаревацкаго договора, а новыхъ условій никакихъ, ни пяди земли не уступятъ. «Иначе, повторяли они и имъ, мы отъѣзжаемъ».

Немировскій конгресъ, очевидно, закрывался до времени, не приведя ни къ чему. Стало уже совсѣмъ ясно, что турки все только хитрили, чтобы выиграть время, выпытать, если не развести.

«Изо всего вышеписаннаго, заключаютъ наши полномочные свой послѣдній отчетъ, отъ 3 октября, видно, что турки прямаго намѣренія къ возстановленію мира не имѣютъ, а продолжали свой конгресъ до окончанія кампаніи, дабы вывѣдать о кондиціяхъ вашего величества и цесаря, а между тѣмъ ласканіемъ чинили опыты о твердости союза вашихъ величествъ и тѣмъ старались насъ ссорить съ цесарскими послами, и наконецъ умышленно намъ планъ барьеры сообщили, дабы то за

причину разрыва конгреса употребить, вѣдая, что отъ насъ онъ принятъ быть не можетъ.

Итако, всемилостивѣйшая Государыня, по отъѣздѣ отсюда турецкихъ пословъ и мы принуждены ѣхать въ Кіевъ, а цесарскіе послы ѣдутъ во Львовъ, откуда ко двору своему» *).

Тяжело было признаться, но признаніе было сдѣлано: болѣе всего праздное препровожденіе времени было, полагали наши. Но именно такой конецъ предрекалъ уже давно, предъ самой установкой конгреса въ Немировѣ, старый знатокъ характера турокъ, Талманъ, который еще изъ Бендеръ, съ пути на сѣверъ, писалъ въ Вѣну, что предложенный конгресъ въ Немировѣ ни къ чему не приведетъ: съ турками можно говорить только съ оружіемъ въ рукахъ **), съ чѣмъ были согласны и наши, въ первые дни конгреса, когда они писали, что «покуда отъ союзнаго войска знатно не будутъ побѣждены, потуда о мирѣ мыслить не станутъ».

Въ Петербургѣ, получивъ послѣднія извѣстія о сентябрскихъ условіяхъ, переданныхъ чрезъ Гику, не возражали, что со стороны турокъ до сихъ поръ былъ одинъ обманъ, ласканіе, что о дѣйствительномъ мирѣ они и не думали; но не отчаявались, что засимъ уже все кончено въ судьбѣ «пріятной вѣдомости».

«Всѣ, соглашался рескриптъ 16 октября, отъ переводчика Порты учиненныя изъясненія — стары и ничего иного не значатъ, окромѣ, что турецкіе министры въ сіе мирное дѣло прямо вступить указу не имѣютъ, а между тѣмъ только твердость вашу искушаютъ и послѣднія ваши кондиціи вывѣдать стараются». Остерманъ одобрилъ поведеніе полномочныхъ.

«Отъ васъ, продолжалъ рескриптъ, изрядно учинено, что вы болѣе себя не открываете, яко въ томъ никакой пользы быть

---

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/f № 15.

**) Что конгресъ «gar nicht zu Staude kommen würde», ибо визирь «einmahl über das andere die Sache mit Fleiss aufzuhalten suche». Поэтому—«den Türcken mit dem Degen in der Faust die so lange gesuchte endliche Entschlüssungen abzuzwingen — in Ernst betracht war». (Die Neue Europ. Fama, 27 Th., p. 135).

не можетъ», но съ существенною оговоркой — «пока но усмотрится, что турки съ прямымъ намѣреніемъ въ сіе мирное дѣло съ нами вступаютъ». Слѣдовательно, и въ послѣднюю минуту Остерманъ все не безъ надежды, и соображенія драгомана Порты, хотя все старыя, тѣмъ не менѣе не оставляются съ его стороны безъ отвѣта.

Относительно возраженія Гики, что «въ уступленіи Очакова наиглавнѣйшая трудность—пресѣченіе комуникаціи турокъ съ Крымомъ», Остерманъ ссылался на прежній рескриптъ, гдѣ этотъ вопросъ разсмотрѣнъ подробно и показано, какъ неосновательны-де опасенія Порты. Здѣсь же онъ указывалъ на значеніе добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, какъ лучшей гарантіи для будущаго.

«Ежели, говорилъ рескриптъ, турки прямо съ нами въ мирѣ жить пожелаютъ, то и комуникація чрезъ Очаковъ отъ насъ имъ никогда воспрещена не будетъ, умалчивая, что прямо отъ Днѣстра комуникація съ Крымомъ водою весьма ближае, свободнѣе и безубыточнѣе у нихъ содержана быть можетъ, нежели такимъ дальнимъ и труднымъ обходомъ — чрезъ Очаковъ». Конечно, Остерману могъ быть неизвѣстенъ старый торговый путь на мѣстѣ, нетрудный обходъ—Аккерманъ или Чобручи, Очаковъ, Крымъ (см. выше, 234, прим.), тогда какъ турки въ своемъ настояніи на возвращеніи Очакова могли руководиться и мѣстными условіями, не праздно говорить о комуникаціонномъ значеніи города для ихъ земель за Днѣстромъ.

Чтобы только согласить турокъ на отказъ отъ Очакова, рескриптъ, далѣе, опять и опять повторялъ, что «и нынѣ при томъ несомнѣнно пребываемъ, что мы никакихъ дальнихъ конкетовъ, но единую свою безопасность отъ турковъ требуемъ», что напередъ отъ всякаго «награжденія» отказываемся. Послѣдняя уступка не нова: она предусмотрѣна уже Инструкціей 14-го іюня; но теперь она подчеркивалась.

«Хотя, указывалъ рескриптъ, за громадныя издержки на войну мы въ правѣ награжденіе требовать; но мы для показанія неотмѣнной нашей великодушной умѣренности отъ всего того отстаемъ и только то требуемъ, что къ единой нашей предбудущей безопасности потребно, а именно—Очакова съ пристойными въ тѣхъ пустыхъ мѣстахъ границами, ибо объ Азовѣ и

толковать непотребно, понеже съ прежними границами и безъ того къ Россіи всегда принадлежалъ».

Пріобрѣтенный, наконецъ, путемъ тяжелыхъ жертвъ доступъ къ морю на Югѣ, Очаковъ, не могъ быть уступленъ даже въ рѣшительную минуту. Мы помнимъ негодованіе Остермана на Остейна, когда тотъ легкомысленно коснулся Очакова: Очаковъ кровью купленъ. Отстоять Очаковъ требовали и выгоды и достоинство Россіи. «Весь безпристрастный свѣтъ, не безъ чувства аппелировалъ рескриптъ въ заключеніе, разсудитъ, не надлежало ли намъ за то полную сатисфакцію дать, и возможно ли явственнѣе свое великодушіе показать, какъ требованіемъ тѣхъ кондицій, которыя не для какой себѣ прибыли служатъ, но только для нѣкоторой себѣ впредь безопасности»?

Но дѣло въ томъ, что изъ Очакова, съ его высокаго берега, мы глядѣли на растилавшійся у ногъ его Крымъ; онъ, дѣйствительно, «ворота» въ полуостровъ, а тамъ татаре, которые и слышать ничего не хотѣли о мирѣ съ Россіей, жаждая одного мщенія *). Право словомъ не доказывается въ такихъ случаяхъ.

Мы видѣли, въ началѣ конгреса Остерманъ заботливо отстранялъ вмѣшательство въ дѣло мира Англіи и Статовъ. Но теперь, въ послѣднюю минуту, онъ вспомнилъ и ихъ. Рескриптъ прибавлялъ, что обо всемъ въ указахъ «пространно и явственно» сообщено посламъ въ Англіи и Гаагѣ, что болѣе чего «прибавить не имѣется», что экстракты изо всего надо послать и турецкимъ полномочнымъ, даже въ догонку, на случай уже отъѣзда ихъ.

Немировъ окончилъ свою роль, обманулъ Остермана и изъ мѣста, вотъ-вотъ съ громкимъ на всегда историческимъ именемъ, возвращался къ своей скромной долѣ—грязнаго захолустья. Изъ

---

*) Еще въ ноябрѣ 1736 г. баилъ Контарини доносилъ: «ханъ и его татаре рѣшили не входить ни въ какое соглашеніе, прежде чѣмъ не возьмутъ отместки надъ русскими краями—возмѣщенія за понесенные убытки, безчестіе и несправедливости. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ народъ и будетъ главнымъ подводнымъ камнемъ, о который разобьется всякое расположеніе къ миру. Еслибы правительству удалось привести ихъ къ долгу и внушить имъ повиновеніе и какую нибудь дисциплину...» (Hurmuzaki, Documente, v. IX, p. I, № 769).

него не вышелъ для насъ Пожаревацъ, для австрійцевъ—второй Пожаревацъ, какъ на это разсчитывали оба члена альянца 1726 года. Но Остерманъ не терялъ надежды теперь продолжать свое дѣло и безъ проведшаго его Немирова. Это видно хотя бы изъ послѣдняго порученія; еще виднѣе изъ другаго рескрипта отъ того же 16 октября.

«Ежели, говорилъ рескриптъ, разрываніе дѣйствительно воспослѣдуетъ, то остается намъ по послѣдней мѣрѣ то удовольствіе, что не мы, а турки причина. И потому на Всемогущаго Бога твердую надежду имѣемъ, что продолженіе сей войны въ вящему наказанію сихъ невѣрныхъ непріятелей обратится и Всещедрый Богъ наше оружіе, какъ до сего времени, такъ и впредь благословеніемъ своимъ не оставитъ». Правда, рескриптъ не забылъ указать «заявить протестацію съ показаніемъ великодушія нашего, что въ дальнѣйшихъ слѣдствахъ и невинномъ человѣческой крови пролитіи Порта предъ Богомъ и всѣмъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать должна»; но требовалъ, чтобы эта протестація была безъ «огорчительныхъ экспресій». А главное, помимо этихъ формальностей, рескриптъ приказывалъ и послѣ разрыва, послѣ оставленія турками Немирова, «такой способъ сыскать, чтобы съ турецкими министрами въ какой кореспонденціи и письменномъ сношеніи остаться».

Но что̀ поддерживало Остермана въ его надеждѣ добиться до цѣли и безъ Немирова? Конечно, не одна настойчивость. Сердечныхъ же желаній Вильнева—проводить насъ конгресомъ—онъ знать не могъ.

Прежде всего, слабый лучъ надежды могъ мелькать въ эти минуты у Остермана въ открытыхъ имъ нѣсколько раньше совсѣмъ частныхъ сношеніяхъ съ визиремъ, помимо конгреса, чрезъ находившагося у насъ въ плѣну очаковскаго сераскира, Ягъю-пашу. Еще 11 сентября наши полномочные извѣщали объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія — о передачѣ письма отъ плѣннаго паши Саиду рейсъ-эфенди, для отсылки визирю. Ягъя совѣтовалъ не стоять за Очаковъ. Отвѣта еще не было изъ Константинополя.

Затѣмъ, были и другія, болѣе серьезныя соображенія, о чемъ ниже.

Но въ то время какъ Остерманъ писалъ послѣдніе рескрипты, турокъ давно не было въ Немировѣ, а турки были уже

подъ Очаковомъ, но турки иные, немирные: на Босфорѣ вспомнили свѣжую старину и менѣе всего думали, какъ Остерманъ— о мирномъ заключенiи историческаго года *).

По словамъ букарештскаго хрониста, турки, въ убѣжденiи, что невозможно прiйти ни къ какому соглашенiю, ни съ австрiйцами, ни съ русскими, послали своимъ полномочнымъ приказанiе оставить Немировъ, съ объявленiемъ, что они не желаютъ мира **).

На дѣлѣ—конгресъ давно былъ одной игрой, разрывъ его былъ давно предрѣшенъ на Босфорѣ, и все было дѣло рукъ Вильнева. Предлогъ къ разрыву давно подысканъ—позднее время года, невозможность жить въ полѣ, въ палаткахъ, да и по сосѣдству съ гайдамаками, какъ объ этомъ заявилъ драгоманъ Гика, сейчасъ по возвращенiи отъ Порты.

7 октября австрiйскiе и русскiе полномочные исполнили свой формальный долгъ — отозвались протестомъ по поводу разрыва, для показанiя «предъ честнымъ свѣтомъ» о своемъ нежеланiи «напраснаго пролитiя крови», а затѣмъ начался постепенный разъѣздъ.

На другой день, 8-го октября, турки были у своихъ недавнихъ товарищей съ «прощальными комплиментами», а 10 октября уѣхали, подъ охраной сильнаго польскаго конвоя, въ Сороку. Черезъ день уѣхалъ Остейнъ, направляясь въ Галицiю. «14 октября, пишутъ наши, ѣдетъ Талманъ, а засимъ скоро и мы». Но они задержались въ Немировѣ еще около двухъ недѣль. «Нынѣ, пишутъ они 25 октября, подводы прибыли и мы сего числа изъ Немирова выѣхали», но оставивъ на мѣстѣ больного переводчика Тевкелева, не смотря на то, что онъ былъ затребованъ прямо въ Петербургъ.

Выѣздъ былъ торжественный; палили изъ пушекъ. Подъ конвоемъ изъ 150 драгунъ наши полномочные ѣхали чрезъ Липовцы, Самъ-городокъ, Погребища, Бѣлую Церковь, Гребенку, Голохвостовъ, Васильковъ и 2 ноября прибыли въ Кiевъ.

С.-Петербургскiя Вѣдомости, извѣщая объ отъѣздѣ нашихъ

---

*) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/d № 13.
**) Ephém. Daces, II, 46.

полномочныхъ изъ Немирова, не преминули помѣстить особое сообщеніе изъ «Турецкой земли». Тутъ говорилось, что сами турецкіе послы «въ пути съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ сказывали, что конгресъ, по причинѣ воспріятой отъ новаго визиря гордости, безъ дѣйства разорванъ и что ежелибъ тамъ еще мало время продолжалось, тобъ миръ заключился. Ибо они сами признаваютъ себя быть ко учиненью противъ россійской и цесарской имперій отпора несильными» *).

На-сколько въ этомъ самоутѣшеніи, въ этой жалобѣ на «ежелибъ», было основанія, увидимъ скоро **).

На Сѣверѣ Остерманъ думалъ, что истекавшій 1737 годъ закончится мирно—въ пересылкахъ-переговорахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ одного пункта—у злополучнаго Ниша—вездѣ уже тишина. Глубокая осень, не время дѣйствій, а покой и зимнія квартиры. Но не такъ оказалось въ дѣйствительности, и на упорныя мирныя исканія изъ Петербурга турки поспѣшили отвѣтить дерзкою военною выходкою, хотя въ то же время была минута, когда и на Югѣ были за «градовъ ограду», по крайней мѣрѣ, извѣстная часть турокъ.

Черезъ 2 недѣли по выѣздѣ изъ Немирова, 23-го октября, турецкіе полномочные были у визиря, въ Карталѣ ***), вполнѣ довольные своимъ трехмѣсячнымъ лагернымъ житьемъ въ Немировѣ—пріобрѣтеніемъ нужныхъ свѣдѣній, выясненіемъ положенія, чего всегда такъ опасались наши.

«Саидъ рейсъ-эфенди, доносилъ Вильневъ въ Парижъ, по пріѣздѣ къ визирю сообщилъ де-Ларіа, что русскіе (les moscovites), по видимому, мало довольны цесарцами. Они упрекали ихъ въ желаніи воспользоваться русскими силами для своей собственной пользы—для покоренія Босніи, вмѣсто того, чтобы войти въ Валахію, гдѣ, какъ было условлено, союзники имѣли соединить свои арміи, чтобы сейчасъ же заняться раздѣломъ всѣхъ земель, которыми султанъ владѣетъ по сю сторону Дуная, а завладѣніе всѣмъ этимъ было, по ихъ мнѣнію, вполнѣ обезпечено.

---

*) № 94.
**) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/f № 15.
***) Dapontès, Eph. Daces., II, 46.

Кромѣ территоріи, которую этотъ раздѣлъ имѣлъ предоставить русскимъ и которую они притязали удержать за собою въ силу мирнаго договора (а для него «како владѣете» должно было быть основаніемъ), русскіе требовали, со стороны востока, помимо уступки Азова, Очакова и Кильбурнова, еще Кубани, острова Темрюка и Тамани, гдѣ они и предполагали устроить свой главный арсеналъ» *).

Конечно, вопросъ о Молдавіи и Валахіи освѣщенъ былъ неправильно: но послѣднія, задушевныя цѣли «въ разсужденіи Турецкаго государства», его постепеннаго упраздненія, были схвачены вѣрно.

Но былъ-ли доволенъ самъ визирь, гордость котораго якобы и была причиною такой безплодности для дѣла самаго конгреса, хотя дѣло было близко у конца?

«Предъ 8-ю днями я, писалъ 17 октября кардиналъ Флери Вильневу, получилъ листъ отъ визиря, такожде и ваше ко мнѣ писаніе, изъ которыхъ обоихъ я усмотрѣлъ, въ какомъ состояніи Отоманская имперія нынѣ находится, и что Порта при нынѣшней войнѣ, слѣдствія которой, по всему виду, туркамъ зѣло бѣдственны быть моглибъ, дабы она окончена была, короля нашего медіаціи желаетъ. Мы еще не вѣдаемъ, приметъ-ли царица нашу медіацію: однакожъ имѣется великое оказательство, что она по тѣсному союзу съ цесаремъ нашу медіацію не отвержетъ». Кардиналъ указывалъ послу объяснить Портѣ, но «съ пропорціональнымъ менажированіемъ ея омбиціи», «какому бѣдству она подвержена будетъ, ежели войну продолжитъ».

Обращеніе визиря послѣдовало незадолго до разрыва конгреса, но за обращеніемъ цесаря, мирныя условія котораго Флери находилъ теперь «весьма умѣренными и снисходительными».

Еще мрачнѣе перспективу рисовалъ тогда же—18 октября—министръ Амелотъ, что, не упрямись Порта въ началѣ, съ одной Россіей «способы къ примиренію гораздо легче были», а теперь? «Очаковъ въ русскихъ рукахъ, входъ въ Крымъ открытъ, почитай вся Волоская и Молдавская земли цесарю поддалися (!), а по взятіи Ниссы и всю Сервію въ рукахъ имѣетъ».

*) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 748. Донесеніе Вильнева отъ 23 ноября. Въ Константинополь немировскіе послы прибыли 3 ноября (тамъ же).

При новой кампаніи, «и все то подвергнуть можетъ, что отъ Оттоманскаго имперія въ Европѣ имѣетъ; ея интересъ—не ожидать, чтобъ ея непріятели болѣе куражу получили».

Мирному настроенію визиря были особенно рады въ Вѣнѣ: Франціей замѣстить неудавшійся Немировъ и закрѣпить за собою все тотъ же Нишъ.

«Намъ, писалъ императоръ Карлъ своему послу Шмерлингу въ Парижъ 26 октября, пріятно усмотрѣть, что Порта къ Франціи адресовалась». Но Нишъ, утверждалъ цесарь, возвратить Портѣ уже нельзя; слѣдовательно, возстановить общій покой надо «какимъ бы инымъ способомъ». «Ты ради того о всемъ потребное употребленіе при французскомъ дворѣ чинить имѣешь толь наипаче, понеже почитай никакой уже надежды не осталось, чтобы конгресъ въ Немировѣ состоялся», т. е. возобновился, что «Порта въ гордости и отдаленіи отъ мира окаменѣетъ», если не Франція заговоритъ о мирѣ, если не она возьмется «склонить къ справедливѣйшимъ сентиментамъ».

Но «иной способъ» не потребовался. Какъ цѣпко ни держалась за Нишъ Австрія; но онъ уже напрасно цесаремъ и поминался: въ ту минуту Нишъ былъ уже опять турецкимъ. Гордость снова заговорила и обращеніе визиря не привело ни къ чему—было мимолетнымъ осеннимъ эпизодомъ *).

Мрачныя парижскія картины о возможности потери Турціей всѣхъ своихъ владѣній въ Европѣ, картины отъ начала второй половины октября, были полнымъ анахронизмомъ, когда онѣ писались. Въ Парижѣ не ожидали никакого добраго оборота дѣлъ, тѣмъ менѣе — быстраго, не ожидали, что въ ту самую минуту за Дунаемъ уже разыгрывались событія, которыя дадутъ «куражу» не непріятелямъ Порты, а ей самой, что въ ту же самую минуту — половина октября — эта безсильная, еще безъ куражу, Порта подъ крѣпостными валами самаго Очакова рѣшилась сама продолжить, но съ оружіемъ въ рукахъ, прерванный въ Немировѣ вопросъ о возвращеніи себѣ

*) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 39/а № 3.

«воротъ въ полуостровъ». Внезапной осадой Очакова Порта отвѣтила Остерману на его немолчный призывъ къ миру.

Мы видѣли, что въ началѣ октября 20 тысячъ турокъ было передъ Нишемъ, гдѣ стоялъ слабый гарнизонъ ген. Доксата, одинокій, безъ связи съ далеко на западъ отступившею, недавно еще большею, арміей Секендорфа. Всюду одинъ паническій страхъ отъ турокъ, вымещавшихъ надъ христіанскимъ населеніемъ свою злобу.

11 октября турки осадили Нишъ, а 18-го Доксатъ сдалъ крѣпость на капитуляцію, съ тѣми же условіями, на которыхъ былъ отпущенъ турецкій гарнизонъ въ іюлѣ, съ прибавкой нѣкоторыхъ льготъ для поднявшихся сербовъ патріарха Арсенія *). 18-го Ниша уже не было, а въ послѣднемъ немировскомъ ультиматѣ, мирившемся на одномъ Нишѣ, срокъ былъ 31 октября. Но повѣсть о несчастіи Доксата не могла еще дойти до Вѣны, какъ чрезъ три дня послѣ сдачи крѣпости, 21 октября, былъ отозванъ изъ арміи въ Вѣну самъ Секендорфъ на судъ. Теперь только, въ концѣ октября, стала извѣстна и участь роковой крѣпости.

Понятно дѣйствіе этого послѣдняго удара на Вѣну, на ея улицу, еще съ вѣрою въ судьбу, не смотря на всѣ неудачи, разъ Нишъ въ рукахъ. Онъ безусловно нашъ, писалъ еще 26-го октября Карлъ въ Парижъ. А теперь?.. Фанатизованная улица требовала смерти обоихъ «еретиковъ»: и Секендорфъ, и Доксатъ были протестанты. Изъ Вѣны въ декабрѣ сообщалось въ Петербургъ, что «скоро имѣетъ быть розыскъ надъ Секендорфомъ, а надъ Доксатомъ кригсрехтъ»**), чтó, дѣйствительно, скоро и воспослѣдовало.

Остатки арміи отозваннаго главнокомандующаго спѣшно стягивались къ Шабцу, а по слѣдамъ ихъ шли турки и свободно хозяйничали среди несчастнаго населенія императорской Сер-

---

*) Въ «Mémoires secretes», p. 97—98, VIII-я статья капитуляціи гласитъ: «l'archiepiscope Petschka (=Печи) Walicka (!), de l'Albanie, ainsi que tous les Raziens (=сербы) et Juifs, qui sont dans la place et dans le territoire conquis, jouiront de la presente capitulation, principalement le partiarche et auront non seulement une entière abolution du passé, mais jouiront encore paisiblement de tout ce, qui leur appartenoit avant la guerre».

**) С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 1.

біи. Но осенній разливъ Савы заставилъ покинуть и Шабацъ и перейти на другую сторону рѣки, въ Срѣмъ.

Такъ печально окончилась мечта стать господиномъ всей Сербіи и поставить «столбъ» хоть между Нишемъ и Софіей, послѣ того какъ стало невозможнымъ думать о Босфорѣ.

Наконецъ, что касается Валахіи, которая, по словамъ Амелота, въ октябрѣ, твердо въ рукахъ цесаря, «поддалася ему», то на дѣлѣ она была уже совсѣмъ чиста отъ австрійцевъ, граница по Олтѣ безъ защиты, и исторіографъ князя Маврокордата свою хронику на ноябрь могъ открыть гордымъ признаніемъ: «послѣ этихъ побѣдъ, послѣ этихъ блестящихъ дѣлъ оружія князь сталъ совѣщаться о походѣ за Олту» *). Этотъ торжественный маршъ въ императорскую Валахію былъ тѣмъ болѣе кстати, что оттуда послышались голоса: «ждемъ освобожденія отъ нѣмцевъ», какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Дапонтесъ и въ чемъ ему невѣрить нельзя. Свой, естественно, къ своему, а заигрыванія Вѣны, смыслъ ихъ, не могли быть тайною для православныхъ. Наконецъ, стали появляться опасные для Вѣны признаки массоваго движенія у себя, среди православныхъ въ Банатѣ, Трансильваніи, принявшаго въ самомъ непродолжительномъ времени весьма серьезныя формы. 1-го ноября прибыли въ Букарештъ свѣжіе турецкіе батальоны подъ начальствомъ Мортецы-паши и 10 тысячъ татаръ изъ-подъ Аккермана, для предположеннаго марша **), та страшная «турецкая саранча», по выраженію нашихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, которая вскорѣ и открыла свои опустошенія въ пограничныхъ областяхъ уже самой Австріи ***).

6 ноября оставилъ, наконецъ, и визирь свой нижній Дунай (Карталъ-Исакчу), откуда онъ въ теченіе мѣсяцевъ руководилъ судьбами Турціи, спасалъ ее въ опасныя минуты, и отъѣхалъ на Босфоръ, гдѣ, по словамъ Ложье, только и говорили о продолженіи войны и о сложеніи оружія лишь послѣ взятія Бѣлграда, Темешвара и Буды (Офена), т. е. вспомнили о недавней старинѣ о Турціи—грозѣ XVII столѣтія для той же Австріи****). Прав-

*) Ephém. Daces, II, 47. Конечно, не князь былъ иниціаторомъ похода, а Боневаль и турки. Ср. ниже.

**) Тамъ же, II, 49.

***) 1731 года, № 1, въ корреспонденціи изъ Вѣны, отъ 20 декабря.

****) Histoire des négotiations, I, 99.

да, эта боевая атмосфера на Босфорѣ, подъ диктантъ успѣховъ на Дунаѣ надъ австрійцами, въ то же самое время понесла чувствительное пораженіе на востокѣ: въ глухую осень, въ глубочайшей тайнѣ совершенъ былъ турками смѣлый походъ въ Степь, чтобы силою отобрать у насъ Очаковъ и такимъ образомъ завершить годъ съ побѣдою на обоихъ флангахъ, а въ результатѣ —неудача;—но тѣмъ не менѣе Порта не унялась.

Можно сказать словами растеряннаго Карла: «Порта въ гордости окаменѣла, а отъ мира совсѣмъ стала далека».

Наши полномочные мирно дожидались въ Немировѣ своихъ подводъ, турецкіе—отъ Сорокъ двигались чрезъ Бессарабію къ нижнему Дунаю, къ визирю, когда послѣдній, въ началѣ октября, получилъ, по словамъ Дапонтеса, приказаніе изъ Константинополя направить армію подъ Очаковъ.

Визирь поручилъ сдѣлать это вторженіе хану бѣлгородскихъ татаръ, Генцу-пашѣ бендерскому и непремѣнному спутнику турокъ въ такихъ случаяхъ, Филиппу Орлику въ Каушанахъ.

Самая мысль о движеніи подъ Очаковъ была не нова. Еще въ концѣ августа Лупулъ изъ Кишинева сообщалъ нашимъ въ Немировъ, что султанъ татаръ Буджака прибылъ отъ визиря подъ Бендеры, въ Копанку и, «собравъ 4-хъ мурзъ, собиралъ всѣхъ татаръ сюда же, чтобы итти къ Очакову». Непріятеля соблазняли извѣстія, что, какъ писалъ Орликъ Лупулу, «въ Очаковѣ зложено артилерію всю и военіе припасы», и если въ половинѣ августа тотъ же Орликъ еще сомнѣвался—«яко Очаковъ зоставлено, не можно еще знати», то теперь было ясно, что гарнизонъ крѣпости былъ невеликъ *).

Движеніе въ осеннюю непогоду, степями между Бендерами и Очаковомъ, вѣроятно, чрезъ Кочубей (Хаджибей) и берегомъ моря, было произведено такъ тихо-воровски, что наши полномочные въ недалекомъ Немировѣ и не подозрѣвали его, а 16-го октября турки и татаре были уже подъ Очаковомъ.

Естественно, Остерманъ въ крайнемъ волненіи отъ этого извѣстія съ юга, отъ этого неожиданнаго дерзкаго шага. Преж-

---

*) Приложенія, V.

де всего—оплошность нашихъ въ Немировѣ. «О планѣ турокъ, выговаривали имъ изъ Петербурга черезъ мѣсяцъ, вамъ вѣдать было возможно по близости къ Бендеру; но, къ немалому нашему удивленію, вы сами о дѣйствительномъ такомъ походѣ турокъ были бы неизвѣстны, ежелибъ вамъ отъ польскаго генерала Мира не сообщено было, по письму къ нему извѣстнаго пріятеля» (вѣроятно, Лупула).

Далѣе, выдержитъ-ли Очаковъ неожиданное испытаніе? Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 90) мы читаемъ, изъ первыхъ дней осады, что «есть надежда, что непріятель со стыдомъ возвратится назадъ долженъ будетъ», что «гварнизонъ неотмѣнно великую бодрость и куражъ оказуетъ» (№ 93). Но, тѣмъ не менѣе, тревожно. «Мы, признавался рескриптъ въ Немировъ отъ 14 ноября, нынѣ съ нетерпѣливостью ожидаемъ извѣстія, какимъ образомъ турецкое предвоспріятіе противъ Очакова обратилось и какое окончаніе имѣло» *).

Осада Очакова открылась и съ моря, и съ суши.

«У непріятеля (т. е. у насъ, русскихъ), доноситъ Орликъ изъ-подъ Очакова князю Гикѣ въ Яссы, судовъ было со сто, а нашего императора (т. е. султана) два фрегата прибыли въ пятницу и взяли двѣ барки». Но болѣе успѣховъ не было.

Всѣ приступы были отбиты. Небольшой гарнизонъ полк. Штофельна защищался геройски, такъ что даже въ Австріи сейчасъ же пріобрѣлъ имя **), и 9 ноября непріятель снялъ осаду и ушелъ «со стыдомъ» опять за Днѣстръ. «Турки, свидѣтельствуетъ Дапонтесъ, возвратился въ Бендеры, потерявъ всю армію»; только султану Буджака приказано остановиться между Паланкой и Копанкой, т. е. держаться нижняго Днѣстра, въ надеждѣ зимою возмѣстить неудачу новымъ вторженіемъ въ Степь, чрезъ «барьеру» ***).

Надежда Остермана на стойкость Очакова его не обманула.

---

*) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/d № 13, 38/f № 16.

**) Rosenmüller, Neues Wirthsch.—u.—Cantzley Calender, Prag 1739, въ обычной рубрикѣ: «Historischer Auszug aus denen gantzjähr. Zeitungen».—«On ne peut sans injustice refuser la gloire d'être des plus braves guerriers de l'Europe», говорилъ о гарнизонѣ Ландъ (Histoire de l'emper. Charles VI, t. IV, 580).

***) Ephém. Daces, II, 46. Объ осадѣ—подробный журналъ ея—особое приложеніе къ С.-Петерб. Вѣдомостямъ, отъ 3 декабря 1737 г.

За то на Босфорѣ неудачная осада Очакова произвела, по словамъ нашей оффиціозной газеты, крайне удручающее впечатлѣніе, и Боневаль теперь вытыкалъ Портѣ—зачѣмъ не послушались его, не поручили ему, какъ этого онъ домогался, заняться осадой, но выбрали бендерскаго пашу *), а въ Вѣнѣ и иронизируютъ надъ турками. Когда боснійскій паша собирался было въ началѣ зимы осадить Бѣлградъ, то изъ Вѣны писали объ этомъ въ ту же газету, что «паша, можетъ быть, еще не зналъ, какъ худо сверстникамъ его атака города Очакова удалась» **).

Очаковская неудача, какъ замѣчено, не уняла боевой духъ на Босфорѣ: она вполнѣ возмѣщалась одновременными успѣхами турокъ на западѣ, надъ австрійцами.

Вѣна, императоръ—одна растерянность.

Оба «еретика»: Секендорфъ въ Вѣнѣ, Доксатъ въ Бѣлградѣ, имѣли быть преданы суду, съ перспективой казни.

Но тотъ же злополучный Доксатъ, сдавая Нишъ, завелъ на свой страхъ рѣчь съ турками о перемиріи, и за эту мысль Вѣна поспѣшила ухватиться.

Уже 12 ноября цесарскій посолъ Гохголцеръ предложилъ русскому кабинету на обсужденіе вопросъ о перемиріи на время зимы, опасаясь якобы недоразумѣній, но на дѣлѣ ища одного одобренія.

«Какъ по письму коменданта въ Нисѣ ген. Доксата, такъ и по приложеннымъ пунктамъ капитуляціи видно, какимъ образомъ о мирѣ командующій подъ Нисою корпусомъ паша отозвался. Безъ сомнѣнія, въ томъ коварственное намѣреніе скрыто, чтобъ съ цесарской стороны что-либо вывѣдать, чтобы у россійскаго двора суспицію о единосторонней негоціаціи возбудить мочно». Посолъ спѣшитъ успокоить, что въ Вѣнѣ, отъ ген. Доксата тѣмъ паче на злобу приведены, что онъ, «у котораго инако въ разумѣ недостатку нѣтъ, не обинуяся, мнимую турецкую истинность такъ зѣло слушался, еже тако къ подкрѣпленію вышеозначеннаго подозрѣнія служитъ». Но, не смотря на признаніе коварства, Гохголцеръ указывалъ, что «ежели прямо отре-

*) С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 9.
**) 1738, № 8.

ціись, то другая хитрость въ такъ сладкогласащихъ словахъ скрыта—о мнимомъ его цес. в-ва удаленіи отъ міра роптать стали-бы».

Мы видѣли, еще въ концѣ октября Карлъ гордо писалъ въ Парижъ о мирѣ, но безусловно съ Нишемъ; теперь онъ остался безъ него; слѣдовательно, представлялась одна возможность — только бы получить сколько-нибудь покойнаго времени, чтобы— очнуться, осмотрѣться, оправиться.

«Общему интересу, заключаетъ свое предложеніе посолъ, не только не вредительно, но, насупротивъ того, полезно было-бъ —со всѣхъ сторонъ отъ непріятельствъ чрезъ зимніе мѣсяцы удержаться, и потому наискорѣе, со включеніемъ ея россійскаго величества, а не инако, о перемиріи согласиться, а между тѣмъ приготовленія къ будущей кампаніи со всею ревностью производить».

Но черезъ два дня Гохголцеръ сдѣлалъ новый шагъ, уже прямо свидѣтельствовавшій о безнадежномъ состояніи союзника. Посолъ подалъ грамоту отъ Карла императрицѣ съ предложеніемъ принятія добрыхъ оффиціи Франціи по улаженью мира. «Миръ, писалъ теперь морализующій Карлъ, тягостной войнѣ всегда предпочтенъ быть имѣетъ», что онъ, цесарь, всегда думалъ о мирѣ послѣ Немирова, о медіаціи Франціи, но особенно же пришлось ему объ этомъ подумать послѣ «плохого происшествія», т. е. послѣ послѣдняго удара—паденія Ниша.

Мы видѣли, мирное теченіе въ Петербургѣ не переставало быть господствующимъ и послѣ Немирова, почему обращеніе сокрушеннаго цесаря о перемиріи и французскихъ оффиціяхъ было встрѣчено безъ возраженія.

Отвѣтъ цесарю былъ составленъ Остерманомъ съ большимъ искусствомъ.

Прежде всего въ немъ высказывалось глубокое сожалѣніе императрицы о «плохомъ происшествіи» у союзника-«брата» и этой неудачѣ противуполагались успѣхи вездѣ русскаго оружія, а затѣмъ уже давалось согласіе на французскія оффиціи и медіацію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалась осторожность, чтобы «и безъ того гордому непріятелю еще болѣе не надуться», и въ предстоящую медіацію должны быть приглашены и Англія съ Голландіей, а не одна Франція. «Отъ допущенія французскихъ добрыхъ оффиціи и медіаціи, говорилъ рескриптъ отъ 5 декабря

въ Кіевъ немировскимъ полномочнымъ, мы не отречемся; однакожъ, притомъ и медіацію морскихъ державъ принять за потребно разсуждаемъ».

Но, не возражая противъ мысли о перемиріи «чрезъ зимніе мѣсяцы», соглашаясь далѣе прямо на миръ при помощи стороны, Франціи, Остерманъ тѣмъ не менѣе въ томъ же мирномъ настроеніи не отказался дѣйствовать и отъ себя. Предъ нимъ носилась въ перспективѣ возможность — Немировъ продолжать въ Кіевѣ, но, конечно, работать на «свой» миръ, помимо союзника. Въ самомъ дерзкомъ движеніи турокъ подъ Очаковъ онъ готовъ былъ усмотрѣть залогъ успѣха для своего мирнаго дѣла, разъ только Очаковъ устоитъ *).

Прежде всего, 14 ноября, издана была обширная меморія, какъ циркуляръ для нашихъ пословъ на Западѣ. Въ ней были повторены главнѣйшія положенія изъ послѣднихъ рескриптовъ въ Немировъ.

Меморія успокаивала Западъ, что политика Россіи—миръ, забота о внутреннемъ благосостояніи, что она чужда всякихъ «пространныхъ конкетовъ, которыя другимъ державамъ какой основательный омбражъ могли бы подать», что безпокойство на Западѣ отъ «прогресовъ русскаго оружія», напрасно, какъ напрасны и приписываемыя Россіи «дальнія намѣренія». «Никоимъ образомъ причесть ей не можно», будто ея цѣль —блокировать Константинополь, овладѣть Крымомъ и всѣмъ берегомъ Чернаго моря, а съ тѣмъ, «въ предосужденіе всѣхъ европейскихъ державъ», и левантійскимъ торгомъ. Ея задача скромная—достичь безопасности на своемъ Югѣ отъ татаръ. Но иначе-де настроена Порта, и свѣжій примѣръ—Немировъ.

«Немировскій конгресъ отъ турокъ весьма нечаянно и пристойнымъ ихъ варварской гордости образомъ разрушенъ», и Россіи остается одно — въ виду, чтобы «безвременныя опасенія съ основанія пресѣчь», объявить оффиціально всѣмъ предложенныя на Немировскомъ конгресѣ ультиматъ и мирныя кондиціи, что̀ настоящимъ циркуляромъ и было сдѣлано.

---

*) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 39/а № 3; св. 38/d № 12.

Въ заключеніе меморія повторяла успокоеніе, съ извѣстной намъ мотивировкою, что «турки и послѣ, какъ прежде, Черное море господствовать будутъ», такъ какъ ясно—«дабы Черное море начальствовать, требуется къ тому Крымъ, а безъ него о томъ помышлять было бы безумно; къ блокированію Константинополя потребенъ флотъ, да еще такой, который турецкаго превосходительнѣе бы былъ», но тамъ у насъ никакого. «Однимъ словомъ, коль мало такіе проекты съ основаніемъ нынѣ и впредь состоятельны, толь меньше они ея величеству когда либо приходить могли».

«Сіе есть истинное намѣреніе ея в-ва и тѣ кондиціи, которыя на мирномъ конгресѣ были предложены туркамъ». Въ концѣ слѣдовала приписка — что при новой войнѣ мирныя условія будутъ тяжеле для Порты.

Конечно, эта самозащита, обращеніе съ завѣреніемъ мира предъ западноевропейскій форумъ—«чтобъ весь безпристрастный свѣтъ зналъ о гордыхъ поступкахъ и несклонности къ миру невѣрныхъ непріятелей нашихъ», прежде всего имѣла формальный характеръ: съ этимъ актомъ Остерманъ не могъ соединять какихъ-либо практическихъ видовъ, въ родѣ прямаго воздѣйствія Европы на умиреніе духовъ на Босфорѣ.

Но меморія, заботясь объ очисткѣ насъ отъ своекорыстныхъ обвиненій, удостовѣряла въ миролюбіи теперь Россіи, въ полной готовности ея покончить дѣло миромъ, слѣдовательно, усиливала значеніе принятія добрыхъ офицій Франціи, хотя недоброжелателямъ нашимъ не было особеннаго труда, при желаніи, сбить Остермана съ его позиціи, уличить насъ въ противурѣчіи себѣ, указаніемъ, напримѣръ, на характеръ офиціальныхъ время отъ времени торжествъ въ Россіи *).

---

*) Въ Ригѣ въ началѣ 1738 г., въ день восшествія на престолъ имп Анны, губернаторъ генералъ Бисмаркъ устроилъ аллегорическое представленіе въ картинахъ, съ иллюминаціей, для народа. Первая картина изображала имп. Анну, а у ногъ ея—луна, «гербъ Турецкаго государства», поясняла надпись. Другая картина—представляла «областьЧернаго моря, которую на морскихъ лошадяхъ ѣдущій Нептунъ ея величеству вручаетъ», какъ это объясняетъ офиціозная наша газета. (С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 13). И «левантійскій торгъ» на лицe.... Газета-же переводилась на Западѣ, напр. въ Прагѣ.

Угроза новой войны и болѣе тяжкихъ кондицій впереди была естественнымъ post-scriptum'омъ обращенія, и мирно-настроенный Остерманъ не оставилъ работать, и помимо медіаціи, въ интересѣ мира, но «своего» мира, не увлекаясь, подобно австрійцамъ въ послѣдніе дни покойнаго конгреса, перспективою выгодъ отъ этой «новой» войны, когда можно будетъ диктовать условія.

Онъ давно былъ за миръ, въ виду оказавшейся невыполнимости намѣченныхъ грандіозныхъ задачъ, на самую войну рѣшился послѣ долгихъ и долгихъ колебаній, и менѣе всего нуждался въ морализація своего растерявшагося союзника, что миръ всегда предпочтительнѣе тягостной войны.

Въ самый день изданія меморіи, рескриптъ 14-го ноября предписывалъ Неплюеву, какъ старому знатоку Турціи, оставаться на неопредѣленное время въ Кіевѣ, для тайныхъ сношеній на мѣстѣ, для «подлинныхъ вѣдомостей» съ Юга, а при случаѣ, чтобы быть готову въ своемъ лицѣ продолжать Немировъ.

Эта мѣра должна была представляться Остерману тѣмъ настоятельнѣе, что отъ встревожившей его было осенней осады Очакова онъ ожидалъ въ концѣ одного — поворота въ настроеніи на Босфорѣ: что осада «къ непріятельской гибели обратится», а самый непріятель «къ мирнымъ мыслямъ повратится», какъ выражался рескриптъ 14 ноября, выговаривая бывшимъ посламъ за ихъ невѣдѣніе о рѣшенномъ осеннемъ нападеніи турокъ.

Одна надежда оправдалась: только жалкіе остатки турокъ возвратились изъ-подъ Очакова за Днѣстръ. Но другая нѣтъ: и «плохое происшествіе» не угомонило турокъ; они къ мирнымъ мыслямъ не «повратились», прямо, открыто. Лишь въ самой скромной долѣ желанное «повращеніе» какъ будто объявилось въ новомъ выступленіи на сцену стараго частнаго медіатора, господаря Гики изъ Яссъ, съ посланіемъ, скорѣй притворнымъ, чѣмъ искреннимъ.

Во второй половинѣ ноября прибылъ въ Кіевъ изъ Яссъ, съ письмомъ отъ господаря, его родственникъ, Петръ Дука. Уже раньше онъ былъ знакомъ по Немирову.

Въ письмѣ Гика, какъ нѣкогда предъ Минихомъ, снова горячо завѣрялъ Неплюева и его товарищей «о склонности и

желаніи своемъ къ возстановленію прежняго добраго согласія между обоими имперіями», т. е. снова предлагалъ свои услуги къ посредничеству.

Но не этого ожидали, и не безъ основанія, наши полномочные.

Въ отвѣтѣ своемъ отъ 30 ноября они, благодаря за добрыя чувства, указывали прямо, что прежде всего они ждали отъ господаря отвѣта, который обѣщали турецкіе послы еще въ Немировѣ дать именно чрезъ него, Гику, на ихъ послѣднія кондиціи при протестаціи.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни малозначуще само по себѣ было обращеніе изъ Яссъ, но оно было интересно тѣмъ, что имъ молдавскій господарь упреждалъ горячее желаніе Остермана. Какъ разъ въ это время Остерманъ все думалъ надъ вопросомъ, какъ бы вступить съ Яссами въ открытыя сношенія, изобрѣсти приличный «поводъ» для того, въ тѣхъ же видахъ «своего» мира.

«Такъ какъ, говорилъ новый рескриптъ, отъ 1-го декабря, турецкіе министры, при отъѣздѣ своемъ изъ конгреса, нѣкоторую надежду подали, что чрезъ господаря Волоскаго на послѣднія отъ васъ на конгресѣ учиненныя предложенія резолюція отъ Порты къ вамъ прислана быть можетъ, того ради разсуждаемъ, что отъ того вамъ поводъ взять можно къ господарю письмомъ своимъ отзываться и слѣдственно и о семъ мирномъ дѣлѣ въ корреспонденцію вступить». Самъ Остерманъ предупредительно сочинилъ и проэктъ письма къ Гикѣ, а «въ запасъ» приложилъ и переводъ его на итальянскій языкъ.

Но о той же резолюціи Порты писали наши уже 30 ноября чрезъ Дуку.

Въ половинѣ декабря Волынскій и Шафировъ уѣхали, и въ Кіевѣ остался одинъ Неплюевъ съ сыномъ Адріаномъ, чтобы, при случаѣ, продолжать мирное дѣло, а между тѣмъ стороной разузнавать о турецкихъ «обращеніяхъ», согласно даннымъ указаніямъ Остермана.

Задача Неплюева была нелегкая: самъ господарь болѣе чѣмъ сомнительный человѣкъ, доставка свѣдѣній объ обращеніяхъ рискована, и естественно, если старый дипломатъ ухватывается за каждый, сколько нибудь подходящій, случай, чтобы

обновить корреспонденцію съ Яссами, съ господаремъ, напомнить ему о «мирномъ дѣлѣ».

Во второй половинѣ декабря проѣзжалъ чрезъ Кіевъ англійскій секретарь Белль, направляясь въ Сороки и Яссы, и Неплюевъ пользуется этимъ случаемъ и письмомъ препоручаетъ секретаря господарю. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ посылаетъ въ Яссы и своего агента, офицера Норова. «Когда, пишетъ по этому поводу Неплюевъ Остерману, господарь имѣетъ позволеніе къ намъ посылать, какъ то присылкою Петра Дуки явно; слѣдственно, и отсюда присылаемыхъ можетъ принимать». На перепутье же къ Яссамъ, въ недоброй памяти Немировъ, уже раньше былъ посаженъ Неплюевымъ свой человѣкъ, поручикъ Плюсковъ, который и пробылъ тамъ «безотлучно» по 1740 годъ, т. е. до конца всѣхъ дѣлъ съ Портою, конечно, прежде всего для облегченія сношеній съ пріятелями въ Бессарабіи, молдавскія письма которыхъ переводились уже у Неплюева, какъ и прежде, нѣкіимъ Конст. Корбе *).

Такимъ образомъ, на Сѣверѣ, у Остермана, все еще одно мирное дѣло, прерванное въ Немировѣ, но перенесенное теперь, какъ онъ вѣровалъ, въ Яссы: не получится-ли отсюда чрезъ Кіевъ желанная резолюція отъ Порты на послѣднія мирныя кондиціи Россіи?...

Но тщетны были всѣ ожиданія Остермана, напрасны были его заботы по мирному дѣлу.

На Босфорѣ дулъ по прежнему все тотъ же боевой вѣтеръ, и, въ отвѣтъ на исканія отъ растерявшагося цесаря пріостановки военныхъ дѣйствъ хоть «чрезъ зимніе мѣсяцы», Порта открыла осенне-зимнюю кампанію противъ австрійцевъ, тотъ маршъ, который уже съ ноября нетерпѣливо ждали по обѣимъ сторонамъ Олты — изъ турецкой Валахіи въ императорскую, грозя и въ

*) Для историка румынскаго языка эти письма отъ начала XVIII в. имѣютъ безспорное значеніе, какъ матеріалъ опредѣленнаго мѣста и времени, и заслуживали бы изданія. Но мы имѣли въ рукахъ одни переложенія Корбе. Семья Корбе изъ молдаванъ, перешедшихъ въ Россію послѣ Прутскаго похода Петра Великаго. Родоначальникъ ея, Ѳеодоръ Корбе, поселившись въ переяславскомъ полку, служилъ переводчикомъ. (См. нашу книгу: «Мы и Они», стр. 153, прим.). Переводчикъ Константинъ, можетъ быть, былъ сыномъ Ѳеодора. Потомки Корбе и сейчасъ среди дѣятельныхъ дворянъ ананьевскаго уѣзда Херс. губерніи.

другихъ пунктахъ. Не миромъ, а новыми пораженіями заключился для Австріи памятный ей Немировскій годъ. Самъ Вильневъ, съ указа, превратился было въ ходатая за цесарскій ультиматъ, за наши условія въ Немировѣ, предъ Портою,—но та и слушать его не хотѣла *). Гдѣ тутъ было быть «резолюціи» въ Кіевъ изъ Яссъ!... **).

Прежде открытія марша, еще за много дней до «плохаго происшествія», паденія Ниша, но уже торжествующая надъ цесаремъ Порта, для полнаго ошеломленія своего стараго противника, поставила на подмостки, пока въ далекой перспективѣ, грозный призракъ, символъ возстанія, символъ независимости Венгріи—молодого Ракоци, Іосифа, «вѣчнаго непріятеля» цесаря, какъ сталъ называть его теперь органъ Остермана ***).

Визирь еще былъ на Дунаѣ, занятый разрывомъ конгреса и смѣлымъ движеніемъ на Очаковъ, когда на Босфорѣ страшный для Австріи венгерскій вопросъ былъ въ полному ходу.

«Сейчасъ, доноситъ Вильневъ 1 октября, каймаканъ мнѣ говорилъ о мѣрахъ, которыя рѣшили принять для будущей кампаніи, и сообщилъ планъ относительно князя Рагоцкаго и венгерцевъ, укрывшихся въ Турціи. Предполагаютъ перевести князя въ Молдавію, чтобы оттуда онъ былъ готовъ вторгнуться въ Трансильванію, и вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ изъ венгерскихъ магнатовъ, которые раздѣлили судьбу покойнаго Ракоци, предоставить свободу разсыпаться вдоль границъ Венгріи и поработать тамъ въ теченіе зимы надъ поднятіемъ въ странѣ революціи».

Знаки вниманія посыпались на молодаго претендента. «Султанъ, продолжаетъ Вильневъ, подарилъ Ракоци, на другой день послѣ его прибытія, двухъ съ упряжью лошадей и 12 кошельковъ для экипажа. Бѣглецамъ изъ Венгріи увеличено содержаніе, дано нѣсколько субсидій. Самъ князь уже имѣлъ частное свиданіе по настоящему предмету съ каймаканомъ, а въ ближайшій

---

*) Laugier, Histoire des négotiations..., I, 104—116.

**) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/d № 13; св. 38/d № 12; св. 38/f № 15.

***) Ср. С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 42.

понедѣльникъ онъ будетъ имѣть у него публичную аудіенцію. Чрезъ нѣсколько дней затѣмъ онъ будетъ допущенъ къ аудіенціи у султана и тотчасъ отправится въ лагерь къ визирю, чтобы уже оттуда двинуться въ Молдавію» *). Но Вильневъ опасается, что едва-ли своими способностями молодой Ракоци въ состояніи отвѣчать видамъ Порты.

Вскорѣ прибылъ въ столицу и Боневаль и поддержалъ планъ революціи въ Венгріи, но съ своими видоизмѣненіями.

«Графъ Боневаль, пишетъ Вильневъ въ Парижъ 29 октября, прибылъ въ Константинополь 2 этого мѣсяца. Онъ еще не сдѣланъ трехбунчужнымъ пашею, и еще не рѣшено, на что его употребить. Верхъ его желаній—получить третій бунчукъ, который обѣщанъ ему давно, и быть назначену сераскиромъ въ Валахію. Графъ предложилъ проэктъ, какъ отобрать у императора ту часть Валахіи, которая была уступлена ему по Пожаревацкому договору. Это, по его мнѣнію, единственное средство помѣшать соединенію московскихъ войскъ съ цесарскими. Онъ обязывается выполнить этотъ проэктъ, если только ему дадутъ армію въ 40 тысячъ. Но онъ предлагаетъ также, чтобы и князь Рагоцкій находился при той арміи, чтобы онъ могъ стать во главѣ тѣхъ недовольныхъ венгерцевъ, которые перейдутъ къ князю».

Ракоци—пріемъ впереди, а пока—императорская Валахія. Боневаль сераскиромъ въ Валахію не посланъ, не посланы туда и 40 тысячъ, а удовольствовались отрядомъ, что̀ былъ въ Букарештѣ подъ начальствомъ Мортецы-паши и массою бѣлгородскихъ татаръ изъ Буджака. Но, для полнаго успѣха, былъ измѣненъ и пріемъ аттаки: одновременно съ наступленіемъ черезъ Олту въ Валахію и далѣе въ Темешварскій Банатъ, имѣло открыться наступленіе и по ту, правую, сторону Дуная, въ императорской Сербіи.

«Говорятъ, доносилъ Вильневъ 23 ноября, Айвасъ-Мехметъ паша видинскій предлагаетъ съ своей стороны двинуться къ Смедереву и осадить крѣпость въ то самое время, какъ на другомъ берегу Дуная Мортеца-паша съ татарами подъ командою султана Исламъ-Гирея вторгнется и откроетъ опустошеніе императорской Валахіи» **).

---

*) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 743.
**) Тамъ же, № 747.

Между тѣмъ какъ Вильневъ сообщалъ о двойномъ наступленіи, какъ о слухѣ, вторженіе турокъ изъ Букарешта чрезъ Олту уже совершилось, а вслѣдъ за нимъ и полное разнесеніе австрійцевъ.

«Сейчасъ, пишетъ Вильневъ въ Парижъ 27 ноября, узнали отъ татарина, посланнаго къ Портѣ господаремъ Маврокордатомъ, что Мортеца-паша разбилъ корпусъ въ 10 тыс. нѣмцевъ въ императорской Валахіи. Иныхъ подробностей объ этомъ дѣлѣ я узнать не могъ, кромѣ того, что было убито 900 нѣмцевъ и плѣнъ взято 700» *).

Это кровавое для австрійцевъ дѣло было еще въ половинѣ ноября. Венеціанскій баилъ, повторяя въ донесеніи 2-го декабря дословно Вильнева, указываетъ, что письмо Маврокордата о побѣдѣ было получено около двухъ недѣль назадъ **).

Въ началѣ декабря—новый визирь, Іегенъ-Мехметъ, безусловный сторонникъ войны, грубо встрѣтившій самого Вильнева, съ его словами о медіаціи.

Какъ разъ въ декабрѣ взято было Крайово; аккерманскіе татаре, разсыпавшись по странѣ, разоряли все въ конецъ, а соединенныя силы Мортецы и Айваса-паши изъ Видина прогнали за Черну и Бѣлу въ Банатъ послѣднихъ «нѣмцевъ». Такъ скоро окончили турки съ настоящимъ «завладѣніемъ». Маврокордато поспѣшилъ отправить въ очищенную Валахію баномъ Раду Комынина, но Айвасъ видинскій назначилъ своего, Матвѣя Балазеску ***). Но турки, именно, «турецкая саранча» (аккерманскіе татаре), не оставили въ покоѣ нѣмцевъ и за границею, вызвавъ тамъ, среди мѣстныхъ валаховъ, сильное волненіе.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ сообщалось изъ Вѣны отъ 20 декабря, что вторженіе турокъ въ Темешварскій Банатъ и бунтъ тамошняго населенія «немалое безпокойство причиняетъ Вѣнѣ», почему армія вмѣсто зимнихъ квартиръ назадъ обращена, но — при всякой встрѣчѣ съ «саранчею» поспѣшно бѣгутъ отъ нея ****). Въ другой корреспонденціи, изъ Бѣлграда, читаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ «уже всякаго желаемаго

---

*) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 749.

**) Тамъ же, vol. IX, p. I, № 775.

***) Dapontès, Ephém. Daces, II, 57—50.

*) 1738 г., № 1.

успѣха надѣются», но пока—«робкіе банатскіе подданные боятся непріятельскаго приходу и ежелибъ сіе сдѣлалось, то подлинно надо опасаться, чтобъ они, всего своего оставя, не ушли»*).

Но и «сдѣлалось» и—возстаніе крестьянъ, румынъ.

Такъ скверно было на лѣвомъ берегу Дуная. На правомъ, въ Сербіи, далѣе «угроженія» дѣла не пошли.

Движеніе изъ Видина не состоялось: Айвасъ-паша дѣйствовалъ въ Валахіи. Но можно было опасаться нападенія со стороны Босніи, даже на самый неприступный Бѣлградъ, гдѣ сидѣлъ ген. Марули, хотя сами австрійцы еще съ презрѣніемъ относились къ этому. «Сказываютъ, читаемъ мы въ январской корреспонденціи изъ Вѣны С.-Петерб. Вѣдомостей, что боснинской паша писалъ въ Бѣлградъ Марули, что онъ его скоро посѣтитъ, а г. комендантъ между тѣмъ акордъ по своему произволенію написалъ бы, дабы не такъ долго медлить, какъ то съ Нисою учинилось, и обѣщаетъ со всѣми весьма снисходительно поступить, дабы никто къ жалобѣ законной причины не имѣлъ. Однако еще въ Бѣлградѣ такихъ пустыхъ непріятельскихъ угроженій опасаться причины не имѣютъ» **).

Но время было менѣе всего для шутокъ.

По признанію теперь самого Флери, армія цесаря давно уже почти что не существовала: ея жалкіе остатки ни къ чему не были годны.

«Я, писалъ въ слабое утѣшеніе Вильневу версальскій медіаторъ 13 декабря, ничего не имѣю прибавить къ тому, что̀ я вамъ сообщалъ въ послѣднемъ письмѣ о дурномъ состояніи арміи императора. Всѣ получаемыя свѣдѣнія только подтверждаютъ извѣстное. Полагаютъ, что она въ настоящее время низведена до 17 тысячъ» ***). Мы видѣли, она бѣжала даже предъ «саранчей».

Такимъ образомъ, въ несогласіе съ недавнимъ заявленіемъ органа Остермана, турки очень скоро «ко учиненію противъ цесарской имперіи» не только отпора, но и нападенія оказались очень сильными.

---

*) 1738 г., № 4.
**) 1738 г., № 8.
***) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 750.

Послѣдніе дни истекавшаго года, года Немировскаго конгреса и взятія нами Очакова — перваго прикосновенія къ берегамъ Черпаго моря, были однимъ недобрымъ предзнаменованіемъ для наступавшаго 1738 года, для приведенія къ сколько-нибудь сносному концу «мирнаго дѣла», чего такъ горячо искалъ Остерманъ.

Нежеланная война, очевидно, затягивалась и затягивалась. Одобренная медіація Франціи, измѣненіе отношеній послѣдней къ политикѣ Россіи на Востокѣ, едва ли будутъ въ силахъ унять боевой духъ турокъ. Уже осенью былъ объявленъ новый наборъ для «благополучнаго мира», а впечатлѣніе отъ «новаго наряда» могло быть у насъ одно — неспокойность *).

Одинъ только цесарь Карлъ, но если вѣрить завѣреніямъ Флери, скоро оправился духомъ и къ веснѣ надѣялся и армію создать, и все поправить **) какъ надѣялись было и его полномочные еще въ послѣднія минуты конгреса, хотя открывшійся розыскъ надъ бѣднымъ Секендорфомъ открылъ однѣ ужасающія картины общей несостоятельности, легко не поправимой ***), подсказывалъ и впереди лишь трудныя перспективы.

---

*) «Хотя, говорилъ указъ 19 сент. 1737 г., по извѣстнымъ всему свѣту благополучнымъ военнымъ дѣйствіямъ и побѣдамъ во время нын. кампаніи въ людяхъ весьма уронъ малый; однакожъ пока благополучный миръ полученъ быть можетъ, за благо разсудили мы войска пріумножить». Людей прямо на турецкую границу къ 1 января. Другимъ указомъ — шли въ наборъ «безъ разбора» церковники всякаго наименованія, отъ 15—40 лѣтъ (П. С. З. Р. И. №№ 7378, 7389). Особенно страдала Малороссія, какъ пограничная, а война третій годъ.

**) Hurmuzaki, Documente, S. I, v. I, № 750.

***) Уже въ 3-мъ № С.-Петерб. Вѣдомостей за 1738 годъ мы находимъ сообщеніе изъ Вѣны, отъ декабря, объ отвѣтныхъ пунктахъ Секендорфа: что «ежели его въ какой подозрительной корреспонденціи изобличить могутъ, то онъ съ охотой животъ свой отдать готовъ», что за недостаткомъ провіанта, обоза не онъ въ отвѣтѣ, а комисаріатъ, что «походъ къ Нишу приказалъ надворный военный Совѣтъ воспріять, а надобенъ ли онъ былъ и не даромъ ли армѣя его стояла, а затѣмъ Видинская осада упущена, въ томъ не ему отвѣтствовать», что, правда, онъ «офицеровъ крѣпко держалъ», но по нуждѣ, а «герцогъ Лотарингскій мало его совѣту требовалъ», что было у него не болѣе 50 тысячъ и «о семъ, такъ и о другихъ худыхъ пріуготовленіяхъ довольно онъ печалился и хотя безъ всякой пользы, но довольно жаловался», что денегъ не жалѣлъ и своихъ собственныхъ, чтобы только помочь.

Къ довершенію бѣды, въ авангардѣ турокъ шла чума, надвигаясь все далѣе на западъ, и мы можемъ только повторить недоумѣніе современнаго публициста: «во всякомъ случаѣ любопытно знать, какъ это дальше пойдетъ съ турецкой войной»? *).

Долго тянулся эпилогъ Немировскаго конгреса, а въ его итогѣ ничего. Опять война, опять надежды на войну, опять и Инструкція 14 іюня; но медіація сохраняла всю свою силу. «Въ Вѣнѣ, сообщали въ началѣ 1738 г., постоянно рѣчь о мирѣ чрезъ французскую медіацію», а у насъ и чрезъ медіацію своихъ «друзей», Англіи и Голландіи, хотя уже первый опытъ добра не сулилъ. Бель, посланный въ декабрѣ англійскимъ посломъ Рондо безъ отписки, прямо на Босфоръ, чтобъ ускорить новый Немировъ, былъ долго продержанъ въ Яссахъ, а на Невѣ лишь въ маѣ **).

Переговоры у насъ съ Вѣною о планѣ дѣйствій на 1738 г. были начаты заранѣе, еще во время конгреса. Остановились на

---

*) Анонимъ въ своемъ «Правдивомъ и откровенномъ описаніи положенія Европы въ 1737 году, набросанномъ въ началѣ этого года». Издѣваясь надъ нищетой Австріи, ея неумѣніемъ вести войну, онъ полагалъ, что для самой Россіи было бы лучше, если бы Австрія сама войны не объявляла, а согласно договору 1726 г., выставила бы только корпусъ. «Этимъ, продолжаетъ авторъ, Австрія помогла бы Россіи получить выгодный миръ, и онъ, несомнѣнно, послѣдовалъ бы на Немировскомъ конгресѣ, если бы неудачи цесарскихъ войскъ не придали туркамъ снова мужества...., конгресъ разбился безъ всякой пользы.... Между цесарскимъ и русскимъ дворами съ недавняго времени проявляется нѣкоторая холодность. По крайней мѣрѣ, Франція прилагаетъ всяческія усилія уговорить императора на отдѣльный миръ съ турками, съ выключеніемъ Россіи. Можетъ быть, съ одной стороны, Флери желаетъ пріобрѣсти честь миротворца Запада и Востока, съ другой стороны, могутъ скрываться и иные, тайные замыслы, такъ какъ въ силу многихъ обстоятельствъ, охотно бы видѣли, если бы Россія осталась на бобахъ и была бы нѣсколько ослаблена турками. Впрочемъ, невѣроятно, чтобы императоръ отказался отъ дружбы съ Россіей, которая была ему столь полезна и построена на столь прочномъ основаніи, какъ общій интересъ противъ турокъ; хотя, съ другой стороны, нельзя указать, гдѣ бы взять средства для продолженія войны». (Büsching, Magazin, X Theil, 1, сл.).

**) С.-Пет. Вѣд. 1738, № 2. Депеши Рондо—Сб. И. Р. И. О., т. 80, № 101, 112—115, 122, 136, 143, 150, 151. Hurmuz., Docum., S. I, v. I, № 753, 755.

старой мысли—дѣйствовать «совокупно», т. е. вблизи одинъ отъ другаго, чтобы, какъ пояснилъ гр. Остейнъ въ сентябрѣ, «другъ другу въ нужныхъ случаяхъ руку помощи подавать».

Въ концѣ декабря Остейнъ былъ въ Петербургѣ. Здѣсь былъ составленъ «общій планъ операцій», а въ половинѣ (10) февраля прибылъ изъ Вѣны и маркизъ Ботта для подписи договора. Эта «декларація» была подписана 22/2 марта. Главное участіе въ выработкѣ плана принадлежало, естественно, Миниху, и онъ и на этотъ разъ отстоялъ нераздѣльность силъ и отклонилъ домогательство австрійцевъ — послать имъ русскій корпусъ въ подмогу. Самъ Биронъ былъ озлёнъ на Вѣну за ея неудачи *).

Тѣ же двѣ арміи, тѣхъ же Миниха и Ласи, дѣйствуютъ наступательно.

Ласи идетъ на свой Крымъ (точную карту его онъ изготовилъ теперь самъ), но поддерживаемый сильною флотиліею адм. Бредаля со стороны Азовскаго моря. Расчитывали, что здѣсь Ласи встрѣтится съ самимъ Боневалемъ, и тогда — «за помощью Божіей баталію дать и управиться мочно». Иначе, все снова разорить въ полуостровѣ и отступить для прикрытія Степи.

Главная задача выпадала и теперь на долю Миниха — покончить съ турками въ Молдавіи.

Согласно старымъ совѣтамъ пріятелей изъ Бессарабіи, Минихъ имѣлъ вторгнуться, наконецъ, за Днѣстръ и осадить Бендеры, въ то самое время какъ союзникъ осадитъ Виддинъ и будетъ держаться Дуная, свои «операціи толь долгосильно производить», пока идутъ дѣйствія у насъ; вообще-же Минихъ долженъ былъ искать «вершительной акціи».

Вторая, днѣпровская, флотилія, изъ 500 шлюпокъ и байдакъ, 50 запорожскихъ чаекъ, преграждала доступъ къ Лиману, къ Очакову, со стороны моря, а въ Брянскѣ достраивались прамы, галеры и бригантины.

Но если въ Немировѣ Остейнъ успокаивалъ нашихъ, что Минихъ уже болѣе не пойдетъ пустыми степями, а чрезъ Польшу, чрезъ богатую Подолію (ея граница на югѣ—Кодыма у Буга и Ягорлыкъ у Днѣстра), то теперь мы, по волѣ имп. Анны, прямо обязывались «прикасаться» ея лишь въ крайности. Въ виду этого за арміей должна была слѣдовать нескончаемая вере-

*) Die Memoiren, Миниха, 131. Депеши Рондо, ор. с. № 108, 134, 136.

ница обозныхъ телѣгъ съ провіантомъ по 1-ое сентября, а сверхъ того возы съ якорями, канатами для моста чрезъ Днѣстръ: всего—$12^1/_2$ тысячъ погонщиковъ и 25 тысячъ паръ лошадей *).

Днѣстръ, Прутъ впереди. Теперь и цесарскій союзникъ не считался болѣе съ нами изъ-за Молдавіи: ему было время думать о себѣ. Одна Валахія еще не уходила изъ тайныхъ надеждъ Вѣны. Но мы, какъ увидимъ ниже, не оступались и отъ нея, и Инструкція 14 іюня оставалась въ своей силѣ. Для Молдавіи уже издавна намѣчался и первый «удѣльный князь» подъ покровительствомъ Россіи, въ лицѣ нашего посланника въ Лондонѣ, Ант. Кантемира, и кампанія 1738 г. была все къ ужасу Франціи, въ извѣстномъ смыслѣ, кампаніей за освобожденіе Молдавіи **). При успѣхѣ мы укрѣплялись въ позиціи—въ Европѣ.

«Для военныхъ операцій, сообщали намъ изъ Вѣны, имѣетъ цесарская армія противъ наслѣднаго непріятеля христіанскаго имени въ 100 тысячъ состоять, не щисляя кроатовъ и венгерскаго національнаго войска. Число генералитета имѣетъ быть равнымъ образомъ умножено. Говорятъ, что первое предпріятіе противъ Видина учинится». Какъ разъ въ это время, для увертюры кампаніи, былъ варварски казненъ въ Бѣлградѣ несчастный старикъ-комендантъ Ниша, ген. Доксатъ — въ науку другимъ генераламъ ***). Но всѣ эти обязательные сборы были крайне не по себѣ для нашего союзника.

---

*) Декларація у Мартенса, Собр. трактатовъ, I, 86—107. Рондо, ор. с. № 136. Биронъ свѣжій герцогъ Курляндіи, а Польша — недотрога.

**) «Можетъ быть, мы, пишетъ сестра Марія брату изъ Москвы осенью 1736 г., увидимъ когда нибудь наше прежнее отечество.... Если вамъ суждено быть владѣтельнымъ княземъ нашей страны....». См. Шимко: «Новыя данныя для біографіи кн. А. Д. Кантемира». Спб. 1891, 97. Самъ кандидатъ едва ли добивался промѣнять новое отечество на старое. Императрица благоволила, Остерманъ ниже (тамъ же, 86, 89, 96, 97). Братъ Сергѣй храбро дрался при штурмѣ Очакова въ 1737 году; родственникъ, кн. Кантакузинъ, былъ съ Ласи. Позже другихъ, въ 1720 г., вышедшій изъ Молдавіи, дядя Бантышъ жилъ въ Москвѣ. «Москвичи, писалъ Вильневъ Флери 30 янв. 1738 г., ищутъ подчинить Крымъ, Молдавію, Валахію, особенно, если поляки помогутъ протянуть границу до Хотина». (Hurmuz., ор. с. № 753). Да и Англія не съ удовольствіемъ о насъ, о требованіяхъ нашихъ въ Немировѣ, см. Рондо, ор. с. № 91.

***) Спб. В., № 20, 31. Ср. обстоятельно о казни у La-Lande, op. с., t. V, 8, сл. Въ современной политической брошюрѣ: «Gespräch im Reiche derer Todten zwischen J. R. K. u. K. Cath. Majestät Carl VI und der russ. Kayserin

«Морщатся, доносилъ изъ Вѣны Ланчинскій, и говорятъ что сію кампанію могутъ съ послѣднимъ трудомъ еще отправить. Все подъ закладомъ и уже болѣе отъ чужестранныхъ никто въ займы не даетъ для того, что гипотеки не находится, провинціи же въ конецъ разорены: алчно желаютъ мира» *). Тогда же, въ началѣ января, по сообщенію С.-Петерб. Вѣдомостей, въ Вѣнѣ появился было «нѣкоторый португальскій жидъ», съ предложеніемъ своихъ миліоновъ, но «на весьма непристойныхъ кондиціяхъ» **). Безденежье цесаря было у всѣхъ на языкѣ ***). Одинъ Флери былъ милостивъ къ нему.

Зато полную бодрость духа обнаруживали на Босфорѣ, гдѣ душею всего былъ Боневаль. По словамъ современника, Боневаль, благодаря искусно устроенной имъ развѣдочной службѣ въ земляхъ цесаря и Венгріи, зналъ все, что предпринималось въ Вѣнѣ: его эмисарами были купцы греки и марониты изъ Леванта, а чрезъ агентовъ въ портахъ Адріатики шли ихъ сообщенія. И въ царствѣ тѣней цесарь неравнодушно памятуетъ нѣкогда своего строптиваго генерала: «въ Константинополѣ, послѣ разрыва конгреса, всѣ упованія на отступника Боневаля, который, еслибы только могъ, всю армію мою бы уничтожилъ;

Annen Ivanovnen, worinnen Sie einander Ihre Lebens-Geschichte kürtzlich und aufrichtig erzehlen» (даже съ цифрами и документами въ рукахъ), II Entrevue, Leipzig, 1741. Карлъ весьма спокойно говоритъ, какъ ген. Доксатъ «in hohen Alter seinen Kopff verlohr» (107). Но цесарь жалуется своей высокой собесѣдницѣ на распоряженія своихъ генераловъ въ кампанію 1737 г.: «bald frisches Wasser, bald Proviant, bald Geld, bald alles zugleich fehlete; Kranckheiten äusserten sich auch, und wurde das Volk mit vielen Marschen, sonderlich bey nassen Wetter und Regen, sehr defatigiret» (106).

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, XX, 149.

**) № 2. Съ чего можно было взять — съ земли, капитала, личнаго заработка, все было исчерпано. Ср. артикулы патента въ указ. «Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ», 101—102. Въ царствѣ тѣней имп. Анна преподаетъ урокъ хозяйства Карлу: «главное, о чемъ я всегда заботилась, это имѣть готовый фондъ для уплатъ, и жалованье съ ударомъ колокола платилось безъ задержки. Оттого у меня были бодрыя войска, люди—готовые въ бой» (102). Было ли такъ въ дѣйствительности, увидимъ ниже.

***) «Отсутствіе денегъ ставило нѣмцевъ въ невозможность на-долго протянуть непріязненныя дѣйствія». (Дапонтесъ, Ephém. Daces, II, 68). Августъ Польскій отказываетъ даже въ своихъ саксон. полкахъ: не уплатили, войска только голодали. (Депеши Рондо, ор. с., № 114, 143).

но Небо не давало ему этой радости» *). Главный интересъ Босфора—Очаковъ: взять его сейчасъ же, на весну; а отступятся отъ него, то новый конгресъ и миръ готовъ. «Боневаль, сообщали въ февралѣ съ Босфора въ С.-Петербургъ, говорилъ: султану Очаковъ и понынѣ такъ пріятенъ, что едва ли миръ, безъ возвращенія сего мѣста, учинится; а ежели россіяне сей договоръ примутъ и однимъ Азовомъ довольны будутъ, то и онъ (т. е. султанъ) о держаніи новаго конгреса съ охотою позволитъ». Но пока—«диванъ весьма часто собирается, при чемъ съ французскимъ, англійскимъ и голландскимъ министрами частыя конференціи бываютъ», т. е. медіація идетъ; тѣмъ не менѣе, «къ войнѣ со всякою ревностью приготовленія дѣлаютъ; особливо многіе корабли и другія суда для отведенія арміи въ Очакову приготовляются, дабы сію крѣпость, ежели миръ не скоро воспослѣдуетъ, силою взять во что-бы ни стало, и по всему видно, атака сего города въ первыхъ числахъ марта учинится» **). На вѣки остался Очаковъ въ памяти босняка.

Уже на второмъ мѣстѣ — Венгрія, поднятіе революціи въ тылу, первыя приготовленія къ которой были сдѣланы еще осенью.

Въ концѣ января 1738 г. Ракоци былъ въ Видинѣ, откуда издалъ воззваніе къ венгерскимъ солдатамъ, приглашая ихъ переходить къ нему. Князь объявилъ, что «непобѣдимый» султанъ назначилъ его княземъ Трансильваніи и Венгріи, и каждый землякъ долженъ помочь ему. Много крови стоило это воззваніе гордому цесарю въ Вѣнѣ, все переисполненному еще заботъ о Прагматической санкціи, объ укрѣпленіи наслѣдныхъ земель за дочерью Маріей. Въ помощь Ракоци былъ указанъ Маврокордато въ Букарештѣ ***).

---

*) La-Lande, Histoire, t. V, 31—32. Gespräch..., 107.

**) С. Петерб. Вѣдомости, 1738, № 22. — Ср. въ «Gespräch», 107: «man doch im Herzen für toller Kriegs-Wuth schäumete und raselte»; Вильневъ Флери 30 января: «самъ визирь идетъ въ Бендеры, Очаковъ; это теперь главный пунктъ; готово новыхъ 450 галеръ для Черн. моря».

***) Вѣрно замѣчено въ «Gespräch», 10·: «и дѣло, жалуется Карлъ имп. Аннѣ, дошло до того, что молодой Ракоци, прибывшій въ Видинъ, приказалъ разбросать такой пасквиль». Ср. Ephém. Dac., II, 76.

Противники были готовы.

Мы—главное дѣйствующее лице, «главная въ войнѣ обращающаяся сторона», говоря языкомъ декларацiи 22 го марта, и уже въ январѣ (25) Минихъ оставилъ Петербургъ. Онъ ѣхалъ въ Полтаву, чтобы оттуда имѣть ближайшее наблюденiе за ходомъ дѣлъ за Днѣстромъ, особенно среди «христiанъ», имѣя для этого энергическаго помощника въ Неплюевѣ, который, какъ мы видѣли, изъ Немирова переѣхалъ въ Кiевъ, чтобы здѣсь продолжать свою трудную турецкую службу, на исходѣ ея втораго десятилѣтiя *).

Незадолго предъ тѣмъ умеръ правитель Украины, князь Борятинскiй въ Глуховѣ, вѣдавшiй и сношенiя съ христiанами, и ген. Румянцеву, старому сотруднику Неплюева въ Турцiи, еще избраннику Петра Великаго, приказано было «безъ упущенiя единаго часу втунѣ» спѣшить туда и замѣстить его. Понятенъ спѣхъ: помимо непрiятельскихъ обращенiй, Украина — опять база предстоявшихъ операцiй.

Первыя извѣстiя изъ-за Днѣстра объ обращенiяхъ получены были Минихомъ отъ Неплюева 24-го февраля. Изъ Кiева тотъ сообщалъ, что Порта «противъ насъ намѣрена поступать оборонительно, а противъ цесаря наступательно, не принимая-де французской медiацiи». Но Минихъ возражалъ. «Сiе, отвѣчалъ онъ Неплюеву, можетъ и въ правдѣ статься, яко жъ Порта, имѣя надъ цесарскимъ войскомъ въ минувшую кампанiю авантажъ, весьма будетъ стараться то учинить, а паче — для полученiя себѣ, ради удовольствiя сына Рагоцiева, Трансильванiи; однако весьма надобно прилежно смотрѣть на движенiя турокъ— не обратили бы бóльшихъ своихъ силъ противу насъ»? Декларацiя 22 марта допускала возможность вторичнаго движенiя турокъ подъ Очаковъ, при движенiи Миниха къ Днѣстру. Но по

*) Иная судьба ожидала премьера Немировскаго конгреса, честолюбиваго Волынскаго, мнимческаго князя. Въ началѣ 1738 г. онъ сталъ кабинетъ-министромъ, для наблюденiя за Остерманомъ. «Я самъ, доносилъ саксонскiй повѣренный Зумъ, въ апрѣлѣ, слышалъ отъ герцога Курляндскаго, незадолго до возвращенiя Волынскаго изъ Немирова, похвалу ему что онъ — умнѣйшая голова въ цѣломъ государствѣ. Онъ долженъ имѣть большую силу въ дѣлахъ внутреннихъ». (Сб. Р. И. Общ. XX, 168; тоже и Рондо, ib т. 80, № 144). Либеральное увлеченiе Польшей стоило ему головы, а смертный приговоръ ему подписывалъ Неплюевъ.

частнымъ сообщеніямъ съ Босфора еще въ январѣ, нападеніемъ на Очаковъ турки и предполагали было открыть кампанію 1738 года. Это утверждалъ и Вильневъ.

Сообщая, затѣмъ, Неплюеву подробно о неудачномъ набѣгѣ въ началѣ февраля бѣлгородскихъ и буджацкихъ татаръ за Бугъ, до мѣстечка Протопоповки (угроза зимняго вторженія, въ отместку за осеннюю неудачу подъ Очаковымъ, была выполнена), Минихъ въ своемъ предположеніи, что главныя силы соберутся у Бѣлгорода (Аккермана) и Бендеръ, полагаясь на «извѣстное искусство» Неплюева, проситъ его о нѣкоторой военной хитрости. «Дабы, пишетъ онъ, визирь наивяще силы свои раздѣлить могъ, разгласить въ Польшѣ будто за секретъ, что вящая часть войскъ ея и-ва будущею весною, какъ можно рано, сухимъ путемъ и водою на флотиліи, оборотится для защищенія Очакова и къ днѣстровскимъ берегамъ — противу Бѣлграда (Аккермапа) и Буджака, чтò, всемѣрно, чрезъ поляковъ у непріятеля извѣстно будетъ».

Но при пользованіи природными вѣстовщиками Минихъ препоручаетъ осторожность, чтобы не ввести въ заблужденіе и своихъ за Днѣстромъ, съ которыми пошла теперь, по его словамъ, «умножительная переписка». Въ главѣ ихъ стояли по прежнему Лупулъ изъ Кишинева и Петръ Дука изъ Сорокъ. Ихъ сообщеніями Минихъ былъ сначала доволенъ. Съ своей стороны и Минихъ открылъ переписку далеко за Днѣстромъ, съ «Мултянскими господами», послѣ того какъ въ январѣ прибылъ къ нему отъ нихъ нарочный посланецъ, Абаза, съ прямымъ объявленіемъ—ждемъ освобожденія. Абаза продолжалъ дѣло декабрьскаго посланца отъ пріяющей намъ партіи въ Валахіи, Скутори.

«Предъ нѣкоторымъ временемъ, отвѣчалъ тѣмъ господамъ Минихъ 7 марта, прибылъ ко мнѣ отъ вашей вельможности съ письмами нарочно посланный, который о вѣрной склонности вашей къ ея имп. в-ву, моей всемилостивѣйшей государынѣ, объявилъ. О томъ ея в-ву донесено, на чтò и соизволила всемилостивѣйше указать — вашу вельможность крѣпко обнадежить и увѣрить, что ея в-во во всегдашней къ вамъ и къ всей землѣ Мултянской (Валахіи) всемилостивѣйшей благосклонности находится и при случаѣ, по желанію вашему, показать того не оставитъ». Въ какую форму эта благосклонность имѣла вылиться, Минихъ не скрывалъ: въ форму осуществленія Инструкціи 14-го

іюня, въ ея требованіи образованія и изъ Молдавіи, и изъ Валахіи удѣльныхъ княженій, подъ покровительствомъ Россіи.

«А ея имп. в-ва, продолжалъ Минихъ, всемилостивѣйшее желаніе есть—не токмо господарства отъ турецкаго ига освободить, но и вовсе счастливыми учинить, ежели возможно, учредя ихъ особливыми вольными княжествами». Понятно, эту интимную часть сообщенія Минихъ просилъ держать строго про себя: «все то подлежитъ содержать въ крайнѣйшемъ секретѣ». Мы видѣли, Франція все неравнодушна къ свободѣ, оберегая султана. Какъ приняты были великія слова Инструкціи 14 іюня, теперь изъ устъ Миниха, на мѣстѣ, увидимъ позже.

Но, заходя въ далекія перспективы, развертывая картины грядущаго счастья, Минихъ въ то же время не забывалъ и прозаическихъ интересовъ дня. Опытъ прошлаго года, похода чрезъ Степь, былъ свѣжъ въ памяти; въ мѣры, предусмотрѣнныя деклараціей, онъ справедливо не вполнѣ вѣрилъ. Нельзя-ли заднѣстровскими симпатіями воспользоваться для облегченія похода, по продовольствію арміи, которая несла за Днѣстръ свободу? «Что поляки, писалъ какъ-то Минихъ Неплюеву въ Кіевъ, туркамъ провіантомъ и прочимъ помогаютъ, то уже довольно извѣстно». Отчего-бы роль поляковъ по сю сторону Днѣстра не могли бы принять на себя земляки Лупула по ту сторону рѣки? Въ этомъ смыслѣ Минихъ и дѣлаетъ вызовъ за Днѣстръ, помочь великому дѣлу.

«Произведеніе въ дѣйство добродѣтельнаго намѣренія ея в-ва, поручалъ Минихъ посланцу Абазѣ объявить въ Молдавіи, зависитъ отъ новой кампаніи. Но наивящее затрудненіе въ дѣйствахъ съ нашей стороны отъ того происходитъ, что армія должна маршировать чрезъ безлюдныя степи, провіантъ и фуражъ съ собою вести, что̀ дѣлаетъ большія тягости. Того ради имѣете вы доброжелательнымъ объявить—не могутъ ли они какой способъ сыскать, напримѣръ, чтобы при Днѣстрѣ, при какихъ имъ удобныхъ мѣстахъ, довольное число провіанта приставить, хотя бы за деньги»?

Но это приглашеніе къ устраненію «наивящихъ затрудненій» на практикѣ едва-ли могло что̀ дать.

Днѣстръ слишкомъ немалая рѣка; безъ указанія мѣста, заготовка могла быть совсѣмъ безполезна; при указаніи—совсѣмъ опасна. Какъ ни тяготѣли люди за Днѣстромъ къ намъ; но они были

въ непрестанномъ страхѣ и отъ турка, и, еще болѣе, отъ сосущаго грека; за ними заботливо слѣдили, положеніе было тяжелое, имъ приходилось и хитрить, и мы не можемъ удивляться, если со стороны Миниха и Неплюева даже старые «пріятели» готовы были разсматриваться подъ-часъ, какъ люди сомнительные. Такъ, когда Лупулъ сталъ теперь докучать Миниху вопросомъ — да пойдетъ-ли армія Днѣстромъ къ Бендерамъ, тотъ, заподозрѣвъ его, не отвѣчалъ. Могло быть подозрительно, что Лупулъ жилъ теперь въ Яссахъ, при дворѣ князя Гики.

Еще раньше сталъ заподозрѣвать Неплюевъ. Неплюевъ доносилъ въ Петербургъ еще въ началѣ года, что Лупулъ, по его собственнымъ словамъ, въ суспиціи, почему и просилъ «о присылкѣ къ нему универсала, дабы онъ при всякомъ случаѣ, т. е. когда онъ сможетъ оттуда вырваться въ иную сторону, или какъ Молдавія отъ Россіи обладана будетъ, могъ по службѣ своей вѣдать, какой ему рангъ будетъ». Но Неплюевъ полагалъ, что страхи преувеличены нарочно, для возвышенія себѣ цѣны, а всѣ увѣренія Лупула, какъ и пріятеля Дуки, «хитро вымышленный обманъ: сколько россійскую сторону они увѣдомляютъ, а болѣе того стараются о здѣшнихъ обращеніяхъ увѣдать», т. е. служатъ одновременно и туркамъ *). А Дука и родня Гики. Но служить иногда двойную службу люди за Днѣстромъ должны были по неволѣ, а симпатія ихъ къ намъ подмѣчены и со стороны **). Впрочемъ, какъ оказалось въ-послѣдствіи, вопросъ

---

*) Только въ 1739 году Лупулъ, несмотря на тяжелыя обвиненія Неплюева, получилъ «рангъ» — статскаго совѣтника, и втеченіе 2 лѣтъ по 1000 рублей. Но въ 1742 году онъ поплатился за свою политическую дѣятельность: «по доносу хотинскихъ турокъ и фанарскихъ грековъ» (какъ жаловался онъ въ Россію), попалъ въ тюрьму. Выпущенный, по уплатѣ 50 тыс., на свободу, Лупулъ просилъ насъ помочь ему «за его службу болѣе 20-ти лѣтъ имперіи Россійской». Долго еще онъ повторялъ все одно: денегъ, денегъ. Въ послѣднемъ отношеніи это прототипъ будущихъ попрошаекъ съ Юга. (Гл. М. А. М. И. Д., Т. Д., 1738 г., св. 39/w № 52). Рондо отъ февраля до мая твердилъ въ депешахъ одно: Минихъ идетъ на Очаковъ (ор. с. № 134. 150), слѣд., упредилъ его «хитрость».

**) 5-го іюля 1738 г. въ Букарештскомъ соборѣ учинена была торжественная присяга всѣми боярами Валахіи — быть вѣрными князю Маврокордату и не входить въ сношенія съ русскими, безъ его, князя, разрѣшенія или приказанія. (Eph. Daces., II, 103). Естественно

о заготовкѣ по Днѣстру былъ напрасный: за Днѣстръ мы не вошли, а только увидѣли его.

Къ концу марта все было готово, чтобы первыми вешними днями двинуться въ неизвѣстный путь, опять чрезъ Степь, за дѣломъ свободы христіанъ. «Здѣсь, извѣщалъ изъ Полтавы Минихъ Неплюева, все состоитъ благополучно, и наши приготовленія съ великимъ предъуспѣхомъ происходятъ: армію къ апрѣля 15 числу на генеральную рандеву ордеровано, и мостъ на Днѣпрѣ при Мишуриномъ Рогу апр. съ 1-хъ числъ наведенъ быть имѣетъ». «Степь уже въ травѣ, готовъ маршъ», писалъ Рондо въ Лондонъ въ маѣ.

Но наступилъ май, а армія все на мѣстѣ, въ Мишуриномъ Рогу, хотя и вполнѣ готовая къ походу. «Мы, писалъ Минихъ Неплюеву изъ Рога 5 мая, сію, Богомъ благословенную, кампанію такъ воспринимаемъ, какъ Его могущество Божіе благоволяетъ. Провіанта и прочаго толикое число съ собою беремъ, что на всю кампанію безъ нужды имѣть можно». Замедленіе пошло отъ того, что и въ послѣднюю минуту всплылъ вопросъ о мирѣ, предупредить дѣйствія. Уже въ томъ же письмѣ отъ 5-го мая Минихъ сообщалъ Неплюеву слухъ, что «по объявленію пріятельскому (изъ-за Днѣстра, отъ Лупула или Дуки), Порта будто намѣрена для трактованія о мирѣ, но дѣйствомъ — ради выигрыванія времени, употребить Волоскаго господаря», т. е. опять всплывала мѣстная, бессарабская медіація.

Опять на сценѣ Гика; но за нимъ еще съ осени, по разрывѣ Немировскаго конгреса, оставалось слово — послѣдній отвѣтъ черезъ него отъ Порты, столь нетерпѣливо и долго ожидавшійся Остерманомъ. Лично Минихъ подозрительно взглянулъ на это лукавое появленіе и, вѣрный себѣ, своей самоувѣренности, протолковалъ его по своему: турки боятся, ищутъ выгадать время. «Тѣмъ насъ никакъ усыпить не могутъ», успокаивалъ онъ Неплюева. Но встревожившій было Миниха бессарабскій медіаторъ опоздалъ, пронесся мелькомъ. 23 мая курьеръ прибылъ отъ Гики со старымъ, что за Очаковъ сейчасъ миръ. Отвѣчали: готовы на «разумныхъ условіяхъ». Но далѣе ничего.

думать, предварительное одобреніе сношеній водилось и у Гики, въ Яссахъ. О симпатіяхъ ср Algarotti, Lettres sur la Russie, hist. de la guerre de 1735, Lond. 1769, p. 123. Авторъ былъ и въ Молдавіи тогда.

Между тѣмъ вопросъ о мирномъ дѣлѣ, еще до открытія новой кампаніи, «дѣйствомъ» живо обсуждался въ Парижѣ, а, затѣмъ, послѣдовало и прямое обращеніе изъ Петербурга на Босфоръ, съ уполномоченіемъ лично Миниха на заключеніе самаго мира *).

Мы видѣли, Остерманъ, принимая еще осенью медіацію Франціи, потребовалъ участія Англіи и Голландіи, чтобъ дать имъ «блестящій знакъ уваженія».

Самолюбивой Франціи это требованіе не могло быть пріятно. Непріятно ей было и особое посредничество, пущенное въ ходъ Остерманомъ для «своего мира» еще во время конгреса, отъ имени лелѣемаго на Невѣ плѣннаго Ягъи-паши: недовѣріе. А тутъ разные толки, «злостныя продѣлки», всю зиму, источникомъ которыхъ была Вѣна. Онѣ шли къ одному—удаленію морскихъ державъ: иначе-де Флери противъ медіаціи. Но Франція свое дѣло дѣлала, чтобы остановить войну, какъ будто-бы и безкорыстно.

«Я, писалъ Флери Вильневу 10 апрѣля, отвѣтилъ съ возможной поспѣшностью, чтобы мой отвѣтъ могъ быть врученъ визирю еще до начала кампаніи, по крайней мѣрѣ, до открытія дѣйствій. Очень важно предупредить этотъ моментъ, иначе, это разрывъ всякой негоціаціи. Пошелъ слухъ, что турки относительно Венгріи желаютъ держаться оборонительно, чтобы главныя свои силы двинуть въ Молдавію и Бессарабію Конечно, это очень благоразумно; но вамъ въ бесѣдахъ вашихъ съ министрами или драгоманомъ надо дать имъ понять, что какія бы усилія ни были употреблены для отобранія Очакова, едва ли имъ это удастся: укрѣпленія его съ каждымъ днемъ увеличиваются, а турки весьма мало способны вести осаду. Они слишкомъ рискуютъ, если начнутъ войну — чему я съ трудомъ вѣрю. Но вы не должны слишкомъ напирать на послѣдствія, и вы будете тѣмъ болѣе въ правѣ, что неудача у Очакова, равно какъ только что случившееся пораженіе татаръ въ Украинѣ, должны заставить ихъ страшиться столь же неблагопріятныхъ результатовъ и отъ другихъ попытокъ, разъ они откроютъ кампанію».

---

*) Переписка Миниха съ Неплюевымъ — М. Г. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/с № 11.—Депеши Рондо (ор. с. № 149, 152, 158).

Такимъ образомъ, Флери указывалъ ввести все въ дѣло, чтобы только убѣдить турокъ итти на миръ, пожалуй, и похитрить, и это — не смотря на свое личное оскорбленіе, какъ только признаннаго сопосредника, на отсутствіе теплаго участія къ недовѣряющей Россіи, и на нерасположеніе къ Остерману.

«Я, продолжалъ кардиналъ, вполнѣ понимаю замѣшательство, въ коемъ вы очутились, въ виду двухъ ультиматовъ, предложенныхъ Россіей.

Мы узнали о попыткѣ, съ согласія царицы, плѣннаго сераскира заключить миръ или частный (чему я съ трудомъ вѣрю), или за одно съ цесаремъ, который объявилъ, что удовольствуется Пожаревацкимъ договоромъ. Я не отвѣчаю, чтобы не было особаго мотива, напримѣръ, не быть обязану намъ ни въ чемъ. Отношеніе царицы къ намъ уже въ теченіе 3 мѣсяцевъ столь двусмысленно и столь мало мы расчитываемъ на вѣрность господина Остермана, что можно законно предполагать, что онъ не думаетъ ни увеличивать нашего кредита, ни благожелать намъ. Какъ бы то ни было, эта тайная попытка была постоянной помѣхой для всего того, что̀ дѣлалось вами, чтобы ускорить миръ, и въ то же время она набрасывала тѣнь подозрѣніе на вашу искренность.

Цесарь сильно жаловался царицѣ на тайную посылку кехайи плѣннаго сераскира на Босфоръ. Онъ, впрочемъ, не приписываетъ ея самой царицѣ, искренность которой онъ слишкомъ знаетъ. Во всякомъ случаѣ, я отнюдь не буду напрягать своего ума, чтобъ проникнуть во всѣ тайны русскаго двора».

Разрѣшая Вильневу сопровождать визиря въ Софію, такъ какъ его присутствіе въ лагерѣ можетъ ускорить прелиминаріи, разъ пожелаетъ только того визирь, Флери замѣчаетъ объ Англіи и Голландіи, что слишкомъ ясно, что онѣ думаютъ объ одномъ—«лишить насъ чести медіаціи, желая раздѣлить ее съ нами. Но я, признаюсь вамъ, былъ бы очень доволенъ, если бы медіація осталась при насъ однихъ, и еслибы англійская зависть понесла это оскорбленіе».

«Вы, заключаетъ Флери, не должны слишкомъ волноваться въ виду уклоненія турокъ отъ новаго конгреса: онъ могъ бы служить одному—продолженію и стѣсненію медіаціи. Но это тѣмъ хуже, что турки приняли посредничество Англіи и Голландіи. Мой отвѣтъ визирю даетъ ясно условія мира, и въ иныхъ ин-

струкціяхъ вы не нуждаетесь. Вы такъ умны и мы столь увѣрены въ вашемъ поведеніи, что остается одно—все вамъ предоставить. Я сказалъ лишь одно слово визирю о нашей гарантіи мира и говорилъ объ этомъ съ увѣренностью, такъ какъ цесарь согласился, чтобъ мы ее дали». Такимъ образомъ, визирскій лагерь, а не новый Немировъ, «to renew the negotiation», какъ мечтала Англія, имѣлъ быстро окончить счеты. Главный мотивъ — сдѣлать лишнимъ «сопосредничество», которое задѣвало самолюбіе Франціи. Флери ясно читалъ Англію. «Намъ, писалъ Рондо 31 дек., надо упредить появленіе французскаго посла въ роли единаго посредника» *).

Въ то же самое время «злостныя продѣлки»—обвиненіе нашей политики въ двоедушіи — побудили Остермана нѣсколько откровенно объясниться съ главнымъ посредникомъ, попытаться успокоить его. 11-го апрѣля онъ отправилъ обширное письмо къ Флери, прежде всего, какъ протестъ противъ возведеннаго очерненія Россіи.

«Императрица, писалъ Остерманъ, съ негодованіемъ узнала о пошлыхъ толкованіяхъ и злостныхъ продѣлкахъ, посредствомъ которыхъ пытались въ разныхъ мѣстахъ, и даже въ самой Франціи, очернить прямое намѣреніе ея в-ва возстановить миръ съ Портою, какъ и принятіе ею медіаціи короля». Какъ раньше, напримѣръ въ меморіи 14 ноября, Остерманъ и здѣсь возражаетъ противъ приписываемыхъ Россіи «дальнихъ намѣреній», что ея цѣль всегда была одна — обезопасить себя отъ татаръ, а не изгнать султана. «Мирныя условія, предложенныя на Немировскомъ конгресѣ, служатъ тому доказательствомъ, и вы въ состояніи сами разсудить, какого рода были тѣ инсинуаціи, которыя приписывали ея в-ву обширные замыслы, но которые существовали лишь въ воображеніи изобрѣтателей». Остерманъ не называетъ изобрѣтателей «продѣлокъ»; но каждый понималъ, что это была Вѣна; громитъ инсинуаціи и какъ бы далекъ отъ мысли, что гнѣздо ихъ именно Франція **).

---

*) Hurmuzaki, Documente, v. VI, № 293. Рондо—op. c. № 123. Интриги изъ Вѣны—ср. ib. № 127, 132; но и Англія не спала: ib. № 116, 120 (къ Рондо). Друзей мы не могли, да и не можемъ, имѣть

**) Ср. и Рондо, op. c., 8 окт.; стращанія Франціи въ Вѣнѣ: «пора остановить Россію», т. е отбросить съ завоеванной Петромъ В. позиціи.

Объясняя «сопосредничество», какъ уступку яко бы прежде всего Портѣ, Остерманъ отстранялъ, какъ неосновательныя, нарекания изъ Вѣны, что будто вмѣшательство Очаковскаго паши вдругъ задержало, такъ прекрасно начатые, переговоры Вильнева: это вмѣшательство было-де и случайно, и совсѣмъ невинно. Дѣло началось-де съ вопроса объ обмѣнѣ плѣнныхъ, съ которыми въ Турціи обращались жестоко *): пошли пересылки, а при этомъ самъ паша «умолилъ» ея в-во разрѣшить ему отъ себя, частнымъ образомъ, покочь миру, и ему объявлены тѣ же условія, что̀ и туркамъ, при отъѣздѣ ихъ изъ Немирова. Такое «невинное» вмѣшательство Ягъи не могло быть помѣхой. Всему вина одной Порты, ея нерѣшительность и волокита.

Въ своемъ отвѣтѣ Остерману, отъ 31 мая, Флери подчеркивалъ, что поведеніе Вильнева все время было-де безупречно: въ періодъ конгреса онъ спокойно жилъ въ Константинополѣ, ни малѣйше-де не вмѣшиваясь въ дѣла, но что сопосредничество во всякомъ случаѣ странно: «въ прошломъ году на Немировскомъ конгрессѣ участіе Англіи и Голландіи постоянно отклонялось». О вмѣшательствѣ Ягъи-паши ему, Флери, извѣстно-де только по газетамъ и Франціи не касается, а появленіе Кантемира изъ Лондона въ Парижѣ посломъ, обновивъ дипломатическія сношенія, заживитъ старыя раны, оставшіяся еще отъ дѣла о Лещинскомъ. Мы видѣли, иное о Ягъѣ Флери писалъ Вильневу.

Объясненія взаимно хитрящихъ Остермана и Флери еще только завязались, когда въ Петербургѣ рѣшили пойти самимъ на послѣднюю уступку, чтобы только получить миръ. Въ Немировѣ и въ послѣднюю минуту мы не допускали вопроса объ Очаковѣ. Позже, но подъ секретомъ, мы его допустили въ сношеніяхъ съ морскими посредниками. Теперь пошли открыто **).

---

*) Въ Едикулъ бросали и русскихъ плѣнныхъ офицеровъ во время настоящей войны. На-лѣво отъ спуска въ эту яму, внизъ отъ латинской надписи, и сейчасъ можно нѣсколько разобрать нацарапанную русскую, въ 4 строки, надпись изъ того времени: «Григоріе... прапорщик... 12. 1737 яв.». На-право нацарапана другая русская надпись: «василіи оръша». (Я посѣтилъ замокъ и яму въ 1886 году).

**) Сб. И. Р. И. О. т. 83, №№1, 2. Не паша молилъ, а на оборотъ. «Паша, пишетъ Рондо 29 окт., прибылъ 23, и содержится на счетъ царицы и съ большимъ почетомъ». 19 ноября: «паша, по шестичасовой бе-

Подписавъ 15 мая полную амнистію Орлику — «вѣчному забвенію предаемъ», императрица въ указѣ 21-го мая сообщала Неплюеву о слѣдованіи на Кіевъ и Бендеры въ Константинополь преображенскаго поручика Репнинскаго, что съ нимъ «отъ обрѣтающагося здѣсь плѣннаго сераскера Ягъи-паши одинъ служитель его», и что они «съ нужнѣйшими о интересахъ нашихъ письмами»—къ визирю и Вильневу.

Извиняясь и предъ визиремъ по поводу предложенія Ягъи, что оно сдѣлано не за тѣмъ, чтобы проводить Порту, но чтобы «здѣшнюю истинную склонность къ миру оказать», Остерманъ снова завѣрялъ его, что ея в-во «отъ сей войны не новыхъ великихъ конкетовъ и дальнѣйшаго распространенія ея имперіи, но токмо достаточной безопасности въ предбудущія времена получить ищетъ». Повтореніе, что раньше въ письмахъ къ Флери.

«Но ваше сіятельство, не безъ достоинства указывалъ Остерманъ, единожды завсегда твердо обнадежены быть можете, что какъ войну ревностно производятъ и впредь оную, ежели Порта мира не пожелаетъ, ревностно же продолжать будутъ; такъ и миръ на пристойныхъ кондиціяхъ заключить всегда готовы», что Портѣ онѣ давно извѣстны, какъ «толь умѣренныя», тогда какъ отъ Порты «пустыми словами время тратится». «Отъ самой Порты требованную французскую медіацію мы охотно приняли; однимъ словомъ, никогда отдалены не были на всѣ ихъ пути поступить, которые Порта къ возстановленію мира, по собственному ея благоизобрѣтенію, изобрѣсти могла».

Наконецъ, въ доказательство полнаго миролюбія Россіи Остерманъ ссылался на «прелиминары», которые одновременно посылаются отъ него для Вильнева чрезъ нарочнаго вручителя: по 2-ой же статьѣ ихъ Россія «Очаковъ и Кинбурнъ возвратить обѣщаетъ, съ такимъ договоромъ, что всѣ прочія кондиціи отъ

сѣдѣ съ Остерманомъ, послалъ въ Константинополь цѣлый пакетъ писемъ. Рѣчь идетъ о серьезныхъ переговорахъ». Послѣ этого уже объявлено принятіе медіаціи и Англіи (ор. с. № 105, 109). 26 марта 1738 г. Рондо сообщаетъ какъ секретъ о переводѣ Кантемира въ Парижъ (ib. № 142). Парижъ былъ знакомъ Кантемиру изъ-за болѣзни глазъ. Объ уступкѣ—Рондо, ор. с. № 123, 31 дек. № 131.—22 окт. онъ писалъ: «Очакова, твердятъ, никогда не отдадутъ: оплотъ-де противъ набѣговъ изъ Буджака. Силюсь убѣдить Бирона, что удержаніе его станетъ дороже всякаго татарскаго набѣга» (ib. р. 217).

Порты дозволены и совершенно постановлены будутъ», а Минихъ имѣетъ и самыя полномочія для заключенія мира. Мы отказывались отъ Очакова тогда, когда самъ Флери, искавшій уступки въ декабрѣ, этотъ портъ считалъ уже совсѣмъ крѣпкимъ Россіи, на-всегда потеряннымъ для Турціи, а всякую попытку послѣдней къ отобранію его силою — напраснымъ трудомъ. Но, по показанію Миниха-сына, было одно несчастное обстоятельство на мѣстѣ, которое и могло рѣшить вопросъ: это—чума, занесенная въ Очаковъ еще на осень 1737 года; что при отбитіи ноябрской осады, здоровыхъ людей на лице было всего полторы тысячи *). Тогда цѣнность приносимой нами жертвы значительно умаляется. Понятна и давняя наша уступчивость въ очаковскомъ вопросѣ, подъ секретомъ.

Въ письмѣ къ Вильневу отъ того же 21-го мая Остерманъ, посылая «прелиминары», повторялъ о принятіи французской медіаціи, но при соучастіи обѣихъ морскихъ державъ.

Осторожный, недовѣрчивый, Остерманъ посылку Репнинскаго съ уступкою даже и отъ самихъ посредниковъ хранилъ въ глубочайшей тайнѣ: англійскому послу въ Петербургѣ тайна эта была выдана отъ его русскаго агента, «тайнаго друга», очень поздно и подъ страшнымъ секретомъ.

«Я, доносилъ Рондо 15 іюля въ Лондонъ, могу увѣрить, Россія сердечно желала бы получить миръ и за всякую цѣну, ибо большая нужда въ деньгахъ, а потери въ людяхъ на войнѣ не дозволяетъ наступленій впереди. Цесарь, по сообщенію тайнаго друга, съ своей стороны представилъ въ истинномъ свѣтѣ свое состояніе, свою невозможность длить долѣе войну, и тѣмъ вынудилъ здѣшній дворъ, назадъ тому дней сорокъ, послать гонца въ Константинополь съ уполномоченьемъ Вильнева — отдать, по прелиминарнымъ статьямъ, Очаковъ и Кинбурнъ. Ни Биронъ, ни Остерманъ ни словомъ не заикнулись объ этомъ дѣлѣ». Видимо, Остерманъ надѣялся на успѣхъ, справиться одному.

Но Рондо спокойно взглянулъ на эту таинственную посылку, спокойно расчитывалъ, что она не устранитъ конгреса въ томъ

*) Die Memoiren, 130. О декабр. требованіи Флери—депеши Рондо, op. c., p. 256.

же «poor miserable place», какъ онъ обыкновенно величалъ нашъ Немировъ, слѣдовательно, не дастъ ничего *).

Но помимо предвѣщанія себялюбиваго посредника, пугавшагося болѣе всего одного — монополизаціи Франціи по прекращенію войны **), майскій шагъ Остермана оказался напраснымъ, какъ запоздалый.

Прежде всего Репнинскій былъ задержанъ на границѣ Молдавіи Гикою, хотя еще такъ недавно его собственный гонецъ былъ въ Петербургѣ (онъ пріѣхалъ съ секретаремъ Белемъ 23 мая), и именно съ запросомъ объ Очаковѣ. Не смотря на настоянія русскаго гонца, требовавшаго себѣ пропуска къ визирю, онъ былъ оставленъ въ Яссахъ, и только его депеши, съ обѣщаніемъ полной неприкосновенности (rimessa), при его турецкомъ попутчикѣ изъ Петербурга, служителѣ Ягъи-паши, были отправлены къ драгоману Гикѣ для передачи визирю. Самъ господарь тотчасъ же извинился предъ Неплюевымъ, что пропускъ былъ невозможенъ, но что гонецъ будетъ пользоваться всѣми удобствами, живя у него, до полученія отвѣта, а тогда будетъ немедленно отпущенъ ***).

Ровно чрезъ мѣсяцъ, 17 іюля, каймаканъ визиря вручилъ Вильневу бумаги къ нему отъ Остермана, т. е. уже въ періодъ открывшихся военныхъ дѣйствій ****).

Но, если бы и не было опозданія съ обращеніемъ Остермана къ Вильневу, едва ли обязательство возвратить Очаковъ, но при согласіи Порты на всѣ другія русскія условія, могло

---

*) С. И. Р. И. О., т. 80, № 162. Ср. ib. p. 176.

**) Въ мартѣ 1738 года и Рондо, какъ немного позже Остерманъ, жалуется на Вѣну, что она изъ силъ бьется парализовать участіе обѣихъ морскихъ державъ — «but leave the sole management of the Czarinna's interest ou the hands of France» (ib. p. 281). Ср. заботы Рондо въ декабрѣ 1737 года — у насъ стр. 381.

***) Письмо Гики къ Неплюеву въ Кіевъ изъ лагеря въ Соколѣ, отъ 18 іюня, у Hurmuzaki, Docum., S. I., v. I., № 758. Остерманъ жаловался на задержку своего гонца въ Яссахъ Флери, въ письмѣ отъ 1 августа, съ приложеніемъ письма Гики (этимъ объясняется, почему оно попало въ изданіе Румынской Академіи), а тотъ сейчасъ же жалобу Остермана поддержалъ въ Константинополѣ, какъ это видно изъ его письма къ вицеканцлеру отъ 12/23 сент. (Сб. И. Р. И. О., т. 80. стр. 29—30, 34).

****) Hurmuzaki, op. c., № 762, письмо Вильнева къ Флери отъ 20-го іюля.

склонить ее сейчасъ же на миръ, на новомъ конгресѣ, какъ это мечталъ англійскій посредникъ. Майское-же вмѣшательство Гики было старой хитростью — соблазнять насъ отдѣльнымъ миромъ.

Правда, намъ давно сообщали и съ Босфора, что султанъ неравнодушенъ къ Очакову, что за Очаковъ сейчасъ же миръ. Правда, на взглядъ англійскаго посредника на Босфорѣ, Очаковъ — единственная помѣха къ миру *). Но мы видѣли, сколько убѣдительнаго краснорѣчія долженъ былъ потратить Флери для попытки остановить «разрывъ негоціаціи», не допустить Порту до открытія военныхъ дѣйствій. Но это самое обиліе краснорѣчія указываетъ, какъ мало, на вглядъ Флери, была приготовлена почва, насколько глухимъ онъ ожидалъ теперь встрѣтить своего зазнавшагося слушателя на Босфорѣ.

*) Депеши Рондо, отъ 7 апрѣля, p. 309. Послѣ Босфора, воспоминаніе о потерѣ Очакова особенно болѣзненно отзывалось среди магометанскихъ сербовъ Босніи. По словамъ современнаго лѣтописца, монаха-францисканца, въ Босніи, въ 1737 году, при вѣсти о войнѣ съ «нѣмцами», паша въ Травникѣ собралъ сеймъ и тамъ рѣшили, что подняться должна вся земля, — кто останется дома, того вѣшать на воротахъ. «Посланцы наши пошли по всей Боснѣ и подняли и большаго и малаго, кто только могъ носить оружіе; присоединились старшины городовъ и арнауты, такъ что составилось прекрасное и грозное войско....» Но особенно много храбрыхъ босняковъ погибло при взятіи Очакова. «Въ серединѣ лѣта, продолжаетъ лѣтопись, Московы вмѣстѣ съ нѣмцами, взяли Очаковъ на капитуляцію, и когда стали выпускать турокъ изъ крѣпости, то нѣкоторые изъ босняковъ, чтобы показать свою удаль, обнаживъ сабли, стали сѣчь москвитянъ. Но плохо имъ пришлось: москвитяне воротили назадъ уже выпущенныхъ, а тѣхъ, что были въ крѣпости, остановили, затѣмъ рядовые пошли подъ мечъ, а всѣхъ господъ изъ Босніи объявили плѣнными. И такое количество боснійскихъ господъ, на выборъ, попало въ плѣнъ, какого никогда не было». (Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Herzegovini. Uredn. Kosta Hörmann. Sarajevo, g. 1889, кн. IV, p 129, 131—132). Въ замѣткѣ того-же католическаго монаха, сдѣланной ужь чрезъ годъ, записаны мѣстные разсказы босняковъ о знаменитомъ штурмѣ 1737 года. Для провѣрки ихъ мы имѣемъ сообщенія Миниха-сына, что Очаковъ защищали 3 тыс. босняковъ, подъ командою паши изъ Герцеговины, погибшаго при штурмѣ, что среди плѣнныхъ былъ юный сынъ его, Османъ-бей, что самъ Минихъ повезъ его въ Петербургъ, гдѣ тотъ былъ окрещенъ получилъ дворянство и фамилію «Воинъ». (Die Memoiren, p. 127). Взятіе нами Очакова, плѣненіе тысячами турокъ памятуется пѣсней и православнаго боснійца, и магометанина. См. Приложенія, VIII.

Дѣйствительно, Вильневъ жаловался еще въ февралѣ, что визирь на пріемѣ говорилъ съ нимъ объ одномъ — о приготовленіяхъ къ войнѣ и объ увѣренности, что «Богъ благословитъ оружіе султана», тщательно уклоняясь отъ темы о мирѣ, что даже о прибытіи англійскаго гонца изъ Петербурга, Беля, онъ не проронилъ ни полслова, и, встревоженный этой присылкой, Вильневъ остался при своихъ прежнихъ «различныхъ догадкахъ *). Неравнодушный Фоукнеръ объ этой неудачѣ своего непріятнаго товарища сообщалъ Рондо въ Петербургъ, что Порта, на всѣ приставанія Вильнева, отвѣчала двусмысленно, что она одинаково готова на миръ и на войну (to make peace or war).

Правда, Рондо надѣялся, что посредники морскихъ державъ встрѣтятъ иной привѣтъ со своими представленіями о новомъ Немировѣ. И онъ былъ иной: долго, долго томились они ожиданіемъ отвѣта отъ визиря, пока не пришли къ убѣжденію, что отвѣта имъ не будетъ **).

Наконецъ, на требованія Флери въ знакомомъ намъ письмѣ отъ 10-го апрѣля, Вильневъ могъ отвѣчать однимъ, что визирь отказался принять извѣстныя прелиминаріи мира, опасаясь бѣды для себя. «Лишь по возвращеніи съ похода визиря, прибавляетъ посолъ, можно будетъ знать, принимаются-ли эти прелиминаріи, или турки лелѣютъ иные виды, особенно по отношенію къ цесарю: отъ него, повидимому, визирь упорно желаетъ получить какую-нибудь землицу, хотя бы нѣсколько селъ, для передачи ея князю Ракоци, чтобы такимъ образомъ оправдаться предъ публикой за тотъ шумъ, который былъ произведенъ въ признаніи Ракоци отъ султана княземъ Трансильваніи и въ заключеніи съ нимъ союза» ***).

Ужь совсѣмъ несправедливо успокаивали мы себя и въ іюнѣ сообщеніями изъ фатальнаго, но пока еще цесарскаго, мѣста

---

*) Въ письмѣ къ Флери отъ 21 февраля 1738 г.— Hurmuzaki, Docum. S. I, v. I, № 755: «j'avais formé diverses conjectures sur le motif de cette expédition», т. е. Беля.

**) Депеши Рондо, Сб. И. Р. И. О., т. 80, р. 287, 307.

***) Hurmuzaki, op. c., № 757. Любопытно, что въ пѣсняхъ босняковъ-магометанъ Ракоци фигурируетъ не какъ другъ, вассалъ султана, гроза цесаря, а какъ сподручникъ Россіи. См. Приложенія, VIII.

на Дунаѣ, «что турецкая гордость не мало упадаетъ» *). Не упасть, а надуться она могла теперь. «Говорятъ, извѣщалъ еще 13 мая Рондо въ Лондонъ, что шведскіе министры въ Константинополѣ подписали договоръ или конвенцію съ Портою» **), а потому въ перспективѣ уже виднѣлась у турокъ — многожеланная аттака Россіи съ Сѣвера ***), что́ такъ обезпокоило сейчасъ же морскихъ посредниковъ.

Порта рѣшила—сократить обездоленную Австрію, хотя въ тоже время смѣло бороться и съ Россіей. Она не побоялась и силы свои «наипаче раздѣлить», противъ грознаго Миниха ввести въ дѣло войска съ нижняго Дуная, съ выпускомъ впередъ татаръ Аккермана и Буджака, но не самого визиря, какъ это думали въ-началѣ: визирь, съ главными силами, съ поднявшимися поголовно на защиту своей свободы и вѣры босняками, былъ прибереженъ для Австріи. Не того ожидалъ Флери. «Уже два съ половиной мѣсяца, писалъ съ тревогой кардиналъ Остерману, 15/4 іюля, какъ нѣтъ никакихъ извѣстій отъ Вильнева, а мы потому въ самомъ большемъ безпокойствѣ. Нельзя себѣ представить, чтобы столь дѣятельный и благоразумный министръ пожелалъ оставить насъ въ неизвѣстности обо всемъ, что происходитъ въ это критическое время, когда дѣло идетъ объ умиреніи трехъ имперій». Только 30-го іюня Вильневъ извѣщалъ, что визирь идетъ на Видинъ, чтобы такимъ путемъ быть въ состояніи помѣшать соединенію австрійцевъ съ русскими въ Молдавіи, а на случай осады Бендеръ, помочь и имъ.

Не того ожидалъ отъ майской посылки Репнинскаго и Остерманъ. «Императрица, припоминалъ онъ въ мартѣ 1739 г. Флери, предложила возвращеніе Очакова въ надеждѣ, что Порта безъ всякаго отлагательства приметъ предложенныя ей условія мира ****).

---

*) Письмо изъ Бѣлграда отъ 17 мая, въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ, 1738, № 47.

**) Депеши, ор. с., № 149. Ср. № 160.

***) Рондо, отъ 27 мая, ib., № 153. Ср. № 160.

****) Сб. И. Р. И. О., т. 86, р. 25, 66 (отъ 10/21 марта). Hurmuzaki, Docum. S. I., v. I, № 759.—Мы видѣли, при первомъ извѣстіи объ объявленіи войны Австріей, Боснія возстала, какъ одинъ человѣкъ. По словамъ указанной мѣстной лѣтописи, всюду слышался кликъ: «басти гяуръ», т. е. невѣрный напалъ. На вопросъ, кто причина, что нѣмцы начали

Въ началѣ іюня былъ перехваченъ въ Степи турецкій лазутчикъ, волохъ Гордѣй изъ села Анишканъ, что̀ у Днѣстра. На допросѣ онъ показалъ, что по эту сторону Днѣстра уже около 20 т. буджацкихъ татаръ, что хотя «турки отъ россійскихъ войскъ въ немаломъ страхѣ находятся, но обороняться намѣреніе имѣютъ — учиня встрѣчу на сю сторону Днѣстра и совокупясь съ татарами, въ полѣ баталію дать», именно, вблизи Кодымы и Ягорлыка, т. е. выйдутъ на встрѣчу. Онъ прибавилъ, что не знаетъ, «сколько войска въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ) имѣется, но городъ большую опасность имѣетъ съ моря, и для того имѣются прибывшіе сей весны корабли и прочіи военныя суда».

Всѣ эти мѣры, приготовленія на сушѣ и на морѣ, говорили, очевидно, о рѣшеніи серьезномъ и не отъ вчера. На «вершительную акцію» поднялся Минихъ; но онъ могъ теперь видѣть, что на то-же готовы были и турки, лишь-бы не допустить его за Днѣстръ *).

Напрасными оказались и самыя полномочія у Миниха на заключеніе мира, какъ и раннее опасеніе его отъ шаговъ со стороны бессарабскаго медіатора изъ Яссъ. «Елико касается до

войну до срока, одинъ изъ захваченныхъ православныхъ сербовъ отвѣчалъ: «господа! никто иной, кромѣ вашей райи, а во главѣ ея фратровъ». При этихъ словахъ, войска подняли крикъ противъ райи и фратровъ; но паша, чтобы успокоить толпу, сталъ говорить: «сначала помѣримся съ австрійцами, а когда воротимся домой, тогда обезглавимъ или посадимъ на колъ всѣхъ лицъ мужескаго пола до семи лѣтъ, а женскаго — въ рабство». (Glasnik zem. m., 1889 г., кн. IV, 129, 130). Извѣстно, какой героизмъ явили потомки тѣхъ-же боснійцевъ-магометанъ въ 1878 году, при оккупаціи ихъ земли потомками тѣхъ-же ненавистныхъ имъ «нѣмцевъ», отстаивая свою свободу и вѣру: одни фратры торжествовали, наконецъ. Мы видимъ, какъ давно и какъ ясно боснійцы понимали значеніе дѣятельности фратровъ, т. е. францисканъ изъ хорватовъ, какъ политическихъ агентовъ. Народъ, т. е. православная масса, Босніи сейчасъ, болѣе чѣмъ тогда, «го-гоцит и без игде-ичега», сплошной нищій, говоря выразительнымъ словомъ сербскимъ. Ср. у насъ, стр. 272.

*) Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/а № 1. Переписка Миниха, св. 39/е № 11. Показанія Гордѣя подтверждались, по депешѣ Рондо отъ 24-го іюня, сообщеніями первыхъ плѣнныхъ турокъ, что гарнизонъ въ Бендерахъ получилъ-де приказаніе — выйти на встрѣчу русскимъ и дать имъ сраженіе, чтобы только не допустить до перехода чрезъ Днѣстръ. (Сб. И. Р. И. О., т. 80, р. 321).

мирныхъ дѣлъ, писалъ 17 іюня Минихъ Неплюеву, то по письму молдавскаго князя (т. е. Гики, въ маѣ) ничего къ тому сходственнаго не находится. Итако, остается ожидать надлежащаго тому конца окончаніемъ сей начатой, благословенной отъ Бога, кампаніи, которой какъ начало, тако и конецъ Его могуществомъ Божіимъ да будетъ благъ и къ высочайшему ея в-ва удовольствію» *). Въ самомъ Петербургѣ были полны надеждъ. «Здѣшній дворъ, пишетъ Рондо 24 іюня, не сомнѣвается въ побѣдѣ надъ турками, разъ дойдетъ до дѣла» **).

Но послѣднее, заключительное слово изъ устъ властнаго человѣка по вопросу о мирныхъ переговорахъ пронеслось уже изъ Степи, съ рѣчки Ташлыка, слѣдовательно, съ похода — его первыхъ дней. Минихъ, съ его честолюбіемъ, не могъ дождаться минуты, когда онъ будетъ за Днѣстромъ, будетъ освобождать, послѣ вершительной акціи. Не думалъ онъ, что впереди его ожидаетъ несчастное продолженіе «несчастной войны» (unhappe war), какъ она давно стала слыть на языкѣ англійскаго посредника въ Петербургѣ.

Итакъ, напрасно задержанная, грозная армія открыла, наконецъ, свое движеніе на западъ—за Днѣстръ, въ сердце нынѣшней Бессарабіи, сѣверной полосой исторической Степи, направляясь къ Бугу, Кодымѣ и Ягорлыку, но гдѣ уже поджидали ее, хотя и «въ немаломъ страхѣ», турки съ аккерманскими татарами, чтобы въ полѣ баталію дать, за Днѣстръ не пропустить.

Въ роскошную пору года, начало іюня, когда Степь—одинъ богатый коверъ, оставляла армія свое затянувшееся рандеву у Мишурина Рога. Передъ нею расстилалась роскошная пустыня верхней доли Степи (нын. александрійскій и елисаветградскій

*) Военная хитрость Миниха не удалась, по указанные имъ вѣстовщики дѣйствовали. По крайней мѣрѣ, агентъ Вильнева въ визирскомъ лагерѣ, Пейсонель, сообщалъ ему оттуда 12/1 іюля, что тутъ узнали, что Минихъ направляется къ Днѣстру между Аккермана и Бендеръ; но прибавляетъ: «пока не слышно, чтобы Минихъ осадилъ которую-либо изъ этихъ двухъ крѣпостей, и сомнѣваются, не возьметъ-ли онъ направленіе на Молдавію». (Hurmuzaki, Docum. S. I. v. I, № 761). Аккерманъ и Бендеры были въ «Бессарабіи», а не въ Молдавіи.

**) Депеши, ор. с., р. 321.

уѣзды), но съ холмистою поверхностью, пересѣкаемою многочисленными балками, въ глубинѣ и по бокамъ которыхъ ютились еще лиственныя лѣсныя чащи. «Черный лѣсъ» охватывалъ болѣе чѣмъ 10 тысячъ десятинъ. Слѣдовательно, путь былъ нелегкій, а предлежало пройти по нему до Буга болѣе чѣмъ 300 верстъ. «Кратчайшій путь въ Молдавію (чрезъ Польшу) не дозволили частныя соображенія, вспоминаетъ Минихъ-сынъ, говоря о выработкѣ плана кампаніи; пришлось идти, подобно сынамъ Израиля въ обѣтованную землю, не иначе, какъ черезъ пустыню» *).

На лицо болѣе ста тысячъ войскъ; двадцать пять тысячъ телѣгъ двигалось за арміей; при нихъ болѣе двѣнадцати тысячъ погонщиковъ-украинцевъ; наконецъ, гнались и гурты скота.

Легко себѣ вообразить, какую оживленную картину представляла тогда наша Степь, отъ вѣка молчаливая пустыня, богатая лишь членами пернатаго и звѣринаго царства. Изъ людей нарушали эту вѣковую тишину шнырявшіе то сюда, то туда гайдамаки, главный притонъ которыхъ ютился у Мигеи, въ скалахъ Буга и Ташлыка (т а ш по-турецки — камень), недалеко отъ запорожскаго Гарда. Въ первый разъ отъ дней монголовъ Степь увидала среди себя такое скопленіе движущихся людей, возовъ; въ первый разъ огласилась она такимъ своеобразнымъ

---

*) Die Memoiren, 131. Были и частные интересы. Дѣйствительно, свѣжій герцогъ Курляндіи, Биронъ, долженъ былъ всячески избѣгать осложненій въ землѣ своего суверена, а они, въ видѣ отчаянныхъ воплей, криковъ о нарушеніи «свободы», не замедлили явиться, лишь только Минихъ, какъ увидимъ ниже, вынужденъ былъ коснуться завѣтной территоріи. Еще очень недавно мы умирили югъ, партію Лещинскаго здѣсь; король Августъ еще только утверждался. Самъ Августъ охотно-бы согласился помочь Россіи уже по тому, что былъ своего рода союзникъ по настоящей войнѣ. Напрасно лучшій изъ современныхъ историковъ польскихъ, М. Бобржинскій, обвиняетъ Августа III, что онъ пекся объ одномъ — «o wygody swego ciała» (Dzieje Polski, II, 288): и для него было ясно знаменіе времени — «все болѣе и болѣе растущій перевѣсъ Россіи надъ Польшей, Турціей и Швеціей» (ib.). Задача Россіи — «сохранить Польшу во всей ея цѣлости» отъ грабежа западныхъ сосѣдей, приписываемая г. Бобржинскимъ эпохѣ импер Екатерины II (ib. 298), уже сознавалась и въ эпоху Августа III, напр., при Бестужевѣ, и война съ Фридрихомъ имп. Елисаветы была крупнымъ проявленіемъ ея. И самая инвеститура Бирона вызывала бури въ Варшавѣ еще въ декабрѣ Ср. Рондо, ор. с. № 200.

моремъ звуковъ, гдѣ перебивая сливались въ одинъ томный гулъ крики людей, ревъ и ржаніе скота, скрыпъ неуклюжихъ чумацкихъ возовъ.

Но эта поэтическая, въ своемъ разнообразіи и оживленіи, картина движущихся, живыхъ и неживыхъ, массъ имѣла не одну тѣневую сторону.

«Спокойные и легкіе переходы, дѣло первой важности, у русскихъ, говоритъ иностранный очевидецъ этого степнаго движенія, австрійскій капитанъ Парадисъ (преемникъ Беренклау), вещь—совсѣмъ пренебреженная. Неимѣрный багажъ, лишній для самихъ хозяевъ его, былъ одной изъ большихъ помѣхъ. Чтобы судить о томъ, я скажу, что есть старшіе офицеры, у которыхъ до 30 подводъ, не считая верховыхъ лошадей. Командиръ гвардейцевъ, Биронъ, однажды въ моемъ присутствіи сказалъ, что у него подъ вещами до 300 возовъ и лошадей, не считая 7 муловъ и 3 верблюдовъ, что есть даже сержанты гвардіи, у которыхъ до 16 телѣгъ. Вѣроятно, Биронъ думалъ показать тѣмъ богатство своего народа».

Понятно, излишество животныхъ и прислуги повело сейчасъ же къ сплошной сумятицѣ. Возы двигались въ разбросъ, въ безпорядкѣ; ухода за скотомъ никакого, отъ чего сейчасъ же открылся среди него падежъ. Наконецъ, по балкамъ оказалась дурная вода, между тѣмъ жара, и у людей появились болѣзни *).

Правда, наблюденія втораго Беренклау о маршѣ въ Степи опровергаются донесеніями самого Миниха. «При нашей арміи, писалъ онъ съ Буга, слава Богу, все изрядно, и армія наша единогласно ничего такъ не желаетъ, какъ къ непріятелю скорѣе подойти, и хотя она въ степи маршируетъ, однакоже ни въ чемъ недостатку не имѣетъ, но еще въ съѣстныхъ припасахъ, при великомъ числѣ маркитантовъ, всякое довольство находитъ, такъ что между другими изобиліями лучшаго говяжьяго мяса по 3 деньги, а выше 2 коп. фунта не покупаютъ» **). Но едва ли на сторонѣ неоффиціальнаго сообщенія неправда.

Въ концѣ іюня армія достигла Буга. 28-го началась переправа черезъ рѣку; но едва армія свернула къ Кодымѣ, впадающей

*) «Примѣчанія» Парадиса — Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/w № 53, (по-французски). Отрывки у Соловьева, XX, 144—146.

**) С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 56.

здѣсь въ Бугъ, оставивъ въ-лѣво Татарскую Валахію, какъ открылся и поджидавшій насъ непріятель, съ баталіей *).

На зарѣ 30 іюня равнина за Кодымой, на пространствѣ 10—12 верстъ, была густо покрыта аккерманскими татарами. Сейчасъ же начался упорный бой, длившійся 5 часовъ. Какъ храбро ни дрались турки и татаре, но должны были отступить. По донесенію Миниха, «все солдатство неизреченную ревность и желаніе къ бою и къ атакѣ оказывало». Но татаре и себя считали побѣдителями: были моменты въ кодымскомъ бою для насъ опасные **).

Перейдя Кодыму по старому мосту, Минихъ вступилъ въ Подолію, откуда уже близокъ и завѣтный Днѣстръ.

По ту сторону Днѣстра, при первомъ извѣстіи о движеніи русскихъ въ Бессарабію, почти паническій страхъ. Собиравшіяся войска въ Бендерахъ стали дезертировать: «не видя еще русскихъ, жалуется мѣстный паша, они бѣжали, куда глаза глядятъ». Татаре богатаго Буджака, въ прошломъ году готовые было поддаться Россіи, узнавъ, что и на этотъ разъ визирь идетъ — «неблагоразумно» — на австрійцевъ, пришли въ отчаяніе. «Жители Аккермана, Киліи и Измаила, заноситъ въ свою лѣтопись Дапонтесъ, отправили въ турецкій лагерь въ Нишѣ просьбы, въ которыхъ они молили о помощи и требовали дозволенія удалиться въ безопасное мѣсто, ибо, писали они, эти

*) По словамъ Рондо, переправа была 24-го іюня, и Минихъ якобы собирался на Бендеры, гдѣ надѣялся быть дней чрезъ 10. (Сб. И. Р. И. О., т. 86, № 161).

**) Ephém. Daces, II, 110. Мѣсто боя было въ тѣ времена съ значеніемъ: остатки каменнаго турецкаго моста чрезъ Кодыму и теперь здѣсь есть. (См. Протоколъ Имп. Общ. Ист. и Др. въ Одессѣ, 211 зас., 15 дек. 1888, сообщеніе г. Эрдели). Естественно было татарамъ защищать пунктъ переправы. Въ пылу боя «турки удалились на возвышеніе, которое служитъ для погребенія и которое они называютъ к у р г а н о м ъ (kurgan)». (La-Lande, Histoire de l'emp. Charles VI, t. V, 30). О ходѣ боя см. Чичеринъ, Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. II, 45, 47. (Отмѣтимъ ошибки въ топонимiи: Кодыма, а не Кодымая, Омельникъ, а не Отельникъ, предъ Бугомъ нѣтъ Кагула); П. Дирипъ, Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, I, 223 (Здѣсь также надо читать Кодыма, а не Кодинъ). Ср. Депеши Рондо, № 162—«горячій бой». Чешскіе публицисты, издатели народныхъ календарей, о коихъ была рѣчь раньше, въ восторгѣ отъ первой битвы Миниха: «непріятель разсѣялся, какъ полова отъ вѣтра».

три города — предметъ главной аттаки со стороны русскихъ» *).

Путь за Кодымой, въ началѣ, былъ свободный. Тутъ не татаре, а уже добрые гости изъ-за Днѣстра поджидали Миниха, чтобы сказать ему, что ждутъ его, освободителя «изъ-подъ ига тиранскаго», какъ нѣкогда Петра.

На походѣ, 4 іюля, Минихъ встрѣтилъ военныхъ депутатовъ отъ «господъ Мултянскихъ», съ отвѣтомъ на его письмо, что зимою было послано чрезъ Абазу. Господа благодарили «за христіанское благодѣяніе, явленное къ нимъ, рабамъ и подданнымъ ея имп. в-ва», но что пока еще они не въ состояніи должно возблагодарить, «развѣ за помощью Божіею, въ чемъ зѣло увѣряемся, персонально возблагодарить удостоимся, и молимъ Вышняго Создателя, да укрѣпитъ сердце ея в-ва и не отвратитъ отъ него и впредь благосклонность къ освобожденію насъ, раболѣпныхъ своихъ подданныхъ, изъ-подъ ига тиранскаго». Но они просили о скорѣйшей присылкѣ къ нимъ русскаго отряда, а для принятія его выслали двухъ бояръ-генераловъ: Михайла, великаго капитана, и Костентина, пограничнаго капитана **).

Ослабить своихъ силъ Минихъ не могъ, да и неосторожно было бы утверждать напередъ несомнѣнное «освобожденіе»: самое упорство, съ которымъ оспаривали одно приближеніе русскихъ къ Днѣстру турки, рекомендовало осторожность, и Минихъ, въ отвѣтѣ своемъ «господамъ» на Дунаѣ, отъ 9 іюля, повторяя старое — объ освобожденіи, любезно просилъ объ одномъ — о терпѣніи. Но, какъ видно изъ письма тогда же къ Неплюеву,

---

*) Ephém. Daces, II, 75. О побѣгахъ турокъ изъ-подъ Бендеръ говоритъ и Рондо (ор. с., р. 326). Отчаяніе турокъ и татаръ въ городахъ и хуторахъ Буджака должно было усилиться отъ неурожая здѣсь въ томъ году (тамъ-же, р. 290).

**) О Михаилѣ капитанѣ у Дапонтеса нѣтъ упоминанія. Что же касается капитана Константина, то, можетъ быть, это камарашъ Константинъ, упоминаемый у хрониста въ іюлѣ 1737 года (II, 25), позже, армашъ (II, 198), или же гетманъ молдавскій Константинъ, упоминаемый въ въ августѣ 1739 г. (II, 274).—Вѣроятно, въ связи съ темными слухами о посылкѣ боярами военной депутаціи на встрѣчу русскимъ стоитъ и потребованное княземъ Маврокордатомъ отъ бояръ принесеніе торжественной присяги 5 іюня въ Букарештѣ—не имѣть никакихъ отъ себя пересылокъ съ русскими, о которой было упомянуто выше, на основаніи Дапонтеса.

Миниха не вполнѣ удовлетворило льстивое, но въ общихъ выраженіяхъ, далекое посланіе изъ-за Днѣстра.

«Я, писалъ Минихъ боярамъ Валахіи, повторяя признательность за ихъ неизмѣнную преданность, никакого случая къ освобожденію вашей земли употребить не оставлю, якожъ нынѣ съ многочисленною арміею уже дѣйствительно противу того непріятеля нахожусь и маршъ свой благополучно продолжаю, съ которымъ и акція, къ общей всего христіанства пользѣ, съ нашимъ немалымъ авантажемъ была. Хотя онъ отъ насъ и ретируется, однако мы не опуская далѣе за нимъ слѣдуемъ и отъ времени до времени, какъ къ непріятельскимъ, такъ и къ вашимъ землямъ, приближаемся. Въ такомъ случаѣ по высочайшей ея в-ва волѣ къ избавленію отъ такихъ варварскихъ рукъ земли вашей старанія приложить и къ тому всѣхъ мѣръ употребить не оставимъ» *).

Цѣпь многочисленныхъ «корреспондентовъ», изъ грековъ и молдаванъ, духовныхъ и мірянъ, по границамъ и внутри самой Турціи, раскинутая заботами Неплюева, служила аванпостную службу при «приближеніи»: всѣ они обязывались «недреманнымъ окомъ» слѣдить за всѣмъ **). Но теперь, всѣмъ имъ указано было, конечно, слишкомъ преждевременно, миновать Кіевъ и сообщаться прямо съ Минихомъ. «Понеже, читаемъ мы въ рескриптѣ Неплюеву отъ 2-го августа, армія наша нынѣ дѣйствительно при Днѣстрѣ обрѣтается и, какъ мы на Всемилостиваго Бога уповаемъ, до полученія сего сію рѣку съ побѣжденіемъ непріятельскимъ уже дѣйствительно переправилась, того ради потребно ко всѣмъ извѣстнымъ корреспондентамъ отписать, чтобы они по близости

---

*) Переписка Миниха — см. выше.

**) Въ ближайшемъ пограничномъ пунктѣ, Дубосарахъ (на Днѣстрѣ, въ Волошской или Кочубейской Татаріи, у самой Подоліи) кореспондентомъ былъ священникъ Ананія. Положеніе его, естественно, было особенно опасное, и онъ уже заранѣе просилъ въ Петербургѣ «объ охраненіи его отъ войскъ нашихъ и о принятіи его въ нужномъ случаѣ въ протекцію». Рескриптъ Неплюеву еще отъ 16 іюня приказываетъ сообщить Ананію, что о немъ дано знать Миниху. (Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/а № 5).

о способѣ старались съ Минихомъ прямо корреспондовать, а ежели людей своихъ къ нему, фельдмаршалу, прямо послать поопасутся, то-бъ отправляли въ Немировъ къ Плюскову» *).

Все, казалось, улыбалось Миниху: у него открылась, и давно, въ походѣ, и особая корреспонденція, съ самимъ Боневалемъ, для новой сманки его. Боневаль какъ бы слѣдовалъ за Орликомъ.

Мы видѣли, взаимная ненависть Боневаля и цесаря Карла была выше мѣры, имѣя личный характеръ; но политическій врагъ Россіи, Боневаль давно уже получилъ разрѣшеніе вступить на русскую службу. Въ концѣ 1737 года изъ Вѣны сообщали въ Петербургъ о письмѣ его къ герцогу Бурбону въ Парижъ, что «хотя онъ турецкую вѣру и принялъ, однако для того свое подобострастіе и усердіе къ коронѣ французской нимало не отмѣнилъ **). Теперь же французская корона оффиціальный посредникъ, и открывшіяся у Боневаля тайныя сношенія съ Минихомъ были тѣмъ легче, что оба они были старые товарищи по цесарской нѣкогда службѣ, какъ признавался теперь самъ Минихъ Неплюеву.

«Съ каждымъ днемъ, отвѣчалъ Минихъ Боневалю, наша армія приближается болѣе и болѣе, и я убѣжденъ, что мѣры мудрой предосторожности, которыя ваше пр-во примете въ виду близости нашихъ войскъ, облегчатъ исполненіе плана, который для васъ столь выгоденъ, такъ какъ здѣшнее «ступай» стóитъ, безъ всякаго возраженія, въ тысячу разъ больше, чѣмъ «ярумден лага» страны, гдѣ вы обрѣтаетесь». Пересылая письмо чрезъ Неплюева, Минихъ пишетъ ему, что оно, по его мнѣнію, «не безъ пользы быть можетъ» ***).

---

*) Тамъ же.

**) С.-Петерб. Вѣдомости, 1738 г., № 1.

***) «...Je suis persuadé que les prudents précautions que prendra Votre Excellence jointes au voisinage de nos troupes ne facilite l'execution d'un projet qui luy est si avantageux, puisque le stoupai d'icy vaut sans contredit mils fois mieux que le jarumden laga de l'endroit ou elle est». (Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/1 № 11). Отъ 25 іюня, слѣд. близъ Буга. Пересылка шла черезъ Неплюева.—Jarumden ср. мадьяр. járni итти.; laga—ср. мад. lagy—тихій, мягкій: слѣдов.: «двигаться тихо». Но туркисты переведутъ точнѣе.

Послѣ акціи 30 іюня армія настоящаго непріятеля не встрѣчала. Зато отъ Кодымы до слѣдующаго вверхъ притока Буга, Саврани, постоянно докучали ее татаре. Минихъ жалуется Неплюеву на ихъ что ни день «безавантажныя нападенія». Только 8 іюля была новая значительная схватка съ татарами у устья Саврани, при чемъ главный натискъ пришлось принять запорожцамъ; 2 тысячи запорожцевъ бились храбро; татаре нападали нѣсколько разъ, но были съ урономъ отброшены.

На страницахъ С.-Петерб. Вѣдомостей все добрыя вѣсти— и отъ Миниха, и отъ Ласи, который взялъ Перекопъ и снова вошелъ въ Крымъ, и въ столицѣ радость, ликованіе: молебенъ въ Петропавловскомъ соборѣ, пальба, потѣшные огни *).

Появился было на сценѣ опять старый медіаторъ изъ Яссъ, опять съ лукавымъ словомъ мира. Его письмо помѣчено было 29 іюня, когда гонецъ Репнинскій все еще томился въ Яссахъ, подъ почетнымъ надзоромъ. Но вмѣшательство Гики было встрѣчено дурно у Миниха. Замѣтимъ, что Гика уже въ маѣ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 8 тысячъ и все просилъ у визиря присылки новыхъ войскъ противъ насъ **). Но главное — у Миниха теперь въ мысляхъ было одно — за Днѣстръ,

---

*) Ср. С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 57. О дѣлѣ запорожцевъ — см. Рондо, депеши, ор. с. № 166, по реляціи Миниха. Ср. La-Lande, op. c., t. V, p. 40, тотъ-же источникъ. О дѣйствіяхъ Ласи — см. Рондо, ор. с., № 162, депеша отъ 15 іюля. Въ авангардѣ арміи Миниха шли запорожцы, какъ это ясно изъ дѣла при Саврани. Въ «Запискахъ» Минихъ-сынъ прямо ихъ называетъ проводниками, обвиняя ихъ за послѣдующія неудачи при неосмотрительномъ выборѣ мѣста для переправы черезъ Днѣстръ. Но въ той же роли колонно-вожатыхъ запорожцы были и при арміи Ласи: они именно провели армію черезъ Сивашъ къ Перекопу. Гр. Чернышевъ, возражая на домогательства запорожцевъ, предъявленныя депутатами по составленію Уложенія въ 1767 году, писалъ, между прочимъ: «въ прошедшія турецкія войны (очевидно, графъ имѣлъ въ виду войну пяти лѣтъ, т. е. нашу) было оное (=запорожское войско) въ походѣ до 6 тыс. вооруженныхъ, изъ которыхъ обыкновенно по исходѣ перваго мѣсяца половина разъѣзжалась». (Скальковскій А., Исторія Новой Сѣчи, ч. II, Одесса 1885, стр. 303). Если въ дѣлѣ при Саврани было запорожцевъ 2 тыс., то, прикинувъ на долю Ласи 1 тыс., получимъ дѣйствительно 3 тысячи. Но они дѣйствовали и особыми отрядами, ставили чайки на Аккерманъ, Килію, Измаилъ: сюда, говорили аккерманскіе татаре, направленъ главный ударъ русскихъ (см. выше).

**) Ephém. Daces, II, 92—93.

тамъ разбить на голову врага и тамъ продиктовать желанный миръ. Какъ-разъ и отъ далекаго Дуная стали доноситься пріятныя вѣсти объ «авантажахъ». «Что молдавскій господарь, писалъ Минихъ Неплюеву 19 іюля при Савранп, въ отвѣтъ на его сообщеніе о Гикѣ, о мирныхъ дѣлахъ къ вашему пр-ву вторично, однако въ силѣ прежняго, отозвался, и не только съ благосклонностію, но и съ упражненіемъ—сіе, безсумнѣнно, по указу Порты и визирскому. Однако, когда нынѣ благословенные отъ Неба наши и ея в-ва тѣснаго союзника немалые авантажи и своей обыкновенной гордости уничтоженія: взятіемъ Перекопа, здѣшними неудачами и немалой викторіей въ Темешварскомъ Банатѣ, непріятель почувствуетъ, — то, конечно, къ другимъ мыслямъ обратится; а хотя бы, какъ онъ, господарь, объявляетъ, и самъ великій визирь къ здѣшнимъ странамъ прибылъ (чего статься неудивительно), то однимъ своимъ присутствіемъ мало что успѣетъ».

Ясно, Минихъ теперь — одна увѣренность въ отмездіи, въ великомъ концѣ; онъ жаждетъ только встрѣчи и визирь ему ни что. Но въ Петербургѣ, какъ увидимъ ниже, съ серьезнымъ вниманіемъ отнеслись къ этому новому вмѣшательству Гики, и, по свидѣтельству Рондо, сейчасъ-же увидѣли въ немъ предвѣстника новыхъ переговоровъ и скораго конца войны.

«Благополучными надъ непріятелями викторіи, заключаетъ Минихъ письмо 19 іюля, ваше пр-во благодареніемъ за поздравленіе мнѣ взаимно поздравляю, съ упованіемъ на Его могущество Божіе, что по симъ дарованнымъ, не предъчаемымъ надъ непріятелемъ побѣдамъ даруетъ желаемый ея в-вомъ получить миръ. А чтобъ турецкія силы на сю сторону перебрались, то я видѣть ихъ, какъ предъ симъ в. пр-ву упоминалъ, весьма желателенъ, съ упованіемъ на Вышняго крѣпкое ея в-ва оружіе имъ такожде оказать, какъ и шатающимся до нынѣ около здѣшнихъ армій, безъ дальняго нашего труда за Днѣстромъ его ища. Хотя бы онъ пожелалъ намъ препятствовать нашу переправу чрезъ Днѣстръ, — то и къ тому, призывая Бога въ помощь, надлежащихъ къ неудержанію нашему диспозицій учредить не оставимъ».

Надежды Миниха — счастливо помѣриться и покончить съ непріятелемъ за Днѣстромъ—раздѣляли и въ Петербургѣ, какъ раздѣляли его убѣжденіе, что свободная «съ побѣжденіемъ» пе-

реправа чрезъ рѣку, «неудержапіе» — фактъ несомнѣнный ближайшаго будущаго. И англійскій посредникъ въ Петербургѣ смотрѣлъ впередъ глазами Миниха. «Если, писалъ Рондо, сообщая о письмѣ Гики, гр. Миниху посчастливится взять Бендеры или продолжить свои побѣды въ этихъ мѣстахъ, я надѣюсь, что скоро воспослѣдуетъ счастливый миръ при медіаціи короля, Статовъ и Франціи» *).

Теперь, увѣренный въ предстоящихъ боевыхъ успѣхахъ за Днѣстромъ, Минихъ, повидимому, равнодушно встрѣтилъ даже безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны бояръ Молдавіи, которые, естественно, благоразумно опасались неизвѣстности и потому колебались въ своихъ дѣйствіяхъ. «Хотябъ волоскіе господа, писалъ онъ Неплюеву 27 іюля, имѣя уже передъ собою Днѣстръ, и обманомъ съ нами, якобы въ просьбахъ своихъ, поступали; однако въ нашихъ диспозиціяхъ и дѣйствахъ никакого помѣшательства быть не можетъ, но къ ихъ вредности». Но что могли дѣлать бояре, когда ихъ князь держалъ на готовѣ цѣлый корпусъ и ждалъ еще турецкихъ подкрѣпленій? Горемычныя земли: Молдавія и Валахія, должны были терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы. Мы увидимъ сейчасъ, Минихъ слишкомъ увлекся своими надеждами, безъ точнаго расчета «диспозицій», и не прошло и двухъ недѣль послѣ смѣлаго заявленія своихъ упованій, и онъ долженъ былъ сознаться, что войти за Днѣстръ невозможно: турки не допустили къ переправѣ, «удержали» и принудили его къ довольно поспѣшному отступленію **).

Еще недавно тотъ же Минихъ высокопарно объявлялъ, именемъ солдатъ, что всѣ они горятъ однимъ желаніемъ — посчитатьси съ турками, а между тѣмъ и до Буга, особенно же въ теченіе іюля, у него пошла горячая переписка съ польскими пограничными командирами о поимкѣ гусаровъ и всякихъ дезертировъ, которые спасались въ Подолію.

Но мы здѣсь должны оставить Миниха еще на Савранѣ, и обратиться въ иную сторону, въ Темешварскій Банатъ, къ «тѣсному союзнику», который, по словамъ Миниха, уже имѣлъ за собою немалую викторію. Такъ это тамъ было?

---

*) Депеши, ор. с., № 164, депеша отъ 22 іюля.
**) Письма Миниха къ Неплюеву въ Моск. Архивѣ — указ. выше.

«Турецкая гордость не менѣе упадетъ, когда цесарцы соберутся», успокоивали насъ изъ Бѣлграда въ маѣ *).

Мы видѣли, еще въ январѣ Іосифъ Ракоци былъ въ Видинѣ, откуда призывалъ венгерцевъ къ возстанію, а солдатъ къ перебѣгу. Особа была очень опасная.

Въ отвѣтъ на призывъ, Карлъ назначилъ 6 тыс. за голову Ракоци. Но претендентъ объявилъ вдвое за принца Лотарингскаго, назначеннаго опять главнокомандующимъ. Изъ Вѣны обратились къ Папѣ, и тотъ издалъ буллу, объявлявшую, что Ракоци «изъ христіанскаго общества выключенъ» **).

Какъ трудно ни было для Карла, этого типичнаго стараго барина, по голову въ неоплатныхъ долгахъ, но цесарь, согласно надеждамъ Флери, съ весною оправился. «Съ новыми крупными силами и при серьезной диверсіи со стороны Россіи, императоръ, свидѣтельствуетъ современникъ, могъ естественно льстить себя надеждою — быть въ состояніи оборониться противъ турокъ. Онъ могъ расчитывать теперь и на своихъ генераловъ, надѣяться, что они, видя примѣрное наказаніе своихъ предшественниковъ, будутъ соблюдать болѣе точно приказанія» ***). По словамъ другаго современника, дворъ ублажалъ себя — легко и скоро возмѣстить неудачи прошлаго года ****). При герцогѣ Лотарингскомъ мѣсто Секендорфа занялъ старый дипломатъ, гр. Кенигсекъ, хотя онъ всячески отклонялъ отъ себя эту честь, ссылаясь на незнакомство съ географіей юго-восточной Венгріи, центра предстоявшихъ дѣйствій.

Наступленіе, какъ и естественно было ожидать послѣ зимнихъ успѣховъ, открыли турки. Ихъ цѣль — Бѣлградъ и Темешваръ, куда были загнаны австрійцы. Только въ Трансильваніи послѣдніе держались; на границахъ ея всю зиму не прекращались мелкія стычки и головы въ мѣшкахъ пересылались къ Маврокордату и въ Видинъ.

---

*) С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 47.

**) Тамъ-же, № 90, письмо изъ Вѣны, о публикаціи анаоемы. И Дапонтесъ, говоря о прибытіи Ракоци въ Видинъ, заноситъ въ хронику изъ его біографіи: «l'impératrice (т. е. жена Карла VI), émue de pitié, engagea l'empereur à les (обоихъ братьевъ) faire eunuques» (II, 65).

***) La-Lande, Histore de l'emp. Charles VI, V, 3.

****) Mémoires secrets, 149.

Въ мартѣ печальная участь постигла Ужицу: она сдалась на капитуляцію. Визирь съ главными силами былъ еще въ Нишѣ, когда передовые отряды турокъ въ апрѣлѣ напали на Оршову (Рушава), овладѣли городомъ и осадили крѣпость на острову. Въ началѣ мая взята Мехадія и легкіе отряды прошли далеко въ Банатъ, къ Карансебешу и Араду, гдѣ только еще собирались австрійцы. На югѣ, въ Сербіи, пала Ягодина, и турки очутились недалеко отъ Бѣлграда. Въ тоже самое время Маврокордату и Гикѣ приказано было быть въ помощь Ракоци при вторженіи въ Трансильванію. Орликъ, вызванный въ апрѣлѣ изъ Хотина въ Видинъ, чтобы условиться о вторженіи, уклонился отъ участія: онъ ожидалъ амнистіи. Зато Маврокордато усердно разсылалъ революціонные листки Ракоци по Трансильванія, а вмѣстѣ съ Гикою составилъ обстоятельную записку о проходахъ изъ Валахіи и Молдавіи въ ту страну *).

Новыя обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали туркамъ. Турки встрѣтили сочувствіе въ себѣ въ сельскомъ православномъ населеніи Баната и горъ Алмаша, въ сербахъ и румынахъ. Уже при взятіи Мехадіи поддались 40 серборумынскихъ селъ и 2 паланки, и населеніе сейчасъ же было объявлено райей, т. е. людьми султана **). Гнетъ чиновничій въ

**) Ephém. Daces, II, 70—79.

*) Тамъ же, II, 96—97. Они названы прямо сербами. Извѣстно, что румынскій элементъ на нашихъ глазахъ съѣлъ элементъ сербскій—напр. въ Вершецкой православной эпархіи: повторилось, что въ Трансильваніи, гдѣ онъ съѣлъ славянъ русскихъ (Oros, Russe, Ruthenus), но русскихъ съ языкомъ съ носовыми звуками, а не нашимъ. Объ этомъ ср наше изслѣдованіе: «О русскомъ племени Дунайскаго Залѣсья», во II т. «Трудовъ VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ».—Выше мы говорили о пропагандѣ Уніи среди румынъ и сербовъ. О преслѣдованіи православныхъ сербовъ въ Австріи XVIII — см. архивные матеріалы, собранные Г. Витковичемъ (ср. «Срп. Летопис», кн. 113, 135—229, Гласник, кн 73, 70). Немного позже преслѣдованіе это, вмѣстѣ съ политическимъ гнетомъ отъ мадьяръ, вызвало переходъ сербовъ въ южную Россію. См. Соловьевъ, т. XXI; «Извѣстія о похожденіи С. С. Пишчевича», М 1883 и др. Теперь много сербскихъ церквей въ Венгріи почти безъ прихожанъ. Это явленіе даже въ знаменитомъ, близь Буда-Пешта, Сентъ-Андре, нѣкогда центрѣ сербскаго православія. О положеніи вообще — см. статью: «Зашто наш народ у Аустрији пропада», въ «Српски Летопис», кн. 110, 77—129. Ср. нашу замѣтку: «Сектантское (протестантское) движеніе среди православныхъ сербовъ Австріи».— «Новое Время», № 3677 (26 мая 1886 г.).

казенныхъ поселеніяхъ, обдирательные налоги и свѣжая память о пропагандѣ уніи вызвали это массовое движеніе, помимо манифестовъ Ракоци, и тѣмъ болѣе опасное для Вѣны, что оно прошло, затѣмъ, до самой Хорватіи, и очень легко, чрезъ земли, гдѣ еще такъ недавно, въ 1735 году, кипѣло возстаніе сербовъ подъ командой знаменитаго Перы Сегедница, съ трудомъ погашенное кровавыми «изрядными учрежденіями», о которыхъ упоминалось выше. Наконецъ, такое же народное движеніе, съ симпатіями къ туркамъ, открылось позже и въ императорской Сербіи, за Дунаемъ.

Конечно, на оффиціальномъ языкѣ это массовое движеніе православныхъ противъ ихъ оффиціальнаго отечества было извѣстно подъ именемъ разбойничьяго, какъ у насъ движеніе гайдамакъ. Оно было усмирено, но оно, въ своей румынской части, было предвѣстникомъ болѣе грандіознаго движенія позже — движенія Горы (Нога) въ Трансильваніи, героя народной пѣсни Судьба же сербовъ была — малиться *).

Только въ іюнѣ, т. е. одновременно съ Минихомъ, открыли свое наступленіе и австрійцы. Главныя силы были собраны у Карансебеша (Лугосело, Лугошъ), тогда какъ у Бѣлграда была особая армія гр. Валиса. Кенигсекъ направлялся къ границамъ бывшей императорской Валахіи и 19 іюня былъ у Слатины. Это движеніе нимало не устрашило турокъ, которые, перебросивъ мостъ чрезъ Дунай выше Видина, у Фетъ-Ислама, занимались спокойно осадой Оршовы, и они сами двинулись на встрѣчу.

У Корни (Cornia) 23 іюня и произошла эта встрѣча.

Австрійцы стояли на возвышеніи, и турки по равнинѣ, вдоль дороги изъ Мехадіи, стремительно аттаковали ихъ. Они

*) С.-Петерб. Вѣдомости жаловались (№ 103), что между Вѣною и Бѣлградомъ возможно сообщеніе только съ военнымъ конвоемъ.—La-Lande смотритъ, конечно, съ точки зрѣнія оффиціальной, говоря, что къ туркамъ пристали «vagabonds du Bannat qui se disoient sujets et troupes de Ragotski» (Histoire, V, 35). Собственно дѣла съ Ракоци возставшіе не имѣли: тотъ подымалъ господъ. Правильнѣе объясняетъ дѣло другой современникъ, ген. Шметау: «выше мѣры налоги на крестьянахъ въ казенномъ вѣдомствѣ—ce qui fit, que les Turcs les trouvèrent tres disposés à la revolte et se demettre du joug de l'empéreur» (Mémoires secrets, 152). Но и по Eph. Dac. II, 74, Ракоци для народа— спаситель отъ «нѣмецкаго ига»

прорвались въ самый центръ австрійскаго лагеря, и самъ герцогъ Лотарингскій едва спасся изъ своей палатки. Но на правомъ флангѣ турки потерпѣли неудачу и послѣдовало общее бѣгство. 28 іюня сдалась Мехадія, турки сняли осаду Оршовы и австрійцы стали лагеремъ у Топлицы на р. Черной *). Тогда же освѣжились вылазки изъ Трансильваніи и оробѣвшій старый грѣшникъ, Маврокордато, поспѣшилъ вонъ изъ Бухарешта **).

Битва 23 іюня и была той «немалой викторіей», которая подкрѣпила Миниха въ его надеждѣ на послѣднюю акцію за Днѣстромъ.

Легко себѣ представить, какъ почувствовала себя обездоленная Вѣна при словѣ — бѣгство турокъ. Ликующее чувство охватило и улицу и вызвало новыя вспышки грубаго фанатизма. «Нельзя изобразить, свидѣтельствуетъ очевидецъ, той радости, которую проявляли при этомъ случаѣ дворъ, столица и народъ». Дѣйствительно, ликованіе улицы заключилось попыткой разнести домъ, все сидѣвшаго у себя подъ арестомъ, злополучнаго Секендорфа. Толпа кричала выдать ей «еретика, друга дьявола и турокъ» ***). Но были рады и въ Петербургѣ, гдѣ извѣстіе о побѣдѣ было получено только 19 іюля. «Царица, доносилъ Рондо, съ величайшимъ удовольствіемъ услышала о добромъ успѣхѣ императорскаго оружія. Мнѣ кажется, что и на взглядъ Бирона и русскихъ министровъ эта побѣда имперцевъ надъ Портою дѣло съ самыми крупными послѣдствіями, и они надѣются, что она значительно подвинетъ конецъ настоящей губительной войнѣ, такъ-какъ здѣсь на-дняхъ получено письмо отъ господаря Молдавіи отъ 29 іюня (конечно, въ это время онъ

---

*) Mémoires secrets, 153—162. Keralio, Histoire... II, 61—62. Ср. Hammer, Geschichte..., XIV, 417. Данонтесъ обходитъ молчаніемъ пораженіе турокъ у Корни. Побѣда стоила дорого: однѣхъ головъ было принесено въ турецкій лагерь болѣе 1200. По Вильневу, мостъ у Іслама только 17-го іюля. (Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 760). О взятіи турками Ужицы и послѣдовавшемъ истребленіи ими сербовъ — см. указ. лѣтопись францисканца — Glasnik zem. Mus, 1889, IV, 131.

**) Ephém Daces, II, 109.

***) La-Lande, Histoire.., V, 26. По словамъ Шметау, толпа кричала: «проклятый собака, проклятый Богомъ и всѣми святыми». (Mémoires secrets, 160). Плоды — отъ заботъ іезуитовъ...

уже зналъ о побѣдѣ надъ турками), въ которомъ онъ изъявлялъ желаніе возобновить переговоры для прекращенія войны» *).

Сдѣланный выводъ изъ желанной комбинаціи упредилъ дальнѣйшія, роковыя событія. Онъ былъ поспѣшнымъ. Да и самая «акція» 23 іюня, какъ показали ближайшіе дни, оказалась далеко не «важной». Но пока и Минихъ все находился подъ впечатлѣніемъ ея.

---

20 іюля Минихъ оставилъ Саврань, чтобы чрезъ небольшой водораздѣлъ войти уже въ область притоковъ Днѣстра: Молокиши, Билочи, Каменки и др. **). Кругомъ богатая природа, но всюду однѣ помѣхи. «Армія, доносилъ Минихъ, принуждена была 20 іюля при вершинахъ Савраня многіе трудные дефиле, горы и лѣса, гдѣ воды, какъ для людей, такъ и для скота, въ близости не было, переходить, и потомъ, 21 іюля, маршъ свой безостановочно продолжала далѣе». Но Минихъ не предвидѣлъ, какія трудности ожидали его впереди, у самаго Днѣстра, на роковомъ, какъ оказалось, берегу.

Богатый черноземъ идетъ отъ Попелюхъ и Говоровки на Билочи на западъ къ Днѣстру, къ «побережчинѣ». Растилающаяся высокая равнина, верстъ въ 30, прорѣзывается, почти параллельно, мелкими, но многочисленными, притоками Днѣстра, съ ихъ узкими, глубоко всаженными въ землю, ложами. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ черноземный покровъ становится жиже, тоньше; мѣстами видны небольшіе и громадные валуны, разбросанные межь полянокъ, и, наконецъ, обнажается настоящая почва — скала, бѣлый, какъ мѣлъ, известнякъ.

Кругомъ чудныя поля, чередующіяся съ полосами то частаго, то рѣдкаго лѣса, среди котораго чернѣетъ въ разбросъ высокая фигура дуба. Не одинъ изъ этихъ вѣковыхъ старожиловъ, въ

---

*) Депеши отъ 22 іюля, ср. выше.

**) Молокишь, при впаденіи въ Днѣстръ съ селомъ того же имени, сѣвернѣе м. Рыбницы. Билочь (Бѣлочь), также съ селомъ того же имени и тамъ же, ниже м. Рашкова, стоящаго у впаденія Владыпки. Каменка выше, съ м. Каменкой. (Geogr. General-Karte der Gränzen zwischen denen 3 Kaiserthümern, von T. I. Maire; ср. Труды ист.-ст. Комитета Подольской эпархіи», вып. IV, VI—VII). У Лаланда — Caminka (V, 43).

своей юности, видѣлъ около себя солдатъ Миниха. Но, въ виду условій почвы: черноземъ, покоющійся на каменной глыбѣ, вообще скудость воды; она ютится въ разсѣлинахъ близъ притоковъ или на большой глубинѣ *)

Но задернутое черноземомъ каменистое плато, подойдя къ Днѣстру, круто обрывается: берегъ — словно выточенная отвѣсная каменная стѣна, рѣдкой бѣлизны, съ который соперничаетъ глубоко внизу струящійся свѣтлый Днѣстръ, извивающійся змѣей, глубокій и широкій. Противоположный, бессарабскій, берегъ—таже высокая, отвѣсная скала, такъ что могучая рѣка схвачена здѣсь какъ бы въ каменные тиски и рвется высвободиться изъ нихъ. Высокіе берега скрадываютъ широту рѣки и кажется, что рукой подать отъ одного берега къ другому: они какъ бы сливаются. Только неизмѣнный «сусуекъ» молдавана (полевой амбаръ изъ прутьевъ) обозначаетъ берегъ бессарабскій, какъ на нижней долѣ Днѣстра — курганъ. Спусковъ никакихъ, кромѣ тѣхъ, что съ притоками, крутыхъ, неудобныхъ.

Очевидно, мѣсто для переправы было выбрано совсѣмъ неудачно. Минихъ могъ дойти до Днѣстра, но только затѣмъ, чтобы сдѣлать нѣсколько трудныхъ поперечныхъ движеній и отойти назадъ, чтобы только не повторить собою положенія Петра на Прутѣ. Миниха могла соблазнить вѣковая слава Рашкова, какъ искони излюбленнаго пункта для вторженій въ Бессарабію изъ Подоліи и обратно. Но могла заставить выбрать это южное направленіе, у границы Валашской Татаріи, и декларація 22 марта, требовавшая щадить земли союзной Польши. Но въ Петербургѣ выборъ этого злополучнаго мѣста встрѣченъ съ привѣтомъ: предносилась картина совсѣмъ иная. «Я, доносилъ Рондо 15-го августа, слышалъ, что Днѣстръ въ этомъ мѣстѣ переходятъ въ бродъ, почему турки и вывели укрѣпленія — не допустить до перехода» **). Очевидно, никто не зналъ географическихъ условій мѣстности.

---

*) Такъ въ богатомъ и многовѣковомъ селѣ Студенной, верстахъ въ 12 предъ Каменкой (чрезъ него, кажется, проходилъ Минихъ, см. ниже)— вода получается только изъ чрезвычайно глубокаго колодязя.

**) Депеши, ор. с., № 171, отъ 15-го августа. Конечно, на Днѣстрѣ есть броды; но и при мелководьѣ воды на $1^1/_2$ арш. Ср. «Памятная книжка Бессараб. Области на 1862 г.», Кишиневъ, 1862, 183. Самое узкое мѣсто

Оставляя Саврань, Минихъ получилъ сообщеніе отъ поляковъ, что впереди, по Молочи, его ждутъ аккерманскіе татаре султана Али-Гирея; но они же, по словамъ плѣнныхъ, «намѣреніе имѣютъ ея в-ву поддаться, ежели съ турками въ баталіи несчастіе учинится». Повторялось извѣстіе прошлаго года. Но турки еще за рѣкой, а пока они сами явились источникомъ большихъ непріятностей. Почти каждый шагъ впередъ, каждый шагъ «приближенія», въ этомъ избранномъ уголкѣ Подоліи стоилъ Миниху огромнаго труда.

Сначала татаре пытались остановить Миниха у Гура-Гилоцки; но огонь русской артиллеріи заставилъ ихъ быстро отступить *), и они измѣнили пріемъ.

«Непріятеля первое намѣреніе, доносилъ Минихъ, чтобъ россійской арміи всегдашними безпокойствами: отгнаніемъ скота, отнятіемъ и сожженіемъ травы, въ приближеніи къ Днѣстру препятствовать». Почти тѣми же словами говоритъ объ этомъ маршѣ Дапонтесъ **).

Медленно, но мы приближались, борясь съ трудностями природы и упорнымъ врагомъ, изнемогая отъ іюльскаго зноя. «На томъ мѣстѣ, продолжаетъ свое донесеніе Минихъ, уже армія въ водѣ недостатокъ имѣла; но и въ трудныхъ буеракахъ непріятель не только нималой остановки учинить не могъ, но самъ вчерашнимъ числомъ (т. е. 23 іюля) въ третій разъ отогнанъ, такъ что ежелибъ Днѣстръ между нами не былъ, тобъ турки предъ

ниже Ямполя, въ 21 саж. Въ 1620 году гетманъ Жолкѣвскій, вторгаясь въ нынѣшнюю Бессарабію, перешелъ Днѣстръ въ бродъ. сейчасъ у Сорокъ. (Hurmuzaki, Docum., S. II., v. II, № 231). Минихъ-сынъ въ своихъ «Запискахъ» обвиняетъ запорожцевъ, что они завели и подвели къ невозможному для переправы мѣсту (р. 132) Конечно, запорожцы своимъ опытомъ могли быть полезны: мы видѣли, они шли въ авангардѣ. По дѣлать «диспозиціи», да еще такія, о несомнѣнномъ успѣхѣ которыхъ самъ Минихъ предрекалъ уже давно, еще на Саврани, они не могли. Самоувѣренность Миниха—первая причина. А картографія у насъ была примитивная: мы видѣли, только на четвертый походъ Ласи имѣлъ точную карту Крыма, но сдѣланную имъ самимъ. Раньше Миниха, въ іюнѣ, на Рашковъ собирались гайдамаки. (Архивъ Юго-З. Р. III, № 144).

*) Ephém. Daces, II, 113.

**) Ephém. Daces, II, 114.

нами немного стоять имѣли — токмо бъ принуждены были чрезъ Божію помощь вскорѣ назадъ отступить» *).

Очевидно, аккерманскіе татаре дрались упорно, не подпуская къ Днѣстру. Но послѣ третьей акціи, уже и съ арапами, мы еще болѣе приблизились къ Днѣстру: за рѣкой открылся и самый турецкій лагерь, который, по увѣренію Миниха, если уцѣлѣлъ, то только благодаря рѣкѣ. Правильнѣе говоритъ Минихъ-сынъ, что отецъ совсѣмъ неожиданно наткнулся на расположеніе турокъ **). Но въ Петербургѣ стычка 23 іюля была оповѣщена, какъ великая побѣда ***). «Приближеніе» шло къ концу, и у Миниха впереди однѣ самыя свѣтлыя перспективы. «Вчерашняго дня, пишетъ онъ съ Билочи Неплюеву 24 іюля о той-же битвѣ, третья счастливая акція надъ непріятелемъ, который, имѣя турецкій лагерь въ нашемъ виду на той сторонѣ Днѣстра, уже больше турокъ, арнаутовъ и прочихъ (въ томъ числѣ и арановъ) въ прибавленіи имѣлъ, получена съ Божескою милостію. Не распространяя, но объявляя вкратцѣ, отъ сердца моего поздравляю, з желаніемъ, да даруетъ Вышній и до конца того непріятеля побѣдить и искоренить и тѣмъ желаемый ея в-вомъ миръ получить».

Но чрезъ день аккерманскіе татаре оправились и аттаковали насъ въ арьергардѣ, «дешператно». Наконецъ, только 27 іюля (послѣ семидневнаго перехода 30 верстъ) Минихъ разбилъ лагерь вблизи самаго Днѣстра, на высокомъ береговомъ обрывѣ. Напротивъ. чрезъ рѣку, расположенъ былъ турецкій лагерь, состоявшій изъ тройнаго ряда редутовъ съ орудіями ****). Теперь наступалъ вопросъ о переправѣ. Любопытно, съ какимъ

---

*) «Ежели-бъ не ночь, всѣхъ татаръ загнали-бы въ Днѣстръ», говорится въ указ. чешскихъ календаряхъ на 1739 г., въ разсказѣ о битвѣ 23 іюля, на рѣкѣ Билочи (въ текстѣ Бѣлокичь)

**) Die Memoiren, 132.

***) Рондо, Депеши, ор. с., № 176. Въ текстѣ правильно—р. Билочь.

****) Ephem. Dac., II, 114. Турецкій лагерь стоялъ, вѣроятно, у нынѣшн. села Солончены, Оргѣев. уѣзда. На картѣ 1757 года это село носитъ еще свое старое имя: Солонецъ (Solonec). Но на картѣ юго-восточной Европы 70-хъ (?) годовъ прошлаго столѣтія (рабская, отъ руки, русская копія ея въ Музеѣ И. Од. Общ. Ист., подъ № 1/38) также Солончены. Солончены уже родовое имя, во мн. ч., отъ ед. Солончанъ, какъ напр. Суручены отъ Сручанъ, согласно свойству молдавскаго языка.

восторженнымъ чувствомъ отмѣтили этотъ моментъ — Минихъ предъ Днѣстромъ — знакомые намъ убогіе чешскіе публицисты, выпуская въ началѣ сентября въ свѣтъ свои календари для народа. «Итакъ, заключали они свой политическій годовой обзоръ, русская и турецкая арміи столь близки одна къ другой, что одинъ Днѣстръ межъ нихъ, и они могутъ обстрѣливать другъ друга. Въ будущемъ же больше послѣдуетъ». Легко видѣть, чѣмъ эти издатели желали бы заполнить будущія страницы своихъ книжекъ — блестящимъ успѣхомъ Миниха у Днѣстра, между Молокишью и Билочью.... Но не суждено было исполниться ихъ доброму желанію.

И двухъ дней изнуренная армія не могла хоть нѣсколько спокойно провести и отдохнуть въ своемъ приднѣстровскомъ лагерѣ. Русская артиллерія, по словамъ Дапонтеса, причиняла большой вредъ туркамъ; но они на челнахъ переправлялись чрезъ Днѣстръ и смѣло нападали на русскія укрѣпленія *). 29 іюля была, по словамъ Миниха, новая «счастливая акція», только за нею — послѣдовало отступленіе. Днѣстръ погибалъ....

«По учиненному, доноситъ Минихъ, въ ночь на 29 число на ретранжементы предъ турецкимъ лагоремъ отъ ген. Левендаля изъ пушекъ и мортиръ кононированію, артиллерія паки, безъ помѣшанія непріятеля и безъ всякаго урону, въ лагорь приведена. А понеже непріятеля отъ Днѣстра превосходящимъ огнемъ отбить и на ту сторону перейти не можно: ибо онъ свой лагорь у Днѣстра тройными шанцами укрѣпилъ, а берега по сей сторонѣ весьма крутые, высоки и каменисты, и въ фуражѣ былъ недостатокъ, — того для армія, 29 іюля выступя, слѣдовала по рѣкѣ Билочѣ».

Говоря просто, попытка сбить турецкіе окопы и форсировать переправу была неудачна: природа была прямо противъ насъ, и лагерь нашъ сейчасъ же оставленъ.

Раннимъ утромъ 30 іюля показался непріятель на правомъ флангѣ, переправившись чрезъ Днѣстръ ниже, чтобы обойти и окружить Миниха. Наше внезапное отступленіе, по словамъ хрониста, поразило турокъ, и янычары массами поспѣшили на лѣвый берегъ **). Такимъ образомъ, забота Миниха, когда онъ сейчасъ же

---

*) Ephém. Daces, II, 114—115.
**) Тамъ же, II, 145.

взялъ направленіе на р. Рашковку (Владынку), «дабы тѣмъ непріятелю изъ его ретраншементу выйти поводъ дать», была напрасна: непріятель самъ бросился на насъ. Правда, Минихъ снова поздравляетъ Неплюева съ «новымъ авантажемъ»: нападеніе было отбито. Но мы были буквально окружены штурмующими татарами и турками, и вынужденное движеніе вверхъ, вдоль Днѣстра, въ пересѣченной крутыми спусками мѣстности, было ужасно *). А іюльскіе жары въ этихъ мѣстахъ Днѣстра, особенно въ спертыхъ рѣчныхъ долинахъ, единственные въ своемъ родѣ—едва не тропическіе.... Акція была, но не та и не тамъ.

«Съ 1 августа, доносилъ Минихъ, армія чрезъ трудныя дефилеи маршъ свой вверхъ по Днѣстру до рѣчки Каменки продолжала. Хотя непріятель, особливо конница турецкая и татаре, ежедневно напереди и сзади арміи показывались и разныя малыя нападенія, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ чинили, однако-жъ всегда съ урономъ отбиты. 6 августа армія въ лагерь по рѣчкѣ Каменкѣ вступила, гдѣ воды и корма довольно нашли» **).

Опять семь дней тянулся небольшой переходъ отъ Молокиши къ Каменкѣ, верстъ въ 50. На каждомъ шагу приходилось отбиваться отъ жестоко наппиравшаго непріятеля, а тутъ все спуски да подъемы, въ удушливыхъ, каменистыхъ долинахъ Билочи, Владынки и Каменки. Изнуренные люди массами попадали въ плѣнъ, особенно при необходимыхъ фуражировкахъ. Отступленіе отъ Днѣстра, показывалъ позже одинъ драгунъ, спасшійся изъ плѣна, было тяжелое: кругомъ гарцовали турки и татаре; припасовъ никакихъ; одна надежда на фуражировку; но тутъ-то и перехватывалъ непріятель людей ***).

---

*) О военныхъ дѣйствіяхъ—С.-Петерб. Вѣдомости, 1738, № 67. Приложенія. Ср. отрывки изъ Записокъ русскаго очевидца, Пацокина, въ «Исторіи л.-гв. Преображен. полка», А. Чичерина, т. II, 48–51. Реляціи Миниха переведены у Лаланда (ор. с.) и въ указ чешскихъ календаряхъ.

**) С.-Петерб. Вѣдомости, 1737, № 67.

***) Русск. Старина, 1897, января 17, показаніе драгуна Дорфа въ 1717 г. Изъ Аккермана Дорфъ былъ проданъ въ Килію, откуда и бѣжалъ. По словамъ Дапонтеса, плѣнныхъ было 10 тыс. (Ephém. Daces, II, 120) Ср. Keralio, Histoire..., II, 21–23. Тогда же и въ Молдавіи и въ Подоліи уже была чума (П. С. З. Р. И., № 7772). Слѣдовательно, положеніе арміи

Но для облегченія отступленія по невозможнымъ яругамъ Миниху пришлось пожертвовать частью обоза и даже тяжелою артиллеріею.

Правда, самъ Минихъ это обстоятельство отрицаетъ. «Что же непріятель разглашаетъ, писалъ онъ Вильневу съ похода, въ сентябрѣ, якобы не только бомбы, но и пушки во время нашего марша брошены и ими найдены, то это — истинная ложь. Отъ арміи ея в-ва, кромѣ нѣсколькихъ излишнихъ бомбъ, для убавки въ тамошнихъ трудныхъ мѣстахъ тягости, ни единой малой пушки не брошено, но всѣ назадъ въ границы въ цѣлости приведены, каковой лжи и поляки, уповаю, засвидѣльствовать не могутъ, близь жилищъ которыхъ только бомбы были брошены. Итакъ, въ опровержение таковой лжи, безсумнѣнно, ваше пр-во потребнаго пріятелямъ внушенія учинить не оставите». Но тотъ же Минихъ, возражая на требованіе позже Австріи пойти назадъ, въ Трансильванію, указывалъ, что лафеты зарыты близь Днѣстра, а осадныя орудія болѣе не существуютъ *). Затѣмъ, и мимо поляковъ, есть свидѣтель противъ Миниха.

«По дорогѣ, пишетъ Дапонтесъ, заботливо внося въ свой дневникъ извѣстія съ Днѣстра, русскіе сжигали на каждомъ этапѣ 50—60 возовъ, закапывали въ землю порохъ, пушки, военные снаряды, потому что отъ недостатка фуража погибла масса скота и его не хватало для упряжки» **).

Розыскъ нашихъ пушекъ тотчасъ-же открылся среди турокъ, подъ спеціальнымъ руководствомъ нашего нескаго медіатора, князя Гики, но не приведшій, впрочемъ, ни къ чему ***).

нашей въ санитарномъ отношеніи было опасное. Остерманъ въ сентябрѣ жаловался предъ Рондо на чуму, что опасеніе ея разстроило всѣ планы, и Рондо готовъ думать, что отступленіе Миниха отъ Днѣстра не безъ участія чумы. (Депеши, ор. с., № 179; ср. № 170).

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, XX, 140. Письма Миниха см. выше.

**) Ephém. Daces, II, 120. О гибели скота—Рондо, ор. с., № 185.

***) Занося подъ 27 августа о живѣйшей пріязни, съ которою встрѣчали поляки аккерманскаго султана, Али-Гирея, Дапонтесъ прибавляетъ, что Гирей, отказавшись отъ преслѣдованія Миниха, на пути въ Рыбницу и Бендеры приказалъ 2 мурзамъ «принять всѣ мѣры, чтобы отыскать

Среди относительнаго довольства на Каменкѣ армія простояла недолго и продолжала отступленіе на знакомую дорогу, къ верховью Саврани, на Попову Греблю, что̀ выше Крутыхъ *). Съ возрастающимъ ожестоженіемъ преслѣдовали ее аккерманскіе татаре: врывались въ ряды, выхватывали людей. Съ огромнымъ трудомъ, съ большими потерями достигли, наконецъ, войска Буга и перешли его, ниже Тростянца. Естественно, если Минихъ, по своему обычаю, не очень точенъ, рисуя картину второй половины отступленія—«бѣгства», какъ выражался теперь ликующій Маврокордато и его хронистъ. «Хотя, пишетъ Минихъ Неплюеву 14-го августа, на другой день послѣ перехода чрезъ Бугъ, непріятель почти ежедневно показывался, однако всегда съ урономъ отбитъ, и нынѣ маршъ свой при всякомъ довольствѣ продолжаемъ».

Какъ разъ въ это время въ столицѣ (адъютантъ Миниха съ извѣстіями о побѣдахъ прибылъ въ Петербургъ 11-го августа) ликованіе: молебенъ, пальба **). Немного раньше, 1-го августа, даже Остерманъ указывалъ Флери, что старыя мирныя условія были съ силою до начала военныхъ дѣйствій; но теперь, когда у союзниковъ на лице успѣхи, визирь долженъ будетъ пѣнять самъ на себя, «если тѣ условія потерпятъ нѣкоторое измѣненіе ***). Сами турки не сразу повѣрили пораженію и отступленію Миниха. Первое извѣстіе объ этомъ, полученное отъ Гики, встрѣтили, по словамъ Вильнева, и въ лагерѣ визиря, и на Босфорѣ съ недовѣріемъ; мало того, пошли слухи, что уже и Ласи соединился съ Минихомъ для общаго наступленія за Днѣстръ ****).

пушки и другія вещи, закопанныя русскими». (Тамъ-же, 122). Еще позже, подъ 3 октября, онъ заносилъ: «Изъ Бендеръ получено извѣстіе, что особый гонецъ посланъ къ кн. Гикѣ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Каменку и далѣе, для отысканія пушекъ и снарядовъ, закопанныхъ русскими» (p. 135). Подъ 19 октября: «по извѣстіямъ изъ Бендеръ, кн Гика не могъ найти закопанныхъ русскими пушекъ» (p. 145). Ср. p. 218.

*) У Дапонтеса — Giazul Popii (II, 117); на картѣ Maire'a: Popova Greblia. (Giaz-ul изъ слав. язъ). Минихъ-сынъ въ «Запискахъ» утверждаетъ, что отецъ при отступленіи отъ Молокиши вверхъ по Днѣстру дошелъ почти до Хотина (133). Но отъ Каменки очень далеко до Хотина.

**) С.-Петерб. Вѣдом., 1738, № 67.

***) Сб. И. Р. И. Общ., т. 86, 28—29.

****) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 767, отъ 6 сент. (н. ст.).

Отъ Буга армія пошла на Кіевъ, напрямикъ, чрезъ богатыя части Польши. 29 августа Минихъ былъ въ Грановѣ; 9 сентября онъ пишетъ Неплюеву съ Тикича, что «маршъ все продолжаемъ», и только 12 сентября онъ былъ при рѣчкѣ Бояркѣ, въ своихъ предѣлахъ. Маршъ былъ медленный. Но «всякое довольство» стоило опустошенія многихъ селъ по пути *).

Но унылымъ Минихъ въ Кіевъ не прибылъ. Онъ испросилъ у императрицы одобренія своихъ дѣйствій въ минувшимъ «деликатномъ дѣлѣ» и получилъ. Чтобы ослабить впечатлѣніе отъ неудачи, онъ теперь удостовѣрялъ, что драгуны и солдаты бѣжали и удержать ихъ могла только одна надежда на возвращеніе домой **). Объ отчаянномъ бѣгствѣ солдатъ, даже прямо къ туркамъ, чтобы только спастись отъ голода, говоритъ Дапонтесъ ***). Добравшись съ такимъ трудомъ до тихаго пристанища, съ арміей разстроенной, Минихъ, безъ особеннаго усилія, могъ отклонить настоянія «тѣснаго союзника», дѣла котораго, какъ мы увидимъ сейчасъ, пошли, послѣ удачи на мгновеніе, весьма скверно — идти ему назадъ въ Трансильванію и спасать,

---

*) По заключеніи войны гетм. Потоцкій, Любомірскій жаловались въ Петербургѣ на разореніе своихъ «добръ» русскими войсками при слѣдованіи арміи отъ Буга къ Днѣстру и затѣмъ при отступленіи вверхъ по Днѣстру, въ іюлѣ и августѣ 1738 года, и представили списокъ тѣмъ разореннымъ мѣстамъ: городъ Рашковъ, село Билочи, с Серщинцы, Грабово, слободка Писаревка, с. Сербы, Берштанкова, Строенко, Студеный Лугъ (теперь — Студенна, на пути къ Каменкѣ), Каменка, Христовая, Богтанъ (!), Дмитрушково, Чичельникъ, Кузминъ, Загнегьково, Монастырищи, Подолино, Христице, Старая Вербка, Грушька, мѣст. Кирницъ, Гробусовка, Аршанка, Новая Вербка, Еланецъ, Кочковка, Клинбовка — 28 названій. Тогда же они предложили и списокъ селъ, разоренныхъ татарами въ ту же кампанію 1738 т. и раньше, съ 1736 г.: Плоть, Крутые и пр., итого — 90 названій (М. Г. А. М. И. Д., Тур. дѣла, 1738 г., 39/1 № 11). По словамъ Миниха (Memoiren, 133), Потоцкому мы отвѣчали: «нужда законъ мѣняетъ». Но позже уплатили, чтобы утишить поднявшійся шумъ въ республикѣ. О разореніи въ походъ 1738 г. деревень вспоминаетъ еще въ 1769 г. Румянцевъ. (Рус. Арх., 1882, I, 76).

**) Соловьевъ, XX, 140.

***) Ephém. Daces, II, 122.

хотя въ Вѣнѣ въ успѣхѣ этихъ настояній почти не сомнѣвались *).

Грустно окончилась миссія у Миниха: «искорененіе» турка, освобожденіе Молдавіи. Если Флери, въ отвѣтъ на письмо Остермана отъ 1-го августа, съ его нѣсколько приподнятымъ тономъ, жаловался на противорѣчивыя показанія газетъ о кампаніи, а онѣ-де его единственный источникъ, и заключалъ сердечнымъ пожеланіемъ полныхъ успѣховъ оружію Россіи, то кардиналъ видимо щадилъ самолюбіе собесѣдника и утаивалъ свое мнѣніе **). Но у насъ таить дѣйствительность можно было только про себя, а при желаніи — и очень долго. Сторона же рано проникла въ правду, и тотъ самый Рондо, который еще такъ недавно былъ горячимъ участникомъ надеждъ Миниха, сейчасъ разочаровался — какъ скоро явилась возможность оффиціальныя сообщенія провѣрить частными, съ мѣста, свѣдѣніями. По поводу «великой побѣды» (great victory) у Билочи Рондо замѣчаетъ: «такъ, милордъ, угодно русскимъ министрамъ разсказывать предъ нами; но по моимъ секретнымъ извѣстіямъ изъ арміи, великія битвы, о которыхъ столько кричатъ, однѣ простыя стычки; кажется, дѣла въ тѣхъ мѣстахъ совсѣмъ не идутъ такъ хорошо, какъ это желаетъ здѣшній дворъ представить публикѣ». А далѣе — ужь совсѣмъ худо.

Но уже съ прямымъ злорадствомъ относился къ неудачѣ Миниха австрійскій товарищъ Рондо, помня, что на міру и смерть красна. Въ глаза дозволилъ себѣ какъ-то сказать Бирону гр. Остейнъ, что онъ не видѣлъ, чтобы русскіе въ теченіе кампаніи оказали какіе-либо подвиги: «много нашумѣли, а убили

---

*) Въ половинѣ сентября 1738 г. Военный Совѣтъ въ Вѣнѣ писалъ кн. Лобковицу, командующему генералу въ Трансильваніи, что императоръ, въ виду того, что армія Миниха, какъ надо думать, уже отступаетъ и собирается на зимнія квартиры, затребовалъ у царицы послать ему корпусъ въ 15—20 тысячъ, прямо чрезъ Польшу въ Трансильванію; что Совѣтъ извѣщаетъ князя объ этомъ напередъ, на тотъ конецъ, чтобы ни въ чемъ не было недостатка по продовольствію и что князю было-бы весьма кстати писать лично къ Миниху, прося извѣстить его, князя, о времени прибытія русскихъ войскъ. (Hurmuzaki, Documente, v. VI, № 793).

**) Сб. И. Р. И. Общ., 86. стр. 33.

счетомъ трехъ татаръ» *). Самъ Остерманъ и въ декабрѣ продолжалъ старое и все умалялъ значеніе пораженія Миниха. Отвѣчая Флери, онъ писалъ 14 декабря: «голова удавленнаго бендерскаго паши, бывшаго главнокомандующаго, указываетъ ясно, что успѣхи турецкой арміи на дѣлѣ весьма отличны отъ того, какъ объ нихъ оповѣщали турецкіе министры въ сочиненныхъ ими реляціяхъ для обмана черни» **). Но это были одни слова.

Тотъ же неуспѣхъ былъ и на побочномъ театрѣ войны, у Ласи. Комбинированное нападеніе на Крымъ съ суши и съ моря, Ласи и Бредаля, закончилось ничѣмъ: тоже отступленіе. А сколько было надежды, особенно на флотъ!

Чтобы ослабить впечатлѣніе на Западѣ отъ неудачи съ азовскимъ флотомъ, Остерманъ въ запоздаломъ, отъ 14 декабря, письмѣ къ Флери объясняетъ, что флота никакого не было, а были «выдолбленные стволы деревъ», для перевоза провіанта, что при неоднократной встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ, Бредаль вытаскивалъ свои стволы («лодки») на берегъ и ставилъ батареи. «Такая хитрость лодокъ (les lotki) продолжалась до исхода августа: съ славнымъ окончаніемъ перекопской экспедиціи турецкій флотъ отошелъ, а наша флотилія вернулась въ Азовъ» ***).

---

*) Рондо, Депеши, ор. с., № 176, 189.

**) Сб. И. Р. И. О., т. 86, стр. 51. Пащокинъ, участникъ злополучныхъ «диспозицій» Миниха по вторженію за Днѣстръ, въ оставленныхъ Запискахъ даетъ однѣ картины тяжелаго отступленія и не затемняетъ правды, какъ это въ реляціяхъ Миниха. Свои Записки Пащокинъ могъ-бы заключить словами участника такого же вторженія за Днѣстръ, но польскаго, изъ XVII в., несчастной экспедиціи знаменитаго Жолкѣвскаго подъ Цецору въ 1620 году: «bodaj się była ta Wołoska ziemia pirwej zapadła, aniżiliśmy tam weyszli; szwanku tak wilkiego... nigdy Korona Polska nie odniosła». (Hurmuzaki, Docum., S. II, v. II, № 231).

***) Сб. И. Р. И. О., т. 86, стр. 52 - 54. О флотиліи Бредаля, какъ и вообще о судостроеніи на Дону и Днѣпрѣ, вызванномъ войной съ Турціей, см. «Матеріалы для исторіи русскаго флота», Ѳ. Веселаго, ч. VI, отдѣлъ I: О судостроеніи на Дону и о донской флотиліи съ 1723 по 1741 г.; отдѣлъ II: О судостроеніи въ Брянскѣ и о днѣпровской флотиліи. Всего 10 частей, изданіе оффиціальное, отъ морского штаба. Извлечено изъ крупныхъ и мелкихъ дѣлъ въ архивѣ адмиралтействъ — коллегіи. Усердный трудъ Веселаго вызвалъ, по меньшей мѣрѣ, странную статью на страницахъ «Морскаго Вѣстника», 1882 г., августъ и ноябрь: «Русскій флотъ и

Конечно, «човны», однодеревки — не для пушекъ; но на дѣлѣ были чайки, годныя и для моря.

Что же касается «славнаго окончанія», то хотя въ іюнѣ черезъ Сивашъ Ласи и вошелъ въ Крымъ; но уже 6-го іюля, съ приближеніемъ татаръ, на военномъ совѣтѣ положили: въ виду недавняго опыта, при безкормицѣ, безводіи, внутрь полуострова не итти, а отступить къ Днѣпру. Укрѣпленія Перекопа были взорваны *).

Обстоятельства фатально складывались для насъ, а чрезъ немного времени взорвемъ мы и Очаковъ. Но тоже отступленіе и на третьемъ театрѣ войны, у «тѣснаго союзника», и очень скоро послѣ удачнаго дѣла, или немалой викторіи подъ Корней.

Упоенные минутнымъ успѣхомъ, австрійцы покойно расположились на Черной рѣчкѣ: на виду Дунай, а далѣе—и искусительный Виддинъ. Но отдыхъ былъ коротокъ, пробужденіе тяжелое. Отъ Виддина получено было извѣстіе, что турки массами переходятъ Дунай у Фетъ-Ислама, и австрійцы быстро бросили Черную.

Среди ночной тьмы, скользкими тропинками поползла пѣхота по горамъ, пробираясь къ Мехадіи, но и отсюда она сейчасъ-же пошла далѣе и вышла на старую дорогу къ Корнѣ, оставивъ въ Мехадіи Беренклау. По пятамъ отступавшихъ горячо преслѣдовали турки. Съ трудомъ удерживалъ ожесточенный натискъ арьергардъ Гелфрейха. Вмѣстѣ съ турками усердно работали и возставшіе крестьяне Баната, отбивая богатые обозы, перехватывая отставшихъ.

Къ концу іюля, т. е. когда Минихъ приближался къ Днѣстру, изможденная и разрѣдѣвшая австрійская армія собра-

---

его управленіе въ царствованіе императрицы Анны». Исходя изъ дурного чувства, авторъ бѣшенно набрасывается на Остермана (онъ завѣдывалъ и флотомъ), обвиняетъ его за небывалое стремленіе «скрыть всяческую гадость», по флоту, и это въ «мрачную эпоху», когда «всѣ заботы нѣмецкихъ властелиновъ (!) были направлены исключительно (!) на корыстныя личныя цѣли» (авг. 99). Для автора Остерманъ—«уродъ нравственнаго міра» (ноябрь, 99, примѣч. 42). О Бредалѣ — Рондо, Депеши, № 178.

*) Рондо, Депеши, № 178. Письма Миниха къ Неплюеву—см. выше.

лась снова у Карансебеша, откуда еще такъ недавно, въ іюнѣ, двинулась было по пути на Видинъ. Въ тоже время отдѣльныя партіи татаръ врывались въ Трансильванію, а отряды босняковъ пытались проникнуть въ самую Хорватію. Въ заключеніе, по всему Банату и югу Венгріи чума; приходилось сжигать аммуницію, оружіе *).

Столь же плачевна была судьба и арміи, дѣйствовавшей за Дунаемъ, въ Сербіи. И у нея главная цѣль — Видинъ. Но далѣе Оршовы она не пошла, а въ половинѣ августа отступила къ Смедереву и Гроцкѣ, опасаясь обходнаго движенія на Бѣлградъ турокъ, къ которымъ присоединялись теперь сербы **).

Но въ слѣдъ за отступленіемъ сдалась и Оршова, 15-го августа, предъ осадившимъ ее Мехметомъ, пашею видинскимъ. Турки были въ восторгѣ. Великій визирь сейчасъ-же особымъ посланіемъ извѣстилъ Гику въ Яссахъ о паденіи крѣпости, «ключа Трансильваніи, Венгріи, Бѣлграда и Темешвара», и приказалъ господарю отпраздновать побѣду трехдневными торжествами ***). Но особенно ликовали босняки: «велика была радость среди турокъ по всей Босніи», записалъ мѣстный лѣтописецъ ****).

По паденіи Оршовы австрійцы должны были сейчасъ-же бросить Гроцку и поспѣшить въ недалекій Бѣлградъ, укрыться за его укрѣпленія. Но въ Бѣлградѣ ожидала ихъ, свирѣпствовавшая тамъ, чума. «Простыхъ и бѣдныхъ людей, сообщали С.-Петерб. Вѣдомостямъ изъ Бѣлграда, сія немочь захватила, и примѣтили, что сія прилипчивая болѣзнь отъ волоховъ, рацовъ (т. е. сербовъ) и жидовъ сперва пристала, а потомъ и

---

*) Данонтесъ, II, 124. Лѣтопись францисканца — Glasnik zem. Mus., 1889, IV, 132.

**) Въ С.-Петерб. Вѣдом., 1738, № 73—письмо изъ Вѣны, отъ 23-го августа: «турки съ рацами (т. е. сербами) намѣрены были Семендрію (Смедерево) аттаковать, но съ урономъ отогнаны». Но что было дѣлать сербамъ, когда австрійскія власти твердили имъ одно: «спасайтесь, какъ знаете», помимо того, что симпатій къ австрійской оккупаціи у нихъ никогда не было.

***) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I. № 764.

****) Glasnik zem. Mus., 1889, IV, 132. О паденіи Оршовы въ Босніи пошли тогда же легенды, что комендантъ измѣною предалъ крѣпость туркамъ, перешелъ къ нимъ и принялъ исламъ (тотъ-же лѣтописецъ, ib.).

далѣе распространилась» *). Едва войска расположились въ Бѣлградѣ, какъ показались на окружающихъ высотахъ турки, сбили передовые посты, и измученная пѣхота, среди ужасовъ чумы, должна была спѣшно работать надъ новыми укрѣпленіями. Конница и обозъ, какъ лишняя обуза, были переведены сейчасъ на венгерскій берегъ Дуная, къ Землину. Предмѣстья Бѣлграда стали добычею турокъ и, предвкушая легкую побѣду—достиженіе завѣтной цѣли, они смѣло наступали на передовые редуты. Участь Бѣлграда, казалось, была рѣшена. Но его спасли открывшіеся въ то время на мѣстѣ переговоры о мирѣ и остановка потому военныхъ дѣйствій. На Дунаѣ, какъ и на Днѣстрѣ, внезапно стало тихо и «до конца года ничего особеннаго не случилось», какъ не безъ душевнаго покоя отмѣтили въ своихъ изданіяхъ пражскіе публицисты **).

Эти переговоры подготовлялись уже давно.

Мы видѣли, въ половинѣ августа пала крѣпость Оршова. «Когда комендантъ Оршовы, доносилъ Вильневъ 30 августа, принесъ визирю ключи отъ крѣпости, то сопровождавшій его гр. Фирштенбергъ объяснилъ ему въ общихъ выраженіяхъ, что было бы желательно для интересовъ обѣихъ имперій окончить

*) 1738 г., № 93, 102, письмо изъ Бѣлграда. Но въ изв. чешскихъ календаряхъ на 1740 годъ о чумѣ не говорится.

**) Nowý hosp. a kanc. Kalendárz od K. F. Rosenmüllera na 1740 г., въ обычномъ «Hystorický wegtah z celo-roċnjch Nowin od srpna 1738». Описывая обстоятельно неудачу Миниха на Днѣстрѣ, чехи подчеркиваютъ, что главная причина—природа—«высокіе, крутые и полные скалъ берега, переправа была немыслима», затѣмъ, недостача въ пищѣ и фуражѣ, и высоко ставятъ всегда отраженія «храбраго (zmužilého) русскаго войска», а самъ Минихъ, не смотря на неудачу 1738 г., такъ и остался у нихъ съ титуломъ «мужественнаго героя и вождя побѣдоносной русской арміи» (statečný rek a wůdce). См. Kalendárz na 1741 г. Въ виду плачевныхъ успѣховъ, но прикрываемыхъ въ печати, своихъ генераловъ, имъ, конечно, пріятно было останавливаться чувствомъ все же на иного рода дѣйствіяхъ въ арміи русскаго союзника, хотя и не того они ждали раньше, въ моментъ появленія Миниха на Днѣстрѣ. Но современный австрійскій историкъ, Coeckelbergue, Histoire de l'empire d'Autriche, t. VI (Vienne, 1847), p. 177, пишетъ уже прямо: «русскіе (въ 1738 г.) одержали большія побѣды (avantages) въ Крыму и—Бессарабіи». Этого и ожидали чехи...

все миромъ. Визирь на это отвѣчалъ, что еще до выѣзда изъ Константинополя онъ обѣщалъ своему другу, послу Франціи, на границѣ объявить ему свои намѣренія, и это онъ сдѣлалъ, а потому они австрійцы, должны быть спокойны, такъ какъ французскій императоръ, единственный, къ кому Порта имѣетъ довѣріе, заинтересованъ въ ихъ пользу» *).. Но далеко имъ было до спокойствія.

Когда въ Вѣнѣ получено было извѣстіе о паденіи крѣпости, которая въ общественномъ мнѣніи считалась неодолимою **), столица приведена была въ тупое оцѣпенѣніе. Еще такъ недавно, въ счастливыя минуты побѣды у Корніи, она молилась на герцога Лотарингскаго; услужливые льстецы, по обычаю, заботливо сообщали изъ арміи чудеса о его доблестяхъ; вѣнское общество готово было уже видѣть въ немъ новаго Евгенія Савойскаго, и вдругъ —турки не только въ Оршовѣ, но вотъ-вотъ въ Бѣлградѣ. Всѣ всрысились и стали поносить не только старика Кенигсека, но и самого зятя императора. Подъ предлогомъ болѣзни герцогъ уѣхалъ въ Вѣну въ августѣ, но здѣсь едва успѣлъ отдохнуть, какъ въ началѣ сентября получилъ отъ Карла обширныя полномочія на заключеніе мира, возвратился назадъ и 10-го былъ опять въ Бѣлградѣ, гдѣ и открылъ переговоры съ визиремъ. «Къ визирю, говоритъ букарештскій хронистъ, прибылъ цесарскій гонецъ, съ пышнымъ посланіемъ отъ цесаря къ султану, которымъ объявлялось, что зять-герцогъ имѣетъ полномочія, при непосредственномъ участіи французскаго посла, заключить окончательный миръ». Визирь, дѣйствительно скромный, объявилъ перемиріе ***). Турецкія войска оставили Бѣлградъ.

Но, открывъ переговоры, герцогъ, подъ тѣмъ же предлогомъ болѣзни, опять уѣхалъ въ Вѣну. «Я лишній, писалъ онъ Карлу изъ Бѣлграда сейчасъ по возвращеніи, жалуясь на несогласіе своихъ генераловъ. Я не могу выразить, какъ чувствительно мнѣ положеніе в. в-ва, и это тѣмъ болѣе, что ему помочь нельзя». Но еще болѣе онъ былъ лишній въ Вѣнѣ, встрѣчая вездѣ дур-

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 765.

**) «Uneinnehmbar» — у Arneth'а: Maria-Teresia's erste Regierungsjahre, I, 44.

***) По Ephém. Daces, II, 136, это было якобы въ началѣ октября. Но тутъ ошибка.

ное чувство къ себѣ. На его бѣду, тогда же (6 октября) Марія Терезія разрѣшилась отъ бремени, но опять дѣвочкой, второй, и это рожденіе ввергло самого старика-Карла въ отчаяніе: къ турецкому горю теперь еще семейное. «Нельзя описать, говоритъ придворный исторіографъ, съ какимъ страстнымъ желаніемъ при дворѣ желали тогда рожденія мальчика — наслѣдника». Уже готовили бракъ второй дочери императора съ баварскимъ принцемъ, чтобы любимицу, Марію-Терезію, лишить престола *).

Вѣна, недавно ликующая и неистовствующая столица фанатизма, преобразилась въ скорбную вдовицу. Вездѣ была одна картина — глубокаго сокрушенія, и цесаря, и улицы. Ежедневно шли усердныя моленія по всѣмъ церквамъ Вѣны. На 3 октября было назначено всенародное пощеніе и покаяніе, а черезъ день —умилостивительная процессія по улицамъ, не только для столицы, но и для всего окрестнаго населенія **). Изъ-стари на долю Вѣны выпало—быть ареною быстро смѣняющихся сильныхъ душевныхъ эмоцій.

Правда, одно обстоятельство этихъ дней какъ будто улыбнулось удрученному цесарю. Это—смерть, и внезапная, опаснаго однимъ своимъ именемъ Ракоци (въ Видинѣ 30/10 октября). Изъ-за него турки хлопотали о Трансильваніи. Но на горизонтѣ показался сейчасъ же новый Ракоци, младшій братъ, воспитывавшійся во Франціи. Вспомоществуемый теперь Орликомъ, отказавшимся отъ русской амнистіи, «знаменитымъ козакомъ», «знатокомъ Польши, Молдавіи и татарскихъ границъ», Ракоци долженъ былъ тайкомъ пробраться въ Турцію, и Австрія принимаетъ всѣ мѣры — чтобы перехватить его ***). Слѣдовательно, венгерскій

*) Arneth, op. c. I, 44—45.

**) La-Lande, Histoire de l'emp. Charles VI, V, 38. Іезуиты, роковые руководители Австріи, инсценировали всѣ эти картины. Когда чрезъ немного лѣтъ, по уже по смерти Карла, былъ приглашенъ изъ Германіи въ университетъ извѣстный въ свое время экономистъ, Юсти, для чтенія камеральныхъ наукъ и полиціи, то ректоръ, внимательно подслушивая его свободомысленныя лекціи то у окна, то подъ дверьми, замѣтилъ ему однажды: «ваши науки ничего не стоятъ; Австрія безъ нихъ долго была счастлива; будь она только благочестива и молись, Богъ ее и безъ того благословитъ» (W. Roscher, въ Archiv für die sächsische Geschichte, VI B., 80—81).

***) См. Приложенія, VI. Въ обстоятельной статьѣ проф. F. Krones'a о Ракоци (Archiv für österr. Geschichte, B. 42 и 43), въ генеало-

вопросъ оставался въ своей роковой силѣ, очагъ революціи остался очагомъ *).

Но что особенно было фатально для Карла, такъ это безденежье. Если раньше онъ былъ небогатъ, то теперь сталъ совсѣмъ обездоленнымъ. Самъ гр. Остейнъ признавался Бирону, что положеніе императора отчаянное**). Гр. Старембергъ, нѣкогда, въ началѣ столѣтія, спасавшій финансы Австріи, былъ теперь немощный старецъ. Выпущенный принудительный заемъ въ Силезіи al pari потерялъ сейчасъ же 20%. Особый фондъ, изъ котораго ужо года шли средства на войну съ турками — духовенство, былъ теперь безъ силы. Наконецъ, неурожай—въ Силезіи и особенно въ жирной житницѣ Австріи — Моравіи, и тысячами старые солдаты (Bettelsoldaten) шатались по городамъ и угрозами выпрашивали подаяніе ***). Ко всему этому присоединилось

гической таблицѣ семьи Ракоци (42, p. 339) показаны два сына: Іосифъ, умершій 10 ноября (нов. ст.) въ Черноводѣ, и Георгій, умершій еще въ 1732 г. Но гдѣ же Ракоци младшій, столь напугавшій Вѣну послѣ смерти брата Іосифа, спутникъ Орлика?

*) Домашній врачъ умершаго Ракоци былъ заподозрѣнъ, по словамъ Дапонтеса, Ephém. Dac. II, 151, въ отравленіи князя, и долго сидѣлъ въ тюрьмѣ. Исторіографъ Арнетъ въ указ. соч., I, 60, странно удивляется, что изъ Вѣны неизмѣнно смотрѣли на Венгрію, что каждый день тамъ готова революція, и такъ поступали. Но Вѣна не ошибалась. Венгрія — историческая почва революціи, и венгерцы никогда не были похожи на «кроткихъ» славянъ — «holubičí národ». Утвержденіе венгерскаго епископа-историка, М. Хорвата, что разжигательныя воззванія Ракоци въ 1738 г. никакого дѣйствія среди венгерцевъ не имѣли: они были искренне и вѣрно преданы своему королю съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ управлять ими согласно конституціи (Geschichte der Ungarn, II B., 1855, p. 394), убѣдительности не имѣетъ. Пока, грандіозное изданіе Будапештской Академіи Наукъ: Archivum Rákóczyanum, мѣстные документы довело до 1717 года (15 томовъ), сношенія съ иностранными дворами (3 тома) до 1704 г.

**) «The distressed condition», въ депешѣ Рондо, op. c., p. 375. Въ октябрѣ.

***) Arneth, op. c., I, 67—69. Grünhagen, Schlesien in den letz. Jahrzehten öster. Herrschaft, въ Zeitschrift des Vereins für Gesch. Schlesiens, XV, I H., p. 54, 51. Въ 1725 по 1730 г. одно духовенство пражской діоэцезіи должно было собрать на турецкую войну, по приказанію Папы, 160 тыс., а нунцій, епископъ Одесскій (?) въ Вѣнѣ, Гримальди, былъ главнымъ сборщикомъ. (Sborník Historický, Praha, I, 24).

движеніе крестьянъ въ сѣв.-вост. Чехіи, этомъ традиціонномъ краю религіозныхъ волненій, пожалуй, «архигуситскомъ», по выраженію одного молодаго историка Чехіи, не новое, но теперь принявшее особенно серьезный характеръ. Народъ поднялся, отягощенный барщиной, переводомъ военной подати отъ помѣщиковъ на крестьянъ и всякою неправдою. Спасаясь отъ военной службы, крестьяне бѣжали въ лѣса, въ горы. Изъ сосѣдней Саксоніи и Пруссіи, какъ изъ рога изобилія, посыпались сейчасъ же «лютеранскіе предиканты», источникъ вѣчнаго страха для администраціи, проповѣдники-эмиссары отъ мороканскаго короля, т. е. прусскаго. Уже въ сентябрѣ 1738 г. потребовались быстрыя военныя экзекуціи для усмиренія чеховъ *). «Съ трудомъ допускаю, писалъ тогда же, въ октябрѣ, успокаивая, венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ, чтобы императоръ, у котораго теперь силъ менѣе, чѣмъ въ прошлые годы, съ казною совсѣмъ пустою (con l'erario totalmente esausto), благодаря серьезнымъ обязательствамъ, соблюдаемымъ имъ до сего дня, могъ добровольно ринуться въ какое-либо новое, не менѣе опасное, предпріятіе» **). Эти обязательства—договоръ съ Россіей 1726 г.

Таковъ .былъ финалъ второго года войны у нашего вѣрнаго союзника, собиравшагося немного лѣтъ тому назадъ быть какъ разъ въ это время на Босфорѣ и, опередивъ насъ, начать очищать Св. Софію. Въ маѣ визирь опасался возможности соединенія австрійцевъ съ Минихомъ въ Молдавіи, а въ сентябрѣ, какъ мы видѣли, пошли моленія въ Петербургъ изъ Вѣны, воротить Миниха прямо чрезъ Польшу въ Трансильванію—оборонить бы отъ турокъ. «Если бы императоръ, говорилъ въ отвѣтъ съ отказомъ Остейну крайне раздраженный Биронъ, ввелъ въ дѣло

---

*) Помимо счетовъ съ духовенствомъ, народъ поднялся противъ тѣхъ, которыхъ еще О. Штитный называлъ «křivě loupící a odírající poddané». Боевой кличъ «má bejt svoboda». О движеніи см. — Adámek K., Příspěvky k dějinám selského lidu, въ изд. Чешской Академіи — Rozpravy, г. VI, tř. I, č. 1, p. 20—30; его-же, Doba poroby (1878), p. 48; Rezek A., Dějiny prostonárodního hnutí náboženského v Čechách, I, 67, 103. Въ историческомъ отдѣленіи Архитектурной Выставки 1898 г. въ Прагѣ на гравюрахъ чешскихъ городовъ, дворцовъ изъ XVIII вѣка народъ представляется въ видѣ звѣроподобныхъ дикарей: столько было презрѣнія къ нему.

**) Ник. Эриццо, Fontes rerum Austriacarum, XXII, 134.

хотя бы нѣкоторое подобіе арміи (anything of an army), давно бы былъ подписанъ почетный миръ» *).

Позорная казнь стараго Довсата осталась напрасною жестокостью, жертвой искупительною она не оказалась. Прекрасные дни упрямыхъ грезъ о расширеніи и расширеніи на счетъ невѣрныхъ были уже тамъ.... Проза дѣйствительности требовала спасать что можно, требовала мира и по высокой цѣнѣ.

На всѣхъ трехъ театрахъ военныхъ дѣйствій турки успѣшно отразили опасное наступленіе. Наступленіе вездѣ обратилось въ отступленіе, а на среднемъ Дунаѣ уже полуобнажилась и давно намѣченная ими лакомая жертва — Бѣлградъ. Забота у Миниха была одна—какъ вывернуться и оправдаться въ своихъ дѣйствіяхъ. По словамъ Рондо, Миниха даже похвалили, что онъ, оставивъ Днѣстръ, не занесъ чумы **) Но болѣе сложная была забота у Остермана — забота о достоинствѣ Россіи, какъ разрѣшить, сколько-нибудь сносно, открывшійся вопросъ о Турціи, противъ его желанія и, какъ оказалось, преждевременно, славянофилами, какъ Неплюевъ, Вѣшняковъ, но который вводилъ насъ въ слѣпую улицу. Естественно, виды на хорошій миръ ухудшились, и уже давно. Открылась та «крайняя нужда», о которой думалъ Остерманъ еще въ 1737 году. Самъ французскій посредникъ давно уже вертѣлъ головой — какъ будетъ?

«Было бы весьма важно, отвѣчалъ Флери Остерману еще на его сообщеніе о первыхъ, яко-бы удачныхъ, дѣйствіяхъ Миниха, прикидываясь не вполнѣ ясно понимающимъ настоящее положеніе дѣлъ на Днѣстрѣ, чтобы успѣхи русскаго оружія могли возмѣстить неудачи у императора, потому что иначе, нѣтъ сомнѣнія, турки станутъ еще менѣе сговорчивы объ условіяхъ мира». Посредникъ это писалъ, когда Минихъ былъ уже на пути въ Кіевъ. А теперь, когда «гиблющее» государство, предположенная къ раздѣлу Турція, проявило такую энергію, такую жизнеспособность?... На обращенную отъ Остермана 13 сентября къ Флери просьбу — довести дѣло посредничества до конца на

---

*) Въ октябрѣ. Депеши Рондо, op. c. p. 375.

**) Депеши, op. c., p. 363.

извѣстныхъ «справедливыхъ» условіяхъ и на нареканія его объ упорствѣ однихъ турокъ, тотъ любезно, но зло, отвѣчалъ: «письмо ваше не могло бы быть написано лучше и умнѣе; но, не всегда доводы самые умные рѣшаютъ у турокъ» *). Имъ ли теперь слушать условія, подчиняться чужой волѣ? Между тѣмъ миръ былъ прямою необходимостью для насъ, для общаго успокоенія умовъ. Очень дорого стала уже обходиться намъ наша вторая, тоже не вполнѣ продуманная, подъ диктовку чувства, попытка освобожденія христіанъ и отместки за Прутъ.

Никакіе «жесточайшіе штрафы» не унимали «безстрашія» побѣговъ: бѣгутъ старые солдаты, бѣгутъ новоприверстанные рекруты, изъ ландмилицкихъ полковъ. Не помогалъ кнутъ безъ пощады пристанодержателямъ, нѣмецкій шпицрутенъ бѣглецамъ, какъ бездѣйственны были и «особливыя милосердія» къ бѣглымъ. Обнаружилось безсиліе и ужасающихъ средствъ, при наличности, впрочемъ, всеобщей грубости жизни, пріемовъ практики **).

Въ іюнѣ 1738 г новый наборъ, съ обычнымъ мотивомъ— «для лучшихъ военныхъ операцій», въ дѣйствительности для заполненія пустоты въ полкахъ Мы видѣли, бѣгство солдатъ въ походѣ на Днѣстръ было общее. Самъ Сенатъ свидѣтельствуетъ, что «въ минувшую кампанію бѣжало драгунъ, солдатъ и прочихъ чиновъ не малое число, которые уповательно не инуда

---

*) С. И. Р. И. О., т. 86, 32, 45.

**) Ср. указъ Сената 23 дек. 1736: «Понеже извѣстно учинилось, что въ Москвѣ колодники изъ разныхъ Приказовъ отпускаются на связкѣ для прошенія милостыни безъ одежды, въ однѣхъ ветхихъ рубахахъ, а другіе пытаны, прикрывая однѣ спины кровавыми рубашками, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знать .. Приказали: въ однѣхъ рубахахъ, особливо пытанныхъ, съ кровавыми рубашками, отнюдь не пускать». .. (П. С. З. Р. И. № 7132) Въ іюлѣ 1738 г. морской офицеръ Возницынъ, за самообрѣзаніе, и его наставникъ, жидовинъ Борохъ, были сожжены (тамъ же, № 7612). Огненною смертью унять явившіеся тогда хлысты, «квакерская секта» (Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх М. Юст., VI, 82—101). Но и на Западѣ, особенно въ Австріи, XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ неимовѣрныхъ жестокостей, не только въ дѣлахъ политики и вѣры, но и просто уголовныхъ. Нѣкоторые примѣры выше; прибавимъ одинъ: въ 1748 г. были также сожжены въ Прагѣ раббинъ-совратитель и глава секты жидовствующихъ. (A. Rezek, Dějiny prostonárodního hnutí, 114). Но матеріала изъ австрійскихъ архивовъ достало бы на цѣлые томы, особенно, «haereticalia» — по преслѣдованію иновѣрующихъ.

куда, токмо въ Польшу, а оттуда паки въ свои границы выходятъ и шатаются» *). На Волгѣ появились старые укшуйники и горе купцамъ.

Внутри давно ропотъ, нежеланіе помочь правительству. Вызываются подрядчики на доставку военныхъ припасовъ, но охотниковъ нѣтъ. Въ мартѣ 1738 г. Сенатъ штрафуетъ помѣщиковъ, ихъ прикащиковъ и городскихъ старостъ бьетъ батогами въ Сѣвской и смежныхъ провинціяхъ за недоставку рабочихъ людей къ судовому строенію. Но особенно бѣдствовала Малороссія, постоянный поставщикъ погонщиковъ, скота на армію Миниха и Ласи.

Въ Малороссіи было воспрещено винокуреніе, а оно—источникъ зажиточности. Минихъ не принесъ за собою чумы; но чума давно засѣла въ ней. Появился даже лжецаревичъ, съ именемъ Алексѣя (Миницкій). Чудовищныя казни на мѣстѣ могли только озлоблять. Опасными стали даже привозимые изъ Львова польскіе календари. «Въ прогностикахъ о нашей имперіи и особливо о Украинѣ находятся нѣкоторые злоумышленные и непристойные пасажи, чѣмъ народъ можетъ легко пріити въ соблазнъ», а народъ еще былъ некрѣпостной **). Подъ бокомъ все хозяйничали

---

*) Отъ 25 января 1739 г. Помимо суровости службы, голодъ заставлялъ людей бѣжать. О голодѣ говорилъ Данонтесъ. О кухнѣ на походѣ мы имѣемъ обстоятельное свидѣтельство изв. польскаго мемуариста половины XVIII ст., Котовича. Изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ, когда наши войска очищали Польшу отъ партіи Лещинскаго, онъ хорошо помнилъ, какъ русскіе солдаты, стоявшіе въ домѣ его отца, обѣдъ свой готовили такъ: изодравши ногтями свѣжую селедку на мелкія части, бросали въ воду, потомъ сухари и съ отличнымъ апетитомъ ѣли этотъ супъ; неприхотливость (niechłuistwo) ихъ въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ доходила до отвращенія; низшіе офицеры были мало чѣмъ разборчивѣе простыхъ солдатъ». (X. Andr. Kotowicz, Pamiętniki do panowania Augusta III i St. Augusta I. Poznań, 1839, p. 2). По его же словамъ, солдаты носили копѣйки во рту, между нижнею губою и зубами (ib.). Очевидно, спасали свои гроши. Авторъ — поклонникъ «сладкаго царствованія Августа III» (ib. 3).

**) П. С. З. Р. И., № 7740, 7483, 7630, 7610, 7611, 7710, 7475, 7527, 7653, 7715. Календари изъ Львова были съ предсказаніями астронома Франциска Невѣскаго. Въ Кіевѣ и въ др. мѣстахъ календари эти должно было сжечь и «впредь въ границы наши пропущать не велѣть». Не могъ я нигдѣ достать этого интереснаго, съ зазорными страницами, польскаго календаря; онъ не оказался и въ библіотекѣ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ. Что

гайдамаки, такъ что уже Минихъ и Неплюевъ приказывали ихъ вѣшать *). Неосторожныя мѣры противъ чумы, какъ выводъ людей въ пустыя мѣста и въ непогоду, еще болѣе ухудшали положеніе. Наконецъ, запорожцы, только что усѣвшіеся, стали волноваться и негодовать, въ виду взятыхъ въ далекій, «непотребный», походъ товарищей **).

«Русскіе, доносилъ одинъ иностранный агентъ изъ Петербурга осенью 1738 г., не въ состояніи болѣе итти въ Крымъ, татарамъ же легко набѣгать. Деньги также рѣдки, какъ и умѣнье, знаніе. Большая часть земли не обрабатывается. Жители пограничныхъ земель съ отчаянія спасаются къ сосѣдямъ. Свидѣтель—Украина, почти совсѣмъ опустѣвшая. Еще одинъ, два похода и—смятеніе, которое воротитъ Россію въ ея первобытное состояніе» ***). Мы видѣли, въ Европѣ объ этомъ только и грезили—не допустить Россію утвердиться въ ея новой позиціи—европейской. Надо думать, вполнѣ искренне возражали кабинетъ-министры на приставанія гр. Остейна—послать цесарю русскій корпусъ на облегчительныхъ условіяхъ. что и Россія не въ лучшихъ условіяхъ (in no better condition), чѣмъ имперія, что совсѣмъ не легко собрать деньги на войска, и еще для союзника ****).

Миръ для Остермана былъ прямою необходимостью.

Мы видѣли, Остерманъ въ сношеніяхъ съ главнымъ посредникомъ упорно не признавалъ неудачи Миниха и вообще

до имени Невѣскаго, то извѣстенъ Станиславъ Niewieski, профессоръ математики въ Краковѣ. Онъ издавалъ съ 1675 по 1695 календари и прогностики. Такъ, въ 1681 г. онъ издалъ въ Замостьѣ о кометахъ 1686 г.— «S prognostykiem do roku 1686 służącym». См. Bentkowski F., Historya literatury polskiéj, Warszawa, 1814, I, 373, II, 335.

*) Арх. Ю. З. Росс., ч. III, т 3, № CXII. Пути около самаго Кіева были отъ гайдамакъ совсѣмъ опасны, ib. № CXXIII.

**) П. С. З. Р. И., № 7691. Чеснокъ рекомендуется, какъ средство противъ чумы. У Рондо административныя мѣры противъ чумы окрасились въ легенду, что вмѣстѣ съ зараженными домами сжигались и зараженные люди. (Депеши, ор. с., р. 423). Скальковскій А., Ист. Н. Сѣчи, II, 92.

***) С. Р. И. О., т. 20, р. 112—113.

****) Депеша Рондо 21 окт., ор. с., р. 375.

торжества турокъ Онъ все обвинялъ турокъ въ упрямствѣ за непринятіе давно «резонабельныхъ кондицій». Понятно его точка зрѣнія, блюстителя интересовъ Россіи. Но понятна и точка зрѣнія противника, который настаивалъ, съ особеннымъ основаніемъ, на своихъ резонабельныхъ кондиціяхъ, на немировской теоріи «барьеры». Отъ желанія-же мира онъ никогда не былъ далекъ, и пересылка о мирѣ шла въ самый разгаръ рѣшительной борьбы изъ-за Днѣстра, на злополучной линіи Билочь-Каменка; не превратилась она и позже, и, въ соотвѣтствіе пріему Остермана, она была также двойственнаго характера: оффиціальная и частная, чрезъ Вильнева и Гику. Замѣтимъ, что Гика имѣлъ свои интересы поскорѣе видѣть миръ, какъ и его братъ, драгоманъ и дѣятель Немирова; слѣдов., оба должны были дѣйствовать въ духѣ мира, гдѣ было удобно. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ самъ Вильневъ, весьма обрадованный своему открытію. 11 августа 1738 г. онъ спѣшитъ подѣлиться пріятными впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ болѣе близкаго знакомства съ драгоманомъ, что онъ вынесъ изъ бесѣды съ нимъ убѣжденіе, что тотъ лично очень желаетъ мира, ибо «отъ этого зависитъ сохраненіе Молдавіи въ его семьѣ» и его положеніе при Портѣ. Гика указывалъ-де, что если Молдавія достанется союзникамъ, управленіе ею отъ брата перейдетъ въ иныя руки; а повезетъ туркамъ и они посадятъ Ракоци въ Трансильваніи, самъ онъ, драгоманъ, потеряетъ мѣсто въ пользу повѣреннаго послѣдняго. «Итакъ, заключалъ Вильневъ, продолженіе войны никоимъ образомъ не въ видахъ драгомана Порты. Я не сомнѣваюсь въ искренности его рвенія, съ какимъ онъ работаетъ на миръ» *).

Майскій курьеръ, Репнинскій, былъ задержанъ въ Яссахъ. Только въ половинѣ іюля полномочія для Вильнева, съ условною уступкою Очакова, т е. при отказѣ отъ Азова, были переданы по назначенію. Но раньше этого гонецъ господаря молдавскаго былъ въ Кіевѣ и Петербургѣ, съ словомъ мира. Минихъ, какъ мы видѣли, встрѣтилъ молдаванина съ дурнымъ чувствомъ: помѣшаетъ побѣдамъ; но чрезъ него онъ переслалъ визирю формальное письмо съ объявленіемъ своихъ полномочій. Минихъ

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, № 763.

приглашалъ визиря «согласиться въ средствахъ по переговорамъ о мирѣ, на заключеніе котораго онъ имѣетъ власть» *).

Получивъ майскій ультиматъ Остермана, Вильневъ, съ обновленнымъ полномочіемъ, повелъ дѣло быстро. Его цѣль— исполнить старое домогательство Версаля — отодвинуть въ сторону посредничество обѣихъ морскихъ державъ, сохранивъ престижъ Турціи и умаливъ престижъ Россіи. Все велось въ глубокой тайнѣ. Рондо изъ Петербурга жалуется, что дѣйствія Вильнева совсѣмъ тайна для англійскаго посредника на Босфорѣ, что и Остерманъ ничего не знаетъ и недоволенъ **).

Спеціальный гонецъ Вильнева, полковникъ Тотъ, имѣвшій въ Яссахъ присоединиться къ Репнинскому, долженъ былъ продолжать путь на сѣверъ, до встрѣчи съ Минихомъ. Съ душевнымъ волненіемъ слѣдилъ Вильневъ за движеніемъ своего мирнаго гонца: миръ казался ему недалекимъ. «Я, писалъ Вильневъ въ Парижъ, отправилъ 22 іюля Тота къ гр. Миниху, съ извѣщеніемъ объ ультиматѣ визиря. 12 августа Тотъ прибылъ уже въ Яссы. Курьеръ отъ князя Гики удостовѣрилъ, что Тотъ уже соединился съ русскою арміей». Какъ видно изъ другой депеши Вильнева, его гонецъ уже на другой день по прибытіи въ Яссы отправился далѣе въ Бессарабію, искать неизвѣстно гдѣ находившагося Миниха ***).

Гонецъ Вильнева къ Миниху былъ отправленъ, когда тотъ еще шелъ на Днѣстръ. Этого движенія боялись, и Вильневъ спѣшилъ упредить послѣдствія, если бы то было возможнымъ. Зато какъ внутренно порадовался спѣшный миротворецъ, когда онъ узналъ о спѣшномъ отступленіи Миниха отъ злополучнаго берега Днѣстра: онъ увидѣлъ полную побѣду Франціи, надежду на полную уступчивость Россіи, пораженіе политики Остермана, спасеніе Турціи. Получивъ извѣстіе о паденіи Оршовы, вмѣстѣ съ словами торжествующаго визиря, что озабоченный посредникъ теперь воспрянетъ духомъ и что онъ, визирь, очень желалъ бы его видѣть****), Вильневъ открываетъ предъ Флери свои задушев-

---

*) Ср. Laugier, Histoire des négotiations..., I, 251.

**) Депеши, ор. с., отъ 8 августа, р. 339—340.

***) Hurmuzaki, Docum.. S. I, v. 1, № 768, 765.

****) Визирь смѣясь сказалъ агенту Вильнева въ своемъ лагерѣ, де-Ларіа: «L'ambassadeur ne sera plus embarassé aujourd' hui à parler en notre faveur Ceci va lui donner du courage. J'ai grande envie de le voir» (Laugier, Histoire...., I, 261).

ныя чувства. «Если мнѣ, пишетъ онъ 30 августа, дозволительно сдѣлать нѣкоторыя соображенія по поводу событій этой кампаніи, то мнѣ кажется, что, буде намѣреніе его вел-ва состоитъ въ удержаніи турокъ на той ступени силы, на которой они находятся, въ сокращеніи могущества москвитянъ и въ поставленіи императора въ нѣкоторую зависимость отъ Франціи, взятіе Оршовы, гибель русскаго флота и пораженіе (la déroute) Миниха, все это событія, которыя довольно годны для выполненія тѣхъ видовъ, такъ какъ визирь не позволяетъ себѣ ослѣпляться своими успѣхами и не предполагаетъ потерять плоды въ поискахъ за другими» *).

Въ самомъ началѣ сентября прибылъ Репнинскій въ Петербургъ съ давно желаннымъ отвѣтомъ визиря на нашъ майскій ультиматъ. Какъ разъ въ это самое время Франція назначила своего представителя въ Петербургъ. Какъ будто все къ добру. Но уже 10 сентября послѣдовалъ указъ Неплюеву въ Кіевъ, при извѣщеніи о возвращеніи Репнинскаго съ письмами отъ визиря и Вильнева, въ которомъ значилось: «надлежитъ вамъ неотмѣнно стараніе свое прилагать, чтобъ вѣрную и надежную корреспонденцію за границею всякимъ образомъ и способомъ продолжать и почаще подлинныя вѣдомости оттуда о непріятельскихъ обращеніяхъ получать» **).

Порученіе Неплюеву указывало ясно, что привезенный отвѣтъ визиря не успокоилъ Остермана, что все по старому—впереди война. Надежды Вильнева въ соображеніи Днѣстра оказались пока преждевременными.

Письмо визиря, составленное немировскимъ дѣльцемъ, драгоманомъ Гикою, понимало возвратъ Турціи Очакова, какъ безусловный, на который послѣдовало якобы напередъ согласіе Россіи, а потому главнымъ вниманіемъ останавливалось на вопросѣ объ Азовѣ. Визирь рано утвердился въ мысли, что съ уступкой Россіи Азова связано не только достоинство Порты, но и безопасность самаго Константинополя, твердилъ это постоянно

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 765.
**) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/а, № 5.

Вильневу, а потому въ послѣднемъ отвѣтѣ требовалъ срытія Азова, если уступка его невозможна (потеря Азова съ лихвою возмѣстится, надѣялся онъ, возвратомъ Бѣлграда и Темешвара), и воскрешалъ старую немировскую теорію барьеры: пустыня да будетъ вмѣсто границы *).

Нескромность турецкихъ требованій могла вызвать со стороны Остермана одинъ отрицательный отвѣтъ. Но прежде чѣмъ отвѣчать, онъ остановился на мѣрѣ, которая, думалъ онъ, упрощала переговоры. Русскимъ Очаковъ болѣе не можетъ быть; пусть же и здѣсь будетъ пустыня, какъ предлагаютъ турки относительно Азова, смѣнившаго въ переговорахъ Очаковъ. Въ Петербургѣ рѣшили: Очаковъ съ Кинбурномъ взорвать, снести съ лица земли, дабы, какъ объяснялъ сейчасъ же Минихъ въ письмѣ къ Вильневу, «доказать безпристрастному свѣту, что у Россіи никогда не было видовъ дѣлать конкетъ въ этой сторонѣ» **). Поводъ для подписанія смертнаго приговора Очакову

---

*) Въ маѣ визирь говорилъ Вильневу, что и при гарантіи Франціи всегда надо опасаться «хитраго» Петербурга, что русскіе сейчасъ же явятся предъ Константинополемъ, введя флотъ въ Черное море, поэтому его условія — срытіе Азова, территорія что около должна быть пуста, ничья; въ остальномъ — имѣетъ быть въ виду Прутскій договоръ. (Laugier, Histoire..., I, 199, 209, 216, 221—228). По словамъ визиря, Азовъ — «cette pomme de discorde» (I, 221). Современный анонимный турецкій писатель (онъ же и хотинскій поэтъ) въ своемъ любопытномъ описаніи нашего Юга половины XVIII в. даетъ полное выраженіе своему патріотическому чувству по поводу Азова (Azak) и, своеобразно понимая текущую нашу войну съ Турціей, доказываетъ одно: какъ важенъ былъ Азовъ въ представленіи турокъ. Какъ турокъ, онъ начинаетъ съ милаго для его сердца Прута, съ пораженія Петра. Петръ возвращаетъ Азовъ, но затѣмъ, чтобы въ 1735 году его опять отобрать, и война имп. Анны, это — война того же Петра, онъ не умираетъ. «На Прутѣ, пишетъ турокъ, русскіе ѣли кору вмѣсто хлѣба, и Петръ посылаетъ Шереметъ-оглу просить мира съ бѣлымъ платкомъ вокругъ шеи — вмѣсто веревки. Миръ заключенъ и турки провожаютъ Петра до самаго Днѣстра. Но помогло ли это? Св.... останется св....., отрѣжешь ли ей хвостъ или нѣтъ. Такъ и Петръ, паршивая собака, безъ вѣры, безъ должнаго уваженія къ договорамъ. Все тянулъ на всяческіе способы отдачу Азова, а наконецъ положилъ разрѣшить всѣ трудности тѣмъ, что онъ въ 1735 г. отнялъ Азовъ у турокъ. Божіе проклятіе да будетъ надъ нимъ» (Walachie, Moldau, Bessarabie, die Krim, Taman und Asow, въ нѣм. переводѣ бар. Шлехты-Вшегрда, въ Sitzberichte d. k. Akademie d. Wiss. zu Wien, XL. B. p. 579).

**) Laugier, Histoire, I, 282.

былъ на лицо—чума, которая давно тамъ сидѣла. Главная причина—результаты горемычной операціи Миниха за Днѣстръ, приведшіе въ тяжелое положеніе Россію.

Именнымъ указомъ отъ 7 сентября приказано оставить Очаковъ и Кинбурнъ, разорить, взорвавъ всѣ укрѣпленія. Такъ кончилась судьба мѣста, съ которымъ въ началѣ соединялось столько дорогихъ надеждъ, гдѣ уже и гавань завели, устроили госпитали, построили церковь съ учеными духовными изъ Кіева, кончилось годовое владѣніе наше сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Открытый съ громадными жертвами доступъ къ морю закрывался для насъ опять и надолго—ровно на полстолѣтіе. Вмѣстѣ съ укрѣпленіями на берегу уничтоженъ былъ и заведшійся было тамъ флотъ, котораго такъ боялись на Босфорѣ *).

Одинаково сильное впечатлѣніе произвело добровольное оставленіе нами Бужинскаго поля, какъ нѣкогда называлъ Петръ Великій очаковскій берегъ, на Дунаѣ и въ Кіевѣ, на людей прямо противуположныхъ чувствъ—на визиря и на Неплюева, виновника самой войны. И тамъ, и здѣсь прямо не повѣрили этому событію: до того оно показалось невѣроятнымъ. Визирь не повѣрилъ своей радости, Неплюевъ—своему горю.

Еще сейчасъ же послѣ успѣшнаго отраженія горемычнаго Миниха отъ Днѣстра, въ началѣ сентября, у визиря мелькнула мысль — открыть аттаку на Очаковъ, повторить осенній маршъ прошлаго года. Но герой дня, бендерскій паша, возразилъ, что войска разсѣяны, нужно время, движеніе въ Степь пока невоз-

---

*) По Рондо, взорваніе послѣдовало якобы 31 авг. (op. c., p. 395). Теперь и англійскій посредникъ какъ бы того мнѣнія, что съ Очаковымъ въ рукахъ удобнѣе бы торговаться (депеша 28 окт., ib. 379) Самъ Вильневъ считалъ эту мѣру ошибочною и готовъ былъ думать, что она послѣдовала, мимо воли императрицы (Laugier, Histoire, I, 273, 281) У нашихъ пражскихъ публицистовъ событіе освѣщено правильно «Понесенныя страшныя потери, говоритъ обозрѣватель, заключая свой разсказъ о бравомъ отступленіи Миниха къ Каменкѣ и Ласи изъ Крыма, принудили русскій Дворъ приказать—завоеванныя у турокъ крѣпости: Очаковъ, Кинбурнъ, до основанія разорить, равно какъ сжечь и уничтожить находившіяся тамъ около 1000 судовъ, такъ-какъ вверхъ по Днѣпру, въ виду пороговъ, ихъ нельзя было провести» (Practica astronomo-astrologica, na r. 1740, od C. J. z Chotssowa). И хотинскій поэтъ указываетъ, что въ Очаковѣ имѣла стоянку русская флотилія; городъ при оставленіи русскими былъ сравненъ съ землею (op. c., 582, 583).

можно *). И вдругъ узнаютъ, что этотъ самый Очаковъ тогда уже былъ оставленъ нами. По словамъ Вильнева, визирь увидѣлъ уже осуществленіе первой части своего плана; впереди улыбалась вторая—возвращеніе Бѣлграда и Темешвара **). Немедленно изъ Бендеръ были отправлены въ опустошенный городъ кое какія войска, а Маврокордато въ Букарештѣ получилъ традиціонный указъ—еще до наступленія зимы отправить въ Очаковъ рабочихъ, подводы и матеріалъ, для обновленія укрѣпленій ***).

По дольше былъ невѣрующимъ старый патріотъ въ Кіевѣ: только самъ Минихъ могъ разсѣять его сомнѣніе. «Не токмо что Очаковъ, писалъ 29 сентября Минихъ Неплюеву, но и Кинбурнъ разорить, гарнизоны и артилерію вывесть велѣно, то—правда. Оныя крѣпости отъ бывшей тамъ опасной болѣзни и по нездоровости весьма содержать было невозможно, которое разореніе, уповаю, до сего дѣйствительно послѣдовало». Но Минихъ старается нѣсколько успокоить стараго товарища указаніемъ на запорожцевъ, что хотя турки «уже и на житье туда изъ Бендера и Бѣлагорода (Аккермана) людей отправили», но приказано свѣдущимъ тамъ всѣ морскія яруги запорожцамъ «разъѣзжая на судахъ, всегдашнюю чинить тревогу» ****)

Слабо было успокоеніе. Неплюевъ хорошо помнилъ сильно сказанное слово Остермана въ дни Немировскаго конгреса австрійцамъ: «Очаковъ купленъ немалою русскою кровью; Россіи его не отдавать» *****).

---

*) Ephém. Daces, II, 126.

**) Laugier, Histoire..., I, 274—275.

***) Ephém. Daces, II, 130—140.

****) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/е № 11.

*****) Въ началѣ слѣдующей нашей войны съ Турціей, т. е первой турецкой имп. Екатерины II, Румянцевъ младшій, будущій не Минихъ, а герой Кагула, припоминая войну 1736—1739 годовъ, хвалилъ планъ ея, что начали съ Очакова, а не съ Хотина, что планъ этотъ должно повторить. «Не безъ предразсужденія, писалъ онъ П. Панину, тогда Очаковъ прежде старались достать, нежели Хотинъ». Очаковъ легко получаетъ все изъ Константинополя: «когда поведемъ наши дѣйствія на Очаковъ и успѣемъ получить оный, выиграемъ тѣмъ много надъ непріятелемъ, лишивши его первой удобности, откуда онъ могъ имѣть всякіе для войны запасы». Но,

Покончивъ такъ нежданно для всѣхъ съ Очаковомъ, Остерманъ обратился къ корреспонденціи, привезенной Репнинскимъ.

Отвѣтъ Миниха на сообщенныя Тотомъ бумаги отъ Вильнева — Рондо былъ горячо заинтересованъ этою перепискою посредника и уполномоченнаго, но проникнуть въ содержаніе ея никакъ не могъ *) — былъ отправленъ раньше. Минихъ писалъ Вильневу еще съ похода, изъ мѣст. Оконъ, въ половинѣ августа, повторялъ о своихъ полномочіяхъ, но миръ на прелиминарныхъ условіяхъ, указанныхъ въ майскомъ отвѣтѣ Остермана, но отнюдь не на условіи срытія Азова, какъ и естественно ожидать **).

14 сентября отвѣчалъ Остерманъ обоимъ корреспондентамъ на Босфорѣ, спокойно и съ достоинствомъ, входя заново въ обстоятельную критику турецкой теоріи барьеры-пустыни.

«Сіи отъ васъ предложенныя чрезъ Вильнева кондиціи, писалъ онъ визирю, такого состоянія суть, что весь безпристрастный свѣтъ явно признать имѣетъ, что Порта не миру, но войны и продолженія ея желаетъ. Азовъ разрыть и тамошнія мѣста и земли въ пустѣ оставить—равно такъ было бы, какъ бы войну вѣчно продолжать хотѣть». Остерманъ повторялъ, что Азовъ—единственная узда противъ татаръ, а срыть его—тогда «Россіи болѣе бы не оставалось, какъ за сими, миру не знающими, народами по степямъ безпрестанно гоняться или-же съ арміей въ Крыму ихъ искать». Отказъ на визирскій ультиматъ Остерманъ заключалъ по формѣ: что война пойдетъ далѣе, но что вина за нее, за напрасное пролитіе невинной крови падетъ на одну Турцію и пр.

Въ письмѣ къ Вильневу Остерманъ горячо благодарилъ посредника за всѣ его труды, но выражалъ удивленіе, что ви

взявъ Хотинъ, «мы не сдѣлаемъ тѣмъ границамъ своимъ защиты.. Послѣ Очакова Перекопъ въ моемъ воображеніи занимаетъ равное или другое мѣсто. Не овладѣвъ оными, нельзя намъ возвыситься надъ непріятелемъ». По мнѣнію Румянцева, «не безтруднѣе положеніе наше нынѣшнее противъ тогдашняго». («Переписка Рум. съ Пан.», Р. Арх., 1882, I, 50—52). Такъ высоко цѣнилось значеніе Очакова для Россіи. Но самъ Румянцевъ своими побѣдами опровергъ свои теоретическія соображенія: Очакова въ первую войну не брали.

*) Депеши, op. c., 341, 357.

**) Какъ субалтернаго дипломата, переписка Миниха съ Вильневомъ, довольно объемистая. въ Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/а № 4, имѣетъ второе значеніе. Кое-какія письма у Laugier, Histoire, I, 266—267.

зирь отклонилъ наши, столь умѣренные, майскіе прелиминаріи. Гдѣ же причина? Конечно, она лежитъ въ расчетахъ визиря на успѣхи турецкаго оружія. Но этихъ успѣховъ, на взглядъ Остермана, и не было совсѣмъ.

«Изъ всего того, продолжалъ Остерманъ, что̀ доселѣ произошло, можно видѣть, что событія не отвѣчали надеждѣ визиря. Вѣдь вполнѣ ясно, что они не такого рода, чтобы были въ состояніи сильно льстить надменности непріятеля» (il est toujours certain, qu'ils, т. е. событія, n'ont pas été d'une nature à flatter beaucoup l'orgueuil de l'ennemi). Остерманъ вѣренъ себѣ: какъ и Минихъ, онъ не признаетъ неудачъ въ 1738 году и, въ частности, неудачи днѣстровскаго похода. Чтобы не быть голословнымъ, онъ развертываетъ предъ Вильневомъ, якобы недостаточно или неправильно освѣдомленнымъ объ истинномъ ходѣ дѣлъ на Дунаѣ и Днѣстрѣ въ минувшую кампанію, своеобразную картину военныхъ событій. Изъ нея выходитъ, что даже австрійцы вовсе не побѣждены, почему и проситъ посредника сдѣлать, при удобномъ случаѣ, въ сношеніяхъ съ Портою изъ предложеннаго имъ освѣщенія событій надлежащее употребленіе. «Вѣдь всѣ знаютъ, указываетъ Остерманъ, что Порта совершенно изнемогла, что война стоила ей много денегъ, слѣдовательно, она должна желать мира; да и то ей надо имѣть въ виду, что Персія можетъ вмѣшаться» Ко времени ли Портѣ упорствовать и не принимать нашихъ условій? Въ заключеніе, Остерманъ повторялъ мирныя кондиціи: «цесарь желаетъ сохранить пожаревацкій договоръ, а мы—Азовъ съ пустою (desert) территоріей; зато мы уступаемъ Турціи, но только изъ-за любви къ миру (pour l'amour de la paix), съ гарантіей Франціи—Очаковъ и Кинбурнъ». Изъ письма къ визирю онъ еще прибавлялъ, что «ежели разорить Азовъ, то не останется никакой узды для тамошнихъ дикихъ народовъ» *).

*) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, св. 39/е № 11. Понятно, взглядъ Остермана на кампанію Миниха за Днѣстръ усердно поддерживался и его сотрудниками при дворахъ за границею. Въ сентябрѣ 1738 г. саксонскій посланникъ въ Стокгольмѣ доносилъ въ Дрезденъ, что сообщенія высланнаго въ Турцію тайнаго агента, майора Синклера, изъ Львова «ниспровергаютъ все, что русскій министръ (т. е. Бестужевъ) передаетъ здѣсь о побѣдахъ русскихъ войскъ надъ турками», что, по письмамъ Синклера, «турки много разъ били русскихъ и армія русская въ очень

Конечно, Вильневъ могъ только улыбнуться заботамъ Остермана заставить его видѣть, чего нѣтъ, и наоборотъ, послѣ того, какъ онъ уже заявилъ такъ ясно предъ Флери о своемъ удовольствіи видѣть пораженіе Миниха, униженіе Россіи...

Уже на другой день, 15 сентября, тотъ же Репнинскій былъ вторично отправленъ гонцомъ въ Константинополь, для врученія по принадлежности обоихъ отвѣтовъ Остермана.

Очевидно, и мы спѣшили въ надеждѣ на конецъ, наконецъ. Очаковъ самъ собою отходилъ. Оставался одинъ Азовъ, вопросъ —срыть или не срывать его, т. е. допустить насъ хоть на чуточку къ морю, хотя бы и дрянному? Были вполнѣ свѣжи преданія изъ великой эпохи; главные дѣятели теперь были еще прямыми сотрудниками того царя, который объ Азовѣ, о потерянной позиціи на Югѣ говаривалъ съ горечью: «Господь Богъ выгналъ меня изъ этой стороны, какъ Адама изъ рая» *).

Но Турція хорошо продумала свою немировскую теорію барьеры и давно опредѣлила политическое значеніе для себя Степи у моря, пустыни съ татарами, при открывшихся счетахъ

дурномъ состояніи» (Сб. Р. И. О., т. 20, 128). Ср. тоже у Рондо, выше, 413. Персидскіе послы прибыли въ Константинополь во 2 половинѣ іюля (Ephém. Daces, II, 112). Порта и Вильневъ тотчасъ же опредѣлили, что они по наущенію Россіи, и Вильневъ былъ крайне недоволенъ появленіемъ еще новаго, азіатскаго, посредника (Laugier, Histoire, I, 242). Въ октябрѣ они предложили внушительную декларацію Портѣ, съ указаніемъ на возможность вмѣшательства Персіи въ войну Турціи съ Россіей (Ephém. Daces, II, 136—138). Такимъ образомъ, исполнились соображенія анонимнаго обозрѣвателя состоянія Европы въ 1737 г., что Россія будетъ довольна однимъ Азовомъ, а далекій Очаковъ ей съ трудомъ удержать. (Büsching, Magazin, I, 13).

*) Изъ Дневника фельдм. Миниха, въ Beiträge zur Geschichte des Russ. Reiches, von E. Herrmann, Leipz., 1843, 125. До самой смерти, говоритъ Минихъ, Петръ Великій не могъ забыть своей потери (ib.). Въ изданной въ 1737 г. брошюрѣ въ защиту Россіи: «Recherche des causes de la presente guerre, съ особенною силою указывалось на политическое значеніе Азова и приводились доводы, что и у Остермана, что хорошій флотъ на Черномъ морѣ можетъ заставить дрожать самый Сераль, что только изъ Азова можно держать татаръ на уздѣ, что если дозволить туркамъ построить крѣпость вблизи Азова, то это равносильно отказу отъ всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые можно ожидать отъ владѣнія Азовомъ. Но авторъ идетъ далѣе и требуетъ Кафы (Ѳеодосіи), такъ какъ, пока этотъ городъ въ рукахъ татаръ, русскіе не могутъ спокойно владѣть Азовомъ (être en seureté touchant la conquête d'Asoph», p. 58—60).

съ грознымъ теперь сосѣдомъ, новой имперіей въ Европѣ, а потому и захолустный Азовъ не уступитъ намъ. Не бывали больны умомъ турки, какъ долго ихъ напрасно славили на сторонѣ *).

Репнинскій на Бендеры ѣхалъ чрезъ Кіевъ, гдѣ получилъ добавочную корреспонденцію для Босфора отъ Миниха и для Яссъ отъ Неплюева. «Елико, писалъ генералъ съ полномочіями Неплюеву 29 сентября, касается до дальняго отправленія поручика Репнинскаго, съ имѣющеюся при немъ важною экспедиціей, о томъ съ в. пр-вомъ соглашенось, и письма къ бендерскому сераскеру (т. е. о пропускѣ), къ верхнему везиру и къ французскому послу отъ меня даны».

Во второй половинѣ октября Неплюевъ имѣлъ глухое сообщеніе отъ своихъ конфидентовъ, что Репнинскій скоро будетъ на Босфорѣ. «Съ пріятностью усмотрѣлъ я, отвѣчаетъ Неплюеву Минихъ 24 октября изъ Василькова, изъ вашего сообщенія, что извѣстный Репнинскій уже отправленъ въ Адріанополь и надѣюсь, что тотъ съ посланною экспедиціей верхнему везиру и послу де-Вильневу допущенъ быть можетъ» **). Но Минихъ не подозрѣвалъ, что эта его пріятность стоила много непріятностей неутомимому гонцу, что имѣла особенное основаніе, не предчувствовалъ, что Босфора гонецъ такъ и не увидитъ, что тогда онъ уже былъ жертвою турецкой чумы.

И на этотъ разъ Репнинскому готовилась отъ Гики, который всегда такъ увѣрялъ въ своихъ чувствахъ къ Россіи, та же

---

*) Современный иностранецъ-политикъ писалъ, что для Россіи важно овладѣть Керчью и тѣмъ держать въ своей зависимости самый Стамбулъ, что «это и былъ планъ Петра Великаго, и если настоящая война окончится счастливо, то его и можно будетъ привести въ исполненіе» (Algerotti, Lettres sur la Russie, 115). Мы видѣли, это давно ясно поняли на Босфорѣ. Ср. выше, 164, 212. Цинкейзенъ, говоря, что «походы Миниха, въ дѣйствительности славные, хотя и стоившіе массы людей, показали, что самая лучшая крѣпость (Bollwerk) для Турціи, это дѣвственныя степи на сѣверъ отъ Чернаго моря и образъ жизни татаръ, которые тамъ бродили» (Geschichte Griechenlands, III, 16), только повторяетъ убѣжденіе старыхъ турокъ. По словамъ Рондо, Франція и для самой Австріи уже считала Россію такимъ-же опаснымъ сосѣдомъ—formidable neighbour. (Депеши, ор. с., р. 211).

**) Г. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1738, ib. 39/e № 11.

встрѣча въ Яссахъ, что и въ маѣ—задержаніе, съ требованіемъ выдачи депешъ. Если же энергическій курьеръ во 2 половинѣ октября дѣйствительно былъ въ Адріанополѣ, то только благодаря рѣшительному своему заявленію предъ лукавымъ грекомъ, что онъ скорѣе сейчасъ же вернется назадъ, чѣмъ откажется прослѣдовать лично съ депешами до самаго Константинополя *).

Но полученной пріятности о вынужденномъ пропускѣ чрезъ Молдавію, о движеніи Репнинскаго къ Босфору еще мало. Главное—какъ примутъ тамъ важную экспедицію?

Въ порядкѣ вещей, если предусмотрительный Остерманъ, не ожидая свѣдѣній о Репнинскомъ, поспѣшилъ обратиться къ главному посреднику, къ Флери, съ отчетомъ о положеніи, съ просьбой уломить Порту, склонить ее на уступку по послѣднему вопросу, оставшемуся открытымъ—объ Азовѣ. Онъ писалъ 19/30 сентября.

---

*) Донесеніе Вильнева въ Парижъ, на основаніи оффиціальныхъ сообщеній — Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 774. Мы видѣли выше, что людямъ Молдавіи, Валахіи приходилось хитрить, лукавствовать — по требованію ихъ обстоятельствъ. Конечно, фанаріотизмъ развилъ свою этику; но характеристика всѣхъ молдавскихъ людей у плѣннаго итальянца въ 1769 г., секретаря князя Молдавіи, что «наружность ихъ весьма честная и чистосердечная, но внутренность преисполнена коварства, безстыднѣе ихъ на свѣтѣ нѣтъ» (Р. Архивъ, 1882. I, 123), ужь слишкомъ черна. Впрочемъ, и хотинскій поэтъ называетъ валаховъ «вѣроломнымъ, подозрительнымъ, потому неспособнымъ къ дружбѣ народомъ» (ор. с., р. 558, 555). Но о самомъ князѣ Гикѣ онъ выражается прямѣе: негодяй, исконный врагъ Турціи (560). Тоже и Вѣшняковъ, выше, 141. Справедливо, что какъ у всѣхъ славянъ, особенно южныхъ, такъ и у румынъ, боярство было избраннымъ сосудомъ безнравственности. Когда въ половинѣ XVI в. у поляковъ шелъ вопросъ о присоединеніи Молдавіи къ Польшѣ, Осолинскій на сеймѣ 1553 г. горячо рекомендовалъ быть осторожнымъ, впрочемъ, и потому, что тамъ царилъ-де славянскій демократизмъ, какъ, напр., у нынѣшнихъ сербовъ. «Въ землѣ той, говорилъ ораторъ, уже шляхты нѣтъ; всѣ равны тамъ другъ другу и уже такъ привыкли, что хотя кто и козы пасетъ, но онъ разчитываетъ сдѣлаться великимъ бариномъ, а наконецъ и воеводою. Отъ-того у молдаванъ много измѣнъ, много гнуснаго; отъ-того и воевода ихъ умерщвляетъ, и они убиваютъ воеводъ.... Каждый болѣе желаетъ быть бариномъ, чѣмъ чебаномъ». (Hurmuzaki, Docum., S. II, v. I, p. 195). Козій пастухъ и господарь — картинка живая.

По прежнему обвиняя турокъ въ слабой склонности къ миру, Остерманъ, повторяя главныя точки изъ письма къ Вильневу отъ 14 сентября, подробно обсуждаетъ вопросъ объ Азовѣ. Онъ указываетъ, что при предлагаемомъ срытіи Азова сама Порта явно обнаруживаетъ непониманіе собственной пользы: тогда «неспокойные» татаре прямо откажутся ее знать, и настаиваетъ на сохраненіи майскихъ прелиминарій. Правда, онѣ отвергнуты впнремъ въ надеждѣ на побѣды. Но гдѣ же онѣ? «Можетъ быть, онѣ еще только впереди, тамъ, въ Венгріи», съ усмѣшкой отвѣчаетъ авторъ письма, т. е. повторяетъ свое мнѣніе объ отсутствіи успѣховъ у турокъ въ кампанію 1738 г. Онъ прибавляетъ, что Россія никогда не оставитъ безъ помощи своего союзника, помогутъ и другіе; наконецъ, какъ борьба «противъ заклятаго врага угнетаемыхъ христіанъ», война пойдетъ до послѣдней крайности. Съ немного запоздавшимъ признаніемъ, что одна Франція, съ своимъ значеніемъ у Порты, въ состояніи положить предѣлъ войнѣ, Остерманъ въ заключеніи разсыпаетъ любезности предъ достоинствами испытаннаго миротворца, чтобы только подвинуть его идти согласно видамъ Россіи, согласить Порту на русскія условія, на уступку Азова.

Не менѣе любезно отвѣчалъ Флери 28/8 октября, т е. когда Репнинскій уже умеръ въ Адріанополѣ (см. ниже), комплиментомъ, который былъ приведенъ выше—о логическихъ достоинствахъ письма графа, но бѣда, что уже поздновато: до кампаніи еще можно бы было говорить съ Портою объ Азовѣ, а теперь она крѣпко стоитъ на срытіи и на теоріи барьеры. Но въ виду того, что Остерманъ уже признаетъ Францію единственнымъ посредникомъ, Флери предлагаетъ прямо уполномочить Вильнева вести дѣло до конца, съ указаніемъ ему крайнихъ рамокъ при окончательномъ торгѣ, «объяснить ему точно и опредѣлительно ультиматъ, котораго онъ не можетъ переходить, а затѣмъ дать ему полную свободу дѣйствія во всемъ, что̀ не будетъ несогласно съ нимъ».

Чтобы не устрашить недовѣрчиваго собесѣдника, Флери свидѣтельствуется личнымъ примѣромъ, что онъ самъ такъ поступаетъ, въ виду отдаленности Босфора. Онъ даже готовъ уступить Остерману, готовъ согласиться съ нимъ, что турки слишкомъ нахвалились своими побѣдами; но тѣмъ легче возможность,

что они, при томъ условіи, покончатъ въ какіе-нибудь два-три дня съ мирнымъ договоромъ *).

Но старикъ хитрилъ. Ища общаго полномочія для Вильнева, Флери скрылъ, что его сотрудникъ на Босфорѣ уже поставленъ въ положеніе единовластителя отъ императора Карла, въ тѣхъ переговорахъ, которые въ началѣ сентября были открыты герцогомъ Лотарингскимъ, для спасенія Бѣлграда, въ результѣ чего сейчасъ же упростился работавшій доселѣ, хотя и слабо, сложный механизмъ трехчленнаго посредничества: Франціи, Англіи и Голландіи.

Уѣзжая изъ Бѣлграда въ Вѣну, герцогъ Лотарингскій передалъ веденіе мирныхъ переговоровъ Кенигсеку. Такимъ образомъ, открытая герцогомъ интимная переписка съ визиремъ продолжалась его замѣстителемъ. Въ ней была рѣчь исключительно о посредничествѣ одной Франціи, при гарантіи послѣдней самаго договора, и ни слова объ участіи остальныхъ двухъ посредниковъ.

Когда извѣстіе объ осенней секретной перепискѣ между Вѣною и Портою достигло Лондона и Гааги, обѣ морскія державы почувствовали себя глубоко оскорбленными, задѣтыми за живое. Онѣ увидѣли въ ней полное пренебреженіе къ себѣ (the total slight und neglect) съ обѣихъ сторонъ: императора и султана, и рѣшили — пріостановить свою медіацію. Въ этомъ смыслѣ были составлены тождественныя деклараціи въ Лондонѣ и Гагѣ, и въ началѣ ноября (3) копіи съ нихъ были отосланы въ Петербургъ, къ Рондо, съ соотвѣтствующими указаніями **). Но, тайно и добровольно отказываясь отъ участія, онѣ ждали, что къ нимъ еще придутъ просить.

Такимъ образомъ, Франція добилась своего по отношенію къ императору, добилась единодержавнаго положенія въ вопросѣ объ умиреніи обѣихъ имперій, Австріи и Турціи. Но послѣ обращенія Остермана къ Флери отъ 19 сентября она могла счи-

---

*) Сб. И. Р. И. О. т. 86, №№ 9, 10.

**) Рондо, Депеши, ор. с., 380, 382. Ср. № 198. О перепискѣ Кенигсека — Laugier, Histoire, I, 271—273.

тать, что и по отношенію къ третьей имперіи — неподатливой Россіи, она стала въ то же положеніе. Оставалась впереди одна форма — полномочіе отъ Россіи для Вильнева на все. Но, параллельно съ этимъ, Франція, въ тиши, подвигала противъ Россіи Швецію, у которой союзъ съ Турціей уже былъ близокъ къ концу. Уже въ августѣ она заключила съ Швеціей субсидный договоръ. Остерманъ въ виду тяжелаго положенія Россіи смотрѣлъ, по словамъ Рондо, сквозь пальцы на продѣлки Франціи, подозрѣвалъ «важные замыслы» ея, благодарилъ представителя Англіи за ея усердныя предостереженія, далеко небезкорыстныя, объ опасности отсюда, за ея заботливость (въ-слѣдъ за этимъ Англія усердно заговорила объ оборонительномъ союзѣ съ Россіей); но объяснялъ спокойно Рондо, что Россія скорѣй броситъ все на югѣ, чѣмъ потеряетъ хоть одну пядь земли (an ing of ground) со стороны Швеціи. За-то самъ Рондо все время крайне волновался *).

Между тѣмъ какъ очищалась почва для дѣйствій Вильнева, Порта рѣшила, по-за спиной его, открыть попытку еще разъ обойтись безъ него, чрезъ посредство князя Молдавіи. Вспомнила она Немировъ, тайныя рѣчи о сепаратномъ мирѣ съ Россіей, инструкцію Остермана отъ 3 августа 1737 года.

Какъ только курьеръ Репнинскій прибылъ въ Яссы къ князю Гикѣ и вручилъ ему письмо отъ Неплюева, въ которомъ тотъ заявлялъ о «неизмѣнныхъ мирныхъ сентиментахъ ея в-ва» и указывалъ на значеніе новой миссіи на Босфоръ, Гика, съ приказа визиря, отправилъ какъ бы отъ себя тайнаго гонца съ просьбой о мирѣ, на турецкихъ условіяхъ.

Своего гонца, знакомаго намъ сорокскаго перколаба Петра Дуку, Гика направилъ въ Кіевъ; но, опасаясь, по его словамъ, не найти почему то въ Кіевѣ ни Неплюева, ни Миниха, просьбу свою онъ адресовалъ на имя Румянцева. Письмо Гики помѣчено 28 сентября, изъ лагеря при Сорокахъ.

---

*) Рондо. Депеши, ор. с., р. 350, 407, 408 и др. Еще обозрѣватель состоянія Европы въ 1737 г. указывалъ, что въ то время какъ Швеція не можетъ забыть потери своихъ «прекрасныхъ земель», Франція «подливаетъ масло въ огонь». (Büsching, Magazin, X, 14).

Ясскій медіаторъ убѣдительно просилъ Румянцева, ссылаясь на свою старую дружбу, содѣйствовать обновленію былыхъ добрыхъ отношеній между Россіей и Турціей. Онъ указывалъ, что наступившая осень — время какъ нельзя болѣе для открытія мирныхъ переговоровъ, а онъ всегда готовый къ услугамъ. Въ заключеніе просилъ вѣрить всему, что словесно сообщитъ ему самъ посланецъ Дука, просилъ о скорѣйшемъ положительномъ отвѣтѣ (una positiva riposta), чтобы дать ему, Гикѣ, возможность поскорѣе обновить старое мирное дѣло.

Въ началѣ октября Дука прибылъ въ Кіевъ и 8-го былъ представленъ Неплюевымъ Миниху, но, конечно, не Румянцеву, котораго пребываніе было не въ Кіевѣ.

Дука, именемъ Гики, говорилъ, что императрица неизмѣнно объявляла, что война начата не для новыхъ пріобрѣтеній, но въ виду несносныхъ оскорбленій отъ татаръ, почему и требуетъ уступки Азова. Но, на взглядъ Порты, именно при уступкѣ Азова миръ невозможенъ: появится флотъ, русскіе станутъ господами на Черномъ морѣ, слѣдовательно, опасность всѣмъ землямъ Турціи; да и турки всегда будутъ искать возвратить потерянное, отъ-чего впереди никогда нельзя ожидать мира — «вѣрнаго, полезнаго и прочнаго». Въ виду всего этого визирь и полагалъ бы, что есть одинъ выходъ, «безъ предосужденія ни одной, ни другой стороны», это — срыть укрѣпленія Азова и все кругомъ обратить въ пустыню; никому не будетъ завидно. По устраненіи причины несогласія, миръ будетъ вѣчный, несокрушимый, такъ какъ Порта удержитъ татаръ отъ малѣйшаго насилія; зато Россія можетъ строить у себя по волѣ крѣпости. «Хотя бы пожелала она построить нѣчто въ родѣ китайской стѣны, Порта ничего не будетъ имѣть противъ».

Въ заключеніе Дука указалъ, что если генералы и министры во власти дать ему отвѣтъ, то бъ отвѣчали точно и откровенно, чтобы Порта могла поспѣшить съ дѣломъ мира; если же по Азову имъ надо снестись съ Дворомъ, то ему приказано ждать въ Кіевѣ отвѣта. а миръ съ императоромъ послѣдуетъ уже послѣ мира съ Россіей и чрезъ посредство Россіи.

Уже на другой день Минихъ, какъ съ полномочіями, отвѣчалъ Дукѣ, словесно и также длинно. Главный вопросъ былъ исчерпанъ въ переговорахъ; Минихъ повторилъ старые доводы Остермана объ Азовѣ, татарахъ, о мнимости страховъ турецкихъ.

Война, отвѣчалъ Минихъ, была внѣ спора оборонительнаго характера и отъ начала мы были готовы на миръ; лучшее доказательство и сейчасъ—срытіе Очакова и Кинбурна, которыхъ Порта «никогда бы не въ состояніи была взять оружіемъ, какія бы усилія ни дѣлала, какъ въ этомъ она убѣдилась минувшею осенью». Соображенія объ Азовѣ уже предложены чрезъ Вильнева; но онъ, Минихъ, не отказывается еще разъ выяснить этотъ вопросъ.

Азовъ—узда противъ татаръ, а «откровенно говоря», и противъ козаковъ, на случай нарушенія мира отъ нихъ. Пустыня вмѣсто границы не годится: татаре опять займутъ Азовъ, Порта далека, безъ власти у нихъ, слѣдов., опять старая исторія—постоянно посылать войска противъ татаръ. «Однимъ словомъ, срыть Азовъ и оставить мѣсто пустымъ, это значитъ воевать безъ конца»; теперь, по срытіи Очакова и Кинбурна («дѣло великодушія ея в-ва»), Азовъ—единственная порука спокойствія. Опасенія отъ русскаго флота на Черномъ морѣ пусты: Россія честно блюдетъ договоры, да и самъ Азовъ не для флота; попытка раньше стоила дорого. Иное дѣло — Таганрогъ, «единственное мѣсто, гдѣ нѣкогда были корабли *); но ея в-во уже изъяснилась чрезъ посла Франціи, что никогда не дозволитъ себѣ новую тамъ постройку флота».

«Такимъ образомъ, заключалъ Минихъ, Дука имѣетъ сообщить своему господарю, что, въ виду вышеизложенныхъ доводовъ, ея в-ву не приходится принять предложенія Порты, т. е. разрушить городъ, который всегда принадлежалъ ея имперіи и который представляетъ единственную безопасность ея владѣній противъ наѣздовъ татаръ». Наконецъ, Минихъ добавилъ, что Порта напрасно льститъ себя сепаратнымъ миромъ: «единство обоихъ союзниковъ столь могущественно, что никакая сила его не разорветъ; они или далѣе ведутъ войну, или миръ общій».

Неплюевъ, по приглашенію Миниха, имѣлъ написать отвѣтъ Гикѣ. Письмо было готово на третій день, 12 октября.

Ссылаясь на свое первое письмо къ Гикѣ, съ Репнинскимъ, Неплюевъ указывалъ, что теперь напрасно бы повторять его

---

*) Въ своемъ Дневникѣ Минихъ припоминаетъ, что адм. Апраксинъ плакалъ, сдавая Таганрогъ туркамъ въ 1712 году. (Beiträge etc., 123).

содержаніе, что миролюбіе Россіи достаточно утверждается послѣдними депешами Остермана къ визирю и Вильневу, и онъ ограничится изложеніемъ вкратцѣ главнаго.

Не говоря о военныхъ дѣйствіяхъ, и «настоящее словесное представленіе Дуки отъ имени в. выс-ва ясно доказываетъ, что склонность Порты къ желанному миру еще не велика». Наоборотъ, Россія только и искала мира, и самая война изъ-за мира. Онъ согласенъ, что наступившая осень какъ-разъ для мира; но ея в-во и ея нераздѣльный союзникъ (inseparabile alleato) уже предложили свои скромныя условія чрезъ Вильнева и сама Порта найдетъ ихъ не иными. Слѣдовательно, не терять времени зависитъ теперь отъ одной Порты; что же касается частностей, то онѣ даны въ словесномъ отвѣтѣ Миниха Дукѣ Наконецъ, Неплюевъ выражалъ надежду, что Гика и впредь «съ такою же христіанскою ревностью и знаніемъ дѣла» употребитъ себя на святое дѣло мира, «чѣмъ обезсмертитъ свое имя», и что Репнинскій уже не только принятъ Гикою, но и поставленъ въ возможность продолжать свой путь *). Очевидно, объ ясской исторіи въ Кіевѣ еще не знали. На другой день, 13 октября, Дука выѣхалъ въ Яссы.

Миссія Дуки была лишнимъ шагомъ Порты. Новаго она ничего не дала и не могла дать. Или это былъ пріемъ, чтобы еще разъ провѣрить первое письмо Неплюева къ Гикѣ относительно содержанія «важной экспедиціи» Репнинскаго, который не такъ, какъ раньше, не выпустилъ теперь ея изъ своихъ рукъ? Гика, отдавая отчетъ о неудавшейся задержкѣ русскаго курьера, писалъ въ Порту, что письмо Неплюева къ нему дозволяетъ думать, что предложенія, которыя везетъ Репнинскій,

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, №№ 771, 772, 773 Въ примѣч. стр. 526 ошибка: Гика писалъ не къ Неплюеву, а къ Румянцеву. О посылкѣ Дуки въ Кіевъ ср. Fragmente zur Geschichte der Rumänen, von E. Hurmuzaki, V. B., 85—87. съ необходимыми ошибками, отчасти подъ вліяніемъ адресованія письма отъ Гики, наприм., что Дука обращался къ Румянцеву, какъ къ своему старому знакомцу по Константинополю, когда тотъ былъ посланникомъ и др. Авторъ упустилъ изъ виду, что Румянцевъ былъ на Босфорѣ комисаромъ 12 лѣтъ назадъ, а Дуку онъ самъ называетъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, что Минихъ называетъ адресованіе письма на имя Румянцева страннымъ и подозрительнымъ.

не далеки отъ видовъ визиря *). Можетъ быть, намѣренно сдѣлана и ошибка въ обращеніи миссіи Дуки—къ Румянцеву. Но это наивно-лукавое, съ приказа, вмѣшательство Гики въ дѣло мира произвело тяжелое впечатлѣніе на Вильнева, не ожидавшаго ничего подобнаго. Но онъ узналъ объ немъ очень поздно и чрезъ Вѣну. Онъ готовъ былъ не вѣрить самому факту. Такъ непріятно было ему теперь его сомнѣніе: да искренняя ли сама Порта къ Франціи, не хитритъ ли?

«Я, писалъ Вильневъ въ февралѣ 1739 г., получилъ два письма изъ Вѣны отъ Синцендорфа, отъ 17 и 25 января. Первое письмо сопровождалось 4 документами относительно тайной экспедиціи, имѣвшей мѣсто (утверждаютъ, съ согласія Порты) между княземъ Молдавіи и Румянцевымъ, но, въ виду отсутствія послѣдняго, Минихомъ и Неплюевымъ. Эта негоціація, первые шаги которой сдѣланы княземъ Гикою, имѣла цѣлью пригласить (engager) Россію на возвращеніе Азова, за что Порта соглашается предоставить Россіи свободу строить укрѣпленія, пожалуй, китайскую стѣну, а миръ съ императоромъ заключаетъ при посредствѣ Россіи.

Отвѣтъ князю Молдавіи, по крайней мѣрѣ, устное сообщеніе его посланцу, сводится къ тѣмъ пунктамъ, которые Россія (la Moscovie) указала въ инструкціяхъ, данныхъ мнѣ, какъ медіатору, признанному всѣми воюющими сторонами, т. е. что лучше война, чѣмъ возвращеніе Азова, и что Россія никогда не пойдетъ на миръ безъ императора.

То, что поразило меня въ этихъ сношеніяхъ, это предложеніе, предположительно сдѣланное отъ князя Молдавіи, что, при согласіи царицы на свой отдѣльный миръ, Порта устраиваетъ свой миръ съ императоромъ при ея посредствѣ. Ибо, если негоціація имѣла мѣсто, если Гика сдѣлалъ это предложеніе съ приказа визиря, то она дозволяетъ предположить, что визирь отнюдь не привязанъ такъ сильно къ медіаціи Франціи, какъ это онъ разглашалъ, когда увѣрялъ, что дѣло мира пойдетъ не иначе, какъ чрезъ нашъ каналъ; затѣмъ, что Порта не слишкомъ печется и о гарантіи со стороны Франціи, такъ какъ о ней уже не было бы рѣчи, если бы миръ былъ заключенъ при

---

*) Изъ депеши Вильнева въ Парижъ, Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, № 774.

посредствѣ Россіи». Вильневъ готовъ думать, что скрытіе этихъ сношеній отъ Франціи союзными державами имѣло цѣлью—пробудить нерасположеніе Франціи къ Турціи *).

Ясно, что и друзья взаимно хитрили; никто не вѣрилъ никому. Мирильная машина упростилась—Франція добилась единовластнаго посредничества; самъ Остерманъ не отказывалъ ей въ немъ. Но поразившее Вильнева осеннее вмѣшательство Гики едва ли было добрымъ предзнаменованіемъ успѣшности переговоровъ, которые онъ долженъ будетъ повести теперь одинъ: нѣтъ искренности, и ставшій ребромъ вопросъ объ Азовѣ, судьба растерявшагося подъ двойнымъ ударомъ жестокихъ обстоятельствъ императора Карла, не разрѣшатся ли скорѣе только послѣ новаго боеваго счета съ туркомъ?

Въ 20-хъ числахъ октября Репнинскій былъ въ Адріанополѣ, но здѣсь сейчасъ же умеръ отъ чумы. Тѣмъ не менѣе уже чрезъ немного дней его важная экспедиція была на Босфорѣ и вручена по принадлежности **). Оба отвѣта Остермана были рѣшительнаго характера; Вильневъ былъ съ поновленными полномочіями, точными, ясными. Вполнѣ понятно, что Остерманъ, отвѣчая Флери на его приглашеніе дать посреднику опредѣленную свободу дѣйствій, могъ только сослаться на свое письмо къ Вильневу отъ 14 сентября, что тамъ всѣ полномочія, что

---

*) Тамъ-же, № 778. Ср Laugier, Histoire, I, 328—330, о томъ-же удивленіи Вильнева, что силятся заподозрить чистоту его намѣреній. Объ обращеніи Гики чрезъ Луку было сейчасъ же сообщено отъ Миниха въ Вѣну. Во время посольства Луки пребывалъ въ Кіевѣ австрійскій полковникъ Рейскій, посланный къ Миниху отъ кн. Лобковица изъ Германштадта условиться о прибытіи русскаго вспомогательнаго корпуса въ Трансильванію, согласно изв. намъ приказанію отъ цесаря, и Минихъ, въ добавленіе къ своему письму къ Лобковицу съ отказомъ, обстоятельно познакомилъ Рейскаго, какъ съ депешами Гики, такъ и съ отвѣтомъ его, Миниха, на нихъ, о чемъ полковникъ сейчасъ же донесъ гр. Синцендорфу въ Вѣну, 17 октября, т. е. черезъ четыре дня послѣ отъѣзда Луки. (Hurmuzaki, Docum., v. VI, № 296. Ср. ib. № 295; отказъ Лобковицу — ib. № 294).

**) Ephém. Daces, II, 150. Онъ умеръ на пути въ Карнштранъ; но его люди сейчасъ же доставили всѣ бумаги въ Константинополь. Ср. депешу Рондо отъ 10 февраля 1739 г., когда онъ впервые узналъ о сентябрьской посылкѣ Репнинскаго (ор. с., р. 429). Карнштранъ далѣе.

онъ уполномоченъ согласиться на границы по договору 1700 г., но безъ флота въ Азовѣ, что бо́льшей уступчивости со стороны Россіи искать нельзя, иначе война и упорная, съ перспективой, неизвѣстной и для самой Турціи *).

Будетъ ли уступка отъ Порты?

Если Остерманъ, въ письмѣ 14 декабря, возлагалъ серьезную надежду на посылку Репнинскаго, не смотря на замѣчаніе Флери о недостаточности одной логичности въ депешахъ при сношеніяхъ съ турками, то, въ виду первыхъ извѣстій отъ Флери о настроеніи на Босфорѣ въ моментъ прибытія «экспедиціи» Репнинскаго, долженъ былъ стать болѣе скромнымъ: почва тамъ была не совсѣмъ благопріятная. Флери писалъ, что его послѣднія свѣдѣнія съ Босфора отъ 4 ноября, и тѣ не хороши: правда, визирь, по возвращеніи съ Дуная, сейчасъ же объявилъ Вильневу, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ возможности съ нимъ обстоятельно переговорить; но посредникъ тогда же могъ подмѣтить одно—что турки видимо не очень-то расположены къ миру, будучи особенно недовольны за усердное уничтоженіе укрѣпленій Очакова **). Между тѣмъ несуществующій болѣе Очаковъ отдавался теперь Остерманомъ въ обмѣнъ на Азовъ, что̀ самого Вильнева приводило въ недоумѣніе, какъ недоумѣвалъ онъ и предъ настаиваньемъ Вѣны на пожаревацкомъ договорѣ, послѣ столькихъ неудачъ ***). Вильневъ сообщилъ содержаніе писемъ Остермана отъ 14 сентября визирю и просилъ назначить членовъ для совѣщаній. При личномъ свиданіи съ визиремъ, послѣдній объявилъ, что онъ за миръ, но долженъ будетъ взять силою Азовъ, чтобъ окончить съ «яблокомъ раздора», а на совѣщанія назначилъ трехъ лицъ, изъ нихъ двое — знакомые намъ изъ Немирова: рейсъ-эфендій и Саидъ ****).

---

*) Письмо къ Флери отъ 14 декабря 1738 г.—Сб. И. Р. И. О., т. 86, стр. 50—51.

**) Флери отъ 12/23 января 1739 г. — тамъ-же, т. 86, стр. 60—61.

***) Laugier, Histoire, I, 279—281

****) Тайное свиданіе визиря съ Вильневомъ, по Дапонтесу, происходило въ Эюбѣ, сакральномъ предмѣстьѣ Константинополя. «Они бесѣдовали о заключеніи мира, но который, говорятъ, будетъ полученъ не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.... Прибавляютъ, что французскій посолъ будетъ сопровождать визиря и что нѣмцы уступаютъ Бѣлградъ». (Ephém. Daces, II, 159

Первое совѣщаніе было 13 ноября, а всѣхъ 4: 16, 20 ноября, и 1 декабря (ст. ст.). Для нихъ было приготовлено особое помѣщеніе лично Сандомъ близь Топъ-Хане *). Шли совѣщанія трудно и первыя два засѣданія выяснили одно—необыкновенную надменность турокъ, особенно, по отношенію къ императору. На требованія посредника объ ихъ условіяхъ, они отвѣчали, что, для обезпеченія границъ, Портѣ необходимы Бѣлградъ и Темешваръ; сверхъ того—возвращеніе свободы Венгріи и Трансильваніи **).

Въ третьемъ совѣщаніи рейсъ-эфендій предложилъ условія мира съ Россіей: срытіе Азова и предоставленіе права построить по крѣпости — русскимъ на Дону, туркамъ на Кубани. «Тогда, пояснилъ эфендій, русскіе будутъ имѣть свой Азовъ, мы свой». По отношенію къ императору турки уступили и потребовали одного—uti possidetis, но настойчиво требовали у посредника предварительнаго согласія на оба главныя условія, чтобы имѣть возможность явиться предъ общее собраніе дивана. Когда же Вильневъ затруднился дать согласіе, рейсъ-эфендій на совѣщаніи 1 декабря объявилъ ему, что такъ какъ онъ не имѣетъ права ни чего отъ себя предлагать, то пусть потребуетъ болѣе широкихъ полномочій, и «тогда, быть можетъ, покончимъ съ негоціаціей» ***). Справедливо занесъ букарештскій хронистъ въ свою лѣтопись подъ 5 декабря: «Порта заявляетъ большія притязанія по вопросу о мирѣ и, такъ такъ то же идетъ отъ русскихъ и нѣмцевъ, то миръ съ трудомъ будетъ заключенъ. До снесенія Очакова и взятія Оршовы миръ былъ болѣе легкій. Надѣются, что прибытіе хана въ Константинополь поможетъ заключенію мира — онъ государь миролюбивый ****).

---

*) Тамъ-же, 159, 162. Топъ-Хане на Босфорѣ, у Галаты.

**) Порта якобы была довольна смерти Ракоци, что она облегчаетъ веденіе переговоровъ съ Вѣною; главный-де печалователь о Ракоци былъ только Вильневъ, который требовалъ отъ Порты — ни въ какомъ случаѣ не отступаться отъ заключеннаго между Франціей и нею уговора — посадить Ракоци на престолъ Венгріи (Ephém. Daces, II, 158). Послѣ смерти Ракоци генералъ-губернаторомъ Венгріи и Трансильваніи былъ назначенъ Портою гр. Мих. Чаки (ib. 166).

***) Laugier, Histoire, I, 287 - 321.

****) Ephém. Daces. II, 172.

Дѣйствительно, 7/18 декабря Вильневъ отправилъ въ Вѣну и Петербургъ курьеровъ. Съ крайней тревогой слѣдилъ онъ за этой экспедиціей и съ радостью сообщалъ Флери, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, что петербургскій курьеръ проѣхалъ Яссы и продолжаетъ свой путь на Кіевъ *). Изложивъ неблестящій результатъ совѣщаній, старые страхи Порты предъ появленіемъ русскаго флота на Черномъ морѣ, «фантазіи», какъ назвалъ ихъ Остерманъ и позже, посредникъ просилъ недовѣрчиваго вице канцлера прислать въ помощь ему своего агента, съ «послѣдними условіями», чтобы избѣжать затрудненій въ вопросахъ, переходящихъ границы его полномочій **) Впрочемъ, о присылкѣ своего агента онъ просилъ тогда-же и Вѣну.

Получивъ депеши Вильнева, Остерманъ могъ видѣть, что негоціація для посредника была крайне тяжелая (épineuse), что самъ онъ поступалъ съ «усердіемъ» и «благоразуміемъ», какъ отозвался онъ сейчасъ же въ письмѣ къ Флери; но она не дала ничего новаго. Ясно, Порта не уступала, съ умѣньемъ пользовалась выгодами своего положенія, послѣ кампаніи 1738 года. Не даромъ въ первомъ-же совѣщаніи, 13 ноября, турки даже слушать не хотѣли майскихъ прелиминарій Остермана, а требовали новыхъ, «болѣе сообразныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ» ***).

10 марта 1739 г. Остерманъ обратился къ Флери съ жалобой на упрямство турокъ, что Порта мало расположена къ миру, не думаетъ объ ускореніи его, да и самые переговоры вела неохотно. Что-же далѣе? «На Провидѣніе мы, пишетъ Остерманъ, возлагаемъ всѣ наши упованія и вѣримъ», т. е. вопросъ объ Азовѣ рѣшитъ иной, немирный посредникъ — оружіе ****). Но такъ думалъ и турецкій визирь.

Тѣмъ не менѣе, все въ нѣкоторой надеждѣ на мирный исходъ, Остерманъ занялся теперь, какъ бы въ дополненіе къ

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, № 775, 776.

**) Laugier, Histoire, I, 322. Данное сообщеніе Вильнева Синцендорфу, съ отчетомъ о мирныхъ переговорахъ съ Портою, у Hurmuzaki, Documente, t. VI, № 297, помѣченное 14 декабря 1738 г., ошибочно попало сюда: оно должно относиться къ концу 1737 года. Это видно изъ содержанія сообщенія — начало переговоровъ.

***) Laugier, Histoire, I, 294.

****) Сб. И. Р. И. Общ., т. 86, стр. 65 - 66.

условіямъ 14 сентября, болѣе точной формулировкой для Вильнева вопроса о Таганрогѣ, выдвинутаго на особое мѣсто Минихомъ въ словесномъ отвѣтѣ Дюкѣ, объ обязательствѣ Россіи не возобновлять этого города и не держать тамъ флота, подъ порукой Франціи *). Сама же Порта не была такъ противъ мира, какъ это полагалъ Остерманъ.

По словамъ Вильнева, Порта ждала съ величайшимъ нетерпѣніемъ нашего отвѣта на депешу посредника 7/18 декабря. Еще во время зимнихъ совѣщаній въ Топъ-Хане Боневаль, дѣйствовавшій противъ мира и соблазнявшій шведской диверсіей на Сѣверѣ, былъ удаленъ съ Босфора **). Правда, когда переводчикъ Вильнева, де-Ларіа, былъ въ началѣ 1739 г. у визиря съ поздравленіемъ, тотъ сказалъ ему: «я хочу мира, но предвижу, что, чтобы получить его такимъ, какъ слѣдуетъ, намъ надо еще помѣриться съ цесарцами» ***). Правда, въ январѣ же ханъ Крымскій, который и по словамъ Вильнева былъ миролюбивъ и прямо сторонникъ Россіи, былъ вызванъ на Босфоръ и былъ содержимъ во дворцѣ, хотя и съ почетомъ, но скорѣе «въ видѣ государственнаго плѣнника» ****). Но уже 1 февраля ханъ былъ отпущенъ. Когда же въ мартѣ появился на сценѣ новый, таинственный посредникъ — польскій король, incognito, чрезъ ясскаго Гику, вмѣшательство его было очень вѣжливо отклонено. Въ этомъ самомъ вмѣшательствѣ короля Августа Порта готова была видѣть причину тягостнаго для нея замедленія въ отвѣтѣ отъ Остермана на депешу Вильнева 7/18 декабря *****).

Одинъ побѣдоносный визирь былъ войнолюбивъ, и, по словамъ Саида Вильневу, желалъ продолженія войны безусловно, мечталъ, по старому, о воскрешеніи славы Турціи XVI—XVII столѣтій, строилъ смѣлые планы въ расчетѣ на помощь 200 тысячъ по-

---

*) Въ томъ же письмѣ къ Флери 10 марта 1739 г., С. И. Р. И. О. т. 86, 67

**) Laugier, Histoire, I. 310. Ср. Ephém. Daces, II, 163—164, что Вильневъ былъ оскорбленъ вмѣшательствомъ Боневаля въ дѣло о вызовѣ изъ Франціи юнаго Ракоци, и Боневаль высланъ по настоянію его, какъ вредитель мира.

***) Laugier, op. c., I, 325.

****) Депеша къ Флери 17 февраля 1739 г. (Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 777).

*****) Тамъ-же, № 780, депеша Вильнева 21 марта 1739 г.

ляковъ, имѣвшихъ подняться противъ своего Августа *). Но затѣмъ, въ началѣ марта, визирь былъ свергнутъ, и султанъ, самъ сторонникъ мира, назначилъ на его мѣсто видинскаго пашу, скромнаго Элхади-Мехмета.

Порта была въ твердой надеждѣ на благопріятный отвѣтъ изъ Петербурга. Еще 17 февраля Вильневъ доносилъ Флери, что турки расчитываютъ, что русскій курьеръ привезетъ полномочія на окончательное заключеніе мира, но—лишь бы только, по словамъ другой депеши, онъ поспѣлъ въ Константинополь до отъѣзда визиря къ арміи, назначеннаго послѣ малаго байрама **), т. е. раннею весной.

Но «широкія полномочія», полученныя отъ Остермана въ половинѣ апрѣля, не удовлетворили Порту. Статья объ Азовѣ оставалась въ прежней силѣ: Порта имѣетъ уступить Азовъ Россіи. Еще менѣе благопріятны были условія императора, предложенныя въ депешѣ Синцендорфа отъ 11 марта (н. ст.). Правда, Вѣна уже не говорила о пожаревацкомъ договорѣ, указанномъ Остерманомъ въ сентябрьскомъ отвѣтѣ Вильневу: она уступала Турціи свою Валахію почти цѣликомъ; но уступала подъ условіемъ — возвращенія Оршовы и Мехадіи, въ обмѣнъ на фортъ Перечаны въ турецкой Валахіи, такъ что будущая граница здѣсь имѣла быть: Черпецъ (устье Черной), монастырь Тисмана, Рыбникъ, Алута (Олта) ***).

---

*) Laugier, Histoire, I, 332. Предложеніе польской помощи шло чрезъ секретаря князя Валахіи, поляка Гурскаго. Изъ Версаля указывали Вильневу, что одинъ вздоръ въ словахъ Гурскаго о союзѣ поляковъ съ Портою, что скорѣй въ немъ можно видѣть русскаго шпіона. (Въ маѣ, Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 784). По словамъ Дапонтеса, уже въ сентябрѣ, при печальномъ отступленіи Миниха отъ Днѣстра, поляки готовы были подняться противъ Августа, какъ только пошелъ слухъ, что русскія войска останутся на зимовку въ Польшѣ. (Ephém. Daces, II, 130). Но въ этомъ смущеніи старыхъ духовъ должна была быть рука Швеціи. Въ августѣ того же 1738 г. нашъ посланникъ въ Варшавѣ, гр. Кейзерлингъ, писалъ Брюлю въ Дрезденъ, что отправленный изъ Стокгольма въ Турцію извѣстный намъ майоръ Синклеръ, передавъ бумаги въ Хотинѣ для дальнѣйшей отправки, самъ остается на мѣстѣ, чтобы, какъ и въ прошломъ году, подговорами и наущеніями привести шляхту «въ волненіе и раздраженіе противъ Россіи и противъ его в-ва». (С. Р. И. О., т. 20, 126—127). Ср. у насъ выше, 433, прим. Синклеръ зналъ русскій языкъ.

**) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 779.

***) Тамъ-же, № 781, 782

Уступки императорской Валахіи Порта требовала еще въ маѣ 1738 года. Оршова, на языкѣ стараго визиря — ключъ къ широкой позиціи — Бѣлградъ, Темешваръ. А главное — въ первыхъ или безспорныхъ условіяхъ Вѣны — ничего о Сербіи, Бѣлградѣ, между тѣмъ почти вся Сербія, за исключеніемъ полосы вдоль Дуная и Савы, была въ фактическомъ владѣніи турокъ. Только въ добавочныхъ условіяхъ—на крайній случай, Синцендорфъ разрѣшалъ Вильневу коснуться и Сербіи, при чемъ уступка была разбита на три градуса, и высшая мѣра—уступка восточной части Сербіи между Тимокомъ и Моравою, до сліянія обѣихъ Моравъ—сербской и болгарской. Довѣряя всецѣло интересы имперіи посреднику, Синцендорфъ любезно отказался отъ посылки, въ подмогу ему, спеціальнаго довѣреннаго лица *). Напрасно Остерманъ, защищая интересы союзника, убѣждалъ Флери въ мартѣ 1739 г., что визирь напустилъ туману и раздулъ, въ своихъ видахъ, до небывалыхъ размѣровъ значеніе взятія Оршовы. Напрасно было и все краснорѣчіе Синцендорфа въ депешѣ 11 марта: никого не могъ убѣдить вѣнскій министръ, что турки напрасно спѣсивятся, что напрасно считаютъ однѣ побѣды надъ австрійцами въ минувшую кампанію, что предложенныя Вѣною территоріальныя уступки чрезвычайны и собственно не отвѣчаютъ успѣхамъ турецкаго оружія. Порта понимала свое положеніе, свои интересы

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ о мирѣ къ началу мая 1739 г., когда дѣйствительно усердный Вильневъ еще разъ послалъ своихъ курьеровъ въ Вѣну и Кіевъ, прося объ уступкѣ: въ условіяхъ 11 марта Вѣна крайнимъ срокомъ для отвѣта поставила конецъ мая. Но разрѣшеніе на отсылку гонцовъ послѣдовало отъ визиря Элхади-Мехмета уже изъ Адріанополя, слѣдов., съ похода: послѣ малаго байрама дѣйствительно началась кампанія, и съ новымъ визиремъ, и радость Остермана, что миръ сейчасъ послѣ паденія упрямаго стараго визиря, была напрасна **). Кровавый

*) Hurmuzaki, Docum., v. VI, № 299, отъ 11 марта 1739 г. Въ извѣстномъ смыслѣ, обширная депеша Синцендорфа — какъ бы повтореніе отвѣта Остермана Вильневу отъ 14 сентября 1738 года

**) Въ письмѣ къ Флери 21 апрѣля — С. И. Р. И. О., т. 86, р. 74. Ср. Рондо, Депеши, ор. с., 466, 487. Впрочемъ, и позже, въ послѣднюю минуту, въ началѣ іюня, Остерманъ все не терялъ надежды на «скорый миръ», въ виду приглашенія Вильнева визиремъ къ себѣ въ лагерь (ib. р. 494).

посредникъ долженъ былъ разрѣшить непорѣшенный вопросъ объ Азовѣ.

Начинался пятый годъ нашей войны. Портѣ уже въ началѣ марта сообщалось изъ Яссъ, отъ Гики, что будто отъ польскаго короля уже получено прямое согласіе въ Петербургѣ на проходъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу, а въ половинѣ мая самъ Вильневъ доносилъ, что «здѣсь начинаютъ говорить о движеніяхъ москвитянъ», что Гика писалъ, что онъ «положительно знаетъ, что они предположили осадить Бендеры» *). Правда, Порта уже неравнодушна была теперь къ ожидаемой диверсіи со стороны Швеціи. Остерманъ уже въ мартѣ просилъ Флери о недопущеніи шведскаго вмѣшательства, о мѣрахъ къ прекращенію переговоровъ между Портою и Швеціей **). Но Флери шведскому вопросу значенія не желалъ придавать. Онъ писалъ Вильневу, что «безпокойство, которое обнаружили въ Петербургѣ относительно Швеціи, быть можетъ, не имѣетъ иной цѣли, какъ позабавить турокъ и затѣмъ на нихъ нагрянуть». Флери теперь самъ обнаруживаетъ безпокойство въ виду несомнѣннаго движенія русскихъ войскъ, цѣль котораго — чрезъ Польшу въ Молдавію, за зло олучный Днѣстръ, на Прутъ. Вѣдь исходъ новой кампаніи неизвѣстенъ: что, если все навыворотъ? «Если московиты, пишетъ съ тревогою Флери Вильневу 8 іюля, проникнутъ въ Молдавію, то визирь будетъ въ крайнемъ затрудненіи—въ одно и то же время противустать двумъ, столь могущественнымъ, непріятелямъ. Опасность, которой онъ себя подвергаетъ, есть наиболѣе сильный

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 779, 785. Дапонтесъ подъ 1(мая заносить, что въ Бендерахъ пошелъ слухъ о готовности къ выступленію русской арміи изъ Кіева уже 25 апрѣля, что она идетъ осадить Бендеры и Аккерманъ (здѣсь зимовали войска, назначенныя въ Очаковъ), и бендерскій паша сейчасъ же просилъ о подкрѣпленіи что и было исполнено. (Ephém. Daces, II, 202, 203—204).

**) Письмо 10 марта — С. И. Р. И. О., т. 86, р. 70. Въ маѣ у Миниха остановились на рѣшительной мѣрѣ, и майоръ Синклеръ, везшій союзный договоръ изъ Константинополя въ Стокгольмъ, былъ убитъ въ лѣсу около Бреславля, а бумаги отобраны. Дѣло Синклера обстоятельно и въ Ephém. Daces, II, 293—317; кромѣ того въ С. Р. И. О., т 20, 124—137 Убійцы: нѣмецъ Кутлеръ и офицеръ — поповичъ, изъ Кіевской Академіи, Левицкій (!), утѣшавшій француза, спутника Синклера, латинскою бесѣдою о непрѣховности въ изв. случаяхъ грѣха. Убійцы укрылись въ Дрезденѣ

мотивъ, которымъ вы могли бы воспользоваться, чтобы заставить его принять послѣдній проектъ императора», т. е. извѣстныя намъ мартовскія условія Синцендорфа *).

Но забота хитраго миротворца была запоздавшей. Вопросъ о «Турецкомъ государствѣ» еще разъ должно было попытать рѣшить оружіе. Удастся ли Остерману, по крайней мѣрѣ, «спѣсь сбить», задача, о которой и въ послѣднія минуты мечталъ онъ, или опять появится «роковое стеченіе обстоятельствъ», которымъ такъ охотно объяснялъ, въ довѣренныхъ сношеніяхъ, Остерманъ всѣ неудачи австрійцевъ?...

Вѣра въ Провидѣніе насъ не обманула, и спѣсь была сбита. Но все сгубилъ союзникъ — опять предстало «роковое стеченіе обстоятельствъ», дозволившее, наконецъ, Турціи стать въ положеніе австрійцевъ на Немировскомъ конгресѣ и продиктовать имъ совсѣмъ «непристойный» миръ, широко «покорыстоваться» на счетъ ихъ. Старый томительный конгресъ въ Немировѣ воскресъ на нѣсколько дней подъ одиночной лагерной палаткой предъ Бѣлградомъ и покончилъ дѣло—исканіе конкетъ за Дунаемъ—быстро.

Уже одновременно съ полномочіями герцогу Лотарингскому о мирѣ въ Вѣнѣ принимали традиціонныя мѣры противъ мира, но теперь, въ соображеніи своихъ обстоятельствъ, нетерпѣливѣе и настойчивѣе. Мы видѣли, Вѣна потребовала возвращенія Миниха въ Трансильванію; въ началѣ октября уже былъ въ Кіевѣ военный комисаръ отъ кн. Лобковица, баронъ Рейскій, чтобы условиться съ Минихомъ о проходѣ чрезъ Польшу. Но въ этомъ требованіи Вѣнѣ отказали. Въ Вѣнѣ были крайне недовольны: тамъ обвиняли во всемъ Миниха, обвиняли, что онъ нарочно, изъ-за одной ненависти къ Австріи, не перешелъ Днѣстра, не взялъ Хотина **).

Но мало того, въ Петербургѣ, въ виду тяжелаго опыта: страшныхъ потерь въ людяхъ и безплодности прежнихъ кампаній, готовы были думать, что повторять губительныхъ, длинныхъ движеній, какъ напримѣръ, за Днѣстръ, болѣе не слѣдуетъ;

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 781, 782.
**) De-Keralio, Histoire de la guerre des Russes..., II, 118.

достаточно выжидать условій. «Россія не желаетъ болѣе наступать», писалъ Рондо въ началѣ октября 1738 года*).

Позже мы уступили, готовы были дать корпусъ въ Венгрію, какъ въ 1735 году на Рейнъ, но не болѣе, и, по старому, на содержаніи союзника. Но союзникъ безъ средствъ, и гр. Остейнъ открылъ горячій торгъ, умоляя насъ о сбавкѣ. Жаркимъ глашатаемъ политики воздержанія былъ теперь Биронъ, въ конецъ озлобленный на Австрію. Прошли тѣ времена, когда, послѣ Немировскаго конгреса, онъ хвалился, что Россія и десять лѣтъ будетъ вести энергически войну, но не уступитъ **).

Вопросъ о конечной формѣ общихъ съ союзникомъ дѣйствій въ 1739 году имѣлъ рѣшиться съ прибытіемъ изъ Вѣны стараго агента, Ботты, котораго уже въ ноябрѣ ожидали въ Петербургѣ съ планомъ кампаніи ***). Англія, приведенная въ немалый страхъ размолвкою между союзниками, могла успокоиться. Мало того: въ началѣ ноября явилось въ Петербургъ персидское посольство, съ обѣщаніемъ воевать Турцію. Ясно, политика дѣйствія и впереди, внѣ спора.

3 января 1739 г. прибылъ, наконецъ, Ботта. Просьба изъ Вѣны старая — русскій корпусъ для Венгріи. Но запросъ былъ непріятенъ, и мы предложили въ замѣнъ деньги — въ размѣрѣ 1 милліона. Вѣдь еще въ декабрѣ въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ было сообщеніе изъ Вѣны, что для будущей кампаніи у цесаря, съ «подможными войсками» (т. е. изъ Имперіи), болѣе 100 тысячъ ****). А главное—2 января прибылъ изъ Варшавы нашъ

---

*) Депеши, ор. с., р. 369. Въ семилѣтнюю войну войска на зимнія квартиры не уходили домой, а оставались въ Польшѣ. И Румянцевъ въ 1 турецкую войну имп. Екатерины II указывалъ, что въ первомъ же году винтеръ-квартиры должны быть въ Молдавіи, чтобы имѣть «свободу возобновить весною операція изъ-за Днѣстра, не теряя времени въ оспариваніи непріятелю сей рѣки». (Рус. Арх.. 1882, I, 106). Бѣда была въ только что умиренной нами Польшѣ, хотя и союзникѣ, какъ она была названа на Немировскомъ конгресѣ: шляхта негодовала отъ одного приближенія нашихъ войскъ, и съ нею считались, и напрасно, какъ показала кампанія 1739 г. Объ «общей аліанціи» — см. у насъ выше, 328.

**) Рондо, Депеши, ор. с., 200.

***) Ib., 388, 392.

****) №96. Позднія розсказни австрійцевъ, что турокъ подъ Бѣлградомъ въ 1738 г. было 300 тысячъ—придуманы для извиненія себя.

посолъ, гр. Кейзерлингъ, съ убѣдительною просьбою — не соглашаться на отправку русскихъ войскъ въ Венгрію чрезъ Польшу, въ виду настроенія умовъ шляхты. Мы видѣли, визирь разсчитывалъ на сочувственное возстаніе въ Польшѣ и первый слухъ о перезимовкѣ уже подымалъ шляхту. Теперь была еще свѣжа память объ отступленіи Миниха отъ Днѣстра чрезъ Польшу *).

Въ концѣ января прибылъ Ласи, а затѣмъ и Минихъ съ юга, между тѣмъ какъ старый представитель цесаря на Невѣ, заносчивый графъ Остейнъ, не разъ источникъ самыхъ досадливыхъ испытаній для Остермана, навсегда оставлялъ Петербургъ: его замѣстилъ Ботта, присланный и къ предстоящему бракосочетанію наслѣдницы, Анны Леопольдовны. Ждали отвѣта изъ Вѣны по вопросу о русской субсидіи вмѣсто корпуса: онъ получился только въ началѣ марта. Не смотря на свою худобу, императоръ былъ рѣшительно противъ нашихъ миліоновъ и требовалъ однихъ солдатъ Пришлось уступить въ томъ смыслѣ, что рѣшили повторить декларацію прошлаго года: мы опять движемся и направляемъ противъ турокъ тѣ же двѣ арміи, Миниха и Ласи; Ласи въ Крымъ для одного удержанія татаръ, но Минихъ уже идетъ не Степью, а кратчайшимъ, западнымъ путемъ чрезъ Польшу, имѣя въ виду верхній Днѣстръ и Трансильванію, гдѣ по-старому сидѣлъ Лобковицъ, а цесарь «по крайнѣйшей возможности» исполняетъ свои обязательства. На вторую роль мы не перешли.

Движеніе съ нашей стороны имѣло начаться возможно раньше. Самъ Остерманъ сейчасъ же открылъ усиленную дѣятельность по разсылкѣ приказовъ въ арміи относительно предстоявшихъ операцій, а Минихъ уже 7 марта отбылъ назадъ въ Украину, хотя, по словамъ Рондо, въ Петербургѣ почему-то

*) Еще въ 1737 г. Рондо замѣтилъ, что за нашею арміей въ Крымъ слѣдовала пустыня. (Депеши ор. с., р. 192). Вспомнимъ бѣдность продовольствія. По словамъ Дапонтеса, Порта въ февралѣ 1739 г. получила отъ Польши обѣщаніе нейтралитета (Ephém. Daces, II, 181). Рондо прямо показываетъ, что Кейзерлингъ прибылъ въ Петербургъ 2 января (Депеши, ор. с., 412). Въ виду этого, странна дата—6 января—въ письмѣ того же Кейзерлинга изъ Дрездена къ Радзивилу въ Литву, въ которомъ онъ пытается предрасположить гетмана въ пользу свободнаго прохода русскихъ войскъ чрезъ Польшу, убѣждая, что онъ будетъ безупречный — «innoxius», и которое помѣщено въ Виленскомъ Археографическомъ Сборникѣ, VII. № 157. Развѣ новый стиль..

были того мнѣнія, что старый графъ въ эту кампанію ничего не предприметъ *). Но уже въ апрѣлѣ многочисленные развѣдчики Миниха были за Днѣстромъ, въ Молдавіи и Валахіи; одинъ изъ нихъ, подъ видомъ оффиціальнаго посла отъ недовольныхъ-де запорожцевъ («барабашевъ») къ султану о новомъ подданствѣ, былъ, по указанію изъ Польши, схваченъ въ Хотинѣ **), другой очутился скоро въ Трансильваніи, вербуя тамъ добровольцевъ.

Наконецъ, въ началѣ мая оба союзника подписали конвенцію - «крайнія свои силы употребить», чтобы, наконецъ, у «гордаго непріятеля пристойный миръ вынудить», такъ какъ, по ихъ искреннему признанію теперь, всѣ дѣйствія Россіи, «яко главной воюющей стороны», и Австріи, «яко союзника», въ теченіе обоихъ лѣтъ «противъ послѣднаго непріятеля имени христіанскаго были недостаточны» ***).

Войска еще были на мирныхъ винтеръ-квартирахъ, но мелкія дѣйствія открылись съ открытіемъ новаго года и здѣсь, и тамъ, на Днѣстрѣ и на Дунаѣ. Какъ предвидѣлъ Минихъ еще въ октябрѣ, доказывая Лобковицу невозможность посылки русскаго корпуса въ Трансильванію, на насъ зимою напали татаре ****). Но на среднемъ Дунаѣ роль татаръ тогда же выпол-

---

*) Депеши, ор. с., р. 442, отъ 10 марта.

**) Ephém. Daces, II, 196—197. Добровольнымъ сыщикомъ Порты и раньше, и позже былъ, по Даионтесу, воевода Кіевскій, т. е. Потоцкій. Онъ и уличилъ «барабаша», мнимаго запорожскаго посла, въ Хотинѣ. Злоба Потоцкаго противъ Россіи и злобныя сношенія съ Турціей идутъ еще отъ времени борьбы изъ-за Лещинскаго: онъ былъ опорой того въ Подоліи вмѣстѣ съ своею роднею. (Ср. выше, 64, 161, прим. 3). Въ крымскую кампанію 1736 года Минихъ захватилъ у Бахчисарая агента того же Потоцкаго, шляхтича Буковскаго, высланнаго къ крымскому хану для побужденія его противъ Россіи. (Дневникъ Миниха въ Beiträge E. Herrmann'a, 213—217). Въ походъ Миниха на Днѣстръ въ 1738 г. имѣнья Потоцкаго на югѣ Подоліи особенно пострадали. Ср. выше. 412, прим. 1.

***) Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, I, № 12. Отъ 12 мая.

****) Nous nous préparons mesme à une campagne d'hyver puisque les Turcs et les Tartares tant sur le Dniester que du coté de la Crimée se préparent à visiter nos frontières aussitôt que les rivieres seront gelées». Отъ 9 окт. 1738, Hurmuzaki, Docum., v. VI, № 294

нялп австрійцы, напавъ съ неменьшимъ, чѣмъ татаре, ожесточеніемъ на своихъ возставшихъ — православныхъ сербовъ п румынъ южной Венгріп и Трансильваніп, п творя надъ нпми невообразимыя жестокости, за ихъ довѣріе, и не безъ основанія, къ бусурманамъ — къ Турціи. Мы видѣли, народъ въ императорской Сербіи охотно уходилъ въ Турцію. Прибавимъ, что подобное же явленіе — симпатіи къ туркамъ — имѣло мѣсто нѣсколько раньше среди грековъ Пелопонеса, попавшихъ, послѣ карловацкаго мира, подъ власть Венеціи: въ войнѣ съ Венеціей 1716 г. греки были на сторонѣ Турціи, прося ее объ освобожденіи.

Въ Прагѣ убогіе публицисты воспрянули духомъ: они совсѣмъ счастливы отъ открывшихся нашихъ успѣховъ надъ татарами, подобно тому какъ въ Петербургѣ наша газета была довольна одновременной безжалостной расправой цесаря надъ своимъ православнымъ народомъ, но который уже успѣлъ нѣсколько организоваться даже по-военному.

Январское вторженіе буджацкихъ татаръ, подъ начальствомъ аккерманскаго султана, въ Украину было неудачно: татаре, въ числѣ 3 тысячъ, погибли въ Днѣпрѣ. Но тогда другая орда напала на польскую Украину и, по выраженію чешскихъ публицистовъ, выместила тамъ свою злобу (wsselikau zlost tam zpáchali) огнемъ и мечемъ. Зато полная неудача ждала позже крымскихъ татаръ при нападеніи на Кабарду: ихъ встрѣтилъ съ калмыками Дондукъ Омбо и погналъ назадъ. «Мало кто, отмѣтили съ удовольствіемъ у себя чехи, возвратился изъ татаръ домой: бо́льшая часть ихъ или утонула въ Кубани, или была перестрѣлена козаками, какъ водныя птички» *).

*) Practica astorn.-astrologica, на 1740 годъ. У Рондо сухо: 3 тыс. убито на мѣстѣ, тысяча утонула въ Кубани, 3 тыс въ плѣнъ. (Депеши, op. c., p. 476). Въ томъ же духѣ ведетъ разсказъ, помѣщенный не въ общемъ обзорѣ событій, а особо, въ святцахъ, межь строкъ, и «Nowý hospod. Kalendárz», на 1740 г., и его нѣмецкое изданіе «zu Ehren S. Adalberti»: Дондукъ-Омбо сдѣлалъ-де непріятный визитъ татарамъ (nepzjgemně nawsstjwil) и привелъ ихъ въ безвыходное положеніе (do auzka wehnal); убитыхъ, плѣнныхъ масса, масса скота, коней и «татаре на Кубани пришли въ такой страхъ, что уцѣлѣвшіе, со всей своей рухлядью, женами и дѣтьми, ушли въ горы, къ Черному морю».

Но тѣ же чешскія изданія скупы на чувство въ передачѣ подвиговъ у себя своихъ, въ Венгріи.

Въ концѣ января 1739 года, говоритъ чешскій обозрѣватель, разбойники и валашскіе крестьяне въ Банатѣ чинили многочисленныя своеволія (wegtrżnosti), противъ нихъ были посланы императорскія войска. У Карансебеша они встрѣтили валаховъ и храбро аттаковали; но тѣ упорно защищались. Только когда ихъ тысяча человѣкъ легло на мѣстѣ, остальные бѣжали. Цесарцы получили огромную добычу въ скотѣ, припасахъ, деньгахъ и серебряной посудѣ, а многія села обращены въ пепелъ. Въ-слѣдъ за этимъ капитанъ сербской милиціи, Станиша, разбилъ другой, меньшій отрядъ валаховъ, но который былъ раздѣленъ на три батальона, и начальникъ ихъ, Яковъ, палъ на мѣстѣ; крестьяне бѣжали въ горы.

Но болѣе живая картина той же любопытной борьбы императорскихъ войскъ съ своими православными крестьянами на страницахъ нашей газеты.

Въ февралѣ турки собирались напасть на Темешваръ, и наши Вѣдомости сообщали изъ Вѣны, что они, предварительно этого, соединились съ бунтующими волохами, «въ намѣреніи, чтобы и на лежащія на р. Марошѣ деревни и мѣстечки нападеніе учинить и всѣхъ жителей къ присягѣ и къ контрибуціи силою (!) принудить». Но цесарцы выжгли 50 волошскихъ деревень, а генер. Лентулусъ «непокорныхъ съ женами и дѣтьми до одной души порубить велѣлъ». А позже, въ маѣ, ген. Валисъ, новый главнокомандующій, открылъ кампанію въ томъ же Банатѣ вѣшаньемъ—«въ невѣрности обличенныхъ особъ *).

---

*) 1739 г., №№ 5, 16, 28. 48. Всѣ эти сообщенія подтверждаются и Дапонтесомъ: турки вмѣстѣ съ «сербами» пошли на Темешваръ; у Вершеца они разбили нѣмцевъ, за что нѣмцы и стали неистовствовать: масса простой райи, ихъ «кнезы» были отвезены въ Темешваръ. Остальные стали м о л и т ь султана спасти ихъ. То же повторилось и въ маѣ. (Ephém. Daces, II, 182—183, 207, 212). Тогда же, въ маѣ, упоминается какой-то русскій Амвросій (изъ развѣдчиковъ Миниха?), вербовавшій въ Кронштадтѣ (въ Трансильваніи) сербовъ и волоховъ (ib., 220). — Въ 30-хъ годахъ прошлаго стол. унія въ Трансильваніи сильно поколебалась: приходы сотнями, даже среди мадьяръ-секлеровъ, возвращались къ родному православію. Особенно ненавистенъ былъ «инспекторъ» за новыми уніатами изъ іезуитовъ. (Ср. выше у насъ, стр. 254). См. Hurmuzaki, Fragmente zur Geschichte der Rumänen, II B., 101—104. Что упоминаются сербы, это не только потому, что валахи въ церкви употребляли церковно-славянскій языкъ: епархія Вершеца была почти сплошь сербская еще долго. Ср. выше, 401, примѣч. второе.

Такъ нѣсколько своеобразно открылась у нашего союзника новая кампанія, и очень рано, въ отместку не сидѣвшимъ впрочемъ сложа руки и туркамъ *).

Прогностики на 1739 г. въ чешскихъ календаряхъ предсказывали по своей астрологіи, что надо ожидать не только сильной войны между тремя государями, но и особенныхъ движеній (zwispalten und uneinigkeiten) среди людей вообще **).

Дѣйствительно, наша газета съ удовольствіемъ сообщала изъ Вѣны о начавшемся якобы движеніи среди далекихъ албанцевъ въ пользу Австріи. «Сказываютъ, читаемъ въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ, будто изъ Альбаніи къ нашей (т. е. австрійской) арміи многіе знатные люди пріѣхавши заподлинно увѣряли, что ежели бъ къ нимъ довольную помощь прислать, то-бъ сія провинція, изъ-подъ турецкаго ига свободясь, вся подъ цесарское владѣніе пришла» ***). Конечно, эти вѣсти были особенно пріятны для Вѣны: въ перспективѣ улыбалась не одна Боснія. Но важнѣе были пока для нея иныя вѣсти, съ Дуная: отъ нихъ зависѣло и «освобожденіе Альбаніи». Впрочемъ, въ характерѣ ихъ въ Вѣнѣ не сомнѣвались.

«Мы, писали изъ Вѣны 8 іюля нашей газетѣ, ожидаемъ на сихъ дняхъ изъ Венгріи добрыхъ вѣдомостей, и наша армія теперь на ровномъ мѣстѣ у Семендріи, на 6 миляхъ въ длину и на 4 въ ширину стоитъ; турки-же еще по сіе время въ горахъ (у Ниша) тихо стояли, а, можетъ быть, для того, что предки ихъ, на сихъ мѣстахъ баталію проигравши, великое нещастіе претерпѣли, и для того они благополучнаго случая дожидаются и способнаго себѣ мѣста усматриваютъ» ****).

---

*) Послѣ Темешвара, турки въ тихомолку пытались было захватить Шабацъ на Савѣ, чтобы совсѣмъ окружить Бѣлградъ. Было воскресенье, солдаты были въ церкви; турки подошли уже къ самымъ воротамъ, но гарнизонъ успѣлъ отразить: «туркамъ стало не по вкусу, особенно, когда ихъ товарищи остались на плацу, лежа вверхъ бородами». (Kalendárz на г. 1740).

**) «Neuer Prager Titular Calender», на 1739 г.

***) 1739, № 57.

****) № 59. «Турки у Ниша еще никакихъ движеній не дѣлаютъ» — въ іюнѣ. (№ 57)

Дѣйствительно, прошло немного дней и живая, нетерпѣливая Вѣна дождалась вѣдомостей изъ Венгріи, только — далеко недобрыхъ. Теперь надъ австрійцами разразилось «великое нещастіе», и на мѣстѣ, истинно «способномъ» для турокъ, сейчасъ у Семендріи (Смедерево).

Главные генералы у союзника оказались до сихъ поръ неудачливыми. Первый, Секендорфъ, уже второй годъ сидѣлъ въ заключеніи (въ Шпильбергѣ); съ старикомъ-католикомъ, Кенигсекомъ, были милостивѣе: зато онъ предметъ негодованія всей Вѣны. Наконецъ, третій, обѣихъ кампаній генералъ, зять императора, сидѣлъ уже съ января въ своей далекой Флоренціи, выжидая утишенія духовъ среди растерявшейся столицы тестя. Но молодой герцогъ срока своего не досидѣлъ и съ весной, въ провидѣніи новыхъ дѣйствій, поспѣшилъ въ Вѣну съ предложеніемъ себя, своихъ старыхъ боевыхъ услугъ.

Но тесть-императоръ теперь отклонилъ доброе предложеніе зятя, въ виду неугасшаго къ нему чувства въ столицѣ, а главное, не желая видѣть повторенія «печальныхъ испытаній». Назначенъ былъ давно, еще съ апрѣля, старый служака, гр. Валисъ *). Грубый, невыносимый, Валисъ, въ виду своего опыта и знанія, и у враговъ пользовался уваженіемъ. Можно было думать, что старикъ не повторитъ недавняго прошлаго; но на дѣлѣ онъ оказался еще неудачнѣе, чѣмъ оба его предшественника — протестантъ и католикъ.

Мы видѣли, уже въ началѣ іюля Вѣна толковала про себя, что турки робѣютъ, и не предчувствовала, что эта робость недвигавшихся турокъ была мнимою, что чрезъ немного дней

---

*) «Die traurigen Erfahrungen» у Арнета, op. c., I, 49. Арнетъ думаетъ, что главный мотивъ отказа герцогу Лотарингскому опасеніе чумы (ib.) Дѣйствительно, по словамъ Дапонтеса, чума тогда неистовствовала въ Темешварѣ и Бѣлградѣ. (Ephém. Daces, II, 192). И байлъ Контарини доносилъ въ іюнѣ изъ Перы, что чума свирѣпствовала не только въ обоихъ тѣхъ городахъ, но и среди императорскаго войска, внося въ ряды его ужасъ, смятеніе и бѣгство. (Hurmuzaki, Docum., v. IX, part. I, № 781). Но чума не менѣе дѣйствовала и оба предыдущіе года, а герцогъ командовалъ. Тяжкій опытъ доказалъ его непригодность, какъ на это давно указывалъ Секендорфъ.

сами австрійцы попадутъ прямо въ пасть своему противнику, что засимъ и финалъ, безпощадный, трагическій, всѣмъ расчетамъ нашего союзника и въ моментъ, самый рѣшительный для насъ— въ моментъ блестящаго, наконецъ, успѣха Миниха. Тутъ дѣйствительно произошло роковое стеченіе обстоятельствъ *).

Въ отличіе отъ прежнихъ кампаній, Валисъ нѣсколько быстрѣе собралъ войска; не смотря на чуму, въ іюнѣ армія была у Землина, 27-го съ громаднымъ трудомъ перешла она чрезъ широко разлившуюся Саву и стала у Бѣлграда. Не считая пандуровъ и сербской милиціи, было болѣе 50 тысячъ. Правда, эта армія была скомкана изъ полковъ всѣхъ нѣмецкихъ курфирстовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, мелкихъ имперскихъ князей; но были наняты и испытанныя войска саксонскія и изъ Голландіи, какъ это было нѣкогда, при осадѣ Вѣны въ 1683 году. Флотилія Палавичини собралась также у Бѣлграда, для параллельныхъ дѣйствій внизу Дуная. Центръ вниманія — все Виддинъ, но при прямомъ приказаніи императора — не медлить и искать всяческаго повода дать битву **). Уже духъ былъ бодръ, впереди—надежды, конкеты...

Въ виду требованія быстроты, Валисъ въ началѣ іюля оставилъ Бѣлградъ и 10-го былъ у Винцы (Zweibrücken) на Дунаѣ. За нимъ двинулась и флотилія на встрѣчу турецкимъ шайкамъ (saiques).

Авангардъ Береклау (критика Миниха) сейчасъ же открылъ турокъ, но былъ горячо встрѣченъ и разбитъ. Между тѣмъ изъ судовъ дали знать, что массы турокъ идутъ вдоль Дуная къ Гроцкѣ, на встрѣчу арміи ***).

Длинное ущелье среди стремнистыхъ горъ вдоль Дуная лежало впереди австрійцевъ; при выходѣ оно расширялось въ холмистую равнину, покрытую роскошными виноградниками и

---

*) Лаландъ свидѣтельствуетъ, что этотъ годъ разбилъ всѣ надежды двора, что изъ всѣхъ лѣтъ долгаго правленія Карла VI не было ни одного, отмѣченнаго «столь досадливыми разочарованіями (par d'aussi fâcheux revers): я долженъ вскрыть обстоятельства, роковыя и прискорбныя для всѣхъ христіанскихъ державъ» (Histoire, V, 87).

**) «Journal» кампаніи 1739 г., 194.

***) По Дапонтесу, и визирь еще въ Нишѣ рѣшилъ — 2 іюля двинуться на Бѣлградъ и атаковать нѣмцевъ. (Ephém. Daces, II, 221).

лѣсомъ; уже при спускѣ съ нея, у глубокаго ручья, впадающаго въ Дунай, расположена была Гроцка (у турокъ Гисарджикъ) гдѣ стояли янычары; главныя же силы визиря были еще поодоль, на пути отъ Смедерева.

Но кто кого и гдѣ встрѣтитъ? Пунктъ былъ опасный: ущелье — пасть.

«Можно было думать, говоритъ участникъ кампаніи, что Валисъ приметъ новыя мѣры въ виду открывшихся вблизи турокъ; но онъ не измѣнилъ ничего въ сдѣланныхъ раньше диспозиціяхъ» — идти впередъ прямо на Гроцку, крайне раздраженный неудачею Беренклау *).

10/21 іюля въ сумерки отрядъ въ 100 сербовъ открылъ движеніе къ Гроцкѣ; за нимъ гусары, конные полки, гренадерскіе роты и, наконецъ, пѣхота. По ужасающей дорогѣ, узкой колоной, медленно двигались войска чрезъ ущелье всю ночь. На разсвѣтѣ сербы и гусары вышли изъ ущелья и рынулись безумно на турецкіе аванпосты: тѣ безъ отпора попятились назадъ, австрійцы за ними и наткнулись на крупныя силы турокъ, скрывавшіяся межъ садовъ и кустовъ винограда. Съ отчаяннымъ гикомъ бросились турки со всѣхъ сторонъ на всадниковъ и смяли ихъ; тѣ стремглавъ назадъ, наткнулись на своихъ, на приближавшіяся къ выходу изъ ущелья колоны и произвели въ рядахъ ихъ смятеніе.

Кое-какъ выкарабкались первые полки изъ роковаго ущелья и стали въ каре. Конныя аттаки были безуспѣшны; но турки нещадно били изъ-за садовъ, изъ-за деревьевъ. Полкъ не въ состояніи былъ помогать полку; но каждый за себя дрался съ ожесточеніемъ. По мѣрѣ выхода новыхъ полковъ изъ ущелья битва становилась жарче и кровопролитнѣе. Съ ятаганами въ рукахъ яростно врывались албанцы и янычары въ ряды австрійцевъ и страшно опустошали. Кусты, изгородь мѣшали однимъ и укрывали другихъ. Наконецъ, вышли и главныя силы подъ командой Нейперга, и кровопролитіе стало неи образимымъ. «Кровь, говоритъ букарештскій хронистъ, лилась ручьями, трупы лежали громадными грудами». Но и туркамъ, по ихъ признанію, было тяжело; только съ прибытіемъ визиря, когда свѣжіе полки,

*) «Journal» кампаніи 1739 г., 196.

съ музыкой, стали постепенно входить въ бой, перевѣсъ явно сталъ склоняться на сторону турокъ. У австрійцевъ уже не хватало патроновъ, а страшный іюльскій зной довершилъ испытанія: недостача провіанта, и въ теченіе дня ни капли воды; Дунай за горой, но турки не допускали. Наконецъ, когда одинъ изъ полковъ рынулся было на самыя укрѣпленія турокъ у Гроцки и былъ отраженъ: бѣгство его произвело общее смятеніе и положило конецъ кровопролитію. Съ заходомъ солнца, послѣ 12 часовъ боя, австрійцы тихо, безъ малѣйшаго звука, отступили чрезъ то же ущелье, а затѣмъ быстро понеслись къ Врачару подъ укрѣпленія самаго Бѣлграда—въ свое привычное убѣжище, гдѣ были уже на другой день (13/24 іюля). Турки не преслѣдовали; а то съ высокихъ боковъ ущелья они могли бы уничтожить послѣдніе остатки арміи Валиса.

Бой у Гроцки стоилъ Валису болѣе 20 тысячъ, т. е. почти половина арміи выбыла изъ строя. Вполнѣ справедливо этотъ бой считался у австрійцевъ однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ («eine der blutigsten, die je geschlagen worden» *]); но въ этомъ признаніи

---

*) Wurzbach, Biographisches Lexikon d. K. Oesterreichs, XX B., p. 159. Описаніе знаменитой битвы—«Journal de campagne» въ «Mémoires secrets», p. 197—205; de-Keralio, Histoire, II, 162 сл., La-Lande, Histoire, V, 111—115. Турецкія извѣстія въ Ephém. Daces, II, 237—244; по нимъ, у австрійцевъ выбыло: 12 тыс. убитыхъ и раненыхъ, 8 тыс. въ плѣнъ, т. е. 20 тыс. Но хронистъ увѣряетъ, что «нѣмцы постыдно бѣжали, оставивъ свои палисады», и что ихъ турки страшно преслѣдовали: въ ущельѣ масса убитыхъ. По Лаланду, якобы французскіе офицеры и самъ Боневаль (онъ 2 іюня съ почетомъ былъ возвращенъ изъ ссылки—Ephém. Daces, II, 217) руководили боемъ. Но главная причина — природа была противъ австрійцевъ, какъ въ прошломъ году на Днѣстрѣ у Миниха. Но правъ и Кералльо: «армія была побѣждена не столько отъ непріятеля, сколько отъ поведенія своихъ генераловъ» (II, 165). Одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ полковниковъ показалъ, что 70-лѣтній Валисъ «brave, chevaleresque, très audacieux, mais emporté et violent» (Ephém. Daces, II, 242). Обстоятельное военное описаніе битвы см. у F. von der Wegnen, Geschichte des öster. 13. Dragoner Regim., Wien, 1879, 188—296 Наши пражскіе календари пораженія не признаютъ; отступленіе было такъ, добровольное; бѣгства подъ Бѣлградъ не было; напротивъ, когда на утро послѣ Гроцки турки явились у Винцы, «вѣроятно, въ той надеждѣ, что будутъ собирать плоды своей мнимой побѣды—они обманулись: они были непріятно встрѣчены выстрѣлами» и назадъ и пр. Такъ въ чешскомъ и нѣм. изданіи Календарей на 1740 г. Обычный языкъ въ извѣстныхъ случаяхъ

для дѣла было столь же мало утѣшительнаго, сколько и въ сообщеніи нашихъ чешскихъ публицистовъ, что у турокъ выбыло изъ строя вдвое болѣе, или въ успокоеніи С.-Петерб. Вѣдомостей, что битва была ни въ чью, и цесарцы отступили въ образцовомъ порядкѣ.

Турки, по словамъ хрониста, ликовали, а нѣмцы были въ ужасѣ, и визирь тотчасъ же приказалъ обоимъ своимъ вѣрнымъ васаламъ, господарямъ Маврокордату и Гикѣ, шумно отпраздновать день Троицы. «Этотъ успѣхъ, писалъ Маврокордату визирь, одинъ изъ наиболѣе славныхъ и замѣчательныхъ, какіе только были у насъ, и мы сообщаемъ тебѣ о немъ для бо́льшаго величія Божія».

«Можно предвидѣть, заключаетъ Дапонтесъ, что турки Бѣлградъ возьмутъ». Дѣйствительно, едва разбитая армія расположилась за укрѣпленіями Бѣлграда, какъ сейчасъ-же, 15/26 іюля, подошли и турки, и въ ту же ночь ошеломленный Валисъ перевелъ войска на тотъ берегъ Савы, сжегши за собой мосты. Бѣлградъ былъ предоставленъ своей судьбѣ, а 18 іюля визирь потребовалъ его сдачи. Редутъ падалъ за редутомъ; турки повели апроши отъ Дуная къ Савѣ; заготовлялись фашины, лѣстницы для штурма. А Валисъ, гонимый страхомъ, все удалялся отъ Дуная и остановился только у далекаго Сланъ-Камена, и еще съ массою больныхъ. Тяжелая артиллерія изъ Бѣлграда была уже вывезена въ Петроварадинъ, а комендантъ Бѣлграда, Суковъ, доносилъ, что крѣпость не въ состояніи держаться *).

Положеніе было критическое. Растерявшійся Валисъ, подъ диктовку своего отчаянія, послалъ свои соображенія императору, что миръ нуженъ во что бы то ни стало, что можно пожертвовать и самимъ Бѣлградомъ, срывъ его (raser), чтобы только спасти остальное **). Старику чудилось уже, что и Варадинъ

---

*) Классической отмѣткой запечатлѣлъ для потомства современникъ, венгерскій монахъ—историкъ, постыдное бѣгство Валиса и трусость Сукова: «panico terrore correptus, transmisso Sauo Salankemenum usque exercitum reduxit», т. е. Валисъ; «Succow, loci (Бѣлграда) gubernator, trepidare coepit» (C. T Palma, Notitia rerum Hungaricarum, p. III, 514).

**) Journal de campagne, въ Mém. secr., p. 222—228.

нельзя будетъ удержать, что турки скоро господа всей Славоніи, перейдутъ Драву, свободны до самой Вѣны.

Не трудно представить себѣ душевное состояніе Карла и его самоувѣренной Вѣны, по полученіи давно жданныхъ «новыхъ вѣдомостей» изъ Венгріи — о Гроцкѣ и Бѣлградѣ...

«Съ трудомъ можно изобразить, говоритъ очевидецъ, тотъ ужасъ (consternation), который произвела среди двора и столицы вѣсть о битвѣ при Гроцкѣ» *).

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, одинъ сваливалъ вину на другаго, никто не признавалъ себя виновнымъ ни въ чемъ. Министры обвиняли другъ друга за то, что впутались въ ненужную-де войну, какъ бы повторяя теперь упреки турокъ на Немировскомъ конгресѣ, что цесарь «присталъ со стороны, безъ причины» (см. выше, стр. 306), и своими пререканіями увеличивали общее смятеніе **). Съ особеннымъ негодованіемъ относились къ другу императора, Бартенштейну, всегда горячему стороннику войны съ Турціей. Столичная улица, по своему обычаю, собиралась разнести домъ всесильнаго разночинца. Позабыли только, что долго думали, раньше чѣмъ «впутались» въ войну, и впутались изъ-за своихъ своекорыстныхъ цѣлей, чтобы парализовать политику Россіи, упредить и не допустить ее, своего союзника, до Молдавіи, «распространенія границъ до Дуная» (Молдавія и Валахія напередъ были объявлены овладѣнными, ср. выше, 312), изъ-за суммы тѣхъ соображеній, которыя Остерманъ на Немировскомъ конгресѣ такъ мѣтко обозвалъ словомъ — злючесть. (Ср. выше, 295). Остановились было, какъ на послѣднемъ средствѣ спасенія, на мысли—вручить начальство надъ арміей баварскому курфирсту; но это привело, въ свою очередь, въ крайнее смущеніе герцога Лотарингскаго и Марію Терезію: всплыли сейчасъ же у нихъ, какъ кошмаръ, тяжелыя воспоминанія прошлаго года о престолѣ, о передачѣ правъ. Но надо было дѣйствовать.

---

*) La-Lande, op. c., V, 115.
**) Arneth, op. c., I, 49.

Въ отвѣтъ на сообщенія и соображенія разбитаго Валиса императоръ сейчасъ же уполномочилъ его поспѣшить съ заключеніемъ мира, и на случай, если все потеряно, съ уступкой туркамъ самаго Бѣлграда.

Между тѣмъ турки тѣснѣй и тѣснѣй облегали Бѣлградъ. Брешь шла за брешью; траншеи приблизились на-столько, что уже стрѣляли изъ ружей. Все было готово къ штурму. Свѣжія войска изъ Босніи перешли на ту сторону Савы и отъ Землина орудія громили Бѣлградъ *) Всю ночь на 2 августа не прекращалась канонада, когда утромъ въ турецкій лагерь прибылъ парламентеръ отъ Валиса — съ предложеніемъ о прекращеніи огня и о мирныхъ переговорахъ. Визирь потребовалъ, во избѣжаніе готовящагося штурма, безусловной сдачи Бѣлграда, а конгрессъ сейчасъ же въ Землинѣ для заключенія мира на «наиболѣе разумныхъ условіяхъ». Валисъ опять послалъ, требуя объявленія прелиминарій, этихъ условій; визирь ихъ указалъ: сдача Бѣлграда и возстановленіе границъ Турціи по карловацкому договору. И третья пересылка не дала ничего **).

Но едва старый Валисъ сдѣлалъ первую попытку употребленія своихъ мирныхъ полномочій, какъ былъ лишенъ ихъ.

Частныя сообщенія изъ Бѣлграда указывали на всю ошибочность дѣйствій главнокомандующаго послѣ пораженія у Гроцки: оставленіе Бѣлграда на произволъ судьбы, спѣшное отступленіе за Саву, что съ Гроцкой не все было потеряно, и недоумѣвающій императоръ поспѣшилъ лишить полномочій Валиса и передалъ ихъ подчиненному генералу, графу Нейпергу, храброму участнику гроцкаго боя.

Прямо изъ Вѣны, обуреваемый разнообразными впечатлѣніями: общимъ паденіемъ духа у императора и въ войскѣ, страстнымъ желаніемъ мира оцѣпенѣвшей столицы, но болѣе чѣмъ вѣроятно въ виду особыхъ, частно-тайныхъ, инструкцій

---

*) Ephém. Daces, II, 266, 265.

**) Держимся данныхъ, что въ Ephém. Daces, II, 267—269. О троекратной посылкѣ ср. La-Lande, Histoire, V, 121; Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. IV, 361. Для справокъ объ измѣненіи европейскихъ границъ Турціи въ XVII и посл. вѣкахъ см. карты въ популярной книгѣ бар. de la Barre de Nanteuil: L'Orient et l'Europe depuis le XVII siècle, Paris (1898).

отъ Маріи-Терезіи, графъ Нейпергъ прямо изъ Вѣны поспѣшилъ чрезъ Бѣлградъ въ турецкій лагерь, почти одинъ, лишь съ переводчикомъ Момарсомъ и дорожнымъ сакомъ, безъ предувѣдомленія, за миромъ *). Онъ прибылъ туда 7/18 августа. Что почув-

*) Arneth., op. c., I, 51, утверждаетъ, что мысль, что Нейпергъ имѣлъ тайное порученіе отъ Маріи-Терезіи заключить миръ во что-бы то ни стало, въ виду возможности близкой смерти отца и необходимости ожидать сейчасъ же политическихъ осложненій по наслѣдованію, «лишена всякаго основанія». Но онъ здѣсь только буквально повторяетъ Гаммера и другихъ, съ тѣми же доказательствами. Но старый Meynert (Geschichte Österreichs, V B., 2 Abth., 388) говоритъ прямо: «у Нейперга, помимо оффиціальнаго полномочія отъ императора на достойный миръ, была и тайная инструкція — заключить поскорѣй миръ на всякихъ условіяхъ — отъ Маріи-Терезіи и ея мужа». Необычайная спѣшность Нейперга и дальнѣйшія отсюда послѣдствія вполнѣ понятны при наличности такой частной инструкціи. Двукратное появленіе на сцену баварскаго курфирстра, постоянная опасность для Маріи-Терезіи отсюда по вопросу о престолѣ—были слишкомъ чувствительны для нея и ея мужа. Кругомъ ихъ были одни враги Когда вскорѣ по окончаніи войны Марія-Терезія разрѣшилась въ третій разъ и третьей дѣвочкой, при дворѣ стали пошло-глупо вытыкать: «отъ этой четы только и можно ожидать дѣвочекъ». (Arneth, op. c., I, 51). Ставчаны, Хотинъ, Минихъ въ Яссахъ — все это совершилось позже, почему объ этомъ не можетъ быть рѣчи при вопросѣ о спѣшности искапія мира Но случись это раньше, можетъ быть, и безъ Гроцки и Валиса Вѣна поторопилась бы съ сепаратнымъ миромъ на всякихъ условіяхъ. . Вѣдь Молдавія уходила въ Россію; а вредъ и помѣшательство — пріемъ Вѣны, давно отмѣченный Остерманомъ (ср. выше, 295). Современный австрійскій историкъ прямо признаетъ, что и дурное чувство (Misstrauen) къ Россіи у Карла было не безъ участія въ его желаніи мира съ турками. (Krones E., Grundriss der oesterr. Geschichte, 657). Посылка Нейперга съ полномочіями сейчасъ же стала предметомъ путаныхъ, лживыхъ показаній со сторонъ самыхъ оффиціальныхъ лицъ; до того люди въ Вѣнѣ изолгались. Такъ, самъ министръ Синцендорфъ въ глаза передъ нашимъ посланникомъ Ланчинскимъ отрицалъ за посылкой съ полномочіями Нейперга—оффиціальное значеніе и, тутъ же обличенный посланникомъ, ни мало не сконфузился и продолжалъ говорить, увертываться. (Соловьевъ, Исторія Р., XX, 165). О прибытіи Нейперга въ турецкій лагерь у Данонтеса источники. (Ephém. Daces, II, 275). Иначе и у Гаммера, op c., IV. 362. Вообще много несогласующихся данныхъ въ исторіи заключенія Бѣлградскаго мира Нейпергомъ, какъ это указалъ еще W. Coxe въ своей «Histoire de la maison d'Autriche» (переводъ Henry). т. IV (Paris, 1810), 514, прим. Въ заключеніе своего изложенія, англійскій историкъ могъ сказать одно—что отдаленность отъ эпохи не дозволяетъ легко «раскрыть всю таинственность этихъ необыкновенныхъ переговоровъ» (ib., 519). Какъ видимъ, и сегодня не все раскрыто.

ствовали тогда визирь, его турки, среди которыхъ были и дѣятели Немировскаго конгреса, конечно, хорошо помнившіе «несносныя претензіи» Австріи, ея роль тогда — «законы предписывать»? Какъ разъ къ этому времени — 4/15 августа — прибылъ въ лагерь и посредникъ, Вильневъ, вызванный изъ Ниша, а на другой день былъ принятъ визиремъ. Вызовъ былъ сдѣланъ въ виду близившейся развязки.

Нейпергъ объявилъ свои полномочія — traiter, agir, terminer la guerre *), и при посредничествѣ Вильнева открылъ мирные переговоры. Но бомбадировка Бѣлграда продолжалась.

Между тѣмъ императоръ Карлъ, подъ тяжестью думъ о судьбѣ Бѣлграда, весь одно негодованіе на своихъ генераловъ, повторялъ одно: «мнѣ измѣнили, меня продали» (были свѣдѣнія, что въ крѣпости даже порохъ былъ на двѣ трети смѣшанъ съ землей) и, въ-слѣдъ за уполномоченьемъ Нейперга, послалъ въ Бѣлградъ генерала Шметау смѣнить Сукова, осмотрѣть и еще разъ поправить злополучную крѣпость **).

Въ день отбытія Нейперга изъ Бѣлграда въ турецкій лагерь, 7/18 августа, Шметау оставилъ Вѣну и 10 былъ у Валиса. Уже произведенный имъ осмотръ полуразбитыхъ укрѣпленій Бѣлграда дозволилъ ему думать, что отчаянію Валиса не было мѣста. Шметау возвелъ сейчасъ-же рядъ новыхъ баттарей, удачно отбивалъ непрерывавшіяся аттаки турокъ, а въ половинѣ августа снова появился въ Бѣлградѣ Валисъ. Несчастный злобствующій старикъ ***) остался теперь доволенъ положеніемъ крѣпости и, еще недавно полонъ одного отчаянія, теперь носился съ иными мыслями. Онъ готовъ былъ, по словамъ Шметау, стянуть къ Бѣлграду снова свои войска изъ-за Савы, выйти изъ такъ на-

---

*) См. Actes de négotiations servant à completter les Mémoires secrets, Vienne, 1788. О прибытіи Вильнева—Ephém. D., II, 272.

**) Krones F., Grundriss der oesterr. Geschichte, 2, IV, 143. О посылкѣ Шметау — Mémoires secrets, J. Sporschil, Geschichte des Entstehens, des Wachsthums und der Grösse der Österr. Monarchie, V B., 879—880. Въ немногихъ словахъ объясняетъ и Кронесъ причину неудачъ австрійцевъ: die Krebsschäden der Armeeverwaltung, die Uneinigkeit, Vielköpfigkeit im Commando (op. c., I, 657).

***) Позже его въ Вѣнѣ обвиняли, что онъ — изъ злобы на Нейперга — задержалъ у себя новыя приказанія отъ императора для того. (Wurzbach, Biogr. Lexikon, XX, 159).

зывавшихся линій и дать генеральную битву, повторить пріемъ Евгенія Савойскаго въ 1717 году, а тамъ уже какъ Богъ дастъ.

Но открывшаяся вспышка рѣшимости запоздала: Нейпергъ въ турецкомъ лагерѣ былъ уже готовъ съ своимъ миромъ.

Но здѣсь мы должны оставить послѣднія минуты Бѣлграда и обратиться назадъ, къ военному году у насъ, въ Миниху.

Въ томъ самомъ номерѣ (65) С.-Петерб. Вѣдомостей, гдѣ, на основаніи оффиціальныхъ извѣстій съ подтасовкою истины, о «прежестокой акціи» у Гроцки еще благодушнѣе, чѣмъ у пражскихъ публицистовъ, сообщалось, что «непріятеля съ его позиціи никоимъ образомъ сбить было невозможно», что отступленіе шло «препзряднымъ порядкомъ къ Бѣлграду въ линіи», а о самомъ Бѣлградѣ, что хотя армія сейчасъ-же «ради фуражу черезъ Дунай перешла, только всегда комуникацію съ Бѣлградомъ откровенно содержать потщится», что осада его ничего — онъ «довольное время подержится, всѣмъ потребнымъ довольно снабдѣнъ», — мы встрѣчаемъ и первое извѣстіе отъ Миниха.

Оно было отъ 20 іюля, изъ «Волоской земли», съ наивнымъ поясненіемъ — «обрѣтающейся подъ турецкою областію», т. е. уже изъ-за Днѣстра Какъ ни укрывала наша газета пораженіе союзника, но тамъ—одно отступленіе, у Миниха—одно впередъ, и чешскій публицистъ, открывая въ свое время обзоръ событій 1739 года, могъ начать его торжественнымъ аккордомъ: «какъ во всѣхъ прошлыхъ кампаніяхъ храбрый вождь побѣдоносной русской арміи для головы своей императрицы заготовлялъ все новые и новые побѣдные вѣнки, — такъ поступилъ онъ и въ послѣднюю кампанію, приведшую къ миру» *). Для своихъ вождей его чувство безмолвствовало.

Въ половинѣ мая Минихъ двинулся съ арміей отъ Кіева. Наводненіе Днѣпра задержало болѣе раннее выступленіе. Онъ шелъ въ направленіи на Волынь и сѣверную Подолію, т. е. чтобы чрезъ богатую Польшу пройти на верховье Днѣстра, гдѣ его ожидала осада Хотина, вопреки данному нами слову предъ Августомъ — не трогать его земли. На протестъ позже короля

---

*) Ročnj Kalendárz Hospodárzský na r. 1741 (Praha).

въ Петербургѣ отвѣчали указаніемъ на необходимость быть ближе къ союзнику и въ оправданіе ссылались на зимній переходъ татаръ чрезъ ту же Польшу, при нападеніи на южную Россію *).

Движеніе Миниха шло въ полной тайнѣ, такъ что самъ посланникъ Августа долго ничего не зналъ, и медленно, по отсутствіи дорогъ и среди дождей, и это обстоятельство приводило въ волненіе Ботту. Рондо готовъ былъ думать, что Минихъ медлитъ умышленно, выжидая дѣйствій союзника **). Всячески мѣшали и поляки, начиная отъ самаго Василькова, т. е. съ перваго же шага въ Польшѣ: они нападали бандами. Только 30 іюня Минихъ прибылъ на Бугъ у Летичева и Межибожья, т. е. достигъ сѣверной части нын. Подоліи.

На Босфорѣ, какъ мы видѣли, чрезъ Бендеры и Хотинъ, рано имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія о движеніи Миниха; но теперь рисовали уже широкіе планы. «Русскіе, доносилъ баилъ Контарини изъ Перы въ половинѣ іюня, идутъ тремя корпусами. Одинъ, подъ командой Миниха, идетъ чрезъ Польшу, чтобы броситься на Хотинъ; другой, Румянцева, угрожаетъ осадой Бендеръ; третій, Бирона, направляется къ Рашкову, чтобы вторгнуться въ Молдавію и произвести возможно сильнѣйшую диверсію въ пользу цесарцевъ» ***). Съ своей стороны, Минихъ, чтобы держать непріятеля въ неизвѣстности о движеніи главныхъ силъ арміи, раньше чѣмъ стать лагеремъ у Межибожья, еще съ пути на Бугъ, изъ Хмѣльника, отправилъ за Днѣстръ Каписта съ запорожцами туда, куда въ прошломъ году проникнуть ему не удалось, съ порученіемъ — разглашать, что за нимъ слѣдуетъ вся армія 26 іюня Капистъ былъ на Днѣстрѣ близъ Девгинчъ (Дзиговка?), откуда тотчасъ же послалъ «волоской націи» ротмистра Кифу въ Сорови. Городъ былъ выжженъ, а «великое множество въ погребахъ бочекъ съ волоскимъ виномъ Кифа разбилъ, туровъ прирубилъ до одного». Углубившись

---

*) Рондо, Депеши, op. c., № 246, отъ 9 іюня. Ср. Manstein, Mémoires, 1772, t. II, 3.

**) Рондо, Депеши, op. c., № 253, 254, отъ 10 и 14 іюля.

***) Hurmuzaki, Docum., v. IX, part. 1, № 781. Ср. Ephém. Daces, II, 218.

внутрь Бессарабіи верстъ на 50, къ Балинцамъ *), Каинистъ чрезъ Могилевъ возвратился назадъ, уничтожая все на пути. Въ отместку были изъ Хотина выпущены татаре къ Каменцу и сожгли весь урожай на корню, траву и деревни подольскаго воеводы, ожидая, въ виду послѣднихъ сообщеній о Минихѣ, въ этомъ направленіи послѣдняго къ себѣ **)

За Днѣстромъ переполохъ Комендантъ Хотина, Колчакъ паша, жалуется въ Порту, что Минихъ близокъ, а онъ слабъ, и изъ Бендеръ приказано войскамъ спѣшить въ Сороки и Хотинъ. Господарь Гика проситъ бендерскаго пашу похвалить его бояръ за вѣрность ихъ Портѣ и преданность ему. Конфидентъ турокъ, Потоцкій, путанными сообщеніями о Минихѣ вводитъ турокъ въ недоумѣніе, и Вели-паша въ Бендерахъ не знаетъ, гдѣ ему ждать Миниха—у себя или на сѣверѣ. Только позже Потоцкій сообщилъ болѣе вѣрно, что вся русская армія направляется на Хотинъ. Но тогда же, въ началѣ іюля, трепещущій Гика далъ знать Вели-пашѣ, что русская кавалерія въ Кенарѣ, между Бугомъ и Днѣстромъ, что армія, оставивъ свой лагерь въ Межибожьѣ, пошла было на Проскуровъ и Черный Островъ, но здѣсь покинула кратчайшую дорогу на Каменецъ по ея полной непригодности, и взяла въ-право, къ р. Збручу, имѣя въ авангардѣ отрядъ Дм. Кантемира. чтобы бросить его въ Молдавію***).

---

*) Вѣроятно, Бѣльцы (отъ молдав. б а л т а — болото, во множ ч.). Отъ Сорокъ до Бѣльцъ почтовымъ трактомъ 53 версты (по картѣ Бессар. области Эйтнера). На картѣ F. I. Maire—Bilzy.

**) Были разорены Радіевка, Тридровца, Пакуржаны и др. «Вся Подолія, замѣчаетъ нашъ чешскій публицистъ по этому поводу, которая въ послѣднія 40 лѣтъ (т. е послѣ карловацкаго мира 1699 г.) была приведена во всемъ въ прекрасное состояніе, теперь — высшая мерзость запустѣнія: не осталось ни стебля отъ жита, ни травки». (Practica astron. astrologica, na r. 1740, od C. J. z Chotssowa). Конечно, здѣсь и обобщено, и преувеличено патріотомъ Праги, въ пику туркамъ. По объясненію Остермана Рондо, нападеніе на Сороки имѣло въ виду уничтоженіе запасныхъ магазиновъ. (Депеши, ор. с., № 255). Сороки были разорены, прежде чѣмъ подоспѣли изъ Бендеръ турецкія подкрѣпленія (Ephém. Daces, II, 226). По словамъ хрониста, въ Сорокахъ при нападеніи козаковъ не было ни одного турка (ib. 225) Ср. Manstein, Mémoires, II, 5.

***) Ephém. Daces, II, 214, 225—228. Збручъ, притокъ Днѣстра—граница Подоліи и Галиціи. Подъ 26 мая, р 212, у переводчика грубая описка: «р у с с к а я армія стала лагеремъ въ Карловцахъ» Въ текстѣ правильно: τὸ τάπουρον τῶν Νεμτζῶν εἶναι. Оставленіе прямой дороги на

Въ общемъ эти свѣдѣнія были вѣрны. Вели-паша оставилъ теперь Бендеры и продвинулся на сѣверъ, къ Дубосарамъ, чтобы здѣсь уже ждать окончательныхъ распоряженій.

Гористая мѣстность сѣверной Подоліи, богатые лѣса и сегодня, тогда-же, конечно, еще болѣе богатые, при непрерывныхъ дождяхъ невылазная глинистая грязь по первобытнымъ дорогамъ, и сегодня отличающимъ эту нашу губернію, все это крайне замедляло движеніе Миниха, а надо было спѣшить. Въ Петербургѣ истомлены ожиданіемъ перехода черезъ Днѣстръ. Оставивъ главныя силы, осадныя орудія и громадный обозъ подъ начальствомъ Румянцева близь Збруча, ниже Чернаго Острова, самъ Минихъ на легкѣ, съ гвардіей и конницей, пошелъ быстро чрезъ восточную Галицію къ верхнему Днѣстру, на Буковину. 17 іюля онъ перешелъ Збручъ (граница Подоліи и Галиціи) и чрезъ Кочубинчики взялъ на Зелинцы у Ницлавы, гдѣ и ночевалъ *). Впереди, по ту сторону Ницлавы — опасное, длинное ущелье, верстъ въ 30, до самаго Днѣстра. Оно пройдено было быстро и въ 5 часовъ 18 іюля мы уже стояли на крутомъ берегу Днѣстра, у Сынкова **).

Непріятеля нигдѣ. Вода была мелка, конница пошла въ бродъ, а въ ночь былъ заложенъ мостъ. На зарѣ 19 іюля Минихъ первымъ перешелъ мостъ, во главѣ гвардіи. Такимъ образомъ, Минихъ вступилъ наконецъ, въ завѣтную волоскую землю, и одинъ, напрасно ожидая условленной помощи со стороны Лобковица изъ Трансильваніи, который даже не отвѣчалъ на всѣ его письма ***). Днѣстръ уже не былъ Днѣстромъ прошлаго

Каменецъ означало, что Минихъ измѣнилъ планъ дѣйствій, что осада Хотина уже не была у него первою цѣлью, а между тѣмъ въ Петербургѣ только и ждали взятія этой крѣпости, и медленность Миниха возбуждала тревогу, опасеніе. «Если мы, писалъ Рондо 21 іюля, не услышимъ вскорѣ о переходѣ русскихъ чрезъ Днѣстръ и взятіи Хотина, то будетъ что̀ въ прошломъ году— Днѣстра не перейдутъ и воротятся, какъ пришли. Таково мое скромное мнѣніе о великомъ походѣ» (Депеши, ор. с., № 255).

*) У Миниха—Селинца, Нислава. Ницлава — притокъ Днѣстра, впадающій у Устья Бискупья.

**) У Миниха Зинковъ, по нѣмец. произношенію. Село Сынковъ (Синьковъ) между Зозулинцами (Зажулинцы) и Бродкомъ, ниже Городка, въ Галиціи. На Буковинскомъ берегу Днѣстра село Окна, далѣе село Онутъ.

***) Рондо, Депеши, ор. с., № 257.

года: тотъ-же широкій, съ высокими берегами, но уже гостепріимный.

Шутя Минихъ теперь писалъ, что «мы нынѣ непріятеля къ себѣ ожидаемъ», на дѣлѣ же — «по поступкамъ его можно разсуждать, что онъ нашимъ черезъ Днѣстръ переходомъ такъ устрашенъ и въ такой непорядокъ приведенъ, что не можетъ отважиться здѣшніе отдѣльные корпусы или по ту сторону Днѣстра за нами идущую армію атаковать и симъ нашимъ раздѣленіемъ пользоваться».

Конечно, турки сдѣлали ошибку, допустивъ Миниха безъ выстрѣла перейти Днѣстръ и утвердиться на буковинскомъ берегу: Хотинъ отъ Сынкова менѣе 50 верстъ. Но Минихъ поспѣшилъ съ заключеніемъ, что турки одинъ ужасъ, что «непріятель всегда и вездѣ бѣгаетъ, гдѣ только увидитъ партіи», что опасное раздѣленіе нашихъ силъ ушло изъ его вниманія.

Правда, двинутыя впередъ партіи турокъ не встрѣчали. Чугуевцы съ запорожцами, калмыками, подъ начальствомъ Кантемира, прошли до самыхъ Черновцевъ, въ самыя гуцульскія Карпаты, возвратились съ богатою добычею скота; но ни «отъ непріятеля, ни изъ тамошнихъ обывателей ни одного человѣка не видѣли»; хотя тутъ же, въ опроверженіе себя, Минихъ прибавляетъ, что «въ полонъ никого взять не могли, а всѣхъ, которые попадались, безъ пощады рубили» (реляціи отъ 23 іюля, изъ Синковцевъ). Многочисленныя волошскія деревни на пути были, по словамъ участника Маркевича, сожжены, согласно приказанію Миниха. Другая партія захватила однихъ развѣдчиковъ Гики; третья — янычаръ, но мирно сопровождавшихъ торговый обозъ изъ Хотина въ Ожарновицы, гдѣ наткнулась на новыхъ развѣдчиковъ князя.

Но 22 іюля дали знать, что турки идутъ изъ-за Прута. Это были буджацкіе татаре, султанъ Гирей и самъ Колчакъ изъ Хотина, которые и напали на нашихъ фуражеровъ. Разыгрался горячій бой. Только когда подошли подкрѣпленія, непріятель былъ отбитъ. «Наши рядовые, писалъ Минихъ, превеликую охоту къ бою показывали, чрезъ мѣру храбро поступали». Очевидно, у насъ сталъ чувствоваться недостатокъ въ припасахъ, а турки не бѣгали насъ. Напротивъ, они, по словамъ букарештскаго хрониста, думали воспользоваться разобщенностью нашихъ силъ и, предваривъ соединеніе Миниха съ Румянце-

вымъ, поставить его въ положеніе царя Петра на Прутѣ. Они и впрямь хвалились, «что русскіе въ нашихъ рукахъ и ни одинъ не ускользнетъ» *).

Въ Буковинѣ, межъ Черновцами и Онутомъ, Минихъ стоялъ уже около 2 недѣль въ томительномъ ожиданіи Румянцева Все ливни, не разъ подымавшаяся вода въ Днѣстрѣ срывала и уносила понтоны чуть-чуть что не до самаго Хотина. По словамъ нашего хрониста, русскіе плѣнные показывали, что войска уже стали роптать на Миниха за сидѣнье на одномъ мѣстѣ, но что онъ ихъ успокаивалъ, говоря: «потерпите, дней черезъ 10 мы пойдемъ на Хотинъ, заключимъ миръ и воротимся домой» **). Румянцевъ между тѣмъ спѣшилъ, но его задерживали тѣже дожди въ Подоліи; только 1 августа Минихъ могъ сообщить, что вся армія уже за Днѣстромъ, въ Буковинѣ, въ сборѣ Теперь Минихъ рѣшилъ не медлить долѣе и идти на дѣло: «3 сего августа, писалъ онъ далѣе изъ лагеря при Дорошевцахъ, имѣемъ, призывая Бога въ помощь, маршировать прямо на непріятеля».

Прямо—значило поворотъ отъ Черновцевъ къ Хотину, изъ Буковины въ лѣсистый уголокъ нынѣшней сѣверной Бессарабіи, межъ Прута и Днѣстра, въ край нашихъ гуцуловъ-райлянъ, русскихъ туземцевъ ***).

Движеніе на встрѣчу было опять медленное и съ лишеніями. «Мы, писалъ Минихъ, съ нашей стороны мало фуражу

*) Kalendárz Hospodárzský na r. 1741. Прага. Татаре, по словамъ Дапонтеса, окружали Миниха и, широко раскинувшись отъ Коцмана (въ Буковинѣ) до Городенки (въ вост. Галиціи), держали его какъ бы въ осадѣ, между тѣмъ какъ сюда имѣли спѣшить войска изъ Бендеръ, Сорокъ и Хотина (Ephém. D., II, 257). — Во франц. переводѣ хроники фигурируетъ Djingaudji, съ поясненіемъ — мѣстечко въ Подоліи (II, 226, прим.). Такого имени нѣтъ. Ученый переводчикъ неправильно передалъ греческое Τζηγκαουτζί подлинника (I, 171), тогда какъ греческая форма довольно близко воспроизводитъ русское названіе мѣстности — Зиньковцы, противъ Каменца, только румынизируя его. Ср. Черновцы и Черпауцы (послѣдняя форма въ Запискахъ Марковича: «...были у Прута, а за Прутомъ городокъ Чарноупы»). Бой былъ у р. Потлока, ниже Онута (Ephém. D., II, 256).

**) Ib., II, 273. Ср. 257, 288.

***) Изъ опроса плѣнныхъ, бендерскій сераскиръ, Вели-паша, узналъ, что на 10 авг. назначено Минихомъ движеніе къ Хотину (ib. 272).

имѣли и недостатокъ въ дровахъ». Въ гористой мѣстности тяжелый обозъ арміи едва-едва двигался.

11 августа Минихъ сталъ лагеремъ у Ракитны *). Наканунѣ присоединился къ нему волоскій ротмистръ Вас. Куртъ съ своимъ отрядомъ. Это былъ первый переходъ войска господаря на нашу сторону. Отъ Курта Минихъ узналъ пріятную новость, что уже и волохи подымаются, что и другія войска оставили Гику, а самъ господарь будто бѣжалъ изъ столицы за Дунай На дѣлѣ это было нѣсколько не такъ, но положеніе Гики было критическое. Гика, по словамъ букарештскаго хрониста, находился съ своимъ войскомъ въ Исновцахъ (въ сѣверной Молдавіи, вблизи Буковины), совсѣмъ безъ провіанта, ограбленный до послѣдняго-де куска татарами, когда Дмитрашка Кантемиръ (при вторженіи Миниха въ Буковину онъ сейчасъ же прошелъ съ казаками за Прутъ и за Черемошъ), «взбунтовавъ Молдавію, въ господарскомъ кафтанѣ, съ турецкой музыкой, направлялся въ Черновцы, во главѣ свой молдавской арміи». Мазилы въ виду-де голода стали покидать Гику, «крестьяне же были раздражены и отказывали въ повиновеніи; князь сталъ жертвою крайняго страха и не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ ни днемъ, ни ночью». Наконецъ, онъ разссорился съ начальникомъ своихъ молдавскихъ войскъ, гетманомъ Константиномъ, и своей семьѣ приказалъ оставить Яссы и поспѣшить черезъ Галацъ въ Константинополь. Но, по свидѣтельству Манштейна, не было затѣмъ дня, чтобы не переходили волоскіе отряды къ Миниху. Едва-ли тутъ вліялъ какой-то голодъ: проще — приближеніе русской арміи, имя Кантемира, сына стараго господаря, друга царя Петра, производили свое дѣйствіе.

13 августа была ночевка у Калапауцъ, слѣдов., отъ Ракитны Минихъ продвинулся немного: все горы, ущелья. 14-го онъ перешелъ Амрелику и Санкауцы, но уже послѣ жаркихъ схватокъ съ турками **)

---

*) Рѣчка Ракитна, съ селомъ того же имени на лѣвомъ берегу, образуетъ въ наст. время границу между Бессарабіей и Буковиной.

**) Въ этихъ схваткахъ отличался «попъ новгородскаго полку Гр. Лапинскій: всегда предъ сражающимися войсками, святой крестъ держа, разъѣзжалъ» (изъ реляціи Миниха). У Дапонтеса турки якобы уже 3 авг. встрѣтили Миниха и разбили (Ephém. D., II, 277). Но здѣсь очевидная несообразность: въ Букарештъ нерѣдко приходили ложныя извѣстія о турецкихъ успѣхахъ Такъ, князь Маврокордато уже 8 августа праздновалъ взятіе Бѣлграда (ib., 276).

Очевидно, желанная встрѣча была близка.

Дѣйствительно, 16 авг. армія, пройдя съ трудомъ опять «многія дефилеи», рѣчки Кнышковцы и Солоченцы, едва поднялась на высоты, какъ предъ нею, на пушечный выстрѣлъ, открылся укрѣпленный турецкій лагерь: «усмотрѣно, по словамъ Миниха, что непріятель сильно шанцами окружился и батареи подѣлалъ». У урочища Жуланецъ армія остановилась—далѣе было нельзя. Самыя условія мѣстности требовали дѣйствія.

«На нашей лѣвой сторонѣ, писалъ Минихъ, были хотинскія горы и такой лѣсъ, чрезъ который и партія пройти не могла, не токмо, чтобъ армія съ артиллеріей. По правую руку горы, которыя даже до Прута простираются. Въ тылу мы отъ всѣхъ татарскихъ ордъ были окружены. Въ такихъ обстоятельствахъ не можно было долѣе мѣшкать». По словамъ Манштейна, положеніе арміи было очень тяжелое.

Такъ подготовлялся знаменитый Ставчанскій бой, воспѣтый, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, великимъ рыбакомъ, тогда нѣмецкимъ студентомъ *) Бой открылся на другой день, въ пятницу, 17 августа: мы не мѣшкали. А въ этотъ день, тамъ, подъ Бѣлградомъ, союзникъ въ турецкомъ лагерѣ уговаривался о послѣднихъ мирныхъ условіяхъ.

«Въ началѣ Богу единому честь, слава и благодареніе, а вашему величеству вѣчная и безсмертная хвала о бывшей сего 17 августа одержанной надъ непріятелемъ цѣлаго христіанства совершенной викторіи».

Такъ пышно начиналъ свою историческую реляцію Минихъ о побѣдѣ у Ставчанъ, но писалъ отъ души: годà онъ ждалъ Ставчанъ, какъ съ нимъ и другіе русскіе люди. Вѣдь одинъ путь къ Ставчанамъ былъ обильно покрытъ русскими костьми. Спѣсь, тревожившая такъ упорно Остермана, наконецъ, была сбита. Какъ будто уже показался и край, «гдѣ всходитъ день по темной ночи», какъ выразился Ломоносовъ.

---

*) Мы пишемъ Ставчаны, хотя у Миниха, по молдавскому произношенію, Стаучаны Такъ это имя произносится на мѣстѣ, отъ слова ставъ, ставокъ См. Приложенія, VIII. На картѣ Бессарабской Области Эйтнера, 1813 г.—Ставчаны. Въ Запискахъ Манштейна и Миниха-сына (о зависимости втораго отъ перваго — см. примѣчаніе г. Юргенсона къ Die Memoiren Миниха-сына, p. 144) обѣ формы уже вмѣстѣ слиты: Ставучаны (ib.).

У Ставчанъ «свирѣпый» Вели, сераскиръ изъ Бендеръ, Исламъ Гирей, аккерманскій султанъ, и Калчакъ паша изъ Хотина съ арміей въ 90 тыс. стояли на большой хотинской дорогѣ. Эта была та армія, которая собиралась напасть на Миниха въ Буковинѣ. Крѣпость была въ полуторѣ милѣ. Мѣстность гористая и хотя «собою весьма крѣпка», но лагерь былъ прикрытъ тройнымъ валомъ, съ массою орудій. Вправо виднѣлся густой лѣсъ и горы; влѣво—баттареи, глубокіе овраги; впереди—небольшая рѣчка Жуланецъ, со ставками, среди болотъ. «Весьма невозможно казалось непріятеля изъ тавъ крѣпкаго посту выгнать». Самое село Ставчаны лежало въ-право отъ русскаго лагеря, въ сторонѣ.

Приступъ былъ еще возможенъ одинъ — на лѣвое крыло, и Минихъ рѣшилъ употребить «воинскую хитрость»: гвардія и главныя силы имѣли двинуться сразу на правое крыло, показать, что сюда пойдетъ аттака, но чтобы затѣмъ, уже на ходу, свернуть и ударить на лѣвое крыло.

Хитрость удалась.

Перебросивъ 27 мостковъ чрезъ струпившійся внизу Жуланецъ, войска быстро понеслись въ аттаку на правое крыло. Непріятель открылъ убійственный огонь съ своихъ, усаженныхъ орудіями, валовъ:

«Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ,
Среди враговъ, среди болотъ,
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ» *).

---

*) Въ Mémoires Манштейна Schoulanetz, у Phiseldek'a, Materalien zu der russ. Geschichte, также Schulanetz (II, 214), т. е. Жуланецъ; но въ реляціи Сулинцы. Теперь рѣчка почти не существуетъ и потому уже безъ имени на мѣстѣ. (См. Приложенія, VII). Тогда она была незначительная—pas profonde, по Манштейну, хотя во время аттаки пришлось перебросить чрезъ нее 27 мостковъ. Ср. планъ сраженія въ Mémoires Манштейна (II, 16). Припоминается мнѣ разсказъ моего отца, что онъ, читая въ 20-хъ годахъ реляцію Миниха на мѣстѣ, тщетно искалъ уже высохшаго «быстраго тока». Изъ изв. оды на взятіе Хотина—Соч. Ломоносова, изд. акад. Сухомлинова, I, 33. Матеріалъ для описательной части оды Ломоносову могли дать С.-Пет. Вѣдомости. Движеніе Миниха за Днѣстръ и побѣда, и это послѣ Гроцки, имѣли высокій, живой интересъ для современниковъ.

Затѣмъ, турки стали быстро стягивать свои силы на свой правый флангъ. Поднявшись до полъ-горы, наши также быстро свернули на лѣвый флангъ и прямо въ гору: впереди Биронъ съ гвардіей, за нимъ Румянцевъ.

Было уже два часа. Подъемъ крутой: что шагъ, то оврагъ. Лошади отказывались везти орудія; но солдаты понесли ихъ на рукахъ, и съ восторгомъ (s plesánim)—прибавили чехи у себя. Дѣло шло медленно. Но въ пять часовъ три тысячи янычаръ, съ ятаганами на-голо, яростно бросились изъ-за окоповъ внизъ, на встрѣчу подступавшимъ; но, принятые страшнымъ огнемъ, почти всѣ легли на мѣстѣ *). Тогда оставшіеся за окопами янычары зажгли лагерь и «скорѣй, чѣмъ пришли, удрали по дорогѣ въ Хотинъ», по выраженію чеховъ **). Бой на закатѣ солнца былъ рѣшенъ. Богатый лагерь достался въ добычу побѣдителямъ.

Въ 7 часовъ непріятель «въ наивящей конфузіи оставя свой лагерь, ретироваться принужденъ. Господь своею десницею насъ защитилъ: мы чрезъ непріятельскій безпрерывный огонь убитыхъ и раненыхъ весьма малое число имѣемъ». Минихъ прибавлялъ, что «всѣ рядовые до полуночи радовались и викторія даетъ намъ надежду къ великому сукцесу: армія имѣетъ чрезвычайный куражъ». Минихъ не ошибся въ надеждѣ.

Уже на другой день армія двинулась за турками къ Хотину и стала у Дашковцевъ, гдѣ было «съ изобиліемъ травы и

Живое свидѣтельство — чешскіе календари, на разные лады, но одинаково обстоятельно и точно, и также восторженно, описывавшіе Ставчанскую викторію по тѣмъ же С.-Петерб. Вѣдомостямъ. Впрочемъ, у чеховъ былъ и свой интересъ — въ нихъ говорило ихъ славянское чувство: мы видѣли, какъ давно они съ самымъ горячимъ интересомъ слѣдили за Минихомъ, какъ давно они горячо желали Миниху побѣдъ и побѣдъ. Какъ горячему русскому, Ломоносову естественно было остановиться на великомъ событіи и, наконецъ, попытать стать русскимъ Гюнтеромъ, популярнымъ тогда пѣвцомъ Евгенія Савойскаго, громителя турокъ.

*) «Русскіе открыли столь частый огонь, что задрожала земля и онъ продолжался, какъ раскатъ непрерывающагося грома». (Ephém. Daces, II, 288). О блестящихъ дѣйствіяхъ русской артиллеріи говоритъ и Манштейнъ.

**) О поспѣшномъ бѣгствѣ, о громадной добычѣ говоритъ и Лапонтесъ (II, 288). Ср. планъ у Манштейна, пункты бѣгства.

свѣжаго корму». Турки отказались отъ обороны: послѣ непродолжительныхъ переговоровъ у Кантемира и Капниста, какъ знавшихъ по-турецки, съ турками, на стѣнѣ крѣпости былъ поднятъ бѣлый флагъ, и янычарскій ага вручилъ Миниху ключи отъ Хотина. Въ числѣ плѣнныхъ былъ комендантъ Колчакъ, участникъ Ставчанскаго боя; но главныя силы турокъ, послѣ пораженія, поспѣшно отступили къ югу, внутрь Бессарабіи, къ Бендерамъ, татаре—къ себѣ, въ Буджакъ. Вели-сераскиръ въ день сдачи Хотина (20 августа) былъ уже далеко, въ Резинѣ близь Кодры; а бендерскій паша, Генцъ, еще раньше ускакалъ въ Бендеры. Здѣсь они составили общій отчетъ о положеніи дѣлъ и «ждали отвѣта въ страхѣ и трепетѣ» *). Отдѣльныя партіи турокъ направились на Прутъ, чтобы за Дунай чрезъ Карталъ. «Онѣ, доносилъ Минихъ, по разнымъ дорогамъ, не останавливаясь, прямо къ Дунаю, съ такимъ чрезвычайнымъ страхомъ побѣжали. что въ третій день послѣ баталіи (у Ставчанъ) въ рѣку Прутъ бросались» **)

Богатый и изящный Хотинъ, съ своими роскошными предмѣстьями, предметъ восторженнаго отношенія турецкаго чиновника-поэта, достался въ добычу побѣдителю. И по словамъ Миниха, Хотинъ — сильнѣе Очакова, а «предмѣстіи велики, изрядные — великая добычь для арміи». Дѣйствительно, по показанію злобнаго на насъ хотинскаго поэта, русскіе разграбили

---

*) Ephém. Daces, II, 289. Реляція Миниха въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ, № 70, отъ 3 сентября, приложеніе. Славянскимъ шрифтомъ она перепечатана въ Временникѣ И. Моск. О. И. и Др., XIX, 19—36. У Дапонтеса кратко, но точно объ успѣхахъ Миниха (II, 287). Какъ упомянуто выше, подробно въ чешскихъ календаряхъ на 1741 годъ.

**) С.-Петерб. Вѣдом., 1739, № 73, приложеніе. По Запискамъ Миниха-сына, изъ Ставчанъ турки бросились бѣжать прямо къ Дунаю (ор. с., 146); но здѣсь неточная передача реляціи отца. У Дапонтеса, согласно реляціи Миниха, турки главнымъ образомъ бѣжали къ Бендерамъ, ихъ мѣстному центральному пункту. Грубая ошибка въ изданіи г. Юргенсона, Die Memoiren, 148, что тогда же татаре бѣжали въ Буджакъ «den Djnepr entlang». Ошибка, вѣроятно, въ рукописи; но нельзя было ея не отмѣтить. Къ слову объ имени Буджакъ. Въ недавнюю нашу поѣздку на нижній Дунай и Прутъ, въ сентябрѣ наст. года, мы слышали отъ тамошнихъ болгаръ, что возвышенная мѣстность, въ видѣ большаго мыса, между озеромъ Ялпухомъ и Дунаемъ у Сатунова, у нихъ называется Буджакъ. Вѣроятно порча стараго имени Буджакъ. Въ Запискахъ Маркевича (II, 82—84) описаніе ставчанской битвы вполнѣ согласно съ реляціей Миниха. Манштейнъ — по реляціи Миниха.

городъ въ конецъ; «увѣряютъ», что они унесли наличными деньгами и товарами на 25 тысячъ мѣшковъ — «для улучшенія своей государственной казны». не безъ ироніи прибавляетъ турокъ; что у одного только купца Симона взято было наличными 600 мѣшковъ. Но съ особенною болью турокъ вспоминаетъ, что русскіе сорвали свинцовую крышу съ чтимой святыни — мечети съ гробницей Абди-паши, а каменный полъ ея и самую гробницу разбили въ куски, что, безполезно для себя, увезли съ собою богатую турецкую библіотеку. «Эти книги, говоритъ онъ, или погибли въ Россіи или попали въ руки евреевъ, которые и предложили ихъ бывшему тамъ въ плѣну Яхъѣ-пашѣ: паша купилъ ихъ за пустякъ. Другая часть книгъ была отобрана у евреевъ липканами (татарами) и продана въ Стамбулъ и въ другія мѣста. Но бо́льшая часть книгъ все-же находится и сейчасъ (писано въ 40-хъ годахъ XVIII стол.) въ Россіи» *).

Съ сердечнымъ удовольствіемъ встрѣчена была въ Петербургѣ вѣсть о викторіи настоящей, а не о прикрашенномъ сомнительномъ успѣхѣ, какъ раньше, о послѣдующемъ за ней великомъ «сукцесѣ»—взятіи Хотина, полномъ исчезновеніи съ мѣста дѣйствія турокъ и татаръ. 12-го сентября во всѣхъ церквяхъ молебенъ, не исключая иновѣрческихъ. «Въ лютеранской на Большой перспективѣ церкви св. Петра и въ прочихъ иностранныхъ народовъ христіанскаго закона церквахъ, по повелѣнію герцогини Курляндской, при отправленіи Божія службы препзрядные концерты съ музыкою были» **). 14-го при Дворѣ балъ.

---

*) Walachey, Moldau etc., 562—568. Мы видѣли, авторъ не щадитъ князя Гику; но онъ взводитъ на него даже обвиненіе въ потерѣ Хотина: «едва Гика прибылъ (!) въ Хотинъ, какъ содѣйствовалъ тому, что крѣпость попала въ руки русскихъ» (560). Помимо богатства и красоты, Хотинъ, по автору, славился своими яблоками «домнештами» и своею дешевизной: кило ячменя—1 пара, 25 окъ масла (около 70 фунтовъ) 1 піастръ Въ виду мѣстнаго интереса для старой Бессарабіи, статья о Хотинѣ помѣщается у насъ въ Приложеніяхъ, VIII, въ переводѣ съ нѣмецкаго. У Дапонтеса разграбленіе Хотина отнесено ко времени отступленія войскъ въ Польшу (II, 397) и прибавлено, что при вми Петрѣ не грабили (ib.). Турки говорили и о рѣзнѣ въ Хотинѣ Такъ, по поводу рѣзни въ Вильманстрандѣ, въ шведскую войну 1741 года, турецкій посолъ въ Петербургѣ припоминалъ своему французскому коллегѣ, что русскіе такъ поступали и при взятіи Очакова и Хотина. (С. И. Р. И. О., т. 96, 416).

**) С.-Петерб. Вѣдомости.

Радость Россіи искренно раздѣляли, за ея предѣлами, одни только убогіе публицисты Праги, переводя буквально сильнѣйшія мѣста изъ реляцій Миниха съ своими комментаріями, тогда какъ въ столицѣ «тѣснаго», теперь совсѣмъ стѣсненнаго, союзника нашего, въ душѣ ея ползло прикрытое чувство досады и зависти.

На мѣстѣ боевые успѣхи Миниха произвели прежде всего нѣкоторое дѣйствіе на шляхту ближайшаго подольскаго воеводства. Уже 24 августа прибыла въ лагерь «знатная депутація»: официалъ Гидулинъ, каноникъ Павловскій, подсудья Погрошевскій и чашникъ Блещинскій. Они поздравляли съ викторіей и, недавно приведенные къ порядку козачьей рукою, увѣряли въ своей крѣпкой и неизмѣнной пріязни къ Россіи. Затѣмъ, воспрянули уже и бѣдные молдаване за Прутомъ, дохнувшіе опять, впервые послѣ эпохи Петра Великаго, свободнѣе Весь въ страхѣ, князь Гика не зналъ что̀ дѣлать въ Яссахъ *); зато отовсюду стекались простые волохи въ русскій лагерь и были охотно принимаемы Минихомъ «на службу ея величества», въ передовой отрядъ Кантемира. Ихъ боевыя качества были оцѣнены Минихомъ уже давно (см. выше, 186, прим.).

На Босфорѣ — раздумье. «Молдавія открыта», отмѣтилъ въ своемъ отчетѣ объ успѣхахъ Миниха венеціанскій баилъ**).

По взятіи Хотина, Минихъ 20 августа доносилъ: «завтра молебенъ, а потомъ будемъ дальнѣйшія сильныя дѣйства въ Молдавіи продолжать», т. е. по ту сторону Прута, но имѣя въ виду скромную цѣль — сносный миръ. «Понеже по нынѣшнему лѣтнему времени еще нѣчто предвосиріято быть можетъ, то о дальныхъ военныхъ операціяхъ помышлять надобно,

*) Онъ, по словамъ Дапонтеса подъ 17 авг., находился тогда еще у Драгушанъ, т. е. верстахъ въ 125 отъ столицы, на сѣверъ, по дорогѣ къ Липканамъ, и уже въ «крайнемъ страхѣ» предъ Кантемиромъ, котораго хронистъ воображалъ себѣ все въ Черновцахъ, съ цѣлой арміей въ 12 тысячъ козаковъ (II, 281).—О польскихъ поздравленіяхъ—Зап. Манштейна, II, 51.

**) Отъ 3/14 сентября, Сенату. Hurmuzaki, Docum., v. IX, p. 1, № 782.

дабы отъ воспослѣдованныхъ съ того времени, какъ мы Днѣстръ перешли, паче всякаго чаянія щастливыхъ происхожденій, всякую возможную пользу пріобрѣсти и непріятеля къ резонабельному миру принудить, яко къ сему нынѣ великая надежда есть».

Но прошло немного дней, и у того же Миниха, при взглядѣ на «щастливыя происхожденія», зароились иныя мысли, и онъ пошелъ нѣсколько далѣе резонабельнаго мира. Предъ нимъ пронеслись тяжелые протекшіе годы и вспомнились тѣ великія задачи, которыя были твердо поставлены, но выполненными имъ быть не могли.

Вспомнилось Миниху «намѣреніе вѣчно-достохвальныя памяти Петра Великаго», которое горячій Вѣшняковъ, какъ цѣль текущей войны, ясно формулировалъ словами: «бѣдныхъ христіанъ отъ безчеловѣчнаго варварскаго ига освободить», и которое широко развилъ и обосновалъ его шефъ, Остерманъ, въ своей Инструкціи для Неплюева отъ 14-го іюня 1737 года, въ теоріи раздѣла Турціи чрезъ образованіе удѣльныхъ княжествъ, «индепендентныхъ» спутниковъ Россіи. Вспомнилъ Минихъ и свое недавнее, при первыхъ сборахъ въ походъ на Днѣстръ прошлаго года, обѣщаніе чинамъ Валахіи, что ея величества желаніе — «не токмо государства отъ турецкаго ига освободить, но и вовсе счастливыми учинить» (ср. у насъ выше, 376), подтвержденное и въ Степи у Буга ихъ депутатамъ (395).

Минихъ остановился на этихъ, обстоятельствами уже отнесенныхъ въ сторону, интересахъ. Онъ увлекся и воскресилъ предъ собою свѣжую старину, недавніе замыслы раздѣла Турціи, но—въ ту минуту, когда новыя обстоятельства, на Дунаѣ, сводили, невѣдомо для него, въ нулю всѣ его боевые успѣхи и планы впереди, когда и на Сѣверѣ, у себя, горячее участіе— какъ «вовсе счастливыми учинить» народы у Дуная, слабое уже до открытія послѣдней кампаніи, теперь совсѣмъ остановилось. Всѣ интересы по Югу тамъ исчерпывались судьбою одного Азова и его дряннаго моря.

Минихъ очутился въ особенномъ положеніи: все оказалось давно лишнимъ, начиная отъ побѣды при Ставчанахъ. Послѣдніе дни кампаніи 1739 г., за Днѣстромъ и Прутомъ, одинъ тяжелый эпизодъ, естественно, навсегда глубоко врѣзавшійся въ памяти его виновника. И у гробовой доски Минихъ плакалъ, что онъ

былъ вотъ-вотъ готовъ и съ Босфоромъ, выгнать турокъ изъ Европы, «на что требовалось время немногое» (выше, 132), что самое полное возмездіе онъ могъ, имѣлъ взять за Петра, и—ничего. Онъ опять ретировался, какъ въ 1738 году, только теперь съ побѣдою, дориносимый.

Между тѣмъ какъ турки въ Бендерахъ дрожали отъ страха, ожидая къ себѣ насъ, отъ Калараша и Кишинева *), Минихъ не далѣе какъ 23 августа издалъ, именемъ императрицы, универсалъ къ духовнымъ и свѣтскимъ «статамъ» и ко всему населенію Молдавіи, съ приглашеніемъ принятія подданства, а на другой день самъ двинулся на Прутъ, на Яссы, оставивъ въ Хотинѣ русскій гарнизонъ. Дойдя до Татарбунаръ, села татаръ-липкановъ, онъ заложилъ здѣсь первый комуникаціонный редутъ, а Кантемира, съ новыми русскими солдатами изъ волоховъ, послалъ впередъ. У Стефанештъ **) Кантемиръ перешелъ Прутъ. Сюда же двинулся и Минихъ и прибылъ 27-го. Села липкановъ на пути были сожжены, а послѣ извѣстныхъ промежутковъ строились новые редуты.

Перебросивъ три моста черезъ Прутъ и заложивъ здѣсь новый, береговой редутъ-фортъ св. Іоанна, Минихъ 29 августа въ виду Стефанештъ, въ день св. Іоанна Предтечи, вступилъ въ Молдавію: пѣхота перешла по мостамъ, конница въ бродъ ***).

---

*) Ephém. Daces, II, 361. На картѣ 1757 г., Carte des environs de la Mer Noire, par Vaugondy—Kisnou; на австр. картѣ J. v. Maire'a, «Geogr. General Karte der Gränzen etc.». конца XVIII в. — Kischniow, по русскому выговору.

**) Стефанешты вѣки, т. е. старые, на Молдавской сторонѣ Прута, на картѣ 1820 г.; немного къ западу мѣстечко того-же имени, откуда уже шелъ торговый трактъ, вдоль Прута, до Яссъ. На упом. картѣ 1757 г. только одни Stephanesti, мѣстечко, и на самомъ Прутѣ. То же и на австрійской картѣ F. I. Maire'a. Въ пражскихъ Календаряхъ ошибочно — Штефешты. Липканскій Татарбунаръ, кажется, нынѣшніе Липканы на Прутѣ, въ хотинскомъ уѣздѣ. На нашемъ берегу противъ Стефанештъ лежитъ слобода Бутешты (карта Эйтнера Бессарабской Области) или Будешты Лунка (карта Ген. Шт. 1820 г.), ниже впаденія Чугура въ Прутъ, ясскаго или бѣлецкаго уѣзда.

***) Прутъ только въ своей нижней бессарабской половинѣ, до самаго впаденія, течетъ по широкой, отъ 5 до 6 верстъ, долинѣ, поросшей камышемъ, среди «плавень», образуя много озеръ, протоковъ. На верху ложе его узко; онъ красивъ и нетруденъ для перехода.

На другой день, Минихъ съ отрядомъ драгунъ и козаковъ, отправился впередъ, за нимъ Румянцевъ, а 1-го сентября вся армія стала лагеремъ въ Степановцахъ, вблизи Яссъ, откуда только что бѣжалъ на югъ князь Гика, съ своими турками, немногими молдаванами, но съ большимъ багажемъ, назначивъ двухъ каймакановъ-намѣстниковъ: великаго логоѳета Сандулу Стурдзу и Григорія Кантакузина *).

Здѣсь тогда же, 1 сент., была принята Минихомъ высланная четырехъ-членная депутація отъ чиновъ Молдавіи. Ее составляли: каймаканъ Кантакузинъ, секретарь бѣжавшаго князя, Александръ Дука, одно духовное лице и одинъ волоскій шляхтичъ. Депутаты заявили о готовности Молдавія принять подданство, согласно универсалу Миниха изъ Хотина, а черезъ день, на 3 сентября, былъ условленъ торжественный въѣздъ «освободителя» въ столицу. Между тѣмъ въ Яссахъ, занятыхъ Кантемиромъ, одно имя котораго было давно грозою для Гики, усладою для ея населенія, недавній господарь забытъ былъ безъ сожалѣнія, и войска, дворцовая прислуга, народъ готовились къ братской встрѣчѣ съ русскими, какъ нѣкогда, четверть вѣка назадъ, при царѣ Петрѣ. Лишь немногіе изъ бояръ шли противъ общаго теченія. Самъ Гика первые дни укрывался еще вблизи, въ средней Молдавіи, въ Фалчѣ (на Прутѣ); но затѣмъ онъ бѣжалъ по пути въ Галацъ, оставленный своею послѣднею прислугой, и князь, по словамъ хрониста, долженъ былъ посадить бояръ на мѣсто возницъ, сопровождавшихъ большой обозъ бѣглеца. По пятамъ за Гикою гнались козаки; съ большимъ трудомъ онъ спасся отъ погони. Князь былъ у Галаца, когда освободители вступали въ его столицу **).

Согласно уговору съ депутаціей, въ двухъ верстахъ отъ Яссъ ожидали Миниха чины господарства: отъ духовенства митрополитъ Антоній и епископъ Романскій Гедеонъ, съ девятью

---

*) Ephém. Daces, II, 291. Степановцы — форма русская. Но села съ подходящимъ именемъ около Яссъ мы на картахъ нашихъ найти не могли. Не Аронъ-ли Вóда? О бѣгствѣ Гики, покинувшемъ во дворцѣ еще много, см. письмо Миниха кн. Лобковицу отъ 14 сентября 1739 г., Mémoires, Манштейна, II, 33.

**) Ephém. Daces, II, 320.

игуменами главнѣйшихъ монастырей Молдавіи *); отъ боярства—первый каймаканъ Сандулъ Стурдза, второй каймаканъ Кантакузинъ съ братомъ Севастьяномъ, оберъ-директоръ Молдавской земли Константинъ Доничъ, Рашко и шесть бояръ, вмѣстѣ съ національнымъ войскомъ **).

Подъѣхалъ Минихъ съ генералами, во главѣ конныхъ гренадеръ, грузинъ и чугуевскихъ козаковъ — молдавскія войска взяли честь, знамена преклонены, начался молебенъ. По окончаніи службы, митрополитъ, именемъ всей Земли, держалъ привѣтственное слово на текстъ: «Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ-нынѣ и до вѣка». Благодаря за освобожденіе Молдавіи отъ варварскаго ига, онъ просилъ императрицу объ охранѣ и милости. «Митрополитъ, писалъ Минихъ, сказывалъ изрядное казаніе къ высочайшей ея величеству, яко ихъ праведной Самодержицѣ, славѣ». Затѣмъ всѣ сѣли на коней, и открылся въѣздъ въ столицу, который, по словамъ современнаго австрійскаго хрониста, былъ истинно тріумфальный ***).

Шпалеры вдоль улицъ изъ волоскихъ добровольцевъ Кантемира, густыя массы народа, громко привѣтствовавшія русскихъ, музыка и грохотъ орудій, при такой пышной обстановкѣ въѣхалъ очарованный ставчанскій побѣдитель въ опороженныя «палаты господарскія», во дворецъ Гики, и тамъ на время водворился.

На другой день Минихъ давалъ обѣдъ чинамъ Молдавіи,

*) Митрополитъ Антоній у Голубинскаго (Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей) не показанъ, равно и епископъ Гедеонъ. У него до 1736 г. митрополитъ Гедеонъ (381). Романская каѳедра старѣйшая и потому почетнѣйшая (ib. 381). Настоятели (игумны) монастырей: Нектарій, архимандритъ галацкій, Паисій, протосингелъ барнецкаго монастыря (изъ «преклоненныхъ»), Езекіилъ, архимандритъ троицкаго, Герасимъ, игуменъ гольскаго, Филаретъ, архимандритъ формозскаго (Формоза = Кагулъ?), Каллиникъ, игуменъ св. Саввы, Макарій, игуменъ барбовскаго, Кириллъ, архимандритъ дубровецкаго и Агапій, архимандритъ арамвадскаго (Аронъ-вода?).

**) Что за титулъ—оберъ-директоръ молдавской земли? Не желалъ ли Минихъ обозначить имъ представителя суда? К. Доничъ одинъ изъ авторовъ дѣйствующаго и нынѣ въ Бессарабіи сборника гражданскихъ законовъ. Шестеро бояръ: Иванъ Мула, Шкарлатаки (Скарлатъ?) Костакій, Константинъ Кокоранъ, Василій Бугаескулъ, Николай постельникъ и Иванъ Байна полковникъ. Фамилія Мула не тоже ли, что Мило?

***) La-Lande, op. c., V, 132.

а 5-го сентября заключилъ съ ними письменный договоръ о вступленіи ихъ съ цѣлымъ господарствомъ въ подданство Россіи, на условіи сохраненія полной внутренней самостоятельности. Остермановская статья Инструкціи 14 іюня объ «индепенденціи» находила практическое примѣненіе.

Чины объявляли, что признаютъ императрицу Анну своею настоящею государыней и молятъ Бога, да будетъ оружіе ея всегда побѣдительно надъ непріятелемъ Креста, а потому обязываются употребить съ прилежаніемъ свои труды, дабы «всѣхъ нашихъ братій, кои понынѣ въ интересахъ Порты или непріятелей ея величества находятся, въ равное подданство привесть». Далѣе, чины обязывались не имѣть опасной пересылки, принять охотно гарнизоны вездѣ, гдѣ обстоятельства потребуютъ, гарнизонъ же въ Яссахъ имѣлъ быть всегда въ 20 тысячъ, ставить на нихъ провіантъ, давать подводы, но строго въ границахъ княжества, людей, отъ 2 до 3 тысячъ, для работъ, «кои для безопасности отечества нашего служить имѣютъ».

Съ другой стороны, чины просили: о всѣхъ для нихъ вольностяхъ, привилегіяхъ и преимуществахъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, наравнѣ съ другими русскими подданными; о сохраненіи права выбора духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ и исключительно изъ молдавцевъ; о сохраненіи всѣхъ вообще мѣстныхъ правъ и суда; объ амнистіи въ-теченіе года всѣмъ «братьямъ и одноземцамъ, кои понынѣ въ отлученіи», и о включеніи въ ясскій гарнизонъ «всѣхъ тѣхъ изъ нашего народа, кои вступятъ въ службу ея величества подъ команду кн. Кантемира», т. е. изъ нихъ имѣли образоваться кадры для будущей волоской арміи, съ русской выучкой.

На-сколько ясскій договоръ 5 сентября разсматривался серьезно обѣими договаривающимися сторонами, какъ государственный актъ, которымъ открывался и опредѣлялся новый періодъ въ жизни княжества, давно желанный періодъ свободной Молдавіи, «совершенной отъ Порты индепенденціи и подъ единою протекціею ея величества», видно и изъ общаго его содержанія, и изъ обѣщанія Миниха предъ чинами—исходатайствовать скорѣйшую у императрицы ратификацію договора, наконецъ, и изъ оговорки Миниха на одну изъ финансовыхъ статей, важную особенно для него, какъ начальника остававшейся оккупаціонной арміи.

Въ статьѣ объ обезпеченіи арміи провіантомъ чинамъ была сдѣлана уступка, что они даютъ его «по скудости при нынѣшнемъ времени нашей земли — ежемѣсячно половину натурою, а другую деньгами». У этой статьи Минихъ отмѣтилъ: «симъ обнадеживаніемъ на нынѣшній годъ довольствуется, пока обстоятельно извѣстится о суммѣ всѣхъ публичныхъ доходовъ княжества» *).

Былъ завершенъ первый актъ изъ великой программы Остермана: отторженіе перваго очередного господарства отъ Порты, первый раздѣлъ «Турецкаго государства». Казалось, наши долгія испытанія щедро искупались, смѣлыя предположенія наши были у своего перваго совершенія.

Съ первымъ днемъ сентября 1739 года открывалась русская оккупація Молдавіи **) или временное управленіе господарствомъ Миниха.

---

*) П. С. З. Росс. И., № 7891. Вступленіе Молдавіи въ васальное подданство Россіи 5 сентября 1739 г. было счетомъ третіе: первое—безъмала сто лѣтъ назадъ, въ 1654 г.; второе при Петрѣ, въ 1711. (См. наши очерки: «Мы и Они», Одесса, 1878).

**) «Охотою своею мы обязуемся, говорила одна изъ кондицій договора 5 сентября, платить генералъ-фельдмаршалу, окромѣ нынѣшняго нашего ему подарка 12 тыс. червоныхъ, по причинѣ счастливаго его въѣзда въ Яссы, на содержаніе его, на мѣсяцъ, по 1500 червоныхъ, зачавъ съ того-жъ 1 сентября 1739 г.». Весьма естественное утвержденіе Миниха въ Яссахъ, какъ вождя арміи, имѣвшей еще многое совершить, какъ и его заботы о содержаніи самой арміи, сейчасъ же подали поводъ злымъ языкамъ въ Петербургѣ сложить и пустить въ обращеніе легенду (а зазорное легко нерѣдко воспринимается и нелегкомысленными людьми) о желаніи Миниха сдѣлаться въ послѣдствіи независимымъ господаремъ Молдавіи, пойти далѣе Бирона, не въ смыслѣ удѣльнаго князя по Инструкціи Остермана. «Я, доносилъ въ іюлѣ 1740 г. изъ Петербурга памятный въ исторіи Россіи французскій посолъ Шетарди, узналъ, что по взятіи Хотина Минихъ предложилъ Двору удержать Молдавію и поручить ему остаться тамъ съ 25 тысячами; но встрѣтили это несочувственно, такъ какъ уже раньше подозрѣвали, что Минихъ мечталъ изъ-далека подготовить возможность объявить себя господаремъ Молдавіи». (Сб. И. Р. И. О., т. 86, 450). — О жадности Миниха упоминалось выше. По словамъ участника кампаніи, Маркевича, Минихъ еще въ Буковинѣ приказывалъ захваченныхъ у крестьянъ волоскихъ кобылицъ отправлять къ себѣ въ Украину, въ помѣстья.

Тамъ впереди предъ Минихомъ виднѣлись широкія, заманчивыя перспективы, выполненіе, только съ опозданіемъ на годъ, его собственной программы еще до войны, выполненіе одного изъ условій первой конвенціи съ Австріей, 9 января 1737 г. — вторженіе чрезъ Молдавію «во внутреннія земли Порты» (см. выше, 176). Но къ этому обязывалъ Миниха и ясскій договоръ 5 сентября, обязательство чиновъ Молдавіи—«всѣхъ нашихъ братій подъ Портою въ равное съ нами подданство привесть». Самъ Минихъ внимательно готовился къ предлежавшей миссіи. «Въ будущую кампанію, писалъ онъ въ Петербургъ, хотя бъ и самъ верховный визирь сюда пришелъ, не токмо всю Молдавію и Валахію, но и Буджакъ даже по Дунай покорить можно», но надо — пріумножить войско. Русская граница на Дунаѣ, какъ объ этомъ хлопоталъ Остерманъ, а тамъ и путь въ Константинополь открывался, перехватываемый у вѣнскаго цесаря.

Лишь только христіане перваго раздѣла были уже свободны, какъ къ Миниху обратились съ просьбою со стороны о «свобожденіи» и за Дунаемъ. «Не точію здѣшніе народы (т. е. и Валахіи), писалъ Минихъ императрицѣ, подъ державу в. в-ва покоренія съ неизреченною радостью видѣть желаютъ, но и сербскій патріархъ Арсеній о протекціи в. в-ва усиленно и слезно проситъ, принося жалобу на слабость цесарскую, что всю ихъ землю подъ иго варварское отдаетъ». Мы видѣли, Арсеній, уже убѣгая изъ Ниша, проигралъ свою партію, т. е по первому же году войны Австріи. Откликнулись затѣмъ и болгаре. «Гусары», продолжалъ Минихъ, здѣсь добрыхъ людей навербовали, между которыми есть и болгары, пришедшіе изъ-за Дуная нарочно для службы» *). Вполнѣ основательно отмѣчалъ въ-послѣдствіи Минихъ-сынъ въ своихъ Запискахъ о томъ времени, что «обстоятельства теперь сложились такимъ образомъ, что не только были на лицо идеальныя зимнія квартиры для войска, но, чтò важнѣе, открывался путь — въ будущую кампанію напасть на непріятеля въ его собственной странѣ» **).

Но пока Миниху необходимо было приняться за домашнія

---

*) Реляція отъ 23 сентября. Сб. Отд Р. яз. и Сл. И. Ак. Н., т. IX. Изъ бумагъ акад. Арсеньева)

**) Die Memoiren, 150.

дѣла: время уже было осеннее, какъ-разъ время осмотрѣться вокругъ себя, унявъ высокую политику.

Первое знакомство съ новой страной производило на ея временнаго правителя пріятное впечатлѣніе, и первая его забота — укрѣпить ея освобожденіе, прочно укрѣпиться въ ней. «Молдавская земля, доносилъ онъ въ Петербургъ, весьма прензрядная, не хуже Лифляндіи, и люди сея земли, видя свое освобожденіе отъ варварскихъ рукъ, приняли высочайшую протекцію съ слезною радостью — весьма потребно эту землю удержать въ рукахъ. Я ее со всѣхъ сторонъ такъ укрѣплю, что непріятель никакъ насъ изъ нея выжить не будетъ въ состояніи» *). Она, въ виду своихъ естественныхъ богатствъ, для нуждъ войны единственная, на взглядъ Миниха: «въ свѣтѣ, уповаю, нѣтъ земли изобильнѣе фуражемъ, особливо по берегамъ Прута». Отсюда и справедливо онъ заключалъ, что она «къ произведенію войны весьма намъ способна» **).

Дѣйствительно, Минихъ сейчасъ же открылъ первыя работы по укрѣпленію Молдавіи, что было тѣмъ легче, что договоръ 5 сентября давалъ въ его распоряженіе достаточное число опытныхъ рабочихъ рукъ.

Мы видѣли, что Минихъ, при движеніи отъ Хотина, гдѣ былъ оставленъ гарнизонъ, къ Яссамъ, закладывалъ, для обезпеченія сообщеній, редуты, а на Прутѣ заложилъ фортъ. Такъ въ свое время онъ соединилъ Очаковъ съ Украиной. Теперь онъ занялся укрѣпленіемъ самыхъ Ясс: вокругъ города про-

---

*) Изъ бумагъ въ Гл. М. А. М. И. Д., у проф. В. А. Уляницкаго, Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса, М., 1883, 65—66. Трудно опредѣлить количество населенія Молдавіи тогда. Въ 1772 г. на запросъ гр. Румянцева, главнокомандующаго въ Молдавіи, ясскій Диванъ отвѣчалъ: «въ Молдавіи люди никогда не считаны; хотя нѣкоторые изъ господарей искусились (=пытались) найти число людей, но не возмогли сдѣлать». Тогда же въ 19 цинутахъ Молдавіи (включая Буковину и Бессарабію, безъ Буджака) было: 20 городовъ и 1556 селъ (при 195 опустѣвшихъ), а всего дворовъ 28157; слѣд., на каждое село около 20 дворовъ. Если на дворъ по 10 человѣкъ, то всего населенія Молдавіи въ 70 годахъ — менѣе 300 тысячъ. Въ 1739 г. въ Валахіи по ревизіи было населенія 147000 душъ. (Эти данныя изъ «Описанія документовъ и бумагъ въ Моск. Арх. Мин. Юст.», кн. VII, 266, 281). Вѣроятно, около 200 тысячъ «людей» было при Минихѣ во всей Молдавіи.

**) Донесеніе 23 сентября.

велъ глубокій ровъ и окружилъ его высокимъ валомъ *) съ палисадами, примитивный фортификаціонный пріемъ, но отвѣчавшій первымъ потребностямъ минуты. Столица по обѣ стороны Баглуя, небольшаго притока Прута, на равнинѣ, была открыта, совсѣмъ беззащитна. Генералъ Шиповъ былъ назначенъ комендантомъ Яссъ, а самъ Минихъ отъѣхалъ къ арміи, въ лагерь на Пруту. Такимъ образомъ, Хотинъ, фортъ св. Іоанна, Яссы, съ промежуточными редутами, образовывали цѣлую цѣпь укрѣпленныхъ пунктовъ. «Отъ Хотина до Яссъ я, писалъ онъ, такъ укрѣпился, что непріятель не въ состояніи командъ нашихъ выжить, а въ случаѣ чтобъ и приступилъ, мы въ состояніи отпоръ чинить» **). Но—между Хотиномъ и Кіевомъ еще лежала Польша...

Но отторгнутую турецкую область надо было укрѣпить и иначе: очистить ее отъ турокъ вполнѣ и, согласно договору 5 сентября, ввести, по мѣрѣ надобности, въ различные пункты Молдавіи русскіе гарнизоны. Послѣ чистки тѣмъ же войскамъ можно было войти и въ Валахію — съ пути, гдѣ Миниха давно ожидали.

Чины присягнули на вѣрность Россіи. Но были еще многочисленные цинутскіе (уѣздные) города, а въ Галацъ спасся самъ упраздненный господарь. Города эти и надо было поспѣшить очистить отъ турокъ. На этотъ конецъ, но въ направленіи на югъ, къ Серету, къ границѣ Валахіи, были разосланы по княжеству летучіе гусарскіе и козачьи отряды: въ Галацъ, Романъ, Бакау, позже поступившіе подъ начальство опытнаго полковника Фролова ***). Къ козакамъ охотно приставали на общее дѣло и простые волохи. Не будемъ удивляться, если при поспѣшномъ ходѣ политической чистки, помимо турокъ, которые въ большинствѣ случаевъ успѣвали во время бѣжать, какой-нибудь лавочникъ — болгаро-грекъ, армянинъ или гагаузъ, все это, къ тому же, обыкновенно, сторонники турокъ, кое-гдѣ и пострадалъ своимъ имуществомъ: кто лишился череса съ паричками, кто

---

*) Ephém. Daces, II, 363. Cp. Manstein, Mémoires, II, 30, только о планахъ.

**) Донесеніе 23 сентября.

***) Знакомъ былъ Миниху еще съ крымскаго похода 1736 года. (Дневникъ Миниха, въ «Beiträge», 160).

пучка своихъ сальныхъ свѣчей, этого символа восточной коммерціи. Приставшіе крестьяне, въ большихъ городахъ—Фокшанахъ и др., грабили опустѣвшіе турецкіе базары *). Козакамъ приходилось самимъ кормиться, самимъ «субсистенцію» находить; понятно, кое-гдѣ приходилось употреблять и силу, чтобы получить ее **). По необходимости отбирали и лошадей въ-замѣнъ своихъ, измученныхъ. Не безъ того, чтобы кое-гдѣ не прихватили. Самъ Минихъ признавалъ, что «гусары и нерегулярные войски добычею обогатились, которая имъ немалый куражъ придаетъ» ***). Но отъ этихъ случайныхъ эпизодовъ еще слишкомъ далеко до утвержденія нашего хрониста изъ Букарешта, будто русская оккупація, даже въ самыхъ Яссахъ, была одинъ сплошной грабежъ и безобразіе, такъ что его стыдливое перо отказывается рисовать всѣ ужасы «наступившихъ бѣдствій» ****). Въ присутствіи строгаго Миниха, по-царски одареннаго чинами Молдавіи, въ столицѣ только что принятаго подъ покровительство Россіи княжества и гдѣ мы располагались на-долго, въ столицѣ — предметѣ нашихъ первыхъ попеченій, конечно, не могло быть ни грабежа, ни какихъ-либо иныхъ «бѣдствій». Въ предъявленномъ обвиненіи слышится злобное чувство озадаченнаго событіями, не того ожидавшаго, грека, слуги вѣрнаго слуги Порты, а удобный матеріалъ могли дать ему россказни турокъ, Гики и его клевретовъ. Прибавимъ, что и новѣйшій историкъ, Гаммеръ, обильно пользовавшійся турецкими источниками, не отстаетъ отъ Дапонтеса: онъ только раскрываетъ укрытыя у того картины разразившихся-де надъ Яссами русскихъ бѣдствій. Гаммеръ серьезно утверждаетъ, что русскіе утѣсняли населеніе столицы, грабили монастыри, самыя церкви оскверняли развратомъ. И такими нехристями рисуетъ австрійскій историкъ насъ, шедшихъ на святое дѣло Креста, съ Минихомъ, хотя-бы и

---

*) «Большинство мятежниковъ (въ Фокшанахъ) были молдаване». (Ephém. Daces, II, 364).

**) Не смотря на богатство страны, самъ Минихъ свидѣтельствуетъ въ донесеніи 23 сент., что, за военнымъ временемъ, крестьяне сѣна не косили, хлѣба не жали. Слѣд., одинъ источникъ — старые запасы, которыхъ бывало довольно въ экономіяхъ. Но какой хлѣбъ? Кукуруза?

***) Донесеніе 23 сентября.

****) Ephém. Daces, II, 359.

лютеранпномъ, во главѣ... Но онъ добавляетъ, что уже въ самый торжественный моментъ принятія русскаго подданства чинами, въ первый благодарственный молебенъ въ русскомъ лагерѣ 3-го сентября, Минихъ и его генералы держали себя крайне зазорно. «Съ боярами, говоритъ Гаммеръ, Минихъ обращался грубо, а когда митрополитъ предложилъ ему поцѣловать крестъ и евангеліе, онъ поцѣловалъ только евангеліе, а крестъ оттолкнулъ отъ себя; когда же митрополитъ началъ свое слово (на указанный текстъ псалма, о входѣ и исходѣ) русскіе генералы смѣялись — дурное-де пророчество» *).

Летучіе отряды дѣйствовали на югѣ, приближаясь уже къ границамъ Валахіи, когда Минихъ, 11 сентября, перешелъ Прутъ, чтобы вторгнуться въ сѣверную часть Буджака, заняться своими татарами: осада Бендеръ и Аккермана — позже. Напередъ были посланы въ Буджакъ увѣщательные манифесты, приглашавшіе татаръ покориться. Мы помнимъ, что наши конфиденты за Днѣстромъ изъ года въ годъ сообщали одно, что зажиточные татаре Буджака готовы на подчиненіе Россіи; то-же подтверждалъ такой знатокъ татаръ, какъ Орликъ (стр. 233, прим.); а еще раньше самъ Минихъ утверждалъ, что они легко признàютъ власть Россіи (стр. 130). При подчиненіи Буджака, оставшіяся въ тылу турецкія войска по крѣпостямъ были бы изолированы. «Какая надежда, доносилъ Минихъ императрицѣ, по посланнымъ отъ меня манифестамъ имѣется, то изъ рапорта Кантемира усмотрѣть изволите; которое важное дѣло я наблюдать по крайности стараться буду». По словамъ Дапонтеса, турки и татаре послѣ Ставчанъ въ паническомъ страхѣ ждали къ себѣ Миниха и готовы были, бросивъ семьи, сейчасъ-же бѣжать — «спасая свое житіе».

Пространство отъ Кишинева къ Пруту, къ Каценамъ и Каламанештамъ, представляетъ путанную полосу довольно высокихъ горъ, богатыхъ орошеніемъ, покрытыхъ и сегодня роскошными лѣсами. Это поэтическій водораздѣлъ бассейна Прута и Днѣстра. Къ югу эти горы обрываются предъ долиною Ботны, верхняго Траянова вала, откуда уже начинается Буджакъ. Минихъ и двинулся чрезъ этотъ лѣсистый кряжъ, Кайнары,

---

*) Hammer, Geschichte des Osm. Reiches, IV, 360.

какъ онъ его называлъ, при предположенной аттакѣ татаръ въ ихъ богатыхъ кишлахъ *). Но была осень, и такъ какъ «чрезъ Кайнарскія горы, писалъ Минихъ, переправляться весьма трудно, насъ же тамъ застигли великіе дожди и стужи, въ гористыхъ мѣстахъ и снѣгъ сталъ показываться, то при такомъ позднемъ времени и погодѣ далѣе итти за благо не разсудилъ, и армія 18 сентября паки къ Пруту прибыла». Короче, важное дѣло — покореніе татаръ — окончилось неудачей и хотя заняло всего одну недѣлю времени, но войска утомило **).

Такимъ образомъ, самъ Минихъ въ Буджакъ не вошелъ. Дѣло ограничилось двумя удачными дѣлами авангарда: драгуны

---

*) О много-численныхъ поселеніяхъ татаръ въ Буджакѣ см. у насъ выше, 130, прим. 2, особенно 232, прим. Ср. стр. 120, гдѣ въ примѣчаніи д. б. поправка — и середины Бессарабіи, у Прута — Кайнаръ. Къ указаннымъ выше именамъ татарскихъ кишлъ, что доселѣ сохранились въ Аккерманскомъ уѣздѣ, прибавимъ: Быкоза (и сейчасъ у стариковъ-армянъ Буюкъ-Ходжа, т. е. великій Ходжа) съ каменными остатками построекъ въ землѣ, Капланы (тур. каплан тигръ), Каркмазы (тур. каркмаз нетрусъ), Кебабча (тур. кебаб жареное мясо), Сарата (въ молд. грамотахъ XIV в., тур. сары желтый), Саръ-яры (тур. сары и яр ущелье, отсюда ярык, русск. передѣлка ерикъ, трещина), Ташлыкъ (таш камень), Чапры (чаир нижняя часть), Шаба (тур. ашаха бах — нижніе сады). Только послѣ 1812 года шумный, живой Буджакъ стихъ, но превратившись въ зеленую пустыню, «благоуханную долину» (по выраженію нашего перваго, 1816 г., оффиціальнаго описанія), которая Мицкевича вдохновила сонетомъ:

Я выплылъ на просторъ сухаго океана,
Повозка въ зелени ныряетъ будто чёлнъ.
Среди живыхъ луговъ, среди цвѣточныхъ волнъ
Минуя островокъ кораловый бурьяна.
Ужъ сумракъ палъ: нигдѣ ни тропы, ни кургана,
И путеводныхъ звѣздъ ищу я надъ собой...
Вдали вотъ свѣтъ сверкнулъ: заря ужь предо мной!...
Но нѣтъ—блеснулъ тамъ Днѣстръ, маякъ то Аккермана.

**) 13 сентября, на третій день похода, Минихъ получилъ тяжелое извѣстіе о мирѣ у цесаря съ турками (см. ниже). Но изъ его донесенія о походѣ на Буджакъ не видно, чтобы это новое обстоятельство имѣло вліяніе на столь скорое возвращеніе арміи изъ Буджака. Замѣтимъ, что и Румянцевъ, въ войну 1769—1774 г., считалъ важнымъ дѣломъ подчиненіе татаръ Буджака. «Недреманнымъ окомъ смотрите, наказывалъ онъ Штофельну въ 1769 г., на татарскую сторону Прута: тутъ великая опасность будетъ отъ набѣговъ, когда рѣки покроются льдомъ». (Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., VII, 231). Зима — страда татаръ.

и козаки проникли «въ самыя буджацкія жилища», разнесли татаръ и захватили много лошадей «съ приборомъ и оружіемъ»*). Но Миниху своеобразно помогли добровольцы изъ-за Днѣстра. По словамъ Дапонтеса, кошевые запорожцы заполнили собою не только Буджакъ, но и окрестности самыхъ Бендеръ, а въ слѣдъ за ними перешли Днѣстръ, за своею добычей, и гайдамаки. Наконецъ, появились и ватаги молдаванъ, безъ милосердія умерщвлявшихъ всѣхъ, кто только попадался на пути, такъ что бендерскій паша долженъ былъ выслать противъ нихъ войска» **).

Въ концѣ концовъ, Буджакъ все-же фактически былъ потерянъ для турокъ; днѣстровскія крѣпости отрѣзывались, а главный турецкій трактъ, между Бендерами и Карталомъ (Облучицею) на устьѣ Дуная: долина Ботны, Кайнары и долина Ялпуха, закрывался; болотное-же теченіе нижняго Прута само было достаточною преградою для попытокъ сообщаться чрезъ южную Молдавію. Татаре Буджака, напуганные Минихомъ и гостьми изъ-за Днѣстра, вынуждены были, наконецъ, бѣжать изъ своихъ кишлъ въ очаковскія степи, гдѣ было вполнѣ безопасно, такъ какъ вторая армія Ласи все время держалась у входа въ Крымъ, а Очаковъ турки давно привели въ порядокъ и сидѣли крѣпко ***).

Помимо манифестовъ въ Буджакъ, Минихъ тогда же издалъ

---

*) Донесеніе 23 сентября. Кайнары — станція на бендеро-галацкой жел. дорогѣ, далѣе Каушанъ. Еще болѣе сильное впечатлѣніе произвели «Кайнарскія горы» въ 1770 г. на Румянцева, при движеніи его, послѣ Ларги, къ Кагулу. «Натура, доноситъ онъ, столько необычайныхъ высотъ съ глубинами здѣсь помѣстила, что нѣтъ удобности къ извороту, а способы отовсюду предстоятъ быть заперту» (Соловьевъ, Ист. Р., XXVIII, 113).

**) Οἱ Κοσεβῆδες (I, 254), въ переводѣ оставлено—les cossévis (II, 361). Очевидно, кошевые. Гайдамаки — въ текстѣ χαϊδοῦδες (ib.), т. е. гайдуки, разбойники. Мы видѣли, въ походахъ на Крымъ, Очаковъ, за Днѣстръ участвовало тысячъ 6 запорожцевъ. Но Рондо въ кампаніи еще 1736 г. насчитываетъ ихъ 13 тысячъ. (Депеши, ор. с., р. 552).

***) Въ чешскомъ календарѣ (z Chotssowa) на 1740 г. сообщалось: «Изъ Петербурга что въ Ингерманландской землѣ получено извѣстіе, что гр. Ласи, будучи не въ состояніи, вслѣдствіе полнаго разоренія Крыма, предпринять что-нибудь въ немъ противъ непріятеля, возвратился къ Перекопу и Очакову. Турки постарались заново укрѣпить Очаковъ, но Ласи уничтожилъ его новыя укрѣпленія въ конецъ (do gruntu)». Патріотическія увлеченія Праги.

универсалъ, отъ имени императрицы, къ «православному и иной вѣры населенію» Трансильваніи, приглашая его къ выходу въ Молдавію, съ обѣщаніемъ всякихъ льготъ. «Много людей, свидѣтельствуетъ бухарештскій хронистъ, особенно изъ нѣмцевъ и катановъ, откликнулись на этотъ призывъ» *). Надо полагать, эти выходцы предназначались Минихомъ для заселенія опустѣвшихъ кишлъ Буджака.

Такъ шли въ домашней работѣ первые дни оккупаціи. Впереди особые вопросы, и Минихъ виталъ мыслями и у Босфора; но пока планировалъ зимнія квартиры для большей части арміи у Хотина и въ Подоліи, среди непріятныхъ ему поляковъ, опасаясь, за военнымъ временемъ, недостачи продовольствія въ богатой Молдавіи. Но для увлеченнаго шефа русскаго управленія въ Молдавіи былъ важенъ вопросъ: оправился ли союзникъ послѣ пораженія у Гроцки, хорошо ему, Миниху, извѣстнаго, устоитъ ли онъ далѣе?

Мы видѣли, насколько опасался нашъ главный посредникъ, Флери, за судьбу турокъ, если Минихъ очутится въ Молдавіи въ то время, какъ австрійцы будутъ дѣйствовать на Дунаѣ. Правда, въ недалекомъ Бухарештѣ уже 4 сентября «народъ и князь возблагодарили Бога за очищеніе отъ нѣмцевъ Малой

---

*) Ephém. D., II, 363. Катаны, съ мад. katona солдатъ, вѣроятно, граничары, милиціонеры. — Подъ населеніемъ «иной вѣры» разумѣлись нѣмцы лютеране и секлеры (мадьяре) кальвинисты, крупными гнѣздами сидящіе и теперь въ странѣ. Отмѣтимъ любопытную, для исторіи славянскаго письма, но мало извѣстную черту. Секлеры — мадьяре, говорящіе и по-румынски, но въ старину, въ XVI ст., они употребляли кирилловское письмо, какъ и румыны до послѣдняго времени. Молодой мадьяро-славянскій историкъ, Талоци, недавно нашелъ Молитву Господню по-мадьярски, но писанную по-кирилловски, въ одной рукописи XVI в. Бухарештскаго Музея. По его мнѣнію, это ясное свидѣтельство извѣстности славянскаго Православія даже между секлерами Трансильваніи (Glasnik Zem. Muzeja u Bosni i Herc., g. 1889, kn. III, 2, примѣч.). Не память ли это, что и секлеры, не только румыны, поглотили въ себя мѣстный славянскій (русскій) элементъ Трансильваніи? (Ср. выше, 401, прим. 2). Въ послѣдующую нашу войну 1769—1774 г. были выходцы изъ-за Дуная; ихъ селили въ Молдавіи и Новороссіи. (Опис. докум. и бум. Моск. Арх. М. Юст., VII, 196, 200).

Валахіи», а чрезъ день Маврокордато получилъ и самые прелиминаріи мирнаго договора у цесаря съ Портой *); Минихъ могъ кое-что знать, но — вѣрить этому не рѣшался. Въ самомъ дѣлѣ, изъ Петербурга непрерывно шли одни хорошія слова. Тамъ говорили, что хотя Бѣлграду все труднѣе и труднѣе, но, по сообщенію изъ Вѣны отъ 15 августа, на этотъ день назначено «чрезвычайное молебствіе на 40 часовъ», а потому «надѣются, что въ сей день противъ непріятеля нѣчто знатнаго предпріимется» **). Въ томъ же духѣ было сообщеніе и изъ самаго лагеря Валиса отъ 19 августа (нов. ст.), что турки «по сіе время нималаго пролому не сдѣлали, хотя по Бѣлграду денно и нощно палятъ», что гр. Нейпергъ 18-го поѣхалъ въ Бѣлградъ и «надѣются, что онъ не только тамъ долѣе пребудетъ, но едва ли и верховной команды надъ крѣпостью не получитъ» ***). (Мы видѣли, Нейпергъ именно въ тотъ же день проѣхалъ въ турецкій лагерь за миромъ). Наконецъ, какъ жаловался позже Минихъ, кн. Лобковицъ изъ сосѣдней Трансильваніи упорно молчалъ на всѣ его обращенія.

Между тѣмъ князь Гика, въ день вступленія Миниха въ Яссы спасшійся изъ Фалчи въ Галацъ, долженъ былъ, спасаясь снова отъ козаковъ, сейчасъ же оставить свое убѣжище и обходомъ чрезъ валашскій Браиловъ направиться въ Фокшаны, на границу съ центральной Валахіей, на трактѣ въ Букарештъ. Тогда же бѣжали изъ Молдавіи въ Букарештъ пенсіонеръ Порты, Орликъ, и турецкій губернаторъ Трансильваніи, гр. Чаки ****). Лишенный средствъ, Гика въ Фокшанахъ кормился отъ милости своего болѣе счастливаго сосѣда, Маврокордата. Но и здѣсь покоя ему не было.

22 сентября явился у Фокшанъ Фроловъ съ козаками и поднявшимися крестьянами. Чистка въ Молдавіи кончилась: на очереди стояла Валахія. Гика вмѣстѣ съ турецкою охраною

---

*) Ephém. Daces, II, 320.

**) С.-Петерб. Вѣдомости, 1739, № 71.

***) Ibd., № 74.

****) Въ маѣ 1739 г. изъ Летичева сообщали въ Варшаву, что, по слухамъ, Орликъ получаетъ ежемѣсячно отъ турокъ по 400 мѣшковъ левовъ и обѣщаютъ еще больше. (Kurjer Polski, 1739, № 122, въ Арх. Югоз. Рос., III, № 147).

успѣлъ спастись въ Валахію и бѣжалъ обратно къ Браилову, въ Максинены. Понялъ и Маврокордато появленіе Фролова въ Фокшанахъ: Букарештъ былъ поставленъ на военную ногу, въ странѣ объявлено общее вооруженіе. Но чрезъ день господарь получилъ пріятное извѣщеніе, что уже 24 сентября Фроловъ, по приказанію-де Миниха, отъ Фокшанъ поворотилъ назадъ, къ Рымнику.

Оба господаря успокоились, а 29 сентября Гика «храбро» уѣхалъ къ себѣ въ Галацъ *).

Козаки могли быть отозваны отъ границъ Валахіи въ виду того, что 13/24 сентября, во время похода чрезъ Кайнары въ Буджакъ, Минихъ получилъ отъ Лобковица увѣдомленіе о заключеніи $\frac{21\ \text{авг.}}{1\ \text{сент.}}$ гр. Нейпергомъ мира съ турками и о передачѣ имъ сейчасъ же Бѣлграда. Дѣла на Дунаѣ стали ясны.

Минихъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ. Въ ту же ночь онъ изготовилъ отвѣтъ, гдѣ далъ волю своему возмущенному чувству. Онъ написалъ страстный обвинительный актъ противъ жалкаго поведенія союзника, проведшаго Россію.

«Мы, писалъ Минихъ Лобковицу, льстили себя здѣсь надеждою, что когда врагъ разбитъ, когда мы собирались уже идти за Дунай, эти успѣхи наши собьютъ спѣсь у него подъ Бѣлградомъ, и — вдругъ узнаемъ, что прелиминаріи мира уже подписаны тамъ на условіяхъ предосудительныхъ, опасныхъ и по-

---

*) Ephém. Daces, II, 344, 345, 362, 364—366. 368. «Reprit courage». По разсказу Дапонтеса, козаки, наведя ужасъ на небольшую турецкую охрану князя Гики и турецкихъ купцовъ, которые заранѣе ушли изъ Фокшанъ, начали грабежъ съ базара и грабили безъ различія — православныхъ, армянъ, евреевъ; грабили бояръ и священниковъ. На мольбы поповъ и купцовъ о пощадѣ и возвращеніи — никакого вниманія: козаки обращались съ ними «какъ съ мятежниками и измѣнниками, ибо они вмѣсто того, чтобы встрѣтить ихъ съ припасами, отправили эти припасы Гикѣ и туркамъ». При отъѣздѣ козаки-де ограбили и монастырь, гдѣ жили и кутили, взяли всѣхъ лошадей его, «увели въ рабство евреевъ, дѣтей ихъ и армянъ», и перепортили виноградники (ib., 367—368). Картина слишкомъ мрачная и едва ли вѣрная. Замѣтимъ, что хронистъ объ этихъ грабителяхъ въ другомъ мѣстѣ самъ говоритъ, что большая часть ихъ была мятежники изъ молдаванъ, т. е. изъ крестьянъ; что въ главу ихъ помѣщаетъ то одного князя Кантемира, то двухъ. Свѣдѣнія путанныя. Онъ называетъ еще: бригадира Ивана Васильевича (Фроловъ?), полковниковъ — изъ грековъ Василаки, изъ калмыковъ Симсона (ib. 366).

зорныхъ». Аргументируя этотъ свой взглядъ на условія, заключенныя турками подъ Бѣлградомъ, Минихъ не пропускаетъ подчеркнуть, что не то-бы они нашли, если бы двинулись на Кіевъ: а теперь имъ скатертью дорога въ Вѣну.

«Мы, продолжалъ Минихъ, беремъ крѣпости, а вы разрушаете. Мы царства покоряемъ, а вы — ихъ уступаете. Мы нашего историческаго врага довели до крайности, а вы — умножаете его гордыню. Мы воюемъ, а вы — миры заключаете. Гдѣ же этотъ священный, неразрывный союзъ»?...

Увлеченный негодованіемъ, Минихъ заявлялъ, что, не смотря на отягченныя условія своего новаго положенія, онъ и одинъ продолжаетъ войну, вноситъ ее за Дунай, такъ какъ Россія не унизится до унизительнаго мира. Но если она пойдетъ на миръ, то не иначе, какъ взявъ эквивалентъ за Хотинъ и Молдавію.

Такъ думалъ Минихъ изъ Ясъ въ половинѣ сентября и не подозрѣвалъ, что тяжелая дѣйствительность у себя на Сѣверѣ приготовила увлекающемуся автору письма съ разносомъ Австріи новый ударъ, что укажутъ ему оставить не только еще мерцавшій вдали Дунай, но и самое Молдавію, и Прутъ, и Днѣстръ, и безъ всякаго «эквивалента»...

Прутъ опять оказался роковымъ *), и исторія освобожденной Молдавіи закрывалась на первой страницѣ: она — исторія немногихъ дней, и всѣ на свои старыя мѣста — и русскіе и турки, и волохи и татаре Буджака-Аккермана. Година еще не пришла. Волохи поднялись, Вѣшняковъ не ошибся, но — ни къ чему.

---

*) Нѣмецкій оригиналъ письма, «въ своемъ родѣ единичнаго», по замѣчанію Манштейна—у Büsching'a, Magazin, VII, 235—240; французскій переводъ въ Mémoires Манштейна, II, 32—45, мѣстами съ ослабленіемъ рѣзкости слова; другой такой же франц. переводъ, съ одинаковыми отступленіями («die türkische Flotte» передано—«la flotte russe»), въ депешѣ англ. посла въ Сб. Р. И. Общ., XIX, и тутъ же русскій переводъ отъ редакціи; старый русскій переводъ у Мальгина Т., Русскій Ратникъ, М. 1825, 628—639. Письмо съ датой отъ 11/25 сентября; въ Сб. Р. И. Общ. 16/27 сент.

*) Письмо къ Бирону послѣ взятія Хотина Минихъ пророчески начиналъ словами: «le Pruth, si souvent fatal à la Russie..» (Mémoires Манштейна, II, 57).

Мы оставили Бѣлградъ, когда истекали его послѣднія австрійскія минуты.

Между тѣмъ какъ наша газета неумолкно сообщала, что все ничего, что хотя турки «жесточае и жесточае утѣсняютъ Бѣлградъ, но нунцій въ Вѣнѣ передалъ цесарю грамоту отъ папы, съ обѣщаніемъ всякой помощи къ продолженію «священной войны»: *) у самаго Бѣлграда было давно покойно, а въ крѣпости уже сидѣли турки. Въ день взятія Хотина позорные прелиминаріи были уже заключены, а на-заутра, $\frac{21\ авг.}{1\ сент.}$, виновникъ ихъ, гр. Нейпергъ, поспѣшно подписывалъ тексты, чтобы не замедлить сдачей Бѣлграда туркамъ.

По точному показанію букарештскаго хрониста, Нейпергъ былъ принятъ визиремъ весьма любезно. Онъ предъявилъ свои полномочія и тотчасъ же свидѣлся съ Вильневомъ, какъ съ посредникомъ; затѣмъ стали договариваться о мирѣ, но «въ секретѣ». «Идетъ, продолжаетъ Дапонтесъ свою запись подъ 7/18 августа, слухъ, что нѣмцы требуютъ, какъ условіе договора, сохраненія каждой стороной своихъ позицій. Турки же желали бы обновленія карловацкаго договора, съ придачею статьи о правѣ Порты создать Трансильванское королевство. Однако, есть полная надежда на миръ» **). Хронистъ не ошибся. Предварительный обмѣнъ мыслей между полномочнымъ, посредникомъ и драгоманомъ Порты, Гикою, главная или первая часть тѣхъ обѣдовъ безъ русскихъ свидѣтелей, на-единѣ, которые такъ смутили Миниха, тянулся недолго.

Уже на четвертый день, 10/21 августа, Нейпергъ предложилъ чрезъ Вильнева визирю свои условія. Они состояли изъ трехъ

---

*) С.-Петерб. Вѣдомости, 1739, № 76, отъ 21 сентября.

**) Ephém. Daces, II, 275—276. Минихъ жаловался императрицѣ, что Вильневъ во время заключенія «стыднаго» мира «нашихъ полковниковъ (!) Броуна, Кантіонія (т. е. Каньони) и Сентсюрена обманулъ и надъ ними смѣялся тѣмъ, что до прибытія въ тур. лагерь Нейбурха помянутые офицеры завсегда съ нимъ за столомъ обѣдали, а съ 18 авг. шт. нов., по пріѣздѣ Нейбурха, по 1 сент.—заключеніе цесарскихъ прелиминаровъ, онъ, посолъ, все время съ Нейбурхомъ и съ переводчикомъ Порты былъ, и по всякъ день трое ихъ вмѣстѣ, безъ офицеровъ нашихъ, обѣдали». (Изъ реляціи 23 сент.) Но, по словамъ Вильнева, онъ ежедневно сообщалъ Каньони о состояніи негоціаціи (Laugier, op. c. II, 83).

главныхъ пунктовъ: уступка императорской Валахіи, Оршовы съ фортомъ Елисаветы и всей Сербіи съ Бѣлградомъ *). На-сколько Нейпергъ спѣшилъ съ своимъ миромъ, видно изъ рѣзкаго его отвѣта агенту Остермана, Каньони (о немъ рѣчь будетъ ниже), на совѣтъ его — не удаляться отъ Россіи, одуматься: «цесарь войны продолжать болѣе не въ состояніи, онъ довольно претерпѣлъ, принявъ участіе въ войнѣ, которымъ ему и обойтиться было можно, развѣ до конца себя разорить» **).

Въ условіяхъ Нейперга было соединеніе весеннихъ условій Спицендорфа и старыхъ домогательствъ Порты, т. е. Пожаревацкій договоръ уничтожался, и все при порукѣ Франціи. Казалось бы, визирь могъ только принять эти условія, безъ всякихъ разговоровъ. Но, принимая и ихъ, визирь давалъ понять противнику, что онъ это дѣлаетъ лишь изъ жалости къ нему, изъ милости, снисхожденія. «Если, объяснялъ позже посредникъ вѣнскому министру, при заключеніи договора не было ничего упомянуто объ уничтоженіи дорогъ въ Валахіи, то не потому, что на этомъ не настаивалъ Нейпергъ, а потому, что турки отказывались согласиться на это, а положеніе вообще было таково, что казалось неудобнымъ р а з о р в а т ь негоціацію изъ-за несущественнаго вопроса» ***) Турки сразу поняли свое положеніе, а Вильневъ не могъ быть болѣе австрійцемъ, чѣмъ самъ Нейпергъ. Съ своей стороны визирь отказался отъ втораго баната, Темешварскаго, и отъ венгерскаго вопроса—отторженія Трансильваніи, т. е. отъ обратнаго раздѣла—раздѣла коренной Австріи ****). «Благодареніе Богу, заноситъ подъ 21/1 августа нашъ хронистъ: миръ заключенъ между турками и нѣмцами. Въ 4 часа дня кади, реисъ-эфенди, мектупчи, гр. Нейпергъ, посолъ Франціи и великій драгоманъ Гика облеклись въ шубы и, по прочтеніи условій, размѣнялись договорами. Вали руме

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, № 788.

**) Изъ письма Каньони къ Миниху отъ 29/9 августа, изъ Бѣлграда, въ реляціи 23 сентября. Въ инструкціи Нейпергу Карлъ требовалъ, чтобы, при заключеніи для него отдѣльнаго мира, Россіи былъ данъ достаточный срокъ высказаться, принимаетъ она или нѣтъ турецкія условія отъ декабря 1738 года. (Laugier, Histoire, II, 80).

***) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, № 806 (8 февр. 1740).

****) Ephém. Daces, II, 286—287, 276.

лійскій вошелъ въ городъ, гдѣ онъ ожидаетъ, чтобы нѣмцы очистили крѣпость и вручили ему ключи» *).

Дѣйствительно, ага съ отрядомъ янычаръ тотчасъ же занялъ одни изъ воротъ крѣпости. Самъ Нейпергъ такимъ образомъ ввелъ во владѣніе новаго хозяина, а ратификаціи договора (она имѣла послѣдовать въ 10 дней, и размѣнъ чрезъ Вильнева) со стороны самого Карла виновникъ его и не дожидался: такъ все спѣшилъ Нейпергъ. Съ другой стороны и Валисъ не задержалъ турокъ очисткой крѣпости: «по одной негодной записочкѣ» отъ Нейперга — auf ein schlechtes Billet, какъ жаловался сейчасъ-же императоръ, онъ поспѣшилъ вывести гарнизонъ и сталъ равнять бастіоны. Наконецъ, оба поспѣшили предложить Лобковицу въ Трансильваніи — сейчасъ-же очистить Валахію. Опять грубое нарушеніе правъ верховной власти, какъ и указано было въ Вѣнѣ **). Въ каждомъ изъ дѣйствій уполномоченнаго мы видимъ одно — предупредительность къ туркамъ. Всѣ формальности были заботливо устранены, ясно — въ интересѣ третьяго. По вѣрному замѣчанію Шлосера, капитуляція генерала Макка въ 1806 г. предъ Наполеономъ подъ Ульмомъ была еще славна сравнительно съ Бѣлградскимъ миромъ Нейперга. «Нѣчто знатнаго» произошло дѣйствительно. Въ самомъ стилѣ условій звучала нота торжествующей Порты, въ стилѣ начальнаго условія: «крѣпость Бѣлградъ, которая въ 1717 году цесарскимъ оружіемъ была добыта, имѣетъ быть очищена и Портѣ возвращена»....

Понятно несходство впечатлѣній отъ новой хартіи мира на Босфорѣ и въ Вѣнѣ.

«26 августа, свидѣтельствуетъ букарештскій хронистъ, каймаканъ находился въ Диванѣ (въ Стамбулѣ), когда гонецъ-татаринъ примчался къ нему изъ визирскаго лагеря съ извѣстіемъ о капитуляціи и занятіи Бѣлграда. Каймаканъ прервалъ засѣданіе и, послѣ короткаго допроса гонца, направилъ его къ сул-

---

*) Ephém. Daces, II, 283 284. Время по турецкому счету, отъ восхода солнца, слѣдов.—въ 9 час. утра, какъ и у Ложье.

**) Hurmuzaki, Docum , S. I, v. I, № 795.

тану. Залпъ изъ орудій оповѣстилъ населеніе столицы объ этой радостной вѣсти. Всѣ бросились со своихъ мѣстъ, прыгали отъ счастья и поздравляли другъ друга». Волшебная иллюминація флота на Босфорѣ, награды янычарамъ заключили день общей радости: видимо, столица не ожидала такихъ блестящихъ лавровъ *). Не забудемъ, что это было сейчасъ послѣ Ставчанъ и Хотина, послѣ нелегкихъ думъ объ открытомъ сѣверѣ.

На другой день, 27/7 августа, получены были бѣлградскіе прелиминаріи въ Вѣнѣ. «Чтеніе ихъ, говоритъ очевидецъ, повергло всѣхъ въ ужасъ: въ городѣ унылыя лица у всѣхъ отъ глубокой печали, смѣшанной съ изумленіемъ и негодованіемъ. Самъ нунцій замѣтилъ послу Франціи (Мирпоа), что Вильневъ принесъ въ жертву турку и своему государю интересы христіанства, имперіи и честь императора». Нельзя сказать, чтобы упрекъ былъ остроумный **): каждый игрокъ думаетъ о себѣ и своемъ партнерѣ.

Но, конечно, самое тяжелое душевное состояніе было самого императора: здѣсь и негодованіе, здѣсь и страхъ.

«Какъ ни дурно чувствовалъ я себя, пишетъ онъ 7/18 сентября довѣрительно къ единственному небитому генералу, кн. Лобковицу, въ Трансильваніи, при плачевномъ теченіи всей этой кампаніи, но все же не такъ, какъ въ заключеніи ея — въ виду прелиминаріевъ, которыхъ никогда нельзя будетъ достаточно выплакать (nimmermehr genug zu bedauern stehender Pr.), и въ виду непозволительнаго предварительнаго ихъ исполненія. Не было ни малѣйшей опасности потерять Бѣлградъ, напротивъ, была основательная и твердая надежда спасти городъ. Не трудно понять, какой бы видъ могло принять дѣло при такомъ результатѣ, послѣ взятія Хотина и послѣ вашихъ счаст-

---

*) Ephém. Daces, II, 285—286.

**) La-Lande, Histoire, V, 138. Но еще страннѣе новѣйшій историкъ, Шлоссеръ: у него для Вильнева отборныя слова — «наглое безстыдство», «коварное посредничество». (Исторія XVIII ст., рус. пер., I, 289, 297). Тутъ онъ родной братъ нашему Миниху, который въ изв. реляціи 23 сентября Вильнева обвинялъ: Россію предалъ, Нейбурха, Каньони обманулъ, извѣстный мастеръ проводить. Но тутъ же Минихъ полагаетъ, что Нейпергъ «достоинъ, яко предатель, голову потерять»

льныхъ успѣховъ (!) въ Валахіи *). Но сносъ укрѣпленій начался, одни ворота уже заняты, слѣдовательно, никакой помощи. Никогда я не ожидалъ подобной оплошности отъ Нейперга и Валиса, не ожидалъ, что послѣдній по негодной записочкѣ перваго, не ожидая моего приказанія, въ противность всѣмъ воинскимъ уставамъ, начнетъ очищеніе и сносъ такой крѣпости, какъ Бѣлградъ».

«Я, продолжалъ императоръ, пострадалъ не только въ достоинствѣ, уваженіи, любви и довѣріи внутри и внѣ государства; но, что болѣе всего, моей чести и совѣсти нанесенъ столь чувствительный ударъ» **).

Очевидно, отказъ въ ратификаціи былъ, на взглядъ императора, невозможенъ; уже было поздно. На долю обездоленнаго

---

*) Буквально послѣдняя фраза повторяется въ депешѣ Синцендорфа къ Вильневу 3 окт. н. ст. (Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I. № 792). Слѣдов., это стилистика канцеляріи. Да и поминка о Хотинѣ едва ли искренна: письмо Карла имѣло въ виду преподать Лобковицу — какъ-бы поосторожнѣе написать Миниху о мирѣ. По словамъ Вильнева у Ложье (II, 88), въ тайномъ повелѣніи Нейпергу отъ 5 сент. (н. ст.) Карлъ выражалъ крайнее опасеніе предъ сепаратнымъ миромъ у Порты съ Россіей, и это опасеніе еще болѣе увеличилось съ извѣстіемъ о побѣдахъ Миниха. Объ успѣхахъ Лобковица знали только въ Вѣнѣ: овладѣлъ одними жалкими Перичанами въ Валахіи

**) Hurmuzaki, Docum., v. VI, № 300. Томъ этотъ вышелъ въ 1878 г., слѣд., лишне было печатать тоже письмо Карла въ 73 книг! Гласника Серб. Уч. Общ., 1892 г., 325—328. Въ чешскомъ переводѣ договоръ былъ помѣщенъ въ «Nowý hosp. a kancell. Kalendárz», на 1741 годъ, Розенмиллера (вышелъ до сентября 1740 г., ибо импер. Карлъ показанъ еще въ живыхъ). Любопытна риторическая интродукція убогаго публициста, на тему: какъ прекрасенъ договоръ. «Все, что на свѣтѣ ни дѣлается, хорошее или дурное, имѣетъ свой конецъ, это — не только дѣло испытанное, но можетъ быть доказываемо и новыми примѣрами. Когда кончается что̀ доброе, то тѣхъ, которыхъ оно касается, печалитъ; равнымъ образомъ, когда что̀ дурное доходитъ до конца, достигнувъ высшей ступени, у тѣхъ, кого оно раньше удручало, всю печаль обращаетъ въ радость. Минувшая война есть новое доказательство всего этого. Она въ Венгерскомъ королевствѣ, особенно въ сосѣднихъ краяхъ, причиняла различныя бѣды населенію; но съ заключеніемъ мира немалая радость въ тѣхъ же земляхъ наступила, и народъ, уставшій отъ прежняго несчастія и страха, теперь подъ распустившимся оливковымъ деревомъ покойно себѣ отдыхаетъ. Основаніе этого мирный договоръ 18 сент. 1739 г. Поэтому онъ вмѣстѣ съ двумя нумерами у сего прилагается».

цесаря оставалось жаловаться, скорбѣть съ одной стороны, но и страшиться при мысли объ оставленномъ союзникѣ, съ другой.

И вотъ, скорбный духъ повѣялъ, при тѣхъ-же извинительныхъ доводахъ: «это не я, а Нейпергъ» и въ «трогательномъ», какъ говорили современники, извѣщеніи о своемъ несчастіи императрицы Анны: Карлъ умиляюще молилъ ее пожалѣть его, сохранить старый союзъ и съ разными пожеланіями соединялъ увѣренность, что она, послѣ Хотина, получитъ иной миръ, «непохожій на мой» *). Но были-ли искренни эти моленья? Не на послѣднемъ мѣстѣ былъ именно страхъ предъ Россіей; слѣдовательно, надо было всячески умирить ея гнѣвъ. Впрочемъ, императрица была уже раньше освѣдомлена отъ своего «угрюмаго» Ланчинскаго въ Вѣнѣ о нравственномъ потрясеніи Карла, что онъ лично предъ нимъ, посломъ, «съ зѣло прискорбною миною» называлъ условія «срамными», что и въ лицѣ измѣнился, спать не можетъ **).

Наконецъ, Бартенштейнъ составилъ для публики, для «всего безпристрастнаго свѣта», многословное обѣленіе императора и его министровъ: оно было сейчасъ-же напечатано въ газетахъ и вручено представителямъ иностранныхъ дворовъ. «По опредѣленію министерства, читаемъ мы въ нашей газетѣ, въ разныхъ иностранныхъ вѣдомостяхъ сообщена цесарская декларація, въ которой цесарскій дворъ всенародно объявляетъ, что гр. Нейпергъ все собою и всю мирную негоціацію безъ цесарскаго указу сдѣлалъ» ***). Справедливо было замѣчено въ этой деклараціи, что вся негоціація Нейперга «событіе, для котораго

---

*) La-Lande, op. c., V, 169—167. Сожалительное письмо къ имп. Аннѣ было сообщено Лобковицу при указ. письмѣ 7 сентября, съ наказомъ: «изъ него вы имѣете извлечь, отчасти, какъ я вообще смотрю на прелиминаріи, отчасти, какъ я выражаюсь о немъ предъ русскимъ Дворомъ, въ вашихъ сношеніяхъ съ Минихомъ; все это имѣетъ служить для васъ вмѣсто руководной нити».

**) Донесеніе у Соловьева, Ист. Росс., XX, 164. Угрюмый, «der schwermüthige», выраженіе из-давна Карла, напр., въ письмѣ къ Кенигсеку изъ осени 1738 года, у Hurmuzaki, Docum., VI, № 302, ошибочно отнесенномъ редакціей къ 1739 году.

***) С.-Петерб. Вѣдомости, 1739, № 82, отъ 12 октября.

исторія не предложитъ другаго примѣра» *). Но кому нужно было это обълеціе изъ-подъ пера «друга», это публичное покаяніе? Развѣ — еще болѣе доказать Россіи свою невинность? Общій голосъ безстрастныхъ современниковъ что были въ сторонѣ давно повторялъ разными языки, по согласно съ Миинхомъ, одно: «срамныя условія». «Россіи, писалъ венеціанскій баилъ въ Константинополѣ 25 сентября, въ виду ея успѣховъ, можно будетъ воздержаться подписывать подобный, столь неприличный (tanto indecorosa), миръ. Велика сама по себѣ потеря императора въ уступкѣ столькихъ земель; но выше всего то, что ему уже не такъ легко возвратить, что приходится ему горько скорбѣть, что онъ совершенно упалъ въ глазахъ этого гордаго народа съ высоты того значенія и уваженія, какимъ пользовался у него до сихъ поръ» **).

При сознаніи, что «мало надежды оставалось улучшить что-нибудь при окончательномъ мирѣ», какъ писалъ императоръ, прелиминаріи были имъ подписаны. Договоръ въ условленный срокъ былъ въ томъ же Бѣлградѣ переданъ тѣмъ же Нейпергомъ Вильневу и размѣненъ отъ него съ визиремъ, и такъ-же все поспѣшно, вслѣдствіе чего оказалось неполное соотвѣтствіе между итальянскимъ и турецкимъ текстами — новый поводъ новаго огорченія у императора «Гр. Нейпергъ, жаловался Карлъ 2 октября Лобковицу, даже не ждалъ моихъ повелѣній о присланныхъ прелиминаріяхъ, не ждалъ и пріѣзда Талмана, и затѣмъ только, чтобы уже 18 минувшаго мѣсяца перейти къ подписанію окончательнаго договора. При этомъ ни малѣйшаго вниманія на то, что содержалось въ моемъ повелѣніи отъ 12 числа. Благо, что мой рескриптъ къ вамъ полученъ вами, когда вы еще не совсѣмъ оставили австрійскую Валахію» ***). Только долго

*) La-Lande, op. c., 140—156, декларація. Послѣдняя фраза уже въ письмѣ Карла къ Лобковицу отъ 30 сент. (н. ст.): «Kein beyspiel in der Historie» (Hurmuzaki, Docum., v. VI, № 301). «Весь свѣтъ, писалъ Бестужевъ изъ Стокгольма, гдѣ было ликованіе, какъ и на Босфорѣ, по поводу мира Нейперга, не можетъ довольно такому нечаянному и чудному поступку надивиться: меня же чуть паралпчъ не ударилъ». (Соловьевъ, Ист. Росс., XX, 370).

**) Hurmuzaki, Docum., v. IX, p. I, № 784.

***) Hurmuzaki, Docum., VI, № 303. О разницѣ въ текстахъ ib., № 304.

еще тянулась придирчивая переписка между Сшицендорфомъ и поручителемъ Вильневомъ по побочнымъ вопросамъ договора — о передачѣ Малой Валахіи, объ уничтоженіи шоссе (via Carolina), вводившемъ прямо въ Трансильванію, объ очищеніи Баната турками *). Видимо, хоть въ придиркахъ и правоученіяхъ Вѣнѣ желалось отвести свою наболѣвшую душу.

Но, какъ бы то ни было, когда-то робкія надежды Вильнева — доставить «подходящій миръ» принятымъ подъ его охрану туркамъ, съ лихвою осуществились. Предрѣшенный раздѣлъ Турціи открылся на самой Австріи. Конечно, было одно лукавое притворство въ словахъ Вильнева, когда онъ, по заключеніи прелиминаріевъ 21 августа Нейпергомъ, публично осуждалъ ихъ и сожалѣлъ, что императоръ идетъ на «таковой миръ» безъ достаточнаго «воинскаго резона» **). Едва закрылъ глаза Карлъ, какъ Франція съ обездоленной Австріей открыла жестокую борьбу, во имя правъ знакомаго намъ курфирста баварскаго, соперника Маріи-Терезіи.

Оба виновника «событія», прямой и косвенный, были преданы суду и заключены въ крѣпость: Нейпергъ въ Глацъ, старикъ Валисъ въ казематы Шпильберга (у Брюна) — выплакивать свои прегрѣшенія, одинъ — «срамные» прелиминаріи, другой — свое довѣріе къ «негодной цидулкѣ». Но, пока тянулся судъ, потрясенный несчастіями императоръ, еще во цвѣтѣ силъ (въ сентябрѣ 1740 г.), умеръ, и сейчасъ-же по вступленіи на престолъ Маріи-Терезіи, вмѣсто угрожавшей казни, оба были освобождены изъ заключенія, обласканы и заняли свое прежнее высокое положеніе.

Но всѣ завѣренія и клятвы Карла о своей невиновности, оглашенныя на весь міръ, на дѣлѣ — едва ли вполнѣ искренніе, для Остермана были болѣе чѣмъ на второмъ мѣстѣ. Главное — фактъ отдѣльнаго мира у союзника, Россія одна въ войнѣ.

*) Ср. депеши Сшицендорфа 3 окт (н. ст.), 12. 22, депешу Вильнева 6 ноября 1739 г.—Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, №№ 792—794, 797. Ср. и письма Карла къ любимцу Лобковицу 17 и 30 сентября, 2 окт., 7 и 22 ноября. 28 декабря 1739 г. ib., v. VI, № 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307.

**) Въ реляціи Миниха отъ 23 сентября. Впрочемъ, Вильневъ и въ письмѣ къ Мирпоа въ Вѣну называлъ миръ унизительнымъ (humiliante), но необходимымъ (Laugier, op. c., II, 92).

Если въ первую минуту раздраженный зазорнымъ миромъ покоритель Молдавіи могъ говорить изъ Яссъ о войнѣ и одинъ на одинъ, не забыть Дуная и Босфора, то не такъ должны были разсуждать на Невѣ. И здѣсь раздраженіе, негодованіе, но не боевой пылъ: здѣсь и Дунай, и Стамбулъ давно забыты; здѣсь весь интересъ наступившей минуты — не резонабельный, а какой-либо сносный миръ, le mieux qu'on peut, по выраженію одного современника, только бы не остаться именно однимъ въ войнѣ. Если къ концу кампаніи 1738 года миръ для Остермана былъ необходимостью, то теперь, при ухудшихся, въ порядкѣ вещей, условіяхъ внутри и при осложнявшихся отношеніяхъ на Сѣверѣ, извнѣ, онъ — необходимость вдвое.

Въ Петербургѣ, по словамъ Рондо, только и рѣчи было что о сепаратномъ мирѣ союзника, о чрезвычайномъ событіи (extraordinary affair), какъ не безъ тайнаго злорадства окрестили этотъ миръ сейчасъ же въ Лондонѣ. И осторожный Остерманъ теперь повторялъ Бирона и не стѣснялся въ словахъ по адресу союзника, впрочемъ, только въ кругу своихъ, а въ обществѣ скрывалъ свое раздраженіе (resentment). «Прежде чѣмъ начать что̀ новое, указывалъ Рондо въ Лондонъ, Россіи надо оправиться отъ нежданнаго удара (surprise)» *). Но помимо этого удара Россіи надо было оправляться отъ многаго.

Крестьяне откуда только можно усиленно бѣгутъ за рубежъ: на югѣ и западѣ въ Польшу, на сѣверѣ въ Швецію; рекруты, по человѣку съ 120, требуютъ «пристойныхъ конвоевъ» **). «Я, писалъ саксонскій посланникъ изъ Петербурга въ Дрезденъ 20 іюля, увѣренъ, что по окончаніи войны съ турками, герцогъ будетъ думать объ одномъ — дать вздохнуть государству, водворивъ въ немъ прочный миръ, и не вмѣшиваться въ дѣла Европы» ***). Общій ропотъ на тяготы отъ нескончаемой турецкой войны вылился, наконецъ, наверху въ опасный заговоръ Долгорукихъ — произвести государственный переворотъ при помощи Швеціи, противъ «нѣмецкой команды» (ср. стр. 22, 94).

---

*) Депеши, op. c., № 268, 269, отъ 22 сентября.

**) П. С. З. Р. И., № 7807, 7808, 7872. По счету Курзона (Wewnętrzne dzieje Polski za St. Augusta), раскольниковъ въ Польшѣ ½ XVIII ст. было 100 тысячъ. По заключеніе автора, что бѣжали, потому что въ Польшѣ хлопу было лучше, невѣрно: бѣжали по поговоркѣ—хотя гирше, та инше.

***) С. Р. И. О., т. XX, стр. 117.

«Ободряемые неудачей похода 1738 г., надеждой, что Минихъ погибнетъ въ Молдавіи, особенно общимъ недовольствомъ народа, Долгорукіе, писалъ современный нѣмецъ изъ Петербурга, вошли въ сношенія съ Швеціей и Франціей.... Было условлено, что какъ только армія погибнетъ или будетъ разсѣяна, шведы объявятъ войну, а недовольные подымутъ возстаніе, императрицу заключатъ въ монастырь, съ герцогомъ поступятъ и того хуже, нѣмцевъ разгонятъ, повѣсивши кое-кого изъ нихъ». Конечно, въ головѣ этихъ жертвъ — Остерманъ, какъ представитель «нѣмецкой команды». Но заговоръ былъ во время открытъ, и, по словамъ того-же, поспѣшили съ миромъ. Шведское нашествіе пріостановилось. Любопытно, что и поляки участвовали въ заговорѣ Долгорукихъ: нѣсколько воеводствъ было уже въ конфедераціи *). «Французская кабала» (94) не удалась.

Какъ-разъ въ это тяжелое, запутанное время — вторая половина сентября — получено было донесеніе Миниха о подданствѣ Молдавіи. Какъ встрѣтить могъ эту вѣсть Остерманъ? Сторонніе люди въ Босфорѣ въ завоеваніяхъ Миниха видѣли залогъ успѣшнаго, неавстрійскаго, мира у Россіи. «Взятіе Хотина и оккупація Молдавіи, вспоминалъ позже Баилъ, дозволяли думать, что эти обстоятельства внесутъ нѣкоторую помѣху въ ратификаціи договора, ибо казалось вѣроятнымъ, что царица пожелаетъ извлечь нѣкоторую пользу изъ стольких успѣховъ при подписаніи трактата» **). Да и Карлъ видѣлъ впереди тоже.

Но иначе вынужденъ былъ смотрѣть на тѣ же военные успѣхи Россіи самъ Остерманъ, послѣ сепаратнаго мира у союзника.

Изъ неравнодушныхъ устъ Миниха онъ внималъ равнодушно извѣстію о подданствѣ цѣлаго господарства; пожалуй, это обстоятельство могло только усугубить боль «удара», тяжесть минуты. Успѣхи Миниха—совсѣмъ ненужная вещь въ ту минуту, хотя для формы они были отмѣчены. Все вниманіе у Остермана давно одинъ Вильневъ: за первымъ сепаратнымъ миромъ уже-ли не послѣдовалъ второй, съ голою уступкою Азова, а, пожалуй, и безъ него?! Вѣдь велкія полномочія у посредника давно.

*) Ib., т. XX 121—123. Ср. почти то-же въ донесеніи въ Парижъ 14 ноября и 20 дек. 1739 г. ib. т. 86, №№ 28 и 33.

**) Hurmuzaki, Docum., IX, p. I, № 788.

Тяжелыя минуты переживалъ Остерманъ и какъ разъ, когда Минихъ смотрѣлъ на себя, какъ на непреоборимую твердыню: что турки?—, когда предметъ раздраженія Остермана — цесарь, обезпеченный теперь отъ турокъ, боялся одного — да не нагрянуть русскіе изъ Молдавіи въ его Трансильванію, въ отместку за сепаратный миръ. Неприличное (unziemlich), по его выраженію, письмо Миниха не осталось безъ дѣйствія, и онъ требуетъ отъ Лобковица въ Трансильваніи быть очень на-сторожѣ предъ «таящимся въ русскомъ сердцѣ негодованіи» (im hertzen liegenden grollen), а горючаго матеріала въ самой странѣ не мало: мадьяре, румыны, славяне. Вѣдь они могутъ пристать къ Миниху. Зато, какъ-же возрадовался Карлъ, когда услышалъ о мирѣ и у Россіи съ Турціей: «по меньшей мѣрѣ, писалъ онъ Лобковицу, нельзя болѣе опасаться со стороны Россіи чего-либо враждебнаго» (nichts wiedriges) *). Мы увидимъ, когда, раньше этого, случайно козаки Фролова забрели въ Трансильванію, на нихъ взглянули какъ на предвѣстниковъ ожидавшагося отмездія и встрѣтили какъ враговъ.

Но Вильневъ не позабылъ своего званія полномочнаго Россіи, хотя и не былъ столь искренне-ретивымъ миротворцемъ, какимъ былъ раньше, для себя, лѣтомъ минувшаго года (ср. 427).

Уже 29 сентября С.-Петерб. Вѣдомости сообщеніе о подданствѣ Молдавіи, названное по формѣ «вновь радостною вѣстью», сопровождали болѣе важнымъ извѣстіемъ—предъувѣдомленіемъ о наличности и мира, наконецъ. «Яко такіе благополучные происхожденія, писала газета, скорому заключенію желаннаго мира не инако, какъ наиполезнѣйше поспѣшествовать могутъ, такъ и объ ономъ, и что миръ между ея величества и Порты Оттоманской дѣйствительно заключенъ по полученному сей ночи изъ турецкаго лагеря предъидущему (т. е. предварительному) извѣстію, ежечасно потвердительная радостнѣйшая вѣдомость ожидается, и за оное вновь Всещедрому Богу смиренное наше благодареніе отдать причину имѣемъ».

Умирающій Рондо († 5 октября) заключилъ свою послѣднюю депешу. отъ того-же 29-го сентября, словами: «только что

*) Ib., VI, № 304, 305.

прибыла эстафета изъ Вѣны съ пріятною новостью, что миръ у царицы подписанъ 18 (нов. ст.) текущаго мѣсяца».

Такъ горячо желалъ Остерманъ мира: Нева не Яссы. Напередъ можно видѣть, что успѣхи Миниха останутся внѣ вліянія на дѣла, пронесутся какъ лишній, никому ненужный, хотя и славный, эпизодъ. «Гиблющее царство» заставило насъ мира искать (142).

Статы Молдавіи подписывали договоръ съ Россіей, обязывались и иныхъ, что тамъ, привести къ общему двору; самъ Минихъ развивалъ энергическую дѣятельность по укрѣпленію и упорядоченію новой области Россіи, — въ это самое время подъ лагерной палаткой у Бѣлграда Вильневъ въ попыхахъ уговаривался съ визиремъ о второмъ сепаратномъ мирѣ, при сохраненіи за Турціей всѣхъ ея владѣній въ Европѣ. Непріятель, противъ котораго направлялся яcскій договоръ 5 сентября, тогда-же въ Бѣлградѣ самъ диктовалъ свою волю Россіи.

Мы видѣли, еще въ маѣ Вильневъ послалъ новаго гонца къ Остерману, съ просьбою объ уступкѣ, т. е объ уступкѣ Азова. Еще раньше онъ просилъ о присылкѣ въ помощь своего человѣка. Остерманъ не замедлилъ теперь своимъ отвѣтомъ и своимъ конфидентомъ.

Но и въ новомъ отвѣтѣ новаго ничего: все Азовъ, но съ разъясненіемъ побочныхъ обстоятельствъ, напр. о русской торговлѣ на Черномъ морѣ, цѣликомъ взятымъ изъ полномочій Миниху въ прошломъ году *). Но избранный конфидентъ былъ лице новое: итальянскій авантюристъ, только что принятый на русскую службу, но взысканный Остерманомъ, по имени Каньони **).

---

*) Текстъ этихъ полномочій см. у пр. Уляницкаго, op. c., 61. Въ нихъ послѣдняя уступка по коммерціи: «.....мочно и на то позволить, и написать, что чрезъ Черное море коммерція на турецкихъ и тур. подданнымъ принадлежащихъ судахъ отправлена быть имѣеть» Бѣлградскій договоръ буквально воспроизводитъ это мѣсто.

**) Осенью 1737 г. пошелъ слухъ въ Петербургѣ о намѣреніи русскаго правительства открыть колоніи въ Америкѣ. Оказалось, по словамъ Рондо, что источникъ слуха—прибывшіе изъ-за границы: франц. капитанъ Они и нѣкто Каньони, и что оба близки къ Остерману. Но мысль о коло-

10 іюня Каньони былъ отправленъ Минихомъ изъ Межибожья въ Бендеры съ просьбою къ пашѣ о пропускѣ далѣе, какъ гонца къ Вильневу съ мирнымъ договоромъ, а 15 онъ былъ въ Букарештѣ. «Какой-то баронъ, записалъ Дапонтесъ, изъ русской арміи прослѣдовалъ чрезъ Букарештъ. Онъ очень безпокоился, чтобы отправиться далѣе и передать визирю и послу Франціи бумаги, что были съ нимъ. Во дворцѣ онъ имѣлъ свиданіе съ господаремъ, а на-заутра двинулся въ путь» *). Въ Нишѣ Каньони нашелъ Вильнева, передалъ бумаги, а когда посредникъ былъ приглашенъ въ Бѣлградъ, онъ послѣдовалъ за нимъ. По видимому, Каньони былъ вполнѣ подчиненъ Вильневу; но на дѣлѣ онъ былъ не особенно пріятный тайный совѣтчикъ и надзиратель, къ тому-же неискренній **). Впрочемъ, съ отвѣтомъ Остермана Каньони привезъ для Вильнева массу подарковъ — напередъ усладить предстоявшіе труды.

Еще вырабатывая зазорные прелиминаріи для имп. Карла, Вильневъ, по требованію австрійскаго уполномоченнаго, занесъ въ нихъ обязательство для себя, что разъ прелиминаріи, это «основаніе договора», будутъ приняты, посредникъ займется и условіями мира для Россіи ***).

Мы видѣли, хотя и съ «зѣло прискорбною мнѣнію», но Карлъ тотчасъ же прелиминаріи принялъ, и Вильневъ, теперь поднадзорный, собирался за второй миръ. Между тѣмъ визирь торопился домой и на 6 сентября назначилъ отъѣздъ въ Нишъ. Времени мало и посредникъ уже готовъ былъ выработку условій для Россіи отложить до Ниша. Можетъ быть, въ этомъ намѣреніи было и лукавство: вѣдь еще недавно онъ былъ такъ доволенъ всѣмъ неудачамъ Миниха — въ минувшую кампанію, всякому условію

ніяхъ не встрѣтила сочувствія при Дворѣ. и Они принятъ во флотъ, а Каньони въ коммерцъ-коллегію. (Рондо, Депеши, № 102). Знаніе итальянскаго языка имѣлъ въ виду Остерманъ при отправкѣ на великое дѣло мира безвѣстнаго иностранца-авантюриста — шагъ былъ неловкій, который и взысканъ былъ, и тяжко, въ годину бѣды съ Остермана.

*) Ephém. Daces, II, 230, 233.

**) «Homme de confiance, choisi par le ministère russe pour éclairer et diriger secrèttement la négotiation». (Laugier, Histoire, II, 25).

***) «Il y fut dit qu'on travaillerait tout desuite au traité avec la Russie», говоритъ Ложье, ib. II, 89. Это вмѣсто требованія перемирія для Россіи по инструкціи Карла.

«сокращенія могущества москвитянъ»... Но противъ проволочки запротестовалъ Нейбергъ и пригрозилъ отказомъ отъ своего договора (посредникъ заподозрѣлъ тутъ руку своего надзирателя); Вильневъ съ усиленной энергіей принялся за дѣло и на опасенія Каньони замѣчалъ: «вамъ, россіянамъ, не для чего о себѣ печалиться; дѣла ваши на бархатѣ лежатъ» *). Одновременно, торопливо шли редакціонныя работы по договору съ императоромъ и конференціи съ турками объ условіяхъ мира съ Россіей **).

На совѣщаніяхъ камень претновенія — Азовъ. «Турки, говоритъ Ложье, упорствовали на своемъ требованіи, чтобы территорія Азова оставалась пустой», т. е. настаивали на старой теоріи барьеры, когда они еще были кроткими въ Немировѣ, на конгрессѣ, освѣженной менѣе года назадъ въ Кіевѣ предъ Минихомъ, при тайной посылкѣ перколаба Дуки. Такимъ образомъ, сейчасъ-же открылись шипы вмѣсто посуленнаго бархата.

Гордо отвергли мы на конгрессѣ теорію барьеры пустыни (стр. 337). Не менѣе гордо отвѣчалъ и Минихъ перколабу, повторяя Остермана: «Азовъ всегда принадлежалъ Россіи; срыть его и оставить мѣсто пустымъ, значитъ воевать безъ конца» (стр. 441). Самъ Вильневъ этотъ отвѣтъ Миниха понималъ, что лучше война, чѣмъ уступка Азова, что подтвердилъ сейчасъ позже и Остерманъ (стр. 447). Что же дѣлать? Безъ Азова не будетъ мира, и — Вильневъ уступилъ, Азовъ отдалъ. Конечно, странно что Вильневъ не запнулся въ эту минуту о Хотинѣ: такъ было кстати... Можетъ быть, надменность турокъ, боязнь упустить изъ рукъ столь желанный для Остермана миръ. Въ рукахъ его было письмо Остермана, переданное Каньони въ послѣднюю минуту, съ уполномоченьемъ на срытіе Азова. Но Вильневъ, понимая, какой онъ дѣлаетъ шагъ, въ виду уступки Азова, оговорился, что онъ не ручается за принятіе условій договора Россіей, почему въ рѣшительную минуту наткнулся было на опасное возраженіе турокъ, что визирю не достойно подписываться подъ договоромъ условнымъ, безъ цѣны.

Остальные, втораго значенія, пункты прошли согласно инструкціи. Правда, не легокъ былъ вопросъ о точномъ опре-

*) Изъ письма Каньони къ Миниху, въ реляціи послѣдняго 23 сентября.

**) Laugier, op. c., II, 75. Cp. Ephém. Daces, II, 287.

дѣленія южной границы между обѣихъ имперій. Онъ былъ щекотливъ: какъ проводить границу на югѣ, у Днѣпра, когда Минихъ сидѣлъ за Прутомъ? Но вопросъ этотъ Вильневъ обошелъ, постановивши, что проведеніе южной границы имѣетъ быть выполнено позже и самостоятельно спеціальными «искусными коммисарами».

7/18 сентября, утромъ, съ обычною торжественностью были размѣнены договоръ съ цесаремъ и условія съ Россіей. Раздавъ участникамъ шубы (и Каньони) и халаты, визирь сейчасъ-же двинулся въ Нишъ, Нейпергъ въ Бѣлградъ, а Вильневъ, отославъ гонцовъ въ Вѣну, Версаль и Петербургъ, а въ Яссы стараго Тота, съ просьбой къ Миниху о пріостановкѣ непріятельскихъ дѣйствій, уже въ 10 час. послѣдовалъ за визиремъ *). Въ Нишѣ 3 окт. (н. ст.) Вильневъ успѣлъ еще заключить съ визиремъ добавочную конвенцію о южной границѣ Россіи вообще — по договорамъ 1705 и 1700 годовъ, но съ сохраненіемъ артикула о комисарахъ.

Умиреніе трехъ имперій совершилось. Флери могъ торжествовать: онъ миротворецъ, безъ сопосредничества Англіи и Голландіи. Но онъ доволенъ не былъ. Старикъ — одно лукавство.

Все время въ крайней тревогѣ, Остерманъ, еще 8 сентября посылавшій напоминаніе Вильневу, могъ теперь успокоиться. Вопросъ о мирѣ отъ Вильнева болѣе не завиcѣлъ. Но до Невы далеко, о мирѣ тамъ узнаютъ нескоро, а между тѣмъ вблизи и у своихъ новорожденное дѣтище ожидалъ дурной пріемъ: своимъ миромъ Вильневъ не угодилъ.

18 сентября прибылъ къ Миниху изъ Хотина Тотъ. Генералъ только что въ тотъ день возвратился изъ своего похода на Буджакъ. Передавъ письма отъ Вильнева и Каньони, Тотъ словесно добавилъ, что, въ виду состоявшихся мирныхъ условій, буде Минихъ пожелаетъ «армистицію учинить», то объ этомъ благоволитъ согласиться чрезъ господаря Гику, который тогда еще находился въ Фокшанахъ **).

---

*) Laugier, op. c., II, 75 - 78. Cp. Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 796.

**) По донесенію 23 сентября, Тотъ прибылъ 29 сентября, очевидно, по новому стилю.

«Я, доносилъ Тотъ Вильневу, нашелъ фельдмаршала съ арміей вблизи Яссъ. Онъ принялъ меня очень любезно, но горячо вопилъ (se récriait sensiblement) на срытіе Азова, уступку Бѣлграда и на то, что въ условіяхъ не сдѣлано ни малѣйшаго упоминанія о Хотинѣ и Молдавіи, а послѣднюю онъ расчитывалъ присоединить къ Россіи или извлечь изъ-за нея нѣкоторую крупную выгоду. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько дней онъ успокоился и увѣрилъ меня, что миръ будетъ» *).

Не понялъ ли Тотъ Миниха, писалъ-ли неправду въ своемъ отчетѣ, или Минихъ былъ неискрененъ предъ старымъ агентомъ Вильнева, но именно чрезъ нѣсколько дней Минихъ еще громче завопилъ—предъ императрицей, крайне раздраженный, а не успокоенный миссіей Тота. Чувство стараго солдата, теперь со славою, было больно задѣто: ни полъ звука о Хотинѣ, о Молдавіи, какъ будто Минихъ съ крещенною въ бояхъ арміей былъ не предъ Дунаемъ, а еще только собирался на рандеву у Омельника на Днѣпрѣ. Положеніе устроителя новой Молдавіи было истинно обидное. Понятно, если онъ немного увлекся.

23 сентября Минихъ отослалъ обширную Записку императрицѣ, съ отчетомъ о пріемѣ Тота и съ детальной критикой договора Вильнева. Онъ объявлялъ «медіатора всѣхъ воюющихъ сторонъ» предателемъ, и молилъ — не принимать условій недостойнаго мира, а за будущее не тревожиться: онъ одинъ справится. Свою Записку Минихъ сводилъ къ тому-же, чѣмъ заключалъ свое письмо съ Лобковицу нѣсколько дней раньше. Громитъ посредника, какъ тамъ союзника.

«Я, писалъ Минихъ, сказалъ Тоту въ отвѣтъ, что ежели бъ визирь съ войскомъ въ 2 миляхъ находился, то всеконечно завтрѣ далъ-бы ему баталію, по каковой онъ увѣдалъ бы, кому бъ объ армистиціи представлять надлежало, что ратификаціи не будетъ». Онъ представлялъ императрицѣ, что въ то время какъ «съ нашей стороны военныя дѣйства въ здѣшней Волоской землѣ съ немалою пользою понынѣ продолжаются» **), въ усло-

*) Отчетъ Вильневу, отъ 1 ноября (н. ст.) 1739 г. Hurmuzaki, Docum. S. I, v. I, № 796.

**) Конечно, имѣются въ виду дѣйствія летучихъ отрядовъ, подъ командою Фролова уже приблизившихся къ Валахіи.

віяхъ Вильнева — одинъ «немалый авантажъ» исключительно для Порты, что, пожалуй, можно пожертвовать и Азовомъ, «по худой ситуаціи города», но сохранивъ Хотинъ, «ключъ Оттоманскаго имперія», что въ самой оговоркѣ посредника о неручательствѣ за пріемъ условій «ясно и явно его коварство и злость» — оставить Россію одну въ войнѣ.

«Я, заключалъ Минихъ свои критическія замѣчанія, видя въ сей **стыдной** мирной негоціаціи отъ цесарской стороны и французскаго министра къ сторонѣ вашего величества такой **явный обманъ**, въ толикой о томъ несказанной печали нахожусь, что-бъ и живота моего дать не пожалѣлъ, ежели-бъ тѣмъ какое поправленіе принесть могъ» *).

Печаленъ и раздраженъ былъ ставчанскій побѣдитель въ Яссахъ. Но — мало благодарны были посреднику и на самомъ Босфорѣ, изъ-за той-же неудовлетворенности. «Говорятъ, занесъ букарештскій хронистъ въ свой Дневникъ, султанъ недоволенъ мирнымъ договоромъ съ Россіей. Онъ желалъ бы получить съ нея возмездіе болѣе чувствительное, чтобы наказать ее за всѣ опустошенія, которыя причинили русскіе областямъ Оттоманской имперіи» **). Наконецъ, и изъ Версаля вторили Босфору, опять изъ-за своихъ соображеній: зачѣмъ было посреднику такъ спѣшить миромъ для Россіи, въ виду имѣвшихъ несомнѣнно скоро открыться событій на Сѣверѣ, въ виду отношеній Швеціи къ опасной для Европы Россіи? Пусть бы Россія оставалась одна въ войнѣ съ Турціей... Мы видимъ полное согласіе съ желаніями Миниха.

«Я, отвѣчалъ посредникъ въ Версаль, защищаясь противъ этихъ нареканій своего правительства, хорошо понимаю, насколько было бы полезно (convenu)—по отношенію нашихъ связей съ Швеціей, чтобы война продолжалась между турками и русскими (les Moscovites). Но для этого необходимы были три вещи, всѣ одинаково внѣ нашей власти. Во-первыхъ, чтобы вѣнскій дворъ упорно стоялъ на рѣшеніи, которое онъ, казалось, принялъ—отстать отъ союза съ Москвой; но вы сами предвидѣли,

---

*) Въ указ. Сборн. Ак. П. на стр. 149, подъ 5, вмѣсто «Банеры» (что не даетъ смысла) надо читать **барьеры**.

**) Ephém. Daces, II, 358.

что съ момента, какъ онъ узналъ объ успѣхахъ русскихъ, онъ возвратился къ своей первой системѣ *). Во-вторыхъ, надо было, чтобы русскіе министры довольно мало смыслили (peu clairvoyant) въ своихъ интересахъ, чтобы подвергать себя опасности потерять Ливонію и Финляндію за сохраненіе завоеваній, менѣе цѣнныхъ для царицы»**) Послѣ убійства Синклера война у Швеціи съ Россіей считалась неминуемой.

«Царица, продолжалъ посредникъ свое оправданіе, не только безъ колебанія (sans hésiter) ратификовала договоръ и конвенцію о границахъ ***), хотя онѣ и не были постановлены такъ, какъ она желала, но она сама рѣшила возвратить Хотинъ и всѣ завоеванія въ Молдавіи». Дѣйствительно, такъ было, и Вильневъ точно указалъ главную причину быстраго принятія и утвержденія даже невыгоднаго договора — въ шведскихъ отношеніяхъ.

Дѣйствительно, лишь на одной Невѣ встрѣтили съ сочувствіемъ и признательностію дѣло Вильнева: съ радостью слышали объ успѣхахъ Миниха за Днѣстромъ, но съ полною радостью приняли теперь вѣсть мира. Не условія его были радостны, а самый фактъ окончанія войны на югѣ. Такъ тяжело сложились обстоятельства данной минуты. Естественно, вопли Миниха изъ Яссъ значенія имѣть не могли.

Если, когда-то кроткіе, турки уже сейчасъ-же послѣ мира съ Австріей стали собирать войска около Силистріи, а засимъ двинули ихъ въ Молдавію, для открытія дѣйствій противъ Миниха, на случай, если бы въ Петербургѣ не приняли подписанныхъ впиремъ условій, хотя и сами уже были сыты отъ войны: то опасенія ихъ были напрасны, а мѣры излишни ****).

*) О полномочномъ Нейпергѣ этого сказать нельзя въ виду рѣзкаго отвѣта его Каньони — «развѣ чтобъ Австрія совсѣмъ погибла». (Въ донесеніи Миниха 23 сентября, у насъ выше, стр. 499).

**) Отъ 16 янв. 1740. — Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 804. Вильневъ какъ бы перефразировалъ слова Остермана къ Рондо изъ 1738 г., что Россія броситъ все на югѣ, но ни пяди земли не отдастъ на Балтійскомъ морѣ (см. выше, 439).

***) 3-го октября, въ Нишѣ.

****) Ephém. Daces. II, 358. Но уже 8 ноября (н. ст.) Вильневъ сообщаетъ въ Версаль о заботахъ Порты, какъ бы войска, вступившія уже въ Молдавію, не открыли непріятельскихъ дѣйствій и не помѣшали бы миру, что попеченіе объ этомъ возложено на господаря Гику. «Эта мѣра дозволяетъ думать, что турки устали отъ войны и страстно желаютъ видѣть ея конецъ».

Каньони, участвовавшій, вѣроятно, въ редакціи итальянскаго текста договора, повезъ его съ собой въ Россію и въ началѣ октября былъ въ Петербургѣ *). Императрица сейчасъ-же ратификовала договоръ, а младшій виновникъ самой войны, Вѣшняковъ, вновь назначенный на Босфоръ, сейчасъ-же повезъ его съ собою. Тогда-же, въ октябрѣ, императрица и Остерманъ благодарили Флери за «добрыя услуги» Вильнева. 19 декабря 1739 г. ратификація была размѣнена въ Константинополѣ **), а еще раньше, въ отвѣтъ на умилительное прошеніе Карла, было объявлено о неразрывности и дальше альянца между Россіей и Австріей.

«Наступившій миръ разрушилъ все», припоминаетъ указанный современникъ, говоря о заговорѣ Долгорукихъ, а въ началѣ ноября, спустя мѣсяцъ послѣ ратификаціи, послѣдовала суммарная казнь Долгорукихъ въ Новгородѣ.

Мы видѣли, нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ былъ исполненъ одного ужаса, ему грозилъ нервный ударъ, при извѣстіи о сепаратномъ мирѣ цесаря и Порты. Но, узнавъ о второмъ сепаратномъ мирѣ, тотъ-же Бестужевъ сказалъ: «я теперь не только наружно, но и внутренно сталъ спокоенъ; ничего болѣе съ здѣшней стороны не опасаюсь» ***). Въ этихъ словахъ дана правительственная точка зрѣнія на Бѣлградскій договоръ Вильнева — невыгодный, досадный, но по времени, къ несчастію, необходимый. Едва ли былъ правъ нашъ представитель, уже кровный русскій, на слѣдующемъ мирномъ конгресѣ съ турками, въ Букарештѣ, въ 1772 г., когда онъ объяснилъ туркамъ, что Бѣлградскій трактатъ «сочиненъ отъ человѣка, не имѣющаго никакого въ интересахъ Россіи просвѣщенія» ****). Конечно, любовь къ Россіи не говорила въ Вильневѣ; но онъ все-же работалъ, можетъ быть, и не безъ лукавства, соображаясь и съ полномочіями, и съ условіями на мѣстѣ. Своимъ договоромъ онъ вышелъ на встрѣчу Остерману, чтобы заслужить укоръ отъ своего

---

*) Рондо, Депеши, ор. с., № 272, отъ 13 окт. (его замѣстителя).

**) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 802, Вильнева отъ 30/19 декабря. т. е. въ день размѣна. Остерманъ Флери 20 окт.—С. И. Р. И. О. т. 86, № 27.

***) Соловьевъ, Ист. Рос., XX, 370.

****) Уляницкій, ор. с., Приложенія, CLIV. Слова Обрескова.

правительства. Былъ правъ Минихъ въ своемъ неудовольствіи; но и «коварный» посредникъ не былъ безусловно виноватъ, не былъ предателемъ. Вѣшняковъ тогда же его аттестовалъ: «правдивъ, а чтобъ французскій министръ былъ доброхотнѣе съ нами, чѣмъ съ турками, того и требовать невозможно» *).

Старый Флери, недовольный Вильневомъ за спѣшность при заключеніи мира для Россіи, поспѣшилъ поздравить Остермана съ миромъ, не позабывъ даже присоединить и свою радость теперь—о побѣдѣ Миниха при Ставчанахъ и о взятіи имъ Хотина... Еще любезнѣе онъ былъ въ отвѣтѣ императрицѣ: онъ—ничто; вся заслуга — ея великодушіе, отказъ отъ Молдавіи **).

Въ отвѣтъ на боевую реляцію 23 сентября, на мольбы отвергнуть договоръ, Минихъ получилъ простое приказаніе покинуть Молдавію и армію отвести на зимнія квартиры въ Украину. «Живота» у Миниха не потребовалось. Конечно, Минихъ былъ опечаленъ, и его чувства раздѣлялъ какой-нибудь венеціанскій баилъ на Босфорѣ, который вѣрилъ, что Минихъ зазимуетъ въ Молдавіи и въ Польшѣ, что оттуда онъ быстро грянетъ на турокъ, и успѣхъ его будетъ неавстрійскій ***).

Въ началѣ октября началось псхожденіе: армія стала перебираться за Прутъ, домой, по старой дорогѣ. Агентъ Тотъ какъ-бы поджидалъ этой минуты, все время оставаясь при Минихѣ. «15-го октября (нов. ст.) я, писалъ онъ посреднику, уѣхалъ изъ русской арміи, которая также двинулась по направленію къ Днѣстру. Возвращаясь, я ѣхалъ черезъ Яссы, гдѣ начальствовалъ Шиповъ» ****).

Но, открывая новое отступленіе и сообщая Вильневу о прекращеніи непріятельскихъ дѣйствій (24 октября), обойденный Минихъ все еще не могъ забыть «ключа», своего Хотина, и въ

---

*) Соловьевъ, Ист. Росс., XX, 167.

**) Отъ 4 окт. (н. ст.) и 16 дек. С. И. Р И. О. т. 86, № 25, № 31.

***) Донесеніе отъ 25 сентября, Hurmuzaki, Docum., v. IX, p. I, № 784.

****) Въ указ. донесеніи, op. c., № 796.

эту минуту, съ пути изъ Бессарабіи, онъ рѣшился еще разъ напомнить свѣту о немъ. Нельзя-ли внести поправку, дополненіе въ текстъ досаднаго договора? Тамъ ни слова о сдачѣ Хотина, о формѣ этой сдачи, да и въ Нишѣ, на дополнительномъ совѣщаніи о границахъ, о немъ не было рѣчи. Самый договоръ, по ратификаціи, еще не былъ объявленъ.

«Я, писалъ Минихъ Вильневу, хотѣлъ бы знать, не пожелала-ли бы Порта за уступку ей Хотина отказаться отъ разрушенія Азова»? Запросъ нарушалъ смыслъ договора, да еще касался такого больнаго для турокъ пункта, какъ Азовъ. Не трудно предугадать отвѣтъ на него.

«Мнѣ, возразилъ Вильневъ Миниху 29/18 ноября, было отвѣчено отъ министровъ Порты, что я долженъ себѣ припомнить, что разрушеніе Азова было условіемъ, безъ котораго, какъ объявлялъ всегда султанъ, онъ не могъ бы заключить мира; что-же касается Хотина, то, такъ какъ онъ находится на территоріи, которая имѣетъ быть оставлена за Портой въ границахъ, обозначенныхъ въ послѣдней конвенціи (въ Нишѣ), Порта понимала, что это мѣсто должно быть возвращено ей въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ оно будетъ находиться, когда договоръ станетъ извѣстенъ ея величеству и вамъ». Но затронутый Минихомъ при отступленіи вопросъ о Хотинѣ-Азовѣ на одностороннемъ отказѣ въ его разсмотрѣніи отъ Порты не остановился.

Позднею осенью войска оставляли бессарабскій берегъ Днѣстра у Хотина, сама крѣпость уже ждала турокъ, когда хотинскій вопросъ попалъ на дипломатическую хартію. Въ дѣло вмѣшался самъ Остерманъ. Онъ теперь уже былъ согласенъ съ Минихомъ, что просто неприлично предать полному забвенію крупные успѣхи русскаго оружія въ финалѣ трудной войны. Въ этомъ смыслѣ и указано было дѣйствовать Вѣшнякову при размѣнѣ ратификацій.

Остерманъ на доводы Порты въ отвѣтѣ Вильневу о судьбѣ Хотина возразилъ, что она напрасно полагаетъ, что уступка Хотина и Молдавіи сама собою разумѣется въ общемъ изложеніи о границахъ. «О Хотинѣ и другихъ мѣстахъ Молдавіи, которыя ея величество согласилась не разрушать, сдѣлана, писалъ Остерманъ Вильневу, особая статья въ новой конвенціи, и эта статья

редактирована въ выраженіяхъ, наиболѣе способныхъ дать почувствовать ту жертву, которую принесла ея в-во для блага мира» *).

Дѣйствительно, въ конвенціи Вѣшнякова, дополнявшей Бѣлградскій трактатъ и соглашеніе въ Нишѣ, статья 4 гласила, что «ея в-во, для указанія той искренности, съ которою она печется о возстановленіи мира, соглашается на возвратъ Портѣ Хотина и мѣстъ, завоеванныхъ въ Молдавіи русскимъ оружіемъ, въ ихъ настоящемъ состояніи» **).

Конечно, для дѣла точный стиль статьи значенія не имѣлъ. Но жертва была отмѣчена, какъ отмѣчены и непріятныя для турокъ мѣста, гдѣ была ихъ спѣсь сбита (только такъ поздно могъ вспомнить Остерманъ объ удовлетворенномъ своемъ чувствѣ), а любезный маркизъ, по словамъ Вѣшнякова, «ума не первокласнаго, но здраваго разсужденія», былъ сейчасъ же готовъ съ изысканнымъ привѣтомъ. Извѣщая особенно заинтересованнаго Миниха о пріятномъ для него лично исходѣ хотинскаго вопроса, посолъ заключалъ: «итакъ, остается цѣлый публичный памятникъ о всѣхъ тѣхъ жертвахъ, которыя ея величество, всероссійская императрица, принесла въ этомъ случаѣ на благо мира» ***). Впрочемъ, онъ повторялъ здѣсь своего Флери.

Но русская армія, пробираясь въ глухую осень по труднымъ бессарабскимъ дорогамъ и подбирая на пути своихъ товарищей изъ покидаемыхъ коммуникаціонныхъ редутовъ, отступала къ хотинскому перевозу не одна. За нею слѣдовали и наши «пріятели», молдаване и бессарабцы, связавшіе свою судьбу съ нами, шли, какъ нѣкогда при царѣ Петрѣ, искать новаго отечества.

На запросъ Миниха, при оставленіи Молдавіи, въ Константинополь, о свободѣ выхода, Вильневъ отвѣчалъ, что Порта по этому пункту не можетъ дѣлать никакихъ затрудненій; но

---

*) Hurmuzaki, Docum., S. I, v. 1, № 801, отъ 30 декабря 1739 г.

**) Ib., № 798, съ неправильной помѣтой: Belgrad. Новая конвенція въ день размѣна ратификацій, 19 дек. Ср. письмо Вильнева къ Миниху 5 февр. 1740, ib. № 805. Хотинъ опять пашалыкъ, ib. v. IX, p. 1, № 795.

***) Ib., № 805, 5 февр. 1740. Въ сношеніяхъ съ русскими нѣтъ ни «Московіи», ни «московитовъ», но Вильневъ все же избѣгаетъ термина — императрица: у него — «Sa Majesté de toutes les Russies». Впрочемъ, такая формула и въ оффиціальномъ языкѣ Остермана, ср. ib. № 801.

она надѣется, что русскіе не прихватятъ съ собой подданныхъ Молдавіи, не будутъ принуждать ихъ слѣдовать за собою*).

Забота Порты была излишняя. Никого не принуждали: шли въ изгнаніе молдавскіе люди свободно, большіе и малые, свѣтскаго и духовнаго чина. Напротивъ, живое отеческое попеченіе русскаго правительства объ изгнанникахъ сказалось какъ нельзя ярче въ выговоренномъ для нихъ отъ Порты правѣ свободнаго возврата къ оставленному родному очагу, по дополнительной конвенціи 19 декабря, о чемъ самъ Вильневъ сообщилъ Миниху**).

Отдѣльно отъ главной партіи шли изгнанники съ козаками Фролова, который не успѣлъ присоединиться къ арміи и долженъ былъ унизительно пробираться домой чрезъ Трансильванію, подъ сильнымъ конвоемъ враждебно настроенныхъ солдатъ союзника, почти силою прокладывая себѣ путь. «Съ этими козаками, негодуетъ нашъ грекъ въ Букарештѣ, пошелъ по своей доброй волѣ и епископъ города Бузео Мисаилъ, родомъ волохъ, измѣнивъ такимъ образомъ, безъ малѣйшей необходимости, и родинѣ своей, и своей эпархіи» ***).

---

*) Ib., № 800, отъ 29 ноября (1 дек.) н. ст.

**) Ib., № 801, 805 (отъ 5 февр. н. с. 1740 г.). По Данонтесу, послѣдовали за русскими: Ставро, зять Лупу, великаго сердаря; сынъ ворника Лупу, Іоаница, великій вамежъ, и множество другихъ бояръ перваго и втораго ранга (Ephém. Daces, II, 381—372). Но хронистъ сообщаетъ невѣроятную вещь, что когда Кантемиръ съ своими «молдаванами»-мятежниками» и козаками покинулъ Ясы, то бѣдные люди и «большое число священниковъ» бросились въ слѣдъ ему и убили достаточное количество козаковъ (ib., II, 381). Послѣдовалъ за Минихомъ и Кантакузинъ, вѣроятно, каймаканъ, о которомъ потомъ спеціально писалъ Минихъ Вильневу (Hurmuzaki, Docum., S. I, v. I, № 805). Какъ только армія потянулась чрезъ Подолію, воскресли старыя и посыпались новыя жалобы поляковъ на Миниха, на szkody y wiolencye przez woyska rossyjskie tak pod Chocin, jako z-pod Chocina granicami naszimi idące. Это въ ноябрѣ 1739 г. (Арх. Югоз. Россіи, III, 302). Но уже въ іюнѣ 1740 г. Чарторыжскій, за разореніе своихъ деревень, получилъ изъ Петербурга 30 тыс. (Финчъ. Депеши, Сб. И. Р. И. О т. 85, стр 155).

***) Ephém. Daces, II, 377. Козаковъ съ Фроловымъ было около 3 тыс., съ громадной, по словамъ Данонтеса, добычей: угнали до 1000 коней и болѣе 500 быковъ. «Каждый (!) имѣлъ 2 или 3 лошади, нагруженныя котлами, платьемъ, бѣльемъ, полотнами и иными предметами. Въ такомъ видѣ они перешли границу (Трансильваніи), направляясь на Кронштадтъ. По

«Таковъ (говоря словами современника-иностранца) былъ финалъ войны, которая, какъ казалось въ началѣ, должна была повлечь за собой разрушеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Русскіе пріобрѣли славу, но заплативъ за нее дорого. Безъ денегъ, обезсиленная, съ разоренными областями, Россія стала теперь еще менѣе способной достичь того величія, которое она предположила себѣ, взявшись за оружіе» *).

Предположенный Остерманомъ раздѣлъ, по градусамъ, «Оттоманскаго имперіума» не удался. «Военное гнѣздо», Вавилонъ на Босфорѣ вышелъ изъ огненнаго крещенія усиленнымъ, и настолько, что теперь съ его изумрудныхъ береговъ сталъ опять виднѣться вдали путь и къ самой Вѣнѣ, которая такъ недавно собиралась посѣтить его въ Св. Софіи, выполняя пророчество грека-монаха. Онъ не оказался «кораблемъ безъ кормила».

Но, одинъ ли пустой звукъ — слава — достался на нашу долю отъ неудавшейся попытки радикальнаго отмездія за Прутъ? Усугубился ли только «Пруцкой трактатъ», съ его «вредомъ и безчестіемъ», въ Бѣлградскомъ, двойникъ-ли послѣдній перваго?

Нѣтъ, были и добрыя стороны отъ неудачи въ турецкой политикѣ великаго дѣльца изъ школы Петра: были слѣдствія необходимыя; были и сами собою на нашу пользу перепавшія.

ихъ задержали» (ib. 379). Съ трудомъ Лобковицъ разрѣшилъ итти на Польшу, но подъ конвоемъ, безъ дачи фуража. По словамъ Манштейна, австрійцы безъ милости убивали каждаго, кто отходилъ отъ партіи на немного шаговъ, только бы захватить его лошадь, что Фроловъ отъ конвойныхъ потерялъ болѣе людей, чѣмъ при всѣхъ стычкахъ въ Молдавіи и Валахіи (Mémoires, II, 45—47). Ср. объ отступленіи Фролова и Ерhém. Daces, II, 379, 393—394, Росс. Ратникъ Т. Мальгина, 639—640. Выше было упомянуто, что въ козакахъ и калмыкахъ Фролова австрійцы увидѣли авангардъ Миниха, имѣвшаго-де вторгнуться въ Трансильванію. Императоръ, страшась Миниха, одобрилъ всѣ распоряженія Лобковица относительно Фролова. Только когда онъ узналъ, что Россія не отвергнетъ договора Вильнева, на сердцѣ у него отлегло, и онъ писалъ своему любимцу, 8 ноября, на другой день послѣ одобренія его мѣръ: «ваше донесеніе получено, что нельзя было не пропустить русскую команду чрезъ Трансильванію; но въ то же время пришло извѣстіе изъ Петербурга, что царица рѣшила ратификовать мирный договоръ, а съ тѣмъ исчезаетъ и неудовольствіе ея о заключеніи прелиминаріевъ; слѣдовательно, та команда никакого значенія имѣть не можетъ» (Hurmuzaki, Docum., v. VI, № 305).

*) Algarotti, Lettres sur la Russie etc. 191.

Турецкая политика Остермана, вылившаяся въ Инструкціи 14 іюня, осталась для будущаго какъ программа дѣйствій, и уже съ первой турецкой войной имп Екатерины открылось ея осуществленіе. Она—катихизисъ нашей политики XVIII и XIX вѣка. Эпоха имп. Екатерины II по Югу идеи новой не дала, развѣ «греческаго прожекта», о которомъ едва-ли что можно сказать въ пользу.

Правда, какъ ни бился Остерманъ, но Азовъ остался на рубежѣ мъ. Но была уже та выгода, что осуществленная немпмировская теорія барьеры, рѣшивъ судьбу Азова ни въ чью, порѣшила съ нимъ навсегда. Для дѣйствій въ будущемъ Азовъ потерялъ свое традиціонное политическое значеніе: съ Азова начиналъ Петръ, съ Азова начинала Анна. «Дальнія производженія» — исчезли.

Наконецъ, по проведеніи «искусными комисарами», согласно 4 артикулу трактата, новой границы между обѣими имперіями на югѣ, мы, получивъ сѣверную часть миниховой Степи (нынѣ александрійскій и елисаветградскій уѣзды Херсон. губ.), тѣмъ самымъ приблизились и къ Бужинскому полю, т. е. къ Черному морю, а новая степовая полоса, сейчасъ же начавшая покрываться русскими поселеніями (Цыбулевка и др.) все далѣе и далѣе на западъ къ Бугу *), а позже сербскими изъ Австріи, незамѣтно оттиснула Польшу назадъ и, зайдя ей въ бокъ, отбросила ее на-всегда отъ моря. (Ср. стр. 49).

Но и мимо этого сложилось кое-что для насъ отъ тяжелой войны 1735—1739 годовъ.

Еще Минихъ въ послѣднемъ, скорбномъ донесеніи изъ Яссъ правильно указалъ, что позорныя условія цесарскаго мира не безъ политической пользы для насъ. «Ежели, говорилъ онъ, въ несчастливо заключенныхъ у цесаря кондиціяхъ для в. в-ва имѣется какой авантажъ, то оный развѣ въ томъ состоитъ, что цесарь уступаетъ въ турецкую сторону бывшую у него часть Валахіи, которую в. в-ва оружіе при такомъ уступленіи обла-

---

*) Ср. Записки Имп. Одес. Общ. Ист. и Др., т. XIV: «Дѣла, касающіяся запорожцевъ», № II, III, V и др. Минихъ, какъ условіе мира, для южной границы требовалъ, по крайней мѣрѣ: отъ Кизикермена (Бериславъ) на Днѣпрѣ прямо по Дубосары, ниже Сорокъ (донесеніе 23 сент.), т. е. по Днѣстръ, согласно Инструкціи 14 іюня.

дать можетъ». Но другое уступленіе въ турецкую же сторону — Сербіи, очистило на-всегда все, что на югъ отъ Дуная, отъ цесаря. Въ Немировѣ изъ-за Валахіи были однѣ ссоры.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ умаленіемъ значенія цесаря на Востокѣ (припомнимъ свидѣтельство мѣстнаго наблюдателя, венеціанскаго байла) высоко поднялось обаяніе Россіи въ глазахъ «бѣдныхъ христіанъ». Краснорѣчивый свидѣтель — сербская пѣсня: Россія непреоборима, она — гибель туровъ. Только въ пѣснѣ импер. Анна подмѣнена импер. Елисаветой, хотя послѣдняя никогда не воевала съ Турціей. Причина — вызовъ при Елисаветѣ сербовъ-колонистовъ. Даже самъ Ракоци, этотъ фамильный пенсіонеръ Порты, содержавшійся ею противъ цесаря, отецъ и сынъ, по пѣсни серба только послушный васалъ Россіи. (См. Приложенія, VIII).

---

13 октября оставилъ Минихъ Яссы, а на третій день вступилъ въ столицу бѣглый господарь, выжидавшій ухода русскихъ и близости на Прутѣ. Тутъ же простился съ нимъ и его другъ-сорстникъ, султанъ татаръ Буджака, направившись въ свою столицу — Каушаны *). Но не возвратился къ себѣ въ Яссы, старый житель ихъ, Орликъ. Минихъ предлагалъ потребовать его выдачи (донес. 23 сент.). Турки не выдали, но указали ему Адріанополь. Тщетно бился Орликъ, добиваясь чрезъ Францію возврата въ Яссы и увеличенія пенсіи, доказывая свои старыя заслуги и предлагая новыя услуги очередному врагу Россіи — Швеціи **).

Послѣ обезглавленья брата-драгомана (февраль 1741), немировскаго дѣльца, и Гика лишился своего господарства, и въ Яссы былъ перемѣщенъ испытанный въ вѣрности слуга Порты, Маврокордато, доживишій здѣсь до новой, черезъ 30 лѣтъ, нашей войны съ Турціей и при бѣгствѣ погибшій отъ руки русскаго офицера въ Галацѣ, за дерзкую выходку противъ Россіи ***).

---

*) Ephém. Daces, II, 380.

**) Ср. Hurmuzaki, Docum.. S. I, v. I, № 811, 823, 824 (чтобы его, Орлика, содержали сообща Молдавія и Валахія).

***) Такъ по разсказу Дапонтеса, его секретаря, въ біографіи господаря, Ephém. Daces, II, p. LXXXIV. Взятый въ плѣнъ, Маврокордато не переставалъ повторять въ глаза русскимъ: «завтра придутъ турки и

Въ 1741 г. оставилъ Босфоръ спаситель Турціи, Вильневъ, и сошелъ съ политической сцены. Правда, Вильневъ, «изъ статскаго чина, въ министерствѣ не бывалъ», какъ успокаивая себя говорилъ о немъ Неплюевъ, при первомъ своемъ знакомствѣ съ нимъ на Босфорѣ (стр. 20); но онъ оказался весьма опытнымъ министромъ, и ранніе, соблазнительные посулы его туркамъ — «знатныхъ авантажей» на счетъ Австріи — пустымъ словомъ не пронеслись.

Въ томъ-же 1741 г. послѣдовали за Вильневомъ, но невольно, и оба его знаменитые противника, Остерманъ и Минихъ, приготовлявшіе было раздѣлъ обереженнаго имъ дѣтища.

Авторъ Инструкціи 14 іюня очутился въ мерзлыхъ тундрахъ Березова, чтобы искупить тамъ прегрѣшенія другихъ и въ тѣхъ же тундрахъ сложить вскорѣ (1747 г.) и свои кости. Дочь Петра Великаго слово свое сдержала. Побѣдитель у Ставчанъ затомился въ снѣгахъ Пелыма, но не переставая и въ далекой Сибири думать о туркахъ, вздыхать о Босфорѣ. Но Минихъ пережилъ свое долгое заточеніе (до 1762 г.) и еще видѣлъ первую зарю перваго, настоящаго освобожденія «бѣдныхъ християнъ» за Днѣстромъ и Прутомъ, «избавленія отъ агарянъ».

Въ 1741 году Франція праздновала новую побѣду надъ Россіей: напустила Швецію для отнятія балтійскихъ береговъ, произвела переворотъ и лишила Россію ея лучшаго сына. Тѣ «мечтанія», «химеры» Франціи, о которыхъ Неплюевъ нѣкогда съ пренебреженіемъ отзывался, но величая ихъ «небезпродерзостными», оказались осуществимыми. Правда, Остерманъ былъ нѣмецъ, представитель «нѣмецкой команды»; а еще Ракоци жаловался на нѣмцевъ Петра Великаго, что не понять имъ крупныхъ

выгонять васъ отсюда, какъ собакъ». За эти слова онъ былъ убитъ. Своего рода герой. Но по нашимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, онъ, взятый изъ Галаца, водворенъ въ Яссы и здѣсь вскорѣ (дек. 1769 г.) умеръ. (Описаніе док. и бум. М. А. Мин. Юст., VII, 178, 189). Но Гика былъ позже назначенъ въ Букарештъ (ср. Hurmuzaki, op. c., № 815, 819), и здѣсь также дождался новой нашей войны съ турками: былъ взятъ нами также въ плѣнъ и съ сыномъ отвезенъ въ Петербургъ (Описаніе и пр., VII, 189, 233). Какъ вѣрно опредѣлилъ этихъ грековъ Фавара когда-то Вѣшняковъ: «наши ненавистники, злѣе самихъ турокъ». (Ср. стр. 141).

политическихъ интересовъ Россіи *). Но много лѣтъ позже, когда однажды Остерманъ извинялся, что онъ нерусскій по происхожденію, одинъ изъ главныхъ противниковъ его, Бестужевъ, сказалъ ему, въ присутствіи другихъ, въ глаза, поправляя его: «вы не только русскій, но русскій, который стоитъ двадцати другихъ» **).

Мы можемъ только повторить эти историческія слова Бестужева.

Турецкая война 1735—1739 годовъ представила Остерману случай развернуть весь свой государственный, чисто русскій, умъ. Вина же за несвоевременную войну, но предположенную въ самомъ смѣломъ масштабѣ—однихъ горячихъ птенцовъ гнѣзда Петрова: Неплюева и особенно Вѣшнякова. Остерманъ долго остерегалъ; но его, это воплощеніе безстрастнаго разсужденія, осилили страстные призывы его сотрудниковъ съ береговъ Босфора: не медлить долѣе съ «марсовымъ жребіемъ», не пропускать момента, который «не повторится и чрезъ много сотенъ лѣтъ», и — копать Турцію. Остерманъ повинился, и — дѣло было проиграно. Оказалась переоцѣнка врага и переоцѣнка себя. Впрочемъ, еще не одинъ разъ Турція обманывала собой, соблазняла, какъ нѣкогда Неплюева и его сотоварища.

---

*) Въ ноябрѣ 1709 г. Ракоци въ письмѣ къ франц. посланнику Fierville'у, въ Варшавѣ, жалуется, что его идеи о союзѣ Россіи съ Франціей не могутъ понять въ Россіи, и благодаря генераламъ нѣмцамъ, что около Петра. «J'ai ordonné, пишетъ князь, au Brenner et Nedeczki (его агенты при Дворѣ царя) de vous communiquer le Dialogue que j'ai fait communiquer à ce Prince (Петру) en langue russien (печатано? есть у насъ?) aussi tost que j'avois eu de nouvelles de sa victoire (у Полтавы); mais son ministre n'estant pas assez experimenté dans les affaires et ses generaux qui scavent un peu plus, estant allemands, on n'a eu aucune consideration pour cet idee qui leur a esté communiqué sans déclarer l'autheur». (Fiedler I., Actenstücke zur Gesch. Fr. Rákóczy's, въ Archiv für östrreichische Geschichte, 44 B., 492). Правописаніе подлинника, съ ошибками.

**) Финчъ, депеша 5 окт. 1740 г.: «....count not only a russ, but worth twenty others». (Сб. И. Р. И. О., т. 85, стр. 327). «Le c. Ostermann, писалъ Флери новому послу, Шетарди, въ инструкціи 1 августа 1739 г., c'est le seul ministre à Pétersbourg réellement capable d'affaires et de travail» (ib. т. 86, стр. 93).

Горькую чашу испытаній испила Россія отъ увлеченія чувствомъ отмездія за Прутъ: укротить Турцію и дать первую карту новаго, **свободнаго** Юго-Востока Европы.

Россія проиграла. «Крайнія ремедіи» были употреблены не ко времени. Мы, отвѣчая желаніямъ Вѣшнякова, «отъ страха предъ турками не упустились»; только — «сосѣдство зла не учинило», т. е., мы туркамъ. Но, воскрешая людей той далекой эпохи, съ ихъ смѣлыми надеждами и тяжелыми разочарованіями, нельзя не сказать словами поэта:

Хоть много лѣтъ прошло, то **время молодое**
Забыть-ли намъ?... *)

---

*) Гр. П. Д. Бутурлинъ, Стихотворенія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. 1720. Письмо де-Бонака, французскаго посла въ Константинополѣ, гр. Головкину, съ признательностью за довѣріе.

II. 1725—1730. Грузино-армянскій вопросъ, армянскіе добровольцы за Кавказомъ противъ Турціи; отправка ихъ на Араксъ, въ горы и поимка.

III. 1731—1735. Первая (1731 г.) реляція Алексѣя Андр. Вѣшнякова съ Босфора: наблюденія о «гиблющемъ» состояніи Турціи, внутреннемъ и внѣшнемъ — «видимомъ всѣми».

Изъ его же Записки (7 марта 1735) о томъ же, изъ первыхъ дней его самостоятельной дѣятельности на Босфорѣ.

IV. 1737. «Секретнѣйшій рескриптъ» 3 августа полномочнымъ Россіи на Немировскомъ конгресѣ о сепаратномъ мирѣ съ Турціей (рукою гр. Остермана).

V. 1737—1740. Развѣдки объ «обращеніяхъ» въ Турціи, служба бессарабскихъ «пріятелей»: сердаря Лупула Анастасіева изъ Кишинева, Андронакія изъ Сорокъ и др.

VI. 1737. Два письма по-малорусски Филиппа Орлика изъ Каушанъ сердарю Лупулу въ Кишиневъ.

1739. Цесарскій циркуляръ объ открытіи и захватѣ Ракоци младшаго и его спутника, Ф. Орлика, пробирающихся въ Турцію.

Нѣкоторыя мелкія свѣдѣнія о «баронѣ» Ф. Орликѣ 1726 и др. годовъ.

I.

Графъ Головкинъ 23 апрѣля 1720 г. изъ Петербурга, именемъ царя Петра, благодарилъ франц. посла, де Бонака, въ Константинополѣ «за ревность», и что царь «уповаетъ, что ваше превосходительство соизволите продолжить въ сихъ склонныхъ сентиментахъ» (dans ces sentimens favorables).

19 ноября того-же года де-Бонакъ отвѣчалъ гр. Головкину:

«Si les interêts de Sa Majesté Czarienne à cette Cour eussent eu besoin de quelque autre appuy que de celuy de l'habilité et de l'application de l'Envoyé extraordinaire de Sa Majesté, je me serois porté avec beaucoup d'empressement à y concourir pour repondre à la bonne intelligence qui est entre le roi mon maître et Sa Majesté Czarienne. M. Daskouf s'est conduit de manière que par sa patience et son sçavoir faire il a surmonté sans beaucoup de secours toutes les difficultés ordinaires et extraordinaires de la négotiation où il étoit entré. Je profiteray donc du courrier qu'il depesche pour vous assurer seulement de ma parfaite considération pour votre personne et du désir que j'ay de contribuer en tout ce qui pourra dépendre de moy à fortifier l'union de nos maîtres et s'il m'est permis de le dire à donner à Sa Majesté Czarienne des marques de l'admiration que j'ay conçeu pour Sa personne dès le tems que j'ay esté en Pologne. Vous pouvez compter, Monsieur, sur ces deux principes que vous ne trouverez personne plus disposé que moy à vous témoigner en toutes ocasions....»

Въ припискѣ: «M. Gallani souhaite que je recommande à Votre Excellence quelque affaire qu'il a; je le fais d'autant plus volontiers que je n'ignore pas que son merite et sa bonne volonté luy sont connues».

(Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Д., Тур. Д., 1720 г., св. 21/в № 8).

Де-Бонакъ (le marquis de Bonnac) былъ старымъ дѣятелемъ на Востокѣ Европы. Въ началѣ столѣтія онъ французскій посланникъ въ Варшавѣ и близкій человѣкъ къ Ракоци: черезъ него послѣдній получалъ субсидіи изъ Версаля; къ нему онъ постоянно обращался въ нуждѣ. См. письма Ракоци къ де-Бонаку отъ 11 августа 1706 г. и позже, изданныя I. Fiedler'омъ: „Actenstücke zur Geschichte Fr. Rákóczy's", въ Archiv für österreichische Geschichte, 44 Band (1870 г.). Подъ вліяніемъ Франціи Ракоци сначала мечталъ о „destruenda Moscovitica potentia" (ib. № 41); позже, не безъ участія де-Бонака, желалъ бы стать посредникомъ между Карломъ XII и Петромъ, примирить — мартъ 1709 г. — и сблизить до союза Францію и Россію. послѣ полтавской побѣды, съ которой онъ горячо поздравлялъ Петра (ib. p. 468, 492). Ср. у насъ, стр. 525.

Галани, Кирилъ, „надбискупъ" т. е. архіепископъ in partibus, папскій нунцій въ Константинополѣ и въ то же время, до пріѣзда Дашкова, тайный агентъ имп. Петра тамъ-же — см. у насъ, стр. 251—252.

Служба Галани Петру началась съ 1711 года, когда онъ оказывалъ немалыя услуги долго продержаннымъ въ Константинополѣ, посланнымъ туда для заключенія вѣчнаго мира съ Турціей, русскимъ посламъ: Шафирову и Шереметеву.

12 сентября 1714 года Галани пишетъ гр. Головкину:

«...Послы во многихъ нуждахъ обрѣтались и многократно страдали для службы его царскаго величества и для общей пользы всего государства... Я какъ до сего числа вѣрно, съ ревностію и любовію его цар. в-ву служилъ, такъ и впредь служить буду». Онъ проситъ, затѣмъ, о протекціи себѣ и племяннику Флорію.

13 сент. 1714 г. Галани писалъ царю Петру:

«Когда г. послы послѣ толикихъ трудовъ и великихъ тягостей, каковы здѣсь мужественно претерпѣли, счастливо возвращаются, представляю и я себя чрезъ оныхъ священному вашему цар. величеству, яко нижайшій слуга, всепокорнѣйше прося ваше в-во, дабы службу мою, которую чрезъ все время пребыванія оныхъ пословъ въ здѣшнихъ сторонахъ тако съ великою жизни моей опасностію являлъ, благоволительно признати и милостиво воспріяти соизволили, и чтобы я оную службу мою могъ и впредь съ вящею ревностію, якоже намѣренъ есмь, продолжать». (Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Дѣла, 1714, св. 15/b № 9).

Когда въ октябрѣ 1715 г. былъ посланъ на Босфоръ чрезвычайный комисаръ, майоръ Іеронимъ Наталій (Hieronijm Natalj), то въ „меморіи“ его наказывалось ему:

«...писать сколь часто можно цифрами чрезъ кореспондентовъ нашихъ, тамо обрѣтающихся, а больше всего — чрезъ голандскаго переводчика Тенлса, и а д б и с к у п а Г а л а н і я...» (Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Дѣла, 1715, св. 16, № 6).

II.

24 дек. 1724 г. посланный имп. Петромъ Великимъ нарочный комисаръ, для разграниченія на Кавказѣ, Алекс. Ив. Румянцевъ, прибылъ въ Константинополь и 4 января 1725 г. доносилъ о бывшемъ разговорѣ съ визиремъ, при чемъ онъ, комисаръ, объявилъ:

«... я по указу его имп. в-ва отправленъ въ Персію, для разграниченія, перскимъ полномочнымъ комисаромъ, дабы по аудіенціи съ турскими комисары и съ французскимъ медіаторомъ туда отпущенъ былъ, и что ваше в-во ни для чего другаго меня всеподданнѣйшаго изволилъ послать чрезъ области турецкіе, токмо для явнящаго утвержденія постоянной дружбы съ его салтановымъ в-вомъ, также дабы во исполненіе того трактату (т. е. 1724 г., о раздѣлѣ Кавказа, владѣній Персіи) никакой остановки не было», что визирь отвѣчалъ, что «Порта тѣмъ весьма довольна», что «медіатору гораздо легко будетъ, что надѣются отъ стороны в. в-ва постоянной дружбы, что̀ уже и есть».

9 февраля 1725 резидентъ Неплюевъ доносилъ царю Петру съ Босфора:

«Ген. Румянцевъ сообщилъ мнѣ вашего в-ва указы, какъ и мнѣ писано, о пріемѣ князя Жоржинскаго (т. е. Грузинскаго) Вахтанга и народу Арманскаго въ протекцію, о чемъ мы посовѣтовавъ не изобрѣли за благо, чтобъ о князѣ Жоржинскомъ самимъ предлагать, покуда отъ нихъ не отзовется; а когда они спрашивать будутъ, тогда мы объявимъ, что тамошніе народы, по ихъ состоянію и ситуаціи, удержать съ обоихъ сторонъ невозможно, но хотя они и переходятъ, но тѣмъ границъ между имперій нарушить не могутъ, ибо земли съ собою снести не могутъ. Хотя нынѣ турки къ в. в-ву весьма ласково поступаютъ, однако въ Азіи всякое воинское пріуготовленіе къ предбудущей кампаніи чинятъ». Самъ Румянцевъ приписываетъ по поводу отъѣзда къ намъ Жоржинскаго князя: «турки станутъ малое дѣло въ великую противность ставить—они знаютъ, что принцъ къ намъ уѣхалъ».

1 апрѣля Неплюевъ писалъ Остерману, что «отъѣздомъ Александра Ивановича отсюда въ его комисію Порта медлитъ, съ какой ради причины, того прямо знать не можемъ; токмо признаемъ двѣ причины: 1) что турки по внушенію другихъ еще изъ Россіи курьеровъ ожидають, сумнѣваяся о настоящемъ правленіи; 2) что они въ Персіи не въ состояніи, или надлежитъ имъ перво Генжа взять».

10 апрѣля тѣже, Неплюевъ и Румянцевъ, доносили:

«По нашему слабѣйшему мнѣнію, увѣряться турскому обнадеживанью не можемъ. Того ради нужно, какъ въ Ширванѣ, такъ и въ Гилянѣ отъ нихъ удобную осторожность и силу имѣть. Ибо, государыня, ежели в. в-ва силу и дѣйства въ Персіи твердыя увидятъ, то дружба всегда крѣпче будетъ, а мы бдѣнно на ихъ поступки смотрѣть не оставляемъ... На сихъ дняхъ князь Рагоцкій (т. е. Ракоци) присылалъ письмо до в. в-ва и притомъ увѣрялъ отъ своее стороны къ интересамъ в. в-ва услугами, а объ отвѣтѣ къ нему какъ за благо обрѣсти извѣстие».

2 іюля тѣже, Неплюевъ и Румянцевъ, доносили:

«...На сихъ дняхъ прибылъ сюда изъ Жоржіи (т. е. Грузіи) ихъ католикосъ и принцу Вахтангу братомъ. Принятъ изрядно. Причину его прибытія сказываютъ, что онъ былъ ретировался въ горахъ и весь народъ Жоржинскій бѣжитъ отъ турокъ. Того ради тифлисскій паша призвалъ помянутаго патріарха къ себѣ, дабы онъ народъ уговаривалъ, чтобъ не бѣжали, обѣщая имъ привилежій. По тѣмъ ничего не успѣлъ и разсудилъ за благо патріарха къ Портѣ послать и писалъ къ Портѣ, дабы его приняла ласково и отъ себя отпустила съ обнадеживаніемъ привилежіи».

21 августа:

на запросъ визиря о вѣдомостяхъ изъ Персіи, «мы ему по силѣ указа отвѣчали о посылкѣ въ Персію войскъ, также и о дѣйствахъ противъ Дагистановъ, объявляя ему, что сіе в. в-во изволите чинить для общихъ интерессовъ съ Портою, дабы Дагистановъ не допустить до соединенія съ Тахма-сибомъ».

3 октября:

«французскій посолъ въ конфиденціи объявилъ, что призывалъ онъ Рагоцкаго князя по указу короля ко старанію по удержанію дружбы между Россіей и Портою, чего и Рагоцкій не отрекся и старается, токмо жалѣется, что отвѣта на письмо свое отъ Двора государыни не получилъ. На то мы отвѣтствовали, что и отъ насъ къ нему, Рагоцкому, прошеніе будетъ и обнадеженъ онъ в. в-ва консидераціею, таковжде и отвѣтомъ на письмо его».

14 декабря Румянцевъ писалъ Остерману:

«Аглинскій посолъ предлагалъ, дабы Порта снисхожденіе показала аглинчаня. Франція и Пруссія желаютъ возвести на польскій престолъ Стан. Лещинскаго. На замѣчаніе визиря, что не идетъ при жизни еще короля наслѣдника ставить, тотъ отвѣчалъ, что король Августъ боленъ —

ноги пухнуть, умреть. Тогда же тотъ предлагалъ, чтобъ Порта отказалась признавать его, Румянцева, посланникомъ и отказала въ кормѣ ему: послѣ объявленія грамоты салтанской онъ токмо комисаръ, не посланникъ. Все сіе учинено не для чего иного, токмо, чтобъ я здѣсь болѣе не былъ и что турки намѣренія не имѣютъ, чтобъ границы дѣлать, а иного протексту не найдутъ, какъ бы меня отсюда выжить, также и въ противныхъ ихъ поступкахъ трактату, дабы я имъ болѣе не докучалъ».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур Дѣла, 1725 г., св. 26/а № 6).

Только въ половинѣ 1726 г. Румянцевъ былъ отпущенъ и чрезъ Малую Азію уѣхалъ на Кавказъ для размежованія. Усѣвшись въ Дербентѣ, онъ сейчасъ же открылъ тайныя сношенія съ армянами.

Изъ Дербента 15 ноября 1726 г. онъ доносилъ:

«По пріѣздѣ моемъ сюда епископъ армянскій Мардиросъ подалъ мнѣ доношеніе отъ всѣхъ Мушкурскихъ жителей армянскаго народа и бусурмановъ, въ которомъ просятъ войскъ в. в-ва 1000 человѣкъ для безопасности своей. И я отсюда отправилъ 300 человѣкъ. Хотя я и дерзновенно учинилъ, что безъ указу тамъ войско поставилъ; только по здѣшнему состоянію ихъ за необходимо то разсудилъ для высокаго интереса вашего в-ва: ежели-бъ не было поставлено, тобъ нынѣшнею зимою ихъ до конца разорили противные державѣ в. в-ва, а и тутошные обыватели весьма безнадежны остались».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1726, ib. 27/с № 15).

2 іюля 1730 г. Неплюевъ доносилъ о прибытіи въ Константинополь пословъ отъ шаха перскаго, для заключенія мирнаго договора, и что визирь указалъ ему, Неплюеву, «чтобъ я возъимѣлъ терпѣніе, ибо и они сами (т. е. турки) имѣютъ нужду со мною какъ объ оной матеріи (о договорѣ 1724 г.), такъ и о прочихъ говорить, и когда время усмотрятъ, тогда сами мнѣ повѣстятъ».

26 іюля Неплюевъ доносилъ, что его спрашивали:

«желаетъ ли государыня миръ содержать или въ ссору вступить? Всенародный голосъ лежитъ, что Россія персіянъ противъ Порты побуждаетъ, совѣтами наставляетъ и помогаетъ».

29 іюля, въ поясненіе запроса:

«.....у плѣнныхъ армянъ найдены русскія знамена и пашпорты за подписью Головкина и открыта переписка армянина Абрама, который, будучи при Румянцевѣ, находился въ сношеніяхъ съ священникомъ Киркоромъ въ Турціи. Многіе выговоры чинятъ не токмо за армянскія дѣла, но и о нынѣшнемъ персицкихъ состояніи дѣлъ, парѣкая къ сторонѣ в. в-ва отдаленіе отъ Порты и соединеніе съ шахомъ... По всѣмъ настоящимъ окрестностямъ не постигнетъ слабый мой смыслъ, ниже понять могу, что дѣлать»?

Неплюевъ далѣе доносилъ, что онъ всячески старался дѣло объ армянскихъ добровольцахъ на службѣ Россіи, въ партизанской войнѣ противъ Порты на Кавказѣ, замять, что все поддѣльное — и знамена, и паспорты, что

«имя государево всуе упоминается въ письмахъ армянскихъ, а что до армянина Абрама—есть ли онъ при генер. Румянцевѣ, того онъ не вѣдаетъ, и изъ писемъ армянскихъ, которые переводчикъ Порты сообщилъ, понять невозможно — отъ кого и къ кому писаны и куда, но токмо значатъ между ими о собраніи... Рейсъ-эфенди все повторялъ, что отъ Россійскаго двора, какъ сими армянскими дѣлами, такъ и персицкими, явное подозрѣніе подается..., что причинъ къ недовѣрію съ обоихъ сторонъ довольно и подозрѣніе возросло, и того ради министры не знаютъ, что дѣлать»?

«Экстрактъ изъ писемъ армянскихъ» (1730 года, доставленныхъ при реляціяхъ Неплюева изъ Константинополя).

1.

Письмо, писанное отъ Обрама, коммандира 100 человѣкъ, обрѣтающагося при г. генералѣ-Поручикѣ Румянцовѣ къ священнику Киркору и къ ходжѣ Киркору.

Надлежитъ вамъ вѣдать, что правъ рѣки Аракса не подобенъ тифлисскому; еще же знайте, что всѣ первыи люди и архіереи объ ихъ вѣрности печатми подтвердили, съ чѣмъ тогда и послали мы 3 человѣка; но, будучи паша въ близости отъ Сагнака, для того оное мѣсто пусто оставить не похотѣли; только же оными посланныи отъ насъ люди отъ новоучиненнаго генжинскаго паши пойманы, въ тюрьму засажены, о чемъ помянутый паша послалъ къ своему королю вѣдомость, отчего намъ есть вредъ великій; только же, сколько возможности нашей будетъ, противиться имъ будемъ; однако же пойманнымъ людямъ мы пособить никакъ не можемъ, и для того вы съ своей стороны, ежели возможно, постарайтесь, чтобъ отъ ген. Румянцова илибо человѣка или хотябъ и письмо прислать, чтобъ ихъ выручить, ежели можно; впрочемъ же зѣло радуемся, что императорское сердце такъ къ армяномъ склонно, да поможетъ ему Богъ, а мы наше возможное чинить будемъ, что и вы съ своей стороны не пренебрегите; въ слѣдованіе указа его величества надлежитъ вамъ распустить его стандартъ, въ Сагнакъ притти гдѣ можно вамъ всѣ наши дѣла сообщить, откуда жъ можемъ чрезъ васъ къ его величеству сообщить, а ежели сюда не придете, не можно намъ будетъ никакого дѣла окончать. А за отдаленіемъ о всемъ, о чемъ намъ не извѣстно, къ вамъ писать не возможно.

2.

2-е письмо помянутаго Абрама и отъ Аванай, и отъ Алагъ-верди, и отъ Исаіи и отъ Багги-капитана къ ходжа Киркору.

Наши неприятели здѣсь въ близости, и всякой день бои бывають, и для того мы къ Али-Кули-хану писали, чтобъ пришолъ васъ выручить и для того поспѣшайте, а когда пойдете, возьмите съ собою и капитана Авана.

3.

3-е письмо отъ того-же Абрама къ Киркору.

Когда мы услышали о указѣ его царскаго величества, тогда гораздо возрадовались и до послѣдняго нашего издыханія будемъ послушны его указамъ, какъ и вамъ его указу слѣдовать такожде довлѣеть, понеже все въ васъ состоитъ, а въ сихъ нашихъ горахъ мы нынѣ безъ опасенія и не боимся ни отъ Измаила и ни съ которой другой стороны, токмо же вы здѣсь надобны, для того, что турецкое войско у насъ; только же мы дани неприятелемъ нашимъ платить не хотимъ, ни наше войско оставить, и ежели съ вашей стороны какая помощь покажется, весь народъ изъ Сигнака къ вамъ прибудутъ.

4.

Допросъ языковъ, которые взяты.

«Взяты мы въ войнѣ при Сагнакѣ, будучи при Аврамѣ его царскаго величества, куда былъ призванъ и Киркоръ Степаничь, глава надъ тысячею человѣками, еще одинъ изъ Галаты *), имянуемый Томасъ, и другой Измаилъ, сынъ Мануковъ, и одинъ изъ города Иривани, имянуемый Панунъ, сынъ Мингредичевъ, которые намъ сказали, что помянутый Абрамъ посылалъ одного человѣка къ его царск. вел-ву съ объявленіемъ, что всѣ армяня подъ нимъ и хотятъ его величеству поддаться и многія показывать услуги, о чемъ прежде генералу Дербентскому повѣщено было. И его вел-во въ отвѣтъ прислалъ одного своего армянина, имянуемаго Киркоръ Стипаничь съ подаркомъ сихъ стандартовъ, съ нѣкоторымъ числомъ людей и патентовъ. Съ нимъ же былъ и помянутой Абрамъ, а генералъ Дербентскій послалъ ихъ въ Баку переодѣтыхъ въ иныя платья, а оттуда въ Сальяны. И тамъ къ рѣкѣ Араксу пришли съ Али Кули-ханомъ и были же мы съ пятію стами человѣкъ русскихъ салдатъ, а отъ рѣки Аракса русскія салдаты поворотились назадъ. Итакъ мы съ помянутымъ Абрамомъ въ горахъ остались и, наконецъ, тамъ были и взяты».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1730 г., св. 31/Ь № 7).

---

*) Т. е. изъ извѣстнаго торговаго предмѣстья или части Константинополя.

— О сношеніяхъ армянъ съ Петромъ Великимъ въ 20-хъ годахъ, въ надеждѣ на освобожденіе изъ-подъ ига турокъ, см. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, 55 и др., т XIX, 15 и др., особенно-же, въ только что вышедшемъ (осень 1898 г.) громадномъ трудѣ Г. А. Эзова: «Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы» (С.-Петербургъ). Здѣсь — съ 1698 по 1736 г. Эти матеріалы извлечены главнымъ образомъ изъ того-же Гл. Моск Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Наши извлеченія въ собраніе г. Эзова не вошли. Правда, они незначительны, но все-же не лишни. О нѣкоторыхъ лицахъ въ нашемъ «Экстрактѣ» есть свѣдѣнія въ «Документахъ»: о юзъ-башѣ (капитанѣ, «командирѣ 100 человѣкъ») Баты (№№ 292, 293, 297, 299, 300, 305, изъ 1727—1736 г.), Аванѣ-Авана (№№ 255, 290, 295—«весьма слабаго ума», 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 305—Иванъ, изъ 1724 -1736 г.). Алаварди (№ 290, 1727 г.). Абрамѣ (№№ 290, 299, 300, изъ 1727—1729 г.). Исаія, вѣроятно, католикосъ армянъ, (№ 274, 1725 г. и др.). Къ слову: Сагнакъ, въ 1 «экстрактѣ». Его первое значеніе: народное собраніе армянъ, вѣче, народная власть, слово армянское. Такъ въ «Документахъ» изд. г. Эзовымъ: «пріѣхали къ нему (кн. Долгорукову) отъ армянского собранія, называемого отъ нихъ Сагнакъ, посланные»... (№ 290, 1727 г.); или во множ. ч.: «доносятъ отъ армянскихъ Сагнакъ» (ib.); «...а у насъ въ армянскомъ Сагнагѣ, сирѣчь, въ собраніи...» (№ 297, 1729 г.) и др. Но въ другихъ мѣстахъ тоже слово скорѣе въ значеніи собственнаго имени, какъ и въ нашихъ извлеченіяхъ: «понеже противъ Армянъ въ ближнемъ разстояніи отъ Сагнакъ Генжа..» (№ 292, 1727 г.); «прибывъ въ Сагнаки.. съ сагнацкими Армяны» (№ 293, 1727 г.); «весь народъ перевесть изъ Сагнакъ въ россійскую порцію..», т. е., Кавказа (№ 295, 1729 г.); «а родится у нихъ въ Сагнакахъ пшеница...» (№ 299, 1729 г.).

— Въ 1738 г. резолюціей кабинетъ-министровъ отъ 4 іюля разрѣшалось: выходцевъ изъ Грузіи—однихъ поселить въ Кизлярѣ, съ образованіемъ изъ нихъ гусарскаго и армянскаго войска, другихъ, ко умноженію Россійскаго государства, на Украинѣ и опредѣлить ихъ въ регулярную службу къ гр. Миниху. (П. С. З. Р. И., № 7611). Дѣйствительно, въ кампанію 1739 года у Миниха въ кавалеріи были и грузины. Ср. у насъ стр. 481: грузины участвовали при торжественномъ въѣздѣ Миниха въ Яссы. Но объ армянахъ русскіе генералы на Кавказѣ были не особеннаго мнѣнія: «хотя бы, доносилъ кн. Долгоруковъ изъ Дербента въ 1727 г. въ Петербургъ, армянского войска было у насъ до 5 тысячъ, кромѣ великой и несносной суммы денегъ помянутымъ на заплату, не стоятъ оные одного полку нашего пѣхотного или драгунского» (Эзовъ, Сношенія..., № 293, 1727 г.) Но на Кавказѣ былъ у насъ «нерегулярныи конный армянскій шквадронъ» (ib. №№ 303, 304, 1733 года).

III.

Первая реляція А. А. Вѣшнякова съ Босфора.

Вѣшняковъ 5 января 1731 г. доносилъ:

«Къ великому безчастію нашему случилось еще кромѣ 2—3 моровыхъ акцидентовъ, изъ которыхъ одинъ наичувствительнѣйшій въ самомъ томъ домѣ, куда было убѣгли за повѣтріемъ, одного моего лакея, который завсегда былъ при мнѣ и за нѣсколько развѣ часовъ до открытія его болѣзни, что насъ всѣхъ привело въ такой страхъ живота своего и всѣ 20 декабря прошедшаго, оставя все, разбѣжалися такъ, какъ были, почти въ единыхъ рубахахъ и не зная кто куда; господинъ резидентъ съ сожительницей своею, взявъ съ собою маленькую свою дочь да три женскихъ персонъ служащихъ своихъ, токмо спасся безъ всего. И отъ того страху пришли въ такое смятеніе и болѣзнь, что истинно, всемилостивѣйшая государыня, я былъ въ отчаяніи ихъ, бѣдныхъ, живота, по слабому ихъ здоровью, отъ чего и понынѣ еще не пришли въ успокоеніе. Не меньше жъ боялся и я о своей, такожде и прочихъ, которые со мною убѣгли зѣло малое число, того ради, что будучи я наиболѣе смѣшалъ съ больнымъ и оттого съ нимъ, господиномъ резидентомъ, въ разлученіи, вынесши со мною, ризикуя все, положась на волю Всевышняго...»

Прибавляетъ, что «находится резидентъ въ такомъ страхѣ и самой слабости своего здоровья.» Послѣдствій никакихъ особыхъ — но для старика чаша испытаній переполнилась.

«Указовъ в. в-ва всегда притомъ держался и впредь держаться будемъ, а именно, чтобъ ихъ турковъ въ общую негоціацію съ в. имп. в-вомъ къ окончанію персицкихъ дѣлъ привесть. Правда, всемилостивѣйшая государыня, что сіе прежде всего было проискивано отъ самихъ турковъ. Но видя ихъ бывшее отдаленіе отъ началъ и максимъ бывшаго везиря Ибрагима я находя къ тому важные резоны и пользу высокимъ в. в-ва интересамъ, о которыхъ ниже сего показано будетъ, стали мы того проискивать, только не показуя имъ нимало резоновъ внутреннихъ, движущихъ насъ къ сему, но издалека доказывая имъ, туркамъ, явственно ихъ нужду въ томъ соединеніи и общихъ мѣрахъ в. в-ву, но токмо сходство къ наилучшему общимъ интерессамъ, давая имъ самимъ чувствовать изъ того ихъ турецкую собственную нужду и пользу, видя ихъ смятеніе и великую ихъ ненависть противъ персовъ, а болѣе, зная ихъ слабость настоящую во всемъ. А чтобъ ихъ къ тому привлечь, г. резидентъ почти сіе и несекретно держитъ между турками и имъ внушая сію пользу всѣмъ изъ главныхъ, которые въ Диванѣ голосъ и кредитъ имѣютъ и почитаются за разсудительныхъ, какъ капитанъ паша, янычаръ ага, тефтердаръ и прочіи, кому пристойно есть и будетъ, потому, всем. государыня, что нынѣ одной главы дѣйствующей не имѣютъ, но какъ и обычайно есть по состоянію и максимамъ смѣшаннаго здѣшняго правленія, многія изъ главныхъ государственныхъ дѣлъ

дѣлаются не однимъ Совѣтомъ, но почти и весь народъ великое участіе имѣютъ; причемъ и впредь держаться будемъ, о чемъ всемъ, в имп. в-во соизволите всемилостивѣйше усмотрѣть, какъ и о нашихъ поступкахъ изъ приложеннаго протокола со слѣдованіемъ изъ сообщеннаго плана Портѣ и изъ всеподданнѣйшихъ послѣднихъ нашихъ реляцій отъ 15 прошедшаго декабря секретныхъ подъ разными номерами.

Главныя резоны, которыя насъ болѣе привлекли къ таковой поступкѣ слѣдовать и стараться склонять турковъ къ согласіе съ в. в-вомъ, чтобъ вмѣстѣ окончать персицкія дѣла, и изъ того пользы, суть слѣдующія:

Первое, чтобъ не допустить турковъ сдѣлать партикулярной миръ съ Персіею, какъ то и въ помянутомъ указѣ в. в-ва подъ № 6-мъ отъ 31 августа между главнымъ повелѣвается, и чрезъ то не дать способа, по сходству ихъ суевѣрія, къ согласію противу в. в-ва.

Второе, видимое ихъ нынѣшнее состояніе, о которомъ принимаю смѣлость всеподданнѣйше донесть, въ началѣ внутренное, что чрезъ толикія многія лѣта, слѣдовательно во время бывшаго везиря, который имъ показалъ путь къ чувственному веселію житія, будучи въ такомъ покоѣ, вкусили покойнаго и слабаго житія и чрезъ то потеряли охоту воевать, какъ то видимъ, что никто на войну итгить не хочетъ, больше же не хотя оставить своихъ великихъ домовъ и всякихъ веселій, устроенныхъ, можетъ быть, къ ихъ погибели. Чрезъ многія лѣта почти всякій восприялъ состояніе, имѣя свое рукодѣліе, и живетъ въ покоѣ, не хочетъ искать всѣхъ тѣхъ бѣдъ и нуждъ, которыя суть плоды военные. Такихъ и развѣ малое число изъ лѣнивцовъ, но отчаянныхъ, склонныхъ къ тому найдется, а наипаче въ персицкую войну, отъ чего простой народъ видитъ, что прибыли мало, а нужды много; къ тому жъ всѣ главные люди военные, умные и имѣющіе эксперіенцію въ военныхъ дѣйствахъ, или погублены послѣднимъ правленіемъ, или померли. Итакъ, почти всѣ извелись, а солдатства навоеваннаго также почти не имѣютъ. Для политическаго правленія хотя и есть нѣкоторые, токмо голосъ малъ имѣютъ, или не вступаютъ, чтобъ не быть употребленнымъ въ иное что внѣ сферы его, понеже здѣсь не смотрятъ на эксперіенцію—довольно быть умному или нѣчто знающему—во все употребляютъ и чрезъ то бъ не потерять покоя, или неупотреблены или отдалены, а главы первой не имѣютъ.... *Изъ чего всего можно заключить, что внутренно зѣло слабы.*

Показуютъ же немало и внѣшнюю ихъ слабость, когда прежде и по искорененіи бунтовщиковъ всячески увѣряли его цес. имп. в-во объ ихъ дружбѣ и содержаніи трактатовъ, какъ то свидѣтельствуетъ отмѣнная посылка съ нотификальными грамотами, а сіе было еще почти во время ихъ надежды получить апробацію кондиціональнаго своего трактата съ шахомъ, которымъ бы несумнительно удовольствовалисъ, ежели бы былъ апробованъ. Противу в. в-ва, сколько можно видѣть и по всѣмъ апаренціямъ разсуждать, внутренно сами въ себѣ еще меньше могли что умышлять, нежели противу цесаря, ибо съ европской стороны нѣтъ резоновъ важныхъ нигдѣ начать, а съ персицкой—персіяня бы не похотѣли видѣть ихъ ласково вооруженныхъ, а что было, то можно вѣрить, что отъ бунтовщиковъ или по зломыслію хановъ; токмо же нечаятельно, чтобъ что̀ могло воспо-

слѣдовать по показаннымъ резонамъ внутренняго ихъ состоянія. что, не видя пользы, никто бъ не сталъ на то совѣтовать, а подлыи бъ не пошли, или отъ обычной ихъ барбарской брютаlити *) и неразумѣнія везирского; а съ другими потенціями, какъ Польша и Венеція, ссориться не мышливали, смышля то, что имѣютъ сіи великія ихъ двѣ опоры и протекціи: въ началѣ р. имп. в-во и его цес. в-во римское; вѣдаютъ же они, какая тѣсная имѣется алианція и какъ единъ другаго влечетъ имъ противиться. Таково, повидимому, ихъ **н а р у ж н о е** состояніе.

Что же нынѣ восприимаютъ противу Персіи воевать, къ тому единъ только стыдъ ихъ принуждаетъ, будучи такъ побиты и посрамлены, чтобъ не вовся показать ихъ слабость и худое состояніе потерять столько провинцій, которыя имъ толико пролитія крови и иждивенія стоили. Но и то бы ничто было, на все бъ не смотрѣли, ежели бы шахъ трактатъ апробовалъ, и болѣе персіяня ихъ обидѣть нынѣ еще не чали, удовольствуясь ихъ турецкою уступкою; а какъ можно присмотрѣть по всѣмъ ихъ апаренціямъ и слыша генерально и отъ нѣкоторыхъ друзей партикулярно, что и сіе вооруженіе, какъ я выше сказалъ, великимъ ихъ стыдомъ побуждаемо, а главный видъ имѣетъ примиреніе безъ всякаго намѣренія далѣе распространять ихъ конквисты, ибо вѣдаютъ трудность въ Персія воевать и завоеванное содержать. Будучи же Персія такъ разорена и мало изъ турковъ имѣется охотниковъ въ тѣ мѣста итить воевать, а меньше еще жить, видя остраcтку послѣднюю, чтобъ также не быть оставленными на дискрецію персіянамъ.

Третіе. Ежели бы персіяня всѣ свои провинціи у турковъ отобрали, и турки остались на прежнихъ границахъ, тогда бъ в. в-ву осталось имѣть дѣло съ одними персіянами; но не будучи сіе и турки хотятъ не толико послѣднее уступать, но еще и воевать противъ Персіи и отобрать свои потерянныя мѣста и злостямъ отмщать, и съ того, сколько можемъ понять, высокимъ интересамъ в. в-ва предосужденія не будетъ, развѣ польза, которую мы предусмотряемъ: въ началѣ что болѣе турки персіянамъ нагрубятъ и досадятъ безчеловѣчными своими поступками и болѣе въ рукахъ своихъ мѣстъ имѣть будутъ, то горшая и наибольшая прирастетъ у персіянъ ненависть и желаніе отмщать туркамъ; потомъ отъ в. в-ва не видя всего того, наиболыше будутъ искать в. в-ва дружбы, слѣдственно, тихая и мирная посессія владѣній в. в-ва въ Персіи

Четвертое. Ежели же высокимъ счастіемъ в. в-ва турки склонятся слѣдовать по нашему плану и будутъ вмѣстѣ окончанія искать, оттого добрыя слѣдованія сами собою показуются; хотя и не можно заподлинно удостовѣрить, что то учинятъ, однакожъ по всѣмъ ихъ словамъ и поступкамъ, какъ увѣреніемъ о своей дружбѣ, которую не толико содержать, но и еще подтвердить и обѣщанія имѣть другія конференціи, также и пріятность оныхъ предложеній везирю, какъ то показано въ слѣдованіи протокола по рѣчамъ рейзъ-эфендіевымъ переводчику Марини 2-го генваря. Все сіе показуетъ, всемил. государыня, что о семъ совѣтуютъ и уважаютъ и

*) На полѣ отмѣчено: „грубіанства".

что что-нибудь говорить о сходномъ къ тому будутъ, ибо есть въ Совѣтѣ ихъ многіи, которые знаютъ и слабость свою и важность и надобность сего соединенія къ ихъ пользѣ, будучи увѣрены, что в. в-во прямо сердечно сіе предлагать соизволяете, и больше къ нимъ, нежели къ персіянамъ, склонны, какъ то показуютъ послѣдними дружескими поступками генераловъ в. в-ва въ Персіи къ нимъ туркамъ, что намъ наиболѣе подаетъ охоту и причину ихъ къ тому склонять и все то показывать, какъ то и всякими мѣрами, сколько понятія есть, стараемся и внушать и доказывать будемъ.

Пятое. Что же до видимаго ихъ къ тому нехотѣнія, можетъ статься, что и есть какія ихъ резоны и намѣренія лукавыя, которыхъ провидѣть, ни угадать человѣчески, ни провѣдать не можемъ; однакожъ, сколько можемъ понять, развѣ сумнѣваются, чтобъ в. в-во чрезъ то не помѣшало имъ возвратить своихъ конквистовъ или боятся, чтобъ чрезъ посылку къ шаху для призыванія его въ общее примиреніе не показать свою слабость и гордость бы ихъ не умалить, или сумнѣваются, что и в. в-во сіе соизволяете имъ, туркамъ, предлагать по нуждѣ, какъ то сумнѣніе ихъ и показалось тѣми вопросами реизъ-эфендія и новиною ложною или правдивою о случившемся ранконтрѣ *) между генераломъ в. в-ва и персіянами, о чемъ видно въ слѣдованіи протокола; только же видятъ, что в. в-во побѣдительницею, какъ то ихъ сумнѣніе госп. резидентъ и изпровергъ назавтрее своимъ совѣтомъ реизъ-эфендію чрезъ переводчика Маринина.

Шестое. По всемъ томъ вышеупомянутомъ, всемилост. г-ня, полагаемъ и то, что турки, можетъ быть, и приступять къ такимъ общимъ мѣрамъ съ лукавствомъ и обычнымъ ихъ непостоянствомъ и не устоятъ на обѣщанномъ и положенномъ; по малой мѣрѣ останется в. в-ву то, что передъ всѣмъ знаемымъ свѣтомъ, внѣшнимъ и турецкимъ, будете имѣть оправданіе всѣми такими в. в-ва истинными и дружескими поступками и тѣмъ ихъ турковъ укорять; хотя безчестный стыда и не имѣетъ, однакожъ тѣ, которые уразумѣютъ, поймутъ ихъ измѣнничество, и, можетъ быть, Богъ паки еще и наибольшею бѣдою или и погибелію ихъ накажетъ, понеже подобныя дѣйства публичныя и народъ объ нихъ извѣстенъ, не токмо совѣтники и духовенство главное и прочее, которое у нихъ во всѣ совѣты входить, всякой по своему состоянію, а больше жъ—что противно будетъ и ихъ богомерзскому суевѣрному ученію самому, которое прямо повелѣваетъ не нарушать мира и ни отвергать, ни отказывать просящимъ мира.

Сіи суть, всемилостивѣйшая государыня, вышеупомянутыя причины, по зрѣлой консидераціи которыхъ, не могли, сколько понятія есть и рабская наша должность, найти полезнѣе того, что искать турковъ и склонять всѣми мѣрами къ тому общему согласію съ в. в-вомъ; но имѣемъ же всеподданнѣйше донесть в. в-ву, что здѣсь въ Царь-Градѣ ни по которому образу учинить того невозможно, но надобно будетъ конечно отослать на границы и поручить учрежденнымъ на то полномочнымъ министрамъ, понеже персицкіи послы здѣсь никакой полной мочи не имѣютъ, не можно

*) Франц. rencontre, встрѣча.

такъ подробно все предопредѣлить, какъ на границахъ, гдѣ всѣ распри и споры въ рукахъ и на мѣстахъ видимы. Къ тому же, всем. г-ня, понеже турки тамъ будутъ вооружать, необходимо надобно будетъ и в. в-ву имѣть пристойную осторожность и симъ противустоять во всякомъ добромъ или измѣнническомъ турскомъ намѣреніи и случаѣ, въ которомъ состояніи будучи несумнительно воспослѣдуетъ все желаемое и отнять зломышленные турецкіе, а болѣе персицкіе какіе противные поступки. Притомъ же по видимой ненависти и враждѣ, которая есть и будетъ между турками и персіянами, можно нѣчто и уповать, что добраго мира и спокойности между ими не будетъ, развѣ токмо симъ образомъ, какъ есть главный нашъ нынѣ видъ къ достиженію общаго покоя симъ извѣстіемъ передъ соединеніемъ. А наконецъ, ежели хотя турки какъ до окончанія ихъ намѣренія и не вступятъ въ тѣ общія мѣры, которыя мы ищемъ, такъ по всѣмъ ихъ усердіямъ можно нѣкоторую и надежду имѣть, что они впредь того не отрекутся, какъ и обѣщаютъ, ежели ничего другаго не въ надеждѣ обдержать, ни ихъ къ тому нынѣ начать то дѣло склонить, то по малой мѣрѣ возьмемъ у нихъ аутентическое *) обѣщаніе то впредь учинить, и чтобъ дали указы къ своимъ командирамъ въ Персію, дабы, по окончаніи ихъ войны, безъ согласія в. в-ва мира отнынѣ не заключали. Сіе есть, всем. г-ня, что возможно по нынѣшнему состоянію наибольше будетъ учинить полезнаго къ высокимъ в. в-ва интересамъ, а болѣе дѣлать нечего.

А ежели турки, хотя и давъ слово, да не додержатъ по обычайному ихъ непостоянству, того предувидѣть невозможно. И еще, что намъ ничего другаго дѣлать невозможно. И того ради всеподданнѣйше просимъ в. имп. в-во снабдить насъ высокимъ своимъ указомъ, какъ намъ далѣе въ такихъ деликатныхъ конюнктурахъ поступать.

Что же до всемил. в. в-ва резолюціи высокимъ указомъ секретнымъ отъ 5 ноября прошедшаго 1730 года подъ № 10, тому нынѣ и мѣста нѣтъ, и того ради содержимъ между нами токмо въ самой тайности, и никогда не толико изблизь, но ни издали помыслить намъ возможно дать о семъ кому о чемъ предчувствовать.

Прежде отпуска сей экспедиціи посылали мы переводчика Сенюкова къ мирахору, который сообщилъ, что причина резолюціи турецкой вооружиться противу персіянъ есть, что переняты нѣкоторыя тайныя корреспонденціи — персицкія письма, въ которыхъ прямо намѣренія персіянъ изображены, что не токмо трактатъ принять не хотятъ, но еще тщатся отобрать всѣ турецкія завоеванныя отъ нихъ провинціи и городы. Однакожъ, какъ онъ сказывалъ, что хотя турки и вооружатся, не толико что хотя уже и войска въ маршѣ будутъ; но, ежели персіяня потребуютъ съ ними, турками, примириться на основаніи кондиціональнаго ихъ трактата, учиненнаго послѣднимъ визиремъ Ибрагимъ-пашею, тогда Порта съ ними примирится и тотъ трактатъ поставитъ за дѣйствительной. Но ежели и при вооруженіи турецкомъ персіяня мира требовать не будутъ, тогда турки всѣ намѣрены дѣйствовать оружіемъ и городы отбирать, елико воз-

---

*) На полѣ: „достовѣрное“.

можность ихъ допустить. О везирѣ сказалъ, что мнятъ быть перемѣнѣ. Но когда и кѣмъ, того не вѣдаетъ. Извѣстный его другъ, бывшаго правленія везиря кегая, первой секретарь, Усмань-эфенди, учиненъ мехдупчіемъ или первымъ везирскимъ секретаремъ. Еще проситъ онъ, миралемъ, чтобы ко двору в. в-ва отписать, дабы министры в. в-ва въ разговорѣ съ Саидъ-эфендіемъ сколько возможно объ немъ не упоминали, но издалека лучше бы недовольность имъ показывали, дабы тѣмъ прикрыть его съ нами конфиденцію».

«Получено 8 февр. 1731 г.».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1731 г., св. 32/b № 6).

Изъ Записки того-же Вѣшнякова отъ 7 марта 1735 г. о крайнемъ истощеніи государственной казны Турціи персидскою войной.

«...И потому для великаго какого-либо предвосприятія не остается опричь обыкновеннаго убѣжища—нападеніемъ на партикулярныя сокровища генеральною таксою всѣхъ главныхъ, а нѣкоторыхъ и совершеннымъ лишеніемъ, по обычаю. Для того всѣхъ интересъ имѣютъ, чтобъ до того не допустить, яко же знаютъ, кому какой жребій будетъ, имѣя всякій своихъ непріятелей, и своихъ токмо партикулярныхъ настоящихъ интересовъ смотрятъ, собирая всякими непстинными способы и тѣми, яко чувственныи скоты, единымъ токмо видомъ утѣшаются, не будучи никто достовѣренъ—отъ Салтана до послѣдняго хамала, опричь духовныхъ, не толико жадно собранное свое сокровище, но и животъ свой на утрее охранить; слѣдственно, чести, ни любве никакъ ровнымъ своимъ, а меньше жъ еще къ беззаконному ихъ обществу малѣйшаго сѣмени не имѣютъ. И потому какъ можно отъ такого ехиднаго порожденія нужнаго къ великому дѣлу соединенія ожидать? Но безсумнительнобъ — по тому неизреченному ихъ малодушію и полтронству *), при первомъ случаѣ всѣ сами себя изрубятъ безъ великой къ тому внѣшней помощи, и тѣмъ бы, можетъ быть, такова зла человѣческій христіанскій родъ за едина избавился; понеже отъ долговременнаго житія въ покоѣ и безъ всякихъ почти естественныхъ началъ добродѣтели пришли въ такое самолюбіе и ненависть всякаго труда, что уже всѣ инаковы, нежели прежде турки бывали, и не содержится отъ нихъ въ свѣтѣ страхъ, токмо преданіемъ прежняго неизчисленнаго зла, ими свѣту приключеннаго, и елико прежде сего были страшилищемъ, толь нынѣ отъ всего свѣта достойны всякаго презрѣнія, какъ то сами признаютъ, и толь сіе малодушіе генеральнымъ страхомъ ихъ поразило, что безпрестанно отъ многихъ слышно, когда хотя мало произнесется, какъ слухъ, о войскахъ в. имп. в-ва, что близъ ихъ границы, или что оными какъ многое есть славное произведется, громогласно кричатъ, что конецъ ихъ беззаконія приходитъ и суевѣрными предреченіями доказываютъ, что в. имп. в-во

*) Съ франц. poltron, трусъ.

имѣете ихъ искоренить. (Да сподобитъ Всевышнiй свою божественную благодать изліять надъ в. имп. в-вомъ и сіе въ дѣйство произвести высокомудрѣйшимъ в. имп. в-ва правленіемъ въ безсмертную славу и честь вашего имени). И таковыми и многими другими подобными мнѣніями невѣрствующіи ихъ духи зѣло наполнены. Отъ того уже въ нихъ нѣтъ того прежняго марціальнаго духа, которымъ воодушевлены бывали, ни тѣхъ максимъ, которыя имъ служили за начала содержанія ихъ правленія, по которымъ учинились столь сильны. Но живутъ, яко тварь, внѣ элемента своего и единымъ токмо дезордеромъ *) и тѣмъ, что такъ ихъ всѣ въ покоѣ оставили, содержатся по величеству такія великія махины, не могущей самой собою рушиться. Потому ни солдатства, ни военождевъ достойныхъ не имѣютъ, а которыи были или есть, изгублены прежнимъ и нынѣшнимъ правленіемъ, а достальныя нынѣ изъ свѣта изжениуты.

Настоящее правленіе, какъ выше показано въ совершенномъ непорядкѣ и раздорѣ, и токмо день отъ дне спасенія ищетъ и все государственное спасеніе и оного интересы слѣдуютъ и зависятъ отъ единыхъ токмо партикулярныхъ кызляръ-агинскихъ и везирскихъ интересовъ, яко глава токмо имя единое имѣетъ. И будучи сіе государство на такихъ противныхъ по естеству обыкностей народа и всякаго порядочнаго правленія началѣхъ, какое въономъ добро быть можетъ, и какое зло сосѣдство имъ учинить можетъ, опричь того, которое, по великому ихъ счастію, многихъ ради постороннихъ обстоятельствъ и приключеній имъ сносится и, не получая достойнаго за многія ихъ продерзости наказанія, но природному своему варварству невѣрныи ихъ умы гордостію наполняются, и мнятъ, что всѣ имъ отъ страха упущаются! Отъ того и продолженіе толь многихъ ихъ несносныхъ продерзостей и досадъ, всѣмъ сосѣдямъ безпрестанно чинимыхъ.

Таково есть, всем. г-ня, внутреннее здѣшняго народа и правленія состояніе. Къ тому-жъ и внѣшнее, видимое всѣми, не лучше того.

Здѣсь правленіе ежедневно народнаго волненія опасается, по причинѣ персицкихъ дѣлъ, которыя безъ того никакъ не окончатся, а, можетъ быть, и перемѣною всего правленія, когда услышатъ о взятіи толикихъ городовъ, о погибели толикихъ турокъ, и ежели нѣкоторымъ изъ спасшихся дойти сюда удастся, вопиемъ своимъ отъ отчаянія бунтъ возбудятъ, наипаче, ежели Тахмасъ-Кулы-Ханъ далѣе какіе набѣги учинитъ и за собственныя ихъ древнія провинціи зацѣпитъ... Курды волнуютъ, между арабами смятеніе, а недавно и въ Бошинѣ **) былъ бунтъ между народомъ.. Не безъ великой бы трудности и къ европейской сторонѣ не толико къ наступательной, ниже оборонительной, собрать могли, по поздности времени, а особливо какъ турки обыкли на войну ходить. Хотя бъ нынѣ начали собирать, ни по которому образу довольнаго числа собрать не возмогутъ, а готоваго войска ни здѣсь, ни по границамъ нѣтъ.

*) Съ франц. desordre, непорядокъ.
**) Въ Боснѣ, съ итал. Bossina.

XX

Сверхъ того до подлости *) самой всѣ здѣсь, а паче при границахъ, вѣдаютъ, что войско в. в-ва отъ нихъ неподалеку и ближайшимъ окончаніемъ польскихъ дѣлъ будетъ свободно противу ихъ съ неизреченнымъ поспѣшеніемъ дѣйствовать и не толико ихъ всѣми главными магазейнами овладѣть, но и многихъ провинцій, беззаконно пристяженныхъ, ихъ, владѣющихъ, лишить и тѣмъ толикихъ бѣдныхъ христіанъ отъ сего безчеловѣчнаго варварскаго ига свободить, какъ уже и говорятъ, а паче мысленныи **), что всѣ ихъ границы и самое государство отъ единыя дискреціи ***) в. в-ва зависятъ, и тѣмъ нѣкоторыи министрамъ упрекаютъ, дабы отъ зла воздержались, показуя, коль розны отъ нихъ христіанскія правленія, что, видя ихъ въ такомъ гиблющемъ состояніи, въ покоѣ оставляютъ.

Всѣ вышеписанные резоны, всемилостивѣйшая государыня, везирь довольно знаетъ и другіе многіи разсудительныи пріятели и непріятели его не невѣдаютъ, и генерально между всѣми въ разговорѣхъ есть, что Портѣ несходно съ христіанскими державами, а паче съ в. имп. в-вомъ, войну зачинать, и хотя бъ мало къ тому поползнулись, безсумнительно, везирь и все правленіе погибнетъ, что вѣдая и французы къ возбужденію турокъ иной путь приняли — токмо единымъ страшеніемъ силъ в. в-ва и что вскорѣ по окончаніи польскихъ дѣлъ, изволите на нихъ напасть, починаютъ совѣтовать, чтобъ токмо, хотя для безопасности своей, границы ихъ въ доброе состояніе къ оборонѣ привели...

Отъ чего Порта въ великомъ затрудненіи и не знаетъ, какія мѣры принять: приготовляться — опасается тѣмъ дать в. в-ву и римскому цесарю подозрѣніе, а не приготовляться — существительно опасается нападенія, яко вѣдаетъ сама внутренно, коль безчисленно в. в-ву досадъ надѣлала и генерально къ обеимъ высокимъ странамъ вашихъ имп. в-въ злость свою показала и что едино ея токмо безсиліе отъ произведенія оныя въ дѣйство удержало. Того ради, по зрѣлымъ консидераціямъ, везирь принялъ резолюцію — границы свои въ лучшее состояніе привесть и подъ рукою разсѣеваетъ, что Порта никакого злаго намѣренія противъ вашихъ в-въ не имѣетъ, напротивъ, дружбы желаетъ, еже и неневѣроятно есть, всѣхъ выше показанныхъ ради резоновъ...

И для того нынѣ по всѣмъ границамъ отъ европейской стороны всѣ крѣпости починиваются и повсюду артиллерія посылается, какъ къ нашимъ, такъ къ польскимъ, унгарскимъ и венеціанскимъ границамъ, даже до острововъ ****); предусмотряетъ, что отъ всѣхъ сторонъ атакованы быть могутъ... Посланы указы въ Азовъ наскоро крѣпость починить и во всякомъ добромъ состояніи обороны держать; туда же скоро и нѣсколько галеръ посылаются....»

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1735 г., св. 36/b № 5).

---

*) Въ языкѣ XVIII ст. „подлость“ — простонародье.

**) Т. е. образованные. Вѣроятно, Вѣшняковъ такъ перевелъ носившееся въ его умѣ франц. intelligents.

***) Съ франц. discrétion, скромность.

****) Т. е., Архипелага. Унгарія — Венгрія.

IV.

«Секретнѣйшій рескриптъ» 3 августа 1737 г. въ Немировъ о сепаратномъ мирѣ.

«По отпускѣ къ вамъ послѣдняго рескрипта отъ 31-го іюля сообщенъ вамъ здѣсь отъ цесарскаго резидента Гохголцера приложенный подъ лит. А. экстрактъ съ полученнаго одного цесарскаго рескрипта, а подъ лит. В. прилагается копія изъ полученныхъ отъ полковника Даревскаго и ротмистра Тауба, а подъ лит. С. нѣкоторые до барона Талмана и его прежнихъ поступковъ собственно касающіяся вѣдомости и отъ цесарскаго полковника Берингова нашему генералу фельдмаршалу фонъ Миниху учиненныя нѣкоторыя внушенія и представленія, а подъ лит. Д. экстрактъ изъ полученныхъ отъ министра нашего Лапчинскаго реляцій.

Изъ содержанія сихъ вышеозначенныхъ приложеній къ нашему сожалѣнію усмотрѣть принуждены, что не токмо цесарскія операціи за многими отговорками, и *недостойными*, весьма слабо происходятъ, но, что еще и больше того, никоимъ образомъ въ предбудущемъ году (т. е. 1738) никакихъ сильныхъ съ цесарской стороны операціи и слѣдовательно на сильное вспоможеніе съ той стороны въ праведной нашей войнѣ весьма надѣяться намъ невозможно и потому за-потребно разсудили для вашихъ при мирной негоціаціи поступковъ и дальнѣйшаго наставленія слѣдующее наше всемилостивѣйшее мнѣніе симъ объявить:

1) Понеже съ одной стороны настоящая нужда въ томъ состоитъ, чтобъ нынѣшнимъ дѣйствамъ еще удобное время и въ излишномъ трактовано не было, ибо натурально есть, что турки во время продолжающихся съ нашей стороны еще сильныхъ дѣйствъ скорѣе къ полезнымъ намъ кондиціямъ склонятся, нежели по окончаніи кампаніи, когда уже отъ нашего оружія чрезъ всю зиму никакой опасности имѣть не будутъ; а съ другой стороны для выше объявленной отъ цесарской стороны важной причины весьма за-потребно разсуждаемъ, сколько пристойно и съ интересами нашими сходно и возможно—заключеніе мира поспѣшить; того ради симъ всемилостивѣйше повелѣваемъ, что ежели усмотрите, что турки къ первымъ, въ инструкціи вашей изображеннымъ и градусами предписаннымъ, до границъ касающимся, кондиціямъ не склонятся и не поступятъ, то въ такомъ случаѣ, чтобъ время напрасно не потерять, вамъ въ тѣхъ кондиціяхъ долго не стоять, но переходить къ тѣмъ, которые въ третьемъ пунктѣ инструкціи вашей изображены, а прямо—объ удержаніи Очакова, Кинбурна, Азова съ уѣздами, дистриктомъ и островами, въ томъ третьемъ пунктѣ пространнѣе описанными; и ежели къ тому турки склонятся, то на тѣхъ кондиціяхъ миръ съ ними безъ отлагательства заключить.

2) Ежели на сихъ кондиціяхъ миръ полученъ быть можетъ, а тогда съ цесарской стороны такія кондиціи требованы были-бъ, на которые-бъ турки поступить не похотѣли, то вамъ за тѣми цесарскими кондиціями не остановиться, но *свой миръ* не отлагая заключать, представляя въ

такомъ случаѣ онымъ цесарскимъ министрамъ, что мы главнѣйшая воюющая партія, которой извѣстнымъ образомъ чрезъ толь многіе годы такія великія обиды и несносные разоренія приключены, что мы чрезъ два года всю войны великую тягость одни нести принуждены были безъ малѣйшаго отъ его цесарскаго величества вспоможенія, и хотя съ цесарской стороны нынѣ противъ турокъ дѣйствовать и начали; однакожъ весьма поздно и не прежде пока вся турецкая сила противъ насъ однихъ обращена и дѣйствительно употреблена; слѣдовательно, намъ отъ тѣхъ дѣйствъ никакого облегченія не было, но какъ въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ, всю опасность мы одни неотмѣнно несли и понеже, что горчае того, довольно предусмотривается, что за многими безпрестанно отъ самого цесарскаго двора представляемыми разными недостатками и великими трудностями при продолженіи войны въ предбудущемъ году ихъ операціи не съ вящею силою и дѣйствомъ, но болѣе еще съ вящею слабостію происходить станутъ, то и его цесарское величество за противно принять не можетъ, что и мы по натуральной должности о собственной своей безопасности мыслить и потому и поступать и, имѣя случай къ заключенію честнаго мира и къ окончанію сей весьма тягостной войны, оный изъ рукъ не упускать за потребно находимъ, яко всегда разсудить надлежитъ, что мы отъ турковъ обиженная сторона и что цесарь, по имѣющему между обоими дворами союзу, безъ всякихъ другихъ кондицій намъ вспомогать обязанъ былъ, и хотя мы, правда, всякіе авантажи, какъ бы велики оные ни были, ему отъ сердца желаемъ; однако жъ, чтобъ для полученія оныхъ мы въ такой тяжкой войнѣ остались, то отъ насъ требовано быть не можетъ.

Но понеже сей артикулъ весьма важный и деликатный и къ великому нашему предосужденію служить могло бъ, ежели бъ цесарскіе министры о такомъ вамъ данномъ указѣ малѣйше что увѣдали: того ради по присяжной вашей должности чрезъ сіе вамъ повелѣвается — оный въ наивящемъ секретѣ содержать и чтобъ кромѣ васъ трехъ никто объ овомъ не вѣдалъ и никакимъ образомъ объ немъ не пронеслось, яко вы въ томъ отвѣтствовать должны будете.

3) Изъ вышеписаннаго приложенія подъ лит. С. усмотрите вы о неоправдимыхъ и безотвѣтныхъ страстяхъ и поступкахъ бар. Талмана. Мы уже напредъ сего всѣми его поступками при Портѣ весьма недовольными быть правдивую причину имѣли и о томъ двору его сильныя жалобы и неоднократныя представленія учинить повелѣли, съ требованіемъ, дабы онъ при семъ мирномъ конгресѣ всемѣрно употребленъ не былъ, яко къ нему конфиденцію имѣть невозможно; однакожъ, понеже сіе за разными со стороны цесарскаго двора учиненными отговорками получить невозможно было, того ради надлежитъ вамъ толь наивяще быть отъ него въ осторожности и отнюдь ему никакую конфиденцію учинить, изъ которой бы онъ къ вреду и предосужденію интерессовъ нашихъ какое употребленіе учинить въ состояніи былъ, и хотя уже вамъ въ вашей первой и другой, потомъ къ вамъ посланной, инструкціи обстоятельно рекомендовано отъ тѣхъ цесарскихъ министровъ поступковъ во всякой искусной предосторожности быть, однакожъ въ дополненіе того чрезъ сіе и особливо что

до него, Талмана, принадлежитъ, о томъ вновь накрѣпчайше подтверждается, и надлежитъ вамъ всемѣрно стараться, чтобъ свою негоціацію не чрезъ цесарскихъ министровъ, но самимъ, прямо и непосредственно, съ турецкими министрами произвести и у нихъ, турецкихъ министровъ, какой тайный и способный каналъ получить.

При всемъ томъ еще и сіе вновь вамъ накрѣпчайше подтверждается, о чемъ во всѣхъ нашихъ прежнихъ рескриптахъ рекомендовано, чтобъ немедленно чрезъ всякіе способы и пути трудились о подлинномъ турецкомъ намѣреніи въ семъ мирномъ дѣлѣ провѣдать, и намъ о томъ съ обстоятельнымъ своимъ мнѣніемъ по присяжной своей должности какъ наискорѣе доносить.

Мы искусное и радѣтельное исполненіе всего вышеписаннаго всемилостивѣйше накрѣпкостнѣйше вамъ поручаемъ и пребываемъ ....»

(Гл. М. А. М. Ин. Д., Тур. Д., 1737 г., св. 38/d, № 13).

V.

Развѣдки объ «обращеніяхъ» въ Турціи, «подвижная служба», т. е. развѣдочная, бессарабскихъ «пріятелей»: сердаря Лупула Анастасіева изъ Кишинева, Андронакія изъ Сорокъ и др.

1737—1740.

Лазутчикъ Константинъ изъ Кіева, кіевскій мѣщанинъ, отправленный въ самомъ началѣ 1737 года за Днѣстръ, ѣхалъ на Тульчинъ, Лугъ*) и Рашковъ (на Днѣстрѣ, иначе, въ старину — Калауръ, т. е. караулъ, сторожевой постъ), а отсюда въ Сороки.

По возвращеніи онъ показалъ, что турецкаго войска не много: «въ Очаковѣ и въ Бѣлгородѣ прибылаго войска, кромѣ тамошнихъ жилыхъ турокъ, не имѣется, буджацкихъ татаръ не болѣе 20 тысячъ», что въ Сорокахъ «въ разговорахъ отъ нихъ (т. е. отъ Лупула и Андронакія) слышалъ: ежели россійская армія сей весны маршемъ своимъ къ Дунаю не умедлитъ, то конечно турки принуждены будутъ поля уступить и держаться въ однихъ крѣпостяхъ, ибо изъ Венеціи получены авизіи **), яко бы и они съ турками начинаютъ войну, также и отъ цесаря имѣютъ опасность».

---

*) Лугъ, село и сегодня близъ Ольгополя.
**) Итал. avviso, извѣстіе.

Андронакій, чиномъ постельникъ, слѣдов. изъ бояръ кн. Гики, вручилъ лазутчику, для передачи въ Кіевѣ, письмо, въ которомъ писалъ:

«Всемогущимъ богомъ свидѣтельствуюся, что государство турецкое въ великомъ обрѣтается страхѣ и небезопасности отъ россійской стороны: толко всемогущій богъ да поможетъ оружію христіанскому свободить все христіанство ис-подъ ига сихъ невѣрныхъ. Весьма бы изрядно было, ежелибъ слѣдствіе христіанства воспослѣдовало, покамѣстъ воздухъ еще зимній, ибо подъ зимній воздухъ, то и сила змѣина есть слаба, а чимъ паче воздухъ теплый воспослѣдуетъ. тимъ наипаче сила змѣина сильные будетъ и великіе бѣдствія узнаютъ будущіе подъ ихъ, невѣрныхъ, игомъ».

Далѣе, маня насъ усиленно за Днѣстръ, Андронакій указывалъ:

«Въ Бучакѣ (=Буджакъ) и около Бучака весьма довольно имѣется воловъ, коровъ, овецъ, лошадейныхъ табуновъ и разнаго скота: только за божіимъ изволеніемъ ежели бы воспослѣдовала армія всероссійская въ оные стороны, всѣмъ бы изобылно была удоволна».

(Сорока, 28 февраля 1737 г.).

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/а № 4)

«Въ Бѣлигородѣ» — т. е. въ Аккерманѣ. Въ отличіе отъ Бѣлгорода-Аккермана въ старину (XVI в.) у поляковъ Бѣлградъ сербскій, на Дунаѣ, назывался Niżni Białogrod. (Hurmuzaki, Documente .., Supl II, vol. I, № 218).

На стр. 470 мы полагали, что подъ Балицами не скрываются ли нын. Бѣльцы? Но въ сорокскомъ уѣздѣ есть село Балицы. (Записки Бессар. статистич. комитета, III, отд. вт., 42).

Изъ Бабадага 24 февраля 1737 г. извѣщали въ Кіевъ,

что цесарскій резидентъ Талманъ «публично изъяснился, что если дружескія предлагаемыя средства никакого дѣйствія не возъимѣютъ, то турецкіе полномочные на границы ѣхать готовы... О мирѣ самъ ефендій и везирь, кехайскій мухордаръ и фаворитъ мнятъ, что съ трудомъ быть можетъ, по великой опасности, въ которой кизляръ-ага и везирь кегая отъ того быть могутъ, ежели бъ учинили прежде, нежели покажутъ невозможность толикимъ силамъ противиться и безъ возвращенія Азова. и для того не спѣшатъ, яко болѣе объ ихъ собственной, нежели государственной, безопасности пекутся.

Доднесь еще въ нѣкоторыхъ мечтательныхъ надеждахъ пребываютъ о неутралитѣ курфирстовъ Римскія имперіи и на нѣкоторыя французскія движенія полагаются. Со всѣмъ тѣмъ что имъ довольно извѣстно есть отъ волоскаго князя о множествѣ войскъ высокопомянутаго импер. в-ва, въ виду при границахъ находящихся, надѣются имѣть довольное число войскъ, хотя и разоряютъ всѣ земли свои по пути лежащія; донынѣ еще военныя

силы собираться не начали; при Прутѣ строятъ новый магазинъ; обыватели волоскіе починаютъ имѣнія своя въ венгерскую сторону посылать. Сей народъ къ христіанской сторонѣ склонность свою показуетъ; князь волоскій корреспонденцію свою съ Бекіерскимъ въ Бѣлую Церковь продолжаетъ... Иванъ Мировичь, оставя хана крымскаго, со мною въ Молдавію, землю всей бѣдности, возвратился, которыя жители съ совершеннымъ довольствомъ свободы своея ожидаютъ».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/а № 3).

Генералъ-майоръ польской службы Бекерскій (Bekierski), хоружій винницкій, комендантъ Бѣлой Церкви. Ср. Архивъ Юго-Зап. Россіи, III, 3, № CA, CXII. Вѣроятно, этотъ самый Бекерскій, Доминикъ Игнатій, былъ позже, до 1750 г., комендантомъ Каменца-Подольскаго.

Въ мартѣ 1737 г. въ Кіевѣ чрезъ двухъ кіевскихъ жителей-лазутчиковъ: Степанова и Константина (о послѣднемъ см. выше), получено было письмо на волоскомъ языкѣ отъ сорокскаго постельника Андронакія:

«...Турки возвратясь—весьма малая часть войска, которое было въ походѣ и приведя небольшое число плѣнныхъ, разгласили, якобы съ великою викторіею и съ великою добычею возвратились; однакожь ихъ радость вскорѣ явна стала съ печалію, ибо толикой страхъ они возъимѣли, что лучшаго ихъ войска, босняцкаго, большая часть пѣхоты бѣжала, и нынѣ при нашемъ осталося около 3—4 тыс., и изъ оныхъ и понынѣ бѣгство свое показываютъ. И надѣемся на милость божескую, что и остальные всѣ немедленно разбегутся, понеже немалой между собою страхъ возъимѣли, о чемъ пространнѣе дочеслетъ в. в-ву словесно присланный вашъ, которому я все, что здѣсь слышно, объявилъ подробно, понеже я имѣю людей моихъ въ Бендерѣ и въ прочихъ мѣстахъ, которые, что между неиріятелемъ происходитъ новаго, обо всемъ меня увѣдомляютъ».

Степановъ показалъ, что 11 января прибылъ въ Сороку, у Цыкиновки *) переѣхавъ чрезъ Днѣстръ, и остановился у Харваза. Прежній перколабъ смѣненъ «за подозрѣніе россійской корреспонденціи», и потому сей часъ-же поѣхалъ «до Оргеева и до Кишинева, гдѣ резыдуетъ сердарь Лупполъ Анастасіевъ», у котораго пробылъ три дня. «Лупполъ взялъ его съ собою, ѣздилъ съ нимъ по деревнямъ, гдѣ пришедшія въ Молдавію бошняки имѣютъ квартиры; потомъ ѣздилъ въ село Онишканы, къ командующему надъ ними Бекеръ-паши, понеже оное бошнянское войско провіантомъ и фуражемъ контентуетъ Лупполъ. Бошняки собою люди человѣчные, рослые, молодые, оружье, кони хороши, но одеждою и обувьемъ весьма мизирны и для того многіе бѣгутъ...».

---

*) Цекиновка — мѣстечко Подол. губ., какъ-разъ противъ Сорокъ.

«Турки разсуждаютъ, что лучше бы имѣть миръ и покой и жить каждому въ своемъ домѣ, а россійской сторонѣ контентоватца тѣмъ, что нынѣ отъ ихъ стороны получили, не простираясь въ другіе ихъ турецкіе предѣлы, то бы всѣмъ было лучшее, а все же нынѣшнее замѣшаніе учинилось отъ хана, что по всему видно, что турки желаютъ болѣе къ миру, нежели къ войнѣ».

Окончивъ этотъ объѣздъ, Степанъ прожилъ 4 недѣли у Лупула въ Кишиневѣ, послѣ чего тотъ послалъ его къ Бендеру «для покупки ему бакалеи. Замокъ и нижней городъ во всѣхъ мѣстѣхъ починены и за крѣпостми новые батареи сдѣланы и пушки поставлены вокругъ и въ кругъ, гдѣ были сады, всѣ очищены и съ землею уравнены...»

Возвращаясь въ Кіевъ, лазутчикъ Степановъ купилъ въ Сорокѣ пять бутъ вина волоскаго да возъ бакалеи. По убѣжденію его, «турецкое войско слабо и ежели россійское войско на сей веснѣ маршемъ не умедлитъ, то конечно надъ туркомъ одержитъ викторію...», т. е. повторялъ тоже, что̀ и Константинъ.

Имя нашего Кишинева встрѣчается уже въ молдавскихъ грамотахъ первой половины XV вѣка. Такъ, въ жалованной на вотчину грамотѣ Ванчѣ логоѳету отъ господарей Ильи и брата его Стефана, 1436 года, читаемъ:

»...дали есмы ему... села на Ревтѣ на-имя: Прокопинци... и Мачковци... и Казаровци и Бѣлая Крънипа и на оустіе Волчинця, где ся снемают съ Котовцем и на Пткилѣ межу Кротолчи пониже, где камень стоитъ, повыше Оцелово мѣсто и близь Быку по той сторонѣ на долину, што надаетъ противъ А к б а ш е в а К е ш е н е в а оу Крънипи, где ест татарская селища, противъ лѣска...»

(Hurmuzaki, Documente privitôre..., vol. II, partea I, p. 870).

Основатель Кишинева — какой-то татаринъ А к б а ш ъ. Это было н о в о е (молд. ноу) кишло, т. е. селище, среди другихъ татарскихъ кишлъ на Быкѣ. Подъ Крипицею (Крънипа), вѣроятно, разумѣется такъ наз. теперь «фонталъ» въ Кишиневѣ, богатый источникъ прекраснѣйшей ключевой воды, въ нижней, старой части города. Рѣчка Ревтъ — Реутъ.

---

10 марта 1737 г., анонимный «пріятель» сообщалъ сердарю Лупулу въ Кишиневѣ съ нижняго Дуная:

«...Мнится, что нынѣшніе турецкіе министры конечно желаютъ мира по оставленіи отъ французовъ, еже ихъ понуждаетъ нѣкоторымъ образомъ по малой мѣрѣ на то, чтобъ хотя на нынѣшнее время помириться съ Россіей, но не отваживаются учинить прелиминарныхъ пунктовъ на конгресъ и представляютъ конгресъ, чтобъ согласиться о тѣхъ прелиминарныхъ пунктахъ, чему противятся, объявляя о разореніи Азова, показуя тѣмъ

склонность къ тому, чтобъ осталося все такъ, какъ нынѣ кто что въ рукахъ своихъ имѣетъ, и то при самой крайней нуждѣ. Они весьма всѣми мѣрами стараются, чтобъ по малой мѣрѣ спасти животъ паче, нежели чинъ, котораго потерку за великую себѣ причли бъ милость, и единственно надежду свою имѣютъ на цесаря, что возможетъ (т. е. цесарь) сыскать какой ни есть способъ ко облегченію ихъ бѣдствій, а какой способъ быть можетъ, того донынѣ понять невозможно, понеже, послѣ своего послѣдняго письменнаго объявленія, призываніе медіаторовъ, по движеніяхъ уже войскъ съ обѣихъ сторонъ, и исканіе конгреса, не сочиня прежде никакихъ прелиминарныхъ пунктовъ, суть дѣла столь безпорядочныя, что и понять не возможно, пока въ исполненіе не приведутъ».

Письмо того-же «пріятеля» отъ 13 марта 1737 г.

«...Турки, видя себя въ такомъ худомъ состояніи и вѣдая при томъ, что татары учинили вступленіе въ границы, опасаются новаго вступленія войскъ россійскихъ въ Крымъ и потерянія худо вооруженныхъ крѣпостей Тамана и Еникоаля.

Потому нужно будетъ повторить представленіе его превосх-ву г. Талману о конгресѣ при границахъ, что̀ требуетъ времени, а между тѣмъ войска соберутся, чтобы не быть обманутымъ, какъ прошлаго лѣта. Слухъ носится, что возродится какой-нибудь бунтъ за то, что будто добровольно отдали Азовъ».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/а № 3).

Сердарь Луполлъ (Лупулъ) изъ Кишинева 19 марта 1737 г. послалъ открыто, съ разрѣшенія изъ Яссъ, своего человѣка, волошенина Константина Абазу, въ Кіевъ. Онъ писалъ, что цесарь грозитъ войною туркамъ, почему

«...везирь неполезные отвѣты (т. е. цесар послу Талману) далъ, консиліумъ тотчасъ съ прочими министрами учинилъ и при окончаніи симъ заключилъ, дабы прилежность возъимѣть какъ бы возможно съ Россіею миръ заключить, понеже инако поступить никакъ невозможно и хотябъ что уступить, толькобъ миръ состоялся, и тотчасъ послѣ отъ своей стороны опредѣлили, а именно: рейзъ-эфендія и башрусъ намешія, съ показаніемъ мѣста, гдѣ трактаты заключатся имѣютъ, а именно въ Сорокѣ 10 апрѣля. Везирь сейчасъ же послалъ въ Царьградъ объявленіе своего совѣта заключать миръ, на что̀ и понынѣ никакой резолюціи не получилъ, дабы моглъ вѣдать — пріятны ли оные совѣты салтану. Только изволите быть извѣстны, что турки въ великой робости и страхѣ находятся, опасаяся, что нынѣ заключенія мира не пожелаете чрезъ то, что ханъ въ сторонахъ россійскихъ обиды наделалъ.

XXVIII

Князь Молдавскій, господинъ мой, Григорій Гика, кланяется вашему высокопревосходительству, который въ прошедшихъ числахъ писалъ до вашего в. превосх-ва и до г. Вешнякова о основаніи мира, яко медіаторъ къ заключенію мира, который бы былъ съ пользою государства россійскаго, и нынѣ дожидается его свѣтлость отъ в. в. превос-ва на то отвѣту чрезъ своего посланнаго.

И нынѣ слышно въ нашихъ сторонахъ, что Порта прилежно старается, какъ бы миръ съ Россіею заключить; однако приуготовленіе чинить не оставляетъ и во всѣ стороны своихъ выправила, дабы войски поспѣшили къ Бабадагѣ, также и мостъ приказала на Дунаѣ устроить, а для строенія оного съ Мултянской и Волоской земли работники отправлены; приказано изготовить и въ Бендерѣ лѣсу для строенія на Днѣстрѣ на байдакахъ моста — накрѣпко притверждено.

Зимнее нападеніе хана и буджаковъ на Украину такъ окончилось жалко, что ежелибъ кто напалъ на нихъ между Богомъ и Днѣпромъ, тобы ни единъ изъ нихъ не спасся.

Въ Очаковѣ есть Яха-баша и едва при немъ осталось съ 5 тысячь; отъ той стороны зѣло опасаются, дабы войско отъ стороны россійской просто къ нимъ не воспослѣдовало; провіанту ни въ Очаковѣ, ни въ Бендерѣ никакого нѣтъ, а нынѣ разглашенія о предуготовленіяхъ посылаются не иной ради причины, только дабы учинить эхо для устрашенія россійской стороны, понеже они въ безмѣрной обрѣтаются робости и страхѣ, и прошу вѣрить мнѣ тому, который истинно въ Бога вѣруеть, что Порта, будучи въ пребезмѣрной слабости, не можетъ никакимъ образомъ противъ славной ея в-ва арміи стоять, и они покоя весьма искательны, хотябь съ какимъ ихъ великимъ убыткомъ. А ежели не будетъ миру, то вѣрь, ваше высокопревосх-во, что везирь никакимъ образомъ на сю сторону Дуная не переедитъ, но будетъ беречь моста при Дунаѣ; а ежели миръ утвержденъ не будетъ, надобно скорѣя поспѣшать войскамъ ея и. в-ва къ Очакову и къ Крыму; то тогда все будетъ по желанію ея и. в-ва и цѣлаго Христіанства, что усмотря, Порта все при трактатѣ, по желанію ея и. в-ва, уступить принуждена будетъ, хотя и до самого Дуная, понеже, какъ ихъ видимъ, въ великомъ страхѣ находятся и не вѣдаютъ, въ безпамятствѣ будучи, до чего хватиться, ибо съ одной стороны войски собираютъ, а съ двухъ сторонъ уходятъ. И паки пишу: что ни будь отъ стороны ея и. в-ва востребовано будетъ, все уступлять, и при томъ крѣпко стоять надобно...»

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/а № 4).

Письмо писано кіевскому губернатору, судя по титулу

Письмо «пріятеля», вѣроятно, Лупула, отъ 5 мая 1737 г.

«...Понемногу стали собираться войски. Бендеръ, Хотинъ и Очаковъ въ прежнемъ безлюдномъ состояніи находятся, а Волоская и Мултянская земли разорены.

Съ трудомъ назначено конгресу быть въ Кудакѣ, и везирскій кехая сталъ уже миръ публиковать; въ томъ онъ съ великою политесою поступаетъ. Однакожъ, усмотря страхъ, съ великимъ неудовольствьемъ возвращенья Азова въ народѣ разглашаетъ.

Имѣю честь все сообщать его превосх-ву Талману. Однакожъ, хотя онъ благоволеніе являетъ, слышу однакожъ, что Порту къ неуступленію Азова возбуждаетъ».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/а, № 3).

Изъ Кіева, по пути въ Немировъ, 13 іюня 1737 г. Неплюевъ доносилъ о сообщеніяхъ развѣдчика-волошанина, посланнаго отъ генерала Борятынскаго, правителя Малороссіи:

«...Ѣхалъ тотъ чрезъ Польшу до Днѣстра рѣки, гдѣ оную переѣхалъ въ волоскую деревню Онецкасъ, а изъ оной паки на сю сторону въ деревню Дубосаръ, и оттуда сеюжь стороною рѣки слѣдовалъ ниже до Бѣлогородскаго перевозу, лежащаго ниже Бендера въ 5 миляхъ, гдѣ навялъ проводника слѣдовать путь свой къ Дунаю въ мѣстечко Кили, отъ Кили въ Исакчи, изъ Исакчи въ Карталы и тутъ будто слышалъ, что везирь стоитъ по ту сторону Дуная и при немъ армія съ 50 тысячъ, которую и впредь старается умножить, только многіе изъ оной арміи дезиртируютъ; чрезъ Дунай сдѣланъ мостъ, что въ Бендерѣ до 30 тыс., въ Хотинѣ будто имѣется 16 тыс., въ Очаковѣ съ 40 тыс. турокъ и буджацкихъ татаръ, а въ Крыму будто, за два часа до Перекопа, стоитъ 100 тыс. татаръ, а въ самомъ островѣ великій моръ и голодъ и купецкіе люди выѣзжаютъ, что крымскимъ татарамъ война наскучила и что ежелибъ могли найти способъ какой, легкобъ поддались ея величеству, а бѣлогородскіе и буджацкіе напротивъ войну желаютъ, что наряжено волоховъ 6 тыс. и молдавцевъ 8 тыс. для починки Перекопской и Кинбурнской крѣпостей.

Отъ Дуная поѣхалъ въ Сороку, гдѣ перекалабъ Петракъ и Андронакъ дали ему письмо для Мичиха и послали своего человѣка... Таможъ волошанинъ, именуемый Катаграръ, приказывалъ ему донести генералитету, чтобъ не вѣрили ни въ чемъ князю Волошскому, ни Лупулу.. Перекалабъ же объявилъ, что турки не вѣрятъ столько Талману, какъ прежъ сего... Министры турецкіе живутъ въ Сорокѣ и дожидаются конвою польскаго.

Наконецъ сказалъ посланный, что генерально турки въ великой робости находятся и себя отчаяваютъ и не показываютъ себя такъ суровы, какъ прежъ сего; однако христіанъ ихъ, волоховъ и молдавцевъ, такъ отягчаютъ, что оные сказываютъ, что ежели какого войска христіанскаго въ ихъ землю не придетъ, то принуждены будутъ потурчиться отъ несноснаго имъ разоренія...»

Дер. Онацкасъ, несомнѣнно, нын. Онишканы на Днѣстрѣ, почт. станція между Кишиневомъ и Кріулянами, а далѣе дорога въ гор. Дубосары. Ср. выше, письмо чрезъ Степанова, въ мартѣ 1737 г.

Дер. Дубосаръ, это — старые Дубосары.

Бѣлогородскій или Аккерманскій перевозъ через Днѣстръ, въ 5 миляхъ ниже Бендеръ, это — у села Чобручъ, откуда шелъ торговый трактъ на Очаковъ. См. у насъ стр. 234, прим. Ниже долина Днѣстра принимаетъ широкіе размѣры, вся въ озерахъ, протокахъ, плавняхъ — до 9 верстъ.

Карталы, нынѣ Карталъ, наискось Исакчи, деревня между Рени и Измаиломъ, у озера Кагулъ; вблизи Сатуновъ — историческій переходъ черезъ нижній Дунай.

Перекалабъ, въ мѣстныхъ и молдавскихъ грамотахъ пъркалабъ, пръкалабъ, прѣкалабъ, паркалабъ, у поляковъ — burkołab, у насъ перколабь, перкалабъ, полицейскій приставъ, что подъ капитанъ-исправникомъ, городничій, комендантъ, передѣлка нѣмецкаго Burggraf. См. у насъ стр. 172, 231, примѣч. Ср. нашу статью: «Лапидарныя надписи XV стол. изъ Бѣлгорода, что̀ нынѣ Аккерманъ» въ «Запискахъ Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.», XV (1889). Въ эпоху до турецкаго завоеванія нын. (тогда молдаво-малорусской) Бессарабіи каждая крѣпость, городъ имѣли своего пъркалаба. Такъ, въ грамотѣ 1443 г.: «вѣра болѣръ нашихъ... вѣра пана Кръсти, вѣра пана Юргича, пръкалаба Билогородского, (т. е. нынѣшн. Аккермана) и зѣта его пана Ѳанчи логоѳета». Въ другой грамотѣ 1443 г.: «вѣра пана Юргича Бѣлоградскаго и зѣта его пана Оанчи». (Оанча — молдав. произношеніе слав. Иванче). Въ грамотѣ Стефана Великаго 1468 г., во главѣ «наивысшей рады», показаны: панъ Станчулъ, пръкалабъ Бѣлоградскій. Въ другой грамотѣ 1468 г., кромѣ того же Станчула, показанъ панъ Бухти, пъркалабъ Келійскій (т. е. Килія). Въ грамотѣ 1470 г. тотъ-же Станчюлъ и Гоянъ, пръкалабъ Келійскій. Въ грамотѣ 1499 г. — Иванко и Алекса пръкалаби Орхейскіи (т. е. Оргѣева), Косте, паркалабъ Сороцкій. (См. Hurmuzaki, Documente..., vol. II, partea I, p. 880, 885; vol. II, partea II, p. 705, 706, 707, 708, 719). Во второй ½ XV в. Влачкулъ, прѣкалабъ Бѣлоградскій (Аккерманскій) покупаетъ слав. рукопись Дѣяній апостольскихъ 1463 г. (См. Sitzungsberichte d. k. Böhm. Gesellsch. der Wissenschaften. 1896. 6. 21). Замѣтимъ, что граница Молдавіи въ XV вѣкѣ съ сѣверо-востока — Днѣстръ и Лиманъ: «граница на низъ Днѣстромъ до моря къ земли Волоской тягнеть», говорится въ договорѣ 1433 г. между польскимъ королемъ и господаремъ. (Hurmuzaki, Docum., v. I, p. I, p. 847). Но въ Молдавіи и Валахіи XVIII стол. перколабы были уже мелкіе полицейскіе чины и страшные взяточники, бичъ населенія; мѣста ихъ, какъ доходныя, охотно замѣщались даже лицами изъ высшаго дворянства, бояръ, и все это приводило въ негодованіе представителей русской власти во время оккупацій, при нашихъ войнахъ съ Портою. Въ 1773 г. гр. Румянцевъ приказывалъ Дивану въ Букарештѣ: «дабы не могли исправники и перкалабы налагать на обывателей больше положеннаго». Тогда же Румянцевъ въ универсалѣ къ населенію объявлялъ: «чтобы дворники, перкалабы и другаго званія сельскіе начальники не смѣли брать». (Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. VII, 281, 293). Наше управленіе господарствами въ войну 1806—1812 г. застало еще большую безнравственность полиц. властей

Въ инструкціи командующаго, кн. Прозоровскаго, 1808 г., изъ Яссъ, презесу Дивана, сенатору Кушникову, читаемъ: «лютыя выгоды побудили нѣкоторыхъ чиновниковъ Дивана и первоклассныхъ дворянъ идти въ должности паркалабовъ и исправниковъ, тогда когда въ сіи званія въ прежнія времена опредѣлялись только второклассные дворяне». (Записки Бессар. Стат. Комитета, III, 115). Еще въ первые годы по присоединеніи къ намъ Бессарабіи существовала паркалабія, какъ административная единица, напр., Хотинская. См. «Дѣло о постройкѣ въ Кишиневѣ гор. больницы» въ 1814 г. (Кишиневъ, 1898, 9). И сейчасъ есть въ Бессарабіи фамилія Паркалабъ. Если въ Валахіи XVIII в. и село имѣло своего перколаба (см. Dapontès, Ephém. Daces, II, 270—«le parcalabe du village»),—то этотъ перколабъ — тоже что кнезъ у сербовъ, старшина. Впрочемъ, сербскіе «кнезы», простые поселяне, переходя въ Россію, охотно мѣняли свой родной титулъ кнез на болѣе звучное русское слово — князь. У старыхъ чеховъ purkrabí тоже управитель, подчиненный гейтману, исправнику: «...A purkrabí Semilský a Maloskalský povinni budou. ..». (Vèstník kr. Společn. Náuk v Praze, 1897, 3).

Волошскій князь, т. е. Молдавіи, изв. Гр. Гика.

Лупулъ нашъ агентъ, съ жительствомъ въ Кишиневѣ. Его письма — выше и ниже; къ нему письма отъ Ф. Орлика — ниже. Что касается самого имени Лупулъ, т. е. Лупу (волкъ) съ членомъ, то оно семасіологически тоже, что болг. Вълкъ, серб. Вук, и имѣетъ значеніе и личнаго имени, и фамиліи. Въ 1770 г гр. Румянцевъ назначилъ въ Молдавію логоестомъ Лупула Балша, баномъ Лупула Костаки. (Опис. докум. и бум. М. А. М. Юст., VII, 179). Здѣсь Лупулъ имя личное. Въ 1772 г. графъ назначилъ въ Диванъ Валахіи Лупула (ib. 268), имя родовое. Съ послѣднимъ значеніемъ и сейчасъ есть имя Лупулъ въ Кишиневѣ.

---

26 мая 1737 г. «извѣстный пріятель», Лупулъ, изъ Кишинева доносилъ Кіевскому губернатору Сукину, что по пути изъ Сорокъ въ Кишиневъ онъ встрѣтилъ посланнаго отъ Миниха къ цесарскому резиденту Курта съ письмами, и повторяетъ свѣдѣнія о малочисленности войскъ турецкихъ:

«...салтанъ буджацкій стоитъ при Паланкѣ по ту сторону Днѣстра, чтобъ итп въ Перекопъ, токмо невѣроятно, но болѣе того. что къ Бугу рѣкѣ пойдутъ. какъ я о томъ и прежде чрезъ Константина Погора писалъ. Полномочные готовы ѣхать въ Бѣлую Церковь, и потому надлежитъ арміи ея величества поспѣшать. дабы нападеніе учинить, понеже несумнительная есть надежда, что все будетъ по ея величества желаніямъ....»

Переводчикомъ румынскихъ писемъ Лупула былъ въ Немировъ при уполномоченныхъ нѣкій Константинъ Корбе. (38 f № 15, реляціи Неплюева). Ср. у насъ стр. 363, прим.

XXXII

Въ іюлѣ 1737 г. изъ Сорокъ писали Неплюеву въ Немировъ (Лупулъ?):

«Турки миръ сдѣлать но та мѣсть не захотятъ, покуда у нихъ носа не разобьютъ; хотя изъ турокъ большіе мира желаютъ, но янычаре не хотятъ».

---

13 іюля 1737 г. Лупулъ доносилъ изъ Кишинева:

«Татаре бѣлогородскіе, по полученіи извѣстія, что армія въ Крыму, совѣтовали въ Бѣлъ-Городѣ, что впредь дѣлать? Что буде россійскія войски въ Крымъ по прежнему вступятъ, то принуждены будутъ сдаться, для того и бѣлогородская орда въ томъ намѣреніи, чтобъ непремѣнно подъ державу ея величества поддаться, ежели къ себѣ слѣдующія войски увидятъ. И для того надлежало бъ заблаговременнѣе какъ къ Бендеру, такъ и къ Бѣлгороду, а секурсу отъ везиря никакого быть не можетъ....

Хотя не моя должность о таковыхъ важностяхъ разсуждать и въ то мѣшаться, однакожъ мнѣніе мое, что лучшебъ было просто на Бѣлгородъ слѣдовать, а отъ Бѣлгорода на Килію и Измаиловъ, гдѣ татаре тотчасъ поклонятся; послѣ же вступить въ Мултянскую землю, чрезъ что обѣ тѣ земли, Волошская и Мултянская, горькаго случая могутъ лишиться: ибо цесарскія войски уже въ уѣздѣ Сочавскомъ, въ Волоской землѣ, и въ Мултяніи дѣйствительно обрѣтаются, что же захватя по сю сторону Дуная, войски при Бендерѣ и Хотинѣ принуждены будутъ, спасая свое житіе, безъ всякаго прекословія поддаться».

Далѣе, Лупулъ доносилъ о турецкихъ инструкціяхъ для Немировскаго конгресса:

«..пока войски россійскіе въ Крымъ не вступили, то поручено было востребовать отдачи Азова и Кубани, а за понесенныя Россіей убытки деньгами, чтобъ ни востребовано, всячески довольствовать и въ деньгахъ не прекословить, толькобъ какъ возможно покой стараться составить. Чтожъ нынѣ, за полученіемъ неблагополучной имъ вѣдомости, послѣдовать можетъ, не знаю, только чаю, что по рѣку Дунай безъ всякихъ отлагательствъ уступить принуждены будутъ: явная убо есть не только имъ, но и цѣлому свѣту ихъ слабость, понеже уже обѣщаютъ уступить цесарскому величеству Босну и Мултянскую землю...

Чтожъ впредь воспослѣдуетъ изъ Царяграда, не умедлю увѣдомить. Однакожъ покорно прошу и о моей бѣдности и о землѣ Волоской памятовать. И ежели какъ ея величества войски, такъ и цесарскія вознамѣрятъ вступить въ Волоскую землю, прошу заблаговременно увѣдомить и какимъ нибудь охранительнымъ обослать меня письмомъ, дабы я въ какое не попалъ несчастіе, и памятнабъ была моя подвижная въ интересахъ ея вели-

чества служба, изъ чегобъ выразумѣвъ могли мы какъ-нибудь отъ поганскихъ рукъ спасаться».

И Молдавія (Волошская земля), и Валахія (Мултянская, Мултянія, молд. Мынтяна, т. е. горный край, первоначально, сосѣдняя Трансильванія, оба термина иногда путаются у насъ) сейчасъ-же опасаются появленія у себя нашего союзника, Австріи, этого «горькаго случая». Причина? Прежде всего—опасеніе утвержденія австрійцевъ въ обоихъ господарствахъ навсегда, опасеніе католической пропаганды, о чемъ у насъ стр. 253—255. Къ сказанному тамъ прибавимъ указъ импер. Карла VI еще изъ 1729 г. о подготовкѣ среди своихъ волоховъ почвы для Уніи. Писалъ Карлъ бар. Уидлеру, губернатору Трансильваніи: «....Uebrigens gedenken wir aus vorgedacht von dem Clero Valachico anhoffenden beytragsfondo 2 bis 3 geistliche Soc. Jesu oder Piarum Scholarum in Crajova zu stabiliren und der walachischen Jugend die humaniora zu tradiren und solche durch gute Unterweisung in Studien und Civilfren sitten auferziehen zu machen, einfolglichen dise nation successive mittels derley education von ihrer ruditat und malitiosen Naigung ab und zum guten, auch mit der Zeit etwan insensibiliter zu der wahren Religion zu laithen; es ist jedoch diser antrag wegen einführen wollenden lateinischen Schulen vorhero wohl zu erwegen und wie weit etwan solcher dem land angenehm, ohn Vermarkt sondiren zu lassen, auch darüber mit Gutachten zu berichten». (Гласник Срп. Уч. Друш., кн. 73, 310).

Въ августѣ 1737 г. Лупулъ писалъ изъ Кишинева:

«..Сербскій архіерей собственнымъ своимъ коштомъ поднялъ сербовъ 20 тысячъ и шелъ къ Нису на совокупленіе съ цесарцами и турокъ побѣждалъ, сербская область вся подклонилась цесарю; слышно, что архіерей угрицкій (!) собралъ нѣсколько войска христіанъ-арбанашевъ и куцовлаховъ, и турки весьма испужались и не знаютъ на которую сторону наперёдъ отвѣтствовать, ибо военные люди бѣгутъ во всѣ стороны, котораго способнаго времени не надобно упускать, а крайнее стараніе приложить, чтобъ неприятеля покорить и голову ему сломить; а ежели война до будущаго лѣта не прекращена, то турки говорятъ, что по прошествіи зимы найдутся въ состояніи во всѣ стороны отвѣтствовать. Ежели нынѣшняго времени великороссійскіе войски не будутъ въ Бендерѣ и шкоды и разоренія не причинятъ, и буджацкихъ татаръ не разорятъ, то оные намѣрены въ будущую зиму великіе нападенія въ области всероссійскія чинить, несравнительные прежнимъ нападеніямъ. Ежели россійскаго вторженія за Днѣстръ не будетъ, то надобно россійскимъ войскамъ зимою быть не въ отдаленіи — при Сѣчи или въ Украинѣ на Днѣпрѣ зимовать и козацкими партіями нападенія чинить въ Ханскую Украину; а ежелибъ россійскія войски нынѣшней осени пришли въ Бендеръ или въ Буджакъ, тобъ великій интересъ получить могли, ибо провіанту и всякого скота и товаровъ превеликое множество.. Совѣтую, лучшебъ теперь неприятеля покорить, нежели продолженіе впредь чинить....

Буджакскій салтанъ отъ везиря съ Дуная прибылъ въ Копанку и, пославъ 4 мурзъ, собиралъ всѣхъ татаръ сюдаже, чтобы идти къ Очакову...»

Сербскій архіерей, это — послѣдній патріархъ сербскій въ Печи (Ипекѣ), Арсеній IV Черноевичъ, послѣ неудачъ австрійцевъ выселившійся, вмѣстѣ съ возставшими, въ Венгрію. Ср. стр. 264, 267, 318.

Ханская Украина — обычное у жителей Бессарабіи того времени названіе для Очаковской Степи, между Бугомъ, моремъ, Днѣстромъ и Ягорлыкомъ. Ср. интересную статью † протоіер. А. Г. Лебединцева: «Ханская Украина», въ Херс. Епарх. Вѣдомостяхъ, 1860, 301—332. Авторъ указываетъ, что этотъ географическій терминъ встрѣтился впервые въ титулѣ Молдавскихъ митрополитовъ второй половины XVIII в., что не упоминается ни въ исторіи, ни въ договорахъ. Но необходимо принять, что названіе «Ханская Украина» было вообще въ употребленіи у сосѣдей, у молдаванъ и русскихъ Бессарабіи, и раньше — въ первой половинѣ того же вѣка.

Копанка, село у Днѣстра, ниже Бендеръ, знаменитое своимъ монастыремъ — Новонямецкая лавра (съ Кицканами).

---

17 дек. 1737 г. получено было письмо отъ Лупула, изъ деревни Орхея (нын. Оргѣева), съ извѣщеніемъ

о готовящемся смѣщеніи визиря, что ханъ съ татарами зимуетъ между Копанкою и Паланкою, а въ январѣ готовится къ вторженію, что «по сей сторонѣ Днѣстра великіе стада лошадиные».

Онъ повторяетъ старый свой совѣтъ — направить козаковъ на Ханскую Украину, «гдѣ деревни татарскія около оной имѣются», на весну итти въ Бендеру, а съ флотомъ тогда же изъ Очакова въ Бѣлгородъ, а крымской стороной — до Кафы и Кале (Өеодосіи и Еникале).

О богатствѣ въ старину южной Бессарабіи или Буджака скотомъ всякаго рода—см. у насъ стр. 232, прим., и письмо Андронакія чрезъ лазутчика Константина, отъ 28 февр. 1737 г. (стр. XXIV). Прибавимъ, что когда въ 1732 г. король польскій Августъ II, пожелавъ образовать у себя полкъ легкой кавалеріи, обратился за мнѣніемъ къ знаменитому Морицу Саксонскому, тотъ указалъ ему на лошадей изъ Буджака «Quant aux chevaux, писалъ Морицъ, v. maj-é peut les avoir fort bons, en les tirant des marchands walaques qui en amènent aux Otakis (= Атаки на Днѣстрѣ) du Bougiac, de la Bessérabie..., qui sont infiniment meilleurs, plus vîtes, plus grands et mieux corsés...» (Hurmuzaki, Docum., v. IX, p. 1, pag. 652).

XXXV

1737 Два письма по-малорусски Филиппа Орлика. 1739. Цесарскій циркуляръ и пр.

1.

12 августа 1737 г. Орликъ, изъ Каушанъ, сердарю Лупулу въ Кишиневъ, собственноручно.

(Сообщивъ о пораженіи калмыковъ и козаковъ изъ арміи Ласи – „Лоссіева отряда“, въ Крыму, Орликъ продолжаетъ):

«...Москва зась, видячи такъ великую всего войска комонного утрату и не ожидаючи до себе въ гости турковъ и татаровъ, оставивши на томъ языку морскомъ околы, забравши всѣ свои арматы и сѣвши въ свои каюки, спѣшно одошли... Итакъ Крымъ зосталъ отъ небезпечного на себе непріятела уволненія...»

(Затѣмъ, объ арміи Миниха):

«....войско барзо въ мизерномъ состояніи; опрочь того, суть многіи и праве непочисленія въ томъ войскѣ хорыи, але и отъ воловъ и отъ коней отпали. Драгонія мало не вся пѣша зостала; возы з провіянтомъ, не маючи чимъ проводити, попалено; хорыхъ, також не маючи и не могучи чимъ везти, по дорозѣ кидаютъ, которыхъ татаре забыраютъ, артилерію всю и военіе припасы въ Очаковъ зложено, для запроваженія онихъ въ суднахъ Днѣпромъ ку Украинѣ, а якъ Очаковъ зоставлено, не можно еще знати.. Третій тому чули (=чили, или) четвертій день якъ мимо Каушани проводили татаре большъ отъ тысячи драгуновъ (!) з коньми ихъ и з оружемъ, которыхъ на коценѣ трави по тамъ той сторонѣ Богу забрали на двохъ мѣйсцахъ а влесне, яко быдло загорнувши, передъ собою погнали. Якъ много тутъ черезъ Каушани проважено и що-денно провадятъ неволника московского; жадного з-межи нихъ не видѣлисмо слушного якого и годного назватися жолнѣремъ человѣка, лечъ всѣ праве хлопцы и такъ мизерніи, же кости тилько а шкура на нихъ зостаетъ».

(Гл. М. А. М. И. Д., Тур. Д., 1737, св. 38/е № 14).

«Языкъ морской» — Арбатская стрѣлка. «Арматы» — пушки. «Богъ» — южный Бугъ.

2.

19 августа 1737 г. тотъ же изъ Каушанъ въ Кишиневъ сердарю Лупулу (а послѣднимъ переслано въ Немировъ).

(Въ началѣ о посылкѣ его, Лупула, писемъ къ французскому послу въ Константинополѣ туда чрезъ де-Ларія,

агента Впльнева въ визирскомъ лагерѣ въ Карталѣ, и удивленіе, что и цесарцы объявили войну туркамъ въ то именно время),

«когда войска московскія — едви з Крыму мусили з великою своею утратою и безчестіемъ уступити, другіе отъ Очакова въ мизерномъ состояніи и з великою руиною въ людехъ, коняхъ и волахъ ку Украинѣ одойти». Орликъ сообщаетъ далѣе, что татаре перехватили у Ингула одного русскаго курьера къ Миниху, у котораго нашли высочайшій указъ къ Миниху —

«абы, всадивши въ суды водніи пѣхоту, послалъ оние въ устье Днѣстровое подъ Акерманъ, а самъ землею з обозомъ тудажъ поспѣшилъ и, взявши Акерманъ, шелъ просто по-надъ Днѣстромъ подъ Бендеръ, котораго добывши старался Днѣстръ опановати...»

(Тамъ-же).

Лупулъ былъ въ трудномъ положеніи: будучи ревностнымъ агентомъ Россіи, онъ долженъ былъ довѣренно пересылаться съ Орликомъ и съ Константинополемъ. Этимъ объясняются предупрежденія другихъ «пріятелей» изъ Бессарабіи — не довѣрять Лупулу.

Каушаны, теперь ничтожное мѣстечко, впрочемъ, славящееся своимъ краснымъ виномъ, тогда, не только столица хана татаръ верхняго Буджака, но и значительный торговый рынокъ: еще въ началѣ нашего столѣтія въ нихъ было 700 торговыхъ помѣщеній.

1739. 7 Jänner, Wien.

Rundschreiben an die Landes-Chefs in Böhmen, Mähren, Schlesien und Glatz, die Entdeckung und Verhaftung des Rakoczý und eines gewissen Orlik betreffend.

«Es will verlauthen, dass des Bekanten Joseph Ragoczý Bruder, nachdeme er jenes Todt-fall vernohmen, auss Frankreich, allwo er sich bieshero aufgehalten, entweichen seýn solle, sonder Zweiffel in der Absicht, denen Türken zum unchrist-und unwürdigen Werckzeug wie der Verstorbene zu dienen.

Nun seýnd zwar sogleich alle Vorsehungen von dem kayserl Bottschafften Fürsten von Lichtenstein beschehen umb ihn unterweegs anhalten zu machen, mit der Vorsichtigkeit jedoch, dass, da die Entweichung noch nicht allerdings verlässlich ist, vor der Zeit kein solches geschreý davon gemacht werde, so zu Critiquen anlass geben dürffte; Zumahlen aber untereinstens anständiger ist überflüssige alz zu weinige Vorsorgen heerunter zu tragen.

Als habe auss Ihro Kaýserl. allerhöchsten Befehl Ewer Excell: hiemit belangen sollen sich mit dem dohrtigen Post-Ambt oder welche auch sonsten unter der Handt zu vernehmen, umb in dem fall, da er durch

Böhmen (Mähren, Schlesien, Glatz) zu denen Türcken sich solle begeben wollen, ihn irgendtswo zu entdecken und anhalten zu machen. Vorbeý ich noch weiters unangemerckt nicht lassen kan, dass der Berühmte Orlick von geburth ein Cosack, so von Franrkeich in denen Pohlnischen Vorfallenheiten öffters gebrauchet worden, den entweichen seýn sollenden Ragoczý völlig dirigiret habe, mithin wohl seýn könte, dass da er deren pohlnischen, Moldauisch-und Tartarischen gränitzen sehr kundig ist, er Orlick ihn unterweegs zu begleiten den Entschluss gefasst hatte. Ewer Excell. werden demnach all-dienliches in dieser gelegenheit vorzukehren belieben. Jch aber verharre...» (подпись).

Настоящая копія въ «Archiv Zemský Královstvi Českého» въ Прагѣ, въ картонѣ соотвѣтствующаго года.

Объ этомъ любопытномъ документѣ сообщилъ въ первый разъ нынѣшній директоръ Архива г. Ф. Дворскій, въ пражскомъ журналѣ: «Slovanský Sborník» 1886, № 1, p. 34.

«Знаменитый козакъ», Ф. Орликъ является съ помощью туркамъ всюду — «нехристіанскимъ и недостойнымъ орудіемъ», лишь только можно что сдѣлать ко вреду Россіи. На стр. 424 мы говорили о соблазнительныхъ польскихъ календаряхъ, привозившихся въ Малороссію изъ Львова. Можно думать, что «злоумышленные пасажи» въ нихъ являлись не безъ участія Орлика. У Соловьева, Ист. Россіи, XX, Приложенія, 4, стр. 468, говорится о подобномъ же календарѣ 1738 г. Станислава Дончевскаго, о сожженіи его въ Глуховѣ. Указалъ самъ Минихъ.

1726. „Баронъ" Орликъ въ Бреславлѣ (Силезія).

Среди мѣстной австрійской аристократіи значился, по сообщеніяхъ оттуда въ чешскую газету въ Прагѣ, и Pán baron z Orlik, иначе, z Orliku (-kû?). Такъ, этотъ «баронъ» всегда участвуетъ въ зимнихъ забавахъ аристократіи, напр. въ торжественномъ катаньѣ по Бреславлю на саняхъ, и всегда онъ въ парѣ съ графиней Котулинской.

(Czeský Postylion, nebožto Noviny Czeské... od K. F. Rosenmüllera», г. 1726, № 7 (16 января), № 14 (письма изъ Бреславля).

Жизнь тогда въ беззаботномъ Бреславлѣ была истинно веселая. Мужъ графини Котулинской, вмѣстѣ съ другими аристократами, горячо поддерживалъ театръ, оперу. Болѣе трезвые современники жаловались,

что даже купцы, стыдясь своего занятія, бросали торговлю и всячески стремились попасть въ дворянство. (См. статью Grünhagen'а о послѣднихъ годахъ владычества Австріи въ Силезіи въ «Zeitschrift für Geschichte Schlesiens», XV B., 1 Heft, 57).

— 30 сент. 1733 г. Красно-Милашевичъ сообщалъ изъ Гамбурга, что въ Килѣ онъ видѣлъ дочь Орлика, что она сообщала, что отецъ живетъ нынѣ въ турецкой землѣ, а мать въ Краковѣ; имѣетъ двухъ братьевъ: одинъ при королѣ французскомъ, другой при Станиславѣ Лещинскомъ, что второй братъ не разъ былъ посылаемъ еще недавно отъ Станислава къ султану турецкому съ письмами, а одно письмо было къ отцу, съ обязательствомъ, что если онъ, Станиславъ, утвердится въ Польшѣ королемъ, то «тогда всеконечно его, Орлика, на Украинѣ, принадлежащей Россійской имперіи, гетманомъ утвердитъ, о чемъ стараться весьма сильною рукою обѣщалъ». Сама Орликова у герцога Голштинскаго «находится въ немаломъ кредитѣ», а ея сестра за-мужемъ за генер. Штевфлихтомъ. (Михайловъ, Сборникъ историч. матеріаловъ, 210).

— Потомки Орлика, этого крупнаго мазепинца, кажется и сейчасъ въ Швеціи. Извѣстенъ современный датскій фольклористъ — Axel Orlik (См. Č. Zíbrt. Literatura kulturně-historická a ethnografická, 1897—1898, I, Praha 1898, № 250).

VII.

Современныя свѣдѣнія о деревнѣ Ставчанахъ (Ставучанахъ), съ чертежомъ урочища Борычи, принадлежащаго къ нимъ.

1.

Свѣдѣнія, собранныя М. В. Пуришкевичемъ изъ дѣлъ Бессарабскаго Губернскаго Присутствія *).

Не Стаучаны, а Ставчаны. Имѣніе Рафаловича, Данкоуцкой волости, Хотинскаго уѣзда. Есть Ставчанскій поселокъ. Въ с. Ставчанахъ мужскаго пола душъ 782 человѣка (по свѣд. 1892 г.). По выкупному акту, совершенному 14 октября 1874 года, имѣніе показано принадлежащимъ Феодору Рафаловичу и досталось ему отъ Матвѣя и Александры Миловыхъ по купчей 16 сентября 1849 года № 203. 1609 дес. 937 к. с. Поселяне получили въ надѣлъ 1004 дес. 1420 саж., 155 семействъ по 6 десятинъ 1154 кв. саж.

*) Эти и послѣдующія свѣдѣнія обязательно мнѣ сообщены, послѣ моего обращенія къ г. Пуришкевичу, съ отдѣльными вопросами о Ставчанахъ.

2.

Глубокоуважаемый
Митрофанъ Васильевичъ!

Согласно Вашему желанію, я потребовалъ изъ архива Консисторіи клировыя Вѣдомости Ставчанской церкви за 1830 годъ и за послѣдніе два года, такъ какъ раньше 1830 года, архиваріусъ говорилъ, что нѣтъ клировыхъ по Ставчанской церкви, и по справкѣ оказалось, что нынѣ существующая Ставчанская церковь построена въ 1854 году, до этой же церкви существовала другая церковь, деревянная, построенная въ 1785 г. Другихъ свѣдѣній, археологическихъ или историческихъ, въ тѣхъ документахъ я не нашелъ, да и быть не могутъ, такъ какъ клировыя Вѣдомости пишутся у насъ по опредѣленной программѣ.

Извините великодушно за то, что я не успѣлъ раньше отвѣтить Вамъ на Ваше прелюбезное письмо, по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь Вашъ покорный слуга
Протоіерей Георгій Дынга.

26 мая 1897 г. (Кишиневъ).

3.

Милостивый Государь
Митрофанъ Васильевичъ!

Извините пожалуйста, что я такъ замедлилъ съ отвѣтомъ на письмо Ваше; причиной этому были праздники Пасхи и нѣкоторыя мои домашнія обстоятельства. Сообщая теперь свѣдѣнія о с. Ставчанахъ, считаю необходимымъ указать источники, откуда они позаимствованы Свѣдѣнія о топографическомъ положеніи мнѣ лично извѣстны, такъ какъ я былъ нѣсколько разъ въ этомъ селѣ; свѣдѣнія о числѣ населенія взяты изъ имѣющихся у меня данныхъ; кромѣ того я распрашивалъ нѣсколькихъ мѣстныхъ крестьянъ-старожиловъ, нѣтъ ли между ними воспоминаній о битвѣ, происшедшей возлѣ села; но этихъ воспоминаній нѣтъ. Есть преданія о владычествѣ турокъ въ Бессарабіи и даже иногда интересныя, но въ данномъ случаѣ они ненужны. Что касается мѣстной церкви, я обратился съ письмомъ къ мѣстному священнику; но за выѣздомъ его на продолжительное время, по болѣзни, могу лишь сообщить, что церковь не стара, такъ какъ отвѣта на мое письмо не получилъ.

С. Ставчаны (называютъ и Стаучаны) Данкоуцкой волости находится въ болотистой мѣстности («мочары», «ставки», откуда по всей вѣроятности произошло и самое названіе села) на безъимянномъ ручьѣ, протекающемъ черезъ село съ востока на западъ и впадающемъ въ прудъ, расположенный на концѣ села съ западной стороны; ручей этотъ во время засухи

совсѣмъ высыхаетъ, длиной онъ около 1½ версты. Кромѣ того на Ставчанскихъ поляхъ есть еще нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ тотъ-же прудъ, именно съ ю.-з. ручей «Гутыло», съ с.-з. «Дереловка» и с.-в. «Поморосъ», такъ что с. Ставчаны и прудъ вмѣстѣ взятые представляютъ изъ себя продолговатую ложбину, окруженную буграми.

С. Ставчаны принадлежитъ въ настоящее время Высочайше утвержденному Зарожанскому промышленному обществу, къ которому перешло въ 1892 г. отъ б. владѣльца Аркадія Рафаловича; природнымъ же владѣльцемъ села былъ ранѣе какой то румынско-подданный, фамилія котораго осталась неизвѣстной. (Милловы)

Населенія въ с. Ставчанахъ числится 770 мужчинъ и 750 женщинъ —всего 1520 душъ, изъ того числа 1355 мѣстныхъ поселянъ, 70 д. евреевъ, а остальные иностранцы (австрійско-и прусско-подданные), проживающіе тутъ по большей части какъ рабочіе при винокуренномъ заводѣ и паровой мельницѣ.

Воспоминаній о битвѣ съ турками въ 1739 г. между мѣстнымъ населеніемъ не сохранилось; но еще довольно живы воспоминанія о турецкомъ владычествѣ. Какъ надо полагать, битва 1739 г. произошла не на самомъ мѣстѣ нынѣшняго нахожденія села, а въ верстахъ 4—5 отъ него, въ урочищѣ называемомъ «Борычъ». Мѣстность эта представляетъ изъ себя пространную ложбину и по преданію тутъ находилось турецкое поселеніе того же имени; въ настоящее время тутъ находятся пахотныя поселянскія поля, при распахиваніи которыхъ добывается масса камня, кирпича, костей, обломковъ пушечныхъ ядеръ и оружія, затѣмъ на глубинѣ ½ — 1 аршина остатки фундаментовъ и нѣсколько на сторонѣ — кладбища.

Изъ остатковъ слѣдовъ пребыванія турокъ остался въ этой мѣстности одинъ колодязь и гать, называемая мѣстными жителями «татарская гребля».

О чемъ честь имѣю сообщить Вамъ, Милостивый Государь Митрофанъ Васильевичъ, докладывая, что въ случаѣ полученія письма отъ священника съ какими нибудь интересными свѣдѣніями о мѣстной церкви, таковое будетъ послано Вамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой

С. Гилевичъ *).

1897 г. 5 мая.
С. Грушевцы.

Хотинъ достался Молдавіи въ половинѣ XV в.: въ 1454 г. его получилъ господарь Петръ, въ обмѣнъ на Серетъ, который онъ отдалъ матери своей Маріи, теткѣ короля Казимира польскаго. (Hurmuzaki, Docum., v. II, part. 2, p. 668). Но городъ чрезъ немного десятковъ лѣтъ перешелъ во

---

*) Земскій начальникъ, мѣстный землевладѣлецъ.

ПЛАНЪ
урочища „Борычи", составляющаго часть пахатныхъ крестьянскихъ земель села Ставчанъ, вошедшихъ въ надѣлъ. Въ означенномъ участкѣ состоитъ земли 209⅓ десятинъ.
Планъ составленъ волостнымъ писаремъ въ Данкоуцахъ Феодоромъ Семеновымъ въ 1897 году.
Условные знаки:
Границы.
Дороги.
Холмы.
Мосты.
Ручьи.
С.
З.
В.
Ю.
с. Ставчанъ

владѣніе турокъ, которые для лучшаго утвержденія своей власти начали въ округѣ Хотина колонизовать татаръ. Еще гетманъ Замойскій, оправдывая свое вторженіе въ Молдавію, за Прутъ, въ 1595 г., писалъ изъ Цецоръ, что это онъ сдѣлалъ, чтобы Турція «ne in eam (въ землю около Хотина) pro christianis colonos Turcas induceret ac loca muniret». (Hurmuzaki, Docum., Supl. II, vol. I, № 178). Но татаре Хотина выводились турками не изъ-подъ Аккермана, а изъ Литвы, и назывались липканами. «Татарская гребля», это гать, сдѣланная липканами. Мы видѣли, въ походъ Миниха за Прутъ въ августѣ 1739 г. липканскія колоніи усердно сжигались: ихъ было довольно. Если всей раіи, т. е. христіанскаго населенія Молдавіи, въ XVIII стол. было по нашему счету, около 200 тыс. (стр. 488, прим.), по счету изв. турецкаго поэта изъ Хотина — 150 тысячъ, то процентъ липканъ былъ довольно значительный, и нѣсколько понятно, почему самый Хотинъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ культурнымъ пунктомъ турецкой образованности. Мы слышали гореваніе того же поэта о гибели богатой турецкой библіотеки въ Хотинѣ, послѣ взятія его Минихомъ. Къ слову о той библіотекѣ прибавимъ, что, послѣ паденія и осужденія въ 1742 г. гр. Остермана, книги и рукописи его библіотеки были переданы въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ (въ 1744 г.). Любопытно, что въ числѣ ихъ было 68 номеровъ книгъ и рукописей на арабскомъ языкѣ и 1—на турецкомъ. (С. Бѣлокуровъ, О библіотекѣ Московскихъ Государей, М. 1899, 90). Нельзя не спросить: не было ли кое-чего здѣсь изъ расхищенной хотинской библіотеки?

VIII.

Очаковскій штурмъ 1737 г. въ сербской пѣсни и иные отголоски событій того времени.

(Вук Ст. Караджић: Српске народне пјесме, кн. III, № 88).

(ПЕРЕВОДЪ).

Босняки противъ Москвы.

Полетѣли два черныхъ ворона отъ Очакова, изъ-подъ Московіи. У нихъ крылья окровавлены до плечъ, а клювы — до глазъ. Три-четыре земли перелетѣли: Молдавію, Валахію, Албанію и Румелію, и летѣли на Герцеговину; наконецъ, долетѣли до ровнаго Загорья.

Вьются вороны два-три часа; не опустились они ни на чьи дворы, гдѣ бы могли хоть нѣсколько отдохнуть, а только на башню Бекиръпаши Ченгича. Спустившись, оба каркнули и внизъ стѣны опустили крылья: окровавленныя перья полетѣли изъ нихъ и попали на стеклянное окно, а вѣтеръ отнесъ ихъ въ комнату къ хозяйкѣ.

Замѣтила она это недоброе знаменіе, вышла къ бѣлой башнѣ, взглянула вверхъ и, увидѣвъ двухъ вороновъ черныхъ, вступила съ ними въ бесѣду:

«Отъ Бога братья, двѣ птицы—во́рона! На васъ странныя примѣты: у васъ крылья окровавлены до плечъ, клювы—до глазъ. Чьей-же это вы крови испили? Откуда вы такъ быстро поднялись—не оттуда-ли вы, изъ того нижняго края, отъ Очакова, изъ-подъ Московіи? Видѣли-ли вы тамъ сильное турецкое войско, а съ нимъ моего Бекира-пашу, его брата Гасанъ-бега, моего сына Османа-бега, племянника Саку Смаила-агу, нашего Омера-плясуна, стараго Дрнду знаменщика и прочихъ турецкихъ начальниковъ? Здорово-ли, бодро-ли войско? Рѣзвятся-ли кони подъ молодцами, развиваются-ли знамена при разводахъ, злы-ли турки, какъ волки? Паша мой уже сераскиромъ и отправляетъ-ли онъ дружины въ горы? Приводятъ-ли онѣ ему плѣнниковъ? Довольно-ли уже русскихъ въ тюрьмѣ, а около него русскихъ рабынь? Слышится-ли вопль русскихъ въ тюрьмѣ, забавляютъ-ли его русскія рабыни? Пріобрѣлъ-ли онъ что нибудь и для меня, приведетъ онъ ко мнѣ рабовъ московскихъ, которые будутъ служить мнѣ вѣрно? Подѣлили-ли турки добычу, дали-ли моему пашѣ начальство? Идетъ-ли уже паша домой и когда прійдетъ, чтобы могла я его встрѣтить»?

Отвѣчаютъ ей два черные во́рона:

«Сестра наша, нашина жена! Рады бы сказать тебѣ что̀ доброе, да —мало видѣли мы добраго; но скажемъ все, какъ мы видѣли.

Мы только что были у Очакова и видѣли тамъ все, о чемъ ты насъ разспрашиваешь.

Войско было здорово и бодро; кони рѣзвились подъ молодцами, знамена развивались при разводахъ, а турки злы были, какъ волки; паша твой сераскиромъ сталъ и отправлялъ дружины въ горы, а тѣ приводили ему плѣнныхъ; довольно русскихъ въ тюрьмѣ, а у паши—красивыхъ русскихъ рабынь; визжали русскіе въ тюрьмѣ, а русскія рабыни играли за неволю, какъ бы по доброй волѣ; у твоего паши семь рабынь, у сына твоего Османа три красивыхъ рабыни, а у тѣхъ у плясуновъ—у кого по двѣ, у кого по четыре».

Тогда сказала жена Бекира-паши: «вы, два ворона, отъ Бога два брата! оба вы стоите бакшиша», и пошла принести бакшишъ. Но говорятъ ей два черныхъ ворона:

«Остановись, хозяйка; далѣе идутъ бѣды. Пріобрѣлъ было и для тебя паша; но дьяволъ не далъ ему сберечь. Онъ отправился было далеко въ Россію, а когда это увидѣла Московская королева, по имени государыня Елисавета, она подвела подъ турокъ мины и заманила тѣхъ на нихъ; когда же подожгла мины — полетѣли турки подъ небеса: только на третій день они упали съ неба».

Говоритъ тогда жена Бекира-паши: «о, два ворона, великое горе»!

«Хозяйка наша, еще тутъ горя нѣтъ: теперь только мы скажемъ тебѣ и про горе. Что осталось послѣ того турокъ, на нихъ направила Московская королева шесть сотъ тысячъ всадниковъ, все солдаты въ грозной бронѣ, и они приперли турокъ къ Очакову. Тутъ и погибло турецкое

войско: 12 великихъ визиря, 8 меньшихъ, двухбунчужныхъ пашей и 80 беговъ изъ Босны».

Опять заговорила жена Бекира-паши: «о, два ворона, великое горе».

«Хозяйка наша, еще тутъ горя нѣтъ: теперь только мы скажемъ тебѣ и про горе. Твоего пашу и твоего сына Османа взяли русскіе живьемъ и отвели въ свою орду. Но твой паша нашелъ тамъ пріятеля, пріятеля изъ Герцеговины, по имени Савву Черноевича Не по вкусу было пашѣ, когда Савва сталъ ему говорить: «стой, мерзавецъ, Бекиръ-паша! Ты погубилъ моихъ пять братьевъ; больно ты меня задѣлъ за сердце, отобравъ у меня и землю и вотчины, мою землю въ Герцеговинѣ. Гдѣ моя земля и вотчины? Гдѣ мои волы-кормильцы, мои кони-богатыри, тысячи моихъ овецъ? Гдѣ мои пятеро братьевъ? Все это ты, мерзавецъ, у меня отнялъ, да и меня хотѣлъ убить; но я убѣжалъ въ Московскую землю». Паша хотѣлъ было оправдываться; но Савва не далъ ему говорить — махнулъ мечемъ и отсѣкъ ему голову. Хотѣлъ было Савва прикончить и съ твоимъ Османомъ-бегомъ; но не позволили московскіе бояре: «не смѣй, б р а т к о, Савва Черноевичъ; Османъ еще ребенокъ — глупъ и малъ; онъ долженъ выучиться нашей грамотѣ». Тогда Османъ былъ окрещенъ, выучился московской грамотѣ и уже теперь у тебя монахомъ».

Когда услышала это жена Бекира-паши, отъ горя упала на черную землю: упала ницъ, а болѣе не встала.

Озиjа, Озія сербская передѣлка турецкаго названія Очакова — Озу. Въ изв. Сербскомъ Словарѣ Вука Караджича, въ первомъ изданіи (1818 г.), слово оставлено безъ объясненія, и только приведены первыя двѣ строки изъ нашей пѣсни; но во второмъ изданіи — правильно указано: см. О д ж а к о в, т. е. Очаковъ; только самое слово въ Словарѣ отсутствуетъ.

Бекеръ-паша, въ пѣсни по-тур. Б е к и р ъ - п а ш а—командиръ именно босняковъ—«лучшаго войска—босняцкаго» («были сами собою люди человѣчные, рослые, молодые, оружье, кони хороши»), расположеннаго въ началѣ 1737 года около Кишинева, въ авангардѣ, упоминается въ письмѣ Андронакія изъ Сорокъ, см. у насъ, Приложенія, стр. XXV. Весьма вѣроятно, что корпусъ босняковъ Бекера-паши весной 1737 года переведенъ былъ изъ-подъ Кишинева въ Очаковъ. Герой пѣсни — лицо историческое, съ сохраненіемъ даже его имени въ народной памяти.

Черноевичъ или Црноевичъ — старогосподарская, княжеская фамилія въ Черногоріи. Что касается имени Саввы, то не вспоминается ли въ пѣсни Савва Владиславлевичъ Рагузинскій, изв. дѣлецъ при Петрѣ Великомъ и позже? Онъ былъ выходецъ изъ Герцеговины и помнится другою пѣснью, подъ именемъ В л а й с а в л е в и ч а, см. далѣе.

Мы оставили слово «братко», слово, невозможное для русскаго языка, но слово и несербское. Но, по объясненію Вука, пѣвецъ нашей пѣсни нарочно употребилъ слово «братко», что именно-де такъ говорятъ русскіе. «Братко», это отголосокъ нашего «братецъ»? Изъ-подъ Очакова какимъ босякомъ сербомъ принесено, спасшимся послѣ миниховскаго

штурма въ 1737 году? Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, появленіе самой пѣсни можно пріурочить ко времени сейчасъ послѣ нашей войны съ Турціей 1735—1739 г.

Въ слѣдующей, № 80, пѣсни той-же III книги Вука: Фоча и фочанки' также глухой отголосокъ изъ эпохи Очаковскаго штурма. Содержаніе — разспросы русскихъ генераловъ у плѣннаго Хасана-паши, выпущеннаго, по случаю праздника Пасхи, изъ тюрьмы, о его родныхъ странахъ — Боснѣ и Герцеговинѣ. Генераламъ особенно полюбилась герцеговинская Фоча и ея дѣвицы, и они обращаются къ стоявшему тутъ же капитану Ивану Влайсавлевичю съ просьбой — вести ихъ на Фочу и взять въ плѣнъ прелестныхъ фочанокъ. Но капитанъ, опровергая лукаваго Хасана-пашу, останавливаетъ тѣхъ: «глупы вы, — Фочу не такъ легко взять, какъ говоритъ Хасанъ».

Влайсавлевичь, несомнѣнно, Владиславлевичь; какъ будто воспоминаніе объ указанномъ Саввѣ Владиславлевичѣ. У Саввы былъ еще племянникъ, графъ Гаврило Владиславлевичъ, въ 30-хъ годахъ прошл. столѣтія уже большой баринъ (См. Дневникъ Ник. Ханенки, въ Кіевской Старинѣ, 1881, апрѣль, 21). Замѣтимъ, что Ахья-паша, очаковскій плѣнникъ, былъ въ 40 годахъ пашею въ Бѣлградѣ сербскомъ.

Императрица Анна, «русиска», «русійска» или «московска кралица», но обыкновенно подъ именемъ Елисавы, т. е. имп. Елисаветы Петровны, является въ другихъ пѣсняхъ сербовъ ихъ покровительницей, мощною охраной ихъ въ Турціи. Такъ въ пѣсни: «Починка монастыря Раваницы» (Петрановић, Српске народне песме из Босне и Херцеговине, №№ 47 и 48), говоритъ сербъ: «если бы не было у насъ славной государыни, то и солнце бы насъ не огрѣвало, подъ туркомъ, подъ царемъ Османовичемъ» (стран. 571). Получивъ прошеніе отъ сербовъ о разрушеніи турками монастырей, царица спрашиваетъ своихъ генераловъ, какъ помочь имъ? Одинъ изъ генераловъ подаетъ совѣтъ: «пусть султанъ или починитъ Раваницу или пусть собираетъ противъ тебя войска — отъ Герцеговины до татарскаго Буджака, отъ Адріанополя до Меки и Медины. Я же поведу русскую армію до воротъ Стамбула, возьму престолъ и самый Стамбулъ, позолочу сначала Св. Софію, а затѣмъ уже починю и Раваницу на счетъ султана» (стр. 595).

Слова этого русскаго генерала, Петра, какъ онъ называется въ пѣсни, нѣсколько припоминаютъ намъ гордыя обѣщанія Миниха въ началѣ войны 1735—39 годовъ — что онъ легко покоритъ татаръ Буджака, Молдавію и Валахію, затѣмъ знамена русскія въ Стамбулѣ, и въ Св. Софіи императрица вѣнчается (ср. у насъ, стр. 130—131). Но въ имени генерала какъ-будто слышится воспоминаніе о Петрѣ Великомъ.

Но возвращаемся къ пѣсни.

Султанъ весь въ ужасѣ, получивъ запросъ кралицы. «Когда, сказалъ онъ, русская царица начнетъ воевать, то не останется и стамбульскихъ воротъ: я съ русскими теперь воевать не смѣю» (стр. 597—598).

Здѣсь сербская пѣснь согласна съ Вѣшняковымъ, твердившимъ, что противъ султана достаточно, «единое страшаніе силъ вашего величества», и съ кишиневцемъ Лупуломъ, доносившемъ постоянно о «толикомъ страхѣ» среди лучшаго войска — среди босняковъ Бекера-паши, что всѣ они «весьма испужались», въ «пребезмѣрной слабости».

Особенно оригинально опасеніе турокъ предъ объявившемся могуществомъ, военнымъ и политическимъ, Россіи, предъ могуществомъ «Московской кралицы», сказалось въ своеобразной пѣсни сербовъ-босняковъ, этихъ, дѣйствительно, главныхъ защитниковъ султана (это именно въ пѣсни) на всѣхъ поляхъ битвы въ войну 1735—1739 годовъ, посвященной небывалой политической дѣятельности извѣстнаго намъ Ракоци. Ракоци, это горячо лелѣемое Портою дѣтище противъ Австріи, представляется покорнымъ сыномъ русской «кралицы» (она уже называется Милицей) противъ Порты, орудіемъ ея, по рѣшенному у ней вопросу изгнанія турокъ изъ Европы — въ ихъ отчизну — Мекку и Медину, горячимъ посредникомъ между нею и остальными монархами Европы по образованію общаго противъ турокъ альянца. Онъ самого цесаря увѣщеваетъ—не страшиться турокъ и идти на нихъ съ русскими. Мы помнимъ, что имп. Карлъ въ своемъ манифестѣ, въ іюнѣ 1737 г., называлъ Россію — «самой надежной плотиной», «самымъ мощнымъ брустверомъ» противъ турокъ (см. стр. 260). Прибавимъ, что въ этой же пѣсни уже памятуется не Москва (Москва, это - Россія, какъ у турокъ), а «Петровъ-Градъ», «Петрисбургъ», съ его «каменными гостинницами» («камене мејхане») и 30 «башнями». Здѣсь одновременно сказалось и сознаніе о новомъ значеніи Россіи, ея могущества, и о новомъ значеніи Австріи — ея слабости.

Громадная (1720 стиховъ) пѣснь о Ракоци, подъ заглавіемъ: «Джананъ-булюкъ-паша и Ракоци», помѣщена въ изв. собраніи К. Гёрмана (Hörmann), Narodne pjesme muhamedovaca u Bosni i Herzegovini, I, Сараево, 1888, стр. 25—68.

Своимъ содержаніемъ она какъ будто падаетъ въ эпоху владычества турокъ въ Венгріи, въ Темешварскомъ банатѣ, слѣд., до Пожаревацкаго мира 1718 года. Но главное, небывалое, дѣйствіе и главное дѣйствующее лицо — могущественная императрица Россіи, но всеже побѣжденная храбрыми боснявами, относятъ появленіе этой пѣсни ко времени послѣ нашей знаменитой войны 1735—1739 годовъ.

Райя, т. е. подданные султана, въ Трансильваніи, королевствѣ Ракоци, жалуются пашамъ въ Темешварѣ на насилія отъ него: «одна райя, а два господина; жить намъ такъ нельзя».

Паши, въ испугѣ, обѣщаютъ, что если Ракоци не прекратитъ насилій, то султанъ «разлучитъ его съ его королевствомъ», и сейчасъ же грозятъ

ему, что они его схватятъ и бросятъ или въ Синее море, или въ тюрьму на вѣкъ. Но Ракоци отвѣчалъ: «не боюсь я теперь ни султана, ни васъ; я подыму на султана самую могущественную королеву — королеву Россіи, Милицу, вмѣстѣ съ райей возьму Темешваръ, Тулчу, Браиловъ, Бендеры, Хотинъ, Очаковъ, а все это ключи отъ Стамбула, изъ Букарешта перейду за Дунай и пойду на вашего Османа. Лучше бы ему поскорѣй бѣжать изъ Стамбула въ свою землю, въ Аравію, въ Мекку и Медину, откуда и вышли турки, и гдѣ ихъ отчина; а Стамбулъ — моя отчина» *).

Подошла весна и Ракоци отправляется къ «Московской кралицѣ», съ жалобой. «Матушка наша, говоритъ онъ ей; турки потуречили или перебили всѣхъ, отъ Стамбула до Буда-Пешта. Теперь какъ-разъ пора, милая наша матушка, воевать турка и воротить нашу землю; я привлеку въ союзъ и цесаря и королей Франціи, Англіи, Италіи, Германіи; выгонимъ турка изъ Европы и обновимъ старыя царства».

«Сынъ мой, король Ракоци, отвѣчала Милица; выгонимъ турка изъ Европы, но пойди ты за союзниками».

И вотъ, Ракоци въ Вѣнѣ. Но цесарь труситъ: «боюсь турка—и Вѣну погублю и себя». Ракоци успокаиваетъ, что идетъ на турка и Милица, и вся Европа, а «мира никогда у насъ не будетъ, пока турокъ сидитъ въ Европѣ».

Всѣ короли послушались Милицы и Ракоци и, съ Милицей во главѣ, двинулись подъ Темешваръ. Потребовали сдачи крѣпости. Паши выпросили повременить на мѣсяцъ и дали знать въ Стамбулъ.

Военный совѣтъ у султана, и рѣшили вручить диктаторскую власть престарѣлому ходжѣ-Кюпрюлию. Тотъ открываетъ общую измѣну въ столицѣ, гдѣ уже ждали Милицу, перебиваетъ всѣхъ: пашей, шейхъ-ислама, «гологлавыхъ» православныхъ монаховъ, даже самое мать султана, и затѣмъ уже подымаетъ всѣхъ: крымскаго хана, туниcкаго шаха, египетскаго, албанцевъ, босняковъ — спасать Турцію.

Въ Босніи, гдѣ — «po izbor junaka», идетъ поголовное ополченіе, подъ «зеленымъ знаменемъ», т. е. самого Пророка. У Видина босняки переходятъ Дунай и вступаютъ въ область недоступныхъ горъ Маша (Мехадія). Нѣтъ дороги, идутъ три дня. Они уже полны тревоги, и одинъ изъ босняковъ даже запѣлъ:

«Простите, матери, невѣсты;
Оженимся мы тамъ, на Орловомъ полѣ,
Съ черною землею, съ зеленою травою».

Наконецъ, всѣ турки въ сборѣ и сейчасъ же военный совѣтъ: «легко бы было установить планъ аттаки на королей, если бы не было тамъ Московской королевы и ея грознаго войска», говорили паши. Но выручаютъ босняки: они предлагаютъ себя — ударить на русскихъ, а турки уже на тѣхъ королей.

*) Эти послѣднія слова — въ нѣкоторомъ смыслѣ перифраза изв. угрозы въ манифестѣ Петра Великаго въ 1711 году — о „пескахъ аравійскихъ“.

Совѣтъ принятъ. Въ ночной аттакѣ босняковъ русскіе смѣшались и, въ темнотѣ неузнанные, встрѣчены были огнемъ своихъ же — «королей»: сама Милица побѣжала — «говорятъ, по пути къ своему Петербургу»; но тѣ короли были разбиты и всѣ захвачены въ плѣнъ живьемъ.

Общій восторгъ и превознесеніе ума, храбрости босняковъ.

Конечно, въ миѳической побѣдѣ у Темешвара надъ самой могущественной Милицей, русской императрицей, ярко звучитъ мѣстный патріотизмъ босняковъ, самопрославленіе. Но, отбросивши въ сторону досужія измышленія и своеобразное представленіе о политическихъ отношеніяхъ въ Европѣ въ прошломъ столѣтіи, мы видимъ, что въ этой пѣсни слилось въ одну путанную картину темныя воспоминанія о главной цѣли войны 1735—1739 годовъ — раздѣла, а, пожалуй, изгнанія турокъ изъ Европы, и воспоминанія объ успѣхахъ турокъ на разныхъ пунктахъ боевыхъ дѣйствій и разнаго времени, въ эпоху той войны: и спѣшное отступленіе австрійцевъ чрезъ Мехадію подъ Темешваръ въ 1738 году, и разносъ ихъ подъ Гроцькой въ іюлѣ 1739 г., и тяжелое ретирада отъ берега Днѣстра, въ 1738 году, самого Миниха.. Но чрезъ цѣлую пѣснь звучитъ одна нота: для Стамбула опасно одно государство, опасно своимъ могуществомъ — Россія; Австрія-же — ничто.

О могуществѣ Россіи ср. еще другія пѣсни въ собраніи Германа: «Царь Сулейманъ беретъ Будинъ» (когда Султанъ осадилъ Будинъ, то цесарь молитъ «краля Московскаго»—спасать его, I т., стр 143, 165, сл.); Филипъ-генералъ (Шереметовичь, т. е. Шереметевъ, Шереметъ-оглу, желаетъ овладѣть Меккой и Мединой). тамъ-же, стр. 197. Отмѣтимъ и во 2 томѣ № 63: «Взятія въ плѣнъ Ракоція-бана». Ракоци врагъ-де турокъ. Сюда же и пѣсни у Вука: о царицѣ Елисаветѣ и др.

Какъ палъ, наоборотъ, престижъ цесаря, Австріи, въ глазахъ сербовъ, видно уже изъ той боснійской пѣсни о Ракоци. Но можно еще указать на оригинальныя мѣста въ собраніи Петрановичя №№ 55 и 56, исполненныя дурнаго чувства къ цесарю, окруженнаго злою нѣмецкой камарильей, «њемаЂија льута» (стихъ 26 № 56), но вообще вѣрныя въ ихъ общемъ представленіи о старой Австріи, какъ о «варалицѣ», т. е. только проводящей сербовъ, подобно всѣмъ католикамъ: «латини, говоритъ пѣснь, су варалице (обманщики) старе» (стихъ 337 № 56). Мы видѣли, «сербская область, вся (говоря словами Лупула) подклонилась цесарю» въ 1737 году. А вышло что?..

Дополненіе къ стр. XXVI, къ исторіи Кишинева. Оригин. грамота воеводы Петра о продажѣ села Кишинеул, 25 апрѣля 1576 г. (въ Кишиневской Думѣ, на бум., полууставъ, въ 15 строкъ); изъ-подъ титла выведено:

— І. Петръ воевода бжію мл̃стію гсп̃дръ земли мѡлдвской ѡж пріиде пред нами и прѣд нашими болѣри. васутка дочка марики. внука ерими бившіи вистѣрникъ що сѣ именовала по мнишескіи чинъ евлогіе. прѣуночата вланкула. по еи доброю волю некимъ непонуждена а ни присилована и продала свою правою ѡтчину и дѣдину едно село на имѣ кишинеул на быку у волост лапушнюю и съ млини у быку и с привиліе на потврѫденіе: що имал прѣдѣда еи вланкулъ отъ стараго стефана воевод. та продала слузѣ нашему дрыгуш бившіи урядник у ясохъ. за петсот злат татарских. и оставшисъ слуга наш дрыгуш и заплатил въси исполна тихъ выш писанних пнѣзи ф злат татарских. у руки васутки дочки марики унуки ерими вистѣрника прѣуночати вланкула. прѣд нами и прѣд нашими болѣри. и тотъ урик що она имала еще дала его въ руки слузѣ нашему дрыгушу от прѣд нами и от прѣд нашего совѣта. ино мы видѣвше их доброю волю томеж и полною заплату. и мы також дали и потврѫдили есми слузѣ нашему дрыгушу тое предреченое село. како да ест ему и от нас отчину и викупленіе и съ въсем доходом. ни да сѣ не умишаетъ прѣд сим листом нашим.

пис. у яс. въ лто ЗПД апр. КЕ.

гсднъ реч. (Сл. печати.) вел логофет у никла брълыдын

— Въ XVII стол., воевода Василій село Кишиневъ (нын. пригородъ его—Буюканы, несомнѣнно, изъ тѣхъ же кишлъ татаръ: тур. буюк-малый) прѣклонилъ святогробскому монастырю Св. Петки въ Яссахъ. Открылись споры о межахъ между монахами и сосѣдними селами; 25 апр. 1739 г. эта грамота была переведена по-молдавски, а 24 января госп. Гр. Гика приказалъ новое обмежеваніе границъ Кишинева для монаховъ. Но Кишиневъ, бывшій уже торговымъ городомъ, съ лавками, погребами и евреями, и въ томъ же 1739 году сильно пострадавшій при появленіи Мниха въ сѣв. Бессарабіи (во время «смутъ», при приходѣ русскихъ подъ Хотинъ— «кынд ау венут москале ла Хотин», всѣ дома жителей погорѣли, указывается въ современномъ молдавскомъ документѣ), еще менѣе желалъ слушаться святогробскихъ монаховъ и утверждалъ, что онъ—мѣсто «господарское», а не подъ монахами; но опять тяжбу проигралъ, и тотъ же «Іѡ. Григорее Гика воевод бж мл̃ст гсп̃дръ Земли Молдовской», грамотой 1748 г., утвердилъ права монаховъ. (Изъ документовъ въ той же Кишин. Думѣ).

УКАЗАТЕЛЬ
личныхъ именъ.

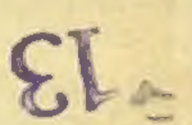
*) Пропущенъ въ нав. Біографическомъ Словарѣ Wurzbach'а.

Опечатки и дополненія.

Стр.	*Строка.*	*Надо:*
68,	8:	изъ которыхъ одно...
69,	4:	Мы знаемъ...
108,	3 сн.:	contr' i Russi biasimando il...
130,	13:	gemunt
154,	4:	уже какъ-бы...
232,	4:	за Днѣстръ
371.	11 сн.:	Остерманъ тоже
382,	3 сн.:	т. 86
410,	5:	...писалъ онъ Неплюеву
432,	1 сн.:	267; указы Миниху — у пр. Уляницкаго, Очерки дипл. исторіи Восточ. Вопроса, 61, XVI.
475,	5 сн.:	...VII.
484,	4 сн.:	...законовъ, уже нач. XIX стол.

XXXI, о молд. исправникахъ, дополнить:

Въ 1813 г. первый нашъ губернаторъ Бессарабіи, генер. Гартингъ, доносилъ объ исправникахъ, „....Исправники, сіи гонители такъ равнодушны, какъ сами они безчеловѣчны и жестоки, полагаютъ, что низшій классъ народа кромѣ презрѣнія отъ высшихъ ничего не заслуживаетъ, и что бѣдные поселяне родились и умирать должны въ порабощеніи и угнетеніи, а бояры, располагая ихъ судьбами — торжествовать". (Записки Бессар. Стат. Комитета, III, стр. 137).



2007059255